This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

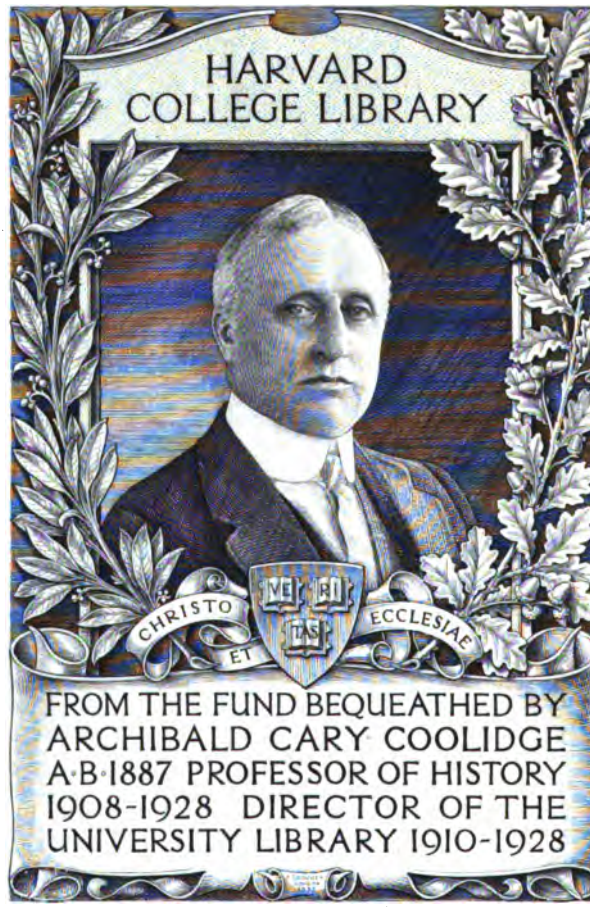
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PSlav 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
VE
RI
TAS
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1894.

Printed in USSR

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

I. АНФИСА ГОРДѢЕВНА. (Изъ «Сказокъ дѣйствительности»).—Вас. И. Немировича-Данченко 1

II. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Окончаніе*. 41

III. РАЗСКАЗЫ КСТАТИ. (Изъ литературныхъ воспоминаній). Дама и фёфела.—Н. С. Лѣскова 72

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—М. М. Гербановскаго 110

V. СТАТИСТИКА ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Разсказъ).—О. Забытаго. . . 111

VI. МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ. Романъ Альфонса Доде. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. *Продолженіе*. 136

VII. ОДИНОЧЕСТВО. (Разсказъ).—Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. . . 172

VIII. ГЕЛЬМГОЛЬТЦЪ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЗИКА.—А. Г. Столѣтова. 1

IX. ГЕРМАНЪ Ф.-ГЕЛЬМГОЛЬТЦЪ, КАКЪ ФИЗІОЛОГЪ. — И. М. Сѣченова 28

X. РАБОЧІЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ. *Окончаніе*.—В. И. Семевскаго. . 38

XI. ЗАМѢТКИ О НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.—А. А. Исаева. 87

XII. ЯПОНІЯ, ЕЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ СТРОЙ. *Окончаніе*.—Л. А. Кириллова. . . . 113

XIII. ПСИХОЛОГІЯ «ПРЕСТУПНОЙ» ТОЛПЫ.—И. Д—ова. . . . 130

XIV. МОСКВА-САМАРКАНДЪ. *Окончаніе*.—В. Д. Соколова. . . . 159

XV ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—О. Т. В. 187

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . . 202

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 229

Вышла новая книга:

„Повѣсти и Разсказы“

Элизы Ожешковой.

(Сѣренькая идиллія.— Сильный Самсонъ.— Хамъ.—Подвижница).

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, при редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., домъ № 2—24).

ЖЕЛАЮЩІЕ ПОДПИСАТЬСЯ ВЪ РАЗСРОЧКУ

(отъ 3-хъ руб. въ мѣсяцъ)

НА

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ“

БРОКГАУЗА и ЕФРОНА,

подъ редакціей К. К. Арсеньева и проф. Ѳ. О. Петрушевскаго, при участіи редакторовъ отдѣловъ: проф. А. Н. Бекетова, С. А. Венгерова, проф. А. И. Воейкова, проф. Н. И. Карѣева, проф. Д. И. Менделѣева, пр. В. Т. Собичевскаго, В. С. Соловьева и проф. П. Ѳ. Соловьева, благоволятъ сдѣлать заявленіе съ указаніемъ подробнаго адреса въ редакцію или въ книжный магазинъ „РУССКОЙ МЫСЛИ“, Москва, уголъ Леонтьевскаго и Б. Никитской, № 2—24.

Одновременно выдается 20 первыхъ полутомовъ.

По соглашенію редакціи

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

И РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

РУССКАЯ МЫСЛЬ,

въ книжномъ магазинѣ журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ В. М. Лаврова принимается подписка на

Настольный Энциклопедическій Словарь

изд. Т-ва А. Гранатъ и К°.

Настольный энциклопедическій Словарь сост. всего 8 томовъ, 105—115 выпусковъ (10500 столбцовъ убористой печати).

Въ настоящее время вышло 6 томовъ и 7 выпусковъ 7-го тома (до слова Саліасъ). Для лучшаго ознакомленія съ великими произведеніями искусства, къ изданію прилагаются, начиная съ 5-го тома, снимки съ картинъ классическихъ художниковъ.

Все изданіе будетъ закончено въ апрѣлѣ 1895 г.

Цѣна всему изданію на обыкновенной бумагѣ въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 36 руб, на лучшей бумагѣ 48 руб.

За пересылку приплачивается по 10 коп. на каждый рубль стоимости.

За отдѣльную пересылку снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ безъ сгиба приплачивается за каждую серію 28 к.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ одновременно ПЯТЬ рублей и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, немедленно получаютъ вышедшіе шесть томовъ, а остальную сумму уплачиваютъ ежемѣсячными взносами по ДВА рубля.

Съ 1-го марта 1895 г. цѣна будетъ повышена.

Изданіе можно пріобрѣтать также и отдѣльными выпусками по 30 коп. за экземпляръ на обыкновенной бумагѣ и по 40 коп. на лучшей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(на 6-й годъ изданія)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіе 1894 года въ «Русской Школѣ» помѣщены, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Казнь Фортуники (очеркъ). **Д. Мамина-Сибиряка**; 2) Школьные типы 50-хъ годовъ. **В. Михневича**; 3) Какъ возникъ первый въ Россіи музей прикладныхъ знаній къ Петербургѣ. **Н. Весселя**; 4) Педагогъ-идеалистъ 40-хъ годовъ. **Д. Семенова**; 5) Изъ дневника учительницы воскресной школы. **К—ой**; 6) Къ вопросу о продолжительности классныхъ уроковъ и паузъ между ними. Д-ра **В. Гориневскаго**; 7) О воскресномъ отдыхѣ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ мин. нар. просв. **Н. Зайкевича**; 8) О физическомъ образованіи въ школѣ. Проф. **П. Лесгафта**; 9) О назначеніи и обязанностяхъ школьнаго врача. Д-ра **А. Вреніуса**; 10) Развитіе и разновидности дѣтскаго ума. **П. Каптерева**; 11) Объ уходѣ за психическимъ развитіемъ дѣтей. Д-ра **В. Якубовича**; 12) Воспитаніе умственныхъ способностей (по Ножье). **А. Вреніуса**; 13) О необходимости поднять уровень эстетическаго образованія въ современной школѣ. **Вл. Бѣлевича**; 14) Воспитательное вліяніе семьи и школы. Д-ра **М. Покровскаго**; 15) Воспитаніе молодого поколѣнія въ духѣ трезвости и воздержанія. **Е. Ковалевскаго**; 16) О самообразованіи учителя. **М. Демкова**; 17) Богатѣйшія библіотеки на земномъ шарѣ. **А. Острогорскаго**; 18) Медицинское образованіе и классицизмъ во Франціи. **Его-же**. 19) Профессіональное образованіе въ Швейцаріи. Д-ра **В. Святловскаго**; 20) Школьное дѣло и женскій трудъ на выставкѣ въ Чикаго. **Его-же**; 21) Высшее сельско-хозяйственное образованіе. **В. Бирюковича**; 22) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. **Его-же**; 23) Обязательный минимумъ образованія. **М. Песковскаго**; 24) Воскресныя школы и повторительные курсы. **В. Вахтерова**; 25) По поводу педагогическихъ курсовъ. **Н. Ларіонова**; 26) О необходимости однообразной отчетности по воскреснымъ школамъ. **Я. Абрамова**; 27) Съѣзды народныхъ учителей, какъ общественно-педагогическая мѣра. **А. Тютрюмова**; 28) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній за 1893 г. **И. Бѣлокопскаго**; 29) Предметные уроки въ начальной школѣ. **П. Р.**; 30) Чему и какъ учить на урокахъ ариѳметики. **С. Шохоръ-Троцкаго**; 31) О наглядности при начальномъ обученіи. **С. Бобровскаго**; 32) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. **В. Ч.**; 33) Къ вопросу о прямомъ почеркѣ. **М. Евсѣева**.

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей, въ журналѣ «Русская Школа» за 1894 г. помѣщено около ста рецензій, а также печатались ежемѣсячная хроника народнаго образованія **Я. Абрамова**, отчеты о засѣданіяхъ Московскаго и Петерб. Комитетовъ грамотности и т. п.

ПОДПИСКА на «Русскую Школу» принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, д. 1—43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и Карбасникова. Подписная цѣна за годъ для иногородныхъ съ пересылкою—**СЕМЬ** руб.; за границу—**ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ**. Учителя-же сельскихъ начальныхъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль.

Въ редакціи имѣется еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892, 1893 и 1894 годы по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ*.

4 р. за годъ

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА.

1 р. три мѣс.

Второе изданіе „Биржевыхъ Вѣдомостей"—безусловно независимый и самостоятельный органъ печати со строгою выдержанностью направленія, *стойкостью, послѣдовательностью взглядовъ*. Свободная отъ мѣстныхъ вліяній, эта газета является наиболѣе полнымъ

ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦІИ.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, телеграммъ, корреспонденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Съ цѣлью еще большаго расширенія всѣхъ ежедневныхъ отдѣловъ, съ ноября ФОРМАТЪ

ЕЖЕДНЕВНОЙ газеты УВЕЛИЧЕНЪ

до теперешняго его большого объема, причемъ цѣлый рядъ

ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ, вошелъ въ составъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Сгруппировавъ около нашего изданія лучшія силы отечественной литературы, редакція увеличиваетъ съ декабря с. г.

ВОСКРЕСНЫЙ НОМЕРЪ

газеты до размѣра десяти страницъ, изъ коихъ восемь (печатаемыя на бѣлой глазированной бумагѣ) будутъ всецѣло посвящены

беллетристикѣ, художественной, научной и литературной критикѣ, бесѣдамъ, касающимся дома и семьи.

Въ концѣ года будетъ данъ особый заглавный листъ съ перечнемъ помѣщеннаго въ воскресныхъ номерахъ газеты литературнаго матеріала.

КАЖДЫЙ ПОДПИСЧИКЪ

второго изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей" получаетъ, такимъ образомъ, за нѣсколько лѣтъ, безъ всякой добавочной платы,

ЦѢННУЮ БИБЛІОТЕКУ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ.

Въ теченіе наступающаго года появятся на столбцахъ нашей газеты

СПЕЦІАЛЬНО НАПИСАННЫЯ

для „Биржевыхъ Вѣдомостей"

НОВѢЙШІЯ РУССКІЯ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

слѣдующихъ, хорошо извѣстныхъ русской читающей публикѣ, художниковъ слова:

Н. П. Аксаковъ, М. Н. Альбовъ, Сергѣй Атава (С. Н. Терпигоревъ), *К. С. Баранцевичъ*, проф. *Н. П. Вагнеръ* (Котъ Мурлыка), *П. П. Гнѣдичъ, Н. Н. Каразинъ, А. В. Кругловъ, Д. А. Линевъ, Н. С. Лѣсковъ, А. А. Луговой, К. В. Лукашевичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, Н. А. Соловьевъ, І. І. Ясинскій* (Максимъ Бѣлинскій).

ЕЖЕМѢСЯЧНО

при газетѣ выпускается, какъ безплатное приложеніе, поочередно одинъ изъ

ТРЕХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

1) „Земледѣльческій Листокъ",
2) „Фабрично-Промышл. вѣстникъ",
3) „Страховой Сборникъ".

Желающимъ ознакомиться съ содержаніемъ 2-го изданія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" высылаемъ за 14 к. (почтовыми марками) номера за одну недѣлю включительно съ пробнымъ воскреснымъ номеромъ.

Новые годовые подписчики (безъ разсрочки), внесшіе до 15 декабря деньги непосредственно въ главную контору „Биржевыхъ Вѣдомостей" въ С.-Петербургѣ, получатъ газету безплатно въ декабрѣ 1894 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ"

СО ВСѢМИ

приложеніями и пересылкой въ Россіи:

на годъ	4 руб.	на 3 мѣсяца	1 руб.
полгода	2 „	„ 1 „	35 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА

С.-Петербургъ, Невскій пр., 28.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.
—
1894.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Москва, типо-литогр. Высочайшк утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

I. АНФИСА ГОРДѢЕВНА. (Изъ «Сказокъ дѣйствительности»).—Вас. И. Немировича-Данченко 1

II. СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Окончаніе* 41

III. РАЗСКАЗЫ КСТАТИ. (Изъ литературныхъ воспоминаній). Дама и фефёла.—Н. С. Лѣскова. 72

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—М. М. Гербановскаго 110

V. СТАТИСТИКА ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Разсказъ).—О. Забытаго. . . 111

VI. МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ. Романъ Альфонса Доде. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. *Продолженіе*. 136

VII. ОДИНОЧЕСТВО. (Разсказъ).—Т. Л. Щепкиной-Куперникъ . . 172

VIII. ГЕЛЬМГОЛЬТЦЪ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЗИКА.—А. Г. Столѣтова. 1

IX. ГЕРМАНЪ Ф.-ГЕЛЬМГОЛЬТЦЪ, КАКЪ ФИЗІОЛОГЪ. — И. М. Сѣченова 28

X. РАБОЧІЕ НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ. *Окончаніе*.—В. И. Семевскаго. . 38

XI [illegible]АМѢТКИ О НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.—А. А. [illegible]ева 87

XII [illegible]ПОНІЯ, ЕЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ СТРОЙ. *Окончаніе*.—Л. А. Кириллова. . . . 113

XIII. [illegible]ИХОЛОГІЯ «ПРЕСТУПНОЙ» ТОЛПЫ.—И. Д—ова 130

Стр.

XIV. МОСКВА-САМАРКАНДЪ. *Окончаніе.*—В. Д. Соколова. . . . 159

XV. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—О. Т. В. 187

XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . . 202

XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 229

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Высочайшій манифестъ 14 ноября 1894 г.—По поводу 30-ти-лѣтія Судебныхъ Уставовъ.—Слабое развитіе чувства законности.—Отзывы на проектъ министерства земледѣлія о мѣстныхъ органахъ сельско-хозяйственнаго управленія.—Угнетенное положеніе сельскаго хозяйства.—Кредитъ государственнаго банка чрезъ посредниковъ.—Реформа пассажирскихъ тарифовъ.—П. Л. Чебышевъ †. 236

XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: Начало сезона: *Непогрѣшимый*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ П. М. Невѣжина; *У своихъ*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ П. Д. Боборыкина. Ан. — Музыка: Второе квартетное собраніе.—Первое симфоническое собраніе.—А. Г. Рубинштейнъ †. А. Б. 256

XX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика. — Философія и психологія. — Біографіи и исторія литературы.—Политическая экономія.—Юридическія книги.— Техническія книги.— Сельское хозяйство.—Медицина. — Изданія для народа. — Календари и справочныя книги. II. Періодическія изданія: «Русское Богатство», *октябрь*. — «Сѣверный Вѣстникъ», *ноябрь*. — «Русское Обозрѣніе», *ноябрь*. — «Вѣстникъ Воспитанія», *№ 7*. III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1894 годъ. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1894 г. 579

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧ., И ПРОЧ., И ПРОЧ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Благословеніемъ Божіимъ совершилось сегодня въ Соборной церкви Зимняго Дворца, въ присутствіи духовныхъ и свѣтскихъ особъ, Бракосочетаніе Наше съ возлюбленною Невѣстою Нашей, Благовѣрною Великою Княжною Александрою Ѳеодоровною, Дочерью Великаго Герцога Гессенскаго.

Посреди глубокой скорби, коею преисполнены сердца Наши и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, да будетъ день сей свѣтлымъ вѣстникомъ упованій народныхъ на продолженіе къ Намъ милости Божіей въ наступившее новое Царствованіе.

Помышляя о судьбахъ его, сочли Мы за благо не отдалять совершеніе сердечнаго желанія Нашего, священнаго къ Намъ завѣта въ Бозѣ Почившаго Родителя и радостныхъ ожиданій всего народа, да укрѣпленъ будетъ таинствомъ святой Церкви благословенный Родителями Нашими Брачный Союзъ Нашъ.

Всѣ вѣрные подданные Наши соединятся съ Нами въ молитвѣ, да ниспошлетъ Господь благословеніе Союзу Нашему и даруетъ Намъ, во благо Россіи, то же безмятежное счастье, коимъ благословенъ былъ въ Домѣ Своемъ Незабвенный Нашъ Родитель, къ назиданію и утѣшенію всего народа.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 14-й день ноября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто четвертое, Царствованія же Нашего первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Съ радостнымъ чувствомъ привѣтствуетъ русское общество Ея Величество Императрицу Александру Ѳеодоровну. Молодая Государыня уже дорога и близка русскимъ людямъ, какъ Подруга по сердцу Императора Николая II, какъ Носительница западно-европейскаго просвѣщенія, къ которому стремилась Россія съ давнихъ поръ, основныя начала котораго глубоко залегли уже въ наше общественное сознаніе. Русская семья ждетъ отъ своей могущественной Покровительницы благоволенія къ развитію прежнихъ и созданію новыхъ учрежденій для высшаго образованія русской женщины, ждетъ Ея царственной воли, чтобы росло и крѣпло у насъ научное знаніе и чувство нравственнаго долга.

АНФИСА ГОРДѢЕВНА.

(Изъ „Сказокъ дѣйствительности").

I.

Крохотная старушонка, остроглазая, юркая, бойкая. Я иначе не встрѣчалъ ее, какъ на бѣгу. Вѣчно она куда-то торопилась, озабоченная, съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, что вотъ-вотъ опоздай она на минуту и все перевернется и перепутается на свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она мнѣ попалась на лѣстницѣ и, сдѣлавъ старинный церемонный книксенъ, спросила: «Дома ли докторъ Ястребцовъ?»— она, очевидно, считала меня знакомымъ и каждый разъ еще издали принималась раскланиваться со мною. Докторъ Ястребцовъ жилъ этажомъ выше. Я указалъ ей тогда его двери и улыбнулся, когда она, опять присѣвъ, проговорила: «Премного благодарна вами, милостивый государь мой». Какъ-то потомъ она остановила меня на улицѣ и дѣловымъ тономъ передала: «У Ястребцова жена родила. Двойни, мужского пола. Должно быть, близнецы будутъ». Я сообщилъ ей въ свою очередь, что совсѣмъ его не знаю, «да и тебя тоже», хотѣлось мнѣ прибавить, но она съ такимъ наивнымъ изумленіемъ взглянула на меня: «Доктора-то?... Эдакого господина, помилуйте! Да, вѣдь, Ястребцовъ—не мужчина, а монументъ. И, притомъ, простъ, ахъ, простъ! Двугривенный какая монета, а и ту за визитъ беретъ, а нѣтъ ея, и тѣмъ доволенъ. «Я,—говоритъ,—старушка, за тобою въ трубѣ дымомъ запишу». Изъ этого я заключилъ, что она, во-первыхъ, очень бѣдна, а, во-вторыхъ, привыкла, какъ и всѣ бабы ея лѣтъ, тормошить врачей всевозможными недугами. Носила она постоянно одинъ и тотъ же гардеробъ—порыжѣлую бархатную кофту съ смѣшно болтавшимися рюшевыми бантами. Они давно выцвѣли и посѣрѣли, но это ей было все равно. На головѣ у нея красовался нѣсколько лѣтъ подрядъ

безсмѣнный расхлестанный пижонъ, необыкновенно упрямый, ибо какъ его старушонка ни направляла на темя, онъ непремѣнно съѣзжалъ на бекрень. Она сохранила свои волосы и завивала ихъ буклями тоже по модѣ, существовавшей Богъ знаетъ когда. Зимою и лѣтомъ носила полинявшія митеньки, изъ которыхъ совсѣмъ нелѣпо торчали ея тонкіе, исхудавшіе пальцы. Страсть къ чистотѣ у нея была неимовѣрная. Не только на ея кофтѣ и юбкѣ никогда не нашлось бы пятнышка, но она и по пути то и дѣло снимала пушинки и пылинки съ пальто и шинелей незнакомыхъ ей людей. Сниметъ, улыбнется, сообщитъ на-скоро: «сукнецо-то отъ этого портится»,—и, смотришь, ужь тормошится на другомъ концѣ улицы, не оглядываясь, не ожидая и не требуя благодарности. Я и забылъ сказать, что она никогда не разлучалась съ большою картонкой,—настолько никогда, что сія послѣдняя въ моихъ глазахъ пріобрѣла таинственное значеніе. И таскала она ее необыкновенно внимательно и осторожно. Я не разъ ломалъ голову, что тамъ у нея могло быть? Вѣроятно, она никогда не болѣла. Я какъ-то спросилъ ее объ этомъ,— помилуйте, въ морозы и въ жару бѣжитъ себѣ суетливо съ своею драгоцѣнною ношей, не обращая вниманія на стихіи земныя и небесныя. «Мнѣ, милостивый государь, никакъ нельзя-съ. Мнѣ болѣть не полагается. Это инымъ прочимъ хорошо-съ, а меня ножки кормятъ».

— Почему же вы тогда доктора Ястребцова искали?

— Стала бы я для себя, какъ же-съ! Онъ для моего нумера третьяго понадобился.

И, отвѣтивъ столь неудобопонятно, опять устремилась въ пространство. Подъ конецъ она меня даже начала безпокоить. Что за странное такое существованіе? У кого я о ней ни спрашивалъ, всѣ, оказывается, ее видѣли, замѣчали, но никто толкомъ не зналъ.

II.

Разъ захожу къ пріятелю. Его не оказалось дома. Горничная, которую мы за глупость называли кратко «лупеткой», прибавила, что «барыня не приказали сказываться, потому что у нихъ Анфиска сидитъ». Я, улыбаясь, пошелъ было къ выходу, какъ вдругъ двери въ спальню къ хозяйкѣ отворились и оттуда, все также тормошась и поправляя непокорнаго пижона, пулей вылетѣла моя старушка, на-бѣгу присѣла мнѣ и, очевидно, сконфузилась. Растерялась и слѣдовавшая за нею дама, которую у насъ называли «модницей». «Ахъ, это вы?» Разумѣется, я не могъ отри-

цать, что это именно я. «Мужа нѣтъ, войдите!»—«Да, вѣдь, и васъ тоже нѣтъ?»—засмѣялся я, но мое любопытство такъ было возбуждено, что я прошелъ въ гостиную. «Лупетка» зачѣмъ-то принесла туда же мое пальто, но барыня ее прогнала. Мои свѣдѣнія о знакомой незнакомкѣ теперь обогатились. Я зналъ уже ея имя и, какъ ни въ чемъ не бывало, спросилъ:

— И у васъ бываетъ Анфиса?

Хозяйка покраснѣла до висковъ, не зная, куда глаза дѣвать, что меня окончательно сбило съ толку. Она, вмѣсто отвѣта, заинтересовалась пріѣхавшимъ изъ Петербурга оперным пѣтухомъ,— дѣло было въ большомъ университетскомъ городѣ. Потомъ съ необыкновенною торопливостью стала мнѣ разсказывать, какой у нея прекрасный человѣкъ мужъ и какъ онъ ее любитъ. «Сегодня, напримѣръ, я только заикнулась, что мнѣ нравится, и вдругъ вижу у себя на столикѣ золотую змѣю съ рубиновыми глазками отъ Шпигеля». Глазки или змѣя отъ Шпигеля,—я не понялъ, пока все также смятенно и суматошливо она не показала мнѣ футляръ съ браслетомъ.

— Правда, хорошо?

Я сдѣлалъ восторженное лицо.

— А Анфиса...—вдругъ сама вспомнила она,—пожалуйста, вы не думайте... Я, знаете, ей помогаю иногда... Бѣдная женщина... Ну, и, притомъ, когда-то въ нашемъ кругѣ вращалась... Такъ Ивановъ завтра концертъ даетъ, да?

Въ другой разъ сижу у купца Бедровитаго. Купецъ, какъ слѣдуетъ быть купцу въ губерніи. Вчера только пересталъ носить сапоги бутылками и выпустилъ штаны на свободу. Носовой платокъ держитъ постоянно, по новости дѣла, въ рукахъ. Мы-де не какъ прочіе... Не перстами. Даже бороду обрилъ съ тѣхъ поръ, какъ женился на «емназисткѣ». «Вы не думайте, я ее, Шурку-то, съ аттестатомъ взялъ... Похвальнаго поведенія дѣвица!»

— Ну, что ваша супруга?

— Емназистка-то?... Она тамъ по своему бабьему дѣлу съ Анфиской занимаются.

Я схватился какъ утопающій за соломенку.

— Что это за Анфиса, скажите, ради Христа.

— А ну ихъ, надоѣли онѣ мнѣ, не тѣмъ будь помянуты! Мудрятъ, да на обухѣ рожь молотятъ. Бабій финанецъ соблюдаютъ.

Больше я ничего отъ него не добился. Старуха такъ и осталась для меня вопросительнымъ знакомъ. На всѣ мои дальнѣйшіе вопросы купецъ отвѣчалъ однимъ и тѣмъ же:

— Шурка никому сказывать не приказала. У нихъ, вѣдь, у дамовъ, тоже коммерческая тайна. Ну ихъ въ пролубь!

— Что-жь, вы боитесь жены, что ли? — пустился было я въ дипломатію.

— А то нѣтъ? Поди-ка, не побойся. Поѣдомъ съѣстъ! Полковника Свирѣпѣева знаете?

— Знаю.

— Съ арестанскими ротами какъ управляется! Слыхали, поди? А передъ женой?... И вся-то она у него слякотная, хлибкая. Тронь, окромя мокраго мѣста на полу ничего ото всего существа не останется, а онъ передъ ней какъ свѣчка горитъ. Потому она сейчасъ ботинками вверхъ, объ стѣну головой и давай ему домашніе вопли показывать...

Такъ и отъ него я ничего не добился.

III.

Таинственность Анфисы меня даже стала безпокоить. Что, въ самомъ дѣлѣ, за Понсонъ де-Терайль завелся у насъ въ богоспасаемомъ гнѣздѣ, утвержденномъ самимъ Господомъ какъ разъ надъ тремя китами! Я было прижалъ въ уголъ пріятеля, но тотъ не сдался. «Женись, самъ узнаешь». Легкое дѣло, подумаешь! Окончательно я сбился съ толку, когда мнѣ передали, что Анфиса бываетъ даже у губернаторши, а эта въ нашей колодѣ была первѣйшимъ козыремъ. Я даже во снѣ началъ видѣть старушонку. Подходитъ, останавливается надъ постелью и дразнитъ меня расхлестаннымъ пижономъ. Надъ самымъ носомъ трясетъ выцвѣтшіе эксельбанты и приговариваетъ: «А вотъ и не узнаешь, и не узнаешь, и не узнаешь!» И та же картонка съ нею. Встрѣтился какъ-то я, наконецъ, съ докторомъ Ястребцовымъ. Мужчина оказался, дѣйствительно, монументальнаго фасона. Пожалуй, какъ покойникъ Геркулесъ, могъ бы за Атласа плечами подпереть небо. Заговорилъ я съ нимъ объ Анфисѣ.

— А, дѣвица съ тремя нумерами! Препочтенная старушка, скажу я вамъ!

— Да что она такое?

— А вотъ додумайтесь... Нѣкоторымъ образомъ иносказаніе. Мы съ нею пріятели. Необходимая по здѣшнимъ мѣстамъ особа... Наши дамы безъ нея...

Но тутъ къ нему подошли съ картой. Отцу протоіерею, воинскому начальнику и инспектору гимназіи не хватало четвертаго

для винта. Я рѣшился обратиться прямо къ самому источнику моего безпокойства. Дня черезъ два встрѣтилъ Анфису на улицѣ.

— Трудныя времена! — началъ я издалека.

— Когда же они легче были, господинъ? Для тѣхъ, кто работаетъ, времена завсегда трудныя.

— Ну, а у васъ какъ дѣла?

— У меня? У меня сборное дѣло... Умственное... Съ моимъ дѣломъ, господинъ, капитала не наживешь. Вотъ вчера... Дай ей Богъ, Анастасіи Николаевнѣ... Прямо, надо сказать, благодѣтельница... А, впрочемъ, который часъ теперича?

— Рано еще... Двѣнадцати нѣтъ.

— Господи! Купчиха Евхаристова ждетъ. Характерная дама... Прощайте, господинъ, не то ушибетъ она меня!

Часъ отъ часу не легче. Я смотрѣлъ ей вслѣдъ, ничего не понимая. Она уже исчезла за поворотомъ улицы, а я точно приросъ къ мѣсту, напоминая собою жену Лотову.

— Что ты? — налетѣлъ на меня пріятель.

— Да... дѣвица тутъ одна...

Онъ изумленно отступилъ.

— Стыдись! Почтенный человѣкъ... Лысина у тебя... И вдругъ дѣвчонокъ на улицахъ ловишь! Тьфу! — и онъ съ негодованіемъ пошелъ прочь.

Такимъ образомъ, благодаря этой таинственной старушкѣ, я даже прослылъ за легкомысленнаго ловца своекоштныхъ дѣвицъ на городскихъ улицахъ, потому что пріятель мой въ тотъ же вечеръ чортъ знаетъ чего ни насплетничалъ на меня въ клубѣ. Явилась даже легенда о феѣ въ лиловомъ платьѣ и мнѣ въ двухъ солидныхъ домахъ съ взрослыми дѣвицами, гдѣ до сихъ поръ меня принимали съ родственною нѣжностью, указали было на дверь. Впрочемъ, можетъ быть, только благодаря этому обстоятельству я и былъ спасенъ отъ «Исаія ликуй» и отъ возложенія на мою главу брачнаго вѣнца.

IV.

Прошелъ мѣсяцъ. Я заставлялъ себя не думать больше объ Анисѣ. Да и надоѣла она мнѣ за это время до смерти. Друзья дразнили меня ею. Пустили слухъ, что я къ ней неравнодушенъ. Я даже получилъ нѣсколько анонимныхъ поздравленій съ одержанною якобы мною побѣдой надъ загадочною старухой. Къ крайней моей досадѣ, и сама она, встрѣчаясь со мною, вдругъ разцвѣтала, присѣда-

ла, даже ни съ того, ни съ сего сообщила мнѣ секретъ для рощенія волосъ, котораго я у нея совсѣмъ не просилъ. Мимоходомъ, между купчихою Евхаристовою и попадьей Строфокамиловой, она открылась мнѣ, что во времена оны она очень любила читать «романцы», заниматься которыми теперь ей некогда, и писали ихъ тогда «ахъ, хорошо!»—бывало, отъ геройскихъ похожденій у нея даже подъ ложечкой сосало, напримѣръ, когда королевскій мушкатеръ д'Артаньянъ бунтовского генерала Монка похищалъ и черезъ море его въ черномъ гробѣ къ Карлу II-му везъ. Освѣдомившись, такъ ли благородно пишутъ нынче, или предпочитаютъ «подлые» сюжеты, она вздохнула, пригорюнилась и совершенно неожиданно объявила мнѣ: «Вы, господинъ, не думайте. Я сама—совѣтницкая дочь. Мой покойный батюшка все губернское правленіе вотъ какъ у себя въ рукахъ держалъ. Только потому и безъ пенціону осталась, что онъ передъ смертью подъ судъ попалъ. А то бы меня «превосходительствомъ» величали. Мы, въ наши времена, сладко жили. Какой былъ въ городу лакомый кусокъ — все намъ, все намъ. Купцы накланяются,— возьми только. Этой низости, чтобы, напримѣръ, свѣжую икру покупать—никогда! Боченками возили. Сахарныхъ головъ въ кладовой меньше пятидесяти отнюдь не стояло. Двѣ коровы своихъ, холмогорскія. Помѣщикъ на именины мнѣ въ супризъ доставилъ. Всѣмъ были взысканы отъ Господа... Ну, а потомъ, какъ подъ судъ мы попали, точно помеломъ смело. Ни купцовъ, ни помѣщиковъ! Сахарныя-то головы пріѣли,— по фунтикамъ покупать пришлось, а на икру-то въ окна бакалейныхъ издали, бывало, любуешься да вздыхаешь. И пузаны-то наши такими подлецами увѣдомились! Прежде за версту шапки ломаютъ и свободный входъ во всѣ свои боченки. Осчастливьте-де... Чего ваша душа хочетъ? А тутъ на манеръ тумбовъ стоятъ неглежа въ дверяхъ, скосятъ глаза этакъ пофасонистѣй. Картузы-то у нихъ на дыбахъ—и пошевелить ихъ не желаютъ. «Все опасаетесь? Что-жь, скоро васъ судить будутъ за хорошія дѣла?» А и хорошихъ дѣлъ было всего, что напенька мой какія-то бумаги, неглядя, подписалъ, помощнику своему довѣрился. Въ тѣ поры онъ святыя Анны на шею получилъ, къ обѣду готовились,—куда тутъ бумаги читать, когда самого губернатора ждали? Одной шипучки двѣ дюжины въ ледъ забили. И грустилъ же покойничекъ! Увидитъ «семгу-порогъ» въ окнѣ магазина и горько-горько заплачетъ. Повѣрите ли, по балычку даже по ночамъ тосковалъ. Каково ему было послѣ такихъ лакомствъ, да на колбасу съ чеснокомъ садиться? Подумайте, легко ли?... Ну, и я тогда замѣсто шелковъ да атласовъ простой ситецъ

узнала... Прежде придетъ проситель: «пожалуйте ручку» (я для этого и руки-то Альфонсомъ Ралле мыла), а теперь самъ лапищу свою подаетъ, да еще ребромъ... А она у него только что не щетиной поросла. И все это приходилось терпѣть при моей нѣжности».

И отъ волненія пижонъ сбился ей на самое ухо.

— Ко всему привыкаютъ... Вотъ и я тоже... Ахъ, ты, Господи!... Попадья-то, поди, меня теперь благовѣстить какъ! Прощайте, господинъ... съ образованными-то поневолѣ забудешься и время потеряешь... а дѣла-то у меня, дѣла!

И опять она затормошилась направо въ переулокъ, болтая эксельбантами — единственнымъ свидѣтельствомъ ея прошлаго величія.

V.

Вскорѣ пришлось мнѣ какъ-то обѣдать у нашего архіерея. Персона эта была далеко не заурядная. Подчиненное духовенство говорило о немъ, что ему «дано свыше», и поэтому онъ на «сто саженъ скрозь землю видитъ». Ничего не спрячешь. Слушаетъ тебя, опустивши глаза, а потомъ вдругъ вскинетъ ими и разомъ прозритъ. Его даже секретарь консисторіи, на что ужъ былъ прѣйда сверхъестественная, никакъ не могъ обойти. Въ первый же разъ, какъ только онъ попробовалъ это, архіерей стукнулъ его указательнымъ перстомъ въ лобъ и приказалъ ему: «замкнись», а потомъ полюбопытствовалъ, сколько у того дѣтей. Оказалось одиннадцать. «Есть и младенцы?» И на сіе послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ. «Младенцевъ жаль, а тебя нисколько!... Иди!» Секретарь ушелъ, какъ ошпаренный, и послѣ уже не посягалъ. Даже съ сельскими дьячками сталъ вѣжливъ до того, что тѣ въ смятеніи чувствъ потѣли и вздыхали.

Архіерей былъ очень хорошо образованнымъ человѣкомъ, интересовался всѣмъ, свѣтскихъ писателей не только признавалъ, но и любилъ. На одного только обижался и говорилъ: ему бы по таланту митрополитомъ быть, а онъ въ пустѣ болтается. Послѣ моихъ «Святыхъ горъ», на коихъ монахи очень сердились, онъ имъ отвѣтилъ: «Мудрому укажи вину, премудрѣйшимъ станетъ».—«Да кто онъ самъ, чтобъ вины указывать?» Онъ не безъ обиднаго для меня юмора утѣшилъ ихъ: «Ну, это не резонъ, вонъ и въ писаніи даже Валаамова ослица пророку совѣты давала!» Его хотѣли лѣтъ двадцать пять въ Петербургъ перевести духовнымъ цензоромъ, да онъ оказался не подходящимъ. «Я, — отписалъ онъ, — никоимъ исканіе истины зловреднымъ почесть не могу и посему

ставить препоны въ семъ никому не стану. Что же касается того, какіе пути ложны и какіе истинны, то это Господу Богу дѣйствительно сверху видно, а намъ, рабамъ Его, и въ своихъ-то дѣлахъ разобраться трудно». Такъ его и оставили. Добръ онъ былъ на удивленіе. По-евангельски дѣлился всѣмъ, что у него оказывалось въ данную минуту, и жестоко относился только къ пьяницамъ. Этимъ онъ не давалъ пощады, гналъ ихъ отовсюду и добился таки, что у него вывелись они. Со всѣми былъ ласковъ и за высокомѣріе отчитывалъ благочинныхъ такъ, что тѣ не знали, какъ имъ быть даже съ пономарями. «Всѣ мы колокольные аристократы!»—останавливалъ онъ слишкомъ заносившихся. Любилъ ученыхъ, имѣлъ превосходную библіотеку и, какъ говорили, самъ написалъ нѣсколько сочиненій, напечаталъ ихъ, но ни на одномъ не выставилъ своего имени. Когда ему намекали на это, онъ краснѣлъ и застѣнчиво заговаривалъ о другомъ.

На обѣдѣ у него было прòпасть народу. Соблюдая декорумъ, онъ говорилъ мало, больше помавалъ бровями. Самъ накладывалъ лакомые куски губернаторшѣ. Его превосходительству подливалъ особеннаго какого-то вина, присланнаго изъ Новороссійска племянникомъ, и въ остальное время держался такъ, что хоть портретъ съ него пиши. Когда полковница Красовская, сдѣлавшая себѣ не безвыгодное ремесло изъ благотворительности, слишкомъ ужь приставала къ нему, онъ кратко обрывалъ ее: «Оставь, не твоего ума дѣло!»—и отворачивался къ губернаторшѣ. Эту онъ любилъ за легкость мыслей и веселость нрава и сравнивалъ ее съ «сіонскимъ козленкомъ». «Она если и грѣшитъ, то больше отъ своей доброты,—говорилъ онъ,—и посему съ нея не спросится». Красовскую онъ терпѣть не могъ и называлъ ее «волчицею вертограда». Остроносая, съ хищными зубами и жадными глазами, она, дѣйствительно, похожа была на волчицу. Ему случалось и увѣщевать ее не разъ. «Отдохни, всѣ куски не переглотаешь, смотри подавишься!» Но она не только не давилась, но, напротивъ, расширяла филантропическія операціи, что подало поводъ нашему казначею за быстроту ума и математическія способности дать ей имя «Пиѳагоровой теоремы». Оно хотя и безсмысленное, но такъ и осталось за нею. На сей разъ Пиѳагорова теорема, казалось, во что бы то ни стало задалась цѣлью вывести хозяина изъ себя.

— Послѣ эпидеміи много сиротъ осталось...—начала она.

— Ну, что они тебѣ сдѣлали?

— Надо бы помочь имъ. Собрать вмѣстѣ, къ работѣ пріучить.

— Оставь сиротъ. Не трожь.

— Однако, кто-жь о нихъ позаботится?

— Найдутся, не бойсь. У тебя вонъ почтовыя дѣвицы, сказываютъ, по десяти часовъ въ пріютѣ работаютъ.

Пивагорова теорема передъ тѣмъ устроила убѣжище для осиротѣвшихъ дѣвицъ почтоваго вѣдомства и въ первый же годъ ихъ работами достроила себѣ дачку за городомъ надъ прелестнымъ рыбнымъ озеромъ.

— Ну, ужь и по десяти!

— И бѣгаютъ отъ твоей добродѣтели, а ты ихъ назадъ черезъ полицію. Благотвореніе по этапу. Я вашему превосходительству давно хотѣлъ объ этомъ сказать, да боялся,—скажете: «Не твое, старикъ, дѣло!» А сиротъ я тебѣ не дамъ. Не попущу младенцевъ обижать. Самъ ихъ устрою.

Заговорили о благодѣтеляхъ и вдругъ мое вниманіе было поглощено словами архіерея.

— Вы меня извините, а я только тутъ одну благотворительницу и знаю. Не тебя, не тебя!—успокоилъ онъ взволновавшуюся было полковницу.—У тебя не филантропія, а какъ бы это сказать—министерство финансовъ.

— Вы про кого это, ваше...

— Есть, есть такая. Благодѣетъ втайнѣ и сама себѣ цѣны не знаетъ. Творитъ, какъ птица поетъ, потому что иначе не можетъ. Объясни ей всю ея добродѣтель,—глазами вскинетъ и засмѣется. Еще за насмѣшку надъ собой приметъ. У нея вся жизнь на ближняго пошла. Мнѣ и благословлять ее совѣстно. Ей бы самой за насъ грѣшныхъ молиться.

— Что-то мы здѣсь такихъ не знаемъ.

— А вы, дамы, около себя поищите,—и лицо его приняло лукавое выраженіе.

— Княжна Баломутова?

— Ну, тоже! Она все по печатнымъ бланкамъ. У нея рубль, и то по прошенію развѣ достанется. И чтобы непремѣнно потомъ въ газетахъ... Нѣтъ, вы еще поближе поищите.

— Загадку вы загадали.

— Ну, ужь такъ и быть. Я про дѣвицу Анфису.

Кругомъ засмѣялись. Очевидно, за шутку приняли. Многія дамы покраснѣли.

— Вы чего это? Я вправду, вѣдь.

— Первый разъ слышу,—замѣтилъ губернаторъ.

— Ну, а я давно освѣдомленъ.

— Что-жь она можетъ? Какая-нибудь нищая!—обидѣлась полковница.

— А ты поѣзжай къ ней, да посмотри. Она, вѣдь, не лукавитъ, а по простотѣ. Настоящее дѣло у нея.

— Для благотворительности правильной, прежде всего, большія деньги нужны.

— Анъ и ошиблась! Добрая воля да сердце,—вотъ что нужно. И всегда я скажу: вамъ, барыни, до Анѳисы куда какъ далеко. Какъ до звѣзды небесной.

Но тутъ разговоръ отвлекся въ сторону и архіерей опять погрузился въ величавое молчаніе. Послѣ обѣда мнѣ къ нему не удалось подойти. Всѣ разъѣзжались, да и старикъ былъ утомленъ.

— Что это онъ про Анѳису?—спросилъ я у кого-то.

— Шутитъ, должно быть. Какая она благотворительница? Цѣлые дни на побѣгушкахъ. Сама съ хлѣба на квасъ перебивается.

VI.

Случай, наконецъ, открылъ мнѣ, въ чемъ заключается ея рукомесло. У моего подъѣзда на нее налетѣлъ пьяный извощикъ съ еще болѣе пьянымъ сѣдокомъ, самозваннымъ скотскимъ врачомъ изъ цыганъ Гаврилой Буфетовымъ.

— Жги!—взвизгнулъ онъ надъ несчастною старухой.

Та такъ и покатилась въ сторону. Я выходилъ въ эту минуту какъ разъ вò-время, чтобы поднять ее. Она шаталась, падала опять, принималась плакать, и когда я убѣдилъ ее зайти ко мнѣ оправиться, она вдругъ взвизгнула:

— А кардонка-то?

Сама Анфиса осталась цѣла, за то колеса проѣхали какъ разъ черезъ эту картонку. Мы кое-какъ внесли ее ко мнѣ. Старуха бросилась къ своимъ сокровищамъ и облегченно вздохнула. Я не могъ удержаться, чтобы не заглянуть туда. Въ картонкѣ было нѣсколько платьевъ почти новыхъ, завернутыхъ въ простыню. Извощикъ ихъ помялъ, но не попортилъ.

— Я за Бухвостовское Фигаро больше всего боялась.

Истина, и совершенно обычная, банальная, вполнѣ раскрылась передо мною. Стоило столько разузнавать, интересоваться, даже волноваться, если хотите, чтобы, въ концѣ-концовъ, убѣдиться, что имѣешь дѣло съ простою перепродавщицей женскаго гардероба. Хороша благотворительница! Мнѣ даже стало досадно.

— И генеральская юбка цѣла совсѣмъ!

— А вы дорого за нее дали?—совершенно равнодушно уже спросилъ я.

— За что?

— Да за всю эту труху.

— Ужели же вы, господинъ, думаете, что я это все купила?

— А то нѣтъ?

Старуха, уже совсѣмъ пришедшая въ себя, засмѣялась.

— Ну, нѣтъ. Мое дѣло, милостивый государь, умственное.

— Что вы все загадками?... Говорите толкомъ!

— Нельзя мнѣ толкомъ. Потому давальщицы секретъ любятъ. Развѣ только вы побожитесь, что никому не скажете? Потому какъ вы мой спаситель, то должна я вамъ во всемъ открыться.

Приходилось опять недоумѣвать. Съ поличнымъ поймалъ и вдругъ оказывается, что мои соображенія преждевременны! Подлинно таинственная была эта Анфиса. Я, разумѣется, побожился, какъ она того требовала, и до сихъ поръ свято соблюдалъ эту клятву. Оказалось, что, благодаря ей, наши дамы ухитрялись, ничего почти не тратя или расходуя очень мало, одѣваться такъ, что имъ могли бы позавидовать петербургскія и московскія франтихи. И мужья были довольны, и жены счастливы. Анфиса брала у нихъ нѣсколько разъ надѣтыя платья и у себя, какъ настоящій композиторъ, создавала изъ нихъ совершенно новыя «симфоніи». Такимъ образомъ, часть костюма Марьи Ѳедоровны Карташевской шла на таковой же Софьѣ Филипповнѣ Арбузовой и обратно. Случалось ей изъ десяти взятыхъ платьевъ сооружать десять новыхъ, но такихъ, которыя никто не узнавалъ изъ недавнихъ ихъ обладательницъ. Лучше всего, что дамы даже одна отъ другой блюли эту тайну, и купчиха Евхаристова, напримѣръ, когда у нея спрашивала попадья, увидѣвъ на ней знакомую баску: «Душенька, гдѣ вы заказывали это прелестное платье?» — отвѣчала весьма естественно: «Я изъ Петербурга получаю,—у здѣшнихъ портнихъ не стоитъ. У нихъ ни вкуса, ни умѣнья». И попадья принимала это какъ должное, потому что въ свою очередь она заказывала, видите ли, въ Москвѣ у «француженки». Дамы, такимъ образомъ, подъ круговою порукой, не выдавая другъ друга, держали весь городъ въ увѣренности, что они иначе, какъ въ столицахъ, и одѣться не могутъ, причемъ только нашъ почтмейстеръ, человѣкъ холостой, въ толкъ не могъ взять, какимъ таинственнымъ способомъ онѣ получаютъ костюмы? «Вѣдь, не по воздуху же?» Иногда насъ поражала нѣсколько вопіющая пестрота Анфисиныхъ сооруженій, но дамы при этомъ увѣряли единогласно, что это нынче въ

модѣ, что прежде зеленое, напримѣръ, съ краснымъ считалось чуть ли не гардеробною уголовщиной, а теперь это только-только какъ разъ. Старуха не однимъ этимъ орудовала. Она тѣ же самыя симфоніи разыгрывала со шляпками и потомъ сама мнѣ разсказывала, разъ даже рѣшилась и не безъ успѣха составила нѣсколько сборныхъ птицъ. Голова одной, крылья другой, хвостъ третьей. Для зоологическаго кабинета это бы, разумѣется, не годилось, но для дамскихъ головъ ничего лучшаго не требовалось. При такихъ Анфисиныхъ способностяхъ ни одна тряпка у нашихъ щеголихъ не пропадала даромъ.

— И неужели это вы все сами работаете?—спросилъ я у старухи.

— И сама, и помощницы у меня.

— И тѣ не разболтаютъ?... Давно ли такія женщины завелись на свѣтѣ?

— Одна и хотѣла бы, да не можетъ... Нѣмая она... Ну, а другая... на нее какъ на каменную стѣну положиться можно. Она и бывать нигдѣ не бываетъ. Господь ее обидѣлъ—горбунья... Но только сердце, я вамъ скажу... Это совсѣмъ, милостивый государь, неправда, что горбуньи злыя. Возьмите хоть мою: ужь, кажется, кому бы озвѣрѣть? Мать ее бросила, въ ученьи били на смерть—какъ выжила, уму не постичь! Дядя умеръ, деньги оставилъ, сейчасъ же на нее офицеръ изъ телеграфу налетѣлъ и пѣтушкомъ-пѣтушкомъ, кругомъ, фрръ-да-фрръ! Такъ оболокъ ее, что она, полоротая, капиталъ-то ему до свадьбы передала, да только его, жениха, и видѣла. Задралъ хвостишко-то, да въ другой городъ и перевелся. Она къ нему пріѣхала. Въ контору пришла. А онъ сидитъ какъ ни въ чемъ не бывало, да на своей телеграфной машинкѣ депешу чикаетъ. «Я,—говоритъ,—васъ, сударыня, въ первый разъ имѣю честь видѣть... Что же касается обѣщанія въ законъ вступить, на которое вы ссылаетесь, то посмотрите, мадамъ, на себя въ зеркало. Я еще въ твердомъ умѣ и въ полной памяти». Такъ она ни съ чѣмъ и ушла. Потомъ просила хоть половину вернуть ей, а онъ отвѣчаетъ: «Я, сударыня, дѣлами благотворительности не занимаюсь. Да еслибъ и хотѣлъ, то не могъ бы, ибо по своей служебной деликатности долженъ одѣваться, напримѣръ, не какъ прочіе. У меня штаны вотъ пятнадцать стоютъ...» Ну, разумѣется, заплакала: «Подавись ты,—говоритъ,—моими деньгами!»—ну, а онъ на это: «Деньгами никакъ подавиться невозможно, ибо ихъ въ пищу не употребляютъ». Тутъ я ее и нашла... Теперь мы вмѣстѣ орудуемъ.

— А почему васъ такъ архіерей хвалилъ?

И я ей разсказалъ, что онъ говорилъ о ней у себя на обѣдѣ.

Она покраснѣла, замялась.

— Они, извѣстно, по добротѣ своей. Что я такого особаго сдѣлала? Грѣшница, какъ и всѣ. Они точно меня одобряютъ. И въ глаза мнѣ тоже. Только я ничѣмъ этого не заслужила. Мнѣ и въ церковь-то некогда. Повѣрите ли, этотъ постъ и говѣть не пришлось, столько работы было. Горбунья-то моя заболѣла, — все я, да я...

— А что такое у васъ нумеръ второй и третій?

Но тутъ старушка покраснѣла, отмахнулась, собрала свои тряпки и выбѣжала вонъ.

— Постойте, я вамъ извощика.

— Помилуйте!... Я съ тѣхъ поръ, какъ папенька у меня подъ судъ попалъ тогда, не знаю, какъ и ѣздятъ на извощикахъ. Да и страшно, ну ихъ!... И такъ ужь у меня кости всѣ расшатались. Неравно встряхнетъ, я и разсыплюсь. Поди, собирай потомъ.

— Какъ васъ по отчеству? Анфиса...

— А по отечеству меня никто не зоветъ. Папенька у меня Гордѣй былъ. Всегда, бывало, покойникъ шутилъ съ купцами: «Я вотъ Гордѣй, но не гордый... Принесъ ты мнѣ икры боченокъ,—я съ тобой вмѣстѣ чайку напьюсь... А у другого ты бы въ передней настоялся»... Прощайте... Спасибо вамъ, пріютили вы меня!—и она шарикомъ скатилась съ лѣстницы.

VII.

У пріятеля вечеромъ зашелъ разговоръ объ Анфисѣ. Надо признаться, говорили мы въ очень легкомысленномъ тонѣ и смѣялись. Я много разъ замѣчалъ, что наше добродушіе въ этомъ отношеніи, пожалуй, будетъ похуже иной злостности. Ужь очень мы любимъ вышучивать всякаго, кто попадется на языкъ, не разбирая, стоитъ онъ этого или нѣтъ. Такъ полагается и никто серьезнаго значенія шуткѣ не придаетъ и всякій знаетъ, что правды въ ней не ищи, а иногда самый почтенный человѣкъ на всю жизнь дѣлается ради этого посмѣшищемъ. Веселые люди точно подъ гору бѣгутъ. Начнутъ и — кончить уже не могутъ, ничѣмъ ихъ не остановишь. На возраженія или не отвѣчаютъ, или горланятъ нѣчто совсѣмъ не подходящее къ дѣлу, но вполнѣ удовлетворительное для другихъ веселыхъ людей, ихъ слушающихъ. Я думаю, у насъ не мало репутацій, а пожалуй и жизней было загублено такимъ образомъ. Рядомъ съ «добродуш-

нымъ» смѣхомъ идетъ и вовсе уже не добродушная сплетня. Въ этомъ, впрочемъ, у насъ есть нѣчто свое, національное, нигдѣ не встрѣчающееся. Мы всѣ не только равны передъ закономъ, но также равны и передъ сплетней. Своеобразное egalité. И чѣмъ виднѣе, замѣтнѣе человѣкъ, тѣмъ больше на его счетъ изощряются обывательское воображеніе и лакейская изобрѣтательность. Въ этомъ равенствѣ передъ сплетней заключается главная гарантія нашей *свободы*. Своего рода хартія. «Дѣлай или не дѣлай, все равно сплетничать будутъ, такъ ужь лучше дѣлай». Такъ и на этотъ разъ бѣдную Анфису столь обстоятельно раздѣлали подъ орѣхъ, что отъ человѣка, пожалуй, и мѣста живого не осталось. Изъ-за расхлестаннаго пижона на бекрень да выцвѣтшихъ эксельбантовъ никто въ ней души не замѣтилъ, и такъ бы это и прошло, еслибъ не одинъ совершенно непредвидѣнный случай. Въ углу гостиной я давно замѣчалъ чрезвычайно взволнованнаго гимназиста, который все порывался что-то сказать, но только краснѣлъ, пыжился, мычалъ какія-то неудобопонятныя междометія, да безпощадно теребилъ свой вихоръ, торчавшій надъ самымъ его лбомъ. Онъ иногда вскакивалъ, какъ дождевой пузырь на водѣ, довольно задорно подходилъ къ намъ, но когда всѣ къ нему обращались недоумѣло и вопросительно, гимназистъ вдругъ отступалъ въ уголъ и смирно садился на стулъ. Наконецъ, когда кто-то ужь очень непочтительно прошелся насчетъ Анфисиной любви къ какому-то капитану, юношу точно что-то вверхъ вздернуло. Онъ нелѣпо взмахнулъ неуклюжими, какъ лапы у щенка, руками и въ самое лицо говорившему крикнулъ:

— Неправда-съ!

— Что?—удивился тотъ.

— Все, все неправда-съ!... Одна выдумка и... и подлость!

— Позвольте... Да вы-то кто такой?

Гимназистъ струсилъ и сталъ было опять отступать въ уголъ.

— Что съ вами, Игнашенька?—удивленно спросилъ его хозяинъ.

— Я... я ничего... а только зачѣмъ же они?

— Позвольте. Господа, это репетиторъ моего Воли... Скромнѣйшій изъ гимназистовъ. Какая это васъ, Игнашенька, блоха укусила?

— Такъ.

Онъ опять затеребилъ непокорный чубъ и мрачно смотрѣлъ на насъ.

— И что вамъ эта самая Анфиска?

— Все-съ!—вдругъ какимъ-то надтреснутымъ, задорнымъ те-

норкомъ выкрикнулъ онъ. Я даже вздрогнулъ. Точно неожиданно стаканъ разбили надъ самымъ ухомъ.

— Какъ все-съ?

— А такъ. И не Анфиска, а Анфиса Гордѣевна...

— Да говорите, батюшка. Все свои, не съѣдятъ васъ.

— Она мнѣ истинною благодѣтельницей была.

— Вотъ те и на!

— Потому что безъ нея я бы погибъ. И не только гимназіи бы мнѣ не продолжать, а хотя въ петлю-съ.

— Да изъ-за чего это, Игнашенька? Объяснитесь вы по-человѣчески, ради Христа. Какъ это вамъ пропадать приходилось и причемъ тутъ Анфиса... ну, хоть Гордѣевна, что ли?

— При всемъ... Она меня на улицѣ подобрала, когда меня дядя выгналъ.

— Васъ... такого скромнаго? За что?

— За Барбосскіе острова и за фруктъ гуайаву.

Мы всѣ такъ и вскочили.

— Да объяснитесь вы, наконецъ, толкомъ, чортъ васъ возьми!

Общее любопытство было возбуждено до послѣдней степени. При чемъ тутъ Барбосскіе острова, фруктъ гуайава и вмѣстѣ съ ними наша Анфиса... хотя бы и Гордѣевна?

VIII.

Дѣло оказалось до такой степени просто и, въ то же время, нелѣпо, какъ это только и можетъ быть у насъ на святой Руси. Игнашенька, видите ли, приходился племянникомъ, либо воспитанникомъ (въ степени родства или свойства онъ самъ, какъ настоящій пошехонецъ, въ трехъ соснахъ путался и разобраться никакъ не могъ) богатому ветхозавѣтному купцу Младенцеву, котораго, впрочемъ, иначе и не называли, несмотря на его идиллическую фамилію, какъ Иродомъ-Лютымъ. Купецъ Младенцевъ своеобразно понималъ Игнашенькино воспитаніе и даже гордился имъ, говоря: «Я его собственноручно на дыбы поднялъ». Это туманное изреченіе означало излюбленные всѣми вообще Иродами-Лютыми педагогическіе пріемы, отъ коихъ на тѣлѣ отрока обыкновенно живого мѣста не бываетъ. Иначе это называется выдерживать въ страхѣ Божіемъ. Въ такомъ именно страхѣ Игнашенька дожилъ до двѣнадцати лѣтъ, и такъ какъ у него никакихъ иныхъ свойственниковъ не было, то и пожалѣть его оказывалось некому. Разъ онъ сидѣлъ и учился географіи. Дядя его такъ забилъ, что иначе мальчикъ и не могъ

усвоивать книжной премудрости, какъ въ слухъ, закрывъ уши и зажмуривъ глаза. Сто разъ, бывало, повторитъ какое-нибудь мудреное имя, а въ сто первый опять его забудетъ. Теперь передъ нимъ была Южная Америка и онъ совсѣмъ ушелъ въ нее... Долбилъ, долбилъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что какая-то невидимая сила подымаетъ его за уши вверхъ. Открылъ глаза и сомлѣлъ: дядя собственною своею персоной.

— Ты,—говоритъ,—мерзавецъ, что это?

— Урокъ учу-съ.

— Урокъ... Ну-ка повтори. Какимъ ты это Барбосомъ мнѣ въ уши тычешь?

— Никакого,—говорю,—Барбоса нѣтъ, а есть островъ Барбадосъ.

Онъ какъ развернется, такъ я подъ столъ и покатился.

— Повтори, каналья!

Я сквозь слезы опять:

— Островъ Барбадосъ.

Онъ опять развернулся, да съ другой стороны.

— Ты надо мной смѣяться?... Я тебѣ дамъ... Розокъ!

— Помилуйте, вотъ въ учебникѣ... Островъ Барбадосъ и произростаютъ тамъ гуайавы.

— Что, что?!—Свѣту дядя не взвидѣлъ.—Какое ты, подлецъ слово сказалъ?

— Гу-ай-а-вы...—а самъ плачу.

— Ахъ, ты вотъ какъ... Ну, постой!—Взялъ онъ меня.—Я,—говоритъ,—тебя къ директору, пущай онъ при всей гимназіи тебя накажетъ, да смертнымъ боемъ,—и черезъ весь городъ меня за ухо... А было утро, ученики уже собирались въ классы. Привелъ онъ меня—разсказываетъ. «Отпорите,—говоритъ,—ваше превосходительство, мнѣ эту шельму при всѣхъ». — «За что?» — «За островъ Барбосъ. И за фруктъ этотъ самый... Я даже при васъ и сказать не могу, какъ онъ негодяй его назвалъ. Такая подлость!» Директоръ любилъ меня за прилежаніе и жалѣлъ,—видѣлъ тоже, каково мое житье у дяденьки. Спрашиваетъ, что случилось; я ему доложилъ, какъ было,—ну, онъ на дяденьку. «Вы,—говоритъ,—своимъ невѣжествомъ у меня лучшаго воспитанника портите и начальство пустяками безпокоите» и пошелъ, и пошелъ. Дядю потъ прошибъ. Вышелъ онъ—ни слова, только въ дверяхъ оберпулся и козыремъ мнѣ такъ: «Прощайте, господинъ гимназистъ, желаю вамъ всего наилучшаго!» Отсидѣлъ я классы, домой иду, думаю, что̀ будетъ еще Душа? не на мѣстѣ. Калитка заперта, отво-

рнютъ. Наверху на галлерейкѣ стоитъ дядя. «Ты,—кричитъ,—кто такой? Я растерялся, наконецъ, отвѣчаю ему: «Вашъ племянникъ».— «Врешь, ты не племянникъ, а мерзавецъ! Ну-ка, Ермилъ,—дворникъ у насъ былъ такой,—спусти на него собачку Дружка!» А псы у насъ на цѣпи были такіе, что быка могли разорвать. Я, разумѣется, въ ворота. А онъ мнѣ въ догонку: «Вонъ, негодяй, чтобъ я тебя больше не видѣлъ!» Ну, сейчасъ же онъ къ нотаріусу и всего по завѣщанію меня лишилъ, а черезъ два дня офицеръ его одинъ обидѣлъ, такъ съ дядей ударъ случился, онъ и померъ. Я остался на улицѣ. Дѣться мнѣ некуда было. Откуда-то у него выискались родственники. Терпѣть они меня не могли раньше. Думали, что я у нихъ дядины капиталы отнимаю. Вошелъ было я къ нимъ... Такъ что же: дядя-то собачкой грозился, а они въ самомъ дѣлѣ Дружка на меня спустили! Едва я въ переулокъ выскочилъ. «Ты,—кричатъ,—воровать къ намъ?»

IX.

Бѣдному Игнашенькѣ пришлось плохо. Первое время онъ ночевалъ у товарищей, но нельзя же было пользоваться этимъ вѣчно, и поэтому наступилъ вечеръ, когда онъ, наконецъ, очутился одинъ на улицѣ, голодный, дрожа отъ стужи въ своемъ гимназическомъ кафтанчикѣ. Пальто осталось въ домѣ Младенцева и мальчику даже въ этомъ отказали добрые родственники. «Ступай, ступай, ничего тутъ твоего нѣтъ! Не прохлаждайся!» Бѣдняга ходилъ, ходилъ и усталъ до смерти. Въ головѣ звонъ, ноги болѣли, въ груди ныло. Лопатки такъ ломило, точно у него былъ застарѣлый ревматизмъ. Игнашенька уже началъ помышлять о томъ, какъ бы теперь хорошо добѣжать до рѣки да бултыхнуться туда. И впереди, вѣдь, не предстояло никакого спасенія. До стипендіи нужно переждать нѣсколько мѣсяцевъ. Объ урокахъ въ его классѣ еще нечего было и думать. Директоръ помочь не могъ,—у самого на рукахъ росло много дѣтей. Стемнѣло. Вызвѣздило. Откуда-то изъ переулка потянуло такимъ холодомъ, что мальчика насквозь остудило. Шею, лицо ему защипало. Рукъ некуда дѣвать и ноги заголовались. Онъ въ этотъ день не ѣлъ, если не считать корки, которую онъ отнялъ у собаки, уже нацѣливавшейся на нее. У товарищей попросить гордость мѣшала,—не каждый же день къ нимъ! «Скорѣе бы укралъ, кажется»,—признавался онъ. Такъ часа полтора прошло. Напротивъ въ окнахъ видѣнъ былъ чайный столъ съ самоваромъ. Паръ отъ него осаждался на стекла. Съ

жадностью голоднаго волченка Игнашенька разглядѣлъ, что простоволосая кухарка выбѣжала оттуда и немедля вернулась съ цѣлымъ ворохомъ сухарей изъ булочной. Подъ ложечкой у Игнашеньки засосало, и уже не будучи въ силахъ болѣе сдерживаться, онъ прислонился болѣвшею головой къ забору и заплакалъ. Долго ли, много ли, самъ не помнилъ потомъ, только вдругъ онъ почувствовалъ, кто-то его за плечи трогаетъ. Оглянулся—Анфиса.

— Оставьте, чего вамъ?... Чего вы пристаете?—грубо крикнулъ онъ на нее сквозь слезы.

— Чего ты плачешь?

— Не ваша забота... Хочу и плачу.

«Такая я дрянь былъ въ эту минуту!»—самъ себя атестовалъ намъ Игнашенька.

— Коли плачешь, значитъ, тебя обидѣли или дурно тебѣ... Ты разскажи, можетъ, я и помогу. Вѣдь, я и по лѣтамъ-то въ матери тебѣ гожусь.

И совсѣмъ она не такимъ это голосомъ сказала, какимъ со всѣми разговариваетъ. Что-то въ немъ ласковое, мягкое прозвучало: Игнашеньку точно ударило по сердцу. Онъ еще пуще разрыдался и къ рукамъ ея припалъ. Вся обида выходила наружу. Онъ несвязно жаловался ей, себя проклиналъ и самъ не помнитъ, что ей такое выкрикивалъ, а она только гладила его по головѣ да приговаривала: «Полно, будетъ, глупый, ты глупый! О чемъ ты? Все это пустое, и твоя бѣда еще не бѣда, — такія ли пастоящія бѣды бываютъ?» Потомъ увела его къ себѣ, накормила, напоила чаемъ и спать уложила. А утромъ, когда онъ проснулся, ему была ужь и горенка наверху у нея готова, даже чистенькія занавѣски къ окнамъ она повѣсила, у себя ихъ сняла, обо всякой мелочи позаботилась, да такъ невступно три года его у себя и продержала, обувала, одѣвала, кормила, въ гимназію платила за него, потому что стипендіи ему, все-таки, не досталось. Сыну управляющаго казенною палатой ее отдали, — ужь очень отецъ хлопоталъ, хотя и богатый. Не могли ему отказать. Такъ шло до этого года, когда его пригласили жить къ моему пріятелю и репетировать уроки съ его дѣтьми. Назначили ему жалованья десять рублей въ мѣсяцъ.

— Я ей отдаю! — съ гордостью проговорилъ Игнашенька.

— Беретъ?

— Сначала не хотѣла, такъ я ей пригрозилъ, что кутить на нихъ начну.

— Что же, ей поддержка.

— А вы думаете она ихъ на себя? Какже!—У него даже голосъ

упалъ и онъ уже тихо окончилъ:—На университетъ мнѣ копить. «Тебѣ,—говоритъ,—нужнѣе будутъ». А вы про нее разныя глупости. Вы простите, я не могъ смолчать, потому что она меня спасла. Она мнѣ лучше матери. Мать должна, а она, вѣдь, ничѣмъ не обязана была... А только такихъ, какъ я, у нея не мало. Я прямо говорю: если есть праведницы...

И онъ оборвался. Слезы подступили къ его глазамъ, онъ какъ-то всхлипнулъ, отвернулся и кинулся въ другія комнаты.

— Вотъ тебѣ и пижонъ съ эксельбантами!—пошутилъ кто-то.

Но всѣмъ стало стыдно и неловко. Шутка такъ и погасла неподдержанною.

— Да, да... Есть живыя души! Не знаешь только, гдѣ искать ихъ,—тихо проговорилъ хозяинъ.—И, вѣдь, какъ изводится на работѣ эта Анфиса Гордѣевна! Строго говоря, что ей?... И вѣрно даже значенія своимъ подвигамъ не придаетъ, треплется отъ одной давальщицы къ другой и повеличаться ей передъ самою собой некогда... Есть, есть живыя души! Оболокись только онѣ такъ, что и не отличить ихъ.

X.

Любопытенъ я отъ природы, что ли, только страсть моя—до всего, какъ у насъ говорятъ, «доходить». Прошло нѣсколько дней, а я не забылъ ни малѣйшей подробности этого вечера и даже намѣтилъ на случай кое-какія противорѣчія. Шелъ я по главной нашей улицѣ подъ вечеръ и нежданно-негаданно встрѣтилъ Игнашеньку. Онъ было хотѣлъ мимо, да я его остановилъ. Очевидно, онъ на меня тоже дулся за Анфису, потому что смотрѣлъ въ сторону, и довольно мрачно, вмѣсто отвѣтовъ, урчалъ что-то неподобное.

— Вы что же это на меня злитесь? Я, вѣдь, не причемъ.

— Я не злюсь... Что мнѣ злиться?

— Я, напротивъ, и отъ архіерея про Анфису Гордѣевну одно хорошее слышалъ.

— То-то.

— Вотъ только одного я не понимаю, тогда говорили: что это за капитанъ у нея завязался?

Игнашенька вспыхнулъ, даже глаза какъ у молоденькаго ястребка загорѣлись.

— Вѣдь, вотъ подлецы какіе!

— Чего же вы ругаетесь?

— Такъ ли ихъ слѣдуетъ? Вотъ что-съ... Хотите, я вамъ докажу, каковы ваши друзья? А вы ужь имъ потомъ отъ себя передайте, что они значатъ... Лжецы!

— Благодарю за порученіе. Только какъ вы докажете?

— А вотъ пойдемте къ Анфисѣ Гордѣевнѣ, тамъ вы и капитана этого увидите.

Я поймалъ его на словѣ. Мнѣ давно хотѣлось увидѣть, какъ живетъ знаменитая Анфиса. У насъ никто этого не зналъ, она сама бывала вездѣ, къ ней же ея кліентки никогда не заглядывали. Во-первыхъ, далеко, а, во-вторыхъ, сама она не желала этого. Именно поэтому о ней, можетъ быть, и разсказывали чортъ знаетъ что. «Чего бы ей прятаться, если у нея все какъ у людей?» Игнашенька велъ меня такимъ рѣшительнымъ шагомъ, точно онъ шелъ на приступъ. По пути онъ безсвязно лепеталъ: «Ахъ, какая это женщина! Вотъ въ романахъ какихъ только не описываютъ, а подобной нѣтъ. Вы сами увидите. У меня одна мечта: кончить университетъ, получить мѣсто... Хорошее мѣсто... Чтобы, знаете, жалованья побольше. И ее къ себѣ сейчасъ. По крайности, она тепло и лакомый кусокъ узнаетъ. А то не допьетъ, не доѣстъ, все другимъ, все другимъ. Такая необыкновенная! Теперь если бы меня слѣдователемъ назначили куда-нибудь. Вы какъ полагаете, я, вѣдь, ее отлично прокормилъ бы. И не женюсь даже, чтобы ей лучше было. Мое намѣреніе такое—пускай она ничего не дѣлаетъ: все отдыхаетъ. Вы какъ думаете, взяла меня тогда къ себѣ, мало ей пришлось потратиться? Я еще глупъ былъ, не понималъ этого. А она мнѣ пальто изъ хорошаго сукна, сюртучокъ, даже брюки изъ дорогого трико... «Пускай,—говоритъ,—никто не замѣчаетъ, что у моего Игнашеньки ничего нѣтъ. Чтобы ничѣмъ хуже не былъ противъ товарищей». Книжки... занять бы можно, такъ нѣтъ, сама бѣгала покупать. «Это,—говоритъ,—не ученье, чтобъ урывками, да по чужимъ руководствамъ». Великодушная она, вотъ что! Да еще сердится, если ей скажешь. «Я-де для себя самой, отъ гордости»... Она отъ гордости!

— Какъ отъ гордости?

— А вотъ поговорите съ ней. «Хоть я,—говоритъ,—самая ничтожная, а вотъ, вѣдь, тоже могу!» Мнѣ такъ хочется, чтобы всѣ узнали, какая она, и стали бы уважать ее. Чтобъ она была вверху, а мы все снизу на нее. «Ты,—говоритъ,—выростешь, другому поможешь, такъ это кругомъ и пойдетъ: я тебѣ, ты другому, другой третьему, а посерединѣ Христосъ, и чтобъ ангелы радовались. Вотъ злу-то въ мірѣ и поменьше путей будетъ». Вы какъ думаете, ее у насъ въ городѣ уже знаютъ, кому нужно. Прислуга безъ

мѣста,—сейчасъ къ ней, пока не найдетъ хозяевъ. Сегодня одни, завтра другіе.

— Да что же у нея казармы, что ли?

— Нѣтъ, какія казармы, а только очень тѣснятся. По ея выходитъ, что всѣмъ должно мѣста хватить. У нея у самой къ комнаткѣ всегда двѣ-три спятъ. У меня была вверху особая, потому что мнѣ, видите ли, учиться надо было. Ну, ко мнѣ она уже никого не пускала. Сама за этимъ слѣдила.

XI.

Кажется, нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такихъ слободокъ, какъ у насъ подъ губернскими городами. Сразу даже не поймешь, въ какой это міръ перенесло тебя. Шумъ и движеніе, каменные дома, газовые фонари, узкіе тротуары, площади съ силуэтами пестрыхъ и многоглавыхъ церквей, дрожки съ трескучими колесами и ободранными ваньками, ярко освѣщенныя и потныя окна трактировъ,—все это осталось далеко позади. Еще сначала вы идете по деревяннымъ мосткамъ, а потомъ и они кончаются. Пустыри, взрытые свиными мордами, гдѣ практикуютъ мѣстные Ринальдо-Ринальдини и Рокамболи, садики, обдающіе васъ запахомъ березовыхъ почекъ, и вдругъ передъ вами куда-то, кажется, въ безконечную даль уходитъ широкая и пустынная улица съ домиками, вросшими въ землю, съ неустойчивыми заборами, съ изрѣдка мелькающимъ свѣтомъ лампадки за краснымъ занавѣсомъ крохотнаго окна, съ облачками пыли, которую гонитъ вѣтеръ вдоль по всей слободкѣ, уныло посвистывая и жалуясь на одолѣвающую его скуку. Днемъ вы кое-гдѣ различите покрившіяся убогія вывѣски, облинявшія до того, что не разберешь, сапогъ на ней изображенъ или самоваръ. Подъ вечеръ слободка еще оживаетъ на часъ, полтора. На скамейкахъ у калитокъ сидятъ точно пришибленные люди и Богъ вѣсть о чемъ задумываются. Ни пѣсни, ни смѣха, будто они заказаны здѣсь. Тишина стоитъ мертвая, только изрѣдка зашепчутъ листья, да всколыхнется вѣтка чуть тронутаго вѣтеркомъ дерева. Тѣни отъ луны, когда ей быть полагается, стоятъ недвижно. Звѣзды мерцаютъ робко-робко. Что-то благоговѣйно, молитвенное подъ темно-голубою бездной ночного неба... Я думаю, разбитые жизнью люди, съ расшатанными, больными нервами, должны были бы здѣсь хорошо себя чувствовать на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ. Здѣсь, разумѣется, есть своя жизнь, но она какъ-то притаилась, какъ ручей въ лѣсу сочится подъ тра-

вою и мхомъ. Изрѣдка булькнетъ или всхлипнетъ, а то его и не услышишь, хоть броди около. До желѣзныхъ дорогъ эти слободки жили, и жили шумно. Сюда приставали обозы, даже базары открывались здѣсь, а теперь все поникло и уныло, все ничкомъ стелется, боится голову поднять среди общаго бездолья. Порою только скрипнетъ дверь въ лавкѣ, гдѣ по старой памяти сидитъ ветхій деньми торговецъ стараго письма съ длинною сѣдою бородой, высохшій среди ржаваго желѣза и никому ненужныхъ ободьевъ, колесъ и веревокъ, давно покрывшихся пылью и повитыхъ паутиною. Онъ за цѣлый годъ не продастъ и на рубль и только по неодолимой привычкѣ продолжаетъ сидѣть въ дверяхъ и жмуриться на солнце. Иначе ему не было бы никакого резона существовать. Всѣ кругомъ его зовутъ дѣдушкой и онъ на всѣхъ одинаково хмуритъ свои сѣдыя, низко нависшія брови. Навѣщаетъ его только такой же ветхій мѣщанинъ-сосѣдъ, и тогда они собесѣдуютъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленія. «Понимаешь ли ты, что значитъ невидимая брань?... Ну-ка, какія будутъ твои слова?» И на молчаніе товарища мѣщанинъ продолжаетъ: «Вотъ ты и сообрази, какой въ этомъ, напримѣръ, смыслъ: злый человѣкъ изъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое. А чистое око, еже не видѣти зла?» И оба вздыхаютъ. А пыль еще толще наслаивается на старомъ желѣзѣ, ободьяхъ, веревкахъ и пауки еще гуще плетутъ кругомъ свои сѣрыя, непроницаемыя сѣти. И мухъ нѣтъ, а онѣ лохмами висятъ во всѣхъ углахъ. Точно также, какъ, несмотря на отсутствіе покупателя, Богъ вѣсть для чего существуетъ эта лавка съ хозяиномъ стараго письма въ ея дверяхъ и умственнымъ, собесѣдующимъ съ нимъ мѣщаниномъ около. На меня эти слободки всегда производили странное, не то умиротворяющее, не то принижающее впечатлѣніе.

Когда мы шли сюда по пустырямъ, мимо мелькнуло два-три мѣстныхъ Рокамболя. Оборванцы зорко вглядывались въ Игнашеньку и съ словами: «это Анфискинъ питомокъ», исчезали въ темнотѣ.

— Они и ее никогда не трогаютъ. Знаютъ, что она вся для бѣдныхъ людей... Несчастный народъ все... Зимою, случается, окоченѣвшими ихъ здѣсь находятъ... Ахъ, сколько въ мірѣ горя да бѣдствій!

Я съ удивленіемъ всмотрѣлся въ него. Очень были странны эти слова въ устахъ пятнадцатилѣтняго мальчика.

XII.

Домикъ, который занимала Анфиса Гордѣевна, стоялъ въ сторонкѣ. Спереди тянулся полуразвалившійся заборъ, за которымъ тре-

лись двѣ чахлыя березки, — такія чахлыя, точно и онѣ здѣсь пріютились отъ какой-то невѣдомой бѣды. Калитка была открыта, да ее и запереть нельзя было, на одной петлѣ висѣла, а засовъ здѣшніе Ринальдо-Ринальдини давнымъ-давно вмѣстѣ съ мясомъ вывернули. Когда мы вошли во дворъ, въ его глубинѣ привѣтливо блеснули намъ на встрѣчу четыре окошка. Собачонка, завивая хвостъ кренделемъ, съ радостнымъ визгомъ подкатилась намъ подъ ноги; издали, на трехъ лапахъ и четвертую перебитую держа на отлетѣ, торопился встрѣтить нежданныхъ посѣтителей большой и почтенный песъ, судя по осанкѣ и породѣ, нѣкогда видавшій лучшія времена. Совсѣмъ сановникъ на покоѣ. «Балкашка, здравствуй! — привѣтствовалъ его Игнашенька, и тотъ сдѣлалъ было попытку кинуться къ гимназисту на грудь. — Ну, хорошо, хорошо... Вѣрю, что любишь!» А маленькая собачонка въ это время, какъ-то выгнувшись французскимъ эсомъ, кружилась у самыхъ ногъ его и въ заключеніе опрокинулась на спину и всѣ четыре лапы вверхъ вытянула: бери, дескать, меня, вся я тутъ! «Откровенная шельма!» — засмѣялся мальчикъ и пошелъ къ дверямъ. Онъ, не звонясь, прямо зацапалъ въ руку лохмы клеенки и войлока, висѣвшіе съ нихъ, и потянулъ ихъ къ себѣ. Дверь отворилась и мы вошли въ темныя сѣни, куда изъ слѣдующей комнаты доносилось однообразное и мѣрное гудѣніе, точно тамъ нѣсколько громадныхъ мухъ бились въ окно. «Швейныя машины! — пояснялъ мнѣ Игнашенька. — Всѣ теперь за работою». Онъ и самъ оживился, какъ только переступилъ за калитку этого дома. «Вотъ вы увидите, увидите! — безсвязно повторялъ онъ, радостно свѣтя на меня своими молодыми, восторженными глазами. — Увидите, какія онѣ всѣ хорошія, добрыя!... И всегда, всегда за дѣломъ. Особенно Шурочка». — «Это что за Шурочка?» — спросилъ я у него. — «А горбунья одна. Я ее страсть люблю. Мы ее стеклышкомъ прозвали. Потому ее насквозь всю видно. Прозрачная душа, чистая! Ахъ, еслибъ вы знали, какъ между ними легко жить, потому тамъ ничего затаеннаго нѣтъ. Никакого притворства... Все на чистоту. Никакого нѣтъ имъ интереса врать другъ передъ дружкой.

— Кто тамъ? — послышался изъ комнаты веселый голосъ.

— Свой!

— Игнашенька, ты?

— Я, съ гостемъ только.

— Съ гостемъ? — и дверь пріотворилась. — Съ гостемъ?... Ахти, а у насъ-то ничего не прибрано и сами-то мы — чумички-чумичками!

Въ дверяхъ, все въ свѣту, падавшемъ оттуда, стояло преоригинальное маленькое созданіе. Совсѣмъ кривулька! Голова вросла въ плечи, причемъ одно было выше другого, а позади чуть не вровень съ затылкомъ торчалъ горбъ. Казалось, что это не часть ея жалкаго тѣла, а какая-то неуклюжая ноша, которую она перекинула себѣ за спину.

Когда я вошелъ и разсмотрѣлъ ее, меня поразила красота ея удивительныхъ глазъ. Ни прежде, ни послѣ я не встѣчалъ такихъ: глубокіе и печальные, они своимъ чуднымъ свѣтомъ ласкали васъ, заставляя забывать это уродливое, болѣзненное тѣло. Дѣйствительно, въ нихъ смотрѣла на всѣхъ чистая и «прозрачная», по словамъ Игнашеньки, душа.

— Ну, слава Богу, выздоровѣли вы, Шурочка?

— Да. Долго-то мнѣ болѣть нельзя. И то Анфиса Гордѣевна за меня по ночамъ работала, да и Гуля съ ногъ сбилась,—указала она на дѣвушку, сидѣвшую за работой.

— Гуля нѣмая у насъ,—предупредилъ меня гимназистъ.

Я это самъ и безъ него замѣтилъ. Она, какъ только мы вошли, точно заполыхалась, не отрывая своихъ глазъ отъ Игнашеньки. Понявъ, что онъ говоритъ про нее, Гуля закивала ему головой, замычала и загукала, какъ-то совсѣмъ уже странно размахивая рукою.

— Это она радуется, что я пришелъ. Она всегда такъ.

— Здравствуй, здравствуй, Гуля! Будетъ тебѣ, довольно!... Ну, хорошо, хорошо!

Но успокоилась она только тогда, когда онъ положилъ ей руку на голову и провелъ ладонью по ея волосамъ. Горбунья какъ-то бочкомъ-бочкомъ подобралась къ ней и сѣла за работу. Швейныя машины опять загудѣли, опять застучали иголки и педали. Висѣвшая съ потолка лампа ярко освѣщала простой, некрашеный, какіе бываютъ въ кухняхъ, столъ, весь заваленный разноцвѣтными лоскутьями, перекраиваемыми матеріями, вырѣзками, нумерами моднаго журнала, свертками бѣлой тесьмы, пестрыми мотками нитокъ, растерзанными лифами, надъ которыми точно хирургъ только что произвелъ безпощадную операцію, расшитыми юбками. Въ сторонѣ чернѣли охолодѣвшіе утюги, щипцы для гофрировки и какіе-то совсѣмъ ужь невѣдомые мнѣ инструменты. Стулья были тоже заняты тряпками. На стѣнѣ висѣли готовыя платья, прикрытыя простынями. Короче, вся эта мастерская, изъ которой выходили изумительнѣйшіе костюмы нашихъ grandes coquettes, открывали мнѣ всѣ свои таинства. Маленькая дѣвочка сидѣла въ

углу, болтая ногами. Волосы у нея были острижены и будто имъ надоѣло трепаться на ея головѣ и они стремились разбѣжаться, а пока только торчали во всѣ стороны. Она большими глазами смотрѣла на насъ и изрѣдка, въ видѣ знаковъ препинанія къ своимъ мыслямъ, дергала носомъ и хмыкала.

— Это у васъ новая?—спросилъ Игнашенька.

— Да. У Большерѣцкихъ кухарка померла. Ея дочка... Пока до пріюта.

— Что же она у господъ не осталась?

— Они ее къ намъ прислали. У нихъ, видите, мало мѣста. Цѣлый домъ пустой. Пришла голодная, холодная, въ синякахъ.

— Барыня-то больше объ это мѣсто,—вдругъ указала дѣвочка на затылокъ.—И за виски тоже... Сколько разовъ она меня розгами строжила. До сихъ поръ видно... Вотъ издѣсь,— и она стала было приподымать юбчонку, но ее во-время остановила Шура.

— За что же это она тебя?

— А чтобъ ей на глаза не попадаться. Не любитъ она... Въ пріютѣ, сказываютъ, кашу съ постнымъ масломъ даютъ. Я постное масло страсть люблю... Здѣсь тоже кашу ѣдятъ,—ужь невѣдомо кому въ пространство проговорила она,— и мясо, — не безъ нѣкоторой задумчивости окончила дѣвочка.—Издѣсь не дерутся, добрыя...

— Вотъ погоди, на капитана наткнешься.

— Что-жь, что капитанъ? Онъ кричитъ только, а никогда не ушибетъ.

— Ну, что у васъ въ городѣ?—съ любопытствомъ спросила Шура у Игнашеньки.

— Ничего. Все по-старому. Работаю.

— У купцовъ Нежилыхъ какой балъ былъ. Мы два платья поставили. Театры играютъ?

— Да.

— Ты-то видалъ, поди.

— Какже, меня возили.

— Хорошо играютъ? Геройское что или смѣшное?

— Отчего ты, Шура, никогда не пойдешь?

— Я?—оторопѣла она.—Куда же я пойду такая? На меня на с[illegible]ое, какъ на театръ, смотрѣть станутъ. Нѣтъ, ужь куда мнѣ, о[illegible]одясь не бывала. Слышала только. Сюда къ намъ ходитъ Пав[illegible]на. Знаешь—мѣщанинъ. Ну, когда пьянъ—представляетъ. Вѣдь, о[illegible] прежде тоже на театрѣ былъ. Сказываетъ, вотъ какими бук[illegible]ми на афишѣ печатали съ дозволенія начальства... У насъ те-

перь живетъ Василиса... Безъ мѣста она, такъ пока. Она прежде тоже служила у актеровъ. Они въ красномъ трикѣ сквозь обручи на лошадяхъ прыгали. Все,—говоритъ,—у нихъ тѣло такъ вывернуто, что «сама» могла съ ноги кушать. Возьметъ ногою хлѣбъ и въ ротъ себѣ... Первое время страсть какъ пужалась... Василиса-то... а потомъ привыкла.

— Ужь такъ пужалась!—запѣла въ дверяхъ внезапно появившаяся толстая баба.—Такъ пужалась!... Думала, у меня печонка повредится. А по вечерамъ они въ циркъ поѣдутъ, а я сижу да вою въ кухнѣ. Ну, слава Богу, обошлось... Это тотъ самый баринъ, грамотный?—обратилась она къ Шурѣ, кивая на Игнашеньку.

— Да, да.

— Вотъ, милый! Матросская супруга я... Пятый годъ за матросомъ, и бозныть куда его угнало начальство. Вторая весна пошла.

— Ну?

— Пишу я къ нему, а онѣ вотъ,—показала она Шуру,—говорятъ, такое письмо не дойдетъ. Какже ему не дойти, когда я казенную марку налѣпила? Посмотри-ка ты.

— Дѣло не въ маркѣ. Адресъ невозможный, — засмѣялась Шура.

— Какъ невозможный? Правильный!

Игнашенька взялъ, прочелъ и, едва удерживая улыбку, подалъ мнѣ. На конвертѣ значилось:

«Во всѣ заграницы.

Нашему Расейскому крейсеру *Грозному*—въ открытыя моря.

А васъ прошу передать матросу

Кирилу Крылатому (который на емъ)».

— Должно его начальство отыскать, потому онъ казенный человѣкъ. Имъ всѣмъ счетъ идетъ. Они, вѣдь, тоже не просто, а по спискамъ, каждый при своемъ мѣстѣ. А то что-жь это будетъ? Бросилъ онъ меня и правъ?... Теперь мнѣ предлагаютъ кухаркой въ отъѣздъ. Вернется онъ и не найдетъ, развѣ это такъ и слѣдуетъ? Я, помилуйте,—обижалась она,—въ церкви вѣнчана. Надо мною ихній боцманъ вѣнецъ держалъ. Со свисткомъ на груди боцманъ-то! Какже не дойти? Это хоть кому обидно! Ты вотъ что, баринъ, чкни-ка здѣсь, внизу въ уголку самомъ: «отъ законной жены Василисы». Чтобъ они понимали тамъ: не по пустякамъ-де, а сурьезное дѣло. Чкни-ка мнѣ сейчасъ. Лавочникъ тоже не дуракъ, знаетъ, какъ адреса писать. Я у его допрашивала: такъ ли? Онъ говоритъ: «Не безпокойтесь, мадамъ, крѣпко выйдетъ, потомъ

чернила у насъ лазариновыя...» Онъ мнѣ и письмо писалъ. Хорошее письмо—иному чиновнику такъ не понять. Все больше о томъ, какъ мнѣ горько на свѣтѣ жить. Вотъ безъ мѣста теперь. Хорошо Анфиса Гордѣевна, дай ей Богъ, пріютила, а то куда бы я дѣлась?

XIII.

Не успѣлъ я еще толкомъ всмотрѣться въ странное общество, окружавшее меня, и разобраться съ новыми нахлынувшими на меня впечатлѣніями, какъ на дворѣ радостно залаяли собаки и сидѣвшая до тѣхъ поръ спокойно Гуля вдругъ заволновалась, замычала и загукала что-то совсѣмъ несообразное, не оставляя швейной машины и только обративъ къ дверямъ свои большіе глаза. «Анфиса Гордѣевна идетъ!»—пояснилъ мнѣ Игнашенька, лицо котораго разомъ озарилось такою милою, полудѣтскою улыбкой, полною наивной любви и радости, что меня невольно потянуло пожать ему руку, приласкать его, поцѣловать, что ли, вообще сдѣлать нѣчто такое, что насъ могло бы сблизить короче. Горбунья выскочила на встрѣчу ей и въ сѣняхъ торопливо заболтала о чемъ-то. Вѣрно, обо мнѣ, потому что та тревожно переспросила у Шурочки: «Чужой, съ Игнашенькой?... Ты бы самоварчикъ ему согрѣла». И вслѣдъ затѣмъ она показалась сама. Узнавъ меня, она обрадовалась.

— Вы съ Игнашенькой пріятели? Вотъ какъ!... Ну, что-жь? Это хорошо!

Гимназистъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ей руку; та чопорно, точно къ взрослому, приложилась ему ко лбу.

— Ну, что, какъ... по наукамъ?

— Ничего, слава Богу.

— И латынь? Какъ это по-вашему... ну его... еще такое мудреное слово...

— Экстемпорализъ. Сошло. Учитель даже хвалилъ особо.

— Ну, вотъ видите. Это хорошо, что особо. Шурочка, что генеральша?

Горбунья нахмурила брови и встревожилась.

– Ругалась сегодня. Въ меня тарелкой швырнула, а потомъ повернулась лицомъ къ стѣнѣ и говоритъ: «И смотрѣть то мнѣ на васъ, на подлянокъ, тошно!»

– Что ты? Чѣмъ же не угодили?

– Въ куриной коклеткѣ, сказывала, настоящей нѣжности нѣт

— Ну, что же дѣлать? Ты на нее не сердись. Столько у нея, у бѣдной, огорченій! Ее пожалѣть надо. Какой ни будь ангельскій характеръ — испортится. Ейный-то папаша могущественный человѣкъ былъ. Бывало, у насъ на площади зарычитъ на солдатовъ, такъ я и вчужѣ-то такъ на полъ со страху и сяду. У него черезъ плечо красная кавалерія была,—это тоже понять надо. Послѣ сытой-то жизни въ бѣдность произойти... Легко ли! Ты ужь ей угождай. Завтра коклетку ей сама я... Ну, а первый?

— Утромъ на губахъ сигналы играли.

— Веселъ, значитъ.

— Да, а потомъ показывали мнѣ, какъ у нихъ прежде маршировали съ наскокомъ.

— Ну, слава Богу.

— Что это у васъ за нумера такіе?—вмѣшался я.

— Такъ,—уклонилась Анфиса.—Жильцы... Петра-то Алексѣича ты, Шурочка, обмыла?

— Какже, ужли забуду? Потомъ съ ложки его поила бульономъ... Каши давала.

— Работы сегодня до пропасти. Кардонка у меня полнымъ-полна. Ужь какъ ты хочешь, Шурочка, а придется намъ эти дни и по ночамъ посидѣть. Хорошо, хорошо, Гуля, слышу! — повернулась она къ нѣмой, что-то всхлипывавшей и причмокивавшей ей.—Знаю, знаю, что рада... И я рада. Ну, значитъ, все въ порядкѣ. Генеральшѣ-то я назавтра сладкаго горошку захватила,—любитъ его генеральша. На икорку я нацѣливалась, восьмушку взять хотѣла, да Слюхинъ меньше двухъ бумажекъ за фунтъ и слушать не желаетъ. Пущай ужь капитанъ безъ икры обойдется какъ-нибудь.

— Развѣ вы жильцовъ держите?— спросилъ я ее, не понимая, какіе это жильцы могутъ быть въ слободкѣ.

— Остаточные у меня... Прежде держала много, какъ послѣ папеньки въ городу жила. И разговаривать не стоитъ.

И она почему-то покраснѣла и сбила своего пижона опять на бекрень. Шурочка подошла, сняла съ нея шляпку и чуть не силой посадила Анфису Гордѣевну на стулъ.

— Отдыхайте... будетъ, набѣгались.

— Не устала, не устала нисколечко. Совсѣмъ даже напротивъ.

— Да, не устали... А потомъ, какъ на прошлой недѣлѣ, начнутъ ноги жаловаться.

— Ну, ужь... Намъ болѣть нельзя. Это богатымъ хорошо, да и некогда болѣть-то. Какъ бы время было, ну, пожалуй, еще бы понѣжилась, лѣкарствомъ полакомилась... А такъ не стоитъ.

Я цѣлый вечеръ просидѣлъ здѣсь и невольно изумлялся тому, что видѣлъ въ этомъ крохотномъ уголкѣ великаго и суетливаго Божьяго міра. Анфиса Гордѣевна все дѣлала какъ-то на-ходу: и разговаривала между прочимъ, и чай пила между дѣломъ, не оставляя работы. Громадныя ножницы въ ея рукахъ казались одушевленными. Она рѣзала, кроила, кромсала ими шелкъ и бархатъ, точно онѣ дѣйствовали помимо ея воли и она только придерживала ихъ руками. Поминутно она срывалась со стула, кидалась къ кучѣ всякихъ лоскутьевъ и матерій, разомъ находила, что надо, попутно дѣлала два-три глотка чаю и опять принималась тормошиться.

— Вы бы варенья...

— Нѣтъ, нѣтъ, Шурочка... Варенье генеральшѣ отнеси. Она любитъ вишневое съ косточками. Мнѣ и такъ хорошо.

Еще часъ-два мнѣ не хотѣлось уходить отсюда. Я въ первый разъ видѣлъ такую, незнавшую отдыха, старуху, ухитрявшуюся то приласкать Игнашеньку, то разсказать о томъ, что купчиху Эвхаристову опять Господь благословилъ,—за акушеркой посылали, — то пожалѣть попадью, у которой сегодня корова пала, то сбѣгать къ генеральшѣ и сообщить всѣмъ, что та еще почиваетъ. Всѣ эти мелочи, всѣ эти «пустяки» вдругъ выростали передо мною и принимали неожиданные размѣры. Мимо, совсѣмъ другими руслами, полно, шумно и весело катились волны иной жизни, захватывавшей и меня до сихъ поръ, а здѣсь тихо, скромно, незамѣтно сочились эти невѣдомыя мнѣ существованія бодрыхъ бѣдняковъ. И вдругъ мнѣ показалось, что все бывшее до этого вечера, вся наша болтовня, наши великолѣпныя задачи и крупные интересы—выдуманное, невсамомдѣлишное, ненужное, а настоящая правда здѣсь, и только здѣсь, въ этомъ постоянномъ самоотверженіи, въ этой грошовой и жалкой борьбѣ за други своя, въ этой нѣжной и ласковой заботѣ о ближнемъ. Уходя съ Игнашенькой, я попросилъ позволенія пріѣхать сюда еще разъ.

— Если вамъ у насъ полюбилось,—обрадовалась Анфиса Гордѣевна,—милости просимъ. Мы людей любимъ. Все будто на міру... Еще бы она людей не любила, эта дѣятельная, никогда не отдыхавшая «старая дѣва», казавшаяся до сихъ поръ такою смѣшной намъ всѣмъ!

— Ну, что?—обвелъ меня восторженнымъ взглядомъ на улицѣ Игнашенька.

— Ничего... Одно скажу... Такъ мнѣ стыдно теперь за все, что мы тогда наболтали на нее.

— На Анфису Гордѣевну?

— Да.

— Ну, вотъ, вотъ... Я зналъ, что это будетъ. Это такая... такая...

А что «такая», онъ самъ не могъ опредѣлить, только голосъ у него дрогнулъ и на глазахъ проступили слезы.

XIV.

Шелъ дождь. Меня онъ засталъ по пути къ слободкѣ, гдѣ жила Анфиса. Ноги расползались въ липкой грязи; приходилось слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, чтобы не распластаться въ ней. Деревянные мостки кончились далеко позади. Передо мною все сливалось въ однообразномъ мракѣ: и крыши приземистыхъ домиковъ, и чахлыя деревья, и покосившіеся заборы. Я уже злился на самого себя, что вышелъ изъ дому, какъ впереди послышались чьи-то торопливые шаги. Съ трудомъ мнѣ удалось разсмотрѣть не то верхъ фаэтона, не то громадный зонтикъ. Такъ какъ лошадей и колесъ не было слышно, я остановился на послѣднемъ предположеніи.

— Анфиса Гордѣевна, вы?—нагналъ я ее.—А я къ вамъ.

— Ну, что же?... Милости просимъ, мы рады. Шура и то про васъ спрашивала, что̀ это господинъ въ цилиндрѣ не идетъ?

— Экій у васъ зонтъ!

— Нарочно купила такой, чтобы корзина у меня не вымокла.

— Дайте я помогу вамъ.

— Что вы, что вы!... Образованные которые, и вдругъ съ корзиной. Никакъ этого нельзя. Вы не думайте, я привыкла. И не такія таскала еще.

— Какъ вы не устаете?

— А такъ. Устаетъ-то кто? Тотъ, за кого другіе есть. Тому можно,—ну, онъ и балуется. Ну, а кому нельзя, тотъ не устанетъ. Это еще что, а вотъ зима придетъ настоящая, ну, тогда точно. Придется тяжелыя платья таскать. И, все-таки, ничего, присядешь, отдохнешь, и опять... Вы на лошадей посмотрите. Какая барская въ тѣлѣ, завсегда скорѣе разгонныхъ устанетъ. Потому она тоже къ нѣжности привыкла.

— Вамъ еще и дома-то возни сколько...

— Ну, дома что!... Тамъ у меня Шура и Галя.

— А съ жильцами вашими?

— Вотъ съ жильцами точно иной разъ устанешь.

— Что, они вамъ хоть квартиру окупаютъ?

— Да... да...—заторопилась Анфиса, но тотчасъ же сама устыдилась, Божья душа, своей невинной лжи.—Да, то-есть, знаете... Они у меня жильцы-то не настоящіе, а какъ бы въ сродственникахъ.

— Ничего не понимаю!

— Простое дѣло. У меня какъ папенька померъ, такъ стала я меблированныя комнаты держать... Пять годовъ держала, какже! Хлопотное дѣло, господинъ, а толку никакого. Еще студенты хоть не сразу, да заплатятъ. Иной на службу, окончившій, уѣдетъ и оттуда черезъ годъ присылаетъ, потому у него совѣсть, а большею частью такіе ко мнѣ жильцы попадались, что проживетъ-проживетъ нѣсколько мѣсяцевъ, заикнешься ему о деньгахъ, а онъ тебя же облаетъ, да и переѣдетъ къ другимъ. Ищи его тамъ! А эти трое, которые теперь у меня, невступно всѣ пять лѣтъ выжили, какъ будто свои стали. Ну, я переѣхала и ихъ съ собой взяла.

— И тогда они вамъ не платили?—засмѣялся я.

Анфиса Гордѣевна вдругъ обидѣлась.

— А съ какихъ такихъ тыщей платить-то имъ?

— Вы и кормите ихъ?

— Неужели-жь имъ съ голоду помирать?

— Да гдѣ же у васъ доходы?

— Ну, знаете, главное, думать не надо. Дума не поможетъ. А ужь это такъ ведется. Если есть у тебя нужда, особливо если не своя, такъ и дѣло найдется. На роскоши да разносолы не получишь, а на то, чтобы пропитать человѣка, всегда хватитъ. Слава Богу, платятъ мнѣ за работу хорошо, вотъ ни на столечко долгу не сдѣлала, все налицо покупаю. Теперь вы то возьмите—капитанъ у меня. Изъ безстрашныхъ капитановъ онъ. У него солдатскій Георгій и другія кавалеріи, а пенсіону ему грошъ. Году не дослужилъ. Что же, его такъ бросить? На войнѣ смерть не тронула, а я на улицу его, что ли? Никакъ этого нельзя! Я такъ и думаю: пусть онъ у меня свой вѣкъ доживаетъ. Потому онъ, не какъ прочіе жильцы, благородно мнѣ открылся. Я тогда еще только комнаты сво открыла. Ну, онъ пришелъ. Такъ и такъ, говоритъ, мадамъ, у меня въ настоящее время никакихъ средствъ, а въ будущемъ, ког, я моя тетка помретъ, я васъ озолочу.

— И тетка не умерла?

— Что вы, что вы!...

Да, можетъ быть, ее и нѣтъ?

— И я такъ иногда думаю,—засмѣялась Анфиса Гордѣевна.— Ну, да что же, пускай его. Это онъ изъ гордости, потому что офицеръ и дворянинъ. Нельзя же такъ прямо милостыню просить. Ну, онъ и выдумалъ ее, тетку. И теперь, когда разсердится, кричитъ: «Вотъ погоди, умретъ тетка, я непремѣнно отъ тебя съѣду!»

— Онъ что-то часто кричитъ у васъ.

— А отчего ему не кричать? Привыкъ командовать. Ему это нужно, кровь полируетъ. Не покричитъ день-два, сейчасъ кровь отъ ему въ ноги бросается, либо въ голову. Опять и для души хорошо. Покричитъ - покричитъ, и какъ будто настоящій господинъ, человѣкомъ себя чувствуетъ. Смиряться-то да покорствовать—тоже, ахъ, какъ сердцу больно! У его и крику-то на пятіалтынный. Онъ кричитъ, а Галя ему у-у-у, да ммъ... Ну, другъ друга и понимаютъ. За то въ нумерѣ второмъ у меня совсѣмъ безъ гласу. Сидитъ въ креслѣ и только глазами ворочаетъ. Тоже изъ старыхъ жильцовъ. Параликъ его разбилъ, ужли-жь и этого на всѣ четыре стороны? Вынести, да въ грязь? А какъ Богъ-отъ да меня такъ же полыхнетъ, тогда что? Хорошо будетъ? А я такъ думаю: я-то имъ служу, а Богъ меня бережетъ, оно кругомъ и выходитъ. Теперича въ третьемъ нумерѣ у меня генеральша... Какая дама!... Папенька-то у нее, знаете ли, могущественный начальникъ былъ. Мой-то до «вашего превосходительства», можетъ, на столько не дослужился, а и то, бывало, идетъ къ нему—мундиръ надѣваетъ, а самъ про царя Давида и всю кротость его про себя шепчетъ.

— Она должна большую пенсію получать.

— Нѣтъ, изъ-за своего женскаго сердца всего лишилась. Какъ у нея папенька умеръ, такъ она сейчасъ за молоденькаго офицера... Пожили два года, а потомъ онъ уѣхалъ отъ нея, такъ и неизвѣстно, гдѣ онъ теперь въ бѣгахъ пропадаетъ. Она думаетъ, что у турецкаго султана онъ, потому изъ татаръ. И христіанство-то онъ ради нея принялъ. Лестно ему было на генеральской дочкѣ. Все какъ будто себя облагородилъ... Вонъ нашъ огонекъ-то!

Впереди въ темнотѣ тускло мерещилось окно. Остальныхъ не было видно за заборомъ. Должно быть, и собаки ее почуяли, затявкали, мелко-мелко, точно бисеромъ просыпались.

XV.

Меня особенно поражала въ Анфисѣ Гордѣевнѣ черта, которую послѣ я всегда находилъ въ такихъ же, какъ она, людяхъ. Ихъ не такъ мало, какъ кажется на первый взглядъ, и майоры Боб-

ковы вовсе не очень рѣдки. Во всевозможныхъ разновидностяхъ, на самыхъ непохожихъ одно на другое поприщахъ, но они встрѣчаются далеко не одиночками. Съ ними невольно начинаешь вѣрить, что стòить только по-настоящему, какъ слѣдуетъ, возлюбить други своя, въ какомъ бы крошечномъ масштабѣ это ни было, да не на словахъ, а дѣятельно, и отъ тебя тотчасъ же отойдетъ прочь страхъ жизни, страхъ завтрашняго дня, который омрачаетъ и губитъ тысячи и милліоны другихъ, болѣе, повидимому, счастливыхъ существованій. Ни майоръ Бобковъ, ни Анфиса Гордѣевна не только не пугались этого океана бытія, уходившаго передъ ними въ туманъ и тьму, но радовались ему и, улыбаясь, ждали будущаго. Не потому ли, что для бурныхъ волнъ въ ихъ душѣ вѣчно свѣтили яркіе маяки любви и добра? Вѣдь, уже кому бы трепетать, какъ не моей старухѣ съ расхлестаннымъ пижономъ и въ эксельбантахъ, и не за себя, но и за всѣхъ пріютившихся у нея, а она нисколько даже не интересовалась этимъ. «А Богъ-то?—убѣжденно говорила она тѣмъ самозваннымъ печальникамъ, которые пытались смутить кроткій миръ ея души.—А Богъ-то?»—и она живо чувствовала этого Бога около себя и во всемъ, что̀ ни случалось съ нею, видѣла Его направляющую руку. Послѣ каждаго свиданія съ нею моя душа какъ-то ободрялась и выростала такъ, что ежедневныя заботы и печали дѣлались маленькими-маленькими и вовсе исчезали. Эта смѣшная женщина, смѣшная по видимости, воплощала въ себѣ столько силы и даже красоты,—красоты нравственной, сердечной,—что достаточно было коснуться ея локтемъ, чтобы хоть чуточку очиститься отъ всякія скверны и ощутить въ себѣ нѣкоторый стыдъ. Она не только не боялась жизни, не боялась «утрія», но, по-евангельски, нисколько не думала о первой и не заботилась о второмъ. Все это—и жизнь, и утрія шли своимъ путемъ, она предоставляла устройство ихъ Промыслу, а сама только и знала, что, не складывая рукъ, работала ради безпріютныхъ и жалкихъ людей, окружавшихъ ее. Тормошилась, изводила себя, не требуя отъ нихъ даже уваженія къ себѣ. Напротивъ, ее радовали и капризы «генеральши», и крикливая команда «капитана», потому что и та, и другой, такимъ образомъ, убѣждали другихъ и сами убѣждались, что они не утратили ни человѣческаго достоинства, ни самолюбія. Подъ вліяніемъ ея живого примѣра, и всѣ ея помощницы—горбунья Шура и нѣмая Галя—служили тому же дѣлу, не помышляя о себѣ. «Нѐть что,—говорили онѣ,—намъ, когда понадобится, Господь пошлетъ, это ужь не наше дѣло, не наша забота!» Я думаю, ни въ одномъ монастырѣ не исполнялись такъ свято и, въ то же время, такъ

наивно, простодушно, безсознательно великіе завѣты христіанской любви. Въ своемъ крошечномъ уголкѣ эта невидная артель являлась прообразомъ того, какъ бы слѣдовало жить цѣлому міру, не мудрствуя лукаво, не ища никакихъ одобреній и ободреній со стороны, просто, безъ вычуръ, безъ громкихъ словъ, даже безъ знанія того, что она дѣлаетъ. Иначе она жить не могла и не умѣла; при другихъ условіяхъ она бы почувствовала себя неловко, если не несчастной, то такъ же, пожалуй, какъ мы чувствуемъ себя въ тѣсныхъ сапогахъ, которые не даютъ намъ ни ходить, ни двигаться и ни на одну минуту не перестаютъ нестерпимо жать ногу. Самаго дѣла ея никто не замѣчалъ изъ-за смѣшной наружности Анфисы до того, что я, нѣсколько лѣтъ проживъ въ этомъ городѣ, не могъ ознакомиться съ нимъ. Нуженъ былъ случай, чтобы разсмотрѣть затерявшійся во мхахъ и кустахъ крошечный свѣтловодный ручей, такъ щедро напоившій кругомъ жаждущую землю.

XVI.

На этотъ разъ у Анфисы Гордѣевны я былъ счастливѣе, чѣмъ прежде. Мнѣ удалось познакомиться съ «генеральшей». Памятной мнѣ по оригинальному адресу своего письма «матросской супруги» уже не было. Она попала на мѣсто, но за нее у старухи пріютились двѣ новыя бабы, тоже оставшіяся не причемъ и пока околачивавшіяся здѣсь. «Этакъ васъ, пожалуй, за притонодержательство притянутъ!»—смѣялся я.—«А что вы думаете?—отвѣтила Анфиса.—Разъ меня уже таскали въ полицію. Видите, должна я съ нихъ паспорта спрашивать. Когда мнѣ возиться съ бумагами?» Генеральша сама пожелала познакомиться со мною. «Только вы съ ней поласковѣе. Пусть она величается, и вы подъ нее подражайте. Потому она, вѣдь, какая несчастная. Ее это подбодритъ»,—убѣждала меня хозяйка, всходя со мною по чахлой деревянной лѣсенкѣ наверхъ. Тутъ-то и помѣщался нумеръ третій. Дверь была покрыта новенькою клеенкой. Анфиса Гордѣевна постучалась и оттуда послышалось: «Entrez!» Мы вошли, и я невольно изумился. Жившая впроголодь и сама внизу помѣщавшаяся кое-какъ, старуха, должно быть, всѣмъ, что у нея оставалось отъ прежняго величія, убрала эту комнату. На окнахъ висѣли чистыя занавѣски, даже съ низенькаго потолка спускался розовый фонарь, хотя его, очевидно, давно не зажигали. Полъ былъ застланъ войлокомъ, столъ покрытъ ветхою шитою салфеткой, на стѣнахъ висѣли портреты. Прямо противъ входа пузырился такой сверхъестественный генералъ, котораго за послѣд-

нія пятьдесятъ лѣтъ, пожалуй, ни въ какомъ музеѣ не встрѣтишь. Щеки у него вспыжились, изъ-подъ носа, похожаго скорѣе на какую-то гербовую пуговицу, разъ навсегда ощетинились сѣдые усы. Волосы чуть не къ самымъ бровямъ сходили, коротко остриженные и, должно быть, жесткіе, какъ щетка. Пальцы правой руки были заложены между третьей и четвертой пуговицей однобортнаго мундира, а эполеты на плечахъ такъ торчали вверхъ, точно счастливый обладатель хотѣлъ поднять ихъ къ самымъ ушамъ. И безъ всякихъ объясненій было понятно, что это и есть «родитель», самой памяти котораго трепетала Анфиса Гордѣевна. На диванѣ полулежала дама, которая величественно кивнула мнѣ головой и лѣниво указала на стулъ у своихъ ногъ. Ей было лѣтъ за шестьдесятъ. Она, должно быть, наклеивала себѣ брови, потому что одна въ попыхахъ залѣзла на самый лобъ. Парикъ на ней держался тоже на сторону. Лицо было засыпано пудрой, которая обильно покрывала и подушку, на которой покоилась ея щека. «Prenez place!»—пригласила она меня и когда я сѣлъ, она снисходительно предложила Анфисѣ: «Вы, милая моя, теперь идти можете!» Та этому обрадовалась. Ее ждала работа и, мимоходомъ поправивъ подушку генеральши, она исчезла.

— Вотъ гдѣ вы меня встрѣчаете! Не правда ли?

Я не совсѣмъ понялъ ея вопросъ.

— Что-жь, тутъ у васъ не дурно.

— Ахъ, полноте! Я къ дворцамъ привыкла. У моего папеньки государь кушалъ, пріѣзжая въ Одессу. И потомъ вокругъ меня грубые люди. Вы подумайте: я — и все это! — и она сдѣлала плавный жестъ, указывая рукой на окружающіе ее предметы.— Еслибъ онъ жилъ!—вздохнула она, глядя на вспыженнаго генерала.—Но все равно, онъ видитъ меня оттуда,—перевела она глаза на потолокъ.—Вы знаете, моя жизнь такой романъ, что еслибъ я вамъ разсказала, вы бы непремѣнно написали что-нибудь вродѣ.. «le vicomte de Bragelonne»... или... Рославлева, что ли. Но я не скажу ничего и никому. Мои воспоминанія сокрыты здѣсь,—осторожно дотронулась она до чахлой груди.—Я страдаю про себя и жду. *Они*, наконецъ, должны понять, найти меня и вырвать изъ этой ужасной среды, отъ этихъ грубыхъ людей.

— Анфиса Гордѣевна, кажется, очень добрая женщина.

— Да. Но она, вѣдь, imaginez-vous, хамка!

— Ея батюшка, кажется, былъ крупный чиновникъ.

— Да... но изъ этихъ, pardon, des seminaristes!—и она такъ почла носомъ, точно въ комнатѣ въ эту минуту запахло чѣмъ-то

очень сквернымъ.—Я нѣжнаго воспитанія. Я привыкла къ поклоненію, къ обожанію. Я росла въ эѳирѣ. Разумѣется, я ее впослѣдствіи озолочу. Когда *они*, наконецъ, опомнятся, найдутъ меня, я брошу ей нѣсколько тысячъ. На, понимай, съ кѣмъ ты была, кому ты служила нѣсколько лѣтъ! Я, впрочемъ, противъ нея не имѣю ничего. Она почтительная. Но развѣ мнѣ это нужно, развѣ судьба меня готовила къ этому? Лепестокъ лилеи, заброшенный эоломъ въ пустыню! Пожалуйста, разверните вонъ тотъ альбомъ... Нѣтъ, еще слѣдующую карточку... Выньте ее... Оберните.

На карточкѣ былъ изображенъ свитскій генералъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая I.

— Прочтите!

Она откинулась на подушку и даже глаза закрыла.

— Вслухъ, вслухъ!

— «Чайной розѣ отъ опьяненнаго ея благоуханіемъ».

— Это я,—слабо простонала она,—чайная роза... Да. Вотъ кто меня любилъ! Вотъ какъ тогда благородно чувствовали!... А еще слѣдующую карточку.

Я перевернулъ альбомъ. Тамъ красовался уже штатскій звѣздоносецъ и тоже съ надписью: «Когда бы я могъ найти свой рай у вашихъ ногъ!»

— Вотъ видите, какъ тогда изъяснялись стихами! Найти свой рай! Но я была непреклонна. Я ихъ всѣхъ увлекала, но сама оставалась холодна и недоступна. Меня называли l'etoile du Nord... Самъ Адлербергъ,—ахъ, еслибъ вы знали, какой это былъ красавецъ!—цѣловалъ мои руки. Онъ говорилъ мнѣ не разъ: «Пожелайте, и я васъ вознесу!» Но... я не пожелала. Я ждала... Мнѣ все стихи писали. Плакали даже. О, еслибъ я вамъ разсказала все! Теперь уже нѣтъ ничего этого. Теперь все pour les купецъ... Я писала *имъ*, обращалась, и что-жь?—мнѣ прислали двѣсти рублей! Вы понимаете, мнѣ двѣсти рублей!

— Вы такъ и не вышли замужъ?—прикинулся я незнающимъ ея исторіи.

— О, какже! Я полюбила человѣка съ пламенными страстями, знаете, вродѣ Аммалатъ-бека или Мулла-Нура, и была счастлива. Это такой романъ! Папаша тогда умеръ года три. Я говорю *ему*, моему Аммалатъ-беку: увлеки меня—и онъ увлекъ. Онъ даже похитилъ меня черезъ крышу.

— Зачѣмъ же черезъ крышу?

— Я иначе не хотѣла. И мы убѣжали въ хижину.

— Отъ кого?

— Ну, отъ людей, отъ міра. Я была счастлива. Я узнала дикую страсть, я была обожжена ея пламенемъ.

— Вашъ мужъ умеръ?

— Нѣтъ, безумецъ бѣжалъ отъ моей любви и, вѣрно, погибъ гдѣ-нибудь подъ хладною сталью. И вотъ я одна, оставлена, забыта...—и она поднесла платокъ къ глазамъ, но осторожно, чтобы не стереть пудры.—Но мое время еще придетъ. Я жду. *Они* должны меня найти, придти сюда и молить меня... Я, разумѣется, ихъ прощу и тогда, тогда всѣ меня узнаютъ... И вы тоже... И я васъ приглашу, разскажу вамъ всю мою жизнь, чтобы вы послѣ моей смерти написали мою біографію. Прощайте, прощайте! Оставьте меня моимъ слезамъ и воспоминаніямъ!

Она подала мнѣ руку ладонью внизъ, какъ дѣлаютъ это театральныя королевы для поцѣлуя благородныхъ милордовъ. Выходя, уже въ дверяхъ, я услышалъ ея шепотъ:

— И это тоже безумецъ!

XVII.

Послѣ того я еще нѣсколько разъ видался съ Анфисой Гордѣевной и познакомился со всѣми ея «нумерами». Интереснѣе другихъ, все-таки, оказалась генеральша, съ перваго же свиданія причислившая и меня къ своимъ «безумцамъ». Она даже писала мнѣ потомъ, предлагала «раздѣлить со мною романъ ея жизни». Въ предупрежденіе всякихъ превратныхъ толкованій надо пояснить, что бѣдная старуха просто предлагала мнѣ, какъ писателю, воспользоваться ея разсказами о разныхъ «безумцахъ», надъ которыми когда-то она одерживала блистательныя, хотя и безплодныя побѣды, пока не наткнулась на Аммалатъ-бека съ «пламенными страстями».

— Вы ужь ее утѣшьте,—приставала ко мнѣ Анфиса Гордѣевна.

— Какъ же мнѣ ее утѣшить?

— Скажите, что заѣдете потомъ, и она будетъ въ надеждѣ. Ее обидѣть, что дитё малое. Разумѣнія у нея настолько же.

Вскорѣ послѣ того старуха прибѣжала ко мнѣ радостная, возбужденная.

— Господь-то! А еще говорятъ, нѣтъ Бога!... А Онъ вотъ!...

— Что случилось у васъ?

— Мой-то командиръ... Скажите, пожалуйста... Съ супримъ очутился. То-есть я вамъ скажу... и до сихъ поръ не вѣрю.]чно во снихъ прикинулось.

— Да вы объясните толкомъ.

— Капитанъ... Онъ самый... У него въ Сибири тетка померла. Вотъ мы сомнѣвались, а она, тетка, какъ себя оказала!

— Ну, чтожь изъ этого?

— Большущіе капиталы оставила и всѣ какъ есть до послѣдней копѣйки капитану.

— Поздравляю васъ. Теперь отъ него вамъ будутъ великія и богатыя милости.

— Мнѣ что... Мнѣ ни къ чему. А точно что моихъ-то мнѣ хотѣлось бы успокоить. Шурочкѣ теперь отдѣльную комнатку. Галѣ тоже. Ну, и генеральшѣ. Она давно по краснымъ занавѣскамъ тоскуетъ.

— То-есть какъ же это?

— А вотъ подите же. Говоритъ, пока не повѣсятъ мнѣ красныхъ занавѣсокъ, самая я несчастная женщина въ мірѣ буду. Красныя занавѣски и ширмы у кровати, тоже красныя. И Игнашенька нашъ по зимамъ въ холодномъ пальто щеголяетъ. Я ему, отъ капитанскихъ щедротъ-то, первымъ дѣломъ ватную подкладку и барашковый воротникъ.

— А себѣ?

— Ну, еще! И такъ слава Богу. Мнѣ теплѣе нельзя. Я такъ привыкла. Въ холодное время бѣжишь, какъ рысакъ. Ну, и поспѣваешь вездѣ. У насъ такое торжество! Шура пирогъ съ лукомъ загнула. Для генеральши—бламанже со свѣчкой, чтобы внутри горѣла. У Евхаристовыхъ форму выпросила. Какъ въ первыхъ домахъ, помилуйте. Нужно же утѣшить. У папеньки ейнаго, у генерала, завсегда со свѣчкой было.

Капитана мы всѣ провожали на желѣзную дорогу. Онъ былъ пьянъ и веселъ и всѣмъ обѣщалъ «не забыть».

— Ты меня, старушка, вотъ какъ помянешь!—трепалъ онъ по плечу Анфису.—Я тебя обогрѣю, небось. Безъ сладкаго куска не останешься. Ты теперь на меня уповай!

Анфиса Гордѣевна въ слезахъ, но счастливая, кланялась и загодя благодарила.

— Только доѣду, и сейчасъ тебѣ по почтѣ пакетъ съ пятью печатями. Получай. Со вложеніемъ. Я тебя утѣшу.

Она смѣялась, точно ее щекотали, и, оборачиваясь къ намъ, говорила:

— Ужь не знаю, какимъ мнѣ угодникамъ молиться.

Когда капитанъ уѣхалъ, первые мѣсяцы она была въ какомъ-то радостномъ туманѣ. Каждую недѣлю забѣгала на почту и спрашивала:

— Ничего мнѣ нѣтъ?

— Ничего.

— Ну, значитъ, завтра будетъ.

Такихъ завтра прошло безъ числа. Въ чаяніи пакета съ пятью печатями, она присмотрѣла красныя занавѣски и ширмочки и все удивлялась, какъ это медленно ходитъ почта. Прошли весна, лѣто, наступила осень, а отъ капитана никакого «вложенія» не слѣдовало. Но Анфиса не теряла надежды.

— Въ Сибири-то, сказываютъ, рѣки вѣ какъ разливаются. Ну, ужь на-днихъ, должно быть, навѣрное получу.

Только зимою она нахмурилась и на мои вопросы о капитанѣ отмалчивалась.

— Да вы бы ему написали.

— Зачѣмъ?

— Долженъ же онъ...

— И ничего онъ не долженъ. Развѣ я для себя? Я для своихъ.

— Да вы его сколько времени кормили!

— А Богъ-то меня сколько кормитъ?... Этого, господинъ, считать нельзя. Этому счетовъ нѣтъ. Ничего онъ мнѣ не долженъ и никакого зла у меня нѣтъ на него. Забылъ, такъ забылъ,—его дѣло. Одно мнѣ обидно. Хоть бы онъ мнѣ словечко: здоровъ-де и вамъ того же желаю. А деньги что? Деньги никому счастья не принесли. Развѣ я ему давала? Я ближнему своему...

Но потому, что ея неизмѣнный пижонъ теперь еще рѣшительнѣе сбивался съ праваго уха на лѣвое, оттуда на затылокъ, съ затылка на лобъ, видно было, что она, дѣйствительно, разстроена не на шутку. Посовѣтовавшись съ Игнашенькой, я написалъ капитану и мѣсяца черезъ три получилъ отъ него отвѣтъ. Оказалось, что онъ женился, надѣется имѣть собственныхъ дѣтей, для коихъ и долженъ беречь свое состояніе; что же касается Анфисы Гордѣевны, то за ея заботы о немъ онъ ей весьма благодаренъ, но помочь ей ничѣмъ не можетъ, ибо «деньги уплачиваются только по законнымъ документамъ, коими считаются росписка, заемное письмо, вексель и т. д. Если у нея таковые на него окажутся, онъ сейчасъ же готовъ удовлетворить, но не иначе, ибо бѣдные люди вообще на чужіе капиталы зарятся и вредятъ тѣмъ самымъ спасенію своей души. Анфиса же Гордѣевна ему извѣстна за даму благородную, и если она впадетъ въ неизлечимую болѣзнь, которая препятствуетъ ей работать, готовъ пріютить ее у себя и дать кусокъ хлѣба...» Я показалъ письмо Игнашенькѣ.

— Что, по-вашему, дѣлать съ этимъ?

— А вотъ что! — и онъ сжегъ почтовый листокъ на свѣчкѣ.

— А дальше?

— А дальше забудьте. И, главное, ни слова ей. Что ее огорчать? У нея только и осталось радости, что вѣра въ людей... Не отнимать же и это... Если ее утратить, тогда и жить не стоитъ.

Такъ мы и сдѣлали.

Года черезъ два Анфиса Гордѣевна стала уже сама заговаривать о капитанѣ. Она забыла совсѣмъ, что тотъ ей ничѣмъ не помогъ, не исполнилъ своихъ обѣщаній. Всякій разъ, когда ей приходилось туго, она съ увѣренностью говорила:

— Это что... Это ничего... У меня, про всякій случай, капитанъ есть. Я только нанишу ему, и онъ сейчасъ... съ тою же почтой... Ему только напомнить... Это вѣрно.

Когда Игнашеньку надо было снаряжать въ университетъ и у Анфисы Гордѣевны оказались скопленныя изъ его же заработка деньги, она, улыбаясь, говорила:

— А то у меня и капитанъ есть. Если мало, я ему сейчасъ... и онъ съ тою же почтой... Ужь это вѣрно.

Такъ она и пребывала въ надеждѣ и упованіи на доброту и благодарность затерявшагося гдѣ-то въ Сибири капитана.

Я вскорѣ уѣхалъ. Прошло послѣ того много лѣтъ. Гдѣ теперь Анфиса Гордѣевна? Такъ же ли она треплется съ своимъ пижономъ и эксельбантами отъ попадьи къ купчихѣ, отъ купчихи къ предводительшѣ, сооружая всѣмъ настоящія французскія моды, или давно успокоилась и лежитъ въ послѣднемъ разрядѣ далекаго кладбища, въ тѣсномъ сосновомъ гробикѣ, скрестивъ на своей усталой груди такъ много и свято потрудившіяся руки,— не знаю, какъ не знаю, что сталось съ ея горбуньей Шурой и нѣмою Галей... Но всякій разъ, когда подъ нежданными ударами судьбы у меня падаютъ силы и на душѣ накипаетъ горечь, я невольно вспоминаю объ этой небольшой семьѣ. И меня точно освѣжающимъ вѣтромъ уноситъ въ высоту, разомъ дѣлается легко, и впереди все свѣтлѣетъ. Стыдишься своей слабости, малодушія, бодрѣе смотришь въ будущее и, точно ночной туманъ отъ нервыхъ лучей разсвѣта, страхъ жизни разсѣивается, и опять руки просятъ дѣла, и вѣришь въ человѣка, угадывая заключенную въ немъ божественную искру добра...

Вас. Немировичъ-Данченко.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ *).

Романъ Генрика Сенкевича.

XLV.

Поланецкому еще пришлось пережить много тяжелыхъ, очень тяжелыхъ дней. Марина такъ ослабѣла, что жизнь ея колебалась какъ пламень лампады. Угаснетъ или разгорится?—на это никто не могъ отвѣтить. По временамъ всѣ были убѣждены, что вотъ-вотъ она угаснетъ. Но молодость и утѣшеніе, которое принесло ей рожденіе ребенка, склонили стрѣлку вѣсовъ въ сторону жизни. Въ одинъ день больная, послѣ долгаго сна, проснулась какъ будто бы болѣе свѣжею. Старый докторъ, который былъ при ней и который хотѣлъ лучше убѣдиться, что это улучшеніе существуетъ на самомъ дѣлѣ, пожелалъ призвать другого доктора. Поланецкій самъ поѣхалъ за нимъ и почти сходилъ съ ума, разыскивая его по городу цѣлыхъ полдня. Онъ не смѣлъ еще надѣяться, что наступилъ рѣшительный переломъ и въ болѣзни Марини, и въ его несчастіи. Когда, наконецъ, онъ нашелъ проклятаго доктора и привезъ его къ себѣ домой, то въ прихожей ихъ встрѣтила пани Бигель съ мокрыми глазами, но съ сіяющимъ лицомъ.

— Лучше! Положительно лучше!

И она не могла говорить больше, изъ глазъ ея хлынули слезы. Поланецкій поблѣднѣлъ отъ волненія, а она, вскорѣ овладѣвъ своею радостью, заговорила, улыбаясь сквозь слезы:

— Теперь барыня буянитъ изъ-за ѣды. Сначала приказала б ло принести къ себѣ маленькаго, потомъ разспрашивала, почем вы не возвращаетесь. А теперь буянитъ изъ-за ѣды... да, вѣдь, к къ воюетъ! Охъ, слава Тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Господи!

И отъ радости пани Бигель обняла Поланецкаго, а тотъ долгое

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

время не могъ оторвать губъ отъ ея руки. Онъ весь дрожалъ отъ усилія подавить свой восторгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рыданія, которыя скопились въ немъ за столько дней тревоги и муки и теперь искали выхода.

Тѣмъ временемъ доктора пошли къ Маринѣ, и какъ долго сидѣли они у нея, какъ долго! Когда, послѣ совѣщанія, они появились опять, лица ихъ сіяли довольствомъ. На лихорадочные разспросы Поланецкаго тотъ, который постоянно былъ возлѣ Марини, старый сангвиникъ, съ золотыми очками на носу и съ золотымъ сердцемъ въ груди, самъ обрадованный, но сильно утомленный, заворчалъ:

— Что съ нею? Подите, поблагодарите Бога, вотъ что!

И Поланецкій пошелъ. Еслибъ онъ былъ человѣкомъ совершенно невѣрующимъ, то въ настоящую минуту сдѣлалъ бы то же самое и, съ сердцемъ преисполненнымъ слезъ и признательности, точно также благодарилъ бы Бога, что онъ смилостивился надъ нимъ и допустилъ волнѣ зла возвратиться только въ видѣ горя, муки угрызенія, но не въ видѣ смерти.

Успокоившись, онъ на цыпочкахъ вошелъ въ комнату жены, гдѣ засталъ и пани Бигель. Мариня бодро смотрѣла повеселѣвшими глазами и съ перваго взгляда можно было видѣть, что ей гораздо лучше.

— Видишь, Стахъ, хорошо? — сказала она при видѣ мужа.

— Хорошо, любовь моя! — тихо отвѣтилъ Поланецкій.

Для сильныхъ проявленій чувства время еще не наступило и онъ молча сѣлъ возлѣ ея кровати, но радость и безпредѣльная любовь къ Маринѣ вскорѣ овладѣли имъ такъ, что онъ наклонился, обнялъ ея ноги, закутанныя одѣяломъ, припалъ къ нимъ лицомъ и такъ и замеръ безъ движенія.

Мариня хотя и была очень слаба, но улыбнулась довольною улыбкой. Съ минуту она молча смотрѣла на него, потомъ, совсѣмъ какъ ребенокъ, обрадованный лаской, сказала пани Бигель, указывая своимъ прозрачнымъ пальцемъ на черноволосую голову, прижавшуюся къ ея ногамъ:

— Любитъ!...

На другой день Мариня чувствовала себя еще лучше и съ этого времени чуть не каждый часъ приносилъ ей облегченіе. Въ концѣ-концовъ, это не было уже медленное возвращеніе къ здоровью, а какъ бы новый разцвѣтъ, внезапный переходъ отъ зимы къ веснѣ, который приводилъ въ изумленіе самого стараго доктора. Поланецкому иногда хотѣлось кричать отъ радости,— она душила его те-

перь, какъ передъ этимъ душила мука. Мариню, изъ предосторожности, еще держали въ постели, но когда силы ея начали увеличиваться, она стала капризничать и каждый вечеръ объявляла, что завтра встанетъ непремѣнно. Долгая болѣзнь и слабость повліяли только на ея характеръ, но и это должно было пройти современемъ. Когда-то спокойная и разсудительная женщина на время точно обратилась въ избалованнаго ребенка, который искренно огорчался, когда ему отказывали въ его требованіяхъ. Однажды она начала жаловаться мужу, что ей не даютъ краснаго вина. Пани Бигель объясняла, что она дала, сколько докторъ позволилъ, а больше она дать не рѣшается. Полянецкій началъ утѣшать Марию, какъ когда-то утѣшалъ Литку:

— Дадутъ дѣточкѣ вина, сейчасъ дадутъ... только докторъ пріѣдетъ.

— Краснаго?

— Ну, да, краснаго! — отвѣтилъ Полянецкій, и они оба засмѣялись, а съ ними и пани Бигель. Какъ прежде во всей квартирѣ чувствовалась тревога смерти и несчастія, такъ теперь радость освѣщала ее, какъ солнце. Всѣ были веселы, не исключая и пана Плавицкаго, который, со дня рожденія внука, проникся патріархальнымъ, хотя и благосклоннымъ величіемъ, не исключающимъ веселья. Однажды онъ принесъ свое завѣщаніе и принудилъ всѣхъ выслушать его отъ начала до конца. Во вступленіи онъ трогательными словами прощался съ жизнью, съ дочерью, съ Полянецкимъ и со внукомъ, не скупясь на указанія, какъ воспитать его хорошимъ человѣкомъ и гражданиномъ, потомъ завѣщалъ ему все свое состояніе. Несмотря на то, что послѣ банкротства Машко у него оставалось только то, что давалъ ему Полянецкій, панъ Плавицкій, тѣмъ не менѣе, былъ растроганъ своею щедростью и почти цѣлый вечеръ просидѣлъ съ миной пеликана, который только что накормилъ голодныхъ птенцовъ своимъ тѣломъ.

Человѣкъ, возрождающійся послѣ тяжкой болѣзни, до нѣкоторой степени проходитъ чрезъ всѣ фазисы дѣтства и первой молодости, съ тою только разницей, что то, что прежде измѣрялось годами, при такихъ условіяхъ измѣряется недѣлями и даже днями. Такъ было и съ Мариней. Пани Бигель, которая сначала называла ее «bébé», теперь, смѣясь, говорила, что постепенно «bébé» превращается въ маленькую дѣвочку, а изъ дѣвочки въ подростка. Но въ подросткѣ начало сказываться уже кокетство женщины. Теперь, когда ее причесывали, она непремѣнно требовала, чтобы на колѣни къ ней ставили маленькое зеркальце, и тщательно наблюда-

ла, исполнилось ли пророчество пани Бигель, стала ли она лучше, чѣмъ была до тѣхъ поръ. Въ первое время осмотръ не особенно удовлетворялъ ее, но потомъ Мариня становилась все болѣе и болѣе довольна. Наконецъ, въ какой-то день, послѣ прически, она еще разъ приказала подать себѣ зеркало. Еще разъ совершился обзоръ глазъ, ушей, волосъ, выраженія лица,— словомъ, всего, что только можно обозрѣть.

Результаты, вѣроятно, были благопріятны, потому что Мариня улыбнулась, покраснѣла, потомъ обратилась въ сторону комнаты Поланецкаго, погрозила своимъ исхудалымъ кулачкомъ и, съ выраженіемъ побѣдителя, воскликнула:

— Ну, подождите теперь, панъ Стахъ!

Дѣйствительно, она никогда не была такъ прелестна, какъ теперь. Ея кожа, и всегда очень бѣлая, стала теперь болѣе прозрачною, чѣмъ тогда, когда Завиловскій терялъ голову и слагалъ въ честь ея стихи съ утра до вечера. Въ добавокъ къ этому, на щекахъ ея разгорался первый розовый разсвѣтъ здоровья. Ея глаза, губы, похудѣвшее лицо свѣтились свѣтомъ весны и возрожденной жизни. Это была чудная головка, сіяющая яркими, но изящными красками, поражающая художествомъ рисунка, и когда она покоилась на подушкѣ, на фонѣ темныхъ волосъ, то отъ нея трудно было оторвать глаза. Такъ называемому «пану Стаху», который все это отлично видѣлъ и который, по опредѣленію Бигеля, отъ любви не могъ «ни рукой, ни ногой двинуть», не было никакой надобности «ждать». Онъ теперь не только любилъ ее, но и питалъ безграничную признательность къ ней за то, что она не умерла, и выказывалъ эту благодарность тѣмъ, что старался угадать ея мысли. Мариня даже не предполагала, что когда-нибудь до такой степени станетъ осью его жизни, зѣницей его ока, душою его мыслей и дѣяній. Имъ никогда не было дурно другъ съ другомъ, но теперь, вмѣстѣ съ выздоровленіемъ Марини, въ ихъ домъ вошло небывалое счастье и небывалая радость.

Въ данномъ случаѣ дѣятельную помощь оказывалъ и молодой Поланецкій. Мариня не могла кормить сама и Поланецкій, предвидя это, заранѣе отыскалъ кормилицу. Когда-то она служила у Плавицкихъ, затѣмъ поступила въ Ялбжиковъ, и тутъ-то съ ней случилось несчастіе. До сихъ поръ оставалось въ тайнѣ, кто былъ виною этого. Если кого-нибудь изъ землевладѣльцевъ можно было обвинить въ нелюбви къ народу, то, конечно, ужь не пана Гонтовскаго, потому что весь Ялбжиковъ кишѣлъ доказательствами, какъ сильно панъ Гонтовскій любилъ народъ. Даже при регулирова-

ніи сервитутовъ жители Ялбжикова, въ числѣ другихъ вопросовъ, поднимали и тотъ, что «баринъ ѣздитъ на бѣломъ конѣ, стрѣляетъ изъ пистолета, да дѣвкамъ въ глаза заглядываетъ». Если, съ одной стороны, не легко было понять, какую связь могутъ имѣть вышеозначенныя привычки пана Гонтовскаго съ регулированіемъ сервитутовъ, то, съ другой, становилось яснымъ, что, благодаря этимъ привычкамъ, Полянецкій легко нашелъ въ Ялбжиковѣ кормилицу для своего сына.

Такъ какъ это была сильная и красивая мазурка, то молодой человѣкъ могъ только выиграть отъ ея попеченій. Вообще, молодой Полянецкій былъ такая особа, которая съ момента своего появленія на свѣтъ все болѣе и болѣе завладѣвала всѣмъ домомъ, не считаясь ни съ кѣмъ, не думая ни о чемъ, за исключеніемъ собственныхъ потребностей и удобствъ. Слѣдуя этой методѣ, въ минуты, свободныя отъ пиршествъ и сна, онъ занимался гимнастикой и развитіемъ своей груди при помощи крика, настолько громкаго, насколько это допускалъ его возрастъ. Тогда его приносили къ Маринѣ; начинались безконечныя сессіи, на которыхъ въ отдѣльности разсматривались всѣ его физическія и умственныя достоинства, въ особенности поразительное сходство съ родителями. Утверждали, что у него носъ матери, причемъ съ рѣдкою единомысленностью было отвергнуто замѣчаніе мамки, что носъ пана Станислава «какъ у котенка»; утверждали, что улыбка у него будетъ неотразимая, что онъ будетъ брюнетъ, непремѣнно высокаго роста. Пани Бигель, когда Мариня лежала еще въ постели, на свой страхъ дѣлала разныя открытія и сообщала ихъ во всеуслышаніе. Однажды, придя къ Маринѣ, она заговорила съ радостью и поспѣшностью, достойной лучшей участи:

— Вообрази себѣ, онъ разставилъ пальчики на одной ручкѣ, а другой... Я поклясться была бы готова, что онъ считаетъ. Навѣрное, будетъ математикъ.

Мариня не безъ важности отвѣтила:

— Это онъ отъ отца наслѣдовалъ.

Но и Мариня сдѣлала открытіе, по времени даже гораздо болѣе ра[н]нее, чѣмъ всѣ открытія пани Бигель,—именно, что «это пре[л]естное, дорогое созданьице». Что касается Полянецкаго, то въ пе[р]вое время онъ смотрѣлъ на новаго знакомаго съ удивленіемъ и н[е]которымъ недовѣріемъ. Когда-то онъ очень желалъ имѣть дочь и [д]умалъ, что всю нѣжность, какая найдется у него, можно отдать то[л]ько дѣвочкѣ. Неизвѣстно почему, въ немъ утвердилось предст[а]вленіе, что если сынъ, то это сразу будетъ какой-то парни-

ще, чуть ли не съ усами, басистый, брыкающійся, какъ жеребенокъ. Къ нему съ нѣжностью-то и не подступишь,—онъ съ презрѣніемъ отнесется къ ней. И только теперь, присматриваясь къ этой маленькой фигуркѣ, спящей въ подушкахъ, онъ началъ приходить къ убѣжденію что это не «парнище», а просто-на-просто достойная сожалѣнія крошка, такая ничтожная, слабая, безоружная, настолько нуждающаяся въ любви и попеченіи, какъ и всѣ дѣвочки на свѣтѣ. Наконецъ, онъ сказалъ себѣ: «Да кромѣ того онъ еще и мальчикъ!»—и съ этой минуты началъ питать къ нему все больше нѣжности. Онъ пробовалъ даже самъ носить его къ Маринѣ, но дѣлалъ это съ такимъ избыткомъ совершенно излишней осторожности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ неуклюже, что заставлялъ смѣяться не только Мариню и пани Бигель, но, къ великому ущербу своего достоинства, даже и мамку.

И смѣхъ раздавался теперь въ жилищѣ Поланецкихъ чуть не съ утра до вечера.

Оба они просыпались утромъ съ счастливымъ чувствомъ, что день принесетъ имъ новую радость. Бигель, который со своею віолончелью появлялся вечеромъ, съ той поры, какъ Мариня встала съ постели, сказалъ какъ-то, конечно, послѣ надлежащаго размышленія:

— На хорошихъ людей, какъ и на всякаго, могутъ свалиться несчастія, но за то если ужь имъ хорошо, то, ей-Богу, лучше никому не бываетъ.

А имъ было, дѣйствительно, хорошо. Мариня слышала когда-то отъ пани Бигель, да и сама думала такъ, что причина вновь разгорѣвшейся любви Стаха, это — ребенокъ, который связалъ ихъ новыми узами. Она заговорила какъ-то объ этомъ съ Поланецкимъ, но онъ отвѣтилъ ей просто:

— Нѣтъ, даю тебѣ слово! Его я люблю самого по себѣ, но тебя безконечно любилъ уже прежде, чѣмъ онъ появился на свѣтъ, ради тебя самой, потому что ты такова, какова есть. Оглянись кругомъ, подумай, что дѣлается на свѣтѣ и съ кѣмъ я могу сравнить тебя?

Онъ взялъ ея руку, поцѣловалъ ее не только съ любовью, но и съ уваженіемъ и прибавилъ:

— Ты сама никогда не узнаешь, что̀ такое для меня ты и какъ я люблю тебя.

А она, прижавшись къ нему, спросила, съ лицомъ, сіяющимъ, какъ солнце:

— Да, это правда, Стахъ?

XLVI.

Наступилъ день крестинъ. Пани Бигель уже раньше окрестила молодого человѣка. Подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее болѣзнью Марини, она предполагала, что и ребенокъ можетъ умереть каждую минуту. Но онъ и не думалъ объ этомъ и, пользуясь прекраснымъ здоровьемъ и аппетитомъ, ожидалъ торжества, въ которомъ долженъ былъ играть главную роль. Поланецкій пригласилъ всѣхъ знакомыхъ: кромѣ домашнихъ, дѣдушки и пани Эмиліи, которая въ этотъ день собрала всѣ свои силы, тутъ были Бигели съ цѣлою кучею Бигелятъ, профессоръ Васковскій, Свирскій, Завиловскій и панна Ратковская. Пани Поланецкая, уже совершенно оправившаяся, расфранченная и счастливая, казалась такою прелестной, что Свирскій, увидавъ ее, схватился обѣими руками за волосы и, со свойственною ему искренностью, воскликнулъ:

— Это превосходитъ всякое вѣроятіе! Ей-Богу, можно ослѣпнуть! Народы, преклоняйте колѣна! Я ничего не скажу больше.

Мариня была сконфужена и покраснѣла, но покраснѣла отчасти отъ радости. Она знала, что Свирскій былъ правъ. Но ей нужно было заняться гостями и предстоящею церемоніей, тѣмъ болѣе, что въ началѣ произошла какая-то путаница. Въ первой парѣ маленькаго Стася должны были держать пани Эмилія и Бигель, во второй Свирскій и панна Ратковская. Но художникъ вдругъ началъ отказываться, находить какія-то препятствія, увертываться неизвѣстно почему: «Я былъ бы очень радъ,—за этимъ нарочно изъ Италіи пріѣхалъ... помилуйте! такъ уговорились... но я никогда не крестилъ дитей и не знаю, здоровымъ ли выростетъ мой крестникъ и будетъ ли имѣть успѣхъ у женщинъ». Поланецкій началъ смѣяться надъ Свирскимъ, называть его суевѣрнымъ итальянцемъ, но Мариня догадалась, въ чемъ дѣло, и шепнула ему на ухо:

— Кумовство во второй парѣ никогда не можетъ быть препятствіемъ.

Свирскій проводилъ ее глазами, улыбнулся и вдругъ сказалъ, обращаясь къ паннѣ Ратковской:

— Правда, мы только въ другой парѣ, поэтому я къ вашимъ у[слугамъ].

Всѣ окружили маленькаго Стася, который казался такимъ бр[одкимъ] и здоровымъ, со своею лысиной и вытаращенными кругл[ыми] глазенками, механически отражающими внѣшній міръ. Бигель взя[лъ] его на руки и обрядъ начался. Присутствующіе внимательно пр[ислушивались] къ словамъ молитвъ, но молодой язычникъ и здѣсь

высказывалъ свою закоренѣлую нераскаянность. Прежде всего онъ началъ брыкаться такъ, что чуть было не выскочилъ изъ рукъ Бигеля, а потомъ, когда Бигель по его довѣренности началъ отрекаться отъ сатаны, употребилъ всѣ усилія, чтобъ заглушить его. Но тутъ передъ нимъ блеснули очки Бигеля и онъ сразу умолкъ, какъ бы давая понять, что если на свѣтѣ есть такія удивительныя вещи, тогда дѣло другое. Наконецъ, обрядъ кончился, няня уложила маленькаго Стася въ великолѣпную кроватку, напоминающую по формѣ колесницу,—то былъ подарокъ Свирскаго,—и хотѣла было выкатить ее изъ комнаты. Художникъ, который во всю жизнь, можетъ быть, не видалъ вблизи такое маленькое существо и въ груди котораго билось нѣжное сердце, задержалъ няню, наклонился надъ кроваткой и взялъ ребенка въ руки.

— Осторожнѣй, осторожнѣй!—крикнулъ Поланецкій.

Свирскій обернулся къ нему.

— Панъ Поланецкій, у меня въ рукахъ были терракотты Люка делла Роббіа.

Дѣйствительно, онъ поднялъ маленькое существо и началъ качать его съ такою ловкостью, какъ будто всю свою жизнь нянчилъ дѣтей. Наконецъ, онъ приблизился съ ребенкомъ къ профессору Васковскому и спросилъ:

— Ну, а вы, дорогой профессоръ, что думаете объ этомъ маленькомъ арійцѣ?

— Чтожь,—отвѣчалъ старичокъ, любовно посматривая на ребенка,—конечно, аріецъ, чистѣйшей воды аріецъ!

— И будущій миссіонеръ?—прибавилъ Поланецкій.

— Онъ не уклонится отъ этого въ будущемъ, не уклонится такъ, какъ и всѣ вы не можете уклониться,—сказалъ профессоръ.

Будущее покрыто мракомъ неизвѣстности, но въ этотъ моментъ молодой аріецъ такъ недвусмысленно и даже оскорбительно-рѣзко уклонился отъ всякихъ миссій, что его нужно было отдать нянькѣ. Барыни, однако, не перестали любоваться имъ, посылать ему воздушные поцѣлуи и восхищаться имъ, пока не дошли до окончательнаго рѣшенія, что это ребенокъ необыкновенный, что всѣ его поступки свидѣтельствуютъ о томъ и нужно быть слѣпымъ, чтобы не признать, что современемъ онъ будетъ самымъ красивымъ мужчиной во всей странѣ и, притомъ, геніемъ.

Наконецъ, геній уснулъ, какъ будто одурманенный воскуриваемымъ ему фиміамомъ, а тѣмъ временемъ подали завтракъ Мариня, несмотря на все свое пристрастіе къ Свирскому, посадила возлѣ панны Ратковской Завиловскаго. Она хотѣла, какъ и всѣ,

не исключая даже Свирскаго, чтобы положеніе молодой дѣвушки, наконецъ, выяснилось. Завиловскій велъ себя какъ-то странно. Свирскій утверждалъ, что онъ еще не совсѣмъ нормаленъ. Онъ былъ здоровъ, спалъ и ѣлъ хорошо, даже потолстѣлъ немного, говорилъ разсудительно, хотя болѣе медленно, чѣмъ прежде, но въ немъ проявлялась какая-то немощь воли, какое-то отсутствіе иниціативы, въ которой прежде не было недостатка. Въ Италіи онъ разцвѣталъ при воспоминаніи о паннѣ Ратковской и, когда говорилъ о ней, глаза его наполнялись слезами. Здѣсь, въ Варшавѣ, когда кто-нибудь напоминалъ, что пора бы сдѣлать визитъ паннѣ Ратковской, или навязывался идти вмѣстѣ съ нимъ, Завиловскій говорилъ: «а, вѣдь, правда!» — и шелъ съ радостью, но потомъ какъ будто забывалъ о ея существованіи. Иногда было видно, что какія-то мысли кипятъ въ глубинѣ его души и поглощаютъ все его духовное самообладаніе. Свирскій одно время приписывалъ это воспоминанію о паннѣ Кастелли, но потомъ съ изумленіемъ убѣдился, что тутъ дѣло не въ томъ: Завиловскій потому никогда не вспоминаетъ о ней, что утратилъ всякое представленіе о ея реальности, или она представляется ему чѣмъ-то настолько отдаленнымъ, какимъ-то впечатлѣніемъ, настолько разсѣявшимся, что воспоминаніе о ней онъ не могъ связать въ живое цѣлое. Тѣмъ не менѣе, Завиловскій не былъ грустенъ,—напротивъ, по временамъ въ немъ можно было подмѣтить довольство и радость жизни, какъ будто онъ позналъ ее во второй разъ, послѣ своего возрожденія. Кто былъ дѣйствительно грустенъ, кто все болѣе и болѣе замыкался въ себя, такъ это панна Ратковская. Можетъ быть, помимо недостатка сочувствія Завиловскаго, ее тревожили и другія проявленія его состоянія, но о своихъ горестяхъ она не говорила ни съ кѣмъ. Мариня и пани Бигель окружали ее самымъ искреннимъ сочувствіемъ и готовы были сдѣлать все, чтобъ придти ей на помощь. Мариня въ первый разъ видѣла Завиловскаго послѣ его возвращенія изъ Италіи, но пани Бигель каждый день говорила съ нимъ о паннѣ Ратковской, восторгалась ею, напоминала, какъ онъ обязанъ ей, и намекала, что ему не мѣшало бы какъ-нибудь вознаградить ее. Добрый Свирскій, вопреки собственнымъ намѣреніямъ, повторялъ то же самое, и Завиловскій признавалъ все это, только не хотѣлъ или не могъ сдѣлать послѣдняго вывода. Онъ говорилъ о томъ, что скоро вновь собирается уѣхать, о планахъ еще болѣе продолжительныхъ путешествій,—словомъ, о вещахъ, которыя по своей сущности исключали всякое участіе панны Ратковской.

И теперь, сидя рядомъ, они разговаривали не много. Завилов-

скій ѣлъ много и съ интересомъ, даже съ нетерпѣніемъ встрѣчалъ каждое новое блюдо. Панна Ратковская замѣтила это и съ горестнымъ сочувствіемъ смотрѣла на него. Маринѣ это съ каждою минутой дѣлалось все болѣе и болѣе непріятно, и, желая вовлечь ихъ въ разговоръ, она сказала, перегибаясь черезъ столъ:

— Вы только что возвратились изъ путешествія,— разскажите намъ что-нибудь объ Италіи. Ты, Стѣфця, никогда не была тамъ до сихъ поръ?

— Нѣтъ,—отвѣчала панна Ратковская,—недавно я читала какое-то путешествіе, но... читать и видѣть самому — двѣ вещи разныя.

Она слегка покраснѣла, что выдала себя. Объ Италіи она читала тогда, когда Завиловскій жилъ тамъ.

Завиловскій отвѣтилъ:

— Панъ Свирскій уговаривалъ меня ѣхать въ Сицилію, но тамъ стояли въ то время жары,—туда бы теперь слѣдовало ѣхать.

— Ахъ,—сказала Мариня,—хорошо, что я вспомнила! А мои письма? Вы спрашивали меня черезъ пана Свирскаго, желала ли я, чтобъ вы описывали мнѣ свои впечатлѣнія, а потомъ я не получила ни строчки.

Завиловскій вдругъ покраснѣлъ, смѣшался и проговорилъ какимъ-то страннымъ, невѣрнымъ голосомъ:

— Я... я еще не могъ... Я буду очень много писать, но потомъ...

Свирскій слышалъ это и послѣ завтрака, подойдя къ Маринѣ и указывая глазами на Завиловскаго, сказалъ:

— Знаете, какое впечатлѣніе онъ производитъ на меня иногда? Что это—драгоцѣнный сосудъ, но, увы, разбитый.

XLVII.

Спустя два дня послѣ крестинъ Свирскій навѣстилъ Поланецкаго въ его конторѣ. Художнику хотѣлось узнать о здоровьѣ Марини и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поговорить о разныхъ вещахъ, которыя лежали у него на сердцѣ. Видя, что время уже позднее и Поланецкій собирается уходить, онъ сказалъ:

— Я не буду задерживать васъ. Мы поболтаемъ на улицѣ. Свѣтъ сегодня такой рѣзкій, что я не могу работать и потому провожу васъ до дома.

— Я во всякомъ случаѣ долженъ былъ бы попросить у васъ извиненія,— отвѣтилъ Поланецкій.— Моя Мариня въ первый разъ

выходитъ сегодня и мы отправляемся къ Бигелямъ обѣдать. Теперь она, вѣроятно, уже одѣта, но у меня остается минутъ двадцать свободнаго времени.

— Если она собирается выходить, то, значитъ, она здорова?

— Слава Богу, какъ птица! — съ радостью отвѣтилъ Полянецкій.

— А аріецъ?

— Аріецъ тоже держитъ себя молодцомъ.

— Ахъ, счастливый человѣкъ!—вздохнулъ Свирскій.—Еслибъ у меня былъ такой мальчуганъ, не говоря уже о такой женѣ, то, не знаю... я по крышамъ ходилъ бы.

— Вы не повѣрите, какъ этотъ мальчикъ становится дорогъ моему сердцу, съ каждымъ днемъ все больше... я даже не ожидалъ этого! Надо вамъ сказать, я хотѣлъ, чтобъ у меня родилась дочь.

— Еще не поздно, и дочь будетъ! — отвѣтилъ Свирскій.—Но такъ какъ вы спѣшите, то идемъ.

Они вышли на улицу. День былъ морозный, ясный. На санкахъ весело позвякивали бубенчики. Люди шли съ поднятыми воротниками, съ заиндивѣвшими усами и раскраснѣвшимися лицами.

— Какой веселый день! — сказалъ Полянецкій. — Я радуюсь за Мариню, что стоитъ такая погода.

— Вамъ весело, поэтому и все кажется яснымъ, — отвѣтилъ Свирскій и взялъ его подъ руку.

Но вдругъ онъ оттолкнулъ Полянецкаго и, загородивъ ему дорогу, сказалъ съ такою миной, какъ будто хотѣлъ поссориться съ нимъ:

— Да знаете ли вы, что ваша жена самая красивая женщина во всей Варшавѣ? Это я говорю вамъ, я!

И онъ началъ стучать рукою въ грудь, для вящаго удостовѣренія, что это говоритъ онъ, а не кто-нибудь другой.

— Конечно!—разсмѣялся Полянецкій.—И, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая лучшая и самая добрая изо всѣхъ на свѣтѣ. Но пойдемте, однако,—холодно.

И когда Свирскій снова взялъ его подъ руку, онъ прибавилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Но что я пережилъ во время ея болѣзни, это только Богу одному извѣстно!... Лучше и не вспоминать о томъ... Просто-напросто, она сдѣлала мнѣ сюрпризъ своимъ выздоровленіемъ, но, если Богъ дастъ дождаться весны, то и я сдѣлаю ей сюрпризъ.

— Ее ни съ кѣмъ нельзя сравнивать!—отвѣтилъ Свирскій и замолчалъ пошелъ впередъ.

Поланецкій спросилъ о томъ, куда онъ собирается ѣхать.

— Недѣли три я проживу во Флоренціи, — сказалъ художникъ.—Тамъ у меня кое-какая работа. Кромѣ того, я соскучился по Санъ-Миніато и Джиневрѣ. Черезъ три недѣли поѣду въ Римъ. Собственно по этому поводу я и хотѣлъ поговорить съ вами, потому что сегодня утромъ у меня былъ Завиловскій съ предложеніемъ опять ѣхать вмѣстѣ.

— А!—сказалъ Поланецкій.—И вы согласились?

— У меня не хватило духа отказать, хотя,—между нами,—по временамъ онъ бываетъ тяжелъ. Вы знаете, какъ я полюбилъ его и какъ сочувствую ему,—мнѣ самому непріятно говорить это,—но по временамъ онъ бываетъ тяжелъ!... Что тутъ толковать... онъ ужасно измѣнился! На крестинахъ я сказалъ вашей женѣ, что онъ напоминаетъ драгоцѣнный, но разбитый сосудъ. И это правда! Развѣ мнѣ не приходилось видѣть, какъ онъ мучился надъ письмами, въ которыхъ хотѣлъ описывать свои итальянскія воспоминанія? По цѣлымъ часамъ ходитъ по комнатѣ, третъ свою прострѣленную голову, садится, встаетъ, а бумага все остается чистою, какъ была. Дай Богъ, чтобы онъ вновь получилъ возможность парить надъ міромъ... Теперь онъ всѣмъ повторяетъ, что будетъ писать, но уже самъ начинаетъ сомнѣваться въ себѣ и мучается этимъ. Я знаю, что мучается.

— Это было бы несчастье и для него, и для панны Елены,— отвѣтилъ Поланецкій.—Если бы вы знали, какъ отчаянно отстаивала она не только его здоровье, но и его талантъ!

— Это было бы общее несчастье,—прибавилъ Свирскій.—Но кого мнѣ больше всѣхъ жаль, такъ это панну Ратковскую. Она тоже начинаетъ сомнѣваться, будетъ ли онъ тѣмъ, чѣмъ былъ, и это удручаетъ ее, можетъ быть, больше, чѣмъ всѣ остальныя горести.

— Бѣдная дѣвушка,—сказалъ Поланецкій,—тѣмъ болѣе бѣдная, что по всѣмъ его поступкамъ видно ясно, что онъ и не думаетъ о ней! Хорошо, что панна Елена обезпечила ей безбѣдное существованіе.

— Я жду годъ,—проговорилъ Свирскій,—а черезъ годъ повторяю свое предложеніе. Завладѣла она мною, нечего грѣха таить! Вы замѣтили, какъ къ ней идутъ короткіе волосы? Она всегда должна ходить такъ. Я годъ жду и молчу, но потомъ буду считать, что руки у меня развязаны. Невозможно, чтобъ и въ ней за годъ ничего не измѣнилось, въ особенности если тотъ не будетъ показывать признаковъ жизни... Все это ужасно странно. Вы думаете, я не дѣ-

лаю всего, зависящаго отъ меня, чтобы раздуть въ немъ хоть какую-нибудь искру любви къ ней? Ей-Богу, еще никогда человѣкъ не сдѣлалъ столько противъ собственнаго сердца. Пани Бигель тоже дѣлаетъ, что можетъ. Да трудно! Наконецъ, вѣдь, никто не имѣетъ права сказать ему прямо: женись!—коль скоро онъ не любитъ ее. И это тѣмъ болѣе странно, что о паннѣ Кастелли онъ, кажется, вовсе не думаетъ. Одна панна Ратковская стоитъ дороже, чѣмъ цѣлая роща такихъ «Тополей», но это ужь другое дѣло! Нужно, чтобъ она не подумала, что я нарочно увожу Завиловскаго. Я не отказалъ ему потому, что не могъ, но, дорогой панъ Полянецкій, если когда-нибудь зайдетъ рѣчь о нашемъ отъѣздѣ, скажите ей, что я, ей-Богу, не уговаривалъ Завиловскаго, и отдалъ бы многое, чтобъ ей было хорошо, хотя бы это окупилось цѣною счастья такого стараго звѣря, какъ я.

— Конечно, мы такъ и сдѣлаемъ,—отвѣтилъ Полянецкій.

— Ну, вотъ, благодарю! Передъ отъѣздомъ я зайду проститься съ вашею женой.

— Непремѣнно, и вечеромъ, чтобы мы могли посидѣть подольше. Я думаю, что когда вы возвратитесь лѣтомъ, то погостите у насъ съ Завиловскимъ.

— Въ Бучинкѣ?

— Въ Бучинкѣ или не въ Бучинкѣ, это еще не извѣстно.

Въ это время изъ дверей одной фруктовой лавки показался Основскій съ бѣлымъ сверткомъ подъ мышкой.

— Смотрите, Основскій!

— Какъ онъ измѣнился!

Дѣйствительно, Основскій измѣнился страшно. Лицо его похудѣло, пожелтѣло и сильно состарилось. Увидавъ двухъ друзей, онъ оторопѣлъ; было видно, что съ минуту онъ колебался, не пройти ли ему мимо нихъ и сдѣлать видъ, что онъ ихъ не узнаетъ. Но тротуаръ былъ пустъ. Основскій вдругъ измѣнилъ намѣреніе и заговорилъ съ неестественною поспѣшностью, какъ бы желая замять то, о чемъ они всѣ трое думали:

— Добрый вечеръ! Какая случайность, что мы встрѣтились! Я все сижу въ Пшитуловѣ и рѣдко бываю въ городѣ. Зашелъ купить винограду,—мнѣ теперь приказали ѣсть виноградъ. Но его обыкновенно привозятъ въ опилкахъ, этотъ вкусъ такъ и остается. Я думалъ, что тутъ можно найти лучше. Морозъ сегодня, не правда ли? Въ деревнѣ превосходная санная дорога.

Они пошли рядомъ и всѣ трое чувствовали себя ужасно неловко. Наконецъ, Полянецкій спросилъ:

— Вы, кажется, собираетесь въ Египетъ?

— Давно собирался, можетъ быть, теперь и уѣду. Въ деревнѣ зимой нѣтъ дѣла, а одному скучно.

Онъ вдругъ замолчалъ, замѣтивъ, что вступаетъ на скользкую дорогу.

И они шли дальше, въ молчаніи еще болѣе неловкомъ, испытывая ту тягость, которая чувствуется всегда, когда, въ силу молчаливаго соглашенія, можно говорить о вещахъ пустыхъ, скрывая главное и тяжелое. Основскій съ удовольствіемъ убѣжалъ бы отъ нихъ, но люди, привыкшіе соблюдать приличія, невольно, хотя бы въ минуты величайшаго несчастья, стараются сохранить внѣшнюю форму, такъ и Основскій старался найти какой-нибудь приличный поводъ разстаться со своими старыми знакомыми. Но поводъ не отыскивался и положеніе его становилось все болѣе затруднительнымъ. Наконецъ, онъ началъ прощаться съ ними такъ неожиданно и неестественно, какъ это дѣлаетъ человѣкъ, окончательно теряющій голову.

И вдругъ эта комедія показалась ему несносной. Довольно уже было съ него! Ему пришло въ голову, что тайны скрывать нечего и что въ этой боязни всякаго намека на несчастье кроется что-то позорное. Лицо его исказилось мукой, но онъ остановился и заговорилъ прерывающимся голосомъ, каждую минуту переводя дыханіе:

— Господа... Извините, что я задерживаю васъ... Вы, господа, знаете, что я разстался съ женой... Я не вижу причины, почему бы мнѣ не говорить объ этомъ, да въ особенности съ такими хорошими и близкими людьми... Я сообщаю вамъ, что это было... что это случилось... то-есть... то-есть, что я самъ желалъ этого и что женѣ моей ничего...

Голосъ застрялъ у него въ горлѣ и панъ Основскій не могъ продолжать дальше. Очевидно, онъ хотѣлъ принять вину на себя, но вдругъ почувствовалъ всю неправдоподобность, всю отчаянную безполезность этой лжи, которая была бы такимъ пустымъ наборомъ словъ, что даже ни сознаніе обязанности, ни свѣтскія соображенія не могли бы оправдать ее.

И онъ ушелъ со своимъ виноградомъ и своими терзаніями безъ конца, безъ предѣла...

Свирскій и Поланецкій шли молча подъ вліяніемъ испытаннаго ими впечатлѣнія.

— Ей-Богу,—сказалъ Поланецкій,—сердце разрывается!

А художникъ отвѣтилъ:

— Такому развѣ только смерти можно пожелать.

— Онъ не заслужилъ такой участи.

— Онъ! Даю вамъ слово, я его и вообразить иначе не могу, какъ цѣлующимъ ея руки... И что еще важно, такъ это то, что несчастье все равно, *какъ смерть*, порываетъ отношенія людей другъ къ другу. Вы съ нимъ недавно познакомились, а я, напримѣръ, былъ очень друженъ съ нимъ, а теперь мы словно чужіе. И помочь этому ничѣмъ нельзя, а какъ это грустно!

— Грустно и странно...

Свирскій вдругъ остановился и крикнулъ:

— Знаете что? Пусть эту пани Основскую разразитъ громъ небесный! Пани Елена говорила, что за человѣка нельзя отчаяваться, пока онъ живъ, но эту пусть разразитъ громъ небесный!

Поланецкій отвѣтилъ:

— Можетъ быть, на всемъ свѣтѣ ни одну женщину не обожали такъ, какъ ее.

— Такъ вотъ вамъ! — разгорячился Свирскій. — Женщины, говоря вообще...

Вдругъ онъ ударилъ себѣ перчаткой по губамъ.

— Нѣтъ, къ чорту со старою привычкой! Я далъ себѣ слово не дѣлать никакихъ общихъ выводовъ о женщинахъ.

— Я потому вспомнилъ, что онъ такъ обожалъ ее, — сказалъ Поланецкій, — что теперь просто не понимаю, какъ онъ съумѣетъ жить безъ нея.

— А долженъ! — закончилъ Свирскій.

Дѣйствительно, Основскій долженъ былъ жить безъ жены, но не умѣлъ. Въ Пшитуловѣ и въ Варшавѣ, гдѣ все было полно воспоминаніемъ о ней, жизнь стала для него невозможной, и спустя мѣсяцъ онъ собирался въ путешествіе. Здоровье его и въ Варшавѣ пошатнулось, къ тому же, онъ простудился въ жарко натопленномъ вагонѣ и въ Вѣнѣ захворалъ такъ тяжко, что долженъ былъ слечь въ постель. Простуда, которую считали за инфлуэнцу, вскорѣ окончилась тяжелымъ тифомъ. Черезъ нѣсколько дней больной потерялъ сознаніе и лежалъ въ отелѣ подъ присмотромъ чужихъ докторовъ и чужихъ людей, далеко отъ близкихъ и отъ дома. Въ горячкѣ, которая оковала его мозгъ и перемѣшала мысли, ему казалось, что онъ видитъ около себя какое-то лицо, самое дорогое лицо, любимое всегда, любимое въ одиночествѣ, любимое въ бозни и передъ лицомъ смерти. Оно представлялось ему даже и тогда, когда онъ пришелъ въ себя, но онъ былъ такъ слабъ, что не могъ ни двигаться, ни говорить, ни связать своихъ мыслей.

Потомъ видѣніе исчезло.

Основскій началъ разспрашивать сестеръ милосердія, которыя были присланы неизвѣстно кѣмъ, и сталъ тосковать страшно.

XLVIII.

Послѣ торжественнаго обряда крестинъ и выѣзда Свирскаго и Завиловскаго Поланецкіе снова зажили замкнутою жизнью, не видаясь почти ни съ кѣмъ, кромѣ Бигелей, пани Эмиліи и профессора Васковскаго. Но имъ хорошо было въ этомъ тѣсномъ кружкѣ, въ особенности хорошо другъ съ другомъ. Поланецкій въ это время былъ очень занятъ, просиживалъ долго за письменнымъ столомъ и въ конторѣ, и дома, разсматривая какое-то дѣло, о которомъ никому не говорилъ. Но послѣ конторскихъ занятій онъ прибѣгалъ домой еще съ большею поспѣшностью, чѣмъ когда былъ женихомъ, и каждый день ходилъ къ Плавицкимъ. Къ нему возвратилась прежняя живость, прежнее веселое расположеніе духа и прежняя вѣра въ жизнь. Вскорѣ онъ сдѣлалъ открытіе, которое ему самому казалось удивительнымъ, а именно, что онъ Маріню любитъ всѣми силами не только какъ жену и близкаго человѣка, но и какъ женщину, безъ малѣйшаго признака тревоги и суетности, безъ необъяснимыхъ скачковъ отъ радости къ отчаянію, любитъ со всѣми оттѣнками истиннаго чувства, съ цѣлымъ міромъ желаній, съ одинаковою, свѣжею впечатлительностью къ женственному ея обаянію, съ неусыпнымъ вниманіемъ, которое все чувствуетъ, все предвидитъ, которое вѣчно заботится, какъ бы не утратить, какъ бы не испортить свое счастье. «Я обращаюсь въ Основскаго,—весело говорилъ онъ самому себѣ,—но мнѣ одному только можно быть Основскимъ, потому что моя крошка никогда не сдѣлается пани Основской!» Теперь онъ часто называлъ ее «моею крошкой», но въ этомъ было болѣе уваженія, чѣмъ ласки. Онъ понималъ, что не полюбилъ бы ее такъ, будь она другою, что все это дѣло ея безконечно доброй воли и какой-то удивительной правдивости, какою вѣяло отъ нея такъ же естественно, какъ отъ очага вѣетъ жаромъ. Поланецкій зналъ, что его умъ гибче, кругозоръ обширнѣе, знанія глубже, чѣмъ ея знанія, и, однако, чувствовалъ, что, только благодаря ей, все, что было въ немъ, приняло болѣе законченную и благородную форму. Благодаря ея вліянію, всѣ выработанные имъ принципы переходили изъ его головы, гдѣ были только мертвою теоріей, въ его сердце и становились жизнью. Поланецкій понималъ, что не только его счастье, но и самъ онъ—дѣло рукъ Ма-

рини. Онъ даже немного разочаровывался въ себѣ,—теперь для него было несомнѣнно, что еслибъ онъ сошелся съ какою-нибудь другою женщиной, то и самъ могъ бы сдѣлаться чѣмъ-нибудь другимъ. По временамъ онъ даже удивлялся, какъ она могла полюбить его, но припоминалъ ея выраженіе: «служба Божія»,—и это объясняло ему все. Для такой женщины супружество было также «службой Божіей», а любовь—не какою-нибудь дикою силой, лежащей внѣ предѣловъ человѣческой силы, но актомъ доброй воли, исполненіемъ клятвы, обязанностей, законовъ, Богомъ установленныхъ. Марини любила его потому, что онъ—ея мужъ. Она была такою—и больше ничего.

Поланецкій, не понимая хорошенько, почему она сдѣлалась такою, какою есть, все больше и больше удивлялся ей, любилъ и уважалъ ее. Что касается Марини, то она, смотря на вещи непредубѣжденными глазами, не придавала себѣ особенно высокой цѣны, хотя понимала, что не всегда дѣло шло такъ хорошо, какъ теперь, что она прошла сквозь испытанія, но что во время этихъ испытаній держала себя достойно, терпѣливо пережила ихъ и что Богъ наградилъ ее за это, и это чувство наполняло ея душу отраднымъ спокойствіемъ. Здоровье ея возстановилось окончательно. При этомъ Марини знала, что опять сдѣлалась красивою и что ея очень любятъ. Тотъ Стахъ, котораго она прежде немного боялась, теперь часто, чуть не съ покорностью, склонялъ свою голову къ ея колѣнямъ, а она радостно думала: «По натурѣ онъ вовсе не изъ покорныхъ, и если дѣлаетъ такъ, то только потому, что *ужасно* любитъ!» Признательность все болѣе и болѣе скоплялась въ ея сердцѣ и она платила за любовь мужа такою же любовью.

Молодой «аріецъ» тоже превосходно игралъ свою роль солнечнаго луча въ домѣ. Правда, по временамъ этотъ лучъ пронзительно оралъ, но когда находился въ хорошемъ расположеніи духа и, лежа, въ своей любимой позѣ, съ ногами, задранными кверху подъ прямымъ угломъ, издавалъ крикъ удовольствія, все мужское и женское населеніе дома собиралось къ его кроваткѣ. Марини прикрывала ему ноги, называла его «скернымъ мальчишкой», но онъ каждую минуту сбрасывалъ съ себя простыню, видимо, убѣжденный, что человѣкъ съ характеромъ, разъ онъ рѣшилъ брыкаться, долженъ съ твердостью исполнять свое намѣреніе. При этомъ онъ смѣялся, показывая свои маленькія, беззубыя десны, мяукалъ, какъ котъ, или пищалъ, какъ уистити. Мать и нянька теперь разговаривали съ нимъ по цѣлымъ часамъ, и профессоръ Васковскій, который окончательно очаровался ребенкомъ, серьезно утверждалъ,

что это—«эзотерическая рѣчь», что ученые должны фонографировать ее, дабы она могла или совершенно разсѣять тайну астральнаго существованія, или, по крайней мѣрѣ, дать какой-нибудь ключъ къ ея пониманію.

Такимъ образомъ протекали зимніе мѣсяцы въ домѣ Поланецкихъ. Въ началѣ февраля самъ Поланецкій началъ ѣздить по какимъ-то дѣламъ, а возвратившись, вступалъ въ долгія бесѣды съ Бигелемъ. Но съ половины мѣсяца онъ совсѣмъ засѣлъ дома и выходилъ только въ контору или возилъ Мариню и маленькаго Стася кататься въ каретѣ. Однообразіе жизни, или, вѣрнѣе, однообразіе яснаго спокойствія и счастья прерывала только пани Бигель, которая сообщала разныя слухи о знакомыхъ Поланецкихъ. Такимъ образомъ Мариня узнала, что панна Ратковская, которая въ послѣднее время никуда не показывалась, на доходъ съ капитала, записаннаго панной Еленой на ея имя, основала маленькій дѣтскій пріютъ, что панъ Основскій, дѣйствительно, уѣхалъ въ Египетъ, но не одинъ, а со своею «Анетой», съ которой окончательно примирился послѣ своего выздоровленія. Панъ Кресовскій, секундантъ Машко, даже видѣлъ ихъ въ Тріестѣ и иронически разсказывалъ Поланецкому, что «у барыни мина покорной, кающейся грѣшницы». Но Поланецкій, зная по опыту, какъ человѣкъ изводится въ несчастіи и сколько можетъ быть искренности въ покаяніи, отвѣчалъ совершенно серьезно, что коль скоро мужъ принялъ пани Основскую, то ни одинъ порядочный человѣкъ не имѣетъ права быть суровѣе его.

Но немного погодя изъ Италіи пришло извѣстіе настолько странное, что оно послужило предметомъ разговора не только однихъ Бигелей и Поланецкихъ, но и всего города. Извѣстіе гласило, что художникъ Свирскій сдѣлалъ предложеніе паннѣ Кастелли и что свадьба ихъ будетъ сейчасъ же послѣ Пасхи. Мариня была такъ взволнована этимъ, что уговорила мужа написать Свирскому и спросить, правда ли это. Отвѣтъ пришелъ черезъ десять дней, и когда Поланецкій вошелъ въ комнату съ конвертомъ въ рукахъ и заявилъ, что получилось письмо изъ Рима, солидная пани Поланецкая подбѣжала къ нему со щеками, покраснѣвшими отъ любопытства. Вотъ что писалъ Свирскій:

«Правда ли это? Нѣтъ, дорогіе мои, неправда! Но для того, чтобы вы поняли, почему этого не случилось и никогда не случится, я долженъ поговорить съ вами о Завиловскомъ. Онъ пріѣхалъ сюда три дня тому назадъ, потому что я уговорилъ его остаться во Флоренціи, а потомъ осмотрѣть Сьену, Парму и, въ особенности, Ра-

венну. Отсюда я отправлю его въ Аѳины и завтра онъ уѣзжаетъ туда via Бриндизи, а до сихъ поръ онъ просиживалъ у меня съ утра до вечера. Я видѣлъ, что что-то мучитъ его, и, желая навести разговоръ на вещи, которыя его больше всего интересуютъ, вчера спросилъ мимоходомъ, не прячетъ ли онъ въ портфелѣ полдюжины равенскихъ сонетовъ? И знаете, что произошло? Сначала онъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ, что пока нѣтъ, но скоро онъ начнетъ писать, а потомъ вдругъ бросилъ шляпу на земь и разрыдался, какъ малый ребенокъ. Я никогда не видалъ взрыва подобной горести. Онъ просто-на-просто бился у меня на рукахъ и повторялъ, что убилъ свой талантъ, что въ немъ уже ничего нѣтъ, что онъ уже ничего не напишетъ, и предпочиталъ бы, чтобъ панна Елена не обезпечивала его. Вотъ что творится съ нимъ, въ то время, когда люди увѣряютъ, что онъ не пишетъ потому, что разбогатѣлъ. И это такъ ужь и останется. Убили бѣднягу, убили въ немъ душу и талантъ,—погасили могучій огонь, при которомъ человѣчеству было бы и свѣтло, и тепло. И вотъ этого-то я никогда не могу забыть. Богъ съ ней, съ панной Кастелли! По нельзя было вырывать такія перья, чтобы сдѣлать себѣ вѣеръ, а потомъ выбросить его за окошко. Да, этого я никогда не могъ бы забыть. Не обращайте вниманія на то, что я болталъ въ Варшавѣ, будто бы ей остается искать князя Крапулеску, а другой ее не возьметъ. На свѣтѣ нѣтъ почти недостатка въ ослѣпленныхъ людяхъ. Что касается меня, то я—ни ослѣпленный человѣкъ, ни князь Крапулески. Можно прощать только *собственныя* обиды, а не чужія, иначе это было бы черезъ-чуръ легко. Вотъ и все, что я могу сказать вамъ,—остальное вы сами знаете. Я жду годъ, а потомъ повторяю свое предложеніе паннѣ Ратковской. Пожелаетъ ли она меня, отвергнетъ ли,—да благословитъ ее Богъ во всякомъ случаѣ!—но это мое неизмѣнное рѣшеніе».

— Да,—сказала Мариня.—Но откуда же взялись такіе слухи?

Объясненіе находилось въ томъ же письмѣ Свирскаго.

«Всѣ эти сплетни,—писалъ онъ,—могли возникнуть изъ того, что меня довольно часто видали съ этими барынями. Помните, когда я былъ въ Римѣ въ прошлый разъ, пани Броничъ первая писала ко мнѣ, а когда я пришелъ къ нимъ, панна Кастелли, вмѣсто того, чтобы вывертываться, сама обвинила себя передо мною. Признаюсь, меня это тронуло. Пусть говорятъ что угодно, но въ открытомъ признаніи вины всегда видно пробужденіе чести, какая-то отвага, поворотъ къ чему-то лучшему, слышенъ стонъ скорби, которая если и не искупаетъ вины, то, по крайней мѣрѣ, можетъ ис-

купить душу. И вѣрьте мнѣ, въ томъ, что я говорю, кроется нѣчто большее, чѣмъ слабость моего маслянаго сердца. Подумайте, что, вѣдь, имъ, дѣйствительно, плохо приходится. Сколько разъ я видѣлъ, какъ нерѣшительно подходятъ онѣ къ людямъ и какъ ихъ принимаютъ тѣ, которые имѣютъ смѣлость обладать собственными мнѣніями. Въ нихъ собралось столько горечи, что онѣ, какъ справедливо предсказалъ когда-то Васковскій, сами съ горечью начинаютъ смотрѣть другъ на друга. Странное это положеніе, когда какъ будто принадлежишь къ свѣту, а на самомъ дѣлѣ сгибаешься подъ бременемъ широко разгласившагося скандала. Богъ съ ними! Много можно было бы написать объ этомъ, но я теперь памятую всегда слова панны Елены, что за человѣка нельзя отчаяваться, пока онъ живъ. Бѣдная панна Линета отъ огорченія измѣнилась, похудѣла, подурнѣла, и мнѣ тѣмъ болѣе жаль ее. Жаль мнѣ даже и пани Броничъ, хотя она своимъ враньемъ чуть не продырявливаетъ чужія уши, но дѣлаетъ это изъ привязанности къ своей племянницѣ. Я только что сказалъ, что можно прощать лишь свои обиды, но человѣкъ былъ бы гориллою, а не христіаниномъ, еслибъ не чувствовалъ хоть капли состраданія къ чужому горю. Можетъ быть, теперь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отчаянія Игнася, у меня хватитъ духа не пойти къ нимъ, но, тѣмъ не менѣе, я не жалѣю, что бывалъ у нихъ. Сплетники поболтаютъ и перестанутъ и черезъ какой-нибудь годъ, если Господь пошлетъ мнѣ добиться расположенія того кроткаго существа, поймутъ, что болтали глупости».

Письмо кончалось упоминаніемъ объ Основскихъ. Свирскій уже слышалъ, что они сошлись вновь, и даже зналъ подробности, неизвѣстныя Поланецкому. «Я думаю,—писалъ онъ,—что Богъ сильнѣе человѣческаго непостоянства и, кромѣ того, несказанно милосердъ, и если позволяетъ порою несчастью ударять молотомъ въ грудь человѣка, то только для того, чтобъ извлечь изъ нея какую-нибудь искру добра. Теперь я вѣрю даже въ возрожденіе пани Основской. Можетъ быть, это наивно, но иногда я допускаю, что совершенно злыхъ людей совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ. Посмотрите, и въ такой женщинѣ, какъ пани Анета, что-то дрогнуло, и она ухаживала за нимъ во время его болѣзни. Ахъ, ужь эти женщины! Такъ онѣ у меня все перевернули въ головѣ, что скоро я не буду имѣть яснаго понятія не только о нихъ, но и ни о чемъ на свѣтѣ».

Дальше шли вопросы о Стасѣ, добрыя пожеланія виновникамъ его дней и, наконецъ, обѣщаніе вернуться съ первыми весенними днями.

XLIX.

А весна, дѣйствительно, приближалась, теплая и ранняя. Въ концѣ марта и половинѣ апрѣля Поланецкій опять началъ выѣзжать и проводилъ иногда нѣсколько дней внѣ дома. Оба они съ Бигелемъ были такъ заняты, что просиживали въ конторѣ до поздняго вечера. Пани Бигель предполагала, что, должно быть, опять затѣвается большое дѣло, но ее удивляло, что мужъ, который всегда говорилъ съ ней о всякихъ дѣлахъ и чуть не думалъ вслухъ въ ея присутствіи, теперь молчалъ, какъ убитый. Мариня также замѣтила, что у Стаха голова занята чѣмъ-то необыкновенно важнымъ. Онъ относился къ ней нѣжнѣе, чѣмъ обыкновенно, и ей казалось, что даже и въ этой нѣжности, какъ и во всякой его ласкѣ, во всякомъ его словѣ, кроется какая-то другая, затаенная мысль, которая занимаетъ его такъ, что онъ ни на минуту не можетъ оторваться отъ нея. И это состояніе разсѣянности увеличивалось съ каждымъ днемъ, а съ наступленіемъ мая перешло во что-то лихорадочное. Мариня начала колебаться, не спросить ли у мужа, что съ нимъ? Она опасалась показаться навязчивою, но тутъ была и другая крайность,—ну, какъ онъ подумаетъ, что ей до него нѣтъ никакого дѣла? Она рѣшила выждать удобную минуту и надѣялась, что когда-нибудь онъ начнетъ говорить съ нею, хоть издалека. И дѣйствительно, удобная минута наступила скоро. Поланецкій рано возвратился изъ конторы, и возвратился съ такимъ радостнымъ, хотя и серьезнымъ лицомъ, что Мариня, заглянувъ ему въ глаза, почти невольно спросила:

— Должно быть, случилось что-нибудь хорошее, Стахъ?

Онъ сѣлъ возлѣ нея и, вмѣсто отвѣта, заговорилъ какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Посмотрите, какая погода и какъ тепло. Можно окна отворять. Знаешь, о чемъ я думалъ въ послѣднее время? Что и для твоего здоровья, и для Стася намъ нужно пораньше выбраться изъ города.

А Мариня сказала:

— Если Бучинекъ не нанятъ...

— Бучинекъ проданъ,—отвѣтилъ Поланецкій.

Онъ взялъ ея руки и, съ безконечною любовью глядя ей въ глаза, заговорилъ:

— Слушай, дорогая, мнѣ нужно сказать тебѣ что-то, что должно тебя обрадовать, но обѣщай мнѣ, что ты не очень взволнуешься.

Хорошо. А что именно, Стахъ?

— Видишь, дѣточка, Машко убѣжалъ за границу, потому что у него было больше долговъ, чѣмъ имущества. Кредиторы бросились на все, что послѣ него осталось, чтобъ получить хоть немного. Все пошло съ молотка. Магерувка была распродана, но Кшемень, Скоки и Сухоцинъ можно было спасти, и... только не волнуйся, любовь моя... я купилъ ихъ для тебя.

Мариня смотрѣла на него, моргала глазами и не вѣрила своимъ ушамъ. Но нѣтъ! Онъ самъ былъ настолько взволнованъ, что не могъ шутить. Глаза ея наполнились слезами и она вдругъ обвила его шею своими руками.

— Стахъ!

Въ эту минуту она не могла найти другихъ словъ, но въ ея крикѣ слышалась и благодарность, и великая любовь, и уваженіе къ уму человѣка, который съумѣлъ сдѣлать все это. Поланецкій понялъ все, и въ сознаніи безконечнаго счастья, котораго онъ до сихъ поръ не испытывалъ, заговорилъ, прижимая ее къ своей груди:

— Я зналъ, что это обрадуетъ тебя, и развѣ только одинъ Богъ знаетъ, что для меня нѣтъ высшаго утѣшенія, какъ твоя радость. Я помню, ты жалѣла Кшемень. Я поступилъ несправедливо, а такъ какъ несправедливость можно было исправить, то я и исправилъ ее. Да это что! Еслибъ я десять такихъ Кшеменей купилъ, такъ и тогда не расплатился бы съ тобою за добро, какое ты мнѣ сдѣлала, и тогда не стоилъ бы тебя.

Онъ говорилъ искренно, но Мариня высвободила голову изъ его объятій и, смотря на него заплаканными, но ясными глазами, сказала:

— Это я тебя не стою Стахъ! Я даже и не думала, что буду такъ счастлива!

Ей хотѣлось то смѣяться, то плакать отъ радости,—дѣйствительное счастье превысило все, на что она когда-либо могла разчитывать. Ея мать, давно - давно, написала своею изсохшею рукой: «Не для того должно выходить замужъ, чтобъ быть счастливою, но для того, чтобъ исполнять возложенныя Богомъ обязанности, а счастье— это только добавленіе и даръ Божій». А теперь это добавленіе было такъ велико, что не могло помѣститься въ сердцѣ. Были испытанія, были минуты и грусти, и даже сомнѣнія, но все это прошло и, наконецъ, Стахъ не только полюбилъ ее, какъ зѣницу ока, но сдѣлалъ больше, чѣмъ обѣщалъ когда-либо.

И вотъ теперь, расхаживая большими шагами по комнатѣ, взволнованный, но съ выраженіемъ самодовольствія на лицѣ, онъ говорилъ:

— Вотъ теперь начнется работа, Марыня, а? Вѣдь, я о хозяйствѣ не имѣю ни малѣйшаго понятія, и это будетъ уже твое дѣло. Но я думаю, что изъ меня выйдетъ недурной хозяинъ. Кшемень—вещь не маленькая.

Мариня сложила на груди руки.

— Стахъ, золотой мой! Я знаю, что ты сдѣлалъ это для меня. Но не повредитъ это твоимъ дѣламъ?

— Моимъ дѣламъ? Ты думаешь, что я позволю обобрать себя? Какъ бы не такъ! Я дешево купилъ, очень дешево! Бигель, хотя и всего боится, но и онъ говоритъ, что это дѣло хорошее. Наконецъ, я, все-таки, остаюсь въ компаніи. Ты, Мариня, только не опасайся ничего. Хозяйничать будетъ на что, и еслибъ весь Кшемень сегодня же провалился бы сквозь землю, у насъ останется еще кое-что.

Мариня посмотрѣла на него такъ, какъ смотрѣла бы на Наполеона или подобнаго завоевателя, и сказала:

— Я увѣрена, что ты съумѣешь сдѣлать все, что захочешь, но я знаю, что Кшемень ты купилъ для меня.

— Конечно,—отвѣтилъ Поланецкій,—потому что тамъ похоронена твоя мать, потому что люблю тебя, потому что ты любила Кшемень. Но, въ свою очередь, ты заставила меня полюбить землю. Я помню, что говорила ты въ Венеціи, когда Машко хотѣлъ продать Кшемень Букацкому. Ты не имѣешь понятія, до какой степени я подъ твоимъ вліяніемъ. Иногда ты скажешь что-нибудь, я какъ будто ничего, но во мнѣ это остается и потомъ вдругъ, неожиданно, отзовется. Такъ было и въ этомъ дѣлѣ. Теперь мнѣ самому кажется страннымъ, чтобы жить на этой планетѣ, какъ будто обладать чѣмъ-то и не имѣть трехъ квадратныхъ футовъ земли, о которой можно было бы сказать: «мое!» Эта покупка была уже дѣло рѣшенное. Ты, можетъ быть, замѣтила, что я уже нѣсколько мѣсяцевъ метался, какъ муха въ кипяткѣ. Я только не хотѣлъ ничего говорить тебѣ, пока все не будетъ кончено,—мнѣ хотѣлось сдѣлать тебѣ сюрпризъ. Вотъ тебѣ! Это за то, что ты такая милая и здоровая!

Маринѣ такъ захотѣлось ѣхать въ Кшемень, что она ни о чемъ другомъ не могла думать. Поланецкій, наконецъ, пригрозилъ ей, что будетъ ревновать ее къ Кшеменю и продастъ его.

— О, не продашь!—сказала Мариня и закивала головою.

— Почему?

Мариня поднялась на цыпочки и шепнула ему на ухо:

— Потому что ты любишь меня.

Поланецкій, въ свою очередь, кивнулъ головою.

Однако, къ величайшей радости Марини, рѣшено было въ концѣ недѣли всѣмъ домомъ перебираться въ Кшемень. Поланецкій устроилъ домъ такъ, что онъ былъ готовъ принять въ свои нѣдра хозяйку. По его словамъ, онъ почти ничего не измѣнилъ и старался только, чтобы комнаты не пугали своею пустотой.

Вдругъ онъ разсмѣялся.

— Любопытно знать, что скажетъ на это папа?

Предположеніе о томъ, что папа удивится, послужило новымъ источникомъ радости для Марини. Впрочемъ, папа ждать пришлось не долго: онъ появился черезъ полчаса. Едва показался онъ, какъ Мариня бросилась ему на шею и однимъ духомъ выболтала ему пріятную новость. Папа дѣйствительно удивился и даже растрогался. Можетъ быть, онъ сочувствовалъ радости дочери, можетъ быть, въ немъ сказалась привязанность къ углу, въ которомъ онъ прожилъ столько лѣтъ, но только глаза пана Плавицкаго увлажнились. Прежде всего, онъ вспомнилъ, какъ орошалъ своимъ потомъ почву Кшеменя, потомъ заговорилъ что-то о «старцѣ», о «пристанищѣ на хуторѣ», наконецъ, обнялъ Поланецкаго и сказалъ:

— Дай вамъ Богъ управляться съ своими дѣлами такъ, какъ управлялся я, и будьте увѣрены, что я никогда не откажу вамъ ни въ помощи, ни въ указаніяхъ.

Вечеромъ у Бигелей Мариня, еще не остывшая отъ своего восторга, говорила пани Бигель:

— Ну, скажи, пожалуйста, какъ не любить такого человѣка, скажи сама?

L.

Поланецкіе пріѣхали въ Кшемень въ субботу ночью, въ первомъ часу. Прислуга ожидала ихъ съ хлѣбомъ и солью, затѣмъ Мариня, плача и смѣясь, обѣгала всѣ углы въ домѣ, а потомъ отъ волненія не могла уснуть чуть не до утра. Поланецкій всталъ поздно и послѣ завтрака пошелъ осматривать свои новыя владѣнія. Была вторая половина мая, день стоялъ чудесный. Ночью шелъ дождь, а теперь солнце отражалось въ маленькихъ лужицахъ, преломлялось въ капляхъ, висящихъ на листьяхъ, и золотило мокрыя крыши сараевъ, амбаровъ и овчарни. Въ этомъ блескѣ, окутанный яркою зеленью молодой листвы, Кшемень казался очень красивымъ. По случаю праздника на дворѣ не было никакого движенія, только возлѣ конюшни суетились кучера, которые должны были везти барыню въ церковь. Поланецкаго сильно поразила эта сонная тишина. Рѣшившись купить Кшемень, онъ былъ въ немъ нѣсколько разъ и зналъ,

что имѣніе заброшено. Правда, Машко началъ было строить житницу съ красною крышей и не окончилъ. Самъ онъ не жилъ здѣсь никогда, въ имѣніе вкладывать ничего не могъ, и запустѣніе было видно на каждомъ шагу. Но никогда оно не представлялось Поланецкому такъ ясно, какъ теперь, когда онъ могъ уже сказать себѣ: «это мое!» Постройки какъ-то покривились, заборы развалились, возлѣ стѣнъ валялись обломки разныхъ хозяйственныхъ орудій, все было предоставлено самому себѣ. Поланецкій въ хозяйствѣ зналъ только то, что нужно быть осторожнымъ въ затратахъ на имѣніе, но, смотря на свое царство, догадывался, что, должно быть, и поля находятся въ такомъ же запустѣніи и что если здѣсь и дѣлалось что-нибудь, то скорѣе по привычкѣ, по рутинѣ, потому только, что такъ дѣлалось десять, двадцать, сто лѣтъ тому назадъ. Того напряженія, той неослабѣвающей, бдительной энергіи, которая составляетъ необходимое основаніе торговаго дѣла и промышленности, здѣсь не было ни слѣда. «Если я хоть только это внесу въ здѣшнюю мертвечину, — думалъ Поланецкій,— то и того будетъ совершенно достаточно. А у меня, вдобавокъ, есть деньги, потомъ я, по крайней мѣрѣ, знаю, что ничего не знаю, а, во-вторыхъ, знаю, что нужно учиться и пробовать дѣло на опытѣ». По своему прошлому онъ зналъ, что даже въ Бельгіи человѣческая душа и напряженіе воли значило больше, чѣмъ самыя сильныя машины, а въ этомъ отношеніи онъ разсчитывалъ на себя и могъ разсчитывать. Онъ считалъ себя человѣкомъ упрямымъ и настойчивымъ. Все, что онъ бралъ въ руки, должно было волей или неволей двигаться впередъ. Кромѣ того, онъ чувствовалъ, что голова у него не фантастическая, а строго-разсчетливая, и, благодаря этому сознанію, не только не смутился при видѣ окружающаго его запустѣнія, но нашелъ въ этомъ даже что-то ободряющее. Эта мертвечина, это запустѣніе, эта инерція и сонливость, казалось, вызывали его на бой, а онъ, осматриваясь кругомъ, чуть не съ радостью повторялъ: «Хорошо, хорошо, попробуемъ!» И ему сейчасъ же хотѣлось приняться за работу.

Первый осмотръ не испортилъ хорошаго расположенія его духа и занялъ не много времени. Поланецкій посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что если они хотятъ быть у обѣдни въ Вонторахъ, то должны ѣхать сейчасъ же. Онъ приказалъ запрягать лошадей, поспѣшно пошелъ въ домъ и постучался въ дверь Марини.

— Хозяйка!—крикнулъ онъ,—«Служба Божія!»

— Можно, можно!—послышался веселый голосъ Марини.—Я одна!

Поланецкій вошелъ въ комнату. Мариня была въ свѣтломъ платьѣ, въ такомъ же, въ какомъ Поланецкій видѣлъ ее въ первый свой пріѣздъ въ Кшемень. Мариня нарочно одѣлась такъ; онъ, къ великому ея удовольствію, понялъ ея намѣреніе и крикнулъ, протягивая ей руки:

— Панна Плавицкая!

Мариня приблизилась къ нему, прижалась, какъ бы сконфуженная, своимъ розовымъ носикомъ къ его щекѣ и указала рукой на кроватку, на которой спалъ Стась.

Въ костелъ Поланецкіе отправились вмѣстѣ съ панà Плавицкимъ. День былъ весенній, ясный, радостный. Въ лѣсахъ куковали кукушки, а на лугахъ разгуливали аисты. Сороки и удоды летѣли вдоль по дорогѣ вслѣдъ за экипажемъ и перепархивали съ дерева на дерево. Отъ времени до времени поднимался вѣтеръ и летѣлъ по нивамъ, точно по волнамъ, наклоняя стебли травъ и бросая бѣгущія тѣни на зелень полей. Кругомъ пахло землею, травою и весною. И Поланецкаго, и Мариню охватилъ рой воспоминаній. Въ ней отзывалась, уже немного притупленная городскою жизнью, любовь къ землѣ, къ деревнѣ, къ лѣсу, къ полевымъ грушамъ, къ полямъ, къ широкому воздушному пространству и безконечному простору неба. Все это наполняло ее полубезсознательнымъ, но близкимъ къ упоенію восторгомъ. Поланецкій же вспоминалъ, какъ онъ точно такъ же ѣхалъ съ паномъ Плавицкимъ въ костелъ и какъ сороки точно такъ же перепархивали передъ нимъ съ дерева на дерево. Только теперь онъ чувствовалъ возлѣ себя то розовое существо, которое тогда увидалъ въ первый разъ,—бывшую панну Марію Плавицкую. Въ одну минуту онъ воскресилъ въ своей мысли все, что произошло между ними: и первое знакомство, и чары, какими она его опутала, и возникшія потомъ недоразумѣнія, и то странное участіе, какое принимала въ ихъ жизни Литка, и свадьбу, и совмѣстное ихъ сожительство, и перемѣны, которыя произошли въ немъ подъ вліяніемъ этой ясной души, и теперешнюю счастливую перемѣну въ ихъ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ испытывалъ отрадное сознаніе, что зло прошло, что онъ нашелъ больше, чѣмъ мечталъ. Теперь его могутъ встрѣтить всякія несчастія, но отношенія его къ Маринѣ уже совершенно уяснились и жизнь его стала разъ навсегда ясною, достойною, чуть ли не равнозначущею «службѣ Божіей», настолько непохожею на прежнюю, насколько окружающій его теперь горизонтъ былъ шире городского горизонта. При этой мысли сердце его наполнялось счастьемъ и любовью къ Маринѣ. Въ Вонтарахъ онъ молился за душу ея матери съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ

сама Мариня. Ему казалось, что онъ любитъ прахъ, похороненный подъ церковью, тѣмъ же сыновнимъ чувствомъ, какъ и прахъ собственной матери.

Зазвонили къ обѣднѣ. Въ костелѣ прежнія воспоминанія снова начали тѣсниться въ головѣ Полянецкаго. Все, что окружало его, казалось ему такимъ знакомымъ, что онъ поддавался заблужденію, что былъ здѣсь вчера. Въ притворѣ такъ же толпились крестьяне, такъ же пахло аиромъ, обѣдню служилъ тотъ же самый ксёндзъ, тѣ же самыя березы стучали своими вѣтвями въ окно, и Полянецкій точно такъ же думалъ, что все проходитъ,—проходитъ жизнь, проходятъ страданія, надежды, порывы, проходятъ направленія мысли и цѣлыя философскія системы, а обѣдня совершается по-старому, какъ будто въ ней одной заключается непоколебимая прочность. Новою фигурой въ старой картинѣ была только Мариня. Полянецкій, посматривая на ея спокойное лицо и устремленные на алтарь глаза, угадывалъ, что она испрашиваетъ Божіе благословеніе на ихъ жизнь въ деревнѣ, и самъ старался настроиться на ея ладъ и молиться съ нею вмѣстѣ.

Послѣ обѣдни на церковномъ дворѣ ихъ окружили сосѣди, старые знакомые пана Плавицкаго и Марини. Но напрасно панъ Плавицкій искалъ глазами пани Ямишъ,—она была въ городѣ. За то судья Ямишъ, совершенно излечившійся отъ своего катарра желудка, помолодѣвшій и здоровый, при видѣ Марини впалъ въ совершенный энтузіазмъ.

— Ученица моя!—воскликнулъ онъ, цѣлуя ея руки!—Хозяйка моя! Моя «золотая Мариня»! Ага, вернулись птички въ старое гнѣздо! Да какая прелесть-то! Ей-Богу, настоящая барышня, чистый подросточекъ, а я знаю, что и мальчишка родился на свѣтъ!

Мариня краснѣла отъ удовольствія, но въ это время къ нимъ подошли Зазимскіе съ своимъ шестерикомъ дѣтей, а вмѣстѣ съ ними и панъ Гонтовскій, въ просторѣчіи «медвѣженокъ», бывшій несчастный женихъ Марини и врагъ Машко. Панъ Гонтовскій подошелъ неуклюже, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, какъ бы ослѣпленный красотою Марини и объятый горемъ по счастью, которое миновало его. И Мариня была немного смущена, за то Полянецкій дружески протянулъ ему руку и съ великодушіемъ побѣдителя сказалъ:

— Вотъ и я нахожу здѣсь товарищей своего дѣтства... Какъ поживаете?

Панъ Ямишъ,—онъ былъ въ превосходномъ расположеніи духа,—укоризненно посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— Онъ все съ регулированіемъ сервитутовъ возится.

Панъ Гонтовскій смѣшался еще больше, потому что весь околотокъ говорилъ о томъ же. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ бѣдняга едва держался въ своемъ Ялбжиковѣ. Регулированіе сервитутовъ и продажа лѣса могли еще поставить его на ноги, но что-жь подѣлаешь, когда на дорогѣ къ осуществленію самаго вѣрнаго договора становился вѣчный упрекъ его ялбжиковскихъ сосѣдей: «баринъ на бѣломъ конѣ ѣздитъ, изъ пистолета стрѣляетъ, дѣвкамъ въ глаза заглядываетъ».

Хотя панъ Гонтовскій съ дѣтства привыкъ къ деревенской волокитѣ, но по временамъ и онъ терялъ терпѣніе и кричалъ съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ:

— Да черти вы эдакіе! То одно, а это другое! Чтобъ вамъ провалиться сквозь землю!

Послѣ такого убѣдительнаго «dictum» ялбжиковскіе старички снова собирались на совѣтъ и, послѣ основательнаго разсмотрѣнія всѣхъ *за* и *противъ*, снова докладывали, почесывая въ затылкахъ, что все было бы хорошо, если бы не то, что «баринъ на бѣломъ конѣ ѣздитъ, изъ пистолета стрѣляетъ etc.».

Мариня, которая была привязана къ пану Ямишу, какъ къ родному, узнавъ, что онъ находится на положеніи соломеннаго вдовца, пригласила его къ себѣ обѣдать. Панъ Плавицкій, опечаленный тѣмъ, что не нашелъ въ Вонторахъ панису дейши, вспомнилъ про свою воскресную партію въ пикетъ и въ свою очередь пригласилъ «Гонтося», вслѣдствіе чего Поланецкіе должны были торопиться домой, чтобы сдѣлать надлежащія распоряженія. За ними отправился панъ Плавицкій съ судьею, а Гонтовскій потащился въ своей бричкѣ, на худой ялбжиковской лошади.

По дорогѣ панъ Плавицкій сказалъ судьѣ:

— Я не могу пожаловаться. Дочь моя счастлива. Онъ человѣкъ добрый и энергичный, но...

— Но что?—спросилъ панъ Ямишъ.

— Но какой-то шальной. Помните, онъ такъ прижалъ меня со своими несчастными двадцатью тысячами рублей, что я долженъ былъ продать Кшемень. А потомъ что? Потомъ онъ самъ же выкупилъ Кшемень... Еслибъ онъ не притѣснялъ меня, то ему не нужно было бы покупать Кшемень, онъ даромъ получилъ бы его послѣ моей смерти въ качествѣ приданаго за Мариней. Добрый человѣкъ, но здѣсь... (панъ Плавицкій стукнулъ себя пальцемъ въ лобъ) шумитъ еще! Правду не грѣхъ сказать!

Пану Ямишу не хотѣлось обидѣть пана Плавицкаго замѣчані-

емъ, что еслибъ Кшемень оставался въ его рукахъ, то отъ Кшеменя ничего бы не осталось.

А панъ Плавицкій вздохнулъ и прибавилъ:

— Для меня на старости новый трудъ,—все на мои же плечи ляжетъ.

Панъ Ямишъ съ трудомъ воздержался, чтобъ не воскликнуть: «Сохрани Богъ!»—но вспомнилъ о томъ, каковъ человѣкъ Поланецкій, и сообразилъ, что опасность не велика. Да и самъ панъ Плавицкій не особенно вѣрилъ въ то, что говорилъ. Зятя онъ немного боялся и понималъ хорошо, что теперь-то именно дѣло и ляжетъ на другія плечи.

Тѣмъ временемъ они пріѣхали въ Кшемень. Мариня уже распорядилась насчетъ обѣда и встрѣтила ихъ съ маленькимъ Стасемъ на рукахъ.

— Я хотѣла представить вамъ своего сына прежде, чѣмъ мы сядемъ за столъ,—сказала она.—Большой у меня сынъ, огромный сынъ, ласковый сынъ!

Панъ Ямишъ прикоснулся пальцами къ щекѣ Яся, вслѣдствіе чего «ласковый сынъ» сначала поморщился, потомъ разсмѣялся и вдругъ издалъ крикъ, который для изслѣдователя «эзотеричной рѣчи», вѣроятно, могъ бы имѣть необыкновенно важное значеніе, но обыкновенному уху чрезвычайно напоминалъ визгъ попугая.

Панъ Гонтовскій повѣсилъ свое пальто въ сѣняхъ и доставалъ изъ кармана носовой платокъ, когда, по странному стеченію обстоятельствъ, Розулька, няня Стася, также очутилась въ сѣняхъ, и, приблизившись къ пану Гонтовскому, сначала поклонилась ему въ ноги, а потомъ поцѣловала его руку.

— Ну, что ты? Какъ поживаешь?—спросилъ владѣлецъ Ялбжикова.

— Ничего, хотѣла только поклониться вамъ,—покорно отвѣчала Розулька.

Панъ Гонтовскій началъ искать что-то въ жилетномъ карманѣ, но молодая женщина, не ожидая подачки, снова поцѣловала его руку и тихо пошла въ дѣтскую.

Панъ Гонтовскій затянулъ въ полголоса какой-то мотивъ и присоединился къ остальному обществу.

Сѣли за столъ и разговоръ коснулся переѣзда Поланецкихъ въ деревню. Панъ Ямишъ обратился къ Поланецкому съ слѣдующею рѣчью:

— Вы являетесь въ деревню безъ знанія хозяйства, но съ тѣмъ, чего вообще недостаетъ нашимъ землевладѣльцамъ, то-есть

съ капиталомъ и умѣньемъ управлять дѣломъ, поэтому я надѣюсь, что дѣло ваше не пойдетъ плохо. Ваше возвращеніе—большая радость для меня, не потому, что мнѣ пріятно видѣть мою милую ученицу, а потому, что въ этомъ я вижу доказательство моихъ словъ, что большинство изъ насъ, стариковъ, должны сойти съ земли, но сыновья наши, а если не сыновья, то внуки, вновь вернутся къ землѣ, и вернутся болѣе крѣпкіе, закаленные въ житейской борьбѣ, съ разсчетомъ въ головѣ, съ традиціей труда. Вы помните, я говорилъ вамъ когда-то, что земля притягиваетъ и что она одна и есть истинное богатство. Вы тогда спорили со мной, а теперь—смотрите, вы собственникъ Кшеменя.

— Это по ея милости и для нея,—указалъ Поланецкій на жену.

— По ея милости и для нея!—повторилъ судья.—А вы думаете, что въ моей теоріи нѣтъ мѣста для женщинъ и я не знаю, чего онѣ стоятъ? Онѣ своею совѣстью угадываютъ, въ чемъ заключается истинная обязанность, и сердцемъ своимъ наталкиваютъ насъ на этотъ путь, а истинная обязанность, какъ и истинное богатство, это—земля.

Панъ Ямишъ, какъ большинство судей, обладалъ маленькою слабостью наслаждаться собственными рѣчами. Теперь онъ закрылъ глаза, чтобы слышать лучше, и продолжалъ:

— Да. Вы возвратились по милости жены. Да, это ея заслуга, и дай Богъ, чтобъ подобныя женщины рождались почаще, но, въ свою очередь, вы сами вышли изъ земли, поэтому земля и притягиваетъ васъ къ себѣ. Мы всѣ должны включить плугъ въ нашу гербовую печать. И скажу вамъ еще, что возвратился не только панъ Станиславъ Поланецкій, не только пани Марія Поланецкая,—возвратилась Семья Поланецкихъ, потому что въ ней отозвался инстинктъ цѣлыхъ поколѣній, которыя изъ земли возродились и прахъ которыхъ утучняетъ эту землю.

Панъ Ямишъ всталъ, взялъ рюмку и провозгласилъ:

— За пани Поланецкую, здоровье семьи Поланецкихъ!

— Здоровье семьи Поланецкихъ! — повторилъ панъ Гонтовскій. Сердце его легко растрогивалось отъ краснорѣчія и въ эту минуту онъ готовъ былъ простить семьѣ Поланецкихъ всѣ сердечныя муки, которыя вынесъ онъ, благодаря ей.

Всѣ потянулись съ рюмками къ Маринѣ. Она взволновалась, благодарила всѣхъ, а Поланецкому, когда тотъ приблизился къ ней, шепнула:

— О, Стась, какъ я счастлива!

Когда все общество вновь усѣлось за столъ, панъ Плавицкій прибавилъ съ своей стороны:

— Держаться земли до послѣдняго остатка силъ, вотъ что я провозглашалъ всю жизнь!

— Это вѣрно!—подтвердилъ панъ Гонтовскій, но въ глубинѣ души подумалъ: «Еслибъ только не эти анаѳемскія проволочки!»

Послѣ обѣда гости начали собираться домой, но панъ Плавицкій задержалъ ихъ на «партію», такъ что они уѣхали только вечеромъ. Поланецкіе вышли на террасу и спустились въ садъ. Все, что напоминало первое воскресенье, проведенное здѣсь вмѣстѣ, казалось имъ какимъ-то чуднымъ и сладкимъ сномъ, а воспоминанія встрѣчались на каждомъ шагу. Солнце закатывалось такое же огромное и огненное, деревья неподвижно стояли въ вечерней тишинѣ, сверкая своими позлащенными верхушками; на другой сторонѣ дома также клекотали аисты, и настроеніе было такое же—умиротворяющее, мягкое. Поланецкій и Мариня обошли всѣ аллеи, посмотрѣли на рѣшетку, на поля, исчезающія въ отдаленіи, на темную ленту лѣса, замыкающую горизонтъ. Они говорили другъ съ другомъ о вещахъ мирныхъ и такихъ спокойныхъ, какъ былъ этотъ вечеръ. Все, что окружало ихъ, должно было быть ихъ міромъ. Они оба чувствовали, что деревня впитываетъ ихъ въ себя, что начинаетъ образовываться какая-то связь между ей и ними, и что съ этой минуты жизнь ихъ должна проходить здѣсь, а не гдѣ-нибудь,—жизнь трудовая, посвященная «службѣ Божіей» на родной нивѣ.

Солнце зашло и они вернулись на балконъ, но, какъ и прежде, остались дожидаться, пока совсѣмъ не смеркнется. Только прежде Мариня держалась далеко отъ Поланецкаго, а теперь совсѣмъ прижалась къ нему и, послѣ долгаго молчанія, сказала:

— Намъ здѣсь хорошо будетъ другъ съ другомъ, Стахъ, да?

Онъ крѣпко обнялъ ее, прижалъ къ своему сердцу и началъ повторять:

— Дорогая моя, дорогая, дорогая!

Изъ-за ольхъ, окутанныхъ туманомъ, поднялся румяный мѣсяцъ. Лягушки, вѣроятно, уже освѣдомились, что паненка, которую они когда-то такъ часто видали на берегу пруда, возвратилась, и огласили вечернюю тишину хоромъ:

— Рады, рады, рады, рады!...

И съ тѣхъ поръ потекла ихъ жизнь не безъ заботъ, но въ этой жизни было больше меда, чѣмъ полыни.

И авторъ этой книги пилъ тотъ медъ... силою воображенія.

В. Л.

РАЗСКАЗЫ КСТАТИ.

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

Дама и фефёла.

„Ученикъ вопросилъ мудраго: не знаю, жениться мнѣ или нѣтъ?

„Мудрецъ ему отвѣтствовалъ: поступай какъ знаешь,--все равно будешь раскаиваться".

I.

Весною 1894 г. одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ писателей высказалъ нѣсколько смѣлыхъ мыслей о томъ, какія «подруги жизни» лучше для литератора,— образованныя или необразованныя. Разбиралось и то, какія удобства и неудобства представляются литератору въ сожительствѣ съ женщиною образованною и что онъ можетъ встрѣтить съ простою женщиной малаго развитія. Предложенные вопросы, можетъ быть, и не серьезны, но они не лишены своего интереса. Къ сожалѣнію, возбудившій ихъ авторъ почему-то, однако, не развилъ своихъ положеній и не доказалъ ихъ основательности. Въ другомъ бойкомъ органѣ ему возражали и смѣшно, и ехидно, но тоже не сказали ничего выясняющаго дѣло. Вѣрно это такъ и должно быть, «чтобы всегда оставалось сказать о женщинахъ нѣчто новое» (Boufflers). Я тоже не имѣю ни малѣйшей претензіи свести любопытный споръ къ какому-нибудь рѣшительному заключенію, но я хочу дать кстати подходящія иллюстраціи, которыя беру изъ моихъ воспоминаній о литераторской жизни.

II.

Незадолго передъ переходомъ *Отечественныхъ Записокъ* изъ рукъ Дудышкина и Краевскаго подъ редакцію Некрасова и Салтыкова, въ этомъ журналѣ работалъ одинъ писатель, котораго въ

нынѣшнемъ случаѣ неудобно было бы называть по имени. Въ данномъ случаѣ его имя и не важно, такъ какъ интересъ представляетъ само положеніе лица и характеръ двухъ его подругъ, изъ которыхъ одна была «дама», а другая «фефёла». Дама была его «законная половина», а фефёла—его «беззаконница». Обѣ онѣ имѣли для упоминаемаго писателя очень серьезное значеніе во время его жизни и различно исполнили свое призваніе къ его потомству.

Я зазналъ этого человѣка въ 1865 году, когда Дудышкинъ напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* одну его статью, которая въ публикѣ многимъ понравилась и привлекла автору благорасположеніе обоихъ редакторовъ, т.-е. Ст. Сем. Дудышкина и А. А. Краевскаго. Писателю назначили плату по 80 рублей «за статью» и это его повело къ худу: онъ былъ совершенно счастливъ и до того увлекся литературнымъ успѣхомъ, что сталъ пренебрегать своими служебными обязанностями. Служба у него по его спеціальности была довольно сносная, и хотя она оплачивалась не щедро, а, все-таки, она обезпечивала его вѣрнѣе, чѣмъ литература. Но съ этихъ поръ онъ службою не дорожилъ, а занятіямъ литературою предавался съ неудержимою страстью. Къ деньгамъ вообще онъ былъ не только не жаденъ, но даже почти равнодушенъ и въ употребленіи ихъ безразсчетливъ. Къ тому же, онъ былъ очень нетребователенъ и спартански простъ въ своихъ привычкахъ. Какъ ни ѣсть и гдѣ ни жить — это для него было все равно, лишь бы только у него не была отнята возможность высказывать то, о чемъ онъ думалъ и что признавалъ за нужное и полезное для общества. Каковъ бы онъ ни былъ по его значенію въ литературѣ, но по *характеру* это былъ настоящій литераторъ, которому, кромѣ того, что дѣлается въ литературѣ, все трынъ-трава. И его нельзя было ни отманить, ни отбить отъ литературы, хотя бы ему при ней пришлось умереть съ голода. Такіе люди тогда между писателями встрѣчались не въ рѣдкость: нѣкоторые изъ нихъ такъ вѣрили въ высокое значеніе своего литературнаго призванія, что не считали за важное потерпѣть ради идеи не только лишенія, но даже и муки... Вдобавокъ къ этому настроенію писателя, его осѣтило еще другое искушеніе: къ нему начали писать сочувственныя письма разныя незнакомки, и женскія письма расшевелили въ немъ влюбчивость и фантазіи. Словомъ, успѣхъ совсѣмъ вскружилъ ему голову, а дамскія письма даже начали портить его характеръ и мѣшали ему исполнять всѣ его обязанности,— служебныя, литературныя и супружескія, такъ какъ писатель, на его несчастіе, тогда уже былъ женатъ и супруга у него была съ характеромъ. Женился онъ, ка-

жется, еще студентомъ и, во всякомъ случаѣ, гораздо ранѣе, чѣмъ прославился въ писательствѣ, а поставилъ онъ себя дома такъ неудачно, что жена считала себя очень умною, а его называла «глупымъ» и никакъ не хотѣла вѣрить тому, что онъ можетъ «сочинить» что-нибудь стоющее вниманія. Это его сердило и оскорбляло и онъ старался измѣнить въ женѣ такой неблагопріятный для него взглядъ, но достичь этого не могъ. Болѣе всего женѣ писателя казалось невѣроятнымъ, что онъ можетъ что-нибудь понимать о супружескихъ обязанностяхъ, а вниманіе постороннихъ дамъ къ ея мужу ее раздражало и довело ее до такой ярости, что она отъ оскорбленій на словахъ перешла къ обиднымъ дѣйствіямъ и явилась къ А. А. Краевскому возвѣстить ему свою побѣду и выразить журналу порицаніе за то, что черезъ его посредство у ея мужа «начались шашни съ дамами».

А. А. Краевскій выслушалъ ее, помычалъ и направилъ ее къ Дудышкину, но самъ встревожился, пробурчалъ нѣсколько разъ «Богъ съ ней» и распорядился, чтобъ ее къ нему впередъ не пускали.

III.

Писатель былъ человѣкъ лѣтъ тридцати или тридцати двухъ, бѣлокурый, маленькаго роста, очень слабый и нервный, съ небольшими голубыми глазками и вихрястою шевелюрой. Нравъ онъ имѣлъ добрый, но мелочный, раздражительный и, что называется, «пѣтушливый». Бракосочетался онъ «по состраданію». Тогда такія благородныя вещи тоже были въ модѣ и на нихъ очень многіе попались. Пріятель мой былъ изъ числа этихъ счастливцевъ и очень горько расплачивался за свое великодушіе. Супруга его имѣла надъ нимъ самыя разностороннія преимущества: по ея словамъ, она была старше его только на пять лѣтъ, но по виду надо было думать, что разница была гораздо серьезнѣе, а притомъ она была крѣпкая, сильная, очень предпріимчивая и обладала счастливѣйшимъ женскимъ талантомъ — не бояться никакихъ скандаловъ. Обладая такими боевыми свойствами, дама, притомъ, была также чрезвычайно неутомима какъ въ натискѣ, такъ и въ преслѣдованіи. Мужъ съ женою едва ли не съ первыхъ же дней брака не поладили и съ тѣхъ поръ они постоянно жили очень дурно, а по переѣздѣ ихъ въ Петербургъ жена постаралась устроить такъ, что это скоро сдѣлалось извѣстно всѣмъ въ редакціи. Пріемъ, для этого употреблявшійся, былъ простой: дама, съ виду очень образованная

сама приходила въ редакцію или въ контору и жаловалась на мужа всѣмъ: Дудышкину, Краевскому и т. д. до конторщика Боголюбова, который выдавалъ деньги. Дама дѣлала это не только безъ малѣйшей застѣнчивости, но и безъ всякой нужды, просто какъ бы по влеченію души. Впрочемъ, можетъ быть, она имѣла какую-нибудь цѣль понизить акціи своего мужа, представляя его смѣшнымъ и пошлымъ. Скромность она не уважала и безъ всякаго стыда разсказывала самыя ужасныя вещи о томъ, какъ грубо и безцеремонно она обращается съ мужемъ.

— Онъ хочетъ меня остановить жалкими словами,— говорила она.— Mais c'est drôle! Какъ же онъ можетъ на это надѣяться, когда я ему уже давно сказала, что я никакого скандала не боюсь? Je sais ce que j'ai faire!

Она, однако же, скоро всѣмъ надоѣла и Дудышкинъ пересталъ ее принимать, также какъ и Краевскій, но въ контору она еще являлась и срамила мужа какъ только находила возможнымъ. Ей, конечно, не вѣрили, но, однако, все-таки, она повредила мужу ужь однимъ тѣмъ, что сдѣлала его смѣшнымъ. Вдобавокъ, она вооружила противъ него Краевскаго, котораго она подстерегла разъ на его пути отъ дома къ Гимнастическому павильону и засыпала его претензіями, а когда онъ сталъ отъ нея убѣгать, повторяя: «Ей-Богу, ей-Богу, я болѣнъ и ничего не могу!»—она, не получивъ отъ него желаемаго сочувствія, сказала ему вслухъ: «Quel vieux idiot!»—и бросилась въ открытыя двери Семіоновской церкви, закричавъ съ крыльца, что «проклянетъ его передъ образомъ». Краевскій, впрочемъ, на нее не сердился и не обробѣлъ отъ проклятія, а говорилъ вечеромъ: «Бабы! я ихъ знаю!» И онъ, кажется, дѣйствительно «зналъ бабъ», и потому въ редакціи дѣло писателя облаживалось хорошо, но не такъ это выходило въ очахъ служебнаго начальства, къ которому предпріимчивая супруга тоже являлась и говорила тамъ, что ея «pique-assietes» не вѣритъ въ Бога и непочтительно говоритъ о такихъ и такихъ особахъ, чего-де она, какъ институтка, не можетъ сносить, и «доведетъ до свѣдѣнія», потому что у нея есть дитя, которое надо воспитывать въ добрыхъ правилахъ.

— Да! Je ne suis pas seul!

III.

Чего хотѣла достичь эта супруга, того она, кажется, и сама не знала. Опредѣленно, она стремилась только «получать его жалованье». Это она заимствовала гдѣ-то у женъ фабричныхъ рабо-

чихъ, у которыхъ мужья пропиваютъ заработки. Хорошій примѣръ понравился ей: тогда любили «народное». Правда, ея мужъ не пропивалъ заработка, ну, а все-таки...

— Je ne suis pas seul! Сдѣлайте милость!

Краевскій приказалъ:

— Отдайте, отдайте!

Онъ зналъ женщинъ.

Мужъ какъ услыхалъ объ этихъ извѣтахъ, такъ и заболѣлъ; больной онъ остался совершенно безпомощенъ при своей безпощадной тиранкѣ. Мы жили тогда неподалеку другъ отъ друга у Таврическаго сада, гдѣ я живу тридцать лѣтъ, и я два раза навѣстилъ больного и видѣлъ его въ ужасной обстановкѣ: разъ я засталъ его въ комнатѣ, напитанной самымъ невыносимымъ зловоніемъ, а въ другой разъ въ комнатѣ было открыто окно и на больного страшно дуло.

Я спросилъ его, для чего открыто это окно въ такой холодный день?

А онъ покачалъ головою и отвѣчалъ мнѣ:

— Ахъ, знаете, я боюсь отгадать, что для того, чтобъ я скорѣе умеръ!

Я всталъ и закрылъ окно, а какъ это произвело соотвѣтственный звукъ, который былъ слышенъ за стѣною, то оттуда изъ другой комнаты послышался гадкій сдержанный смѣхъ. Затѣмъ я ушелъ, а больной вскорѣ поправился и, какъ ни въ чемъ не бывало, пришелъ на редакціонный вечеръ, который мнѣ остался памятнымъ по дебатированнымъ тогда роковымъ вопросамъ о русскомъ искусствѣ. Это было вскорѣ послѣ достопамятной лекціи, прочитанной въ бывшемъ художественномъ клубѣ г-жею Якоби, которая тогда только что возвратилась въ отечество и много сообщала о гарибальдійскомъ движеніи, въ которомъ она принимала живое участіе и пользовалась пріязнью итальянскаго героя. Теперь, когда послѣ этого прошло около тридцати пяти лѣтъ, очень трудно передать то оживленіе и симпатіи, которыя вызвала эта лекція, произнесенная женщиной, о которой тогда говорили очень много интереснаго. Художники не только апплодировали г-жѣ Якоби, какъ дамѣ, но и выражали настоящее удовольствіе по поводу ея сужденій о художественныхъ вопросахъ. Тогда помощи для русскаго искусства искали повсюду и говорили то о профессорѣ Якоби, то о Микѣшинѣ, которые тогда были въ модѣ и навѣрняка могли «спасти русское искусство», а заурядъ вспоминали и Петра Соколова, и Зичи, и Сверчкова, и Клевера. И, несмотря на то, что всѣ

эти уважаемыя лица были напоены однимъ духомъ художниковъ Александра и Дмитрія, о которыхъ упоминается въ книгѣ «Дѣяній Апостольскихъ», тогда, однако, находились удивительные люди, которые умѣли что-то различать въ нихъ. Но нашлись, впрочемъ, и такіе, которымъ лекція г-жи Якоби не понравилась,—не нравилась она и нашему писателю, которому было противно видѣть вызванное ею возбужденіе, и онъ захотѣлъ подвергнуть и лекцію, и восторгъ слушателей критикѣ. Статья о лекціи въ Троицкомъ переулкѣ должна была явиться въ той книжкѣ, которая уже набиралась, но она не явилась вовсе и авторъ ея едва уцѣлѣлъ.

Въ семействѣ критика произошли ужасныя событія.

III.

Черезъ два или три дня послѣ лекціи, поздно вечеромъ, когда въ Таврическомъ саду свистали соловьи и у частокола, ограждавшаго садъ, стояли въ молчаніи и слушали пѣвцовъ нѣсколько любителей соловьинаго пѣнія, я увидалъ здѣсь воспоминаемаго литератора. Онъ былъ чрезвычайно унылъ и, вдобавокъ, все его изнеможденное болѣзнью лицо было исцарапано и испачкано, а платье его было въ сору и въ пуху; очевидно, онъ былъ въ большой передѣлкѣ.

Я его тогда, все-таки, еще мало зналъ и заподозрилъ, не выпивши ли онъ, но это было напрасно. Жалостливый видъ, въ которомъ онъ слушалъ соловьевъ у частокола, былъ результатомъ того, что онъ въ это время особенно сильно пострадалъ за свое пристрастіе къ литературнымъ занятіямъ, и, притомъ, все въ этотъ разъ имъ написанное *было уничтожено*, а именно, статья о лекціи въ Троицкомъ переулкѣ была изорвана супругою писателя въ клочки, а самъ онъ оцарапанъ, облитъ чернилами, отлученъ отъ домашняго очага и изгнанъ изъ дома съ отобраніемъ отъ него часовъ и денегъ. Затѣмъ жена пригрозила ему, что она поѣдетъ къ институтскому начальству и разскажетъ, какія у ея мужа дурныя понятія о самыхъ священныхъ предметахъ... А ужь затѣмъ, разумѣется, «ему покажутъ!»

Я пригласилъ его къ себѣ переночевать и онъ это принялъ, такъ какъ ему рѣшительно нельзя было иначе устроиться. Онъ промокъ и былъ голоденъ, и потому съ аппетитомъ кушалъ чай съ булками и при этомъ разсказалъ мнѣ длинную исторію своихъ многосторонніхъ страданій отъ жены и въ этотъ разъ онъ сообщилъ мнѣ и нѣкоторыя подробности о ея происхожденіи: она была

дворянка изъ южнаго края и окончила курсъ въ одномъ изъ институтовъ, потомъ поссорилась съ матерью и жила въ Швейцаріи и чему-то училась; послѣ была гувернанткою, потомъ переводчицею и актрисою,—нигдѣ не прижилась. На несчастіе моего товарища, она показалась ему очень несчастною и онъ на ней женился, а она потомъ въ минуту нѣжности призналась ему, что «хотѣла въ его лицѣ отмстить всѣмъ мужчинамъ за угнетеніе женщинъ». А въ доказательство того, что это было серьезно, она немедленно же начала исполнять свою программу съ такою послѣдовательностью, что у бѣдняка отшибло память на очень важные случаи ихъ семейной жизни. Она его такъ огорошила, что онъ все позабылъ и пренаивно говорилъ о своемъ ребенкѣ:

— Знаете, откуда онъ у насъ взялся,—я этого, право, даже не могу себѣ представить.

Но возвратимся къ порядку событій.

Пострадавшій въ эту пору былъ очень разстроенъ и не хотѣлъ возвращаться къ своей мучительницѣ, а собирался жить отъ нея особо. Я по его просьбѣ ходилъ на слѣдующій день къ его женѣ для переговоровъ, не согласится ли она облегчить ему его домашнее положеніе, или не признаетъ ли за лучшее отпустить его на свободу за посильное вознагражденіе? Въ особѣ этой я увидѣлъ женщину очень некрасивую и пожилую, но смѣлую и бойкую и, безъ сомнѣнія, способную на большія нахальства. Въ пріемахъ у нея оставался какой-то слѣдъ «гостинности», но перемѣшанный съ самою рѣзкою вульгарностью или, лучше сказать, хамствомъ. Художникъ могъ бы взять ее за модель для изображенія русской асамблейной боярыни, которую культивируетъ императоръ Петръ первый, съ образовательною цѣлью напоилъ вполпьяна и пустилъ сраморловить. Кое-какъ, хоть клочками, я припоминаю нашу бесѣду.

IV.

Дама встрѣтила меня очень веселая, безъ малѣйшей застѣнчивости, и сама заговорила со мной, пересыпая русскія слова французскими:

— Пожалуйте, пожалуйста! Dieu vous benise: я очень рада примирителю. Вы, вѣдь, пришли насъ мирить? Садитесь, но помирить со мною кого бы то ни было очень трудно: я не изъ добрыхъ и особенно—извините!—я не люблю мужчинъ.

И, заявивъ о своей ненависти къ мужчинамъ, она сейчасъ же упомянула и о томъ, что «передъ нею за всѣхъ за нихъ отвѣчаетъ

ея мужъ». Она весело расхохоталась и затѣмъ все время потѣшалась надъ своимъ мужемъ, разсказывая о немъ дрянной и неприличный вздоръ, послѣ чего тотчасъ же начинала злословить дамъ, писавшихъ ему литературныя письма, и называла ихъ именами своего изобрѣтенія, какъ-то: «маркиза Дешкурансъ», «баронесса Шлюхманъ» и «леди Кис-ме-квикъ», да двѣ русскія помѣщицы «Обнимайкина и Цѣловалкина», которыхъ она «всѣхъ презирала», а сводила она все это къ тому, что «всѣ онѣ дуры, и мужъ ея смѣшонъ и рѣшительно ни на что не годенъ, особливо vis-a-vis d'une femme». Для нея это, впрочемъ, tent mieux, потому что у нея другая натура и она находитъ, что женщина должна быть выше природы, потому что «природа—свинья».

— Кто любитъ свинство, тотъ и можетъ признавать надъ собою власть природы, но для меня все это противно. Вы понимаете?

Я не понималъ и она поясняла:

— Всѣ эти взгляды, и мины, и вздохи, и положенія... словомъ, все это, и что воспѣваютъ поэты — это отвратъ, все это c'est archibête!

Поэтому я надѣялся, что она довольно легко согласится разъѣхаться съ своимъ супругомъ, но она, однако, требовала, чтобъ ей за это дать какъ можно больше денегъ.

— Потому что у меня есть дитя. Вы понимаете? Je ne suis pas seul!»

Мы поторговались и она согласилась «получить» и *послѣ того*, не иначе, она поѣдетъ на югъ,—на милый, теплый югъ съ этого противнаго, холоднаго сѣвера.

— Le diable! я даже давно этого хотѣла и теперь очень этому рада!

Казалось, все было улажено и дама даже сказала мнѣ: «le bon Dieu vous benisse», и сейчасъ же перемѣнилась: окончивъ дѣловой разговоръ, она призвала своего двухлѣтняго сына, много разъ его повернула передо мною и начала его снаряжать на прогулку.

Тутъ я могъ его разглядѣть: это былъ болѣзненный, рахитическій мальчикъ, съ большими, почти безцвѣтными глазами, въ которыхъ выражался постоянный испугъ, возбуждавшій къ нему сожалѣніе. Его держала на рукахъ свѣжая, бѣлолиценькая и румяная дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, съ очень большими, какъ будто даже непропорціонально большими сѣрыми глазами и пристальнымъ и добрымъ, но очень твердымъ взглядомъ (я описываю эту молоду «фефёлу» потому, что она не пройдетъ передъ нами мелькомъ, а ея есть роль въ моемъ воспоминаніи). Дѣвушка, вѣроятно, не-

давно пришла изъ села и была очень застѣнчива, а дама находила удовольствіе смущать ея стыдливость. Она подсмѣивалась надъ ея свѣжестью и при мнѣ нашла случай назвать ее нѣсколько разъ то «орлеанскою дѣвственницей», то «деревенскою фефёлой», причемъ дама такъ разрѣзвилась, что повернула дѣвушку передъ собою и стала ее рекомендовать тономъ французскаго панорамщика:

— Voila Jeanne Darc, surnomée la Pucelle d'Orleans, héroine. Extrèmement pieuse, il lui semblait entendre des voix, qui lui ordonnaient d'aller sauver...son maître.—Дама размѣялась и продолжала:— Безъ шутокъ, безъ шутокъ, эта дѣвица очень одухотворена и она видитъ вѣщіе сны... да, да, да! И она часто плачетъ и даже иногда рыдаетъ во снѣ... о моемъ супругѣ, а я ее бужу и посылаю на вѣтеръ... C'est bien comique!... Потомъ я высылаю туда же этого дурака, которому данъ дивный даръ трогать и располагать къ себѣ сердца дуръ, изъ коихъ вотъ первая... la voila, фефёла и Pucelle!

Названіе, выраженное по-французски, очевидно, очень обижало дѣвушку и она, зардѣвшись, какъ вишня на солнцѣ, сказала:

— Фефёла я—это точно, я простая дѣвушка и никакихъ примѣровъ не получила, а что другое вы меня называете, то это я совсѣмъ не понимаю.

Дама расхохоталась и передразнила:

— «Примѣровъ не получи-ла», такъ иди съ Богомъ.

И, перекрестивъ нѣсколько разъ своего ребенка, сидѣвшаго на лѣвой рукѣ дѣвушки, дама подала ей въ правую руку дождевой зонтикъ и пропѣла:

«Voici qu'à bien tourne la guerre
«Qnand Pucelle porte bannière!»

Затѣмъ она взяла дѣвушку за плечи, повернула и, воскликнувъ: «Peste!»—выставила ее за дверь.

Дѣвушка эта на видъ была ни хороша, ни дурна и не казалась ни умною, ни глупою, а какова она была на самомъ дѣлѣ, это увидимъ ниже.

Звали ее Прашею.

V.

Супруги «разъѣхались». Совершилось это почти такъ, какъ часто дѣлается, т.-е. «не безъ непріятностевъ»,—ни смиренство мужа, ни французскіе ритурнели жены не устранили ссоры и при самомъ послѣднемъ «adieux» дѣло не обошлось безъ участія «народныхъ представителей» въ лицѣ двухъ дворниковъ, которые при этомъ

обнаружили непосредственное народное міросозерцаніе. «Непріятность» поднялась было изъ-за маленькой книжной этажерки, которую тянули въ двѣ противуположныя стороны до тѣхъ поръ, пока она съ трескомъ распалась на свои составныя части, и тогда тѣ части, которыя остались въ рукахъ дамы, полетѣли въ лицо мужу.

Одинъ изъ народныхъ представителей былъ противъ этого и говорилъ, что «не надо шкандалить, а надо разойтись чинно и благородно», но другой, напротивъ, находилъ, что это такъ и слѣдуетъ, и сказалъ: «Если не ссориться, такъ тогда зачѣмъ и расходиться?» Мнѣ это показалось оригинально и я послѣ побесѣдовалъ съ этимъ мыслителемъ, по выводамъ котораго «въ развратъ идти» (т.-е. разлучаться) можно только «до того поругамшись, когда уже терпѣть нельзя. Тогда и разводись. И тогда—поскандалилъ очень пріятно, и больше знаться не захочешь».

Это разсужденіе осталось у меня въ памяти и я не разъ въ жизни видѣлъ, что въ немъ есть основательность.

Но, какъ бы то ни было, супруги разлучились такимъ образомъ, что взволнованный и огорченный мужъ прошипѣлъ на порогѣ:

— Желаю вамъ всего лучшаго!

А жена ему отвѣтила:

— Diable t'emporte!—и заперла за нимъ дверь.

Ребенокъ остался при матери и съ ними же осталась и Праша. Съ недѣлю ее всякій день можно было встрѣчать въ Таврическомъ саду, гдѣ она возила въ колясочкѣ писательское дитя. Она хорошо берегла ребенка и очень сожалительно говорила объ изгнанномъ хозяинѣ.

— Очень простой и смирной, добрый баринъ!—говорила она и сама краснѣла, задумывалась и однажды даже заплакала.

— Вотъ это хорошо, что вы такая добрая дѣвушка,—сказалъ я.—Хорошо, что вы жалѣете человѣка. Но, впрочемъ, надо жалѣть и барыню. У нея какой-то несчастный характеръ.

— Ахъ, это точно, что жалѣть надо всякаго, но она смѣлищая, а онъ ужасно какой смирной. Ему и на волѣ тоже мало будетъ хорошаго.

И вскорѣ послѣ этого такой пассажъ, что съ дѣтскою колясочкой въ Таврическомъ саду появилась сама мать съ зонтикомъ и съ книгой въ рукахъ, а Праши уже не было.

Что у нихъ случилось?

VI.

Помню сѣрый, холодноватый день. Мать сидитъ и держитъ въ рукѣ волюмчикъ Таухницкаго изданія. Но чтеніе, повидимому, плохо ее занимаетъ: она роняетъ книгу и опять ее поднимаетъ, кладетъ ее на колѣни и хочетъ рѣзать листы головною шпилькой, но листы рвутся, и книга падаетъ. Она хочетъ ее поймать и попадаетъ себѣ въ лицо зонтикомъ, который держитъ въ рукѣ, вмѣсто того, чтобы положить его возлѣ себя и сдѣлать что нужно обѣими руками. Ребенку наскучило смотрѣть на это неуклюжество и онъ сталъ плакать. Тогда дама бросила книгу и стала поправлять дитя, но у нея ничего не выходило. Она нагнулась пребезобразно надъ коляской ребенка и оцарапала ему булавкой лицо; онъ заревѣлъ. Она ему погрозила, потомъ выхватила его и перевернула, опустивъ его внизъ головою, и, разсердясь на себя, прибила его рукой справа и слѣва. Ребенокъ вытянулся и зашелся въ рыданіяхъ. Двѣ близко сидѣвшія дамы, въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, замѣтили матери, что ребенокъ испугался и что отъ этого можетъ случиться припадокъ. Она отвѣчала имъ, что это «не ихъ дѣло», что она «сама мать», и, быстро вставъ съ мѣста, она повезла колясочку къ выходу изъ сада, но на виду у всѣхъ попала въ колесо зонтикомъ и за одинъ пріемъ переломила въ зонтикѣ ручку и опрокинула коляску. Это ее такъ взбѣсило, что она бросила и коляску, и ребенка и со всѣхъ ногъ упала ницъ въ траву куртины и истерически зарыдала.

Дитя, видя безуміе матери, стихло.

Нѣсколько дамъ кинулись къ ней, чтобъ ей помогать, но она на нихъ навела ужасъ своими судорогами и дамы отступились.

Пришли садовый сторожъ и солдатъ и стали ее поднимать, но она вскрикнула: «Peste!»—и ударила ихъ обоихъ по рукамъ обломкомъ зонтика, а потомъ встала сама, посадила дитя и повезла сбоченившуюся коляску, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ребенка, который теперь, однако, молчалъ, какъ будто онъ понялъ, что его дѣло не шутка.

Произошло вотъ что: Праша узнала, что ея «смирный» и «простой» баринъ заболѣлъ и валяется безъ присмотра и безъ помощи, такъ что и «воды подать некому». Внутренній жаръ и истома недуга ей были знакомы и она знала, что тутъ нужна помощь. Больше ей соображать было нечего, и она сейчасъ же бросила ребенка матери на руки и ушла служить больному. Какъ простолюдинка, она начала съ того, что она его «убрала», т.-е. освѣжила

его постель, вытерла самого его водой съ уксусомъ, обласкала утѣшительными словами и сварила ему бульонъ, а потомъ, когда онъ «пошелъ на поправку», онъ ощутилъ близость ея женственнаго присутствія и отблагодарилъ ее своимъ мужскимъ вниманіемъ. Это вѣдь, такъ обыкновенно... Но, можетъ быть, это ему надо поставить въ вину, особенно если онъ не придавалъ этому серьезнаго значенія; но *она*... она «вся ему предалась» и ни о чемъ болѣе вовсе и не разсуждала.

— Я,—разсказывала она,—только и хотѣла, чтобъ онъ зналъ, что онъ теперь не одинъ, а у него есть *раба*.

Такое сердце и такія понятія.

Но не пренебрегите пока этимъ рабскимъ сердцемъ.

VII.

Изъ своихъ новыхъ отношеній къ «господину» Праша не дѣлала никакого секрета, но и не бравировала ими, что̀ со стороны «фефёлы»—рѣдкость. Все въ домѣ у нихъ шло такъ тихо и благонристойно, какъ будто связи и не существуетъ. Пріятельскому кружку, однако, скоро стало извѣстно, что между ними установилась любовь. Узнала это и его жена и оттого-то она и каталась по травѣ, оттого у нея все падало изъ рукъ и ломалось. И какъ она его ни порицала, «особенно vis-a-vis d'une femme», но измѣны она ни мужу, ни Прашѣ не подарила и вызывала ихъ обоихъ къ мировому, гдѣ былъ какой-то инцидентъ съ истерикой, и потомъ все успокоилось. Супруга взяла еще, что могла, съ оброчнаго мужа и спикла съ нашихъ глазъ, а у Праши къ году родился ребенокъ, котораго она сама кормила, а при этомъ, конечно, все мыла, шила и варила. Жили они на очень маленькія средства и Праша тряслась за всякій грошъ, чтобы было изъ чего жить и «*посылать барынѣ*». Скучать ей было некогда, а если ей случалось оставаться одной и поджидать поздно ночью своего господина, то она чувствовала «жуть» и тоже нашла чѣмъ себѣ помочь въ этомъ горѣ: она брала изъ пачки писательскихъ фотографій карточку Александра Дюма съ его страшно кучерявою шевелюрой и начинала ее разсматривать: «тогда ей тотчасъ же становилось смѣшно» и жуткость проходила.

Съ переходомъ *Отечественныхъ Записокъ* къ Некрасову писатель остался безъ работы, и у нихъ было худо; но потомъ онъ скоро былъ приглашенъ во *Всемірный Трудъ* къ доктору Хану, гдѣ работы было много и дѣла поправились. Праша близко въ это

вникала и отлично поняла, что̀ нужно человѣку при «спѣшкѣ». Она ему все приспособила для занятій въ ихъ маленькой квартиркѣ, состоявшей всего изъ двухъ крошечныхъ комнатокъ въ надворномъ деревянномъ флигелѣ.

Она сдѣлала все, что позволяла ей возможность, а онъ былъ такъ не избалованъ и такъ не требователенъ, что не желалъ большаго.

— Чего же-съ мнѣ еще надобно?—говорилъ онъ, чрезвычайно довольный своимъ положеніемъ.—Я теперь могу работать спокойно и дни, и ночи: мнѣ никто не мѣшаетъ и я докажу, что значитъ эстетика!

У него «былъ задуманъ рядъ статей», но онѣ написаны не были. Не прошло полугода послѣ этого, какъ Гр. П. Данилевскій навѣстилъ его и нашелъ «заработавшимся до безчувствія». Данилевскій уговорилъ его немножко прогуляться,—провезъ его въ колясскѣ по островамъ, угостилъ на воздухѣ ужиномъ и отвезъ домой, сдавъ на руки ожидавшей его Прашѣ. Данилевскій былъ пораженъ худобою и усталымъ видомъ писателя и тѣмъ, что онъ какъ будто не замѣчалъ ничего окружающаго и могъ говорить только о рядѣ задуманныхъ имъ статей. Прашѣ сказали, чтобы она его непремѣнно выпроваживала гулять, и она объ этомъ очень заботилась: звала его «въ садъ, смотрѣть звѣрушекъ», которыхъ ей будто очень хочется видѣть, но онъ не слушался и даже сердился. Зимой, продолжая такой же «безъотходительный» образъ жизни, онъ ослабѣлъ, закашлялъ и расхворался, а великимъ постомъ умеръ. Праша испытала неожиданный ужасъ: она оставалась одна, съ ребенкомъ и безъ всякихъ средствъ. «Законная вдова» усопшаго сближала случай смерти мужа съ тѣмъ, что Данилевскій передъ этимъ угостилъ его ужиномъ, и добивалась узнать, какъ онъ возвратился домой: «sur les deux pattes ou sur toutes les quatre?»—и въ то же время она вступила во всѣ свои законныя права и получила все, что могло быть усвоено ей и ея законному ребенку. А «беззаконницѣ» Прашѣ и ея ребенку не досталось *ничего*. Власть, обезпечивавшая имущество покойнаго, т.-е. его дрянную мебелишку и черняки недописанныхъ статей, опечатала помѣщеніе, гдѣ жилъ литераторъ, а Прашу, какъ прислугу, «вывели» и никому до нея не было никакого дѣла. О бѣдной Прашѣ рѣшительно никто не подумалъ, но она и въ изгнаніи не оробѣла, а провожала гробъ и показалась у могилы съ твердымъ видомъ.

Такъ, пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ: мать, имѣющая дитя, *должна жить*... и она должна хорошо жить, *честно*!

Посмотримъ, какъ она это выполнитъ?

VIII.

На другой же день послѣ похоронъ литератора Праша пришла ко мнѣ съ ребенкомъ на рукахъ и сказала:

— Не обижайтесь на меня, что я съ ребенкомъ пришла. Не на кого его оставить. Посовѣтуйте: какъ мнѣ быть?

Она меня сконфузила; я видѣлъ, что мы не сдѣлали послѣ смерти товарища самаго важнаго дѣла: мы не подумали объ этой женщинѣ и о ея ребенкѣ, и къ этой оплошности я прибавилъ другую, еще худшую и даже достойную строгаго осужденія: я заговорилъ о томъ, чтобъ отдать ребенка, а Праша, которая стояла передо мною, отъ этого такъ страшно поблѣднѣла, что я упросилъ ее сѣсть, и тогда она сейчасъ же заговорила:

— Отдать дитя навсегда... ни за что!... Словъ нѣтъ, я сама виновата,—ну, все же я могу о немъ и обдумать. Въ этомъ домѣ, гдѣ я вчера уголъ взяла, и мы тамъ ночевали, тамъ бабы живутъ и ходятъ шить мѣшки. И я могу шить мѣшки, но его туда съ собой нельзя брать.

Она прижала къ себѣ ребенка и залилась слезами.

У меня въ тогдашнее время не было никакихъ запасовъ, которыми я могъ бы подѣлиться, и все, что я могъ дать бѣдной Прашѣ, это было пять рублей. Я просилъ ее взять это пособіе и идти пожить на квартирѣ два-три дня, пока я испробую, нѣтъ ли возможности устроить для нея съ ребенкомъ какую-нибудь новую складчину. Она, не ломаясь, взяла деньги, шепотомъ сказала:

— Благодарю васъ: постарайтесь!—и ушла.

Но стараться тогда было мудрено, и многаго въ нашемъ положеніи сдѣлать было невозможно. Тогда еще не было такихъ хорошихъ литературныхъ заработковъ, какими нынче похваляются нынѣшніе молодые писатели, между которыми есть уже и капиталисты и даже сибариты. Мы тогда работали очень много и очень старательно, но получали мы мало, а часто и вовсе ничего не получали. Сами бѣдняки, мы нерѣдко сотрудничали «изъ чести» у очень необезпеченныхъ издателей, которымъ, однако, мы считали за обязанность помогать «по сочувствію къ хорошему направленію». Нѣкоторые изъ этихъ благородныхъ предпринимателей скоро сообразили, что изъ наивнаго настроенія искреннихъ писателей можно извлечь выгоды, и они этимъ воспользовались (кто хочетъ лучше съ этимъ познакомиться, пусть прочтетъ переписку Д. И. Писарева съ Г. Е. Благосвѣтловымъ).

Гончаровъ называлъ это время «грубымъ періодомъ въ литера-

турѣ». Оно и дѣйствительно было грубовато и очень несправедливо, но тогда въ литературной средѣ встрѣчались характеры до такой степени цѣльные и строго относившіеся къ призванію писателя, что теперь даже не вѣрится, вправду ли это было, а если было, то отчего же это такъ скоро прошло? А это было! Люди бѣдствовали при своихъ ничтожнѣйшихъ заработкахъ, которыхъ, притомъ, еще часто нельзя было получить изъ тощихъ кассъ редакцій, и частенько эти люди другъ съ другомъ ссорились, но выгодъ отъ перехода къ «чужому неправленію» они не искали. Измѣнить своему знамени и перейти подъ чужое тогда почиталось за дѣло вполнѣ безчестное, и то, что теперь въ этомъ родѣ дѣлается безпрестанно, тогда происходило чрезвычайно рѣдко.

Благородная строгость стала ослабѣвать послѣ того, какъ «софисты XIX вѣка» замололи о томъ, что все на свѣтѣ можно защищать безъ стѣсненія, и сами стали показывать примѣръ слишкомъ «широкой жизни». Литераторы не захотѣли отстать и стали манкировать литературною независимостью.

(Тогда же начали пренебрегать и внѣшнимъ времяпровожденіемъ и въ литературныхъ домахъ стали раскрывать ломберные столы и начали играть въ карты, чего ранѣе почти всѣ стыдились).

Но возвратимся къ осиротѣлой Прашѣ.

IX.

Съ огромнымъ усиліемъ собралъ я для этихъ сиротъ двѣсти рублей. Послѣ смерти А. И. Пальма я собралъ и передалъ въ литературный фондъ слишкомъ двѣ тысячи рублей, но это было легче сдѣлать, чѣмъ въ прежнее время собрать двѣ сотни. За то дамы даромъ дали совѣтъ помѣстить ребенка «на молоко» къ почтамтскимъ сторожамъ, а матери идти служить въ прачки или въ горничныя.

Дамы обѣщали также похлопотать о ней, и такъ какъ имъ хотѣлось видѣть Прашу, то онѣ просили прислать ее на смотръ къ нимъ.

Я позвалъ Прашу и сказалъ ей, что въ моихъ рукахъ есть для ея ребенка двѣсти рублей и что ей остается теперь помѣстить дитя въ почтамтъ, а самой идти на мѣсто, о которомъ для нея постараются дамы. Я это объявилъ ей съ апломбомъ, потому что мнѣ представлялось, будто мы съ дамами превосходно обдумали ея положеніе. Праша выслушала меня со вниманіемъ и не противорѣчила, а немедленно же пошла въ почтамтъ. Но только мнѣ показалось, что она «собирала лобъ» и какъ будто была чѣмъ-то недовольна, когда я ей изъяснялъ свои соображенія.

Вечеромъ въ этотъ же день она возвратилась и спокойно объявила, что въ почтамтѣ дѣйствительно дѣтей берутъ по пяти рублей въ мѣсяцъ и что, можетъ быть, между тѣми, которые берутъ, есть люди и очень добрые.

— Кого же вы выбрали?

— Пока никого... Есть тамъ двое, — отвѣчала она, глядя внизъ и покапывая по полу кончикомъ зонтика, и вдругъ заплакала.

Я ее укорилъ за то, что она отнимаетъ у себя бодрость.

— Именно, — сказала она,— но только какъ я этихъ примѣровъ еще не видала, то... я дура, фефёла...— и она хотѣла улыбнуться, но вмѣсто того еще горче заплакала.

— Ну, и довольно!... Больше не буду!

— И прекрасно!

— Да, не буду!

— Вотъ же вамъ десять рублей за первые два мѣсяца, а остальныя ваши деньги я положу въ сохранную казну и вы будете ихъ брать и платить за ребенка.

Тогда она взяла десять рублей и завязала ихъ въ уголокъ платка, а мнѣ отвѣтила:

— Очень вами благодарна и словъ нѣтъ, что такъ насъ устроили, но позвольте, притомъ, вамъ сказать, что изъ этого очень хорошаго ничего быть не можетъ.

Мнѣ показалось, что у нея перемѣнился тонъ и голосъ, и даже самая манера говорить стала иная: дѣвочки Праши уже не было, а была молодая мать, которая увидала себя въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и вся насторожилась, чтобы найти выходъ.

— Не обижайтесь, что я скажу,— продолжала она,— я, вѣдь, никакихъ примѣровъ воспитанія не получила, но я не безъ понятіевъ. Позвольте сказать вамъ: два дня назадъ я думала, что я съ дитемъ совсѣмъ пропала и очень хотѣла кинуться съ нимъ за одинъ разъ въ рѣку, а теперь, когда добрые люди намъ помогли, я уже какъ оса ожила и начинаю думать, какъ неблагодарная... Дамы, конечно, очень добры, но онѣ тоже всѣ примѣры не постигаютъ.

— Пожалуйста, объясните, Праша, что вы хотите?

— Вотъ, я за ребенка буду платить пять рублей въ мѣсяцъ. То, скажемъ, шестьдесятъ рублей въ годъ?

— Да, шестьдесятъ въ годъ.

— Въ два года сто двадцать рублей, въ четыре — двѣсти сорокъ, ну, вотъ и всѣ... А ему будетъ всего еще пятый годъ...

— Да, вашъ разсчетъ вѣренъ.

— И тогда я могу его взять къ себѣ?

— Да, можете взять.

— А кто же тогда меня съ нимъ вмѣстѣ возьметъ?

Вопросъ этотъ мнѣ показался несерьезнымъ, и я далъ ей почувствовать, что я понимаю дѣло: я сказалъ, что съ грудным ребенкомъ ей трудно было бы устроиться, а когда онъ будетъ по пятому году, тогда это не трудно: съ такими дѣтьми берутъ.

— Да, берутъ,—отвѣчала Праша,—словъ нѣтъ, берутъ, только за самую дешевую цѣну. Вотъ и выйдетъ такой примѣръ, что черезъ пять лѣтъ у меня не будетъ ни копѣйки денегъ и будетъ ребенокъ на рукахъ, съ которымъ мнѣ нельзя будетъ найти мѣсто съ цѣною. И я его ни во что настоящее не произведу.

Такъ что же, какой примѣръ надо сдѣлать, по-вашему?

— Это примѣръ вовсе не глупый. Конечно, я еще молода и уже такой вредный поступокъ сдѣлала... Но я еще раньше, чѣмъ сюда въ городъ пріѣхала, я съ дяденькой на пароходѣ по Волгѣ плавала... Дяденька содержали буфетъ, а я у нихъ салфетки стирала... И я это очень хорошо умѣю и вамъ вѣрно говорю, что я отличная прачка. Противъ меня даже не всякая потрафитъ отмыть красное вино или вредный соусъ, а я умѣю, и если бы деньги, которыя вы собрали, вы бы мнѣ бы довѣрили, — вотъ вы бы тогда увидали, что я сдѣлаю!

— А что бы вы сдѣлали?

— А вотъ у меня здѣсь другой мой дяденька въ трактирѣ вторымъ поваромъ служитъ и у нихъ салфетошная часть огромная. И я у него уже была и поговорила, и онъ съ буфетчикомъ поговорилъ и говоритъ: «Старайся, отдадимъ тебѣ».

— Что же надо постараться?

— Квартиренку надо изъ мусорныхъ и посуду... Я зашла уже и посмотрѣла, квартира есть въ подвальномъ этажѣ и съ большою комнатой. Самое чудесное для прачешной, а въ другой, маленькой, можно жить съ дѣвушкой и съ ребенкомъ. Я бы взяла двухъ дѣвчонокъ, да сама третья стала и всѣ бы мы пропитались, и ребенку путь показала бы.

— Не ошибитесь-ка вы, Праша!

— Нѣтъ-съ. Я, вѣдь, какихъ примѣровъ не знаю, о тѣхъ не говорю, а это я вѣрно знаю, да еще я, вѣдь, секретъ умѣю, какъ красное вино можно отмыть безъ фиміи... И я свое дитя тогда никому бы за глаза не отдала, а сама бы его возростила и произвела къ дѣлу. Отчего же не такъ?... Но, впрочемъ, я это такъ говорю, а вамъ какъ угодно.

И она показалась мнѣ такою искреннею и честною, такою толковою, серьезною и надежною, что я сдѣлалъ такъ, какъ она хотѣла, то-есть я отдалъ ей всѣ деньги и сказалъ ей съ шуткою:

— Нате, Праша, и дѣлайте свои хорошіе примѣры!

X.

Черезъ мѣсяцъ Праша пришла звать меня къ себѣ на новоселье. Я пошелъ съ другимъ моимъ литературнымъ товарищемъ, теперь уже умершимъ (изъ всей нашей тогдашней компаніи теперь въ живыхъ остается только трое: Тимиязевъ, Всев. Крестовскій и я). Праша устроилась хорошо: у нея была одна дѣйствительно очень большая комната съ плитянымъ поломъ, а за ней еще маленькая комната, въ которой у нея стояла ея кровать и деревянная колыбелька писательскаго сына.

Въ большой комнатѣ была прачешная съ новымъ инвентаремъ, пріобрѣтеннымъ и разставленнымъ съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла.

Тутъ, какъ слѣдуетъ, было сыро и пахло мокрою еловою клёпкой и мыломъ. Въ прачешной ужь, разумѣется, какъ въ прачешной, но въ жилой комнаткѣ было и сухо, и пріютно. Мы пили чай съ тремя мастерицами и Прашинымъ дяденькой, вторымъ палкинскимъ поваромъ, который привелъ съ собою еще другого второго повара изъ Балабинскаго трактира, памятнаго тѣмъ, что тамъ въ воспоминаемое время былъ особенный «литературный столикъ», за которымъ ежедневно садились пить чай Н. И. Костомаровъ, книгопродавецъ Кожанчиковъ и другіе солидные и дѣловитые литературные люди, при которыхъ мы, тогдашняя молодежь, держали себя почтительно и скромно.

Повара пришли къ Прашѣ раньше насъ и выпили все имъ предложенное разсчетливою хозяйкой, надымили скверными папиросками и ушли. Праша была ими очень недовольна, потому что балабинскій поваръ, узнавъ, что Праша завела свое хозяйство, нашелъ это достойнымъ своего вниманія и пришелъ съ дяденькою не просто, а съ тѣмъ, чтобы Прашу смотрѣть и потомъ ее посватать и на ней жениться. Это Прашу обидѣло и она сра[з]у отказалась отъ жениха и очень обрадовалась, когда повара ушли, оставивъ насъ съ однѣми фёфелами. А изъ этихъ фефёл одна была, въ своемъ родѣ, прелюбопытная. Это была женщ[и]на лѣтъ тридцати двухъ, которая, что называется, *всѣмъ взяла:* ро[с]томъ, дородствомъ и красотою, а также и простотою, которою од[и]но только и можно было объяснить полунищенское положеніе

этой женщины, обладавшей большою и яркою красотой. Сообразно великолѣпной наружности, у нея было и великолѣпное имя: звали ее Зинаида Павловна, а по фамиліи она была Потемкина. Знатностью породы она, впрочемъ, не отличалась,—Зинаида Павловна была мѣщанка изъ подгородней слободы того самаго города, откуда была родомъ и Праша, которой Зинаида Павловна приходилась теткой и была старше ея лѣтъ на двѣнадцать, такъ что въ это время, когда Прашѣ было лѣтъ двадцать, Зинаидѣ Павловнѣ уже перевалило за тридцать. «Природы» онѣ были различной: Праша была кругленькая, боченочкомъ и поспѣшливая, а Зинаида Павловна—медлительная, величественная и авантажная; фигура у нея была чрезвычайно стройная и мощная, а лицо тонкой и яркой, но замѣчательно скромной красоты, напоминающей нѣсколько обликъ Поппеи-Сабины. По уму и душевнымъ своимъ свойствамъ обѣ женщины тоже совсѣмъ были не похожи одна на другую: Праша еще не созрѣла умомъ, но все замѣчала и во все вдумывалась, тогда какъ Зинаида Павловна ни о чемъ не думала. На красивомъ лицѣ всегда отражалось самое полное и самое невинное дѣтское простодушіе, граничащее даже съ умственною бѣдностью. При этомъ Праша была скромница, а Зинаида Павловна — болтушка, которая всегда неудержимо стремилась говорить какъ можно болѣе и въ молчаньи скучала. Словоохотливость ея была такъ велика, что она не ограничивалась произнесеніемъ одного только настоящаго имени даннаго лица, а еще сама присочиняла всякому еще нѣсколько именъ. Такъ, напримѣръ, она звала: «Праша — Пахита-Пашенція! Пашокъ — мой дружокъ!» Въ другой разъ она еще варьировала и говорила: «Прасковья Пахитосовна! Прашенька! Заинька бѣленькій, хвостикъ горѣленькій! Сядь, обопрись на меня лапочкой, закроемся тряпочкой, да пошепчемся!» И во всѣхъ ея словахъ, во всей манерѣ и во всей окружающей ее атмосферѣ вѣялось что-то ласковое и несчастное, доброе и безпутное.

Въ этой исторіи Зинаида Павловна должна имѣть свое мѣсто съ своею вводною исторіей, которая интересна и сама по себѣ, и по тому вліянію, какое она могла имѣть на Прашу.

Введемъ къ одной фефёлѣ еще другую, иного склада и иного лада: ея краткая исторія представляетъ въ своемъ родѣ бытовую картинку.

XI.

Я выше сказалъ, что Зинаида Павловна была уроженка подгородней слободы. Мать ея была солдатка и занималась плетеніемъ

кружевъ на клюшкахъ, а отцомъ случилось быть усатому поляку, офицеру гусарскаго полка, стоявшаго въ городѣ постоемъ. Отъ этого случайнаго союза родилась писаная и несчастная красавица Зинка, которую пятнадцати лѣтъ, въ ужасный голодный годъ, тяжкая домашняя нужда, а, можетъ быть, и материнская подлость, продали купцу-мукомолу. Купецъ, заплативъ за дѣвчонку деньги, взялъ съ нее, что хотѣлъ, а «остальную часть» бросилъ. Остальное это было вся ея душа и все тѣло, доставшіеся теперь на посмѣяніе людямъ.

Такъ Зинка начала страдать и пряталась отъ всѣхъ, и покрывала платкомъ косу, боясь, чтобы нравственные сосѣди не вымазали ночью дегтемъ воротъ у ея матери. Ее почти никто не видалъ, но если кто видѣлъ, тотъ замѣчалъ, что она «ужасно красива», и почиталъ себя вправѣ мануть ее на грѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни глодало ее горе, она все хорошѣла и, наконецъ, попала на глаза пожилому сапожнику, который такъ ею плѣнился, что прямо спросилъ ее:

— Пойдешь или нѣтъ за меня, если посватаю?

Дѣвушка отвѣчала:

— На мнѣ былъ грѣхъ.

— Знаю, да ничего не сдѣлать: надо помиловать. Если ты согласна, я посватаю.

Она отвѣчала:

— Я пойду.

Ей было все равно, лишь бы перестать косой трепать, но сапожникъ былъ парень смѣтливый, онъ любилъ женскую красоту, да умѣлъ и дѣла дѣлать; онъ явился къ купцу и сказалъ:

— Ваше степенство! Такъ и такъ, былъ такой грѣхъ, разумѣется, не въ укоръ вашей чести, потому она дѣвушка бѣднаго званія, но я теперь хочу ее за себя взять, съ жалости, чтобы покрыть ея грѣхъ, такъ какъ ей отъ людей проходу нѣтъ, то вотъ она меня послала къ вамъ—благословить ее просить. Не обезсудьте, ваше степенство!

Купецъ былъ въ хорошемъ расположеніи и отвѣчалъ, что «ликъ Б[illegible]кій» ему надъ Зинаидой «держать зазорно», а онъ такъ просто да[illegible]тъ ей сто рублей на приданое.

Сапожникъ поклонился въ ноги и, получая деньги, поцѣловалъ ру[illegible]ку, а затѣмъ женился на Зинаидѣ, разумѣется, ни слова не сказ[illegible]въ ей о подаренномъ ей отъ купца приданомъ. Въ бракѣ съ са[illegible]ожникомъ Зинаида пробыла три года. Родила трехъ дѣтей, сна[illegible]а дочь, а потомъ двухъ мальчиковъ. Мужъ ея былъ человѣкъ

аккуратный и чудесный мастеръ, и прошлымъ ее не урекалъ, но до того былъ ревнивъ, что даже не позволялъ ей разговаривать ни съ однимъ мужчиной. По словамъ Зинаиды Павловны, онъ ее ревновалъ даже «къ деревянной ногѣ» и много разъ этою же самою ногой ее билъ. Разъ она претерпѣла отъ него такое наставленіе, что ее даже сочли мертвою, и это ей досталось за то, что она похристосовалась съ своимъ роднымъ дядей.

— Но, однако,—говорила Зинаида Павловна,—билъ онъ меня не даромъ, потому что я ужасно его ненавидѣла.

Когда же этотъ самый драчунъ-мужъ заболѣлъ и приступилъ умирать, то онъ сталъ такъ ужасно тосковать, что Зинаида Павловна надъ нимъ разжалобилась, и когда онъ сталъ ее просить, чтобъ она «сняла образъ Курской Заступницы и поклялась, что послѣ него не пойдетъ ни за кого замужъ, то она сняла Заступницу и заклялась».

Сапожникъ умеръ, а оставшаяся подъ клятвою бѣдная красавица его вдова начала оберегать свои обѣты и хотя ее сватали нѣсколько человѣкъ, но она ни за кого замужъ не пошла, а какъ покойникъ ей ничего на дѣтей своихъ не оставилъ, то она для ихъ воспитанія *«три раза въ мамкахъ служила»*.

Каждый изъ этихъ трехъ эпизодовъ былъ неотвратимъ.

XII.

Начались эти приключенія у самой могилы сапожника. Прежде чѣмъ гробъ успѣли засыпать, тутъ случился французъ-живописецъ, который видѣлъ, какъ молодая вдова стояла и плакала, держа въ растерянности одного ребенка у груди, а двухъ прижимала къ себѣ другою рукой. Французъ имѣлъ живое воображеніе и доброе сердце: онъ подалъ женщинѣ десять рублей и велѣлъ ей придти къ себѣ вмѣстѣ съ дѣтьми, и чтобы всѣ они были въ этомъ же самомъ платьѣ. Они такъ и пошли, да у нихъ и не было ничего другого, чтобы надѣть на себя. Такъ французъ ихъ и «отрисовалъ» на картинѣ, совсѣмъ какъ живыхъ, и велѣлъ еще и еще приходить, и всякій разъ давалъ за это по три рубля. Зинаида Павловна этимъ очень поправилась, и боялась только, что доходъ ея прекратится, какъ только кончится «рисовка». Однако, опасеніе ея было напрасно,— «рисовка» кончилась, а благополучное соотношеніе не прекратилось, но только лишь перемѣнилось. Какъ скоро французъ кончилъ одну картину, онъ «дѣтей отставилъ», а матери сказалъ: «Теперь, chere ami, мы будемъ дѣлать другую фигуру». И онъ велѣлъ ей

приходить одной и переодѣваться у него въ очень нарядный крестьянскій уборъ, послѣ чего она должна была брать въ руки снопъ соломы, путаные васильки и серпъ, и такъ она стояла, пока онъ произвелъ еще одну картину, которая стояла на одной изъ парижскихъ художественныхъ выставокъ съ надписью: «Devouschka krapivouscou jala», но и послѣ этого французъ продолжалъ ее поддерживать и доставлялъ ей съ дѣтьми, что имъ было нужно, но за то она была беременна... и Богъ вѣсть для какой надобности. Къ счастію, однако, Богъ далъ, что это вышло прекрасно: у живописца ее часто видѣлъ одинъ генералъ, большой любитель всего хорошаго, и онъ уже давно сталъ ей подмигивать глазки, но тогда французъ его остановилъ и сказалъ:

— Chacun à son tour, mon genérale! Chacun à son tour!

И когда пришелъ его «tour», генералъ сказалъ Зинаидѣ Павловнѣ, чтобы она не робѣла, что его жена тоже въ такомъ же положеніи, и если Занаида пожелаетъ, ее охотно могутъ взять въ мамки, причемъ генералъ обѣщалъ тоже размѣстить въ пріюты ея дѣтей, которыхъ теперь было уже четверо.

Зинаида Павловна пошла въ генеральскій домъ мамкою, а французъ пошелъ съ свободными руками.

— En attendant vive l'amour et vive la bagatelle!

Генералъ по добротѣ и простотѣ тоже былъ не хуже француза, но, кромѣ того, онъ былъ и человѣкъ могущественный и устроилъ всѣхъ четырехъ ребятишекъ Зинаиды Павловны, а за то и его дитя было прекрасно выкормлено, но не задолго передъ тѣмъ временемъ, когда ребенка надо было отнимать отъ груди, генеральша уѣхала въ Ниццу къ больному отцу, а генералъ самъ наблюдалъ за порядкомъ въ дѣтской и результатомъ этого вышло, что бѣдная Зинаида Павловна опять пострадала, подпавъ своей ужасной судьбѣ, которая не хотѣла дозволить, чтобы ей хоть что-нибудь сошло безъ послѣдствій. Генералъ, впрочемъ, тоже ее «не оставлялъ», а она, дождавшись своего времени, поступила въ мамки на третье мѣсто, гдѣ опять на ея несчастіе по субботамъ брали въ отпускъ кадетика. И тогда Зинаида Павловна на себя разсердилась и въ четвертый разъ въ мамки уже не пошла, потому что, по ея соображеніямъ, «въ семейныхъ домахъ жить невозможно». А въ это самое время осиротѣла ея племянница Праша и стала заводить себѣ прачешную. Зинаида Павловна пришла къ ней и предложила жить вмѣстѣ.

— А то со мною просто ужасти что случается!

Праша ей отвѣтила:

— И лучше!

И вотъ мы увидали ихъ вмѣстѣ, бокастинькую, дѣловитую Прашу хозяйкою, а вальяжную и величественную Зинаиду Павловну ея правою рукой.

Что эти женщины могутъ управить «прачешное заведеніе», въ этомъ можно было не сомнѣваться, но какъ онѣ станутъ управлять сами собой—объ этомъ можно было гадать на-двое. Но, однако, прошелъ годъ и онѣ обѣ держали себя въ порядкѣ. Изрѣдка я встрѣчалъ Прашу на улицѣ, но чаще видѣлъ ее въ окно, какъ она гладила съ мокрымъ отъ пота лбомъ и простиралась по гладильной доскѣ не только обѣими руками, но даже взбиралась на нее и колѣномъ. Видъ она всегда имѣла дѣловой, бодрый и озабоченный.

Зинаида Павловна работала спрохвала: она не любила каленаго утюга, а больше «прыскала да складывала».

Одинъ разъ въ теченіе перваго года ихъ хозяйства я заходилъ посмотрѣть на литераторскаго наслѣдника и засталъ его въ отличномъ положеніи: онъ ползалъ по полу настоящимъ санкюлотомъ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, и махалъ деревянною ложкой, а не подалеку отъ него катался горшокъ съ пшенною кашей. Всякъ ли еще имѣлъ въ дѣтствѣ такое благополучіе!

XIII.

Прошло два и три года. Дѣло у Праши приняло значительные размѣры и жилось имъ всѣмъ хорошо: стирали и «салфеточное», и всякое другое бѣлье уже на нѣсколько гостиницъ, и всѣ ими были довольны. Особенно славилась ихъ блестящая выводка пятенъ «безъ фиміи». Секрета своего противъ пятенъ краснаго вина Праша никому не открывала. Онъ, очевидно, былъ очень важенъ, хотя, по ея словамъ, онъ состоялъ «изъ самыхъ послѣднихъ пустяковъ».

Хорошо или дурно быть такою секретницей, объ этомъ она не думала, да ей это «съ тѣмъ было и открыто, чтобы другимъ не говорить». Это надо соблюсти, иначе никому не будетъ дѣйствовать.

Упомянутое достопримѣчательное средство «показала» ей одна бѣдная барынька на пароходѣ: она была изъ бѣдныхъ полячекъ и ѣхала къ мужу въ Сибирь, а мужъ у нея до ссылки его содержалъ трактиръ и удивительно въ чемъ провинился: къ нему пришли бунтари и говорятъ:

— Мы, братъ, голодны, давай ѣсть, а то повѣсимъ.

Онъ имъ не сталъ подавать, а они сами взяли, поѣли и ушли. Тогда пришли наши и спрашиваютъ:

— У тебя ѣли?

Онъ говоритъ:

— Да,—все взяли и съѣли!

Наши его побили и посудили, и въ Сибирь сослали. Ему и тамъ хорошо.

Полячка на пароходной палубѣ стыла съ своими ребятами.

Праша надъ нею сжалилась и услужила ей кипяткомъ, просушила ихъ обувь и платьишко и «простирнула» дѣтское бѣльишко, а полячка ей за это и сказала секретъ. Вотъ онъ ей теперь и пригодился.

Одно одолѣвало Прашу, что она безграмотна, за это она укоряла своихъ родителей:

— Зародятъ насъ, да такъ безграмотными фефёлами и пустятъ: вотъ мнѣ теперь надо много счетовъ, а писать не кому.

Появился какой-то писарь, человѣкъ среднихъ лѣтъ, по имени Апрѣль Иванычъ. Онъ былъ полякъ, но состоялъ счетчикомъ въ русской артели, гдѣ его имя «Аврелій» передѣлали по-русски въ «Апрѣль». Онъ былъ человѣкъ трезвый, разсудительный и чрезвычайно учтивый. Держалъ онъ себя съ большимъ достоинствомъ: не унижался и не лѣзъ на фамильярность. Праша его приговорила приходить къ ней и писать ей «счета», а онъ былъ тронутъ ея скромностью и не хотѣлъ съ нея ничего брать за эти занятія, но Праша этого не приняла. Она знала, что женщинамъ даромъ ничего не дѣлаютъ, и примѣръ въ этомъ была у нея Зинаида Павловна, которую теперь безпокоили дѣти, начавшія выходить изъ пріютовъ. Француза и генерала уже и слѣдъ простылъ.

Черезъ годъ ея старшую дѣвочку шестнадцати лѣтъ уже выдали замужъ за молодого артельщика, съ которымъ ихъ сосваталъ Апрѣль Иванычъ. Что за милый человѣкъ! Зинаида Павловна была очень ему благодарна и называла его Апрѣль Мартычемъ, а дочери своей дала въ благословеніе всѣ образа, какіе у нея были, оставивъ себѣ всего только одну Курскую Заступницу. Кромѣ того, она сдѣлала ей нѣсколько соотвѣтствующихъ случаю совѣтовъ и особенно велѣла ей первой ступить на подножье и тотъ путь ногой, когда будетъ идти «Павла чтеніе». Собирала нѣвѣсту и выдавала ее Праша, которая тоже хвалила Апрѣля Ивановича за его «учливость» и особенно за то, что онъ «о сиротѣ позаботился». Такъ нравился онъ и другимъ женщинамъ, съ которыми ласково говорилъ и въ свободное время читалъ всѣмъ *Телемака*.

Праша думала, что онъ «къ нимъ привьется», и именно на счетъ Зинаиды Павловны, которая всѣмъ нравилась. Правда, что она не работница, но, вѣдь, за то какъ хороша! Пусть женится: она имъ поможетъ, вмѣстѣ жить будутъ. Но вдругъ все это повернулось иначе и Праша пришла ко мнѣ въ неодолимомъ смущеніи и истерическимъ тономъ заговорила:

— Я, право, не знаю... такое обрѣтеніе... Апрѣль Иванычъ меня замужъ проситъ.

И какъ это сказала, такъ сѣла и заплакала.

— Что же вы, идете или нѣтъ?

— Да я и не знаю.

— Стало быть, идете.

— Нѣтъ, не знаю, а, во-первыхъ, онъ такой учливый, и сироту-дѣвушку устроилъ, а, во-вторыхъ, моего мальчика любитъ и имъ *Пеленака* читаетъ, да, подите-ка, еще сколько у него и другихъ книжекъ, и самъ онъ безсчастный, потому что, вѣдь, никакой у него близкой души нѣтъ. Это же правда истинная! Я долго не вѣрила и другія мнѣ тоже говорили: «Повѣрь, это онъ къ тебѣ подлещается, потому что у тебя свое хозяйство, а всѣ поляки льстивые», но это же, вѣдь, глупость и я этому никогда ни за что не повѣрю, потому что есть всякіе люди въ каждомъ народѣ, но когда по веснѣ мой мальчикъ заболѣлъ при смерти, такъ Апрѣль Иванычъ надъ нимъ ночей не спалъ, и теперь дитя его, можно сказать, больше меня любитъ.

— Это васъ къ нему и расположило?

Праша хотѣла сказать что-то коротко и откровенно, но вмѣсто того опять заморгала съ слезами и истерично отвѣчала:

— Я этого не понимаю... не знаю, что̀ именно! А только онъ же одинъ понялъ, что дитя такого отца, что надо ему открыть всѣ понятія. Вотъ я его за это... не знаю какъ уважаю!

И она хотѣла еще что-то изъяснять, но опять заплакала.

— Такъ и прекрасно,—говорю,—вы, Прашенька, и выходите.

— Вы совѣтуете?

— Да что же? Отчего нѣтъ?

Она помолчала, потупивъ глаза внизъ, и, покраснѣвши, прошептала:

— Отчего же мнѣ это... какъ будто стыдно?

— Вы развѣ обѣщали не выходить?

Она покачала головою и отвѣчала:

— Покойникъ объ этомъ никогда и не говорилъ.

— И Курской Заступницѣ вы не клялись?

— Нѣтъ,—отвѣчала она съ тихою улыбкой и сейчасъ же вздохнула и сквозь слезы добавила: — Я, вѣдь, ничего не утаила, я сказала: «Апрѣль Иванычъ! словъ нѣтъ, что я очень вами за все благодарна и могу слѣдовать, но только съ кѣмъ я это дитя получила, то у меня тотъ человѣкъ по сейчасъ въ сердцѣ, и я послѣ него ни для кого уже особенныхъ чувствъ не нахожу». А онъ мнѣ отвѣтилъ: «Значитъ, если и я помру, хорошо дѣлавши, то вы и обо мнѣ хорошо вспомните». Тутъ ужь я взволновалась и говорю: «Что же вы это такъ себя сокрушаете: сами сватаетесь и сами себя хороните?» А онъ говоритъ: «Смерти никогда забывать не слѣдуетъ». А я говорю: «Ну, ужь это нѣтъ... Послушайте, это такъ вовсе не надо... Станьте рядомъ, да давайте скорѣе лучше помолимся, вы по своей вѣрѣ, а я по своей: пусть что намъ Богъ дастъ, то и будетъ».

И когда они помолились, то Богъ имъ далъ то, что они сдѣлались мужемъ и женою.

XIV.

Апрѣль Иванычъ оказался прекраснымъ человѣкомъ: онъ нѣжно любилъ скромненькую Прашу и удивительно заботился о «писательскомъ сынѣ». Онъ завелъ въ домѣ вечерній кружокъ у чайнаго стола и всѣмъ здѣсь читалъ *Телемака*, поясняя изъ него, что люди живутъ вовсе не такъ, какъ бы надобно жить. Къ этому же у него служили *Павелъ и Виргинія*, а самъ для себя онъ читалъ еще болѣе забористыя вещи, какъ-то: *Оправданіе Сократово* и *Слово похвальное Марку Аврелію*. А затѣмъ въ жизни со всѣми былъ ласковъ, и простъ, и любезенъ.

У Праши съ Апрѣлемъ родилось еще двое дѣтей: мальчикъ Абрамчикъ и дѣвочка Пелагеичка. За то изъ домашняго штата Праши стала выбиваться Зинаида Павловна, съ которою опять начались «туры», и причиною ихъ были дѣти и жасмины. Выше было сказано, что дѣти удивили Зинаиду Павловну тѣмъ, что они начали подростать одно вслѣдъ за другимъ, чего мать ихъ совсѣмъ не ожида[ла] и совершенно растерялась отъ этой неожиданности. Она дѣлала в[се], что могла: плакала и молилась на колѣняхъ, но дѣти, все-таки оставались «безъ предѣла», а у самой Зинаиды на заплаканных глазахъ, которымъ, кажется, надо бы померкнуть и ввалиться, вмѣсто того выскакивали ужасные ячмени или, какъ она ихъ называла, «жасмины». Чтобъ избавиться разомъ отъ жасминовъ и [отъ] дѣтей, Зинаида Павловна готова была выпить самую злую

отраву и даже разъ выпила пузырекъ нашатырнаго спирта и произвела въ домѣ дворовый скандалъ: въ прачешную набѣжали жильцы, въ числѣ которыхъ были длинный нѣмецъ «аплетонъ», занимавшійся починкою плетеной мебели, и гимназистъ, который занимался передъ окномъ выпиловкою и потому назывался «пропилей». Они оба приняли участіе и бѣгали въ аптеку, а потомъ все стали попадаться Прашѣ на глаза и, наконецъ, подрались на лѣстницѣ. На другой день сухая и жилистая жена «аплетона» нагло заглянула въ окна прачешной и сказала: «шлюхи!» А бабушка «пропилея», встрѣтивъ Прашу, сообщила ей, что она «своего» будетъ запирать, и вы-де «свою» обуздайте.

Апрѣль Иванычъ не вмѣшивался, но его стали тревожить ночами движенія у двери, и разъ онъ тамъ нашелъ Зинаиду Павловну, которая ему прямо, но странно сказала:

— Что, Апрѣль Мартычъ? Очень мнѣ, другъ милый, скучно!

И она такъ сжала ему руку, что точно хотѣла его куда-то увлечь за собою.

Отъ Праши это осталось скрытымъ и Зинаида Павловна изрѣдка только посматривала за двери и говорила, что ей какъ-то все «кошкой пахнетъ».

Праша смотрѣла на нее и отвѣчала:

— Смотри, у тебя это болѣзнь.

XV.

Задавались чрезвычайно безпокойныя ночи, когда коты совсѣмъ не знали покоя сами и не хотѣли позволять спать людямъ: они мяукали, скреблись, прыгали, падали съ высотъ внизъ и опять царапались вверхъ и, настигая другъ друга, дрались такъ, что сыпалась шерсть, и затѣмъ вновь паденіе и вновь бѣготня. Эта возня такъ безпокоила жильцовъ, обитавшихъ въ квартирахъ, имѣвшихъ одинъ выходъ, что то изъ одного, то изъ другого жилья среди ночи отворялись двери и оттуда или кто-нибудь манулъ домой своего кота, или же чья-нибудь негодующая рука швыряла что попало, чтобы испугать и разогнать полунощниковъ. Такъ было и въ тотъ разъ, когда Апрѣль Иванычъ, придя изъ бани, легъ поранѣе и хотѣлъ уснуть покрѣпче, а, вмѣсто того, онъ и совсѣмъ не могъ заснуть отъ повторявшагося за дверями шума. Онъ всталъ и, при свѣтѣ лампадки, увидѣлъ, что былъ второй часъ ночи, но на лѣстницѣ за дверью нѣтъ-нѣтъ и опять раздавалось движеніе.

«Что за наглые негодяи!»—подумалъ Апрѣль и, сунувъ ноги въ

туфли, схватилъ лучинную корзинку съ остатками мелкихъ углей и подкрался къ двери съ тѣмъ, чтобы быстро ее растворить и швырнуть корзинкой въ котовъ, какъ только они зашевелятся ближе.

Ему и не пришлось долго ждать, потому что немедленно же учинился шумъ и съ лѣстницы внизъ что-то слетѣло и замѣшалось у двери. Апрѣль Иванычъ сію же секунду быстро толкнулъ дверь, но какъ она оказалась едва притворенною, то онъ не соразмѣрилъ силы съ сопротивленіемъ, самъ выпалъ наружу и очутился съ своею корзинкой на грязномъ полу въ кучѣ съ «Пропилеемъ» и «Аплетономъ», которые извивались, тормоша одинъ другого за кудри, между тѣмъ какъ чья-то свободная нога наступила на самого Апрѣля и въ открытую дверь его квартиры скользнула женская фигура.

Апрѣль Иванычъ догадался, что это была Зинаида, и возвратился домой очень сконфуженный, испачканный углемъ и съ порядочнымъ ушибомъ въ колѣнѣ.

Онъ покачалъ головою, вздохнулъ, обтерся и легъ, не сказавъ ни слова женѣ ни въ первую минуту, ни тогда, когда Праша черезъ полчаса встала съ кровати, надѣла юбку и кофту и прилегла на коротенькомъ диванчикѣ. Еще черезъ нѣкоторое время она тихонько встала и неслышными шагами пошла къ той же двери, отъ которой отошелъ ея мужъ. Но Праша была осторожнѣе Апрѣля Иваныча: она ощупала крючокъ двери и нашла, что онъ откинутъ, тогда она тихо отодвинула дверь и сейчасъ же ухватила своею рукой руку Зинаиды Павловны и потащила ее къ себѣ, но та сдѣлала движеніе, чтобъ освободиться, и на этотъ шумъ съ верхней площадки сразу слетѣли двѣ фигуры и сразу схватились другъ съ другомъ. Это опять были они: Аплетонъ и Пропилей.

Праша отлично ихъ узнала и еще рѣшительнѣе вцѣпилась въ Зинаиду и втащила ее назадъ, а на дверь наложила крючокъ.

Теперь Зинаида шла безъ сопротивленія и, придя въ свою комнатку, тихо сѣла на кровать и закрыла лицо руками.

Праша хотѣла тотчасъ же выйти, но Зинаида Павловна сама ее удержала:

— Что же ты уходишь? — спросила она. — Лучше теперь и у[illegible] ай, ужь кстати!

— Да какъ ты это выходишь, что тебя даже вовсе не слыш[illegible] .. Этакъ насъ обокрадутъ.

— Ну, и что-жь дѣлать?

Зинаида ткнулась лицомъ въ подушку и заплакала.

— О чемъ же ты плачешь?

— О томъ, что мнѣ тебя стыдно.

— Что-жь, я тебѣ не мать и не сестра, а племянница...

— Это все равно... Зачѣмъ ты замужъ пошла? Пока ты не выходила, и я жила прелестно, а теперь вотъ...

— Что же, я тебѣ помѣшала жить?

— Скучно стало.

— Отчего?

— Сама не знаю: погляжу на васъ—и скучно, а лягу—спать не могу.

— Молилась бы на ночь.

— Извольте!... Еще какъ и молюсь! И батюшкѣ все говорила и онъ все, все, все мнѣ разъяснилъ, по все это ничего не значитъ! Возьми, пожалуйста, достань тамъ стклянночку...

— Неужели еще пить станешь?

— Да нѣтъ, что за глупости!... Тамъ богоявленская вода... Сбрызни меня скорѣе, сбрызни!

— Не хочу! — отвѣчала Праша и, махнувъ рукой, встала, чтобы уйти, но Зинаида Павловна схватила своею рукой ея руку и удержала.

— Что это съ тобой?—спросила сконфуженно Праша.

— Вотъ сдѣлала такъ и ничего болѣе... Не пущу!

— Нѣтъ, окромя всякихъ шутковъ?

Но Зинаида плакала и, вмѣсто разъясняющаго отвѣта, поцѣловала племянницыну руку и опять проговорила:

— Вотъ и ничего болѣе!

— Ну, и прощай!

— Да, и прощай, Пахита, прощай!

А когда Праша подошла къ двери, она ее окликнула и еще разъ сказала:

— Прощай же, Пахита, прощай!

Праша не придала этому прощанію никакого особеннаго значенія, а такое значеніе здѣсь было, потому что на другой день Зинаида Павловна, ни кѣмъ не замѣченная, исчезла изъ дома племянницы и уже никогда болѣе къ ней не возвратилась.

Дѣтей своихъ въ Петербургѣ она поручала Апрѣлю Иванычу, который и въ самомъ дѣлѣ устроилъ, что требовалось. Зинаида Павловна отозвалась Прашѣ изъ Кіева: «Не думай, будто я отъ своихъ дѣтей убѣжала,—писала она,—это несправедливо, но меня обидѣлъ фершелъ, который давалъ не того лѣкарства отъ жасминовъ, и я не захотѣла оказать себя при замужней дочери, чтобъ ей не было стыдно».

Прашу и замужнюю дочь Зинаиды Павловны это извѣстіе очень разсердило. Дочь говорила: «пусть къ намъ и не возвращается», но Апрѣль Иванычъ заступался за «слабую женщину», и это познакомило Прашу съ подозрительностью и ревностью, подъ вліяніемъ которыхъ она находила большое утѣшеніе въ томъ, что такая «слабая женщина» отъ нихъ отъѣхала.

Съ этихъ поръ прошло пять лѣтъ жизни тихой и совершенно счастливой, и когда писательскій сынъ былъ уже въ третьемъ классѣ гимназіи, Апрѣль Иванычъ вдругъ сталъ сбираться къ роднымъ въ свою «поляцкую сторону» и, несмотря на многія неудобства, уѣхалъ туда грустный, а возвратился еще грустнѣе, и какъ разъ въ это самое время пришло ужасное письмо отъ Зинаиды Павловны, возвѣщавшей Прашѣ, что она живетъ тѣмъ, что чиститъ ягоды для варенья и что Богъ тогда же давно далъ ей «двойку заразъ, мальчика и дѣвочку».

Прашѣ показалось, что это что-то сверхъестественное и не къ добру.

— Какъ это... женщина уже за сорокъ лѣтъ, и столько уже было дѣтей, и потомъ еще вдругъ сразу рождается пара! Это къ несчастью!

XVI.

Праша поскорѣе послала въ Кіевъ «на зубокъ» десять рублей, но не написала родственницѣ никакого письма. Ей было не до того: Апрѣль Иванычъ вдругъ забредилъ о какой-то огромной артельной растратѣ, которую будто онъ сдѣлалъ не по своей волѣ. Но никакой артельной растраты не было, а Апрѣля Иваныча пришлось отвезти въ сумасшедшій домъ. Пасынокъ о немъ страшно скорбѣлъ, и скорбь его перешла въ страданіе, когда его превосходный вотчимъ вскорѣ же умеръ, истерзанный мучительною тревогой.

Вотъ вамъ и Зинаида Павловна и ея «двоешка»!

И съ какой стати, и для чего ей было нужно писать о всѣхъ такихъ происшествіяхъ въ Петербургъ? Чистила бы себѣ въ Кіевѣ ягоды и кончено! Да и Прашѣ некогда и нѣтъ никакой надобности разсуждать о пустякахъ. У нея теперь уже не одинъ сынъ, а *трое дѣтей*, а кормилица у нихъ опять одна она, безграмотная фефёла, и начальство ей не поможетъ.

Въ тотъ же день, какъ схоронили Апрѣля Иваныча, литераторскій сынъ сталъ писать для матери ея прачешные счета и наблюдать, какъ читаютъ мальчикъ Абрамчикъ и дѣвочка Пелагеичка.

Дѣла у Праши были опять по-старому: черезъ годъ еще пошли

въ школу и Абрамчикъ съ Пелагеичкой, а когда они тамъ подъучились, ихъ отвели: Абрамчика къ дядѣ повару, а дѣвочку Пелагеичку поставили крахмалить и гладить. Другой карьеры имъ не намѣчалось, но старшій ихъ братъ, «литераторскій сынъ», все еще учился и достигъ того, что «вышелъ на лекаря». Мать преисполнилась восторгомъ, что это *она вывела*, и не знала, что̀ бы такое сдѣлать, чтобы дать ходъ своему сердцу. Она вспомнила о Зинандѣ и рѣшила съѣздить въ Кіевъ «отблагодарить Бога» и посмотрѣть, что тамъ дѣлаетъ Зинаида. Можетъ быть, ей худо и она стыдится придти назадъ. Надо ее обласкать и увезти къ себѣ и жить съ нею вмѣстѣ... И надо это поскорѣе: нельзя откладывать примиренія,—смерть такъ и ходитъ.

Праша отправилась въ Кіевъ, ощущая въ себѣ приливъ теплаго и нѣжнаго чувства; переѣзжая Днѣпръ, она любовалась видомъ и плакала, а на другой день пошла въ пещеры и, какъ прачка, замѣтила, что вездѣ бы все надо помыть. Въ тотъ же день она пошла искать по Кіеву Зинаиду Павловну, но не могла ее найти: ни въ одномъ конфектномъ заведеніи ее не знали. Прашѣ только случайно удалось напасть на слѣдъ Зинаиды Павловны черезъ посредство послушниковъ монастырской гостиницы, которые всѣ ее знали, но путь къ ней былъ не простъ. Послушники указали Прашѣ на двухъ лицъ, имѣвшихъ въ томъ мѣстѣ значительное положеніе. Это были два такъ называемые старца, которые сидѣли на сходахъ лѣстницы съ чашками, прося подаянія. Одинъ изъ нихъ былъ слѣпецъ Ереней, а другой кривоустый Игнаша. Они просили милостыню, но были люди очень достаточные и даже имѣли въ городѣ домъ. Зинаида была у нихъ «за хозяйку».

Праша своимъ ушамъ не вѣрила, но это была правда: она пошла разыскивать Зинаиду и нашла ее, ибо она дѣйствительно находилась въ хозяйкахъ у двухъ старцевъ, изъ которыхъ только одинъ могъ видѣть благообразіе ея лица, именно Игнатъ «Кривоустый», а «слѣпецъ» Ереней могъ цѣнить лишь другія ея достоинства.

На хлѣбахъ у старцевъ Зинаида Павловна еще раздобрѣла и потерпѣла отъ лѣтъ только въ томъ отношеніи, что у нея выпало много волосъ и она облысѣла; но за то она теперь обвязала себѣ голову яркимъ, полосатымъ платкомъ и ходила, какъ святочная туркиня, что опять ей было очень къ лицу и дѣлало ее интереснѣе.

Еслибъ ее увидалъ въ этомъ уборѣ давній ея обожатель, французъ, то въ немъ, навѣрное, опять могла бы заиграть его художественная фантазія, и онъ могъ бы выпустить новое произведеніе, достойное и его, и Зинаиды Павловны.

XVII.

Обѣ фефёлы встрѣтились на порогѣ и были такъ изумлены, что обѣ сначала молчали дольше, чѣмъ было пристойно друзьямъ, а потомъ хотя и заговорили, но ихъ разговоръ оказался безъ толка.

Хозяйка спросила гостью:

— Ахъ, это ты?... Ну, скажите, пожалуйста! Праша, Прашенція!... Всходи же скорѣе!

Праша вошла и тотчасъ же сѣла. «Туркиня», повязанная фуляромъ, ей не нравилась. А та продолжала спрашивать:

— Какъ же ты поживаешь? Апрѣль Иванычъ померъ!... Что, братъ, подѣлаешь? Я за него подавала на часточку. Хотя онъ и не нашей вѣры, но это можно. Раздѣвайся, Прашенція!

А Праша слушала Зинаиду Павловну и смотрѣла на нее, а сама удивлялась, отчего у нея до сихъ поръ все такая же пышная и бѣлая шея, и Праша сказала:

— А что у тебя теперь твои ячмени уже не бываютъ?

— Бываютъ!—отвѣчала Зинаида Павловна.—А ты стала совсѣмъ пожилая!

— Еще бы! Сынъ уже на лекаря вышелъ. Твои дѣти тебѣ кланяются.

— Охъ, не говори мнѣ про дѣтей!

— Отчего?... Все хорошо.

— Все равно... Какая я мать?

— Ничего. Богъ дастъ, будетъ иначе.

— Нѣтъ, ужь поздно!

Праша очень хотѣла продолжать разговоръ, но имъ не о чемъ было болѣе говорить и никакого примѣненія для тѣхъ нѣжныхъ чувствъ, съ которыми ѣхала Праша, не оказывалось. Зинаида Павловна подчивала Прашу тѣмъ и другимъ и водила ее по дому, показывала, гдѣ спитъ слѣпой и гдѣ кривоустый. Домъ былъ не маленькій и у всѣхъ свои помѣщенія. У слѣпого было немножко грязновато, но онъ, вѣдь, ничего не видитъ, а у кривоустаго все было совсѣмъ какъ у хорошаго купца: и образникъ, и конторка. Спальня Зинаиды Павловны была вся застлана тюменьскимъ ковромъ и [р]ней стоялъ пребольшой образникъ, въ которомъ серединное мѣ[с]о занимала ея Курская Заступница. Передъ этою образницей го[р]ли три лампады, а напротивъ въ углу за пологомъ взбита боль[ш]ая перина, уложенная на такой высокой двуспальной кровати, [к]о для входа на нее приставлена была у ногъ скамейка. Кровать [б]ыла крѣпкая, но аляповато выкрашенная темно-зеленою масляною [к]раской съ розами на столбикахъ.

Зинаида Павловна стала показывать гостьѣ свое мастерство, котораго она прежде не знала.

Праша увидала глубокія тростниковыя корзины, полныя разноцвѣтныхъ лоскутьевъ плису, манчестеру и иныхъ матерій. Изъ всего этого Зинаида Павловна съ дѣвочкой шили шапочки, которыя старцы продавали. Зинаида Павловна стала перечислять, какъ это выгодно. «Мнѣ,—говорила она,—лоскутки носятъ жидовки, а онѣ берутъ отъ шитвицъ, а гдѣ тѣ достаютъ, я ужь того дѣла не знаю».

— Крадутъ,—сказала Праша.

— Не знаю, но только я у нихъ на полтину куплю, а нашью шапочекъ на пятьдесятъ рублей... Броська-ка ты свои лоханки, Прашенція, и оставайся здѣсь, я тебя съ душеполезнымъ монахомъ познакомлю,—но этого Праша такъ испугалась, что встала и начала прощаться, а когда Зинаида еще хотѣла ей что-то показывать, она отвѣтила:

— Нѣтъ, пусти скорѣй, мнѣ у тебя страшно.

— Да чего-о?

— Не знаю... я испугалась,—и она ушла, такъ нелѣпо простившись, что ничего не сказала о дѣтяхъ и не жалѣла, что не говорила ни о чемъ дѣльномъ.

— Я почему-то вдругъ поняла,—говорила она,—что чѣмъ говорить о томъ, о чемъ нельзя говорить, лучше молчать.

Она осталась только еще на одинъ день, чтобы посмотрѣть, «какъ Владиміра памятнику церемонію дѣлаютъ», и, увидавъ, какъ въ престрашный жаръ нѣсколько солдатъ въ мундирахъ упали замертво на мостовую, совсѣмъ разстроилась и уѣхала на сѣверъ. По дорогѣ въ вагонахъ успокоилась и стала размышлять, что ей еще нельзя быть въ толпѣ, что она человѣкъ тихій и ей нужна тишина. Дѣти ея на ногахъ и у всѣхъ у нихъ есть свой умъ и рукомесло; ей уже можно теперь пожить для себя.

— А какъ для себя хорошо пожить! Я этого, вообразите, во всю жизнь никогда не думала, а тутъ вдругъ какъ будто кто-то точно стоитъ въ потемочкахъ въ уголкѣ вагона и мнѣ напоминаетъ, что хотя я прожила въ большомъ счастьи, но я, вѣдь, мужа съ женой разлучила, что объ этомъ забывать худо, а лучше думать объ этомъ!

И это ей сдѣлало пользу.

XVIII.

Одинъ великій человѣкъ сравниваетъ нашу жизнь на землѣ съ положеніемъ пассажировъ, ѣдущихъ на кораблѣ, который соверша-

есть далекое плаваніе. Кормчій пускаетъ ихъ погулять по острову, къ которому пристало судно, но даетъ всѣмъ наставленіе не отходить далеко и спѣшить назадъ на корабль по первому звуку призывной трубы. Кто ходитъ недалеко и помнитъ о своемъ Кормчемъ, тотъ не прозѣваетъ его сигнала и поспѣетъ въ свое время, и поплыветъ далѣе, а кто заберется далеко и тамъ расположится, какъ дома, тотъ или совсѣмъ сигнала не услышитъ, или если и услышитъ, то не успѣетъ прибѣжать на корабль, а останется на этапномъ островѣ, гдѣ ему казалось, что тутъ его настоящее жительство, и тогда такъ и придется ему оставаться на островѣ съ дикарями, которые готовы поѣсть другъ друга.

Праша, очевидно, ходила не дальше того, откуда она могла услыхать то, что ей надо было услышать, чтобы не жить съ дикарями.

Первою примѣтой, что до слуха Праши долетѣлъ отзывающій звукъ, было то, что она стала равнодушна къ такимъ вещамъ, на которыя ранѣе всегда обращала вниманіе. Она всегда любила быть въ аккуратѣ и вдругъ начала выходить на улицу въ пальто, надѣтомъ въ одинъ рукавъ, или вовсе въ накидку, «по-генеральски».

Это замѣтили лавочники и дворники и говорили:

— Преудивительно, никогда такъ ни ходила; всегда, бывало, идетъ въ аккуратѣ, а теперь одну руку въ одинъ рукавъ всунетъ, а другую забудетъ и еще локоть подопретъ,— совершенно старый генералъ ползетъ.

Ей объ этомъ шутя говорили, но она какъ будто не понимала даже, о чемъ рѣчь, и продолжала «ходить по-генеральски», а потомъ стали замѣчать, что она перестала возражать и спорить, и на многое старалась «смотрѣть мимо» и потомъ вдругъ перестала бояться крысъ, мертвыхъ и грозы и ничего рѣшительно не желала, кромѣ тихаго уединенія, котораго ищутъ околѣвающія животныя.

Она сдала свое заведеніе и на вырученныя маленькія деньги купила себѣ маленькое хозяйство въ Финляндіи, гдѣ обмывала и обшивала выкармливаемыхъ крестьянами подкидышей воспитательнаго дома.

Отъ здѣшней ли тишины, или отъ чего другого, въ умѣ Праши стали проявляться понятія, какихъ прежде не было: сообразно перемѣнѣ поэтій, она измѣняла и свои отношенія къ тому, до чего это касалось. Такъ, напримѣръ, она не только не хотѣла говорить что-либо во вредъ людей того края, гдѣ стала жить,—это дѣлаютъ и другіе, но законность и порядокъ пріятнѣе произвола и безпорядка,—но она утратила всякій вкусъ къ похвальбѣ и неохотно пріѣзжала изъ

своей избы въ Петербургъ. За то она имѣла то, чего разумно искала: покой.

Одной неугомонной Зинаидѣ Павловнѣ суждено было дѣлать послѣднія испытанія духовнаго и умственнаго роста Праши. Престарѣлая красавица была угнетаема потребностью дѣлиться своими успѣхами въ свѣтѣ и неожиданно прислала неграмотной Прашѣ письмо, въ которомъ извѣщала ее, что изъ двухъ кіевскихъ старцевъ Зинаиды Павловны одинъ слѣпой вышелъ изъ ихъ компаніи и, найдя себѣ въ Кіевѣ племянницу, уѣхалъ съ нею жить въ Воронежъ, а за то другой старецъ, «кривоустый», такъ Зинаидѣ покорился, что «поженился на ней законнымъ бракомъ». Зинаида Павловна, съ одной стороны, была очень рада, что теперь она опять замужняя, а съ другой — она боится, какъ бы ей не было наказанія отъ Бога за то, что она поклялась не выходить замужъ послѣ своего перваго мужа.

Праша не хотѣла ей отвѣчать на это.

— Еслибъ я сама умѣла писать, я бы ей написала, что уже какъ мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, то мнѣ въ это время всѣ источники жизни должны затвориться.

Сосѣдніе сироты-дѣти и чухны Прашу скоро узнали и полюбили и она ихъ тоже.

XIX.

Изъ чухонъ у Праши даже завелся одинъ пріятель: это былъ бѣднѣйшій старикъ Авель. Онъ жилъ, какъ гномъ, въ какой-то земляной норѣ, и Праша его спервоначалу даже немножко пугалась. Низенькій, кривоногій и косматый и, притомъ, очень старый, но черноволосый безъ сѣдины; одѣтъ всегда въ овечьей куртѣ черною шерстью вверхъ, а штаны изъ кожи. Днемъ онъ сидѣлъ надъ своею ямкой и плелъ кошели, а самъ пѣлъ. Все что-то пѣлъ, а ночью опять выползалъ и долго-долго бродилъ между большими каменьями, а потомъ взлѣзалъ на камень и дремалъ. Праша скоро узнала, что старый Авель человѣкъ не страшный, и перестала его бояться. А потомъ спросила его: что онъ поетъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Сальми.

— А зачѣмъ сидишь наружѣ ночью?

— Лушаю.

— Что же ты слушаешь?

— Чего усами услыхать нельзя.

«Должно быть, онъ помѣшанный,—подумала Праша, а выходить изъ избушки и сидѣть наружѣ и ей понравилось.— Сидишь въ тишинѣ и до того утихнешь, что вдругъ что-то слышишь: точно какъ будто Апрѣль Ивановичъ *Пеленака* читаетъ».

— Авель!—говоритъ Праша,—я у васъ научилась сидѣть на дворѣ ночью.

— Хоросо... сити!

— А для чего вы, Авель, вокругъ камня ходите?

Авель не понялъ и замоталъ головою.

— Для чего вы на другую сторону все смотрите?

Авель понялъ, какъ хотѣлъ, и отвѣчалъ:

— И ты смотри на другую сторону!

И Прашѣ понравилось, что Авель говоритъ о небесномъ: какъ смотрѣть «на другую сторону жизни».

Ей стало пріятно смотрѣть, какъ чухонскій лохматый Авель старается услыхать слухомъ неслышное и заглянуть на сторону невидимую, и она стала выходить ночью и подолгу сидѣть съ Авелемъ здѣсь между камнями. Сурово, строго и свѣжо какъ въ воздухѣ, такъ и на душѣ. И капитанская труба съ судна нѣтъ-нѣтъ, да и раздастся разъ отъ разу зычнѣе.

Наконецъ, была даже Прашѣ наивысшая радость: отъ нея совсѣмъ отступилъ блѣднолицый страхъ смерти. Но жизнь иногда еще трогала.

XX.

Разъ Праша получила письмо; она отгадала, что это отъ Зинаиды Павловны, и спрятала его до свиданія со мною. Письма Зинаиды Павловны Праша понимала за небезопасное по своему содержанію, соблазнительное чтеніе, которое могло смущать неопытныя души. И то, которое находилось теперь въ ея рукахъ, было такое же: отцвѣтшая красавица начинала его привѣтомъ «Пашѣ-Прашѣ-Пашенціи», а потомъ извѣщала, что, Богъ далъ, она овдовѣла, и теперь уже «по батюшкиному благословенію опредѣлилась въ монастырь», гдѣ начальницею та самая дама, у которой Праша «мужа отбила».

Праша поблѣднѣла и вздрогнула. Я хотѣлъ прочесть далѣе про се[illegible], но она оправилась и просила читать вслухъ.

Зинаида описывала, какъ эта дама стала теперь «жизни высо[illegible]» и можетъ обо всемъ говорить по-христіански, и сынъ у нея гр[illegible]іянъ, живетъ съ актерами, но она его простила и Прашу прос[illegible]а. Но тутъ Праша перебила и сказала:

— Ну, вотъ, и я ее простила.

— Это хорошо.

— Я ее давно простила. Она тогда мнѣ за три мѣсяца жалованья не отдала. Это бы намъ на хлѣбъ годилось, но я это-то ей и простила, но только не стоило бы намъ съ нею объ этомъ вспоминать нынче.

Кромѣ начальницы, Зинаида писала, что «есть у нихъ въ обители много разныхъ святынь, но много и искушеній», такъ что Зинаида Павловна «днемъ молится, а ночью иногда котомку шьетъ и бѣжать хочетъ, но какъ только ударяютъ къ заутрени, дьяволъ отъ нея отлетаетъ», а «скоро она уже приметъ ангельскій чинъ, и тогда ей уже нѣтъ и не будетъ возврата въ міръ земной, гдѣ все искушеніе». Но хотя сама Зинаида и спаслась, но она еще не спокойна за нее, Прашу, и по любви своей къ ней увѣщаетъ ее, чтобы она скорѣе одумалась и, отложивъ всѣ заботы, укрылась въ обитель. «Здѣсь станемъ жить съ тобою въ одной кельѣ и вмѣстѣ умолять Всевышняго за весь грѣшный родъ человѣческій».

— Ня!—воскликнула Праша и еще сильнѣе поблѣднѣла.

— Что вы хотите сказать?

— Не читайте больше.

Но тутъ старушка Праша живо взяла изъ моей руки письмо красавицы, разорвала его на мельчайшія части и бросила ихъ въ топившуюся печку. Потомъ мы просидѣли нѣсколько минутъ тихо и послѣ я ей сказалъ:

— Не надо сердиться.

— Я и не сержусь,—отвѣчала Праша,—а то она мнѣ совѣтуетъ замужъ, то къ монаху, то самой въ монахини. Какой безпокой! А мнѣ хорошо.

И она сама разсказала мнѣ, какъ она ходитъ въ темнотѣ между камнями и говоритъ съ Авелемъ или читаетъ одна «Отче нашъ». Теперь уже она вовсе не боится смерти и всегда чувствуетъ одну радость.

Авель ей натолковалъ:

— Ты не цего-та не пойса-та!... Онъ-то тебя посоветъ-та!... Дѣ тэбѣ нато-то, ты тамъ-то и будесъ!

— И знаете,—закончила Праша,—я такъ и чувствую, что я тамъ, гдѣ мнѣ надо.

Она ласково улыбалась и какъ бы ждала, чтобы я ей что-нибудь возразилъ, но я молчалъ.

Вскорѣ послѣ этого Праша и совсѣмъ «ушла въ другое мѣсто». Разъ утромъ нашли дверь ея избушки широко открытою, а тѣло

хозяйки лежало на камнѣ, и на устахъ у нея было нѣсколько капель крови, съ которою жизнь улетала изъ ея разорвавшагося сердца.

Такъ кончила свой воспитательный курсъ на землѣ эта фефёла, которая мнѣ кажется довольно обыкновенною русскою женщиной, которая никого не погубила и себя усовершила въ земной жизни, но въ этомъ ей ничего не помогъ ни литераторъ, котораго *она любила*, ни простой человѣкъ, который *ее любилъ*. Но она была хороша для всѣхъ, ибо каждому могла подать сокровища своего благого сердца. Если бы писатель жилъ долго, я думаю, что онъ бы ею наскучилъ и она окончила бы свою жизнь гораздо хуже.

Николай Лѣсковъ.

Пѣсня.

(Изъ Маріи Конопницкой).

Какъ бы грудь твоя, о поле,
Зацвѣла цвѣтами,
Еслибъ ключъ струей холодной
Брызнулъ подъ песками!

Какъ бы жизнь весной и свѣтомъ
Чудно озарилась,
Еслибъ сердце, остывая,
Трепетно забилось!

Къ ручейку бы съ пѣсней звонкой
Птички прилетали,
А къ воскреснувшему сердцу
Жалобы печали.

Надъ ручьемъ бы ива никла,
Вѣтви въ немъ купая,
Стала-бъ ближе, сердцу ближе
Сирота босая.

У ручья бы зеленѣла
Травка въ лѣтнемъ зноѣ,
А у сердца-бъ билось сердц
Братское, родное.

Мих. Гербановскій.

СТАТИСТИКА ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Разсказъ).

I.

Водвореніе «экспедиціонной» статистики въ нашей губерніи только что начиналось. Самые дѣятели земскаго статистическаго бюро приняты были у насъ за такую необычайную новость, что на первыхъ порахъ даже многіе изъ нашихъ губернскихъ интеллигентовъ называли ихъ *статистами,*— именемъ, заимствованнымъ изъ театральнаго міра. Томы «сборниковъ» и «таблицъ», ослѣпительныхъ и ненавистныхъ для однихъ, просвѣтительныхъ и желанныхъ для другихъ, представлялись у насъ пока еще дѣломъ будущаго.

Вмѣстѣ съ своими чуткими согражданами заинтересовался новымъ учрежденіямъ и я. Припомнилось мнѣ ауто-да-фе одного земскаго статистическаго сборника. «Очевидно,— думалъ я,— земская статистика, по какимъ-то причинамъ, волнуетъ дворянъ-землевладѣльцевъ; несомнѣнно, она должна производить такое или иное впечатлѣніе и на крестьянъ-землепашцевъ». Мнѣ захотѣлось посмотрѣть хоть небольшую сценку подворной описи, чтобы хоть отчасти провѣрить свое предположеніе. Судьба поблагопріятствовала мнѣ въ этомъ случаѣ.

Встрѣчается со мной знакомый помѣщикъ Коротовскій.

Обмѣнялись привѣтствіями.

– Что у васъ новенькаго въ уѣздѣ?

– Статистика къ намъ ѣдетъ... въ первый разъ,—вотъ вамъ са[illegible] живая наша новость,— отозвался Коротовскій, значительно ки[illegible]въ головой.

Когда?

Да вотъ завтра. Завѣдующій статистическимъ бюро ѣдетъ

со мной вмѣстѣ въ село Торное. Двухъ помощниковъ своихъ онъ отправилъ туда еще вчера чрезъ старосту предупредить населеніе, чтобы въ назначенное время всѣ собрались въ назначенное мѣсто, а самъ вотъ со мной... Не хотите ли и вы съ нами?

— Я бы съ удовольствіемъ, но удобно ли это будетъ?

— Отчего же не удобно? Завтра воскресенье, день свободный. Ѣхать недалеко — четырнадцать верстъ; экипажъ у меня собственный, просторный, даже четверо могутъ усѣсться. Поѣдемъ завтра утречкомъ пораньше, а къ вечеру васъ привезутъ обратно на земскихъ лошадяхъ. Вы знакомы съ Даровскимъ, съ *завѣдующимъ*-то?

— Немного знакомъ.

— Вотъ и прекрасно. Прокатимся весело. Хоть мнѣ и не по пути ѣхать на Торное, но ради этакого обстоятельства я рѣшаюсь сдѣлать крюкъ. Хочется поскорѣе посмотрѣть статистическую машину въ ходу... Такъ идетъ?

— Идетъ.

Дѣло было въ концѣ апрѣля.

Утро. Въ воздухѣ сыро и довольно холодно. Полевая дорога была уже хорошо накатана, но въ низменностяхъ стояли еще лужи и мѣсилась глубокая грязь.

Мы не замѣтили, какъ совершили уже полпути, благодушно бесѣдуя о сравнительномъ достоинствѣ сочиненій Гл. Успенскаго и Златовратскаго. Намъ предстояло переѣхать поёмный лугъ, покрытый еще невысохшимъ иломъ. Проѣхавъ сквозь небольшую деревушку, мы спускались съ бугра въ луговую низину. Передъ нами—неожиданная застава: поперекъ дороги жердь, привязанная къ кольямъ, стоящимъ справа и слѣва. У самой заставы—шалашъ. Изъ шалаша вылѣзаетъ мухортый мужикъ въ закорузломъ полушубкѣ и становится противъ насъ, по ту сторону жерди. Мы останавливаемся.

— Зачѣмъ эта жердь? Что тебѣ нужно, любезный? — обратился къ мужику Коротовскій.

— За мостъ съ васъ слѣдуетъ,— объявилъ мужикъ.— Заплатите сперва, а тамъ и двигайтесь съ Богомъ.

— Какой мостъ? Что ты болтаешь?

— Ну, плотина, коли не мостъ, это все одно, а вы, все-таки, пожалуйте положное.

Коротовскій разсердился.

— Что ты, дуракъ этакой, смѣешься, что-ль, надъ нами? —

продолжалъ онъ, рѣзко повысивъ тонъ. — Насыпано не больше мѣшка мусору, и это у него плотина!

— Сколько слѣдовало, столько и насыпано,— спокойно отозвался самозванный инженеръ.

— Да ты-то тутъ причемъ? Общество, что-ль, тебя здѣсь поставило?

— Зачѣмъ общество? Самъ собой удумалъ, чтобъ облегчить проѣзжающихъ. Собственный свой трудъ уложилъ, а потому и взыскиваю. Дѣло видимое. Пожалуйте, баринъ, чего тамъ!...

— Вотъ я тебѣ покажу «чего тамъ»! Какой еще тонъ принимаетъ!... «Труды»!... Черезъ-чуръ разбогатѣешь, если за такой паршивый трудъ будешь обирать каждаго встрѣчнаго-поперечнаго. Принимай жердь! Не дамъ ничего!

— А не дадите—не пущу. Ѣзжайте вотъ черезъ озёра, хоть черезъ правое, хоть черезъ лѣвое, любое выбирайте.

Инженеръ широко разставилъ ноги и, прикачивая головой, твердо смотрѣлъ на насъ съ ядовитою, вызывающею улыбкой.

Коротовскій окончательно вышелъ изъ себя.

— А, такъ ты, нахалъ, еще издѣваешься!... Хорошо!... Я бы охотно далъ тебѣ, ослу, двугривенный, если бы ты просто попросилъ у меня на чай, но такъ какъ ты самовольно устроилъ эту нелѣпую заставу даже для тѣхъ, кому нечѣмъ заплатить, то... Пшо-о-ллъ!

Тройка ринулась впередъ, застава треснула, инженеръ испуганно шарахнулся въ сторону отъ своего сооруженія и черезъ минуту мы уже свободно катили по луговой дорогѣ, закидываемые грязью.

— Вотъ онъ, святой-то мужичокъ! — сердито ворчалъ помѣщикъ, щурясь и глубже закутываясь въ пледъ.—Вѣдь, мы, *господа,* ему попались случайно; вѣдь, эту свою паутину онъ раскинулъ для своего же брата. Съ насъ есть что взять, а каково оплачивать эту quasi-заставу бѣдняку? Представьте, что онъ деретъ съ мужика по пятаку за каждый проѣздъ,— вѣдь, это ужасъ! Привести бы вотъ сюда Златовратскаго или *того, кто* призываетъ насъ учиться у мужика,— пусть бы полюбовались. «Золотыя сердца»! Чортъ бы ихъ дралъ, эти золотыя сердца! Знаемъ мы ихъ!... Нѣтъ, господа, я вамъ давно доказывалъ святую истину. Видите, мои слова во-очію оправдываются.

Вскорѣ мы встрѣтили цѣлую вереницу телѣгъ; на каждой телѣгѣ безобразно громоздилась соха.

— Вотъ я сейчасъ провѣрю,— продолжалъ Коротовскій и приказалъ сдержать тройку.

Передній встрѣчный мужикъ, одною рукой усиленно дергая за возжу, а другою снимая шапку, свернулъ съ дороги, чтобы разминоваться съ нами.

— Эй, постой-ка, братъ, ты куда ѣдешь?—окликнулъ его Коротовскій голосомъ, въ которомъ все еще звучали досада и раздраженіе.

— Намъ, ваше благородіе, иначе нельзя. Такое время теперь,— всякій часъ дорогъ,—забормоталъ мужикъ, искоса гляда на *господъ*.

— Что ты городишь?

— Истинная правда... А описывать у насъ нечего: мы всѣ тутъ...

— Фу, какой безтолковый! Я тебя спрашиваю...

— Нечего тутъ спрашивать, — перебилъ мужикъ и погналъ лошадь.

Второй и третій мужики, энергично нахлестывая своихъ клячъ, промелькнули мимо *баръ* молча, несмотря на то, что и къ нимъ Коротовскій обращался съ тѣмъ же вопросомъ.

Я и статистикъ невольно разсмѣялись. Это еще болѣе разожгло раздраженнаго помѣщика.

— Стойте, чортъ васъ возьми! — азартно закричалъ онъ слѣдующему мужику, который тоже обнаруживалъ желаніе прошмыгнуть мимо насъ какъ можно поскорѣе. — Ай вы ошалѣли?

— Ошалѣешь,— отозвался мужикъ, придержавъ лошадь, и затараторилъ:—Ежелибъ у насъ земля-то была возлѣ, мы бы,—такъ и быть,—остались, а то она вонъ гдѣ, земля-то! Когда-то доѣдешь, когда-то что!... А завтра, чуть свѣтъ, нужно быть при дѣлѣ. Ослобоните, ради Христа! Время такое тяжкое, что изъ-за него готовъ всякое наказаніе принять. Ей-Богу! Тамъ, въ случаѣ чего, старуха покажетъ, что слѣдуетъ... да и показывать-то у насъ нечего... Ей-Богу!

Мужикъ проговорилъ все это залпомъ и поспѣшилъ въ догонку за своими передними товарищами, не дождавшись выясненія того, что̀ нужно обратившемуся къ нему барину.

Путное объясненіе состоялось почти уже съ послѣднимъ изъ нѣсколькихъ десятковъ встрѣчныхъ мужиковъ.

— Куда ѣдешь?

— Пахать. Простите, потому...

— Черезъ эту деревню будешь проѣзжать?

— Буду.

— Знаешь, что тамъ мужикъ заставу устроилъ?

— Знаю.

— Почемъ онъ съ васъ беретъ?

— Съ насъ, которые одной съ нимъ волости, ничего не беретъ, а съ которыхъ дальнихъ, чужихъ, взымаетъ... по семишнику.

Коротовскій махнулъ собесѣднику рукой. Тотъ двинулся впередъ, но нѣсколько разъ недовѣрчиво оглянулся.

— Новыя данныя въ пользу Златовратскаго,— смѣясь, проговорилъ Даровскій.

Коротовскій не возражалъ.

Вотъ и Торное, огромное село, съ широчайшею главною улицей и съ нѣсколькими переулками, кривыми и тѣсными. Мы разыскали домъ сельскаго старосты. На крыльцѣ насъ съ поклонами встрѣтили два мужика, одинъ высокій, другой приземистый, оба въ суконныхъ поддевкахъ, примасленные и причесанные. Высокій оказался старостой, а приземистый — старшиной.

— Ты зачѣмъ сюда? — спросилъ старшину «завѣдующій», лишь только тотъ успѣлъ ему представиться.

— По должности и обвязанности... Не будетъ ли какихъ приказаньевъ и распоряженьевъ,—отозвался старшина, стараясь придать мягкость и гибкость своему непокорно-грубому голосу.

— Нѣтъ, ты намъ вовсе не нуженъ,—объявилъ Даровскій.— Напрасно безпокоился. Можешь удаляться, а то, пожалуй, еще помѣшаешь намъ въ чемъ-нибудь.

Старшина пожалъ плечами и обидчиво нахмурился, а староста робко и смущенно проговорилъ:

— Простите, ради Бога, это я его оповѣстилъ. Думаю, дѣло новое, небывалое, какъ тутъ безъ старшины? Думаю, наѣдутъ, потребуютъ, гони тогда за нимъ за пять верстъ. А выходитъ вотъ... Милости просимъ въ избу, честные господа. Тамъ у меня самоварчикъ въ готовности.

Отъ самоварчика мы не отказались, такъ какъ порядочно прозябли.

— Ну, что, какъ тутъ дѣла? Все подготовлено?—спросилъ завѣдующій, принимаясь хозяйничать у самовара.

— Слава Богу, уладили помаленьку,—отвѣтилъ староста, стоя по конецъ стола въ почтительной позѣ.—Только простите за слово, народъ нашъ истинно окаянный. Сколько вчера да нынче грѣха нажилъ съ нимъ—въ цѣлый постъ не раскаишься! Ты ему свое, а онъ свое. Начальство, молъ, изъ губерніи ѣдетъ, каждый дворъ описывать будетъ; всѣмъ нужно быть дома и въ самой актуальной наличности. А многіе и слушать не хотятъ: наладили со-

хи и телѣги, да и маршъ изъ деревни,—намъ де не до того: пашня уйдетъ. Я было строгость принялъ: кого этакъ попхнулъ, кого за шиворотъ потрясъ. Что-жь вы думаете? И этимъ рѣдкіе усовѣстились. А одинъ такъ на меня же еще замахнулся. Вѣдь, ужь сколько ихъ уѣхало! Чисто съ ума посошли! О, анаѳемскій народъ! Самъ начальствуешь надъ нимъ, а самъ трясешься. Хоть бы вы ихъ тутъ кстати припугнули: у васъ власть великая, настоящая. А то съ ними—чистое соболѣзнованье!

Даровскій въ короткихъ словахъ разъяснилъ старостѣ истинный смыслъ земской статистики и роль статистиковъ. Староста выслушалъ это разъясненіе съ напряженнымъ вниманіемъ, но, все-таки, не понялъ сути дѣла, какъ оказалось изъ дальнѣйшей его бесѣды съ «честными господами». За то, благодаря его тирадѣ, многое поняли *мы*,—поняли, между прочимъ, и поведеніе мужиковъ, встрѣчавшихся намъ на дорогѣ.

— Гдѣ же ты назначилъ мѣсто для сбора?—спросилъ старосту статистикъ, окончивъ непродолжительное чаепитіе.

— А у Полѣнникова. Онъ у насъ самый богатый мужикъ, и домъ у него самый просторный: направо и налѣво по большой избѣ.

— Какъ же они соберутся? По сотнямъ?

— Да, по сотнямъ, какъ было приказано. Да ужь они теперь собрались, ждутъ. Тамъ и этотъ... вашъ... подручный, что-ль...

— Какъ *этотъ*? Ихъ должно быть двое. Я назначилъ двоихъ.

— Не знаю, не могу знать, только въ видимости одинъ, какъ вчера, такъ и нынче: этакой черненькій, востроносенькій. Можетъ, другой гдѣ дорогой ошибся, это дѣло не наше и намъ невѣдомо.

— Именно «ошибся»,—съ гримасой повторилъ Даровскій и, обратившись къ намъ, продолжалъ:— Вотъ что значитъ работникъ не по моему выбору, а по *мѣстному* назначенію!... Ну, однако, пора. Пожалуйте на зрѣлище.

Домъ Полѣнникова рѣзко выдѣлялся изъ ряда другихъ своею величиной и тѣмъ, что покрытъ желѣзомъ. Вокругъ дома, на крыльцѣ и въ огромныхъ сѣняхъ, раздѣляющихъ домъ на двѣ половины, тѣснился народъ,—мужики и бабы. Хозяинъ, ожирѣвшій, тупоносый, съ крошечными глазками мужикъ, въ поддевкѣ на-распашку, пискливымъ голосомъ пригласилъ насъ «пожаловать въ бѣлую половину». Входимъ въ обширную комнату, раздѣленную переборкою на двѣ, почти равныхъ, части. Потолки высокіе; свѣжія бревенчатыя стѣны аккуратно проконопачены; но окна маленькія, грязныя, съ тусклыми, по мѣстамъ заплатанными стеклами. Въ святомъ углу большой сосновый столъ; по стѣнамъ узкія лавки.

Повидавшись съ своимъ подручнымъ, Даровскій что-то сказалъ ему и усѣлся за столъ. Мы съ Коротовскимъ помѣстились поодаль, на лавкѣ, чтобы народъ не «обобщилъ» насъ съ статистиками.

— Можно впущать?—спросилъ хозяинъ завѣдующаго, уже разостлавшаго по столу огромный листъ съ графами и рубриками.

— Я уже распорядился, не безпокойся,—сказалъ Даровскій.

— Такъ-съ. А осмѣлюсь ли я васъ попросить?

— О чемъ?

— Прикажите мнѣ присѣсть возлѣ васъ.

— Садись.

— Покорнѣйше благодаримъ.

Полѣнниковъ осторожно присѣлъ по конецъ стола, съ противуположной отъ насъ стороны, и счелъ нужнымъ изложить мотивъ своей просьбы:

— Знаете, какъ хозяинъ, должонъ въ собственномъ домѣ назирать при важныхъ посѣтителяхъ всякій порядокъ. Народъ, знаете, всякій бываетъ, особливо въ праздничное время, а потому...

Не успѣлъ хозяинъ докончить своей рѣчи, какъ въ нашу половину комнаты вдвинулась толпа мѣстныхъ обывателей, человѣкъ въ тридцать. Всѣ вошедшіе дружно поклонились въ сторону главнаго статистика, потомъ въ нашу, и стали какъ вкопанные. «Завѣдующій» не счелъ нужнымъ, хоть въ общихъ чертахъ, предварительно объяснить предстоящимъ, зачѣмъ ихъ созвали и что отъ нихъ требуется, ошибочно предполагая, что это успѣлъ уже сдѣлать посланный наканунѣ «подручный». Пока онъ молча отвинчивалъ крышечку у мѣдной дорожной чернильницы и готовилъ свѣжее перо, я вскользь осмотрѣлъ физіономіи «православныхъ», подлежащихъ опросу: однѣ изъ нихъ выражали угрюмое недоумѣніе; другія—живѣйшее любопытство, безъ всякихъ признаковъ осложненія какими-либо другими чувствами; иныя—тупое равнодушіе; иныя—смутную надежду; иныя—беззавѣтную покорность и вмѣстѣ какое-то умиленіе; иныя—мольбу о пощадѣ, а нѣкоторыя—напускное ухарство. Такой характеръ выраженія крестьянскихъ физіономій мнѣ приходилось наблюдать, между прочимъ, въ окружномъ судѣ.

— Ну, подходите ко мнѣ по одному, по порядку домовъ,—прикрикнулъ, наконецъ, «завѣдующій».

И началась давно ожидаемая мною подворная опись.

II.

Изъ толпы несмѣло выдвигается высокая, здоровая баба лѣтъ тридцати. Отвѣсивъ статистику низкій поклонъ, она сложила руки

на животъ и потупила глаза, слевно передъ духовникомъ на исповѣди.

— Ну, тетушка, скажи, сколько у тебя въ семьѣ народу?

— Порядочно, родимый; не у всякаго столько бываетъ.

— Сколько именно? Счетомъ сколько?

Баба приложила палецъ ко рту и, немного подумавши, отозвалась:

— Да вотъ видишь: перво-наперво *самъ*, потомъ, выходитъ, я, потомъ, значитъ, ребятъ... пятеро.

— Дѣтей твоихъ?

— Ну, да, ребятъ... Нашихъ собственныхъ.

Изъ толпы кто-то возражаетъ:

— Чего врешь-то? У тебя шестеро, а не пятеро.

— Ну, гдѣ же? Аль ужь я не знаю?—защищается вопрошаемая, оглядываясь назадъ.

— Поскорѣй, поскорѣй, тетка, лишняго не говори,—торопитъ статистикъ.

— Да чего они понапрасну?

— Ей-Богу, у ней шестеро!—увѣряютъ изъ толпы.

— Ну, постой, милый, я тебѣ сейчасъ,—и баба начинаетъ считать по пальцамъ.—Савоська—разъ, Митька—два, Аринка—три, Гараська—четыре и Акулька—пять. Ну?

— А Селиверстка-то?—слышится изъ толпы.

— Тьфу ты! Вотъ, вѣдь... Не взыщи, родной, смѣшалась, по робости; непривычно намъ передъ начальствомъ... Это дѣло мужицкое, а мужъ-то вотъ уѣхалъ.

— Ничего, ничего. И только? Больше никого въ семьѣ нѣтъ?

— И-и, Богъ съ ними, на кой ихъ больше-то?—съ нѣкоторымъ безпокойствомъ проговорила баба.—И отъ этихъ голова кругомъ идетъ, поневолѣ счетъ потеряешь.

— Рабочихъ рукъ сколько у васъ?

— Сколько, самъ видишь. Отдуваешься вдвоемъ. Развѣ мелкота-то скоро подростетъ?

— Работника не нанимаете?

— И-и, гдѣ намъ! Далъ бы Богъ хоть самимъ-то по людямъ не ходить.

— Надѣлъ сами обрабатываете?

— А то какъ же?

— Сколько у васъ лошадей, коровъ, овецъ, свиней и прочаго? Разсказывай подробно, да поскорѣй, пожалуйста.

— Лошадей у насъ нѣту, а лошаденка одна-единая держится

пока. Коровъ, тоже самое, никогда, кромѣ одной, не бывало, а теперь и вовсе безъ коровы сидимъ. Все молю Бога, чтобы хоть къ осени... Ну, а овечекъ точно... слава Богу, три, и каждая саматретья. Свиньи двѣ. Да что наши свиньи-то? Одна только слава, что свиньи. Прожорливы—страсть, а бока доской и приплодъ ледащій. Вотъ ежели бы тупорылыхъ завесть, какъ у управляющаго! Благородное племя: недѣльный поросеночекъ цѣлковыхъ пять стоитъ!

— Жеребятки есть?

— Это хорошо бы, да какъ имъ быть-то? Вѣдь, у насъ, родимый, мерино-окъ!— печально протянула баба.

Изслѣдователь и наблюдатели съ улыбкой переглянулись.

— Сколько у васъ телѣгъ?

— Одна.

— Саней?

— Одни.

— Сохъ?

— Да все одна же; сколько-жь еще при одной лошади-то?

— Борона тоже одна?

— Самъ знаешь, чего-жь тутъ?

— Земли у кого-нибудь не принанимаете?

— На это, милый, вѣдь, деньги нужны, за чтобъ было кому обрабатывать ее, а гдѣ же намъ?

— Деньжонокъ не занимаете?

— А кто намъ дастъ? Иной разъ по зарѣзъ нужно, а ничего не подѣлаешь.

— Сторонними промыслами какими не занимаетесь ли?

— Кое-кто занимается по деревнѣ.

— Нѣтъ, вы-то, вы-то съ мужемъ занимаетесь?

— Мы-то нѣтъ. *Мой* какъ-то не охочъ, да и...

— Что?

— Иной разъ бываетъ.

— Что?

— Ну, да мало ли что... не онъ первый, не онъ послѣдній. Что дѣлать-то?.. Все-таки, онъ мнѣ мужъ, и я должна его по закони...

— Зашибается,— важно проговорилъ хозяинъ, оборотясь къ статистику.

— Это дѣло не мое,— сказалъ статистикъ.—Каждый изъ васъ долженъ отвѣчать мнѣ прямо на вопросъ и *только* о томъ, о чемъ я спрашиваю. Ни о чемъ постороннемъ не говорить. Въ чужую

рѣчь никому не вмѣшиваться. Васъ много, — развѣ скоро васъ всѣхъ переспросить? Не тратьте времени даромъ. Слышите?

— Слышимъ,—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Ну, тетка, теперь можешь идти домой.

— А что съ нами по этой описи сдѣлаютъ?

— Ничего не сдѣлаютъ.

— За нами недоимокъ, милый, нѣтъ.

— Ладно, ступай.

Баба нерѣшительно сдѣлала полуоборотъ, но сейчасъ же снова оборотилась къ статистику:

— А осматривать у насъ будутъ... на дворѣ?

— Нѣтъ, иди себѣ.

— Можетъ, велятъ вывесть куда-нибудь лошадь на показъ?

— Да нѣтъ же, нѣтъ, ступай, тебѣ говорятъ!... Кто изъ слѣдующаго дома? Подходи сюда.

Выступаетъ, въ полушубкѣ на-распашку, худощавый старикъ, съ вытянутою физіономіей, тонкимъ носомъ и маленькими впалыми глазами.

— Фамилія твоя?

— Жилинъ.

— Кто въ семьѣ, кромѣ тебя?

— Старуха, три сына, при нихъ три снохи. У старшóго и меньшóго сына по одному мальчику,—прочіе умерли,—а среднему Богъ вовсе не даетъ дѣтокъ. Вотъ мы и всѣ тутъ.

— Землю не сдаешь?

— Какъ можно! Ни Боже мой!

— Сами управляетесь или работника принанимаете?

— Принанимаемъ, иной разъ даже двухъ держимъ.

— Сколько лошадей?

— Не равно... Да какія у насъ лошади? Одно званіе!

— Все-таки, сколько ихъ?

— Да такъ... двѣ, три... и всѣ одной настоящей не стóятъ.

Изъ толпы послышалось возраженіе:

— Чего ты *представляешься-то?* Вѣдь, меньше пяти никогда не держишь, и всѣ одна къ одной!

— Молчите, не мѣшайте!—ограничиваетъ статистикъ.

— *Мы* не мѣшаемъ,—отозвался тотъ же голосъ,—только зачѣмъ же онъ эдакъ сиротствуетъ передъ вашимъ благородіемъ? Ежели *онъ* этакъ себя умаляетъ, такъ у *насъ*, стало быть, и вовсе ничего нѣтъ... одно пустое мѣсто?

— Молчи!... Ну, Жилинъ, а жеребятки есть у тебя?

— Бываютъ изрѣдка.

— А вотъ теперь есть?

— Есть, да такъ... Не стóитъ о нихъ толковать.

— А прошлую весну *сосунка* за четвертную продалъ!

— Любишь считать чужое-то! — огрызается Жилинъ, дѣлая полуоборотъ въ сторону противника.—Ну, два жеребенка! Ну, эко, вѣдь, богачество какое!

— Перестаньте!... А коровъ сколько?

— Всѣхъ-то ихъ, положимъ, три, а настоящая собственно одна. При томъ же одну изъ нихъ я скоро, пожалуй, отдамъ замужней дочери: у ней, бѣдной, въ прошломъ году корова-то издохла, а дѣти малыя, молочка просятъ.

— Еще какія у тебя домашнія животныя?

— Есть и еще, слава Богу. Нельзя безъ хозяйства. Но не такъ, чтобъ ужь—цѣлыя стада. Дальше ужь пойдетъ мелкая живность, чего ее описывать?

Изъ толпы:

— «Мелкая», а базаръ-то совсѣмъ ею заполонилъ. Иной и за крупную скотину столько денегъ не получитъ.

Статистикъ добился отъ Жилина точныхъ показаній и насчетъ «мелкой живности».

— Не арендуешь ли земли?

— Пробуемъ съ горемъ пополамъ.

— У кого?

— У барина Щепетильина.

— Сколько десятинъ?

— Три.

— Почемъ?

— Ажь по шестнадцати рублей. Подика, отработай ее! Немного подживешься.

— Кредитуешься у кого-нибудь?

— А?

— Деньги занимаешь у кого-нибудь?

— Нужда заставляетъ.

— Много приходится занимать въ годъ?

— Да не мало.

— А именно?

— Полсотни, а иной разъ и болѣ.

— Съ процентами?

— Да не безъ того.

— У кого-жь ты занимаешь?

Жилинъ взглянулъ на хозяина. Тотъ сдвинулъ брови, вонзился въ него прищуренными строгими глазами и слегка потрясъ головой; затѣмъ, быстро придавъ своей физіономіи спокойное выраженіе, вытянулъ изъ-подъ лавки ноги и принялся разсматривать на нихъ новые сапоги.

— Такъ у кого-жь, говорю, занимаешь? — повторилъ статистикъ.

— У кого подойдетъ... по обàполу,—отвѣтилъ Жилинъ.—Иной разъ въ городѣ у знакомыхъ.

Онъ кашлянулъ въ кулакъ и еще разъ взглянулъ на хозяина, который съ возростающимъ вниманіемъ продолжалъ разсматривать сапоги, то такъ, то сякъ повертывая ноги и склоняя голову то направо, то налѣво.

Удовольствовавшись приблизительною точностью неискреннихъ показаній на счетъ обстоятельствъ и условій займа, статистикъ продолжаетъ:

— Не занимаешься ли какими-нибудь промыслами?

— Да какими-жь промыслами? Какъ будто нѣтъ... Только вотъ капустки малость присаживаю.

— А, это, вѣдь, хорошая, доходная статья!

— Гдѣ же она тамъ хорошая? Земля-то опять-таки наемная. Если ужь подъ хлѣбъ не дешево берутъ, то за съемъ подъ огороды, подъ капусту, прямо, можно сказать, дерутъ. Хоть вѣрьте, хоть нѣтъ, до сорока рублей десятина доходитъ. Къ тому же, капуста у насъ рождается не истовая. Прежде на этомъ мѣстѣ табакъ сѣяли, такъ она и отдаетъ жилкой. Вывезешь на базаръ,— опытный покупатель сейчасъ учуетъ, что тутъ табачный грѣшокъ есть. Нынче какая-нибудь барыня, и та ужь толкъ стала знать. Не взирая ни на какое благородство, оторветъ отъ качана шмотокъ и ну жевать всенародно. «Э, говоритъ, это мерзость табачная!»—и сейчасъ—верть отъ воза. Иной разъ стоишь, стоишь, всю душу пробожишь, увѣряючи... И грѣхъ, и убытокъ.

— Ну-у, если бы ты терпѣлъ тутъ убытокъ, такъ не занимался бы этимъ дѣломъ. Должно быть, что-нибудь остается за труды.

— Едва-едва. По милости Божіей, не всякій подходитъ *жевать*.

Статистикъ улыбнулся. Старикъ вдругъ просіялъ и, тряхнувъ головой, вкрадчиво заговорилъ:

— Ваше благородіе, будьте милостивы, примите слово не во гнѣвъ.

— Что такое?

— Вотъ вы все у насъ выпытываете, да записываете, а насчетъ самаго-то главнаго ничего не судите. Дюже стѣснены мы насчетъ матушки-землицы. Отъ этого всѣ горя наши: и скота мало, и насчетъ другого прочаго скудно. А будь у насъ побольше земли, никакихъ бы нуждъ, никакихъ недоимокъ, никакихъ арендательствъ, ни займовъ съ тяжкими процентами. Передъ истиннымъ Богомъ! Вникните въ эту нашу статью, и когда будете отдавать начальству нашу опись, доведите ему и объ этомъ, хоть на словахъ,—сдѣлайте такую милость! Хор-рошее вамъ дано свыше порученіе; доводите ужь обо всемъ... до конца; пусть высокое начальство знаетъ самую истинную правду про наше житье-бытье.

— Ты, братъ, не совсѣмъ понимаешь, что говоришь,—замѣтилъ статистикъ, не безъ интереса прослушавшій длинную тираду допрашиваемаго домовладѣльца.—Ступай пока домой, а часа черезъ три приходи сюда опять: ты мнѣ будешь нуженъ; тогда еще потолкуемъ.

— А какъ же ежели...

— Ничего больше! Съ Богомъ!

Жилинъ отвѣсилъ низкій поклонъ и удалился сіяющій и улыбающійся.

Статистикъ наклонился въ нашу сторону и тихо проговорилъ:

— Мужикъ, повидимому, толковый. Я имѣю обыкновеніе отмѣчать такихъ человѣкъ семь-восемь, чтобы потомъ легче было собрать черезъ нихъ свѣдѣнія по болѣе сложнымъ общественнымъ вопросамъ. На этотъ счетъ существуютъ особыя рубрики и будутъ сдѣланы особые опросы.

— Гм... гм...—отозвался Коротовскій.

— Меньше толкотни, гвалту и скорѣе и разумнѣе выясняется дѣло.

— Конечно... Это хорошо,—громко одобрилъ помѣщикъ.

Настроеніе толпы въ теченіе какихъ-нибудь пяти послѣднихъ минутъ существенно измѣнилось. Оригинальная просьба Жилина о землѣ, обѣщаніе статистика еще поговорить съ нимъ послѣ, и ѣдъ затѣмъ какой-то таинственный переговоръ статистика съ «сподами», закончившійся одобрительнымъ восклицаніемъ одного и ь послѣднихъ,—все это было понято предстоящими, какъ нѣкое «наменіе на добро», оживило и усилило какія-то чаянія, возбудило и только довѣріе къ допрашивающему, но и надежду на него и к ое-то благоговѣніе къ его авторитету. Такая перемѣна въ на-

строеніи толпы весьма замѣтно отражалась на физіономіяхъ ея членовъ. Вмѣсто прежней угнетенности, прежняго недоумѣнія, страха и т. п., на лицахъ у всѣхъ выразилась возбужденность праздничной радости. Нѣкоторые, чутко настороживъ уши, устремили сіяющіе, сосредоточенные взоры въ *статистическій уголъ*, подобно театральнымъ зрителямъ, увлеченнымъ захватывающею духъ сценой; другіе, несомнѣнно нетерпѣливые сангвиники, начали оживленно изъясняться съ своими сосѣдями. Поднялся легкій шумъ.

— Тш... Къ дѣлу!—произноситъ статистикъ.—Кто слѣдуетъ послѣ Жилина? Подходи.

Выдвинулся мужикъ лѣтъ тридцати, курносый, бѣлоглазый, со всклокоченными, желтовато-сѣрыми, словно пеньковыми, волосами, въ порыжѣломъ, худомъ зипунѣ и въ лаптяхъ.

— Фамилія твоя?

— Кормлёный,—едва выговорилъ мужикъ въ носъ, замкнутый страшнымъ насморкомъ.

— Чѣмъ занимаешься?

— Съ стукушкой хожу.

— Какъ? Съ *кукушкой* ходишь?

Въ толпѣ дружный, веселый смѣхъ, затѣмъ чье-то весьма развязное возраженіе:

— Чтобы съ кукушкой-то ходить, ее сперва надо пымать, а нешто ее пымаешь, каторжную?

— Тш... — произноситъ статистикъ, но это дисциплинарное междометіе не водворяетъ тишины, и вслѣдъ за нимъ быстро высыпались еще два замѣчанія:

— «Съ кукушкой»... Ну, что за баринъ! Вѣдь, выдумаетъ, ей-Богу!

— А ты думаешь, онъ и вправду? Это онъ только Кормлёнаго подвеселяетъ.

— Тш...—повторилъ статистикъ и на этотъ разъ съ успѣхомъ.—Земля есть?

— Есть.

— Самъ обрабатываешь?

— Отдалъ.

— За сколько?

— За девять цѣлковыхъ и чтобы за меня всѣ подати платилъ.

— Съ стукушкой-то ты гдѣ ходишь? Въ своемъ же селѣ?

— Извѣстно, въ своемъ... своихъ же караулю.

— Что-жь ты землей не занимаешься?

— Да, вѣдь, я одинъ-одинёшенекъ. Чего я буду надъ ней над-

рываться? Она либо родитъ, либо нѣтъ, а ты страдай. А теперь я сытъ и не въ отвѣтѣ.

— Сколько ты получаешь за караулъ села?

Кормлёный молчитъ.

— Что же ты? Говори: за сколько тебя нанимаютъ?

— Да, вѣдь... какъ тутъ? То *нанимаютъ*, а то *получаю*... Это, вѣдь.

— Чего ты путаешь? Отвѣчай коротко и прямо: сколько тебѣ платятъ за твою стукушку?

— По настоящему-то они должны платить пятьдесятъ въ годъ, по четвертному въ два раза. Ну, а выходитъ дѣло... Развѣ *ихъ* осилишь?

— Что же, неисправно платятъ, въ долгу остаются?

— Нѣтъ, долговъ не бываетъ, надо правду говорить, а не по силамъ заставляютъ проздравлять.

— Какъ это?

— А вотъ: начинается новый годъ; положатъ сходомъ оставить меня еще на годъ. Ну, сейчасъ за полгода впередъ надо мнѣ, по уговору, четвертной. Ну, а они сейчасъ же оставляютъ міру *на вспрыски* цѣлковыхъ восемь, значитъ, проздравить меня съ выборами, что я опять стучать буду. Ну, и выходитъ, что мнѣ очистится только семнадцать. Положимъ, и мнѣ тутъ же поднесутъ, но ты учти, какая махина отъ меня отходитъ на благодарность міру: чуть не красненькая,—вѣдь, это страсть! Нельзя ли, ваше благородіе, чтобъ они впередъ съ меня поменьше?...

Очередь дошла до Θеклы Крапивиной.

— *Ты* хозяйствуешь въ домѣ?

— Нѣтъ.

— Мужъ пахать, что-ль, уѣхалъ?

— Не пахать, а умеръ онъ у меня давно.

— Кто-жь хозяйствуетъ?

— Сынъ.

— Онъ въ отлучкѣ?

— Да, въ отлучкѣ: въ дальнемъ углу на печи... ха-ха! Я и да, что онъ не пошелъ сюда. Кстати, вотъ прошу вашу милость... васъ, господа честные... какъ бы это *его* обуздать и образумить? жикъ называется, а работать не хочетъ. Станешь его по-божьу усовѣщевать, а онъ на тебя съ грубостями и непристойными ательствами.

— Ну, это не мое дѣло. Можешь жаловаться на него въ волостное правленіе. Ты вотъ отвѣчай мнѣ на вопросы, а то и такъ ужь...

— Да нѣтъ, постой, какъ же...

— Довольно! Отвѣчай: сколько у васъ...

— Сію минуту отвѣчу, ей-Богу, обо всемъ отвѣчу. Дай только единое словечко... Вотъ ты говоришь: «въ волостное»... Въ волостномъ-то его ужь не разъ за меня драли, но все ни къ чему. Придетъ домой и натворитъ еще хуже, чѣмъ до дранья. А отчего? Оттого, что жалуется мать, *баба*; это, дескать, не важная вина; и вотъ стегаютъ его только для прилику. Кабы отецъ покойникъ жаловался на него, такъ небось бы... Ты вотъ заѣхалъ бы въ волостное-то правленіе, да хоть немножко попугалъ бы его за этакую послабу и попущеніе... Ну, такъ чего тебѣ отвѣчать-то?

Потянулись обычные вопросы, на которые Ѳекла отвѣчала бойко и отчетливо.

— Не занимаешься ли какимъ-либо промысломъ?—спрашиваетъ, между прочимъ, статистикъ.

— Да какіе-жь такіе промыслы у меня могутъ быть?

— Мало ли промысловъ? Напримѣръ... можетъ быть, ты ходишь по родильницамъ бабкой-повитухой?

— И ужь Богъ знаетъ что! Ха-ха!... Когда у меня *своя* невѣстка рожаетъ, я и то затыкаю себѣ уши, да вонъ изъ избы.

— Видать, что сердобольная свекровь,—острить кто-то изъ толпы.

Едва передвигая ноги, выступаетъ Борисъ Клёновъ, сгорбленный старичокъ лѣтъ восьмидесяти, съ выраженіемъ полнѣйшей покорности на красивомъ, добромъ лицѣ.

— Занимаешься хозяйствомъ?

— Какъ же, какъ же, родной, помогаю, не отстаю отъ молодого хозяина. Покуда на ногахъ, долгъ-обязанность наша...

— Тебѣ бы, дѣдушка, ужь и отдохнуть пора,—участливо говоритъ статистикъ, — или дать бы тебѣ работку полегче: напримѣръ, посадить бы тебя лѣтомъ въ шалашикъ караулить что-нибудь.

Дѣдушка мгновенно преобразился: глаза его быстро заморгали, на лицѣ засвѣтилась живая дѣтская радость, на губахъ заиграла сладкая улыбка; онъ нетерпѣливо засѣменилъ ногами, и даже сгорбленность его нѣсколько уменьшилась.

— Нѣтъ, кормилецъ мой, ежели ужь такая милость твоя ко мнѣ, то лучше пристрой меня куда-нибудь на пчельникъ. Больно-

то я люблю этихъ пчелокъ, и Господи, какъ люблю! Смотрѣлъ бы за ними, то-есть, вотъ какъ, бездыханно! О-о, пчелушки, мои матушки, касатки мои!—старикъ поднялъ руки и умиленно приложилъ ладонь къ ладони.

Статистикъ попытался было вывести его изъ состоянія недоразумѣнія, но воодушевившійся старикъ-ребенокъ не слушалъ его и, усиливая и возвышая голосъ, продолжалъ:

— Вѣдь, я и самъ давно думалъ объ облегченіи, но некому было пожалѣть меня. И вотъ, знать, самъ Господь тебя наслалъ на меня. Спасибо тебѣ и за шалашикъ, но, радость ты моя, утѣшь меня ужь какъ слѣдуетъ, присади къ милымъ пчелкамъ. Тебѣ, вѣдь, все едино. О-о, Господи-Творецъ милостивый! На старости лѣтъ этакое... А я тебѣ за это, благодѣтель Божій, вмѣсто...

Глаза Бориса Клёнова наполнились слезами, голосъ его дрогнулъ и оборвался, и старецъ повалился статистику въ ноги.

Прошло часа четыре отъ начала допросовъ. Дѣйствующія лица значительно поутомились. Однако, немногіе изъ опрошенныхъ уходили; остальные толпились тутъ же, съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдя за вопросами и отвѣтами, особенно же за тѣми словами статистика, которыя представляли хотя малѣйшее уклоненіе отъ формальныхъ рубрикъ. Въ избѣ образовалась тяжкая духота. Мы, безмолвные ассистенты статистика, почувствовали головную боль и осовѣлость.

— Можетъ быть, вы сдѣлали бы перерывъ? — спрашиваетъ статистика Коротовскій, обращая на него утомленный и просительный взоръ.

— Нѣтъ, ужь извините, пожалуйста, это у меня не въ обычаѣ,—отозвался Даровскій.—Коли я сѣлъ, такъ ужь не встану до тѣхъ поръ, пока все не кончу. Вамъ, я вижу, тяжело съ непривычки; такъ подите себѣ прогуляйтесь, освѣжитесь. Или же вотъ что: нате-ка вотъ вамъ бланкъ, продолжите хоть немножко мое дѣло, какъ разъ оживитесь; затрудненій тутъ, конечно, никакихъ; нутека! Потомъ вотъ *они* попробуютъ,—статистикъ кивнулъ на меня.— А мнѣ бы вотъ чего-нибудь попить,—добавилъ онъ, обращаясь къ хозяину.

Хозяинъ вскочилъ съ мѣста и льстиво заговорилъ:

— О, Господи, да что же вы раньше-то не сказали? А я сижу и все думаю: навѣрное, у ихъ благородія гортань пересохла, а предложить не осмѣлюсь: кто ее знаетъ?... Такъ я сейчасъ самоварчикъ...

— Хорошо бы, но мнѣ пока хоть воды.

— У насъ, вѣдь, теперь гуща, а не вода; нѣтъ, я лучше самоварчикъ... изо льду...

И хозяинъ торопливо вышелъ изъ избы.

Лишь только онъ удалился, какъ нѣсколько человѣкъ изъ толпы сразу загалдѣли:

— Это вотъ нашъ *самый*...

— Вотъ кто надъ нами, ваше благородіе!

— Отецъ родной, не пропусти его безъ вниманія!

— Дюжо тѣсно отъ него!

И т. п.

Статистикъ поспѣшилъ водворить тишину и предложилъ высказаться вкороткѣ лишь одному изъ протестантовъ, на котораго, для опредѣленности, даже указалъ пальцемъ.

— Видишь ли,—началъ протестантъ, озираясь,—вотъ тебѣ тутъ никто не сказалъ, у кого деньги занимаетъ, а занимаетъ обыкновенно у него. Пока онъ тутъ сидѣлъ, боялись о немъ сказать, а теперь вотъ... Такъ ты и знай: кромѣ него, ни у кого не занимаютъ. Извѣстно, ссудить деньжонками—дѣло хорошее, человѣческое; но какъ *онъ* это дѣлаетъ—не приведи Богъ! Чисто нехристь какой!

— Большіе проценты беретъ?

— Если бы только проценты! Къ этому мы привыкли! Вмѣсто десяти, получаешь восемь рублей—это ничего. Кромѣ того, еще работой обязываетъ. А попробуй-ка, просрочь ему... о-о, душу всю вымотаетъ! Отберетъ у тебя за безцѣнокъ все, что только ему любо, да еще грозитъ судомъ. А какъ тутъ не просрочишь, коли... Э-эхъ!...

— Какія же работы онъ возлагаетъ на своихъ должниковъ?

— Да всякія. Мало ли у него ихъ? Тутъ своего дѣла по горло, а попробуй-ка, откажись... Для него мы всѣ рабы, ровно бы крѣпостные. Сгонитъ мужиковъ, бабъ, дѣвокъ, ребятъ—всѣхъ. Кого—пахать, кого—косить, кого—сѣно сгребать, кого—арбузы скатывать, и все это задаромъ, за этотъ заёмъ проклятый!

— Арбузы скатывать, должно быть, пріятная работа,—шутя возразилъ статистикъ.—Вѣроятно, вамъ позволяютъ тутъ и себѣ припасти этого лакомства хоть немного.

— Какъ же, дожидайся! Правда, которые плохонькіе—велѣно ѣсть, но чтобъ безпремѣнно тамъ же, въ полѣ, а домой взять—Боже упаси! Прошлымъ лѣтомъ моя сосѣдка насмѣлилась было припрятать арбузишка для больного мальчонка своего,—и что только было! И платокъ-то съ ней сорвали, и арбузъ-то у ней вмѣ-

стѣ съ фартукомъ отняли, и по всему селу всяческими поносными словами позорили. Да! А и арбузишка-то былъ плевый, и взятъ не для воровства или прихоти, а для хвораго дѣтища. Вотъ онъ у насъ какое копье! Ты ужь больше не давай ему этакой воли. Сколько лѣтъ терпимъ! Мы на тебя, какъ на Бога... Приберн его, кровопійцу, къ рукамъ, успокой наше жалостное положеніе! Онъ...

Въ толпѣ вдругъ громко закашляли. Разскащикъ смолкъ, оглянулся и заслонилъ лицо ладонью.

Вернулся хозяинъ съ подносомъ, уставленнымъ чайною посудой.

— А у меня даже сельтерская водица была,—заговорилъ онъ, подходя къ столу,—но, вѣдь, этакое ваше несчастіе: позавчера заѣхалъ ко мнѣ господинъ становой, я возьми, да и угости его.

— Зачѣмъ вы все это тащите сюда?—сказалъ статистикъ.—Такъ неудобно, приготовьте чай въ другомъ мѣстѣ, а сюда подайте стаканы.

И, освѣжившись глотками чаю, онъ безпрерывно продолжалъ свои опросы, раздумавъ пользоваться услугами неопытныхъ и вялыхъ ассистентовъ.

— Чтобы васъ долго не задерживать и не утомлять, я сейчасъ прекращу *свои* подворные опросы и перейду къ вопросамъ, касающимся жизни общественной,— обратился статистикъ къ своимъ ассистентамъ уже часовъ въ пять вечера.—Дѣла въ этомъ селѣ много, но, вѣдь, одновременно со мной производитъ подворную опись мой помощникъ въ другой хатѣ. Я управился бы скорѣе, если бы дѣйствовалъ не въ вашемъ присутствіи. Я не безъ цѣли мало останавливалъ словоохотливыхъ *показателей* и не прерывалъ отвѣтовъ, часто не идущихъ къ моимъ вопросамъ. Мнѣ хотѣлось доставить вамъ возможность узнать нѣсколько подробностей изъ народной жизни при помощи этихъ эпизодическихъ, мимоходныхъ объясненій, вызываемыхъ ассоціаціями и даже недоразумѣніями. Я-то уже достаточно познакомился съ этою жизнью. Такъ вотъ я сейчасъ вызову только тѣхъ немногихъ, которые у меня отмѣчены на бланкѣ, какъ наиболѣе толковые, и начну добывать отъ нихъ свѣдѣнія уже по другимъ вопросамъ.

Онъ послалъ за этими немногими, а потому присутствующихъ попросилъ разойтись. Несмотря на то, что его просьба была подкрѣплена суровымъ приказаніемъ хозяина и даже старосты, толпа совершенно уже ненужныхъ людей уменьшилась лишь человѣкъ на десять.

Статистикъ дѣлаетъ перекличку вновь явившимся «толковымъ».

— Жилинъ!

— Ась?

— Дудинъ!

— Я!

— Подрѣзовъ!

— Вотъ онъ!

— Выколовъ!

— Нѣтути!—отчеканиваетъ Подрѣзовъ.—И не придетъ, потому не годенъ.

— Какъ не годенъ? Онъ очень толковый малый,—возражаетъ статистикъ.

— Вѣрно, но этотъ толковый-то иной разъ безтолковъ бываетъ, вотъ что!

— Попросту тебѣ сказать, малость выпилъ лишнее и спитъ,—пояснилъ Дудинъ.

— Дверцевъ!

— То же самое,—встрялъ Жилинъ.—Съ испугу-то давеча укрѣпился, а какъ отдѣлался отъ теба благополучно, сейчасъ же на радостяхъ и хватилъ, да еще съ надбавкомъ. Да нельзя ли безъ нихъ? Насъ, все-таки, тутъ порядочно. Вѣдь, мы отъ міра говорить будемъ, а послѣ и другимъ передадимъ, что нужно. Начинай-ка съ Богомъ.

— Ну, начнемъ,—рѣшилъ статистикъ.—Подойдите поближе.

«Толковые» отдѣлились отъ толпы и выстроились въ рядъ передъ самымъ столомъ. Наступила необычайная тишина. Нѣкоторые изъ «передовыхъ» возвели очи на иконы.

— Сколько у васъ на все общество земли?

Мужики вновь просіяли, но никто изъ нихъ ни слова не отвѣтилъ сразу. Только юркій, раскраснѣвшійся Подрѣзовъ, толкая сосѣда локтемъ, внятно прошепталъ:

— Подходитъ, подходитъ къ самому настоящему.

— Что-жь вы молчите? Я спрашиваю, сколько у васъ земли на все общество?

— Мало, родной,—я ужь говорилъ тебѣ давеча,—отозвался Жилинъ.

— Сколько именно? Мнѣ нужно знать это точно.

Поправляя другъ друга, «толковые» отвѣтили, сколько именно.

— Документъ на нее имѣется у васъ?

— Былъ, какже, былъ и документъ, и все, какъ слѣдуетъ.

— *Былъ*? А теперь развѣ нѣтъ?

— Давно ужь нѣтъ.

— Куда-жь онъ дѣвался?

— А Богъ его знаетъ. Правда ли, нѣтъ ли, старики сказываютъ, будто посредственникъ захитилъ. Вонъ еще когда это было-то!

— Сколько земли удобной и сколько неудобной?

— Да какое-жь тутъ удобство, коли ея не хватаетъ? У насъ рѣдкій хозяинъ обходится своимъ надѣломъ, а больше все приманимаютъ. А каково приманимать-то, ты давеча слышалъ.

Статистикъ повторяетъ свой вопросъ съ разъясненіемъ. Подрѣзовъ, не дослушавъ вопроса, возвышаетъ голосъ и съ большею силой напираетъ на то, что земли мало. Его начинаютъ поддерживать прочіе «толковые». Заинтересованность вопросомъ о землѣ быстро охватываетъ публику, и тихій дѣловой діалогъ, систематично направляемый вначалѣ, переходитъ въ массовый гвалтъ. Можно было улавливать лишь фразы, да и то только тѣ, которыя произносились съ выкрикомъ и какимъ-то надсадомъ. Между прочимъ, слышалось:

— Чистая бѣда!

— Никакъ невозможно!

— Сперва идетъ *наша*, за ней *барская*, а тамъ опять *наша!*

— Выгнать некуда!

— Три цѣлковыхъ съ головы!

— Либо отрабатывай не во-время и въ ущербъ себѣ!

— Познать, куда поѣхали, а отчего?...

— Набавить!...

— Округлить чтобы!

— Безпремѣнно подвинуть!

— Отъ липокъ къ оврагу,—*ему* все равно безъ надобности!

— А намъ бы какъ разъ!

— Такъ и пиши!

Сангвиникъ Подрѣзовъ, обратившись къ столу уже спиной и размахивая руками, вообразилъ себя помощникомъ статистика въ прекращеніи шума.

— Чего вы, въ самомъ дѣлѣ? Будетъ! Вѣдь, къ этому-то и ведетъ его благородіе, а то къ чему же? Неразумные! Ему указывать нечего, онъ болѣ насъ видитъ! Перестаньте! Ваше дѣло слушать, ли остались тутъ!

Когда публика, наконецъ, была успокоена, Подрѣзовъ съ улыбкой смотрѣлъ въ очи статистику, ожидая себѣ отъ него благодарности за «содѣйствіе», но, не дождавшись ея, гордо проговорилъ:

— Вотъ этакъ-то: пусти ихняго брата, а они и того... потому ъ понятія.

Прежде чѣмъ продолжать опросы, статистикъ вынужденъ былъ въ немногихъ словахъ разъяснить «толковымъ» и безтолковымъ недоразумѣніе по вопросу о землѣ. Но ни изъ чего не было замѣтно, чтобъ этому разъясненію повѣрили.

Изъ предметовъ, на которые потомъ постепенно переносилъ статистикъ вниманіе опрашиваемыхъ, ни одинъ уже такъ не захватывалъ за живое, какъ *земля*, и потому не возбуждалъ осложненныхъ толковъ и не поднималъ большого шума въ толпѣ. Сравнительно горячо былъ принятъ вопросъ о лѣсѣ, причемъ кто-то энергично выкрикнулъ: «Кнутовища негдѣ вырубить!»

Дошла очередь до вопроса объ общихъ расходахъ.

— Ну, на поповъ, на школу, на пастуха, а еще нѣтъ ли у васъ какихъ общественныхъ расходовъ? — слышится нѣсколько осипшій голосъ статистика.

— Кажись, нѣтъ,—отвѣчаетъ Подрѣзовъ.—Вѣдь, нѣтъ?—спрашиваетъ онъ, въ свою очередь, сосѣда.

— А на некрутовъ-то!—подсказываетъ сосѣдъ.

— Да-да-да, еще на некрутовъ,—повторяетъ сангвиникъ.

— Сколько же вы на это расходуете и какъ это у васъ дѣлается?—допытывается статистикъ.

— Смотря, сколько *ребятъ*... раскладываютъ по душамъ,—разъясняетъ Жилинъ.—Примѣрно, чтобы на каждаго некрута приходилось по пяти рублей.

Когда статистикъ добился болѣе точныхъ данныхъ по этому вопросу, изъ публики послышался женскій голосъ:

— Собирать-то собираютъ, а много-ль имъ, бѣдненькимъ, достается? Къ обчеству же опять все и возвращается.

— Какъ же это такъ?—не утерпѣлъ статистикъ.

— А вотъ я тебѣ сейчасъ истинную правду...— подхватилъ Подрѣзовъ.—Сами знаете, дѣло это великое и печальное. Возьмутъ въ страженіе, либо будетъ живъ, либо нѣтъ. Не токма что родителямъ, а всему селу жалко. Вотъ, на разставаніи, чтобы не дюже забирала всѣхъ грусть-тоска, у насъ и полагается изстари угощеніе. Изъ собранныхъ денегъ берется часть и покупается ведеръ... сколько тамъ понадобится. Начинаютъ *жеребьевые*, а тамъ ужь и всѣ прочіе приступаютъ. Пьешь не столько по охотѣ, сколько по обвязанности, словно покойника провожаешь. Да и не за некрутовъ однихъ пьешь, а тутъ же кстати и за вѣру-отечество. Нельзя, дѣло великое, не утерпишь. Бабы эти ревутъ, иной будто и мужикъ, а тоже со слезой совладѣть не можетъ.

— Но, вѣдь, вы, такимъ образомъ, обираете тѣхъ самыхъ ребятъ, которыхъ вамъ такъ жалко,—возразилъ статистикъ.

— Зачѣмъ обирать? Помилуй Богъ!—продолжалъ Подрѣзовъ.— Вѣдь, деньги-то *наши*, *наша* добрая воля была собрать ихъ. И пьемъ мы ради самихъ же некрутовъ и ихъ же угощаемъ. Да, все-таки, и деньгами имъ остается нѣсколько-нибудь. А, кромѣ того, они уже другъ отъ друга не мало поживаются.

— Это какъ?

— А такъ. Примѣрно, намѣчено съ одного села некрутовъ сорокъ человѣкъ. Вотъ они, передъ тѣмъ какъ идти *на свидѣтельство*, *подъ мѣрку*, дѣлаютъ между собой складчину, по рублю съ человѣка. Которыхъ забрѣютъ, тѣ послѣ и дѣлятъ между собой эти деньги поровну, а которые окажутся негодными, тѣ послѣ уже не вступаются въ свои рубли. Скажемъ: изъ сорока приняли только десятерыхъ, — вотъ этимъ десятерымъ-то и пожива. А то—«обирать»!... Кто же это сдѣлаетъ? И то сказать, не было бы грѣхомъ и ничего не давать: вѣдь, на полное царское содержаніе поступаютъ. Вонъ въ сосѣдней волости деньгами ни копѣечки не даютъ; на всѣ собранныя деньги въ волостной купятъ водки, угостятъ, и ступай съ Богомъ. У насъ, значитъ, еще милость!...

. . . . . .

— А доходы какіе-нибудь получаетъ ваше общество?

— Теперь нѣтъ, а прежде получало... съ площади, что возлѣ церкви, — изъяснилъ Жилинъ. — Подъ ярмарку сдавали каждый годъ за двѣсти, а то и за двѣсти нятьдесятъ.

— Почему-жь теперь не получаете?

— Сами отреклись... единодушно... по мірскому приговору. А вышло это такъ. Было у насъ,—въ добрый часъ будь помянуто,— Божье наказанье. Оторопѣли и уныли мы всѣ до конца и принялись молить Спаса Милостиваго: Царь небесный, не погуби! Отблагодаримъ изъ послѣдняго. И вотъ *оно*, — въ добрый часъ будь помянуто, — прошло милостиво для насъ грѣшныхъ: изъяло десятка два изъ всего села, тѣмъ дѣло и кончилось. А въ прочихъ сосѣднихъ селеніяхъ покосило несмѣтное число. Тогда у насъ и положили упразднить эту площадную корысть и перевести ее на Божій хр мъ на вѣки вѣчные. Оттого у насъ теперь вонъ какой батя-то ви итъ на колокольнѣ! На весь уѣздъ гудитъ; духъ радуется!...

. . . . . .

Опросы кончены. «Толковые» отпущены. Статистикъ молча приво итъ въ порядокъ свои бланки.

акуривъ папиросы, мы съ Коротовскимъ прохаживаемся по

освободившейся отъ публики избѣ. Вдругъ въ избу ввертывается рябой, угрюмый мужикъ. Онъ торопливо подходитъ къ статистику и таинственно сообщаетъ:

— Ваше благородіе, дюже старшина тѣснитъ, не велите ему...

— Это меня не касается, жалуйся другимъ, — говоритъ статистикъ.

— Что мнѣ другіе! Ближе тебя никто въ наши дѣла не входилъ. Больше мнѣ никого не нужно. Защити!

— По крайней мѣрѣ, выслушайте его, это любопытно,— сказалъ Коротовскій.

Статистикъ выразительно посмотрѣлъ на ходатая и укоризненно покачалъ головой. Мужикъ почему-то пріободрился и, не дожидаясь разрѣшенія, развязно заговорилъ:

— У насъ тутъ нѣкоторые переселились въ дальнія мѣста, а начальство, вишь, этого не желаетъ, и будто бы не велѣло больше переселяться, а старшина этимъ и пользуется, и совсѣмъ зря. Надумаетъ мужичокъ продать что-нибудь изъ хозяйства, по нуждѣ,—коровенку, лошаденку или другое что,—онъ сейчасъ: «А! ты переселяться хочешь? Не смѣй продавать, а то сейчасъ поведу по начальству, и тебѣ — штрафъ и жестокое наказаніе. А у тебя никакого переселенія и въ умѣ не было; продаешь потому, что ѣсть нечего. И дѣлаетъ это онъ для притѣсненія. Иной цѣлую хату продаетъ, онъ и то ничего, по-пріятельству, а къ другому изъ-за овцы придерется: «Нѣтъ тебѣ права на продажу!» Это ужь такъ и знай: или по злобѣ, или ради барышка. Дай малую толику, и выдетъ тебѣ разрѣшеніе. А коли ты ужь и такъ на волоскѣ висишь, такъ какія же ты взятки можешь давать? Я не о себѣ только говорю. Мало ли насъ такихъ? И всѣ отъ него терпятъ... изъ-за какого-то будто бы переселенія. Ради Бога, вступись... кстати! Онъ тебя, должно быть, страсть боится. Давеча какъ увидалъ тебя, такъ сейчасъ же и скрылся. Знать, почуялъ... А, вѣдь, за пять верстъ мчался. Такъ сдѣлай милость!...

Помѣщикъ поблагодарилъ статистика «за доставленное удовольствіе» и началъ прощаться.

— Отсюда вы уже переправитесь «земскими способами», я же теперь одинъ—прямо домой, а то...

— Конечно, конечно, — подхватилъ статистикъ. — Съ своей стороны душевно благодарю васъ за сочувствіе, за любезность, за покойный экипажъ.

Получивъ благодарность и отъ меня, Коротковскій поспѣшно

удалился. Статистикъ, приказавъ хозяину послать за земскою тройкой, отправился черезъ сѣни въ другую хату, провѣдать своего подручнаго, который продолжалъ заниматься уже при свѣчахъ. Я вышелъ на крыльцо.

Темнѣло. Близъ крыльца, на площади, толпился и галдѣлъ народъ. Физіономій уже нельзя было разсмотрѣть. Я началъ прислушиваться къ говору. И вотъ до моего слуха долетаетъ громкая, живая рѣчь какого-то мужика, замѣтно чувствующаго сильный подъемъ духа:

— Оказывать себя сразу не захотѣлъ... Тебѣ скажи, такъ ты... Ты и теперь-то вотъ на всю улицу горланишь, ничего не видя, а посули-ка тебѣ прямо-то...

— Эхъ, Параха, прозѣвали вы съ съ мужемъ великія и богатыя милости!—послышался насмѣшливый тонъ уже знакомаго голоса Подрѣзова.—Тебя въ *той* избѣ-то опрашивали, а послушала бы ты, что въ *нашей* говорилось! Которые уѣхали пахать, тѣмъ ничего не выйдетъ, а намъ *нарѣзъ* будетъ. Што?

Къ крыльцу подкатила тройка. Черезъ нѣсколько минутъ мы взгромоздились на высокую, неуклюжую телѣгу, наполненную соломой, и тронулись въ путь. Изъ толпы громко выкрикивали:

— Прощай, родимый!
— Спасибо тебѣ!
— Много лѣтъ здравствовать
— Милости просимъ почаще!
— Помни же про все наше!
— Постарайся обдѣлать поскорѣе!

О. Забытый.

МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ *).

Романъ Альфонса Доде.

На слѣдующій день оказались новыя осложненія. У Нанзена, вслѣдствіе его болѣзни, появилось сильное кровохарканіе, и намъ пришлось высадиться въ Сенъ-Ремо, чтобы скорѣе подать медицинскую помощь нашимъ больнымъ. Вечеромъ, въ то время, какъ наша яхта дѣлала огромныя усилія, чтобы занять подъ скалою Монако свое мѣсто рядомъ съ яхтой его высочества, мы всѣ возвратились въ Монте-Карло по Карнизу. Въ гостиницѣ меня ждало письмо папаши,—воинственный трубный гласъ, взывающій о чести, о родинѣ. Въ теченіе столѣтія, одинъ изъ насъ, Доверней, неизмѣнно былъ подъ знаменами и занималъ видное мѣсто. Если завтра вспыхнетъ война, если Франціи потребуются ея сыны, кто же изъ насъ станетъ на ея защиту? Слѣдуютъ четыре страницы прекрасной лирики, сводящейся, въ концѣ-концовъ, къ тому, чтобы побудить меня бросить мою любовницу и поступить въ Сенъ-Сиръ. Нечего вамъ говорить, насколько холоденъ я остался къ воинственнымъ призывамъ.

Война мнѣ противна, я считаю ее дѣломъ глупымъ и грязнымъ. Есть только два способа смотрѣть на поле битвы: вертикальный,—это взглядъ кавалериста, бодро мчащагося на конѣ, съ саблей наголо, съ надлежащею порціей водки въ головѣ,—и горизонтальный—взглядъ раненаго, съ распоротымъ брюхомъ, валяющагося въ крови и въ гадости. Я смотрю на войну только съ этой послѣдней точки зрѣнія, что возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе, если не страхъ. На другой день Виссенбургскаго сраженія мой отецъ такъ выразился о немъ: «Накрошили тамъ мяса...» Мнѣ война представляется бойней, переполненной мясомъ, нарубленнымъ и пере-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

давленнымъ колесами, а никакъ не движеніями блестящихъ массъ и живыхъ людей. Я, однако, совсѣмъ не изъ трусливыхъ. Посмотрѣли бы вы на меня въ ту ночь, когда насъ съ молодецкимъ экипажемъ *Bleu-Blanc-Rouge* окунало носами въ уксусъ,, я не поморщился. Нѣтъ, въ свое время и я покажу себя не хуже всякаго другого, только мнѣ противна бойня. Кромѣ того, всѣ эти слова: отечество, знамя, фамильное имя являются для меня отголосками притворства, пустыми звуками. Таковы же и вы, мой милый Валлонгъ, съ тою лишь разницей, что въ васъ это результатъ ученья и работы мысли, послѣдствіе завоеванія нѣмецкою философіей вашей головы и головъ множества молодыхъ французовъ,— завоеванія болѣе серьезнаго, чѣмъ захватъ Эльзаса и даже Лотарингіи. Кантъ, Гартманъ, въ особенности же тотъ, знаменитый,—вы знаете, кого я разумѣю,— разнесли передъ вами одну за другою всѣ декораціи жизни. Анализъ чувствъ и ощущеній уничтожилъ въ васъ способность чувствовать.

Ну, а я то,—я, ничего не знающій, ничего не читавшій, ничему не учившійся,—какъ же я дошелъ до той же степени нравственнаго утомленія и немощности? Почему, едва доживши до восемнадцати лѣтъ, я уже сухъ и дряхлъ душой? Съ чего явилось во мнѣ презрѣніе ко всякой обязанности, къ какому бы то ни было дѣлу, отрицаніе какихъ бы ни было законовъ?... Съ моимъ именемъ, съ моимъ состояніемъ и молодостью, я чувствую въ себѣ душу анархиста. Отчего это? Вамъ я говорю все, Валлонгъ, вы меня знаете насквозь,— постарайтесь же выяснить меня мнѣ самому. Считаете ли вы меня,—какъ то можно заключить, повидимому, изъ вашего письма,—просто за продуктъ новой школы, за обращикъ самаго послѣдняго фасона? Въ такомъ случаѣ старшее поколѣніе будетъ удивлено. Я знаю, что приходящіе на смѣну не похожи на тѣхъ, кого они смѣняютъ, но на этотъ разъ, если судить по моему отцу и по мнѣ, окажется, что уничтожены всѣ мосты между двумя поколѣніями, и взаимное непониманіе съ обѣихъ сторонъ можетъ дорости до ненависти.

Само собою разумѣется, что я по-своему читалъ письмо генерала и въ посланіи усмотрѣлъ признаки его возврата къ жизни и желаніе увидать опять милую его сердцу мадамъ Ф..., на которую,—долженъ въ томъ сознаться,—пылъ воинственнаго краснорѣчія произвелъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ на заблудшаго сынка. моей сантиментальной подруги глаза затуманились слезами. Съ которыхъ поръ, впрочемъ, припадки такой чувствительности являются у нея довольно часто и даже нѣсколько тревожатъ меня.

Вотъ былъ бы казусъ-то!... Тутъ, однако, слезы изливались изъ совершенно моральнаго источника: я видѣлъ ея волненіе, ея готовность на величайшія жертвы. А, старый драбантъ! Письмо сочинялось не столько для меня, сколько для той, кто прочтетъ его изъ-за моего плеча, вспоминая объ авторѣ. И я ожидаю теперь еще болѣе энергичнаго наступленія. Возможно, что онъ явится самолично раздѣлывать хорошенькую сцену мелодрамы, попытается хватить по двумъ литаврамъ, за одинъ разъ сцапать свою возлюбленную и своего юнца. Такъ я и стану его ждать тутъ!... Къ тому же, рулетка уже не занимаетъ меня, еще одно впечатлѣніе пролетѣло въ трубу. Не стоило изъ-за него жариться подъ ослѣпительнымъ африканскимъ солнцемъ, глотать раскаленную пыль, терзать свой слухъ оглушительнымъ стрекотаніемъ кузнечиковъ.

Всего лучше было бы выбраться отсюда на моей яхтѣ, поручивши Лидію друзьямъ, которые доставили бы мнѣ ее сухимъ путемъ въ какой-нибудь укромный уголокъ Бретани или Италіи. Но кому поручить? Нанзенамъ конецъ... Я забылъ вамъ сказать, что несчастный ученый умеръ отъ скоротечной чахотки на другой день послѣ нашего возвращенія. И вотъ, по этому-то поводу, я имѣю предложить на ваше разрѣшеніе, господинъ философъ, какъ моему духовнику, нѣкое приключеніе, диковинное и таинственное, почти непередаваемое.

Нашъ шведъ отбылъ «къ праотцамъ». Два дня мы были заняты его смертью: моя возлюбленная цѣлыми часами сидѣла около доведенной до отчаянія вдовушки; я и мой добрѣйшій Нюиттъ, синекуру котораго я ни чуть не щажу, занимались хлопотами о тройномъ гробѣ, дубовомъ, свинцовомъ и сосновомъ, для доставленія покойника въ родную страну, а также вопросами о его перевозкѣ, о транзитѣ. Мы, буквально, только этимъ шведомъ и жили, не могли отдѣлаться отъ его праха ни за столомъ, ни во снѣ. На третій день, вчера утромъ, моя графиня сказала мнѣ:

— Вамъ слѣдовало бы пойти къ Нинѣ... Вы были такъ добры и услужливы, она желала бы васъ поблагодарить.

Ничего не можетъ быть банальнѣе такого визита. Почему же я такъ волновался, такъ страстно волновался, входя въ маленькій садикъ виллы Нанзеновъ, расположенной въ овражкѣ, въ десяти минутахъ ходьбы отъ моря? Было ли это вліяніе сирокко, аромата олеандровъ? Я чувствовалъ, что во рту у меня пересыхаетъ, руки горятъ, что весь я захваченъ чувственнымъ туманомъ, не мѣшавшимъ мнѣ, все-таки, думать о смерти... Да и могъ ли я не думать о ней, когда она вездѣ тутъ царила, все наполняла тою неурядицей,

тою растерянностью, которыя она всюду вноситъ съ собою? Окна перваго этажа растворены настежь, одно герметически закрыто въ комнатѣ, откуда просвѣчиваетъ желтоватый отблескъ свѣчей среди бѣлаго дня, и вездѣ, даже въ саду, даже подъ олеандрами, чувствуется мерзкій запахъ лѣкарствъ и строганаго дерева новаго гроба.

Я прождалъ пять минутъ въ пріемной нижняго этажа, сидя на диванѣ. Послышались шаги на лѣстницѣ. Вошла Нина. Я говорилъ вамъ, кажется, что ничего ровно не было между мною и этою женщиной. Наканунѣ ея несчастья, мы цѣлый вечеръ смѣялись и шутили съ нею на террасѣ гостиницы. Не болѣе, какъ веселый флиртъ, но, какъ ни забавляло ее мое ухаживаніе, она, главнымъ образомъ, занята была своимъ мужемъ, сидѣвшимъ съ моею любовницей у рояля за сонатой въ четыре руки. Съ тѣхъ поръ я не видалъ Нину. Скажите же мнѣ, почему я былъ *такъ увѣренъ* въ томъ, что должно случиться?.. Она вошла очень блѣдная, наскоро одѣтая въ гладкое черное платье, плотно облегавшее ея, не стянутый корсетомъ, гибкій станъ. Ясно обрисовывалось красивое тѣло итальянки. Глаза искрились изъ-подъ припухшихъ, покраснѣвшихъ вѣкъ. Она, молча, опустилась на диванъ рядомъ со мной, наши руки встрѣтились, и все во мнѣ вспыхнуло... «А, мосье Шарлей!»... Въ тотъ же мигъ я прижималъ ее къ моей груди, наши губы сливались въ долгомъ, лихорадочномъ поцѣлуѣ... Какъ разъ въ эту минуту вошла хозяйка виллы спросить пару простынь и изъ зубъ у меня вырвала такой случай, какого уже не дождешься.

Какъ бы то ни было, какого вы объ этомъ мнѣнія, мой философъ? Подъ вліяніемъ какой дьявольской реакціи эта женщина оторвалась отъ покойника, котораго она любила и оплакивала, чтобы кинуться безсознательно въ мои объятія? Отъ гробовъ ли вѣетъ дыханіемъ сладострастія, или же, просто, жизнь свое стремится наверстать въ неудержимыхъ и неотложныхъ порывахъ? Я убѣжденъ, что врачи знаютъ больше, чѣмъ говорятъ, по части такихъ безпорядочныхъ и извращенныхъ увлеченій, которыми они, вѣроятно, часто пользуются. Я самъ, въ иной разъ, при еще болѣе ужасн[ы]хъ обстоятельствахъ, уже испыталъ таинственную силу... любв[и] и смерти, Валлонгъ!

Я предполагалъ отправить вамъ мой дневникъ лишь тогда, когда будетъ рѣшенъ вопросъ о новомъ мѣстѣ моего пребыванія, но пр[о]изошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Сюда явился не папаша мс[ье], а Отелло. Сегодня утромъ къ намъ вошелъ, щеголемъ, по об[ы]новенію, но съ растерянным лицомъ мосьё Александръ, ко-

торый со времени моего отъѣзда шпіонитъ, по порученію моихъ родителей, за мужемъ мадамъ Ф... и пріѣхалъ сюда въ одномъ поѣздѣ съ нимъ. Къ счастью, свирѣпый мужъ рыскаетъ по Монако, думая, что мы тамъ скрываемся, и это даетъ намъ время предпринять что-нибудь.

Скоро получите новыя вѣсти. Дѣло оказывается довольно серьезнымъ. Но я провѣряю себя,—пульсъ спокоенъ.

VII.

Интермеццо.

Покинувши старика Мериве послѣ разговора у маленькой церкви, Ричардъ наткнулся на мосьё Александра, и холопья улыбка, и чудящаяся въ ней насмѣшка точно внезапнымъ свѣтомъ озарили голову несчастнаго Фенигана.

— Гдѣ они, мерзкіе?... Этотъ лакей знаетъ, знаетъ изъ Гробурга, а наша Розина знаетъ отъ Александра.

И онъ зашагалъ по горячему уже шоссе, а его короткая тѣнь рядомъ съ нимъ вторила жестамъ, сопровождавшимъ его раздраженный монологъ.

— Какъ же я глупъ, что не сообразилъ этого раньше и ходилъ изнывать у рѣшетки почтовой конторы!... Лишь бы теперь эта дѣвчонка сказала... О, скажетъ, не то...

Какъ разъ Розина Шюшенъ, съ своею востренькою мордочкой, показалась въ маленькой двери съ двумя ступеньками, откуда она такъ недавно чуть не убила своего хозяина сообщеніемъ объ исчезновеніи Лидіи. Въ нарядной шляпкѣ и маленькихъ башмачкахъ, съ золоченымъ молитвенникомъ въ рукахъ, горничная, повидимому, поджидала кого-то. Она посторонилась передъ Ричардомъ, улыбаясь неопредѣленною и подобострастною улыбкой, въ выраженіи которой можно увидать все, что угодно. Ричардъ перевернулъ ее обѣими руками и притиснулъ къ притолкѣ, захлопнувши дверь ногой.

— Гдѣ мадамъ?... Ты знаешь... Говори сію минуту... гдѣ мадамъ?

Онъ грубо ее встряхивалъ. Озадаченная горничная не сразу поняла и бормотала:

— Да нѣтъ, мосьё Ричардъ, не знаю я, гдѣ мадамъ... Она вернулась отъ обѣдни, здѣсь была ей депеша...

— Я спрашиваю про твою госпожу... про мою... мою жену.

Онъ съ усиліемъ выговорилъ это слово.

— Она гдѣ?

И, видя, что дѣвушка собирается налгать что-то, онъ продолжалъ:

— Я никогда не путался въ твои исторіи, но отлично ихъ знаю... Понимаешь? Неужели ты воображаешь, что я не слышу, какъ приходитъ къ тебѣ любовникъ? Стоитъ мнѣ сказать одно слово, и моя мать вышвырнетъ тебя на улицу, а старикъ Шюшенъ...

— О, мосьё Ричардъ...

— Ну, не вертѣться. Когда Александръ имъ пишетъ, куда онъ адресуетъ письма?

Невольный трепетъ здоровой деревенской дѣвушки ясно обнаруживалъ ея колебанія, покончила она, однако, тѣмъ, что шепотомъ выдала названія города и гостиницы. Ричарда точно по головѣ ударили. Онъ думалъ, что бѣглецы далеко, за морями, что не догнать уже ихъ. Ему же говорили объ ихъ путешествіи въ Индію. И вдругъ, вмѣсто того, чтобы мчаться съ своею местью такъ недалеко, онъ почувствовалъ необыкновенное спокойствіе, не отказываясь, впрочемъ, отъ поѣздки, такъ какъ распорядился, чтобы Розина приготовила его дорожный мѣшокъ.

— Знаешь, тотъ чемоданчикъ, который я беру на охоту, когда ѣзжу на пруды въ Мережи. Только смотри, моей матери ни слова. Ты говоришь, она куда уѣхала?

— На станцію въ Вильневъ, поѣхала въ коляскѣ.

— Мамаша—въ Вильневъ! Это зачѣмъ?

Мадамъ Фениганъ никогда не выѣзжала иначе, какъ къ обѣднѣ.

— Я не знаю, мосьё Ричардъ, но воспользуюсь ея отсутствіемъ, чтобы взять вашъ чемоданчикъ, оставшійся въ замкѣ.

Она была уже подъ шпалерой, когда Ричардъ крикнулъ:

— Пройди также въ мою комнату и захвати...

Онъ не зналъ, какъ приказать ей принести револьверъ, лежавшій въ его ночномъ столикѣ. Этимъ онъ ясно раскрылъ бы свои намѣренія, а потому и не договорилъ.

— Нѣтъ, ничего, я самъ пойду.

Осматривая пистолетъ, онъ досадовалъ на себя за внезапное и необъяснимое спокойствіе.

«Что же это такое? Почему мысль, что завтра, въ этотъ самый часъ, я буду отомщенъ, если захочу, почему эта мысль такъ расхолодила меня? Неужели я совсѣмъ ужъ никуда негодный человѣкъ, или только не хватаетъ у меня рѣшимости?»

Чтобы подзадорить себя, подновить только что стихшій пылъ бѣшенства, онъ досталъ письма Шарлексиса къ Лидіи, которыя хранилъ въ шкатулкѣ, изъ желанія имѣть ихъ всегда подъ руками,

передъ глазами. О, за этимъ дѣло не стало! Въ головѣ, немного затуманенной и отяжелѣвшей отъ духоты на воздухѣ, оживить воображеніе можно было только внѣшнимъ воздѣйствіемъ. Такъ иные сластолюбцы прибѣгаютъ къ помощи книжки и картинокъ для возбужденія своихъ остывшихъ чувствъ. Эти письма Ричардъ зналъ наизусть, но, при чтеніи ихъ, фразы превращались въ образы, слова сверкали, точно взгляды.

Стукъ экипажныхъ колесъ оторвалъ его отъ этихъ видѣній. Его мать... уже вернулась!... Онъ быстро спряталъ письма, очень недовольный тѣмъ, что не уѣхалъ раньше, не повидавшись съ нею. Теперь придется выдумывать предлогъ для объясненія поѣздки, для избѣжанія слезъ и упрашиваній. И онъ ломалъ надъ этимъ голову, направляясь на встрѣчу матери, выходя на крыльцо, какъ разъ въ то время, когда экипажъ остановился у подъѣзда. Каково же было удивленіе Ричарда, когда онъ увидалъ, что козлы загромождены чемоданами, а рядомъ съ мадамъ Фениганъ сидитъ молодая женщина подъ ярко краснымъ зонтикомъ, въ такомъ же красномъ платьѣ, во всемъ красномъ, начиная съ шляпки и придерживающей ее шпильки и кончая шелковыми ажурными чулками, которые она показала, выпрыгивая изъ экипажа съ живостью ловкаго мальчика.

— Здравствуйте, Ричардъ, — вскрикнула она весело, помогая выйти изъ экипажа мадамъ Фениганъ, дѣлавшей знаки своему сыну.

Голосъ звучалъ молодо и свѣжо, съ милымъ мѣстнымъ акцентомъ, хорошо знакомымъ, почти близкимъ. Но Ричардъ все еще сомнѣвался, когда мать, входя на крыльцо подъ руку съ дамой въ красномъ, проговорила:

— Елиза, не узнаешь развѣ, кузина изъ Лоріана?

Рой воспоминаній, минуты влюбленности и счастья пронеслись въ головѣ Ричарда. Передъ нимъ опять мелькала пухленькая и маленькая кузиночка, скачущая на лошади рядомъ съ нимъ по долинамъ Сентъ-Женевьевъ-де-Буа у дверцы ландо, въ которомъ Франсуа Бельгикъ, богатый подрядчикъ на плотничныя работы, и мадамъ Бельгикъ, урожденная де-Керкабелекъ, договаривались съ мадамъ Фениганъ о предстоящемъ бракѣ между ихъ дѣтьми, уже отлично поладившими между собою. На бѣду, маменьки были слишкомъ похожи другъ на друга для того, чтобы сговориться. Мадамъ Бельгикъ, урожденная де-... и т. д., была бретонка, тесаная изъ цѣльнаго камня, тоже «добрый тиранъ», имѣвшая претензію всѣми распоряжаться такъ же точно, какъ она правила мужемъ, рукою твердой и поводьями крѣпкими. «Франсуа у меня не изъ бойкихъ», — говорила она при немъ, и мужъ всякій разъ только

раскланивался и блаженно улыбался. Бойкости-то въ немъ, вправду, не было, и супружеское ярмо онъ несъ покорно. Ричардъ, при одной рѣзкой сценѣ между двумя «добрыми тиранами», вынужденъ былъ принять сторону матери противъ родителей дѣвушки, которую онъ уже ласкалъ взорами жениха. Онъ пожертвовалъ собой, главнымъ образомъ, по своей мягкости, по матеріальной невозможности сказать «нѣтъ», но въ глубинѣ души затаилъ истинное горе, стертое потомъ временемъ и болѣе глубокими ранами. Въ эти двѣнадцать лѣтъ мадамъ Бельгикъ, урожденная де-Керкабелекъ, успѣла отправиться къ своимъ праотцамъ. Франсуа, который былъ не изъ бойкихъ, съ горя о томъ, что пересталъ это слышать, послѣдовалъ вскорѣ за своею супругой въ могилу. Элиза, выданная замужъ за флотскаго врача, злого и алкоголика, бившаго ее нещадно, выхлопотала себѣ право на отдѣльное жительство и распоряженіе имуществомъ, а потомъ получила разводъ, какъ только былъ вотированъ законъ о разводахъ. Мадамъ Фениганъ вначалѣ отнеслась къ этому съ полнымъ негодованіемъ истинно вѣрной католички. Въ свое время этотъ разводъ бывалъ даже поводомъ къ кислосладкимъ спорамъ между нею и ея снохой, причемъ взвизгиванія «милая мамаша» и «любезная дочка» обмѣнивались весьма злобными голосами. Затѣмъ, когда сноха уѣхала и мадамъ Фениганъ увидала одиночество и печаль сына, котораго считала способнымъ довольствоваться одною ея материнскою нѣжностью, она измѣнила свой взглядъ на разведенную и даже на разводы. Она припомнила, что Элиза и Ричардъ любили другъ друга, и въ ней заговорило раскаяніе въ томъ, что она помѣшала ихъ браку, который избавилъ бы ихъ отъ многихъ огорченій. Раскаяніе было вполнѣ искреннимъ потому, въ особенности, что упокоеніе въ мирѣ супруговъ Бельгикъ всецѣло оставляло въ ея рукахъ власть, которую она такъ ревниво охраняла. Тогда, безъ положительно опредѣленнаго еще рѣшенія, руководясь своимъ материнскимъ инстинктомъ и совѣтами своего духовника, дравейльскаго кюре, она втихомолку написала въ Лоріанъ кузинѣ, звала ее погостить въ Узелли, и кузина, не помня зла, тотчасъ же прикатила.

Ея прибытіе, первымъ дѣломъ, помѣшало немедленному отъѣ ду Ричарда. Онъ отложилъ путешествіе до вечерняго поѣзда и з втракалъ, сидя противъ Элизы, очень довольный тѣмъ, что слыи ить опять ея звонкій смѣхъ, видитъ красивый разрѣзъ ея глазъ и ея ослѣпительныхъ губъ. Она принадлежала къ той породѣ избанныхъ, по которымъ всѣ житейскія невзгоды и катастрофы ользятъ, не оставляя за собою ни малѣйшаго слѣда. Послѣ столь-

кихъ лѣтъ печали и слезъ, онъ видѣлъ ее все такою же беззаботно веселою, какъ въ былые годы, такою же, по-провинціальному, любительницей всего блестящаго и яркаго. И такъ же точно сверкали изъ-за яркихъ губъ ея мелкіе, ровные зубки, на смуглыхъ и розовыхъ щекахъ лежалъ такой же пушокъ спѣлаго персика, только плечи стали круглѣе, кожа—бѣлѣе, и болѣе умѣлымъ стало декольте, безстыдное и наивное, порядочно-таки смущавшее ея робкаго сосѣда за столомъ. Ричардъ ежеминутно отворачивался, исподтишка взглядывалъ и краснѣлъ, что восхищало милую родственницу, которой добрая маменька сказала очень просто:

— Мой сынъ болѣнъ, вылечи ты мнѣ его.

Только что кончился завтракъ, Элиза вскрикнула въ ужасѣ: «А моя сумка!»—маленькая сумка изъ красной кожи, въ которой она хранила деньги, бумаги, вещи, все свое достояніе. Вначалѣ никто особенно не встревожился. Въ теченіе часа со времени пріѣзда чего-чего она ни растеряла? Всѣ были увѣрены, что сумка разыщется, какъ были найдены вѣеръ, кольца, зонтикъ, разбросанные милою гостьей въ ея безпрерывной суетѣ движеній и мыслей. Послѣ долгихъ поисковъ, пришлось, однако, сознаться, что маленькая сумка осталась въ вагонѣ или на станціи, такъ какъ старый кучеръ Либеръ удостовѣрилъ, что не видалъ ее въ экипажѣ въ числѣ другихъ пожитковъ.

— Пусть Либеръ отправится опять на станцію,—сказала мадамъ Фениганъ.

— Благодарю васъ, кузина, меня это такъ безпокоитъ, что я сама поѣду.

— Элиза, я провожу васъ,—предложилъ Ричардъ.—Мы прикажемъ запречь кабріолетъ, скорѣе доѣдемъ.

Колоколъ звонилъ къ завтраку служителей, и добрякъ хозяинъ пошелъ запрягать самъ, чтобы никого не безпокоить и не терять времени.

Дамы остались однѣ, обоюдный порывъ увлекъ ихъ въ объятія другъ другу.

— А, дитя мое, еслибы тебѣ удалось...

— Мнѣ кажется, дѣло идетъ не очень плохо... Положитесь на меня, увидите...

— Ты находишь, что онъ измѣнился?

— Въ особенности, похудѣлъ, лицо осунулось... Такимъ онъ мнѣ больше нравится. Вы говорили, что онъ такъ печаленъ, кузина, а онъ все время напѣваетъ что-то

Она представила его пумъ-пумъ, бассовый аккомпаниментъ сонаты.

— Онъ такъ поетъ, когда о ней думаетъ,—сказала мать.

— Стало быть, онъ всегда думаетъ о ней... Возможно ли это послѣ того, что она съ нимъ сдѣлала?

— Ты этого не понимаешь... да и я тоже, милое дитя мое.

Ричардъ сидѣлъ уже въ кабріолетѣ и звалъ кузину. Она быстро сошла къ нему. Отъ Узеллей до Вильневъ-Сенъ-Жоржъ было слишкомъ два льё.

Въ легонькомъ экипажѣ, которымъ правилъ Ричардъ, они домчались менѣе чѣмъ въ полчаса. Въ то время, какъ кабріолетъ въѣзжалъ во дворъ станціи, загроможденный омнибусами и всевозможными экипажами, и тихо пробирался черезъ толпу разряженныхъ парижанъ, мосьё Александръ, въ шотландской шапочкѣ и съ дорожною сумкой черезъ плечо, свертывалъ сигаретку передъ пассажирскою залой и, съ видомъ превосходства скучающаго путешественника, которому предстоитъ долгій путь, посматривалъ на этотъ мелкій людъ, толкущійся по окрестностямъ Парижа. Извѣщенный Розиной Шюшенъ о намѣреніяхъ ея хозяина, потомъ о пріѣздѣ кузины, онъ разсчелъ, что Ричардъ можетъ уѣхать только съ вечернимъ скорымъ поѣздомъ и что, опередивши его нѣсколькими часами, самъ онъ явится во-время, чтобы предупредить влюбленныхъ бѣглецовъ. Весь планъ его и всѣ гримасы были уже готовы: воспользоваться испугомъ, растерянностью первыхъ минутъ, спровадить князя на его яхтѣ, увезти его даму сухимъ путемъ и, разлучивши такимъ образомъ любовниковъ, возбудить въ нихъ обоюдное недовѣріе, насплетничать, сдѣлать невозможнымъ ихъ сближеніе.

Внезапное появленіе Ричарда въ шумной толпѣ, наполнявшей дворъ, разбило сразу всѣ эти предположенія. Изъ угла залы третьяго класса Александръ видѣлъ, какъ Фениганъ выпрыгнулъ изъ экипажа, прошелъ на платформу, видимо, для того, чтобъ отправиться съ тѣмъ же поѣздомъ. Какъ же быть въ такомъ случаѣ? Какъ пробраться въ вагонъ, не будучи замѣченнымъ? Какъ укрыться въ пути и тамъ, по пріѣздѣ на мѣсто?... Вдругъ Ричардъ появится вторично, помахивая маленькою красною сумкой, которую он издали показываетъ своей спутницѣ, оставшейся въ кабріолетѣ. Фениганъ усѣлся опять рядомъ съ нею, взялъ у нея изъ рукъ вожжи и, не дотронувшись даже бичемъ до своей лошади, исчезъ въ улицахъ Вильнева, скрылся изъ глазъ подсматривавшаго за нимъ бывшаго метръ-д'отеля. Вправду ли пустится Ричардъ въ погоню за

женой, или же съ пріѣздомъ кузины измѣнились его намѣренія? Повидимому, ничто не обличало въ немъ свирѣпствующаго Отелло, думающаго о мести. Парижскій поѣздъ подкатилъ къ станціи, потрясая платформу, захлопали двери.

— Кому ѣхать въ Ліонъ, Марсель, Ниццу...

Мосьё Александръ простоялъ секунду въ нерѣшимости, потомъ, съ недоброю усмѣшкой на бритыхъ губахъ, вошелъ въ первый попавшійся вагонъ.

На обратномъ пути Элиза пожелала ѣхать болѣе дальнею дорогой.

— Я, какъ маленькая Красная Шапочка, — говорила она, смѣясь,— люблю окольныя дороги, глухія тропинки, на которыхъ можно заблудиться, гоняясь за всѣмъ, что летаетъ, и за всѣмъ, что пахнетъ пріятно... Волка бояться?... Да никогда въ жизни!... Красная Шапочка умѣетъ съ нимъ справиться, и бояться надо за волка.

Опьяненная прелестью дня, быстротою ѣзды, радостью, что нашлись ея вещи, она въ самомъ дѣлѣ производила впечатлѣніе маленькой сказочной дѣвочки, какою она намъ представляется, въ ярко пунцовомъ головномъ уборѣ и съ звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ на устахъ. И они поѣхали вдоль Іера, маленькой темно-синей рѣчки, дремлющей въ густой тѣни, между зелеными берегами, свѣжесть которыхъ являлась поразительнымъ контрастомъ раскаленной бѣлизнѣ дороги.

«Берегись, берегись!» — и передъ быстро мчавшимся кабріолетомъ торопливо сторонились семейныя группы, переполняющія деревенскія дороги своимъ праздничнымъ разгуливаніемъ. Мелькали крошечныя виллы, вычурно разнообразныя, съ башенками и балкончиками, испещренныя украшеніями изъ фаянса и розовыхъ камешковъ; въ окнахъ этихъ дачекъ показывались силуэты любопытныхъ, и на ихъ изнывающихъ отъ скуки и утомленія лицахъ Ричардъ замѣчалъ одно и то же выраженіе удовольствія, симпатіи, вызванное появленіемъ веселаго существа, улыбавшагося имъ съ высоты кабріолета. Могъ ли оставаться равнодушнымъ къ этимъ заманчивымъ улыбкамъ человѣкъ, сидящій бокъ-о-бокъ съ молодою женщиной, чувствующій трепетъ ея тѣла, свѣжее дыханіе ея болтовни, ароматъ растрепанныхъ вѣтромъ локоновъ? Поминутно, чтобы взять у него то вожжи, то бичъ, она задѣвала его щеку своею обнаженною рукой или, желая обратить его вниманіе на огромную магнолію среди лужайки, на вереницу желтенькихъ утятъ, плывущихъ по рѣкѣ, наклонялась къ нему, приближала къ его глазамъ вырѣзъ платья, открывавшій ея бѣлую, пухлую шею. Безъ-

знательно для него самого близость этой женщины очаровывала его, успокоительно вліяла на его нервы.

Въѣхавши въ село Іеръ, лежащее на большой дорогѣ, имъ пришлось сдержать лошадь. Мѣстный праздникъ былъ въ разгарѣ, издали слышались звуки шарманокъ, барабановъ, трубъ, разносился запахъ жареныхъ въ маслѣ пироговъ, по обѣ стороны шоссе тянулись балаганы, карусели съ деревянными конями. Стиснутый, чуть не подхваченный толпой, становившейся съ каждымъ шагомъ все гуще, кабріолетъ подвигался шагомъ.

— Какъ поживаете, Эженъ?... Что ваши молодые?

На этотъ вопросъ Фенигана оглянулся Эженъ Соткёръ, прозванный Индѣйцемъ, шедшій рядомъ съ кабріолетомъ. Изъ-подъ круглой форменной фуражки смотрѣло багровое и озабоченное лицо огромнаго лѣсника.

— Не дурно, благодарю васъ, мосьё Ричардъ, и дѣти живутъ такъ себѣ. Только малый-то мой отбываетъ двадцати-восьми дневный учебный сборъ, а сноха осталась на моихъ рукахъ. Нельзя сказать, чтобы покойно это было. Сегодня утромъ у насъ завтракали пріятели ея мужа. Она и выдумала повести ихъ на праздникъ... То-то вотъ, старъ я становлюсь!

Онъ досталъ изъ фуражки цвѣтной фуляровый платокъ и отеръ имъ потный лобъ, прорѣзанный сердитою складкой, потомъ оглядѣлъ кругомъ толпу, выше которой былъ на цѣлую голову.

— А, дрянь эдакая!... Опять куда-то ушмыгнула!

Онъ сдѣлалъ по-военному подъ козырекъ и быстро направился къ балаганамъ разыскивать сноху, которую Ричардъ, минуту спустя, увидалъ на церковной площади въ обществѣ молодыхъ франтовъ кафе-шантаннаго пошиба.

— Какъ бы ни былъ зорокъ вашъ Индѣецъ,— сказала Элиза,— а я думаю, трудно ему будетъ укараулить такую дичь, какъ эта.

— Я то же думаю, кузина, но и ей слѣдуетъ держать ухо востро, не то старикъ Соткёръ ужасныхъ дѣлъ натворитъ.

— Бо́льшихъ, чѣмъ мужъ?

— Ну, что мужъ!... Это типъ одного склада со мной.

Онъ проговорилъ эти слова горькимъ тономъ, и они были первымъ, единственнымъ намекомъ на его несчастье съ пріѣзда Элизы. Ричардъ отпустилъ поводья своему рысаку, нетерпѣливо рвавшемуся вонъ изъ толпы и помчавшемуся во всю прыть по улицѣ, спускавшейся къ рѣкѣ. Перебравшись черезъ небольшой мостъ, они поѣхали тѣнистою дорогой, окаймленной обширными цвѣтущими и благоухающими парками. Издали, сквозь шумъ оставшагося позади

деревенскаго праздника, раздался благовѣстъ къ вечернѣ, протяжный и грустный, какъ только что сказанная печальная фраза, которая нежданно омрачила веселость ихъ легкомысленной болтовни.

Въ этотъ вечеръ, вопреки обычаю, неизмѣнному для всѣхъ обывателей замка, тушить огни въ десять часовъ, у Фениганов долго не засыпали. Хозяйка дома, въ бѣлой фланели и съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, наслушаться не могла разсказовъ объ ихъ катаньѣ. Свѣча догорала, вѣки милой Красной Шапочки тяжелѣли, а заботливая мать, зашедшая на нѣсколько минутъ, не замѣтила, что сидитъ тутъ уже два часа. Тѣмъ временемъ Ричардъ, въ полномъ недоумѣніи отъ того, что очутился на своей кровати, вмѣсто поѣзда, несущагося въ Монте-Карло, понять не могъ, почему подушка кажется ему такою мягкой, простыни такими свѣжими, послѣ лихорадки предшествовавшихъ ночей, — какъ случилось, что ни его любовь къ матери, ни дружескіе совѣты старика Мериве не могли поколебать его безумнаго намѣренія, и оказалось достаточнымъ лифа съ вырѣзомъ, толстой закрученной косы и сверкающей шейки для того, чтобы дать совершенно иное направленіе его мыслямъ. Лампа давно была потушена, а вся философія бѣднаго малаго все еще напрягала силы и въ тупикъ становилась передъ задачею, какъ немножко открытое женское тѣло можетъ быть настолько неодолимо привлекательнымъ, что въ такомъ измученномъ сердцѣ, какъ его, найдется мѣсто для желаній, не имѣющихъ ничего общаго съ мщеніемъ и убійствомъ.

На слѣдующій день онъ опять не уѣхалъ, не заикнулся даже о поѣздкѣ. На конюшнѣ была только одна верховая лошадь, пришлось добыть другую для Элизы, и Ричардъ сталъ каждый день кататься съ своею кузиной. Молчаливый по привычкѣ, по темпераменту, онъ находилъ верховую ѣзду тѣмъ особенно пріятною, что въ сѣдлѣ не разговариваютъ и думаютъ лишь на половину, сосредоточивши все вниманіе на лошади, самомъ своенравномъ и пугливомъ животномъ, зрѣніе котораго совершенно не соотвѣтствуетъ зрѣнію человѣка. Верхомъ самъ дѣлаешься немного лошадью. Ричардъ находилъ восхитительною такую пріостановку собственныхъ думъ. Когда, послѣ одной изъ долгихъ прогулокъ верхомъ, мадамъ Фениганъ видѣла возвращающагося сына съ веселымъ лицомъ, съ бодрымъ голосомъ, безъ обычной складки на лбу, означавшей гнетущую мысль, она сама сіяла, надѣялась на его скорое исцѣленіе и, если бы Розина не сказала ей про исторію съ чемоданомъ, готова была бы думать, что Ричардъ совсѣмъ не такъ сильно потрясенъ, какъ увѣряли ее дравейльскій кюре и старый шутъ Мериве.

— Ну, что, милочка?

Съ такими словами, сказанными таинственно-лукавымъ тономъ, мадамъ Фениганъ являлась каждый вечеръ въ комнату Элизы. Но дни слѣдовали за днями и катанья верхомъ шли своимъ чередомъ, не принося собою ничего опредѣленнаго.

— Дѣлаю я, однако, все, что могу, — говорила молодая женщина, чуть не плача.

И мать подбадривала ее, вмѣстѣ съ нею изыскивала средства побѣдить робость Ричарда.

— Вотъ это-то, милая моя, только это и помѣха. Всѣ мужчины робки, а онъ болѣе робокъ, чѣмъ всѣ.

— Вы полагаете, кузина? Такъ я попытаю...

Она попытала.

Застигнутые грозой въ долинѣ Куркуроны, они, послѣ отчаянной скачки, нашли пріютъ въ пустомъ сараѣ. Мѣста было немного, ихъ лошади стояли рядомъ.

— А, какъ сердце бьется!... Смотрите, Ричардъ.

Быстрымъ движеніемъ Элиза взяла его руку и приложила къ трепещущему лифу своей амазонки. У Ричарда духъ захватило.

— А та... та...— шепталъ онъ, обхватывая свободною рукой талію несопротивлявшейся спутницы, и въ теченіе пяти минутъ они, сладко забывшись, сжимали другъ друга въ объятіяхъ, безъ словъ, оба блѣдные.

До этой минуты она была для Ричарда не болѣе, какъ одною изъ тѣхъ ласточекъ, которыя залетали въ открытыя окна избы, задѣвали крыльями по бревнамъ и эфесамъ шпагъ. Теперь онъ началъ слѣдить за нею, любопытствуя распознать, что̀ кроется въ ея неизмѣнно-веселой душѣ, за постоянно беззаботнымъ щебетаніемъ. Почему бы не любить эту, если она вылечитъ его отъ той, и когда его мать, повидимому, такъ желаетъ этого?... Объ этомъ онъ раздумывалъ, играя послѣ завтрака въ шахматы съ мадамъ Фениганъ, на другой день послѣ страшной грозы, размывавшей садъ цѣлую ночь и испортившей всѣ дороги. Стѣсняясь съ Ричардомъ со вчерашняго дня, боязливо ожидая признанія, на которое разсчитывала и приближеніе котораго чувствовала, Элиза неподвижно стояла у окна и смотрѣла на дорогу.

— Что тамъ такое? — спросила мадамъ Фениганъ, отвлеченная отъ своей партіи въ шахматы криками и гиканьемъ.

— Нищій этотъ... какъ его зовутъ?... Старикъ Жоржъ въ такомъ видѣ... Къ нему пристаютъ эти озорники... Они отнимаютъ у него палку... А, несчастный! Онъ упадетъ сейчасъ.

Съ улицы раздался взрывъ хохота. Пьяный, отвратительный, съ головы до пятъ въ грязи, старый бродяга хотѣлъ разогнать стаю маленькихъ, преслѣдовавшихъ его мучителей, уронилъ свою длинную палку, которою ребятишки тотчасъ же завладѣли, и теперь стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ фермы. Онъ хватался за камни, скользилъ, поднимался и опять падалъ, съ плачемъ требовалъ назадъ свою палку. Сторожъ Робенъ, отдыхавшій на своей тачкѣ и разбуженный шумомъ, возвратилъ ее, наконецъ, пьяному бродягѣ. Тутъ разыгралась маленькая драма, за которою Ричардъ слѣдилъ изъ окна. Въ порывѣ чисто-животной жалости шоссейный сторожъ взялъ несчастнаго старика подъ руку и кое-какъ помогъ ему встать на подгибающіяся ноги.

— Ну, старина Жоржъ, полно, прибодрись хоть немного!

Въ эту минуту подводчики выѣхали изъ фермы верхами на своихъ лошадяхъ къ водопою, остановились передъ вымазаннымъ всякою гадостью нищимъ, скользящимъ палкой по грязи, шатающимся изъ стороны въ сторону и увлекающимъ сторожа своимъ покачиваніемъ.

— Эй, берегись, Робенъ, какъ бы отъ него чума не пристала!

И громкій хохотъ разносился далеко по дорогѣ.

Сконфуженный сначала, а потомъ и совсѣмъ пристыженный, Робенъ началъ грубо встряхивать еще болѣе потерявшагося старика. Хохотъ усилился. Робенъ не выдержалъ, бросилъ нищаго, и Жоржъ, перепуганный, окончательно ошалѣвшій, разводилъ руками, точно слѣпой, рухнулъ на колѣни, на руки и, наконецъ, растянулся плашмя на кучѣ грязи, аккуратно подваленной къ стѣнѣ.

— Это отвратительно! — воскликнулъ Ричардъ, выведенный изъ себя дурацкимъ хохотомъ всѣхъ этихъ дикихъ людей.

Элиза, не сообразивши, чѣмъ вызвано негодованіе Фенигана, сочла умѣстнымъ заявить о своемъ отвращеніи къ пьянству, въ особенности же къ пьянству стариковъ. Ричардъ рѣшилъ, что она — дура, а мадамъ Фениганъ, зная слабость сына ко всѣмъ бѣднякамъ, въ особенности же къ этому, поспѣшила заговорить о другомъ.

— Посмотрите, вотъ такъ чудо... Аббатъ Сересъ въ новой сутанѣ... Онъ великолѣпенъ.

— Это тотъ, что въ здѣшней церкви служитъ, — спросила Элиза, — изъ-за котораго въ воскресенье старикъ Мериве сцѣпился съ дравейльскимъ кюре?

— Онъ самый, кузина. Хорошій человѣкъ, этотъ аббатъ Сересъ, но я вполнѣ согласна съ нашимъ милымъ кюре, не хватаетъ ему достоинства, умѣнья держать себя, какъ подобаетъ духовному

лицу. Представьте себѣ, онъ пріютилъ у себя всѣхъ Люкріо, бабушку, двухъ дочерей, въ то время, какъ отецъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Мелёнѣ.

Ричардъ быстро обернулся.

— Безъ этого священника, маменька, когда Люкріо вернулся изъ Мелёна оправданнымъ...

Онъ не договорилъ, привлеченный опять къ окну вновь усилившимися криками и смѣхомъ.

На священникѣ не сутана только была новая, но и шляпа, и башмаки съ пряжками впервые появлялись на улицѣ. Очень довольный тѣмъ, что онъ идетъ навѣстить своихъ бѣдныхъ такимъ щеголемъ, онъ благодушно думалъ: «А, вѣдь, они меня, пожалуй, и не узнаютъ...» — когда сборище привлекло его вниманіе. Ричардъ изъ окна не могъ разслышать того, что онъ говорилъ нищему старику, валявшемуся, чуть не утопавшему въ мерзости и грязи. Видно было только, что священникъ, послѣ тщетнаго обращенія къ окружающимъ, наклонился самъ къ этой кучѣ измазанныхъ лохмотьевъ, поднялъ старика своими сильными руками, взялъ его подъ руку и повелъ, не обращая вниманія на смѣющихся, нисколько не заботясь о своемъ прекрасномъ платьѣ. Въ то время, какъ онъ скрывался за изгибомъ дороги, освѣщенной яркимъ солнцемъ, Элиза говорила, смѣясь:

— Чистъ же будетъ теперь господинъ аббатъ!

Мадамъ Фениганъ добавила:

— Лишь бы не къ себѣ онъ отвелъ его.

— Ты подала мнѣ хорошую мысль,— сказалъ Ричардъ, направляясь къ двери.— У меня найдется уголъ для стараго бѣдняка.

— Не притащишь же ты его къ намъ сюда! —крикнула мать.

Но Ричардъ не слыхалъ,—онъ уже былъ далеко на большой дорогѣ.

Онъ вернулся поздно. Его поджидали съ обѣдомъ. Столъ былъ накрытъ на двѣнадцать человѣкъ. Такіе обѣды у нихъ часто бывали въ честь кузины, и тутъ собирались всѣ ихъ прежніе воскресные гости: нотаріусъ, преемникъ покойнаго Фенигана, собственникъ маленькой церкви, и Жанъ Делькру, членъ суда въ Корбёйлѣ, и ольшой, толстенькій господинъ, вѣчно озабоченный пріискива- мъ богатой невѣсты, вертѣвшійся вокругъ Элизы и скалившій на свои рѣдкіе и блестящіе, волчьи зубы, обрамленные черными евянными баками. Но въ этотъ вечеръ Красная Шапочка не рѣзась и не кокетничала. Равнодушіе Ричарда, послѣ сцены во ія грозы, и то, что она узнала, какъ давно уже стараго бро-

дягу называютъ «нищій Лидіи», были достаточно тревожащими поводами для размышленій, слишкомъ непосильныхъ ея головкѣ, набитой, вмѣсто мозга, хлѣбнымъ мякишемъ.

— Ну, что, кузенъ... гдѣ же вашъ пріятель, вашъ старый нищій?—спросила она, садясь за столъ рядомъ съ Ричардомъ, очень задорная, во всеоружіи рукъ и плечъ, эффектно открытыхъ изъподъ розоваго газа платья.

Фениганъ отвѣтилъ, что его пріятель спитъ въ маленькомъ сарайчикѣ на берегу рѣки, въ который Шюшенъ прибираетъ весла и сѣти.

— На берегу рѣки?... Ого! прохладно же ему будетъ!

— Я приказалъ поставить желѣзную печку,—сказалъ Ричардъ спокойно.

Желѣзная печь въ сараѣ для веселъ очень потѣшала Элизу.

«Глупа и безсердечна»,—думалъ Ричардъ, не подозрѣвая даже той досады, которая укрывалась за этимъ школьническимъ смѣхомъ. Какая разница съ его женою, безконечно добросердечною, приходившею въ отчаяніе отъ невозможности подать милостыню всѣмъ нищимъ, встрѣчавшимся на дорогѣ, сердившеюся на кучера Либера, на лошадей за то, что они не останавливались или же дѣлали это слишкомъ поздно, когда бѣднякъ былъ уже далеко! И нищіе такъ уже знали это, что, встрѣчаясь съ ихъ ландо, никогда не смотрѣли на нихъ, не протягивали руки... О, какимъ сокрушеннымъ голосомъ говорила объ этомъ Лидія,— и теперь еще этотъ голосъ звучалъ въ ушахъ Ричарда сквозь дрожащій смѣхъ кузины.

— Воображаю, какъ вы тамъ устраивали стараго Жоржа съ его желѣзною печкой! Какъ же онъ поблагодарилъ васъ?

— На шею ему кинулся...—хихикнулъ членъ суда.

— Вотъ ужасъ!—вскрикнула Элиза, а за нею хоромъ и всѣ, сидѣвшіе за столомъ.

Дельрю, довольный успѣхомъ своей шутки, продолжалъ:

— А вотъ меня такъ не бродяга, а убійца пожелалъ разъ обнять во что бы то ни стало.

— Послушай, Ричардъ, вѣдь, это же совсѣмъ невозможное дѣло,—сказала мадамъ Фениганъ забавно-негодующимъ тономъ.—Неужели ученіе аббата Сереса до такой степени затуманило тебѣ голову?

Ричардъ промолчалъ. Членъ суда воспользовался этимъ.

— Дѣло было въ самомъ началѣ моего судейства, въ глухой трущобѣ, которую называютъ Сукъ'Ара...

Его прервалъ голосъ:

— Сукъ'Ара, граница Туниса, превосходнѣйшій грунтъ для альфы.

— Любезнѣйшій мосьё Мериве, вамъ Алжиръ знакомъ, какъ свои пять пальцевъ... Я попалъ въ Сукъ'Ара мировымъ судьей, исправляющимъ, въ то же время, обязанности прокурора республики. Черезъ часъ по пріѣздѣ, на закатѣ солнца, я устраивался въ помѣщеніи моего предшественника, въ квартирѣ съ продранными стульями, съ плохою желѣзною кроватью, когда явился служитель моей канцеляріи, мой чаушъ, сообщить, что меня зоветъ одинъ приговоренный къ смерти. Я даже глаза вытаращилъ... Представьте только мое удивленіе, что въ тюрьмѣ находится какой-то бѣднята, котораго должны гильотинировать на слѣдующее утро. По обязанности мирового судьи территоріи съ гражданскимъ управленіемъ, на моей обязанности лежало сопровождать его до ступеней эшафота. Надо же было случиться, что я пріѣхалъ какъ разъ наканунѣ!... Въ тюрьмѣ я нашелъ совсѣмъ звѣроподобнаго малаго, мальтійца, болеарца, кто его тамъ знаетъ, чернаго, волосатаго, губастаго, смотрѣвшаго на меня маленькими желтыми глазками, привѣтливыми и глупыми. Онъ обливается слезами и на отвратительномъ сабирскомъ*) языкѣ умоляетъ дозволить ему меня поцѣловать. Смердитъ отъ него, какъ отъ льва! Вижу я, что ничего болѣе путнаго онъ сказать не имѣетъ, и отправляюсь спать, разбитый двумя ночами, проведенными въ сѣдлѣ. Около трехъ часовъ утра будитъ меня мой чаушъ: «*Ja didou, moucié jouge de paix*» *)... «Что тамъ такое?» Осужденный желаетъ опять бесѣдовать со мной... Это животное заходило уже слишкомъ далеко. Но была ли какая возможность отказать человѣку, когда ему предстояло умереть? Тюрьма вся была на ногахъ. «У насъ нѣтъ священника,— объяснилъ мнѣ смотритель въ свое оправданіе,— можетъ быть, осужденный хочетъ вамъ открыть что-нибудь». Ведутъ меня къ нему, онъ опять начинаетъ вздыхать и рыдать. «А, мосьё Делькру... мосьё Делькру!...» Пришлось позволить ему еще разъ поцѣловать меня, такъ какъ онъ только этого и хотѣлъ. Прижалъ онъ свои толстыя губы къ моей щекѣ, облилъ ее слезами и простоналъ: «Ахъ, мосьё Делькру!... такой-то негодяй, какъ я...» Отправляясь на эшафотъ и сходя съ т ѣги, за которою я слѣдовалъ верхомъ съ жандармами, онъ снова з зилъ то же самое потѣшное требованіе. Я готовъ былъ счесть э за мистификацію, если бы моментъ не былъ настолько траги-

*) *Le sabir* — своеобразный алжирскій жаргонъ, составившійся изъ словъ франц ихъ, испанскихъ, турецкихъ, итальянскихъ, выговариваемыхъ на арабскій ладъ. „Тамъ сидитъ, господинъ мировой судья“...

ческимъ и если бы я не нашелъ въ бумагахъ канцеляріи объясненія этой дикой симпатіи. Оказалось, что его звали Жуанъ Дельмру, то есть онъ носилъ мое имя и мою фамилію, хотя былъ родомъ изъ Портъ-Магона, а я изъ Кагора.

Женскій голосъ спросилъ:

— А какое преступленіе сдѣлалъ вашъ осужденный? Можно это сказать?

— О, вполнѣ, сударыня!... Онъ зарѣзалъ свою любовницу, которая ему измѣнила.

— И представьте же себѣ, что его бы оправдали, еслибъ онъ убилъ свою законную жену! — ворчалъ Наполеонъ Мериве. — А, вѣдь, преступленіе то же самое и еще болѣе подлое, такъ какъ извѣстно, что оно постоянно остается безнаказаннымъ.

— Вотъ потому-то и разумно установленіе развода,— послышался благонамѣренный басокъ нотаріуса.

Маленькій Наполеонъ сдѣлалъ движеніе, которымъ чуть не опрокинулъ блюда съ камбалой подъ бѣлымъ соусомъ, которое обносили вокругъ стола.

— Да, нечего сказать, хорошъ этотъ законъ о разводахъ!... Что сдѣлалъ онъ добраго?

— А то, что уничтожилъ варварскій обычай и далъ возможность мужу, не проливая крови, избавиться отъ жены, которая его позоритъ.

— Да развѣ мужъ, которому измѣняютъ и который убиваетъ, думаетъ о позорѣ? Онъ убиваетъ изъ-за бѣшеной ревности, изъ-за оскорбленной гордости и своей поруганной любви, иногда изъ боязни оказаться смѣшнымъ, изъ опасенія за свое положеніе, а также потому, что лже-моралисты надули ему въ уши: «Убей ее!» Ужь не воображаете ли вы, что все это устраняется разводомъ?... Можете вы представить себѣ Отелло ведущимъ дѣло о разводѣ съ Дездемоной?

Дельмру, изъ желанія угодить Элизѣ, заговорилъ о положеніи женщинъ, которымъ новый законъ далъ средство избавиться отъ рабства. Старикъ Мериве не хотѣлъ съ этимъ согласиться. Для него разводъ былъ равносиленъ уничтоженію браковъ.

— Да, сударыня... такъ оно и есть,— настаивалъ онъ, обращаясь къ мадамъ Фениганъ, заспорившей съ нимъ.— Въ былыя времена, когда люди знали, что они связаны на всю жизнь, они и улаживались по возможности лучше, какъ бы отправляясь въ долгое путешествіе, шли на уступки, на маленькія жертвы своенравію спутника,— одинъ немного посожмется, другой потѣснится...

Теперь, при первомъ столкновеніи, заявляется о невозможности совмѣстной жизни. Все летитъ вдребезги отъ ничтожной царапины. Нѣтъ уже ни снисходительности, ни терпѣнія. И даже вступая въ бракъ по любви, наши молодые люди соображаютъ про себя: если дѣло выйдетъ не ладно, такъ, вѣдь, дверь-то отворена.

— Но позвольте, мосьё Мериве, если несчастное существо, вотъ такое, какъ... какъ...

Элиза хотѣла сказать: «какъ я», но ее душили слезы. Не въ силахъ будучи докончить фразу, она выпивала стаканъ за стаканомъ воды, чтобы заглушить свое волненіе. Послѣ минуты молчанія и неловкости въ ожиданіи, что молодая женщина заговоритъ опять, Мериве обратился къ матери Ричарда и продолжалъ обсуждать вопросъ, не касаясь ничьей личности.

— Несчастному существу, не нашедшему въ бракѣ ни любви, ни счастья, я бы посовѣтовалъ вотъ что: вмѣсто хлопотъ о разводѣ, обратиться къ маленькому приходу, зайти въ маленькую церковь, не имѣющую своего священника, на колокольнѣ которой вьютъ себѣ гнѣзда лѣсные голуби. Побыть въ этой церкви ровно столько времени, сколько нужно, чтобы прочесть «Отче нашъ»,— простую молитву покорности и самоотреченія... вотъ и весь секретъ быть счастливымъ.

Всѣмъ извѣстно было тихое помѣшательство благодушнаго старика, и присутствующіе обмѣнялись улыбками, закончившими обѣдъ болѣе весело, чѣмъ было его начало.

На слѣдующій день дороги настолько просохли даже въ лѣсу, что Элиза и Ричардъ отправились кататься верхами, какъ всегда. Они ѣхали маленькимъ Сенарскимъ лѣсомъ, гдѣ узкія дорожки, затѣненныя дубами, вьются между заброшенными каменоломнями, которыя носятъ названіе *Узельскихъ* и уже заросли павиликой, терновникомъ, верескомъ, мѣстами залиты дождевою водой, утоляющею жажду оленей, кроликовъ и фазановъ. Элиза предложила отдохнуть нѣсколько минутъ. Привязавши лошадей къ проволочной рѣшеткѣ, которою былъ обнесенъ участокъ, сберегаемый для охоты владѣльцевъ Гробурга, они усѣлись рядомъ на мохъ, покрывающій изрытыя водомоинами заросли.

— Я хочу предложить вамъ серьезный вопросъ, Ричардъ,— заговорила Элиза, смотря ему прямо въ глаза,— вашъ отвѣтъ будетъ имѣть огромное значеніе для меня, а потому я бы желала, чтобъ онъ былъ совершенно правдивъ и прямъ. Какого вы мнѣнія о мосьё Делькру? Полагаете ли вы, что онъ можетъ быть хорошимъ мужемъ?

Этого Ричардъ никакъ не ожидалъ. Онъ долго не зналъ, что сказать, и кончилъ тѣмъ, что сказалъ глупость:

— Мужемъ для васъ?

— Да. Мнѣ тяжело жить одной. Всѣмъ вамъ я кажусь очень веселой... Если бы вы знали, какъ часто я смѣюсь, когда мнѣ совсѣмъ не до смѣха!

Ея забавный маленькій носикъ, задорно-шаловливыя губки, насмѣшливо приподнятые углы рта явно противорѣчили ея меланхолической пѣсенкѣ. Но тонъ ея былъ настолько искренній, что вернулъ Элизѣ симпатію ея спутника. И до чего, въ сущности, сложное существо человѣкъ, самый простой! Еслибъ она сказала: «Любите ли вы меня? Могу ли я надѣяться, что вы разведетесь съ вашею женой и женитесь на мнѣ?»—Ричардъ не задумался бы отвѣтить: «Я васъ не люблю и вторично ни на комъ не женюсь...» И, тѣмъ не менѣе, ему пришлось сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы посовѣтовать ей выйти замужъ за другого.

— Честный ли человѣкъ Делькру? Полагаю, что да... Но онъ слишкомъ честолюбивъ... и недостаточно мягокъ. Я помню, какъ два года назадъ, настоявши на обвиненіи убійцы семьи Мельотовъ, онъ потиралъ руки отъ удовольствія и съ наслажденіемъ говорилъ: «Наконецъ-то мы заполучили его голову!»

— Вы приводите меня въ ужасъ,—сказала Элиза, видимо очень довольная такимъ проявленіемъ антипатіи, изъ-за которой проглядывало чувство ревности.

Но, какъ бы желая устранить такое заключеніе, онъ поспѣшилъ добавить:

— О, я не думаю, чтобы съ нимъ вы могли быть несчастливы!... Хотя...

Онъ не договорилъ въ нерѣшимости, точно испугавшись чего-то... И глубокое затишье лѣса, съ его вѣчнымъ трепетомъ и едва уловимымъ шелестомъ, съ непрерывнымъ стрекотаніемъ насѣкомыхъ въ травѣ, съ неяснымъ гуломъ сверкающихъ на солнцѣ вершинъ, было похоже на ихъ молчаніе, полное тревоги и готовыхъ вырваться признаній. Почему на этотъ разъ казалась она Ричарду такою соблазнительной въ своей синей амазонкѣ, плотно охватывавшей ея небольшую, пухлую фигурку? Бѣдная Красная Шапочка подъ когтями этого кота себѣ на умѣ... Ричардъ быстро поднялся и проговорилъ сильно взволнованнымъ голосомъ:

— Два дня подождите давать ему отвѣтъ.

А она думала: «Какъ просто было бы теперь же!»—и встала, нехотя, очень медленно.

Лошади мчали ихъ во всю прыть по дорогѣ, называемой діагональною, прорѣзывающею лѣсъ во всю ширину и проходящею по зарослямъ различныхъ древесныхъ породъ, ели, ольхи, березы, дуба, черезъ порубки для выжиганія угля, гдѣ въ стелящемся по низу дымѣ виднѣлись хижинки изъ травы и битой земли, окруженныя курами, дѣтьми, заготовленными дровами, возами съ хворостомъ. Элиза и Ричардъ уже съ полчаса скакали, не говоря ни слова, точно уносимые своими желаніями и мечтами, когда увидали за чащей буковъ охотничій домикъ въ стилѣ Людовика XV, съ огромными окнами, съ полукруглымъ верхомъ двери, передъ которою группа полѣсовщиковъ верхами, казалось, ожидала экипажа мадамъ де-Помпадуръ.

— Это фазаній дворъ,—объяснилъ Ричардъ своей спутницѣ, пріостановившейся изъ любопытства.

Сколько воспоминаній и какихъ удручающихъ воспоминаній вызвала въ немъ эта старинная постройка, гдѣ, при открытіи охоты, въ палаткѣ, раскинутой передъ входомъ, Лидія сидѣла за столомъ по правую руку генерала-герцога, такая хорошенькая и гордая!... Полѣсовщики почтительно раздвинулись передъ очень изящнымъ всадникомъ, одѣтымъ во все сѣрое и, по-военному, застегнутымъ на всѣ пуговицы. Онъ направлялся къ дорогѣ діагональю. Ричардъ вздрогнулъ, глазамъ не повѣрилъ, узнавая въ помолодѣвшемъ, бодромъ всадникѣ больного, котораго считалъ недвижимымъ въ Гробургѣ. Тотъ проѣхалъ мимо Фенигана, не видя его, занятый единственно Элизой.

— Кто это?—спросила она.

Ричардъ не успѣлъ отвѣтить, какъ другой всадникъ, совсѣмъ молоденькій, въ драгунской формѣ, отдѣлился отъ группы сторожей и въ галопъ пустился за генераломъ. Эти крошечные усики, эти кудрявые бѣлокурые волосы подъ кепи! Фениганъ едва сдержалъ крикъ изумленія и бѣшенства... Шарлей!... То былъ Шарлей... въ драгунскомъ мундирѣ... А Лидія? Куда онъ ее дѣвалъ? Что съ нею теперь?... Въ ушахъ у него гудѣло, буки, казалось, выросли, приняли неправдоподобные размѣры, Элиза—гдѣ-то очень далеко, совсѣмъ крошечная, махала руками, говорила какія-то слова, которыхъ онъ не понималъ. И вдругъ, прежде чѣмъ она сообразила причину волненія Ричарда, онъ повернулъ лошадь и, какъ сумасшедшій, помчался слѣдомъ за всадниками, исчезнувшими уже въ концѣ длинной аллеи. Элиза догнала его у большого дуба, гдѣ Фениганъ остановился и разспрашивалъ возчика углей,

высоко взгромоздившагося на свою кладь. Громкій голосъ крестьянина гулко разносился въ чистомъ воздухѣ поляны.

— Да, вѣрно, это князь. Онъ еще въ воскресенье пріѣзжалъ сюда охотиться съ индѣйцемъ и далъ нашему Гильому двухъ-франковикъ... А касательно его службы въ драгунахъ, такъ насчетъ этого сынъ Фукара, что покойниковъ возитъ, и малый Эжена разскажутъ вамъ больше, чѣмъ я, они въ томъ же эскадронѣ, гдѣ и Шарль-сисъ.

— Благодарю, — сказалъ Ричардъ, побѣлѣвшій, какъ стволъ березы.

И тихо онъ проговорилъ кузинѣ:

— Вернемтесь,—я нездоровъ.

Вплоть до дому она не могла добиться отъ него ни одного слова, за то его «пумъ-пумъ-пумъ», которые онъ напѣвалъ себѣ подъ носъ, достаточно обличали его душевныя муки. «Моя игра проиграна»,—думала про себя Элиза и, вернувшись, ушла тотчасъ же къ себѣ въ комнату скрыть свои слезы, въ то время, какъ Ричардъ направился въ фруктовый садъ разыскивать мать.

Послѣ большого дневного зноя наступалъ часъ прохлады, когда цвѣты купаются и пьютъ влагу. Подъ журчаніемъ воды вдоль рабатокъ, подъ ласкою косыхъ солнечныхъ лучей, они выпрямляются, нѣжатся сладострастно, и ихъ блескъ, оживлявшійся по мѣрѣ того, какъ угасалъ день, обличалъ вѣчный антагонизмъ, существующій между окраской и свѣтомъ. Рои бабочекъ носились надъ клумбами. Стукъ леекъ о края бассейновъ и короткія приказанія садовника рабочимъ одни только нарушали молчаливую дѣятельность наступавшаго вечера, охватывавшаго пріятною свѣжестью.

— Что съ тобой?—спросила мадамъ Фениганъ, увидавши, въ какомъ волненіи вошелъ ея сынъ въ теплицу, гдѣ она садовыми ножницами подрѣзывала рѣдкостные кустарники.

Вмѣсто отвѣта, Ричардъ спросилъ:

— Шарлексисъ вернулся?

— Въ Мелёнѣ, уже два мѣсяца... Поступилъ въ драгуны. Развѣ ты этого не зналъ?

— А она? Гдѣ она? Что онъ съ нею сдѣлалъ?

— Что съ такими женщинами дѣлаютъ, — отвѣтила мать, горывисто срѣзая сучекъ.—Заплатятъ за развратъ и выставятъ вон.

Она говорила настолько громко, что садовники могли слышать. Ричардъ затворилъ стеклянную дверь и продолжалъ такимъ рѣзкимъ голосомъ, какого мать никогда не слыхивала:

— Лидія не развратница, она жертва деспотизма, которую за-

перли въ тюрьму и которая убѣжала, какъ сказано въ ея послѣднемъ письмѣ... А затѣмъ, ты не имѣешь права оскорблять женщину, носящую мое имя.

Глаза мадамъ Фениганъ вспыхнули.

— Тебѣ давно слѣдовало отнять у нея это имя, и ты могъ это сдѣлать.

— Развестись, не такъ ли? Развестись, чтобы вы женили меня на кузинѣ, изукрашающей себя во всѣ цвѣта корабельныхъ флаговъ?... Ну, на это не разсчитывайте! Не будетъ этого... никогда... никогда!

— О-о, понимаю... тебѣ больше по вкусу катехизисъ маленькаго прихода!... Иди просить прощенія у негодницы въ томъ, что она сдѣлала насъ посмѣшищемъ всей округи, потомъ приведи ее сюда, помѣсти не въ павильонѣ уже, а въ замкѣ, у твоей родной матери, чтобы той покойнѣе было... родить!

Но едва она выговорила это, какъ сама испугалась страшной блѣдности Ричарда и нервной дрожи его губъ. Мать нѣжно бросилась къ нему съ распростертыми объятіями. Ричардъ грубо оттолкнулъ ее безумнымъ движеніемъ.

— Беременна! А ты же увѣряла, что она не можетъ имѣть дѣтей... Зачѣмъ ты лгала? Зачѣмъ ты всегда лгала, говоря со мной о ней? Ты очень ненавидѣла ее?

— Она была моимъ всегдашнимъ мученіемъ и позоромъ. Да, я ее ненавидѣла... Но, будь спокоенъ, твое обращеніе со мной послужитъ мнѣ урокомъ. О ней мы уже никогда больше говорить не будемъ. Бери ее, ухаживай за нею, признавай ея незаконнаго ребенка. На него назначено обезпеченіе въ двѣсти тысячъ франковъ. Аффера хорошая, какъ видишь.

До глубины души уязвленная въ своей гордости, въ своей страстной материнской любви, она все время обрѣзывала вѣтки, подчеркивая каждую фразу отрывистымъ щелканьемъ ножницъ.

Ричардъ не далъ ей продолжать рѣчь:

— Берегись, мама!

Онъ схватилъ ее за руку, силою повернулъ къ себѣ и, доведенный до отчаянія всѣмъ, что онъ слышалъ отъ нея, приблизилъ с[illegible] искаженное лицо къ лицу старухи и заговорилъ, себя не помня:

— Мое вѣчное мученіе—ты... понимаешь это? Ты, а не она... Т[illegible] съ дѣтства держала меня взаперти, въ комнатѣ больной, лиша[illegible] меня воздуха и движенія. Твоя эгоистическая любовь не давала м[illegible] развиваться, лишила меня возможности стать человѣкомъ. Ч[illegible] держать меня при себѣ, ты меня тиранила такъ же точно,

какъ тиранила моего отца. Ты ублажала мою лѣнь, потворствовала моимъ порокамъ, сдѣлала невозможною для меня какую бы то ни было карьеру. Чтобы я не женился, чтобы не было здѣсь иного вліянія, кромѣ твоего, ты своихъ служанокъ поставляла мнѣ въ любовницы... Э, что тамъ!... Точно я не видалъ этого... А эту глупенькую бѣдняжку зачѣмъ ты вытребовала изъ Лоріана, какъ не за тѣмъ, чтобы сунуть въ мои объятія? Къ какимъ ты ни прибѣгала штукамъ для того, чтобы она сдѣлалась моею любовницей, и только любовницей, такъ какъ мужъ ея живъ, а церковь не признаетъ разводовъ! Ты на все готова, лишь бы не допустить къ намъ въ домъ ту женщину, которую выгналъ твой деспотизмъ, твоя вѣчная ревность... А, нечего сказать, хороша твоя религіозность, хорошъ и фарисей—твой почтенный духовникъ! Но ничего вы не подѣлаете, ничего: я люблю мою жену, люблю ее и прощаю ей, потому что я виноватъ передъ нею, виноватъ тѣмъ, что не защитилъ ее отъ тебя, отъ твоей злости... Плачь теперь, плачь. Она плачетъ больше, чѣмъ ты, она одинока, брошена невѣдомо гдѣ... О, я разыщу ее!... Чѣмъ жить такъ, какъ я живу безъ нея, съ глазу на глазъ съ тобою, я лучше съ собой покончу, убью себя вотъ этимъ...

— Ричардъ, дитя мое...

Онъ хотѣлъ вырвать у нея ножницы, но болѣе, чѣмъ онъ, проворная и ловкая, мадамъ Фениганъ швырнула тяжелыя ножницы въ уголъ теплицы, заваленный обрѣзанными сучьями и измятыми цвѣтами.

VIII.

Чудо маленькаго прихода.

— Нѣтъ, вы представить себѣ не можете того утомленія, какое я испытываю отъ постояннаго напряженія воли ради самыхъ простыхъ вещей, ради того, чтобы подняться съ мѣста, сѣсть, снять шляпу, надѣть ее. Что у васъ является движеніемъ безсознательнымъ, автоматическимъ, то вынуждаетъ меня на усилія, на призывъ всѣхъ моихъ резервовъ... Вставать утромъ съ постели, жевать, сидя за столомъ, докончить фразу, которую я имѣлъ несчастье начать,—все становится для моей жалкой, разбитой машины работой и мученіемъ... Сядемте... Видите вотъ, съ меня потъ градомъ катится отъ того, что я сюда дошелъ, опираясь на вашу руку.

Такъ говорилъ генералъ, останавливаясь на террасѣ у рѣки въ Гробургѣ. Жалостливый и покорный своей судьбѣ, учитель Жанъ съ самаго завтрака водитъ отъ скамьи до скамьи герцога д'Алькантэ-

ра, терпѣливо выслушиваетъ его жалобы, пытается ободрить его немудрыми утѣшеніями, какими убаюкиваютъ неизлечимо-больныхъ.

— Вы ѣздили, однако, вчера верхомъ, господинъ герцогъ, и Шарлексисъ находитъ, что вы были великолѣпны на лошади.

— Сущая это потѣха! До фазаньяго садка я доѣхалъ въ ландо съ герцогиней, пришла мнѣ блажь погалопировать немного на смирнѣйшей лошади старшаго сторожа. Черезъ пять минутъ я уже лежалъ въ канавѣ и меня перетащили въ экипажъ очень счастливаго тѣмъ, что я костей тамъ не оставилъ. Вотъ какъ я хорошъ былъ на лошади!... Дѣло въ томъ, что силъ нѣтъ совсѣмъ, и еслибъ я хоть на минуту забылъ твердить: «Я хочу жить», — я пересталъ бы жить.

Генералъ сидѣлъ, закрывши глаза и откинувши голову на трельяжъ, возвышавшійся позади скамьи. На блѣдныхъ крупныхъ чертахъ его лица видно утомленіе, изнеможеніе. Въ паркѣ слышны возгласы и удары мяча игры въ теннисъ, скрытой клумбою кустарниковъ, сквозь которые мелькаютъ бѣлые береты и яркія юбки. Взрывъ смѣха, болѣе громкій, болѣе торжествующій, чѣмъ всѣ прежніе, вывелъ больного изъ полузабытья.

— Слышите, какъ бывшій вашъ ученикъ веселится со всѣми Эсперями и Реввеками замка Мережи? А! Онъ не страдаетъ... Какъ хорошо онъ смѣется!...

И вдругъ голосъ больного сдѣлался мрачнымъ, очень жесткимъ.

— Меня въ ужасъ приводитъ этотъ мальчишка... Отъ него сердце у меня замираетъ, точно надъ пропастью. А вы ухитритесь-ка вотъ разобрать его!

— Да мнѣ кажется... — мямлитъ бывшій учитель, — мнѣ кажется, онъ исправляется... исправился, ведетъ себя, какъ должно...

— Да, поневолѣ... А кстати, вы не знаете конца романа. Герцогиня запрещаетъ говорить объ этомъ, такъ какъ нашъ молодецъ оказался и тутъ не особенно блистательнымъ. Ну, а за мною такихъ материнскихъ слабостей не водится. Такъ вотъ, въ одно прекрасное утро, въ комнату влюбленныхъ въ Монте-Карло влетаетъ старый пройдоха Александръ, которому мы поручили слѣдить за мужемъ. «Мужъ пріѣхалъ, здѣсь онъ, спасайся, кто можетъ!» — объявляетъ онъ съ приличествующими обстоятельствамъ тремолями. Дама перепугалась, знаетъ, что неповоротливаго супруга не скоро сдвинешь съ мѣста, но что свирѣпъ онъ, какъ буйволъ, и что рога у него здоровые. Мальчишка оказался молодцомъ, долженъ сознаться, бѣжать отказался. Тогда Александръ вынужденъ былъ потихоньку

отъ возлюбленной держать такую рѣчь: «Нѣтъ тутъ никакого мужа, это одна комедія. Но у васъ нѣтъ ни сантима, обчистила рулетка. У васъ на шеѣ женщина, яхта и, чего добраго, ребенокъ будетъ, надо выпутываться. Вотъ вамъ деньги, утекайте на яхтѣ, а я спроважу вашу даму». Вы знаете нашего влюбленнаго и можете себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ онъ соглашается на эту штуку. Зацѣпился на цѣлыхъ три мѣсяца, легко сказать! Въ слезахъ онъ вырывается изъ объятій своей возлюбленной и, въ то время, какъ Александръ пробирается съ нею въ Бретань, онъ, чтобы сбить со слѣда нашего Отелло, развертываетъ всѣ паруса своей яхты и направляется къ маленькому порту въ Морбиганѣ, гдѣ его должна дождаться его любовница и гдѣ она ждетъ его и по сей часъ. Я полагаю, что и мы не скоро бы увидали молодца, еслибъ его яхта не погибла, какъ-то ночью, въ виду Болеарскихъ маяковъ. Вернулся онъ къ намъ, повѣся носъ, съ пустымъ кошелькомъ... А тутъ процессъ съ арматоромъ, вознагражденіе за убытки экипажу, уплата неустойки, на все это потребовалось много денегъ. Я воспользовался этимъ, поприжалъ его и вынудилъ поступить вольноопредѣляющимся. Но всего непонятнѣе и всего ужаснѣе во всей исторіи то, что онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о женщинѣ, которая всѣмъ для него пожертвовала и вотъ уже больше мѣсяца изнываетъ въ Бретани.

Учитель Жанъ въ недоумѣніи, совсѣмъ растерянно, смотритъ поверхъ своихъ очковъ.

— Какъ... она до сихъ поръ не знаетъ?

— Нѣтъ. Покончить дѣло поручено Александру, и я воображаю, съ какимъ удовольствіемъ онъ его тянетъ. Это такая скверная собака... Тсс! Герцогиня...

Она шла изъ глубины площадки, торопливо сѣменя своими мелкими шагами. Цвѣтъ лица и даже волосы, казалось, пожелтѣли еще больше.

— Я васъ искала, — заговорила она мужу очень тихо и очень быстро, всовывая ему въ руку распечатанное письмо.—Посмотрите, что я нашла сейчасъ въ почтѣ на имя Шарлея. Мое вниманіе обратилъ штемпель Дравейля.

Сначала въ полголоса, потомъ про себя генералъ прочелъ нѣсколько строкъ, заключавшихъ въ себѣ вызовъ на дуэль, присланный его сыну Ричардомъ Фениганомъ.

«Я зналъ васъ за негодяя, но вы будете подлецомъ, если теперь, ставши солдатомъ...» гм... гм...

Длинныя блѣдныя руки, державшія письмо, немощно опустились.

— *Play!*— крикнулъ свѣжій мужской голосъ на лужайкѣ, гдѣ играли въ теннисъ.

Генералъ дочиталъ письмо и очень серьезно проговорилъ:

— Послѣ вчерашней встрѣчи въ лѣсу этого и слѣдовало ждать.

Герцогиня такъ и подпрыгнула отъ негодованія.

— Я ужь давала, давала денегъ, готова еще давать, и все оказывается мало, чтобъ удовлетворить этотъ народъ!

— Въ жизни, моя милая, не въ деньгахъ только сила... Да и мужъ-то, вѣдь, ничего не получилъ. У него отняли жену, онъ сердится, это довольно естественно, и мнѣ кажется, что Шарлею мудрено будетъ отдѣлаться отъ этой дуэли.

— Да что вы... совсѣмъ съ ума сошли... Не вы ли сами говорили, что Ричардъ Фенигапъ первоклассный боецъ на шпагахъ и такой же стрѣлокъ изъ пистолета?

— Что-жь тутъ подѣлаешь? Вашъ сынъ солдатъ, его оскорбляютъ,— надо драться.

— Я не покажу ему этого письма.

— Онъ другое получитъ, еще болѣе оскорбительное.

— Я поѣду къ матери того.

— И его мать приметъ васъ такъ, какъ вы ее приняли... Нѣтъ, нѣтъ... есть, если хотите, одно средство помѣшать дуэли вашего сына.

— Какое? — страстно воскликнула герцогиня.

— Мнѣ идти, вмѣсто него.

Проблескъ надежды сверкнулъ въ глазахъ жены, окинувшей генерала взглядомъ, но она тотчасъ же пожала плечами.

— Вы говорите—идти, мой бѣдный другъ, а сами на ноги встать не можете... Нѣтъ, всего проще было бы написать его полковому командиру, нашему кузену де-Бутиньяну, чтобъ онъ тотчасъ же вызвалъ Шарлексиса въ полкъ. Я хотѣла избавить его отъ большихъ маневровъ, но въ виду этого...

Шаръ тенниса прокатился къ ихъ ногамъ. Облитый цвѣтами, занавѣсъ кустарника раздвинулся подъ руками молодого князя съ открытою шеей, въ бѣломъ фланелевомъ вестонѣ, стянутомъ широкимъ шелковымъ поясомъ, обхватывавшимъ гибкій станъ. Юноша, съ разгорѣвшимся румянцемъ, съ влажными волосами, улыбнулся торопливому движенію герцогини, поспѣшившей скрыть письмо.

— А у васъ тутъ секреты,— сказалъ онъ и, поднявши шаръ, исчезъ опять въ чащѣ, оставляя за собой восхищеніе его ловкостью и граціозностью. У всѣхъ троихъ промелькнула одна мысль, которую мать выразила вслухъ:

— И чтобъ такую-то прелесть я допустила искалѣчить, отнять у меня!... Пойду и сію же минуту напишу Бутиньяну.

Оставшись одинъ съ Жаномъ, генералъ энергично всталъ со скамьи.

— Оставьте, оставьте... Я хочу попробовать.

Стоя и пошатываясь на мѣстѣ, онъ повернулся въ профиль, раздвинулъ ноги, попытался поднять трость, вытянуть руку, какъ бы для фехтованія, но покачнулся, раскинулъ руки и упалъ бы, навѣрное, еслибъ учитель не подхватилъ его и не усадилъ опять на лавку.

— Дуэль въ такомъ-то положеніи! — прошепталъ бѣдняга, отирая со лба потъ, выступившій отъ усилія. Въ глазахъ герцога стояли слезы.

Помолчавши немного, онъ продолжалъ:

— Хорошо она это сказала, что я на ногахъ не могу держаться!... Какое полное презрѣніе звучало въ голосѣ женщины къ жалкому мужу, который не въ силахъ уже защищать ее, свою жену, и своихъ дѣтей!

Онъ говорилъ это, опустивши голову, а по парку разносились веселые голоса, смѣхъ и бойкіе удары оживленной партіи въ теннисъ.

Молодой князь спалъ еще, когда на слѣдующее утро было доставлено въ Гробургъ заказное письмо съ дравейльскимъ штемпелемъ. Такъ какъ всѣмъ слугамъ было приказано, чтобы ни одно письмо не подавалось Шарлексису, пока не побываетъ въ рукахъ его матери, то и въ полученіи этого пакета расписалась герцогиня и разпечатала записку Фенигана, еще болѣе оскорбительную, чѣмъ первая. Герцогиня не сказала никому объ этомъ и совсѣмъ было успокоилась телеграммой полковника, вызвавшей ея сына въ Мёленъ, когда на слѣдующій день за завтракомъ было опять получено посланіе Ричарда, адресованное на этотъ разъ уже отцу и съ приложеніемъ дубликатовъ оскорбленій, посланныхъ юному князю.

«Какъ относится къ этому герцогъ д'Алькантара? Окажется ли онъ такимъ же дряннымъ трусомъ, какъ его сынъ?»

Герцогиня, сидя напротивъ мужа, удивлялась тому, что онъ ничего не ѣстъ. Онъ не въ состояніи былъ держать вилку,— такъ сильно дрожали его руки. Вмѣсто отвѣта на вопросъ жены, генералъ передалъ ей только что распечатанное письмо. Она окинула бѣглымъ взглядомъ оскорбленія, наносимыя всѣмъ близкимъ ей, и, совершенно спокойная за сына, находившагося, по ея мнѣнію, въ полной безопасности, равнодушно проговорила:

— Это смѣшно,—вѣдь, онъ же знаетъ, что вы не въ состояніи драться.

— Онъ этого не знаетъ... Третьяго дня онъ видѣлъ меня верхомъ на лошади.

— Въ такомъ случаѣ, онъ долженъ былъ видѣть васъ и валяющимся на землѣ, такъ какъ на лошади вы недолго усидѣли... А затѣмъ и объясниться можно. Я пошлю къ нему учителя Жана.

Глаза учителя заморгали, какъ передъ особенно трудною партіей віолончели.

— Вы правы,—сказалъ генералъ, внезапно успокоившись.

Бѣдный учитель Жанъ! Какими далекими казались ему тѣ дни, когда онъ въ лодкѣ Шюшена переѣзжалъ съ своею віолончелью черезъ рѣку изъ одного дома въ другой! Когда-то такія веселыя и оживленныя Узелли казались теперь поразительно мрачными, особливо съ тѣхъ поръ, какъ мадамъ Фениганъ и ея сынъ, вслѣдствіе необыкновенно рѣзкаго объясненія, перестали говорить и видаться другъ съ другомъ. Ричардъ перебрался въ свою прежнюю комнату въ павильонѣ, куда ему подавали кушать и гдѣ онъ проводилъ цѣлые дни. Безъ сухого постояннаго хлопанья комнатнаго пистолета никто бы не зналъ, что онъ находится въ домѣ. Мадамъ Фениганъ удвоила свою хозяйскую дѣятельность, носилась со скотнаго двора въ садъ, продолжала изводить садовника и его бѣлокъ, и въ раздраженномъ ея голосѣ, въ ея походкѣ, въ сердитомъ позвякиваніи ключами такъ и слышались ея бушующая гордость и оскорбленная материнская любовь.

— Послѣ всего, что я для него дѣлала, онъ предпочитаетъ мнѣ эту негодную женщину... О!..

И она словъ не находила для выраженія своего негодованія, въ особенности, когда на память приходило выраженіе дрожащихъ, искаженныхъ губъ, бросившихъ ей въ лицо слова оскорбленія и ненависти. И это ея сынъ, это ея ненаглядный Ричардъ!

— Вы ошибаетесь, кузина,—осторожно вступалась Элиза, помогая собирать яблоки-падальцы,—Ричардъ обожаетъ васъ... Говорилъ онъ въ сильномъ раздраженіи, но я увѣрена, если бы вы захотѣли...

[illegible]ать гордо выпрямилась, разсыпала яблоки.

— Никогда этого не будетъ. Ты меня не знаешь. Я скорѣе согла[illegible]усь умереть, чѣмъ унижаться передъ сыномъ. Онъ обязанъ пр[illegible]ить у меня прощенье.

— Кто же говоритъ, что онъ не желаетъ этого? Если бы вы позво[illegible]ли мнѣ пойти въ павильонъ, попытаться увидать его...

Мадамъ Фениганъ презрительно усмѣхнулась.

— Былъ бы напрасный трудъ. Ты не знаешь, что надо сказать ему... Слишкомъ ты хорошая женщина.

Въ глубинѣ души мадамъ Фениганъ и на нее злилась. Элиза понимала это и, въ виду такого горя, забывала собственную неудачу, сознавала свою безполезность, стѣснительность своего пребыванія здѣсь, заговаривала объ отъѣздѣ въ Лоріанъ, причемъ хозяйка не считала нужнымъ ее удерживать.

Ричардъ, съ своей стороны, переживалъ припадки страшной ревности, думалъ только о мщеніи и убійствѣ. Два офицера изъ полка, занимавшаго фортъ Вильневъ, старые товарищи по коллегіи Людовика Великаго, были наготовѣ явиться секундантами, а Ричардъ цѣлые дни проводилъ въ томъ, что упражнялъ руку, поджидая отвѣтъ на свои вызовы, когда разъ утромъ къ нему вошелъ учитель Жанъ, растерянный и заикающійся. Такъ необычайно было для него все то, что онъ увидалъ въ комнатѣ,—этотъ пистолетъ на столѣ, разстрѣлянные картоны, и, наконецъ, то, что говорить ему предстояло, порученіе, которое онъ долженъ былъ передать. «Генералъ ничего иного не желаетъ, какъ занять мѣсто сына, отправившагося на маневры, но слабость лишаетъ его возможности держаться на ногахъ, и онъ разсчитываетъ на великодушіе Фенигана и его секундантовъ, которые согласятся, быть можетъ, на нѣкоторыя его условія».

— Ему угодно драться верхомъ?—спросилъ Ричардъ отрывисто.

— Нѣтъ, но... сидя... Генералъ д'Эльбе, если я не ошибаюсь, раненый былъ разстрѣлянъ синими на креслѣ*). Вамъ предложатъ дуэль такого рода... два кресла въ пятнадцати или въ двадцати шагахъ.

Ричардъ грубо оборвалъ его·

— Такія штуки пусть въ лазаретахъ продѣлываютъ. Передайте генералу, что я подожду возвращенія его сына. Я ужь это предпочитаю. Буду ждать мѣсяцъ, шесть недѣль, сколько потребуется... Но драться я буду съ тѣмъ молодымъ негодяемъ. Если же ничѣмъ нельзя его принудить къ этому, то я подкараулю его на дорогѣ, въ лѣсу, и убью...

Ричардъ повторилъ нѣсколько разъ: «убью его, убью!»— какъ бы вколачивая это слово въ хилую голову бывшаго учителя. И

*) Жиго д'Эльбе, главнокомандующій вандейскою арміей во время французской революціи, былъ тяжело раненъ при Шоле, захваченъ республиканцами и разстрѣлянъ въ 1794 г. Республиканцевъ называли „синими", по цвѣту ихъ мундировъ, въ отличіе отъ „бѣлыхъ"—вандейцевъ.

Жанъ, пошатываясь, вышелъ за дверь съ двумя ступеньками, гдѣ его уже съ минуту поджидала мать Ричарда. Увидавши ее, бѣдный малый совсѣмъ по-дурацки воскликнулъ:

— Ахъ, сударыня, какъ давно... какъ я радъ...

Она быстро остановила его и, указывая на павильонъ, сказала:

— О чемъ вы тамъ говорили? Какое еще зло хотятъ намъ сдѣлать ваши гробургскіе?

— Но, вѣдь, это же онъ, это Ричардъ хочетъ... Никакъ не мы.

Задыхаясь, онъ разсказалъ про письма, полученныя въ Гробургѣ, про ужасъ герцогини.

— Я предупреждала ее,—сказала мадамъ Фениганъ съ тихимъ, гордымъ смѣхомъ.—Горько вамъ будетъ, если наши дѣти встрѣтятся!

Ее заставила призадуматься фраза учителя:

— Несчастье слѣпо, сударыня, оно одинаково можетъ обрушиться и на васъ, какъ на насъ. Прошу васъ, успокойте лучше вашего сына. Вы имѣете на него такое огромное вліяніе...

— Увы, никакого не имѣю. Эта ужасная женщина, уходя отсюда, унесла у меня и привязанность, и довѣріе моего сына. Повѣрите ли, что вотъ уже три дня...

Она замолчала изъ боязни расплакаться, чего она ни за что въ мірѣ не хотѣла: слезы разслабляютъ, а ей нужны были всѣ ея силы, вся ея гордость съ вышедшимъ изъ повиновенія сыномъ.

Миновавши лѣсную дорожку, они пошли по большой корбейльской дорогѣ,—мадамъ Фениганъ съ открытою головой, подъ зонтикомъ, какъ всегда ходила у себя по саду. Люди, которыхъ они встрѣчали, все мѣстные старожилы, одѣтые по-праздничному, кланялись имъ, удивленно оглядывались на нихъ.

— Что такое сегодня?—спросилъ учитель Жанъ.—Идя сюда, я слышалъ звонъ въ маленькой церкви, хотя никакого праздника нѣтъ.

— Какая-нибудь годовщина у полоумнаго старика...—сказала мадамъ Фениганъ и пожала плечами. Она все еще не могла простить Мериве его споръ за послѣднимъ обѣдомъ, его вліянію приписывала отвращеніе Ричарда отъ Элизы и отъ развода... А потому, когда старый сосѣдъ поравнялся съ ними, выйдя изъ своей церкви, мадамъ Фениганъ едва отвѣтила очень сухимъ кивкомъ на церемонный поклонъ добряка Мериве, одѣтаго во все черное, въ глубокій трауръ по любимой женѣ, по случаю двадцать первой годовщины ея смерти.

Прощеніе всякихъ мерзостей, отпущеніе всевозможныхъ прегрѣшеній, вотъ что здѣсь проповѣдуютъ.

Мадамъ Фениганъ зонтикомъ указала на маленькую бѣлую церковку у шоссе.

— И меня зазываютъ туда, хотятъ, чтобъ я принадлежала къ этому приходу! Благодарю покорно! Пусть ужь мой сынъ ходитъ, если ему нравится, а моей ноги тамъ никогда въ жизни не будетъ.

— О, мадамъ Фениганъ... мадамъ Фениганъ! — вздыхалъ віолончелистъ, вспоминая объ ужасномъ порученіи, которое онъ взялся выполнить. — Что же будетъ съ нами, если вы не можете повліять на вашего сына? Вѣдь, онъ хочетъ убить... убить...

— Пусть и начинаетъ съ жены. Отлично сдѣлаетъ.

— О, мадамъ!

— Какъ, и вы туда же, и вы за нее? Да чѣмъ же это она васъ всѣхъ опоила, эта ужасная безпутница? А, да, васъ очаровала музыкой, дуэтами, вотъ какъ Ричарда, съ его пумъ-пумъ-пумъ... и потомъ своимъ жеманствомъ, которое сходитъ за нѣжность, за слабость... Мужчины такъ любятъ воображать, будто оказываютъ покровительство слабому существу... О, негодница! сына отняла у меня!... Если бы только она мнѣ попалась въ руки...

— Вы пожалѣли бы ее, потому что вы очень добры, а она очень несчастна, — сказалъ Жанъ, усиленно моргая глазами, какъ бы въ ожиданіи побоевъ, которыми грозили сверкающіе взгляды госпожи Фениганъ.

Но нѣтъ, избіенія не послѣдовало. Гордая и раздраженная женщина оборвала разговоръ короткимъ наклоненіемъ головы, быстро повернулась и направилась по дорогѣ обратно къ дому.

Дверь церкви была все отворена. Подъ вліяніемъ какого-то внезапнаго влеченія, противнаго ея убѣжденіямъ, въ силу какого-то безсознательнаго измѣненія всего настроенія, переступила мадамъ Фениганъ порогъ маленькой церковки. Возможно, что подѣйствовали слова старика Мериве, сказанныя за столомъ бѣдной истерзанной женщинѣ: «Войдите и опуститесь на колѣни,— вотъ въ чемъ весь секретъ счастья». Онъ сказалъ это поразительно убѣжденнымъ тономъ, и лишь нѣсколько минутъ назадъ, когда этотъ сумасшедшій старикъ переходилъ черезъ дорогу, на его лицѣ видно было выраженіе удивительнаго блаженства и забвенія всѣхъ скорбей.

Мадамъ Фениганъ вошла, охваченная мягкимъ сумракомъ послѣ яркаго блеска дня на улицѣ, обвела высокомѣрнымъ взглядомъ высокія гладкія стѣны, испещренныя тамъ и сямъ отблескомъ цвѣтныхъ оконныхъ стеколъ, всѣхъ затворенныхъ, за исключеніемъ одного, очень высокаго и широкаго, сквозь которое надъ самымъ

алтаремъ сіяло лазурно-голубое небо. О, какъ безконечно глубоко, какъ привлекательно прекрасно это небо!... Почти нехотя мадамъ Фениганъ опустилась на колѣни, и ея губы сами собой зашептали «Отче нашъ»... смиренную молитву малыхъ и кроткихъ, забывая всѣ прошенія, кромѣ: «остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ...» Слезы хлынули изъ твердой каменной глыбы. Всколыхнулась душа, тяжелое бремя скатилось со всего существа, и она всю увидала себя, судъ произнесла надъ собой, пережила все свое прошлое.

Да, правъ Ричардъ. Гордость, страсть властвовать вызывала, обусловливала все, что она дѣлала. Да, ея мужъ и ея сынъ, которыхъ она любила, однако, страдали отъ нея. И, быть можетъ, съ болѣе мягкою матерью сиротка Лидія всю жизнь была бы счастлива въ своей семьѣ. Но для этого надо было ей, матери Ричарда, имѣть много снисходительности, умѣть жалѣть душою, умѣть прощать сердцемъ. Все это яснымъ представлялось ей теперь, а также и то, что̀ предстояло ей попытаться сдѣлать. А предстояло нѣчто очень трудное, но Богъ уже просвѣтилъ ее и впредь поможетъ ей, несомнѣнно... «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...»

Глубокій вздохъ невдалекѣ далъ знать госпожѣ Фениганъ, что она въ церкви не одна. Глаза, привыкшіе къ сумраку, разсмотрѣли въ нѣсколькихъ шагахъ стоящую на колѣняхъ передъ стуломъ бѣдную женщину, повязанную платкомъ, одѣтую въ заношенное, полинявшее платье. Рядомъ съ нею на полу лежалъ узелъ, изъ котораго торчалъ ластиковый черный зонтикъ. Мадамъ Фениганъ,— прежняя, та, что недавно входила въ церковь,—не любила нищихъ, считала милостыню унизительною и никогда, за исключеніемъ опредѣленнаго дня, своего традиціоннаго понедѣльника, не подала никому ни сантима, ни корки хлѣба. Таковъ былъ одинъ изъ пунктовъ ея личнаго кодекса, постоянный поводъ къ пререканіямъ съ снохой, когда онѣ вдвоемъ выѣзжали въ ландо. А! если бы Лидія изъ уголка, гдѣ она скрывалась съ своимъ проступкомъ и несчастьемъ, могла видѣть свою незнавшую жалости свекровь въ ту минуту, когда та подошла къ бѣдной женщинѣ и тихо, кротко спросила: «Вы не здѣшняя?» Какія бы надежды это дало несчастной молодой ...нщинѣ, и какъ бы это удивило ее!... Нищая ничего не отвѣти- ... Истомленная усталостью, она уснула за молитвой. Вмѣсто того, ...обы придти въ негодованіе, какъ она не преминула бы сдѣлать ... прежнее время, вмѣсто того, чтобы грубо разбудить бѣдняжку, ...рзнувшую такъ непочтительно относиться къ Богу, мадамъ Фе- ...анъ отдалась безграничной жалости, вынула изъ своего ридикюля

кюля портъ-моне, погромыхивавшій тамъ связкою ключей, и, не раскрывая его, не справляясь, сколько въ немъ денегъ, положила его на узелокъ бѣдной женщины. Знавшимъ мать Ричарда этотъ порывъ благотворительности показался бы еще болѣе диковиннымъ, чѣмъ тѣ новыя и затаенныя рѣшенія, съ которыми она выходила изъ церкви маленькаго прихода.

При видѣ ея, Наполеонъ Мериве, съ минуту уже прогуливавшійся по заросшему макомъ участку, радостно воскликнулъ:

— Вы, мадамъ... такъ это вы тамъ были?... Я слышалъ, какъ двигалъ кто-то стулья, только... никакъ уже не могъ предположить...

— Правда, это настоящее чудо, но васъ-то не удивишь чудесами,— отвѣтила она съ свѣтлою улыбкой.

Затѣмъ, раскрывая зонтикъ подъ знойнымъ солнцемъ полудня, она продолжала:

— Мосьё Мериве, я попрошу васъ объ одномъ одолженіи... Мнѣ необходимо уѣхать на нѣсколько дней, какъ ни тяжело оставить Ричарда одного, особливо при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ...

По лицу старика, отѣненному густыми, какъ усы, бровями, пробѣгала хитрая улыбка.

— Не одинъ онъ останется... а кузина-то?— проговорилъ Мериве.

— Кузина отправляется къ себѣ въ Бретань, и я ѣду съ нею.

— Вы, въ Бретань? По какимъ дѣламъ?

— Сама еще не знаю... Вотъ здѣсь я получила вдохновеніе.

Ни о чемъ болѣе не разспрашивая, старикъ проговорилъ съ увлеченіемъ:

— О, я всегда зналъ, что вы прекрасная, благородная женщина, и только ваша проклятая гордость...

— Въ особенности, помните, мосьё Мериве, для моего сына, какъ и для всѣхъ здѣсь, я ѣду проводить Элизу, и только. У Ричарда могутъ явиться разныя безумныя надежды, я хочу, предварительно, посмотрѣть самолично.

— Вашъ сынъ будетъ знать лишь то, что вамъ угодно, и надѣяться на то, чего вы захотите. Въ ваше отсутствіе я буду зорко смотрѣть за нимъ и за сосѣдями изъ Гробурга, и если увижу, что я не въ силахъ помѣшать имъ надѣлать огромныхъ глупостей, то у меня есть на это мой добрый Сересъ, одаренный кротостью святого Франциска и мускулами Геркулеса... Я вамъ порука за вашего сына.

— Благодарю, — отвѣтила сильно растроганная госпожа Фениганъ.

Она хотѣла удалиться, но ее удержало движеніе старика, собиравшагося запереть дверь церкви.

— Подождите, тамъ есть кто-то, какая-то бѣдная женщина, задремавшая на молитвѣ.

Маленькій Наполеонъ гордо приподнялъ голову:

— Церковь стоитъ на большой дорогѣ. Какъ только дверь остается отворенною, всегда какой-нибудь идущій мимо несчастный заходитъ въ нее, ищетъ въ ней убѣжища. Пусть себѣ подремлетъ, я запру потомъ... Есть тамъ еще кто-нибудь, кромѣ той бѣдной женщины?

— Да, есть еще нѣкто, кого я тамъ покинула въ одномъ уголкѣ и кого слѣдуетъ тамъ оставить навсегда... это—моя гордость, моя проклятая гордость...—сказала мадамъ Фениганъ, радостная и улыбающаяся, нисколько не похожая на ту высокомѣрно-заносчивую женщину, которая нѣсколько минутъ назадъ вошла въ церковь маленькаго прихода.

М. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОДИНОЧЕСТВО.

(Разсказъ).

На улицахъ Москвы лежитъ грязный, талый снѣгъ. На колесахъ ѣздить скользко, на саняхъ невозможно,—полозья скрипятъ о камень мостовой. Несмотря на конецъ ноября, на тротуарахъ лужи; сѣрое небо сумрачно нависаетъ надъ Москвой. Солнца не видать. Въ воздухѣ — скука и инфлюэнца. И та, и другая царятъ въ городѣ,—это видно по лицамъ прохожихъ и проѣзжихъ людей. И женщины некрасивы сегодня; ихъ влажные волосы развились, а рѣзкій вѣтеръ непріятно румянитъ ихъ лица. Пальто и подолы юбокъ забрызганы грязью или неграціозно приподняты въ рукѣ. Всѣ куда-то словно спѣшатъ, и понятно: въ эту погоду выходятъ на улицу тѣ, кто торопится по дѣлу или кого гонитъ нужда. У всѣхъ озабоченныя, озлобленныя лица.

«Такъ же и про меня теперь думаютъ»,—соображаетъ Зоя. Она возвращается домой съ мигренью послѣ безцѣльнаго разсматриванія картинъ ученической выставки, и воздухъ, вялый и сырой, не освѣжаетъ ея пылающихъ висковъ.

«Можетъ быть, погода виновата; но если это настроеніе будетъ продолжаться, я не вынесу Куда мнѣ дѣваться, что мнѣ дѣлать? Писать нельзя, эти грязные, мутные тона отнимутъ всякое настроеніе. И это ужь третью недѣлю. Ни осень, ни зима.

«Скука, скука какая! А, вѣдь, я еще живу весело!...»

Дѣйствительно, Зоя жила весело.

Молоденькая, миленькая дѣвушка, къ тому же, начинающая пріобрѣтать имя художница, хорошо зарабатывающая и самостоятельная, чего бы еще желать?

Жизнь ея проходила, улетала куда-то такъ быстро, что она не успѣвала оглянуться. Сегодня—въ театръ, на первое представленіе

пьесы знакомаго драматурга; завтра—въ другой театръ, на бенефисъ знакомой пѣвицы; послѣ-завтра—на выставку, гдѣ картина знакомаго художника, а тамъ гастроли французскаго трагика, а тамъ обѣдъ въ честь извѣстнаго профессора, а тамъ ужинъ въ «Эрмитажѣ» съ милою компаніей,—все это перемѣшанное съ легкимъ флиртомъ и лихорадочною работой порывомъ и запоемъ; вѣчные посѣтители и звонки, то художникъ — знакомиться съ «юнымъ собратомъ», то модистка съ новымъ костюмомъ, то молодой человѣкъ съ объясненіемъ въ любви, то дама-патронесса съ билетомъ на скучнѣйшій концертъ. Весь этотъ хаосъ, весь этотъ шумъ, наконецъ, начали сводить Зою съ ума, и она ловила себя на томъ, что все и всѣ кажутся ей ненужными и лишними.

«Полно!—думала она.—Я сама лишняя, *я* никому не нужна!»

Въ этомъ было много правды.

Зоя была сирота и у нея не было близкаго человѣка. Лѣтъ семнадцати, вскорѣ послѣ смерти матери, она сдѣлалась невѣстой, дала слово, потому что жаждала имѣть друга, «родную душу». Она думала найти все это въ своемъ женихѣ, но нашла только страсть и ревность.

Страсть была непонятна ей; женщина въ ней еще не просыпалась, и чѣмъ чаще она видѣла у него ненавистные огоньки въ глазахъ, чѣмъ чаще онъ на правахъ жениха позволялъ себѣ цѣловать ея руки, плечи, шею, тѣмъ отвратительнѣе становился онъ ей. Женщина прощаетъ мужчинѣ страсть и желаніе только тогда, когда сама испытываетъ хоть нѣчто подобное.

Ревность же мучила его страшно, тѣмъ болѣе, что, не ограничиваясь ревностью къ мужчинамъ, онъ ревновалъ ее къ подругѣ, которую она цѣловала, къ котенку, котораго она держала на колѣняхъ, къ герою романа, который она похвалила, — ко всему, что хоть на время отнимало у него ея вниманіе.

И, что всего ужаснѣе, ревновалъ къ ея кистямъ и краскамъ, къ тому, въ чемъ была вся жизнь и всѣ мечты Зои. Когда она, съ палитрою въ рукахъ, стояла передъ начатою картиной, то отступая, то подходя къ ней ближе, слѣдя измѣнившимся взглядомъ за каждою перемѣной свѣта и тѣни, за каждымъ яркимъ бликомъ солнца,—онъ не существовалъ для нея. Онъ это чувствовалъ, ненавидѣлъ ея живопись, оскорблялъ ее и смѣялся надъ нею. Это привело, наконецъ, къ полному разрыву. Онъ сначала чуть не сошелъ съ ума, хотѣлъ убить ее, но она съ рѣдкимъ геройствомъ довела дѣло до конца, не поддаваясь ни страху, ни жалости, и онъ уѣхалъ куда-

то за границу искать «гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ». Когда она узнала, наконецъ, объ его отъѣздѣ, она подумала:

«Вотъ я, наконецъ, и совсѣмъ одна!»

Она вздохнула полною грудью, хотѣла пожалѣть о немъ, но жалости не нашлось. Она только могла благодарить судьбу, что было еще не поздно освободиться.

И вотъ жизнь ея пошла одиноко.

Она рано привыкла къ самостоятельности, никогда не знала хорошенько, что значитъ настоящая семья, и ей вначалѣ не было страшно одной.

Она заняла маленькую квартирку въ верхнемъ этажѣ, бывшую фотографію съ прекрасною мастерской. И первое время ей пріятно было отсутствіе какого бы то ни было гнета. Она могла работать когда хотѣла, видѣться съ кѣмъ хотѣла, ѣхать куда хотѣла. Она зависѣла только отъ себя самой.

Но послѣдніе два года нервы ея страшно издергались; неправильная жизнь, волненія, успѣхи, сплетни,—все это кипѣло въ ней и вокругъ нея. И все чаще были у нея жестокіе припадки сердцебіенія.

И вотъ, въ первый разъ, проснувшись ночью отъ страшнаго сердцебіенія, не въ силахъ будучи подняться съ постели, чтобы позвонить или зажечь свѣчу и положить на грудь холодный компрессъ, она съ ужасомъ поняла свое одиночество.

Съ тѣхъ поръ все чаще ее посѣщала эта дума, а вмѣстѣ съ ней и зловѣщій призракъ болѣзни. Онъ приходилъ всегда неожиданно, въ разгаръ шумнаго ужина, во время веселой комедіи, и страхомъ и тоской сжималъ ея сердце и отравлялъ ей все удовольствіе.

Много друзей, много подругъ; но у всѣхъ у нихъ своя личная жизнь, свои горести и радости, и любимые ими люди: родители, дѣти, мужъ или жена. Кто-нибудь, да былъ; у нея—никого.

И она принималась завидовать своей портнихѣ, влюбленной въ писаря. И у той чувство! Отчего же, что это? Не суждено ей было любить? Она понимала, что разъ судьба отняла у нея мать и отца, то теперь она можетъ найти привязанность только въ мужѣ, въ любовникѣ; но мысль выйти замужъ, не любя, пугала ее, а она никого не любила.

Боже, какъ ей хотѣлось къ кому-нибудь привязаться, любить кого-нибудь, быть любимой, балованной, какъ дитя, узнать ласку которой она не знала!

На ея жадный запросъ ей говорили:

— Вѣдь, васъ всѣ любятъ!

Дѣйствительно, ее любили. За ней ухаживали, возили ей конфекты и духи, восхищались ея талантомъ, ея поэтическими замыслами, но видѣли въ ней или только художницу, или еще хуже — только женщину; человѣка же не видѣлъ никто. Ея порыванія, ея жажду ласки принимали за нервность, за пробуждающіеся инстинкты; и часто, часто вспоминала она о томъ, кто просилъ хлѣба—

«А кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!»

Только ей, вмѣсто хлѣба, клали не камень, а позолоченную конфету—и никто не понималъ, чего ей нужно.

Прежде ее утѣшало искусство, но теперь она начала извѣриваться и въ немъ.

Зоя безъ памяти любила все изящное, все красивое; она въ этомъ отношеніи была вполнѣ женщина, и часто мелочами восхищалась больше, чѣмъ того стоило. Но ея сердцу, ея глазамъ говорили всѣ эти изящныя бездѣлки, стройныя вазы, японскіе вѣера, тяжелыя складки плюша, душистые цвѣты; и на полотнѣ она привыкла и любила изображать красивыя лица дѣвушекъ, яблоновыя вѣтви, жизнерадостныя мордочки дѣтей, яркіе цвѣты, свѣтлые цвѣта, весеннее солнце. Но въ послѣднее время все чаще и чаще кругомъ нея говорилось о недостаточности всего этого, слышались слова: «общечеловѣческія идеи», «вопросы дня» и т. п. И она чуть не плакала, обвиняя себя въ узкости горизонта, въ мелкости чисто-субъективнаго таланта.

— Вы показали намъ свой талантъ; мы видимъ, что онъ у васъ есть,—говорилъ ей еще вчера сѣдоволосый профессоръ.—Дайте же что-нибудь крупное, дайте что-нибудь, въ чемъ бы видно было ваше движеніе впередъ. У васъ смѣлая кисть, сочный мазокъ; но помните, милая юная художница, что этого мало. Задача искусства не въ томъ, чтобы нарисовать переливы солнца на лиловомъ плюшѣ, чайную розу и незакрытую книжку, какъ на вашей послѣдней, правда, прелестной, картинкѣ. У него другія цѣли: передайте намъ на полотнѣ идею, одушевите произведеніе искусства мыслью, заставьте людей задуматься надъ вашею картиной!

— Я понимаю васъ,—съ отчаяніемъ отвѣтила Зоя.—Но, значитъ, я должна бросить кисти. Я люблю писать всѣ эти глупости, и больше ничего. Я могу искренно плакать надъ нищею старушонкой, надъ больнымъ ребенкомъ, но нарисовать ихъ я не могу,—выйдетъ банально, вымученно, притворно.

— Никто не требуетъ отъ васъ этого,—это слишкомъ мелко, какое дитя.

— Что же не мелко, что?

— Ваша свѣтлая головка должна вамъ это подсказать.

— А моя свѣтлая головка не подсказываетъ мнѣ ничего!— безнадежно вскричала Зоя.—Послушайте, Сергѣй Матвѣевичъ! Вы должны согласиться со мной, что насъ, женщинъ, создаете вы, мужчины. Наши отцы, братья, мужья, — все это вліяетъ на нашихъ матерей и на насъ самихъ. Мы,—въ пустякахъ сначала, а потомъ все больше и больше,—усваиваемъ ваши мысли, ваши взгляды на жизнь. Мы, какъ луна отъ солнца, получаемъ отъ васъ свой свѣтъ. Это видно по всему. Сначала мы дѣтьми играемъ въ то, что видимъ, о чемъ слышимъ. Дѣти актера играютъ въ театръ, дѣти купца—въ лавку, дѣти прокурора—въ судъ. Потомъ, становясь старше, мы читаемъ тѣ книги, что находимъ въ кабинетѣ у отца. Мы слушаемъ за обѣдомъ ихъ разговоры, въ то время, когда у насъ, подростковъ, умъ чувствительнѣе воспринимаетъ всякое сѣмя, злое и доброе. Такъ, вѣдь?

— Такъ, такъ!—одобрительно покачалъ головою профессоръ.

Зоя взволнованно продолжала:

— Откуда же мнѣ было взять глубину ума, идеи и все, чего, по-вашему, мнѣ не хватаетъ? Я очень воспріимчива, Сергѣй Матвѣевичъ, и живи я въ тѣ недалекія времена, когда пылко и горячо бились сердца нашихъ дѣдовъ и даже отцовъ, когда работали ихъ мозги надъ новыми, жизненными вопросами, когда у всѣхъ на устахъ были хорошія, честныя слова правды и равенства... Боже мой! Можетъ быть, и я была бы такова, какъ тѣ некрасовскія женщины, что умѣли «гибнуть за идею» Но, Сергѣй Матвѣевичъ, то время давно откипѣло и улеглось, наступила реакція, и вотъ во время этой-то реакціи и пришлось мнѣ взрастать. Скажите, пожалуйста, что теперь наши мужчины? Мы переживаемъ тяжелый періодъ, всѣ это говорятъ, у всѣхъ на умѣ рубль, рубль, рубль, а потомъ та-ра-ра-бумбія, капелла Энгеля и адюльтеръ. Простите, что я, дѣвушка, такъ говорю; только, вѣдь, это правда. Возьмите современную литературу, наши пьесы, драмы... Написалъ бы кто-нибудь теперь второго *Донъ-Карлоса*, и всѣ эти честныя, горячія фразы показались бы дѣтски-наивными и ненужными. «Мы все это слышали, къ чему повторять?» — сказали бы всѣ. Въ томъ-то и бѣда, что все хорошее-то ужь всѣ слышали, и оно надоѣсть успѣло. А теперь только въ области адюльтера и можетъ разыгрываться фантазія. Послушайте, я честнѣе! Я не приношу пользы, но я за то и вреда не дѣлаю. Я хочу радовать глазъ—и только!

— Много есть правды во всемъ, что вы сказали, Зоя Павловна,—улыбнулся снисходительно профессоръ. — Но не всѣ же нынѣшніе мужчины такіе, какъ вы ихъ описали. Неужто просвѣта нѣтъ?

— Есть, конечно! — также возбужденно продолжала Зоя.— Есть такіе, которые честны какъ-то по инерціи и искренно хотятъ проповѣдывать великія и святыя истины. Только я не понимаю громкихъ словъ! Я еще ребенокъ умомъ! Не *требуйте*, а *научите!* Вы куда-то зовете,—скажите, куда? Велите дѣлать дѣло, проводить идеи,—объясните, какое дѣло, какія идеи? Будьте руководителями. Вѣдь, если вы мнѣ скажете: здѣсь лужа, не ходи!—такъ вы укажете рядомъ на сухое мѣсто, а если не укажете, то я не послушаюсь, и разъ мнѣ *надо* перейти, пойду и въ лужу! И такъ, мы, современныя женщины, несмотря ни на что, идемъ впередъ. Подъ нами земля сыплется, камушки обваливаются, а мы все цѣпляемся за каждую травку, все взбираемся кверху и безъ вашей помощи. Вопросъ только, у кого какая цѣль. Кто хочетъ наверхъ, чтобы взглянуть на всѣхъ съ высоты своего величія, кто затѣмъ, чтобы быть ближе къ Богу, а я, можетъ быть, просто ищу невиданный голубой цвѣтокъ, чтобы перенести его на свое полотно!

— Все цвѣты, да цвѣты!—усмѣхнулся профессоръ.

— Да, цвѣты. Лучше цвѣты, чѣмъ прикрашенныя гадости.

— Милая моя дѣвушка, да можно брать и цвѣты, и женскія лица. Никто вамъ не запрещаетъ этого. Вопросъ въ томъ, съ какой стороны ихъ брать, только съ внѣшней или съ внутренней. Льстить зрителю конкретнымъ наслажденіемъ или затрогивать въ немъ мысль. Припомните-ка эту картину... Мы вмѣстѣ любовались ею... Христіанская мученица. Она вся въ бѣломъ стоитъ на аренѣ; вотъ-вотъ ее растерзаютъ звѣри. Но кто-то бросилъ къ ея ногамъ бѣлую розу, какъ послѣдній привѣтъ отъ жизни. Вотъ вамъ! И тамъ женщина и роза, больше ничего, а сколько въ этомъ сказано?

— Боже мой! Ну, я понимаю, что вы правы, но что же мнѣ съ собой подѣлать? Богъ далъ мнѣ небольшой талантъ, я благодарю Его за это и дѣлаю свое маленькое дѣло, не желая другого. Мы, вѣдь, всѣ дѣлаемъ маленькія дѣла. Мы вамъ предоставляемъ большія. Вы управляете банками, а мы, согнувши спины, за тридцать рублей въ мѣсяцъ сводимъ вамъ балансы. Вы строите желѣзныя дороги, съ банкетами и тостами, а мы убиваемъ свою молодость, сидя на одномъ мѣстѣ у васъ въ кассахъ и правленіяхъ. Мы не спимъ ночи у телеграфовъ и телефоновъ, чтобы вамъ было удобнѣе

передавать другъ другу и дѣла, и приглашенія на ужинъ. Мы стенографируемъ ваши знаменитыя рѣчи и переводимъ ваши великія творенія. И цѣлая масса женщинъ, дѣвушекъ, умныхъ, молодыхъ, красивыхъ, — все это за жалкіе гроши у васъ на посылкахъ, въ вашихъ судахъ, редакціяхъ, конторахъ. Мы вамъ не мѣшаемъ дѣлать ваши дѣла. И вы должны были бы порадоваться, видя, что нѣкоторымъ изъ насъ живется легче, благодаря случайно зароненной искоркѣ Божіей. А вы... развѣ вы мнѣ не отравляете моего маленькаго, но любимаго дѣла тѣмъ, что ждете и хотите чего-то необыкновеннаго? А я оставляю все это вамъ, мужчинамъ. Я ничего не требую. Не всѣмъ же быть высокими и великими. На свѣтѣ есть львы, пантеры и удавы, но есть и однодневные мотыльки. Они блестятъ своими красками на солнцѣ нѣсколько часовъ и умираютъ, но никто не вселяетъ имъ въ душу ненужное и напрасное сожалѣніе о томъ, что они не родились бѣлыми слонами.

Профессоръ расхохотался.

— Такъ вы хотите быть мотылькомъ и удовольствуетесь этимъ существованіемъ?

— Такъ, вѣдь, довольствуюсь же, зачѣмъ же вселять мнѣ въ умъ безцѣльное желаніе того, чего я не могу добиться? — нервно воскликнула Зоя.

— Вы можете, Зоя Павловна.

— Но какъ?... Какъ?...

— Работайте, учитесь...

— *Учите!* А, замолчали! Ну, довольно объ этомъ. Я опять слишкомъ взволновалась. Возьмемъ другую тему.

И они заговорили о бенефисѣ Ермоловой.

Но, несмотря на то, что Зоя такъ усердно защищала свое направленіе, сомнѣніе уже запало въ ея душу. Она переставала вѣрить въ свои силы. Одиночество помогало этому, нездоровье тоже, и, вотъ, наконецъ, сегодня, возвратясь домой и даже не пересмотрѣвши полученныхъ писемъ и карточекъ, Зоя сѣла въ кресло и задумалась.

Тусклый зимній день тихо умиралъ. Солнца сегодня не было. Оно невидимо взошло, пряталось гдѣ-то въ свинцовомъ небѣ и ни разу, даже на прощанье, не блеснуло ласковымъ лучомъ,—словно въ этотъ день и восходъ его былъ какою-то ошибкой.

Невольно Зоѣ просилось на умъ сравненіе этого сѣраго дня с какою-нибудь печальною, никому не нужною жизнью. Вотъ, родился человѣкъ, кое-какъ выросъ, трудился всю свою жизнь, чтоб

только не помереть съ голоду; не зналъ ни яркихъ радостей, ни даже яркаго страданія... и потомъ незамѣтно заболѣлъ, помучился и такъ же незамѣтно умеръ. Зачѣмъ онъ жилъ?... Зачѣмъ онъ корпѣлъ и работалъ? Неизвѣстно. И его жизнь, и его смерть тоже прошли какою-то страшною ошибкой, какъ этотъ грустный, этотъ безсолнечный день.

Сумерки спускались въ комнату Зои и темныя тѣни ползли по угламъ. Все теряло ясныя очертанія и сливалось въ общемъ сѣроватомъ тонѣ. Какими-то фантастическими призраками казались гипсовые бюсты, бѣлѣвшіеся на шкафахъ, вверху, тамъ, гдѣ было ужь совсѣмъ темно, и мольбертъ, на который, какъ саванъ, было накинуто что-то бѣлое, и ваза съ пучкомъ торчащихъ кистей.

Часы усердно тикали. Изъ сосѣднихъ оконъ слышались жалобные экзерсисы на скрипкѣ. Все это еще пуще наводило тоску на молодую дѣвушку, и молчаніе ея мастерской пугало ее.

О, какъ она любила прежде это молчаніе, когда она уединялась сюда съ кистями и красками, и съ жадностью писала, не отрываясь, забывая часъ обѣда и все на свѣтѣ!

Но тогда сомнѣнія не мучили ее; не забирались къ ней насмѣшливо сотни маленькихъ злыхъ духовъ, не портили кистей и не придавали мрачные тона краскамъ. Ей хотѣлось свѣта, цвѣтовъ и солнечныхъ брызгъ, и безъ размышленія, безъ анализа она передавала свои свѣтлыя впечатлѣнія на полотно, любя живопись здоровою, но почти чувственною любовью.

Тогда, освѣщенная солнцемъ, большая мастерская тоже молчала, словно не желая развлекать Зою и любовно притихая. Но такъ ласково улыбались женскія головки со стѣнъ и растрепанныя пестрыя астры изъ вазъ, и забавная рожица гипсоваго сатира, расплывшаяся въ лукавую улыбку, г. Зоя чувствовала, что вся большая комната наполнена веселыми, наивными образами, красивыми и безхитростными, какъ мечты ея восемнадцати лѣтъ.

Но теперь эти образы улетѣли, исчезли; улыбающіяся головки тонутъ во мракѣ; разсѣянная рука Зои давно забыла ставить цвѣты въ запыленныя вазы и мастерская молчитъ, но что-то враждебное, какой-то затаенный упрекъ чудится Зоѣ въ этомъ молчаніи, и ее охватываетъ болѣзненное, тоскливое чувство. Часы отчетливо отстукиваютъ шесть ударовъ.

«Часомъ, часомъ ближе къ смерти!» — вспоминаетъ Зоя старинную польскую присловку и вздрагиваетъ.

Словно какія-то темныя крылья заслоняютъ ее отъ дневного

свѣта. Да, это безстрастный, грозный призракъ смерти крадется сюда вмѣстѣ съ надвигающеюся темнотой, и страшно, страшно становится Зоѣ.

«Вѣдь, она неизбѣжна! — думаетъ дѣвушка. — И я не знаю, когда она придетъ ко мнѣ; можетъ быть, завтра, можетъ быть, сегодня. Неужели же моя жизнь пройдетъ такъ же безплодно, какъ сегодняшній день? Зачѣмъ же жестокая иронія судьбы дала мнѣ талантъ, если я ничего не могу сдѣлать, если я останусь ничтожной, наивной художницей цвѣточковъ — и только цвѣточковъ? Вѣдь, что-то я чувствую же въ себѣ, что тянетъ меня все выше и выше; что же меня не пускаетъ, въ то же время? Или это только восковыя крылья, что погубили Икара, и я никогда, никогда не поднимусь къ солнцу?» — и слезы потекли по ея щекамъ.

«Нѣтъ, нельзя такъ. Надо прогнать это настроеніе», — подумала она и подошла къ столу. Тамъ лежали письма и карточки. Она машинально просмотрѣла ихъ: просьба о вспомоществованіи, билетъ въ симфоническое, письмо отъ кузины и записочка отъ Инны Павловны, всего нѣсколько словъ:

«Не забудьте, что сегодня четвергъ».

Инна Павловна была молодая дама съ удобнымъ мужемъ, независимымъ характеромъ и прелестною квартиркой, гдѣ по четвергамъ собиралось премилое общество. Гостиную ея называли маленькимъ отель Рамбулье; у нея было можно найти послѣдній модный романъ, послѣднее научное сочиненіе и каждую новую знаменитость. Въ карты у нея не играли, и она этимъ очень гордилась. Сама она, изящная женщина съ нервными чертами лица и говорящими огромными глазами, тоненькая, хрупкая, съ врожденною граціей волочившая за собой длиннѣйшій шлейфъ, очень мило предсѣдательствовала въ этомъ салонѣ и подавала примѣръ своимъ посѣтителямъ, никогда не ломаясь, если ее просили пѣть. Голосъ у нея былъ серебристый и чистый въ пѣніи, но чуть-чуть надтреснутый въ разговорѣ. Сначала это казалось недостаткомъ, — до того шло въ разрѣзъ съ ея дѣвическимъ обликомъ, — а потомъ начинало притягивать.

У нея не было дѣтей, и чтобъ не скучать, она готова была на все. Рядомъ съ ней нельзя было оставаться спокойнымъ; она вѣчно вся горѣла, и, пріѣхавъ къ ней, никто не былъ увѣренъ, что его ожидаетъ: можетъ быть, его заставятъ добывать въ декабрѣ «фіалокъ, фіалокъ, фіалокъ!» Можетъ быть, пошлютъ въ Петербургъ смотрѣть новую пьесу, а, можетъ быть, засадятъ вышивать

по канвѣ. Словомъ, это была очаровательная женщина: она дѣлала все—и не дѣлала ничего; говорила обо всемъ—и не знала ничего; любила всѣхъ — и не любила никого. Она щипала своихъ горничныхъ, и отдавала все, что у нея было въ кошелькѣ нищему; готова была бѣжать въ бальныхъ туфелькахъ по снѣгу за докторомъ, если кто-нибудь заболѣетъ, и не способна была пожертвовать ему получасомъ, чтобы тихо посидѣть у постели. Всѣ считали ее очень доброй и, можетъ быть, были правы. Она была попечительницей воскресной школы и иногда заѣзжала туда, привозя дѣтямъ конфектъ.

Зоя писала ея портретъ и очень увлекалась этимъ вѣчно-мѣняющимся лицомъ. Онѣ часто выѣзжали вмѣстѣ, и Инна Павловна съ удовольствіемъ появлялась вмѣстѣ съ Зоей, замѣчая, что къ ея тиціановскимъ волосамъ очень «идутъ» темныя косы Зои. Этимъ ихъ дружба ограничивалась, но Инна Павловна какъ-то всегда умѣла сдѣлать такъ, что ея дружбу цѣнили втрое болѣе того, что она стоила.

«Поѣду къ ней!» — рѣшила Зоя, въ надеждѣ, что это поможетъ ей разогнать тоску и забыть одиночество.

Она зажгла свѣчу и прошла въ свою спаленку. Подойдя къ зеркалу и взглянувъ на себя, она ужаснулась: подъ глазами темные круги, на щекахъ горѣли лихорадочныя пятна.

«Я положительно слишкомъ часто простужаюсь, — подумала она. — Грудь болитъ... надо будетъ полечиться». Она часто теперь объ этомъ думала, но боялась обращаться къ докторамъ, инстинктивно чувствуя, что придется серьезно заняться расшатавшимся здоровьемъ; и воображеніе рисовало ей долгіе дни и безсонныя ночи въ одинокой комнаткѣ, пропитанной запахомъ лѣкарствъ и погруженной въ зеленоватый полумракъ отъ абажура. И теперь она рѣшила поѣхать. Она начала одѣваться. Надѣла корсетъ, печально взглянула на свои худенькія плечи. Хотѣла продолжать, но тутъ сильный приступъ сердцебіенія заставилъ ее почти безъ сознанія опуститься на стулъ. Она задыхалась.

Вошла Дарьюшка, ея единственная прислуга, красивая пожилая женщина, и стала уговаривать ее не ѣздить.

— Ну, куда вы въ эдакую погоду выѣдете? Опять сляжете,— съ фамильярною строгостью наставляла она. — Посидите-ка вы дома, покушайте; опять весь день не ѣмши!

— Я не могу, Дарьюшка, одна обѣдать, — оправдывающимся тономъ произнесла Зоя.

— Бога вы гнѣвите, вотъ что! Было бы *что* ѣсть, а *какъ* ѣсть, это ужь дѣло пустое.

— Хорошо, а ты мнѣ, все-таки, подай платье.

И черезъ нѣсколько минутъ Зоя уѣхала изъ дому.

II.

— А, милочка! Какъ разъ вò-время!—радушно привѣтствовала ее Инна Павловна.—Мы только что собираемся съ Анатоліемъ Петровичемъ пѣть чудную вещь—*Crucifix*... Да что это у васъ такой странный видъ?

— Мнѣ нездоровится.

— Что съ вами?—съ любезнымъ участіемъ спросила Инна Павловна.

Зоя, поблѣднѣвъ, отвѣчала:

— У меня было страшное сердцебіеніе, и я въ первый разъ... кашляла... съ кровью.

— Ахъ, ахъ! Душечка! Вы себя совсѣмъ не бережете!—съ такимъ равнодушнымъ состраданіемъ протянула Инна Павловна, что Зоѣ даже холодно стало.—Ну, пойдемъ въ гостиную, выпейте чашку чая, согрѣйтесь и все пройдетъ!—съ тою же безмятежною любезностью предлагала Инна Павловна, и не [illegible]рѣвая, что эти слова горько отзывались въ душѣ Зои.

Онѣ прошли въ гостиную, но любезные поклоны и привѣтствія фальшиво звучали въ ушахъ Зои; этотъ ничтожный разговоръ съ Инной Павловной еще рѣзче подчеркнулъ то, что̀ такъ мучило Зою за послѣднее время. Да, ее *никто не любилъ*. Какая странная насмѣшка судьбы! Вѣдь, ее многіе любили!

Но какъ?

Какъ миленькую, талантливую дѣвушку, «украшеніе» гостиной, объектъ для легкаго флирта или даже для серьезнаго увлеченія, но не какъ то, чѣмъ она въ сущности была: бѣднымъ ребенкомъ, жаждущимъ до боли безкорыстной ласки и материнскаго баловства.

Она сидѣла, откинувшись на спинку кресла, слушая и не слыша разсказы подсѣвшаго къ ней молодого адвоката и отвѣчая ему не впопадъ, потому что все время въ головѣ у нея вертѣлся назойливый, мучительный вопросъ:

«Отчего я не могу работать? Что мнѣ связало руки? Что?»—и

нелогично, но неизбѣжно вставалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: *одиночество!*

Да, этотъ неумолимый, властный другъ наполнялъ ея жизнь холодомъ, сжималъ ея сердце ужасомъ, отравлялъ минуты отдыха и приводилъ умъ и волю въ какое-то болѣзненное оцѣпенѣніе.

И все, все напоминало о немъ: и портретъ мамы надъ кроватью, и букеты на обояхъ спальни, которые она пересчитывала по сотнѣ разъ въ часы безсонницы, и бѣлокурыя головки дѣтей въ окнахъ черезъ улицу.

Да, особенно они.

Ихъ было трое: два мальчика и дѣвочка; одинъ еще еле переваливался на толстыхъ, какъ тумбочки, ножонкахъ. И цѣлый день, когда бы Зоя ни подошла къ своимъ окнамъ, она видѣла ихъ, то затѣявшими отчаянную игру по стульямъ и окнамъ, то прижавшимися къ юбкѣ матери, а то ихъ веселыя рожицы смотрѣли на улицу, плотно приплюснувъ носики къ стеклу. Эти картины болью отзывались въ душѣ Зои, и она отходила отъ окна въ слезахъ, заглянувъ въ чужую жизнь, полную смѣха, свѣта и бѣготни...

Звуки рояля вывели ее изъ полузабытья. Зоя встрепенулась, и ей показалось, что что-то цѣлебное и нѣжное коснулось ея слуха.

«Плачетъ кто горько, приди къ Нему, утретъ Онъ слезы!
Страждетъ кто долго, приди къ Нему, Онъ исцѣлитъ!»

Плавно и мощно, почти повелительно, раздался мужской голосъ; чисто и нѣжно, словно на крыльяхъ ангельскихъ, поднялся къ небу другой; полные звуки рояля вторили имъ прекрасною гармоніей, и они чередовались, одинъ — звуча твердо и успокоительно, словно говорилъ о томъ, что̀ непобѣдимо и неизбѣжно; другой — нервно и вдохновенно, возвышаясь до молитвеннаго экстаза:

«И кто несчастенъ, приди къ Нему!
Приди къ Нему, Онъ облегчитъ тебя!...»

Этотъ великолѣпный гимнъ указаніемъ свыше отдавался во всемъ существѣ Зои. Она слушала его съ широко-раскрытыми глазами и поблѣднѣвшимъ лицомъ, и ей хотѣлось кинуться тутъ же на колѣни и слить свою безумную, неудержную молитву съ этими звуками.

Очарованіе кончилось, Инна Павловна перестала пѣть. Пошли по залы, аплодисменты, но Зоя не слышала ихъ: съ послѣднимъ аккордомъ рояля ея уже не было въ гостиной, она исчезла, не въ

силахъ будучи ни о чемъ говорить или слушать послѣ этого чувства, захватившаго и потрясшаго душу художницы.

Свѣча догорала. Поднимался день и на сѣромъ небѣ вырѣзалась туманная розовая полоса. Зоя сидѣла, не шевелясь, на своей постели, охвативъ колѣни руками и застывъ въ этой позѣ. Глаза ея сохранили отпечатокъ страстнаго экстаза и въ ушахъ звучало: «Плачетъ кто горько, приди къ Нему, утретъ Онъ слезы!»—звучало... звучало... и, наконецъ, слилось съ первымъ ударомъ благовѣста, гулко и гармонично раздавшагося въ предразсвѣтной тишинѣ. Тогда Зоя встала съ постели, лихорадочно быстро-накинула на себя теплую кофточку и платокъ и вышла на лѣстницу.

Она еле спустилась въ темнотѣ, наконецъ, очутилась на улицѣ. За ночь подморозило и пушистый, нетронутый снѣжокъ покрылъ землю. Зоя быстро шла впередъ. Все ярче разросталась розовая полоса, но небо оставалось сѣро, и въ этомъ полумракѣ пустынная улица блестѣла бѣлизной. Наконецъ, темный силуэтъ церкви, окруженный запушенными инеемъ деревьями, показался за оградой, и на Зою блеснули огоньками ея окна. По тропинкѣ къ церкви уже шла какая-то сгорбленная старушонка, и ея черная фигурка рѣзко выдѣлялась на бѣломъ фонѣ снѣга.

Зоя вошла въ церковь за ней. Тамъ царила тишина, которую словно и не нарушала служба. Двѣ крестьянки стояли и молились; старикъ-нищій зашелъ, очевидно, погрѣться, и больше въ церкви никого не было. И батюшка, и діаконъ служили въ полголоса, слегка сонными голосами; старушка громко вздыхала, шепча молитвы, и время отъ времени попискивалъ ребятёнокъ на рукахъ одной изъ крестьянокъ. Пахло ладономъ. Свѣчи оплывали; потрескивала лампада передъ кроткимъ образомъ Богородицы «Утоли моя печали». Зоя стала на колѣни въ уголкѣ церкви и простояла такъ всю службу. Она не слышала ея, и своя молитва рвалась у нея изъ сердца вмѣстѣ съ горячими слезами, молитва безъ словъ, дѣтская и благотворная, какъ Божья роса...

Когда она вышла изъ церкви, какое-то страстное, молитвенное вдохновеніе наполняло ее всю, ей было больно, что еще не совсѣмъ день, не разсвѣло, нельзя схватить кисть и краски и писать лихорадочно, писать ту картину, которая встала передъ ея глазами тамъ, въ уголкѣ полутемной церкви. Картина простая, какъ всѣ русскіе пейзажи.

Зоѣ чудилась деревенская снѣжная равнина, сѣрый колоритъ

воздуха и мрачно нависшее свинцовое небо съ едва занимающеюся полосой розоваго свѣта. Вдали—черный силуэтъ убогой церкви, и по снѣжной тропинкѣ идетъ къ ней сгорбленная, жизнью придавленная, черная фигурка; въ окнѣ церкви бестнтъ первый огонекъ, слово звѣздочка маяка въ морѣ житейскомъ, и она идетъ на этотъ огонекъ.

«Пріидите къ Нему всѣ страждущіе и обремененные, и Онъ успокоитъ васъ!»

III.

Около мѣсяца прошло. Зоя запоемъ работала надъ своею картиной. По цѣлымъ часамъ сидѣла она на морозѣ за этюдами у одной старой церкви, стараясь уловить то снѣгъ, то воздухъ, то недававшійся куполъ. Она вставала въ седьмомъ часу, не пила и не ѣла; увлекаясь своею картиной,она ее писала съ какимъ-то наслажденіемъ.

Наконецъ, ея хрупкое здоровье не выдержало, и Дарьюшка разъ нашла ее въ обморокѣ у мольберта. Придя въ себя, она хотѣла опять писать, но ослабѣла до того, что руки отказывались служить, сѣла въ кресло у окна и просидѣла такъ часа два, но безъ дѣла чувствовала себя ужасно. Мелькнула у нея мысль написать записочку Иннѣ Павловнѣ и попросить ее навѣстить. Она еле-еле нацарапала два слова и отдала Дарьюшкѣ.

Та вернулась съ отвѣтомъ:

— Велѣли кланяться, сейчасъ не могутъ, у нихъ гости, а попозже зайдутъ.

Зоя равнодушно выслушала это и опять застыла въ креслѣ. Живого слова, чьего-нибудь присутствія хотѣлось ей до боли. Она поймала себя на томъ, что говоритъ вслухъ. Она прошла въ кухню. Тамъ было жарко натоплено и уютно. У Дарьи сидѣлъ мужъ, степенный артельщикъ. Они оба поднялись со своихъ мѣстъ, неловко прервавъ тягучую бесѣду, и, очевидно, ждали приказанія и ухода барышни. Зоя улыбнулась сама надъ собой, машинально что-то приказала и ушла, держась за стѣнку. Зазвонилъ звонокъ, она вздрогнула отъ ожиданія. Это почтальонъ принесъ письмо. Она открыла его съ первною торопливостью. Ей хотѣлось чего-нибудь хорошаго... Это оказалось приглашеніе участвовать въ любительскомъ спектаклѣ.

«Да,—подумала Зоя.—*Я* жалуюсь на одиночество. Да, вѣдь,

захоти я только вмѣсто этой блузки надѣть вечернее платье и маску оживленія на лицо, такъ сейчасъ же найдутся и друзья, и товарищи; и я могу поѣхать поужинать въ «Эрмитажъ» или отправиться въ театръ, и даже въ «Скоморохъ», если угодно. Мнѣ и эту жертву принесутъ».

Закрывъ лицо руками, она откинулась на спинку кресла. Прошелъ часъ. Она и не слышала звонка, и долго еще просидѣла бы такъ, еслибъ ее не вывелъ изъ забытья знакомый, слегка надтреснутый голосокъ, спрашивающій:

— Что это съ дѣточкой? Дѣточка капризничаетъ? Я не подхожу, я съ холоду!

Инна Павловна стояла въ дверяхъ, разгорѣвшаяся, очаровательная, въ своемъ темно-зеленомъ манто. Съ ней ворвались въ комнату струйка холоднаго воздуху и легкій запахъ Grab-Apple.

— Я вамъ гостя привела... Можно?

— Пожалуйста...— произнесла Зоя.

— Какой у насъ томный голосокъ! Намъ нездоровится,— ну, пустяки какіе!... Анатолій Петровичъ, войдите!—крикнула она.

Анатолій Петровичъ вошелъ. Онъ умѣлъ только пѣть, молчать, сладко смотрѣть и ходить, какъ тѣнь, за Инной Павловной. Поэтому онъ молча поздоровался и сѣлъ.

— Ну, вотъ, я и согрѣлась!—подходя къ Зоѣ и цѣлуя ее, сказала Инна Павловна.— Я за вами!

— Какъ за мной? Я больна.

— Милая, это все воображеніе. Вамъ необходимо загипнотизировать себя. Вамъ вздумалось, что вы больны, и вамъ скверно; подумайте, что вы здоровы, и вамъ станетъ хорошо. А, главное, васъ не надо оставлять одну.

— Такъ, можетъ быть, вы посидите у меня, напьетесь чайку...— слабо протестовала Зоя.

— Что вы, что вы, моя крошка! Сегодня пятница и вдругъ меня не будетъ въ театрѣ! Да, вѣдь, пьеса не пойдетъ и актеры играть не станутъ! — разсмѣялась она и сильно подняла Зою съ дивана.

Та глядѣла на нее, растерянная. Ея темныя косы свѣсились, и на щекахъ опять горѣли розовыя пятна.

— Да чудный у васъ видъ, не притворяйтесь, идемъ одѣваться! — и она утащила ее въ спальню, живо принялась одѣвать и шнуровать Зою. Та покорялась ей, думая, что, можетъ быть, будетъ лучше въ самомъ дѣлѣ разсѣяться. Она дѣйствительно чуг-

ствовала себя немного бодрѣе и, переломивъ себя, она принялась энергично одѣваться. Черезъ пять минутъ она была готова. Бѣлое платьице облегало ея тоненькую фигурку, длинныя черныя перчатки обтягивали узенькую руку; въ волосы она вколола вѣтку ландыша, сорвавъ ее тутъ же. Инна Павловна съ удовольствіемъ оглядѣла ее, съ удовольствіемъ посмотрѣла въ большое зеркало на свою изящную фигуру въ черномъ, на фантастическій бантъ vieux-bleu, такъ мило оттѣняющій темно-золотистую роскошь ея волосъ, и расцѣловала Зою. У нея совершенно не было зависти къ чужой красотѣ.

Ихъ входъ въ литерную ложу произвелъ маленькую сенсацію. Изъ креселъ на нихъ обратились бинокли, пока, шумя платьями, онѣ усаживались, поправляли перчатки, вынимали бинокли. Анатолій Петровичъ молча поставилъ бомбоньерку на барьеръ ложи и развернулъ афишу. Оркестръ кончилъ играть. Поднялся занавѣсъ, но Зоя не смотрѣла на сцену.

Она уловила на себѣ пристальный, нехорошій взглядъ изъ креселъ. Это былъ ея бывшій женихъ. Онъ не отрывался отъ нея и она сидѣла, внутренно вздрагивая и ежась подъ этимъ взглядомъ, словно предчувствуя еще какую-то бѣду.

«Зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда? Неужели опять начнутся эти преслѣдованія?»—со страхомъ спрашивала она себя, припоминая ту дикую сцену, когда онъ ворвался къ ней.

Она ясно помнила этотъ вечеръ. Она только что вернулась домой и задремала, присѣвъ отдохнуть въ креслѣ, при свѣтѣ одной лампадки. Была суббота и она хотѣла идти ко всенощной. Вдругъ кто-то грубо схватилъ ее за руку. Она проснулась съ легкимъ крикомъ и увидала надъ собой его блѣдную физіономію и недобрымъ огнемъ горѣвшіе глаза.

— Что вамъ нужно?

Тутъ началась эта мучительная, нелѣпая сцена. Сначала мольбы, потомъ униженное ползанье на колѣняхъ, потомъ проклятія и, наконецъ, выхваченный револьверъ.

Тутъ ее осѣнило. Она знала, что онъ не убьетъ ее,—побоится Сибири.

Она выпрямилась и кинула ему:

— А, стрѣлять? Хорошо, только убивайте скорѣе,—вы слишкомъ надоѣли мнѣ!

И онъ убѣжалъ, какъ безумный, уронивъ свой револьверъ, съ желаніемъ разбить себѣ голову о первую встрѣчную стѣну,—до

того говорило въ немъ оскорбленное самолюбіе, преобладающее изъ всѣхъ его чувствъ.

Но головы онъ не разбилъ, а ограничился тѣмъ, что уѣхалъ за границу провѣтриваться и посылалъ оттуда въ какую-то подворотную газетку стишки на тему «какъ онъ благороденъ и какъ она подла».

И вотъ онъ опять пріѣхалъ сюда. Зачѣмъ? Преслѣдовать? Или глумиться? Одно изъ двухъ непремѣнно! И дурное предчувствіе зашевелилось въ ея душѣ.

Актъ кончился. Инна Павловна потащила ее въ фойе смотрѣть фотографіи новой звѣздочки. Зоя остановилась у одной витрины, Инна прошла къ другой, рядомъ. Зоя разглядывала одухотворенное, изящное лицо актрисы и мысленно, привычнымъ взоромъ, опредѣляла погрѣшности фотографа и красоту складокъ и позъ.

Вдругъ знакомый рѣзкій и всегда циничный голосъ слегка носового тембра коснулся ея уха и точно обжегъ его.

— Не правда ли, мила? Одобряете мой вкусъ?

Другой мужской голосъ отвѣчалъ ему:

— Да, съ шикомъ дѣвушка!

Зоя стояла, какъ окаменѣвшая, и едва была въ силахъ перевести взглядъ туда, откуда раздавался голосъ.

Онъ стоялъ тамъ съ какимъ-то рыжеватымъ господиномъ и оба улыбались.

Чтобы не выдать своего волненія, Зоя продолжала смотрѣть на карточки, ничего уже не видя.

— Да,—продолжалъ тотъ начатый разговоръ.—Вѣдь, она меня потому-то и бросила, что...—тутъ онъ нагнулся и что-то прошепталъ на ухо собесѣднику.

— Да что вы?—и другой съ любопытствомъ уставился на нее, нахально вскинувъ pince-nez.

Она съежилась, точно подъ ударомъ, инстинктивно протянувъ впередъ руки, помертвѣвшая подъ этими взглядами, и такая блѣдность разлилась по ея лицу, что обернувшаяся Инна Павловна вскрикнула:

— Что съ вами? вамъ дурно?

— Ничего...—прошептала черезъ силу Зоя; та взяла ее подъ руку и увела въ ложу. Въ догонку ей полетѣли, хлестнули ее оскорбительныя слова, сказанныя тѣмъ же циничнымъ голосомъ и только ей понятныя.

Очутившись въ ложѣ, Зоя почти упала на диванчикъ. Ее била

лихорадка, неровный румянецъ смѣнилъ блѣдность. Она вся горѣла и дрожала, въ одно и то же время. Что съ нею, добиться отъ нея не могли.

Такъ продолжаться не могло. Инна Павловна пропустила уже цѣлый актъ, уговаривая и утѣшая ее. Наконецъ, Зоя какъ-то пришла въ себя и попросила по-дѣтски, жалобно:

— Домой... домой!...

— Анатолій Петровичъ, проводите ее... Да у нея жаръ! Душечка, вы пошлите за докторомъ!—Инна Павловна сама укутала ее въ ротонду и возвратилась въ аванъ-ложу, спрашивая себя: что могло быть во второмъ актѣ?

Зоя вышла, опираясь на руку Анатолія Петровича всею тяжестью. Въ сѣняхъ на ея разгоряченное лицо пахнулъ рѣзкій вѣтеръ; она вся вздрогнула. Онъ отозвался у нея въ самомъ сердцѣ и насквозь пронизалъ ее. На ея лицѣ словно пятно горѣло, жгучее, несмываемое пятно. Она шаталась. Анатолій Петровичъ усадилъ ее въ сани, закрылъ полостью и сѣлъ рядомъ съ нею, придерживая ее за талію.

Нѣсколько времени они проѣхали молча. Онъ чувствовалъ, что она вся поникла подъ его рукой, какъ сломанный цвѣтокъ.

— И заступиться некому! Одна, одна!—рыданіемъ вырвалось у нея, и она закрыла лицо руками.

Онъ сильнѣе сжалъ ея талію,— она этого и не почувствовала. Онъ смотрѣлъ на нее и думалъ:

«А интересная дѣвочка... она изъ тѣхъ, которыхъ любить кажется преступленіемъ,—до того думается, что малѣйшее волненіе, поцѣлуй, напримѣръ, убьетъ ее. Привкусъ преступленія. Пикантно!»

— Неужели же я нигдѣ не найду ни любви, ни ласки?—словно въ забытьи, не думая, кто слушаетъ ее, подняла Зоя къ небу блестѣвшіе отъ слезъ глаза.

Молчаливый человѣкъ принялъ это за намекъ, тѣмъ болѣе, что Зоя не противилась его, все становившемуся тѣснѣе, объятію. Онъ крѣпче сжалъ ее, запрокинулъ ея головку и вдругъ поцѣловалъ ее прямо въ полуоткрытый ротъ.

Зоя очнулась и съ ужасомъ вырвалась изъ его объятій, схватившись за сердце:

— За что?... за что?...

На ея наболѣвшую душу этотъ неожиданный и грубый поцѣлуй произвелъ впечатлѣніе не ласки, а насилія; издергавшіеся

нервы не выдержали и она истерически разрыдалась, а рыданія перешли въ страшный припадокъ кашля, и сконфуженный Анатолій Петровичъ ужь радъ былъ, когда сани остановились и онъ почти внесъ Зою въ полуобморокѣ на третій этажъ и сдалъ Дарьюшкѣ на руки.

Потянулись мучительные дни болѣзни. Зоя чувствовала, что ей плохо, и ее охватывало прямо отчаяніе, когда она не могла взять кисти въ руки и писать свою завѣтную картину. Она стояла почти конченная. Зоя устроила себѣ спальню въ мастерской,—со времени болѣзни ей все казалось, что она задыхается,—и по цѣлымъ часамъ она лежала, подпирая голову руками, и смотрѣла на картину, пока не спускались сумерки и она не сливалась съ общимъ сѣрымъ тономъ всей погружающейся въ безформенный сумракъ мастерской. Тогда Зоя безсильно опускала голову, и когда поднимала ее, подушка была вся влажная отъ слезъ.

Она и прежде иногда плакала, но тѣ слезы облегчали все ея существо, какъ весенняя гроза природу, а эти, безсильныя, тихія, совсѣмъ подтачивали ее. Лежала она почти все время одна; рѣдко навѣщалъ ее кто-нибудь; у всѣхъ были свои дѣла, развлеченія, занятія. А эти визиты на минутку и точно по обязанности, съ натянутымъ смѣхомъ и неизбѣжнымъ: «Ну, смотрите, выздоравливайте скорѣе!»—только волновали и раздражали Зою.

Докторъ, ѣздившій къ ней,—молодой, но дѣльный ординаторъ N-ской больницы, — дѣлалъ лицо все озабоченнѣе и озабоченнѣе. Состояніе Зои,—нервное разстройство, связанное съ неправильностью сердца и опасною простудой,—требовало внимательнаго и тщательнаго ухода, постояннаго присмотра, новыхъ лѣкарствъ. А на все это средствъ не хватало. Прежде, когда Зоя писала свои «цвѣты» и женскія головки, деньги сыпались къ ней. Былъ большой спросъ на эти изящныя украшенія будуаровъ, на эту безпретенціозную и ласковую живопись. Но послѣдніе два мѣсяца, вся уйдя въ свою картину, она ничего не зарабатывала. Она уже взяла у одного человѣка, обыкновенно занимавшагося продажей ея картинъ, впередъ; и теперь эта неожиданная болѣзнь была очень не кстати.

Дарьюшка хмурилась, потому что ей уже два мѣсяца было не плачено, и сотни мелкихъ долговъ все наростали и больную, да еще непривычную къ этимъ дрязгамъ, Зою тревожили страшно.

Докторъ, видѣвшій положеніе дѣла, какъ-то рѣшился съ нею

поговорить и очень резонно и серьезно сталъ убѣждать ее, чтобъ она согласилась лечь къ нимъ въ больницу.

— Въ больницу?!—ужаснулась Зоя.

— Ну, вотъ, вотъ!... Милая барышня, не пугайтесь вы этого слова. Повѣрьте, что вы у насъ гораздо лучше и скорѣе поправитесь.

И онъ долго уговаривалъ ее. Какъ ни была Зоѣ грустна эта мысль, она не могла не согласиться, что онъ правъ, когда здраво взглянула на свое положеніе.

У нея оставалось меньше ста рублей, изъ которыхъ двѣ трети надо было отдать Дарьюшкѣ и разнымъ поставщикамъ. Оставались пустяки. Правда, за квартиру было уплачено до мая мѣсяца, но жить на эти деньги и лечиться хоть мѣсяцъ было немыслимо. Денегъ же взять было не откуда.

«Если я лягу въ больницу, — утѣшала себя Зоя, — я выпишусь мѣсяца черезъ полтора, говоритъ докторъ; вернусь въ эту же квартиру и тогда заработать мнѣ денегъ ничего не будетъ стоить, а пока надо перенести это испытаніе».

И она упавшимъ голосомъ отвѣтила доктору, что согласна.

На другой же день Дарьюшка была отпущена, крошечный чемоданчикъ уложенъ. Послѣдній разъ взглянула Зоя на свою картину, разставаясь съ ней, и прощанье ея съ этою единственною привязанностью было трогательно.

Зоя долго сидѣла передъ ней, и въ ея головѣ проносились смутныя, горячія мысли.

«Прощай, милая!—думала она.—Ты мнѣ освѣщала мое одиночество, дарила часы высокаго наслажденія и свѣтлыя слезы! Ты была цѣлью моей жизни! Я ухожу, не кончивъ тебя, но всѣ мои мысли будутъ съ тобою, мое сокровище, и я вернусь къ тебѣ, вернусь, не измѣню тебѣ!»

Она стала на колѣни передъ картиной и, не стыдясь своего порыва, благоговѣйно приложилась къ ней губами. Въ эту минуту передъ ней ясно предсталъ темный уголокъ церкви, гдѣ, какъ Божіе откровеніе, впервые явилась ей эта картина и свѣтомъ засіяли дорогія, вѣчныя слова:

«Пріидите къ Нему»...

Черезъ полчаса Зою привезли въ больницу.

IV.

Въ большой палатѣ № 9 было свѣтло и чисто. Зимнее морозное солнце, предчувствуя скорую весну, ярко грѣло высокую комнату

и освѣщало крашеныя сѣро-голубыя стѣны, блестящій полъ и однообразныя бѣлыя кровати. Ихъ было всего шесть, изъ которыхъ одна пустая, и стояли онѣ довольно далеко одна отъ другой. Возлѣ каждой стояли небольшой столикъ и стулъ. Кромѣ большой иконы въ углу, надъ каждою кроватью висѣлъ образокъ. Все блестѣло строгою, казенною чистотой, но сегодня, благодаря ласковому солнцу, эта чистота не казалась такою холодной, и всѣ больныя, и даже старуха нянька, смотрѣли какъ-то веселѣе.

Зоя уже недѣлю лежала здѣсь и жадно приглядывалась къ невиданному до сихъ поръ мірку, и, забывая свою болѣзнь, какъ художница, ловила интересные штрихи и моменты.

Когда ей становилось лучше и кашель не очень ее мучалъ, она брала привезенный съ собою альбомъ и зачерчивала въ него карандашомъ то, что наиболѣе поражало ее: то няньку, дремлющую надъ чулкомъ, то голову больной на подушкѣ. Она уже знала своихъ товарокъ. Въ ихъ палатѣ сгруппировали больныхъ не особенно опасныхъ, все молодыхъ женщинъ и, къ удивленію, симпатичныхъ, такъ что, вмѣсто той убійственной атмосферы, которой Зоя ждала отъ больницы по разсказамъ и прочитаннымъ книгамъ, она нашла много пищи для наблюденія и мало-по-малу начала привыкать и хорошо себя чувствовать, насколько могла въ своемъ болѣзненномъ состояніи. Кромѣ нея, было четыре больныхъ. Она скоро знала и біографію, и «скорбный листъ» каждой изъ нихъ. Первая была жена мелкаго чиновничка, худенькая, миніатюрная женщина,— Марья Петровна ее звали, — лѣтъ двадцати пяти, страдавшая болѣзнью почекъ. Она оживлялась только тогда, когда мужъ приводилъ ей двухъ ея маленькихъ ребятишекъ, а такъ все время лежала тихо и мало разговаривала.

Вторая, Катенька, была веселая и румяная женщина. Она до того хорошо на видъ себя чувствовала и такъ часто смѣялась, что трудно было повѣрить въ серьезность ея неизлечимой внутренней болѣзни.

Третья была молоденькая танцовщица, недавно вынесшая горячку, еще совсѣмъ слабенькая и остриженная мальчикомъ.

Наконецъ, четвертая, тоже молодая дѣвушка, была простая швея, заработавшаяся на праздникахъ до постоянныхъ обмороковъ и попавшая въ больницу лечиться отъ сильнаго малокровія. Наташа была миловидная русская дѣвушка, съ тяжелою косой и ясными сѣрыми глазами. Болѣзнь облагородила ея немного вульгарный прежде овалъ лица, ея руки, придала ея лицу нѣжную бѣлизну и

прозрачность, но ясная улыбка не покидала ея блѣдныхъ губокъ, и она по-дѣтски наслаждалась отдыхомъ, правильнымъ сномъ и порядочною пищей. Она бродила по комнатѣ въ своемъ сѣромъ халатикѣ и, съ невольнымъ стыдомъ за свое «ничегонедѣланіе», всячески старалась быть на что-нибудь полезной, помочь больнымъ или нянькѣ,—то подавала лѣкарство, то брала у няньки чулокъ и вязала, напѣвая тоненькимъ, тихимъ голоскомъ какія-то унылыя пѣсенки.

Сегодня въ палатѣ царило оживленіе. Къ Марьѣ Петровнѣ пришелъ въ гости мужъ, худой, бѣдно одѣтый человѣкъ, и привелъ дѣтишекъ—мальчика въ русской рубашонкѣ и крошечную дѣвочку въ удивительномъ капорѣ, которымъ она страшно гордилась; все показывала на него матери ручонками и что-то щебетала; даже мать ее не понимала,—такой у нея былъ странный языкъ,—но братишка, очевидно, понималъ ее отлично, и они презабавно объяснялись. Мужъ присѣлъ на ея кровать и поглаживалъ ея руку съ робкою лаской, а она смотрѣла на дѣтей и глаза ея свѣтились яснымъ огнемъ, румянецъ заливалъ щеки и вся она хорошѣла. На нее было мило смотрѣть, и Зоя съ жадностью набрасывала ее и рядомъ съ ней двѣ бѣлобрысенькія головенки, заранѣе мечтая, какъ она изъ этого сдѣлаетъ большую, хорошую картину. И ей уже не казалось, что можно рисовать только хорошенькія женскія головки съ цвѣтами въ волосахъ.

Она изучала всѣхъ этихъ женщинъ съ новымъ чувствомъ. Теперь въ душу ея прокрадывалось сознаніе, что она слишкомъ мало прежде обращала вниманія на ничтожныхъ міра сего. Она вглядывалась въ нихъ и находила у нихъ умъ неиспорченнѣе, сердце теплѣе, чѣмъ у тѣхъ, кого она видѣла въ свои счастливые дни. Всѣ эти женщины, не связанныя ничѣмъ, удивительно тепло и просто относились другъ къ другу. Придутъ кого-нибудь изъ нихъ навѣстить,—другія радуются, словно это къ нимъ. Получитъ кто-нибудь непріятную вѣсть изъ дома,—и всѣ за нее пригорюнятся. Онѣ дѣлились тѣмъ, что имъ приносили, читали и писали Катенькѣ и Наташѣ, неграмотнымъ, письма въ деревню и всячески старались взаимно облегчать свое существованіе тысячью мелкихъ услугъ и сердечныхъ словъ, на какія способны только женщины. Бывали и мелкія вспышки, столкновенія, но за ними Зоя и не хотѣла слѣдить, съ жадностью ловя хорошія чувства и проявленія и отдыхая на нихъ душой. Она мысленно рисовала себѣ, входя въ ихъ жизнь и слушая ихъ разсказы, другое, болѣе полное существо-

ваніе по выздоровленіи,—и любовь къ этимъ сѣренькимъ, не отмѣченнымъ Богомъ, людямъ, и новую, хорошую эпоху своей работы. Открылись уголки простые, безхитростные, но наполнявшіе тепломъ ея душу и обѣщавшіе ей просторъ для кисти и для сердца. Новымъ свѣтомъ освѣтились для нея забытыя и вдругъ вставшія передъ ней картинки далекаго дѣтства: старуха нянька, у которой убили сына на войнѣ и которая пѣшкомъ ушла въ Іерусалимъ; кормилка, рыдавшая отъ счастья, придя навѣстить ее изъ деревни; старая швея, работавшая у нихъ и на послѣдніе гроши покупавшая ей картинки,—всѣ эти сѣренькіе, скромные образы оживали въ ея памяти и озарялись общимъ свѣтомъ,—тою *любовью*, которая и въ маломъ велика.

И она готова была благодарить судьбу, бѣдная дѣвочка, за испытаніе, посланное ей.

Больныя всѣ отнеслись къ ней съ какимъ-то почтительнымъ дружелюбіемъ, сразу почуявъ въ ней что-то не изъ ихъ тѣста. И больше всѣхъ другихъ поразила она Наташу.

Простодушной дѣвушкѣ эта «красавица-барышня» въ такомъ тонкомъ, кружевномъ бѣльѣ, съ нѣжными ручками и нѣжнымъ голоскомъ, казалась какимъ-то высшимъ существомъ, случайно попавшимъ сюда. Она инстинктивно возмущена была видѣть ее здѣсь, наравнѣ съ ними. И вотъ, вся ея потребность за кѣмъ-нибудь ходить, кому-нибудь быть нужной и угождать,—та потребность, которая дѣлаетъ изъ нашихъ женщинъ такихъ идеальныхъ сестеръ милосердія и сидѣлокъ,—вся теперь перешла на Зою. Какъ-то съ перваго момента она ее безпрекословно признала госпожей и буквально не отходила отъ Зои, смущая и трогая ее. Она поправляла ей подушки, ночью вскакивала, подавая ей пить, какимъ-то сверхъестественнымъ чутьемъ угадывала, когда нужно молчать, когда, наоборотъ, нужно поговорить съ Зоей, и предупреждала ея малѣйшія желанія.

Мало-по-малу эта простая, безграмотная дѣвушка, съ едва скрашенною городомъ рѣчью, стала Зоѣ необходимой. Такъ ее еще никто не баловалъ, и теперь она съ ощущеніемъ неиспытаннаго удовольствія отдавалась этимъ ласковымъ заботамъ. Часто, присѣвъ у ея постели и подгорюнившись на локотокъ,—любимая поза,—Наташа своимъ слабенькимъ, ровнымъ голоскомъ разсказывала Зоѣ о своемъ дѣтствѣ въ деревнѣ, о разлукѣ съ матерью, объ «ученьи» у модистки и вытерпѣнныхъ побояхъ, холодѣ и голодѣ, о всей некрасной жизни бѣдной швейки, но, разсказывая все это, она н-

увлекалась, и ея миловидное, блѣдное личико тихо улыбалось, такъ что, въ концѣ-концовъ, Зоя переставала вслушиваться, въ чемъ дѣло, и только пріятна была ей эта спокойная, убаюкивающая рѣчь. Она принимала услуги Наташи такъ же просто и естественно, какъ та предлагала ихъ ей, и обѣимъ было отъ этого легче. Теперь Зоѣ было бы совсѣмъ славно, еслибъ не болѣзнь, усиливающаяся сердцебіеніемъ, которое являлось, главнымъ образомъ, послѣ того, какъ Зоя вспоминала о своей оставленной картинѣ, вспоминала съ такимъ же болѣзненнымъ страданіемъ, какъ горюетъ мать о покинутомъ ребенкѣ. Иногда ей приходили въ голову ужасы, что вдругъ сгорѣла квартира и картина вмѣстѣ съ ней или обрушилась балка и уничтожила ее. Тогда Зоя давала нянькѣ денегъ и умоляла сбѣгать посмотрѣть, все ли цѣло, успокоиваясь только когда нянька возвращалась съ благопріятнымъ отвѣтомъ. То прямо ей казалось, что она не встанетъ и не кончитъ никогда любимой картины; но тутъ ужь нянька помочь горю не могла, и Зоя въ отчаяніи ломала руки и плакала. Всѣ эти волненія все хуже отражались на ней, и Наташа не разъ плакала въ уголкѣ, сокрушаясь о своей ненаглядной «барышнѣ». Такъ она звала ее, а Зоя ее называла прямо Наташей, хотя тоже говорила ей вы.

Въ одинъ прекрасный день явилась навѣстить Зою Инна Павловна. Она пріѣхала съ цѣлою свитой, во главѣ которой находился молчаливый человѣкъ, нагруженный коробками и корзиночками, и наполнила всю палату шелестомъ шелковыхъ юбокъ, улыбками и ароматомъ Grab-Apple. Она присѣла на кровать Зои, расцѣловала ее и защебетала своимъ оригинальнымъ голоскомъ сразу про тысячу вещей: и про вчерашній юбилей, и про завтрашній спектакль, и про удивительную новую моду.

Она привезла Зоѣ фруктовъ, конфектъ и французскихъ романовъ; послѣдній романъ Mendés'a страшно неприличенъ, но чудо какъ милъ. Впрочемъ, на него нельзя сердиться,—онъ самыя неприличныя вещи прилично говоритъ. Она его обожаетъ. Она не хочетъ, чтобъ Зоя скучала. И что это за мысль лечь въ эту глупую больницу, «parmis ces horribles femmes; ce sont des paysannes, n'est ce pa[illegible]» И Зоя должна скорѣе выздоравливать и являться въ ея гост[illegible]ую, потому что та много теряетъ безъ очаровательной, маленькой художницы.

Потомъ взглядъ ея упалъ на стоявшую у своей кровати Наташу, которая не смѣла сѣсть въ присутствіи этой важной барыни,

и съ выраженіемъ комическаго ужаса она вскричала по-французски:

— Ну, въ миломъ вы обществѣ! Вѣдь, это мастерица m-me Adèle!

Зоя взглянула на Наташу и сказала:

— Наташа, сядьте.

Вся кровь, остававшаяся у дѣвушки, залила розовою краской ея ушки и шею и она пробормотала чуть слышно:

— Я ничего-съ... я постою.

— Наташа, сядьте! — повелительнѣе повторила своимъ слабымъ голоскомъ Зоя и, не смѣя ей противорѣчить, Наташа смущенно опустилась на стулъ.

Инна Павловна закусила губки.

— Вы капризны, душечка... Впрочемъ, это неудивительно, вы больны! — произнесла она и, увидѣвъ входящаго ординатора, быстро встала къ нему на встрѣчу.—Докторъ, вы должны мнѣ все, все разсказать про Зою... Слышите?—и она утащила его въ корридоръ.

Молодые люди изъ ея свиты остались съ Зоей и занимали ее разговорами о послѣднихъ скачкахъ. Прежде это заняло бы ее. Но странно... теперь все это дико звучало въ ея ушахъ. Она еле отвѣчала, чувствуя знакомое замираніе сердца... Наташа видѣла, что ей скверно, рвалась къ ней, но не смѣла подойти положить компрессъ, чтобы не помѣшать разговору. И только глаза любящей дѣвушки съ такою безъискусственною, жалостливою нѣжностью смотрѣли на Зою, что ту словно согрѣвали лучи этихъ честныхъ дѣвичьихъ глазъ.

Въ корридорѣ шелъ оживленный разговоръ.

— Неужели же ея положеніе такъ опасно? — съ очаровательнымъ сожалѣніемъ спрашивала Инна Павловна.—И отчего все это произошло? Вѣдь, она была такъ недавно здорова и мила, какъ котенокъ?...

— Неправильный образъ жизни въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дастъ себя знать... Больная жаловалась на одиночество...

— Странная дѣвочка! Я къ ней такъ мило относилась, она всегда была окружена людьми, гдѣ же тутъ одиночество?—съ искреннимъ удивленіемъ прервала его Инна Павловна.

— Ну-съ, съ этою болѣзнью можно прожить сто лѣтъ, но у нея случилась какая-то непріятность: она, оказывается, вся въ

жару вышла изъ театра на холодъ... Началось воспаленіе легкихъ, осложнилось, и теперь одно помогаетъ другому.

Инна вытерла глаза батистовымъ платочкомъ и вошла въ палату. Странное ощущеніе было у нея въ душѣ: когда она думала, что Зоя непремѣнно выздоровѣетъ, ей было по-своему жаль дѣвушку и она съ нетерпѣніемъ ожидала ея появленія, розовой и хорошенькой, какъ прежде, въ ея гостиной, немного опустѣвшей, какъ казалось ей.

Но докторъ сказалъ, что Зоя очень опасно больна, и чувство легкаго страха охватило Инну. Ей уже казалось, что она видитъ печать смерти на лицѣ дѣвушки, и ей было жутко и непріятно говорить съ ней, тяжело глядѣть на нее,—какъ-то словно ужь не зачѣмъ. И небольшую дозу теплоты, бывшую у нея минуту назадъ, замѣнила какая-то принужденная натянутость. Зоя почувствовала это инстинктивно и смутно отгадала причину въ странномъ, немного боязливомъ взглядѣ Инны, который она уловила на себѣ. И ей стало жутко, и она не удерживала Инну, когда та поднялась съ мѣста и мило простилась съ ней, видимо, пересиливъ себя, чтобъ поцѣловать Зою.

Когда дверь захлопнулась за этою шумною ватагой, Зоя откинулась въ изнеможеніи на подушку, а Наташа прямо сорвалась съ мѣста и въ одинъ мигъ очутилась у постели Зои.

— Я ужь давно гляжу, барышня милая, что вамъ компрессикъ нужно и ложечку ди... дигиталису,—какъ всегда запнувшись, тревожно заговорила она; дѣло закипѣло въ привычныхъ рукахъ, и Зоѣ сразу стало легче отъ ощущенія свѣжей воды съ одеколономъ на горячей груди.

— Поди сюда, Наташа, — прошептала она въ первый разъ на «ты».

Та подошла.

— Ближе... наклонись ко мнѣ... вотъ такъ...—и, слабо притянувъ къ себѣ голову дѣвушки, она поцѣловала ее въ лобъ. Потомъ она утомленно закрыла глаза, отвернулась къ стѣнкѣ и притворилась спящей, но изъ-подъ ея сомкнутыхъ вѣкъ катились крупныя слезы. А Наташа благоговѣйно поцѣловала ея прозрачную ручку тихо отошла къ себѣ. На ночь она долго простояла на колѣняхъ, шепетно шепча свои молитвы и стукаясь лбомъ объ полъ каждый разъ, какъ упоминала рабу Божію Зою.

Зоѣ было совсѣмъ скверно. Она чувствовала, какъ какое-то страшное и томительное предчувствіе охватываетъ ее. Ей стоило

закрыть глаза, какъ что-то безформенное становилось позади ея, невѣдомое, но страшное, и она знала... знала, что̀ это такое.

И въ эту ночь одиночество пугало ее какъ никогда. Не желая будить и безъ того слабенькую Наташу, она позвала няньку и упросила ее просидѣть ночь у ея постели.

Все заснуло, она не спала. Что-то тревожное сжимало ея сердце и поминутно заставляло ее вздрагивать. Она широко-раскрытыми глазами смотрѣла на добродушное старушечье лицо няньки, прислушивалась къ мѣрному сонному дыханію спящихъ, къ треску лампадки и старалась не думать объ *этомъ*. Живое существо, бодрствующее рядомъ съ ней, помогало прогонять *это*, и она нарочно внимательно разсматривала каждую морщинку на лицѣ няньки, каждую пуговицу на ея платьѣ и мѣдныя святыя колечки на пальцахъ. Но нянька зачѣмъ-то вышла и въ одну минуту *это* пришло, поднялось и стало такъ близко, и такимъ страннымъ гнетомъ наполнило воздухъ, что Зоя чуть не задохлась.

«Здѣсь... здѣсь эта сѣрая, ужасная фигура... все ближе, ближе... Боже, спаси меня!»

И Зоя страшно вскрикнула.

Наташа спала чутко. Крикъ Зои быстро заставилъ ее вскочить съ постели и босикомъ, дрожа отъ холода и волненія, она подбѣжала къ ней:

— Барышня моя, что съ вами?

Зоя глядѣла на нее блуждающимъ взглядомъ, полнымъ смертельной тоски, и помертвѣвшими губами прошептала:

— Ничего... Наташечка... это я во снѣ.

Наташа посмотрѣла на нее и поняла своимъ простымъ сердцемъ, что это было не во снѣ.

«Смерть приходила къ ней!» — съ ужасомъ подумала она и тайкомъ перекрестилась, взглянувъ на Зою. Зоя уловила этотъ взглядъ и увидала, что Наташа *поняла*. Ея исхудавшія ручки упали на плечи Наташи и, крѣпко обнявшись, обѣ онѣ, талантливая художница и безграмотная швейка, заплакали, какъ сестры.

V.

На другой день Зоѣ стало вдругъ легче. Было воскресенье. Она полусидѣла въ постели и обрадовала Наташу до безчувствія, попросивъ чайку съ постнымъ сахаромъ. Ей по-дѣтски капризно захотѣлось этихъ розовыхъ и желтыхъ кусочковъ, которые въ дѣтствѣ ей запрещали трогать.

И трогательно было видѣть эту картину: изящная, темная головка Зои бѣлизной едва отдѣлялась отъ подушекъ, на которыхъ она полулежала. Глаза ея стали глубже и огромнѣе, оттѣненные голубыми кругами, и вся она, хрупкая, какъ надломленный цвѣтокъ, была хороша какою-то особенною красотой. Она высвободила руки на бѣлое одѣяло и, слабо усмѣхаясь, смотрѣла на Наташу, которая, стоя передъ ней на колѣняхъ, усердно дула на блюдечко и поила ее чаемъ.

Наташа вся дрожала отъ радости и едва сдерживала свои слезы, глядя съ умиленіемъ, съ какимъ аппетитомъ кушала ея милая барышня, а та послѣ каждаго блюдечка улыбалась ей, потому что говорить было лѣнь, и чувствовалась слабость, но пріятная.

Докторъ сдѣлалъ большіе глаза и подивился ея «самочувствію». Онъ никакъ не предполагалъ, что такая рѣшительная перемѣна къ лучшему произойдетъ безъ сильнаго внутренняго потрясенія, а его, очевидно, быть не могло въ ихъ монотонной больничной обстановкѣ. Онъ и не подозрѣвалъ, что потрясеніе это было, и внезапное, страстное, какъ все въ этой деликатной натурѣ. Зоя вдругъ почувствовала себя совсѣмъ другой. Проснувшись утромъ, послѣ волненія, причиненнаго ей наѣздомъ Инны съ ея ватагой, и этой ужасной ночи, когда смерть прошла рядомъ съ ея постелью и остановилась на минуту, Зоя какъ-то вдругъ все увидала въ новомъ свѣтѣ, и рядомъ съ пережитымъ ужасомъ ей показалось страшно пустымъ и мелкимъ ея горе.

Она жаловалась на одиночество! Но гдѣ она искала друзей? Она жила въ средѣ людей, подобныхъ Иннѣ Павловнѣ и К°. Что-жь можно было требовать отъ нихъ? Даже еслибъ и любили ее эти люди, они ничего не дали бы ни ея уму, ни сердцу. Это были тѣ же красивыя картинки на легкіе сюжеты, отъ которыхъ Зоя отказалась.

Да и что она смѣла требовать? Какія были ея заслуги? Что она сама давала людямъ? Сколько разъ она проходила мимо горя, не утѣшая, мимо бѣдности, не облегчая. Она была эгоисткой и хотѣла, чтобъ жили для нея; прежде она должна была научиться жить для другихъ.

Правда, у нея не было родной души, человѣка, который бы заботился о ней. Но теперь, когда она узнала эту простую дѣвушку, которая душу за нее положила, она уже не рискуетъ быть одна въ томъ случаѣ, котораго больше всего боялась: въ случаѣ болѣзни.

Она взглянула на склоненный профиль Наташи, которая шила

у ея постели, и, поймавъ взглядъ Зои, отвѣтила на него робкимъ нѣжнымъ взглядомъ.

Да, это простая дѣвушка, которая не умѣетъ ни читать, ни писать; но этою ночью онѣ вмѣстѣ плакали такими слезами, которыя сразу ихъ сдѣлали родными и показали Зоѣ, какое сокровище чистой преданности заключалось въ душѣ безхритростной дѣвушки.

— Ты знаешь, Наташа, мнѣ такъ хорошо, что я встану,— сказала Зоя.

— Ой, родная моя, полежали бы!—возразила Наташа.

— Нѣтъ, милая, я хоть отсюда хочу службу послушать...—и съ помощью Наташи она надѣла свой халатикъ и сдѣлала нѣсколько невѣрныхъ шаговъ по комнатѣ. Она совсѣмъ отвыкла держаться на ногахъ, и Наташа поставила ей стулъ у самой двери.

Большая стеклянная дверь палаты вела въ корридоръ, и изъ нея была чуть видна расположенная наискосокъ домовая церковь, то-есть видны были двѣ-три иконы, согбенныя фигуры молящихся и огни свѣчей—больше ничего. Но каждое слово, каждый звукъ церковнаго пѣнія гулко и отчетливо раздавался подъ каменными сводами корридора. Обѣдня начиналась. Рядами шли служащіе, нѣкоторые больные. Обыкновенно ходила и Наташа, но сегодня она не могла оторваться отъ своей барышни. И теперь, когда Зоя сѣла на стулъ, прислонясь къ холодному стеклу головою, Наташа стала возлѣ нея и обѣ начали тихо молиться.

И молитвы ихъ смѣшивались, какъ слезы тогда, горячія молитвы безъ словъ. Зоя держала руку Наташи въ своей, сказавъ ей:

— Помолись за меня, Наташечка! Неужто мнѣ умирать?

Та попробовала ей возразить, но слезы душили ее, и она усердно клала земные поклоны.

Звуки хора стройно неслись, чередуясь съ возгласами священнослужителей. Слушая и не слыша ихъ, Зоя невольно вспоминала, какъ въ послѣдній разъ была въ церкви; ясно и живо вспоминала мельчайшую подробность, писк ребенка, трескъ лампады; всѣ ея чувства получили двойную ясность. И прежній религіозный порывъ, какъ тогда, охватывалъ ее, и она молилась, безудержно молилась сразу обо всемъ: и о томъ, чтобы выздоровѣть, и о томъ, чтобы если ей суждено умереть, то безъ мученій... ни здѣсь, ни тамъ. «Спаси, спаси меня, Господи!»—шептала она. Все въ ней горѣло знакомымъ экстазомъ, и куда-то уносила, уносила ее свѣтлая волна молитвы, священнаго пѣнія и слезъ.

И вдругъ металлически-чисто прозвучалъ голосъ священника, начавшаго проповѣдь:

«Пріидите къ Нему всѣ страждущіе и обремененные и Онъ успокоитъ васъ».

Но тутъ Наташа едва успѣла подхватить пошатнувшуюся Зою и почти отнесла ее, слабенькая, съ страшною нервною силой, на кровать, рыдающую и потрясенную. Она дала ей лѣкарство, цѣловала ея руки, называла всѣми нѣжными именами, какія знала.

И Зоя успокоилась.

Что-то свѣтлое разлилось въ ея душѣ, и она задремала съ такимъ безмятежнымъ выраженіемъ на лицѣ, что смотрѣвшая на нее Наташа сказала нянькѣ:

— Ишь ты, ровно ангельчикъ!

И обѣ умиленно покачали головами.

Судьба берегла ей радостный сюрпризъ. Въ два часа къ ней явился посѣтитель.

Это былъ никто иной, какъ ея старый профессоръ, взволнованный и весь красный. Онъ вошелъ къ ней, запыхавшись и не находя словъ отъ охватившаго его волненія. Зоя слабо вскрикнула и протянула ему свои худенькія ручки:

— Господи! Сергѣй Матвѣевичъ! А я думала вы меня давно забыли!...

— Ну, и глупенькая дѣвочка!—словно сердясь на самого себя, оправдывался профессоръ.—Вѣдь, у насъ это подлое размахайство. Какъ я тогда уѣхалъ въ Петербургъ, такъ и проторчалъ тамъ два мѣсяца. И понятія не имѣлъ обо всей этой исторіи. Писать-то, вы знаете, я лѣнивъ, какъ бѣлый медвѣдь. Ну, вчера пріѣхалъ, сегодня же былъ у васъ, узналъ отъ дворника, что вы здѣсь, и вотъ... сюда!...—Онъ даже лобъ утеръ.

Зоя улыбнулась, счастливая. Она лихорадочно заторопилась сообщить ему:

— Вы знаете, можетъ быть, эта болѣзнь и къ лучшему. Я все о вашихъ словахъ думала, профессоръ. Я какъ-то... *такъ* теперь поняла, что вы правы. Меня больница... не смѣйтесь... многому научила!

— Я и не думаю смѣяться, я васъ очень понимаю, а вы не волнуйтесь, вамъ вредно. Вы мнѣ все потомъ разскажете, а теперь надо скорѣе поправляться.

— А вы думаете, я поправлюсь?—робко спросила Зоя.

— Господи! Понятно, поправитесь!—не выдержала Наташа. Она чуть не прыгала, инстинктивно предвидя что-то свѣтлое на горизонтѣ.

Зоя взяла ее за руку.

— Вотъ, профессоръ... и она меня многому научила. Да, еслибъ не она, я, можетъ быть, не вышла бы отсюда. Это она меня выходила.

— Что вы, барышня! — застыдилась Наташа и вся залилась розовою краской подъ двумя ласковыми взглядами, молодыхъ и старыхъ глазъ, устремленныхъ на нее.

— Я съ ней не разстанусь теперь. Если, Богъ дастъ, выздоровлю, такъ она у меня какъ сестра будетъ жить.

Тутъ ужь Наташа не выдержала и опустилась на колѣни передъ кроватью, цѣлуя руки Зои и плача, и смѣясь, въ одно и то же время.

Зоя пріѣхала къ себѣ на квартиру, блѣдненькая, похудѣвшая, опираясь на руку профессора, который явился за ней въ каретѣ.

Квартирку ея безъ нея почистили, убрали.

Дворникъ встрѣтилъ ее, низко кланяясь, встряхивая головой, и его добродушная улыбка была ей пріятна. Она задыхалась слегка, поднимаясь къ себѣ, и отъ непривычки ходить, и отъ волненія. Да, волненія. Странное чувство охватило ее: эта маленькая квартирка, въ которой она столько разъ плакала надъ своимъ одиночествомъ, теперь показалась ей родною и словно привѣтливо встрѣтила ее Весеннее солнце заливало комнаты, на окнахъ разцвѣли бѣлыя лиліи; въ гостиной на столѣ красовался большой букетъ сирени; все было на прежнихъ мѣстахъ, фотографіи улыбались изъ своихъ рамокъ и Зоя улыбалась имъ въ отвѣтъ, проходя по комнатамъ къ мастерской.

— Господи, какъ я рада, что я дома!—вырвалось у нея. Бѣдной дѣвочкѣ дѣйствительно казалось, что она дома.—Какъ хорошо здѣсь! И сирень! Это вы, Сергѣй Матвѣевичъ? Вы меня балуете!— обратилась она съ слабою улыбкой къ старику.—Спасибо вамъ!

— Полно, полно, сконфузила меня! — отшучивался тотъ. — Что за баловство, простой вѣникъ.

Вотъ!... сердце Зои забилось. Сейчасъ она увидитъ свою картину, о которой за время болѣзни думала съ такою страстною тоской. Что, если чувство обманывало ее? Если картина не оправдаетъ ея ожиданій и зданіе выйдетъ построеннымъ на пескѣ?

Она, вся трепещущая, отворила дверь.

Сквозь стеклянный потолокъ мастерской глянуло на нее ярко-голубое небо.

Она быстро откинула какую-то матерію, закрывавшую картину, и отступила.

Наташа громко вскрикнула:

— Господи! Совсѣмъ какъ у насъ въ деревнѣ церковь-то!

Прошла минута молчанія.

— Ну, что? — замирая отъ волненія, прошептала Зоя профессору.

Онъ крѣпко сжалъ ея руку, потомъ наклонилъ ея головку и поцѣловалъ въ лобъ.

И опять молчитъ мастерская, залитая солнцемъ.

Но...

Теперь это молчаніе не страшно Зоѣ. Она вся ушла въ свою работу, и маленькіе злые ду́хи не смѣютъ мѣшать ей. Можетъ быть, ихъ выгоняетъ и присутствіе Наташи, любящій взглядъ которой, отрываясь отъ вѣчнаго шитья, призываетъ Божіе благословеніе на Зою и на ея работу.

Чуткая дѣвушка бережетъ Зою и охраняетъ ее отъ мелочей и дрязгъ житейскихъ, а когда Зоя работаетъ, она присаживается тутъ же, тихо, какъ мышка, и только время отъ времени перекидывается съ ней двумя-тремя словами, но всегда съумѣетъ во-время разсказать ей про чужое несчастіе, шепнуть, кому нужна помощь. И Зоя учится у этой простой души великому и простому правилу: для того, чтобъ быть счастливой, надо не себѣ требовать счастья, а самой давать его другимъ. Забѣгаетъ чаще прежняго профессоръ. Прежде, кажется, общество легкомысленныхъ красавицъ на Зоиныхъ картинахъ заставляло его чуждаться этой мастерской. Но теперь, когда чаще съ ея этюдовъ глядятъ на него тѣ старые знакомые, которымъ онъ беззавѣтно посвятилъ свою жизнь, «труждающіеся и обремененные», его такъ и тянетъ сюда.

И долго и часто бесѣдуютъ они съ нимъ, когда писать больше нельзя и Зоя сумерничаетъ, какъ она любитъ, въ креслахъ у окна, а Наташа подастъ имъ чай и присядетъ тутъ же.

Онъ говоритъ ей часто:

— Не бойтесь одиночества, не страшитесь горя, дитя мое! Мы съ [illegible]ами несемъ одно знамя. Моя голова посѣдѣла подъ пулями, но [illegible] его не бросаю, а вы моложе! Вы сильнѣе! Трудитесь, смѣло иди[illegible]е своимъ путемъ въ вашемъ дорогомъ искусствѣ, а жизнь у вас [illegible] еще впереди, и, можетъ быть, у васъ еще будетъ большое сча[illegible]ье!

И она отвѣчаетъ ему, что теперь она хочетъ, хочетъ жить,—не для вѣчнаго праздника, не для торжества самолюбія, а жить новою, другою жизнью, которая прежде казалась невозможной, и такъ легка и проста кажется теперь. И она развиваетъ ему планы новыхъ картинъ. А сюжеты для нихъ она ищетъ въ школахъ, на фабрикахъ, въ маленькихъ домишкахъ на самыхъ окраинахъ Москвы, которые узнаетъ и гдѣ бываетъ съ помощью сердобольной Наташи.

Она дѣлаетъ свое маленькое дѣло, стараясь не пройти мимо чужого горя, а помочь гдѣ можетъ и чѣмъ можетъ, не руководствуясь тѣмъ принципомъ, что прежде нерѣдко слыхала въ своемъ обществѣ:

«Всѣмъ не помочь, зачѣмъ же именно одному этому помогать?»

И ей теплѣе жить на свѣтѣ.

Будетъ ли она счастлива? Кто знаетъ! Но она больше не боится одиночества. Она поняла, что отъ одиночества могутъ спасти трудъ и любовь, великая, безкорыстная любовь ничтожныхъ міра сего.

Т. Щепкина-Куперникъ.

Гельмгольтцъ и современная физика *).

Was kann der Mensch im Leben mehr gewinnen,
Als dass sich Gott-Natur ihm offenbare,
Wie sie das Feste lässt zu Geist verrinnen,
Wie sie das Geisterzeugte fest bewahre.

Goethe.

8 сентября (27 августа), послѣ двухмѣсячной болѣзни, угасъ въ Шарлоттенбургѣ (близъ Берлина) величайшій изъ современныхъ естествоиспытателей,—скажу больше: величайшій изъ современныхъ ученыхъ,—Германъ фонъ-Гельмгольтцъ, 73 лѣтъ отъ роду.

До самаго недавняго времени могучій умъ его былъ въ полной силѣ. Въ прошломъ году покойный далъ намъ два изслѣдованія, достойныя его генія (въ концѣ второго обѣщано продолженіе). Въ августѣ 1893 г. онъ предсѣдательствовалъ на электрическомъ конгрессѣ въ Чикаго. Извѣстно, что на переѣздѣ изъ Америки въ Европу Гельмгольтцъ получилъ сильный ушибъ головы, потребовавшій серьезнаго леченія; съ тѣхъ поръ болѣзненныя явленія повторялись, но ничто не указывало на близкую катастрофу. Въ текущемъ году, къ сентябрьскому съѣзду нѣмецкихъ естествоиспытателей въ Вѣнѣ, онъ обѣщалъ три рѣчи для общихъ собраній. 15/3 іюня 1894 г. Гельмгольтцъ предсѣдательствуетъ въ засѣданіи Берлинскаго физическаго общества, посвященномъ памяти Августа Кундта († 21/9 мая). 11 іюля (29 іюня) онъ прочелъ послѣднюю свою лекцію въ университетѣ. Вслѣдъ за тѣмъ (13/1 іюля) явилось тревожное извѣстіе о болѣзни (ударъ). Къ концу августа стала оживать надежда на возстановленіе; но вскорѣ второй ударъ унесъ великаго человѣка въ могилу.

Три года тому назадъ, откликаясь на всесвѣтное чествованіе 70-го дня ро[ ]енія Гельмгольтца, московская публика выслушала рядъ публичныхъ лек[ ]ій, устроенный въ университетѣ въ пользу «Гельмгольтцовскаго фонда» (на[ ]предметъ основанія международной медали имени Гельмгольтца за на-

*) Рѣчь, читанная въ засѣданіи Императорскаго Общества Любителей Естество[ ]ан[ ] Антропологіи и Этнографіи 16 ноября 1894 г.

учныя заслуги). Эти лекціи потомъ явились въ печати *); онѣ могутъ дать понятіе о многообъемлющей дѣятельности геніальнаго ученаго, длившейся болѣе 50 лѣтъ и сдѣлавшей имя его дорогимъ для всякаго, кому дороги интересы науки и культуры. Въ упомянутой книжкѣ помѣщена въ переводѣ и превосходная рѣчь Гельмгольтца, сказанная имъ на юбилейномъ торжествѣ въ Берлинѣ, рѣчь высокаго автобіографическаго интереса.

На этотъ разъ мы не имѣемъ надобности, да и не можемъ, возвращаться къ сколько-нибудь детальному изложенію работъ почившаго,—для этой цѣли далеко не хватило и тѣхъ восьми лекцій, которыя были читаны въ 1891 г. Мы постараемся только въ самыхъ общихъ чертахъ подвести итоги научной жизни, имѣвшей столь широкое значеніе, подсмотрѣть, насколько съумѣемъ, ея внутреннюю логику.

Гельмгольтцъ былъ въ равной мѣрѣ физикъ, физіологъ и психологъ,—онъ работалъ и пролагалъ новые пути какъ въ общей наукѣ о природѣ-объектѣ, такъ и въ наукѣ о природѣ чувствующей и мыслящей, о человѣкѣ, объективирующемъ и познающемъ природу. Его творчество представляетъ, такимъ образомъ, двѣ стороны. Онѣ неразрывно связаны единствомъ личности, искавшей и творившей не случайно, не по капризу, а въ генетически-строгой послѣдовательности мышленія, неуклонно направленнаго къ одной высокой цѣли. Но для удобства эти двѣ стороны могутъ быть обозрѣваемы отдѣльно. Предоставляя біологическую часть моему почтенному товарищу И. М. Сѣченову, попытаюсь, какъ это ни трудно, прослѣдить дѣятельность Гельмгольтца по общей физикѣ, имѣя въ виду ея основныя теченія.

I.

Исторія творчества Гельмгольтца на этомъ полѣ есть исторія физики за послѣднія 50 лѣтъ. Во всѣхъ краеугольныхъ вопросахъ, приковывавшихъ умы послѣднихъ поколѣній, во всѣхъ стремленіяхъ науки расширить свои горизонты и, въ то же время, очистить, отрезвить себя критикой, участіе Гельмгольтца стоитъ на первомъ планѣ. Въ однѣхъ задачахъ онъ является главнымъ иниціаторомъ, въ другихъ — мощнымъ соработникомъ, въ третьихъ—дѣйствуетъ косвенно, черезъ воспитанныхъ въ его школѣ учениковъ.

Еще на нашей памяти физика представляла собою рядъ отдѣльныхъ главъ, почти не связанныхъ между собою. Мысль, ясная еще Ньютону, что объяснять явленія значитъ сводить ихъ на почву механики **), либо терялась вовсе, либо вела къ искусственнымъ постройкамъ шатко-гипотетическаго характера. Такъ называемыя «невѣсомыя», нѣкогда столь обиль-

*) *Германъ фонъ-Гельмгольтцъ (1821 — 1891).* Публичныя лекціи, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. М., 1892 г.

**) „Omnis enim philosophiae difficultas in eo versari videtur, ut a phaenomenis motuum investigemus vires naturae, deinde ab his viribus demonstremus phaenomena reliqua". (*Principia*, praef.).

ныя, стояли какъ бы внѣ закона. Для теоріи свѣта, правда, путь былъ смѣло и, повидимому, вѣрно намѣченъ еще въ первой четверти вѣка, благодаря генію Френеля; но ученіе о теплотѣ, ученіе объ электричествѣ не находили настоящаго ключа въ механикѣ; еще болѣе изолирована была химія, образовавшая особую науку. Связь между отдѣльными категоріями явленій, или между отдѣльными «агентами» природы, не вошла въ сознаніе, и кое-какіе факты, уже тогда намекавшіе на эту связь, оставались въ тѣни, какъ второстепенные курьезы.

Объединеніе всѣхъ отдѣловъ науки совершилось въ серединѣ текущаго столѣтія. Припомнимъ обычное опредѣленіе физики. Физика—наука о веществѣ и о явленіяхъ или процессахъ, съ нимъ происходящихъ. Общая мѣра для вещества, или для всѣхъ тѣхъ 70 категорій, которыя мы считаемъ существенно-различными видами неизмѣннаго вещества, была установлена уже давно, благодаря въ особенности Ньютону и Лавуазье. Общей мѣры для явленій не было и долгое время спустя, не было даже для явленій одной категоріи (наприм., для химическихъ реакцій). Такую мѣру—и, притомъ, вполнѣ общепригодную—дало понятіе объ *энергіи*, и здѣсь-то, въ дѣлѣ установки и пропаганды этого понятія, Гельмгольтцу принадлежитъ первенствующая роль. Своею безсмертною брошюрой *О сохраненіи силы* (1847 г.), гдѣ подъ *силой* условно разумѣется то, что̀ позже, по предложенію В. Томсона, назвали *энергіей*, Гельмгольтцъ шире и сознательнѣе, чѣмъ кто-либо изъ его сподвижниковъ въ этомъ дѣлѣ, утвердилъ догматъ о количественной соотносительности всѣхъ явленій. Въ пользу этого догмата уже давно говорила и обильная масса фактовъ, и та интуиція, которая, въ избранныхъ умахъ, такъ часто предупреждаетъ строгую науку. Великій художникъ, котораго мы, физики, должны признать прямымъ предшественникомъ Галилея, Леонардо-да-Винчи, опредѣленно высказывается о невозможности такъ называемаго *perpetuum mobile:* это и есть корень принципа энергіи. Но химера долго еще продолжала смущать умы, и только 350 лѣтъ спустя была опредѣленно и безповоротно изъята изъ обращенія работою Гельмгольтца. «Чтобъ оцѣнить все научное значеніе небольшой Гельмгольтцовой статьи объ этомъ предметѣ,—говоритъ Максвелль,—стоило бы только спросить тѣхъ, кому мы обязаны величайшими открытіями по термодинамикѣ и по другимъ отраслямъ современной физики: сколько разъ они перечитывали эту статью, и какъ часто при своихъ изысканіяхъ чувствовали непреодолимую силу вѣскихъ положеній Гельмгольтца» *).

И вотъ, изъ ряда разрозненныхъ статей физика становится ученіемъ о формахъ энергіи, о ихъ взаимныхъ превращеніяхъ, подчиненныхъ закону ко[ли]чественнаго сохраненія или неизмѣнности. На ряду съ сохраняющеюся ма[сс]ой вещества стала сохраняющаяся энергія.

[Я] не буду объяснять понятіе объ энергіи и принципъ ея сохраненія, [ска]жу лишь, что съ большею или меньшею ясностью эти нынѣ ходячія свѣ-

*) *Maxwell*: „H. L. F. Helmholtz“ (Nature, XV, p. 390; Scient. Papers, II, p. 595)

дѣнія всѣмъ знакомы, и ссылаясь на наши прежнія бесѣды о Гельмгольтцѣ *). Скажу только, что въ этомъ принципѣ энергіи физикъ впервые получилъ возможность подводить количественный балансъ явленіямъ, подобно тому какъ въ принципѣ сохраненія матеріи (т.-е. ея массы) Лавуазье нашелъ ключъ къ балансу кажущихся превращеній вещества. Всякій разъ, когда передъ нами происходитъ нѣкоторое явленіе, мы ищемъ и находимъ ему мѣру въ приростѣ или убыли энергіи нѣкоторой части вещества, ищемъ и находимъ соотвѣтственную убыль или приростъ въ другихъ доляхъ энергіи,—въ полной и всегда оправдывающейся увѣренности, что общій итогъ энергіи остался неизмѣннымъ.

При этомъ важно и характерно то обстоятельство, что оцѣнку энергіи и подсчетъ ея баланса мы смѣло прилагаемъ и къ такимъ процессамъ, о механизмѣ которыхъ мы не составили себѣ подробныхъ и ясныхъ представленій. Таковы, наприм., химическія реакціи, таковы электромагнитныя явленія. Нѣтъ надобности знать или воображать себѣ, что здѣсь дѣлается съ частями вещества, какую роль играетъ, кромѣ обыкновеннаго вещества, постулируемый нами эѳиръ: мы можемъ оставаться на фактической почвѣ и, тѣмъ не менѣе, сказать нѣчто важное и точное о процессѣ. Мы должны только подмѣтить, какими доступными опыту величинами (параметрами) можно охарактеризовать энергію процесса, или какимъ образомъ можно прямо ее измѣрить (наприм., превративъ въ теплоту), и затѣмъ воспользоваться уравненіемъ энергіи. Такой способъ вѣрно разсуждать о явленіи, не покушаясь составить его отчетливый, но гадательный рисунокъ, представляетъ методологическую новость, которая выгодно оттѣняетъ весь дальнѣйшій ходъ науки.

Отъ знаменитаго труда, бывшаго дебютомъ 26-ти лѣтняго Гельмгольтца, мнѣ придется, по логической связи, перейти къ изслѣдованіямъ, занимавшимъ его въ послѣдніе годы жизни. Какъ ни трудна эта тема для общедоступнаго изложенія, попытаюсь дать о ней понятіе.

Законъ сохраненія энергіи, конечно, не исчерпываетъ науки о явленіяхъ, и встрѣчающіяся иногда попытки изложить всю физику, играя, такъ сказать, на одной струнѣ, не могутъ быть состоятельны. Начиная съ даннаго состоянія матеріальной системы, можно представить себѣ весьма различныя въ ней измѣненія, каждое съ соблюденіемъ принципа энергіи. Чѣмъ отличается дѣйствительно происходящій процессъ отъ другихъ возможныхъ? И какія данныя нужно имѣть, чтобы предсказать его теченіе?

Для обширной области явленій, извѣстной подъ именемъ небесной механики, Ньютонъ и его продолжатели выработали схему, которая, благодаря ея блестящему успѣху, сдѣлалась образцомъ или *pium desiderium* и для другихъ отдѣловъ физики. Данными задачи служатъ: 1) начальныя положенія всѣхъ массъ и 2) начальныя ихъ скорости. *Первыми* непосред-

---

*) Лекція Р. А. Колли въ книгѣ *Г. фонъ-Гельмольтцъ*.

ственно даны такъ называемыя *силы* системы (въ Ньютоновомъ смыслѣ этого слова). Простая связь между силами и ускореніями, установленная вторымъ изъ трехъ законовъ Ньютона, ведетъ къ «уравненіямъ движенія» системы, и чисто-математическая обработка (интеграція) этихъ уравненій даетъ, при помощи начальныхъ данныхъ, полное рѣшеніе вопроса, т.-е. предсказываетъ мѣсто каждой массы въ каждый моментъ времени.

«Открытіе закона тяготѣнія и его послѣдствій,—говоритъ Гельмгольтцъ,—есть самое импонирующее дѣяніе, къ какому когда-либо была способна логическая сила человѣческаго духа. Еще никогда не представлялся столь удобный матеріалъ, какъ эти запутанныя планетныя движенія, которыя прежде у необразованныхъ зрителей питали только астрологическое суевѣріе, а теперь подведены были подъ законъ, позволявшій отдать самый точный отчетъ о малѣйшихъ особенностяхъ этихъ движеній» (I, p. 136) *).

Необычайная простота формы, какую получила эта область благодаря понятію *сила,* надолго обезпечила за нимъ центральную, господствующую роль въ механикѣ. Ньютоново понятіе о силѣ вошло и въ «метафизику естествознанія» Канта. Фактъ взаимныхъ силъ, существующихъ между двумя массами, стали считать примордіальнымъ, силу—этотъ, по Гельмгольтцу, «объективированный законъ дѣйствія» (I, p. 342)—*причиною* механическихъ явленій, изысканіе силъ—*объясненіемъ* явленій. Силы въ задачѣ Ньютона представлялись какъ непосредственныя дѣйствія массъ на разстояніи (actiones in distans).

По тому же образцу стали формулироваться механическія теоріи другихъ явленій. Но явленія, наблюдаемыя нами вблизи, оказались далеко не такъ просты, какъ небесныя движенія, или не допускали тѣхъ абстракцій и упрощеній. Собственно-механическіе процессы идутъ рука объ руку съ болѣе темными процессами тепловыми, химическими, электрическими. Стоя на почвѣ ясныхъ представленій механики, приходилось, кромѣ явныхъ массъ и явныхъ движеній, допустить нѣкоторыя «скрытыя массы» и «скрытыя движенія» (употребляю терминъ Гельмгольтца). Такъ въ явленіяхъ теплоты съ категорическою обязательностью пришлось признать движенія мелкихъ частей матеріи, недоступныя прямому и подробному изслѣдованію. Такъ въ явленіяхъ свѣта и электричества настоятельно сказывается участіе особой, такъ сказать сверхчувственной матеріи. Распредѣленіе массъ—даже «явныхъ»—и ихъ скоростей необычайно сложно, и нѣтъ надежды знать его вполнѣ для какого-либо момента времени. Попытка угадать «элементарныя силы» лишь кое-гдѣ, и на первыхъ порахъ, имѣла нѣкоторый успѣхъ. Тамъ, гдѣ, по обстоятельствамъ задачи, «силы» стояли на второмъ планѣ и гдѣ незнаніе индивидуальныхъ массъ и скоростей восполнялось такъ называемою статистическою методой,—задача допускала успѣшную обработку: такова «кинетическая теорія газовъ», построенная въ духѣ Лукреція и Лесажа.

За легкость, съ которою принципъ энергіи позволялъ намъ говорить о

*) Цитаты безъ заглавія относятся къ сборнику популярныхъ статей Гельмгольтца (Vorträge und Reden, 2 B-de, 1884 г.).

темныхъ явленіяхъ, не смущаясь неизвѣстнымъ,—естественно далъ преобладаніе новому символу *энергія* надъ прежнимъ символомъ *сила*. Притомъ же количественная неизмѣнность энергіи придавала этому понятію такой оттѣнокъ реальности, котораго лишено понятіе о силѣ. *Массу* и *энергію* стали считать «вещами» по преимуществу (Тэтъ). «Сила»—нѣкогда первоначальная *причина*—низводится на степень второстепеннаго, искусственнаго термина (Клиффордъ, Кирхгоффъ, Гертцъ).

Нельзя ли и дальнѣйшее изученіе явленій вести путемъ, который избавилъ бы насъ отъ необходимости слишкомъ подробно рисовать гипотетическими штрихами то, что̀ намъ неизвѣстно,—держалъ бы насъ ближе къ непосредственнымъ даннымъ опыта? Картина будетъ не такъ подробна, въ ней останутся пустыя клѣтки; но она будетъ достовѣрнѣе, а недостающее теперь—можетъ быть вычерчено современемъ.

Такіе пути въ механикѣ есть и практикуются издавна. Когда мы трактуемъ о движеніи совершенно-твердаго тѣла, мы эту твердость считаемъ какъ нѣчто данное, какъ фактъ, не заботясь и не фантазируя о томъ, какъ онъ «объясняется». Задача получаетъ сразу чрезвычайное упрощеніе. Рѣшеніе ея мы, не задумываясь, примѣняемъ и къ дѣйствительному «твердому» тѣлу природы, хотя знаемъ, что оно не есть совершенно-твердое, что, кромѣ разсмотрѣнныхъ нами явныхъ движеній цѣлаго, есть скрытыя движенія мелкихъ частей его. Наша абстрактная задача даетъ упрощенную *модель* дѣйствительнаго процесса; но эта модель вполнѣ достаточна для многихъ цѣлей, совпадая съ дѣйствительностью во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, какіе въ данномъ случаѣ представляются существенными.

Всякій разъ, когда въ механическую задачу вводились такъ называемыя *связи* или *условія*, употреблялся тотъ же пріемъ мысли.

Уравненія механики, въ формѣ, данной имъ Лагранжемъ, мы можемъ прилагать и къ такимъ задачамъ, гдѣ данными и искомыми являются не положенія и скорости всѣхъ отдѣльныхъ частей или частицъ системы, а нѣкоторое число величинъ (параметровъ), совокупность которыхъ *достаточно* характеризуетъ состояніе системы. Мы можемъ прилагать эти уравненія и въ томъ случаѣ, гдѣ эта *достаточность*—относительная, вродѣ того какъ эпитетъ *совершенно-твердое* часто считаемъ достаточнымъ для характеристики дѣйствительнаго твердаго тѣла природы. Постановка и рѣшеніе задачи въ этомъ духѣ дастъ намъ опять упрощенную модель дѣйствительности; но въ нашей власти совершенствовать эту модель по мѣрѣ обогащенія нашихъ свѣдѣній.

Въ обобщенномъ видѣ этотъ пріемъ изслѣдованія съ неожиданною мощью оправдалъ себя на нашихъ глазахъ въ примѣненіи къ самому таинственному кругу явленій: я говорю о механической теоріи электричества и свѣта, данной Максвеллемъ. Но, прежде чѣмъ подойдемъ къ этой темѣ, поговоримъ о другомъ теченіи, проявившемся въ современной физикѣ,—теченіи, которое, повидимому, относило ее въ сторону отъ механической почвы, внося въ физику какія-то мета-механическія основы.

II.

Страннымъ образомъ, это теченіе возникло именно въ той области (тепловыхъ явленій), которая именно въ ту пору особенно тѣсно и прочно примкнула къ механикѣ въ виду опытовъ Джауля и др. Принципъ, зародышъ котораго лежалъ еще въ книгѣ Сади-Карно *): *Опытъ о движущей силѣ огня* (1824 г.),—къ 50-мъ годамъ, въ исправленной обработкѣ Клаузіуса, облекся въ форму *второго закона термодинамики* (*первымъ* закономъ послужило начало сохраненія энергіи, примѣненное къ этому кругу явленій). Я не могу прослѣдить здѣсь исторію развитія этого закона. Скажу только, что онъ исходитъ изъ простыхъ фактовъ опыта (каково, напримѣръ, стремленіе теплоты переходить изъ теплаго тѣла въ холодное, а не наоборотъ) и опирается на своего рода физическую аксіому—о невозможности безусловно и безгранично пользоваться теплотою тѣлъ природы для производства механической работы. Разсуждая въ этомъ кругѣ понятій, убѣждаемся, что хотя данный запасъ *работы* можно сполна превратить въ теплоту, но такой процессъ, какъ говорится, *не оборотенъ*: данный запасъ *теплоты* мы никакъ не можемъ превратить *сполна* въ работу (всегда окажется непревращенный остатокъ). Въ концѣ-концовъ, получается весьма общее положеніе: «Міровая энергія все болѣе и болѣе теряетъ свою оборотность (*разсѣивается*, по выраженію В. Томсона), постепенно переходя въ форму теплоты».

Принципъ оказался необыкновенно плодотворнымъ. Термодинамика, стоя, такъ сказать, одною ногой на почвѣ механики, другою—внѣ ея,—овладѣла обширнымъ кругомъ явленій.

Въ разработкѣ и освѣщеніи «второго закона» Гельмгольтцу принадлежитъ двоякая и весьма важная роль.

Съ одной стороны, въ рядѣ статей: *Термодинамика химическихъ процессовъ* (1882 г.), онъ распространяетъ принципъ на явленія химическія,—между прочимъ, на тѣ, которыя происходятъ при участіи электрическаго тока,—расширяя постановку задачи. Первоначальная оцѣнка химической энергіи дѣлалась по теплотѣ, выдѣляемой при реакціи; такова теорія химическихъ дѣйствій гальванической цѣпи въ *Сохраненіи силы* и у В. Томсона. Эта точка зрѣнія, вѣрная для нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, оказывалась неполною для другихъ. Существованіе такъ называемыхъ эндотермическихъ реакцій прямо являлось необъяснимымъ исключеніемъ: реакція происходитъ самопроизвольно (безъ постороннихъ причинъ), и, однакожь, сопровождается не развитіемъ, а поглощеніемъ теплоты. Между тѣмъ, какъ бы отождествляя *химическую энергію* съ тою *теплотой*, которая считалась точнымъ ея эквивалентомъ, переносили на *первую* то, что удостовѣрено для теплоты. Говорили, что химическая энергія, подобно теплотѣ, не мо-

---

*) Дядя покойнаго президента республики.

жетъ сполна превращаться въ работу. На вопросъ: какая именно реакція должна произойти въ данномъ комплексѣ тѣлъ,—думали правильно отвѣтить такъ называемымъ «закономъ наибольшей работы» (лучше сказать, наибольшей теплоты), который впервые высказанъ Ю. Томсеномъ и развитъ Бертело: «Сама собою (безъ вмѣшательства посторонней энергіи) происходитъ та реакція, при которой разовьется наибольшее количество теплоты». Этотъ законъ, вѣрный для многихъ случаевъ, въ сущности, не имѣлъ ни полной общности примѣненія, ни даже полной ясности выраженія, и былъ лишенъ прочной теоретической подкладки.

Съ своею обычною зоркостью, Гельмгольтцъ вноситъ въ эту область новое освѣщеніе. Онъ показываетъ, что примѣненіе термодинамическихъ началъ ведетъ здѣсь къ результатамъ болѣе сложнымъ, чѣмъ думали прежде. Смотря по условіямъ задачи, химическая—или вообще молекулярная—энергія данной системы превращается въ работу либо только отчасти (какъ всегда бываетъ съ энергіей тепловой), либо сполна, либо, наконецъ, можетъ дать болѣе чѣмъ свой эквивалентъ работы, заставляя переходить въ работу и часть теплоты окружающей среды. Полную энергію нашей системы мы должны раздѣлить на двѣ части: одна часть, *свободная энергія*, можетъ сполна превращаться въ работу; другая, *связанная*, къ такому превращенію неспособна и можетъ проявиться только въ видѣ теплоты. Въ томъ частномъ случаѣ, когда температура системы поддерживается неизмѣнною (когда процессъ «изотермиченъ»), ходъ реакціи опредѣляется тѣмъ условіемъ, чтобы свободная энергія постоянно убывала и достигла того минимальнаго значенія, какое возможно при условіяхъ опыта *).

Справедливость своихъ соображеній Гельмгольтцъ повѣрилъ на цѣломъ рядѣ удобныхъ для такой повѣрки частныхъ случаевъ и далъ исправленную термохимическую теорію гальванической цѣпи. Выставленный имъ «принципъ свободной энергіи» имѣетъ значеніе весьма широкое: это—путеводная нить при изученіи всѣхъ физико-химическихъ процессовъ.

Въ другомъ рядѣ работъ, примыкающихъ ко второму закону термодинамики: *Начала статики моноциклическихъ системъ* (1884 г.),—Гельмгольтцъ даетъ интересную и превосходно разработанную механическую иллюстрацію этого закона.

Принципъ сохраненія энергіи возникъ сперва на почвѣ собственно-механическихъ явленій, и уже потомъ распространенъ былъ на всѣ остальныя; законъ Карно-Клаузіуса относится къ явленіямъ тепловымъ, его точки опоры найдены внѣ механики. Являлся издавна естественный вопросъ: въ какомъ отношеніи стоитъ этотъ законъ къ основнымъ началамъ механики? Механическій характеръ тепловыхъ явленій казался въ общихъ чертахъ твердо выясненнымъ; тотъ самый авторъ, которому мы обязаны попра-

*) Подобныя же, но менѣе отчетливо и ясно формулированныя соображенія о термодинамикѣ химическихъ процессовъ содержатся въ работахъ американскаго ученаго Гиббса (*J. W. Gibbs*: „Thermodynamische Studien", übers. v. Ostwald).

кою закона Карно, многое сдѣлалъ для такого выясненія; понятія: *количество тепла, температура* получили механическое толкованіе *). Второй законъ можно было выразить языкомъ механики. Чтò же онъ представитъ собою въ этомъ видѣ?

Легко было видѣть, что онъ не соотвѣтствуетъ какой-либо вполнѣ общей механической теоремѣ: выраженное имъ требованіе не всегда выполняется при собственно-механическихъ явленіяхъ. Значитъ, во второмъ законѣ лежитъ какая-то спецификація той системы, которую мы называемъ теплымъ тѣломъ. Какая же именно?

Примѣняясь къ вѣроятнымъ представленіямъ о строеніи тѣлъ и о характерѣ тепловыхъ движеній, Больтцманъ, Клаузіусъ и др. пытались отвѣтить на этотъ вопросъ и болѣе или менѣе успѣшно связывали второй законъ съ механическими принципами. Во всѣхъ этихъ выводахъ играетъ роль статистическая метода (законъ большихъ чиселъ), а въ одномъ изъ нихъ (третье доказательство Больтцмана) самое существо второго закона переносится, такъ сказать, въ область теоріи вѣроятностей.

Гельмгольтцъ беретъ задачу проще, общѣе и отчетливѣе, и его метода «сразу (mit einem Schlage) внесла во всѣ такія изслѣдованія неожиданную ясность» **). Относительно строенія механической системы не дѣлается никакихъ спеціальныхъ гипотезъ; нѣкоторыя опредѣленныя условія налагаются только на характеръ движеній. А именно, принимается, что, кромѣ произвольныхъ, но сравнительно медленныхъ движеній, система имѣетъ быстрыя внутреннія движенія стаціонарнаго и замкнутаго характера (примѣромъ таковыхъ можетъ служить шаръ, вертящійся на оси безъ треній, или круговращеніе совершенной жидкости въ замкнутомъ каналѣ съ упругими стѣнками). Такую систему Гельмгольтцъ называетъ циклическою, а при нѣкоторомъ дополнительномъ условіи—*моноциклическою*. Эти-то моноциклическія системы удовлетворяютъ требованію второго закона термодинамики, изложеннаго на языкѣ механики.

Такимъ образомъ, было доказано, что условія оборотныхъ тепловыхъ процессовъ можно представить въ формѣ Лагранжевыхъ уравненій движенія. Другими словами, была построена весьма общая механическая модель того, чтò мы называемъ теплымъ тѣломъ (о расширенномъ смыслѣ слова *модель* мы скажемъ впослѣдствіи). Помимо отношенія къ физическому ученію о теплотѣ, изслѣдованіе о моноциклахъ имѣетъ интересъ для другихъ частей физики и для механики собственно. Оно легло въ основу тѣхъ механическихъ иллюстрацій, которыми Больтцманъ старается освѣтить Максвеллеву теорію электричества. Оно же, вмѣстѣ съ трудами по теоріи электричества, приводитъ самого Гельмгольтца къ нѣкоторому новому изслѣдованію.

---

*) Опредѣленіе температуры, правда, подвергалось нѣкоторымъ варіантамъ.

**) *Boltzmann*: „Crelle's Journ.", Bd. C., p. 207.

Это новое изслѣдованіе озаглавлено: *О физическомъ значеніи начала наименьшаго дѣйствія* (1887 г.) и посвящено весьма широкой темѣ. Одну изъ формъ такъ называемаго принципа Гамильтона, уже давно извѣстнаго въ механикѣ, Гельмгольтцъ представляетъ въ такомъ видѣ, что она становится общимъ выраженіемъ, обнимающимъ не только механику явныхъ массъ и явныхъ движеній, но и то, что намъ извѣстно изъ потаенной механики электричества, теплоты, молекулярныхъ явленій. Не имѣя такой простоты выраженія, какъ законъ сохраненія энергіи, этотъ новый результатъ—«принципъ наименьшей величины кинетическаго потенціала» *)—точно также облекаетъ въ одну общую формулу какъ болѣе намъ извѣстное, такъ и менѣе извѣстное. Онъ даже общѣе принципа энергіи, ибо послѣдній заключается въ немъ какъ слѣдствіе.

Рядъ согласныхъ съ опытомъ выводовъ изъ различныхъ областей физики вытекаетъ изъ новаго принципа съ неожиданною простотой. Таковы, напримѣръ, заключенія о соотвѣтственныхъ парахъ явленій (законъ индукціи въ связи съ закономъ Ампера, явленіе Пельтье въ связи съ термоэлектричествомъ и т. п.). «Уже теперь представляется весьма вѣроятнымъ,—замѣчаетъ Гельмгольтцъ,—что это общій законъ всѣхъ оборотныхъ процессовъ природы; что же касается необоротныхъ, какъ, напримѣръ, развитіе теплоты и теплопроводность, то, повидимому, ихъ необоротность лежитъ не въ существѣ дѣла, а только въ ограниченности орудій нашего опыта: мы не можемъ возстановлять стройность въ нестройныхъ движеніяхъ атомовъ,—не можемъ дать какъ разъ обратныя скорости всѣмъ атомамъ, участвующимъ въ тепловомъ движеніи» **).

«Во всякомъ случаѣ, общность принципа кажется мнѣ настолько обезпеченною, что онъ получаетъ высокую цѣну въ качествѣ эвристическаго начала и путеводной нити при попыткахъ формулировать законы новыхъ классовъ явленій» ***).

---

*) „Кинетическій потенціалъ" Гельмгольтца есть нѣкоторое обобщеніе такъ называемой „функціи Лагранжа".

**) „Для нашихъ орудій, сравнительно грубыхъ въ виду молекулярнаго строенія,—говоритъ Гельмгольтцъ въ другомъ мѣстѣ,—только стройное движеніе" (а не вполнѣ безпорядочное) „свободно превратимо въ другія формы работы". Но,—осторожно прибавляетъ онъ,—„существуетъ ли та же невозможность для тонкой структуры живыхъ органическихъ тканей,—это кажется мнѣ и до сихъ поръ еще открытымъ вопросомъ; важность его для экономіи природы бросается въ глаза". (*Wiss. Abh.*, II p. 972). Замѣчаніе весьма глубокое.

***) *Crelle's Journ.*, C, p. 142—143. Съ этимъ послѣднимъ взглядомъ нельзя не согласиться даже въ виду нѣкоторыхъ сомнѣній, выставленныхъ Гертцомъ въ его посмертной книгѣ. (*Hertz*' „Principien d. Mechanik", p. 22 и слѣд.).

Замѣчу, что точка зрѣнія, подобная той, на какой стоитъ Гельмгольтцъ въ мемуарѣ о принципѣ наименьшаго дѣйствія, почти одновременно и независимо принята въ книгѣ Дж. Томсона. (*J. J. Thomson*: „Applications of Dynamics to Physics and Chemistry", 1888 г.).

III.

Эти широкія работы послѣднихъ лѣтъ жизни Гельмгольтца—о моноциклахъ и о принципѣ наименьшаго дѣйствія — съ особенною ясностью, мнѣ кажется, опредѣляютъ его отношеніе къ основнымъ задачамъ и теченіямъ физики,— ту точку зрѣнія, на которую онъ сталъ въ самомъ началѣ и на которой держался до конца. Вѣрный завѣту Ньютона, онъ, какъ и другіе геніальные физики нашего времени,— лордъ Кельвинъ (W. Томсонъ), Максвелль, Кирхгоффъ,— всюду становится на почву механики, всюду ищетъ этой почвы. Въ его глазахъ, посильно «объяснить» физическое явленіе значитъ—привести его къ механическимъ представленіямъ и механическимъ началамъ.

Подъ впечатлѣніемъ плодотворности принципа энергіи, изъ котораго, какъ изъ рога изобилія, сыпались самые разнообразные и неожиданные плоды; подъ вліяніемъ второго закона термодинамики, возникшаго внѣ механики и не поддававшагося простому механическому толкованію; при сознаніи тѣхъ огромныхъ пробѣловъ, какіе имѣются въ нашихъ свѣдѣніяхъ о молекулярныхъ и электрическихъ процессахъ,— во многихъ умахъ стало складываться стремленіе оставить механическую почву, какъ слишкомъ тѣсную. На попытки механическаго объясненія стали смотрѣть какъ на предвзятую идею, наслѣдственный предразсудокъ. Эта мысль, въ довольно туманной формѣ встрѣчаемая у Ранкина *), особенно открыто и настойчиво проводится, наприм., въ *Исторіи развитія механики* Маха и въ *Учебникѣ общей химіи* Оствальда. «Мнѣніе, будто механика должна разсматриваться какъ основа остальныхъ отраслей физики, и будто всѣ физическіе процессы слѣдуетъ объяснить *механически,* мы считаемъ за предразсудокъ,— говоритъ Махъ.— Исторически старѣйшее не всегда должно и *оставаться* основою для того, что̀ найдено позже. По мѣрѣ того, какъ новые факты становятся извѣстными и приводятся въ порядокъ, могутъ прививаться (platzgreifen) и совершенно новыя руководящія воззрѣнія. Мы не можемъ еще и знать теперь, какія изъ физическихъ явленій идутъ *всего глубже,*— не механическія ли именно суть наиболѣе поверхностныя, или не всѣ ли идутъ *одинаково глубоко*» **). Механическая гипотеза для объясненія новыхъ явленій соотвѣтствуетъ, по мнѣнію Оствальда, «дѣтскому состоянію интеллекта»; она вытекаетъ изъ «молчаливаго допущенія, что механическія энергіи, съ которыми мы всего долѣе знакомы, суть единственныя, какія вообще существуютъ»***). А въ образчикъ того, какъ мы будемъ разсуждать, когда выйдемъ изъ «дѣтскаго состоянія», Оствальдъ в шаетъ намъ, напримѣръ, что энергія *имѣетъ упругость* (!) и носится ч зъ *абсолютную* пустоту (!) ****). Являются попытки установить си-

*) Гельмгольтцъ прямо высказывается, что не раздѣляетъ основныхъ воззрѣній Р иновой энергетики (*Fortschr. d. Physik,* XI, p. 865).

**) *Mach:* „Die Mechanik in ihrer Entwickelung" (1883 г.), p. 467.

***) *Ostwald:* „Lehrbuch d. allgem. Chemie", 2 Aufl., II, p. 1013.

****) Ibid., p. 1014—1016.

стему, свободную отъ «предразсудка», основать науку болѣе общую, чѣмъ механика. Въ этой наукѣ (ее назвали *энергетикой,* хотя то же имя употребляется и съ меньшими претензіями) основаніемъ служитъ понятіе объ энергіи, оторванное отъ возростившей его механической почвы, а содержаніемъ—два начала, изъ коихъ *первое* есть тотъ же принципъ сохраненія энергіи, а *второе* скопировано со второго закона термодинамики, но выражено въ неуловимо общей и воистину *мета*-физической формѣ *). Этимъ началамъ пытаются дать примѣненіе даже внѣ естественныхъ наукъ (наприм., въ политической экономіи) **). Но въ области физическихъ наукъ эта «очищенная» энергетика до сихъ поръ не открыла ничего, что̀ не лежало бы въ обыкновенныхъ теоріяхъ, и въ лучшемъ случаѣ, при осторожномъ употребленіи, даетъ только родъ мнемоническаго правила для частныхъ случаевъ.

Такое направленіе весьма напоминаетъ намъ символизмъ такъ называемыхъ декадентовъ, проявившійся въ новѣйшей литературѣ. Не такъ смотрятъ на дѣло наиболѣе глубокіе умы нашего времени, наиболѣе мощные двигатели науки—Гельмгольтцъ, Кельвинъ, Максвелль, Кирхгоффъ, Клаузіусъ: они упорно стоятъ за старый «предразсудокъ», хотя изъ ихъ-то трудовъ и вышли новые горизонты (и даже тѣ новые термины). Для этихъ продолжателей дѣла Ньютона идеаломъ физики остается приведеніе всѣхъ явленій къ движеніямъ. «Какъ скоро мы мысленно разложили вселенную на элементы съ неизмѣнными качествами,—единственныя еще возможныя измѣненія въ такой системѣ суть измѣненія пространственныя»,—говоритъ Гельмгольтцъ на первыхъ страницахъ своей знаменитой брошюры ***), и почти тѣми же словами повторяетъ эту мысль слишкомъ двадцать лѣтъ спустя (I, p. 345). «Всѣ физики согласны въ томъ, что задача физики—свести явленія природы къ простымъ законамъ механики», этими словами начинаетъ свою посмертную книгу талантливѣйшій изъ учениковъ Гельмгольтца ****). Не только для физики въ тѣсномъ смыслѣ, но и для всего естествознанія, это—конечная цѣль,—говорятъ и Гельмгольтцъ (l. c.), и Кирхгоффъ *****). «Эта цѣль,—прибавляетъ Кирхгоффъ,—никогда не будетъ достигнута вполнѣ; но уже самый фактъ, что она признана, даетъ извѣстное удовлетвореніе и, приближаясь къ ней, мы испытываемъ самое

---

*) „Всякая форма энергіи имѣетъ стремленіе переходить изъ мѣстъ, гдѣ она существуетъ съ *высшею* напряженностью, къ мѣстамъ *низшей* напряженности“ (*Helm*: „Die Lehre von der Energie“, 1887, p. 62. Этимъ авторомъ особенно вдохновляется Оствальдъ). Разложеніе энергіи a priori на два фактора (*количество* и *напряженность*) въ общемъ случаѣ произвольно и лишено ясности. Общія энергическія разсужденія въ книгѣ Оствальда изобилуютъ странностями и недоразумѣніями, и нельзя не пожалѣть, что почтенный химикъ берется здѣсь за несвойственную ему задачу.

**) *Helm,* l. c., p. 71—75.

***) *Erhaltung d. Kraft,* p. 4 (*Wiss. Abh.*, I, p. 15).

****) *Hertz*: „Principien d. Mechanik“, p. XXIII.

*****) *Kirchhoff*: „Ueber das Ziel der Naturwissenschaften“, akad. Vortrag, 1861.

высокое наслажденіе, какое могутъ доставить намъ занятія наукою о природѣ».

Для такихъ старовѣровъ понятіе объ энергіи есть понятіе *механическое*. Во всеобщности принципа сохраненія энергіи Гельмгольтцъ видитъ подтвержденіе механическаго характера всѣхъ физическихъ явленій вообще (l. c.). Въ простѣйшей своей формѣ—«живой силы»—энергія (кинетическая) прямо приводится къ основнымъ понятіямъ пространства, времени и матеріи (массы). Въ другой, менѣе образной формѣ (потенціальная энергія) она опредѣляется размѣщеніемъ массъ въ пространствѣ, причемъ массамъ приписываются опредѣленныя и измѣримыя «силы», какъ антецеденты движенія (Spannkräfte). Цѣнность общаго понятія «энергія» въ томъ, что оно приложимо непосредственно, хотя бы мы не знали, какого рода энергія передъ нами, и не рѣшили, должны ли мы, въ окончательномъ анализѣ явленій, считать первичною формой энергію кинетическую, или же потенціальную. Этотъ послѣдній вопросъ едва ли не слѣдуетъ считать неразрѣшимымъ, ибо такой «окончательный анализъ» есть недостижимый идеалъ.

Говоря объ «энергетикѣ», стремящейся выйти изъ рамокъ механики, я употребилъ слово «символизмъ». Но не символами ли орудуетъ и механика? Въ извѣстномъ смыслѣ, все наше знаніе имѣетъ и можетъ имѣть только символическій характеръ. Никто иной, какъ Гельмгольтцъ, проводилъ эту мысль съ неотразимою аргументаціей въ своихъ психофизіологическихъ изслѣдованіяхъ, доказывая, что наши «чувственныя впечатлѣнія суть только отмѣтки качествъ внѣшняго міра,—*знаки,* истолкованію коихъ мы должны научиться изъ опыта» *). «То, чего мы можемъ достигнуть, есть познаніе законнаго порядка въ царствѣ «дѣйствительнаго»,— порядка, выраженнаго по этой системѣ знаковъ:

Alles Vergäng'liche
Ist nur ein Gleichniss" (II, p. 246).

«Мы дѣлаемъ себѣ внутренніе образы (Scheinbilder) или символы внѣшнихъ предметовъ,— говоритъ Гертцъ,— и, притомъ, дѣлаемъ ихъ такимъ образомъ, чтобы логически-необходимыя слѣдствія образовъ были всегда образами естественно-необходимыхъ слѣдствій отображенныхъ предметовъ» **). Вѣра въ постигаемость природы («законъ причинности») лежитъ въ основѣ этого построенія, а его успѣхи оправдываютъ эту вѣру:

Das Unzulängliche,
Hier wird's Ereigniss!

Если при этомъ считается справедливымъ класть въ основу построеній именно символы механики,—символы пространства, времени, вещества (или,

---

*) *Г. ф.-Гельмгольтцъ,* p. XXIV (рѣчь Гельмгольтца).

**) *Hertz:* „Princ. d. Mech.", p. 1.

общее, субстанціи) *), то не потому только, что на ихъ сторонѣ — случайная древность и привычка. Символы цвѣта, тепла, вкуса, запаха не менѣе древни и не менѣе привычны, чѣмъ символы движенія. Не традиція и предразсудокъ, не прихоть или ребячество заставляютъ насъ держаться символовъ механики: традиція сложилась не даромъ, выборъ глубоко коренится въ нашей психофизической натурѣ. Для насъ эти символы были и останутся самыми простыми, общими и надежными; въ нихъ—и только въ нихъ—мы непреодолимо ищемъ послѣднихъ элементовъ для построенія *яснаго образа* физической природы; они приближаютъ физику къ геометріи, этой, по Гельмгольтцу, «первой и совершеннѣйшей изъ естественныхъ наукъ» **). По Ньютону, геометрія—часть механики и имѣетъ основы въ механической практикѣ ***). Никто не мечтаетъ, что она получитъ когда-либо новыя основы, наприм., изъ химіи или біологіи.

Недаромъ Кантъ считалъ пространство и время трансцендентными формами воззрѣнія. Заложены ли онѣ въ насъ дѣйствительно вполнѣ готовыми ранѣе всякаго опыта, какъ думалъ онъ, или же и онѣ вырабатываются при схваткѣ нашихъ чувствъ съ внѣшнимъ міромъ, подъ взаимнымъ контролемъ зрѣнія, осязанія и мышечнаго чувства, какъ учитъ Гельмгольтцъ,— это, въ извѣстномъ смыслѣ, безразлично. Расчлененіе *quasi*-непосредственныхъ «воззрѣній» на элементарные процессы мышленія и опыта не мѣшаетъ тому же Гельмгольтцу признать за ними особое значеніе. «Только отношенія времени, пространства, равенства и вытекающія отсюда отношенія—числа, величины, законности,—короче, только *математическое* (das Mathematische),— обще внѣшнему и внутреннему міру, и здѣсь мы дѣйствительно можемъ стремиться къ полному согласію представленій съ изображаемыми вещами». «Внѣ этихъ границъ, напримѣръ, въ области качествъ, мы отчасти прямо можемъ доказывать несогласіе» (I, p. 331).

Такъ называемая *кинематическая* часть механики есть ничто иное, какъ «геометрія во времени» и обладаетъ тою же очевидностью и достовѣрностью, какую мы признаемъ за геометріей собственно. Не такова, правда, *динамическая* часть механики, гдѣ привходитъ новое понятіе о веществѣ или о субстанціи ****), гдѣ «удобоподвижное въ пространствѣ» (das bewegliche im Raume Канта) получаетъ характеристику и устанавливаются законы физическаго движенія. Надо признаться, что новое понятіе не имѣетъ той непосредственности, какою обладаютъ символы кинематики, и, прилагая его къ дѣйствительности, мы нерѣдко вовлекаемся въ ошибку. «Мы называемъ *субстанціею* то, что, безъ зависимости отъ чего-либо

---

*) См. ниже.

**) *Wiss. Abh.*, II, p. 642.

***) Fundatur igitur Geometria in praxi mechanica, et nihil aliud est quam Mechanicae universalis pars illa, quae artem mensurandi accurate proponit ac demonstrat (*Principia*, praef.).

**** Гельмгольтцъ охотно употребляетъ это слово, какъ терминъ болѣе общій, чѣм *вещество*.

другого, остается одинаковымъ во всемъ теченіи времени; неизмѣнное отношеніе между измѣнчивыми величинами мы называемъ связующимъ ихъ *закономъ*. Мы можемъ непосредственно воспринимать только этотъ послѣдній. Понятіе о субстанціи можетъ быть добыто только путемъ исчерпывающихъ испытаній и всегда остается проблематическимъ, такъ какъ всегда предполагается возможность дальнѣйшаго испытанія. Прежде свѣтъ и теплота считались за субстанціи, пока не обнаружилось позднѣе, что это—преходящія формы движенія; мы должны ожидать новаго разложенія извѣстныхъ намъ нынѣ элементовъ» (II, p. 244). Припомнимъ попытки допущенія *одной* матеріи и факты, намекающіе на такое единство (періодическій законъ Менделѣева). Въ другомъ мѣстѣ Гельмгольтцъ весьма картинно говоритъ о томъ, какъ часто мы принимаемъ за неизмѣнную матерію то, что̀ оказывается неизмѣнною «формой движенія» на обновляющемся веществѣ,—о «нашей привычкѣ мысленно подстилать просто вещественную подкладку подо все, что̀ сохраняется» *). Ту же тему, повидимому, думалъ онъ развить въ рѣчи «о кажущихся субстанціяхъ и остающихся движеніяхъ» (über scheinbare Substanzen und bleibende Bewegungen), которую обѣщалъ для Вѣнскаго съѣзда.

Въ виду этихъ затрудненій, не удивительно, что были попытки обойти вещество какъ основное представленіе,—либо сливая его съ представленіемъ о подвижномъ пространствѣ (Декартъ), либо сводя къ понятію о центрѣ силъ (Бошковичъ), и т. д. Этимъ, однако же, не устраняется необходимость прибавить къ кинематикѣ нѣчто новое, чтобы сдѣлать изъ нея динамику. Съ другой стороны, при всей той условности, о которой говоритъ Гельмгольтцъ, «простыя вещества» современной физики логически удовлетворяютъ насъ—хотя бы на время — своею полною (количественною и качественною) неизмѣнностью.

Динамическіе законы, или *аксіомы движенія* (axiomata sive leges motus), формулированныя Ньютономъ, далеко не равночинны геометрическимъ аксіомамъ Эвклида. Онѣ не имѣютъ той непосредственной очевидности, не достаются намъ сами собою, на первыхъ шагахъ личной жизни каждаго; онѣ добыты лишь постепенно и съ усиліемъ, какъ плодъ преемственной жизни многихъ поколѣній; въ нихъ несравненно явственнѣе тотъ эмпирическій отпечатокъ, который, по Гельмгольтцу, принадлежитъ, однако, и аксіомамъ геометріи. Попытки придать аксіомамъ динамики трансцендентное значеніе не могли выдержать критики. Дозволительно мечтать о пересмотрѣ основаній динамики. Въ предѣлахъ механики собственно (механики «вѣсомыхъ тѣлъ») такой пересмотръ не разъ предпринимался; здѣсь онъ до сихъ поръ к лся болѣе формальной стороны, чѣмъ существа дѣла, и, по мнѣнію нѣк орыхъ высококомпетентныхъ лицъ, не сопровождался успѣхомъ (лордъ К львинъ и Тэтъ). Но въ виду явленій, которыя издавна приписывались р личнымъ «невѣсомымъ», а теперь сосредоточены на «эѳирѣ», физика у зо уже смутно искала въ извѣстномъ смыслѣ расширить динамическія

*) *Г. фонъ-Гельмгольтцъ*, pp. 154—155.

основы, хотя она же, съ другой стороны, стѣснила ихъ принятіемъ закона сохраненія энергіи. Эта эволюція физической механики принимаетъ теперь болѣе правильный и сознательный характеръ. Въ послѣднихъ работахъ Гельмгольтца эѳиръ разсматривается какъ субстанція безъ инерціи,—безъ массы въ смыслѣ Ньютона. Посмертная книга Гертца: *Начала механики*—есть попытка, удачная или нѣтъ, приспособить механику къ этимъ требованіямъ, ограничиваясь процессами безжизненной природы.

Эта эволюція механики не есть ея упраздненіе. Какъ бы то ни было, уже незыблемость кинематической ея части («фороно́міи» Канта) ручается намъ за то, что въ механикѣ мы имѣемъ надежный путь къ выясненію физическаго міра. Мы не имѣемъ права бросать этотъ путь по капризу, ради чего-то неуловимаго; мы должны только расчищать его и совершенствовать. При этомъ механику мы разумѣемъ въ общемъ смыслѣ слова, какъ физическое ученіе о движеніи.

Этимъ не отрицается, конечно, полезность тѣхъ частныхъ физическихъ теорій, гдѣ извѣстная группа фактовъ сводится къ положеніямъ или законамъ, до времени не освѣщеннымъ механикой. Примѣръ тому мы видѣли, говоря о теплотѣ. «Первый продуктъ мысли, направленной къ пониманію явленія, есть *законное*» (das Gesetzliche, II, p. 244). «Всякая правильно составленная гипотеза представляетъ, по своему фактическому смыслу, законъ явленій болѣе общій, чѣмъ мы дотолѣ наблюдали его непосредственно; это—попытка подняться до болѣе общей и обширной законности. То, что̀ гипотеза утверждаетъ фактически новаго, должно быть испытано и подтверждено наблюденіемъ и опытомъ. Гипотезы, которыя не имѣютъ такого фактическаго смысла или вообще не даютъ надежныхъ и рѣшительныхъ (eindeutig) опредѣленій для соотвѣтственныхъ фактовъ, слѣдуетъ считать фразами безо всякой цѣны» (II, p. 246).

Но,—прибавимъ мы, оставляя текстъ Гельмгольтца и, однакожь, оставаясь вѣрными духу всей его дѣятельности,—теоріи не механическаго характера всегда имѣютъ въ нашихъ глазахъ лишь подготовительное значеніе: умъ не успокоится (хотя бы отчасти), пока не подстелетъ механическую подкладку, которая одна только можетъ дать теоріи достаточную образность и ясность. «Энергетика» (въ смыслѣ Ранкина и Гельма) желала бы закрыть глаза на эту потребность и успокоиться на фразѣ. Ставя «энергію» основою своихъ построеній, въ дополненіе или даже въ замѣну «вещества», и находя празднымъ или невозможнымъ считать всякую энергію механическою по существу, представители этого направленія какъ будто забыли, что имѣютъ дѣло съ объектомъ существенно-измѣнчивымъ по *виду* и по *качеству* (или «напряженію»), и, слѣдовательно, съ объектомъ *сложнымъ*. Еслибъ и были найдены, независимо отъ механики, какія-то болѣе или менѣе удачныя и общія правила для рѣшенія задачъ о переходахъ и превращеніяхъ энергій,—это не помѣшало бы намъ тревожиться вопросомъ: какъ же понимать и эти энергіи, и эти превращенія, и эти правила,—съ точки зрѣнія *ясныхъ* (т.-е. механическихъ) представленій?

IV.

Относительно манеры пользованія механическими началами въ новѣйшей физикѣ происходитъ несомнѣнный поворотъ; онъ направленъ, съ одной стороны, въ пользу отрезвленія нашихъ теорій, съ другой—онъ даетъ намъ точки опоры для той эволюціи механики, о которой говорилось выше. Новый пріемъ ведетъ начало уже изстари; удобнымъ орудіемъ для него послужила Лагранжева форма динамическихъ уравненій въ «общихъ координатахъ»; сильный толчокъ данъ принятіемъ принципа энергіи. Сущность дѣла частью видна уже изъ сказаннаго раньше: мы стараемся разсуждать о явленіяхъ, не рисуя до времени ихъ детальнаго механизма; мы довольствуемся построеніемъ моделей,—пожалуй даже (какъ иногда выражаются) построеніемъ аналогій или эмблемъ, хотя эти послѣдніе термины не слѣдуетъ понимать въ слишкомъ широкомъ смыслѣ.

О значеніи собственно *моделей*, въ смыслѣ приближеннаго воспроизведенія дѣйствительности, я уже имѣлъ случай говорить; этотъ пріемъ употреблялся издавна: такими моделями являются въ физикѣ наши «абсолютно-твердыя тѣла», наши «совершенныя жидкости» и т. п. Но мы можемъ расширить понятіе о модели. Всѣмъ извѣстны такъ называемыя *графики*, гдѣ мы изгибами кривой линіи изображаемъ ходъ, положимъ, метеорологическаго явленія. Здѣсь мы имѣемъ своего рода модель, или скорѣе—эмблему, гдѣ нѣкоторая величина (наприм., температура) изображается длиною нѣкоторой линіи вертикальной, гдѣ другая величина (время) изображается линіей горизонтальной; элементы модели соотвѣтствуютъ неоднороднымъ съ ними элементамъ явленія, и модель не имѣетъ претензіи *совпадать*—хотя бы приблизительно—съ тѣмъ, что̀ она изображаетъ: она есть *только* условное изображеніе.

Такого рода модель или эмблему мы можемъ мысленно построить для явленія, механизмъ котораго намъ неизвѣстенъ. Мы имѣемъ передъ собою-наприм., «электромагнитное поле»,—арену таинственныхъ электрическихъ и магнитныхъ процессовъ. Мы можемъ при посредствѣ нашихъ инструментовъ ощупать, измѣрить и числами выразить такіе признаки, какъ «зарядъ», «сила тока», «потенціалъ» и т. п., механическій смыслъ которыхъ скрытъ отъ насъ. Мы можемъ далѣе вообразить себѣ (или и дѣйствительно сдѣлать) такую механическую модель, гдѣ, наприм., «силы тока» изображались бы пропорціональными скоростями движенія, «потенціалы»—величинами давленій и т. д. Если, разсуждая надъ такою моделью, мы придемъ къ новымъ выводамъ о ея свойствахъ, которые оправдаются соотвѣтственными фактами и на прототипѣ (т.-е. въ дѣйствительномъ явленіи), мы сможемъ, что построили пригодную теорію.

Но понятно, что при такихъ постройкахъ наша фантазія должна быть ограничена однимъ необходимымъ условіемъ: все то, что̀ въ дѣйствительномъ явленіи для насъ уже *ясно*,—въ модели должно быть скопировано на эмблематическомъ, а въ прямомъ смыслѣ слова: такъ, наприм., вся-

кое извѣстное намъ количество энергіи явленія - прототипа должно быть передано такимъ же количествомъ энергіи въ явленіи модели, всякое явное движеніе—такимъ же явнымъ движеніемъ и т. д. Этимъ стѣсненіемъ отличается наша эмблема отъ упомянутыхъ графикъ, а также и отъ тѣхъ туманныхъ уподобленій, какія прилагаются иногда къ предметамъ не физическимъ и неизмѣримымъ. Мы можемъ аллегорически говорить о *теченіи* мысли или о *силѣ* характера, но не умѣемъ строить моделей психической дѣятельности.

То, что мы старались описать простыми словами, на точномъ и абстрактномъ языкѣ науки называется: написать Лагранжевы динамическія уравненія изучаемаго процесса. Таковы современныя теоріи,—таковы моноциклы Гельмгольтца, таковъ его «принципъ» наименьшаго дѣйствія; такова же Максвеллева теорія электрическихъ явленій.

«Эти теоріи,—говоритъ Больтцманъ,—не имѣютъ претензіи исходить изъ гипотезъ, которыя бы совершенно совпадали съ истинными свойствами первичныхъ элементовъ и первичныхъ силъ природы. Теоріи исходятъ изъ механизмовъ, дѣйствіе которыхъ имѣетъ большую аналогію въ томъ или другомъ отношеніи съ игрою явленій природы. Чѣмъ обширнѣе и рѣзче такая аналогія, тѣмъ, понятно, пригоднѣе принятый нами механизмъ.

«Если, съ одной стороны, мы не беремся дѣлать построенія, которыя вполнѣ совпадали бы съ природой, то, съ другой стороны, мы имѣемъ ту выгоду, что оперируемъ надъ ясно-опредѣленными механическими системами... Механизмы можно будетъ впослѣдствіи замѣнить другими, болѣе пригодными; но то общее (принадлежащее какъ имъ, такъ и процессамъ природы), что выставляется ими на видъ,—останется въ силѣ и во всякой позднѣйшей теоріи.

«Собственно говоря, эта точка зрѣнія, быть можетъ, и не такъ существенно отличается отъ воззрѣнія старыхъ теорій. Составленный изъ упругихъ шариковъ газъ, шестиугольное или тетраэдрическое ядро бензола,—все это, вѣдь, также механическія аналогіи, динамическія иллюстраціи. Вся разница, можетъ быть, только въ томъ, что мы яснѣе сознаемъ эмблематическій (sinnbildlich) характеръ нашихъ теорій» *).

«Этой методѣ,—говоритъ тотъ же авторъ при другомъ случаѣ,—несомнѣнно принадлежитъ ближайшее будущее. Но какъ ошибочно было прежде считать старую методу за единственную правильную, такъ же односторонне было бы теперь считать вполнѣ устраненною эту старую методу, которая принесла столько пользы, и не культивировать ее на ряду съ новою методой» **).

Новая метода, помимо ея практической цѣлесообразности, удовлетворяетъ насъ и съ другой стороны: она отвѣчаетъ все болѣе и болѣе укоренняющейся мысли о неизбѣжной *относительности* нашего знанія. «Око

---

*) *Boltzmann*: „Vorlesungen üb. Maxwell's Theorie". I, p. 13—14.

**) *Ueber die Methoden d. theor. Physik* (Katalog d. Münchener mathem. Ausstellung, 1892, p. 98).

чательный анализъ» явленій—не болѣе какъ недостижимый идеалъ. Это обстоятельство стоитъ въ тѣсной связи съ условностью нашихъ quasi-субстанцій. На какіе бы ясно представимые элементы ни разложили мы природу, мы не можемъ быть увѣрены, что дошли до конца, что наши «атомы» не суть системы другихъ атомовъ второго порядка, или даже «формы движенія» другой субстанціи; что наши «элементарныя силы» не суть слѣдствія другихъ силъ или движеній. Мы можемъ и должны подвигаться къ цѣли на твердо-выбранномъ пути, но не обольщаясь надеждою когда-либо достигнуть ея вполнѣ. «Всякое сведеніе явленій на основныя субстанціи и силы утверждаетъ, что мы нашли нѣчто неизмѣнное и окончательное. Мы не имѣемъ права на безусловное утвержденіе такого рода. Этого не дозволяетъ намъ ни отрывочность нашего знанія, ни свойство тѣхъ индуктивныхъ заключеній, на которыя съ перваго шага опирается все наше воспріятіе дѣйствительнаго» (II, p. 247).

Грандіознѣйшимъ примѣромъ водворенія новой методы служитъ современная стадія науки объ электричествѣ. И въ этомъ дѣлѣ Гельмгольтцу принадлежитъ не малая заслуга.

Начавъ съ простыхъ и ясныхъ представленій и «элементарныхъ законовъ», ученіе объ электричествѣ должно было постепенно усложнять ихъ по мѣрѣ того, какъ расширялся кругъ извѣстныхъ фактовъ, и къ половинѣ нашего столѣтія представляло, по выраженію Гельмгольтца, «пестрый букетъ гипотезъ» (eine bunte Blumenlese von Annahmen*). Въ 60-хъ годахъ геніальный Максвелль, опираясь на открытія и идеи Фарадея, взялся за дѣло, такъ сказать, съ другого конца. Въ «электромагнитномъ полѣ» онъ видѣлъ сложную машину, которой детальное строеніе намъ неизвѣстно, но о которой можно разсуждать на основаніи извѣстныхъ намъ проявленій ея дѣятельности. Максвелль построилъ *модель* электромагнитнаго поля—въ томъ смыслѣ, какъ было разъяснено выше. Другими словами, Максвелль установилъ Лагранжевы механическія уравненія электромагнитнаго поля. Совокупность нашихъ свѣдѣній объ электрическихъ и магнитныхъ явленіяхъ впервые предстала намъ въ видѣ системы уравненій съ извѣстнымъ числомъ доступныхъ опыту параметровъ. Эти параметры не имѣютъ явно-механическаго характера, это не координаты или скорости неизвѣстныхъ намъ атомовъ матеріи или частей эѳира, а такія величины, съ которыми непосредственно и лицомъ къ лицу сводитъ насъ электрическая практика: потенціалы, силы тока, магнитныя напряженія и т. д.

Нельзя изучать эту удивительную теорію,—говоритъ Гертцъ,—не испытывая по временамъ такого чувства, какъ будто въ математическихъ формулахъ есть самостоятельная жизнь, какъ будто онѣ умнѣе насъ, умнѣе даже своего автора, какъ будто онѣ даютъ намъ больше, чѣмъ въ свое

---

* Vorwort zu *Hertz'* „Princ. d. Mech.“, p. XI.

время было въ нихъ вложено» *). А у другого талантливаго комментатора Максвеллевой теоріи **) вырываются слова поэта:

War es ein Gott, der diese Zeichen schrieb?

Но красная нить, связующая всю эту сложную вереницу конкретныхъ величинъ въ одно цѣлое, есть именно та мысль, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ *механизмомъ*. Весьма странно недоразумѣніе тѣхъ, кто и въ теоріи Максвелля думаютъ видѣть выраженіе мета-механической энергетики и склонны приписать успѣхъ теоріи отрѣшенію отъ тѣхъ основъ, на которыхъ, въ сущности, она и покоится исключительно.

Правда, эта теорія какъ будто бы дѣлаетъ подобный шагъ: распространяясь и на явленія свѣта («электромагнитная теорія свѣта»), она рѣшается отказаться отъ того простого и яснаго механическаго представленія о лучѣ, какое выработано было прежде и казалось достаточнымъ. Это представленіе она замѣняетъ, до времени, эмблемой. Но это—эмблема въ томъ смыслѣ, какой былъ нами разъясненъ; а отреченіе отъ одной опредѣленной механической концепціи не значитъ отреченіе отъ механики вообще. Вѣдь, и старинное представленіе объ «электрической жидкости» было тоже въ своемъ родѣ яснымъ; но оно не выдержало испытаній, а потому было отмѣнено.

Новая теорія, вслѣдствіе ея отвлеченной и необычной формы, вслѣдствіе нѣкоторой измѣнчивости взглядовъ и терминологіи автора, съ трудомъ пролагала себѣ дорогу и потребовала комментаріевъ; такими являются въ послѣднее время сочиненія Гертца, Пуэнкарѣ, Больтцмана. Но еще прежде чѣмъ теорія Максвелля явилась въ той окончательной формѣ, какъ мы ее находимъ въ *Трактатѣ объ электричествѣ*, начинается (съ 1870 года) рядъ изслѣдованій и критическихъ статей Гельмгольтца по электродинамикѣ; они занимаютъ болѣе половины огромнаго 1-го тома его *Научныхъ работъ*. Они предприняты были, по словамъ автора, съ цѣлью «расчистить область электродинамики», ставшую къ тому времени «непроходимою пустыней» ***).

Въ тяжбѣ между старыми и новыми идеями дѣло шло не только о болѣе или менѣе удачномъ объясненіи извѣстныхъ электрическихъ фактовъ, но о вопросѣ еще болѣе глубокомъ и принципіальномъ. Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ такими же «дѣйствіями на разстояніи», какими и доселѣ считаемъ явленія тяготѣнія, или же въ области электричества таковыхъ дѣйствій нѣтъ, и все совершается постепенною передачей энергіи отъ звена къ ближайшему звену машины, какъ думалъ Фарадей,—даже тамъ, гдѣ эти звенья представляются такъ называемою «пустотой»?

Не рѣшая заранѣе этого фундаментальнаго вопроса, Гельмгольтцъ ст ю-

---

*) *Hertz*: „Ueber die Beziehungen zwischen Licht und Electricität". Vortrag, 1 c 89.

**) *Boltzmann*: „Vorlesungen üb. Maxwell's Theorie", II, Vorwort.

***) Vorwort zu *Hertz*' „Princ. d. Mech", p. XI.

ить такую теорію, въ которой отводится мѣсто какъ дѣйствіямъ на разстояніи, такъ и дѣйствіямъ чрезъ посредство промежуточной среды; въ одномъ предѣльномъ случаѣ теорія совпадаетъ съ тою, какую развилъ Максвелль. Выборъ той или другой спеціальной формы для теоріи предстояло сдѣлать на основаніи нѣкоторыхъ *experimenta crucis*, на которые и наводила такая постановка дѣла. Такіе эксперименты и были начаты самимъ Гельмгольтцомъ и его учениками. Одинъ изъ этихъ учениковъ,—тотъ, который, по словамъ учителя, «всего глубже вжился въ его собственный кругъ научныхъ мыслей» *),—былъ столь рано скончавшійся (1 янв. н. ст. 1894 г.) Генрихъ Гертцъ, состоявшій три года ассистентомъ у Гельмгольтца. Гертцъ началъ свои электрическія изслѣдованія работами на темы, указанныя Гельмгольтцомъ, и вскорѣ пришелъ къ открытіямъ, прославившимъ его имя. Въ своемъ трудѣ *Изслѣдованія о распространеніи электрической силы*, посвященномъ учителю, Гертцъ ясно разсказываетъ исторію своихъ изысканій.

Въ своемъ критическомъ изслѣдованіи электродинамическихъ теорій Гельмгольтцъ показалъ, что всѣ онѣ ведутъ къ одинаковымъ результатамъ, пока дѣло идетъ о токахъ въ замкнутыхъ проводящихъ цѣпяхъ. Рѣшить дѣло могло только изслѣдованіе тѣхъ быстро преходящихъ незамкнутыхъ токовъ, какіе являются въ видѣ «электрическихъ колебаній». Напомнимъ, что самое первое указаніе на такіе колебательные электрическіе процессы было сдѣлано именно Гельмгольтцомъ еще въ 1847 г. **). Эта тема, въ рукахъ талантливаго и настойчиваго Гертца, дала чудные плоды: его открытія были побѣдою теоріи Максвелля, и тотъ мостъ между Свѣтомъ и Электричествомъ, который существовалъ дотолѣ только въ геніальномъ умѣ англійскаго физика, получилъ реальные устои. Ученіе о дальнодѣйствіи (actio in distans) сложило оружіе на полѣ электрическихъ явленій; единственнымъ представителемъ дальнодѣйствій осталось еще не разъясненное въ этомъ смыслѣ тяготѣніе.

Если въ этомъ великомъ дѣлѣ Гельмгольтцу принадлежитъ только роль первоначальнаго руководителя и инстигатора, то въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ электричества его личныя работы и до сихъ поръ стоятъ на первомъ планѣ. Такова его теорія электрострикціи, т.-е. механическаго измѣненія тѣлъ электрическими и магнитными силами. Таковы его обширныя электрохимическія изслѣдованія; о связи ихъ съ термодинамикой и о возникшемъ отсюда принципѣ свободной энергіи мы уже говорили выше ***). Касательно натуры химическихъ силъ Гельмгольтцъ развиваетъ мысли Берселіуса и Фарадея: «Факты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что наиболѣе [illegible] ныя изъ химическихъ силъ имѣютъ электрическое происхожденіе» (II, p. 3). Обширной механикѣ электричества, постепенно поглощающей едва ли

) L. c. p. VIII.

) „Erhaltung d. Kraft.", p. 44 (*Wiss. Abh.* I, p. 46).

Подробнѣе см. въ лекціи А. П. Соколова, въ книгѣ *Г. ф.-Гельмольтцъ*.

не всю физику, придется, повидимому, овладѣть и химіей. Самые послѣдніе труды покойнаго посвящены также электричеству; онъ подводитъ уравненія электромагнитнаго поля, въ формѣ данной имъ Гертцомъ, подъ свой принципъ наименьшаго дѣйствія (1892 г.), даетъ оригинальную электрохимическую теорію дисперсіи свѣта (1893 г.) и начинаетъ изслѣдованія о движеніяхъ свободнаго эѳира съ точки зрѣнія теоріи Максвелля (1893 г.). Этотъ послѣдній трудъ остался неоконченнымъ.

V.

Я старался въ этомъ очеркѣ,—боюсь, слишкомъ длинномъ и сухомъ,—прослѣдить подвигъ Гельмгольтца на поприщѣ собственно физики, указывая именно на тѣ работы, гдѣ онъ брался за самыя широкія и новыя задачи науки, внося повсюду новый свѣтъ и новые пути. Я остановился на изслѣдованіяхъ по теплотѣ, электричеству и молекулярнымъ (химическимъ) дѣйствіямъ, и на тѣхъ, гдѣ общая связь дѣятелей природы и подчиненіе ихъ однимъ и тѣмъ же верховнымъ принципамъ выражены съ такою смѣлостью и силой обобщенія.

Три краеугольные вопроса можно отмѣтить въ нашей наукѣ,—вопросы, ведущіе начало отъ Ньютона:

1. Довлѣетъ ли механика (въ общемъ смыслѣ слова) для всей физики, т.-е. можетъ ли она служить достаточнымъ и единственнымъ базисомъ для теорій теплоты, свѣта, электричества, химизма?

2. Должна ли эта физическая механика опираться на опредѣленныя гипотезы о строеніи вещества и о законахъ элементарныхъ силъ (взаимодѣйствій), или же можетъ пользоваться и другими путями, держась ближе къ фактамъ опыта?

3. Взаимодѣйствія частей вещества суть ли непосредственныя дѣйствія на большомъ разстояніи (actiones in distans), или же они—даже въ такъ называемой «пустотѣ»—суть взаимодѣйствія близкихъ, смежныхъ частей вещества?

Мы видѣли, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ отвѣчаетъ на эти вопросы дѣятельность Гельмгольтца.

Еще Кантъ утверждалъ, что «въ каждомъ отдѣлѣ естествознанія есть лишь настолько настоящей науки, насколько въ немъ найдется математики» *), а математика въ естествознаніи и значитъ—механика (въ общемъ значеніи слова). Кантова система «метафизическаго естествознанія» и была ничто иное, какъ механика.

Но это дѣлалось во имя абсолютнаго, метафизическаго знанія. А [illegible],

*) „Ich behaupte, dass in jeder besonderen Naturlehre nur so viel *eigentliche* W[illegible]ssenschaft angetroffen werden könne, als darin *Mathematik* anzutreffen ist“ (*Ka[illegible]t*: „Metaphysische Aufangsgründe der Naturwissenschaft“).

извѣрившіеся даже въ тѣхъ метафизическихъ остаткахъ, какими еще дорожитъ Кантъ, и готовые еще дальше идти въ дѣлѣ критицизма,—мы, подрывающіе понятіе о силѣ, какъ причинѣ движенія, усомнившіеся вмѣстѣ съ Гельмгольтцомъ даже въ апріорности геометрическихъ аксіомъ,—должны ли и мы держаться все той же схемы, хотя бы не вѣруя въ ея трансцендентное значеніе, хотя бы начиная выполнять ее съ конца, безъ надежды подняться до начала?

Не тѣсно ли намъ вращаться въ тѣхъ же механическихъ рамкахъ, пытаясь заключить въ нихъ образъ объективируемой нами природы, но нанося нашъ рисунокъ лишь черта за чертою, труднымъ путемъ научной индукціи? Не безполезно ли изсушаетъ душу это, быть можетъ, одностороннее стремленіе разыскивать всюду «мертвую» матерію и «слѣпыя» силы или движенія? Не угнетаетъ ли, не приводитъ ли къ отчаянію эта погоня за невозможнымъ, безъ вѣры въ абсолютность руководящихъ нами основъ, въ достижимость нашего идеала—«окончательнаго» анализа явленій?

Отвѣтомъ служитъ весь духовный обликъ Гельмгольтца,—этого натуралиста-психолога, натуралиста-эстетика, богатую натуру котораго не смущаетъ ни сухость, ни условность нашего знанія,—которому «взглядъ художника, взглядъ Гёте и Леонардо-да-Винчи», представляется обязательною принадлежностью истиннаго изслѣдователя (II, p. 249). Отвѣтомъ служатъ глубокія и поэтическія страницы, обильно разсыпанныя и въ его популярныхъ бесѣдахъ, и въ его спеціальныхъ трактатахъ.

Откроемъ двѣ изъ такихъ страницъ.

«Мы не побѣдимъ механизма матеріи простымъ его отрицаніемъ,—говоритъ онъ въ этюдѣ о Гёте,—мы побѣдимъ его лишь подчиняя этотъ механизмъ цѣлямъ нашего духовнаго существа. Мы должны узнать его рычаги и веревки, хотя бы этимъ нарушалось наше поэтическое созерцаніе природы,—узнать затѣмъ, чтобъ управлять ими по нашей волѣ. Въ этомъ—полноправность физическаго изслѣдованія и его великое значеніе для культуры человѣческаго рода» (I, p. 23).

«До сихъ поръ, впрочемъ,—говоритъ Гельмгольтцъ при другомъ случаѣ,—дѣйствительность, предъ испытующей ея законы наукой, разоблачается въ гораздо болѣе возвышенномъ и богатомъ видѣ, чѣмъ умѣли рисовать ее крайнія усилія миѳической фантазіи и метафизическаго умозрѣнія. Что значатъ всѣ эти чудовищные вымыслы индѣйской мечты, это нагроможденіе исполинскихъ размѣровъ и чиселъ,—что значатъ они передъ дѣйствительностью мірового зданія, передъ тѣми періодами времени, въ теченіе которыхъ образовались солнце и земля, въ теченіе которыхъ развивалась жизнь въ геологической исторіи, приспособляясь своими все болѣе и болѣе совершенными формами къ болѣе спокойнымъ состояніямъ нашей планеты?

Какая метафизика подготовила понятія о взаимодѣйствіяхъ между магнитами и движущимся электричествомъ,—объ этихъ явленіяхъ, сведеніе которыхъ къ хорошо-опредѣленнымъ элементарнымъ дѣйствіямъ со-

ставляетъ въ настоящую минуту еще предметъ борьбы для физики, не пришедшей къ ясному заключенію. А, между тѣмъ, уже и теперь мы начинаемъ думать, что свѣтъ есть ничто иное, какъ другая форма движенія тѣхъ же двухъ дѣятелей, и эѳиръ, наполняющій пространство, получаетъ совершенно новыя характеристическія свойства, какъ среда, способная намагничиваться и электризоваться.

«И въ какую схему схоластическихъ понятій долженъ быть занесенъ этотъ запасъ способной къ дѣйствіямъ энергіи, постоянство котораго утверждается закономъ сохраненія,—запасъ, не разрушимый и не умножаемый, какъ субстанція, этотъ дѣятельный стимулъ во всякомъ движеніи и безжизненнаго, и живого вещества, этотъ протей, облекающійся въ новыя и новыя формы, дѣйствующій чрезъ безконечное пространство и, однакожь, не дѣлимый, какъ пространство, безъ остатка,—это дѣйствующее въ каждомъ дѣйствіи, движущее въ каждомъ движеніи—и, однакожь, не духъ и не матерія? Не его ли предчувствовалъ поэтъ?

In Lebensfluthen, im Thatensturm,
Wall'ich auf und ab,
Webe hin und her!
Geburt und Grab,
Ein ewiges Meer,
Ein wechselnd Weben,
Ein glühend Leben,
So schaff' ich am sausenden Webstuhl der Zeit
Und wirke der Gottheit lebendiges Kleid.

«Мы, пылинки на поверхности нашей планеты, которая сама едва можетъ назваться песчинкою въ безконечномъ пространствѣ вселенной,—мы, младшій родъ между обитателями земли, по геологическому счисленію едва вышедшій изъ колыбели,—еще въ стадіи обученія, едва ли на половинѣ нашей школы,—считающій себя совершеннолѣтнимъ лишь по сравненію, и, однако, уже переросшій всѣхъ живущихъ съ нами тварей, благодаря болѣе мощному давленію закона причинности, и побѣждающій ихъ въ борьбѣ за существованіе,—мы поистинѣ имѣемъ основаніе гордиться, что намъ дано,—путемъ преданной работы медленно научаться пониманію «непостижимо высокихъ дѣлъ»,—

Der unbegreiflich hohen Werke,—

и не должны мы нимало смущаться стыдомъ, если это не удается сразу, въ первомъ натискѣ Икарова полета» (II, p. 250—251).

Я не касался глубоко интересныхъ и изящныхъ изслѣдованій, которыя не мало содѣйствовали славѣ покойнаго и отчасти, по сравнительной легкости задачъ, вылились въ болѣе законченныя формы, но которыя стоятъ какъ бы въ сторонѣ отъ занимавшаго насъ главнаго теченія. Таковы, наприм., работы въ области механики собственно,—гидродинамическія изслѣдованія вихревыхъ движеній, жидкаго тренія, жидкихъ лучей, звуча-

щихъ трубъ. Для могучаго ума, устремленнаго на таинственную, едва начинающую разоблачаться «физику невѣсомыхъ»,—работа въ болѣе установившейся области была сравнительно легка, требуя преодолѣнія только формальныхъ, математическихъ трудностей. А, между тѣмъ, крупное имя въ наукѣ дала бы ученому одна эта работа о вихряхъ *). Она послужила исходною точкой для цѣлой отрасли гидродинамики и дала цѣнные пріемы изслѣдованія для другихъ отдѣловъ физики.

Эти работы были не столько отдохновеніемъ ума, который, повидимому, не зналъ устали, сколько попутными шагами въ направленіи къ болѣе трудной цѣли. А цѣль эта представлялась Гельмгольтцу двойною: будучи физикомъ, онъ былъ и психофизіологъ. Мощно содѣйствуя построенію механики природы, онъ изслѣдовалъ съ неменьшею настойчивостью и успѣхомъ, какъ чувствующій и познающій человѣкъ отзывается на этотъ механизмъ,—какъ слагается эта механика, какъ продуктъ нашей психической дѣятельности.

«Проникалъ я и въ другую область,—говоритъ онъ въ своей автобіографической рѣчи,—куда вели меня изслѣдованія о чувственныхъ ощущеніяхъ и воспріятіяхъ, въ область теоріи познанія. Физикъ, желающій работать съ телескопомъ или гальванометромъ, долженъ ихъ изслѣдовать, долженъ выяснить себѣ, что могутъ дать ему эти снаряды, въ чемъ могутъ обмануть его. Точно также казалось мнѣ обязательнымъ изслѣдовать свойства и дѣйствія нашей мыслительной способности. Дѣло шло здѣсь о нѣкоторыхъ фактическихъ вопросахъ, на которые можно и должно дать опредѣленный отвѣтъ. Мы получаемъ извѣстныя чувственныя впечатлѣнія, мы умѣемъ дѣйствовать въ силу этихъ впечатлѣній. Въ общемъ правилѣ, результатъ дѣйствія совпадаетъ съ тѣмъ, какой мы ожидаемъ видѣть иногда, при такъ называемыхъ обманахъ чувствъ, совпаденія нѣтъ. Все это—объективные факты, которыхъ закономѣрное соотношеніе доступно изслѣдованію. Самый существенный выводъ, къ какому я пришелъ, состоялъ въ томъ, что чувственныя впечатлѣнія суть только отмѣтки качествъ внѣшняго міра,—знаки, истолкованію которыхъ мы должны научиться изъ опыта» **). Объ этой сторонѣ дѣятельности Гельмгольтца разскажетъ намъ И. М. Сѣченовъ; я же замѣчу только, что многія изъ незатронутыхъ мною собственно-физическихъ работъ и открытій великаго физика-физіолога (какъ, напримѣръ, акустическія) тѣсно примыкаютъ къ физіологіи чувствъ и именно для нея имѣютъ особенную цѣну ***).

Буду надѣяться, что, какъ ни блѣденъ этотъ очеркъ, онъ дастъ нѣкоторое понятіе или напоминаніе о томъ, чего лишилась наука въ лицѣ

Ей преимущественно посвящена лекція Н. Е. Жуковскаго въ книгѣ Г. -*Гельмгольтцъ*.

Г. ф.-Гельмгольтцъ, p. XXIII—XXIV.

См. лекціи А. Н. Маклакова, Ѳ. П. Шереметевскаго и автора настоящей ст въ книгѣ *Г. ф.-Гельмгольтцъ*.

Гельмгольтца. Никакое количество малыхъ разрозненныхъ дѣятелей не замѣнитъ потерю этой удивительной духовной лабораторіи, въ которой органически связывались всѣ нити научной мысли, всѣ потенціи дальнѣйшаго изслѣдованія природы, какъ въ ея объективированномъ внѣшнемъ обликѣ, такъ и въ объективирующей психіи. Счастливо то время, которое имѣло подобныхъ дѣятелей. Два-три такихъ человѣка дѣлаютъ науку своей эпохи, остальныя силы сосредочены около этихъ избранниковъ. Менѣе счастливыя времена питаются тѣмъ, что̀ ими было посѣяно. При жизни своей Гельмгольтцъ сѣялъ науку не только какъ изслѣдователь, но и какъ руководитель многихъ и многихъ, воспитавшихся въ его институтѣ,—этомъ международномъ разсадникѣ ученыхъ дѣятелей. Объ этой сторонѣ дорогого ему дѣла онъ говоритъ намъ слѣдующее:

«Мало-по-малу изъ собственнаго опыта слагается представленіе о томъ, какимъ образомъ мысли, нами пущенныя въ ходъ, будетъ ли то путемъ литературы, или изустнаго преподаванія, какъ эти мысли продолжаютъ дѣйствовать среди современниковъ, продолжаютъ какъ бы жить самостоятельною жизнью, какъ онѣ разрабатываются далѣе нашими учениками, получаютъ болѣе богатое содержаніе и болѣе прочную форму, и намъ самимъ, въ свою очередь, приносятъ новое поученіе. Естественно, что собственныя мысли каждаго прочнѣе, чѣмъ чужія, связаны со всѣмъ его умственнымъ кругозоромъ, и, слѣдя за развитіемъ этихъ своихъ мыслей, онъ чувствуетъ себя болѣе ободреннымъ и удовлетвореннымъ. Ко всякому такому дѣтищу ума у родителя развивается подъ конецъ своего рода отцовская любовь; она побуждаетъ его такъ же хлопотать и ратовать за этихъ чадъ, какъ и за настоящихъ дѣтей по плоти.

«Но, въ то же время, передъ научнымъ дѣятелемъ выступаетъ вся совокупная мысль цивилизованнаго человѣчества, какъ одно живущее и развивающееся цѣлое, чья жизнь представляется вѣчностью въ сравненіи съ короткимъ жизненнымъ срокомъ отдѣльнаго лица. Онъ видитъ себя, со своими скромными трудами на пользу науки, поставленнымъ на служеніе вѣчному и святому дѣлу, къ которому привязанъ тѣсными узами любви. Собственная работа освящается для него этимъ сознаніемъ. Теоретически понять это съумѣетъ, быть можетъ, всякій; но чтобъ это пониманіе развилось до степени нравственнаго чувства, нуженъ собственный опытъ.

«Свѣтъ, неохотно вѣрующій въ идеальныя побужденія, зоветъ это чувство славолюбіемъ. Но есть рѣшительный признакъ, чтобы различить эти два настроенія. Задай себѣ вопросъ: все ли равно тебѣ, будутъ ли признаны твоими, или нѣтъ, результаты твоихъ изысканій?... По отношенію къ руководителямъ лабораторій отвѣтъ особенно ясенъ. Учителю постоянно приходится отдавать другимъ и главную идею работы, и множество совѣтовъ, какъ преодолѣть новыя экспериментальныя препятствія,—совѣтовъ, требующихъ большой или меньшей изобрѣтательности. Все это переходитъ въ работу ученика и подъ конецъ, если работа удалась, публикуется отъ его имени. Кто потомъ разберетъ, что̀ внесъ одинъ, что̀—сов-

ственность другого? А развѣ мало учителей, которые въ этомъ отношеніи свободны отъ всякаго ревниваго чувства?» *).

Эта жизнь идей великаго учителя будетъ, какъ «остающееся движеніе» (bleibende Bewegung), длиться и теперь, когда умолкло живое слово того, кто отечески ратовалъ и хлопоталъ за нихъ. «Сѣмя, упавшее на добрую почву, взойдетъ и принесетъ плодъ сторичный», а память человѣка, «посѣявшаго доброе сѣмя на полѣ своемъ», не умретъ въ благодарномъ человѣчествѣ.

А. Столѣтовъ.

---

*) . c., p. XXVI—XXVII.

Германъ ф.-Гельмгольтцъ, какъ физіологъ *).

По желанію почтенныхъ товарищей по обществу, я принялъ на себя крайне лестную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень трудную обязанность представить вамъ въ бѣгломъ очеркѣ главныя черты обширной и исполненной глубокаго смысла дѣятельности великаго физіолога-физика Гельмгольтца, памяти котораго посвящено настоящее собраніе.

Во взглядахъ на отправленія животнаго тѣла издавна существовали два здоровыя теченія, стремившіяся объяснять жизненныя явленія наличною совокупностью химическихъ и физическихъ знаній. Здѣсь не мѣсто говорить о законности обоихъ теченій; въ настоящую минуту намъ важно знать, что они существовали, и разъ это признано, для всякаго становится сразу понятнымъ, что всѣ крупные шаги въ томъ и другомъ направленіи были всегда тѣсно связаны съ успѣхами химическихъ и физическихъ знаній вообще и могли дѣлаться въ частности только крупными дѣятелями въ области чистой химіи и физики. Въ этомъ смыслѣ въ исторіи физіологіи блестятъ особенно ярко три имени: двухъ химиковъ—Лавуазье и Либиха и одного физика—Гельмгольтца. Первымъ изъ нихъ были заложены общія основы ученія о превращеніяхъ вещества въ животномъ тѣлѣ, а вторымъ ученіе это было разработано детально и доведено до конца. Главныя же заслуги Гельмгольтца лежатъ въ тонкой области чувствованія: здѣсь онъ создалъ физику звуковыхъ ощущеній, переработалъ съ драгоцѣнными дополненіями всю обширную область физіологической оптики и въ концѣ этого многолѣтняго труда проложилъ физіологіи путь въ область самыхъ высокихъ психическихъ проявленій, именно въ сферу мысли, открывъ исходныя формы зрительнаго мышленія.

На словахъ все это звучитъ очень скромно, но за словами скрываются огромные подвиги труда и все то, что характеризуетъ дѣла генія-натуралиста: глубина мысли, творчество, соединенное съ блескомъ опыта, и результаты, открывающіе преемникамъ новые широкіе горизонты.

---

*) Рѣчь, читанная въ засѣданіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи 16 ноября 1894 г.

Представить въ бѣгломъ очеркѣ всѣ эти стороны его драгоцѣнной дѣятельности, конечно, невозможно,—я почелъ бы себя уже совершенно счастливымъ, если бы мнѣ удалось, по крайней мѣрѣ, выяснить передъ вами въ общихъ чертахъ тотъ путь, которымъ шла его мысль при разработкѣ явленій чувствованія, чтобы сдѣлать понятными достигнутые имъ огромные результаты.

Изъ только что прослушанной блестящей рѣчи моего предшественника вы знаете, что молодымъ еще человѣкомъ, едва вышедшимъ изъ юношескаго возраста, Гельмгольтцъ выступаетъ въ наукѣ, какъ крупный мыслитель и физикъ. Но, на счастье физіологіи, молодой человѣкъ былъ и по школьному образованію, и по профессіи медикъ; поэтому судьба бросаетъ его профессоромъ физіологіи въ Кенигсбергъ. Свое блистательное служеніе этой наукѣ онъ почти началъ изслѣдованіемъ, которое по смѣлости замысла и тонкости выполненія было для того времени положительнымъ подвигомъ,—я разумѣю его экспериментальное измѣреніе быстроты распространенія возбужденія по нерву. Замыселъ былъ смѣлъ въ томъ отношеніи, что тогда были наклонны приписывать нервному процессу быстроту вродѣ той, съ какою передаются депеши по телеграфной проволокѣ, а, между тѣмъ, измѣреніе приходилось дѣлать не иначе, какъ на лягушечьемъ нервѣ длиною въ 4—5 стм. Смѣлости замысла соотвѣтствовала и неожиданность результата. Гумбольдтъ былъ крайне удивленъ, услыхавъ отъ дю-Буа-Реймона, что быстрота эта равняется только 30 метрамъ въ 1 с., и тотчасъ же замѣтилъ, что это не больше, чѣмъ быстрота тропическаго урагана. Сказанное измѣреніе, будучи очень важнымъ въ теоретическомъ отношеніи для вопроса о природѣ нервнаго процесса, было, кромѣ того, плодотворно по послѣдствіямъ: оно послужило исходнымъ пунктомъ для работъ по измѣренію продолжительности различныхъ быстрыхъ процессовъ въ животномъ тѣлѣ и легло въ основаніе господствующихъ въ настоящее время въ физіологической психологіи психометрическихъ пріемовъ. Нельзя не прибавить къ этому, что именно здѣсь, въ этомъ изслѣдованіи, Гельмгольтцъ заявилъ себя впервые тонкимъ экспериментаторомъ. Къ этому же періоду его дѣятельности относятся крайне важныя изслѣдованія касательно мышцъ, анализъ мышечнаго сокращенія во времени и перерывистость нервныхъ импульсовъ при возбужденіи мышцъ волею. Первое изъ нихъ начало собою примѣненіе графическаго метода къ изученію мышечной дѣятельности.

Изслѣдованія эти, при всемъ ихъ блескѣ и значеніи, были, однако, [illegible] мимолетными продуктами сильнаго молодого таланта, ищущаго, но еще [illegible] нашедшаго родственной для ума области. Такою оказалась для моло[illegible] физіолога-физика область звука и свѣта,—здѣсь онъ сдѣлался осѣд[illegible]ъ и совершилъ самое крупное.

Свои изслѣдованія по акустикѣ онъ собралъ въ сочиненіи подъ загла[illegible]ъ: *Ученіе о звуковыхъ ощущеніяхъ*. Здѣсь лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь, [illegible]упаетъ сліяніе въ немъ двухъ кругозоровъ, физическаго и физіологи-

ческаго. Когда физикъ изучаетъ опытно какое-нибудь явленіе, онъ, конечно, руководствуется показаніями своихъ органовъ чувства, но показанія эти остаются для него обыкновенно на второмъ планѣ, они лишь констатируютъ фазисы и перемѣны явленій, а главную заботу физика составляетъ объективная сторона послѣднихъ. Въ названномъ же сочиненіи звуковыя явленія разработаны параллельно и равноправно съ обѣихъ сторонъ: физически, какъ движенія, и физіологически, какъ ощущенія. Благодаря этому, слуховой органъ превращается въ рукахъ Гельмгольтца въ тонкій физическій инструментъ, отвѣчающій, согласно разъ установленному порядку, на самыя разнообразныя формы звуковыхъ колебаній, согласно порядку, установленному во многихъ случаяхъ самимъ же Гельмгольтцемъ. Такъ, ухо, при помощи резонаторовъ, устроенныхъ его же руками, рѣшаетъ окончательно вопросъ о тэмбрѣ и сводитъ на физическія причины всѣ тѣ стороны звука, какъ ощущенія, которыя мы привыкли обозначать въ общежитіи словами звукъ мягкій, полный, рѣжущій, гнусливый и т. п. При помощи тѣхъ же аналитическихъ пріемовъ, въ ряду тоновъ, издаваемыхъ различными музыкальными инструментами, какъ родственныя имъ звуковыя формы, являются гласные звуки. Не довольствуясь результатами разложенія послѣднихъ на составные простые тоны, Гельмгольтцъ воспроизводитъ гласные звуки синтетически изъ составныхъ простыхъ тоновъ, даваемыхъ камертонами. Снарядъ этотъ представляетъ чудо экспериментальнаго искусства. Но и на этомъ дѣло не останавливается. Для полноты теоріи происхожденія гласныхъ звуковъ въ тѣлѣ нужно было выяснить вопросъ объ участіи въ ихъ образованіи разныхъ частей звукового аппарата у человѣка. Поиски въ этомъ направленіи, начавшіеся, впрочемъ, уже до него, привели къ слѣдующему результату: гортань даетъ не простые, а сложные тоны, т.-е. основной тонъ съ рядомъ обертоновъ, а полость рта, какъ надставная трубка гортани, измѣняющаяся по формѣ при произношеніи гласныхъ, есть резонаторъ, усиливающій въ сложномъ гортанномъ звукѣ тѣ или другіе изъ составныхъ обертоновъ. Думаю, что не впадаю въ преувеличеніе, утверждая, что одного такого изслѣдованія, какъ ученіе о происхожденіи гласныхъ звуковъ, было бы достаточно, чтобы обезсмертить имя Гельмгольтца. Но оно, это ученіе, еще не заканчиваетъ собою великаго труда. Вслѣдъ за характеристикой музыкальныхъ тоновъ и гласныхъ звуковъ идетъ вопросъ о сочетаніи звуковыхъ движеній, и въ результатѣ является физическая теорія той стороны слуховыхъ ощущеній, которую обозначаютъ словами консонансъ и диссонансъ звуковъ. Затѣмъ идетъ уже чисто-физіологическій трактатъ о томъ, какъ долженъ быть устроенъ слуховой снарядъ, воспринимающій и анализирующій сложные тоны. Въ сущности, снарядъ этотъ долженъ быть рядомъ резонаторовъ въ предѣлахъ объема и тонкости человѣческаго слышанія. Такимъ требованіямъ отвѣчало открытое около того времени Корти устройство конца улиточнаго нерва, и Гельмгольтцъ призналъ за этимъ органомъ значеніе сказаннаго анализатора сложныхъ тоновъ. И такъ, вы видите, мм. гг., что

Гельмгольтцъ не даромъ назвалъ свой трактатъ физіологическимъ именемъ,— въ этомъ трактатѣ слуховой органъ повсюду играетъ роль физическаго инструмента, реагирующаго опредѣленнымъ образомъ на внѣшнее воздѣйствіе. Другими словами, Гельмгольтцъ установилъ опредѣленную связь между измѣненіями внѣшней причины и соотвѣтственными видоизмѣненіями ощущенія. Этимъ онъ вывелъ слуховое ощущеніе изъ слитнаго хаотическаго состоянія, расчленилъ его и придалъ ему опредѣленную форму. Основой для разчлененія послужили ему физическіе факторы въ организаціи слухового снаряда; поэтому въ началѣ рѣчи и было мною сказано, что онъ создалъ физику звуковыхъ ощущеній—не всѣхъ, какъ вы видѣли, а лишь той части ихъ, которая касается музыкальныхъ звуковъ и гласныхъ человѣческой рѣчи.

Съ физической стороны изслѣдованіе это является наиболѣе блестящимъ изъ всего сдѣланнаго Гельмгольтцомъ для физіологіи, и этимъ блескомъ оно обязано, помимо новизны и тонкости пріемовъ изслѣдованія, тому согласію, которое установлено имъ между физическою и чувственною стороной явленій. Въ другомъ его великомъ трудѣ, физіологической оптикѣ, такого согласія между внѣшнимъ воздѣйствіемъ и чувственною реакціей еще не установлено, поэтому блеска здѣсь меньше, но за то районъ дѣйствія значительно шире,—въ акустикѣ дѣло идетъ о расчлененіи ощущеній, а въ оптикѣ, какъ было уже упомянуто выше, изслѣдованіе заведено Гельмгольтцемъ далеко за предѣлы ощущенія—въ область чувственнаго мышленія.

Въ первомъ отдѣлѣ оптики, гдѣ глазъ трактуется какъ оптическій инструментъ, Гельмгольтцъ прибавилъ къ уже извѣстному три новости, изъ которыхъ двѣ сдѣлали его имя драгоцѣннымъ въ практической медицинѣ. Благодаря изобрѣтенному имъ и въ высшей степени остроумному способу измѣрять кривизну преломляющихъ поверхностей въ глазу, Дондерсъ нашелъ неизвѣстный до тѣхъ поръ, но нерѣдкій порокъ конфигураціи глаза, названный астигматизмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ найдена была причина порока, нашлось тотчасъ же средство исправлять его. Еще большее значеніе для медицины имѣло глазное зеркало Гельмгольтца, какъ способъ освѣщать глазное дно и видѣть образъ сѣтчатки. Можно сказать, что, благодаря этому простому инструменту, создалась цѣлая половина современной офтальмологіи. Третью новинку составляетъ механизмъ приспособленія глаза къ разстояніямъ. Интересна она особенно въ томъ отношеніи, что была выведена Гельмгольтцомъ изъ косвенныхъ данныхъ и подтвердилась позднѣе прямымъ опытомъ.

орой отдѣлъ сочиненія, посвященный условіямъ происхожденія зрите ыхъ ощущеній, несмотря на большой интересъ нѣкоторыхъ главъ (н рим., физіологическаго ученія объ ощущеніи цвѣтовъ), я обойду молча ъ, потому что крупные шаги въ этой области явленій оказываются не зможными и въ настоящее время, и прямо перейду къ заключительн главамъ о пространственномъ видѣніи, гдѣ Гельмгольтцъ является

новаторомъ въ томъ отношеніи, что, оставаясь на почвѣ физіологическаго опыта, переноситъ рѣшеніе вопроса въ область психологіи. Новаторство заключалось именно въ этомъ, потому что до шага Гельмгольтца изслѣдователю въ пограничной области между тѣлеснымъ и духовнымъ полагалось оставаться или физіологомъ, или психологомъ, но никакъ не смѣшивать обѣ спеціальности. Чтобы сдѣлать понятнымъ шагъ Гельмгольтца, я принужденъ сказать нѣсколько словъ о задачахъ пространственнаго видѣнія для физіолога - экспериментатора и о способахъ ихъ рѣшенія, которые Гельмгольтцъ нашелъ уже готовыми, когда приступалъ къ разработкѣ явленій.

Зрительнымъ ощущеніемъ называютъ непосредственный эффектъ возбужденія глаза свѣтовыми лучами разной преломляемости, независимо отъ природы свѣтового источника. На этой ступени развитія чувствованіе даетъ возможность различать свѣтъ отъ тьмы, цвѣта другъ отъ друга и послѣдовательные эффекты свѣтового возбужденія. Но какъ только въ содержаніе зрительнаго впечатлѣнія ясно входятъ видоизмѣненія, соотвѣтствующія фигурѣ, величинѣ и положенію свѣтового источника въ пространствѣ, это уже будетъ пространственное видѣніе. Окружающіе насъ предметы мы видимъ лежащими внѣ насъ на разныхъ удаленіяхъ и въ разныхъ направленіяхъ, т.-е. локализируемъ ихъ въ пространствѣ о трехъ измѣреніяхъ и различаемъ, въ то же время, плоскую и тѣлесную фигуру предметовъ, равно какъ ихъ величину. Всѣ эти стороны видѣнія, взятыя въ отдѣльности, составляютъ частные вопросы ученія о пространственномъ зрѣніи и могутъ изучаться опытно (т.-е. со стороны зависимости ихъ отъ устройства зрительнаго снаряда и другихъ условій, вводимыхъ въ опытъ самимъ изслѣдователемъ), къ сожалѣнію, только на взрослomъ человѣкѣ. Но это не все,—изученіе должно закончиться, если возможно, общимъ выводомъ, откуда и какъ берутся въ безформенномъ зрительномъ ощущеніи тѣ придатки, которые сообщаютъ ему пространственный характеръ,—вопросъ особенно трудный потому, что у взрослаго человѣка факты пространственнаго видѣнія имѣютъ форму представленій, т.-е. осложнены психическими продуктами высокаго образованія; вслѣдствіе чего изслѣдователю, при рѣшеніи означеннаго общаго вопроса, приходится выдѣлять изъ явленій всѣ эти психическія наслоенія.

Теперь посмотримъ, что нашелъ Гельмгольтцъ, когда приступалъ къ работѣ.

Въ первой четверти нашего столѣтія физіологіи зрѣнія почти не существовало, поэтому вопросъ о пространственномъ зрѣніи брали не съ начала, т.-е. не съ изученія частныхъ вопросовъ, а съ конца, да еще въ самой общей формѣ—откуда и какъ берется вообще въ нашихъ чувствованіяхъ пространственный характеръ.

Въ этомъ общемъ видѣ вопросъ имѣлъ тогда, по словамъ самого Гельмгольтца, большое философское значеніе и ставился въ головѣ всѣхъ наукъ о внѣшнемъ мірѣ, какъ вопросъ теоріи познанія внѣшняго. Всякому, конечно, извѣстно ученіе Канта, по которому способность чувствовать внѣ и-

нее (т.-е. видѣть и осязать) пространственно есть продуктъ прирожденной способности воспринимающаго ума; и если вдуматься въ вопросъ, какъ онъ былъ поставленъ, то мысль Канта становится не только понятной, но даже необходимой. Пространственный характеръ есть спутникъ не всѣхъ вообще чувствованій, а лишь тѣхъ, которыя идутъ изъ внѣшняго міра. Какъ спутникъ, онъ можетъ быть отвлеченъ отъ чувственнаго акта и представляется тогда нашему сознанію лишеннымъ всякой чувственной подкладки, съ единственнымъ общимъ для всѣхъ пространственныхъ отношеній признакомъ—измѣримостью. Будучи лишенъ чувственной подкладки, онъ можетъ быть продуктомъ только ума, никакъ не чувствующаго органа. Всякому извѣстно далѣе, что теорія Канта пережила во многихъ умахъ самого Гельмгольтца; у нѣмецкихъ же физіологовъ она нераздѣльно господствовала до тридцатыхъ годовъ,—времени, когда сталъ работать надъ зрѣніемъ учитель Гельмгольтца, знаменитый берлинскій физіологъ Іоганнъ Мюллеръ. Изъ рукъ послѣдняго теорія Канта вышла нѣсколько матеріализованной; способность пространственнаго видѣнія есть способность дѣйствительно прирожденная; но воспринимающій умъ является уже съ чувствующимъ придаткомъ—сѣтчаткой глаза, чувствующей себя пространственно вмѣстѣ съ падающими на нее образами отъ внѣшнихъ предметовъ.

Послѣдняя теорія, въ ея болѣе физіологической формѣ, получила съ виду, и совершенно неожиданно, очень сильное подкрѣпленіе, когда Уитстонъ изобрѣлъ стереоскопъ. Здѣсь, какъ извѣстно, условіемъ рельефности видѣнія служитъ нѣкоторая разница въ перспективныхъ плоскихъ образахъ предметовъ подъ правымъ и лѣвымъ глазомъ; и сѣтчатки дѣйствительно являются одаренными способностью видѣть рельефно, т.-е. въ глубь. Тѣмъ болѣе, что стереоскопическая рельефность чувствуется, какъ показали опыты, мгновенно, даже при освѣщеніи картинъ электрическою искрой, слѣдовательно, не зависитъ отъ движеній глаза.

Къ этому нужно прибавить, что уже и въ то время были извѣстны примѣры нѣкоторыхъ животныхъ, которыя умѣютъ передвигаться въ пространствѣ тотчасъ по рожденіи, слѣдовательно, видятъ пространственно.

При такихъ-то условіяхъ, говорившихъ столь сильно въ пользу прирожденности пространственнаго чувства, приступалъ Гельмгольтцъ къ разработкѣ явленій. Началъ онъ, конечно, съ начала, т.-е. съ частныхъ случаевъ пространственнаго видѣнія, или, говоря популярно, съ той группы явленій, въ которыхъ участвуетъ, по мѣткому выраженію даже простаго народа, глазомѣръ. Изученіе это привело Гельмгольтца къ слѣдующимъ двумъ крупнымъ выводамъ.

Даже у взрослаго человѣка, съ его готовою способностью видѣть пространственно, глазомѣръ, т.-е. движенія головы и глазъ при смотрѣніи, играютъ, все-таки, существенную роль въ опредѣленіи пространственныхъ отношеній,—они вносятъ мѣру въ это опредѣленіе.

Вотъ и другой выводъ:

Зрителями пространственныхъ отношеній движенія смотрѣнія слу-

жать не прямо, а черезъ посредство связаннаго съ ними мышечнаго чувства, видоизмѣняющагося соотвѣтственно направленію, величинѣ и быстротѣ перемѣщеній глазъ и головы.

Другими словами, изъ рукъ Гельмгольтца двигательные снаряды глаза вышли не только пособниками этого органа въ дѣлѣ яснаго видѣнія, какими они признавались и ранѣе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣрительными придатками, дающими сознанію чувственные знаки, непосредственно входящіе въ составъ зрительныхъ впечатлѣній, какъ мѣрка пространственныхъ отношеній.

Такимъ образомъ, снарядъ, пригодный для оцѣнки пространственныхъ отношеній, былъ найденъ внѣ ума, въ организаціи чувствующаго глаза, и теперь при переходѣ отъ частныхъ случаевъ къ общему вопросу оставалось рѣшить двѣ вещи:

1) Существуетъ ли этотъ механизмъ одинъ или рядомъ съ пространственно видящею сѣтчаткой, служа лишь для болѣе тонкой оцѣнки того, что даетъ послѣдняя?

2) Требуетъ ли этотъ механизмъ управленія умомъ взрослаго человѣка или онъ работаетъ у него съ самаго начала, отъ рожденія?

Прежде всего, ему пришлось, конечно, рѣшить, принять или не принять господствовавшую тогда между физіологами теорію прирожденности пространственнаго видѣнія. На основаніи собраннаго имъ при изслѣдованіи обширнаго запаса фактовъ, онъ ее отвергъ. Возраженія его можно резюмировать такъ.

Факты на животныхъ съ прирожденною способностью не обязательны для человѣка съ медленнымъ и постепеннымъ развитіемъ всѣхъ его способностей.

Такъ называемая способность сѣтчатки у взрослаго видѣть пространственно не есть способность врожденная, а пріобрѣтенная путемъ опыта. Еслибъ она была врожденной, то признаки ея существованія должны были бы сказаться на слѣпыхъ отъ рожденія, прозрѣвшихъ путемъ операціи въ зрѣломъ возрастѣ, при первыхъ же ихъ зрительныхъ встрѣчахъ съ внѣшнимъ міромъ. Но такихъ признаковъ не оказывается.

Факты стереоскопіи легче объяснить способностью сѣтчатки, воспитанной жизненнымъ опытомъ, чѣмъ съ прирожденною организаціей, потому что стереоскопическое сліяніе, какъ показываютъ прямыя наблюденія, происходитъ лишь при такихъ степеняхъ несовпадаемости перспективныхъ рисунковъ, которыя соотвѣтствуютъ случаямъ дѣйствительнаго видѣнія. За этими предѣлами сліянія уже не происходитъ.

Что касается теоріи самого Гельмгольтца, то вотъ ея основанія и главные пункты.

Глаза наши такъ устроены, что должны почти непрерывно двигаться, и движенія эти приведены въ систему, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что посреди сѣтчатокъ лежатъ маленькіе участки наиболѣе яснаго видѣнія, вслѣдствіе чего человѣкъ вынужденъ двигать глазами такъ,

чтобъ образы разсматриваемой точки падали на эти участки. У взрослаго тонкость глазомѣра стоитъ въ прямой связи именно съ движеніями этого рода; но такія же движенія происходятъ непрерывно и у новорожденнаго, въ очень раннемъ возрастѣ, послѣ того, какъ онъ выучился сводить оси глазъ на встрѣчу другъ другу. Почему же не принять, что и здѣсь эти самыя движенія, упорядочиваясь на опытѣ болѣе и болѣе, начинаютъ мало-по-малу служить оцѣнщиками пространственныхъ отношеній? Однако, разница между условіями смотрѣнія у взрослаго и новорожденнаго огромная. У взрослаго поле зрѣнія имѣетъ видъ расчлененной картины, опредѣляющей пути глазныхъ перемѣщеній, и движеніями достигается лишь болѣе точная оцѣнка того, что даетъ глазъ и при полномъ покоѣ. Значитъ, и ребенку должно быть прирождено поле зрѣнія съ такими особенностями, которыя приводили бы движенія смотрѣнія въ опредѣленный порядокъ. Для этого достаточно принять,— говоритъ Гельмгольтцъ,— что въ прирожденномъ ребенку полѣ зрѣнія различныя точки послѣдняго чувствуются различно. Самаго неопредѣленнаго различія между ними уже достаточно, чтобы переходы глазъ съ одной точки на другую сопровождались различными другъ отъ друга ощущеніями, потому что все дѣло въ этихъ разницахъ. Такой minimum прирожденности Гельмгольтцъ принимаетъ, какъ исходную почву, на которой происходитъ воспитаніе движеній смотрѣнія,—воспитаніе путемъ опыта.

Отсюда Гельмгольтцъ переходитъ въ область психологіи и пользуется памятью въ дѣлѣ развитія пространственнаго видѣнія совершенно такъ же, какъ ею пользуются психологи въ отношеніи развитія идейныхъ образованій вообще, т.-е. все дѣло сводится на частое повтореніе зрительно-двигательныхъ актовъ при различныхъ субъективныхъ и объективныхъ условіяхъ видѣнія и на образованіе ассоціацій между чисто-зрительными эффектами и соотвѣтствующими видоизмѣненіями мышечнаго чувства. Ассоціаціи эти принятымъ въ психологіи порядкомъ упрочиваются, освобождаются отъ случайныхъ примѣсей и даютъ, въ концѣ-концовъ, опредѣленное соотвѣтствіе между слѣдующими постоянными факторами пространственнаго видѣнія: положеніемъ собственнаго тѣла смотрящаго человѣка, положеніемъ точекъ въ полѣ зрѣнія, положеніемъ соотвѣтствующихъ образовъ на сѣтчаткахъ и, наконецъ, мышечнымъ чувствомъ, какъ выразителемъ направленія и величины передвиженія глазъ, которое производится съ цѣлью яснаго видѣнія точекъ поля. Словомъ, при посредствѣ мышечнаго чувства, опытъ воспитываетъ сѣтчатку къ самостоятельному пространственному видѣнію.

Изъ-за этой теоріи опытнаго происхожденія пространственнаго видѣнія Гельмгольтцу, по его собственнымъ словамъ, приходилось выносить упреки как отъ кантіанцевъ строгаго толка (Kantianer stricter Observanz), такъ и отъ нѣкоторыхъ физіологовъ-нативистовъ. Отвѣты его послѣднимъ крайне поучительны въ томъ отношеніи, что выясняютъ, такъ сказать, физіологическій смыслъ его шага въ психическую область.

Искать рѣшенія общаго вопроса именно здѣсь онъ былъ вынужденъ, главнымъ образомъ, невозможностью придать сѣтчаткамъ глазъ такую прирожденную организацію, которая объясняла бы столь часто необходимую приспособленность пространственнаго зрѣнія къ измѣнчивымъ условіямъ видѣнія. На почвѣ нативистовъ, какъ физіологъ, онъ долженъ былъ бы, напримѣръ, вооружить сѣтчатки прирожденнымъ чувствомъ видѣнія вглубь, притомъ, различныхъ для разныхъ паръ точекъ. Но для какого положенія глазъ и тѣла? Положеніе это, вслѣдствіе подвижности тѣла, мѣняется чуть не безпрерывно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, образы предметовъ столь же часто перемѣщаются на сѣтчаткахъ. Стало быть, вооруженіе глаза чувствомъ глубины для какого-нибудь одного, двухъ, трехъ положеній, будучи удовлетворительнымъ для этихъ случаевъ, было бы не только безполезно, но даже вредно для множества остальныхъ. Чтобъ объяснить приспособленность зрѣнія, нативистъ вынужденъ принять, что опытъ способенъ пересилить прирожденную организацію; но тогда послѣдняя становится безполезной. Наоборотъ, опытъ, какъ воспитаніе зрѣнія на многоразличныхъ условіяхъ видѣнія, притомъ, на почвѣ едва дифференцированной, объясняетъ приспособленность зрѣнія сразу; и здѣсь общеизвѣстная пластичность нашихъ органовъ, ихъ уступчивость требованіямъ жизненной практики, говоритъ не противъ, а въ руку теоріи.

Что же касается упрека, зачѣмъ онъ пускается въ темную область психологіи, то отвѣтъ его, въ сущности, таковъ: фактъ ассоціаціи чувствованій столь же несомнѣненъ, какъ само чувствованіе, и тѣ, которые дѣлаютъ ему, Гельмгольтцу, упреки, могутъ, если имъ угодно, пріурочить органъ памяти къ органу чувствъ,—для него, Гельмгольтца, безразлично, состоитъ ли этотъ органъ въ вѣдѣніи психологіи или физіологіи. Какъ натуралистъ, онъ, конечно, сознаетъ темноту принятой въ психологіи картины образованія, упроченія и очищенія ассоціацій, и рѣшеніе своего вопроса онъ ищетъ не въ этихъ подробностяхъ, а въ скрытой за картиною реальности—въ воспитывающемъ дѣйствіи жизненнаго опыта. Вотъ его подлинныя слова по этому поводу: каждое изъ нашихъ движеній, которыми мы измѣняемъ картину предметовъ, можно разсматривать какъ опытъ, которымъ мы провѣряемъ извѣстную изъ прежняго правильность распредѣленія ихъ въ пространствѣ. Въ этихъ же словахъ заключается разъясненіе и его знаменитаго изреченія: акты пространственнаго видѣнія, насколько они зависятъ отъ опыта, носятъ на себѣ характеръ безсознательныхъ умозаключеній. Безсознательными онъ ихъ назвалъ потому, что они развиваются изъ ассоціацій въ тайникахъ безсознательно дѣйствующей памяти и уже готовы въ такомъ возрастѣ ребенка, когда онъ не умѣетъ еще строить настоящихъ силлогизмовъ.

Такимъ образомъ, вы видите, мм. гг., что, по мысли Гельмгольтца, пространственное видѣніе есть видѣніе измѣрительное съ самаго начала его развитія. Выдѣлите изъ сложнаго акта видѣнія всю, такъ сказать, свѣтовую половину, и остатокъ будетъ пространственность съ характеромъ

измѣримости. За чувственную природу этого остатка говоритъ именно его измѣримость, потому что глазъ снабженъ измѣрительнымъ придаткомъ, начинающимъ работать у человѣка черезъ недѣлю по рожденіи. Родится этотъ остатокъ изъ темнаго мышечнаго чувства и отъ того кажется намъ внѣчувственнаго происхожденія. Правда, для построенія своей теоріи Гельмгольтцу пришлось пріурочить къ зрительному снаряду память съ ея ассоціирующею способностью; но кто же сомнѣвается въ настоящее время въ томъ, что органы памяти суть интегральныя части нашихъ органовъ чувствъ? Безъ нихъ показанія послѣднихъ, исчезая безслѣдно по мѣрѣ возникновенія, оставляли бы человѣка вѣчно въ положеніи новорожденнаго. Слава Гельмгольтцу за его шагъ въ психологическую область,—изъ него выросла наиболѣе разработанная часть современной физіологической психологіи.

Задача моя кончена.

Когда умственная жизнь человѣка даетъ такіе необычайные результаты, въ головѣ невольно родится вопросъ, какими чарами былъ надѣленъ этотъ избранникъ? По словамъ его друга, дю-Вуа-Реймона, Гельмгольтцъ совмѣщалъ въ себѣ, при философскомъ умѣ, въ небывалой еще въ исторіи науки степени даръ анализа и даръ эксперимента.

И. Сѣченовъ.

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ шестидесятыхъ годахъ *).

VI.

Хозяйскія лавки на промыслахъ.—Таксы и совѣщанія о нихъ енисейскихъ золотопромышленниковъ.—Тайная продажа вина.

Одежду и обувь рабочіе пріобрѣтали, также какъ и необходимые для нихъ припасы, сверхъ получаемыхъ ими отъ хозяевъ, изъ пріисковыхъ складовъ въ счетъ своего заработка, причемъ въ контрактахъ съ рабочими устанавливаются иногда въ этомъ отношеніи нѣкоторыя ограниченія, именно предписывалось «въ излишествѣ» вещей не требовать и никому не перепродавать, а также предоставлялось пріисковому управленію право продолжать или прекратить отпускъ вещей рабочему, смотря по его заработку. По договору съ Асташевымъ (1862 г.), они могли получать бродни, чарки (обувь), армяки, рукавицы, а вещей, «рабочимъ неприличныхъ», требовать не имѣли права. Относительно цѣны вещей въ контрактахъ обыкновенно говорится такъ: «по установленнымъ К° цѣнамъ», «по цѣнамъ, стоющимъ К° съ доставкою на пріискъ», «за установленную отъ управленія общую по таксѣ цѣну». Въ договорѣ Олекминскаго округа, напечатанномъ Абрамовымъ **), было сказано, что рабочіе могли получать вещи «по стоимости ихъ на пріискѣ и съ наложеніемъ процентовъ по утвержденной таксѣ»; при этомъ, хотя они обязывались не требовать предметовъ роскоши, не свойственныхъ ихъ званію, но таковыми постановлено было «не считать припасовъ, полезныхъ для поддержанія силъ и здоровья, каковы: чай, сахаръ, масло и мука пшеничная». Еще болѣе важное и рѣдкое условіе находимъ мы въ договорѣ съ Прибрежно-Витимскою К° (1867 г.), гдѣ было сказано, что если рабочимъ установленная цѣна «покажется не сообразною съ достоинствомъ товара», то они были «вольны» покупать ихъ «у постороннихъ людей». Хотя, въ виду отдал-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

**) *Очеркъ золотопромышленной Олекмы*, приложеніе, стр. 12—15.

ности промысловъ Олекминскаго округа отъ жилыхъ мѣстъ, это условіе было едва ли осуществимо, но, все-таки, оно представляетъ любопытное отступленіе отъ общаго правила.

Въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ 60-хъ годовъ мы встрѣчаемъ не мало указаній на эксплуатацію пріисковыхъ рабочихъ, вслѣдствіе торговой монополіи хозяевъ на промыслахъ. При существованіи хозяйскихъ лавокъ,—говоритъ о промыслахъ Томской губ. г. П—нъ,—работникъ «немедленно попадаетъ въ совершенную кабалу... Золотопромышленникъ можетъ назначить самыя высокія цѣны, высокія при начетѣ на работника и низкія при скидкѣ съ него». Съ рабочимъ сплошь и рядомъ бываетъ такъ: «Понадобится ему ситецъ на рубашку, ему выдадутъ изъ хозяйской лавки и запишутъ въ счетъ жалованья, но потомъ онъ раздумаетъ и промѣняетъ ситецъ на что-нибудь другое, на чай или на водку... Ситецъ, полученный отъ рабочаго обратно, вписывается назадъ въ книгу золотопромышленника, но по цѣнѣ уже ниже той, которая была выставлена при выдачѣ его; такимъ образомъ, рабочій, не сдѣлавъ дѣйствительнаго займа, посредствомъ одного передвиженія товара изъ хозяйскихъ рукъ въ свои и обратно можетъ образовать громадный долгъ». По словамъ автора другой статьи о промыслахъ Томской губерніи, написанной девять лѣтъ позднѣе, золотопромышленники, «рѣдко имѣя наличныя деньги», забираютъ всѣ необходимые матеріалы въ лавкахъ и магазинахъ подъ векселя съ расплатою по окончаніи промывки и сдачи золота. «Вся тяжесть лишнихъ процентовъ (за кредитъ) падаетъ не на самого золотопромышленника, а на трудъ его рабочихъ... Хозяинъ, гарантированный своимъ правомъ» монопольной продажи, «и вполнѣ убѣжденный въ невозможности внѣшней конкурренціи», назначаетъ самыя высокія цѣны. «Подобная эксплуатація рабочихъ силъ существуетъ, конечно, не на всѣхъ пріискахъ и *бываетъ сильнѣе тамъ, гдѣ бѣднѣе хозяинъ*. Вотъ одинъ изъ обращиковъ произвольно накладываемыхъ процентовъ: наприм., бродни стоятъ въ лавкахъ въ городѣ отъ 1 р. до 1 р. 20 к. за пару, а золотопромышленникъ беретъ ихъ въ кредитъ по 1 р. 50 к. и продаетъ рабочему по 1 р. 80 к. и даже дороже,—стало быть, 50% лишнихъ падаетъ на потребителя; то же можно сказать про сахаръ, чай и т. п.».

На золотыхъ промыслахъ Киргизской степи, Кокбектинскаго округа, золотопромышленники, также какъ и въ тайгѣ, имѣли свои лавки для снабженія рабочихъ товарами. Выдавая ихъ въ задатокъ и въ счетъ заработка, хозяева назначали высокія цѣны, да и товаръ привозился туда самаго послѣдняго сорта и такой гнилой, что онъ рвался при отмѣриваніи аршинъ, вслѣдствіе чего его мѣрили «по зарѣзкамъ, сдѣланнымъ на прилавкѣ». Хотя и здѣсь золотопромышленники обязаны были продавать товары по установленной таксѣ *), но она не исполнялась **). Киргизы забирали

*) Такса составлялась на каждое лѣто горнымъ ревизоромъ и утверждалась военнымъ губернаторомъ.

**) Въ примѣръ того, какъ возвышались здѣсь цѣны, г. П—нъ приводитъ слѣду-

въ счетъ заработка ситцы и другія бумажныя матеріи, платки, кожи на обувь, кирпичный чай, табакъ, чугунные и мѣдные котлы, фаянсовые чайники, чайную посуду и разныя желѣзныя издѣлія. Относительно золотопромышленниковъ Енисейскаго округа мы также встрѣчаемъ указанія о заготовленіи вещей и товаровъ въ кредитъ, что, конечно, повышало ихъ цѣну. Несмотря на запрещеніе по закону продажи пріисковымъ рабочимъ предметовъ роскоши, о чемъ иногда упоминалось и въ контрактахъ, они, все-таки, нерѣдко сбывались рабочимъ, разумѣется, по выгоднымъ для продавцовъ цѣнамъ. По свидѣтельству Пищикова, для обхода закона, эти товары записывались въ разсчетные листы рабочихъ подъ видомъ выдачи денегъ, которыхъ, прибавляетъ онъ, «во время лѣтняго производства почти ни на одномъ пріискѣ не бываетъ».

Въ Западной Сибири для золотыхъ промысловъ еще въ началѣ 40-хъ одовъ стали ежегодно составляться и утверждаться администраціею таксы тпускаемыхъ рабочимъ изъ пріисковыхъ лавокъ вещей и товаровъ (наколько онѣ соблюдались, это—другой вопросъ). Что касается Восточной Сибири, то въ 1858 г. главнымъ управленіемъ Восточной Сибири былъ разосланъ циркуляръ, предписывавшій горнымъ исправникамъ «имѣть тщательнѣйшее наблюденіе... чтобы на каждомъ изъ дѣйствующихъ промысловъ существовали таксы на всѣ безъ исключенія припасы и матеріалы, отпускаемые рабочимъ», и «чтобы онѣ не были для нихъ обременительными». Затѣмъ 10 августа 1861 г. совѣтъ главнаго управленія, принявъ въ соображеніе, что стоимость товаровъ и припасовъ не можетъ быть одинакова по всѣмъ пріискамъ, вслѣдствіе разницы условій ихъ заготовленія и доставки, постановилъ, что для предотвращенія назначенія высокихъ произвольныхъ цѣнъ на вещи и припасы горные исправники должны приглашать золотопромышленниковъ или ихъ управляющихъ въ общее собраніе въ своемъ присутствіи для установленія на пріискахъ таксъ на товары, отпускаемые рабочимъ.

Енисейское губернское управленіе въ октябрѣ 1861 г. предписало, чтобы таксы отпускаемыхъ рабочимъ товаровъ, по составленіи ихъ на каждомъ промыслѣ предъ началомъ работъ, свидѣтельствовались бы мѣстнымъ горнымъ исправникомъ и затѣмъ прибивались на дверяхъ магазиновъ. Еще и ранѣе, лѣтомъ 1861 г., таксы въ южной части Енисейскаго округа присылались горному исправнику для свѣдѣнія, теперь же, послѣ указа енисейскаго губернскаго управленія, онѣ стали представляться съ 1862 г. для «утвержденія», причемъ горный исправникъ Бакшевичъ дѣлалъ иногда на представляемыхъ ему донесеніяхъ различныя замѣчанія *).

ющій фактъ: „Грѣховъ вымѣнялъ въ Тюмени за два сурковые мѣха 700 чашекъ, которыя обошлись такимъ образомъ по 10 и 20 к. *ассиг.*, но рабочимъ ставились они по 10 и 30 к. *сереб.*, а самый большой сортъ въ цѣну барана, т.-е. въ рубль *серебр.* Также неумѣренно возвышается цѣна линейному табаку, который осенью покупается на линіи по 80 к. пудъ, а рабочимъ выдается по 4 р. с.“.

*) Такъ, на донесеніи управляющаго пріискомъ Калинина-Шумляева онъ напи-

Управляющій Николаевскимъ пріискомъ М. А. Безобразова представилъ копію съ таксы, утвержденной его хозяиномъ, а также и съ предписанія, даннаго Безобразовымъ по этому предмету пріисковому управленію. На донесеніи управляющаго исправникъ написалъ: «Копію съ таксы оставить при дѣлахъ, а другую, какъ ненужную, возвратить: я не вмѣшиваюсь въ хозяйственныя распоряженія, и мнѣ хорошо извѣстно, что̀ такое право собственности, и потому теорію собственности изучать изъ предписаній конторъ я не считаю для себя полезнымъ». Нужно полагать, что въ предписаніи своему пріисковому управленію Безобразовъ написалъ нѣчто подобное тому, что онъ говоритъ въ запискѣ, посланной Корсакову въ августѣ того же 1862 г., гдѣ онъ предлагалъ отбросить слово такса «потому, что на хозяйственную собственность никакихъ таксъ не допускается и на пріискахъ торговли вовсе нѣтъ и быть не можетъ, но заготовляются вещи только для снабженія рабочихъ». Управляющій пріискомъ Безобразова отвѣчалъ горному исправнику, что копію съ предписанія своего хозяина онъ представилъ «не для изученія по ней теоріи собственности золотопромышленниковъ», а для указанія на то, чѣмъ онъ руководствовался, представляя копію съ таксы, вмѣсто подлинной. У Безобразова, очевидно, произошло столкновеніе съ исправникомъ сѣверной части Енисейскаго округа, такъ какъ въ своей запискѣ, посланной Корсакову, онъ жаловался, что исправникъ требуетъ составленія таксы по данной формѣ на всѣ вещи и припасы и утверждаетъ ее своею подписью, т.-е. дѣлается хозяиномъ, вопреки закону и распоряженіямъ начальства.

Горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, по полученіи таксъ, представилъ ихъ енисейскому губернатору съ поясненіемъ, что помѣщаемые въ нихъ «предметы роскоши, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ потребностей людей рабочаго класса, имѣются въ магазинахъ для служащихъ, рабочимъ же ничего подобнаго не отпускается».

Такимъ образомъ, таксы стали представлять въ Енисейскомъ округѣ на утвержденіе горнаго исправника, но собраній золотопромышленниковъ для соглашеній по этому вопросу подъ предсѣдательствомъ горнаго исправника, необходимость которыхъ была признана совѣтомъ главнаго управленія Восточной Сибири въ 1861 г., очевидно, не происходило. Совѣтъ въ 1863 г. вспомнилъ объ этомъ постановленіи и подтвердилъ объ исполненіи

салъ: „Почему мука пшеничная дорога?“ (самой таксы не сохранилось); на донесеніи Логинова: „Кому для продажи имѣются табаки высшихъ сортовъ, сигары, папиросы и проч. предметы роскоши и съ чьего дозволенія?“ Управленіе промыслами Асташева вы[illegible]авило въ представленной таксѣ прошлогоднія цѣны, вслѣдствіе неполученія свѣдѣ[illegible]я отъ главной конторы, отъ которой зависѣло заготовленіе припасовъ и товаро[illegible]. Исправникъ потребовалъ присылки новой таксы, „такъ какъ промедленіе, мож[illegible] статься, обращается во вредъ рабочихъ, ибо припасы и товарныя вещи ны[illegible]яго заготовленія могутъ быть дешевле прошлогоднихъ цѣнъ“. И дѣйствительно, са[illegible] пріисковое управленіе въ представленной таксѣ отмѣтило, что пшеничная мука вм[illegible]то 2 р. 10 к. за пудъ, какъ было въ 1861 г., въ операцію 1862 г. будетъ не до[illegible]е 1 р. 60 к., а ржаная мука, вмѣсто 1 р. 50 к., не дороже 1 р.

этой мѣры съ тѣмъ, чтобы росписи вещей съ обозначеніемъ цѣнъ вывѣшивались въ магазинахъ для вѣдома рабочихъ.

Въ іюнѣ 1864 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа собралъ въ своей квартирѣ совѣщаніе золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ по вопросу о таксахъ и къ этому времени подготовилъ сводную таблицу о цѣнахъ, по которымъ товары и припасы отпускались въ этомъ году рабочимъ изъ пріисковыхъ амбаровъ 24 промысловъ. Сравнивая эту таблицу съ данными о цѣнахъ на товары и припасы въ началѣ 50-хъ годовъ, мы находимъ общее и значительное увеличеніе цѣнъ, за исключеніемъ чая. По разсмотрѣніи сводной таблицы,—сказано въ протоколѣ совѣщанія,—«оказывается, что цѣны вообще на товарныя вещи и припасы немного разнятся между собою и только на нѣсколькихъ промыслахъ значительно возвышены», и, притомъ, «на такіе предметы, которые составляютъ необходимую потребность рабочаго класса, а, между тѣмъ, покупаются съ самою небольшою разницей въ цѣнахъ, наприм., сахаръ, чай кирпичный, табакъ черкасскій, холстъ, даба, вареги, рукавицы. Цѣны на эти предметы замѣтно произвольны и простираются до слѣдующихъ размѣровъ: сахаръ отъ 50 *) до 70 коп. за фунтъ, чай кирпичный отъ 90 **) к. до 1 р. 20 к. за кирпичъ, табакъ 23 — 35 к. ф., холстъ 1-го сорта 10 — 16 к. арш., даба 2 р. 10 к. — 3 р. 10 к. за конецъ, вареги 20—30 к. за пару, рукавицы 40—60 к., полушубки простые 2 р. 75 к.—5 р., бродни 1 р. 80 к.—2 р. 30 к. за пару и сукно крестьянское 18—35 к. арш., на остальные же предметы, отпускаемые рабочимъ, хотя цѣны и составляютъ значительную разницу, но оцѣнить таковые, даже приблизительно, безъ оцѣнщиковъ невозможно, потому что эти предметы въ покупкѣ бываютъ разныхъ сортовъ, разныхъ фабрикъ, а слѣдовательно и разныхъ цѣнъ, наприм., армяки, начиная отъ 4 р. 75 к., доходятъ постепенно до 10 р. 20 к. за штуку, — послѣдніе, видимо, составляютъ уже предметъ роскоши. Такимъ образомъ, разсматривая цѣны, выбранныя изъ таксъ, существующія здѣсь на промыслахъ на самые необходимые предметы, отпускаемые въ плату рабочимъ, и разсуждая о причинахъ несходства цѣнъ, на нѣкоторыхъ промыслахъ весьма возвышенныхъ, мы приходимъ къ заключенію, что неразительная разница вещамъ неизбѣжна, потому что самая покупка товаровъ производится съ разницею въ цѣнѣ: одинъ покупаетъ своевременно и за наличныя деньги, поэтому и дешевле, другой опоздаетъ въ покупкѣ или покупаетъ въ долгъ и оттого дороже. Что касается значительно возвышенныхъ цѣнъ на необходимые для рабочихъ предметы, то мы находимъ, что *повышеніе это есть произволъ, неумѣстный въ дѣлѣ золотопромышленности и весьма непростительный*, ибо повышеніе цѣны допущено въ видахъ полученія съ рабочихъ значительныхъ, повидимому, на затраченный капиталъ процентовъ, и поэтому при-

*) Однако, на одномъ пріискѣ онъ стоилъ 46 к.

**) Правильнѣе было бы сказать—отъ 80 к.

знаемъ необходимымъ назначить высшія цѣны, какъ предѣлъ, до котораго можетъ достигать цѣнность товарныхъ вещей, отпускаемыхъ рабочимъ, и симъ своимъ совѣщательнымъ актомъ устанавливаемъ на предметы вышеозначенные слѣдующія цѣны: сахаръ до 50 к. за фунтъ, чаю кирпичъ до 1 р., табакъ черкасскій до 25 к. за фунтъ, холстъ 1-го сорта до 12 к., 2-го до 10 к. за аршинъ, даба, какъ обыкновенно, до 2 р. 50 к. конецъ, вареги до 25 к., рукавицы до 50 к., бродни до 2 р. за пару, полушубки простые до 2 р. 50 к. и сукно крестьянское до 25 к. за арш. Цѣны эти должны быть приняты въ руководство на всѣхъ тѣхъ промыслахъ, гдѣ онѣ были выше сейчасъ опредѣленныхъ, и всѣ сдѣланные ранѣе на тѣхъ промыслахъ рабочимъ отпуски должны быть усчитаны по сей цѣнѣ, о чемъ мы просимъ г. горнаго исправника настоять и съ своей стороны наблюсти, чтобы заключеніе наше было выполнено... Для совѣщанія по сему же предмету собираться ежегодно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ» *). Постановленіе это было разослано при циркулярѣ исправника по всѣмъ промысламъ южной части Енисейскаго округа для подписи всѣмъ золотопромышленникамъ и ихъ управляющимъ.

Нельзя не признать, что постановленіе это, еслибъ оно строго исполнялось, дѣйствительно до нѣкоторой степени ограничило бы произволъ золотопромышленниковъ въ назначеніи цѣнъ,—по крайней мѣрѣ, на наиболѣе нужные рабочимъ припасы и товары. Сравнивъ норму, принятую этимъ постановленіемъ, съ данными сводной таблицы, составленной горнымъ исправникомъ **), мы увидимъ, что назначенные maximum'ы цѣнъ принадле-

---

*) Подъ этимъ постановленіемъ мы находимъ 10 подписей: золотопромышленниковъ А. Лопатина, А. Шепетковскаго и А. Ягунова, золотопромышленника и довѣреннаго Асташева А. Квятковскаго и др. Управляющій промыслами К° Бенардаки, Рязановыхъ и друг. А. Субботинъ сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Не касаясь правъ чужой собственности, симъ удостовѣряю, что выше требуемыхъ этимъ совѣщаніемъ цѣнъ на сахаръ и проч. указанные предметы на управляемыхъ мною промыслахъ въ производство текущаго промысловаго 1864 г. не будетъ". Напротивъ, управляющій Герасимовъ сдѣлалъ надпись, не налагающую на него никакого точнаго обязательства, а именно: „На промыслахъ г. Герасимова отпускъ рабочимъ людямъ нужныхъ предметовъ производиться будетъ согласно рыночныхъ цѣнъ, съ наложеніемъ провозной и расходной суммы отъ доставки таковыхъ на промыслы съ мѣстъ заготовленія".

**) Сахаръ былъ дороже назначеннаго постановленіемъ maximum'а (50-ти коп.) на 8-ми пріискахъ (55—70 к.; на Ефимовскомъ пріискѣ Крутовскаго 65 к., на Пріютинскомъ пріискѣ Данилова 70 к. ф), дешевле только на Анненскомъ пріискѣ Зотовыхъ (46 к.); кирпичъ чая стоилъ дороже назначеннаго maximum'а (1 р.) на 7-ми пріискахъ (1 р. 10 к.—1 р. 20 к.; послѣдняя цѣна на пріискахъ Данилова, Мясни-[illegible]хъ и Родственной); дешевле только на 3-хъ пріискахъ (80 — 90 к.); черкасскій т[illegible]къ дороже 25 к. на 9-ти пріискахъ (28—35 к.) и немного дешевле на 4-хъ про[illegible]ахъ. Холстъ 1-го сорта 1 арш. стоилъ дороже 12 коп. на 10-ти пріискахъ (на п[illegible]скѣ Лопатина 16 к.), дешевле на 7-ми (10 — 11 к.); 2-й сортъ дороже 10 к. на 5[illegible] пріискахъ, дешевле на 7-ми пріискахъ (7 — 9 к.); даба дороже 2 р. 50 к. на 8[illegible] пріискахъ (у Шепетковскаго 3 р. 10 к.), дешевле также на 8-ми пріискахъ; в[illegible]ги дороже 25 к. на 2-хъ и дешевле на 7-ми пріискахъ; рукавицы дороже 50 к. п[illegible]-ти и дешевле на 10-ти пріискахъ; пара бродней дороже 3 руб. на 13-ти и де-

жать къ разряду среднихъ изъ существовавшихъ въ то время. Нельзя не замѣтить, что слѣдовало бы назначить также maximum цѣны топленаго сала (которое колебалось между 12 и 25 коп.) и коровьяго масла (20—35 к.), такъ какъ эти припасы составляли одну изъ самыхъ насущныхъ потребностей рабочихъ; цѣны пшеничной и ржаной муки вовсе не были выставлены въ таблицѣ горнаго исправника.

30 августа 1864 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа Бакшевичъ далъ своему помощнику Поротову предписаніе: «при посѣщеніи промысловъ непремѣнно ранѣе общаго разсчета удостовѣриться» какъ изъ таксъ, «которыя должны быть выставлены при амбарахъ или магазинахъ», такъ и «изъ разсчетныхъ листиковъ рабочихъ, не превышала ли значущаяся тамъ цѣна на предметы, упомянутые въ постановленіи, той нормы, которая опредѣлена» постановленіемъ 29 іюля. 10 сентября Поротовъ донесъ, что, какъ оказалось изъ произведенной имъ провѣрки, припасы и вещи выдавались рабочимъ «по тѣмъ самымъ цѣнамъ, какія значатся въ вывѣшенныхъ на амбарахъ таксахъ и которыя вполнѣ согласуются» съ сдѣланною исправникомъ выборкой, «а не съ совѣщательнымъ актомъ, составленнымъ золотопромышленниками и довѣренными 29 іюля». Поэтому Поротовъ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ пріисковымъ управленіямъ, чтобъ они сбавили цѣны на выданные ими рабочимъ вещи и припасы до той цифры, какая значится въ совѣщательномъ актѣ, и причитающуюся рабочимъ послѣ этой сбавки сумму присчитали бы къ ихъ заработку. 6 октября горный исправникъ разослалъ по промысламъ своего округа циркуляръ, въ которомъ требовалъ объясненія, «почему осталось безъ исполненія постановленіе объ уменьшеніи цѣнъ на товарныя вещи и припасы, если же оно исполнено, то въ чемъ именно» *).

шевле на 8-ми пріискахъ; простые полушубки дороже 3 р. 50 к. на 18-ти и дешевле на 6-ти пріискахъ; наконецъ, крестьянское сукно дороже 25 к. на 3-хъ пріискахъ (у Рязановыхъ 35 к.) и дешевле на 10-ти пріискахъ (низшая цѣна 18 к.).

*) На этомъ циркулярѣ большинство управляющихъ сдѣлало надпись, что на ихъ пріискахъ товары и припасы продаются по цѣнамъ не выше опредѣленныхъ въ совѣщательномъ актѣ 29 іюля. На Крестовоздвиженскомъ пріискѣ К° Щеголева и Кузнецова дали отвѣтъ, что цѣны вещей и припасовъ не только не превышали нормы, опредѣленной въ постановленіи, но нѣкоторыя вещи продавались и дешевле, а на Сергіевскомъ пріискѣ Латкина „товарныя вещи отпускались по цѣнамъ низшимъ противъ постановленія". Управляющій пріискомъ Герасимова писалъ, что, какъ онъ заявилъ и на совѣщаніи, установленныя на немъ цѣны онъ не можетъ признать для себя обязательными. (Резолюція исправника: сравниться съ таксами и разъяснить Герасимову). Управляющій Степановскаго и Станиславскаго пріисковъ Шубинъ расписался только въ чтеніи циркуляра, такъ что горный исправникъ потребовалъ отъ него объясненія, почему онъ сдѣлалъ надпись, „неотносящуюся къ дѣлу", и „почем у сахаръ продавалъ по 60 к. въ то время, когда на другихъ промыслахъ Асташе а онъ стоилъ 50 к., т.-е. не выше нормы, установленной на совѣщаніи. Горный исправникъ послалъ также запросъ на пріиски—Пріютинскій Данилова и Петропавловскій Родственной, приведено ли тамъ въ исполненіе постановленіе 29 іюля (на этихъ промыслахъ цѣны были прежде однѣ изъ наиболѣе высокихъ). Управленіе Данилова

Въ донесеніи главному управленію Восточной Сибири (30 октября 1864 года) горный исправникъ говоритъ: «По вытребованіи къ себѣ подлинныхъ разсчетныхъ листовъ, я нашелъ, что дѣйствительно цѣны, утвержденныя совѣщаніемъ, къ руководству не приняты и поэтому о причинахъ неисполненія совѣщательнаго акта я спрашивалъ промысловыя управленія. Нѣкоторыя изъ нихъ объяснили мнѣ, что хотя въ разсчетныхъ листахъ цѣны не убавлены до опредѣленной нормы, но это допущено собственно для того, чтобы не поправлять разсчета въ листахъ, ежемѣсячно балансируемаго; взамѣнъ же излишнихъ денегъ, записанныхъ въ листкахъ рабочихъ за товарныя вещи и припасы, имъ сдѣлана соотвѣтственная надбавка задѣльной платы. Точный контроль этого почти невозможенъ, потому что заработная плата рабочимъ контрактами съ точностью не обозначается и заработка поэтому бываетъ въ разное время весьма различна. Я бы думалъ, что для больше успѣшнаго достиженія цѣли, кромѣ установленія на совѣщаніяхъ таксъ, было бы полезно таксы, какъ существующія отъ управленій, такъ и установляемыя на совѣщаніяхъ, публиковать въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*: я полагаю, что публикованіе это стѣснитъ нѣсколько произволъ, допускаемый въ назначеніи высокихъ цѣнъ». Кромѣ того, исправникъ предлагалъ «установить какое-нибудь обязательное правило о явкѣ по приглашенію на совѣщанія, ибо многіе, какъ это показалъ нынѣшній опытъ, отъ этого уклонялись; необходимо было бы имѣть въ руководство какое-нибудь узаконеніе или распоряженіе высшаго начальства, по которому актъ совѣщательный, при извѣстныхъ условіяхъ, имѣлъ бы значеніе обязательное, даже и для не явившихся на совѣщанія». Впрочемъ, исправникъ оговаривался, что опытъ нынѣшняго года не даетъ еще возможности сдѣлать окончательнаго заключенія о цѣлесообразности предпринятой мѣры.

Въ слѣдующемъ 1865 г., 18 апрѣля, состоялось, по приглашенію горнаго исправника южной части Енисейскаго округа, новое совѣщаніе золотопромышленниковъ и ихъ довѣренныхъ для установленія таксъ на операцію этого года. Разсмотрѣвъ представленныя таксы, совѣщаніе постановило оставить для большинства припасовъ и товаровъ прежнія цѣны, за исключеніемъ холста и дабы, цѣны которыхъ были повышены: холста 1-го сорта до 15 к. арш. (вмѣсто 12), 2-го сорта до 12 к. (вмѣсто 10) и дабы до 3 р. (вмѣсто 2 р. 50 к.).

Какъ видно изъ дѣла о таксахъ 1865 г., исправникъ южной части Енисейскаго округа утверждалъ ихъ лишь въ такомъ случаѣ, если цѣны были не выше установленныхъ совѣщаніемъ, а въ противномъ случаѣ по[illegible]алъ ихъ до условленной нормы.

Въ апрѣлѣ 1866 г. вновь состоялось собраніе золотопромышленниковъ с[illegible]ою же цѣлью, и исправникъ при утвержденіи таксъ дѣлалъ иногда

от[illegible]гило на этотъ вопросъ утвердительно, а управленіе Родственной,— что теперь по[illegible]становленіе исполняется, но что неизвѣстно, возможно ли это будетъ при тѣхъ ц[illegible]ѣнъ, по которымъ будетъ сдѣлана закупка въ февралѣ мѣсяцѣ.

оговорку, что онѣ должны быть согласны съ принятою на совѣщаніи нормой. Но, повидимому, онъ относился къ этому дѣлу недостаточно внимательно: намъ неизвѣстенъ совѣщательный актъ о таксахъ этого года, но мы видимъ, что въ таксахъ, присланныхъ золотопромышленниками, цѣны значительно разнятся: такъ, наприм., въ утвержденныхъ исправникомъ таксахъ цѣна сахара колеблется между 45 и 60 к. На Сергіевскомъ пріискѣ Шепетковскаго цѣна сахара назначена была даже 70 к. за фунтъ, и не видно, чтобы это встрѣтило возраженіе со стороны исправника; напротивъ, на пріискахъ Латкиныхъ фунтъ сахара стоилъ 45 к. *).

Въ Олекминскомъ округѣ горный исправникъ Измайловъ въ предписаніи управленію Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева въ ноябрѣ 1860 г. указалъ на то, что цѣны въ его таксѣ «на все несравненно выше цѣнъ, положенныхъ на промыслахъ прочихъ золотопромышленниковъ и даже тѣхъ, которые, по своей отдаленности, имѣли бы на это болѣе причинъ», и требовалъ пониженія цѣнъ до нормы хотя бы этихъ послѣднихъ промысловъ. Исправникъ замѣтилъ также, что и количество заготовленныхъ пріисковымъ управленіемъ товарныхъ вещей менѣе, чѣмъ на другихъ промыслахъ.

Изъ таксы этого товарищества приведемъ цѣны тѣхъ предметовъ, которые были регулированы въ южной части Енисейскаго округа въ 1864 г.: 1 ф. сахара стоилъ рабочимъ К° Баснина и Катышевцева 55 коп., чай кирпичный 70 к. (въ южн. ч. Енис. окр. назначено 1 р.), табакъ черкасскій 30 к., холстъ 8—12 к., даба 1-го сорта конецъ 2 р. 30 к. (въ Енис. окр. 2 р. 50 к.), вареги 26 к., рукавицы барановыя 45—55 к., бродни 2 р.—2 р. 30 к., полушубки киргизскіе 4 р. Такимъ образомъ, если нѣкоторые товары немного дороже таксы, установленной совѣщаніемъ енисейскихъ золотопромышленниковъ, то за то другіе дешевле, и, однако, Измайловъ потребовалъ пониженія этихъ цѣнъ (до регулированія, какъ мы знаемъ, цѣны на многихъ промыслахъ южной части Енисейскаго округа были выше установленной совѣщаніемъ 1864 г. таксы). Однако, эта мѣра Измайлова могла бы порадовать насъ лишь въ томъ случаѣ, еслибъ она не была совершенно единичною. Если мы сравнимъ цѣны Ленскаго т-ва съ цѣнами 4-хъ другихъ золотопромышленниковъ того же 1860 г. **), то

---

*) На промыслахъ Бирюсинской системы, Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ, по донесенію горнаго исправника, въ 1864 г. были слѣдующія (очевидно, среднія) цѣны: кирпичъ чая 1 р. 12 к., табакъ черкасскій 12 р. 74 к. пудъ, слѣдовательно, фунтъ около 32 к., холстъ 1-го сорта $12^1/_2$ к., 2-го сорта $9^4/_7$ к., даба 1-го сорта 2 р. 85 к. конецъ, вареги 23 к., бродни 1-го сорта 2 руб. 12 к., полушубки киргизскіе 2 р. 66 к., сукно крестьянское 26 к. арш.; почти всѣ цѣны нѣсколько выше установленныхъ въ этомъ году совѣщаніемъ золотопромышленниковъ южной части Енисейскаго округа.

**) Сахаръ на пр. Желтуктинскаго т-ва и Рукавишникова былъ дешевле (50 к.), на пр. Соловьева и Спаскомъ пр. Базилевскаго дороже (60 к.), чай кирпичный вездѣ былъ дороже (75 к.—1 р. 20 к.), табакъ черкасскій на двухъ промыслахъ былъ дешевле (25 к.), на двухъ—стоилъ столько же (30 к.), холстъ или столько же, или дороже (8—12 к.), даба на одномъ промыслѣ дешевле, на другомъ дороже (2 р. 50 к.),

окажется, что цѣны не всѣхъ названныхъ товаровъ на этихъ пріискахъ были ниже, чѣмъ на промыслахъ Ленскаго т-ва, и не совсѣмъ понятно, почему замѣчаніе было сдѣлано лишь этому управленію. Но, какъ бы то ни было, при сравненіи цѣнъ Олекминскаго и южной части Енисейскаго округа мы убѣждаемся, что въ началѣ 60-хъ годовъ (какъ это было и въ предшествующемъ десятилѣтіи) цѣны на олекминскихъ промыслахъ, если принять во вниманіе отдаленность доставки, были *сравнительно* умѣреннѣе, чѣмъ въ Енисейскомъ округѣ. Это можетъ отчасти объясняться болѣе крупными размѣрами производства въ олекминскомъ округѣ и возможностью закупать припасы въ большемъ количествѣ, а, слѣдовательно, по болѣе дешевой цѣнѣ.

Что замѣчаніе, сдѣланное Ленскому т-ву, было мѣрою случайною, видно и изъ того, что изъ дѣлъ о таксахъ, присылаемыхъ къ олекминскому исправнику за 1861—1863 гг. «къ свѣдѣнію», не видно никакихъ мѣръ его для пониженія цѣнъ, хотя для этого были поводы; такъ, напримѣръ, въ таксѣ Бенардаки на 1862—63 г. фунтъ сахару на пріискахъ назначенъ въ 70 к., а на промыслахъ Ленскаго т-ва Катышевцева цѣны или остались тѣ же, какъ и въ 1860 г., или даже повысились, такъ что, наприм., сахаръ былъ назначенъ уже по 60 к. ф.

Изъ дѣла о таксахъ Олекминскаго округа 1864 г. не видно, чтобы здѣсь въ этомъ году происходило какое-либо собраніе золотопромышленниковъ для регулированія цѣнъ; но, тѣмъ не менѣе, вниманіе къ этому вопросу главнаго управленія Восточной Сибири отразилось до нѣкоторой степени и здѣсь. Мы находимъ, что мѣстная администрація относится какъ будто нѣсколько внимательнѣе къ составленію таксъ и требуетъ свѣдѣній о томъ, по какой цѣнѣ была сдѣлана заготовка товаровъ и припасовъ *).

Изъ данныхъ о цѣнахъ на олекминскихъ промыслахъ въ 1864 году видно, что цѣны эти были почти совершенно тѣ же, что и въ южной части Енисейскаго округа въ этомъ году *до ихъ регулированія* **); но если принять во вниманіе большую дороговизну доставки, то, повторяемъ, нельзя

рукавицы барановыя дешевле (40—42 к.), бродни на трехъ пром. дешевле (1 руб. 80 к.—2 р.), на одномъ—2 р. 10 к., полушубки киргизскіе дешевле (3 руб. 50 к.—3 р. 80 к.).

*) На одномъ изъ двухъ сохранившихся экземплярахъ таксы И. Ѳ. Базилевскаго мы находимъ такую подпись горнаго исправника: „настоящая такса съ документами конторы свѣрена и *утверждается*".

**) Фунтъ сахара 52—65 к. (Енис. окр. 46—70 к.), кирпичъ чая 67—1 р. 20 к. (Ч-чс. окр. 80—1 р. 20 к.), 1 фунтъ черкасскаго табаку 25 — 35 к. (Енис. округа 2[illegible]35 к.), аршинъ холста 11—15 к. (Енис. окр. 7—15 к.), даба 2 р. 10 к.—2 р. 8[illegible] конецъ (Енис. окр. 2 р. 10 к.—3 р. 10 к.), вареги 20—32 к. (Енис. округа 2[illegible]30 к.), рукавицы 35—67 к. (Енис. окр. 40—60 к.), бродни 2 р.—2 р. 40 коп. (Е[illegible]с. окр. 1 р. 80 к.—2 р. 30 к.), киргизскіе полушубки 3 р. 10 к. — 4 р. 50 к. (в[illegible] Енис. окр. простые полушубки 2 р. 75 к.—5 р.), крестьянское сукно 23—33 к. ар[illegible]инъ (южн. ч. Енис. окр. 18—35 к.). Въ 1867 г. цѣны на промыслахъ Олекминс[illegible] округа были почти тѣ же, что и въ 1864 г.

не считать эти цѣны *сравнительно* болѣе дешевыми. Правда, на совѣщаніяхъ 1864—65 гг. цѣны на многихъ промыслахъ Енисейскаго округа были значительно понижены, но, какъ мы видѣли, постановленія эти плохо исполнялись.

Олекминскіе золотопромышленники сами заявляли, что они продаютъ припасы и товары не по той цѣнѣ, во что они обошлись имъ съ доставкою на пріиски, а съ наложеніемъ значительнаго процента. Такъ, Трапезниковы заявили въ 1864 г. горному исправнику, что они налагаютъ по 20 к. на каждый затраченный рубль, а расходы по доставкѣ опредѣлили въ 70 к. за пудъ. Сохранился также подробный реестръ управленія пріисковъ И. Ѳ. Базилевскаго, въ которомъ обозначено количество закупленныхъ товаровъ, расходъ по содержанію служащихъ, закупавшихъ товары, стоимость провоза этихъ послѣднихъ и прогоны служащихъ и, наконецъ, цѣны, по которымъ товары будутъ продаваться, и въ результатѣ разсчета оказывалось, что предполагается получить барыша 17 к. на рубль. Тамъ, гдѣ указаны вмѣстѣ процентъ на капиталъ и плата за провозъ, мы видимъ, что эта прибавка къ первоначальной стоимости была весьма значительна: такъ, наприм., на 1 арш. крестьянскаго сукна она составляла отъ 3 до 9 к. (у Базилевскаго 66% первоначальной стоимости сукна). А такъ какъ мы знаемъ, что весьма значительную часть вознагражденія рабочіе получали натурою, то большіе барыши золотопромышленниковъ составляли прямой вычетъ изъ заработка рабочихъ, чѣмъ отчасти и объясняется ничтожное количество наличныхъ денегъ, выносимыхъ ими съ пріисковъ. Золотопромышленникъ Лопатинъ въ своей статьѣ объ енисейскихъ промыслахъ (1871 г.) увѣрялъ, что въ пріисковыхъ складахъ этого округа товары продавались рабочимъ всего на 10% дороже того, во что они обошлись хозяину, но редакція *Извѣстій Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества*, гдѣ была напечатана его статья, отнеслась съ большимъ недовѣріемъ къ этому заявленію. Мы видѣли, что, по собственному показанію Трапезникова и Базилевскаго, барышъ хозяину по операціи съ товарами равнялся въ Олекминскомъ округѣ 17 — 20%, а въ Енисейскомъ округѣ, какъ мы полагаемъ, на основаніи почти совершеннаго равенства цѣнъ съ Олекминскимъ округомъ, при большей дешевизнѣ доставки, барышъ, по крайней мѣрѣ, крупныхъ К°, долженъ былъ быть еще болѣе.

Кромѣ узаконенной эксплуатаціи рабочихъ посредствомъ монопольной продажи изъ пріисковыхъ лавокъ, нѣкоторые золотопромышленники еще тайно эксплуатировали рабочихъ посредствомъ запрещенной продажи вина. По словамъ автора корреспонденціи изъ Енисейской губ., хозяева пріисковъ «торгуютъ, вопреки строгому запрещенію закона, и виномъ, получая по 1 р. с. за стаканчикъ водки и рублей по 5 за бутылку ея». По словамъ другого автора, продажа вина устраивалась иногда такимъ образомъ: «На многихъ пріискахъ,—говоритъ Цвѣтолюбовъ,—есть такъ называемыя харчевки, въ которыхъ избранные отъ хозяевъ и управляющихъ люди тайно торгуютъ запретнымъ на пріискахъ плодомъ—водкою. Тутъ любитель силь-

ныхъ ощущеній можетъ выпить за рубль сер. стаканчикъ водки, а подчасъ приволокнуться за смазливою хозяйкой харчевки. Разумѣется, на эти ухаживанья мужъ-спекулянтъ смотритъ хладнокровно и глазами разсчета. Содержатель пріисковой харчевки заработаетъ въ годъ отъ 200 до 300 и 500 р. сер., доставитъ огромный барышъ патрону и пріобрѣтетъ его милость и расположеніе и на будущее время. Кромѣ того, есть и другой промыселъ у харчевки: сюда еще стекается украденное рабочими на своемъ и на сосѣднихъ пріискахъ золото и скупается содержателями харчевки для ихъ покровителей». На всѣхъ промыслахъ Маріинскаго округа водка, несмотря на запрещеніе, по словамъ г. П—на, продавалась, тайкомъ, и, притомъ, на половину разбавленная водою. Водку продавали и не одни золотопромышленники: козаки, обязанные наблюдать за тѣмъ, чтобы не было тайной торговли на промыслахъ, сами сплошь и рядомъ привозили вино (козака обыскать никто не смѣлъ), и такъ какъ у рабочихъ наличныхъ денегъ на пріискахъ не бывало, то обмѣнивали вино на разныя, забираемыя ими въ хозяйской лавкѣ вещи.

По положенію о частной золотопромышленности (1838 г.), питейныя выставки не дозволялось устраивать около промысловъ ближе 50 верстъ, но въ 1863 г. это разстояніе было сокращено до 20 верстъ. Въ декабрѣ того же года исправл. должн. генералъ-губернатора Восточной Сибири далъ слѣдующее предписаніе енисейскому губернатору: «Нѣкоторыя изъ мѣстныхъ начальствъ, донося мнѣ, что, при дозволеніи питейной продажи въ 20-ти верстномъ разстояніи отъ золотыхъ промысловъ, находящіеся на нихъ рабочіе люди находятъ возможность покупать вино, отчего происходятъ пьянство между рабочими, кражи и другіе безпорядки на промыслахъ, ходатайствуютъ о возстановленіи закона, воспрещающаго продажу вина ближе 50 верстъ отъ пріисковъ; кромѣ того, золотопромышленники Олекминской системы просятъ отдалить по тѣмъ же причинамъ продажу вина отъ резиденціи на 30 верстъ въ ту и другую сторону». Въ виду этого Корсаковъ просилъ енисейскаго губернатора представить свои соображенія относительно продажи вина на резиденціяхъ и вблизи ихъ, а также есть ли надобность къ возстановленіи прежняго закона о продажѣ вина не ближе 50 верстъ отъ золотыхъ промысловъ, и нельзя ли найти другія средства къ устраненію пьянства среди пріисковыхъ рабочихъ. Енисейскій губернаторъ далъ секретное предписаніе горнымъ исправникамъ, въ которомъ, указывая на то, что «весьма многія лица занимаются тайною торговлей виномъ не только на золотыхъ промыслахъ дѣйствующихъ, но и по близости ихъ въ та[illegible]ныхъ мѣстахъ», просилъ горныхъ исправниковъ представить свои мнѣ[illegible] о мѣрахъ къ устраненію этого злоупотребленія. Намъ извѣстенъ отвѣтъ то[illegible]ко исправника южной части Енисейскаго округа въ февралѣ 1864 г. В[illegible]томъ отвѣтѣ горный исправникъ сообщаетъ, что на трехъ дорогахъ, ве[illegible]щихъ на пріиски его округа, находятся кордоны изъ 2 или 3 козаковъ, ко[illegible]рымъ вмѣняется въ обязанность преслѣдовать тайный ввозъ вина, но м[illegible] эта недостаточна, во-первыхъ, потому, что нѣтъ возможности контро-

лировать козаковъ, а, во-вторыхъ, они и не могутъ исполнить возлагаемыя на нихъ обязанности.

„Въ зимнее время, когда производится усиленное движеніе транспортовъ съ тяжестями, доставляемыми на промысла, транспорты эти, заключающіе въ себѣ каждый отъ 10 до 50 и болѣе возовъ, по большей части группируются по нѣсколько вмѣстѣ для ночлеговъ на зимовьяхъ и на кордонахъ и, такимъ образомъ, составляется иногда до 200 и болѣе возовъ. Вода обыкновенно увязываются плотно и тщательно, какъ этого требуетъ перевозка ихъ по таежной дорогѣ. Чтобы при обыскѣ на кордонахъ воза развязывать, во-первыхъ, нужно много времени, много трудовъ, а, во-вторыхъ, пришлось бы стѣснять ввозчиковъ тяжестей, дорого оцѣнивающихъ сохранность клади, защищенной на всю поѣздку старательною упаковкой. Такимъ образомъ, осмотръ возовъ и въ особенности съ сѣномъ козаки успѣваютъ произвести только поверхностно съ помощью желѣзныхъ щуповъ. Въ зимнее время собственно торговцы, занимающіеся тайнымъ ввозомъ на промысла вина для распродажи, появляются лишь изрѣдка. Главный ввозъ вина производится по пути съ ввозомъ какого-нибудь сорта тяжести. Лѣтомъ виноторговцы появляются чаще... Сбытъ вина производится по большей части рабочимъ. Изъ нихъ болѣе склонные къ пьянству платятъ до 3 руб. за бутылку водки и отъ 2 до 5 руб. за бутылку спирту. Случается, что за вино безденежные рабочіе отдаютъ одежду, обувь и товарныя вещи. Существующее между рабочими общее правило скрывать виноторговцевъ служитъ весьма большимъ препятствіемъ къ ихъ преслѣдованію“.

По мнѣнію горнаго исправника, слѣдующія мѣры могутъ повести къ искорененію продажи вина на промыслахъ: 1) ввести подачу винныхъ порцій рабочимъ, хотя бы на ихъ собственный счетъ, если не всякій день, то, по крайней мѣрѣ, 2 или 3 раза въ недѣлю, а для облегченія пріисковымъ управленіямъ пріобрѣтенія вина устроить въ центрѣ промысловъ винный складъ въ 2,000 ведеръ; 2) слѣдуетъ возстановить прежній законъ о томъ, чтобы не было питейныхъ домовъ ближе къ промысламъ 50 верстъ; 3) «необходимо установить законъ, по которому занимающійся тайнымъ ввозомъ и продажею вина на промыслахъ подвергался бы отвѣтственности, подходящей къ отвѣтсвенности контрабандистовъ или корчемниковъ». Но мѣры эти приняты не были.

Тайная продажа вина продолжалась въ большихъ размѣрахъ и во второй половинѣ 60-хъ годовъ. «Въ послѣднее время, — говоритъ Латкинъ (1869 г.),—на сѣверной системѣ Енисейскаго округа «расплодилось очень много спиртовозовъ, т.-е. торговцевъ спиртомъ и водкой; обширность системы и множество дорогъ, въ особенности нынѣ заброшенныхъ, на которыхъ не существуетъ кордоновъ, даютъ большую свободу этой запрещенной торговлѣ, которая приноситъ занимающимся ею значительныя выгоды, почему на промыслахъ пьянство нынѣ» усилилось, «хотя далеко не можетъ сравниться съ тѣмъ, что происходитъ въ жилыхъ мѣстахъ» *).

Кромѣ странствующихъ спиртовозовъ или спиртоносовъ, къ концу 60-хъ годовъ появились и осѣдлые продавцы спирта подъ видомъ арендаторовъ

*) Рецензентъ книги Латкина по этому поводу говоритъ: „Какъ во времена откупа золотопромышленники спаивали рабочихъ своею водкой, такъ и теперь многіе изъ нихъ, „въ то же время, винокуры; не ихъ ли агентовъ подразумѣваетъ г. Латкинъ“, говоря о спиртовозахъ?

покосовъ въ тайгѣ, гдѣ находятся промысла. По оффиціальному свидѣтельству (1870 г.), «хищничеству золота способствуетъ отдача съ торговъ оброчныхъ статей подъ покосы: аферисты снимаютъ эти покосы за такія цѣны, которыхъ они никогда не въ состояніи выручить отъ продажи сѣна; высокія цѣны даются за мѣста, расположенныя около богатыхъ пріисковъ съ большимъ числомъ рабочихъ. Эти съемщики луговъ, подъ предлогомъ выдачи винныхъ порцій своимъ рабочимъ, имѣютъ всегда спиртъ и сбываютъ его рабочимъ; были случаи, что рабочіе входили въ помѣщенія вышеозначенныхъ лицъ совершенно трезвые, а выходили мертвецки пьяные, но уликъ къ обвиненію нѣтъ...; кромѣ вреда отъ пьянства, продажа спирта сопряжена со скупомъ золота, потому что рабочій никогда не имѣетъ при себѣ денегъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ К°, гдѣ за старательское золото, представляемое въ промысловую контору, имъ немедленно уплачиваютъ наличными деньгами) и, слѣдовательно, не имѣетъ чѣмъ расплатиться, кромѣ добытаго имъ золота». Въ 70-хъ годахъ появились такъ называемые придорожные пріиски. Въ спорѣ между золотопромышленниками и посторонними лицами о томъ, кому должны отдаваться въ аренду оброчныя статьи, собственно говоря, шелъ вопросъ лишь о томъ, какъ говорятъ на промыслахъ, чтобы «мыть золото на деревянной бочкѣ», т.-е. заниматься тайнымъ скупомъ золота.

VII.

Болѣзни, леченіе и смертность рабочихъ.

Съ больныхъ рабочихъ, по однимъ договорамъ, золотопромышленники не брали никакой платы за леченіе, по другимъ — дѣлали вычетъ за ихъ содержаніе и лѣкарства *). По договору съ Цыбульскимъ (Маріинск. и Ачинск. окр., 1864 г.), хворать безплатно дозволялось лишь нѣсколько дней; по другимъ контрактамъ, за время болѣзни рабочіе должны были платить отъ 30 до 50 к. въ день. Въ договорахъ Асташева съ общеконтрактными рабочими 60-хъ годовъ то устанавливаются вычеты съ рабочихъ за леченіе, то это условіе опускается, въ договорахъ же съ отрядными рабочими, вскрывавшими торфъ, вычетовъ не полагалось (и иногда еще воспрещалось понуждать артель выполнять работу, падающую на больного). Плату за леченіе назначали въ договорахъ и нѣкоторые другіе золотопромышленники южной части Енисейскаго округа, наприм., К° Бепардаки и Латкина, Логиновъ (1862 г.), К° Щеголевыхъ, Кузнецова и Бунаковыхъ (1860 г.), но по многимъ другимъ контрактамъ за леченіе не взималось никакой платы.

В мартѣ 1865 г. предсѣдательствующій въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири сообщилъ енисейскому губернатору, что «леченіе

*) Во всякомъ случаѣ, жалованья или платы рабочему въ дни болѣзни не полагалось.

рабочихъ по золотымъ промысламъ... производится во всѣхъ промысловыхъ больницахъ безвозмездно, за исключеніемъ 7 пріисковъ южной системы Енисейскаго округа К° Бенардаки, Сидорова и Латкина (состоящихъ подъ управленіемъ почетнаго гражданина Николая Латкина), которая вычитаетъ деньги съ рабочихъ за медикаменты». (Мы видѣли выше, что по общимъ контрактамъ съ рабочими не одна эта К° имѣла право дѣлать такіе вычеты, но, быть можетъ, было не въ обычаѣ пользоваться этимъ правомъ). «Хотя по силѣ 2484 ст. горнаго устава изд. 1857 г. леченіе нанимающихся на частные золотые промыслы рабочихъ людей должно быть ясно обусловливаемо въ договорахъ, т.-е. съ вычетомъ ли изъ платы наемниковъ за пользованіе ихъ въ промысловыхъ больницахъ, или же безъ вычета, но такъ какъ, во-первыхъ, подобнаго вычета на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири никѣмъ изъ гг. золотопромышленниковъ, кромѣ Николая Латкина, дѣлаемо не было; во-вторыхъ, по 1987 и 1992 ст. горнаго же устава, служащіе на казенныхъ заводахъ, а также и рабочіе, принимаются для излеченія въ госпитали, содержимые на счетъ заводовъ, и пользуются лѣкарствами безденежно и, въ-третьихъ, по § 60 Высочайше утвержд. въ 31-й день марта 1861 г. временныхъ правилъ о наймѣ рабочихъ вообще *), подрядчикъ обязанъ содержать больного, требующаго врачебнаго пособія и временнаго призрѣнія въ лазаретѣ, *безъ всякаго вычета изъ условной платы,* то по изложеннымъ основаніямъ слѣдуетъ нынѣ же со стороны начальниковъ губерній и областей Восточной Сибири сдѣлать строгое внушеніе горнымъ исправникамъ, чтобъ устранили безъ всякаго отлагательства вычеты съ рабочихъ за медикаменты..., а городскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобы не свидѣтельствовали подобныхъ договоровъ, заключенныхъ съ рабочими».

На запросъ горнаго исправника южной части Енисейскаго округа управленіе Второпавловскаго пріиска К° Бенардаки и Латкина донесло, что «вычетъ съ рабочихъ *сдѣланъ* за больницу» на основаніи контрактовъ 1862—64 гг., «въ настоящемъ же году подобнаго вычета не производится, также какъ и на будущее время производиться не будетъ». По объясненію управленія, вычетъ за лѣкарства и больницу производился потому, что это допускалось горнымъ уставомъ, къ тому же, условія съ рабочими заключались по взаимному согласію и претензіи съ ихъ стороны на это не было: «Условія, на основаніи которыхъ сдѣланъ вычетъ, засвидѣтельствованныя» въ волостномъ правленіи, «имѣли законную силу и не должны подлежать отмѣнѣ...» «А такъ какъ разсчеты съ возвращеніемъ разсчетныхъ листовъ рабочими послѣ 10 сентября считаются законченными, то управленіе и не находитъ себя обязаннымъ выслать вычтенныя законно, по условіямъ, деньги», какъ этого, очевидно, требовалъ горный исправникъ. Лопатинъ въ своей статьѣ въ *Извѣстіяхъ Сибир. Отдѣла Геогр. Общ.* утверждаетъ, что только на пріискахъ, состоявшихъ подъ управленіемъ

*) Ср. и ст. 58 и 59.

Латкина, вычитались изъ платы рабочихъ расходы на лѣкарства и стоимость содержанія фельдшеровъ, хотя мы видѣли, что такой вычетъ устанавливался договорами со многими золотопромышленниками. «Но теперь,— продолжаетъ Лопатинъ,—и у г. Латкина вездѣ леченіе производится безвозмездно». Не знаемъ, было ли такъ въ дѣйствительности, но, по крайней мѣрѣ, въ договорахъ съ К° Малевинскаго (въ сѣв. части Енисейск. окр.) и послѣ приведеннаго распоряженія Корсакова назначался вычетъ за леченіе.

Однимъ изъ главныхъ антигигіеническихъ условій въ жизни рабочихъ на золотыхъ промыслахъ былъ чрезмѣрный трудъ. Въ контрактахъ обыкновенно различается дѣйствительная болѣзнь отъ уклоненія отъ работы; за послѣднее, какъ мы увидимъ ниже, грозили штрафы и другія кары. Отдыхать нельзя было и въ праздники (если бы даже рабочій пожелалъ пожертвовать возвышеннымъ старательскимъ заработкомъ), такъ какъ старательскій трудъ сдѣлался обязательнымъ. Рабочій, по словамъ Пищикова, «прибѣгаетъ къ другому способу отдыха: говоритъ, что онъ болѣнъ; спросятъ промысловаго фельдшера (почти всегда какого-нибудь поселенца, нанятаго по общему контракту въ число рабочихъ, и очень нерѣдко даже безграмотнаго), тотъ, согласно приказанію хозяина, находитъ его здоровымъ, и бѣднаго рабочаго, вдобавокъ къ его изнуренію, колотятъ хуже, чѣмъ скота» *). Послѣ того, какъ стараніе въ праздники сдѣлалось обязательнымъ, являлась настоятельная необходимость установить льготные дни отдыха, но упоминаній о нихъ мы почти не встрѣчаемъ въ договорахъ съ рабочими. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ 60-хъ годовъ мы встрѣтили всего въ шести установленіе льготныхъ дней, въ большинствѣ случаевъ, по одному дню въ мѣсяцъ, рѣже по 2 дня.

Трудиться рабочимъ на золотыхъ промыслахъ приходилось въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. «Рабочіе,— говоритъ д-ръ Кривошапкинъ,— вдыхая постоянно воздухъ, наполненный твердыми, рѣжущими частицами минеральной пыли, стоятъ постоянно въ мокротѣ, въ дырявой обуви и одеждѣ, потому что, одѣваясь на свой счетъ, они поневолѣ стараются экономить», хотя бы «въ ущербъ здоровью... Рабочіе нерѣдко не раздѣваются не только дни, но и цѣлыя недѣли; непросыхающая обувь... и бѣлье, пропитанное потомъ и грязью, до невозможности разобрать, изъ чего оно сдѣлано», крайне вредны для здоровья. Суровый, негостепріимный климатъ тайги также содѣйствуетъ заболѣваніямъ. «Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ—страданія катарральныя и лихорадки; люди, пришедшіе на пріискъ, въ мартѣ больны уже цынгой, въ апрѣлѣ начинаются чаще ревматизмы, а съ началомъ работъ отъ вдыхаемой минеральной пыли — воспаленіе въ легкихъ и эмфизема. Дожди, если начинаются въ апрѣлѣ, бываютъ особенно холодны...; когда же хорошъ апрѣль, то для работъ гибельны майскіе дожди;

---

*) Нанимались на пріиски и такіе, которые, по слабости и болѣзненности, всей плохо работали; нерѣдко оказывалось, что ихъ заставило наняться волостное пра ніе.

также и осенью, если хорошъ августъ, дождливъ сентябрь, и наоборотъ. Цынга, начавшаяся въ февралѣ и мартѣ, при апрѣльскихъ дождяхъ крайне усиливается. Усиленная работа вызываетъ огромный аппетитъ; наѣвшись съ жадностью, и особенно чернаго хлѣба, рабочій лѣтомъ хочетъ безпрерывно пить, и воду употребляютъ, конечно, самую холодную, прямо изъ ключа, отчего нерѣдки воспаленія желудка; въ обѣденный отдыхъ онъ, усталый, радъ лечь безъ разбору на сырую, мокрую землю, отчего получаетъ лихорадки, поносы и даже кровавые».

Быть можетъ, рабочіе на промыслахъ Витимской системы Забайкальской области находились въ нѣсколько лучшихъ климатическихъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ, въ спеціально-медицинскомъ органѣ мы находимъ указаніе (1866 г.), что «больныхъ на пріискахъ» этого округа «много не бываетъ *); иногда скорбутъ навѣщаетъ пріиски, но это бываетъ весьма рѣдко». Авторъ статьи сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о ходѣ и леченіи этой болѣзни:

„Рабочіе, заболѣвшіе скорбутомъ, „стараются достать пихты, дѣлаютъ отваръ и этимъ отваромъ на ночь обертываютъ себѣ ноги и пьютъ его; отъ страданія десенъ они избавляются дикимъ лукомъ, который ѣдятъ въ огромномъ количествѣ. Къ обѣду, въ свободное отъ работъ время, они набираютъ себѣ стебли и корни дикаго ревеня, который, будучи сваренъ съ мясомъ, даетъ щамъ пріятный, кисловато-горькій и пряный вкусъ. Въ больницу онъ идетъ уже тогда, когда скорбутъ окончательно не даетъ ему возможности работать. Язвъ скорбутныхъ бываетъ очень мало; большею частью показываются сначала прыщи сухіе и весьма часто насаженные на передней части голени; мало-по-малу прыщи эти соединяются въ пятно сине-багроваго цвѣта, и тогда начинается стягиваніе ноги въ колѣнномъ суставѣ; боль въ деснахъ и опухоль появляются уже послѣ. Очень рѣдко на сказанныхъ пятнахъ ногъ начинаетъ приподниматься кожица, образуя какъ бы водяной пузырь, который лопается, и вотъ начало цынготной язвы; она быстро ростетъ въ ширину и въ вышину, если не остановить ея хода приличнымъ леченіемъ... Съ появленіемъ язвъ замѣтно появляется истощеніе силъ больного; водянка здѣсь рѣдко сопровождаетъ скорбутъ... Большею частью скорбутъ бываетъ сопряженъ съ поносомъ, который очень рѣдко уступаетъ леченію, тѣмъ болѣе, что чрезвычайно быстро ослабляетъ организмъ... Ушибы и ушибленныя раны весьма частая вещь на пріискахъ“; число такихъ больныхъ „тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе непривычныхъ къ работѣ людей, такъ называемыхъ первогодковъ“**).

Современная наука доказала, что при сильномъ утомленіи можно посредствомъ кровопусканія временно усилить мышечную дѣятельность: этимъ и объясняется сильное развитіе кровопусканія на пріискахъ, поддерживаемое также и обычаемъ давать послѣ него день отдыха, въ которомъ такъ нуждались рабочіе. Любопытно, что мѣстами пріисковые рабочіе прививали любовь къ кровопусканію и крестьянамъ, съ которыми они входили въ соприкосновеніе на пути, и даже иногда сами превращались въ кровопускателей, если къ тому побуждало ихъ безденежье по возвращеніи съ пріисковъ. «Болѣе энергическій изъ промотавшихся рабочихъ,—говоритъ авторъ статьи

*) Однако, изъ этой же статьи видно, что опухоль въ суставахъ и въ подмышечныхъ железахъ, вслѣдствіе чрезмѣрно утомительной работы, составляетъ явленіе весьма нерѣдкое.

**) *Медицинскій Вѣстникъ* 1866 г., № 7.

о Витимскихъ промыслахъ Забайкальской области,— отточитъ какой-нибудь ножичекъ и начинаетъ практику свою между крестьянами съ кровопусканія, необходимаго, по его увѣренію, осенью для крестьянъ послѣ лѣтнихъ тяжелыхъ работъ. Такъ онъ пускаетъ кровь, смотря по вознагражденію: пускаетъ на 50 к. с., на 25 к., на 12½ к. и на 7 к. крови, но никакъ не менѣе, или, переводя это на крестьянскій общепонятный языкъ, пускаетъ за штофъ, полуштофъ, косушку и шкаликъ водки,— менѣе мѣры нѣтъ, и онъ не можетъ пустить менѣе; болѣе чѣмъ за штофъ онъ тоже не пускаетъ изъ одной руки, потому что для него и этого достаточно на одинъ пріемъ, даже слишкомъ; да и паціентъ едва ли черезъ мѣсяцъ оправится силами послѣ такой операціи. Отъ этого по тракту, ведущему къ промысламъ, можно встрѣтить гораздо болѣе» крестьянъ обоего пола, «страдающихъ анеміей, чѣмъ въ мѣстахъ, лежащихъ поодаль. Мнѣ случалась видѣть,— продолжаетъ авторъ,—очень много печальныхъ случаевъ этого неистоваго кровопусканія изъ-за водки. Такой импровизированный врачъ пускаетъ кровь откуда угодно: изъ руки, по всему ея протяженію, начиная отъ локтевого сустава и кончая кистью руки; точно такъ же онъ поступаетъ и съ ногою. Онъ нисколько не затрудняется метать кровь изъ шеи, висковъ и темени, вслѣдствіе чего очень часто случаются поврежденіе нервовъ лица и сведеніе рукъ и ногъ». Эта картинка вызываетъ на серьезныя размышленія. Этотъ импровизированный кровопускатель является какъ бы олицетвореніемъ золототопромышленности, которая и въ буквальномъ смыслѣ вызывала обильную потерю крови рабочихъ при частыхъ кровопусканіяхъ подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго труда, и эксплуатировала ихъ, не только не давая имъ возможности вынести съ промысловъ значительный заработокъ, но очень часто обременяя ихъ долгами, заставлявшими вновь закабаливать себя, или дѣлая увѣчными, навсегда потерявшими здоровье.

Медицинская часть на пріискахъ была болѣе, чѣмъ въ неудовлетворительномъ положеніи. Извѣстно авторитетное свидѣтельство д-ра Кривошапкина о состояніи енисейскихъ больницъ, въ виду котораго мы можемъ не придавать значенія показаніямъ енисейскихъ губернаторовъ во всеподданнѣйшихъ отчетахъ начала 60-хъ годовъ, что все обстоитъ благополучно. Отмѣтимъ только слѣдующія слова въ отчетѣ за 1863 г.: «больные содержатся исправно, за исключеніемъ больницы, находящейся на Николаевскомъ пріискѣ Безобразова; о приведеніи ея въ удовлетворительное состояніе сдѣлано надлежащее распоряженіе». А, между тѣмъ, этотъ же самый Безобразовъ въ запискѣ, поданной въ 1862 г. Корсакову, выражая негодованіе на то, что въ своемъ оффиціальномъ объявленіи горное отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири требовало (1861 г.), чтобы больныхъ не принуждали на золотыхъ промыслахъ къ работѣ, развязно являлъ: «На пріискахъ южной и сѣверной системы Енисейскаго округа больницы содержатся прекрасно; онѣ снабжены всѣми медицинскими пособіями и за больными хорошій уходъ». Хороша же должна была быть больница самого Безобразова, если на нее обратила вниманіе даже сни-

сходительная сибирская администрація. Впрочемъ, въ отчетѣ за 1865 г. енисейскій губернаторъ нарисовалъ и вообще печальную картину состоянія больницъ на пріискахъ. «Съ постояннымъ упадкомъ золотопромышленности, — говоритъ онъ, — видимо падаютъ и промысловыя больницы; въ нихъ нѣтъ уже той обстановки, какою онѣ отличались во время процвѣтанія промысла; теперь нерѣдко встрѣчаются въ больницахъ неопрятность, полное отсутствіе бѣлья и недостатокъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей. Причина подобнаго явленія та, что въ настоящее время значительныхъ золотопромышленныхъ дѣлъ въ Енисейской губ. почти не осталось, преобладающая же масса мелкихъ золотопромышленниковъ, при совершенномъ недостаткѣ оборотныхъ капиталовъ и веденіи дѣлъ лишь однимъ кредитомъ, поставлена въ необходимость сокращать расходъ до послѣдней крайности». Гораздо печальнѣе то, что и богатыя К° не исполняли, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей относительно рабочихъ въ дѣлѣ медицинской помощи. «Почетный гражданинъ Николай Латкинъ, — продолжаетъ енисейскій губернаторъ,—вынужденный прекратить введенные имъ на состоящихъ въ его распоряженіи нѣсколькихъ промыслахъ К° Бенардаки и на собственномъ пріискѣ вычеты съ рабочихъ за медикаменты..., призналъ излишнимъ приглашать въ истекшемъ году медика для завѣдыванія промысловыми больницами, которыя и оставались безъ должнаго врачебнаго пособія и надзора, несмотря на то, что на промыслахъ сѣверной системы Енисейскаго округа было 4 врача, между тѣмъ, во всѣ предшествующіе годы при другихъ распорядителяхъ К° Бенардаки постоянно имѣла особаго промысловаго медика, болѣе необходимаго, чѣмъ въ другихъ К°, такъ какъ главная группа ея промысловъ расположена по р. Нойбѣ, мѣстности нездоровой и весьма отдаленной, гдѣ въ прошломъ году былъ развитъ въ значительной степени между рабочими тифъ». Послѣ такого оффиціальнаго свидѣтельства о томъ, какъ относился Н. В. Латкинъ къ дѣлу медицинской помощи рабочимъ, мы не можемъ придавать значенія его одобрительному отзыву о пріисковыхъ больницахъ Енисейскаго округа. И Латкинъ, и Лопатинъ очень одобряютъ внѣшнюю обстановку больницъ, которую хвалитъ и Кривошапкинъ, но, къ сожалѣнію, только внѣшностью дѣло и ограничивалось, какъ это видно, между прочимъ, и изъ свидѣтельства врачей 70-хъ годовъ.

Большую пользу, по словамъ Лопатина, принесло разрѣшеніе поступать фельдшерами пріисковой больницы сосланнымъ по политическимъ преступленіямъ полякамъ: «многіе изъ нихъ оказались очень хорошими медиками и фельдшерами» и «занимались очень внимательно», но фельдшера изъ политическихъ ссыльныхъ составляли, все-таки, незначительное меньшинство, а остальные вообще были очень плохи. О врачахъ въ статьѣ, напечатанной въ 1862 г., Кривошапкинъ говоритъ: «Врачи пріисковые завѣдуютъ разомъ множествомъ больницъ и многихъ хозяевъ. Они не назначаются правительствомъ, а нанимаются золотопромышленниками и ихъ управляющими, какъ и всякій другой служащій. Плату получаютъ они и

общимъ жалованьемъ, а по числу рабочихъ людей, по 80 к. съ каждаго. По окончаніи рабочаго сезона, врачъ свободенъ отъ службы и снова надобно хлопотать ему, чтобы наняться на слѣдующую операцію. Судите изъ этого: можетъ ли врачъ имѣть значеніе, выражать свое мнѣніе и предъявлять разныя полезныя для рабочихъ требованія? Очевидно, нѣтъ. За свободомысліе нигдѣ не получишь мѣста» *).

Фельдшера въ контрактахъ, заключаемыхъ ими съ золотопромышленниками, обыкновенно обязывались быть въ безусловномъ послушаніи пріисковому управленію, которое могло смѣнить ихъ всегда по своему желанію, фельдшера же не могли оставить мѣста до истеченія срока контракта.

Въ Западной Сибири смертность не превышала въ 1861 г. нормальной для всей Россіи, а именно умерло отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ 20 чел. (0,7% рабочихъ об. п.). Напротивъ, въ Восточной Сибири смертность была значительно выше той, какая бываетъ въ Россіи для возраста отъ 15 до 50 л. **). Въ 1865 г. умерло на пріискахъ Енисейской губ. 1,3% рабочихъ, въ 1866 г. 1,2%, въ 1867 г. даже 2,2%, въ 1868 г. 1%, въ 1869 г. 1,4%. На промыслахъ всей Восточной Сибири въ 1860 г. умерло отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ 1,2%, въ 1861 г. 0,9%, въ 1862 г. 1%, въ 1863 г. 1,1%.

О количествѣ заболѣвшихъ и процентѣ смертности изъ числа заболѣвшихъ мы свѣдѣній не имѣемъ; только изъ отчета горнаго исправника южной части Енисейскаго окр. за операцію 1865—1866 г. мы знаемъ, что изъ 5,465 чел. об. пола, бывшихъ на пріискахъ, было больныхъ 3,841 чел. (70% рабочихъ); быть можетъ, впрочемъ, въ число заболѣвшихъ включены и пускавшіе себѣ кровь. Изъ числа заболѣвшихъ умерло 2,7%.

Процентъ смертности на пріискахъ понижался еще тѣмъ, что больныхъ рабочихъ нерѣдко разсчитывали до срока. «Если больной рабочій ненадеженъ къ скорому излеченію, — говоритъ авторъ корреспонденціи изъ Красноярска,—то нерѣдко его разсчитываютъ и выгоняютъ съ пріиска съ однимъ проходнымъ видомъ не только безъ денегъ, необходимыхъ на путевое продовольствіе, но еще съ значительнымъ задолжаніемъ золотопро-

---

*) Лазареты промысловъ Маріинскаго окр. находились въ 1861 г. въ завѣдываніи окружнаго врача. Въ Семипалатинской области главный надзоръ за промысловыми больницами имѣлъ медикъ кокбектинскаго военнаго госпиталя. На промыслахъ Енисейскаго округа 1860 г. состояло 7 лекарей, дантистъ и акушерка, а въ 1870 г. было уже только 3 врача (2 въ сѣверной и одинъ въ южной системѣ). Въ Минусинскомъ и Ачинскомъ округахъ въ 1860 г. было 2 врача; въ Канскомъ и Нижнеудинск. (Бирюсинская система) былъ въ 1860 г. временный врачъ, посланный иркутск. губернаторомъ, и только въ 1863 г. былъ приглашенъ постоянный врачъ. Въ Оч. инскомъ округѣ въ 1860 г. было 8 медика; въ Забайкальской области въ Витимской системѣ въ 1863 г. также 3 врача. Число кроватей въ больницахъ намъ извѣстно лишь на промыслахъ южн. ч. Енис. окр. въ 1865—1866 г.: ихъ было 350 на 4465 рабочихъ об. п., т.-е. по одной кровати на 18 чел.

Срав. *Эрисманъ*: „Курсъ гигіены“, т. II, прилож., стр. 61—75.

мышленной конторѣ». Правда, Лопатинъ увѣряетъ, что «разсчитываютъ съ пріисковъ больныхъ съ застарѣлыми хроническими недугами, требующими особаго рода леченія и ухода, и не такихъ, которые заболѣли на пріискѣ, а которые нанялись обманомъ, скрывъ отъ нанимателя свои недуги»; но изъ показаній Кривошапкина и оффиціальныхъ распоряженій 50-хъ годовъ видно, что слова красноярскаго корреспондента совершенно справедливы. «Ихъ высылаютъ,—продолжаетъ Лопатинъ,—потому во-первыхъ, что невозможно требовать, чтобы пріискъ обратился въ общественную богадѣльню (!), а, во-вторыхъ, потому, что больнымъ легче выбраться изъ тайги въ теплое лѣтнее время, нежели осенью». Напротивъ, Кривошапкинъ требовалъ, чтобы золотопромышленникамъ не было дозволено «разсчитывать съ пріисковъ всякаго, заболѣвшаго хроническою болѣзнью, и пускать на произволъ судьбы».

Золотопромышленники старались въ контрактахъ сложить съ себя отвѣтственность за несчастные случаи съ рабочими. Корсаковъ, исправлявшій должность генералъ-губернатора Восточной Сибири, замѣтивъ изъ отчетовъ горныхъ исправниковъ Енисейскаго округа за 1860 г., что, несмотря на многія подтвержденія о принятіи мѣръ къ предупрежденію несчастныхъ случаевъ при веденіи работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, случаи эти, часто стоющіе жизни рабочимъ людямъ, не прекращаются, поручилъ горному ревизору этого округа составить правила о производствѣ работъ съ изложеніемъ необходимыхъ предосторожностей. Правила эти были имъ составлены, и слѣдить за ихъ исполненіемъ было поручено горнымъ исправникамъ, которые должны были о результатахъ слѣдствія немедленно представлять въ судебныя мѣста, а эти послѣднія—назначать законныя взысканія съ виновныхъ въ слабомъ надзорѣ за производствомъ работъ.

Какъ мало человѣколюбія обнаруживали золотопромышленники относительно увѣчныхъ рабочихъ, видно изъ слѣдующихъ словъ есаула Озерова въ донесеніи (1861 г.) Корсакову: «Замѣчено мною, что нѣкоторыя К° (Енис. окр.) не только что не обезпечиваютъ рабочихъ, совершенно потерявшихъ здоровье и получившихъ увѣчье на пріискахъ, всѣмъ необходимымъ для существованія или хотя бы для прибытія къ мѣсту жительства, но часто даже записываютъ долги въ ихъ паспорты» *). Безпомощность такихъ рабочихъ видна и изъ слѣдующихъ словъ И. Латкина: «Желательно и даже совершенно необходимо золотопромышленникамъ основать хотя небольшой денежный фондъ для вспомоществованія впавшимъ по какимъ-либо причинамъ въ безпомощное состояніе рабочимъ, какъ-то вслѣдствіе значительныхъ ушибовъ и искалѣченія во время работъ».

---

*) Въ дѣлахъ богатой компаніи Малевинскаго мы нашли нѣсколько подписокъ, данныхъ въ началѣ сентября 1868 г., гдѣ рабочіе заявляютъ, что, находясь на излеченіи въ промысловой больницѣ, вслѣдствіе полученнаго по несчастному случаю перелома той или другой ноги, въ настоящее время сросшагося, они продолжать леченія не хотятъ, „добровольно“ желаютъ отправиться на свое мѣстожительство, и такъ какъ увѣчье получено ими по ихъ неосторожности, то „никакой претензіи“ къ компаніи Малевинскаго они не имѣютъ. Ни о какомъ вознагражденіи рабочимъ въ этихъ подпискахъ нѣтъ и рѣчи.

VIII.

Тѣлесныя наказанія.—Денежные штрафы.—Похищеніе золота рабочими. — Пріисковая администрація.

Въ контрактахъ 60-хъ годовъ рабочіе, какъ и въ прежніе годы, обязывались вести себя «добропорядочно», «благопристойно», слушаться управляющихъ, прикащиковъ, смотрителей, штейгеровъ и нарядчиковъ, не пьянствовать, въ карты, кости, орлянку и другія азартныя игры не играть, не грубить, не упрямствовать, не вступать въ драку, самовольно (или безъ письменнаго дозволенія) съ пріиска никуда не отлучаться, съ ворами и подозрительными людьми связи не имѣть, постороннихъ людей безъ вѣдома управляющаго и особенно безъ письменныхъ видовъ къ себѣ не принимать и въ своемъ помѣщеніи не держать, а также они обязывались наблюдать другъ за другомъ и о всемъ недозволенномъ доводить до свѣдѣнія управляющаго. Въ нѣкоторыхъ договорахъ, за несоблюденіе ихъ, рабочимъ грозила отвѣтственность по суду, а за причиненные этимъ убытки они должны были отвѣчать своею собственностью; въ другихъ упоминалось объ исправительномъ наказаніи.

Впрочемъ, сами золотопромышленники даютъ одобрительные отзывы о поведеніи рабочихъ: по словамъ Скарятина, они «ведутъ себя на пріискѣ не только не хуже, но, напротивъ, лучше, чѣмъ въ деревняхъ и городахъ. Случается, конечно, что рабочій успѣвалъ достать водки и на пріискѣ, но это рѣшительное исключеніе, нисколько не относящееся до массы рабочихъ... Понятно, что они на пріискѣ гораздо смирнѣе, чѣмъ вблизи кабаковъ».

Переходя къ вопросу о наказаніяхъ рабочихъ на пріискахъ въ 60-хъ годахъ, мы, прежде всего, остановимся на тѣлесныхъ наказаніяхъ. Несмотря на несомнѣнное существованіе жестокихъ расправъ съ рабочими, мы имѣемъ о нихъ мало современныхъ свидѣтельствъ. Обыкновенно мы узнаемъ о нихъ, такъ сказать, заднимъ числомъ изъ болѣе позднихъ показаній, когда объ этихъ жестокостяхъ говорятъ уже, какъ о явленіяхъ, если не вполнѣ исчезнувшихъ, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени потерявшихъ свою прежнюю интензивность. То же повторяется и въ 60-е годы, когда писатели конца этого десятилѣтія говорятъ о крутыхъ нравахъ самаго недавняго прошлаго, несомнѣнно свидѣтельствуя такимъ образомъ о томъ, что, по крайней мѣрѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ суровыя традиціи предшествующей эпохи еще сохраняли, особенно на промыслахъ нѣкоторыхъ К°, свою силу и значеніе. Обратимъ, прежде всего, вниманіе на нананіе о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ договорахъ съ рабочими этой си.

По контракту съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.), за уклоненіе отъ ры и самовольную отлучку съ пріиска рабочему, сверхъ вычета за пробные дни, грозило «полицейское исправленіе при артели»; за дурное еденіе, пьянство, грубость и проч. управленіе имѣло право подвергать

виновныхъ «законнымъ исправительнымъ наказаніямъ». Когда въ договорѣ не упоминается объ артельной расправѣ, очевидно, предпочитали обращаться къ горному исправнику. И дѣйствительно, по договору съ Лавровскою того же года, вовсе не упоминается объ артельной расправѣ, а за уклоненіе отъ работы и небрежность грозитъ штрафъ или «полицейское исправленіе», на основаніи 2502 и 2538 ст. горнаго устава *). По договору съ томскимъ золотопромышленникомъ Шитиковымъ (1868 г.), за сношенія съ жителями селъ и деревень безъ разрѣшенія хозяина рабочіе «подвергали себя» полицейскому исправленію или вычету изъ жалованья.

Въ контрактахъ южной части Енисейскаго округа также нерѣдко встрѣчаемъ упоминанія о тѣлесныхъ наказаніяхъ, а именно въ общихъ контрактахъ съ К° Бенардаки и Сидорова (1860 г.) за уклоненіе отъ работъ и небрежность въ ней (также въ договорахъ съ Лопатинымъ 1862 г., Даниловымъ 1863 г. и Асташевымъ 1862 г.), по договору съ Логиновымъ (1862 г.)—за дурное поведеніе, игру въ карты и кости, наконецъ, за неповиновеніе въ работѣ—по договорамъ съ Безобразовымъ (1862 и 1864 гг.), съ Бенардаки (1870 г.), съ Поповымъ (1868 г.): во всѣхъ этихъ договорахъ опредѣлялось или «исправительное наказаніе», «домашнее исправленіе» по приговору артельной расправы или полицейское исправленіе, подъ которымъ разумѣлось наказаніе иногда по усмотрѣнію горнаго исправника, а иногда по приговору артельной расправы. Гораздо рѣже встрѣчается упоминаніе о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ договорахъ съ отрядными рабочими.

Въ договорѣ съ Цыбульскимъ (Ачин. и Минус. окр. 1864 г.) сказано: «Согласно 2397 ст. VII тома *Горнаго устава* (изд. 1842 г.) **), должны мы составлять артели, выбрать въ каждой по 2 выборныхъ, а со стороны управляющихъ и становыхъ прикащиковъ имѣетъ быть назначенъ артельный староста, который (sic!) по силѣ 2396 ст. за проступки наши, лѣность и вообще дурное поведеніе можетъ насъ наказывать. Но если предоставленныя мѣры на исправленіе не будутъ достигать цѣли или будутъ превышать его власть, то о таковыхъ долженъ вести свой журналъ, на случай представленія его горному исправнику на зависящее распоряженіе». Г. Вагинъ въ своей извѣстной статьѣ приводитъ подобное же условіе изъ болѣе ранняго договора Цыбульскаго, но въ нѣсколько иномъ видѣ. По этому послѣднему договору старостѣ (со ссылкою на 2396 ст.) предоставлялось наказывать рабочихъ за проступки, лѣность и дурное поведеніе, выборные же должны были завѣдывать артелями, производить разбирательство, а въ случаѣ поноровки своимъ артельщикамъ, староста, «если предоставленная ему мѣра исправленія не будетъ достигать цѣли или превы

*) Второю изъ этихъ статей предоставляется исправнику право подвергать рабочихъ „полицейскому исправленію“ за дурное поведеніе и друг. проступки, а 2502 ст. хозяину, недовольному рѣшеніемъ артельной расправы, разрѣшается жаловаться на ея рѣшеніе горному исправнику.

**) Соотвѣтственныя ст. въ изд. 1857 г.: 2500—2502.

шаетъ его власть», обязанъ вести о таковыхъ свой журналъ и представлять его горному исправнику на зависящее распоряженіе. По поводу этого условія Вагинъ говоритъ:

„К° Ц. (Цыбульскаго), включивъ въ свой договоръ правила объ артеляхъ, сдѣлала ссылку на ст. свода законовъ—и очень не кстати. Въ этихъ статьяхъ... дѣйствительно говорится объ учрежденіи артели, но совсѣмъ противное тому, что сказано въ договорѣ. По точному смыслу ихъ, староста и выборные должны составлять артельную расправу, и этой расправѣ, коллегіальному учрежденію, предоставлено разбирать поступки рабочихъ и подвергать ихъ взысканіямъ. Это—ничто иное, какъ сельскія расправы государственныхъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ. Законъ придаетъ этому правильно организованному суду такую важность, что совершенно освобождаетъ его отъ вліянія хозяина. Послѣдній, въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе расправы, можетъ, какъ и рабочіе, жаловаться горному исправнику или ревизору (смотря по роду дѣлъ), но не имѣетъ права самъ отмѣнять рѣшенія (ст. 2502). По договору (Цыбульскаго) значеніе расправы совершенно уничтожено. Право разбирать проступки предоставлено не всей расправѣ, а каждому изъ выборныхъ особо; право наказывать за проступки—опять не всей расправѣ, а лично старостѣ. Отдѣливъ разбирательство отъ наказанія, договоръ, однакожь, не поставляетъ точныхъ границъ между ними и запутывается во фразахъ. Такимъ образомъ, на мѣсто правильнаго коллегіальнаго суда, предписаннаго закономъ, договоръ ставитъ личный произволъ старосты или выборныхъ (въ редакціи 1864 г. этого договора — одного старосты). Кромѣ того, неизвѣстно, на чемъ основано условіе, что артельный староста обязанъ записывать въ книгу и представлять горному исправнику о проступкахъ тѣхъ рабочихъ, надъ которыми недѣйствительны исправительныя мѣры, или проступки которыхъ превышаютъ власть старостъ (т.-е. расправы). Проступки, подлежащіе вѣдѣнію артельной расправы, всегда разбираются ею, а до прочихъ проступковъ ей, а слѣдовательно и старостѣ нѣтъ никакого дѣла“ *).

Что постановленія контрактовъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ не оставались мертвою буквой, видно изъ современныхъ свидѣтельствъ. «Необходимо обратить вниманіе,—писалъ И. Латкинъ въ 1862 г.,—и на нравственную сторону быта рабочихъ, такъ какъ обращеніе съ рабочими на промыслахъ должно было бы смягчиться, что уже въ послѣднее время значительно подвинулось впередъ, и *столь частыя въ прежнее время потасовки, побои и тѣлесное наказаніе* уступили теперь мѣсто болѣе кроткому и человѣколюбивому обращенію». Однако, И. Латкинъ не скрываетъ, что «всѣ эти грустныя сцены экзекуціи рабочихъ повторяются изрѣдка», выражая при этомъ желаніе, чтобы «онѣ вовсе вывелись изъ употребленія, а въ особенности, чтобы промысловые прикащики какъ можно меньше давали бы волю своему языку, столь щедрому на крѣпкія выраженія, и своимъ рукамъ, столь нѣкогда щедрымъ на расправу, а болѣе входили бы въ нужды и интересы рабочаго». Впрочемъ, авторъ одной статьи о сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, напечатанной годомъ позже замѣтки И. Латкина, говоритъ о зуботычинахъ и ударахъ нагайкою на нѣкоторыхъ пріискахъ не въ прошломъ, а въ настоящемъ времени.

Одна изъ экзекуцій, произведенная, къ тому же, надъ несовершеннолѣтнимъ рабочимъ на пріискѣ Безобразова (сѣв. ч. Енис. окр. въ 1862 г.),

*) Журн. 1860 г., № 34.

возмутила даже мѣстнаго горнаго исправника. 16-ти лѣтній крестьянскій мальчикъ Быдаевъ бѣжалъ съ пріиска Безобразова съ другимъ рабочимъ, вслѣдствіе «тяжкихъ изнурительныхъ работъ» (слова исправника). Оба бѣжавшіе были пойманы и присланы къ исправнику съ пріисковымъ казакомъ «опухшими, въ болѣзненномъ состояніи». Исправникъ распорядился отправить ихъ къ управляющему золотыми пріисками Безобразова, инженеръ-технологу Степанову, съ приказаніемъ помѣстить ихъ въ пріисковую больницу, а по выздоровленіи наказать розгами не болѣе 50-ти ударовъ. При этомъ исправникъ приказалъ Степанову справиться, дѣйствительно ли Быдаевъ несовершеннолѣтній, какъ онъ заявилъ при разспросѣ, и если это окажется справедливымъ, то освободить его отъ опредѣленнаго закономъ наказанія и, какъ несовершеннолѣтняго, разсчитать, такъ какъ, на основаніи законовъ гражданскихъ (ст. 228 и 2285) *), онъ не имѣлъ права заключать контракта для поступленія въ промысловыя работы. Между тѣмъ, Степановъ велѣлъ, въ присутствіи казака, вытащить этихъ двухъ рабочихъ изъ телѣги и затѣмъ (очевидно, безъ всякаго участія артельной расправы) одного изъ нихъ «наказалъ до такой степени, что этотъ послѣдній самъ не въ силахъ былъ подняться, и его унесли на рукахъ въ больницу»; Степановъ не исполнилъ и другого требованія исправника: не разсчиталъ малолѣтняго и продержалъ его на работахъ до ихъ окончанія **).

По словамъ И. Латкина (1862 г.), «грустныя сцены экзекуціи рабочихъ» сдѣлались рѣдкими на пріискахъ; но повѣрить этому намъ мѣшаетъ свидѣтельство Н. В. Латкина, который въ своей книгѣ о промыслахъ Енисейскаго округа 1869 г. говоритъ: «Въ прежнее время, лѣтъ 6—7 тому назадъ (слѣдовательно, именно въ началѣ 60-хъ годовъ), *во многихъ К° обращались съ рабочими не совсѣмъ гуманно, чтобы не сказать болѣе, и наказывали ихъ часто и иногда даже жестоко,* но нынѣ, благодаря Бога и уничтоженію тѣлеснаго наказанія, все это повывелось, хотя кое-гдѣ и обращаются *еще съ рабочими не совсѣмъ ласково* (?!), но теперь, кажется, всѣ уже сознали, что рабочій, хотя и поселенецъ, все же человѣкъ». Однако, въ другомъ мѣстѣ авторъ долженъ былъ выразиться точнѣе, а именно, что тѣлесныя наказанія не вывелись (къ концу 60-хъ годовъ), а только «выводятся изъ употребленія», рабочіе подвергаются имъ, но «*не иначе*, какъ по распоряженію исправника или по суду артельной расправы, но это случается не часто». Изъ этихъ словъ ясно, что прежде

*) „Дѣтей малолѣтнихъ (ниже 17 лѣтъ) хотя и могутъ отцы и матери отдавать въ легкую работу, какъ-то: въ пастушество и тому подобное, и составлять за нихъ условія, но не иначе, какъ съ дозволенія у сибирскихъ обывателей волостного правленія... и то не болѣе, какъ на одинъ годъ... Кто приметъ таковыхъ въ работу безъ дозволенія начальства, тотъ въ случаѣ неустойки теряетъ искъ и право, а по возрастѣ малолѣтняго подвергается, по жалобѣ его, и взысканію по законамъ“ (*Св. Зак* изд. 1857 г., т. X, ч. I, стр. 2285).

**) Несмотря на то, что фактъ этотъ, благодаря донесенію исправника Чайковскаго, дошелъ до свѣдѣнія совѣта главнаго управленія Восточной Сибири, изъ дѣла не видно, чтобы онъ вызвалъ какія-нибудь непріятныя послѣдствія для Степанова.

пріисковыя управленія не находили нужнымъ всегда обращаться къ артельной расправѣ или содѣйствію горнаго исправника, а считали возможнымъ расправляться съ рабочими такъ, какъ, наприм., инженеръ-технологъ Степановъ, управляющій Безобразова, въ 1862 г. Рецензентъ книги Латкина, по поводу его словъ о тѣлесномъ наказаніи, замѣчаетъ: «напрасно г. Латкинъ ссылается на указъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія... поселенцы... до сихъ поръ подлежатъ тѣлесному наказанію». «Заболѣвшему рабочему рѣдко повѣрятъ съ перваго разу; бывали случаи, что больныхъ сѣкли за мнимую лѣность». Енисейскій золотопромышленникъ Лопатинъ въ своемъ возраженіи на эту рецензію говоритъ: «сѣкли ли больныхъ за мнимую лѣность? Мы слыхали, что сѣкли лѣнтяевъ за мнимую болѣзнь,— впрочемъ, мало ли что бывало въ давно прошедшее время». Такъ какъ различеніе больныхъ и уклоняющихся отъ работъ производилось какимъ-нибудь невѣжественнымъ фельдшеромъ, то слова Лопатина лишь подтверждаютъ показанія рецензента книги Латкина, а этотъ послѣдній свидѣтельствуетъ, что тѣлесныя наказанія практиковались еще въ концѣ 60-хъ годовъ, а не въ «давно прошедшее время»; слышать же о тѣлесныхъ наказаніяхъ Лопатину было тѣмъ легче, что онъ не только бывалъ на своихъ промыслахъ въ южной части Енисейскаго округа, но и въ его собственномъ договорѣ съ рабочими (1862 г.), и, притомъ, не съ общеконтрактными, положеніе которыхъ было вообще хуже, а съ плотниками, упоминается о томъ, что за уклоненіе отъ работъ и оставленіе ихъ ранѣе срока рабочіе, сверхъ вычета, должны были подвергаться «полицейскому исправленію или артельной расправѣ».

Кромѣ тѣлесныхъ наказаній, были и другія исправительныя мѣры: такъ, на промыслахъ Маріинскаго округа—«козачья», т.-е. землянка, служившая тюрьмою для пріисковыхъ рабочихъ. Кромѣ того, на золотыхъ промыслахъ Маріинскаго округа существовалъ обычай, въ предупрежденіе побѣга, сбривать подозрительному человѣку волосы съ половины головы, чтобы легче было поймать его, если онъ уйдетъ.

Отъ кулачной расправы и разныхъ истязаній плохо защищали тѣ пункты контрактовъ, которые включались въ нихъ съ этою цѣлью и которыми золотопромышленники обыкновенно обязывались обходиться съ рабочими «безъ обиды и притѣсненія, человѣколюбиво», не причиняя имъ «самовольно тяжкихъ побоевъ или какихъ-либо жестокостей, здоровью вредныхъ». Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ договорахъ это обязательство выражалось формулой, указывающей уже не на столь суровые нравы, когда не допускались лишь тяжкіе побои и вредныя для здоровья жестокости. Н[е]которыя пріисковыя управленія обязывались обходиться съ рабочими ч[е]ловѣколюбиво и добросовѣстно или «безъ обиды и притѣсненія, не под[в]ая ихъ накакимъ несправедливымъ взысканіямъ».

[Е]сли не во всякомъ общемъ контрактѣ 60-хъ годовъ мы находимъ у[п]оминаніе о «домашнемъ» или «полицейскомъ исправленіи», т.-е. тѣлес[н]ыхъ наказаніи, то непремѣнно въ каждомъ устанавливаются штрафы или

вычеты за какія-либо провинности рабочихъ, почти всегда за уклоненіе отъ работы, а иной разъ за неявку, разбрасываніе хлѣба и т. п. По договору съ Лавровскою (Мар. окр. 1864 г.), за несвоевременную явку на работу, за уклоненіе отъ нея подъ предлогомъ болѣзни и въ особенности за самовольную отлучку съ пріиска пріисковое управленіе могло *сверхъ* «полицейскаго исправленія при артели» вычитать съ рабочихъ по 2 р. за каждый прогульный день. По другому договору съ тою же золотопромышленницей, за несвоевременный выходъ на работу и оставленіе ея виновные подвергались штрафу—за каждый недоработанный часъ по 50 к., за полдня—2 р. и за цѣлый день—3 р., а «за непротирку песковъ при малѣйшемъ знакѣ золота въ отвозѣ, какъ бы за золотникъ»—по 4 р. *или* виновные подвергаются полицейскому исправленію. Размѣръ штрафа съ общеконтрактныхъ рабочихъ за прогульные дни—отъ 50 к. до 3 руб. въ день. Вычеты или штрафы назначались и по договорамъ съ отрядными рабочими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вычеты производились не деньгами, а убавленіемъ изъ счета рабочихъ дней. Такой вычетъ, разумѣется, въ расчетныхъ книгахъ и листахъ замѣтить невозможно; денежные штрафы также могли записываться подъ видомъ выдачи рабочимъ денегъ, но иной разъ они прямо записывались на приходъ.

Въ нѣкоторыхъ договорахъ упоминается еще о переводѣ виновныхъ въ видѣ наказанія на другую работу съ уменьшенною платой. Такъ, наприм., мастеровымъ грозилъ переводъ на горную работу или пріисковому управленію предоставлялось право перевести нерадивыхъ рабочихъ на другую работу съ выдачею одной мѣсячной платы (3 р. 15 к.). Въ нѣкоторыхъ договорахъ пріисковому управленію предоставлялось нанять на счетъ виновныхъ другихъ рабочихъ, иногда рабочіе отвѣчали въ этомъ случаѣ даже всѣмъ своимъ имуществомъ. Самымъ тяжелымъ для рабочаго наказаніемъ былъ разсчетъ его до срока, такъ какъ онъ могъ и не найти тогда мѣста на другихъ пріискахъ и сплошь и рядомъ долженъ былъ возвращаться домой совершенно безъ денегъ.

Въ нѣкоторыхъ контрактахъ упоминается объ отвѣтственности рабочихъ и по суду, въ случаѣ самовольнаго прекращенія работъ ранѣе условленнаго срока по общему сговору.

Въ числѣ преступленій на золотыхъ промыслахъ, особенно сурово караемыхъ закономъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ кража золота рабочими, причемъ сплошь и рядомъ истинные виновники такихъ кражъ,—хозяева, торгующіе виномъ и обмѣнивающіе его на золото,—безнаказанно продолжали свой промыселъ, между тѣмъ какъ уличенные въ немъ рабочіе подвергались за него тяжелому наказанію. «Я лично зналъ,—говоритъ г. Цвѣтолюбовъ,—одного управляющаго, который виномъ (по 5 р. бутылка) до того увлекалъ рабочихъ къ воровству золота, что сосѣдніе пріиски были кругомъ обворованы. Знали это и мѣстныя власти, но, задобренныя плутомъ, молчали, были слѣпы и глухи. По милости этого управляющаго три или четыре человѣка въ теченіе года были наказаны шпицрутенами и

сосланы на каторжную работу. Говорятъ, дерзость его доходила до того, что онъ свободно записывалъ краденое золото къ книги въ число добытаго на старательскихъ работахъ въ праздники. О томъ, что сами золотопромышленники покровительствовали кражѣ золота, свидѣтельствуютъ и другія лица какъ въ печати, такъ и въ запискахъ, представленныхъ въ министерство финансовъ. По уложенію о наказаніяхъ, за кражу золота при добываніи и промывкѣ песковъ, а также за участіе подговоромъ или содѣйствіемъ въ похищеніи этихъ металловъ виновные подвергались лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири; если же они по закону не изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, то и наказанію плетьми отъ 20 до 30 ударовъ (*Св. Зак.* т. XV изд. 1857 г., ст. 22, 642, 652). Съ уничтоженіемъ плетей для не лишенныхъ правъ состоянія наказаніе смягчилось, но ссыльные поселенцы должны были подлежать ему попрежнему. За утайку золота въ урочную рабочую пору, съ намѣреніемъ выдать его за добытое во время старательской работы, виновные подвергаются: въ первый разъ (по приговорамъ мѣстныхъ земскихъ судовъ) наказанію розгами отъ 20 до 30 ударовъ; во второй (по приговорамъ военныхъ судовъ) отъ 30 до 40 ударовъ съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства; въ третій разъ они приговаривались къ наказанію какъ за кражу золота. Къ счастью для рабочихъ, похищеніе золота рѣдко раскрывалось.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, хищеніе золота было сильно развито и нѣсколько дополняло скудный заработокъ рабочихъ. Авторъ статьи о промыслахъ Томской губ. (1870 г.) говоритъ: «Воруетъ золото всякій, кто можетъ: воруетъ рабочій, если онъ настолько зорокъ, что увидитъ крупную золотину на лопатѣ при накладываніи песку въ таратайку; воруетъ машинистъ при осмотрѣ хода машины во время промывки; воруетъ прикащикъ при... съемкѣ съ машины золота; воруетъ промывальщикъ при пусканіи шлиховыхъ песковъ, и нужно имѣть самую тщательную наблюдательность, навыкъ и знаніе всевозможныхъ утонченныхъ способовъ воровства, чтобы слѣдить за похитителями и ловить ихъ на мѣстѣ преступленія. Иногда случается, что рабочаго поймаютъ въ моментъ воровства; не видя другого выхода, онъ проглатываетъ золотину, если она не очень велика. Тогда его запираютъ въ отдѣльную комнату и возвращаютъ потерю».

Рабочіе Маріинской тайги сбывали краденое золото въ селѣ Тисюлѣ, а стремленіе продавать его на сторону поддерживалось тою низкою платой, которую золотопромышленники давали рабочимъ за старательское и подъемное золото. Скупщики золота въ свою очередь также всячески старались [illegible]уть рабочихъ.

Похищеніе золота производилось въ немалыхъ размѣрахъ и на енисейскихъ промыслахъ. Въ 1869 г. въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* помѣщены [illegible]и замѣтки объ этихъ промыслахъ, и въ нихъ указывалось, что тамъ [illegible]ти открыто производится торговля виномъ, а вслѣдствіе этого усили[illegible]ь и кража золота. На запросъ генералъ-губернатора Восточной Сибири

Корсакова, обратившаго вниманіе на эту корреспонденцію, исправникъ южной части Енисейскаго округа отвѣчалъ, что «тотъ, кто захочетъ украсть золото, всегда можетъ это сдѣлать», такъ какъ усмотрѣть за рабочими «нѣтъ никакой возможности». Въ томъ же году енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ замѣтилъ, что хищничеству золота способствуетъ отдача съ торговъ оброчныхъ статей подъ покосы. Латкинъ также свидѣтельствуетъ, что тайная торговля золотомъ на енисейскихъ промыслахъ была очень развита. Одну изъ причинъ этого онъ видитъ въ усиленіи работъ такъ называемыхъ «вольно-старателей» или «золотничниковъ». Впрочемъ, по словамъ Латкина, въ старые годы тайная торговля золотомъ была еще сильнѣе (этимъ, быть можетъ, и объясняются разсказы о громадныхъ заработкахъ рабочихъ въ прежнее время), уменьшеніе же ея произошло отъ обѣднѣнія промысловъ. «Золото провозится и проносится рабочими, спиртовозами и сбывается татарамъ или евреямъ по выходѣ рабочихъ изъ тайги; не безгрѣшны въ этомъ отношеніи и русскіе торговцы въ жилыхъ мѣстахъ и въ самомъ г. Енисейскѣ». О роли въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ хозяевъ пріисковъ Латкинъ умалчиваетъ.

Какое значительное количество золота рабочіе могли иногда выносить съ промысловъ, видно изъ того, что въ 1869 г. у находившагося въ работѣ на пріискахъ Прибрежно-Витимской К° поселенца, при обыскѣ на Бодайбинской резиденціи, во время выхода рабочихъ было найдено золото въ самородкахъ до 3 ф. 20 золотн. Въ этомъ же году урядникъ, сопровождая рабочихъ съ витимскихъ промысловъ, нашелъ дорогою свертокъ съ шлиховымъ золотомъ, вѣсомъ въ 2 ф. 4 зол. Подобные случаи были, вѣроятно, весьма рѣдки, но вынести съ пріисковъ извѣстное количество золотниковъ могли многіе рабочіе. Такъ, наприм., въ 1869 г. у одного рабочаго уже обѣднѣвшей въ то время енисейской тайги (южной ея части) нашли 45 золотн. золота. Въ 40-е годы такіе случаи въ енисейской тайгѣ должны были быть гораздо чаще, чѣмъ, вѣроятно, и объясняются преданія о громадныхъ заработкахъ рабочихъ въ это время, которыхъ мы вовсе не находимъ при изученіи разсчетныхъ книгъ.

Относительно представителей пріисковой правительственной администраціи и въ печати, и въ запискахъ, присланныхъ въ министерство финансовъ, мы встрѣчаемъ очень много неблагопріятныхъ отзывовъ. По словамъ Цвѣтолюбова, они почти ничего не дѣлаютъ, а только «пьютъ, ѣдятъ и проч.; имъ платятъ усердно, кормятъ и доставляютъ все необходимое для жизни,—они знать ничего не хотятъ», не заботятся о нуждахъ рабочихъ. Скарятинъ также съ большимъ раздраженіемъ говоритъ о дѣйствіяхъ пріисковой администраціи, о «поголовной подати», о «разъѣздахъ съ пріиск. на пріискъ на 20 — 30 лошадяхъ (въ самое горячее время работъ), н только съ семьей», но даже и съ оркестромъ музыкантовъ, о крупны взяткахъ. Многіе указывали на ненадобность для пріисковъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ, находя, что они только увеличиваютъ такъ называемы экстраординарные расходы золотопромышленниковъ. «Да и можно ли тре

бовать чего-либо отъ этихъ офицеровъ, — говоритъ Пищиковъ, — они на пріиски пріѣзжаютъ одинъ разъ въ годъ, и то на какихъ-нибудь полчаса: у него округа его разъѣздовъ простирается на нѣсколько тысячъ верстъ (какъ въ Енисейской губ.), доступныхъ къ проѣзду только въ 3 лѣтнихъ мѣсяца. Что представили эти господа правительству къ усовершенствованію управленія промыслами? Вглядѣлись ли они въ дѣйствія золотопромышленниковъ? Дознали ли они, отчего побѣги увеличились и кто тутъ виноватъ? Разсмотрѣли ли они пріисковыя работы, выходящія изъ всякаго вѣроятія тяжести?» Разумѣется, жандармскіе офицеры совершенно не отвѣчали этимъ серьезнымъ требованіямъ, но, благодаря тому, что они были болѣе независимы отъ золотопромышленниковъ, чѣмъ горные исправники, они, все-таки, чаще, чѣмъ эти послѣдніе, сообщали неблагопріятные факты относительно дѣйствій того или другого пріисковаго управленія. О горныхъ исправникахъ авторъ записки, представленной въ министерство финансовъ въ 1861 г., говоритъ, что права ихъ необходимо ограничить, а, главное, слѣдуетъ ограничить тотъ произволъ, который теперь господствуетъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. «По настоящему положенію, лицо это самовластно въ своихъ распоряженіяхъ. Онъ самъ собою творитъ судъ и расправу, самъ назначаетъ, по своему усмотрѣнію, слѣдствія».

Эти свидѣтельства показываютъ, что отъ мѣстной администраціи рабочимъ трудно было ждать защиты, и если какой-либо исправникъ и начиналъ за нихъ вступаться, то иной разъ это могло дѣлаться въ пику не угодившему ему золотопромышленнику.

Такъ, канскій купецъ Пестуновъ въ поданной въ министерство финансовъ запискѣ, между прочимъ, жаловался, что горный исправникъ и его помощникъ „очень тяжелы нынѣшнимъ золотопромышленникамъ“. Горный исправникъ Б. и его помощникъ, которыхъ золотопромышленники содержали на свой счетъ, „сами назначаютъ себѣ, кому и сколько чего нужно: расписываютъ всѣ припасы и продукты по числу народа“, находящагося на промыслахъ. „Во-первыхъ, подаютъ на промыслы раскладку жалованья и содержанія людямъ, находящимся у нихъ въ прислугахъ и тоже данныхъ имъ отъ промысловъ, а у каждаго изъ нихъ бываетъ прислугъ отъ 12 до 15 чел., какъ-то: кучера, дроворубы, садовники, караульные, лакеи, кормилицы, горничныя, няньки, стряпки, прачки, повара, птичницы, коровницы и проч., и каждому изъ прислугъ назначаютъ по 15 р. сер. въ мѣсяцъ, — разумѣется, все это на счетъ К°, а имъ платятъ не болѣе, какъ по 7 руб. Потомъ точно такая же раскладка начинается на припасы: у кого 250 чел., то (золотопромышленникъ) долженъ доставить: мяса 20 пуд., муки 30 п., овса 30 п., сахару 1 п., чаю фамильнаго 3 ф., кирпичнаго 3 кирпича, масла скоромнаго 1 п., свѣчъ сальныхъ $1^1/_2$ п., крупы, муки пшеничной, соли, мыла, сѣна — 80 п., для дровъ по 100 бревенъ и деньгами отъ 1 р. до $1^1/_2$ р. съ человѣка, и это все должно доставлять непремѣнно, чтобъ избѣжать непріятностей и притѣсненія... Случилось на одномъ пріискѣ, что почему-то не было доставлено припасовъ, когда исправникъ находился въ отпуску“. Возвратившись, онъ, если вѣрить Пестунову, „началъ притѣснять пріискъ и управляющаго въ распорядкахъ и распоряженіяхъ, принимать несправедливыя жалобы, назначалъ выписку вещей изъ амбара, не справясь о томъ, долженъ ли рабочій, или нѣтъ, даже не вѣрилъ словамъ своего помощника, урядника изъ козаковъ, который находится на пріискѣ, назначалъ часы для работъ рабочихъ, несмотря на то, что они всѣ находятся на уркахъ, а оканчивать велѣлъ въ 7 час., — это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ

1862 г. Изъ такого его распоряженія, наконецъ, вышло то, что рабочіе стали слишкомъ худо и лѣниво работать: до пріѣзда его къ 8 час. вечера недоработки оставалось у рабочихъ не болѣе, какъ 2 урока изъ 10-ти *), а послѣ... его распоряженія изъ 80 чел. урочниковъ на 10 уркахъ недоработки оставалось по 8 урковъ, даже часто рабочіе самовольно уходили съ работъ", не слушая прикащика, „а если онъ начиналъ что говорить, то его начинали ругать, замахиваться на него и даже драться, и это все было" (будто бы) „исправникомъ допущено, съ угрозою каждому прикащику, съ удаленіемъ съ пріиска и съ запрещеніемъ принимать на другіе пріиски. Заставилъ фельдшера принимать ихъ въ больницу, несмотря на то, болѣнъ ли онъ, или нѣтъ, а если пришелъ въ больницу, то значитъ болѣнъ, и ихъ оказывалось каждый день изъ 100 чел. по 20 больныхъ... Хотя исправникъ, — продолжаетъ Пестуновъ, — и получилъ по раскладкѣ своей всѣ припасы за прошедшій и настоящій годъ, но дѣла отъ этого не поправились и онъ, все-таки, продолжаетъ дѣлать свое".

Каковы бы ни были побужденія описываемаго исправника, защита имъ рабочихъ была, во всякомъ случаѣ, явленіемъ исключительнымъ. Это признаетъ и Пестуновъ, утверждая, что «и на прочихъ системахъ частныхъ промысловъ происходитъ то же самое» (т.-е. взимаются исправникомъ тѣ же поборы), «исключая только тѣхъ вредныхъ безпорядковъ, которые производитъ горный исправникъ Б. въ отношеніи... рабочихъ». Вообще рабочимъ нечего было и думать жаловаться на золотопромышленниковъ, во-первыхъ, потому, что пріисковая администрація была ими закуплена, а, во-вторыхъ, потому, что многіе пріиски, лежащіе вдали отъ большого пріисковаго тракта, по цѣлымъ годамъ не посѣщались начальствомъ.

IX.

Побѣги и волненія рабочихъ.

Вѣроятно, въ виду сознанія своей безпомощности, рабочіе рѣдко рѣшались на протестъ, и почти единственнымъ средствомъ выразить свое неудовольствіе пріисковыми порядками были побѣги съ пріисковъ. Печать начала 60-хъ годовъ старалась разъяснить истинныя причины этого явленія. Пищиковъ въ своей статьѣ указывалъ на то, что причинами побѣговъ являются изнурительная работа и «вѣчно не зарабатываемый долгъ рабочихъ». Даже Скарятинъ признавалъ, что «если рабочій не обиженъ, содержится хорошо, *стараніе* положено удовлетворительное, такъ что у рабочаго есть надежда скоро отработать долгъ и получить деньги на руки, то онъ не бѣжитъ; напротивъ того, если всѣ эти условія не соблюдены..., то никакіе Юпитеры съ синими околышками, никакія цѣпи козаковъ не помогаютъ» **). Скарятинъ поясняетъ, въ какое время года бываютъ рѣже и когда чаще побѣги. «Побѣги рѣдки весною, когда обнаженный лѣсъ и

*) Значитъ, 20% рабочихъ не кончали урока къ 8 час. Это доказываетъ, какъ тяжелы были уроки.

**) „Я знаю случай,— говоритъ Скарятинъ,— что изъ 300 рабочихъ бѣжало въ какія-нибудь 2 недѣли 80. И бѣжали у такого золотопромышленника, съ которымъ таежные чиновники были въ самыхъ наидружественнѣйшихъ отношеніяхъ, а, слѣдовательно, готовы были принять самыя *рѣшительныя* мѣры къ прекращенію побѣговъ".

еще покрытыя снѣгомъ горы не даютъ надежнаго убѣжища бродягѣ, а скованныя льдомъ рѣки не помогаютъ бѣгству; тогда легко настичь бѣглаго на лыжахъ, да и видно кругомъ, слѣдъ остается, а по снѣгу безъ дороги, безъ лыжъ далеко не уйдешь». «Побѣги сильны въ первой половинѣ лѣта, когда рабочій еще не отработалъ денегъ, забранныхъ въ задатокъ, когда онъ состоитъ еще въ долгу золотопромышленнику»; но они «почти вовсе прекращаются во второй половинѣ лѣта; тутъ бѣжать ужь не разсчетъ, бѣжитъ развѣ какой шальной или такой, которому бродяжество..., вслѣдствіе долголѣтней привычки, вошло въ плоть и кровь...; бѣжитъ иногда еще и такой, который по болѣзни или другимъ причинамъ не умѣлъ отработать долга. Во второй половинѣ лѣта большинство рабочихъ уже отработали не только задатокъ, полученный при наемкѣ, но и заборъ одежды, табаку, чаю и проч., и, слѣдовательно, рабочій видитъ заманчивое полученіе денегъ на руки къ 10 сентября, когда кончаются работы на всѣхъ пріискахъ». Нужно замѣтить, что даже Скарятинъ протестовалъ противъ слишкомъ суровыхъ мѣръ для прекращенія побѣговъ. «Находятся и такіе господа, — говоритъ онъ, — которые предлагаютъ судить военнымъ судомъ за побѣги съ пріиска. Побѣги эти дѣйствительно наносятъ золотому промыслу весьма значительный ущербъ, но противъ этого зла надо искать спасенія не въ военномъ судѣ надъ бѣглецами, а въ такихъ мѣрахъ, которыя устранятъ общіе недостатки нашего законодательства по неисполненію договоровъ и обязательствъ». Съ послѣднимъ указаніемъ Скарятина согласиться нельзя: дѣло, конечно, не въ законахъ, гарантирующихъ исполненіе договоровъ и обязательствъ, а въ общемъ строѣ пріисковыхъ работъ.

Ив. Латкинъ въ своей статьѣ о причинахъ побѣговъ съ промысловъ Восточной Сибири приписываетъ ихъ частью желанію рабочихъ уклониться отъ исполненія договора и ихъ страсти къ бродяжничеству, частью же недостаткамъ пріисковаго строя, въ числѣ которыхъ онъ называетъ «чрезмѣрное увеличеніе задатковъ» (?), «значительное уменьшеніе заработковъ на нѣкоторыхъ пріискахъ (авторъ, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду Енисейскій округъ), не вполнѣ удовлетворительную пищу, наемъ хилыхъ, увѣчныхъ и пожилыхъ рабочихъ и, наконецъ, тяжелыя, утомительныя работы, иногда продолжающіяся на нѣкоторыхъ промыслахъ до 17 час. въ сутки». Наконецъ, авторъ жалуется и на бездѣйствіе полицейскихъ и волостныхъ властей. По мнѣнію Н. В. Латкина, «побѣги рабочихъ бываютъ *чаще всего* или отъ дурного обращенія съ ними, или отъ ничтожности вознагражденія за работу, въ особенности при трудныхъ работахъ»; и лишь въ числѣ другихъ причинъ онъ указываетъ на «нравственныя свойства самихъ рабочихъ» и на бездѣйствіе волостныхъ правленій. А, между тѣмъ, тотъ же Н. Латкинъ въ запискѣ, поданной въ министерство финансовъ въ 18 г., указывалъ, какъ на главную причину побѣговъ, на «лѣность, привычку къ бродячей и беззаботной жизни и тунеядство рабочихъ» (а отчасти и на огромныя подати, взимаемыя съ рабочихъ волостными правле-

ніями и доходящими до 40 р. съ работника). Такимъ образомъ, въ печати золотопромышленники стѣснялись бранить рабочихъ такъ, какъ это они дѣлали въ запискахъ, подаваемыхъ въ правительственныя учрежденія, а должны были указывать и на печальныя стороны въ ихъ жизни.

Золотопромышленники были очень недовольны установленіемъ болѣе легкихъ взысканій за побѣги по распоряженію министра государственныхъ имуществъ и нерѣдко доводили свои претензіи по этому поводу до свѣдѣнія начальства. Главное управленіе Восточной Сибири лѣтомъ 1861 года постановило: «подвергнуть внимательному разсмотрѣнію» вопросъ «объ устраненіи или пресѣченіи побѣговъ съ пріисковъ рабочихъ, такъ какъ эти побѣги значительно увеличились въ послѣднее время» *), по объясненію золотопромышленниковъ, «отъ слабости дисциплинарнаго взысканія», опредѣленнаго за побѣги министерствомъ государственныхъ имуществъ въ концѣ 1858 г. Въ докладѣ, представленномъ вслѣдствіе этого Корсакову въ январѣ 1862 г. II-мъ отдѣленіемъ главнаго управленія Восточной Сибири, мы находимъ весьма гуманныя воззрѣнія: «Въ послѣднее время доказано, что тѣлесное наказаніе ни къ чему не служитъ и не согласно съ человѣческимъ достоинствомъ. Въ побѣгахъ рабочихъ съ пріисковъ, если въ этомъ нѣтъ бродяжества, является только гражданскій проступокъ, нарушеніе самовольно договора, а за подобное преступленіе справедливымъ представляется только понужденіе къ исполненію договора, а отнюдь не наказаніе тѣлесное, ведущее еще въ большему нарушенію». Далѣе въ докладѣ указывалось на то, что жалобы золотопромышленниковъ на увеличеніе побѣговъ, вслѣдствіе смягченія наказаній за нихъ, не подтверждены никакими убѣдительными доказательствами, а, между тѣмъ, наказаніе «вовсе не такъ слабо, какъ кажется: оно восходитъ для крестьянина до 50 ударовъ, а для ссыльнаго до 100 ударовъ розгами». Въ докладѣ указывались далѣе слѣдующія причины побѣговъ: «а) большіе задатки при наймѣ, соединенномъ, притомъ, съ разными пакостями, и покупка, по произвольнымъ цѣнамъ, одежды рабочими на пріискахъ у хозяевъ при началѣ работъ»; забравъ, такимъ образомъ, плату почти за все время работъ, рабочіе весьма тяготятся ими; б) непомѣрныя работы съ 4 час. утра до 11 веч., что при маломъ отдыхѣ совершенно обезсиливаетъ рабочаго; в) нерѣдко строгость хозяевъ, управляющихъ и прикащиковъ съ рабочими; г) нерѣдко скудость пищи и д) невозможность, при договорѣ, перехода рабочаго на другой пріискъ, въ случаѣ нежеланія его остаться почему-либо у прежняго своего хозяина», вслѣдствіе чего хозяева «совершенно не обращаютъ вниманія на положеніе рабочихъ. Изъ любви же и привычки къ бродяжеству... едва ли рабочіе бѣгутъ: это одна общая всѣхъ золотопромышленниковъ отговорка, ни на чемъ не основанная. Ужели бѣглецъ не знаетъ, что его ожидаетъ наказаніе, бѣжать же по привычкѣ къ розгамъ или плетямъ, коихъ безъ побѣга нельзя получить, едва ли мыслимо и вѣроятно сколько-нибудь». По резолю ціи

*) Мы увидимъ ниже, въ какой степени это справедливо.

Корсакова, докладъ этотъ былъ препровожденъ въ горное отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири, и, вѣроятно, результатомъ его было собираніе въ 1862 г. свѣдѣній о числѣ бѣжавшихъ рабочихъ и количествѣ оставшихся за ними долговъ, которыми (относительно южной части Енисейскаго округа) мы воспользуемся ниже.

Такимъ образомъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, при обсужденіи вопроса о побѣгахъ пріисковыхъ рабочихъ, была высказана мысль, что побѣгъ есть только «гражданскій проступокъ»; отсюда естественно было сдѣлать выводъ, что нарушеніе рабочими договора съ нанимателемъ должно влечь за собою лишь гражданскую отвѣтственность: такое мнѣніе и высказывалось иногда въ печати; мы встрѣчаемъ его также въ постановленіи совѣта общаго губернскаго управленія Енисейской губ. въ 1862 г., по поводу представленія красноярскаго земскаго суда о высылкѣ пойманныхъ бѣглыхъ рабочихъ на пріиски, въ которомъ совѣтъ призналъ побѣгъ рабочихъ вопросомъ гражданскго права и (на основаніи 2228 ст., I ч., X т.) постановилъ, что обратная высылка рабочихъ на пріиски можетъ быть допускаема лишь въ томъ случаѣ, когда условіе объ этомъ будетъ включено въ договоръ и когда исполненія этого пункта контракта потребуетъ наниматель *). Это постановленіе очень взволновало енисейскихъ золотопромышленниковъ, и въ январѣ 1863 г. они подали губернатору докладную записку, въ которой старались доказать, что распоряженіе енисейскаго губернскаго совѣта противно законамъ и грозитъ весьма опасными послѣдствіями. Но, «прежде чѣмъ обжаловать превышеніе власти и вредъ, наносимый мнѣніемъ совѣта общаго губернскаго управленія», енисейскіе золотопромышленники обращались къ губернатору въ надеждѣ, что онъ «отстранитъ гибельныя послѣдствія сдѣланнаго распоряженія» **).

Нѣсколько ранѣе представленія этой записки енисейскому губернатору, а именно въ августѣ 1862 года, управляющій пріисками Безобразовыхъ (сѣв. ч. Енис. окр.) Степановъ послалъ ему же жалобу на то, что мѣстный горный исправникъ отказывается принимать явки о бѣглыхъ, дѣлая на нихъ надписи, что, вслѣдствіе непредставленія промысловымъ управленіемъ кормовыхъ денегъ на продовольствіе при пересылкѣ бѣжавшихъ, какъ этого, по словамъ исправника, требовалъ указъ енисейскаго губернскаго правленія 23 марта 1862 г., донесенія возвращаются промысловому управленію безъ исполненія. Степановъ выражалъ сомнѣніе, правильно ли понялъ исправникъ указъ губернскаго правленія. Въ 1866 г. совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири сообщилъ, что проектированныя енисейскимъ губернскимъ совѣтомъ правила о кормовыхъ деньгахъ при пересылкѣ бѣжавшихъ съ промысловъ могутъ быть введены не иначе, какъ по утверж-

*) Подобное же мнѣніе высказано было О. Квистомъ и Е. Энгельгардтомъ въ 9 г. въ коммиссіи по разсмотрѣнію проекта устава о частной золотопромышленности.

**) Въ числѣ золотопромышленниковъ, подписавшихъ эту записку, мы находимъ имена Кузнецова, Григорова, А. Шепетковскаго, М. Сидорова, П. Родственнаго и др.

деніи ихъ законодательнымъ порядкомъ. Горный исправникъ сѣверной части Енисейскаго округа Трапезниковъ предлагалъ, чтобы волостныя правленія отдавали бѣжавшихъ съ промысловъ и явившихся въ мѣста жительства на общественныя работы и затѣмъ спрашивали золотопромышленниковъ, желаютъ ли они возвращенія имъ бѣжавшихъ или же полученія выданныхъ въ задатокъ денегъ изъ заработка на общественныхъ работахъ. Наконецъ, енисейскій губернскій совѣтъ предлагалъ предоставить золотопромышленникамъ право требовать высылки бѣжавшихъ рабочихъ на ту же или слѣдующую операцію и вошелъ объ этомъ съ представленіемъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибири.

Толкованіе побѣга рабочихъ, какъ нарушенія лишь гражданскаго договора, къ сожалѣнію, не было осуществлено тогда на практикѣ, и рабочихъ не только попрежнему возвращали на пріискъ, но еще и подвергали за побѣгъ тѣлесному наказанію. «Прежде за побѣги съ промысловъ, — говоритъ Н. В. Латкинъ,—наказывали жестоко, доходило дѣло до плетей; нынѣ же это отмѣнено, и дѣло ограничивается высылкою рабочаго обратно на промыслы, для отработки компаніи долга, и полицейскимъ взысканіемъ». Впрочемъ, нѣсколько позднѣе, если вѣрить Лопатину, тѣлесное наказаніе рабочихъ за побѣгъ (на енисейскихъ промыслахъ) прекратилось. «Теперь,— писалъ этотъ золотопромышленникъ въ началѣ 70-хъ годовъ, — рабочаго за побѣги съ пріиска даже не наказываютъ, а высылаютъ обратно или ограничиваются взысканіемъ оставшагося за нимъ долга. Судъ признаетъ въ побѣгѣ одно только неисполненіе контракта, но, — продолжаетъ Лопатинъ, — подобный взглядъ мы находимъ не вполнѣ справедливымъ, потому что каждый бѣжавшій уноситъ съ собою забранныя у хозяина и неотработанныя деньги и вещи, слѣдовательно, кромѣ неисполненія контракта, совершаетъ обманъ и захватъ (?) чужой собственности».

Мы видѣли, что въ началѣ 60-хъ годовъ золотопромышленники Восточной Сибири нерѣдко жаловались на увеличеніе побѣговъ, вслѣдствіе смягченія за нихъ наказанія. Изъ ниже приведенныхъ цифръ видно, что увеличеніе побѣговъ въ Восточной Сибири было вовсе не настолько значительно, какъ это можно было бы подумать на основаніи жалобъ владѣльцевъ промысловъ.

Съ промысловъ всей Восточной Сибири въ 1860 г. бѣжало 5,8% рабочихъ, изъ нихъ поймано 25%; въ 1861 г. бѣжало 4,9%, поймано 29% бѣжавшихъ; въ 1862 и 1863 гг. бѣжало 3,8%, изъ нихъ поймано 29 и 31%; въ 1864 г. бѣжало 4,3%, поймано 17% бѣжавшихъ; въ 1869 г. бѣжало 4,9%, изъ нихъ поймано 19%. Въ 50-хъ годахъ съ промысловъ Восточной Сибири обыкновенно бѣжало отъ 3,5 до 4% рабочихъ, слѣдовательно, количество побѣговъ увеличилось, но весьма немного. Если мы возьмемъ данныя относительно промысловъ одной Енисейской губерніи, то окажется, что количество бѣжавшихъ съ промысловъ въ 60-хъ годахъ колебалось между 3,4 и 4,9%, а въ 50 годахъ между 2 и 4,8%; средній процентъ бѣжавшихъ съ енисейскихъ промысловъ въ 50-хъ годахъ за

лѣтъ равняется 2,9%, а въ 60-хъ годахъ за 7 лѣтъ—4,2%. Съ пріисковъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ и съ промысловъ Забайкальской области бѣжало въ 1860 г. съ первыхъ 5,8%, со вторыхъ 7%; въ 1861 г. съ тѣхъ и другихъ 6,8%; но затѣмъ побѣги съ Олекминскаго округа значительно уменьшаются: въ 1862 г. съ этихъ промысловъ бѣжало 2,2%, а съ забайкальскихъ 5,5%, въ 1869 г. съ первыхъ 3,7%, со вторыхъ 6%. На нѣкоторыхъ отдѣльныхъ промыслахъ число бѣжавшихъ значительно превышало среднюю норму. Въ 1861 г. самое большое число бѣжавшихъ въ Олекминскомъ округѣ было на пріискахъ Прибрежно-ленской К° (почти 27%), что, по словамъ мѣстнаго жандармскаго офицера, объясняется «невниманіемъ къ рабочимъ со стороны управленія»; напротивъ, у Базилевскаго на пріискахъ Спасскомъ и Нижне-Иннокентьевскомъ не было за этотъ годъ ни одного бѣжавшаго. Въ слѣдующемъ году болѣе всего бѣжало съ Ленскаго пріиска, арендуемаго Катышевцевымъ и Шмотинымъ (почти 7%); жандармскій офицеръ объясняетъ это «тяжелыми работами по каменному грунту». Въ 1861 г. въ Забайкальской области въ Чикойской системѣ съ пріисковъ К° Кандинскаго бѣжало 19% и на Витимской системѣ на пріискѣ Герасимовой—23%, что жандармскій офицеръ объяснилъ недостаткомъ внимательности къ рабочимъ и отчасти близкимъ разстояніемъ пріисковъ отъ жилыхъ мѣстъ. Въ слѣдующемъ году въ Чикойской системѣ болѣе всего бѣжало съ Иннокентьевскаго пріиска Нѣмчинова (12% рабочихъ).

Въ Енисейскомъ округѣ побѣги съ разныхъ промысловъ были, разумѣется, также неодинаковы. Ив. Латкинъ въ своей статьѣ (1862 г.) говоритъ: «Въ настоящее время есть много пріисковъ, откуда рабочіе не бѣгаютъ и куда на работы они нанимаются изъ года въ годъ каждое лѣто. Такъ, на пріискахъ Лопатина, Родственнаго, Зотовыхъ, Григорова, Шепетковскаго и друг., сколько мнѣ извѣстно, за послѣдніе 3—4 года процентъ побѣговъ не достигалъ и 2% всей команды, а въ этихъ К° работали и работаютъ ежегодно болѣе 4,500 чел. Но нельзя умолчать, что, въ то же время, въ нѣкоторыхъ К° побѣги достигали отъ 7 до 10%. Эти К° по большей части, кромѣ одной, принадлежали къ болѣе мелкимъ фирмамъ и несутъ сами первое наказаніе за свое неразуміе и безтактность, лишившись въ нужное время значительнаго числа рукъ, и принуждены были нанимать болѣе дорогихъ рабочихъ, а вдобавокъ еще потеряли значительныя суммы за бѣжавшими, которыя они уже не вернутъ ни въ какомъ случаѣ» *). И. В. Латкинъ въ своей книгѣ (составленной въ 1867 г. и напечатанной въ 1869 г.) говоритъ, что «побѣги рабочихъ съ промысловъ сѣверной системы въ настоящее время, сравнительно съ предъидущими недавними годами, уменьшились, въ особенности, когда въ К° Б. (Бенардаки) обращеніе сдѣлалось гуманнѣе. Въ прежнее, даже недавнее время они были довольно

---

*) Изъ донесеній пріисковыхъ управленій видно, что въ операцію 1861—62 г. въ южной части Енисейскаго округа на Николаевскомъ и Модестовскомъ пріискахъ барона Корфа и Базилевскаго бѣжало болѣе 9% рабочихъ, на Иннокентіе-Громовскомъ Акимова 11% и на промыслахъ Логинова 12%.

сильны. Такъ, въ 1864 г. въ К° Б. бѣжало чуть не $^1/_8$ часть всей рабочей команды изъ 800 челов.; немного менѣе они были и въ нѣкоторыхъ другихъ К°; вообще можно принять цифру побѣговъ въ прежнее время до 5%, но съ улучшеніемъ быта рабочихъ за послѣднее время они стали замѣтно уменьшаться и теперь врядъ ли достигаютъ болѣе 2% всей рабочей команды въ общей сложности». Напротивъ, въ южной системѣ Латкинъ находитъ увеличеніе побѣговъ; онъ говоритъ, что они были тамъ особенно «поразительно велики» въ 1866 г. «и доходили до небывалой цифры 300 ч., т.-е. 7%». Но изъ отчета горнаго исправника южной части Енисейскаго округа за операцію 1865—66 г. оказывается, что тогда бѣжало даже 406 рабочихъ, а такъ какъ всѣхъ рабочихъ обоего пола исправникъ считалъ тамъ 6,465, то бѣжавшихъ было 6,3% всего числа. Н. В. Латкинъ, подобно Ив. Латкину, указываетъ на незначительность (до 2%) побѣговъ въ К° Лопатина, Шепетковскаго и Родственнаго (умалчивая о Григоровѣ и Зотовыхъ); «за то,— по его словамъ,—съ промысловъ Герасимова, Крутовскаго, Поротова, Исаева и др. бѣжало отъ 10 до 12%». Мы не имѣемъ отдѣльныхъ данныхъ о числѣ бѣжавшихъ съ сѣверной и южн. системъ Енисейскаго округа съ 1864 г., но общій процентъ бѣжавшихъ съ промысловъ всей Енисейской губерніи мало измѣняется въ теченіе 60-хъ годовъ.

Если побѣги съ пріисковъ не были явленіемъ рѣдкимъ, то, наоборотъ, волненія рабочихъ на промыслахъ, какъ и въ предъидущее десятилѣтіе, почти не было: какъ мы уже знаемъ, долготерпѣніе и добродушіе рабочихъ было весьма велико. Вотъ какой былъ случай въ Маріинскомъ округѣ. Одинъ золотопромышленникъ поручилъ управленіе своими промыслами знающему пріисковое дѣло мѣщанину. Среди рабочихъ уже давно былъ ропотъ противъ этого управляющаго, деспотически распоряжавшагося какъ простымъ народомъ, такъ и мелкими служащими, между тѣмъ, хозяинъ полагалъ, что на пріискѣ существуютъ самые гуманные порядки. Выраженія неудовольствія противъ управляющаго немедленно подавлялись, а, между тѣмъ, онъ до 70 чел. отвлекалъ отъ пріисковыхъ работъ на свои собственныя и вообще съ полнымъ произволомъ распоряжался средствами хозяина; кончилось тѣмъ, что золота было намыто менѣе, чѣмъ предполагалось по смѣтѣ, и недостало денегъ на расплату съ рабочими. Еще за мѣсяцъ, предвидя это, рабочіе оставили разрѣзы, пришли толпой къ конторѣ, сложили инструменты и объявили, что болѣе работать не будутъ. Хозяинъ и управляющій заперлись и выслали къ толпѣ конторщика, который указывалъ имъ на контрактъ и на обязательство работать до 10 сентября; но толпа не слушала и требовала разсчета или выдачи головой управляющаго. Офицеръ, находившійся въ это время въ гостяхъ у хозяина, зазвалъ въ комнату вожаковъ рабочихъ и ударилъ одного изъ нихъ; тотъ пожаловался товарищамъ, и толпа двинулась къ дому, требуя выдачи управляющаго и грозя раскатать по бревну домъ золотопромышленника. Снова вышелъ офицеръ и предложилъ рабочимъ составить списокъ ихъ претензій на хозяина, обѣщая отвезти его въ городъ и представить губернатору. Рабочіе согла-

лись, отмѣтили въ спискѣ противъ каждаго имени, сколько считаютъ долгу за хозяиномъ, и разошлись. Разрѣзы опустѣли, шумъ промывальныхъ машинъ затихъ, и рабочіе лежали у своихъ избушекъ. Черезъ нѣсколько дней они рѣшили не дожидаться расплаты, махнули рукой на пропажу денегъ и ушли съ пріиска, на которомъ остались, однако, около 50 рабочихъ: это были люди, работавшіе у хозяина до 10 лѣтъ сряду и не желавшіе оставить его; они даже собрали въ складчину 100 р. и принесли золотопромышленнику, полагая въ простотѣ души, что у него нѣтъ денегъ, чтобы выѣхать въ Томскъ и хлопотать тамъ о поправленіи своего дѣла *).

Лопатинъ въ своей статьѣ о рабочихъ на енисейскихъ промыслахъ утверждаетъ, что, кромѣ волненія 1842 г., никто не слыхалъ тамъ ни о какихъ бунтахъ; если вѣрить ему, не было даже коллективныхъ протестовъ, а только «случаи упорства или непослушанія отдѣльныхъ рабочихъ».

Относительно забайкальскихъ пріисковъ намъ извѣстенъ случай коллективнаго протеста 45 рабочихъ на золотыхъ промыслахъ Переяславцевой, Витимскаго округа, осенью 1868 г. При производствѣ слѣдствія, 30 рабочихъ, задержанныхъ въ Тарбогатайской волости, которыхъ пріисковое управленіе считало наиболѣе виновными, показали слѣдующее. Работая на промыслахъ Переяславцевой лѣтомъ 1868 г., они разсчитывали, что наняты до 10 сентября, какъ обыкновенно нанимались прежде всѣ рабочіе на витимскіе промысла (довѣренный, нанимавшій ихъ на работу, контрактовъ имъ не прочелъ). 10 сентября всѣ рабочіе (526 чел.) были собраны управляющимъ Горстомъ и уволены съ пріиска, а имъ, 45 чел., велѣно было оставаться на работахъ до 1 ноября, и только тутъ они узнали, что этотъ срокъ назначенъ въ ихъ контрактѣ. Командиръ витимскаго козачьяго отряда уговаривалъ ихъ остаться, а управляющій пріискомъ Горстъ обѣщалъ, что послѣ 1 ноября, когда они будутъ возвращаться домой, для продовольствія ихъ при проходѣ тайгою приготовятъ сухари въ двухъ мѣстахъ, а въ случаѣ ненастной и холодной погоды, ихъ имущество и больныхъ отвезутъ на пріисковыхъ лошадяхъ, и, кому будетъ нужно, дадутъ теплую одежду до резиденціи въ деревнѣ Поперечной (на большой дорогѣ изъ Верхнеудинска въ Читу). Рабочіе соглашались остаться на этихъ условіяхъ до 1 ноября, но требовали, чтобы управляющій далъ имъ въ томъ письменное обязательство, а Горстъ отъ этого отказался. Тогда рабочіе, не надѣясь на исполненіе обязательства, зная, какъ далекъ и труденъ путь тайгою до жилого мѣста и особенно опасаясь холодной и ненастной погоды, не согласились долѣе остаться на пріискѣ и, получивъ отъ промысловаго управленія сухари, ушли, не производя никакихъ безпорядковъ. Урядникъ и двое козаковъ, бывшіе на пріискѣ Переяславцевой, подтвердили это показаніе рабочихъ; они прибавили только, что, когда отрядный командиръ, послѣ ихъ отказа остаться на пріискѣ, арестовалъ двоихъ изъ нихъ, болѣе другихъ горившихъ, то они вырвались, ушли въ казармы и остальные рабочіе,

*) *Русское Слово* 1861 г., № 6, стр. 6—7.

загородивъ входъ, «угрожали отбиваться стягами». Довдя объ этомъ до свѣдѣнія предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, производившій слѣдствіе чиновникъ Ѳедоровъ прибавилъ, что состоявшіе подъ надзоромъ въ Тарбогатайской волости 30 чел. жили тамъ у разныхъ крестьянъ безплатно, въ надеждѣ получить заработокъ съ пріиска Переяславцевой, но, по сношенію съ горнымъ исправникомъ Витимской системы, выяснилось, что эти рабочіе не только не получатъ денегъ съ управленія пріисковъ Переяславцевой, но еще на нихъ «можетъ пасть взысканіе убытковъ, понесенныхъ пріискомъ чрезъ самовольную ихъ отлучку» (значитъ, условія въ контрактахъ о взысканіи убытковъ съ рабочихъ въ случаѣ оставленіи ими работы не оставались вовсе безъ примѣненія). По полученіи этого отвѣта, Ѳедоровъ и мѣстный засѣдатель совѣтовали рабочимъ наняться на винокуренный заводъ, гдѣ имъ предлагали плату по 15 р. въ мѣсяцъ, а плотникамъ по 25 р., но они отказались, заявивъ, что у нихъ нѣтъ теплой одежды. Между тѣмъ, мѣстные крестьяне не соглашались долѣе безплатно кормить ихъ, и рабочимъ приказано было пропитываться сельскими работами, но тѣ и отъ этого отказались, заявивъ, что если ихъ считаютъ виновными въ самовольной отлучкѣ, то они предпочитаютъ сидѣть въ острогѣ, чѣмъ заниматься мѣстными работами (нужно помнить, что у нихъ не было теплой одежды). Мы не знаемъ дальнѣйшаго хода этого дѣла, но оно должно было тянуться еще долго послѣ донесенія Ѳедорова (3 дек. 1868 г.) о выше изложенномъ, такъ какъ предстоялъ допросъ нанимавшихъ рабочихъ довѣренныхъ, мѣстожительство которыхъ было неизвѣстно пріисковому управленію.

Вотъ одно изъ весьма скромныхъ столкновеній рабочихъ съ пріисковымъ управленіемъ: тутъ нѣтъ бунта, нѣтъ усмиренія военною силой, но 45 человѣкъ, введенные въ заблужденіе довѣреннымъ или нанявшіеся, не читая контракта, лишаются заработка за все лѣто и принуждены томиться въ чужомъ мѣстѣ, быть можетъ, далеко отъ родины, безъ копѣйки денегъ и даже безъ теплой одежды.

X.

Заработки рабочихъ.—Заборъ до разсчета, „ходача“ и долги рабочихъ.—Отработка долга.—Разсчетъ съ рабочими.

Заработки пріисковыхъ рабочихъ въ 50-хъ годахъ уменьшились сравнительно съ 40-ми годами; въ 60-хъ годахъ мы встрѣчаемъ указанія на то же явленіе относительно енисейскихъ промысловъ. И. Латкинъ говоритъ о промыслахъ Енисейскаго округа, что заработки рабочихъ «значительно противъ прежняго уменьшились». Жандармскій офицеръ Енисейской губерніи въ 1861 г. замѣтилъ, что «съ постепеннымъ упадкомъ золотопромышленности, вслѣдствіе выработки богатыхъ промысловъ и бѣднаго содержанія новѣйшихъ розсыпей, заработки стали сравнительно незначительны». Наконецъ, Н. В. Латкинъ въ 1869 г. говоритъ: «Положеніе рабочихъ на про-

мыслахъ въ послѣднее десятилѣтіе значительно улучшилось, *хотя теперь и нѣтъ такихъ огромныхъ заработковъ*, какъ это было въ доброе старое время, когда рабочіе, стараясь на богатомъ золотѣ, выносили сотни рублей». Мы видѣли, что обычные заработки рабочихъ (помимо хищеній золота, размѣръ которыхъ не подлежитъ никакому учету), вовсе не были велики даже въ 40-хъ годахъ, во время разцвѣта енисейской золотопромышленности, а мѣстные наблюдатели, какъ видно изъ словъ Латкина, полагали, что заработки въ 60-хъ годахъ были еще меньше. Посмотримъ, можно ли это считать общимъ правиломъ.

Относительно размѣра заработковъ въ южной части Енисейскаго округа въ первой половинѣ 60-хъ годовъ мы имѣемъ не мало вполнѣ точныхъ данныхъ. Въ 1862 г. горный исправникъ южной части Енисейскаго округа, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе предписанія высшаго начальства, потребовалъ отъ пріисковыхъ управленій свѣдѣній о размѣрѣ додачи и долговъ, оставшихся за рабочими; сообщая эти свѣдѣнія, нѣкоторыя управленія присоединили данныя и объ общемъ размѣрѣ заработка *).

Средній размѣръ заработка на указанныхъ промыслахъ южной части Енисейскаго округа равнялся minimum 57 р. и maximum 96 р.; если же мы возьмемъ всю сумму заработка на названныхъ промыслахъ за эти годы и раздѣлимъ на все число рабочихъ, то получимъ средній заработокъ—80 р.

Сравнимъ теперь данныя 60-хъ годовъ съ данными предшествующаго времени на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева. Въ 1843 г. средній заработокъ мы высчитали въ 75 руб., а въ 1862 г. онъ равнялся 74 руб., т. - е. остался безъ измѣненія. На Казанскомъ пріискѣ Асташева въ 1847 г. средній заработокъ былъ 57 руб., въ 1852 г. — 67 руб. (но тутъ пришлось взять преимущественно мастеровыхъ), въ 1862 г.—57 руб. Такъ какъ по указанной причинѣ заработокъ 1852 г. нѣсколько выше нормальнаго, то можно принять, что и тутъ вообще за 25 лѣтъ средній заработокъ не измѣнился. На пріискѣ Удерейской К° въ 1847 г. средній заработокъ равнялся 76 руб., въ 1850 г. на Митрофановскомъ пріискѣ ея же — 44 руб., въ 1854 г. на пріискахъ Удерейской К° около 37 руб., въ 1858 г. на Митрофановскомъ и Воскресенскомъ промыслахъ той же К°—71 р., въ 1860—63 гг. на пріискахъ этой К°—74 р. Такимъ образомъ, въ первой половинѣ 50-хъ годовъ заработокъ Удерейской К° сильно понизился и даже въ 1858 г. былъ еще менѣе, чѣмъ въ 1847 г., но въ началѣ 60-хъ годовъ былъ почти такой же, какъ въ 1847 г. На промыслахъ К° Щеголева и П. Кузнецова въ 1858 г. средній заработокъ

*) На Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева средній заработокъ — 74 р. (копѣйки брасываемъ), на Спасо-Преображенскомъ его же—84 р., на Казанскомъ—57 р., промыслахъ Логинова — 76 р., на Успенскомъ и Рождественскомъ П. Н. Латкина—93 р., на Успенскомъ и Дмитріевскомъ Ш. Э. Латкиной—87 р., на Алексѣевскомъ Латкиныхъ — 83 р. По другимъ свѣдѣніямъ, на промыслалъ Удерейской К° Бенардаки, Рязановыхъ и друг. въ 1860 и 62 гг. — 79 р., въ 1863 г. — 67 р., на Преображенскомъ промыслѣ Бенардаки, Щеголева и Кузнецова—96 р.

равнялся 59 р., а въ 1861 г. на Преображенскомъ пріискѣ той же К°— 96 р. Изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ мы можемъ сдѣлать выводъ, что средніе заработки 40-хъ и первой половины 60-хъ годовъ на промыслахъ южной части Енисейскаго округа близки между собою, а заработки 50-хъ годовъ менѣе и тѣхъ, и другихъ.

Гораздо менѣе свѣдѣній имѣемъ мы относительно рабочихъ сѣв. части Енисейскаго округа. На Ольгинскомъ пріискѣ Малевинскаго средній заработокъ рабочихъ м. п. (въ числѣ которыхъ были и годовые, но большинство работало лишь по нѣскольку мѣсяцевъ осенью или лѣтомъ) равнялся 78 руб.; если же взять 93 рабочихъ только лѣтней операціи, то ихъ средній заработокъ равнялся 90 руб. На Гавриловскомъ и Никольскомъ пріискахъ и Усть-Питской резиденціи К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова въ операцію 1860 г. средній заработокъ равнялся 80 руб. (выдано же въ среднемъ деньгами и вещами по 88 руб.). Такъ какъ въ среднемъ они работали по 114 дней, то это составляетъ заработокъ по 65 коп. въ день (старательская плата—поденная, въ праздники за вскрышу торфа и за добычу золота—составляла 49% всего заработка). На Гавриловскомъ пріискѣ той же К° въ операцію 1869—1870 гг. средній заработокъ равнялся 84 руб. Слѣдовательно, средніе заработки на промыслахъ этихъ двухъ К° сѣв. части Енисейскаго округа были не выше заработковъ въ Южно-Енисейской системѣ. Но Н. В. Латкинъ утверждаетъ, что вообще заработки здѣсь были немного выше, благодаря нѣсколько большей высотѣ рабочей платы сравнительно съ южною частью Енисейскаго округа. Въ операцію 1851 г. средній заработокъ на Гавриловскомъ пріискѣ былъ нѣсколько выше, а именно по 108 руб.; это заставляетъ думать, что тогда золото было обильнѣе.

По словамъ Н. В. Латкина (1869 г.), общій годовой заработокъ мастеровыхъ равнялся 120—250 руб., а прочихъ рабочихъ, работающихъ обыкновенно съ половины марта или съ половины февраля по 10 сентября, отъ 80 до 120 и 150 руб. на человѣка. По имѣющимся у насъ матеріаламъ, максимальныя цифры заработка были даже гораздо выше и колебались на всѣхъ названныхъ промыслахъ между 180 и 557 руб., но среднимъ заработкомъ является, какъ мы видѣли, только низшая изъ цифръ, указанныхъ Латкинымъ, да и ему самому пришлось сдѣлать слѣдующую оговорку: «Конечно, бываетъ, что на величину заработка имѣютъ вліяніе нездоровье работника *), поздній его приходъ на пріискъ, мѣстныя обстоятельства, неблагопріятная погода лѣтомъ», свойство розсыпи и другія побочныя причины.

Въ Олекминскомъ округѣ заработки рабочихъ были выше, чѣмъ въ Енисейскомъ; такъ, на промыслахъ Прибрежно-Витимскаго т-ва въ операцію 1865—66 гг. 1,291 чел. рабочихъ заработали въ среднемъ по 122 руб.; на

*) По словамъ Н. Латкина, плохому работнику „съ трудомъ бываетъ отработать задатокъ въ 35 руб.“

промыслахъ И. Ѳ. Базилевскаго въ операцію 1869—70 гг. средній заработокъ рабочихъ равнялся 123 руб. и, наконецъ, на промыслахъ Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева въ операцію 1868—69 гг. 1,103 рабочихъ заработали въ среднемъ по 119 руб. Но если заработокъ на олекминскихъ промыслахъ былъ выше, то нужно помнить, что рабочіе на проходъ туда тратили болѣе времени, чѣмъ на промыслахъ Енисейскаго округа, да и среднее количество рабочихъ дней, вслѣдствіе существованія тамъ шахтовыхъ работъ, могъ быть значительно выше, чѣмъ на большинствѣ промысловъ Енисейскаго округа. Дѣйствительно, оказывается, что рабочіе на промыслахъ Прибрежно-Витимскаго т-ва въ операцію 1865—66 гг. работали въ среднемъ по 201 дню, а такъ какъ весь ихъ средній заработокъ равнялся 123 рублямъ, то, слѣдовательно, среднимъ числомъ они получали за поденщину по 61 коп., т.-е. даже немного менѣе, чѣмъ на промыслахъ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова сѣв. части Енисейскаго округа.

Посмотримъ теперь, какую часть заработка рабочіе забирали до разсчета (деньгами и припасами, въ видѣ задатка при наемкѣ и на самыхъ промыслахъ). Оказывается, что на промыслахъ Асташева и Латкиныхъ весь заборъ до разсчета составлялъ 67—87% всего заработка, а на 2 промыслахъ Асташева превосходилъ даже весь заработокъ.

Сравнимъ заборъ *до разсчета* въ 60-хъ годахъ съ заборомъ въ предшествующее время. Въ 1843 г. заборъ до разсчета на Прокопьевскомъ пріискѣ Асташева составлялъ 32% и на Казанскомъ пріискѣ, его же, въ 1847 г.—63% и въ 1851—52 гг.—68%, а въ 1862 г. онъ превосходилъ весь заработокъ. На пріискахъ Удерейской К° заборъ до разсчета составлялъ въ 1847 г. 55% всего заработка. Слѣдовательно, въ 60-хъ годахъ рабочіе значительно меньшій процентъ заработка выносили съ промысловъ, чѣмъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, а иногда, въ среднемъ, не только ничего не выносили, а даже оставались въ долгу.

На Ольгинскомъ пріискѣ Малевинскаго (сѣв. части Енисейск. округа) въ операцію 1866 г. заборъ до разсчета составлялъ 74% всего заработка. На Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ и Усть-Питской резиденціи К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова въ операцію 1860 г. заборъ до разсчета составлялъ 84% ихъ заработка.

Относительно размѣра додачи *) и долговъ въ южной части Енисейскаго округа мы имѣемъ много данныхъ, благодаря тому, что они были собраны мѣстнымъ горнымъ исправникомъ въ 1862 г. На основаніи свѣдѣній болѣе чѣмъ о 4,000 рабочихъ мы можемъ сказать, что въ операцію 1861—62 гг. на промыслахъ южн. части Енисейскаго округа только 60% рабочихъ получили додачу (на разныхъ промыслахъ процентъ получившихъ додачу колеблется между 27 и 99); maximum додачи на всѣхъ промыслахъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, равнялся 364 руб., но это былъ крайне рѣдкій случай, средній же размѣръ додачи всѣхъ рабочихъ, ее получившихъ

*) Т.-е. денегъ, получаемыхъ рабочими при разсчетѣ.

(2,594 чел.), равняется 28 руб. 60 коп., на различныхъ же промыслахъ средній размѣръ додачи колебался между 15 и 47 руб. Изъ промысловъ сѣв. части Енисейскаго округа на Ольгинскомъ пріискѣ Малевинскаго въ операцію 1866 г. средній размѣръ додачи для всѣхъ получившихъ ее равнялся 32 руб. (maximum 188 руб). На Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ К° Рязановыхъ, Горохова и Мошарова въ операцію 1860 г. получили додачу лишь 62% рабочихъ, причемъ средняя додача равнялась 33 руб. (maximum 101 руб.). Такимъ образомъ, и въ сѣв. части Енисейскаго округа средній размѣръ додачъ былъ невеликъ.

В. Латкинъ въ брошюрѣ о золотопромышленности Сибири (1864 г.) говоритъ: «Рабочимъ недурно на золотыхъ промыслахъ; несмотря на большой задатокъ, на заборъ въ магазинѣ, усердные рабочіе выносятъ порядочныя деньги. Круговая выдача при разсчетѣ бываетъ до 40 и болѣе рублей на каждаго: иные получаютъ меньше, другіе—больше, есть и такіе, которые ничего не получаютъ». Имѣющіяся у насъ данныя относительно пріисковъ южн. части Енисейскаго округа не подтверждаютъ словъ Латкина: 38% рабочихъ не только ничего не получали при разсчетѣ, но даже оставались должными, а тѣ 60% рабочихъ, которымъ выдавалась додача, получили ее, въ среднемъ, въ размѣрѣ всего 28 р. 60 к. Гораздо вѣрнѣе взглянулъ на дѣло учрежденный въ 1861 г. въ Иркутскѣ комитетъ для разсмотрѣнія условій найма на золотые промыслы, который пришелъ къ такому выводу: «Значительная часть рабочихъ, особенно ссыльно-поселенцевъ, при выходѣ по окончаніи лѣтнихъ работъ съ промысловъ, не только не имѣютъ нужнаго количества денегъ на проходъ до мѣста жительства, но нерѣдко остаются еще должными тѣмъ золотопромышленникамъ, у которыхъ находились въ работѣ. Это обстоятельство и есть главная причина жалобъ рабочихъ на оскудѣніе заработковъ и на неправильность ихъ разсчетовъ съ золотопромышленниками, управленіями и конторами».

На промыслахъ южн. части Енисейскаго округа въ 1862 г. не получило додачи, но и не осталось въ долгу 2% рабочихъ, а 38% рабочихъ остались должниками, причемъ средній размѣръ долга равнялся почти 25 руб. (maximum 101 руб.). Въ сѣверной части Енисейскаго округа, на Ольгинскомъ пріискѣ Малевинскаго, въ 1866 г. 9% рабочихъ не получили додачи, но и не остались въ долгу, а 8% остались должниками, причемъ средній размѣръ долга равнялся почти 24 руб. На Гавриловскомъ и Никольскомъ промыслахъ К° Рязановыхъ и др. въ 1860 г. должниковъ было 28%, средній размѣръ долга почти 29 руб., а на Гавриловскомъ пріискѣ той же К° въ операцію 1869—70 гг. должники составляли 41% всѣхъ рабочихъ, со среднимъ размѣромъ долга почти въ 23 руб.

Въ Олекминскомъ округѣ, на пріискѣ Прибрежно-Витимскаго т-ва, изъ числа явившихся рабочихъ должники составляли 11%, съ среднимъ долгомъ въ 30 руб. На промыслахъ Ленскаго т-ва Басниныа и Катышевцева въ операцію 1868—69 гг. изъ числа явившихся рабочихъ осталось должниками 6%, съ среднимъ долгомъ въ 21 руб. (maximum долга 105 руб.).

Немало указаній на задолженность пріисковыхъ рабочихъ мы находимъ и въ тогдашней прессѣ. Авторъ статьи въ газетѣ *Амуръ* (1861 г.) говоритъ, что рабочій сплошь и рядомъ «выходитъ съ пріиска безъ копѣйки въ карманѣ» и, «чтобы дойти до родного селенія, долженъ закабалить себя на слѣдующій годъ». По свидѣтельству Пищикова (1861 г.), долги рабочихъ составляютъ одну изъ главныхъ причинъ ихъ побѣговъ. Положеніе пріисковыхъ рабочихъ, по словамъ того же автора, такъ печально, что они сами называютъ себя «вольно-каторжными».

Въ контрактахъ мы обыкновенно встрѣчаемъ условіе, что оставшіеся должными обязаны или внести долгъ немедленно, или остаться на зимнія работы, или явиться въ слѣдующую лѣтнюю операцію; пріисковыя управленія предоставляли себѣ право взысканія долговъ и съ тѣхъ рабочихъ, которые будутъ разсчитаны и противъ своего желанія *).

Въ очень многихъ общихъ контрактахъ, а также въ договорахъ на вскрытіе турфа и артелей плотниковъ, мы находимъ круговую поруку рабочихъ другъ за друга или, вообще, въ соблюденіи договора, или въ отработкѣ взятыхъ задатковъ, или въ уплатѣ долговъ.

Вагинъ въ своей статьѣ *Договоры найма на золотые пріиски*, напечатанной въ газетѣ *Амуръ* (1860 г.), доказываетъ, что «обязательство рабочихъ зарабатывать или уплачивать должныя ими деньги послѣ срока— совершенно противузаконно. Во-первыхъ, имъ уничтожается право о томъ, чтобы въ договорахъ былъ поставленъ рѣшительный срокъ, долѣе котораго наниматель не имѣетъ права требовать работы»; затѣмъ, «оно прямо противорѣчитъ какъ 2488 ст. уст. горн., по которой срокъ найма не можетъ простираться долѣе одного года со времени явки договора, такъ и 2489 ст., по которой деньги, впередъ выдаваемыя, не должны превышать всей платы по договору, а также 2256 ст. зак. гражд., что хозяинъ, выдавшій рабочимъ деньги впередъ болѣе годовой платы, лишается всего иска, и 2268 ст., что если работникъ по разсчету останется должнымъ хозяину болѣе 1 руб. 50 коп., то долгъ этотъ не подлежитъ никакому иску. «Рабочій,— продолжаетъ г. Вагинъ,— оставаясь для отработки долга, снова должаетъ К°, потомъ опять, на тѣхъ же основаніяхъ, оставляется для отработки и т. д., на неопредѣленное время. Образуется что-то похожее на пожизненное рабство,— кабала, которую правительство старается истребить всѣми силами и отъ которой особенно стремился избавить рабочихъ Сперанскій, составляя свои правила объ отношеніи ихъ къ хозяевамъ... именно противъ кабалы придуманы правила о наймѣ не долѣе года... и о [illegible] йствительности долговъ рабочихъ. Золотопромышленники ввели кабалу [illegible] ва и, какъ видно, очень дорожатъ этимъ видомъ крѣпостного состоянія, [illegible] ому что условіе о немъ повторяется во всѣхъ договорахъ».

*) По контракту съ томскимъ золотопромышленникомъ Шитиковымъ (1868 г.), [illegible] авшіеся въ долгу рабочіе обязывались отрабатывать его, не переходя къ другому [illegible] чу, „хотя бы этотъ долгъ не былъ въ два или три года заработанъ".

Золотопромышленники всегда представляли дѣло въ такомъ видѣ, что всѣ долги, оставшіеся за рабочими, пропадали; извѣстную сумму, дѣйствительно, приходилось заносить въ графу невозвратныхъ долговъ, но далеко не всѣ, такъ какъ часть ихъ отрабатывалась должниками въ слѣдующія операціи. На промыслахъ Киргизской степи задолжавшаго рабочаго оставляли на другой годъ; если онъ самъ не являлся, то его высылалъ родовой начальникъ, который постоянно получалъ пособія отъ золотопромышленника. Рабочіе также, какъ и на другихъ системахъ пріисковъ, входили въ большіе долги, изъ которыхъ уже не могли выпутаться. На одномъ пріискѣ работалъ киргизъ, который послѣ 8 лѣтъ службы, все-таки, еще долженъ былъ хозяину 70 руб. Авторъ одной газетной статьи говоритъ: «Нерѣдко при разсчетѣ К° насчитываетъ на рабочаго долгъ, котораго онъ не признаетъ или не хочетъ отработать, и К° задерживаетъ у него паспортъ *); онъ уходитъ безъ вида, попадается гдѣ-нибудь какъ бродяга, заключается въ острогъ и тамъ остается нѣсколько мѣсяцевъ, пока не будутъ собраны справки». Наконецъ, рабочаго «или высылаютъ въ мѣсто жительство, или посылаютъ на пріиски отрабатывать долгъ, хотя бы по закону этого, по окончаніи срока контракта, и не слѣдовало». Подтвержденіемъ этихъ словъ служитъ донесеніе есаула Озерова Корсакову осенью 1861 г. относительно промысловъ Енисейскаго окр.: «Почти всѣ должники по большей части безъ разсчетныхъ листовъ и безъ билетовъ ушли съ пріисковъ въ г. Енисейскъ **), гдѣ обращались съ просьбами своими къ каждому оффиціальному лицу; ихъ отправляли къ горному исправнику, который въ городѣ не всегда могъ разобрать ихъ жалобы (ибо многія К° имѣютъ свои конторы на промыслахъ и при разборкѣ промышленники, основываясь на общемъ контрактѣ, остаются вполнѣ правыми) и долженъ былъ высылать ихъ обратно на пріиски. Впрочемъ, помощникъ горнаго исправника южной системы убѣдилъ «промышленниковъ дозволить рабочимъ наняться въ другія К° съ тѣмъ, чтобы послѣднія уплатили за должниковъ состоявшіе на нихъ долги». О томъ же доносилъ и енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ: по его словамъ, «самовольно» ушедшіе съ промысловъ и явившіеся въ Енисейскъ должники «нѣсколько дней сряду массами ходили по городу, останавливая почти каждое оффиціальное лицо съ предъявленіемъ своихъ жалобъ»; его квартира была «буквально осаждена», и каждое появленіе на улицѣ привлекало цѣлыя толпы съ безконечными жалобами. Въ слѣдующемъ году то же лицо писало еще рѣшительнѣе: «Въ настоящее время, когда въ цѣлой Россіи уничтожается обязательный и крѣпостной трудъ, на промыслахъ онъ существуетъ въ полной силѣ: иначе нельзя назвать работъ, на которыя привлечены люди *не*

*) Въ нѣкоторыхъ договорахъ находимъ правило, что должники не могутъ требовать отъ пріисковаго управленія своихъ паспортовъ.

**) Озеровъ насчитываетъ около 5,000 человѣкъ, а такъ какъ въ этомъ году на пріискахъ всего Енисейскаго округа находилось 16,094 рабочихъ, то это составляетъ около 31%.

зарабатывать деньги, а отрабатывать долги». Напрасно, слѣдовательно, Лопатинъ увѣрялъ въ своей статьѣ, что «на дѣлѣ никакой *кабалы рабочихъ* не существуетъ».

Иногда не рабочіе оставались должны золотопромышленнику, а пріисковое управленіе рабочимъ; вѣроятно, это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда, нанимаясь работать на томъ же пріискѣ на слѣдующую операцію, рабочіе оставляли свои деньги на сохраненіе въ пріисковой конторѣ. Довольно частымъ такое явленіе было на пром. Ленскаго т-ва Баснина и Катышевцева: по крайней мѣрѣ, въ операцію 1868—9 г. т-во оставалось должнымъ 263 рабочимъ (24% всѣхъ явившихся рабочихъ), причемъ въ среднемъ на каждаго изъ нихъ приходилось 52 р.

Относительно разсчета съ рабочими въ контрактахъ всего чаще встрѣчается правило, чтобы разсчетъ производился на самыхъ промыслахъ или въ первомъ жиломъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ было постановлено, что рабочіе не должны были требовать денегъ на промыслахъ до окончательнаго разсчета; иногда дѣлалась еще оговорка, что плата за старательскія работы производится также при окончательномъ разсчетѣ; но нѣкоторыя К° въ концѣ 60-хъ годовъ расплачивались за старательское золото наличными деньгами немедленно по представленіи его въ контору. Общій разсчетъ производится обыкновенно около 10 сентября: такъ, въ 1866 г. въ южной части Енисейскаго округа разсчетъ былъ начатъ 8 и оконченъ 13 сентября.

Додачи рабочихъ, какъ мы видѣли, были весьма не велики, но и ихъ они не всегда получали безъ задержки. Енисейскій жандармскій штабъ-офицеръ Боркъ осенью 1861 г. писалъ:

„Въ настоящемъ году отъ невысылки во-время въ алтайское горное управленіе и въ енисейскій приказъ общественнаго призрѣнія обѣщанныхъ правительствомъ авансовъ для выдачи подъ залогъ золота *большая часть золотопромышленниковъ оказалась безъ денегъ* и въ невозможности послѣ окончанія осеннихъ работъ разсчитать рабочихъ. Большія массы послѣднихъ изъ сѣверныхъ промысловъ явились въ г. Енисейскъ и, не имѣя ни пріюта, ни продовольствія, обращались съ просьбами приказать разсчитать ихъ и отпустить по домамъ или, по крайней мѣрѣ, дать пристанище и продовольствіе до полученія разсчета. Жалобы эти за всеобщимъ недостаткомъ денегъ не могли быть удовлетворены своевременно". Нѣкоторые изъ золотопромышленниковъ, „въ ожиданіи съ часу на часъ привоза денегъ изъ Барнаула, куда давно было отправлено золото и гдѣ ожидали довѣренные, наняли своимъ рабочимъ въ городѣ временныя квартиры съ продовольствіемъ, другіе уклонялись и отъ этого, и между рабочими продолжались неудовольствія и жалобы *). Неудобство это новыми мѣрами правительства, уже высылшаго въ енисейскій приказъ общественнаго призрѣнія 5 м. руб. для выдачи подъ залогъ золота, на будущее время, вѣроятно, устранится. Теперь же почти все золото уже отправлено въ сдачу въ алтайское горное управленіе въ Барнаулъ. Есть и въ настоящее время золотопромышленныя конторы, которыя, имѣя на своихъ промыслахъ даже тысячи рабочихъ, умѣютъ вести дѣла такъ, что они выходятъ безъ долговъ и никогда не жалуются. Но встрѣчаются и такіе золо-

*) Тѣмъ не менѣе, рабочіе вели себя весьма скромно, никакихъ буйствъ не бы[ло] и число пьяныхъ было весьма незначительно.

топромышленники, которые, не имѣя ни денегъ, ни кредита, ставятъ работы кое какъ, въ надеждѣ на будущее, обманываются сами, обманываютъ рабочихъ, ставя себя и ихъ въ критическое положеніе". Со стороны рабочихъ въ этомъ году предъявлялось „множество жалобъ на ничтожность платы, хотя она, за весьма рѣдкими исключеніями, превышаетъ вообще норму контракта; разборъ этихъ претензій дѣлается крайне затруднительнымъ и управляющіе, ссылаясь на общій контрактъ, оказываются почти всегда правыми".

Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ золотопромышленники сѣв. части Енисейскаго окр. весьма часто разсчитывали рабочихъ не на промыслахъ, а въ Енисейскѣ, но въ 1866 г. енисейское губернское начальство заявило генералъ-губернатору Восточной Сибири, что разсчетъ рабочихъ въ этомъ городѣ вызываетъ скопленіе въ немъ «разнаго званія людей, отчего происходятъ безпорядки, развратъ и мотовство выходящихъ съ пріисковъ рабочихъ, и что переносъ разсчетовъ въ городъ служитъ только предлогомъ нѣсколькимъ тысячамъ празднаго народа бывать и оставаться безъ нужды въ городѣ, причемъ рабочіе удобнѣе всего могутъ проматывать» выданную за труды плату «и затѣмъ рѣшаться на всякія преступленія». Вслѣдствіе этого совѣтъ главнаго управленія Восточной Сибири въ декабрѣ 1866 г. постановилъ, чтобы золотопромышленныя К° разсчитывали рабочихъ не въ городахъ, а на самомъ мѣстѣ работъ, въ пріисковыхъ конторахъ *).

Есть оффиціальное свидѣтельство 1859 г. высшей администраціи Восточной Сибири, что нѣкоторые золотопромышленники - откупщики производили разсчетъ съ рабочими въ кабакахъ и такимъ образомъ умѣли возвратить въ свои карманы выданную рабочимъ плату. Въ 1869 г. въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* напечатана была замѣтка о разныхъ злоупотребленіяхъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ Енисейскаго окр. и, между прочимъ, объ открытой торговлѣ виномъ и о томъ, что нѣкоторые золотопромышленники даже разсчитывались съ рабочими виномъ, а не деньгами: у одной К° въ 1868 г., за неимѣніемъ денегъ, предоставлено было рабочимъ получить всю задѣльную плату водкою. На эту корреспонденцію обратилъ вниманіе генералъ-губернаторъ Корсаковъ. Мѣстный горный ревизоръ рѣшительно отрицалъ фактъ, сообщенный въ корреспонденціи, указывая на невозможность его въ виду того, что разсчетъ рабочихъ производится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ горнаго исправника, его помощника и козачьяго командира. Однако, въ концѣ 50-хъ годовъ этотъ надзоръ не помѣшалъ производить иногда разсчетъ рабочихъ въ кабакахъ.

По выходѣ съ пріисковъ, рабочіе, по крайней мѣрѣ, получившіе додачу, старались вознаградить себя за тяжелый трудъ и долгое воздержаніе. Къ

*) Скарятинъ сообщаетъ, что одно время мѣстное начальство, заботясь о том , чтобы рабочіе изъ ссыльныхъ не пропивали заработныхъ денегъ по выходѣ и з пріисковъ, распорядилось, чтобы пріисковыя конторы не выдавали денегъ на ру и рабочимъ, а отсылали ихъ въ волостныя правленія. Золотопромышленники сдѣлали в возможное, чтобъ уклониться отъ исполненія этого требованія, такъ какъ это в звало бы совершенно основательное неудовольствіе рабочихъ.

мѣстамъ выхода ватагъ наѣзжали въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ повѣренные откупа съ огромными запасами вина и купцы сосѣднихъ городовъ съ залежалымъ товаромъ. Въ домахъ крестьянъ устраивались лавки. Поселенцы и крестьяне, наполнивъ баклаги 2—3 ведрами вина, спѣшили въ тайгу на встрѣчу рабочимъ, зная, что тѣ будутъ платить имъ по 50—60 к. за чайную чашку отвратительной бурды. Вотъ, наконецъ, голодные и усталые рабочіе входятъ въ первыя селенія, кабаки немедленно наполняются и начинается кутежъ.

„Выходя съ пріисковъ,—разсказываетъ Цвѣтолюбовъ,—счастливый и не совсѣмъ ободранный и обсчитанный рабочій несетъ 50, а иногда и болѣе руб., другіе отъ 5 до 20 р... и не жаль ему этихъ денегъ, не мучитъ его мысль, что онѣ „не на одинъ годъ укоротили его жизнь“. Все оставляется въ кабакѣ и другихъ пріятныхъ мѣстахъ. Немногіе несутъ деньги домой, помня, что у нихъ есть домъ, жена и дѣти“. Цѣловальники нагло обсчитываютъ рабочихъ. „Толпы рабочихъ быстро прибываютъ. Въ одно мгновеніе переряжаются они изъ оборванныхъ полушубковъ, распоротыхъ и продыравленныхъ шароваръ съ жалкими подобіями шапокъ и сапоговъ, въ суконные и верблюжьи азямы, красныя рубахи, плисовыя шаровары, заправленныя въ новые кунгурскіе сапоги. На головахъ новыя, заломленныя на бекрень или, смотря по степени опьяненія, заброшенныя на затылокъ шапки всѣхъ возможныхъ матерій и формъ. На груди красуются крестообразно расположенныя и завязанныя за спиной бумажныя и шерстяныя крестьянскія шали, а у другихъ, несмотря на теплую осеннюю пору, вѣроятно, для пущей важности, шеи обвязаны такими шалями, закрывающими лицо почти до самыхъ глазъ. У рѣдкаго не увидите подъ мышкой разнаго яркаго товара, накупленнаго по высокимъ цѣнамъ“. Одни наигрываютъ на гармоникѣ, другіе пляшутъ, выкидывая невообразимыя колѣна. „Въ городахъ, ближайшихъ къ пріискамъ, повторяется все это, съ тою только разницей, что къ числу удовольствій пьяной публики принадлежатъ неизбѣжныя шарманки съ маленькими плясуньями и пѣвицами и безпрерывная ѣзда изъ одного кабака въ другой на извозчикахъ, да вмѣсто простыхъ деревенскихъ шалей покупаются городскія“. Вечеромъ изъ кабаковъ отправляются въ квартиры. „Тамъ начинается разгулъ другого рода, и сцены грязныя, отвратительныя, съ ихъ безчисленными послѣдствіями: болѣзнями, кражами изъ кармановъ, дѣтопродавствомъ и проч. и проч. На другой день, опохмѣлившись, отправляются дальше, „повторяя тѣ же сцены вездѣ, гдѣ есть кабаки. Накупленныя обновы пропиваются и раздарkиваются и затѣмъ, если путь длиненъ, нужно идти, прося подаянія“.

Этотъ разсказъ подтверждается и свидѣтельствомъ золотопромышленника Пестунова, который сообщаетъ еще, что непьющихъ рабочихъ крестьяне окармливаютъ въ кушаньяхъ дурманомъ и обираютъ. Если въ лавкѣ или кабакѣ «рабочій дастъ 25 р. и требуетъ сдачи, ему не даютъ, увѣряютъ, что онъ далъ цѣлковый, десятники и старшины нарочно его затрогиваютъ, чтобъ онъ ругался или даже подрался, и его, несчастнаго, берутъ подъ арестъ, обираютъ все, что найдутъ при немъ». Если у рабочаго осталось что-нибудь, то крестьяне иной разъ отбираютъ и послѣднее, увѣряя, что онъ задолжалъ за квартиру: защиты искать негдѣ, потому что крестьяне дѣйствуютъ заодно съ мѣстными и волостными властями. До засѣдателя же бѣдному рабочему далеко. Кутежъ рабочихъ, при выходѣ съ промысловъ, повторялся изъ году въ годъ. Отчасти бо́льшая строгость надзо[illegible]но, главное, уменьшеніе заработковъ привели къ тому, что, по сло-

вамъ Цвѣтолюбова, въ это время уже не ѣздили на боронахъ или не ходили по грязи, устланной ситцами и платками, а также меньше находили пріисковыхъ рабочихъ «съ раздробленными черепами или удавками на шеяхъ».

Въ началѣ 40-хъ годовъ былъ случай, что сотни рабочихъ, желая выбраться изъ тайги сокращеннымъ путемъ, сбились съ дороги. «Хотя рѣдко и не въ большихъ размѣрахъ,—разсказываетъ Цвѣтолюбовъ,—но, къ несчастію, подобные случаи повторяются, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя начальствомъ. Рабочіе, какъ сорвавшіеся съ цѣпи, спѣшатъ съ пріисковъ, не ожидая проводниковъ..., сбиваются съ пути... и гибнутъ или отъ холода, или отъ недостатка въ хлѣбѣ» *).

Пріисковымъ рабочимъ предстояли при возвращеніи домой и другія опасности. Такъ какъ многіе изъ нихъ несли съ собою заработанныя деньжонки, то иной разъ и товарищи, польстясь на заработокъ болѣе счастливаго и бережливаго работника, могли убить его, а не то можно было попасть подъ пулю и профессіональнаго охотника за «горбачами» (какъ называли пріисковыхъ рабочихъ), охотившагося за людьми, какъ другой охотился за звѣрями **).

Часть рабочихъ оставалась на промыслахъ на зимнюю операцію. Нѣкоторые занимались, по свидѣтельству Н. В. Латкина (1869 г.), на промыслахъ Енисейскаго округа до 1 марта, когда бывалъ «малый разсчетъ», но онъ оговаривается, что это обыкновеніе установилось недавно и что обыкновенно рабочіе или разсчитавшись вовсе уходили изъ тайги, или снова нанимались до главнаго разсчета, т.-е. до 10 сентября. Зимою на промыслахъ бывало всегда гораздо менѣе рабочихъ, чѣмъ лѣтомъ: наприм., лѣтомъ 1864 г. на промыслахъ Енисейской губ. было 20,027 рабочихъ, а въ декабрѣ 1863 г.—4,137 мужчинъ и 1,712 женщинъ ***).

В. Семевскій.

---

*) Верхне-Амурская К° вывозила рабочихъ на своемъ пароходѣ въ Горбицу а при высокой водѣ Шилки до Срѣтенска.

**) См. разсказъ о такомъ охотникѣ за „горбачами“, у котораго нашли въ ловнѣ 60-хъ годовъ до 50 прострѣленныхъ армяковъ и полушубковъ, въ газ *Сибирь* 1873 г., № 15, стр. 4.

***) О положеніи старателей-золотничниковъ мы будемъ говорить въ особой стат

Замѣтки о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи.

I.

Лѣтомъ 1893 года мнѣ пришлось побывать въ Югозападномъ краѣ. Изъ Бердичева я поѣхалъ въ дилижансѣ до Житомира и дальше до Новоградволынска. Даже этотъ недолгій путь—135 верстъ—позволилъ сдѣлать нѣкоторыя наблюденія, объясняющія, почему нѣмцы, въѣзжая въ Россію, такъ охотно селятся на югозападныхъ окраинахъ. Въ Житомирѣ я слышалъ отъ чиновниковъ, что на Волыни число колонистовъ-нѣмцевъ достигло 200,000, что карта нѣмецкихъ поселеній въ Волынской губерніи свидѣтельствуетъ о занятіи ими лучшихъ мѣстностей края, что столь большая масса представляетъ серьезныя опасности въ военномъ и государственномъ отношеніяхъ, что въ основѣ этой колонизаціи лежатъ политическія соображенія и проч. Я слышалъ много именно на эту тему; но довольно проѣхать по Волыни нѣсколько сотъ верстъ, чтобы болѣе просто и естественно объяснить тяготѣніе нѣмцевъ къ этому краю.

Здѣсь природа не испорчена. Картины, развертывающіяся передъ путникомъ, не только не утомляютъ его, но даже радуютъ: много лѣса, много воды, много луговъ; неистощенныя пашни вознаграждаютъ трудъ земледѣльца. Любуясь дубовыми и сосновыми лѣсами, которые во многихъ мѣстахъ тянутся на десятки верстъ, часто переѣзжая ручьи, рѣчки и даже рѣки, я вспоминалъ безотрадное зрѣлище, которое на сотни верстъ провожаетъ путника въ черноземныхъ губерніяхъ, вспомнилъ ея безводье и безлѣсье. И въ то время, какъ тульскій, орловскій и воронежскій мужикъ охотно платитъ 150 рублей за десятину или арендуетъ по 20 рублей на 1 посѣвъ, въ Волынской губ. десятина земли средняго достоинства стоитъ –30 рублей, и очень хорошая—50—60. Въ Кременецкомъ и Владиміро-ынскомъ уѣздахъ цѣна поднимается до 100—120 руб., за то въ Овруч-мъ можно купить хорошую землю по 20—15 руб. Поставимъ себя на то баварца или баденца, которому удалось добраться до этого благо-ѣннаго края. На родинѣ десятина земли стоитъ сотенъ и даже тысячъ ей; тамъ онъ чувствуетъ себя счастливымъ, если неослабная, много-

лѣтняя бережливость дала ему возможность стать собственникомъ 2—3 моргеновъ. Здѣсь на такія же сбереженія онъ покупаетъ 10, 15 и 20 десятинъ съ лѣсомъ, изъ своего матеріала строитъ дворъ и, расчистивъ новину, собираетъ нѣсколько лѣтъ урожаи, какихъ на германскихъ поляхъ, взятыхъ подъ культуру много вѣковъ тому назадъ, могутъ быть достигнуты усиленнымъ удобреніемъ и тщательною обработкой.

Нѣмецкіе эмигранты—не отрѣзанный ломоть: они сохраняютъ на родинѣ многочисленныя связи родства и сосѣдства. Если десятку-другому семей хорошо живется гдѣ-нибудь въ Новоградволынскомъ или Ровенскомъ уѣздахъ, то поселенцы подробно описываютъ землякамъ свое житье-бытье, расхваливаютъ дешевизну земли, возможность сдѣлать передвиженіе изъ Германіи въ короткое время и за недорогую цѣну и устроиться на 300—400 рублей, съ которыми въ Германіи немыслимо самостоятельное веденіе сельскаго хозяйства. Земляки читаютъ письма, передаютъ сосѣдямъ занимательныя и важныя новости и (не забудемъ о силѣ и напряженности современной эмиграціи изъ Западной Европы) многіе предпочитаютъ Волынь далекой Америкѣ. Большинство этихъ людей совершенно равнодушны къ строю политической жизни. Если можно дешево пріобрѣсти землю, если страна, куда направляются эмигранты, имѣетъ хотя начатки гражданственности, если условія внѣшней природы благопріятны, то у большинства пропадаетъ охота ѣхать въ далекую Америку. Вотъ простые, понятные мотивы, которые побуждаютъ нѣмцевъ толпами направляться въ наши югозападныя губерніи. Встрѣчаясь съ колонистами, я не разъ заводилъ рѣчь о томъ, не имѣютъ ли они въ виду *германизированіе* края? Иные вовсе не понимали этого вопроса; другіе говорили, что они пришли сюда, чтобы «и себѣ, и дѣтямъ былъ кусокъ хлѣба», а одинъ нѣмецкій колонистъ, прибывшій еще въ началѣ 70-хъ годовъ, просто и убѣдительно высказалъ то положеніе, которое я развилъ выше. «Хорошо жить здѣсь,—сказалъ онъ правильнымъ языкомъ съ несовсѣмъ русскимъ акцентомъ,—и лѣса, и воды, и луговъ—всего здѣсь довольно; народа немного, никому не тѣсно, здѣсь можетъ помѣститься еще много людей, и всѣ будутъ благодарить Бога».

Новоградволынскій уѣздъ образуетъ одинъ изъ центровъ нѣмецкихъ колоній. Начинаясь подъ самымъ городомъ, колоніи тянутся во всѣ стороны и образуютъ сплошную сѣть вмѣстѣ съ колоніями сосѣднихъ уѣздовъ. Одни изъ нихъ основаны на землѣ, пріобрѣтенной колонистами въ собственность, другія же—на арендуемыхъ участкахъ. Мнѣ совѣтовали побывать въ подгородной колоніи Анетѣ, чтобы судить о результатахъ, которыхъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ достигнуть поселенцы.

Въ колоніи, насчитывающей теперь около 40 дворовъ, даже самые древніе старики не помнятъ германскаго отечества. Колонисты прибыли сюда изъ Привислянскаго края въ 1818 году, и только отцы первыхъ поселенцевъ были уроженцами Германіи. За моргъ земли (1,317 кв. саж.) было заплачено по 10 рублей. Тогда же упрочился порядокъ не дѣлить земли

между сыновьями, а отдавать весь участокъ въ наслѣдство старшему; для младшихъ же сыновей стали пріобрѣтать участки на сторонѣ. Въ хозяйствѣ колонистовъ были возможны сбереженія, такъ какъ они купили землю дешево, а производительность ея была очень велика; и вотъ, постепенно, посредствомъ покупки земли для младшихъ членовъ семей, они образовали въ Заславльскомъ уѣздѣ колонію Дерманку—дочь Анеты.

Въ Анетѣ, какъ и другихъ нѣмецкихъ поселеніяхъ на Волыни, господствуетъ подворное землевладѣніе чистаго типа. Земля каждаго двора огорожена болѣе или менѣе прочнымъ заборомъ. Почти всѣ колонисты ведутъ пятипольное хозяйство и для того, чтобы не нанимать пастуха, огораживаютъ каждое поле; въ паровомъ пасется скотъ подъ присмотромъ дѣтей и подростковъ. Пятипольное хозяйство сложилось въ такую систему: пшеница, рожь, яровое, клеверъ съ тимоѳеевской и паръ. Здѣсь примѣняютъ мало машинъ, но довольно высокій уровень культуры выражается въ томъ, что, сидя на низменномъ мѣстѣ, колонисты пашутъ загонами, грядами, что облегчаетъ стокъ воды въ канавки между грядъ. Молочное скотоводство стоитъ на среднемъ уровнѣ. Первые поселенцы были поставлены относительно улучшенія скота въ очень благопріятныя условія. Въ сосѣднихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ былъ скотъ голландской породы; пользуясь производителями изъ этихъ имѣній, колонисты улучшали свой скотъ. Онъ и до сихъ поръ сохранилъ свой обликъ, но выродился, и корова даетъ въ среднемъ не больше 80 ведеръ молока,—норма, которую считаютъ очень высокою въ большинствѣ помѣщичьихъ хозяйствъ средней Россіи.

И прогулка вдоль колоніи, вытянувшейся въ одну очень длинную улицу, и посѣщеніе дворовъ убѣждаютъ, что это поселеніе пользуется завидшимъ благосостояніемъ. Въ имущественномъ отношеніи колонія не представляетъ чего-либо однороднаго. Самые богатые домохозяева имѣютъ 40—50 десятинъ земли, самые бѣдные—8—10; преобладаютъ средніе, съ дворовымъ надѣломъ въ 18—20 десятинъ. Такое неравенство не есть слѣдствіе семейныхъ раздѣловъ. И при поселеніи колонисты имѣли неравныя денежныя средства, а потому отдѣльные домохозяева купили участки различной величины. Правда, неравномѣрность нѣсколько увеличилась, такъ какъ были бездѣтныя семьи и колонистки послѣ смерти мужей продавали свои участки. Благосостояніе среднихъ домохозяевъ сказывается въ обширности и отдѣлкѣ жилыхъ домовъ. Домъ стоитъ не меньше 500 руб., имѣетъ 3 комнаты и кухню, крашеные полы, мягкую мебель, хорошія постели. Въ одной связи съ домомъ находится конюшня. Такой типъ постройки объясняется конокрадствомъ, очень распространеннымъ въ этой м[illegible]ности. Колонисты любятъ лошадей и платятъ по 150—200 рублей за п[illegible]у, и даже малосостоятельный имѣетъ 100-рублевыхъ. На нихъ коло[illegible]ы возятъ въ городъ свои продукты, на нихъ же работаютъ, даютъ и[illegible]обильный кормъ, чистятъ и холятъ. Боясь конокрадовъ, они устраи[illegible]ь конюшню при жиломъ домѣ, чтобы слышать, говоря словами одного [illegible]иста, «какъ лошадь дышетъ».

Кромѣ полевого хозяйства, доходность котораго опредѣляется въ 12—15 рублей съ 1 десятины, колонисты имѣютъ небольшіе фруктовые сады, пасѣки въ 20—30 и до 40 ульевъ и сыроварню, дающую возможность перерабатывать молоко. Многіе разводятъ хмѣль и занимаются при домѣ пивовареніемъ частью для себя, а частью на продажу. Количество скота составляетъ приблизительно 6—7 штукъ на 10 десятинъ надѣла. Трудно опредѣлить доходъ, доставляемый хозяйствомъ. Свѣдѣнія, которыя сообщали мнѣ о томъ многіе колонисты, позволяютъ заключить, что десятидесятинный дворовый надѣлъ дастъ отъ продуктовъ полеводства, садоводства и пасѣки не менѣе 250—300 рублей въ годъ. Другія нѣмецкія колоніи, основанныя близъ Новоградволынска на собственной землѣ, подходятъ къ типу, который представляетъ Анета.

Очень интересны колоніи, устроенныя на арендуемой землѣ. Таковы близъ Новоградоволынска колоніи Натальевка, Елизавета, Фризовка и нѣкоторыя другія. Дурное хозяйство арендаторовъ сравнительно съ хозяйствомъ поселянъ-собственниковъ вошло въ поговорку.

Но здѣсь условія чиншевого договора таковы, что колонисты крѣпко сидятъ на землѣ, чувствуютъ прочность своего положенія и съ большою энергіей улучшаютъ хозяйство. Колонисты этихъ поселеній платятъ помѣщику Уварову за моргъ по 75 коп. въ годъ. Чиншевый договоръ заключенъ на 24 года,—относительно платежа чинша всѣ домохозяева связаны круговою порукой. Вспоминая жалобы, которыя часто слышишь въ русскихъ деревняхъ по поводу тягости круговой поруки, я спрашивалъ колонистовъ, не причиняетъ ли она имъ неудобства, и получалъ отвѣтъ, что она не обременяетъ ихъ. «Было бы трудно, если бы былъ дорогой чиншъ, а такъ какъ чиншъ нашъ не великъ, то намъ и можно отвѣчать круговою порукой. У всякаго изъ насъ, даже у бѣднѣйшаго, найдется столько, чтобы каждый годъ заплатить помѣщику по 75 копѣекъ за моргъ». 24-хъ лѣтній срокъ аренднаго договора представляетъ уже столь продолжительный періодъ, что упрочиваетъ положеніе арендатора. Но сюда присоединяются и нѣкоторыя другія условія, выгодныя для колонистовъ. Такова обязанность помѣщика, если онъ по истеченіи срока удалитъ колонистовъ съ своей земли, вознаградить ихъ за сдѣланныя издержки. За каждое фруктовое дерево, посаженное колонистомъ, помѣщикъ обязуется уплатить 5 рублей. Это облегчило развитіе садоводства и многіе колонисты имѣютъ сады до $^1/_4$ десятины съ нѣжными сортами яблокъ и грушъ. Арендаторы болѣе крупныхъ участковъ выкапываютъ даже пруды для рыбы, не жалѣя затратить на это нѣсколько десятковъ рублей.

И здѣсь состоятельность отдѣльныхъ дворовъ не одна и та же: до хозяева владѣютъ отъ 13 до 45 морговъ, но и самые мелкіе поселяне ...леки отъ нищеты. Благосостояніе такъ значительно, что въ колоніи Н...тальевкѣ въ 1892—93 году строилось 9 жилыхъ домовъ. Всѣхъ дворовъ 36, а потому четвертая часть домохозяевъ устраивали новыя жилища. Ко...да я посѣтилъ эту колонію, дома еще не были достроены. Видя такое стр...

тельство и зная, что, кромѣ деревяннаго матеріала, жилой домъ стоитъ 300—500 руб., я спрашивалъ, почему столь многіе колонисты приступили къ постройкѣ домовъ. Они объяснили мнѣ, что старые дома еще пригодны для жительства, что можно было бы жить въ нихъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 10, но что нѣмцы любятъ въ своемъ жильѣ не только благоустройство, но даже извѣстный комфортъ. Въ 1892 году былъ хорошій урожай, многіе домохозяева выручили за пшеницу порядочныя деньги и рѣшили устроить новую усадьбу. На старые же дома всегда есть покупатели: таковы русскіе крестьяне, которые охотно покупаютъ у колонистовъ дома на сносъ и живутъ въ нихъ еще 15—20 лѣтъ и больше. И колонисты Натальевки говорили мнѣ, что даже очень зажиточные изъ русскихъ крестьянъ охотно покупаютъ у колонистовъ дома, въ которыхъ хозяева уже чувствуютъ себя неуютно и неудобно. Въ этой и другихъ колоніяхъ широко распространены помочи, тѣсно связанныя съ русскою общиной. Онѣ всего чаще примѣняются къ вывозкѣ лѣсныхъ матеріаловъ изъ лѣса для постройки домовъ.

Нѣмецкія колоніи растянулись густою сѣтью и около города Ровно. Въ Ровенскомъ уѣздѣ есть большое мѣстечко Тучинъ (до 4,000 жителей), бывшее имѣніе гр. Валевскаго. При Тучинѣ устроились нѣсколько десятковъ колоній—Амелинъ, Чеславинъ, Ядинъ и другія. Жители нѣкоторыхъ колоній пришли сюда изъ бывшаго Царства Польскаго 40—50 лѣтъ тому назадъ и поселились на владѣльческой землѣ. Арендные договоры съ помѣщикомъ заключаются на сроки до 36 лѣтъ, и чиншъ, въ зависимости отъ качества почвы, составляетъ 30—75 коп. за моргъ. Колонисты считаютъ чиншъ очень низкимъ и говорятъ, что плата и въ 1½ рубля за моргъ не была бы обременительна. Но въ контрактахъ не оговорена обязанность владѣльца вознаграждать арендатора за всѣ улучшенія хозяйства. Именно этимъ объясняютъ неохоту колонистовъ садить фруктовыя деревья, слабое развитіе садоводства. Земля здѣсь менѣе плодородна, чѣмъ въ окрестностяхъ Новоградволынска, урожаи значительно ниже (средніе урожаи ржи доходятъ только до самъ 8) и колонисты живутъ вообще хуже, чѣмъ въ Анетѣ, Жозефинѣ и другихъ выше названныхъ колоніяхъ.

Колонисты производятъ впечатлѣніе людей трудолюбивыхъ, смышленыхъ, охотно дѣлающихъ въ хозяйствѣ улучшенія, которыя подкупаютъ своею практичностью. Изъ машинъ здѣсь примѣняются, главнымъ образомъ, ручныя молотилки. Но ручной трудъ прилагается къ землѣ съ тѣмъ стараніемъ и умѣньемъ, которыя достойны величайшей похвалы. Поля, отлично боронуемыя, свободны отъ сорныхъ травъ. Садики съ 30—50—70 фруктовыми
вьями не оставляютъ ничего желать относительно заботливости, кото-
окружаетъ каждое дерево: сучья правильно подрѣзаны, каждая трещина
зана, сорныя травы выполоты, деревья имѣютъ свѣжій здоровый видъ
личаются урожайностью. Замѣчу, наконецъ, что колонисты тщательно
гутъ силы почвы, старательно удобряютъ землю и не расширяютъ па-
на счетъ луговъ.

Но ошибется тотъ, кто изъ всего сказаннаго сдѣлаетъ выводъ, что колонисты отличаются значительнымъ умственнымъ развитіемъ, что они тяготѣютъ къ школѣ и просвѣщенію. Я познакомился съ учителемъ колоніи Анета. Это очень развитой молодой человѣкъ, тотчасъ же показавшій мнѣ школу. Помѣщеніе училища свѣтло и довольно просторно. Учитель имѣетъ квартиру и получаетъ 230 рублей жалованья въ годъ, но школа обращаетъ на себя вниманіе полнымъ отсутствіемъ учебныхъ пособій; нѣтъ порядочныхъ картинъ для наглядnаго обученія, ни книгъ для чтенія, ни даже порядочныхъ географическихъ картъ и глобуса. Самъ учитель говорилъ, что колонисты, вообще, только бережливые, но далекіе отъ скупости, крѣпко держатся за каждый двугривенный, который приходится истратить на нужды школы. Покупка для дѣтей учебниковъ, и то въ возможно ограниченномъ количествѣ,—вотъ все, на что идутъ колонисты. Школы въ другихъ колоніяхъ при Новоградволынскѣ большею частью обставлены также очень скудно, а въ колоніяхъ Ровенскаго уѣзда, какъ я слышалъ, и судя по тому, что мнѣ пришлось наблюдать, еще менѣе удовлетворительны. Учитель колонистской школы въ Тучинѣ имѣетъ только одинъ моргъ училищной земли и получаетъ 175 рублей жалованья. Въ Амелинѣ учитель имѣетъ 10 морговъ школьной земли (въ благопріятный годъ она даетъ до 100 р. дохода) и получаетъ жалованья 87½ руб. Помѣщенія этихъ школъ тѣсны; на каждую приходится отъ 40 до 50 учениковъ. Здѣсь полное отсутствіе учебныхъ пособій; о какомъ-либо намекѣ на библіотеку не приходится и говорить, такъ какъ въ иной школѣ нѣтъ ни одной географической карты. Сельскія общества для пріобрѣтенія учебныхъ пособій обыкновенно ассигнуютъ на школу не болѣе 10 рублей. Я слышалъ отъ учителей, что увеличеніе содержанія школы, даже на самую малую сумму, достигается только посредствомъ большихъ усилій. Припоминаю по этому поводу жалобу учителя одной колоніи близъ Тучина. Прежде онъ получалъ, кромѣ небольшого денежнаго жалованья, ежегодно 21 корецъ ржи, цѣна котораго составляетъ въ Волынской губ. отъ 3 до 7 рублей. Но года два тому назадъ сельское общество постановило замѣнить отсыпную рожь денежнымъ сборомъ, причемъ одинъ корецъ ржи былъ оцѣненъ въ 3 руб., по цѣнѣ наиболѣе урожайныхъ лѣтъ. Теперь, вмѣсто ржи, учитель получаетъ ежегодно 63 руб. и несетъ большой ущербъ, такъ какъ обыкновенно покупаетъ рожь дороже 3 рублей за корецъ. Этотъ фактъ говоритъ, что многіе колонисты готовы дать школѣ и учителю только тотъ minimum, безъ котораго нельзя обойтись.

Такое состояніе школъ облегчаетъ выводъ о грамотности колонистовъ. Въ колоніяхъ близъ Новоградволынска грамотность сравнительно довольно развита, такъ что каждый членъ колонистскаго общества удовлетворяет требованію протестантской церкви—является на конфирмацію грамотнымъ. Въ Ровенскомъ же уѣздѣ, какъ мнѣ передавали нѣкоторые учителя, населеніе малограмотно; многіе почти вовсе не пишутъ ни по-русски, ни по-нѣмецки, есть не мало и такихъ, которые едва читаютъ по складамъ. Вышедши изъ школы, большинство вовсе не имѣетъ случая писать и въ не-

много лѣтъ совсѣмъ утрачиваютъ эту привычку. Многіе не имѣютъ случая упражняться въ чтеніи. Только въ церкви слѣдятъ по молитвеннику за богослуженіемъ и тѣмъ кое-какъ поддерживаютъ въ себѣ навыкъ къ чтенію.

Каковы же умственные интересы колонистовъ? Что читаютъ они?—спрашивалъ я учителей и получалъ отрицательные отвѣты. Умственные интересы, выходящіе за предѣлы хозяйства, какъ мнѣ говорили, очень слабы. Любознательность вовсе не развита. Нѣкоторые колонисты получаютъ газету *Свѣтъ*, другого матеріала для чтенія почти не имѣютъ; нѣмецкихъ газетъ не получаютъ. Я былъ заинтересованъ вопросомъ о томъ, насколько волынскіе нѣмцы владѣютъ русскимъ языкомъ. Личныя наблюденія въ разныхъ колоніяхъ привели къ выводу, что колонисты достаточно знакомы съ русскимъ языкомъ. Припоминаю только два случая, когда я былъ вынужденъ объясняться по-нѣмецки. Одинъ разъ на мой вопросъ по-русски мнѣ не могла отвѣтить колонистка лѣтъ за 60; другой разъ мой вопросъ не былъ понятъ мальчикомъ лѣтъ 12. Старуха эта живетъ въ Россіи уже давно, а мальчикъ, какъ оказалось, принадлежитъ къ семьѣ, которая только недавно въѣхала въ Россію. Кромѣ этихъ двухъ случаевъ, я всегда говорилъ по-русски, и колонисты, съ которыми приходилось бесѣдовать, поддерживали разговоръ. Многіе говорятъ по-русски съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, это — выходцы или дѣти выходцевъ изъ привислянскихъ губерній. Другіе говорятъ довольно правильнымъ русскимъ языкомъ; таковы, по преимуществу, колонисты, жившіе въ большихъ городахъ. Наконецъ, большинство говоритъ по-русски очень близко къ нарѣчію мѣстнаго населенія.

Мнѣ не удалось подмѣтить какую-либо враждебную ноту относительно русскаго населенія. «Въ русскихъ деревняхъ народъ бѣденъ; да какъ ему бѣднымъ и не быть,—говорилъ мнѣ одинъ колонистъ,—если у него всего 5, а то и 4 десятины земли на дворъ?» Даже бѣглое сравненіе колоній съ русскими деревнями заставляетъ сдѣлать выводъ, насколько первыя поставлены болѣе благопріятно, нежели вторыя. Вспоминаю деревню Филипповичи, находящуюся вблизи колоніи Анеты. Я зашелъ въ избу старосты, сравнительно довольно чистую и просторную, но настолько убогую, что самъ хозяинъ цѣнитъ ее только въ 70 рублей, тогда какъ плохонькій домъ колониста стоитъ около 300 рублей. Но этотъ имѣетъ около 12 десятинъ на дворъ, а многіе имѣютъ только по 3 и даже 1½ десятины.

На мой вопросъ, не имѣютъ ли русскіе мужики какихъ-нибудь непріятностей со стороны сосѣднихъ колонистовъ, крестьяне отвѣчали, что нѣмцы—хорошіе люди, что отъ нихъ нѣтъ никакой обиды.

Не слѣдуетъ усматривать враждебное отношеніе нѣмцевъ къ русскимъ в
гомъ фактѣ, что колонисты, нанимая работниковъ, платятъ нѣмцу по 6
рублей, а русскому только по 35 — 40. Это объясняется чисто-эконо- м
ескими причинами: малоземельные и безземельные русскіе крестьяне в
ть работы и охотно нанимаются за самую дешевую плату. Приходи- л
, слышать неоднократно и отъ мѣстныхъ русскихъ людей, что тамошніе т
тьяне—плохіе работники, что колонисты болѣе трудолюбивы и выно-

ливы. Значительную часть этой разницы можно приписать тому, что нѣмцы питаются гораздо лучше, чѣмъ русскіе крестьяне. Такимъ образомъ, изобиліе русскихъ работниковъ и небольшое число колонистовъ, готовыхъ работать по найму, а также лучшее качество труда, доставляемое послѣдними, ведутъ къ большому различію въ заработной платѣ.

Есть одинъ пунктъ, по поводу котораго колонисты нерѣдко жалуются на своихъ русскихъ сосѣдей,— порубки въ колонистскихъ лѣсахъ. Многіе имѣютъ въ составѣ владѣнія 3—4 десятины лѣса, которымъ и пользуются очень бережно. По ночамъ часто совершаются порубки или же съ деревьевъ обдирается береста и лыки. Эти случаи почти никогда не доходятъ до суда, котораго вообще колонисты избѣгаютъ. Или виновныхъ не отыскиваютъ, или же, когда случаи учащаются, колонисты стерегутъ по ночамъ свои лѣсные участки и, поймавъ виновнаго на мѣстѣ преступленія, производятъ кулачную расправу. Необыкновенная чуткость къ праву собственности—вотъ фактъ, который можно наблюдать въ колоніяхъ почти повсемѣстно. Эта чуткость выражается, между прочимъ, въ слѣдующемъ: если скотина колониста перепрыгнетъ черезъ изгородь, иногда невысокую или ветхую, на землю сосѣда и произведетъ даже самую малую потраву, то, хотя сосѣдъ охотно извиняетъ въ виду незначительности причиненнаго ущерба, хозяинъ скотины, которая произвела потраву, строго наказываетъ дѣтей, не доглядѣвшихъ за скотомъ.

II.

Пребываніе въ Екатеринославѣ дало мнѣ случай ознакомиться съ нѣкоторыми нѣмецкими колоніями этого края. Вблизи губернскаго города лежатъ четыре колоніи: Іозефсталь, Кронсгартенъ, Рыбальскъ, Биллерсфельдъ. Первыя три основаны еще въ концѣ прошлаго столѣтія, а четвертая основана около 1860 года выходцами изъ Іозефсталя и Рыбальска. Колонисты этихъ селеній получили землю въ надѣлъ на общихъ льготныхъ основаніяхъ, которыя были установлены для колонистовъ. Въ Кронсгартенѣ, который имѣетъ теперь 15 дворовъ, колонисты получили по 65 десятинъ, а въ остальныхъ трехъ—по 32½. Позднѣе колонисты увеличили свой надѣлъ прикупною землей отъ сосѣднихъ помѣщиковъ—въ Кронсгартенѣ на 21 десятину, а въ Биллерсфельдѣ — на 19. Въ Іозефсталѣ, Рыбальскѣ и Биллерсфельдѣ отцы стараются передавать землю нераздѣльно одному сыну, а для остальныхъ пріобрѣтаютъ участки на сторонѣ. Для выполненія этого плана колонисты сберегаютъ деньги и затрачиваютъ ихъ на покупку для выдѣляемыхъ сыновей земли и инвентаря. Если сбереженія отца недостаточны для покупки земли, то выдѣляемые сыновья арендуютъ участки по 20—30 десятинъ на 9—12 лѣтъ, обстраиваютъ ихъ, обзаводятся скотомъ и орудіями съ помощью средствъ, полученныхъ изъ дома. Нѣкоторые выходцы изъ этихъ колоній образовали самостоятельныя поселенія близъ станціи Синельниково, лозово-севастопольской дороги.

Однако, не всѣ отцы были въ состояніи накопить такія сбереженія, чтобъ устроить выдѣляемыхъ сыновей. Это и побудило многихъ дробить надѣлъ на 2 и даже на 4 части и больше. Дробленіе привело къ образованію класса малоземельныхъ, которые имѣютъ въ Іозефсталѣ и Биллерсфельдѣ по одной четверти надѣла, а въ Рыбальскѣ по одной седьмой. Изъ нихъ постепенно образовались группы безземельныхъ, частью имѣющихъ только одну четверть десятины подъ дворомъ и огородомъ, а частью не имѣющихъ и двора. На ряду съ ними есть многоземельные хозяева, владѣющіе 2—3 надѣлами, нѣкоторые имѣютъ даже 4 надѣла.

Колонія Ямбургъ, Екатеринославскаго уѣзда, имѣющая 100 дворовъ и до 1,800 душъ, главнымъ образомъ, католиковъ, представляетъ особенно благопріятныя условія для наблюденія рѣзкихъ различій въ имущественномъ положеніи колонистовъ. Она была основана въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка выходцами изъ окрестностей Ямбурга, Петербургской губерніи. Колонисты получили по 32½ десятины. Преданіе гласитъ, что въ этой колоніи никогда не замѣчалось стремленія передавать землю одному сыну и поселять остальныхъ сыновей на сторонѣ; обычай дѣлить землю между дѣтьми на равныя доли имѣлъ почти всеобщее примѣненіе. Это привело къ уменьшенію общаго числа домохозяевъ до 54; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по 3 — 4 надѣла, другіе же только по ½ или ¼. Большинство колонистовъ безземельны или же сохранили только дворовое мѣсто съ домомъ. Половина жителей не имѣетъ даже домовъ и размѣщается по квартирамъ. То же скажемъ мы относительно колоніи Маріенсфельдъ, Новомосковскаго уѣзда, основанной въ 1882 году выходцами Іозефсталь и Рыбальска. Эта колонія имѣетъ 25 хозяевъ и 29 дворовъ; домохозяева владѣютъ ½—2 надѣлами. Меннонитская колонія Кронсгартенъ поставлена въ самыя благопріятныя условія относительно надѣленія землею своихъ членовъ. Здѣсь надѣленіе не связано съ трудностями. Кронсгартенъ входитъ въ составъ сѣти колоній при Хортицѣ, Екатеринославскаго уѣзда. Они имѣютъ 3,000 дес. общей, такъ называемой овчарной, земли. Эти земли сдавались прежде въ аренду подъ выпасъ овецъ; теперь онѣ обратились въ пашни, сдаваемыя въ наемъ по 8 руб. за десятину. Доходъ отъ этихъ угодій служитъ для выдачи ссудъ меннонитамъ, которые нуждаются въ покупкѣ земли. Ссуды разсрочиваются на 15 лѣтъ и оплачиваются 6% годовыхъ. Вотъ почему въ Кронсгартенѣ нѣтъ ни безземельныхъ, ни малоземельныхъ; благодаря этому способу, всѣмъ членамъ, выдѣлившимся изъ семей, удалось пріобрѣсти землю.

Землевладѣніе екатеринославскихъ колонистовъ представляетъ не такой чи ый типъ подворнаго владѣнія, какъ въ Волынской губ. Отъ времени до ремени совершаются частные передѣлы, вызванные усиліемъ колонис съ устранить или, по крайней мѣрѣ, уменьшить черезполосицу. Въ Билл фельдѣ нѣсколько разъ производились частные передѣлы. Колонистъ, ку вшій ½ надѣла несмежнаго участка, получаетъ прирѣзку отъ сосѣдн земель, а владѣльцу участка, смѣжнаго съ купленнымъ, уступаетъ

купленную землю. По колонистамъ не чужда не только идея общиннаго землевладѣнія, но и сознаніе выгодъ, которыя оно доставляетъ. Ямбургъ образуетъ особую волость. Лѣтъ 10—12 тому назадъ на волостныхъ сходахъ этой колоніи происходили бурныя сцены. Безземельные и малоземельные, негодуя противъ состоятельныхъ колонистовъ, сосредоточившихъ по 2—3 надѣла, кричали, что общинное землевладѣніе, сохранившееся въ русскихъ деревняхъ, частые передѣлы земли — есть единственно правильный порядокъ, обезпечивающій выгоды всего населенія. Конечно, это негодованіе не могло имѣть практическихъ послѣдствій. Отмѣтимъ также колонію Этенфельдъ, Новомосковскаго уѣзда. Она была устроена въ 1874 году, когда колонисты купили землю въ количествѣ 50 дес. на дворъ. Въ 1890 году было прикуплено по 8 дес. на дворъ. Такъ какъ эти прикупки увеличили черезполосность и сдѣлали необходимыми нѣкоторыя измѣненія въ полеводствѣ, обращеніе части полей въ выгоны, а часть выгона подъ пашни, то и былъ произведенъ въ 1892 г. передѣлъ; при его совершеніи былъ постановленъ приговоръ—не дѣлить земли въ теченіе ближайшихъ 10 лѣтъ.

Далеко не всѣ екатеринославскіе колонисты имѣютъ возможность устроиться на собственной землѣ. Но и здѣсь арендованіе поставлено иногда въ такія благопріятныя условія, что арендаторы могутъ улучшить свой хозяйственный бытъ. Сошлюсь на колонію Елизаветовку, Павлоградскаго уѣзда, имѣющую 23 полныхъ хозяевъ и 27 дворовъ съ надѣломъ по 60 десятинъ. Эта колонія основана на землѣ, арендуемой у графини Воронцовой-Дашковой. Исполненіе договора со стороны колонистовъ обезпечено круговою порукой. Договоръ былъ заключенъ въ 1883 году и арендная плата опредѣлена по 3 руб. за десятину. Колонисты обязались, если бы договоръ, заключенный первоначально на 6 лѣтъ, не былъ возобновленъ владѣлицей, снести свои постройки и сдать землю въ такомъ видѣ, чтобы не было препятствій для пахоты. На мѣстѣ должно было остаться только училище. Въ 1889 году, когда истекъ срокъ договора, онъ былъ продленъ на 1 годъ, а въ 1890 году онъ былъ снова заключенъ на 6 лѣтъ съ платою по 3 р. 25 к. за десятину. Въ Елизаветовкѣ дома и другія постройки нѣсколько хуже, нежели въ колоніяхъ, устроенныхъ на собственной землѣ, однако, они вполнѣ удовлетворительны. Колонисты, выходцы изъ Іозефсталя, устраивались съ большими усиліями. Большинство имѣло только по фурѣ и парѣ лошадей. Но подъ круговую поруку имъ удалось достать денегъ взаймы у богатыхъ колонистовъ. Увѣренность колонистовъ, что они устраиваются не на 6 лѣтъ и что, по истеченіи срока арендnаго договора, они не будутъ поставлены въ затруднительное положеніе, можно объяснить двумя обстоятельствами: 1) довѣріемъ къ помѣщицѣ, убѣжденіемъ, что она не потребуетъ отъ арендаторовъ исполненія столь тягостныхъ условій, и 2) умѣренною высотой арендной платы; зная, что въ окрестностяхъ за арендованіе такой земли платятъ по 5 руб. съ десятины, основатели Елизаветовки рѣшили, что плата не будетъ чрезмѣрно высока, если даже владѣлица подниметъ ее на 1—2 рубля по истеченіи срока договора.

Въ поляхъ воздѣлывается пшеница (преимущественно яровая), рожь, ячмень, овесъ, картофель, кукуруза. Пшеница образуетъ центральную точку всего хозяйства,—она поступаетъ на рынокъ; остальные хлѣба употребляются, главнымъ образомъ, дома. Господство черезполосицы побуждаетъ въ нѣкоторыхъ колоніяхъ (наприм., Биллерсфельдѣ) постановлять приговоры, что должно сѣять въ каждомъ клину: въ такомъ-то полѣ пшеницу, въ такомъ-то ячмень и проч. Къ этому вынуждены именно въ тѣхъ колоніяхъ, которыя имѣютъ мало выгоновъ. Такъ какъ озимей почти не сѣютъ, то въ колоніяхъ, имѣющихъ обширные выгоны, въ культурѣ хлѣбовъ допускается значительное разнообразіе: нѣтъ надобности пускать скотъ на толоку и разница во времени созрѣванія хлѣбовъ не причиняетъ неудобствъ. Земля вообще не отдыхаетъ и чернаго пара нѣтъ. Но многіе поговариваютъ о необходимости завести его. Средній урожай пшеницы и ржи опредѣляется для колоній въ самъ $3^1/_2$ до 4; мѣстами, напримѣръ, въ колоніи Маріенсфельдъ, почва отличается такимъ плодородіемъ, что средніе урожаи доходятъ до самъ 5. Не удобряя земли, колонисты пашутъ иногда лишній разъ, чтобы поддержать плодородіе почвы. На участкахъ, которые обнаруживаютъ пониженіе урожайности, сѣютъ картофель, кормовую кукурузу, разрыхляющіе почву. Появленіе хлѣбнаго жука отъ времени до времени — вотъ обстоятельство, которое побуждаетъ хозяевъ занимать участки однимъ и тѣмъ же хлѣбомъ: неодновременность появленія жучка на ржи, пшеницѣ и ячменѣ затрудняло бы сбиваніе его канатами, если бы въ клину были посѣяны разные хлѣба. Поэтому держатся преимущественно какого-либо одного. Навозное удобреніе примѣняется мало. Это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что у каждаго хозяина не меньше $^1/_3$ навоза идетъ на отопленіе въ видѣ кизяка, и полнонадѣльные имѣютъ возможность хорошо удобрить только $1—1^1/_4$ десятины въ годъ. Почва, однако, такъ благодарна, что удобреніе въ количествѣ 3,600 п. на десятину даетъ о себѣ знать и чрезъ 10 лѣтъ. Колонистамъ, за рѣдкими исключеніями, незнакомо не только искусственное удобреніе, но даже удобрительныя свойства золы: она вываливается въ ближайшіе рѣчки и пруды. Эйгенфельдъ отличается отъ большихъ здѣшнихъ колоній; въ немъ усердно пользуются навознымъ удобреніемъ и находятъ это очень полезнымъ. Жители Эйгенфельда объясняютъ это большимъ количествомъ соломы, получаемой отъ обширныхъ посѣвовъ. Пока они устраивались, посѣвы были не велики и нужно было употреблять на топливо почти весь навозъ. Небольшіе остатки, которые вывозились въ по..., давали такое повышеніе урожайности, что они стали очень усердно уд...рять землю. Близость Екатеринослава, отдаленнаго отъ многихъ колоній только на 15—20 верстъ, дѣлаетъ выгоднымъ занятіе огородничествомъ; воздѣлываніе огурцовъ и капусты доставляетъ нѣкоторымъ колонистамъ хорошія деньги. Садоводство развито очень мало. Мѣстами есть ви...невые сады, дающіе выручку по 80—120 рублей въ годъ. Вишни живут недолго—5, 6, много 10 лѣтъ. Другихъ плодовыхъ деревьевъ почти

нѣтъ; яблоки и груши, по общимъ отзывамъ, отличаются недолговѣчностью, живутъ не болѣе 5—6 лѣтъ. Есть полное основаніе приписать недолговѣчность фруктовыхъ деревьевъ не столько почвѣ, сколько неудовлетворительному уходу, отсутствію поливки. Вопреки господствующему предразсудку, что здѣсь плохо ростутъ всѣ фруктовыя деревья, кромѣ вишень, два колониста завели отличные сады съ нѣжными сортами яблокъ, грушъ, даже съ абрикосами. Деревья ростутъ очень успѣшно. Нѣкоторые крупные колонисты имѣютъ виноградники, но добываютъ вино только для домашняго употребленія. Изъ ближайшихъ къ Екатеринославу селеній сельское хозяйство идетъ всего хуже въ Ямбургѣ. Земля вовсе не удобряется. Учитель передавалъ мнѣ, что онъ пробовалъ класть на поле навозъ и что это замѣтно увеличиваетъ урожаи; однако, его примѣръ не нашелъ послѣдователей.

Каждый полнонадѣльный колонистъ держитъ одного годового работника и одну годовую работницу. Двухъ и трехъ-надѣльные колонисты имѣютъ по 4—6 годовыхъ рабочихъ обоего пола. Годовые работники получаютъ на хозяйскихъ харчахъ по 80—90 р., а работницы по 60—65 р. Берутъ работниковъ преимущественно изъ русскихъ. Работники изъ бѣднѣйшихъ колонистовъ, малоземельныхъ и безземельныхъ, по характеристикѣ мѣстныхъ же нѣмцевъ, работаютъ хуже, чѣмъ русскіе. Проникнутые убѣжденіемъ, что ихъ дѣды, а иногда и отцы, пользовались не меньшимъ достаткомъ, нежели ихъ нынѣшніе хозяева, они относятся къ послѣднимъ съ завистью и работаютъ небрежно. Нѣмцы бѣдняки предпочитаютъ наниматься на работу въ помѣщичьи хозяйства, а не къ колонистамъ. Русскіе работники, по отзывамъ колонистовъ, трудятся согласно съ договоромъ, обыкновенно проявляютъ трудолюбіе въ одной и той же степени. Я предлагалъ многимъ колонистамъ вопросы о качествѣ работы и трезвости русскихъ и нѣмцевъ. Большею частью приходилось слышать, что относительно этихъ обоихъ пунктовъ нельзя отдать предпочтенія ни русскимъ, ни нѣмцамъ. Относительно трезвости русскихъ рабочихъ многіе сдѣлали такое наблюденіе: рабочіе изъ южныхъ губерній, вообще, достаточно трезвы, а приходящіе изъ сѣверныхъ черноземныхъ губерній нерѣдко отличаются наклонностью къ пьянству. Поденные рабочіе, нанимаемые при уборкѣ сѣна и хлѣба по 80 к. и 1½ рубля въ день на хозяйскихъ харчахъ, обыкновенно легко выкашиваютъ по ½ десятины травы или 1 десятинѣ хлѣбовъ въ день, а хорошіе выкашиваютъ ¾ десятины луга. Колонисты говорятъ, что рабочіе, приходящіе съ сѣвера, нарушаютъ договоръ, бросаютъ работу и уходятъ, если ихъ дурно кормятъ. Разъ же кормятъ ихъ хорошо, то не бываетъ случаевъ ухода. У колонистовъ поденные рабочіе получаютъ такіе же харчи, какіе ѣдятъ хозяева. Въ прошломъ году въ колоніяхъ Екатеринославской губерніи среди поденныхъ рабочихъ появились нѣмцы-колонисты изъ Самарской губерніи. Ихъ пригнали сюда голодные годы. Владѣя землею на общинномъ началѣ, многіе изъ самарскихъ колонистовъ рѣшили, что, послѣ упадка хозяйства, происшедшаго за

неурожайные годы, нельзя будетъ поправиться на 8-ми десятинномъ душевомъ надѣлѣ, сдали свои надѣлы болѣе зажиточнымъ хозяевамъ, а сами двинулись на заработки въ Екатеринославскую и Херсонскую губерніи. Ихъ берутъ на работу менѣе охотно, чѣмъ хохловъ, такъ какъ они, по отзывамъ екатеринославскихъ колонистовъ, уступаютъ въ силѣ и выносливости и послѣднимъ, и хохламъ.

Съ конца 70-хъ годовъ машины получили большое распространеніе во всемъ этомъ районѣ. Всѣ полнонадѣльные хозяева имѣютъ ручныя или конныя молотилки; немногіе имѣютъ жнейки, продающіяся здѣсь по 150—200 р., болѣе мелкіе колонисты молотятъ катками и убираютъ хлѣбъ ручнымъ способомъ. Уборка луговъ производится во всѣхъ хозяйствахъ косами. Наиболѣе распространены машины въ Эйгенфельдѣ, Маріенсфельдѣ и другихъ колоніяхъ, возникшихъ за послѣднее время. Плуги почти повсюду замѣнены букэрами, что увеличиваетъ успѣшность труда въ 3 раза: при 4 хорошихъ лошадяхъ букэромъ выпахиваютъ 3 десятины, тогда какъ плугомъ—только одну. Хозяева, имѣющіе до 40 десятинъ посѣва, считаютъ безусловно необходимымъ имѣть букэръ, жатвенную машину и молотилку. Въ маленькой колоніи Эйгенфельдъ есть два склада машинъ, и оба торгуютъ очень хорошо и почти исключительно машинами русскаго производства. Въ колоніяхъ же и чинятъ машины.

Среди малоземельныхъ колонистовъ многіе вовсе не занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Въ Рыбальскѣ такихъ насчитывается 28 съ надѣломъ по 4¾ десятины на 1 дворъ. Эти 28 участковъ сдаются въ аренду другимъ колонистамъ по 3—4 р. за дес. Иногда малоземельные арендуютъ 7 такихъ участковъ, образующихъ цѣлую клѣтку или полный надѣлъ. Нерѣдко владѣлецъ мелкаго участка, не имѣя на немъ дома, выговариваетъ себѣ право, при сдачѣ въ аренду, занять кусокъ своего участка домомъ или огородомъ, если то понадобится. Большинство малоземельныхъ или посвящаютъ себя ремесламъ, или снимаютъ въ аренду значительные участки помѣщичьей земли и устраиваются на нихъ или же идутъ въ батраки.

Колоніи Екатеринославской губерніи, видѣнныя мною, также производятъ впечатлѣніе благосостоянія. Правда, это относится только къ хозяевамъ, владѣющимъ полнымъ надѣломъ или, по крайней мѣрѣ, половинными. Но не мало и бѣдняковъ. Полнонадѣльные колонисты имѣютъ деревянные, обмазанные глиной дома изъ 4—5 комнатъ, кромѣ передней и кухни. Тщательно выкрашенные, часто крытые желѣзомъ и обсаженные вишнями и акаціями, дома имѣютъ привѣтливый и нарядный видъ. Домъ колониста обыкновенно стоитъ 700—800 р. Нѣкоторые устраиваются не только зажиточно, но, съ точки зрѣнія потребностей крестьянской семьи, даже богато. Я вспоминаю колониста въ Маріенсфельдѣ, имѣющаго полный надѣлъ (48 десятинъ). Его домъ, надворныя постройки и все движимое имущество, включая каждый стулъ, простыню и фартукъ, застрахованы въ 5,043 руб. Многіе бѣдные, почти безземельные колонисты имѣютъ дома о 3

комнатахъ съ кухнею, цѣною въ 350—400 р. Впрочемъ, въ колоніяхъ не всегда слѣдуетъ дѣлать выводъ о зажиточности семьи по внѣшнему виду дома. Состоятельные колонисты нерѣдко продаютъ на сносъ очень хорошіе деревянные дома, обыкновенно малоземельнымъ сосѣдямъ, а себѣ строятъ каменные съ затратою 1½—2 т. р. «Завелись деньги и захотѣлось жить лучше»,—говорятъ они въ объясненіе своей прихоти. Малоимущіе нѣмцы также напрягаютъ всѣ силы, чтобы имѣть довольно просторное и благообразное жилище. Конечно, колонисты этой группы питаются очень хорошо; они усердно откармливаютъ свиней для домашняго обихода и, вообще, потребляютъ большое количество мясной пищи. Сами колонисты вычисляютъ, что достаточная семья изъ 6 душъ, при работникѣ и работницѣ, потребляетъ ежегодно, кромѣ говядины и баранины, 35—40 п. свиного мяса въ разныхъ видахъ. Молоко, масло, сыръ—также обычные предметы потребленія такихъ семей. Не таковъ удѣлъ малоземельныхъ. Въ Ямбургѣ, напримѣръ, уровень благосостоянія очень низокъ. Послѣдніе три года былъ хорошій урожай и колонія нѣсколько поправилась, а раньше въ теченіе 6 лѣтъ градобитіе и неурожаи такъ разорили, что колонисты вошли въ большіе долги; этой участи не избѣгли даже болѣе зажиточные полнонадѣльные хозяева. Нѣкоторое улучшеніе быта, совершившееся за послѣдніе годы, конечно, не дѣлаетъ бѣдныхъ состоятельными: въ Ямбургѣ во многихъ домахъ ютятся по 2—3 семьи. Отмѣтимъ такой любопытный фактъ. Въ Ямбургѣ очень распространено производство фургоновъ, которые имѣютъ сбытъ по всему югу Россіи; этимъ промысломъ занимается большая часть дворовъ. Во 2-й половинѣ 80-хъ годовъ фургонный промыселъ Ямбурга былъ въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что заработокъ фургонщика не превышалъ 2 р. въ недѣлю. До того времени бывали благопріятные года и послѣдніе годы промыселъ даетъ хорошій доходъ; однако, имѣя отъ этого промысла даже хорошій заработокъ, ямбургскіе колонисты не достигаютъ благосостоянія: по общимъ наблюденіямъ, *его даетъ только земля*. Учитель рыбальской школы сообщилъ мнѣ, что ⅛ хозяевъ этой колоніи находится въ неоплатныхъ долгахъ, размѣры которыхъ превышаютъ половину стоимости всего имущества. Есть колонисты, у которыхъ долги превышаютъ стоимость имущества. Такое задолжаніе развилось въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, которые были неурожайнымъ временемъ. Эти факты выдаютъ наличность довольно значительной нужды и въ колоніяхъ; однако, положеніе бѣднѣйшихъ колонистовъ гораздо лучше, чѣмъ положеніе милліоновъ крестьянъ въ нашихъ губерніяхъ, особенно послѣ неурожаевъ 1891—2 гг. Припомнимъ, что въ Самарской губ. долги превышаютъ половину стоимости крестьянскаго имущества. И кредитъ поставленъ въ колоніяхъ гораздо лучше, нежели въ русскихъ деревняхъ. Я ни отъ кого не слыхалъ о чудовищныхъ процентахъ, которые обыкновенно русскій крестьянинъ платитъ ростовщикамъ. Кромѣ общинныхъ капиталовъ, которые служатъ во многихъ колоніяхъ источниками для выдачи ссудъ, кредитъ открываютъ и

частныя лица. Богатые меннониты довольно умѣренны въ своихъ требованіяхъ относительно должниковъ: они даютъ взаймы изъ 10 и не больше чѣмъ изъ 12% годовыхъ. У евреевъ займы стоятъ до 24% годовыхъ. Хозяйственныя выгоды обезпечиваются также правильною организаціей страхового дѣла. Центромъ страхованія служитъ для колонистовъ колонія Пришибъ въ Таврической губ. У колонистовъ упрочилась привычка страховать отъ огня не только зданія, но скотъ и все имущество, и, обыкновенно, въ полной ея стоимости. Страхованіе взаимно. Цѣлесообразная распланировка колоній ведетъ къ тому, что пожары очень рѣдки. Улицы, по разстоянію между заборами, имѣютъ 18 саж. ширины, а домъ отстоитъ отъ забора на 5 саж. Такимъ образомъ, разстояніе между жилыми домами равно 28 саженямъ. Все это дѣлаетъ пожары очень рѣдкими явленіями и ежегодные платежи колонистовъ составляютъ только 0,1—0,25% страховой суммы.

Каждая, сколько-нибудь значительная, колонія Екатеринославской губ. имѣетъ школу. Есть училища даже во многихъ мелкихъ колоніяхъ. Іозефсталь, Кронсгартенъ, Рыбальскъ и Биллерсфельдъ имѣютъ очень хорошія училищныя помѣщенія и сравнительно щедро оплачиваютъ учителей. Они получаютъ по 350—400 руб. въ годъ, имѣютъ по 3 десят. пахотной земли, которую сдаютъ въ аренду, и по 1—1½ десят. луга, который выкашиваютъ сами для собственныхъ коровъ. Квартира учителя состоитъ изъ 3—4 комнатъ. Сверхъ того, учителя Іозефсталя, Рыбальска и Биллерсфельда получаютъ по 120—180 руб. въ годъ, такъ какъ состоятъ и сельскими писарями. Въ Кронсгартенѣ учитель получаетъ 450 руб. въ годъ и не занимаетъ другой должности. Столь щедрая оплата учительскаго труда возможна потому, что Іозефсталь и Рыбальскъ имѣютъ особые училищные фонды (въ Рыбальскѣ 16,000 руб.), на счетъ которыхъ и содержится училище, а Кронсгартенъ и Биллерсфельдъ отличаются зажиточностью. По признанію самихъ учителей, уровень образованія въ колоніяхъ очень низокъ. Все населеніе школьнаго возраста отъ 7 до 15 лѣтъ значится посѣщающимъ школу, но оно посѣщаетъ ее крайне рѣдко. Возьмемъ для примѣра школу въ Биллерсфельдѣ. По отчету о состояніи ея за 1892—93 учебный годъ видно, что учебный годъ длится 7 мѣсяцевъ, съ октября по апрѣль; но и октябрь и апрѣль даютъ массовые пропуски уроковъ, а въ теченіе остальныхъ 5 мѣсяцевъ ⅓ учениковъ (всего учится 28 мальчиковъ и 26 дѣвочекъ) также пропускаютъ много уроковъ. Поэтому фактически учебный годъ сокращается до какихъ-нибудь 80 учебныхъ дней, и школа научаетъ своихъ питомцевъ грамотѣ только въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова: посѣщая це[ковь каждое воскресенье, колонисты сохраняютъ привычку читать мо[ленникъ или хотя слѣдить по нимъ глазами за пасторомъ. И здѣсь кр[аняя бѣдность въ учебныхъ пособіяхъ; мѣстами, наприм., весь запасъ уч[ебныхъ пособій сводится къ одной плохенькой географической картѣ. Ш[кола въ Іозефсталѣ имѣетъ библіотеку—всего около 200 томовъ, тогда ка[число учениковъ превышаетъ 200. Въ другихъ колоніяхъ запасъ книгъ

еще меньше, а школа въ Биллерсфельдѣ вовсе не имѣетъ библіотеки, хотя эта колонія принадлежитъ къ наиболѣе зажиточнымъ. Въ отчетѣ о Биллерсфельдской школѣ значится, что ни одинъ изъ ея питомцевъ не получилъ льготы 3 или хотя бы 4 разряда по воинской повинности. Обязательное посѣщеніе школъ въ теченіе 7 лѣтъ, даже при краткомъ учебномъ годѣ, обезпечиваетъ обученіе грамотѣ всего населенія колоніи. Такъ какъ колонисты не требуютъ отъ школы большаго, то и кажется, будто школа выполнила свое назначеніе. Присматриваясь къ дѣлу ближе, скажешь, что эти школы не могутъ удовлетворить и тѣхъ, которые хотятъ получить только minimum. Есть примѣры, что молодые люди, посѣщавшіе школу 6 — 7 лѣтъ, уже къ 20 годамъ разучиваются писать. Отбывая воинскую повинность, они такъ царапаютъ письма родителямъ, что послѣдніе разбираютъ ихъ съ большимъ трудомъ.

Почти всѣ учителя, съ которыми я бесѣдовалъ, производятъ впечатлѣніе людей развитыхъ. Они болѣе обезпечены, нежели учителя видѣнныхъ мною волынскихъ колоній, и болѣе интеллигентны. Они владѣютъ русскимъ языкомъ хорошо, а нѣкоторые даже очень хорошо. Къ чести ихъ сказать, они не только не скрываютъ недостатковъ колонистскихъ школъ, но сами отмѣчаютъ ихъ и желаютъ ихъ устраненія. По отзыву самихъ учителей, колонистскія школы стоятъ неизмѣримо ниже земскихъ. Краткій учебный годъ, часто не превышающій $4^1/_2$ мѣсяцевъ, является самымъ крупнымъ недостаткомъ. Учителя и наиболѣе разумные колонисты объясняютъ, почему ни родители, ни преподаватели не заинтересованы въ удлиненіи учебнаго года. Нерѣдко сѣютъ пшеницу 15 и даже 10 февраля. Уже въ это время родители подумываютъ, какъ бы воспользоваться въ хозяйствѣ силой дѣтей, а потому уже съ этого времени начинаются частые пропуски уроковъ, которые достигаютъ въ мартѣ такихъ размѣровъ, что дѣлаютъ его какъ бы неучебнымъ мѣсяцемъ. Учителя, имѣя при школѣ порядочные куски земли, которые доставляютъ немаловажный дополнительный доходъ, радуются тому, что учебный годъ кратокъ, и вовсе не стараются продлить его,—они сами охотно занимаются земледѣльческими работами. Но, отдавая предпочтеніе земскимъ школамъ предъ колонистскими, учителя и колонисты часто впадаютъ въ серьезную ошибку: «земство,— говорятъ они,—можетъ обязать поселенія посылать дѣтей въ школу, тогда какъ колонистамъ никто не можетъ приказывать». Русскій языкъ, какъ предметъ обязательнаго обученія, введенъ въ этихъ школахъ только 3 года тому назадъ. Учителя ожидаютъ отъ этого большой пользы, главнымъ образомъ, потому, что преподаваніе русскаго языка будетъ связано съ необходимостью для дѣтей болѣе усердно посѣщать школу, пропускать меньше уроковъ, нежели то дѣлается въ настоящее время (?).

Высоко ли умственное развитіе колонистовъ? Большая часть нѣмцевъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать, люди толковые, смышленые. Но многіе факты доказываютъ, что колонисты отличаются большою умственною косностью. Это замѣтно и въ хозяйствѣ. Привыкнувъ мало удобрять

землю, которая, при возникновеніи колоній, отличалась необыкновеннымъ плодородіемъ, колонисты и до сихъ поръ мало удобряютъ ее, даже огороды и сады, хотя производительность почвы далеко не та, какъ въ доброе старое время и средніе урожаи пшеницы не превышаютъ 5—5½ четвертей съ десятины. Мнѣ не разъ приходилось слышать замѣчаніе колонистовъ, что «земля у нихъ не любитъ удобренія». Мнѣ разсказывали учителя, что нѣкоторые колонисты, на неоднократные совѣты удобрять землю, ссылаются на женъ или зятьевъ и говорятъ, что они не совѣтуютъ, что они считаютъ удобреніе безполезнымъ для этой земли. Новыя растенія очень медленно входятъ въ сѣвооборотъ; за послѣднее время кормовая кукуруза получила довольно большое распространеніе. Стойкими привычками объясняется также упорство, съ какимъ воздѣлываются одни и тѣ же растенія и съ какимъ колонисты удерживаются отъ введенія чернаго пара. Одинъ изъ учителей говорилъ мнѣ о томъ, какъ медленно исполняютъ колонисты требованія администраціи, чтобы при школахъ были заведены плодовые сады. И причиной этого служитъ вовсе не скупость, мѣшающая сдѣлать нѣкоторые расходы для устройства плодоваго сада, а старинная увѣренность, что «садъ не пойдетъ, деревья скоро высохнутъ». Съ этимъ какъ бы не мирится успѣшное распространеніе машинъ въ колоніяхъ. Его нужно приписать только особенной дороговизнѣ рабочихъ во второй половинѣ 70-хъ годовъ. Выгодность примѣненія машинъ была такъ велика и очевидна, что было довольно 2—3 лѣтъ, дабы машинный трудъ получилъ очень большую популярность и всеобщее распространеніе.

Любознательность колонистовъ и привычка къ чтенію также весьма слабы. Кронсгартенъ, который замѣтно выдѣляется среди колоній, поставленъ сравнительно лучше. Учитель выписываетъ 4—5 русскихъ изданій и даетъ читать, чѣмъ охотно пользуются нѣкоторые молодые колонисты. Въ остальныхъ колоніяхъ любознательность крайне слаба. Учитель Биллерсфельдской школы говорилъ мнѣ, что онъ хотѣлъ развить въ учащихся любовь къ чтенію и давалъ имъ книжки на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; но въ теченіе многихъ недѣль книжки не были разрѣзаны. Учителя смотрѣли на меня съ изумленіемъ, когда я спрашивалъ ихъ, есть ли хоть одно семейство, гдѣ читали бы что-нибудь въ отрывкахъ изъ Шиллера или Гёте: колонистамъ эти имена совершенно чужды.

Колонисты трезвы и отличаются строгою семейною жизнью. Въ особенности слѣдуетъ сказать это о колоніи Кронсгартенъ, имѣющей всѣ отличительныя свойства меннонитскихъ поселеній; извѣстно, какъ строго относятся меннониты къ пьянству, лжи, воровству, прелюбодѣянію. Строгость общественнаго мнѣнія поддерживаетъ нравы на извѣстной высотѣ. Другія колоніи не имѣютъ такого строгаго режима. Случаи пьянства рѣдки, однако, въ Биллерсфельдѣ упрочился обычай устраивать большую выпивку въ разныя торжественные дни: по окончаніи косовицы, уборки хлѣбовъ, въ большіе праздники. Въ Рыбальскѣ 50 лѣтъ тому назадъ пьянство было очень рѣдко. Старожилы разсказываютъ, что многіе колонисты, передъ нача-

ломъ уборки хлѣбовъ, по 2—3 дня просиживали полупьяные въ кабакѣ и не обращали никакого вниманія на увѣщанія женъ. Но колонія имѣла неутомимаго общественнаго дѣятеля въ лицѣ учителя Шрейтеля. Онъ усердно и убѣжденно проповѣдывалъ трезвость и возставалъ противъ пьянства. Его проповѣдь увѣнчалась успѣхомъ: по приговору колонистовъ, кабаки были закрыты. Мнѣ повсюду приходилось слышать замѣчанія, что исправные хозяева отличаются трезвостью, а малоземельные и безземельные колонисты обнаруживаютъ большую наклонность къ пьянству. Ямбургъ выдѣляется изъ колоній довольно большимъ распространеніемъ пьянства. Мѣстный шинкарь самъ говорилъ мнѣ, что въ этой колоніи пьютъ много, вообще больше, чѣмъ въ русскихъ деревняхъ. И здѣсь подтверждается мнѣніе, что исправные хозяева рѣже предаются пьянству, нежели бѣдные. Въ послѣднее время ямбургскіе фургонщики работаютъ хорошо, ихъ доходы значительны и они рѣже ходятъ въ кабакъ, нежели 3—4 года тому назадъ: тогда заработокъ былъ ничтоженъ, промыселъ едва давалъ кусокъ хлѣба и послѣдняя копѣйка относилась въ питейный домъ.

Слѣдуетъ отмѣтить развитіе взаимопомощи, которая выражается въ поддержкѣ бѣднѣйшихъ жителей колоній и въ безпрепятственномъ установленіи круговой поруки, когда нужно получить кредитъ; въ группѣ, члены которой связываютъ себя круговою порукой, участвуютъ не только бѣднѣйшіе, но и состоятельные. Когда основывались колоніи Елизаветовка и Маріенсфельдъ, то вся группа основателей колоніи (среди нихъ были и колонисты съ деньгами) занимала деньги подъ круговую поруку. Это облегчало полученіе кредита, который былъ открытъ: 1) помѣщиками, продававшими землю,—они разсрочили значительную часть покупной суммы; 2) достаточными колонистами въ Іозефсталѣ и Кронсгартенѣ, которые давали деньги взаймы изъ 8 — 10 и не дороже 12%; 3) какъ объ особенно тягостныхъ условіяхъ кредита, колонисты Маріенсфельда припоминаютъ о случаѣ, когда приходилось занять деньги у одного хохла изъ 18% годовыхъ. «Мы своихъ бѣдныхъ поддерживаемъ,—говорятъ колонисты,—круговою порукой, въ которой участвуютъ и богатые. Не участвуй богатые, такъ бѣдные не достали бы ни копѣйки». Далекій отъ мысли, что состоятельные колонисты относятся особенно нѣжно и ласково къ своимъ бѣднѣйшимъ сосѣдямъ, я не могу, однако, не указать на одинъ фактъ: разспрашивая и нѣмцевъ, и русскихъ о томъ, есть ли среди колонистовъ капиталисты, занимающіеся ростовщичествомъ въ его разнообразныхъ формахъ, я получалъ отрицательные отвѣты. Отсутствіе ростовщичества можетъ быть отнесено частью къ сравнительно высокому благосостоянію колоній,—извѣстно, что этотъ промыселъ получаетъ тѣмъ большее развитіе, чѣмъ болѣе велика нужда части населенія, отчасти же къ чувству солидарности между колонистами.

Бесѣдуя съ колонистами объ ихъ житьѣ-бытьѣ, я получалъ впечатлѣніе справедливости ихъ показаній. Часто приходилось слышать такое заявленіе: «Вотъ, собиралъ 3—4 года подрядъ много хлѣба, имѣю два надѣла, есть

и деньги и живу хорошо». Иногда зажиточные колонисты прямо говорили мнѣ, что «у нихъ» 2,000 — 3,000 рублей запасныхъ и что, имѣя даже большую семью, они надѣются устроить всѣхъ членовъ. Учителя вовсе не отстаиваютъ своихъ земляковъ, а прямо называютъ ихъ отсталыми и «тупицами». Нерѣдко слышалось заявленіе: «У насъ въ колоніи много пьяницъ». Но когда мнѣ передавали о размѣрахъ пьянства, то я находилъ, что оно вовсе не такъ велико, чтобы говорить «о многихъ пьяницахъ».

Я не замѣтилъ, чтобы нѣмецкія колоніи оказывали большое вліяніе на русскихъ. Употребленіе машинъ—вотъ та область, въ которой несомнѣнно сказалось вліяніе первыхъ. Нѣмцы стали употреблять машины на 5—6 лѣтъ раньше, нежели русскіе. Въ настоящее же время и русскіе крестьяне, имѣющіе значительные куски земли, пользуются машинами. Въ общемъ уровень умственнаго развитія нѣмцевъ немного выше, чѣмъ крестьянскаго населенія. И только меннониты значительно превышаютъ русскихъ крестьянъ по умственному развитію. Взаимное вліяніе нѣмцевъ и русскихъ обнаружилось бы гораздо болѣе рѣзко, еслибъ обѣ національности сближались посредствомъ браковъ. Однако, браки между нѣмцами и русскими заключаются рѣдко. Мнѣ называли нѣсколько случаевъ женитьбы колониста на русской и выхода замужъ колонистки за русскаго; однако, эти случаи являются исключеніями. Факты рѣдкихъ браковъ между колонистами и русскими многіе нѣмцы объясняли мнѣ слѣдующимъ образомъ: «женѣ и мужу слѣдуетъ быть одной вѣры». Однако, гораздо чаще колонисты объясняютъ это тѣмъ, что колоніи многолюдны, что «каждому жениху можно выбрать невѣсту изъ многихъ дѣвокъ, а дѣвкѣ жениха изъ многихъ хлопцевъ». Послѣднее объясненіе и раскрываетъ истинную причину рѣдкихъ смѣшанныхъ браковъ. Колонисты образуютъ значительную массу. Только въ трехъ колоніяхъ: Іозефсталѣ, Рыбальскѣ и Биллерсфельдѣ, которыя отдалены одна отъ другой на немного верстъ, живетъ до 1,200 душъ обоего пола. При такой многочисленной группѣ колонисты и колонистки, намѣреваясь вступить въ бракъ, имѣютъ широкое поле для выбора или у себя дома, или хоть въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Не забудемъ, что и при основаніи поселеній колонисты находились въ подобномъ же положеніи. Въ концѣ прошлаго и первыхъ десятилѣтіяхъ нынѣшняго вѣка этотъ край былъ пустыненъ; только изрѣдка встрѣчались русскія деревни. Поселившись здѣсь не въ одиночку, а десятками семей, колонисты сразу были поставлены въ такое положеніе, что всѣ ихъ потребности должны и могли быть удовлетворены дома. Въ довольно многочисленныхъ группахъ, которыми поселялись первые колонисты, былъ даже достаточный выборъ для заключенія браковъ. Позднѣе же, когда увеличились и русское населеніе, колоніи настолько развились, что могли образовать замкнутое цѣлое, которое имѣло внутри своихъ предѣловъ все, что нужно для дальнѣйшаго роста.

III.

Посѣщая колоніи, я живо припоминалъ жалобы, которыя сыпались на колонистовъ за послѣдніе годы. Жалобы припоминались особенно часто потому, что екатеринославскія дворянства и земства громко сѣтовали на вредъ, которымъ угрожаетъ югу Россіи распространеніе нѣмецкаго землевладѣнія.

Екатеринославское губернское земское собраніе обсуждало этотъ вопросъ въ 1891 г. и екатеринославское дворянство въ 1893 г. На дворянскомъ собраніи изъ 104 дворянъ 77 высказались за то, чтобы ходатайствовать передъ правительствомъ о принятіи мѣръ, способныхъ остановить дальнѣйшее сосредоточеніе земли въ рукахъ нѣмцевъ.

Ходатайство это мотивировано тѣмъ, что нѣмецкое землевладѣніе, увеличиваясь безостановочно, достигло въ Екатеринославской губерніи 550,000 десятинъ. Помѣщичьи хозяйства находятся, по мнѣнію автора этого ходатайства, въ «правильномъ экономическомъ отношеніи къ крестьянскому, какъ крупная собственность къ мелкой, взаимно другъ друга восполняя». Нѣмецкія же земли, становясь на мѣсто первыхъ, нарушаютъ эту гармонію; онѣ угнетаютъ населеніе и, «не встрѣчая преградъ въ своемъ расширеніи, могутъ привести сельскую жизнь въ самое нежелательное состояніе». Нѣмцы сами обрабатываютъ свои земли, какъ бы онѣ ни были обширны; они не выпускаютъ ихъ изъ своихъ рукъ и крестьянинъ не имѣетъ возможности въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водворились нѣмцы, не только купить землю, но даже арендовать ее. Такимъ образомъ, земля уходитъ изъ рукъ тѣхъ, кому она особенно нужна. Къ этому присоединяется увѣреніе многихъ екатеринославскихъ сельскихъ хозяевъ, что колонисты вовсе не способствуютъ серьезнымъ земледѣльческимъ улучшеніямъ.

«Оппоненты наши, соблазняясь видомъ внѣшняго благоустройства колоній, придаютъ, обыкновенно, чрезмѣрное значеніе нѣмецкой культурѣ, полагая, что это есть образецъ прогресса для нашего мужика, но живущіе въ губерніи хозяева знаютъ, что тамъ, гдѣ наши мужики работали плугомъ, тамъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ хозяйствъ, они его бросили и работаютъ скоропашкой, нѣмецкимъ букаремъ, разрыхляющимъ землю на какой-нибудь вершокъ; подъ тѣмъ же вліяніемъ они стали распахивать землю изъ края въ край, до послѣдняго оврага, до края запруды, не дорожа ни лугомъ, ни водой, ни кормомъ; отсюда идетъ созданіе благопріятныхъ условій для весеннихъ засухъ съ буранами пыли, отсюда же и эпизоотіи по вѣчному недостатку кормовъ въ губерніи. Но если нашъ народъ и сдѣлалъ, допустимъ, кое-какія позаимствованія, вродѣ фургона, плохой упряжки и т. д., то какою же цѣной покупалъ онъ эту культуру? Цѣной безпрекословной уступки земель, нужныхъ все увеличивающемуся населенію» (статья *Екатеринославскаго помѣщика* въ *Моск. Вѣд.* 1893 г., № 89).

Къ чисто-экономическимъ соображеніямъ присоединяются и политическіе разсчеты. Нѣмцы, по мнѣнію многихъ екатеринославскихъ дворянъ,

люди ненадежные; будучи русскими подданными, они враждебны всему русскому и не могутъ забыть о своемъ германскомъ отечествѣ; они стойко хранятъ свою народность, обычаи, живутъ замкнуто. Нѣтъ основаній разсчитывать на возможность обрусенія колонистовъ. Они тѣмъ болѣе опасны, что колонисты многими условіями своего быта подкупаютъ администрацію. Вотъ что мы читаемъ въ статьѣ того же автора:

«Привыкнувъ къ строгой дисциплинѣ вѣдавшихъ ихъ приказовъ и комитетовъ, оплачивая значительными окладами служебный персоналъ, отличаясь, поэтому, порядкомъ въ общественномъ управленіи, исполнительностью въ требованіяхъ, колоніи подкупаютъ въ свою пользу всякія административныя начальства, задача которыхъ была бы облегчена, еслибъ и все остальное населеніе обладало тѣми же качествами; но люди мѣстные знаютъ, что въ этомъ сказывается лишь тактъ, извѣстная политика населенія, лучше петербургской прессы понимающаго, что оно не можетъ быть отождествляемо съ кореннымъ населеніемъ и что только этою политикой, этими условіями, оно можетъ купить и поддержать въ чужой странѣ дарованныя ему права и привилегіи; къ этой же чертѣ относимъ мы и появившееся на-дняхъ извѣстіе о ходатайствѣ по переименованію колоній въ русскія наименованія. Вѣдь, несравненно удобнѣе, если какой-нибудь Нейгохсфельдъ станетъ называться Крутогоровкой: это никому уха рѣзать не будетъ; людямъ же мѣстнымъ кажется страннымъ, когда говорятъ, что это такіе же подданные, какъ другіе, какъ мы, русскіе».

Къ этому присоединяется соображеніе и о томъ, что нѣмцы, совращая многихъ въ штундизмъ, являются опасными врагами православной церкви.

Выдвигая такіе аргументы противъ нѣмцевъ-колонистовъ, екатеринославскіе дворяне усматривали въ своемъ ходатайствѣ актъ не только политической мудрости, но и самопожертвованія. Послѣднее доказывалось смѣлостью, съ которою они готовы были отнестись къ вѣроятному пониженію земельныхъ цѣнъ, еслибъ успѣхъ ходатайства, ограничивъ права нѣмцевъ по пріобрѣтенію земли, уменьшилъ число покупщиковъ и ослабилъ спросъ на земельные участки.

Гдѣ истина въ этомъ ходатайствѣ и что въ немъ ложно?

Екатеринославскіе дворяне правы, утверждая, что нѣмецкое землевладѣніе захватываетъ все большій районъ: въ Екатеринославскомъ, Павлоградскомъ, Новомосковскомъ, Александровскомъ уѣздахъ нѣмцы владѣютъ 30—15 процентами всей площади земли и каждый годъ нѣсколько имѣній переходитъ въ руки нѣмцевъ. Несомнѣнно также и то, что цѣны земли в ысились за послѣдніе годы въ большой пропорціи. Такъ, наприм., при о ованіи колоніи Эйгенсфельдъ, нѣмцы купили землю по 48 рублей за де- с ину, а въ 1891 году было прикуплено еще 300 десятинъ по 110 руб- л Колонисты Маріенсфельда, Новомосковскаго уѣзда, купили въ 1882 году 1 0 десятинъ по 43 рубля за десятину, а въ 1892 году купили смеж- в участокъ въ 2,000 десятинъ по 132 рубля. Мы не ошибемся, если

скажемъ, что въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ цѣнность земли увеличилась въ 2—2½ раза.

Однако, нѣтъ основанія признавать въ покупкѣ земли только нѣмцами условіе, которое вредно вліяетъ на крестьянское хозяйство. Крестьянское хозяйство наиболѣе выигрываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда земля дешева и крестьяне могутъ пріобрѣсти ее въ собственность. Въ Сибири и восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, гдѣ крестьяне получаютъ большой надѣлъ, они устраиваются и достигаютъ благосостоянія, если удастся пережить первые годы безъ неурожая или другой большой бѣды, потрясающей хозяйство. Когда земля дорога и крестьянинъ не можетъ пріобрѣсти ее въ собственность, то ему отрѣзанъ путь къ благосостоянію. Владѣетъ ли землей помѣщикъ, связанный съ мѣстностью уже нѣсколько поколѣній, пріобрѣлъ ли землю русскій кулакъ, нѣмецъ-капиталистъ или нѣмецкій колонистъ,— крестьянинъ отрѣзанъ отъ земли и можетъ пользоваться ею только какъ арендаторъ, за высокую арендную плату. При нападкахъ на колонистовъ забываютъ о томъ, что нашъ югъ и въ частности черноземныя губерніи были поставлены за послѣднія 10—15 лѣтъ въ условія, которыя должны были поднять покупную цѣну земли до очень высокаго уровня. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ и начавшаяся разработка минеральныхъ богатствъ явились именно тѣми фактами, которые стали привлекать сюда сельскихъ хозяевъ, промышленниковъ и рабочихъ изъ сѣверныхъ черноземныхъ губерній. Въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, гдѣ эти условія сказались въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ и куда только начинаютъ заглядывать нѣмцы-колонисты, земля за послѣднія 10 лѣтъ поднялась на 100—200%. И въ Екатеринославской губерніи, если бы не было нѣмцевъ-колонистовъ, нашлись бы скупщики изъ русскихъ, подобные тѣмъ крупнымъ владѣльцамъ въ Самарской, Саратовской, Уфимской губерніяхъ, которые имѣютъ десятки тысячъ десятинъ. При бѣдности крестьянъ, при неудовлетворительной организаціи крестьянскаго земельнаго банка и малыхъ размѣрахъ его оборотовъ, скупщики различныхъ національностей и разрядовъ опередили бы крестьянъ въ покупкѣ этихъ земель. У этихъ русскихъ скупщиковъ мѣстные крестьяне могли бы быть или арендаторами, или рабочими. Какъ арендаторы, они черезъ немного лѣтъ были бы вынуждены платить искусственно высокую арендную плату, вовсе не соотвѣтствующую производительности русскаго сельскаго труда.

Въ такомъ положеніи находятся крестьяне всей черноземной полосы. Это общеизвѣстно и не нуждается въ доказательствахъ. Тамъ, гдѣ крестьяне столкнулись бы лицомъ къ лицу со скупщиками, самолично ведущими хозяйство, и были бы вынуждены работать по найму, они были бы поставлены хуже, нежели наемные рабочіе у нѣмцевъ-колонистовъ. Я не разъ слышалъ на мѣстѣ, что колонисты, относительно расплаты съ рабочими, харчей и проч., не только не заслуживаютъ нареканій, но должны быть признаны хозяевами выгодными для сельскихъ рабочихъ.

Упреки же по ихъ адресу, что, будто бы, они истощаютъ землю и, г-

пользовавъ ее въ одномъ мѣстѣ, продаютъ за безцѣнокъ и передвигаются дальше для такой же хищнической работы, не заслуживаютъ вниманія. Кто дѣлаетъ упрекъ, тотъ разсуждаетъ такъ: нѣмецъ, купивъ десятину за 100 рублей, можетъ черезъ десятокъ лѣтъ продать ее и по 50, такъ какъ усиленное пользованіе почвой позволяетъ ему извлечь огромные доходы, далеко превышающіе этотъ недоборъ. Въ отвѣтъ на все это можно напомнить о жилыхъ домахъ и хозяйственныхъ постройкахъ, которые воздвигаютъ колонисты: все это строится прочно, капитально, съ крупными затратами; все разсчитано на продолжительную связь поселенца съ мѣстностью, все разсчитано на желаніе закрѣпить эту связь въ дѣтяхъ и внукахъ. Эти сооруженія требуютъ такихъ расходовъ, что продажа земли съ постройками за безцѣнокъ, еслибъ это было частымъ явленіемъ, въ немного лѣтъ сдѣлала бы колонистовъ нищими. Авторъ отрывка, который мы привели выше, долженъ былъ бы припомнить ухудшеніе внѣшней природы, обнаружившееся въ сѣверныхъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ колонистовъ: тамъ, подъ вліяніемъ неправильной постановки земледѣльческаго труда, это ухудшеніе обнаружилось въ гораздо болѣе яркихъ формахъ, нежели въ Екатеринославской губерніи.

А обращеніе русскихъ людей въ штундизмъ? Есть штундисты—нѣмцы, есть штундисты—русскіе. Разспросы на мѣстахъ убѣдили меня, что есть случаи обращанія въ штунду православныхъ, какъ со стороны русскихъ, такъ со стороны нѣмцевъ. На всѣ эти факты вовсе не имѣютъ значенія, которое нерѣдко приписываютъ имъ. Если бы въ Россіи были только одни сектанты-штундисты и если бы послѣдніе возростали въ числѣ только по сосѣдству съ нѣмецкими колоніями, то можно было бы установить между этими явленіями постоянную и необходимую связь. Но Россія имѣетъ множество сектъ и многіе милліоны сектантовъ. Послѣдователи разнообразныхъ сектъ считаются сотнями тысячъ и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ русскія поселенія вовсе не соприкасаются съ однородными элементами, а разъ сектанты такъ многочисленны и штундисты занимаютъ между ними только очень скромное мѣсто, то усиленіе сектанства и, въ частности, штундизма нужно приписывать общимъ условіямъ народнаго быта, а не одному факту—числу иностранцевъ, занимающихъ данную губернію.

Столь же мало доказательно и обвиненіе нѣмцевъ-колонистовъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ русскимъ и особенныхъ политическихъ тенденціяхъ. Я не упускалъ случая разспрашивать русскихъ крестьянъ о нѣмцахъ и получалъ благопріятные отзывы. Живя особыми замкнутыми группами въ силу причинъ, которыя я отмѣтилъ, они не только не вызываютъ окрестномъ населеніи враждебнаго чувства, но заслуживаютъ его доріе.

Къ фактамъ избранія колонистовъ въ волостные старшины со стороны стьянъ, дошедшимъ до газетъ, и я пріобщу такой фактъ: волостнымъ ршиной Хорошевской волости, Павлоградскаго уѣзда, избранъ колонистъ черъ изъ колоніи Клейнфельдъ; земскій начальникъ былъ очень дово-

ленъ этимъ выборомъ. Если не замѣтно враждебныхъ отношеній между колонистами и окрестнымъ населеніемъ, то нѣтъ основанія говорить о какихъ-то германофильскихъ политическихъ влеченіяхъ. Мои личныя наблюденія были не велики. Но, посѣтивъ больше 20 колоній, я имѣлъ бы случай видѣть портреты Бисмарка, Мольтке, Вильгельма I, имѣлъ бы случай слышать похвалы по адресу Германіи (а я всегда старался навести разговоръ на этотъ вопросъ), подмѣтилъ бы наклонность къ какимъ-либо, хотя бы самымъ наивнымъ, комбинаціямъ относительно политики, относительно возможности войны Россіи съ Германіей, вѣроятнаго ея исхода и проч. Старанія сдѣлать хотя бы самыя скудныя наблюденія въ этомъ родѣ не привели ни къ какимъ результатамъ. Со мной охотно говорили о землѣ, хлѣбѣ, урожаяхъ, сбытѣ, жучкѣ, машинахъ, возвышеніи земельныхъ цѣнъ,— словомъ, о всемъ, что образуетъ преобладающій интересъ для этихъ людей и что, при ихъ невысокомъ уровнѣ развитія, исключаетъ всякіе болѣе сложные интересы, поддерживаемые только при большей любознательности, нежели въ колоніяхъ.

Привыкнувъ къ новому отечеству, эти люди готовы передвигаться дальше по его территоріи, готовы идти изъ Екатеринославской губерніи въ Полтавскую, Самарскую, Уфимскую, даже къ Ташкенту, но отнюдь не назадъ, не въ Германію. Съ Востокомъ связано представленіе о богатой природѣ, безлюдьи и просторѣ, а земельная тѣснота на Западѣ или памятна нынѣшнимъ поселенцамъ, или знакома имъ со словъ отцовъ. Но если они не пойдутъ назадъ, то не станутъ ли намъ опасны въ случаѣ вторженія германскихъ войскъ въ предѣлы Россіи? На это можно отвѣтить двояко. Если, оставшись здѣсь, они будутъ урѣзываться въ своихъ правахъ, терпѣть невыгоды отъ излишней подозрительности и придирчивости русскихъ людей, то встрѣтятъ германскихъ нѣмцевъ, какъ добрыхъ земляковъ. Если же колонисты сохранятъ права, которыми пользуются доселѣ, то приростутъ къ своему второму отечеству такъ, какъ они приростаютъ къ сѣверной Америкѣ. Общій языкъ не мѣшалъ англичанамъ и американцамъ вести правовыя войны; общій языкъ не мѣшалъ австрійскимъ нѣмцамъ ожесточенно сражаться съ нѣмцами германскими, и у насъ нѣмецкій языкъ не помѣшаетъ колонистамъ, чувствующимъ себя въ Россіи привольно, грудью отстаивать каждый вершокъ земли отъ германскихъ войскъ.

Въ основаніи всѣхъ нападокъ на нѣмецкое землевладѣніе лежатъ эгоистическіе интересы. Ссылка на опасности, которыми нѣмцы угрожаютъ нашему государственному строю и православной церкви, сѣтованія, что крестьяне, окруженные колонистами, не имѣютъ возможности арендовать землю, являются тѣмъ decorum'омъ, за которымъ южно-русскіе помѣщики хотятъ скрыть свои личные разсчеты. Истинное побужденіе только одно: удалить нѣмцевъ, которые, какъ сельскіе хозяева, являются непріятными, а иногда и опасными конкуррентами. Нанимая рабочихъ, нѣмецъ платитъ и можетъ платить имъ дороже, нежели русскіе помѣщики. Колонисты встаютъ въ 4 часа утра, идутъ на сѣнокосъ или поля и сами работаютъ ко-

сою впереди наемныхъ косцовъ. Немудрено, если ихъ трудъ болѣе производителенъ, нежели у сосѣднихъ помѣщиковъ, и если они могутъ платить рабочимъ дороже, нежели послѣдніе. Для большихъ хозяйствъ повышеніе заработной платы нѣмцами можетъ составить ежегодно нѣсколько тысячъ рублей, а потому помѣщики, сами ведущіе хозяйство, насколько они руководствуются личными разсчетами при оцѣнкѣ важныхъ вопросовъ общественной жизни, относятся недоброжелательно къ нѣмцамъ-колонистамъ. Кто не ведетъ своего хозяйства и сдаетъ землю въ аренду или предполагаетъ продать имѣніе, тотъ считаетъ нѣмцевъ желанными сосѣдями. Но первая группа привлекаетъ на свою сторону и нѣкоторыхъ членовъ второй, утверждая съ достаточнымъ основаніемъ, что если и будутъ приняты мѣры противъ дальнѣйшаго роста нѣмецкаго землевладѣнія, то черезъ 2—3 года пробѣлъ будетъ пополненъ, и продажныя и наемныя цѣны земли, временно поколебавшіяся, снова начнутъ возростать. Екатеринославская губернія представляетъ и для сельскаго хозяйства, и для горнаго дѣла, и (въ виду изобилія каменнаго угля) для разныхъ отраслей обрабатывающей промышленности такъ много привлекательнаго, что ея земля не будетъ пустовать. Вотъ соображенія, которыя руководятъ противниками нѣмецкаго землевладѣнія на нашемъ югѣ.

IV.

Русское правительство можетъ извлечь для себя поучительное указаніе и изъ исторіи нѣмецкихъ колоній въ Россіи, и изъ ихъ современнаго положенія. Исторія выясняетъ причины, вслѣдствіе которыхъ колонисты достигли довольно высокаго благосостоянія. Этими причинами служили и крупный земельный надѣлъ, и значительныя льготы отъ разныхъ финансовыхъ тягостей, и широко развитое самоуправленіе, стоявшее внѣ вмѣшательства административной власти. Если бы русскіе крестьяне получили такія же условія общественной жизни, то они представляли бы намъ зрѣлище, рѣзко отличное отъ того, которое наблюдалъ каждый, знакомый съ русскою деревней. Упущено много времени. Но, говоря словами Св. Писанія, «блаженны пришедшіе и въ девятый часъ». Если теперь правительство въ своихъ заботахъ о крестьянствѣ будетъ держаться тѣхъ началъ, которыя руководили ими при устроеніи колонистовъ,—крупный земельный надѣлъ, незначительныя податныя тягости и широкое свободное самоуправленіе,—то черезъ два-три десятилѣтія русскіе крестьяне будутъ имѣть гораздо меньше основаній съ завистью смотрѣть на колонистовъ. Напомнимъ [illegible] разъ то, о чемъ мы говорили неоднократно, что Россія богата землею, [illegible] въ ней найдется мѣсто для всѣхъ племенъ, входящихъ въ ея составъ; [illegible]ормы же двухъ послѣднихъ разрядовъ требуютъ только того гуманнаго [illegible]стинно государственнаго направленія въ политикѣ, которое знакомо [illegible]скому законодательству 60 годовъ.

[illegible]ъ тѣмъ вмѣстѣ мы охотно высказываемся за пріобщеніе нѣмцевъ-

колонистовъ къ русской цивилизаціи. Сохранивъ многія черты своей народности, колонисты являются въ умственномъ отношеніи мало развитыми. Для нихъ не существуетъ Гёте и Шиллера; они стоятъ внѣ вліянія лучшихъ сторонъ германской культуры. Въ этомъ отношеніи они представляютъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ русская школа и русская литература могутъ оставить неизгладимые слѣды. Русскій языкъ уже изучается въ школахъ нѣмецкихъ колоній. Народная школа, сложившаяся благодаря трудамъ нашего земства, стоитъ выше колонистской школы. Поэтому изученіе въ школахъ колоній русскаго языка, развитіе среди колонистовъ привычки къ чтенію, открытіе имъ доступа къ Пушкину, Гоголю, Крылову, Тургеневу—пріобщатъ колонистовъ къ лучшему достоянію, которое мы унаслѣдовали отъ предковъ.

А. Исаевъ.

Японія, ея государственный, общественный и экономическій строй *).

IV.

Въ прошлой статьѣ мы сказали, какимъ образомъ старый строй палъ и отошелъ въ область безвозвратнаго историческаго прошлаго.

Однако, всѣ видѣли необходимость дальнѣйшаго движенія впередъ. Народный умъ съ жадностью осваивался съ новымъ міромъ мыслей, который былъ принесенъ къ нему съ Запада, и дальнѣйшія преобразованія во всѣхъ областяхъ народной жизни продолжали производиться не изъ подражанія иностраннымъ образцамъ и страсти къ нововведеніямъ, а изъ сознанія острой необходимости строить новое зданіе на развалинахъ стараго порядка.

Что при проведеніи всѣхъ великихъ реформъ этого времени дѣлалось много ошибокъ, тратилось напрасно много денегъ и силъ, что побѣдители часто слишкомъ много заботились о своихъ выгодахъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Было бы удивительно, если бы все это происходило иначе. Не нужно также думать, что новые правители проводили шагъ за шагомъ одинъ строго обдуманный стройный планъ. Въ числѣ вождей движенія было довольно большое число умныхъ, находчивыхъ и честолюбивыхъ личностей; на ряду съ ними стояли, какъ то всегда бываетъ въ такія эпохи, умы болѣе односторонніе, но за то болѣе прямые, искренніе, способные охватить идеи одного какого-нибудь рода и умѣвшіе ихъ упорно отстаивать; но одного геніальнаго ума, который бы стоялъ выше всего окружающаго и налагалъ бы печать своего имени на эту эпоху, мы не в[illegible]чмъ. Были лишь дѣятели, которые умѣли не падать духомъ въ трудн[illegible] минуты. Судьбы Японіи и теперь при совершенно измѣнившихся об[illegible]тельствахъ находятся въ рукахъ тѣхъ же лицъ, которыя въ тотъ трудн[illegible] моментъ имѣли мужество взять въ свои руки государственный руль.

Проведеніе великихъ реформъ, отмѣнившихъ старый порядокъ, значи-

*) *Русская Мысль*, кн. X.

[illegible] XII.

тельно укрѣпило положеніе новыхъ правителей. Но задачи, стоявшія передъ ними, не сдѣлались легче. Напротивъ, теперь отъ нихъ требовалось еще больше рѣшительности, проницательности и смѣлости, чѣмъ прежде. Имъ предстояло дѣйствовать среди готоваго вспыхнуть, въ рядѣ убійствъ, бунтовъ и возстаній, глухого недовольства враждебныхъ его политикѣ элементовъ.

Изъ опасностей внутри государства сравнительно наименьшее значеніе имѣли то тамъ, то здѣсь вспыхивавшія мѣстныя возстанія крестьянъ, возникавшія, въ большинствѣ случаевъ, подъ вліяніемъ недовольныхъ самураевъ или же вызываемыя неумѣлымъ управленіемъ новыхъ, еще неопытныхъ чиновниковъ. Конечно, эти бунты вызывали иногда большія затрудненія, но серьезной опасности для новаго правительства они не представляли. Гораздо опаснѣе были чисто-политическія возстанія. Нѣкоторыя изъ нихъ были быстро подавлены, но другія, какъ, напримѣръ, въ Сатсумѣ въ 1877 г., удавалось подавить только послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьбы, причемъ они имѣли своимъ послѣдствіемъ сильное разстройство еще не успѣвшихъ установиться финансовъ правительства.

Для того, чтобы всѣ эти вспышки могли быть подавлены, для того, чтобы онѣ не превратились въ большой пожаръ, правительство должно было внимательно прислушиваться къ разумнымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія и поспѣшно идти на встрѣчу назрѣвавшимъ потребностямъ времени, привлекая, такимъ образомъ, на свою сторону все образованное и просвѣщенное въ странѣ и отнимая у своихъ враговъ почву изъ-подъ ногъ.

Императорское правительство, какъ мы видѣли, съ перваго же раза стало на такую разумную и дальновидную точку зрѣнія и съ самаго перваго момента своего вступленія въ обладаніе властью дало обѣщаніе управлять страной въ согласіи съ ея желаніями. Это-то обѣщаніе, высказанное, хотя и въ очень неопредѣленной формѣ, въ императорскомъ адресѣ, прочитанномъ передъ первымъ имперскимъ собраніемъ нотаблей, сдѣлалось теперь главнымъ основаніемъ для требованія дальнѣйшихъ реформъ.

Къ этому времени идеи европейскаго либерализма уже нашли себѣ широкое распространеніе въ отдѣльныхъ кругахъ, преимущественно, сословія самураевъ, которые теперь, съ паденіемъ феодальной организаціи, стали называться shizoku, и желаніе введенія въ странѣ представительнаго управленія и конституціонныхъ гарантій сдѣлалось среди нихъ почти общимъ.

Такимъ образомъ, роль правительства въ эпоху созиданія новаго порядка явилась нѣсколько иная, нежели во время отмѣны стараго. Тамъ представители правительства дѣйствовали болѣе по своему собственному почину, а «общество», состоявшее тогда, главнымъ образомъ, изъ вліятельной еще феодальной знати, только шло вслѣдъ за нимъ, не всегда добровольно подчиняясь его внушеніямъ. Теперь, когда старый строй рухнулъ, вліяніе знати значительно пало и тонъ стали задавать новые люди, выдвинувшіеся изъ слѣдующаго низшаго класса. «Общество», обновившись новыми элементами, имѣвшими свои новые интересы, и правительство

обмѣнялись ролями. Дѣло теперь шло не объ отмѣнѣ привилегій членовъ перваго, а о созданіи новой свободной арены для всѣхъ поприщъ и дарованій и о гарантіяхъ правъ личности. Новыя мѣропріятія стали диктоваться обществомъ, а правительство пошло вслѣдъ за нимъ, прислушиваясь къ его желаніямъ, понимая, что безъ такого прислушиванія оно или затормазитъ надолго движеніе страны впередъ, или придастъ прогрессивному движенію ненормальную и нежелательную форму проявленія. Однимъ словомъ, императорское правительство и образованное общество поняли другъ друга и двинулись впередъ рука объ руку, результатомъ чего былъ блестящій успѣхъ всѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій, создавшій изъ старой Японіи новаго члена семьи цивилизованныхъ народовъ.

Въ ряду созидательныхъ мѣропріятій на первомъ планѣ стоятъ конституціонныя реформы. Выше упомянутое движеніе въ обществѣ въ пользу таковыхъ все развивалось, и уже въ январѣ 1874 г. нѣсколько вліятельныхъ лицъ (между которыми находились лишь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ вышедшіе изъ кабинета министры Soejima, Goto Itagaki и Eto) подали въ sa-in (сенатъ) петицію, въ которой ходатайствовали о введеніи въ государствѣ парламентскаго управленія. Результатомъ всего этого движенія было образованіе особой коммиссіи реформъ. Въ нее вошли Okubo, Ito, Kido и Soejima. Преобразованіе началось съ реорганизаціи центральныхъ учрежденій. Былъ образованъ государственный совѣтъ, какъ высшее законосовѣщательное учрежденіе; устройствомъ высшаго суда было положено начало отдѣленію судебной власти отъ административной и получили опредѣленную организацію столичные съѣзды представителей мѣстной администраціи.

Но бо́льшее значеніе имѣлъ второй шагъ, сдѣланный правительствомъ по пути удовлетворенія потребности общества въ самоуправленіи. Это было введеніе въ округахъ закономъ 22 іюля 1878 г. органовъ мѣстнаго самоуправленія, подобныхъ нашимъ земскимъ учрежденіямъ. Избирательное право было поставлено въ зависимость отъ обладанія цензомъ (5 йенъ для активнаго и 10 для пассивнаго). Собранія избранныхъ на основаніи этого ценза представителей мѣстныхъ интересовъ получили право сами избирать себѣ предсѣдателя и комитетъ (управу) для завѣдыванія текущими дѣлами. Собранія должны были, главнымъ образомъ, вотировать земскій бюджетъ, что явилось для населенія тѣмъ болѣе важнымъ правомъ, что вскорѣ затѣмъ большинство государственныхъ расходовъ было возложено на земство. Въ связи съ этою реформой аналогичныя преобразованія были произведены въ уѣздномъ и общинномъ управленіи.

Введеніе органовъ мѣстнаго самоуправленія, однако, не удовлетворило тѣ[х], которые мечтали о введеніи представительнаго управленія дѣлами вс[ѣхъ] государства. Напротивъ, движеніе въ пользу послѣдняго росло и къ не[му] очень часто примыкали со своими ходатайствами и мѣстныя собранія. Особенно широкіе размѣры приняло оно, когда стали распространяться вы[звавшіе] всеобщее неудовольствіе слухи о преднамѣренной раздачѣ госу-

дарственныхъ имуществъ (вмѣстѣ съ предпріятіями, начатыми колоніальнымъ вѣдомствомъ) друзьямъ новаго правительства.

И вотъ, 12 октября 1881 г. появилась императорская прокламація, въ которой заявлялось, что введеніе въ странѣ конституціонныхъ учрежденій было давнишнимъ намѣреніемъ правительства и что въ 1890 г. имѣетъ быть созвано первое представительное собраніе. Въ заключеніе обществу предлагалось воздержаться отъ торопливостей и неразумныхъ насильственныхъ попытокъ.

Въ это время изъ четырехъ членовъ коммиссіи реформъ троихъ уже не было въ ея составѣ: Kido умеръ, Okubo палъ отъ руки одного фанатика, а Soejima совсѣмъ удалился отъ политической дѣятельности. Такимъ образомъ, приготовить страну къ новой эрѣ выпало на долю оставшемуся ея члену Ito, который и началъ свою подготовительную дѣятельность съ новаго перереформированія центральныхъ учрежденій. Въ основѣ этихъ реформъ были положены слѣдующія начала: отвѣтственность главъ отдѣльныхъ учрежденій; сокращеніе штата чиновниковъ; введеніе государственныхъ испытаній; улучшеніе порядка назначенія на должности; бережливость; уменьшеніе многописанія и проч. Вѣнцомъ же всѣхъ реформъ было торжественное возвѣщеніе императоромъ 11 февраля 1889 г. съ высоты трона о введеніи въ странѣ новой конституціи.

Права гражданской свободы подданныхъ по этой констатуціи заключаются, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: никакой японскій подданный не можетъ быть арестованъ, заключенъ, судимъ или наказанъ иначе, какъ на точномъ основаніи законовъ (ст. 23). Жилище подданнаго неприкосновенно: проникнуть въ него и произвести тамъ розыски можно только съ согласія его хозяина (ст. 25). Частная переписка также неприкосновенна (ст. 26). Случаи исключенія изъ этихъ положеній указаны въ самомъ законѣ.

Всякій японскій подданный можетъ пользоваться свободой совѣсти въ границахъ совмѣстныхъ какъ съ обязанностями подданнаго, такъ и съ порядкомъ и общественнымъ спокойствіемъ (ст. 28). Въ границахъ, опредѣленныхъ закономъ, японскіе подданные могутъ свободно говорить, писать, публиковать, вступать въ общеніе и образовывать союзы (ст. 29). Они имѣютъ право представлять правительству петиціи, соблюдая, лишь закономъ установленныя правила и въ почтительной формѣ (ст. 30).

Представителемъ народныхъ интересовъ является *имперскій парламентъ*, который долженъ состоять изъ двухъ палатъ: палаты перовъ и палаты депутатовъ (ст. 33); первая составляется изъ принцевъ крови, титулованной знати и лицъ, назначенныхъ императоромъ (ст. 34); вторая—изъ членовъ, избираемыхъ страной согласно съ избирательнымъ закономъ (ст. 35).

Всѣ законы и распоряженія, исходящіе отъ императора, должны быть подписаны однимъ изъ *министровъ*, который и является отвѣтственнымъ за ихъ законность (ст. 55).

Судьи страны должны быть избираемы изъ лицъ, удовлетворяющихъ

извѣстнымъ законнымъ условіямъ, и могутъ быть смѣщены только въ силу законовъ уголовныхъ и дисциплинарныхъ (ст. 58). Засѣданія судебныхъ трибунатовъ публичны (ст. 59).

Вмѣстѣ съ главными основаніями новой конституціи были провозглашены и *законы, дополняющіе ее*, какъ-то: органическій законъ объ императорской фамиліи, императорскій указъ о палатѣ перовъ, законъ о парламентѣ, объ избраніи членовъ палаты депутатовъ и фанансовой.

Двумя предпослѣдними законами устанавливается жалованье для выбранныхъ депутатовъ (800 йенъ), причемъ послѣдніе не могутъ отказываться отъ него. Для того, чтобы быть избирателемъ, нужно: 1) быть японскимъ подданнымъ; 2) имѣть 25 лѣтъ отъ роду; 3) имѣть осѣдлость въ департаментѣ въ теченіе года; 4) уплачивать въ теченіе года 15 йенъ прямого налога. Тѣ же условія (кромѣ 3-го) требуются и отъ избираемаго. Обманы при выборахъ караются денежными штрафами.

Императорская прерогатива охранена конституціей крайне сильно черезъ широкое право распорядительной власти императора и черезъ то-что организація гражданскаго управленія и назначеніе всѣхъ чиновниковъ предоставлены его единоличному усмотрѣнію. На утвержденіе бюджета парламентъ также получаетъ сравнительно ограниченное вліяніе. Порядокъ выборовъ дѣлаетъ вліяніе на нихъ правительства чрезвычайно легкимъ. Даже пренія палатъ находятся подъ прямымъ вліяніемъ правительства. Правительство, такимъ образомъ, позаботилось удержать за собой крѣпкую позицію.

1 ноября 1891 г. вошелъ въ силу новый *законъ для императорскихъ судовъ* *), въ основѣ котораго положены приведенныя положенія конституціи о независимости судовъ и публичности производства. Спеціальные суды по этому закону могутъ быть учреждаемы только для разбора дѣлъ особаго рода, напримѣръ, коммерческихъ, корабельныхъ, для разрѣшенія споровъ между фабрикантами и рабочими и др. Этотъ законъ близко подходитъ къ соотвѣтствующему нѣмецкому. «Несмотря на нѣкоторые недостатки, — говоритъ членъ высшаго суда въ Германіи Шульценштейнъ, — этотъ японскій законъ, также какъ уставъ гражданскаго судопроизводства, является хорошо продуманнымъ трудомъ и заслуживаетъ полнаго вниманія» **).

Первые выборы въ палату депутатовъ, согласно этой конституціи, были произведены въ іюлѣ 1890 г., а въ ноябрѣ того же года открылъ свои дѣйствія первый японскій парламентъ. Японцы со своею замѣчательною способностью усвоенія приспособились къ новымъ политическимъ порядкамъ съ необыкновенною быстротой. Англичанинъ или французъ,—говоритъ E. Norman, бывшій свидѣтелемъ ихъ первыхъ общихъ выборовъ, на ко-

*) См. проектъ его, сдѣлавшійся закономъ безъ измѣненія, въ *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft* 1892. B. X, H. II. *Schultzenstein*: „Der Entwurf eines Verfassungsgesetzes für die Kaiserlichen Gerichte in Japan von Jahre 1888".

**) Ibid., S. 390.

торыхъ 649 кандидатовъ оспаривали 299 парламентскихъ мѣстъ, — могъ бы подумать, что они избираютъ депутатовъ въ палату представителей съ того дня, когда, по преданію, боги, предки микадо, положили основаніе японскому государству. Парламентъ явился силой, съ которою должны считаться не только императорское правительство Японіи, но также и дипломатія Европы и Америки.

V.

На ряду съ реформами по реорганизаціи государственнаго устройства шли одно за другимъ нововведенія и во всѣхъ другихъ областяхъ. Они коснулись даже области религіи. Послѣ неудавшейся оригинальной попытки создать искусственно новую религію изъ сліянія буддизма и синто, было провозглашено отдѣленіе церкви отъ государства. Денежныя пособія, выдававшіяся духовенству буддійскому и синто, были прекращены; законъ о безбрачіи духовенства отмѣненъ; священникамъ дозволено жениться, ѣсть мясо, носить иностранное платье; законы, запрещавшіе христіанство, отмѣнены. Введенъ былъ также грегоріанскій календарь и празднованіе воскреснаго отдыха. Когда въ *Kyoto* въ это время вышло въ свѣтъ одно сочиненіе, въ которомъ доказывалось, что религія должна быть одна, то министръ народнаго просвѣщенія въ опроверженіе этого опубликовалъ весьма важный документъ, въ которомъ онъ защищалъ свободу всѣхъ исповѣданій. Были приняты необходимыя мѣры для поднятія народной нравственности. Эти мѣропріятія, на ряду съ перемѣной духа всей жизни страны, уже сдѣлали свое дѣло, и Японія перестаетъ играть для иностранныхъ моряковъ ту роль, которую играла она въ первые годы послѣ откупорки ея для притока свѣжаго воздуха,—роль обширнаго тихоокеанскаго дома терпимости. Много сдѣлано и въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія. Страна уже имѣетъ довольно многочисленный, организованный по европейскому образцу медицинскій персоналъ, а санитарныя мѣропріятія совершенно преобразили многіе углы, являвшіеся прежде разсадниками эпидемическихъ заболѣваній. Всѣ эти реформы оказали глубокое и благодѣтельное воздѣйствіе на всю жизнь народа.

Но изъ всѣхъ реформъ внутренняго управленія должны наиболѣе занимать вниманіе всякаго дѣйствительно прогрессивнаго правительства реформы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и въ области экономической политики. Руководители судебъ новой Японіи очень хорошо поняли, что развитіе народнаго образованія должно сдѣлаться одной изъ первыхъ задачъ внутренней политики, что на невѣжествѣ народныхъ массъ могъ покоиться только тотъ строй, въ которомъ націей считаются лишь привилегированные классы населенія, а народная масса приравнивается къ домашнему скоту, которому давать знаніе вовсе нежелательно. Поэтому ни въ одной области не шла такая лихорадочная и поспѣшная дѣятельность, какъ въ этой. Японія сдѣлала первоначальное образованіе всеобщимъ, обязательнымъ и

свѣтскимъ (но не даровымъ). Императоръ издалъ указъ, согласно съ которымъ въ ближайшемъ будущемъ на всемъ пространствѣ государственной территоріи, не исключая послѣдней изъ деревень, не должно быть ни одного неграмотнаго. Надобно сказать, что публичный характеръ народное образованіе носило и въ дореформенную эпоху. Начальныя училища, правда, находились тогда въ частныхъ рукахъ, но высшія школы для самураевъ, въ которыхъ преподавалась китайская литература и философія, устраивались правительствами шёгуна и феодальными. Въ Йедо еще въ 1630 г. возникъ университетъ, хотя и съ характеромъ частнаго учрежденія, но съ субсидіей отъ государства, къ концу XVIII в. перешедшій въ завѣдываніе послѣдняго. Къ концу владычества токугавской династіи европейская наука и литература стали отвоевывать себѣ все большее и большее мѣсто въ области высшаго образованія. Уже въ 1856 г. возникло въ Йедо учрежденіе «для ознакомленія съ сочиненіями варваровъ», зародышъ нынѣшняго университета. Въ 1858 г. образовалась въ томъ же городѣ первая «европейская медицинская школа», въ 1861 г. вторая въ Нагасаки, въ 1863 г. тамъ же школа для изученія иностранныхъ языковъ. Затѣмъ слѣдовало дальнѣйшее открытіе школъ. Но только въ 1870 г. было образовано особое министерство народнаго просвѣщенія, которому подъ вліяніемъ американскихъ и европейскихъ идей удалось поставить систему публичнаго народнаго образованія на болѣе или менѣе твердую почву. Особенное затрудненіе встрѣчалось въ недостаточномъ количествѣ учителей. Поэтому и было приступлено, прежде всего, къ устройству учительскихъ институтовъ и семинарій. Въ дѣлѣ насажденія народнаго образованія министерству народнаго просвѣщенія усердно помогаютъ и другія вѣдомства, напримѣръ, военное и морское. Содержаніе низшихъ школъ возложено, главнымъ образомъ, на общины, а среднихъ—на округа, и теперь дѣло народнаго просвѣщенія въ странѣ съ ея 40-милліоннымъ населеніемъ, несмотря на скудость ея экономическихъ средствъ, поставлено на европейскую ногу *). «Японія,—говоритъ H. Norman,—не упускаетъ развивать публичное образованіе всѣхъ степеней и видовъ. Такъ, у Германіи она переняла устройство дѣтскихъ садовъ, у С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ ихъ элементарныя и высшія школы, у Франціи школы нормальныя. Ея университетъ носитъ, главнымъ образомъ, утилитарный характеръ; онъ состоитъ изъ 5 факультетовъ, предназначенныхъ приготовлять юристовъ, медиковъ, инженеровъ, архитекторовъ и ученыхъ, и все говоритъ за то, что скоро Японія будетъ въ состояніи обходиться безъ помощи иностранцевъ въ качествѣ учителей. Архитекторы, корабельные инженеры, техники, агрономы, дики и хирурги,—однимъ словомъ, образованные спеціалисты самыхъ знообразныхъ профессій,—могутъ получать теперь образованіе въ самой

*) Однако, довольно распространенное мнѣніе о грамотности каждаго японца ляется ошибочнымъ. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, % учащихся въ онія къ общему числу населенія = 7, тогда какъ въ С.-А. С. Штатахъ, гдѣ % ъ достигаетъ наибольшей высоты, онъ равняется 22,5%, въ Россіи = 2,39%.

Японіи. Она даже начинаетъ удѣлять долю этихъ спеціалистовъ другимъ странамъ: такъ, нѣкоторые японскіе инженеры занимаютъ весьма важные и высоко оплачиваемые посты на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ» *).

Женское образованіе также не забыто японскими реформаторами. Еще въ 1872 г. микадо по предложенію своихъ министровъ подписалъ два указа, въ которыхъ говорилось слѣдующее: «Наша страна переживаетъ полную перемѣну старыхъ понятій на новыя. Мы убѣждены, что цивилизація, богатство и могущество многихъ народовъ земного шара основаны на силѣ трудолюбія и настойчивости, характеризующей ихъ. Для того, чтобы сравняться съ ними въ этомъ отношеніи, необходимо распространять знанія и развивать таланты; для этого необходимо наблюдать цивилизацію міра и отправиться за границу, чтобы учиться у иностранцевъ. Вслѣдствіе недостатка у насъ женскаго образованія, многія женщины отличаются умственною ограниченностью. Но такъ какъ воспитаніе дѣтей тѣсно связано съ образованіемъ матерей ихъ и представляется дѣломъ первой важности, то невозможно ничего возражать противъ поѣздки женщинъ для образованія за границу». Тогда же пять молодыхъ знатныхъ японокъ были отправлены подъ наблюденіемъ м-съ Лонгъ въ Америку для поступленія въ учебныя заведенія на счетъ правительства. Съ тѣхъ поръ въ странѣ возникли многія женскія общія и профессіональныя школы разныхъ степеней.

На образованіе своей молодежи за границей японское правительство тратило и тратитъ также не малыя суммы. Университеты Америки и главныхъ умственныхъ центровъ Европы имѣютъ довольно большой контингентъ этой молодежи, заботиться о которой поручается японскимъ посольствамъ.

Тормазомъ для развитія высшаго образованія въ странѣ является, до сихъ поръ еще имѣющая большое значеніе, система протекцій, при которой многіе не находятъ для себя желательнымъ проходить долгій путь школьныхъ степеней, когда при покровительствѣ вліятельныхъ людей они могутъ добиться желаемыхъ должностей и чиновъ и безъ того. Затѣмъ, вторымъ тормазомъ къ тому же является малодостаточность тѣхъ классовъ, изъ которыхъ выходитъ учащаяся молодежь. Большинство японскихъ студентовъ очень бѣдны, а правительство недостаточно богато, чтобы оказывать всѣмъ имъ поддержку; и безъ того изъ 863 студентовъ Токіоскаго университета въ 1887 г. до 197 были степендіатами. Также точно въ Японіи еще не сложилось въ богатыхъ семьяхъ такого обычая, какъ, напримѣръ, въ Англіи, который требовалъ бы отъ всякаго юнаго джентльмена непремѣннаго посѣщенія высшаго учебнаго заведенія.

Что касается другой первостепенной отрасли внутренняго управленія, заботы о созданіи благопріятныхъ условій для поднятія экономическаго благосостоянія народа, то и въ этомъ отношеніи правительство новой Японіи сдѣлало не мало хорошаго. Заботы въ этой области являлись и явля-

*) G. Valbert. *Revue*, p. 699.

ются тѣмъ болѣе необходимыми, что слабое развитіе страны въ промышленномъ отношеніи есть одно изъ главныхъ препятствій для поднятія ея на ту степень культурной высоты, на которой стоятъ передовыя страны міра и для которой естественныя условія территоріи японскаго государства представляютъ всѣ данныя.

Государственное регулированіе экономическихъ отношеній не является для Японіи новымъ явленіемъ. Оно, какъ мы видѣли, имѣло мѣсто и ранѣе, въ періодъ натуральнаго хозяйства. Поэтому было очень естественно, что, когда познакомились съ положеніемъ дѣлъ на Западѣ и явилось желаніе многое перенять оттуда, то, при недостаткѣ въ странѣ предпріимчивыхъ личностей и капиталовъ, за это дѣло взялось государство и стало заботиться о путяхъ и средствахъ сообщеній, воздвигать фабрики, организовывать на новыхъ началахъ горное производство и даже принимать участіе въ вывозѣ туземныхъ продуктовъ за границу. Все это предпринимало правительство или само, или черезъ поддержку частной иниціативы посредствомъ привилегій, субсидій и гарантій. Оно стало заботиться о насажденіи техническаго образованія, принимать участіе въ международныхъ выставкахъ. Въ 1881 г. было основано особое министерство земледѣлія и промышленности, въ составъ котораго были приглашены свѣдущіе въ теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства; организованы также высшія сельско-хозяйственныя школы и энергично развивается сельско-хозяйственная статистика и производятся изслѣдованія, что должно будетъ дать прочныя основанія для будущей аграрной политики. Для поднятія культуры шелка были выписаны лучшіе иностранные шелководы, а японскія дѣвушки были посылаемы въ Италію для изученія шелководства. Чайная культура за послѣдніе годы также сдѣлала большіе успѣхи и теперь много прекрасныхъ сортовъ чая доставляется изъ тѣхъ мѣстностей, которыя до сихъ поръ не считались пригодными для воздѣлыванія чайнаго растенія *).

VI.

Всѣ выше описанныя реформы имѣли своимъ прямымъ послѣдствіемъ измѣненіе всего соціальнаго и экономическаго быта страны. Прежде всего,

*) Результатомъ всѣхъ этихъ мѣропріятій правительства было, прежде всего, быстрое увеличеніе оборотовъ внѣшней торговли, что видно, напримѣръ, изъ сопоставленія цифръ ввоза и вывоза Японіи въ началѣ и въ концѣ 80-хъ годовъ. Въ 1881 г. ввезено было продуктовъ на 35.308,685 йенъ, вывезено на 35.003,624 йенъ; общая сумма торговаго оборота равнялась 68.312,309. Въ 1890 г. ввозъ равнялся 81.728,580 [illegible]ь, вывозъ 56.603,506 йенъ, общая сумма торг. оборота 138.333,086 йенъ. Благодаря [illegible]й необыкновенной способности къ подражанію и дешевизнѣ, свойственной всѣмъ [illegible]уктамъ азіатскаго ручного труда,—говоритъ *Annuaire de l'économie politique et [illegible]a statistique* M. Block'a, откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія,—японцы достигли [illegible] того, что большое число продуктовъ иностранной индустріи не можетъ соперни[illegible] съ однородными издѣліями туземной фабрикаціи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже [illegible]чается перемѣщеніе въ число предметовъ вывоза такихъ продуктовъ, которые [illegible]канунѣ въ таможенныхъ спискахъ обозначались статьями ввоза

онѣ привели къ паденію сословныхъ различій, такъ что юридически послѣднія являются теперь почти уничтоженными. Если еще въ 1887 г. насчитывалось въ странѣ 588 *) главъ семействъ высшаго дворянства (титулованной знати—kwazoku), имѣющихъ болѣе или менѣе обособленное правовое положеніе, то въ отношеніи остального населенія былъ твердо проведенъ принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ. Хотя и теперь еще каждый подданный считается принадлежащимъ къ какому-нибудь опредѣленному сословію, но это имѣетъ уже мало значенія, и очень часто является невозможнымъ точно установить, къ какому именно сословію принадлежитъ такое-то и такое лицо.

Но съ исчезновеніемъ различія въ правовомъ положеніи сословій ихъ фактическое значеніе еще не исчезло. Наиболѣе значительное вліяніе въ государственной жизни принадлежитъ попрежнему shizoku (прежнимъ самураямъ), благодаря, главнымъ образомъ, тому обстоятельству, что среди этого класса имѣется болѣе всего людей съ высшимъ и среднимъ образованіемъ. Въ чиновничествѣ находятся shizoku вездѣ, отъ самыхъ высшихъ государственныхъ постовъ до должности полицейскаго служителя. Въ арміи также почти всѣ офицерскія и даже унтеръ-офицерскія мѣста заняты ими же. Фактическое руководство остается въ рукахъ этого класса и въ другихъ областяхъ государственнаго управленія: такъ, въ мѣстномъ самоуправленіи до сихъ поръ они играютъ первенствующую роль.

Большое вліяніе на измѣненіе соціальнаго положенія мелкаго и средняго дворянства оказала перемѣна въ ихъ экономическомъ положеніи. Какъ мы видѣли выше, вмѣсто прежней пожизненной ренты, которая являлась для нихъ вѣрнымъ, хотя иногда и довольно скромнымъ доходомъ, они получили государственныя выкупныя свидѣтельства, %% съ которыхъ являются недостаточными для удовлетворенія ихъ прежнихъ потребностей. Теперь если кому изъ нихъ не удалось занять какое-нибудь штатное мѣсто, то онъ долженъ подумать и подумать, за что ему приняться. Многіе продали свои выкупныя свидѣтельства, чтобы на вырученный капиталъ приняться за какое-нибудь занятіе, причемъ многіе изъ нихъ, при недостаткѣ опытности въ практическомъ веденіи дѣлъ, должны были поплатиться своими капиталами и сдѣлаться ремесленниками, наборщиками, сѣсть на землю и приняться за обработку ея собственными уже руками. Что касается шизоку, землевладѣльцевъ, то въ 1887 г. ихъ насчитывалось около 60 т., платившихъ 5 йенъ поземельнаго налога; платившихъ же болѣе 10 йенъ было 36 тыс.

Чрезъ измѣненіе всѣхъ этихъ экономическихъ и правовыхъ отношеній и чрезъ проникновеніе въ страну европейскихъ и американскихъ идей (

*) Въ настоящее время населеніе Японіи превышаетъ 40 милл. Высшаго дворянства (kwazoku) насчитывается около 1 т., средняго и мелкаго (shizoku) 2 милл. Прочіе принадлежатъ къ остальнымъ сословіямъ въ государствѣ и опредѣлить точно ихъ число по профессіямъ является довольно труднымъ, но можно сказать, что среди нихъ значительно преобладаетъ классъ земледѣльцевъ.

словный строй Японіи все болѣе и болѣе приближается къ нашему классовому строю, построенному, главнымъ образомъ, на различіи профессіональныхъ занятій. Самымъ вліятельнымъ классомъ остается чиновничество, а на ряду съ нимъ на первый планъ начинаетъ выступать все болѣе и болѣе крупное владѣніе, причемъ не столько крупное владѣніе землей, которое является довольно рѣдкимъ, сколько владѣніе денежнымъ капиталомъ. Развитіе внутреннихъ государственныхъ займовъ, возникновеніе акціонерныхъ предпріятій вызвало появленіе довольно значительнаго числа денежныхъ бумагъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ капиталистовъ, банкировъ и спекулянтовъ, и тотъ самый купецъ, который двадцать лѣтъ назадъ считался существомъ, стоявшимъ ниже всякаго самурая, теперь въ качествѣ преуспѣвшаго негоціанта можетъ быть встрѣченъ въ салонѣ министра, а правительство въ своихъ дѣйствіяхъ принимаетъ во вниманіе и его мнѣніе. Ничто такъ не характеризуетъ перемѣну прежнихъ воззрѣній на денежное богатство, какъ то, что оно, наравнѣ съ знатнымъ рожденіемъ, даетъ его обладателямъ доступъ въ верхнюю палату парламента.

Крупныхъ фабрикантовъ въ Японіи еще очень мало. Внѣшняя торговля, которая при старомъ порядкѣ не существовала, со времени открытія гаваней стала въ послѣднее время развиваться, какъ мы видѣли выше, все болѣе и болѣе; но Японія по сю пору еще чувствуетъ большой недостатокъ въ развитомъ торговомъ сословіи.

Наименѣе дѣятельную роль въ современной жизни страны играетъ высшій классъ старой знати, вытѣсняемый всюду новыми людьми, вождями сословія шизоку.

Масса народа живетъ довольно бѣдно. Большинство ея составляютъ крестьяне, которые имѣютъ теперь право неограниченнаго распоряженія своимъ маленькимъ земельнымъ надѣломъ *) и пользуются полною свободой передвиженія. Въ жизни простого народа измѣненія во всемъ строѣ страны отразились не столь сильно, какъ въ жизни другихъ классовъ; обычай продолжаетъ еще жить въ народѣ и сохраняется многое изъ того, что уже не защищается правомъ, и старая хозяйственная организація, носившая скорѣе общественный, чѣмъ индивидуалистическій характеръ, продолжаетъ еще жить въ народѣ, несмотря на новыя разобщающія начала. «Чрезвычайно поучительно видѣть,—говоритъ Rathgen,—какъ часто масса мелкихъ производителей чувствуетъ необходимость сомкнуться въ союзъ, артель, корпорацію тамъ, гдѣ интересы являются болѣе или менѣе общими и государственная власть часто выказываетъ свою готовность поддержать эти союзы и дать имъ правовую охрану. Это стремленіе къ совмѣстной дѣятельности замѣчается какъ въ земледѣліи, такъ и въ ремеслахъ и торговлѣ»**).

---

*) Уже закономъ 1872 г. было установлено свободное обращеніе земли для всѣхъ классовъ безъ различія. Съ 1875 г. всякое ограниченіе дѣлимости земельныхъ участковъ отмѣнено. Отдача въ залогъ и аренду также объявлена была свободною, но наслѣдственная аренда закономъ воспрещена.

**) S. 156.

Что касается матеріальнаго положенія крестьянской массы, то, въ общемъ, новыя реформы мало измѣнили его къ лучшему. По статистическимъ даннымъ 1886 г., крестьянское населеніе Японіи равняется 5½ милл. семей или 71% всего населенія. Изъ нихъ 57% собственники и 43% арендаторы. Изъ числа всѣхъ сельскихъ хозяевъ 66% занимаются главнымъ земледѣльческимъ промысломъ, около 30%—побочными и 4%—рыбопромышленностью. Средняя величина участка пахотной земли, приходящагося на одно хозяйство,=0,8 ho *), а участокъ въ 3 ho считается сравнительно большимъ. «Дробленіе земли дошло до того,— говоритъ Ota-Nitobe, — что нѣкоторые изъ участковъ можно прикрыть дождевымъ плащомъ» **).

Быстрый подъемъ цѣнъ на всѣ продукты въ 1878—81 гг. привелъ къ временному подъему благосостоянія крестьянства; но затѣмъ цѣны упали и податное бремя и долги, дѣлавшіеся ими въ изобиліи послѣ провозглашенія полнаго ихъ права на землю, стали ощущаться еще сильнѣе. Произошло довольно быстрое передвиженіе земельной собственности, въ результатѣ чего получилось то, что крестьянинъ-собственникъ сталъ превращаться въ арендатора земли, а собственность на нее перешла къ городскимъ капиталистамъ, купцамъ и проч. Такимъ образомъ образовались два класса съ совершенно противуположными интересами: съ одной стороны, классъ работающихъ на землѣ мелкихъ арендаторовъ-пролетаріевъ, а съ другой—не принимающій непосредственнаго участія въ веденіи сельскаго хозяйства классъ землевладѣльцевъ-горожанъ. Представляется нѣсколько удивительнымъ, почему такое передвиженіе капитала къ землѣ получило столь сильное развитіе при существованіи низкой земельной ренты. Объясненіе можно найти лишь въ томъ, что до сего времени вложеніе капитала въ землю было единственнымъ болѣе или менѣе вѣрнымъ способомъ его употребленія. И такъ, распространенное въ Европѣ мнѣніе о томъ, что въ Восточной Азіи преобладаетъ мелкое крестьянское землевладѣніе, относительно современной Японіи представляется неправильнымъ: данныя оффиціальной статистики свидѣтельствуютъ съ большою очевидностью о распространеніи въ ней мелкаго арендаго хозяйства.

Отношенія между арендодателемъ и арендопринимателемъ сохранили еще прежній патріархальный характеръ. Письменныхъ договоровъ почти не существуетъ. Уплата арендной суммы деньгами является до сихъ поръ довольно рѣдкимъ явленіемъ. Арендаторы живутъ очень бѣдно и терпятъ часто довольно сильную нужду. Впрочемъ, патріархальныя отношенія еще смягчаютъ нѣсколько ихъ тяжелое положеніе. Но дальнѣйшее развитіе путей сообщенія, вліяніе на хлѣбныя цѣны законовъ мірового рынка, развитіе конкурренціи, спекуляція и вообще погоня за наживой неминуемо должны измѣнить это положеніе вещей. Въ этомъ заключается темная сторона новѣйшаго развитія народохозяйственныхъ отношеній въ молодомъ государ-

*) 1 ho=99,17 арамъ.

**) *Conrad's Handw.* II, S. 258.

ствѣ, перенявшемъ съ Запада вмѣстѣ съ гарантіями правъ личности и правомъ ея участія во власти также преклоненіе передъ принципомъ частноправности началъ въ экономической жизни.

Относительно тягостей, лежащихъ на крестьянскомъ сословіи, надобно сказать, что онѣ являются, главнымъ образомъ, результатомъ экономическихъ отношеній стараго режима. Изъ 80 милліоновъ йенъ государственнаго дохода въ формѣ земельной подати берется 42 милл. или 52%. Если мы причислимъ къ тому же мѣстные налоги, то тяжесть, которую несутъ японскіе крестьяне, выразится 80% общей податной тяжести; нерѣдко въ видѣ земельнаго налога берется ½ валовой выручки хозяйства. Кромѣ поземельныхъ налоговъ, другія обязанности по отношенію къ государству лежатъ на крестьянинѣ въ равной мѣрѣ съ другими сословіями.

Затрудненное быстрымъ возростаніемъ расходовъ государство все же теперь всѣми силами стремится къ поднятію благосостоянія земледѣльцевъ и уменьшить податныя тягости. На нѣкоторыя изъ этихъ мѣропріятій мы уже указывали. Съ поднятіемъ пошлинъ и съ введеніемъ подоходнаго налога *) земельные налоги становятся все меньше. Введеніе обязательнаго народнаго образованія, распространеніе низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, сельско-хозяйственныхъ союзовъ, дарованіе самоуправленія сельскому населенію, поддержаніе скотоводства, обработка пустошей, организація переселеній въ Hokkaido (Yezo) и многія другія мѣры, принимаемыя правительствомъ, даютъ надежду на лучшее будущее для японскаго крестьянства.

На ряду съ крестьянствомъ къ массѣ народа принадлежатъ и ремесленники. Японія въ промышленномъ отношеніи до сихъ поръ еще является страной мелкаго производства, ремесленнаго и кустарнаго, т.-е. большинство тѣхъ, которые живутъ трудами рукъ своихъ, являются сами же и предпринимателями. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ работаетъ сама семья, и наемныхъ помощниковъ почти не имѣется; точно также и изъ хозяевъ-ремесленниковъ рѣдко кто имѣетъ, кромѣ одного ученика, еще 3—4 работниковъ. Такимъ образомъ, наемный трудъ не играетъ въ странѣ большой роли. Только въ нѣкоторыхъ производствахъ, требующихъ большого капитала, находится довольно многочисленный персоналъ лицъ, служащихъ за плату, какъ-то: въ рыбопромышленности, въ горныхъ промыслахъ, винокуреніи и друг. Но и въ этихъ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ отношенія между хозяевами и служащими до сихъ поръ еще носятъ тотъ же патріархальный характеръ, какъ то было въ отношеніяхъ господъ и слугъ, землевладѣльцевъ и арендаторовъ, и должности являются чуть ли не наслѣдственными. То же имѣетъ мѣсто и въ большихъ торговыхъ фирмахъ, гдѣ служитъ много народа.

Такъ какъ отношенія между работодателемъ и работникомъ носятъ се-

*) Введенъ въ 1887 г. Этому налогу подпали только доходы, превышающіе 300 йенъ въ годъ. Въ 1887 г. къ нему привлечено было 118,593 лица; въ 1888 г. это число повысилось до 129,086.

мейный характеръ, то трудъ какъ ремесленника, такъ и крестьянина не является черезъ-чуръ интензивнымъ и изнурительнымъ. Но эта умѣренность въ трудѣ, будучи, съ одной стороны, весьма желательнымъ явленіемъ, съ другой стороны, представляется большимъ тормазовъ для поднятія народнаго благосостоянія. Медлительность въ работѣ могла бы быть устранена безъ всякаго ущерба для здоровья рабочаго, такъ какъ теперь трудъ, являясь малопроизводительнымъ, все же отнимаетъ слишкомъ много времени. Даже праздниковъ у японскихъ работниковъ гораздо меньше, чѣмъ у европейскихъ. Введенное въ присутственныхъ мѣстахъ и учебныхъ заведеніяхъ празднованіе по европейскому образцу воскреснаго дня пока также мало принято массой, какъ и празднованіе другихъ оффиціальныхъ дней отдыха. Дѣло, однако же, измѣняется тамъ, гдѣ начинаетъ примѣняться машинный трудъ. Какъ желѣзныя дороги пріучаютъ японцевъ къ неизвѣстной до того пунктуальности, такъ и машины пріучаютъ фабричнаго работника къ внимательности въ работѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, истощаютъ его силы. Развитіе индустріи въ странѣ идетъ именно такимъ путемъ. Она уже теперь начинаетъ эксплуатировать женщинъ и дѣтей и приводитъ къ развитію ночной работы. Большія новыя прядильни работаютъ теперь, благодаря электрическому освѣщенію, при двухъ смѣнахъ въ продолженіе 11—12 часовъ безъ перерыва, при чемъ занимаютъ преимущественно женщинъ и дѣвушекъ. Почти также много и напряженно работаютъ рабочіе (въ томъ числѣ и дѣти) на шелковыхъ фабрикахъ. Уже въ 1887 г. въ работавшихъ хлопчатобумажныхъ прядильняхъ было 60% женскаго элемента. На государственныхъ фабрикахъ было 9,724 мужчинъ и 1,639 женщинъ. Прядильни работали въ среднемъ около 300 дней въ году, государетвенныя же суконныя фабрики въ Senji—344 дня, день и ночь безъ перерыва.

Такимъ образомъ, Японіи въ своемъ промышленномъ развитіи пришлось вступать теперь въ ту фазу эволюціи экономическихъ отношеній, въ которой еще находятся въ настоящее время даже самыя передовыя націи міра. Отъ патріархальной, чуть не поголовной бѣдности она ринулась къ усиленному накопленію продуктовъ, попадающихъ въ руки немногихъ, къ превращенію полунищихъ собственниковъ въ свободныхъ пролетаріевъ, не имѣющихъ ничего, кромѣ собственныхъ рукъ, отъ работы, что называется, спустя рукава, къ напряженію всѣхъ мускуловъ и нервовъ работника,—однимъ словомъ, отъ благодушнаго по виду и гнетущаго невидимо патріархальнаго строя къ громкому своими успѣхами капитализму съ его высокою продуктивностью quasi-свободнаго договора, максимальною утилизаціей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, быстрымъ истощеніемъ всѣхъ силъ человѣка и съ его распредѣленіемъ произведенныхъ продуктовъ между участниками въ производствѣ въ самой несправедливой пропорціи.

VII.

Въ силу общности историческихъ законовъ для всѣхъ народовъ земного шара, соціально-политическій строй современной Японіи, несмотря на всю

радикальность происшедшихъ въ ней перемѣнъ, является строемъ только переходнымъ, въ которомъ на ряду съ новымъ находятся остатки стараго или въ чистомъ видѣ, или скрытаго подъ новою внѣшнею оболочкой.

Изъ такихъ послѣдствій минувшихъ условій общественной жизни наибольшимъ тормазомъ для дальнѣйшаго всесторонняго развитія Японіи является малоспособность ея населенія къ самодѣятельности и привычка народа къ опекѣ и административному руководству. Въ большинствѣ случаевъ всегда ожидается инициатива свыше. Почти ни одно изъ крупныхъ народохозяйственныхъ мѣропріятій не возникло по чисто-частному почину. Только за послѣднее время замѣчается нѣкоторое измѣненіе къ лучшему. Отношеніе администраціи къ опекаемому населенію все еще отличается китаизмомъ. «Современному европейцу,— говоритъ Rathgen,— обращеніе администраціи съ публикой кажется не въ мѣру рѣзкимъ и безцеремоннымъ и справедливые интересы и права подданныхъ не всегда находятъ со стороны ея надлежащую защиту. Сами японцы, впрочемъ, ощущаютъ ненормальность такихъ отношеній въ гораздо меньшей степени, чѣмъ мы съ нашими широкоразвитыми понятіями о правахъ и достоинствѣ личности, и наше стремленіе къ установленію правоваго контроля надъ дѣйствіями администраціи является для нихъ не совсѣмъ понятнымъ. Должно, однако, признать, что японское управленіе сдѣлалось много гуманнѣе, чѣмъ оно было при старомъ режимѣ *).

Но если болѣе или менѣе полное перевоспитаніе тѣхъ поколѣній, которыя выросли при господствѣ старыхъ порядковъ, является невозможнымъ, то подымающіяся поколѣнія, ростущія въ новыхъ условіяхъ, обѣщаютъ внести въ новыя формы и новый духъ. Дѣйствительное и полное перерожденіе страны является лишь вопросомъ времени. Измѣнившіяся формы общественныхъ отношеній должны неминуемо оказать вліяніе и на измѣненіе ихъ духа. Въ школѣ свободы можно научиться скорѣе всего пользоваться свободой. Общественное мнѣніе въ Японіи теперь, съ введеніемъ въ ней представительныхъ учрежденій и съ развитіемъ печати вообще и періодической прессы **) въ частности, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большее и

*) *Rathgen*, S. 127.

**) По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, въ Японіи теперь выходитъ около 766 періодическихъ изданій, въ количествѣ до 200 милл. экземпляровъ. Изъ произведеній непериодической печати въ 1891 г. насчитывалось 7,956 оригинальныхъ сочиненій, а вмѣстѣ съ переводами, перепечатками и проч. всего болѣе 22,000 произведеній. Особенный интересъ возбуждали вопросы права и религіи. „Благодаря п окому распространенію грамотности и дешевизнѣ газетъ,— говоритъ одинъ изр жихъ путешественниковъ, г. Де-Воланъ („Въ странѣ восходящаго солнца“, *Рус-с Вѣдомости* 1893 г., № 120),— каждый японецъ читаетъ газеты и любимымъ разговор ъ его является политика. Издавать газету стоитъ очень дешево, такъ какъ сотрудн мъ не платятъ. Нужно дать 1,000 долл. залога, шрифтъ стоитъ 5,000 и съ 20,000 м но смѣло приняться за дѣло. Цѣна за газету очень дешевая, по 50 центовъ за м цъ; есть и дешевле. Угодить публикѣ не трудно: говорить имъ о Гладстонѣ и о л хъ корифеяхъ либерализма, перевести нѣсколько романовъ французскихъ, англій-

большее значеніе и пріучаетъ каждую личность жить жизнью всѣхъ. Но главное, что̀ подаетъ надежду на хорошее будущее для Японіи и что̀ вызываетъ удивленіе къ ней и ея нынѣшнимъ вождямъ, это то, что въ ней, говоря словами одного изъ нашихъ старыхъ журналовъ, нѣтъ того подозрительнаго отношенія къ пробужденію духовныхъ силъ народа, которое тяготѣетъ надъ прогрессивнымъ развитіемъ Европы, вслѣдствіе которой каждый шагъ впередъ обыкновенно сопровождается шагомъ назадъ; затѣмъ начинается снова, но уже медленное, движеніе по прежнему направленію и уже не прямою дорогой, а боковыми обходами. Въ Японіи микадо и его правительство честно и смѣло ведутъ дѣло реформъ. Эта прямота и честность возбуждаютъ къ нимъ глубокое довѣріе и преданность въ народѣ.

Правительство микадо находитъ серьезныхъ и послѣдовательныхъ противниковъ себѣ въ обществѣ и народѣ только относительно своихъ дѣйствій въ области внѣшней политики. Дѣло въ томъ, что національная гордость японцевъ не можетъ равнодушно выносить высокомѣрнаго и покровительственнаго отношенія къ нимъ иностранныхъ правительствъ. Европа въ 60-хъ годахъ прибѣгла къ силѣ и угрозамъ, чтобы продиктовать восточной Японіи условія, которыя Японія цивилизованная разсматриваетъ какъ оскорбленіе. Такъ, напримѣръ, японское правительство является несвободнымъ въ обложеніи пошлинами ввозныхъ товаровъ и должна въ этомъ отношеніи подчинять свои интересы интересамъ иностранцевъ. Но что болѣе всего оскорбляетъ гордость японцевъ, это то, что, въ силу трактатовъ, въ ихъ странѣ, имѣющей болѣе 40 милл. жителей, горсть европейцевъ (въ 2,500 ч.) живетъ изъятая отъ всякихъ податей, внѣ подчиненія мѣстнымъ судамъ, и всякій, кто поссорится съ ними, долженъ подчиняться ихъ законамъ и ихъ судьямъ (консуламъ). Такимъ образомъ, достиженіе полной равноправности Японіи въ международныхъ отношеніяхъ съ другими цивилизованными странами міра является завѣтною мечтой лучшихъ японскихъ патріотовъ и среди самыхъ образованныхъ представителей японскаго общества, какъ, напримѣръ, профессоровъ Токіоскаго университета, горитъ сильнѣе всего чувство гордой враждебности къ иностранцамъ *). Существуетъ предположеніе, что когда императоръ соглашался на дарованіе своему народу представительныхъ учрежденій, тайною мыслью его было найти въ парламентѣ точку опоры при противодѣйствіи претензіямъ иностранныхъ державъ. Но народные представители стали требовать, чтобы правительство Японіи держало себя при сношеніяхъ съ иностранными правительствами какъ равное съ равнымъ, и всякое министерство, которое было слишкомъ уступчиво въ этомъ отношеніи, встрѣчало въ парламентѣ самую горячую оппозицію. Изъ-за этой оппозиціи, главнымъ образомъ, пр-

---

скихъ, а также помѣстить нѣсколько японскихъ. Среди интеллигентной публики пользуются большимъ вниманіемъ сочиненія Спенсера, Лоренца Штейна, Дарвина, Т. н-даля, Канта".

*) *Raihgen*, S. 724. *Valbert. Revue*, p. 704.

вительству микадо пришлось еще такъ недавно дважды распустить парламентъ въ концѣ прошлаго года и въ началѣ нынѣшняго.

Существованіе такой враждебности къ иностранцамъ служитъ большимъ препятствіемъ для промышленнаго развитія страны, значительно тормазя дальнѣйшее расширеніе доступа въ нее для капиталовъ и энергіи иностранцевъ, въ чемъ тамъ теперь чувствуется большая потребность. Но эта бѣда преходящая и иностранцы, для которыхъ такое положеніе вещей, въ сущности, является весьма невыгоднымъ, вскорѣ, вѣроятно, оставятъ по отношенію къ японцамъ свою старую привычку соперничать другъ съ другомъ изъ-за своего вліянія на тотъ народъ, который они считаютъ слабымъ и незначительнымъ, и оказывать на него давленіе въ вопросахъ, касающихся его самыхъ насущныхъ интересовъ. Такое предположеніе является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Японія теперь уже по своему внутреннему строю не Египетъ, не Персія и не Китай, а дѣйствительно просвѣщенная страна. Когда это произойдетъ, исчезнетъ въ странѣ главная причина антагонизма, существующаго теперь между правительствомъ и народомъ и начавшаго задерживать быстрое движеніе страны впередъ.

Гораздо серьезнѣе заставляетъ задуматься надъ будущими судьбами Японіи другое обстоятельство, на которое мы уже указывали,—это то, что она воспринимаетъ не только достоинства европейско-американской цивилизаціи, но и ея недостатки, къ каковымъ, напримѣръ, относится стремленіе ея новѣйшаго законодательства построить весь народо-хозяйственный бытъ страны на чисто частно-правныхъ началахъ, на началахъ купли-продажи, господства индивидуализма и quasi-свободнаго соперничества труда и капитала, и капиталовъ между собой. Отъ зла, порождаемаго подобною системой даже въ самыхъ передовыхъ странахъ міра, Японія можетъ избавиться лишь въ будущемъ; пока же эта молодая страна не имѣетъ и не можетъ имѣть такихъ государственныхъ дѣятелей, такого развитія соціальнаго знанія въ странѣ и просвѣщенности общественнаго мнѣнія, чтобъ она могла пойти впередъ путемъ еще болѣе прогрессивнымъ, еще менѣе ошибочнымъ, чѣмъ тотъ, которымъ идутъ впередъ страны-піонеры цивилизаціи.

Л. Кирилловъ.

Психологія «преступной» толпы.

(Криминально-антропологическій очеркъ).

Вопросъ о «преступной толпѣ» принадлежитъ къ числу такихъ, далеко еще не разъясненныхъ и порѣшенныхъ, вопросовъ, которые никогда не утрачиваютъ присущаго имъ глубокаго жизненнаго интереса и говорить о которыхъ всегда своевременно. Находящуюся подъ вліяніемъ того или другого эффекта, волнующуюся, дѣйствующую, доходящую при этомъ до разныхъ эксцессовъ и становящуюся, такимъ образомъ, «преступною» толпу мы видимъ въ прошломъ чуть не на каждой страницѣ исторіи; чуть не ежедневно она, эта толпа, даетъ намъ знать о себѣ и теперь то въ томъ, то въ другомъ уголкѣ цивилизованнаго и полуцивилизованнаго міра; да все заставляетъ думать, что къ производимому ею грозному шуму намъ придется прислушиваться и въ ближайшемъ будущемъ,—прислушиваться, къ тому же, все чаще и чаще и даже съ гораздо болѣе тревожными чувствами, чѣмъ теперь. Всѣ цивилизованныя страны переживаютъ теперь переходную, критическую, смутную пору. Существующія бытовыя формы все менѣе и менѣе удовлетворяютъ матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ развивающагося общества. Кто хоть сколько-нибудь внимательно слѣдитъ за явленіями текущей дѣйствительности, тотъ не можетъ, конечно, не придти къ тому заключенію, что повсюду теперь «народъ изнервничался», по вѣрному замѣчанію одного нашего писателя. Историческія же полосы съ такимъ характеромъ всегда бываютъ очень богаты частными взрывами и вспышками, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ обыкновенно и является протестующая и роковымъ образомъ увлекающаяся на «преступный» путь толпа. А разъ это такъ, то не надо быть и пророкомъ, чтобы предсказать что вопросъ о «преступной толпѣ», крайне важный и интересный и «сегодня», неизбѣжно станетъ, благодаря обстоятельствамъ, еще болѣе интереснымъ, животрепещущимъ и жгучимъ «завтра». Достаточно бросить бѣглый взглядъ на то, что творится за послѣдніе годы хотя бы, наприм., въ Соединенныхъ Штатахъ, чтобъ убѣдиться въ справедливости нашего утвержденія.

Что такое «толпа» вообще и «толпа преступная» въ частности? Каково внутреннее содержаніе этихъ понятій, разсматриваемыхъ съ антропологической, психологической, криминально-антропологической точекъ зрѣнія? Каковы отношенія индивидуума къ толпѣ и къ чему сводится его роль въ этой послѣдней? Каковъ характеръ преступленій, совершаемыхъ толпою, или, говоря иначе, коллективныхъ преступленій? Подъ вліяніемъ какихъ именно условій и причинъ преступленія эти возникаютъ? Въ какой мѣрѣ юридически отвѣтственны и вмѣняемы индивидуумы, составляющіе «преступную толпу»? Всѣ эти и многіе другіе вопросы въ томъ же родѣ не разъ уже выдвигались на сцену и обращали на себя всеобщее вниманіе, между прочимъ, и за самое послѣднее время. Такъ, наприм., они живо дебатировались на недавнемъ криминально-антропологическомъ конгрессѣ (Брюссель, 1892 г.), по поводу доклада о «преступной толпѣ» (*Le délit collectif,— criminalité des foules et des sectes*), читаннаго извѣстнымъ французскимъ соціологомъ-криминалистомъ Тардомъ, который, къ слову сказать, касался той же темы и раньше брюссельскаго конгресса *). Около того же времени появились въ печати и кое-какіе новые спеціальные труды, трактующіе вопросъ о «толпѣ» и «коллективныхъ преступленіяхъ». Одинъ изъ этихъ трудовъ, *La folla delinquente* (*Преступная толпа*), вышедшій изъ-подъ пера итальянскаго ученаго Сигеле (*Scipio Sighele*), выпущенъ былъ и въ русскомъ переводѣ, появленіе котораго вызвало въ нашихъ газетахъ и журналахъ рядъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ замѣтокъ и статей. Вообще, за послѣдніе два-три года говорено и писано на интересующую насъ тему было не мало, между прочимъ, и у насъ, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что, несмотря на всѣ эти разговоры, вопросъ о «преступной толпѣ» за это время подвинулся впередъ не особенно далеко. На нашъ взглядъ, въ извѣстныхъ намъ трудахъ авторовъ, трактовавшихъ о немъ (Сигеле, Тардъ, Фурніаль и др.), онъ, этотъ вопросъ, и поставленъ не совсѣмъ правильно, и разработанъ крайне недостаточно, и освѣщенъ не только слабо, но и прямо-таки невѣрно. Въ виду всего этого, мы и сочли небезполезнымъ заняться въ настоящей статьѣ пересмотромъ этого важнаго вопроса или, точнѣе, критическимъ анализомъ относящихся къ нему мнѣній и взглядовъ современныхъ ученыхъ изслѣдователей. За исходную точку при нашей критической работѣ мы взяли два новѣйшіе труда, посвященные разработкѣ интересующей насъ проблемы, а именно трактатъ д-ра *H. Fournial*'я: *Essai sur la psychologie des foules* (1892 г.) и упомянутое уже выше сочиненіе Сигеле: *La folla delinquente* (1892 г.) **). Считаемъ нашимъ оговориться, что мы остановились на этихъ сочиненіяхъ вовсе не потому, чтобъ они, сами по себѣ, были хороши; нѣтъ, какъ попытки разрѣшенія огромнаго, по своему соціальному значенію, вопроса о «преступной

*) См., наприм., его большіе труды: *Les lois de l'imitation* и *La philosophie pénale*, а также нѣкоторыя статьи въ *Revue philosophique*.

**) Мы пользуемся имѣющимся у насъ подъ руками французскимъ переводомъ этой книги: *La foule criminelle* (essai de psychologie collective). Paris, 1892.

толпѣ», оба они, по нашему крайнему разумѣнію, не выдерживаютъ серьезной критики. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о первомъ изъ нихъ. Авторъ его, д-ръ Фурніаль, не имѣетъ ровно никакихъ собственныхъ взглядовъ, никакихъ своихъ «словъ»; онъ безхитростно, не мудрствуя лукаво, подбираетъ и механически нанизываетъ, приставляетъ одно къ другому мнѣнія разныхъ ученыхъ, преимущественно своихъ учителей, ліонскихъ антропологовъ, съ проф. Лакассанемъ во главѣ. Если компиляція эта и представляетъ интересъ, то исключительно только какъ отраженіе этихъ мнѣній. Что касается труда Сигеле, удостоившагося, замѣтимъ мимоходомъ, очень лестныхъ отзывовъ въ разныхъ органахъ научной прессы, то, по сравненію съ *Опытомъ* Фурніаля, онъ оказывается изслѣдованіемъ, гораздо болѣе солиднымъ и заслуживающимъ вниманія. Въ этомъ сочиненіи Сигеле собралъ, кажется, все, что говорилось до него о «преступной толпѣ», о психологіи массъ, о «коллективныхъ преступленіяхъ». Мало того, онъ попытался разобраться въ чужихъ мнѣніяхъ и взглядахъ, проявилъ тенденцію мыслить самостоятельно, обнаружилъ доброе намѣреніе добраться до общей руководящей идеи и пролить нѣкоторый свѣтъ на занимающій его сложный и запутанный вопросъ, но... въ результатѣ этихъ попытокъ и усилій у него, на нашъ взглядъ, получилось не особенно много цѣннаго добра. Вышло это потому, что умомъ авторъ обладаетъ далеко не сильнымъ, не критическимъ, не самостоятельнымъ, почему слѣпо и поддается всякимъ стороннимъ вліяніямъ, которыя оказываютъ на него угнетающее, гипнотизирующее дѣйствіе. Что сказалъ или предположилъ Ломброзо, Тардъ, Тэнъ, Дюкамъ и пр., то для Сигеле свято и не подлежитъ сомнѣнію, возможности и законности котораго онъ даже и не видитъ. Это съ одной стороны, а съ другой—авторъ *Foule criminelle* имѣетъ несчастіе быть «позитивистомъ» пресловутой ломброзовской криминально-антропологической школы, узкія, однобокія доктрины которой застятъ ему свѣтъ, сковываютъ его мысль и загоняютъ ее въ какой-то глухой и безвыходный переулокъ. Злоупотребленіе антропологіей, идолопоклонство передъ формальными антропологическими критеріями, отсутствіе критицизма, крайній недостатокъ вдумчивости въ изучаемые факты, способность смотрѣть и не замѣчать «слона», натяжки, противорѣчія, голословныя утвержденія, а въ общемъ какое-то, даже унылое наводящее, блужданіе безсильной мысли, таковы черты, отличающія сигелевскую *Foule criminelle* и не позволяющія намъ относить это сочиненіе къ числу серьезныхъ и цѣнныхъ вкладовъ въ науку. Въ концѣ-концовъ, и объ этомъ сочиненіи приходится сказать, если и не совсѣмъ, то почти то же самое, что и о книжкѣ Фурніаля: оно насъ знакомитъ не столько съ идеями самого автора,—идеями, остающимися смутными, неопредѣленными, неясными,—сколько со взглядами и мнѣніями другихъ ученыхъ изслѣдователей и мыслителей. Но это-то именно обстоятельство и дѣлаетъ трудъ итальянскаго антрополога-криминалиста (равно какъ и компиляцію Фурніаля) очень удобнымъ источникомъ для нашей цѣли, т.-е. для крити

ческаго обзора тѣхъ воззрѣній по вопросу о «преступной толпѣ», которыя находятся въ обращеніи въ мірѣ представителей современной научной мысли.

Прежде всего, что такое «толпа»? Авторы, занимающіеся изслѣдованіемъ этого интереснаго объекта, обыкновенно не скупятся на всякаго рода уподобленія, на картинныя, образныя опредѣленія. Читая Сигеле, вы чуть не на каждомъ шагу слышите отъ автора, что толпа есть «дикій», «свирѣпый», «кровожданый звѣрь», какое-то «безъименное», «страшное чудовище» и пр. и пр. Д-ръ Фурніаль очень рѣшительнымъ тономъ повторяетъ утвержденія проф. Лакассаня, что толпа есть «своеобразное существо, совершенно лишенное разума», «существо спинно-мозговое, нервно-узловое (*spinal et ganglionnaire*), подобное обезглавленнымъ животнымъ», существо «затылочное, теменное, но ни въ какомъ случаѣ не лобное (*occipital, pariétal, jamais frontal*)», т.-е. проявляющее себя дѣйствіемъ, чувствомъ, но никакъ не интеллектомъ (стр. 23) и т. д. По словамъ Тарда на брюссельскомъ конгрессѣ, толпа—это «дикій, импульсивный, маніакальный звѣрь», сплошь и рядомъ «животное низшаго порядка, безпозвоночное, чудовищный червь, отличающійся диффузною, разлитою чувствительностью и способный выполнять безпорядочныя, некоординированныя движенія и послѣ отдѣленія отъ туловища головы, не рѣзко обособленной (въ морфологическомъ отношеніи) отъ остальнаго тѣла», и проч. Мы не будемъ останавливаться на этихъ и имъ подобныхъ живописныхъ опредѣленіяхъ и характеристикахъ,—не будемъ отчасти потому, что они, эти опредѣленія, не только ничего не разъясняютъ, но, на нашъ взглядъ, только запутываютъ и затемняютъ вопросъ, отчасти же и потому, что изъ нижеслѣдующаго изложенія само собою будетъ видно, можно или нѣтъ считать ихъ основательными, резонными и умѣстными. Постараемся, пока что, обойтись безъ картинныхъ метафоръ.

По улицамъ каждаго большого, бойкаго города снуетъ обыкновенно масса людей обоихъ половъ, всѣхъ возрастовъ, самыхъ разнообразныхъ званій, состояній, общественныхъ положеній и проч. У людей этихъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго: у каждаго изъ нихъ собственныя, индивидуальныя чувства, настроенія, идеи, стремленія, заботы, цѣли; всѣ они спѣшатъ по своимъ особеннымъ дѣламъ и движутся во всевозможныхъ направленіяхъ, руководясь личными мотивами и почти совсѣмъ не обращая вниманія другъ на друга. Эту, переполняющую улицы, массу людей мы, на нашемъ разговорномъ языкѣ, называемъ обыкновенно толпою. Но такое случайное, непостоянное, непрерывно видоизмѣняющееся, безсвязное, механическое соединеніе остающихся разрозненными людей въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ вовсе не есть «толпа» въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому слову антропологи, соціологи и криминалисты. «Толпа» есть собраніе индивидуумовъ, охваченныхъ въ данный моментъ однимъ и тѣмъ же настроеніемъ, проникнутыхъ одною и тою же идеей, обнаруживающихъ одно и то же настроеніе, дружно стремящихся къ одной и той же цѣли, имѣющихъ, такъ сказать, одну, общую имъ всѣмъ, душу. Она представляетъ

собою одно связное, сплоченное цѣлое, проявляющее себя въ окружающей его средѣ, какъ одинъ организмъ, въ которомъ отдѣльные человѣческіе индивидуумы играютъ роль неимѣющихъ самостоятельнаго значенія составныхъ частей. Нѣтъ въ данномъ людскомъ собраніи этихъ существенныхъ признаковъ,—нѣтъ и «толпы», въ точномъ значеніи этого слова. И такъ, толпа есть единое органическое цѣлое, единый связный аггрегатъ. Спрашивается теперь, каковы же психическія свойства этого аггрегата?... Не опредѣляется ли характеръ этого послѣдняго характеромъ составляющихъ его единицъ? Не являются ли стремленія, желанія, воля толпы просто только суммами индивидуальныхъ желаній, стремленій и воль, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ? Не есть ли общая «душа» толпы просто только продуктъ сложенія или синтеза индивидуальныхъ душъ? Чуть ли не всѣ наблюдатели и изслѣдователи, занимавшіеся психологіею толпы,—а вслѣдъ за ними и Сигеле, и, конечно, Фурніаль,—даютъ на эти вопросы совершенно одинаковые отвѣты. По ихъ словамъ, отдѣльные индивидуумы, входя въ составъ толпы, всегда и почти всецѣло утрачиваютъ присущія имъ, въ изолированномъ состояніи, психическія особенности и преображаются до такой степени, что объ интеллектуальныхъ и моральныхъ свойствахъ аггрегата совсѣмъ нельзя бываетъ судить по характеру образующихъ его единицъ, взятыхъ отдѣльно, при обыкновенныхъ условіяхъ ихъ существованія. Каждый человѣкъ, становясь интегральною частью толпы и подпадая подъ ея вліяніе, теряетъ свои лучшія, высшія, привитыя культурою духовныя свойства и черты. Толпа всегда принижаетъ въ духовномъ отношеніи, деградируетъ, нивеллируетъ входящихъ въ ея составъ индивидуумовъ, такъ сказать, подводитъ ихъ всѣхъ подъ одинъ общій знаменатель. Знаменателемъ этимъ являются тѣ грубыя духовныя качества и свойства, которыя характеризовали первобытныхъ, дикихъ людей и которыя и въ современныхъ людяхъ не уничтожены, не искоренены смягчающими, облагораживающими вліяніями многовѣковой культуры, а только болѣе или менѣе сильно связаны, скованы этими вліяніями, отодвинуты на задній планъ и прикрыты слоемъ,—не особенно, къ тому же, толстымъ,—культурныхъ качествъ и свойствъ. Попадая въ толпу, человѣкъ сбрасываетъ съ себя этотъ поверхностный слой и, такъ сказать, возвращается къ первобытному состоянію; въ немъ пробуждаются дикіе, кровожадные инстинкты, просыпается «звѣрь». Благодаря этому, толпа, взятая въ цѣломъ, всегда оказывается болѣе дикою, грубою, низменною, менѣе доброкачественною, худшею въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніяхъ, чѣмъ образующіе ее человѣческіе индивидуумы, взятые порознь.

Такова толпа съ антропологической точки зрѣнія. Да, въ сущности, далеко не одна она такова,—замѣчаютъ ученые изслѣдователи. То, что происходитъ съ людьми въ уличной толпѣ, имѣетъ мѣсто и во всякомъ другомъ людскомъ аггрегатѣ. Фактъ пониженія духовнаго уровня личностей, составляющихъ эту толпу, является только частнымъ выраженіемъ той общей истины, что *всякое* собраніе индивидуумовъ дѣйствуетъ на этихъ послѣд-

нихъ принижающимъ образомъ и что группа, аггрегатъ всегда хуже составляющихъ его единицъ. Посмотрите, говорятъ, что творится во всякаго рода коллегіальныхъ учрежденіяхъ,—въ палатахъ народныхъ представителей, въ совѣтахъ, коммиссіяхъ, конгрессахъ, различныхъ жюри (судебныхъ, художественныхъ, научныхъ, промышленныхъ) и т. д. Почти никогда заключенія, рѣшенія и постановленія коллегій,—составленныхъ, однако же, чаще всего изъ людей умныхъ, знающихъ, лучшихъ, выдающихся,—не возвышаются надъ уровнемъ самой жалкой посредственности, а сплошь и рядомъ оказываются даже и прямо-таки нелѣпыми, безсмысленными, оскорбляющими логику, идущими въ разрѣзъ съ самыми элементарными требованіями истины и справедливости. Публика обыкновенно приходитъ въ крайнее недоумѣніе при видѣ такихъ плачевныхъ результатовъ коллективной дѣятельности; она не можетъ понять, какъ выходитъ то, что собраніе компетентныхъ художниковъ или ученыхъ, или представителей какого-нибудь практическаго дѣла приходитъ, при коллективномъ обсужденіи даннаго вопроса, къ такимъ заключеніямъ и рѣшеніямъ, противъ которыхъ вопіетъ и здравый смыслъ, и искусство, и наука, и житейская практика. Да что публика!... Сами же эти компетентные люди первые и удивляются потомъ тому, что они творили и натворили въ своей компаніи; они стыдятся своего участія въ принятіи того или другого, оказавшагося нелѣпымъ, рѣшенія, въ выработкѣ того или другого, поражающаго своею неудовлетворительностью и несостоятельностью, заключенія или постановленія,—стыдятся, прекрасно сознавая, что каждый изъ нихъ въ одиночку рѣшилъ бы данный вопросъ гораздо лучше, чѣмъ онъ былъ рѣшенъ коллегіально. Значитъ, умный, знающій, развитой и проч. человѣкъ не способенъ впадать въ грубыя заблужденія и творить глупости (въ знакомой ему средѣ), если онъ мыслитъ въ одиночку; въ обществѣ же себѣ подобныхъ онъ какъ будто утрачиваетъ весь свой умъ, всѣ свои знанія и т. д. и проявляетъ себя очень посредственнымъ и даже прямо-таки изъ рукъ вонъ плохимъ мыслителемъ. Вообще отъ какихъ бы то ни было коллегій, собраній, обсуждающихъ и рѣшающихъ какіе бы то ни было вопросы и дѣла, трудно ожидать удовлетворительныхъ результатовъ, хотя бы люди, входящіе въ составъ этихъ собраній, и были, сами по себѣ, цвѣтомъ интеллигенціи,—рѣшительно утверждаютъ интересующіе насъ ученые изслѣдователи. «Выдающіяся способности лицъ, составляющихъ извѣстное собраніе, вовсе не служатъ надежною гарантіей того, что и само это собраніе проявитъ эти способности,—говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій Энрико Ферри.—Соединеніе здравомыслящихъ индивидуумовъ мо[ж]ь дать собраніе, не имѣющее здраваго смысла, подобно тому, какъ [в] химіи отъ соединенія двухъ газовъ можетъ получиться жидкость...» [С]оберите во-едино двадцать или тридцать Гёте, Кантовъ, Гельмгольтцевъ, [К]епировъ, Ньютоновъ и т. д.,—восклицаетъ Максъ Нордау въ своихъ *[п]арадоксахъ*,—предложите на нихъ обсужденіе и рѣшеніе какіе-нибудь [п]рактическіе вопросы текущей дѣйствительности и посмотрите, что изъ

этого выйдетъ». Выйдетъ, по Нордау, что ареопагъ, составленный изъ такихъ геніевъ, надаетъ такихъ же плохихъ отвѣтовъ и рѣшеній, какъ и собраніе самыхъ заурядныхъ посредственностей. И произойдетъ это, будто бы, исключительно потому, что геніи окажутся въ группѣ, въ обществѣ и будутъ заниматься обсужденіемъ вопросовъ сообща, коллегіально: при этомъ, видите ли, ихъ индивидуальныя духовныя особенности, дѣлающія ихъ геніями, отчасти взаимно нейтрализуются, отчасти же совсѣмъ не будутъ имѣть ни случая, ни возможности проявиться; обусловливающимъ же факторомъ, отъ котораго будетъ зависѣть характеръ коллективной умственной дѣятельности, явится та, общая всѣмъ, духовная сущность, по которой всѣ эти Гёте, Гельмгольтцы, Ньютоны ничѣмъ не отличаются не только другъ отъ друга, но и отъ любого уличнаго прохожаго... Сигеле вполнѣ соглашается съ такого рода утвержденіями и, въ доказательство справедливости этихъ послѣднихъ, ссылается, между прочимъ, на опытъ вѣковъ и народовъ. Такъ, по его словамъ, у римлянъ пользовалось полнымъ правомъ гражданства слѣдующее характерное изреченіе: «*senatores boni viri, senatus autem mala bestia*» (сенаторы—хорошіе люди, но сенатъ—скверная бестія). При этомъ онъ замѣчаетъ, что если такое принижающее вліяніе оказываетъ на индивидуумовъ собраніе, составленное изъ избранныхъ, выдающихся личностей, то тѣмъ съ большею силой и тѣмъ болѣе въ рѣзкой формѣ оно должно проявляться въ собраніяхъ случайныхъ, отличающихся большою разнородностью своего состава,—каковы, наприм., собранія людей въ театрѣ, въ публичной аудиторіи, на народномъ митингѣ и проч. Но изо всѣхъ мыслимыхъ собраній уличная толпа есть, по мнѣнію Сигеле, самое случайное, самое разнородное, самое непостоянное и наименѣе «оригинальное», а потому и пониженіе духовнаго уровня входящихъ въ составъ его личностей должно быть наибольшее и, слѣдовательно, толпа эта должна быть наихудшимъ, въ духовномъ смыслѣ, людскимъ аггрегатомъ. Если ужъ римскій сенатъ, въ его цѣломъ, оказывался *mala bestia*, то уличная толпа есть, несомнѣнно, *pessima bestia*,—такъ можемъ мы формулировать мысль автора *Foule criminelle*.

Мы вполнѣ увѣрены въ томъ, что здравый смыслъ нашихъ читателей,—будутъ ли эти читатели мыслить каждый въ одиночку, или всѣ сообща, коллегіально, — возмутится въ виду только что приведенныхъ нами глубокомысленныхъ соображеній и афоризмовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что говорятъ намъ эти афоризмы? Да ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что *всякое* собраніе, не по какимъ-либо частнымъ условіямъ или причинамъ, а по *самому существу* своему является факторомъ, деградирующимъ личность, и что иного вліянія оно и оказывать не можетъ, благодаря присущему ему свойству уничтожать въ составляющихъ его личностяхъ всѣ лучшія духовныя особенности и качества и низводить индивидуумовъ до низкаго, сравнительно, общаго уровня. Противъ такихъ положеній, высказываемыхъ въ такой общей формѣ, безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ, и выдаваемыхъ за выраженіе чего-то вродѣ естественнаго закона, нельзя не возставать, по-

тому что они идутъ въ разрѣзъ и съ самою элементарною логикой, и съ истиной. Опытъ дѣйствительно всѣхъ вѣковъ и народовъ учитъ насъ, что «умъ хорошо, а два лучше», а Сигеле, основываясь на афоризмахъ сомнительнаго достоинства, твердитъ, что въ результатѣ соединенія умовъ получается глупость... Всякій малый ребенокъ знаетъ ту истину, что *union fait la force*, а Сигеле пресерьезно увѣряетъ насъ, что изъ соединенія духовныхъ силъ индивидуумовъ можетъ выйти одно только безсиліе цѣлаго. Тутъ, очевидно, что-то очень неладно... Мысль, что силы соединенныхъ въ одно цѣлое людей парализуются, а не суммируются (*les forces des hommes unis s'élident et ne se somment pas*), кажется нашему автору чрезвычайно глубокою и серьзною (*la plus profonde et la plus importante*), а доказательство этой мысли, данное Максомъ Нордау (въ вышеприведенномъ примѣрѣ), представляется ему какъ нельзя болѣе убѣдительнымъ и неопровержимымъ (*précision, évidence mathématique* и проч. *). А, между тѣмъ, посмотрите, какая это, въ сущности, неумная мысль (въ томъ общемъ видѣ, какъ она высказана), какое это убогое доказательство!... Болѣе чѣмъ вѣроятно, что если собрать вмѣстѣ Кантовъ, Ньютоновъ и пр., да заставить ихъ сообща рѣшать какіе-нибудь «практическіе вопросы», наприм., хоть о наилучшемъ способѣ распредѣленія и взиманія налоговъ, о наилучшей системѣ парламентскихъ выборовъ и т. д., то они рѣшатъ эти вопросы изъ рукъ вонъ плохо. Но отчего это произойдетъ? Да вовсе же, конечно, не оттого, что они будутъ разсуждать коллегіально, вовсе не оттого, что, войдя въ составъ собранія или совѣта, они разомъ, будто бы, поглупѣютъ и потеряютъ способность отличать черное отъ бѣлаго! Совѣтъ, составленный изъ геніевъ, рѣшитъ эти вопросы плохо и неумно потому, что всѣ эти Канты, Ньютоны и пр. никогда, быть можетъ, ихъ не изучали, совсѣмъ ими не занимались и являются въ сферѣ ихъ совершенно некомпетентными судьями. Обусловливающимъ моментомъ (или, точнѣе, однимъ изъ такихъ моментовъ) въ данномъ случаѣ явится ничто иное, какъ *невѣжество, незнаніе* того, что подлежитъ обсужденію и рѣшенію. Но при чемъ тутъ собраніе, соединеніе людей и умовъ? Ровно не причемъ. Позволительно думать, что если коллегія изъ *несвѣдущихъ* въ томъ или другомъ вопросѣ Ньютоновъ рѣшитъ этотъ вопросъ плохо, то не лучше, а, по всей

*) У всѣхъ людей имѣется одна и та же общая духовная сущность; назовемъ ее x. У выдающихся субъектовъ къ этой сущности, къ этому общему фону, прибавляется еще нѣчто особенное, индивидуальное, разное для каждаго; назовемъ эти индивидуальныя прибавки или величины буквами a, b, c и т. д. Что, спрашивается, будетъ, [illegible] Гёте, Канты, Ньютоны и проч. соберутся во-едино для совмѣстной работы? [illegible] x сложатся въ одну величину, получится, положимъ, $20\,x$; что же касается величинъ a, b, c и проч., то онѣ, благодаря ихъ разнородности, не подлежатъ сложенію, не сольются во-едино, останутся разрозненными. При такихъ условіяхъ „$20\,x$ [illegible]бѣжно возьмутъ верхъ надъ изолированными $1\,a$, $1\,b$, $1\,c$ и т. д.“. Такъ аргу[illegible]ируетъ и объясняетъ дѣло М. Нордау. Сигеле въ восторгѣ отъ этого „тонкаго [illegible]сненія“; въ немъ онъ усматриваетъ *un substratum biologique de grande impor-* (стр. 15)... Замѣтьте: *biologique*!

вѣроятности, даже хуже рѣшитъ его и одинъ несвѣдущій Ньютонъ, размышляющій въ одиночку у себя въ кабинетѣ. Далѣе, собранные во-едино Ньютоны могутъ даже превосходно знать предложенный на ихъ обсужденіе практическій вопросъ, могутъ обладать всѣмъ, что необходимо для безукоризненно-правильнаго его рѣшенія, т.-е. и всестороннимъ знакомствомъ съ фактическою стороной дѣла, и способностью глубоко понимать и тонко оцѣнивать факты и пр., и, все-таки, дать такое рѣшеніе, за которое имъ любая посредственность съ полнымъ правомъ поставитъ единицу; но случится это, опять-таки, совсѣмъ не потому, что духовный уровень ихъ, благодаря нахожденію ихъ въ собраніи, будто бы понизится въ цѣломъ, а по другой, гораздо болѣе простой и понятной причинѣ. Ньютоны наши могутъ быть представителями разныхъ этнографическихъ группъ, разныхъ религій, разныхъ классовъ, общественныхъ положеній, имущественныхъ состояній и пр., и пр., и, благодаря этому, имѣть несходные или даже совершенно различные симпатіи и *интересы*, которые обыкновенно такъ или иначе затрогиваются при рѣшеніи практическихъ вопросовъ и которые поэтому сильнѣйшимъ образомъ вліяютъ всегда на характеръ такихъ рѣшеній, вліяютъ почти всегда въ ущербъ истинѣ и справедливости (не говоря уже о томъ, что они обыкновенно весьма существенно мѣшаютъ и ясности пониманія, заслоняютъ собою истину). А если такъ, если люди, составляющіе данное собраніе, тянутъ въ разныя стороны, отстаивая при этомъ каждый свои особенные интересы, никакого отношенія къ истинѣ чаще всего не имѣющіе, или если большинство ихъ или всѣ они дружно тянутъ и въ одну сторону, но дѣлаютъ это въ виду какихъ-нибудь, общихъ всѣмъ имъ, исключительныхъ выгодъ и интересовъ (сословныхъ, классовыхъ, профессіональныхъ и пр.), то что же удивительнаго въ томъ, что рѣшенія, постановленія и дѣянія этихъ людей будутъ расходиться съ требованіями теоретической истины, справедливости, общаго блага или даже и здраваго смысла? Но не очевидно ли, что не собраніе, какъ таковое, въ этомъ виновато, что совсѣмъ не оно своими якобы принижающими вліяніями заставляетъ людей творить неумныя и нехорошія, съ общей точки зрѣнія, вещи? Если люди настолько еще недобродѣтельны и несовершенны, что оказываются способными ослѣпляться частными интересами и, сознательно или безсознательно, приносить въ жертву этимъ интересамъ и истину, и справедливость и т. д., то они и въ одиночку будутъ проявлять себя совершенно такимъ же образомъ, только еще рѣшительнѣе, еще прямолинейнѣе и, значитъ, ихъ индивидуальныя рѣшенія «практическихъ» вопросовъ выйдутъ еще болѣе односторонними и далекими отъ истины. Дѣло не въ самомъ собраніи, а въ духовной сущности тѣхъ единицъ, которыя входятъ въ его составъ и придаютъ ему ту или другую окраску. И намъ кажется, что Сигеле, цитирующій безъ всякихъ комментаріевъ римскую поговорку: *senatores boni viri, senatus autem mala bestia,*—поступилъ бы недурно, если бы проявилъ нѣкоторый скептицизмъ по отношенію къ первой половинѣ этого изреченія. Мы, конечно, вовсе и не думаемъ отрицат

того, что въ каждомъ собраніи,— особенно, если оно рѣшаетъ «практическіе» вопросы,—всегда въ большей или меньшей мѣрѣ оказываются факторы, искажающіе до извѣстной степени правильность сужденій (увлеченіе, разгаръ страстей, подражательность, заразительность настроеній и пр.), но мы имѣемъ серьезныя основанія думать, что все это факторы или моменты совсѣмъ не существенные, а второстепенные, и что рѣшающее, всеобусловливающее значеніе имѣютъ не они, а тѣ моменты, о которыхъ у насъ шла рѣчь выше, и, прежде всего, частные интересы и сплетающіяся съ ними чувства, симпатіи, традиціи, убѣжденія, вѣрованія и пр. тѣхъ индивидуумовъ, которые образуютъ собою собраніе. Можете быть увѣрены въ томъ, что въ разнородномъ собраніи, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, капиталистъ-предприниматель, наприм., не «заразится» настроеніемъ соціалъ-демократическихъ ораторовъ (напротивъ!), вѣрующіе не «увлекутся» атеистическими рѣчами, аристократъ не проявитъ «подражательности» по отношенію къ плебею и пр., и пр. Само собою разумѣется, что если члены даннаго собранія представляютъ собою различные, непримиримые интересы, цѣли и стремленія, то и силы ихъ, въ цѣломъ, не будутъ суммироваться, будутъ въ большей или меньшей степени парализовать одна другую. Но развѣ противорѣчивость и расхожденіе интересовъ и стремленій присуще всякому собранію, всякому обществу или группѣ индивидуумовъ? Далеко, конечно, нѣтъ. И въ исторіи, и въ жизни мы на каждомъ шагу видимъ большіе и малые союзы или аггрегаты людей, проникнутыхъ одними и тѣми же стремленіями, дружно идущихъ къ однѣмъ и тѣмъ же цѣлямъ и результатами своей коллективной дѣятельности блестяще доказывающихъ справедливость той, вполнѣ согласной и со всѣми естественными законами, истины, которая выражается въ изреченіяхъ: «умъ хорошо, а два лучше», «сколько головъ, столько умовъ», «единеніе даетъ силу» и проч. А разъ все это такъ, то мы имѣемъ полное право утверждать, что Сигеле, увлекшійся парадоксами Нордау и др., совершенно напрасно соорудилъ формулу: «силы соединенныхъ людей взаимно уничтожаются, а не суммируются», а еще болѣе напрасно придалъ ей значеніе общаго естественнаго закона. Истина заключается какъ разъ въ обратномъ положеніи: «силы *соединенныхъ* людей суммируются». Если же это суммированіе иной разъ не имѣетъ мѣста, то это будетъ только частный случай, частными же причинами и объясняющійся и нимало, въ сущности, не противорѣчащій общему закону или правилу.

Если философскія соображенія Сигеле (несамостоятельныя, впрочемъ) относительно человѣческихъ коллективностей невѣрны и сами по себѣ, то въ примѣненіи ихъ къ «толпѣ» они кажутся намъ сугубо ошибочными. Какъ мы видѣли выше, Сигеле утверждаетъ, что изъ всѣхъ собраній индивидуумовъ «толпа» есть самое разнородное (*hétérogène par excellence*), самое случайное, самое неорганизованное или неорганичное (*inorganique par excellence*). Позволяемъ себѣ думать, что такое утвержденіе совершенно несогласно съ истиною. На нашъ взглядъ, любой современный парла-

мент несравненно разнороднѣе и неорганичнѣе «толпы». Въ самомъ дѣлѣ, кого-кого только нѣтъ въ парламентѣ! Тамъ и рабочій, и капиталистъ, и духовная особа, и свободомыслящій, и монархистъ, и республиканецъ, и «юнкеръ», и ученый, и пр., и пр. И все, вѣдь, это рѣзко обособленные типы, съ различнымъ духовнымъ складомъ, съ различными тенденціями и пр. А, между тѣмъ, уличная «толпа», несмотря на ея кажущуюся пестроту, поразительно однородна: она почти всегда и почти цѣликомъ состоитъ изъ однихъ только представителей низшихъ классовъ народа, плебса, живущихъ подъ одинаковыми соціальными вліяніями, одинаково думающихъ, чувствующихъ, вѣрующихъ, имѣющихъ одни и тѣ же упованія, надежды, цѣли, стремленія, одну и ту же «душу». Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что еслибъ Сигеле и К° были правы, еслибъ «толпа» проявляла себя, какъ *pessima bestia* только, или, главнымъ образомъ, потому, что она—*тома*, т.-е. сборище «разнородныхъ» и пр. элементовъ, неизбѣжно, будто бы, падающихъ въ духовномъ отношеніи отъ общенія между собою, и т. д., и т. д., то всѣ надежды въ дѣлѣ предупрежденія «коллективныхъ преступленій» намъ пришлось бы возложить только на полицію: если зло въ самомъ соединеніи людей въ толпу, то, очевидно, надо не допускать образованія толпы, надо взять руководящимъ девизомъ полицейскій возгласъ, поставленный эпиграфомъ въ книжкѣ д-ра Фурніаля: «*Les rassemblements sont interdits!... Circulez!...*» (Сборища запрещены!... Расходитесь!)...

«Толпа есть сборище разнородныхъ элементовъ, неизвѣстныхъ одинъ другому; и, однакожь, какъ только въ одномъ изъ нихъ сверкнетъ искра страсти и наэлектризуетъ этотъ сбродъ, въ этомъ послѣднемъ происходитъ нѣчто вродѣ внезапной организаціи, самопроизвольнаго зарожденія. Безпорядочность, разрозненность уступаютъ мѣсто связности, смутный шумъ становится опредѣленнымъ гласомъ, — и вотъ, тысяча тѣснящихся между собою людей сейчасъ же превращаются въ единаго звѣря, въ дикое, безъименное и чудовищное животное, которое идетъ къ своей цѣли со стихійною, непреодолимою силой»... Такъ говоритъ, цитируемый Сигеле, Тардъ въ своей *La philosophie pénale*. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ опредѣленіемъ и опираясь на авторитетъ также и другихъ ученыхъ, авторъ *Foule criminelle* замѣчаетъ, что въ толпѣ, «несмотря на диссонансъ тысячъ голосовъ, слышится *одна* нота», что «отдѣльныя личности, составляющія толпу, концентрируются и отождествляются въ *одной* коллективной личности», что неизбѣжно приходится признать наличность въ толпѣ чего-то такого, что̀ играетъ роль «общей мысли», и что для этого нѣчто нельзя подыскать другого, болѣе подходящаго и точнаго термина, какъ «душа толпы». Но почему именно все это происходитъ? Какъ именно создается эта «общая мысль» или коллективная «душа»? Хотя приведенныя нами выше соображенія о томъ, что толпа дѣйствуетъ на индивидуумовъ нивеллирующимъ образомъ, что она подводитъ составляющихъ ее личностей подъ одинъ общій знаменатель и пр., и разъясняютъ намъ, по мнѣнію

Сигеле, очень многое въ психологіи толпы, но ихъ однихъ нашему автору, кажется, все-таки, недостаточно для полнаго освѣщенія вопроса; и вотъ онъ хочетъ ближе присмотрѣться къ тѣмъ условіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершается это нивеллированіе и обобщеніе. Особенно трудно поддающимся пониманію представляется ему фактъ быстрой, внезапной организаціи разрозненныхъ индивидуумовъ въ толпу (*ce qu'i la d'incompréhensible dans la foule, c'est son organisation soudaine*). Какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить возникновеніе этой организаціи, если у индивидуумовъ не бываетъ обыкновенно никакой предумышленности, никакого, предшествующаго образованію толпы, сознанія общей цѣли (*il n'y a pas en elle la préexistence voulue d'un but commun*)?...

Сигеле думаетъ, что, какъ этотъ вопросъ ни труденъ, съ нимъ, однакожь, можно вполнѣ удовлетворительно справиться при помощи извѣстной соціологической теоріи «подражанія» Тарда. Въ обратившемъ на себя всеобщее вниманіе сочиненіи этого послѣдняго *Les lois de l'imitation* обстоятельно и всесторонне разрабатывается и доказывается та мысль, что, въ сущности, вся соціальная жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, почти цѣликомъ сводится на подражаніе однихъ индивидуумовъ другимъ. Моды, обычаи, формы частной, общественной и политической жизни, системы воспитанія и образованія, симпатіи, антипатіи, идеи, сужденія, честныя дѣянія, пороки, преступленія, самоубійства, даже сумасшествіе,—все это основывается на подражаніи или является продуктомъ подражанія. Вполнѣ соглашаясь съ этою идеей и придавая ей, вслѣдъ за Тардомъ, огромное, чуть не всеобусловливающее значеніе, авторъ нашъ очень долго останавливается надъ ней, подкрѣпляя ее ссылками и на разные другіе ученые авторитеты. Мы не послѣдуемъ за нимъ въ его изложеніи этой стороны вопроса, а только замѣтимъ вкратцѣ, что теорію Тарда онъ цѣликомъ примѣняетъ и къ толпѣ. Утрачивающіе свою индивидуальность элементы толпы,—говоритъ онъ,—отличаются высокою степенью подражательности: достаточно крикнуть что-либо кому-нибудь одному, и крикъ этотъ тотчасъ же подхватывается всѣми; достаточно одному броситься бѣжать, приступить къ насильственнымъ, разрушительнымъ дѣйствіемъ и пр.,—и всѣ слѣпо слѣдуютъ его примѣру, и т. д., и т. д. Такимъ-то именно образомъ и создается то поразительное единство настроенія, стремленій и дѣйствій, то сліяніе индивидуальныхъ воль и душъ въ одну общую волю, въ одну коллективную душу, которое является характерною чертой толпы и организующимъ эту послѣднюю моментомъ. Но чѣмъ, собственно, обусловливается подражательность? Да ничѣмъ инымъ, какъ *внушеніемъ*,—тѣмъ самымъ внушеніемъ, которое проявляется въ такой рѣзкой формѣ въ гипнотическомъ состояніи и которое очень сильно, хотя и не такъ замѣтно, даетъ о себѣ знать на каждомъ шагу также и при обыкновенныхъ условіяхъ, т.-е. при бодрственномъ состояніи индивидуумовъ, внѣ гипноза. Что касается толпы, состоящей обыкновенно изъ субъектовъ, такъ сказать, обезличенныхъ, обезволенныхъ индивидуально, то въ ней условія для воз-

никновенія внушенныхъ актовъ оказываются въ высокой степени благопріятными: опустошенному мозгу каждаго изъ индивидуумовъ всякое внѣшнее психическое вліяніе, всякое представленіе, идея, чувство навязываются съ непреодолимою силой и тотчасъ же переходятъ въ соотвѣтствующія дѣйствія, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто и у гипнотика. Въ толпѣ, поэтому, происходитъ то же самое, что̀, напримѣръ, въ осиномъ гнѣздѣ: стоитъ только одной осѣ придти въ возбужденное, безпокойное состояніе, и всѣ остальныя осы тотчасъ же становятся возбужденными, безпокойными, раздраженными. Явленіе это совершается въ силу того общеизвѣстнаго закона психической жизни, что представленіе какого бы то ни было эмоціональнаго состоянія неизбѣжно вызываетъ это самое состояніе у субъекта, наблюдающаго его со стороны. Спокойныя осы видятъ, какъ ихъ товарка суетливо и безпокойно бѣгаетъ, снуетъ взадъ и впередъ, слышатъ ея тревожное жужжаніе и заключаютъ по этимъ признакамъ объ ея психическомъ состояніи или настроеніи, представляютъ себѣ ея безпокойство, тревогу, гнѣвъ. Представленіе же это не можетъ возникнуть безъ того, чтобы въ ихъ нервныхъ центрахъ не произошло соотвѣтствующаго измѣненія, которое вызоветъ и соотвѣтствующую эмоцію (раздраженіе, гнѣвъ, тревогу и пр.). И вотъ, при видѣ одной раздраженной осы, всѣ осы оказываются раздраженными и начинаютъ волноваться. Такъ и съ толпою: возбужденіе одного или нѣсколькихъ индивидуумовъ дѣйствуетъ заразительнымъ образомъ на другихъ, внушается, насильственно навязывается другимъ, и, притомъ, обыкновенно даже раньше, чѣмъ становится извѣстною первоначальная причина, вызвавшая (у одного или немногихъ) это возбужденіе...

И такъ, вотъ наиболѣе существенные моменты, подъ вліяніемъ которыхъ въ толпѣ создается одна общая «душа» и которыми должны объясняться внѣшнія проявленія этой «души»: нивеллирующее, обезличивающее, обезволивающее вліяніе толпы на отдѣльныхъ индивидуумовъ, а затѣмъ — внушеніе, исходящее отъ одного или немногихъ субъектовъ, съ непреодолимою силой дѣйствующее на остальныхъ, на всю массу собранныхъ въ одну кучу людей и роковымъ образомъ приводящее этихъ послѣднихъ къ подражательности. Указаніемъ на эти моменты трудный и темный вопросъ о психологіи толпы разрѣшается, по мнѣнію Сигеле, очень просто, ясно и какъ нельзя болѣе вразумительно. Чтобы совсѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, для этого нужно только освѣтить и уяснить кое-какія частности его и, прежде всего, дать себѣ отчетъ въ томъ, почему же именно толпа, нивеллированная и крайне склонная поддаваться *всяческимъ* внушеніямъ, проявляетъ себя обыкновенно только зломъ, а не добромъ, оказывается дикою, свирѣпою, кровожадною, учиняетъ насильственныя, разрушительныя дѣянія... Разрѣшивъ общій вопросъ, въ его существенныхъ основахъ, Сигеле уже легко справляется и съ частностями. Что толпа почти всегда бываетъ зла, а не добра, это, на большую долю, весьма просто объясняется тѣмъ антропологическимъ факторомъ, о которомъ

у насъ уже была рѣчь раньше. Въ толпѣ всѣ лучшія, высшія, добрыя качества индивидуумовъ исчезаютъ, «въ силу естественной, можно сказать, ариѳметической необходимости»; на первый же планъ у нихъ выступаютъ и становятся доминирующими свойства и черты атавистическія, свойства первобытнаго человѣка-дикаря, а именно звѣрство, жестокость (*une tendance cachée à la férocité*), наклонность къ пролитію крови, къ убійству (*une disposition homicide primordiale*), инстинктивная ярость и пр. Поэтому-то именно толпа всегда и оказывается «предрасположенною гораздо болѣе ко злу, чѣмъ къ добру». При наличности такой духовной основы, достаточно самаго ничтожнаго повода или случая, чтобы названное предрасположеніе проявилось на дѣлѣ и выразилось въ соотвѣтствующихъ актахъ, чтобы толпа, какъ одинъ человѣкъ, устремилась на путь насильственныхъ, разрушительныхъ, преступныхъ дѣяній. Ко всему этому нужно прибавить еще и то, что на толпу, уже, такъ сказать, органически предрасположенную ко злу, добрыя вліянія или внушенія, по необходимости, должны дѣйствовать съ несравненно меньшею силой, чѣмъ злыя, такъ какъ они идутъ въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ. При такихъ условіяхъ хорошій примѣръ имѣетъ несравненно меньше шансовъ повліять на толпу, оказать на нее заразительное дѣйствіе и вызвать въ ней подражаніе, чѣмъ дурной. Это должно такъ быть, да такъ и бываетъ, между прочимъ, еще и потому, что зло, говоря вообще, проявляется съ большею активностью, чѣмъ добро, благодаря чему ему присуща и большая сила внушенія. Всякая толпа состоитъ далеко не изъ однихъ только въ конецъ озвѣрѣвшихъ индивидуумовъ; въ ней всегда есть не мало и такихъ, которые еще не утратили образа и подобія человѣческаго и, несмотря на окружающую ихъ нездоровую нравственную атмосферу, остаются «добрыми». Но что такое «добрый», «хорошій» человѣкъ? Вѣдь, чаще всего это такой субъектъ, который только *не склоненъ* ко злу и *не совершаетъ* злыхъ дѣяній, т.-е. оказывается *пассивнымъ*. Пассивность же никогда не способна увлекать, заражать, импонировать. Поэтому, если въ толпѣ на ряду съ активными дурными элементами будутъ—даже и въ не меньшемъ числѣ—элементы и хорошіе, но въ большинствѣ пассивные, то перевѣсъ вліянія всегда окажется на сторонѣ первыхъ. Слѣдуетъ, наконецъ, указать и на роковое вліяніе *числа*. Сплошь и рядомъ, даже въ большинствѣ случаевъ, человѣкъ въ одиночку не совершаетъ дурныхъ, преступныхъ дѣяній (разъ онъ склоненъ къ нимъ) только потому, что онъ или не можетъ совершить ихъ единичными своими силами, или труситъ, боится. Въ толпѣ же этотъ сдерживающій моментъ утрачиваетъ значеніе: сообща, люди обрѣтаютъ смѣлость, чувствуютъ себя сильными, проникаются сознаніемъ всемогущества и, благодаря этому, творятъ то, чего, быть можетъ, никогда не сдѣлали бы, не рѣшились бы сдѣлать каждый въ одиночку. Кромѣ того, чѣмъ значительнѣе число собранныхъ вмѣстѣ людей, чѣмъ больше толпа, тѣмъ и подавляющее вліяніе этой послѣдней на отдѣльныхъ личностей сильнѣе, тѣмъ и исходящія отъ нея внушенія (какъ мы уже

видѣли, чаще всего дурныя) неотразимѣе. Поэтому, чѣмъ многочисленнѣе толпа, тѣмъ болѣе она злокачественна, страшна и опасна.

Такова, въ общихъ чертахъ, криминально-антропологическая теорія «преступной толпы», таковы моменты, обусловливающіе специфическій характеръ этой послѣдней. Если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ вышеприведенныхъ соображеній и указаній нельзя, конечно, отказать въ бо́льшей или меньшей основательности, нельзя съ ними не согласиться, хотя и съ кое-какими оговорками. Но достаточно ли, спрашивается, ихъ однихъ для яснаго уразумѣнія «души» толпы и для отчетливаго пониманія совершаемыхъ толпою дѣяній? Нѣтъ ли еще какихъ-нибудь существенныхъ, обусловляющихъ факторовъ и моментовъ? Какъ не быть, есть,— отвѣчаютъ намъ наши авторы. Вотъ, напримѣръ, климатъ, времена года, количество тепла и свѣта, воздухъ, съ его сухостью или влажностью, вода, почва, ея произведенія, пища и проч., и проч., въ томъ же родѣ. Все это факторы, «модифицирующіе» жизнь людей, вліяющіе на характеръ и проявленія дѣятельности этихъ послѣднихъ и дающіе о себѣ знать болѣе или менѣе чувствительно также и въ «толпѣ», и въ ея дѣяніяхъ. Проникнутый сознаніемъ важности этихъ факторовъ, д-ръ Фурніаль, опираясь на авторитетъ Ломброзо, Лакассаня и др., подробно толкуетъ въ своей книжкѣ о почвѣ, водѣ, климатѣ и пр., и проч., (стр. 24—40). Что же касается Сигеле, то онъ, основываясь на тѣхъ же ученыхъ авторитетахъ, тоже придаетъ, въ вопросѣ о толпѣ, серьезное значеніе только что перечисленнымъ моментамъ, но, будучи поглощенъ психологическими и т. д. моментами, онъ не имѣлъ времени и возможности заняться, какъ слѣдуетъ, метеорологическими, геологическими и проч. вліяніями, а потому и оставилъ ихъ безъ спеціальнаго разсмотрѣнія въ своей *Foule criminelle*. И такъ, вотъ новый рядъ факторовъ, указаніе на которые должно обогатить и расширить наше представленіе о толпѣ. Исходя изъ той общей истины, что разъ явленія сосуществуютъ, то они непремѣнно оказываютъ одно на другое и какое-нибудь, прямое или косвенное, вліяніе, мы безъ спора соглашаемся принять во вниманіе, въ интересующемъ насъ вопросѣ, и климатъ, и почву, и влажность или сухость воздуха, пожалуй, если угодно, даже фазы луны, солнечныя пятна, количество падающихъ звѣздъ и т. д. Но, признаться, даже и при такомъ дополненіи изложенная нами выше теорія «толпы» насъ до крайности не удовлетворяетъ. Мы даже беремъ на себя смѣлость утверждать, что она ровно-таки ничего не разъясняетъ въ вопросѣ о «преступной толпѣ» и является, на нашъ взглядъ, однимъ сплошнымъ пустымъ мѣстомъ, если можно такъ выразиться. Разъ люди собрались въ толпу, у нихъ тотчасъ же происходитъ пониженіе духовнаго уровня и появляется наклонность ко злу, въ нихъ тотчасъ же просыпается спавшій до того первобытный, дикій человѣкъ, звѣрь, и вотъ они, покоряясь роковому вліянію числа, внушеній, подражательности и проч., начинаютъ проявлять преступную дѣятельность. Такъ говоритъ намъ теорія. Но можно ли, однако, утверждать все это въ видѣ общаго правила? Можно ли въ

этихъ положеніяхъ усмотрѣвать, какъ это дѣлаютъ оба наши автора (да и не одни они), выраженіе чего-то вродѣ естественнаго закона? Если да, то въ такомъ случаѣ *всякая* толпа, и при какихъ бы условіяхъ она ни собиралась, должна была бы проявлять дурныя, преступныя тенденціи. Но, вѣдь, это же вопіющая неправда! Вотъ, наприм., толпа, образовавшаяся по какому-нибудь религіозному поводу; по отношенію къ ней обыкновенно и рѣчи не можетъ быть объ «озвѣреніи», о тяготѣніи ея къ преступнымъ дѣяніямъ,—напротивъ!... Вотъ, далѣе, толпа веселящаяся,—ничего, кромѣ благодушія, доброжелательныхъ чувствъ, приподнятыхъ хорошихъ настроеній и проч., мы въ ней обыкновенно не видимъ. Вотъ, затѣмъ, толпа, сбѣжавшаяся на пожаръ или на мѣсто какого-нибудь другого несчастія. Развѣ же это «дикари»? Въ этой толпѣ люди бываютъ проникнуты гуманными чувствами, желаніемъ помочь, спасти страдающихъ или гибнущихъ, спасти часто съ опасностью для своей собственной жизни, съ ущербомъ для своихъ интересовъ... А, вѣдь, во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ примѣрахъ индивидуумы, составляющіе толпу, испытываютъ на себѣ вліяніе и внушеній, и подражательности, и числа, и проч.; они, судя по теоріи, должны были бы принижаться, падать духовно, въ нихъ должна была бы всплывать наверхъ *une tendance cachée à la férocité* и т. д. И, однако же, ничего подобнаго не оказывается. А если такъ, то, значитъ, тѣ факторы и моменты, о которыхъ намъ до сихъ поръ говорили наши авторы, вовсе не имѣютъ существеннаго, рѣшающаго, обусловливающаго значенія. Совершенно очевидно, что для пониманія въ каждомъ данномъ случаѣ «души» и дѣяній толпы намъ безусловно необходимо знать, прежде всего, зачѣмъ, почему, по какому поводу или *мотиву* образовалась толпа. Не озаботившись освѣдомиться объ этихъ поводахъ или мотивахъ, мы ровно ничего не уразумѣемъ ни въ какой «толпѣ», сколько бы мы ни погружались въ изученіе явленій внушенія и подражательности, какъ бы усердно ни занимались біолого-ариѳметическими выкладками *à la* Нордау, какъ бы ни старались привлекать къ отвѣтственности разныя естественныя стихіи или выводимаго на сцену, подъ флагомъ атавистической теоріи, первобытнаго человѣка-звѣря. Тщательное, всестороннее разслѣдованіе мотивовъ образованія толпы,—мотивовъ, которые по важности своей совершенно заслоняютъ собою и стихіи, и внушенія и проч., которые въ случаяхъ «коллективныхъ преступленій» имѣютъ обыкновенно рѣзко-опредѣленный характеръ и которые стоятъ всегда въ тѣсной зависимости отъ кое-чего, еще болѣе важнаго,—имѣетъ для нашего вопроса огромное з ніе. Но и этого одного очень мало: далеко не одинъ мотивъ собра- в опредѣляетъ дѣйствія толпы, манифестаціи коллективной «души». Чтобы и возможность осмысленно толковать объ этой «душѣ», для этого,— ч ы тамъ ни говорили на этотъ счетъ антропологи-криминалисты,— п де всего, необходимо знать характеръ индивидуальныхъ душъ, входя- в въ ея составъ; чтобы понимать, что, какъ и почему толпа думаетъ, ч чуетъ, дѣлаетъ въ томъ или другомъ частномъ случаѣ, для этого не-

прежде надо освѣдомиться о томъ, какіе взгляды, идеи, чувства, настроенія вносятъ въ толпу составляющія ее единицы; все это до такой степени элементарно, что, право, даже какъ-то стыдно и распространяться о такихъ вещахъ... Но идеи, чувства, настроенія индивидуумовъ всецѣло зависятъ отъ той обстановки, отъ тѣхъ вліяній среды, другими словами, отъ тѣхъ *соціальныхъ условій*, при которыхъ живутъ индивидуумы и которыми опредѣляются, между прочимъ, и мотивы образованія толпы. Въ *этихъ* именно условіяхъ и заключается *вся* суть вопроса о «преступной толпѣ». Сигеле, въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 60), вслѣдъ за какимъ-то авторомъ, говоритъ, что въ вопросѣ этомъ первобытная наклонность къ рабству, звѣрству и проч. является тѣмъ «кульминаціоннымъ пунктомъ, до котораго доводитъ насъ изслѣдованіе». Мы же позволяемъ себѣ утверждать, что это совершенно невѣрно и что крайній, основной пунктъ, на которомъ останавливается правильно поведенный анализъ проблемы, есть совсѣмъ не атавистическій человѣкъ-звѣрь, а соціальныя условія. Какую же, спрашивается, роль отводятъ наши авторы этимъ условіямъ, безъ принятія которыхъ въ разсчетъ, очевидно, и шагу ступить нельзя въ вопросѣ о «преступной толпѣ»?

Что касается д-ра Фурніаля, то онъ, въ своемъ *Essai sur la psychologie des foules*, положительно ошеломляетъ насъ своею беззаботностью по части соціальныхъ условій, на которыхъ онъ, наговорившись до сыта о климатѣ, почвѣ, воздухѣ и т. д., совсѣмъ не нашелъ нужнымъ остановиться даже и мелькомъ, на томъ, видите ли, основаніи, что «они дѣйствуютъ гораздо болѣе на индивидуумовъ, чѣмъ на ихъ собраніе», т.-е. на толпу (стр. 39). Нечего сказать, глубокомысленный изслѣдователь!... Ну, а Сигеле?... Сигеле въ данномъ случаѣ оказывается не столь оригиналенъ, какъ его ученый собратъ, но и онъ... а, впрочемъ, предоставимъ слово ему самому. «Въ первомъ изданіи этого сочиненія *) я пренебрегъ и даже совсѣмъ забылъ (*J'avais négligé et même complètement oublié*) разсмотрѣть вопросъ съ этой важной точки зрѣнія», т.-е. съ точки зрѣнія соціальныхъ условій (*La foule criminalle*, стр. 85). Какъ вамъ нравится, читатель, это наивное признаніе?... «Пренебрегъ», «совсѣмъ забылъ!...» Вѣдь, это все равно, если бы, наприм., литературный критикъ вздумалъ поговорить о Пушкинѣ, какъ писателѣ, и «забылъ» бы упомянуть объ его художественныхъ достоинствахъ, или если бы кто-либо взялся за художественную оцѣнку какой-нибудь картины и потолковалъ бы только о рамѣ, въ которую вставлена картина, «пренебрегши» тѣмъ, что и какъ на этой послѣдней изображено. И такъ-то, вотъ, почти всегда поступаютъ адепты извѣстной криминально-антропологической школы!... Нужно имъ, положимъ, «научно» изучить натуру субъекта, посягнувшаго на «чужой каравай», такъ они тщательнѣйшимъ образомъ изслѣдуютъ у него носъ, уши, зубы и проч., сдѣлаютъ затѣмъ экскурсію въ глубь временъ; извлекутъ оттуда звѣропод

*) Мы пользуемся переводомъ, сдѣланнымъ со второго итальянскаго изданія

наго человѣческаго прародителя, не уважавшаго личной собственности, поставятъ его на очную ставку съ воромъ, наведутъ, далѣе, точныя справки о геологическомъ составѣ той почвы, которую воръ попиралъ своими ногами, освѣдомятся о количествѣ солнечныхъ пятенъ въ моментъ совершенія воровства, задумаются о роковомъ вліяніи на преступника «воздушнаго давленія», «центральнаго влеченія» и пр., и пр., а о томъ маленькомъ обстоятельствѣ, что воръ, прежде чѣмъ посягнуть на чужой каравай, быть можетъ, нѣсколько дней ничего не ѣлъ,—забудутъ или просто не сочтутъ нужнымъ упомянуть... И это у нихъ называется «наукой», «позитивнымъ методомъ». Вернемся, однако же, къ Сигеле.

Авторъ *Foule criminelle* «совсѣмъ забылъ» о соціальныхъ условіяхъ, какъ о факторѣ, опредѣляющемъ свойства и дѣянія толпы, забылъ о томъ, что «нельзя судить о преступныхъ дѣйствіяхъ толпы, не зная чувствъ, идей, нуждъ, стремленій, тенденцій,— однимъ словомъ, матеріальнаго и моральнаго состоянія народа, часть котораго составляетъ толпа» (стр. 85); но вотъ онъ наталкивается въ одномъ итальянскомъ юридическомъ журналѣ на критическую замѣтку, въ которой было указано на сдѣланный имъ промахъ, и теперь, во второмъ изданіи своей книги, благодаритъ критика за это указаніе и спѣшитъ исправить свой грѣхъ. Спѣшимъ и мы, въ свою очередь, отдать ему справедливость: почти все, что онъ говоритъ по забытому имъ раньше вопросу, хотя и очень кратко (стр. 86—92), и несамостоятельно, вполнѣ резонно, основательно и какъ нельзя болѣе умѣстно. Даже самый непроницательный наблюдатель,— читаемъ мы у него,— не можетъ не видѣть того, что народъ въ наши дни переполненъ чувствомъ глубокаго недовольства своимъ положеніемъ. Очень многіе думаютъ, что это недовольство, приводящее къ народнымъ волненіямъ, вызывается и поддерживается разными агитаторами, крикунами и апостолами извѣстныхъ политическихъ и соціальныхъ идей и доктринъ, и что, не будь такихъ проповѣдниковъ и смутьяновъ, и народъ, какъ деревенскій, такъ и городской, оставался бы довольнымъ своею судьбой, и все вездѣ было бы тихо и спокойно. По мнѣнію Сигеле, это — глубокая ошибка, «одна изъ самыхъ роковыхъ ошибокъ». Недовольство и броженіе въ народныхъ массахъ зависятъ вовсе не отъ проповѣди какихъ-либо идей; они обусловливаются тѣмъ «соціальнымъ кризисомъ, который давитъ всѣхъ» (рѣчь идетъ о соціальномъ кризисѣ на Западѣ), тѣми «страданіями и несправедливостями», которыя угнетаютъ народную жизнь. Дѣло тутъ совсѣмъ не въ теоріяхъ. Говорить объ опасности какихъ-либо теорій, это все равно, ч[illegible] толковать о развращающемъ вліяніи, наприм., произведеній натуралистической школы: безнравственны не произведенія, а та жизнь, которая в[illegible]ихъ воспроизводится. «Книга есть зеркало, проносимое по большой д[illegible]ѣ,— говорилъ по этому поводу Стендаль еще въ 1850 году.— Оно о[illegible]ажаетъ то лазурь неба, то грязь лужи на дорогѣ... И вы обвиняете въ б[illegible]равственности человѣка, который несетъ зеркало?... Вы обвиняете зер[illegible]ла то, что оно показываетъ вамъ грязь?... Обвиняйте лучше большую

дорогу за ея лужи или, еще лучше, инспектора дорогъ, который допускаетъ образовываться грязнымъ лужамъ на дорогѣ...» «Не будемъ же поэтому, — замѣчаетъ отъ себя Сигеле, — повторять глупаго обвиненія противъ тѣхъ, кто сдергиваетъ покровъ съ многочисленныхъ соціальныхъ несправедливостей. Эти люди только констатируютъ истину. И если эта истина печальна, то кто же въ томъ виноватъ?» Практическое значеніе такъ называемыхъ «опасныхъ» теорій обыкновенно очень сильно преувеличивается. «Вы можете писать во всѣхъ газетахъ, что нужно отнять избытокъ средствъ у тѣхъ, кто его имѣетъ, и, однако же, ваши слова убѣдятъ развѣ только рабочаго, который уже антропологически (бѣдная антропологія!) предрасположенъ къ воровству, и не окажутъ никакого вліянія на честнаго человѣка» *). Сами по себѣ, идеи, доктрины и т. д. никогда не бываютъ опасны, потому что человѣкъ всегда дѣйствуетъ сообразно съ тѣмъ, что онъ *чувствуетъ*, а не съ тѣмъ, что онъ думаетъ. Какія бы то ни были теоріи, — даже самыя субверсивныя и свирѣпыя, — значатъ очень мало въ нашей моральной динамикѣ; двигающимъ факторомъ въ нашей жизни всегда является наше *чувство*. Чувства же нельзя создать идейною пропагандой; оно зарождается и развивается подъ исключительнымъ вліяніемъ житейскихъ условій. «Невозможно отрицать того, что чувство недовольства въ народѣ вызываютъ не тѣ или другія теоріи, а именно соціальныя несправедливости и страданія». А если такъ, то «не слѣдуетъ ли намъ проявлять нѣкоторую снисходительность *(un peu d'indulgence)* до отношенію къ внезапнымъ взрывамъ народнаго чувства?...» «Протестующая чернь *(plèbes réclamantes)* всегда составляетъ большую долю преступной толпы; и страданія этой черни есть отдаленная (?) причина, которою обусловливаются совершаемые толпой эксцессы и о которой забывать не слѣдуетъ... При народныхъ волненіяхъ и смутахъ имѣетъ мѣсто то же самое, что иной разъ случается и между друзьями. Кто-нибудь изъ нихъ, человѣкъ, вообще-то, спокойный, сдержанный, молчаливый, вдругъ придирается къ какому-нибудь пустяку и устраиваетъ сцену. «Что съ нимъ такое? Съ какой стати онъ разсердился? Не было, вѣдь, кажется, для этого никакихъ основаній!» — съ недоумѣніемъ спрашиваютъ и восклицаютъ одни. — «Эхъ, вы ничего не знаете, — отвѣчаютъ другіе, болѣе близкіе къ вспылившему человѣку. — Дома у него такъ много непріятностей и огорченій!...» То же и съ народомъ: ему, въ его повседневной жизни, также приходится много страдать, и вотъ, какъ только представляется какой-либо случай, хроническое недовольство его и разрѣшается взрывомъ... Говоря о причинахъ, вызывающихъ толпу на преступныя дѣйствія, не слѣдуетъ забывать объ этомъ *постоянномъ расположеніи* народа (ко взрыву раздраженія, недовольства), — предрас-

*) „Vous pouvez écrire dans tous les journaux du monde qu'il faut enlever le superflu à celui qui le possède, mais ces paroles ne convaincront qui l'ouvrier qui est déjà anthropologiquement disposé au vol; elles n'auront aucune influence sur l'honnête homme" (*Foule criminelle*, p. 90).

ложеніи, въ виду котораго толпу нельзя обвинять, по крайней мѣрѣ, хоть въ предумышленности ея неожиданныхъ выходокъ».

Вотъ и все существенное, что сказалъ Сигеле о соціальныхъ условіяхъ, какъ о факторѣ, вліяющемъ на «душу» толпы и на характеръ проявленія этой «души» въ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ толпою. Нельзя, конечно, сказать, чтобы всего этого было достаточно для полнаго разъясненія интересующей насъ проблемы о «преступной толпѣ»; на нашъ взглядъ, пунктъ этотъ, затронутый нашимъ авторомъ только мимоходомъ и очень слегка, заслуживаетъ и требуетъ гораздо болѣе внимательнаго и обстоятельнаго разсмотрѣнія. Нельзя, конечно, сказать и того, чтобы только что приведенныя нами отрывочныя мысли, соображенія и положенія Сигеле блистали новизною и оригинальностью; нѣтъ, все это вещи довольно элементарныя и давно всѣмъ извѣстныя. Но, все-таки, на нихъ пріятно натолкнуться въ мертвой пустынѣ, населенной призраками атавистическаго человѣка-«звѣря», «безъименнаго чудовищнаго животнаго», «чудовищнаго червя» и пр. Они, эти мысли и положенія, согласны съ истиною, отъ нихъ вѣетъ жизненною правдой, въ нихъ здравый человѣческій смыслъ заявляетъ свои права на участіе въ рѣшеніи криминально-антропологическихъ вопросовъ, и можно было бы привѣтствовать Сигеле отъ души, еслибъ онъ взялъ ихъ за исходную точку въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ о «преступной толпѣ» и «коллективныхъ преступленіяхъ». Но, увы, уже одинъ тотъ фактъ, что авторъ нашъ способенъ былъ «совсѣмъ забыть» объ «этой важной точкѣ зрѣнія», свидѣтельствуетъ намъ, до какой степени Сигеле чужды идеи и критеріи соціальнаго порядка. Напомнила ему критика о необходимости поговорить о соціальномъ факторѣ, и вотъ онъ поговорилъ немного, отдалъ, такъ сказать, повинность, а потомъ опять «совсѣмъ забылъ», что факторъ этотъ существуетъ и что онъ очень важенъ, и, вооружившись сомнительными криминально-антропологическими критеріями, съ головой опять погрузился въ извѣстный уже намъ «позитивизмъ». Какъ увидимъ ниже, это вторичное забвеніе того, о чемъ забывать не полагается, отразилось очень печально на дальнѣйшемъ анализѣ вопроса о «преступной толпѣ».

По мнѣнію автора *Foule criminelle,* самымъ лучшимъ примѣромъ «преступной толпы» можетъ служить та толпа, которая проявляла себя всяческими насиліями, убійствами и разрушительными дѣйствіями въ разные моменты великой французской революціи, когда «народъ былъ дикимъ звѣремъ, пылавшимъ неукротимою жаждой крови и грабежа» (стр. 97). Избравъ себѣ въ руководители Тэна, Дю-Кана и другихъ историковъ въ томъ же [illegible] и проникнувшись духомъ историко-политическихъ памфлетовъ этихъ [illegible]ровъ, Сигеле категорически утверждаетъ, что наибольшая часть толпы, [illegible]звавшей тогда на парижскихъ улицахъ, составлялась изъ самыхъ дур[illegible]ъ, въ антропологическомъ и всякихъ иныхъ смыслахъ, элементовъ. По [illegible] словамъ, господствующими, преобладающими,— не только по актив[illegible]ч вліянію, но также и по численности,— въ этой толпѣ оказыва-

лись всяческіе бездѣльники, бродяги, алкоголики, воры, грабители, убійцы, выпущенные революціонною толпой изъ госпиталей сумасшедшіе. «Сборища, переполнявшія собою улицы Парижа въ 1793 году, состояли на бо́льшую долю изъ злодѣевъ, на всѣ лады удовлетворявшихъ ихъ развращенные инстинкты, а также изъ сумасшедшихъ и дегенерированныхъ всѣхъ категорій» (стр. 114). Преступники, сумасшедшіе, дѣти сумасшедшихъ, жертвы алкоголя, соціальная грязь, лишенная всякаго нравственнаго чувства и сроднившаяся съ преступленіемъ,—вотъ изъ кого состояло большинство бунтовщиковъ и революціонеровъ» (стр. 104). А такъ какъ, по свидѣтельству исторіи, весь народъ принималъ тогда дѣятельное участіе въ революціи, т.-е. состоялъ изъ «бунтовщиковъ и революціонеровъ», то, положившись на Сигеле и разсуждая логически, приходится заключить, что большинство всего населенія Франціи въ революціонную эпоху составлялось изъ преступныхъ элементовъ и представителей всяческой дегенераціи. Поразительно просто и... «позитивно» объясняются иной разъ историческія событія умудренными «антропологіею» учеными изслѣдователями!... И такъ, почему толпа въ эпоху французской революціи совершала всевозможныя преступленія, доходила до эксцессовъ, была «преступною толпой»? Да просто, видите ли, потому, что *антропологическій* характеръ ея былъ очень дуренъ: на бо́льшую долю, все преступники да сумасшедшіе, которые и увлекали, и заражали остальныхъ (меньшинство?) «своимъ звѣрствомъ и безуміемъ». «При такихъ условіяхъ, что же удивительнаго въ томъ, что эта (революціонная) толпа совершала звѣрскія, жестокія дѣянія?» (стр. 104). Что касается лично насъ, то намъ кажется удивительнымъ только вотъ какое обстоятельство: всего какимъ-нибудь десяткомъ страницъ раньше, Сигеле, какъ мы видѣли, говорилъ (хотя и вскользь), что большую часть «преступной толпы» всегда составляетъ угнетенный соціальными неправдами и несправедливостями, а потому и недовольный, раздраженный, протестующій и «рекламирующій плебсъ», народъ; теперь же, при разслѣдованіи состава революціонной толпы, ни о какомъ вопіющемъ о своихъ нуждахъ и страданіяхъ плебсѣ нѣтъ и помину; вмѣсто него, по волѣ нашего антрополога-криминалиста, выдвигаются на первый планъ и заполняютъ собою почти всю историческую сцену преступники да безумцы. Видимо, авторъ нашъ самымъ основательнымъ образомъ забылъ о томъ, что̀ онъ только что сказалъ о близкомъ, кровномъ родствѣ между «преступною толпой» и *plèbes réclamantes*. Раньше, на тѣхъ же недалекихъ страницахъ, Сигеле съ убѣжденнымъ видомъ и даже съ нѣкоторымъ пафосомъ, хотя и очень коротенько, толковалъ намъ о томъ, что народу, частицу котораго составляетъ толпа, живется, говоря вообще, очень нелегко, что онъ, этотъ народъ, много и сильно страдаетъ, что подъ гнетомъ хроническихъ страданій и всяческихъ жизненныхъ недочетовъ въ немъ накопляется недовольство и раздраженіе, готовое прорваться наружу при всякомъ случайномъ толчкѣ, по самому ничтожному поводу и обусловливающее собою постоянное предрасположеніе къ взрыву, и что обо[illegible]емъ

этомъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ забывать, если мы хотимъ понять толпу и надлежащимъ образомъ оцѣнить совершаемыя ею дѣянія... Не слѣдуетъ забывать,—и вотъ, однако же, оказывается, на примѣрѣ самого Сигеле, что обо всемъ этомъ можно сполна забыть, можно угнетающее вліяніе хроническихъ страданій и проч. подмѣнить дегенераціею, органическою склонностью къ преступленію. Огромная, рѣшающая, всеобусловливающая роль соціальнаго момента, казалось бы, должна была бы въ данномъ случаѣ съ особенною силой навязываться вниманію изслѣдователя, а, между тѣмъ, о ней у Сигеле ни слова, ни звука. Да это, впрочемъ, и понятно: вѣдь, соціальная точка зрѣнія такъ чужда нашему автору, такъ непривычна для него! То ли дѣло «антропологическій» критерій! Почему революціонная толпа доходила до эксцессовъ, совершала ужасныя, преступныя дѣянія? Потому, что она была очень дурна «антропологически». Вотъ и все. И просто, и коротко. Коротко-то коротко, но насколько все это резонно, вразумительно, согласно съ истиной,—это, конечно, другой вопросъ.

«Антропологическій» критерій оказывается чрезвычайно удобнымъ для гг. антропологовъ-криминалистовъ *à la* Сигеле, такъ какъ онъ избавляетъ ихъ отъ непріятностей для нихъ необходимости... думать. При помощи его, ученые этой категоріи находятъ легкую возможность однимъ разомъ, съ одного маху разсѣкать всевозможные гордіевы узлы. Почему данная толпа совершаетъ преступленія? Потому, что она дурна антропологически. Почему другая данная толпа не доходитъ до эксцессовъ? Потому, что она хороша антропологически. Замѣчательная простота объясненія!... Со словъ Сигеле мы уже знаемъ, почему толпа не хорошо вела себя на улицахъ Парижа въ 1793 году. Но вотъ авторъ нашъ обращаетъ наше вниманіе на другую народную смуту, на другую толпу, дѣйствовавшую на тѣхъ же парижскихъ улицахъ. Дѣло происходило въ 1750 году, въ маѣ мѣсяцѣ, когда королевская полиція производила (*avec beaucoup de violence*) одно изъ періодически повторявшихся въ ту эпоху очищеній столицы отъ наводнявшихъ ее нищихъ. Какъ-то случилось при этомъ, что пропало нѣсколько маленькихъ дѣтей, насильно вырванныхъ полицейскими (неизвѣстно, по какому поводу и зачѣмъ) изъ рукъ матерей. По этому случаю въ массахъ начали циркулировать очень тревожные слухи. Одни говорили, что полиція отнимаетъ дѣтей съ цѣлью получить за нихъ потомъ денежный выкупъ; другіе утверждали, что полицейскіе дѣйствуютъ по приказу свыше: королю Людовику XV, истощенному непомѣрнымъ развратомъ, доктора предписали, дескать, для возстановленія силъ и здоровья, брать ванны изъ человѣческой крови, и вотъ дѣтей похищаютъ у народа для королевскихъ

нъ... Народъ сильно заволновался... «Бить полицію!»... За недостаткомъ
га, мы не будемъ излагать здѣсь хода этой парижской народной смуты, а только вкратцѣ замѣтимъ, что бушевавшая тогда на улицахъ толпа, увѣчивши многихъ полицейскихъ и даже убивши одного изъ нихъ, «пришла въ себя», «опамятовалась», успокоилась и разошлась, между тѣмъ какъ, по обстоятельствамъ дѣла, отъ нея можно было ожидать тогда вся-

ческихъ ужасовъ. Почему, спрашивается, толпа сдержалась, не увлеклась дальше на преступномъ пути? Да потому, будто бы, что она въ данномъ случаѣ состояла все изъ элементовъ антропологически хорошихъ. «Толпа бунтовщиковъ 1750 г. (въ противуположность толпѣ 1793 г.) состояла только изъ людей народа, рабочихъ, матерей и отцовъ семействъ,—матерей и отцовъ, дрожавшихъ за жизнь своихъ дѣтей и ставшихъ бунтовщиками по «священному мотиву». Если двѣ толпы (1750 г. и 1793 г.) проявили себя неодинаково, то это объясняется исключительно тѣмъ, что «онѣ были антропологически различны; это—единственно возможное, въ данномъ случаѣ, логическое объясненіе» (стр. 114). Многое, очень многое можно было бы сказать по поводу этихъ утвержденій Сигеле,— можно было бы, наприм., указать на то очень существенное обстоятельство, что, вѣдь, одну толпу отдѣляетъ отъ другой промежутокъ болѣе чѣмъ въ сорокъ лѣтъ (да еще какихъ!), въ теченіе которыхъ не мало должно было воды утечь, не мало усилиться и обостриться народное недовольство и раздраженіе; можно было бы напомнить и о томъ, что въ «священныхъ мотивахъ» не было, вѣдь, недостатка и у революціонной толпы 1793 г. и пр., и пр. Но мы полагаемъ, что читатель и безъ комментаріевъ прекрасно видитъ и понимаетъ, до какой степени слаба «антропологическая» позиція, занимаемая нашимъ авторомъ.

Чтобъ у читателя не могло оставаться и тѣни сомнѣнія въ томъ, что въ «изслѣдованіяхъ» Сигеле (и подобныхъ ему «позитивистовъ») мы имѣемъ дѣло ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ вопіющимъ злоупотребленіемъ антропологіи,—мы приводимъ здѣсь еще одинъ примѣръ, еще болѣе характерный и выразительный, чѣмъ предъидущіе. Вѣроятно, всѣмъ еще памятна знаменитая въ лѣтописяхъ рабочаго движенія, надѣлавшая въ свое время много шума и закончившаяся очень трагически, стачка углекоповъ въ Деказвилѣ (Франція) въ началѣ 1886 г. Положеніе деказвильскихъ рабочихъ было вообще очень тяжело. Жадная до барышей компанія практиковала систему самой безпощадной, самой безчеловѣчной эксплуатаціи труда,— эксплуатаціи, которая тогда, въ эпоху стачки, раскрыта была французскою прессой во всѣхъ ея ужасающихъ, вызывавшихъ въ публикѣ взрывы негодованія подробностяхъ, но о которой Сигеле, воспользовавшійся деказвильскими событіями для цѣлей своего ученаго изслѣдованія, не нашелъ нужнымъ обмолвиться ни единымъ словомъ. Въ конецъ измученные, потерявшіе всякое терпѣніе, доведенные до отчаянія, рабочіе не выдержали, прекратили работы, огромною толпой (въ числѣ 1,800 ч.) устремились къ зданію, занимаемому администраціею копей, и, встрѣтивъ отказъ въ удовлетвореніи ихъ требованій, яростно набросились на главнаго директора копей, инжен а Ватрена, безпощадно угнетавшаго рабочихъ и вызывавшаго къ себѣ к общую ненависть, и убили его. Что въ трагедіи этой главнѣйшую, к обусловливающую роль игралъ факторъ соціальный, а вовсе не антро логическій, это, конечно, ясно до очевидности. Что деказвильская то , коллективно совершившая убійство, состояла вовсе не изъ антропологиче и

порочныхъ, по натурѣ склонныхъ къ преступленію индивидуумовъ, а просто изъ самыхъ обыкновенныхъ, среднихъ людей, «честныхъ» тружениковъ, только до нельзя измученныхъ невозможными условіями существованія, тяжкимъ гнетомъ, всяческими неправдами и несправедливостями доведенныхъ до отчаянія, до умопомраченія, до судорожнаго взрыва,— это, вѣдь, бьющая въ глаза истина. Золя, описывая въ своемъ *Germinal'*ѣ сцену расправы рабочихъ съ ненавистнымъ имъ директоромъ, говоритъ о «мести» рабочихъ ихъ жестокому эксплуататору и угнетателю, о томъ, что толпа относилась къ терзаемому и убиваемому директору какъ «къ скверному животному, отъ котораго каждому приходилось страдать», что она вымѣшала на немъ «съ давнихъ поръ накоплявшуюся злобу за голодное существованіе» и пр., и пр. Сигеле, цитируя изъ романа Золя сцену убійства, приводитъ всѣ эти, заключающіяся въ цитируемомъ отрывкѣ, указанія (вѣдь, «изъ пѣсни слова не выкинешь»), но, очевидно, не придаетъ имъ никакого значенія, не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія и знай себѣ твердитъ: «Дикіе звѣри!»... «Подлая толпа!» На его взглядъ, эта толпа была не изъ тѣхъ, которыя одумываются, раскаиваются, успокоиваются и разсѣиваются (стр. 117); нѣтъ, это было сборище, крайне скверное по своему антропологическому составу, и только благодаря этому, оно и дошло до звѣрскаго злодѣянія. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ онъ, — какіе субъекты принимали участіе въ деказвильскомъ убійствѣ: такой-то— «скверный малый, бившій свою жену», такой-то — «судился раньше за драку», такой-то—тоже «судился за нанесеніе *soups et blessures* и за воровство», «голова у него приплюснутая, челюсти—дикаго звѣря» (пошла въ ходъ «антропологія»!) и т. д., — однимъ словомъ, все это были индивидуумы, которые сами въ себѣ (*en eux-mêmes*) носили причину совершенныхъ эксцессовъ и которымъ возбужденіе толпы дало только случай проявить ихъ порочную натуру» (стр. 120). И такъ, это была скверная антропологически толпа, «подлая толпа» (а не забудемъ, что въ ней было 1,800 ч.); поэтому именно она и проявила себя злодѣяніемъ... Эхъ, г. Сигеле, какой же вы слѣпой или, по крайней мѣрѣ, близорукій, а потому и жестокій, и безчеловѣчный криминалистъ-антропологъ! И, право, большой грѣхъ берете вы на душу, легкомысленно пуская въ ходъ такія квалификаціи! Что и говорить, убійство Ватрена было ужаснымъ дѣломъ. Но, обсуждая это дѣло, нельзя, вѣдь, забывать и объ ужасахъ того ада, который былъ въ душахъ тысячъ деказвильскихъ рабочихъ, съ ихъ женами и дѣтьми,—рабочихъ, истерзанныхъ безпощадною эксплуатаціей, безпомощныхъ, беззащитныхъ, не усматривавшихъ никакого просвѣта въ своей жизни и доведенныхъ до мрачнаго, безнадежнаго отчаянія. Вѣдь, грѣхъ забывать обо всемъ этомъ! А если все это мы примемъ въ разсчетъ при оцѣнкѣ деказвильскихъ событій, то намъ придется воскликнуть не «подлая толпа!», а «бѣдная, глубоко несчастная толпа!» И думается намъ, что только такое восклицаніе и не будетъ въ данномъ случаѣ оскорблять ни здраваго смысла, ни нравственнаго чувства. Основавъ на дурной антропологическій составъ деказвильской толпы и

обозвавъ эту послѣднюю нехорошими словами, Сигеле сопоставляетъ ее съ антропологически-хорошею (по его соображеніямъ) толпой, которая проявила себя буйствами на улицахъ Рима въ 1889 году. Толпа эта, состоявшая изъ ненаходившихъ занятій и оставшихся безъ заработка рабочихъ, прошла, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія со стороны полиціи, черезъ весь Римъ и, несмотря на то, что была вооружена палками, камнями, разными рабочими инструментами и могла бы безпрепятственно натворить всякихъ ужасовъ, ограничилась только тѣмъ, что сокрушила порядочное количество уличныхъ фонарей, оконъ въ домахъ, витринъ въ магазинахъ и пр. и затѣмъ разошлась. Однимъ словомъ, все обошлось болѣе или менѣе благополучно: никакихъ насилій, ни единой капельки крови. А почему? Потому, видите ли, что все это были хорошіе, въ антропологическомъ смыслѣ, элементы, люди, несклонные по натурѣ къ преступленіямъ, а только «раздраженные нескончаемымъ экономическимъ кризисомъ» (точно, будто, въ Деказвилѣ экономическій моментъ не игралъ всеобусловливающей роли!). У 32 арестованныхъ и подвергнутыхъ судебному преслѣдованію манифестантовъ-рабочихъ прошлое оказалось незапятнаннымъ. «Въ этомъ-то именно обстоятельствѣ,—говоритъ Сигеле,—и заключается, я думаю, причина того, что они (рабочіе) могли побить нѣсколько уличныхъ фонарей и витринъ, но не дали себя увлечь на путь убійства, какъ это было съ деказвильскими рабочими» (стр. 122). Полно, въ этомъ ли? Не объясняется ли сравнительная умѣренность буйства римской толпы скорѣе тѣмъ, что эта толпа, не встрѣчавшая, къ тому же, почти никакого сопротивленія при своемъ движеніи по улицамъ Рима (что также очень важно), волновалась по поводу угнетавшей ее *безработицы*, что, поэтому, недовольство и раздраженіе ея носили на себѣ общій, такъ сказать, отвлеченный, безпредметный характеръ, а не пріурочивались ни къ какимъ опредѣленнымъ лицамъ, въ насильственныхъ дѣйствіяхъ надъ которыми они могли бы разрѣшиться, между тѣмъ какъ у деказвильцевъ былъ подъ руками «ненавистный» Ватренъ, въ которомъ рабочіе видѣли своего главнаго врага, безпощаднаго эксплуататора и угнетателя? Это, вѣдь, очень много значитъ. Будь у римскихъ рабочихъ свой «Ватренъ», на которомъ сосредоточивалось бы ихъ раздраженіе, да отличайся это послѣднее такою же напряженностью и остротой, какъ у деказвильцевъ, и почемъ знать, не завершилась ли бы римская смута такъ же трагически, какъ и деказвильская? Что же касается состава римской толпы, то будто бы ужь не было въ ней такихъ «скверныхъ малыхъ», которые «бьютъ своихъ женъ», оказываются повинными въ дракахъ, въ *coups et blessures* и пр.? Вообще, всѣ утвержденія Сигеле по поводу приведенныхъ имъ примѣровъ отличаются такою произвольностью, такою голословностью, что ихъ съ полнымъ правомъ можно голословно же и отвергать. *Quod gratis asseritur, gratis negatur.*

Чтобы совсѣмъ ужь покончить съ фактическими примѣрами нашего автора, мы сдѣлаемъ по поводу ихъ еще только одно коротенькое замѣчаніе.

Какъ въ революціонной парижской толпѣ 1793 г., такъ и въ деказвильской толпѣ 1886 г. (и во многихъ другихъ случаяхъ) *женщины* принимали очень живое, дѣятельное участіе, далеко превосходя при этомъ мужчинъ яростью, свирѣпостью и жестокостью; это обстоятельство отмѣчаетъ и Сигеле. Пытаясь объяснить этотъ любопытный фактъ, антропологи-криминалисты, съ Ломброзо во главѣ, категорически утверждаютъ, что женщина есть существо низшее, по сравненію съ мужчиною, что, по типу своему, она стоитъ ближе къ первобытному человѣку, что въ ней, благодаря этому, легче, скорѣе и съ бо́льшею силой даетъ о себѣ знать притаившійся подъ культурною оболочкой «дикій звѣрь» и что по этой самой причинѣ она и проявляетъ себя, между прочимъ, и въ «преступной толпѣ», болѣе ужасными дѣяніями, чѣмъ мужчина. Опять, значитъ, «антропологія»! Господамъ ученымъ интересующей насъ категоріи и въ голову, очевидно, не приходитъ того простого соображенія, что, вѣдь, положеніе женщины, особенно въ мірѣ «рекламирующаго плебса», несравненно хуже, чѣмъ положеніе мужчины: отъ общихъ причинъ, угнетающихъ жизнь народа, женщина, говоря вообще, страдаетъ нисколько не меньше мужчины, а въ придачу къ этому ей еще приходится выносить на своихъ плечахъ почти всю тяготу семейной жизни, да сплошь и рядомъ терпѣть при этомъ еще и отъ хронически раздраженнаго жизненными невзгодами главы семьи, мужчины. При такихъ условіяхъ, весьма естественно, что и недовольство жизненными условіями у нея больше и острѣе, и нервно-мозговая система оказывается болѣе расшатанною и нестойкою, и степень раздражительности выше, и склонность къ взрыву отрицательныхъ чувствъ больше, и судорожныя движенія психики сильнѣе и рѣзче. А, впрочемъ, мало ли чего не приходитъ въ голову черезъ-чуръ ужь «позитивнымъ» антропологамъ-криминалистамъ!

Какъ читатель видитъ, «позитивисты» эти особенно охотно и часто пользуются, при своихъ научныхъ изысканіяхъ, доктриною атавизма. Само по себѣ, это — очень почтенная научная доктрина; но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ извѣстныхъ сферахъ ею теперь сильнѣйшимъ образомъ злоупотребляютъ. Въ самомъ дѣлѣ, чуть что̀, сейчасъ же безцеремонно тревожатъ «спящаго» подъ культурными наслоеніями «первобытнаго человѣка», съ присущими ему чертами и свойствами «дикаго звѣря», заставляютъ его «просыпаться», выходить на сцену и творить волю жрецовъ науки, т.-е. заполнять своею интересною особой всѣ пробѣлы и прорѣхи въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Съ нѣкотораго времени мода ужь такая пошла. Не пора ли, однако, бросить эту моду, не пора ли отказаться отъ у̀ановившейся дурной привычки по̀ходя, на каждомъ шагу, вспоминать нашихъ почтенныхъ прародителей и дѣлать ихъ отвѣтственными за наши современные изъяны? Выходитъ, вѣдь, очень похоже на то, что для извѣстной категоріи ученыхъ нашъ прародитель, двуногій «дикій звѣрь», играетъ совершенно ту же роль, что «лукавый» для темной невѣжественной м[illegible] «лукавый попуталъ»,—говоритъ мужикъ въ видахъ объясненія

какого-либо своего грѣха; «дикій звѣрь проснулся»,—утверждаетъ криминалистъ-антропологъ, пытающійся «научно» объяснить ту или другую, мало ему понятную, некрасивую черточку въ современномъ человѣкѣ. Напрасно! Все заставляетъ насъ думать, что нашъ прародитель, «первобытный человѣкъ», котораго ученые такъ часто, кстати и некстати, заставляютъ «просыпаться», ровно не причемъ въ нашихъ грѣхахъ и изъянахъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, и что, поэтому, слишкомъ-то ужь развязное обращеніе съ доктриною атавизма (да и вообще съ антропологіею) какъ будто бы и нерезонно, и неумѣстно.

Вонъ, иной разъ, въ жаркій лѣтній день, *бьются* животныя, облѣпляемыя и терзаемыя оводами и всяческою, больно кусающеюся и кровопійственною мошкарой. Никому, конечно, даже и въ голову не придетъ говорить при видѣ сбѣсившагося при такихъ условіяхъ животнаго, что въ этомъ послѣднемъ «проснулся»-де какой-то «дикій звѣрь». А вотъ, когда совершенно то же самое, при аналогичныхъ условіяхъ, произойдетъ съ человѣкомъ, то гг. Ломброзо, Тарды, Сигеле и К° тотчасъ же съ глубокомысленнѣйшимъ видомъ начинаютъ толковать намъ о «проснувшемся» въ современномъ, культурномъ *homo sapiens* дикомъ прародителѣ. Право же, все это, по меньшей мѣрѣ, ненаучно и несерьезно! Въ самомъ дѣлѣ, не очевидно ли, что между взятымъ нами для примѣра сбѣсившимся животнымъ и хотя бы тѣми же деказвильскими рабочими, входившими въ составъ «преступной толпы», разницы въ интересующемъ насъ отношеніи нѣтъ ни малѣйшей? Отбросьте вы въ сторону навязываемые вамъ (ужь не для отвода ли глазъ? «антропологическіе» критеріи, да, не мудрствуя лукаво, взгляните на этихъ рабочихъ не съ излюбленной нашими антропологами-криминалистами «атавистической», а просто съ *психо-физіологической* точки зрѣнія, и тогда для васъ станетъ ясно, какъ Божій день, что «антропологія» тутъ рѣшительно ничего не объясняетъ, что «атавизмъ» совсѣмъ не причемъ и что *вся* суть дѣла тутъ заключается въ неизбѣжномъ при данныхъ условіяхъ *функціональномъ разстройствѣ нервно-мозговой системы* людей. Если мы станемъ на эту психо-физіологическую, единственно возможную и законную въ данномъ случаѣ точку зрѣнія, то изложенная нами выше криминально-антропологическая теорія «преступной толпы» (неизбѣжное исчезновеніе у индивидуумовъ, составляющихъ толпу, ихъ лучшихъ, высшихъ душевныхъ свойствъ, пониженіе духовнаго уровня, всплываніе на поверхность атавистическихъ свойствъ «дикаго звѣря», обусловливаемая этими свойствами примитивная наклонность къ звѣрству и пр., и пр.) покажется намъ до крайности произвольнымъ, искусственнымъ, не выдерживающимъ критики построеніемъ, которое, на нашъ взглядъ, совершенно незаконно прикрывается флагомъ науки.

Чтобы покончить съ вопросомъ о «преступной толпѣ», намъ остается только сдѣлать еще нѣсколько коротенькихъ замѣчаній. Когда заходитъ рѣчь объ эксцессахъ, которыми проявляетъ себя возбужденная толпа, то обыкновенно указываютъ, какъ на главный, всеобусловливающій фактъ,

на глубокое *невѣжество* тѣхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ составляется толпа,—невѣжество, благодаря которому въ народныхъ массахъ очень легко распространяются и получаютъ широкій кредитъ самые нелѣпые, самые вздорные слухи волнующаго характера. Въ указаніи этомъ есть, конечно, доля правды; невѣжество массъ, несомнѣнно, играетъ въ данномъ случаѣ извѣстную роль, но, въ противность установившемуся на этотъ счетъ мнѣнію, мы позволяемъ себѣ думать, что роль эта далеко не изъ первостепенныхъ. Прежде всего, ни на минуту не слѣдуетъ забывать о той, не подлежащей ни малѣйшему сомнѣнію, истинѣ, что вовсе не слухи,—какого бы рода они ни были,—лежатъ въ основаніи народныхъ волненій и смутъ и что всякій волнующій слухъ является обыкновенно только легкимъ случайнымъ толчкомъ, нарушающимъ крайне неустойчивое равновѣсіе народной психики. Разъ существуетъ подготовленная почва для тревожныхъ слуховъ, то недостатка въ этихъ послѣднихъ никогда не будетъ и, дѣйствительно, не бываетъ, и не тотъ, такъ другой изъ нихъ непремѣнно всколыхнетъ «душу» массы или толпы, когда наступитъ для того «психологическій моментъ». При меньшихъ степеняхъ невѣжества, при большемъ количествѣ свѣта въ головахъ, та или другая вздорная нелѣпица, быть можетъ, и не воспримется толпою, но положеніе дѣла отъ этого едва ли существенно измѣнится, такъ какъ роль волнующей нелѣпицы, навѣрное, сыграетъ какой-нибудь другой, менѣе дикій, болѣе правдоподобный самъ по себѣ слухъ. Нужно знать и помнить, наконецъ, и то, что легковѣріе,—и, притомъ, въ высокихъ его степеняхъ,—имѣетъ мѣсто далеко не при одномъ только невѣжествѣ, обусловливается далеко не одною только умственною темнотой. Оно очень часто развивается при извѣстныхъ условіяхъ и у людей образованныхъ, развитыхъ. Однимъ изъ такихъ условій является напряженное «состояніе выжиданія». Представьте вы себѣ, наприм., человѣка, котораго, какъ говорится, преслѣдуетъ судьба, на котораго постоянно сыплются всяческія невзгоды и неудачи и который не ждетъ для себя отъ жизни ничего хорошаго. Такой человѣкъ,—какова бы ни была степень его умственнаго развитія,—становится обыкновенно крайне подозрительнымъ, мнительнымъ, даже прямо-таки суевѣрнымъ. Онъ ежеминутно *ждетъ*, что вотъ-вотъ надъ нимъ разразится какая-нибудь новая бѣда или непріятность. Подъ гнетомъ такого настроенія, или *idée fixe* своего рода, критическая способность его ослабляется; каждую мелочь, каждый ничтожный пустякъ онъ истолковываетъ въ неблагопріятномъ для себя смыслѣ и готовъ вѣрить рѣшительно всему, что попадаетъ въ тонъ его угнетенной ду[illegible]. Это—такъ называемое въ наукѣ «состояніе легковѣрія». Но, вѣдь, ка[illegible] разъ въ этомъ самомъ состояніи и находятся обыкновенно индиви[illegible]ы, изъ которыхъ обычно составляется «преступная толпа». Народъ, вы[illegible]ляющій изъ себя эту послѣднюю, говоря вообще, совсѣмъ не избалованъ судьбою; жизнь даетъ ему о себѣ знать почти исключительно одними только своими темными, отрицательными сторонами; въ большинствѣ случаевъ онъ состоитъ изъ тѣхъ «пуганыхъ воронъ», которыя боятся каж-

даго «куста» и которыхъ горькій опытъ всей ихъ неприглядной жизни дѣлаетъ болѣзненно-мнительными, склонными въ каждомъ явленіи, въ каждомъ фактѣ, даже не имѣющемъ къ нимъ никакого отношенія, усматривать угрозу ихъ шаткому, необезпеченному, обездоленному и тревожному существованію. При такихъ условіяхъ крайнее легковѣріе (пессимистическаго характера) является какъ нельзя болѣе естественнымъ и понятнымъ.

И такъ, что же такое представляетъ собою «преступная толпа»? Да ничто иное, какъ образующееся при тревожныхъ обстоятельствахъ собраніе усталыхъ, измученныхъ, крайне мнительныхъ и легковѣрныхъ людей, объединяющихся въ одно цѣлое на почвѣ общихъ имъ всѣмъ идей, чувствъ и настроеній. Люди эти истощены хроническими жизненными невзгодами, ихъ нервная система расшатана, и ея напряженное состояніе готово при малѣйшемъ внѣшнемъ толчкѣ разрѣшиться взрывомъ психическихъ судорогъ. Съ этой точки зрѣнія,—какъ видитъ читатель, немного похожей на ту, на которой стоятъ интересовавшіе насъ въ настоящей статьѣ антропологи-криминалисты, — на «преступную толпу» нельзя смотрѣть иначе, какъ на объектъ *нервной патологіи*. Въ виду этого мы и не будемъ касаться здѣсь юридическихъ соображеній Тарда, Сигеле и др. о вмѣняемости дѣяній «преступной толпы». Совершенно очевидно, что раціональное средство предупрежденія тѣхъ опасностей, которыми «преступная толпа» угрожаетъ обществу, заключается въ устраненіи тѣхъ бытовыхъ условій, подъ гнетущимъ вліяніемъ которыхъ люди становятся нервно-больными и доходятъ до психическихъ конвульсій.

И. Д—овъ.

Москва-Самаркандъ [1].

Строго говоря, закаспійскіе пески и степи далеко нельзя назвать совершенно безводными. Влага въ нихъ есть, но не столько надземная, сколько подземная, вслѣдствіе чего растенія имѣютъ здѣсь крайне своеобразный обликъ. Постоянно страдая отъ недостатка влаги, они, съ одной стороны, выработали чрезвычайно сложную корневую систему, а съ другой—почти совершенно обнажили себя отъ листьевъ. Первое изъ указанныхъ приспособленій даетъ имъ возможность извлекать изъ почвы даже самые скудные запасы влаги, а второе—значительно ослабляетъ ея испареніе черезъ листья. Вмѣстѣ съ этимъ, нѣкоторыя изъ нихъ тщательно затѣняютъ поверхность своихъ листьевъ и стеблей усиленнымъ развитіемъ волосковъ, что дѣлаетъ ихъ болѣе или менѣе пушистыми. Въ то же время, большинство закаспійскихъ растеній затѣняетъ также и почву, къ которой они прикрѣплены, что весьма успѣшно достигается густымъ развѣтвленіемъ стеблей. Впрочемъ, характернаго для нашихъ степей и луговъ дернового покрова въ низменной части Закаспійской области не существуетъ. Чаще всего здѣшнія растенія кустятся поодиночкѣ, нерѣдко достигая при этомъ весьма крупныхъ размѣровъ. Въ общемъ, флора закаспійскихъ равнинъ довольно разнообразна. Даже пески сравнительно богаты растительностью, въ которой преобладающими формами являются кустарники, каковы, напримѣръ: саксаулъ, кандумъ, борджокъ, чогонъ, черкесъ и др. Самыя большія заросли степной кустарниковой растительности тянутся между ст. Курбанъ-Кала и Репетекъ, всего на протяженіи 120 вер. по линіи желѣзной дороги и на нѣсколько сотъ верстъ въ сторону отъ нея. Въ этихъ мѣстахъ, въ особенности отъ Учъ-Аджи до Кельчи, встрѣчаются довольно хорошіе и густые саксаульники. Вообще наиболѣе богатымъ по растительно является Мервскій уѣздъ, въ которомъ наберется нѣсколько милліо- но десятинъ, занятыхъ зарослями и рощами саксаула, гребенщика и фи ашковыхъ деревьевъ, не считая обширнѣйшихъ пространствъ, покры- ть степными травами и представляющихъ великолѣпныя пастбища для ов и верблюдовъ.

---

[1] *Русская Мысль*, кн. X.

Но такое обиліе прекрасно приспособленной къ исключительнымъ условіямъ существованія растительности мало измѣняетъ общую безотрадность закаспійскихъ пустырей, въ которыхъ культурныя растенія, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить раньше, могутъ существовать только подъ условіемъ обильнаго орошенія. При отсутствіи же его они безусловно гибнутъ, не будучи въ силахъ противустоять губительному вліянію палящаго зноя и страшной сухости воздуха, отъ которыхъ нерѣдко страдаетъ даже мѣстная, дикая растительность. Достаточно сказать, что къ серединѣ лѣта бодрый видъ здѣсь сохраняютъ только наиболѣе выносливыя формы растеній, всѣ же остальныя едва-едва влачатъ свое убогое существованіе, между тѣмъ какъ при обиліи воды даже на сыпучихъ пескахъ развивается прекраснѣйшая культурная растительность, не говоря уже про болѣе плодородныя почвы, на которыхъ, какъ, напримѣръ, въ Асхабадѣ и Мервѣ, съ успѣхомъ выращиваются многія крайне прихотливыя растенія. Изъ болѣе же обыкновенныхъ особенно поразительна, при достаточномъ орошеніи, быстрота роста такихъ растеній, какъ тополь, бѣлая акація, китайская ясень и друг., которыя въ 3 — 4 года достигаютъ здѣсь огромныхъ размѣровъ.

Все это заставляетъ дорожить каждою каплей воды и пользоваться ею съ величайшею осмотрительностью, что прекрасно сознается какъ туземнымъ населеніемъ, такъ и администраціей Закаспійской области, а равно и управленіемъ удѣловъ, въ вѣдѣніи котораго состоитъ Мургабское Государево имѣніе. Благодаря этому, вопросы ирригаціи составляютъ здѣсь основу сельско-хозяйственной практики и сосредоточиваютъ на себѣ всеобщее вниманіе, почему я и считаю нужнымъ остановиться на болѣе подробномъ разсмотрѣніи ихъ.

Главнымъ источникомъ водъ, необходимыхъ для орошенія, при крайней скудости атмосферной влаги, являются въ Закаспійской области немногочисленныя и сравнительно маловодныя рѣки, а за ними уже слѣдуютъ болѣе мелкіе ручьи, питающіеся ключевою водой. Мангишлакскій уѣздъ въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ почти совершенно безводнымъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни ручьевъ, ни рѣчекъ. Нѣсколько болѣе богатъ текучими водами Красноводскій уѣздъ, южная часть котораго, на границѣ съ Персіей, орошается р. Атрекомъ и притокомъ его, Сумбаромъ съ Чандыромъ, протекающими, главнымъ образомъ, по Каракалинскому приставству. Первая изъ названныхъ рѣкъ принадлежитъ Россіи только своимъ правымъ берегомъ и, притомъ, только въ нижнемъ своемъ теченіи, протекая здѣсь частью въ крутыхъ и высокихъ берегахъ, не позволяющихъ пользоваться ея водой для орошенія полей, частью же по равнинѣ, гдѣ она разбивается на множество протоковъ, переполняемыхъ водой во время весенняго половодья и пересыхающихъ лѣтомъ. При обиліи болотъ въ низовьяхъ Атрека, уже въ началѣ лѣта здѣсь появляется множество комаровъ, слѣпней и другихъ насѣкомыхъ, сильно изнуряющихъ своими укусами скотъ, что и заставляетъ туркменъ откочевывать отсюда, несмотря на избытокъ [illegible]а,

остающагося нетронутымъ на прекраснѣйшихъ пастбищахъ. Что же касается р. Сумбара, то она крайне маловодна, что весьма невыгодно отражается на земледѣліи по ея долинѣ, такъ какъ вынуждаетъ сокращать, въ ущербъ урожаю, количество поливокъ и не даетъ возможности увеличить площадь посѣвовъ. Долина верхняго Сумбара, по качествамъ почвы и относительно высокому положенію надъ уровнемъ моря, сравнительно мало страдаетъ отъ засухъ. Средній же Сумбаръ, въ долинѣ котораго производится большая часть запашекъ, въ сухіе, маловодные годы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно пересыхаетъ, такъ какъ часть родниковъ, питающихъ этотъ участокъ рѣки, изсякаетъ, а воды остальныхъ родниковъ разбираются на орошеніе посѣвовъ. Наконецъ, на нижнемъ теченіи Сумбара, не имѣющемъ самостоятельнаго притока воды изъ мѣстныхъ родниковъ, при пересыханіи верхнихъ частей рѣки, вода застанвается въ руслѣ, загниваетъ, пріобрѣтаетъ затхлый запахъ и непріятный вкусъ и дѣлается негодною для питья и приготовленія пищи, что крайне вредно вліяетъ на здоровье мѣстнаго населенія. Еще болѣе маловоденъ, впадающій въ Сумбаръ, Чандыръ, верховья котораго, къ тому же, находятся на персидской территоріи. Степная подгорная полоса Закаспійской области, лежащая по линіи желѣзной дороги, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ Асхабадскаго уѣзда и только частью въ уѣздахъ Красноводскомъ и Тедженскомъ, орошается ручьями, стекающими съ ближайшихъ хребтовъ, по которымъ проходитъ наша граница съ Персіей. На всемъ пространствѣ этой полосы, между стт. Казанджикъ и Душакъ, съ горъ стекаетъ 27 ручьевъ, не считая нѣсколькихъ мелкихъ источниковъ, вода которыхъ не достигаетъ даже до линіи желѣзной дороги. Общее количество воды, доставляемой всѣми этими ручьями, ничтожно. Весной и при сильныхъ дождяхъ вода въ нихъ, однако, настолько прибываетъ, что не помѣщается въ неглубокихъ руслахъ, а стекаетъ, какъ мы видѣли выше, болѣе или менѣе широкими потоками по склонамъ горъ на равнину, гдѣ и скопляется на такъ называемыхъ «такырахъ», образуя цѣлый рядъ мелкихъ озеръ на границѣ песковъ, поглощающихъ только часть притекающей съ горъ воды. Озера эти, конечно, временныя, и когда высыхаютъ, то на ихъ мѣстѣ остаются гладкія, какъ паркетъ, равнины безъ малѣйшихъ признаковъ растительности. Вода описываемыхъ горныхъ ручьевъ большими и малыми арыками разбирается на орошеніе полей, причемъ значительная часть ея по пути просачивается въ землю, другая испаряется и только не болѣе одной трети попадаетъ на поля. До границы песковъ постоянные ручьи вовсе не доходятъ и кончаются на разстояніи 10 и рѣдко 15—20 вер. къ востоку отъ желѣзной дороги. Въ довершеніе [illegible]ительной картины орошенія этой части Закаспійской области слѣдуетъ у[illegible]ть еще на одно весьма невыгодное обстоятельство, касающееся ея [illegible]олѣе многоводныхъ рѣчекъ, каковы, напримѣръ, Артыкъ, Каахка и др. О[illegible]ятельство это заключается въ томъ, что на верхнемъ и среднемъ ихъ т[illegible]и, лежащемъ въ продольныхъ долинахъ персидской провинціи Хорос[illegible] осѣло многочисленное и трудолюбивое населеніе, которое и разби-

раетъ на свои ирригаціонныя нужды бо́льшую часть рѣчной воды. Поэтому, несмотря на сравнительную многоводность названныхъ рѣчекъ, только жалкіе остатки ихъ воды попадаютъ въ періодъ оросительныхъ работъ на нашу территорію. Значительно болѣе многоводными являются рр. Тедженъ и Мургабъ, составляющія главныя водныя артеріи Тедженскаго и Мервскаго уѣздовъ Закаспійской области. Къ сожалѣнію, верховья и этихъ рѣкъ съ ихъ наиболѣе важными притоками находятся за предѣлами русскихъ владѣній. Рѣка Тедженъ или Герирудъ начинается съ горъ Сіяхъ-Кухъ въ Афганистанѣ и отъ Зюльфагара до Серахса составляетъ русско-персидскую границу. Къ сѣверу же отъ Серахса Тедженъ всецѣло принадлежитъ Россіи. Закаспійскую желѣзную дорогу онъ пересѣкаетъ у ст. Тедженъ и, пройдя отсюда верстъ 70, разбивается на множество протоковъ, теряясь въ пескахъ. Общее же протяженіе его на русской территоріи около 300 вер. На всемъ этомъ пространствѣ только въ двухъ мѣстахъ пріютилось немногочисленное населеніе, а именно около Серахса и въ низовьяхъ, за Карыбентомъ. На остальномъ же протяженіи берега Теджена совершенно безлюдны. Будучи довольно многоводенъ весною, Тедженъ къ осени въ нижнемъ своемъ теченіи почти пересыхаетъ. Послѣднее происходитъ, съ одной стороны, вслѣдствіе усиленнаго испаренія его воды и всасыванія ея грунтомъ, а съ другой—вслѣдствіе того, что большая часть тедженской воды разбирается на орошеніе въ верхнемъ и среднемъ теченіяхъ и, такимъ образомъ, не доходитъ до нашихъ предѣловъ. Рѣка Мургабъ беретъ свое начало изъ ледниковъ на сѣверномъ склонѣ горъ Сефидъ-Кухъ въ Афганистанѣ и орошаетъ на русской территоріи три оазиса: Пендинскій, Іолотанскій и Мервскій. Въ предѣлы Россіи Мургабъ вступаетъ у пограничнаго столба № 35 и вскорѣ принимаетъ слѣва р. Кешанъ, а нѣсколько ниже съ той же стороны въ него впадаетъ р. Кушкъ. Верховья названныхъ притоковъ Мургаба также принадлежатъ Афганистану. Пройдя Іолотанскій оазисъ, Мургабъ въ 28 вер. выше Мерва плотиною Коушутъ-ханъ-бентъ раздѣляется на два канала. Верстъ на 8 — 10 ниже этой плотины русло Мургаба остается сухимъ. Вода путемъ просачиванія, а также вслѣдствіе стока отработавшихъ водъ вышеуказанныхъ каналовъ, снова появляется въ немъ вблизи урочища Мурадъ-Джаръ. Постепенно обогащаясь по пути водою, Мургабъ проходитъ Мервъ и въ 8 вер. ниже его отдаетъ половину своей воды плотинѣ Эгри-Гузаръ. Затѣмъ онъ входитъ въ обширную низину, раздробляется на нѣсколько протоковъ и вблизи колодцевъ Хоръ-Джуасъ, Мирза-Чале и Сиватлы теряется въ пескахъ. По русской территоріи Мургабъ протекаетъ всего 400 вер. Количество воды, которое онъ несетъ, неравномѣрно. Прибыль воды обыкновенно начинается въ полов[illegible] марта, спадъ же воды оканчивается въ іюнѣ, послѣ чего до половины [illegible]тября уровень воды въ Мургабѣ почти не измѣняется, а съ этого врем[illegible] начинаетъ повышаться, въ зависимости отъ обилія дождей и снѣговъ. [illegible]ъ среднемъ Мургабъ несетъ около 10 куб. саж. въ секунду. Но быва[illegible]ъ годы, когда онъ становится гораздо многоводнѣе, какъ это было, на[illegible]-

мѣръ, въ 1886 г. На орошеніе полей туземнымъ населеніемъ пока расходуется не болѣе 5 куб. саж. въ секунду, причемъ на долю Пендинскаго оазиса приходится около $^3/_4$, Іолотанскаго—около $1^1/_4$ и Мервскаго—около 3 куб. саж. въ секунду. Все же остальное количество воды Мургаба, особенно во время весенняго половодья, почти цѣликомъ и, притомъ, совершенно непроизводительно въ сельско-хозяйственномъ отношеніи уходитъ въ пески.

Нечего и говорить, что вѣковой опытъ выработалъ въ мѣстномъ населеніи цѣлую систему водяного хозяйства и гидротехническихъ приспособленій, и мнѣ было крайне интересно ознакомиться съ нею во всѣхъ подробностяхъ. Несомнѣнно также, что болѣе древнее населеніе Закаспійской области было несравненно опытнѣе въ гидротехническихъ работахъ, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ обширныя ирригаціонныя сооруженія, остатки которыхъ весьма часто встрѣчаются въ области, какъ, напримѣръ, по теченію Сумбара, Атрека, Теджена, Мургаба и т. д. Въ настоящее же время всѣ гидротехническія работы туземнаго населенія сводятся къ рытью колодцевъ, проведенію каризовъ и арыковъ и къ постройкѣ плотинъ. Нельзя сказать, чтобы туркмены были особенно искусными гидротехниками, и всѣ ихъ знанія по этой части, въ большинствѣ случаевъ, заимствованы у персовъ. Масса воды въ ихъ ирригаціонныхъ сооруженіяхъ непроизводительно тратится на просачиваніе и испареніе. Не имѣя понятія о правильной нивеллировкѣ, они ведутъ оросительныя канавы ощупью и съ большими матеріальными затратами, причемъ поперечная профиль такихъ канавъ весьма мало соразмѣряется съ количествомъ проходящей по нимъ воды и скоростью ея теченія. Благодаря этому, вода сплошь и рядомъ не помѣщается въ руслѣ арыка и, размывая его, образуетъ болѣе или менѣе значительные разливы. Кромѣ того, отработавшія воды только въ рѣдкихъ случаяхъ возвращаются въ главное русло. Чаще же всего онѣ образуютъ обширныя болота и мелководныя озера, которыя крайне вредно вліяютъ на здоровье мѣстнаго населенія, дѣлая нѣкоторыя части закаспійскихъ оазисовъ совершенно необитаемыми. Несмотря, однако, на вышеуказанные недостатки, туркменская ирригаціонная система отличается однимъ весьма важнымъ качествомъ, а именно извѣстнаго рода гибкостью, которая позволяетъ измѣнять ее въ зависимости отъ измѣненія условій орошенія. Всѣ туземныя гидротехническія сооруженія не отличаются особенною солидностью и даже плотины для подпора воды въ рѣкахъ, возведенныя изъ хвороста, камыша, гальки и земли, чаще всего носятъ характеръ лишь временныхъ сооруженій, обыкновенно уничтожаемыхъ при каждомъ болѣе значительномъ ...одкѣ. Только немногія изъ нихъ построены съ большею прочностью, ...ова, напримѣръ, вышеупомянутая плотина Коушутъ-ханъ-бентъ на Мурѣ, которую мнѣ довелось лично осмотрѣть. Плотина эта выстроена турками лѣтъ 40 тому назадъ и представляетъ собою дамбу изъ хвороста, ...ыша и земли длиною въ 120 и шириною въ 18 саж., дающую подпоръ ... высотою до 4 саж. Образованная ею запруда имѣетъ до 20 верстъ

длины. Съ теченіемъ времени плотина такъ уплотнилась и настолько слилась съ материковымъ грунтомъ, что на первый взглядъ не имѣетъ вида искусственнаго сооруженія, и только верхняя часть ея, надстроенная въ 1891 г., отличается еще нѣкоторою свѣжестью работъ. Коушутъ-ханъ-бентъ совершенно запираетъ русло Мургаба и, какъ мы видѣли выше, направляетъ его воду по двумъ магистральнымъ арыкамъ: лѣвому или западному—Отамышу и правому или восточному—Тохтамышу, орошающимъ земли двухъ туркменскихъ родовъ того же наименованія. Первый изъ названныхъ арыковъ выдѣляетъ изъ себя 32 распредѣлительныхъ и 116 оросительныхъ арыковъ, орошающихъ до 20,000 дес. земли, принадлежащей племенамъ Бахши и Сичмазъ. Вся эта сложная ирригаціонная система находится въ вѣдѣніи 108 особыхъ выборныхъ изъ туземцевъ или такъ называемыхъ «мирабовъ», на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе какъ за цѣлостью ирригаціонныхъ сооруженій, такъ и за распредѣленіемъ воды по полямъ. Тохтамышскій магистралъ выдѣляетъ изъ себя 25 распредѣлительныхъ и 99 оросительныхъ арыковъ, орошающихъ до 16,000 дес. принадлежащихъ племенамъ Вэкиль и Бекъ. Тохтамышская ирригаціонная система находится подъ надзоромъ 103 мирабовъ. Особый мирабъ съ двумя помощниками наблюдаетъ за Коушутъ-ханъ-бентомъ. Умное и выразительное лицо и вся корявая, чисто-мужичья фигура Рэмезана, этого главнаго туркменскаго «гидротехника» въ Мервскомъ оазисѣ, краснорѣчиво говорятъ о той природной сметкѣ и сообразительности, которая необходима для сооруженія и поддержанія въ порядкѣ столь сложной ирригаціонной системы, составляющей результатъ творчества не отдѣльной личности, а цѣлаго народа. Рэмезанъ съ величайшею предупредительностью, черезъ переводчика, объяснялъ мнѣ всѣ подробности по устройству Коушутъ-ханъ-бента и въ заключеніе нашей продолжительной бесѣды привѣтливо предложилъ мнѣ чашку «кокъ (т.-е. зеленаго)-чая» въ своей незатѣйливой кибиткѣ, расположенной у самой плотины, недалеко отъ Тохтамышскаго водослива, по которому плавно скатывалась часть мургабскихъ водъ, идущихъ на орошеніе восточной половины Мервскаго оазиса. Съ чувствомъ глубокаго уваженія я простился съ Рэмезаномъ, какъ съ представителемъ народа, который на поприщѣ мирнаго культурнаго развитія заявляетъ себя столь же способнымъ, какъ и въ суровой обстановкѣ боевой жизни.

Что же касается гидротехническихъ работъ, предпринимаемыхъ администраціей Закаспійской области, то онѣ ведутся въ весьма широкихъ размѣрахъ и сосредоточиваются на рытьѣ колодцевъ, разсчисткѣ родниковъ, устройствѣ кяризовъ, проведеніи арыковъ, сооруженіи плотинъ и улучшеніи туземныхъ пріемовъ орошенія. Изъ болѣе крупныхъ предпріятій очереди стоитъ сооруженіе магистральной плотины на р. Атрекѣ, съ цѣлью оросить удобныя для земледѣлія площади земель, лежащихъ въ низовьяхъ этой рѣки. Устройство такой плотины было задумано еще въ 1890 г. и въ настоящее время оно рѣшено въ принципѣ, но по нѣкоторымъ причинамъ, а главнымъ образомъ — за отсутствіемъ точнаго разграниче

правъ на пользованіе водами р. Атрека между русскими и персидскими подданными, пришлось отложить выполненіе этого крайне важнаго мѣропріятія до болѣе удобнаго времени. Существуетъ также мысль объ устройствѣ запрудъ въ устьяхъ горныхъ долинъ, открывающихся въ сторону степныхъ равнинъ. Сооруженіемъ такихъ запрудъ имѣется въ виду, съ одной стороны, ослабить вредное вліяніе «силевыхъ» потоковъ, а съ другой — создать запасъ воды, которую можно было бы съ пользою употреблять на орошеніе полей. Большое вниманіе обращается также на учетъ количества текучихъ водъ въ области, для чего во многихъ мѣстахъ по теченію рѣкъ установлены водомѣрные знаки. Къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ, находящихся въ распоряженіи областной администраціи, значительно тормазитъ дѣло и мѣшаетъ дальнѣйшему развитію ирригаціи края.

Наиболѣе же грандіозныя гидротехническія работы были предприняты и выполняются нынѣ на площади Мургабскаго Государева имѣнія, обнимающаго собою, какъ я указывалъ раньше, обширные, совершенно безлюдные и безводные пустыри, изъ которыхъ подъ культурою, у ст. Байрамъ-Али, находится всего только около 30 дес., орошаемыхъ водою канала Меджеуръ, арендуемою имѣніемъ у текинскаго аула того же имени. Въ общемъ, Мургабское Государево имѣніе производитъ впечатлѣніе небольшой, благоустроенной помѣщичьей усадьбы, утопающей въ зелени садовъ и почти теряющейся среди необъятной пустынной равнины. Едва ли нужно говорить, что имѣніе это только тогда получитъ цѣнность и значеніе, когда оно будетъ достаточно орошено. Въ былыя времена вся эта мѣстность орошалась огромнымъ каналомъ, Султанъ-Ябомъ, который несъ воду изъ Мургаба, начинаясь у знаменитой плотины Султанъ-бентъ, существовавшей почти до конца прошлаго столѣтія. Въ виду этого, было совершенно естественно попытаться возстановить означенную плотину, что и было поручено сдѣлать инженеру Паклевскому. Работа эта обошлась въ нѣсколько милліоновъ рублей, но желаемыхъ результатовъ не достигла, такъ какъ Мургабъ не далъ себя запрудить, а обошелъ плотину, проложивъ себѣ новое русло по свѣжему и легко размываемому грунту. Въ настоящее время всѣ работы по возстановленію Султанъ-бента прекращены и вмѣсто этого, нѣсколько ниже по теченію Мургаба, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Хинды-Кушть, приступлено къ возведенію цѣлаго ряда гидротехническихъ сооруженій по плану и подъ руководствомъ инженера Ю. С. Андреева. Работы ведутся имъ чрезвычайно энергично и имѣютъ цѣлью отвести на земли Мургабскаго Государева имѣнія избытокъ водъ, остающійся отъ орошенія тепе[рь]шней культурной части Мервскаго оазиса. Какъ мы видѣли выше, из[ли]шекъ этотъ довольно значителенъ и воспользоваться имъ, не нарушая [ин]тересовъ мѣстнаго населенія, во многихъ отношеніяхъ было бы весьма [же]лательно. Мнѣ пришлось посѣтить эти работы какъ разъ въ то время, [ко]гда запруживали Мургабъ съ тѣмъ, чтобы направить его воды черезъ [но]вый водосливъ. Послѣ упорной и продолжительной борьбы съ этою [ка]призною рѣкой, 15 іюля она была, наконецъ, запружена, хотя этимъ

далеко еще не обезпечивался успѣхъ всего предпріятія. Вообще, пока трудно сказать, будутъ ли и здѣсь достигнуты предположенные результаты, но, во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать этому предпріятію полнаго успѣха какъ въ интересахъ земледѣльческой культуры, такъ и ради укрѣпленія въ туземномъ населеніи довѣрія къ нашему гидротехническому искусству.

Само собою разумѣется, что успѣшное развитіе ирригаціонной сѣти въ Закаспійской области и болѣе экономное расходованіе имѣющихся запасовъ воды можетъ значительно расширить площадь ея культурныхъ земель. Однако, предѣлы такого расширенія, все-таки, весьма узки и, какъ я уже указывалъ выше, строго ограничены ничтожнымъ количествомъ водъ, которыя несутъ закаспійскія рѣки. Такимъ образомъ, если для русскихъ поселенцевъ и можетъ быть выдѣлена нѣкоторая часть достаточно орошенныхъ земель области, то лишь въ крайне скромныхъ размѣрахъ. Къ тому же, не слѣдуетъ забывать, что вмѣстѣ съ умиротвореніемъ края измѣнились и условія общежитія въ немъ, благодаря чему сюда стали все болѣе и болѣе привлекаться поселенцы изъ сосѣднихъ странъ. Насколько значительна такая иммиграція, можно судить по слѣдующему факту: въ теченіе одного 1891 г. въ Мервѣ и окрестныхъ аулахъ поселилось около 800 пришельцевъ, въ числѣ которыхъ преобладали бухарцы, самаркандцы и персы. То же движеніе замѣчается какъ по афганской, такъ и по персидской границамъ. Такъ, напримѣръ, до водворенія русскихъ въ подгорной части Закаспійской области, долины рр. Сумбара и Чандыра, входящія нынѣ, какъ это было указано выше, въ составъ Каракалинскаго приставства, Красноводскаго уѣзда, не имѣли осѣдлаго населенія. Съ присоединеніемъ же этой мѣстности къ Россіи долины названныхъ рѣкъ стали заселяться туркменами изъ племени гоклановъ, являвшимися сюда изъ Хивы и Персіи, а также нухурцами изъ Асхабадскаго уѣзда. Послѣдніе осѣли постепенно, по нѣсколько семей заразъ и безъ вѣдома администраціи. Еще болѣе серьезное движеніе возникло за послѣднее время на сѣверной границѣ Закаспійской области, въ предѣлахъ Красноводскаго и Мангишлакскаго уѣздовъ, куда понемногу стали переселяться киргизы изъ Эмбенскаго уѣзда, Уральской области. Переселеніе это возникло, какъ слѣдствіе водворенія русскаго элемента въ Киргизскихъ степяхъ и вытекающаго отсюда стѣсненія ихъ кочевого населенія, которое, такимъ образомъ, вынуждено искать новыхъ свободныхъ земель по направленію къ югу. Это своего рода переселеніе народовъ въ настоящее время весьма серьезно озабочиваетъ администрацію Закаспійской области въ виду крайне враждебныхъ отношеній, какія устанавливаются между киргизами и туркменами. Въ концѣ-концовъ, слѣдуетъ признать, что территоріальная ёмкость Закаспійской области, по всей вѣроятности, вскорѣ будетъ исчерпана, слѣдовательно, и экстензивное расширеніе ея сельско-хозяйственной культуры уже въ недалекомъ будущемъ должно достигнуть своихъ крайнихъ предѣловъ.

Не особенно широки ея предѣлы и для роста въ интензивномъ направленіи. Правда, большая часть Закаспійской области лежитъ подъ сравнительно низкими широтами и знойный климатъ ея, повидимому, благопріятенъ для разведенія многихъ полезныхъ растеній даже тропическаго пояса, напримѣръ, хиннаго, эвкалиптоваго и кофейнаго деревьевъ, не говоря уже о хлопчатникѣ, виноградной лозѣ и различныхъ фруктовыхъ растеніяхъ. При этомъ, однако, не слѣдуетъ забывать, что лѣтній зной здѣсь ежегодно смѣняется нерѣдко жестокою зимнею стужей. Для Мерва, напримѣръ, при максимумѣ температуры въ +41,2° Ц. и минимумѣ ея въ —26,1° Ц., годовая амплитуда колебанія температуры, т.-е. число градусовъ, пробѣгаемое жидкостью термометра отъ наиболѣе высокаго до наиболѣе низкаго показанія въ теченіе года, составляетъ 67,3° или, другими словами, немногимъ уступаетъ годовымъ амплитудамъ Нерчинска и Иркутска. Впрочемъ, опыты акклиматизаціи въ области различныхъ растеній, за недостаткомъ средствъ, ведутся пока въ очень скромныхъ размѣрахъ, въ особенности на асхабадской опытной станціи московскаго Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній, которая имѣетъ крайне жалкій видъ. Несмотря на указанныя крайности климата Закаспійской области, въ общемъ его, все-таки, нельзя не признать весьма благопріятнымъ для сельскаго хозяйства. Достаточно сказать, что по издавна установившемуся сѣвообороту здѣсь можно дѣлать по два посѣва въ годъ, а люцерна или «юнжа» въ теченіе года даетъ до 4—5 укосовъ. Съ большимъ успѣхомъ мѣстами ведется въ области также огородничество, причемъ преимущественно разводятся дыни, арбузы, тыквы, морковь, свекла, лукъ, капуста, огурцы, бобы и т. п. Что касается садоводства, то оно еще весьма мало развито въ Закаспійской области. Большее количество садовъ находится въ Мервскомъ уѣздѣ, гдѣ подъ ними занято до 1,550 дес. Но и здѣсь развитіе этой отрасли хозяйства значительно тормазится отсутствіемъ частнаго землевладѣнія. У сарыковъ, населяющихъ Іолотанскій и Пендинскій оазисы, мюльковыя, т.-е. усадебныя, земли такъ же подвергаются передѣламъ, какъ и общественныя, а у мервскихъ текинцевъ «мюлькъ» хотя и устойчивѣе, но, въ крайности, и онъ можетъ поступить въ передѣлъ, что весьма чувствительно ограничиваетъ личную предпріимчивость отдѣльныхъ хозяевъ. Другое обстоятельство, не менѣе тормазящее развитіе садоводства, заключается въ сильной конкурренціи со стороны персидскихъ садоводовъ, которые могутъ завалить своими фруктами всѣ рынки Закаспійской области. Виноградарство и хлопководство пока еще едва-едва начинаютъ прививаться здѣсь и туземное населеніе не особенно охотно нимается ими. До самаго послѣдняго времени туркмены производили посы азіатскаго хлопка въ крайне ничтожныхъ размѣрахъ лишь для личго потребленія и только теперь понемногу начинаютъ сѣять американ хлопокъ на продажу. Столь же ничтожны посѣвы хлопка, производимые тными предпринимателями. Первые опыты такихъ посѣвовъ были сдѣ въ 1887 г. и дали весьма хорошіе результаты, чего и слѣдовало

ожидать, принимая во вниманіе благопріятныя почвенныя и климатическія условія. Однако, послѣ первыхъ же сборовъ оказалось, что правильная постановка хлопководства въ Закаспійской области встрѣчаетъ серьезныя препятствія, прежде всего, въ недозволеніи пріобрѣтать полевыя земли въ частную собственность и, затѣмъ, въ нежеланіи туземцевъ отдавать землю въ аренду на срокъ болѣе одного года, несмотря на очень выгодную арендную плату. Приходилось каждую осень искать новый земельный участокъ, причемъ туркмены не соглашались отдавать въ аренду участковъ удобныхъ, съ хорошо дѣйствующею ирригаціей, а уступали лишь заброшенныя земли, заросшія гребенщикомъ и камышомъ. Продолжать посѣвы хлопка при такихъ обстоятельствахъ было невозможно и почти всѣ частные предприниматели хлопководы, потерявъ значительныя суммы, отказались отъ дальнѣйшаго веденія дѣла. Даже и теперь, несмотря на дѣятельную поддержку со стороны администраціи области, оно туго подвигается впередъ. Хлопководство можетъ оживиться и окрѣпнуть здѣсь или подъ условіемъ обращенія подъ культуру новыхъ земель при соотвѣтствующемъ развитіи ирригаціи, на что потребны огромныя средства, или путемъ коренного измѣненія туземныхъ порядковъ землевладѣнія, что во многихъ отношеніяхъ крайне нежелательно, такъ какъ угрожаетъ разрушеніемъ основныхъ устоевъ туркменскаго хозяйства.

Такимъ образомъ, при наличномъ складѣ физическихъ и бытовыхъ условій въ Закаспійской области, мы видимъ, что развитіе земледѣльческой культуры въ ней ограничено довольно узкими предѣлами. Не даромъ туземное населеніе ищетъ себѣ подспорья въ скотоводствѣ, какъ это наблюдается въ уѣздахъ: Мервскомъ, Тедженскомъ, Асхабадскомъ и въ Каракалинскомъ приставствѣ Красноводскаго уѣзда. Для главной же массы населенія уѣздовъ Мангишлакскаго и Красноводскаго скотоводство является единственнымъ средствомъ существованія. Даже пришлое русское населеніе находитъ для себя выгоднымъ это занятіе, въ чемъ я могъ лично убѣдиться при посѣщеніи поселка Козельнаго въ Фирюзинской долинѣ, о которомъ мнѣ приходилось уже упоминать раньше. Всего стада здѣшнихъ поселенцевъ я не видалъ, но за то я видѣлъ здѣсь стадо телятъ больше чѣмъ въ 100 головъ, что слѣдуетъ признать весьма значительнымъ для десятка дворовъ, составляющихъ этотъ поселокъ. Кромѣ того, и сами поселенцы говорили мнѣ, что скотъ даетъ имъ не малый доходъ, и, во всякомъ случаѣ, скотоводству они придаютъ большее значеніе, чѣмъ полевому хозяйству. Жаль только, что, въ силу привычки держать скотъ около себя, они совершенно не пользуются превосходными горными пастбищами, которыя въ состояніи пропитать огромныя стада. Несравненно больш[ие] количества скота могутъ быть выхожены на необъятныхъ равнинахъ З[а]каспійской области, гдѣ скотоводство изъ года въ годъ быстро возростает[ъ], несмотря на частые падежи отъ заразныхъ болѣзней и отъ суровыхъ кл[и]матическихъ условій. Обыкновенно скотъ круглый годъ держится на п[о]ножномъ кормѣ и только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлаются заготовки сух[ого]

корма на зиму. Пастбищами въ области пользуются не только мѣстные, но и пришлые скотоводы,—персидскіе, афганскіе, хивинскіе и бухарскіе. Такъ, напримѣръ, ежегодно въ концѣ октября или въ началѣ ноября жители персидскихъ пограничныхъ мѣстностей пригоняютъ свои стада въ наши предѣлы, а въ мартѣ или апрѣлѣ, когда начинается таяніе снѣговъ въ горахъ и появляется трава, они перегоняютъ свои стада обратно въ Персію. Первое мѣсто въ скотоводческомъ хозяйствѣ Закаспійской области принадлежитъ овцеводству. Овцы, разводимыя здѣсь, неприхотливы на кормъ и даютъ очень хорошую шерсть и превосходнѣйшее мясо. Второе мѣсто занимаютъ верблюды,—одногорбые или «наръ» и двугорбые или «атанъ». По экономическому же значенію въ быту какъ кочевого, такъ и осѣдлаго туземнаго населенія, верблюду безспорно принадлежитъ первенствующее мѣсто передъ всѣми остальными домашними животными. Верблюдъ перевозитъ самого кочевника и его домашній скарбъ при перекочевкахъ, служитъ отличнѣйшимъ вьючнымъ животнымъ для перевозки товаровъ черезъ пустыни Средней Азіи, даетъ шерсть, молоко, мясо, кожу и даже хорошее топливо въ видѣ своего помета или «кизяка» и въ довершеніе всего отличается изумительною неприхотливостью на кормъ. Неудивительно поэтому, что туркмены высоко цѣнятъ верблюда и ухаживаютъ за нимъ часто такъ же старательно, какъ и за лошадью. Что же касается коневодства въ области, то оно несомнѣнно переживаетъ въ настоящее время коренное измѣненіе. Кровный и породистый, отличающійся высокими качествами туркменскій конь или «атъ», стоимостью до 400—600 руб., въ силу измѣнившихся обстоятельствъ жизни, уступаетъ мѣсто лошади менѣе цѣнной, но болѣе пригодной для мирнаго дѣла землепашца и торговца. Такая лошадь по-туркменски называется «ябъ» и, не отличаясь никакими особенностями породы, представляетъ собою обыкновенную рабочую лошадь. Кромѣ названныхъ домашнихъ животныхъ, въ Закаспійской области разводится рогатый скотъ, козы и ослы. Помимо огромной пользы, какую приносятъ всѣ эти животныя въ домашнемъ быту, съ нихъ получаются еще весьма цѣнные продукты на продажу, а именно: шерсть, овчины и кожи, которые всегда находятъ себѣ хорошій сбытъ. Въ общемъ, едва ли можно сомнѣваться, что скотоводство въ Закаспійской области имѣетъ всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія и что, во всякомъ случаѣ, какъ привычное для туркменъ занятіе, оно можетъ служить весьма важнымъ источникомъ народнаго благосостоянія.

Сопоставляя все вышеизложенное, слѣдуетъ признать, что въ сельскохозяйственномъ отношеніи богатства Закаспійской области далеко не могутъ быть названы неисчерпаемыми, хотя, съ другой стороны, они и вовсе не суть ничтожны, какъ это многіе готовы думать на основаніи ложныхъ представленій о безплодности закаспійскихъ песковъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что, при надлежащихъ культурныхъ улучшеніяхъ, производительность области можетъ значительно возрости и русскому человѣку, въ этомъ отношеніи, предстоитъ здѣсь въ высшей степени благородная и отвѣтствен-

ная задача, не распатывая основъ туркменскаго общежитія и хозяйства, внести въ нихъ ту оживотворяющую струю знанія, которая и въ туркменскихъ кибиткакъ будетъ столь же плодотворна, какъ и повсюду. Особенно драгоцѣннымъ въ данномъ случаѣ является то довѣріе, съ которымъ бывшіе аламанщики или, попросту сказать, степные разбойники идутъ на встрѣчу разумнымъ культурнымъ вліяніямъ, коль скоро они убѣждаются въ ихъ не мнимой, а дѣйствительной полезности. Насколько я могъ убѣдиться, администрація Закаспійской области хорошо понимаетъ это и, по возможности, содѣйствуетъ культурному росту туркменскаго населенія.

Что касается минеральныхъ богатствъ Закаспійской области, то большинство ихъ не изслѣдовано съ достаточною подробностью. На основаніи же имѣющихся данныхъ нужно думать, что и они не особенно велики. Къ числу ихъ принадлежатъ: нефть, озокеритъ, сѣра, поваренная и глауберова соли, отчасти каменный уголь и различные строительные матеріалы. Наибольшую важность имѣютъ, конечно, тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются въ мѣстахъ, удобныхъ для сбыта. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ первыя четыре изъ указанныхъ минеральныхъ веществъ, мѣсторожденія которыхъ расположены въ полосѣ, тяготѣющей къ закаспійской желѣзной дороги и побережью Каспійскаго моря. Такъ, напримѣръ, нефть и озокеритъ находятся на островѣ Челекенѣ и въ Нефтяной горѣ, сѣра—во вновь открытомъ и, повидимому, весьма богатомъ мѣсторожденіи близъ ст. Бала-Ишемъ и поваренная соль—въ обширномъ солончакѣ Баба-Ходжа, лежащемъ между тою же станціей и Нефтяною горой. Такъ какъ туркмены занимаются горнымъ промысломъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, то русскій человѣкъ, нисколько не стѣсняя ихъ, можетъ свободно проявить въ этомъ направленіи свою предпріимчивость и знаніе и отъ его доброй воли зависитъ дать имъ надлежащее примѣненіе.

Короче сказать, въ Закаспійской области есть надъ чѣмъ поработать и, такимъ образомъ, пополнить то, что было сдѣлано до сихъ поръ, а сдѣлано не мало, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ полное умиротвореніе края, развитіе и упроченіе благосостоянія туземнаго населенія, при внимательномъ отношеніи къ его нуждамъ, улучшеніе путей сообщенія и быстрый ростъ закаспійскихъ городовъ: Кизылъ-Арвата, Асхабада, Мерва и друг. Особенное оживленіе въ различныхъ сферахъ областной жизни наступило за послѣдніе годы, при энергичномъ и просвѣщенномъ руководствѣ командующаго войсками Закаспійской области, генералъ-лейтенанта А. Н. Куропаткина, который съ живѣйшею заботливостью дѣлаетъ все зависящее отъ него для обезпеченія ея дальнѣйшаго культурнаго преуспѣянія.

Почти въ тѣхъ же физико-географическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ находится и сосѣднее съ Закаспійскою областью Бухарское ханство. Оффиціальная граница между ними совпадаетъ съ 956 вер. закаспійской желѣзной дороги и проходитъ среди сыпучихъ песковъ. Только верстахъ въ 12 отъ Аму-Дарьи характеръ мѣстности рѣзко измѣняется,—поя-я-

ются поля, сады и селенія, лежащія уже въ предѣлахъ Чарджуйскаго бекства, составляющаго западную окраину владѣній бухарскаго эмира. Мнѣ пришлось попасть сюда въ концѣ іюня, въ самый разгаръ уборки хлѣба и подготовки полей къ новымъ посѣвамъ, благодаря чему вся эта мѣстность казалась особенно оживленной. Повсюду виднѣлись полуобнаженныя, бронзовыя фигуры туземцевъ, которые, несмотря на палящій зной, кропотливо трудились надъ тщательною обработкой своихъ крохотныхъ земельныхъ участковъ. Крупнаго землевладѣнія и здѣсь не существуетъ, вслѣдствіе чего вся сельско-хозяйственная культура не только въ Чарджуйскомъ бекствѣ, но и во всемъ Бухарскомъ ханствѣ носитъ крайне интензивный характеръ. Иначе и быть не можетъ, когда бухарскому домохозяину въ деревнѣ приходится съ нѣсколькихъ «танаповъ», или, другими словами, меньше, чѣмъ съ одной десятины, собрать все, необходимое для существованія его семьи, что возможно, конечно, только при высокомъ плодородіи почвы, обиліи воды для ея орошенія и образцовой обработкѣ полевыхъ угодій съ широкимъ примѣненіемъ пріемовъ плодопеременнаго хозяйства.

Долина Аму-Дарьи, въ общемъ, довольно широка и покрыта такъ называемыми «тугаями», т.-е. болѣе или менѣе обширными зарослями камыша кустарниковъ и древесной растительности. Мѣстами тугаи прерываются и тогда рѣка течетъ въ пустынныхъ и довольно высокихъ песчано-глинистыхъ берегахъ. Обработанныя же земли занимаютъ въ долинѣ Аму-Дарьи несравненно меньшее пространство, чѣмъ тугаи. Само собою понятно, что количество культурныхъ земель по теченію Аму-Дарьи могло бы значительно возрости, если бы было усилено пользованіе ея водами для орошенія, что и подумываютъ въ настоящее время сдѣлать какъ въ Хивинскомъ, такъ и въ Бухарскомъ ханствахъ.

Весьма обширныя и наиболѣе осуществимыя гидротехническія работы предполагается произвести въ аму-дарьинской дельтѣ, которая занимаетъ площадь около 9,000 кв. вер. Ежегодные лѣтніе разливы рѣки оставляютъ для культуры не болѣе $^1/_{10}$ этой площади, все же остальное пространство сплошь покрывается водою, причемъ на сильно заболоченной почвѣ вода долго застаивается и нерѣдко вызываетъ различныя эпидемическія заболѣванія въ мѣстномъ населеніи. Между тѣмъ, до половины земель аму-дарьинской дельты слѣдуетъ отнести къ числу плодородныхъ. Въ то же время, къ западу отъ Аму-Дарьи, по направленію къ Сары-Камышской котловинѣ, находятся обширные, нѣкогда густо-населенные пустыри съ не менѣе плодородною почвой, которая можетъ быть вновь оживлена, при достаточномъ орошеніи. Отсюда возникаетъ слѣдующая гидротехническая задача—осушить часть дельты Аму-Дарьи, отведя избытокъ ея водъ для орошенія нынѣ заброшенныхъ земель. Послѣднее и предполагается достигнуть путемъ возобновленія канала Лаузанъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи. Каналъ этотъ существовалъ до 1852 г., когда хивинскій ханъ Сеидъ-Мохаммедъ, желая смирить возмутившихся туркменовъ, пользовавшихся водою Лаузана, велѣлъ заградить его плотиной. При возобновленіи этого канала, можно

было бы осушить до 100,000 дес. въ дельтѣ Аму-Дарьи и приблизительно столько же оросить къ западу отъ нея или, другими словами, увеличить площадь удобной для земледѣльческой культуры земли на 200,000 дес., которыя могли бы быть заселены не только мѣстными жителями, но и выходцами изъ Россіи.

Рядомъ съ этимъ проектомъ мнѣ приходилось слышать мечтанія объ еще болѣе грандіозныхъ гидротехническихъ сооруженіяхъ, долженствующихъ оросить водами Аму-Дарьи часть Бухарскаго ханства, лежащую по нижнему теченію р. Зеравшана. Исходнымъ пунктомъ такихъ мечтаній является, съ одной стороны, несомнѣнное и, притомъ, быстро прогрессирующее уменьшеніе воды въ низовьяхъ Зеравшана, вслѣдствіе постепенно усиливающагося разбора ея на орошеніе, преимущественно въ Самаркандской области, а съ другой—то соображеніе, что, при наличныхъ условіяхъ, въ вегетаціонный періодъ изъ общаго количества воды, которую несетъ Аму-Дарья, до 150 куб. саж. въ секунду уходитъ въ Аральское море безъ всякой пользы. Дѣйствительно, осушеніе указанной мѣстности совершается съ изумительною быстротой. Такъ, напримѣръ, окрестности Ходжа-Давлета до 1873 г. обильно орошались водами Зеравшана, но съ того времени обстоятельства съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе измѣняются. Усиленный расходъ воды въ среднемъ теченіи Зеравшана заставилъ жителей этой мѣстности покинуть свои цвѣтущія поля и передвинуться ближе къ Кара-Кулю. Одичавшая почва стала быстро подвергаться развѣиванію и уже къ 1887 г. здѣсь существовали зачатки барханов не ниже 0,5 саж. высоты. Въ настоящее же время они достигаютъ весьма внушительныхъ размѣровъ, погребая подъ собою заброшенныя поля, развалины домовъ и кое-гдѣ уцѣлѣвшіе остатки древесной растительности. Та же участь угрожаетъ и всему кара-кульскому оазису, который гибнетъ отъ недостатка воды. Даже Бухара нерѣдко на цѣлыя недѣли лишается мало-мальски сносной текучей воды и жители ея въ это время довольствуются какимъ-то отвратительнымъ щелокомъ изъ грязныхъ прудовъ или «хяузовъ». При такомъ недостаткѣ воды, обиліе ея въ Аму-Дарьѣ несомнѣнно. Сомнительна только техническая возможность проведенія ея на столь значительное разстояніе, на какомъ находятся отъ Аму-Дарьи Кара-Куль и Бухара.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время приходится радоваться даже и тому, что мало-по-малу у насъ устанавливается болѣе правильный взглядъ на значеніе текучихъ водъ въ Средней Азіи, на которыя до сихъ поръ мы обыкновенно смотрѣли не какъ на источникъ для орошенія, а какъ на средство сообщенія или какъ на источникъ рыбнаго промысла. Что касается условій плаванія по Аму-Дарьѣ, которая, казалось бы, должна быть наиболѣе подходящей для этого, то мнѣ лично пришлось испытать, насколько они благопріятны. Правда, моя поѣздка продолжалась всего только 12 час., но она была полна столь характерныхъ подробностей, что оставалось только радоваться ея кратковременности. Плаваніе наше отъ желѣзнодорожнаго моста у ст. Аму-Дарья вверхъ по рѣкѣ началось часовъ въ 7 утра

на мелкосидящемъ пароходѣ, который едва-едва справлялся съ быстрымъ теченіемъ, постоянно рискуя сѣсть на мель. Фарватеръ рѣки настолько измѣнчивъ, что лоцманы никакъ не могутъ приспособиться къ нему и обыкновенно ведутъ пароходы буквально ощупью. Хорошо, если пароходъ садится на мель, поднимаясь вверхъ по рѣкѣ,—тогда быстрое теченіе довольно скоро сноситъ его на болѣе глубокое мѣсто. При обратномъ же движеніи, посадка парохода на мель завершается поистинѣ плачевными послѣдствіями,—теченіе припираетъ его къ мели, быстро заволакивая песчано-глинистымъ иломъ, и нерѣдко пароходъ надолго грузнетъ въ немъ. Къ счастью, наши задержки на меляхъ были непродолжительны, тѣмъ не менѣе, часамъ къ 2 дня мы прошли всего только около 15 верстъ и, въ концѣ-концовъ, должны были остановиться за невозможностью найти достаточно глубокій проходъ черезъ крайне мелководный перекатъ. Дальнѣйшее наше движеніе совершалось уже на лодкѣ, но и ту мѣстами приходилось волокомъ тащить по дну. Обратное плаваніе было совершено вполнѣ благополучно и мы безпрепятственно проскочили даже черезъ наиболѣе опасныя мѣста, проплывши тѣ же самыя 15 верстъ менѣе чѣмъ въ часъ. Столь печальная обстановка плаванія по Аму-Дарьѣ далеко не случайна, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ многолѣтній опытъ аму-дарьинской казенной флотиліи, пароходы которой не могутъ совершать срочныхъ рейсовъ по Аму-Дарьѣ. Едва ли будутъ лучше ходить и пароходы частныхъ лицъ или компаній, такъ какъ неуспѣхъ судоходства по Аму-Дарьѣ зависитъ не столько отъ постановки дѣла, сколько отъ свойствъ самой рѣки. Протекая по рыхлому и легкоразмываемому грунту, среди по большей части низменныхъ береговъ и имѣя чрезвычайно быстрое теченіе, Аму-Дарья постоянно мѣняетъ свое русло. Безъ преувеличенія можно сказать, что вся дѣятельность ея сосредоточивается на непрерывномъ перемѣщеніи фарватера съ одного мѣста на другое. Благодаря этому, въ ложѣ ея весьма быстро возникаютъ мели и острова въ наиболѣе глубокихъ мѣстахъ и, въ то же время, съ не меньшею быстротой промываются глубокія русла среди острововъ и тугаевъ. Радомъ съ этимъ идетъ чрезвычайно быстрая работа разрушенія береговъ съ одной, преимущественно правой, стороны и нарощенія ихъ съ другой. Неудивительно, что, при такихъ обстоятельствахъ, пароходы аму-дарьинской казенной флотиліи, несмотря на продолжительность удобнаго для судоходства времени въ году, работаютъ чрезвычайно вяло. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 1892 г. ими было перевезено: пассажировъ 1,658 человѣкъ и грузовъ—132,292 пуда. Еще съ грѣхомъ пополамъ они могутъ удовлетворять военнымъ надобностямъ, но только подъ условіемъ безсрочности ихъ движенія. Срочная же перевозка ими частныхъ грузовъ по многимъ причинамъ представляется пока неисполнимой. Въ столь же скромныхъ и неустойчивыхъ размѣрахъ совершается и рыболовство по Аму-Дарьѣ, что объясняется, съ одной стороны, недостаткомъ опытныхъ рыболововъ, а съ другой — сравнительною малорыбностью рѣки. Во всякомъ случаѣ, виднаго промысла аму-дарьинское рыбо-

ловство не представляетъ, а потому и значеніе его въ народномъ хозяйствѣ крайне ничтожно, особенно при сопоставленіи съ тѣмъ громаднымъ значеніемъ, которое могла бы имѣть Аму-Дарья какъ обильный источникъ воды для орошенія.

Къ сожалѣнію, при наличной самостоятельности Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ, трудно разсчитывать, чтобы вышеуказанныя мечтанія о расширеніи ирригаціонной сѣти въ ихъ предѣлахъ нашли себѣ скорое осуществленіе, такъ какъ ни то, ни другое изъ названныхъ ханствъ не располагаетъ для этого достаточными средствами. Впрочемъ, присоединеніе ихъ къ Россіи составляетъ только вопросъ времени. Важнымъ шагомъ въ этомъ отношеніи является уже фактически осуществляемое, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 6 іюля 1894 года, включеніе Хивы и Бухары въ таможенную черту Россійской имперіи. Основаніемъ такого мѣропріятія служитъ то обстоятельство, что до самаго послѣдняго времени Закаспійская область была лишена организаціи таможеннаго надзора на основаніяхъ, принятыхъ для другихъ пограничныхъ мѣстностей Имперіи. Такимъ образомъ, здѣсь легко могла развиться иностранная контрабанда, не говоря уже о серьезныхъ стѣсненіяхъ нашей торговли, что въ свою очередь крайне невыгодно отражалось на дѣятельности закаспійской желѣзной дороги. Существеннымъ препятствіемъ къ устройству въ Закаспійской области правильнаго таможеннаго надзора служило, главнымъ образомъ, ея географическое положеніе, благодаря которому охраненію должна была подвергаться граница области не только съ Персіей и Афганистаномъ, но также съ Хивой и Бухарой. Охранять границу столь значительнаго протяженія было бы крайне дорого, а въ нѣкоторыхъ частяхъ ея такая охрана, по мѣстнымъ условіямъ, была бы прямо невозможна. Охраненіе же границъ области только со стороны Персіи и Афганистана не достигало бы цѣли, такъ какъ, при таможенной независимости Бухары, взимающей съ иностранныхъ товаровъ «зякетъ» въ размѣрѣ 2,5% съ ихъ цѣны, эти послѣдніе легко могли бы проникать черезъ нее и такимъ образомъ водворяться внутри Имперіи. Кромѣ того, независимость Бухары въ таможенномъ отношеніи представляла и другія неудобства. Дѣло въ томъ, что закаспійская желѣзная дорога пересѣкаетъ Бухарское ханство или, другими словами, проходитъ черезъ иностранное въ таможенномъ смыслѣ государство. Вслѣдствіе этого, всѣ русскіе грузы, перевозимые по этой дорогѣ, по необходимости должны были на конечныхъ станціяхъ подвергаться извѣстнымъ таможеннымъ формальностямъ, что, несмотря на всѣ принятыя мѣры къ облегченію послѣднихъ, увеличивало накладные расходы по перевозкѣ и замедляло движеніе грузовъ. Кромѣ всего этого, сырье хивинскаго и бухарскаго происхожденія ввозится въ Россію безпошлинно и свободно конкуррируетъ на нашихъ внутреннихъ рынкахъ съ однородными товарами, доставляемыми Туркестанскимъ краемъ и Закаспійскою областью; между тѣмъ какъ чай, индиго и нѣкоторые другіе товары иностраннаго происхожденія, вывозимые изъ Бухарскаго ханства въ русскія владѣнія,

облагались у насъ довольно значительною пошлиной, благодаря чему русскіе подданные, одноплеменные съ бухарцами и живущіе рядомъ съ ними, не пользуясь никакими преимуществами по сбыту своихъ сырыхъ произведеній, несли налогъ, неизвѣстный подданнымъ бухарскаго эмира. Всѣ вышеуказанныя осложненія сразу устраняются включеніемъ Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ въ русскую таможенную черту съ однороднымъ тарифомъ для всей Средней Азіи отъ восточнаго побережья Каспійскаго моря до границъ Китая или, правильнѣе, до Памировъ, гдѣ должна заканчиваться цѣпь таможенныхъ постовъ, причемъ бухарскому эмиру предполагается предоставить безпошлинный провозъ иностранныхъ товаровъ для его личныхъ надобностей на сумму въ 15.000,000 кокановъ или на 2.250,000 р. Такимъ образомъ, Хивинское и Бухарское ханства уже фактически потеряли свою экономическую независимость. Такой исходъ нашихъ таможенныхъ мѣропріятій по отношенію къ средне-азіатскимъ ханствамъ является тѣмъ болѣе важнымъ, что Бухара издавна представляла собою одинъ изъ крупнѣйшихъ средне-азіатскихъ торговыхъ центровъ. Европейская Россія и Персія, Афганистанъ и Индія, Хива и Закаспійская область, Туркестанскій край и области Степного генералъ-губернаторства, наконецъ, значительная часть Западнаго Китая уже въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ вели съ нею непосредственныя и обширныя торговыя сношенія. До проведеніе черезъ Бухарское ханство закаспійской желѣзной дороги Бухара сосредоточивала въ своихъ стѣнахъ важнѣйшіе средне-азіатскіе торговые склады и вела огромную оптовую торговлю какъ собственными, такъ и иностранными товарами. Отпуская ихъ въ кредитъ и имѣя свою высокоправную золотую и серебряную монету, она, вмѣстѣ съ этимъ, держала въ своихъ рукахъ курсъ на обращавшіеся въ ея предѣлахъ иностранные денежные знаки и потому играла весьма властную роль центральной биржи для всѣхъ другихъ средне-азіатскихъ торговыхъ рынковъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, облегчившей непосредственныя торговыя сношенія между заинтересованными въ нихъ лицами, эта роль Бухары была значительно ограничена, особенно послѣ того, какъ русское правительство установило принудительный курсъ на обращающуюся въ русскихъ владѣніяхъ серебряную бухарскую монету—«теньгу». Въ окончательномъ результатѣ нашихъ таможенныхъ мѣропріятій въ Средней Азіи слѣдуетъ ожидать, что Бухара совершенно утратитъ значеніе главенствующаго биржевого центра и перейдетъ на болѣе скромное положеніе торговаго посредника между Европейскою Россіей и азіатскими рынками.

Помимо всего этого, властная рука Россіи даетъ себя чувствовать по[ду] въ Бухарскомъ ханствѣ. Особенно рѣзко сказывается ея вліяніе по[сл]и закаспійской желѣзной дороги, которая проходитъ въ предѣлахъ [ха]нства около 300 вер. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Средней Азіи, [ру]сскій человѣкъ чувствуетъ себя какъ дома, и мѣстное населеніе охотно [сл]ивается съ этимъ, быстро приспособляясь къ новымъ условіямъ своего [су]ществованія, въ чемъ я могъ лично убѣдиться во время моихъ поѣздокъ

по Бухарскому ханству. Даже тѣ изъ бухарцевъ, которые, казалось бы, должны были особенно ревниво оберегать свою независимость, на самомъ дѣлѣ съ большою готовностью идутъ на встрѣчу русскому вліянію. Таковъ, напримѣръ, молодой и очень родовитый чарджуйскій бекъ Хайдаркулъ, который произвелъ на меня весьма выгодное впечатлѣніе при личной бесѣдѣ съ нимъ. Онъ отлично понимаетъ и только изъ скромности не говоритъ по-русски и поддерживаетъ самыя дружественныя отношенія со многими изъ русскихъ, живущихъ въ его бекствѣ при ст. Аму-Дарья. Онъ внимательно прислушивается къ ихъ мнѣніямъ и совѣтамъ и охотно слѣдуетъ имъ. Изъ числа окружающихъ его укажу еще на одного изъ переводчиковъ, довольно интеллигентнаго молодого человѣка, Ассадъ-бекъ-Асланова, который, между прочимъ, съ живѣйшимъ усердіемъ готовъ служить интересамъ научнаго изученія этнографическихъ особенностей туземнаго населенія.

Особенно сильное впечатлѣніе производитъ прочное водвореніе русскаго элемента на ст. Бухара, лежащей въ 12 вер. къ югу отъ Старой Бухары. Въ первый разъ я прибылъ на нее часовъ въ 8 веч. и былъ пораженъ тѣмъ многолюднымъ и изысканнымъ обществомъ, какое я увидалъ прогуливающимся по станціонной платформѣ. Отличные туалеты, общее оживленіе и почти полное отсутствіе азіатскаго элемента невольно заставляли думать, что находишься гдѣ-нибудь въ центрѣ Россіи, а не въ странѣ, гдѣ еще недавно иностранцы являлись или рабами, или только подъ охраной посольскихъ полномочій. Въ противномъ же случаѣ они рисковали жизнью за удовольствіе побывать въ предѣлахъ Бухарскаго ханства. Новая Бухара ростетъ чисто по-американски. Много строеній въ ней уже построено, но еще больше строится. Въ настоящее время преобладаютъ пока зданія, выстроенныя для русскихъ казенныхъ учрежденій, между которыми особенно выдѣляется домъ Россійско-Императорскаго политическаго агентства въ Бухарѣ съ православною церковью при немъ. Во главѣ этого учрежденія стоитъ извѣстный изслѣдователь Средней Азіи П. М. Лессаръ, который, помимо исполненія своихъ прямыхъ и, притомъ, очень тяжелыхъ обязанностей, не мало трудится надъ благоустройствомъ нашей бухарской колоніи. Существеннымъ недостаткомъ Новой Бухары является ея безводіе, съ устраненіемъ котораго она несомнѣнно станетъ еще болѣе разростаться. Туземные капиталисты пока еще сдержанно относятся къ этому домостроительному увлеченію, но вскорѣ, по всей вѣроятности, и они подчинятся ему, подбадриваемые примѣромъ самого бухарскаго эмира, весьма склоннаго при случаѣ зашибить лишнюю копѣйку.

Со Старою Бухарой закаспійская желѣзная дорога соединена прекр - нѣйшимъ шоссе, по которому въ хорошемъ рессорномъ извощичьемъ эк - пажѣ я доѣхалъ до Бухары менѣе, чѣмъ въ часъ. На всемъ пути, по с - ронамъ дороги, виднѣлись тщательно воздѣланныя поля и многочисленн я усадьбы, похожія на наши хутора. Попадались и селенія, утопавшія ъ зелени садовъ, и, наконецъ, начались предмѣстья, незамѣтно сливающіяся ъ

городомъ. Европейскій путешественникъ тщетно будетъ искать здѣсь блеска и величія, которыя мы привыкли связывать съ представленіемъ объ азіатскихъ городахъ, какими они рисуются намъ въ сказочномъ ореолѣ *Тысячи и одной ночи*. На самомъ дѣлѣ [illegible] видитъ передъ собой грязнѣйшій городъ, съ узкими немощеными улицами, которыя головоломнымъ лабиринтомъ вьются среди однообразныхъ сѣровато-бурыхъ стѣнъ обывательскихъ глинобитныхъ построекъ. Изрѣдка попадаются каналы и пруды съ грязною, въ видѣ щелока, водою, которою бухарцы съ удовольствіемъ утоляютъ свою жажду. Пыль, вонь и духота обращаютъ пребываніе въ Старой Бухарѣ въ самоотверженный подвигъ и только интересъ новизны могъ удержать меня въ ней на нѣкоторое время. Самыми людными мѣстами въ ней являются базары или попросту толкучки. Обыкновенно они представляютъ длиннѣйшіе, прикрытые циновками ходы съ жалкими лавчонками по сторонамъ. Признаться сказать, только побывавши на бухарскихъ толкучкахъ, я понялъ, гдѣ слѣдуетъ искать прототипъ приснопамятнаго Московскаго Гостинаго двора или теперешняго Охотнаго ряда въ Москвѣ. Въ лавчонкахъ грошевые запасы мѣстныхъ и привозныхъ товаровъ, между которыми преобладаютъ русскія мануфактурныя издѣлія. Впрочемъ, на бухарскомъ рынкѣ раньше имѣлась даже иностранная мануфактура, преимущественно англійская, но бухарцы обыкновенно скрывали ее, опасаясь русскаго вліянія на эмира, который теперь уже безсиленъ допускать или не допускать ее въ свои владѣнія. Передъ каждою лавочкой группа людей, которые не столько покупаютъ, сколько говорятъ, обмѣниваясь новостями и впечатлѣніями дня. Большинство пьетъ чай изъ большихъ круглыхъ чашекъ [illegible] «піоля». Чаще всего употребляется зеленый чай индѣйскаго происхожденія. Для огромнаго большинства средне-азіатскаго населенія чай составляетъ предметъ первой необходимости, съ одной стороны, какъ пищевой продуктъ, а съ другой—за отсутствіемъ потребленія спиртныхъ напитковъ, какъ хорошее возбудительное средство. Обычнымъ мѣстомъ потребленія чая служатъ особыя чайныя, называемыя «чайхане», гдѣ мѣдный кувшинъ зеленаго чая, вмѣщающій въ себѣ до 3 большихъ чашекъ, обходится потребителю не болѣе копѣйки, что дѣлаетъ чай доступнымъ самымъ бѣднымъ классамъ населенія и даже нищимъ. Къ сожалѣнію, съ установленіемъ новыхъ таможенныхъ порядковъ онъ долженъ сильно вздорожать и, такимъ образомъ, бѣдное населеніе будетъ лишено возможности потреблять его. Базарная толпа въ Бухарѣ состоитъ преимущественно изъ мужчинъ и только изрѣдка появляются въ ней женщины, закутанныя съ ногъ д[illegible]оловы въ особый, обыкновенно синяго цвѣта, балахонъ съ густою в[illegible]сяною сѣткой на лицѣ. Не менѣе своеобразна однородность толпы, ч[illegible] придаетъ ей, такъ сказать, рѣзкій демократическій характеръ. Населе[illegible] Бухары составляется, главнымъ образомъ, изъ слѣдующихъ трехъ эт[illegible]скихъ элементовъ: узбековъ, таджиковъ и евреевъ. Хотя первые и с[illegible]ъ у кормила правленія Бухарскимъ ханствомъ, тѣмъ не менѣе, они б[illegible]е таджиковъ и евреевъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ

отношеніяхъ. Любимымъ занятіемъ ихъ служитъ сельское хозяйство и лишь только немногіе изъ нихъ занимаются торговлею. Таджики составляютъ преобладающую часть населенія Бухары. Они несравненно дѣятельнѣе и живѣе узбековъ, хотя и уступаютъ имъ въ нравственномъ отношеніи. Богато одаренные отъ природы, они, къ сожалѣнію, крайне односторонне направляютъ свои силы къ достиженію одной только жизненной цѣли, а именно — къ наживѣ. Евреи въ Бухарѣ пользуются весьма ничтожными гражданскими правами, хотя и живутъ въ бухарскихъ городахъ съ незапамятныхъ временъ. Они не имѣютъ права ѣздить верхомъ, что составляетъ крупное лишеніе въ странѣ, гдѣ пѣшкомъ почти никто не ходитъ. Они не могутъ носить тюрбановъ на головѣ и должны облекаться не въ пестрые, а лишь только въ темные одноцвѣтные халаты, которые обязаны подпоясывать не иначе, какъ веревкой, въ знакъ того, что они всегда могутъ быть на ней повѣшены. Тѣмъ не менѣе, далеко нельзя сказать, чтобы въ Бухарѣ они чувствовали себя болѣе несчастными, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ своей осѣдлости. Кромѣ названныхъ народностей, въ Бухарѣ живутъ индусы, афганцы, персы, киргизы, каракалпаки, туркмены, татары и т. д. Помимо торговли, многіе изъ этихъ народностей привлекаются сюда какъ въ центръ духовнаго просвѣщенія, гдѣ въ многочисленныхъ учебныхъ заведеніяхъ изучаются правила религіи и все то, что надлежитъ знать правовѣрному магометанину. Блуждая по улицамъ Бухары, я заглянулъ въ одну изъ такихъ школъ, которую легко было найти по неистовому дѣтскому гаму, раздававшемуся въ ея незатѣйливыхъ стѣнахъ. По шаріату, всѣ мальчики обязаны посѣщать начальную школу и обучаться чтенію Корана. Обыкновенно дѣти вмѣстѣ съ учителемъ выкрикиваютъ буквы, склады, слова и фразы, медленно совершенствуясь въ чтеніи и пониманіи прочитаннаго, о чемъ, впрочемъ, бухарскіе педагоги и не особенно заботятся. Немногимъ шире курсъ обученія въ высшихъ училищахъ или «медрессе», въ которыхъ, однако, ученики нерѣдко засиживаются до глубокой старости. Весьма характерно, что въ Бухарѣ нѣтъ государственныхъ учебныхъ заведеній и всѣ они возникли и поддерживаются исключительно только на частныя пожертвованія. Въ связи съ обиліемъ медрессе въ Бухарѣ находится обиліе лицъ духовнаго званія, но за то, съ другой стороны, здѣсь почти совсѣмъ не видно военнаго элемента. Бухарскихъ солдатъ или «сарбазовъ» я увидалъ, случайно попавши въ ихъ казармы. По внѣшности сарбазы имѣютъ видъ опереточныхъ статистовъ и на нихъ больше чѣмъ, въ чемъ-либо другомъ, чувствуется фальшь того наружнаго культурнаго лоска, какимъ щеголяетъ теперь бухарскій эмиръ и его придворные. Войско его свѣтлости представляетъ сбродъ оборванцевъ, неуклюже ломающихся подъ звуки русской команды и даже обмундированныхъ по русскому покрою. Общая численность бухарской арміи простирается до 3,200 человѣкъ въ возрастѣ отъ 15 до 50 лѣтъ. Нечего и говорить, что самъ бухарскій эмиръ ни на волосъ не вѣритъ своей карикатурному воинству и, въ случаѣ какихъ-либо внутреннихъ осложне-

ній, поспѣшитъ стать подъ защиту русскаго оружія. Кстати сказать, нынѣшній эмиръ не пользуется особенною привязанностью народа, который отлично понимаетъ истинное положеніе дѣлъ и отнюдь не обманываетъ себя относительно будущности Бухарскаго ханства, совершенно примиряясь съ неизбѣжностью предстоящихъ событій. Такое настроеніе народа, только изрѣдка волнуемаго магометанскимъ духовенствомъ, является слѣдствіемъ какъ общаго хода событій въ Средней Азіи, такъ и чрезвычайно тактичнаго отношенія къ бухарскимъ интересамъ со стороны Россійско-Императорскаго политическаго агентства въ Бухарѣ, на которомъ лежатъ весьма трудныя и отвѣтственныя обязанности по ближайшему руководству дѣлами въ Бухарскомъ ханствѣ. Менѣе всего указанное настроеніе бухарскаго народа слѣдуетъ относить на счетъ щедро расточаемыхъ нами передъ бухарскимъ эмиромъ любезностей, какихъ онъ совершенно не заслуживаетъ.

На 1,254 вер. закаспійская желѣзная дорога покидаетъ владѣнія бухарскаго эмира и вновь вступаетъ въ русскіе предѣлы. Отсюда начинается Самаркандская область, входящая въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Полотно дороги слѣдуетъ здѣсь теченію р. Зеравшана и поѣздъ все время бѣжитъ по окраинѣ цвѣтущаго и плотно населеннаго Зеравшанскаго оазиса, пока не врѣзывается въ него, теряясь въ зелени садовъ, густо разростающихся по многочисленнымъ арыкамъ. Здѣсь нѣтъ недостатка въ водѣ, и чѣмъ ближе къ Самарканду, тѣмъ обильнѣе наполняетъ она арыки, тѣмъ чаще попадаются кишлаки и тѣмъ гуще становится растительность. Поѣздъ незамѣтно подбѣгаетъ къ ст. Самаркандъ, которая, какъ и весь городъ, утопаетъ въ тѣнистой зелени деревьевъ. Со стороны желѣзной дороги нѣтъ общаго вида на городъ, до котораго отъ станціи версты 3—4. Но хорошіе парные извощичьи экипажи и непрерывная вереница зданій по сторонамъ исправнаго шоссе дѣлаютъ переѣздъ до города незамѣтнымъ.

Фактическое водвореніе русской власти въ Самаркандѣ совершилось 2 мая 1868 г., когда горсть русскихъ храбрецовъ, обративъ въ бѣгство однимъ только своимъ смѣлымъ движеніемъ на высоты Чапанъ-ата многотысячную бухарскую армію, заняла цитадель города. За истекшія съ тѣхъ поръ 26 лѣтъ Самаркандъ совершенно измѣнилъ свой внѣшній обликъ. Въ настоящее время онъ рѣзко раздѣляется на двѣ части: русскую и туземную. Первая значительно меньше и возникла недавно. Она скрыта въ чащѣ густой, искусственно разведенной лѣсной растительности, состоящей изъ высокихъ тополей, бѣлыхъ акацій, карагачей и т. п. Такое обиліе растительности крайне вредно отражается на санитарномъ состояніи города, [к]оторое, по оффиціальнымъ даннымъ, оставляетъ желать очень многаго и, [п]реждѣ всего, болѣе разумнаго примѣненія къ мѣстнымъ условіямъ, чего, [в]прочемъ, русское населеніе Самарканда пока не находитъ нужнымъ дѣлать. [Р]астительность здѣсь такъ густа, что въ 1892 г. послѣдовало распоряже[н]іе г. военнаго губернатора Самаркандской области о вырубкѣ на улицахъ [л]ишнихъ деревьевъ въ цѣляхъ улучшенія санитарныхъ условій города.

Почва русской части Самарканда, повидимому, страшно загрязнена. Начать съ того, что большая часть русскихъ построекъ возведена на мѣстѣ древнихъ и обширныхъ кладбищъ. Затѣмъ, хотя въ городѣ не мало шоссированныхъ улицъ, но это нисколько не уменьшаетъ пыли и заставляетъ прибѣгать къ частымъ поливкамъ изъ проложенныхъ по краямъ улицъ арыковъ съ грязною водой. Въ довершеніе всего, отхожія мѣста при домахъ обыкновенно вовсе не очищаются, а просто заваливаются землею, и, наконецъ, помойныя ямы встрѣчаются во дворахъ только какъ исключеніе. Короче сказать, русскій человѣкъ обставилъ себя въ Самаркандѣ на чисто-азіатскій ладъ и, повидимому, весьма мало тяготится условіями своего существованія. Что же касается общественной жизни, то она складывается здѣсь по обычному для нашихъ провинціальныхъ городовъ шаблону, и въ этомъ отношеніи русскій Самаркандъ, несмотря на свою относительную молодость, отличается удивительною безцвѣтностью, если только не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей, живо интересующихся тѣмъ богатымъ научнымъ матеріаломъ, который даютъ населеніе, исторія и природа Самаркандской области. Туземная часть города непосредственно примыкаетъ къ русской и состоитъ изъ тѣсно скученныхъ и до крайности однообразныхъ глинобитныхъ построекъ, между которыми вьется нескончаемый лабиринтъ узенькихъ и грязныхъ улицъ. Какъ и въ Бухарѣ, дома строятся здѣсь безъ оконъ на улицу, благодаря чему улицы имѣютъ необыкновенно пустынный и безжизненный видъ. Дворъ каждаго домохозяина замкнутъ и почти замурованъ, какъ будто обитатели его ежеминутно ожидаютъ непріятельскаго нашествія или продѣлываютъ какія-либо не человѣческія вещи. Единственное разнообразіе на улицахъ составляютъ жалкія лавчонки, чайхане и многочисленныя мечети. Наиболѣе людною и оживленною частью въ туземномъ Самаркандѣ служитъ обширный базаръ и въ особенности такъ называемый «ригистанъ», на которомъ расположены развалины трехъ огромныхъ медрессе Тилля-кари, Ширъ-даръ и Улугъ-бекъ. Я не буду описывать этихъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ зданій, равно какъ и другихъ памятниковъ былого величія Самарканда, и скажу только, что они гибнутъ съ изумительною быстротой. Особенно сильно пострадали медрессе и мечеть Биби-ханымъ, построенная Тамерланомъ въ 1399 г. въ честь его любимой жены. Судя по жалкимъ остаткамъ этого великолѣпнаго и колоссальнаго зданія, нужно думать, что она отличалась необыкновенною грандіозностью. Никакихъ мѣръ къ сохраненію уцѣлѣвшихъ частей этого зданія не принимается и, не будучи даже огороженными, онѣ быстро разрушаются, при дѣятельномъ участіи самаркандскихъ жителей, которые съ величайшимъ стараніемъ обдираютъ цвѣтные изразцы со стѣнъ Биби-ханымъ и растаскиваютъ отсюда отличный кирпичъ на свои домашнія постройки. Лучше другихъ сохранились тѣ медрессе, въ которыхъ понынѣ живутъ учащіеся. Кстати сказать, Самаркандъ даже и теперь представляетъ не менѣе важный духовный центръ средне-азіатскаго магометанства, чѣмъ Бухара. Въ его 23 медрессе числится около 800 учениковъ, и

Кромѣ того въ 83 низшихъ школахъ или «мактабахъ» обучается 1,222 ученика, что составляетъ весьма значительный процентъ на 23,000 жителей туземной магометанской части города. Наиболѣе вліятельными разсадниками духовнаго просвѣщенія являются, конечно, медрессе, но, къ сожалѣнію, одностороннее направленіе даваемаго ими образованія и замкнутый, однообразный складъ школьной жизни вырабатываютъ изъ ихъ воспитанниковъ или слѣпыхъ фанатиковъ, или отчаянныхъ ханжей, безбожно эксплуатирующихъ народъ и являющихся яркими представителями тѣхъ тупо-консервативныхъ идей, которыя составляютъ главный тормазъ въ умственномъ развитіи средне-азіатскихъ народовъ. При этомъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что, при новыхъ требованіяхъ жизни, передовая часть туземнаго населенія, повидимому, уже не удовлетворяется знаніями, предлагаемыми этими учрежденіями, и едва ли потребуется много усилій, чтобы побороть вѣковую косность здѣшнихъ правовѣрныхъ послѣдователей Магомета и, такимъ образомъ, пріобщить ихъ къ семьѣ научно-просвѣщенныхъ народовъ. Пока-же въ Самаркандѣ почти ничего для этого не дѣлается и туземное населеніе его продолжаетъ жить крайне замкнуто, вступая въ общеніе съ русскими почти исключительно только на почвѣ административныхъ и торговыхъ интересовъ. Самаркандцы любятъ поторговать и по цѣлымъ днямъ торчатъ на базарѣ, гдѣ всегда толпится народъ. Но особенно многолюдной становится здѣсь толпа въ базарные дни, когда люди, лошади, ослы, верблюды и арбы снуютъ между лавками по всѣмъ направленіямъ. Торговля Самарканда довольно значительна, какъ это можно видѣть изъ данныхъ переводной операціи мѣстнаго отдѣленія государственнаго банка. Такъ, напримѣръ, въ 1892 году общая сумма переведенныхъ изъ Самарканда денегъ составила 2.244,400 руб, а въ него было переведено 4.810,000 р. Впрочемъ, не всѣ поступающія въ Самаркандъ деньги остаются въ немъ, такъ какъ нѣкоторая часть ихъ отсылается по почтѣ въ другіе города Туркестанскаго края. Переводы изъ Самарканда въ указанномъ году въ % распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: на Москву 47%, на Кіевъ 22%, на Нижній-Новгородъ 5% и на другіе города 26%. Что же касается переводовъ въ Самаркандъ, то они шли изъ Москвы въ размѣрѣ 49%, изъ Варшавы съ Лодзью 23%, изъ Петербурга 12% и изъ другихъ городовъ 16%. Такимъ образомъ, первое мѣсто въ торговыхъ операціяхъ съ Самаркандомъ принадлежитъ Москвѣ, причемъ главнымъ предметомъ ихъ служатъ хлопокъ и мануфактурные товары. Съ неменьшимъ усердіемъ занимаются самаркандцы также и сельскимъ хозяйствомъ, въ особенности садоводствомъ. Откуда бы ни подъѣзжать къ Самарканду, всегда приходится долго ѣхать садами, огороженными [illegible]няными заборами. Большинство садовъ представляетъ небольшой четыре[illegible]льникъ, обсаженный по заборамъ въ одинъ или нѣсколько рядовъ тополями, [illegible]омъ, тутомъ и джидой. Часто попадаются виноградники. Повсюду проведены [illegible]ки, а мѣстами вырыты пруды, обсаженные густолиственными деревьями, что [illegible]тъ хорошую тѣнь и ослабляетъ испареніе. Изъ фруктовыхъ деревьевъ [illegible]е всего разводятъ: урюкъ (абрикосы), яблоки, груши, сливы, аль-бу-

хару, персики, вишни, черешни, миндаль, грѣцкіе орѣхи, фисташки и винныя ягоды. Все это даетъ хорошіе урожаи и служитъ источникомъ немаловажнаго дохода для мѣстнаго населенія. Не менѣе успѣшно ведется въ окрестностяхъ Самарканда огородничество и полевое хозяйство. Послѣднее имѣетъ здѣсь столь же интензивный характеръ, какъ и повсюду въ среднеазіатскихъ оазисахъ. Вообще, слѣдуетъ сказать, что здѣшнее коренное населеніе, таджики и узбеки, не сидитъ сложа руки и въ своей разносторонней дѣятельности проявляетъ много смѣтки, понятливости, переимчивости и честности, т.-е. такія качества, которыя, при разумномъ и авторитетномъ руководствѣ, обѣщаютъ дать весьма цѣнные результаты.

Подводя итогъ всему вышеизложенному, я, прежде всего, долженъ сказать, что далеко не исчерпалъ всего видѣннаго и слышаннаго мною за время моихъ странствованій въ Закаспійской области, Бухарскомъ ханствѣ и Туркестанскомъ краѣ. Но, не имѣя возможности разсказать обо всемъ въ подробностяхъ, остановлюсь только на самомъ существенномъ.

Въ силу историческихъ причинъ, авторитетъ русской власти за послѣднія 30 лѣтъ широкою волной охватилъ всю Среднюю Азію или, правильнѣе сказать, весь русскій Туркестанъ. Трудно сказать, гдѣ остановится эта волна и до какихъ предѣловъ достигнетъ ея могучее вліяніе. Несомнѣнно только, что она ростетъ, а не понижается, и, быть можетъ, кровавыя событія, совершающіяся нынѣ на дальнемъ Востокѣ, создадутъ условія, при которыхъ она охватитъ большую часть азіатскаго континента или, по крайней мѣрѣ, тѣ страны его, гдѣ исповѣдуется магометанская религія. Такимъ образомъ, Россійская имперія, постепенно разростаясь на юго-востокѣ, все болѣе и болѣе втягиваетъ въ себя тѣ обветшалыя народности, на которыя исторія давно уже наложила печать культурной косности, представляющей собою, однако, нѣчто цѣльное и самобытное. Основнымъ элементомъ этой самобытности является тотъ духовный цементъ, который связываетъ всѣ эти народности и какимъ является магометанство съ его глубоко-демократическою закваской. Строго говоря, магометанство представляетъ собою не столько господствующее въ данной странѣ вѣроученіе, сколько властную основу ея народной и политической жизни. Отсюда вытекаетъ подавляющее значеніе духовной власти, какое мы видимъ во всѣхъ магометанскихъ странахъ, гдѣ все зиждется на Коранѣ и гдѣ все предусмотрѣно правилами религіи. Благодаря этому, всѣ общественные союзы въ магометанскомъ мірѣ носятъ характеръ духовныхъ общинъ, въ которыхъ пища, одежда, жилища, личное поведеніе, государственный строй, администрація, финансы, политика,—короче сказать, вс разъ навсегда опредѣлено и никакимъ измѣненіямъ не подвергается. Слѣ ствіемъ такой опредѣленности коренныхъ устоевъ народной жизни въ м гометанскихъ странахъ являются крайне своеобразныя бытовыя черт въ которыхъ безпристрастный наблюдатель найдетъ много симпатичнаг хотя, въ то же время, его поразятъ ужасающіе пороки, которые дѣлаю

атмосферу магометанства грязной и душной. Всего сильнѣе растлѣвающее вліяніе магометанства сказывается въ сферѣ духовныхъ интересовъ. Коранъ сковываетъ умъ правовѣрнаго масульманина самыми тяжкими оковами невѣжества. Онъ гаситъ всякую пытливость ума, всѣ проявленія духа свободнаго изслѣдованія и, въ концѣ-концовъ, создаетъ такое рабство мысли, при которомъ общественное развитіе становится невозможнымъ.

Тѣ же особенности мы видимъ и въ магометанскихъ народностяхъ Средней Азіи, причемъ наибольшее значеніе въ культурномъ отношеніи имѣютъ здѣсь таджики или сарты, представляющіе собой этническіе обломки какого-то первобытнаго арійскаго племени. Всѣ они мусульмане фанатическаго пошиба и, въ то же время, одарены богатымъ запасомъ духовныхъ силъ, которыя и помогли имъ сохраниться въ вихрѣ пережитыхъ ими историческихъ невзгодъ. Прирожденная способность къ физической и умственной работѣ и великое искусство подчинять себѣ природу нерѣдко тяжелымъ трудомъ и обращать безпріютныя пустыни въ цвѣтущіе оазисы выработали въ этой народности изумительную выносливость, которая, благодаря переходамъ изъ рукъ одного тирана въ руки другого, пріобрѣла еще большую эластичность. Неудивительно, что, сталкиваясь съ другими менѣе культурными народностями, таджики, уступая имъ въ отношеніи матеріальной силы, быстро перевоспитывали ихъ на свой ладъ и, такимъ образомъ, сравнительно легко возстановляли свое господствующее положеніе. Послѣднею культурною побѣдой ихъ было полное ассимилированіе узбековъ, нѣкогда угрожавшихъ окончательно стереть ихъ съ лица земли. Въ настоящее время, съ водвореніемъ русской власти въ Средней Азіи, таджики не утратили своего передового положенія въ составѣ ея народностей и даже стремятся подчинить своему духовному вліянію туркменовъ и киргизовъ, всячески стараясь ослабить ихъ религіозный индифферентизмъ. Свою пропаганду они ведутъ съ величайшею напряженностью, высылая въ степныя кочевья цѣлую армію проповѣдниковъ, воспитываемыхъ и обучаемыхъ въ хивинскихъ, бухарскихъ и самаркандскихъ медрессе. Само собою разумѣется, что ничего противугосударственнаго въ такой дѣятельности нѣтъ, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что путы магометанства угрожаютъ охватить такіе элементы среднеазіатскаго населенія, которые въ настоящее время представляютъ почти дѣвственную почву для облагораживающихъ культурныхъ вліяній. Въ случаѣ же успѣха миссіи сартскихъ пропагандистовъ въ средѣ туркменовъ, киргизовъ и друг. народностей Средней Азіи, культурныя задачи Россіи здѣсь сильно осложнятся, въ особенности при возможномъ дальнѣйшемъ территоріальномъ расширеніи ея среднеазіатскихъ владѣній на счетъ сосѣднихъ странъ съ магометанскимъ населеніемъ. Такое усиленіе магометанскихъ элементовъ въ составѣ Россійской имперіи едва ли останется безъ вліянія на общій ходъ ея государственной жизни и, во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, заставитъ съ собою считаться. Такимъ образомъ, по мѣрѣ расширенія сферы русскаго вліянія въ глубь Азіи, передъ нами постепенно выростаетъ магометанскій

вопросъ. Трудно сказать, будемъ ли мы въ рѣшеніи его счастливѣе, чѣмъ англичане, которымъ приходится, между прочимъ, считаться съ нимъ въ остъиндскихъ владѣніяхъ. Какъ бы то ни было, но и сейчасъ уже магометанскій вопросъ даетъ себя чувствовать намъ въ Средней Азіи и невольно заставляетъ учесть тѣ силы, съ которыми мы подходимъ къ его разрѣшенію.

Немаловажное внѣшнее воздѣйствіе на туземное населеніе, прежде всего, конечно, производитъ нашъ военный элементъ, которому пришлось, да, вѣроятно, еще и долго придется играть весьма видную роль въ Средней Азіи. Правда, если разсматривать его какъ грубую матеріальную силу, то едва ли онъ, въ особенности при постоянныхъ перемѣнахъ въ личномъ составѣ нашихъ войскъ, можетъ благотворно повліять на духовное міросозерцаніе магометанскаго населенія вообще и арійскаго въ частности. Но, съ другой стороны, туземное населеніе не можетъ не сознавать, что тайна внѣшняго завоевательнаго успѣха Россіи заключается не столько въ ея матеріальныхъ преимуществахъ, сколько въ нравственномъ и идейномъ превосходствѣ, которое не менѣе могуче, чѣмъ пушки и штыки. Сознаніе это, однако, преходяще, какъ преходящи и условія для проявленія указаннаго превосходства въ военной обстановкѣ, а потому и сфера просвѣщающаго вліянія русскаго военнаго элемента на магометанское населеніе Средней Азіи является крайне узкой. Что касается русской администраціи въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ, то предѣлы ея культурнаго вліянія на мѣстное населеніе несравненно шире, хотя оно распространяется не столько на внутреннія, сколько на внѣшнія стороны его жизни. Не могу при этомъ не отмѣтить весьма гуманнаго и внимательнаго отношенія русской администраціи къ жизненнымъ интересамъ управляемыхъ ею народностей. Особенно пріятно поразила меня та предупредительность, съ какою русскій чиновникъ идетъ на встрѣчу этимъ интересамъ, разговаривая съ туземцемъ не на русскомъ, а на его родномъ языкѣ. Правда, это не исключаетъ возникающей по временамъ шероховатости во взаимныхъ отношеніяхъ, но, во всякомъ случаѣ, осязательно указываетъ на доброжелательность побѣдителей къ побѣжденнымъ. Я не говорю уже объ упроченіи гражданскаго порядка и устраненіи тѣхъ соціальныхъ неурядицъ, которыя страшно угнетали народную жизнь при прежнемъ режимѣ. Все это, конечно, прекрасно сознается туземнымъ населеніемъ, но никакого вліянія на его духовный міръ не производитъ. Скажу даже больше: если бы завтрашній день русскія войска и русская администрація покинули области, входящія въ составъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, то населеніе ихъ тотчасъ же возвратилось бы къ тѣмъ формамъ гражданственности, какія господствовали здѣсь искони вѣковъ. Совершенно иначе относятся туземцы къ тѣмъ культурнымъ нововведеніямъ, которыя составляютъ гордость современной науки и техническаго прогресса, каковы, напримѣръ, желѣзныя дороги, ирригаціонныя сооруженія, примѣненіе механическихъ двигателей въ различныхъ производствахъ, улучшенія въ сельско-хозяйственной практикѣ и т. п

Они хорошо знаютъ практическую цѣну этимъ нововведеніямъ и, конечно, не откажутся отъ нихъ ни при какихъ обстоятельствахъ, всячески стараясь эксплуатировать ихъ въ своихъ интересахъ. Несомнѣнно, что культурное значеніе всѣхъ вводимыхъ нами техническихъ новшествъ громадно, но и они весьма мало вліяютъ на общій строй духовныхъ интересовъ мѣстнаго населенія, которое лишь смутно чувствуетъ могущество знанія и всѣ преимущества дисциплинированной научной мысли. О прямомъ воздѣйствіи на религіозныя воззрѣнія туземцевъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ даже наиболѣе индифферентные изъ нихъ, туркмены и киргизы, весьма ревниво оберегаютъ неприкосновенность своего вѣроученія. Благодаря этому, христіанское миссіонерство не имѣетъ здѣсь никакого успѣха и просвѣщающее вліяніе русскаго православнаго духовенства на туземное населеніе крайне ничтожно. Остается упомянуть еще о торговыхъ сношеніяхъ, но само собою понятно, что они ограничиваются только сферой дѣловыхъ интересовъ. Правда, «купонъ» и здѣсь пытается захватить въ свои лапы все, чѣмъ только можетъ овладѣть, но пока дальше туземныхъ кармановъ власть его не простирается. Наконецъ, кромѣ русскаго торговаго люда, въ Средней Азіи есть еще какъ осѣдлый, такъ и бродячій русскій элементъ. Первый представленъ переселенцами изъ внутреннихъ губерній, которые, по своей малочисленности и неприспособленности къ мѣстнымъ условіямъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ ни на кого и ни на что вліять не могутъ и даже сами нуждаются въ дѣятельномъ руководствѣ. Что же касается бродячей Руси, то о ней лучше и не вспоминать, такъ какъ ко всѣмъ порокамъ, гнѣздящимся въ нѣдрахъ правовѣрнаго мусульманства, она прибавляетъ еще два: проституцію и пьянство. Въ Самаркандѣ, напримѣръ, существуетъ цѣлый кварталъ, въ домахъ котораго проституція обратилась въ профессіональное занятіе. Рядомъ съ этимъ, на всемъ протяженіи закаспійской желѣзной дороги, меня всюду поражали цѣлыя горы изъ пивныхъ и водочныхъ ящиковъ. Кабацкая атмосфера даетъ себя чувствовать уже въ Узунъ-Ада, гдѣ повседневное пьянство идетъ на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, въ «Закаспійскомъ медвѣдѣ» и друг. подобныхъ же заведеніяхъ. То же самое мы видимъ и въ остальныхъ мѣстахъ русской осѣдлости. Все это, конечно, съ одной стороны, крайне унижаетъ русскаго человѣка въ глазахъ туземнаго населенія, а съ другой—глубоко развращаетъ это послѣднее.

Таковы культурныя силы, которыми мы располагаемъ въ Средней Азіи для возрожденія ея богатоодаренныхъ арійскихъ и другихъ народностей, окаменѣвшихъ въ путахъ магометанскаго невѣжества. Этихъ силъ достаточно, чтобы повліять только на внѣшнюю сторону жизни туземнаго населенія, да и то съ рискомъ направить ее по пути «распивочно и на вынось». Никакого другого вліянія онѣ оказать не могутъ. Для этого нужно нѣчто большее, нужно широкое просвѣщеніе, которое только одно можетъ пошатнуть духовную косность туземцевъ и, такимъ образомъ, ввести ихъ въ кругъ высшихъ культурныхъ интересовъ. Къ сожалѣнію, средства наши въ этомъ отношеніи крайне ничтожны, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Во всемъ Тур-

кестанскомъ краѣ въ 1893 г. числилось русскихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній 90, съ 258 учащими и 4,124 учащимися. Изъ нихъ русско-туземныхъ школъ было всего 23, а учащихся въ нихъ 533. Кромѣ этого, при 15 училищахъ существовали вечерніе курсы для взрослыхъ туземцевъ, желающихъ обучаться русской грамотѣ и счету. Число посѣщавшихъ эти курсы доходило до 400. Нечего и говорить, что указанные итоги весьма скромны. Еще болѣе скромны они для Закаспійской области. Такое малое число учебныхъ заведеній не удовлетворяетъ потребности въ нихъ даже русскаго населенія, которое посылаетъ своихъ дѣтей учиться въ Баку, Оренбургъ и поволжскіе города. Туземцы же остаются почти безъ всякихъ средствъ къ европейскому просвѣщенію, хотя нѣкоторая часть ихъ и теперь уже не прочь учиться и такимъ образомъ вступить въ духовное общеніе съ своими побѣдителями. Надо замѣтить, что мѣстная администрація хорошо видитъ все это и дѣлаетъ, что только можетъ, для развитія учебнаго дѣла въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ, но крайняя скудость средствъ служитъ сильною помѣхой для этого. Остается только пожелать, чтобы помѣха эта была возможно полнѣе и скорѣе устранена и чтобы успѣхи просвѣщенія въ Средней Азіи были столь же обширны, какъ обширна въ ней и сфера политическаго вліянія Россіи.

В. Соколовъ.

Изъ литературныхъ наблюденій.

В. И. Ламанскій произнесъ въ петербургскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ рѣчь, которою довольно много занималась наша ежедневная печать. Ораторъ, съ одной стороны, каялся, съ другой стороны—уповалъ. Изъ интродукціи мы узнаемъ, что г. Ламанскій былъ *далекъ отъ престола*, что у него было много знакомыхъ, что онъ *имѣлъ довольно вѣрныя свѣдѣнія и понятія*. Намъ сообщено затѣмъ, что почтенный ораторъ «*примкнулъ къ разряду людей, благодаря Бога, все возростающему у насъ. Это—смирные люди всѣхъ сословій и состояній*». Къ властямъ и начальствамъ (охъ, плеоназмъ!) они почтительны, но ничего у нихъ не заискиваютъ и никого не боятся, кромѣ Бога. Меньшинство такихъ смирныхъ, почтительныхъ и, въ то же время, безстрашныхъ людей, обладая высокимъ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ, «составляетъ истинные верхи общества, здоровую и нормальную интеллигенцію Русской земли. Отзывы такихъ современниковъ о настоящемъ образуютъ голосъ страны или общественное мнѣніе, а отзывы ихъ о болѣе или менѣе недавнемъ прошломъ скорѣе подходятъ, какъ бы его предугадывая, къ суду потомства».

Скромно, какъ подобаетъ почтительному къ начальствамъ человѣку зарекомендовавши свою особливую компетентость при обсужденіи вопросовъ настоящаго и событій недавняго прошлаго, г. Ламанскій обозрѣваетъ участіе Россіи въ европейской исторіи нынѣшняго вѣка. Тутъ онъ высказываетъ нѣсколько вѣрныхъ, хотя и не новыхъ соображеній, доказывающихъ вредъ отъ нашего вмѣшательства для поддержки реакціонныхъ элементовъ въ Европѣ. Было бы лучше, справедливо полагаетъ г. Ламанскій, если бы хоть часть громадныхъ денегъ, употребленныхъ на венгерскую к[illegible]анію, напримѣръ, мы положили на освобожденіе крестьянъ, на народное о[illegible]зованіе, на улучшеніе путей сообщенія.

Но въ эпоху войны за освобожденіе Болгаріи ораторъ, по его собс[illegible]ному признанію, не принадлежалъ еще къ истиннымъ верхамъ смирн[illegible]ъ людей и потому горячо сочувствовалъ этой войнѣ; теперь онъ на[illegible]аетъ ее благороднымъ, донкихотскимъ подвигомъ мечтательности и сан[illegible]тализма.

Конецъ рѣчи В. И. Ламанскаго посвященъ надеждамъ и пожеланіямъ для новаго царствованія. Да поднимется въ это царствованіе,—восклицаетъ ораторъ,—матеріальное благосостояніе милліоновъ крестьянскаго сословія, главной основы могущества и богатства Русскаго государства, «какъ введеніемъ наибольшей равномѣрности въ нашей податной системѣ, такъ и облегченіями посредствомъ крестьянскихъ банковъ пріобрѣтать сельскимъ общинамъ предназначаемыя въ продажѣ за неуплату долга заложенныя въ дворянскомъ банкѣ имѣнія. Да приметъ, наконецъ, государство на свой счетъ содержаніе старыхъ и заведеніе новыхъ народныхъ школъ, дабы нынѣ расходуемыя на народныя школы суммы земство могло употребить на дороги и прочія нужды. Пожелаемъ, чтобы всякій благой личный починъ частныхъ лицъ или цѣлыхъ обществъ встрѣчалъ все менѣе преградъ, воздвигаемыхъ канцелярскимъ порядкомъ, нерѣдко убивающимъ частную энергію и только поселяющимъ гибельное взаимное недовѣріе между государствомъ и обществомъ, чтобы русская печать становилась все болѣе и болѣе искреннимъ выразителемъ чувствъ и мыслей русскаго общества, дабы лесть не смѣшивалась съ преданностью, а честное, искреннее указаніе недостатковъ не принималось за злонамѣренность. Да широко развиваются въ нашемъ отечествѣ земледѣліе, промышленность и торговля, да процвѣтаютъ искусства и науки и да распространяется въ немъ просвѣщеніе въ духѣ христіанской свободы и терпимости ко всѣмъ иноученіямъ, такъ какъ свѣтъ Христовъ не боится лжи и вѣра христіанская, основанная на личной человѣческой свободѣ и божественной благодати, не терпитъ и не допускаетъ принужденія».

Мы могли бы только привѣтствовать эту «эволюцію» г. Ламанскаго, еслибъ не видѣли въ его воззрѣніяхъ на наши внутреннія отношенія остатка такого же вреднаго въ политическомъ смыслѣ полумистическаго сантиментализма, какой имъ осуждается въ русской международной политикѣ. Въ частности, мы, конечно, отъ души сочувствуемъ желанію г. Ламанскаго, чтобы русская печать становилась все болѣе и болѣе искреннею, чтобъ у ней былъ достаточный просторъ для борьбы съ злоупотребленіями и недостатками въ общественномъ строѣ. Но какъ мы радуемся, когда права печати обезпечиваются не восклицательными знаками, а хорошимъ, независимымъ судомъ! Такой случай произошелъ недавно. Извѣстнаго писателя Е. Л. Маркова и газету *Новое Время* обвинялъ въ диффамаціи судебный слѣдователь Родиславскій. Г. Марковъ защищался самъ, и вотъ въ какихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ говорилъ онъ о задачахъ и общественномъ значеніи печати. На судебномъ слѣдствіи по дѣлу г. Хмѣлевскаго выяснилась полная юридическая негодность предварительнаго слѣдствія, которое велъ г. Родиславскій. Е. Л. Марковъ, указавши на обстоятельства дѣла, говорилъ суду: «Какой честный человѣкъ, дорожащій судьбою нашего правосудія, присутствуя на такомъ громогласномъ крахѣ предварительнаго слѣдствія, на такомъ публичномъ обличеніи несправедливости его, могъ бы воздержаться и не крикнуть въ порывѣ душевной боли другимъ честнымъ л-

лямъ: «Господа, да подойдите же сюда! да посмотрите же, что тутъ дѣлается!...» Могъ ли же воздержаться отъ этого громкаго крика негодованія писатель-публицистъ, привыкшій въ теченіе своей долгой литературной дѣятельности высказываться съ горячею искренностью по вопросамъ, такъ близко затрогивающимъ насущнѣйшіе интересы общества? Не только могъ, но и долженъ ли былъ? Не было ли его святою обязанностью указать на серьезную опасность для авторитета правосудія, для суда и правъ каждаго изъ насъ отъ такого отсутствія гарантій нашихъ, безъ того немногочисленныхъ правъ, отъ такой безпрепятственной возможности играть нашею честью!?»

Е. Л. Марковъ прибавляетъ, что онъ не могъ забыть, гдѣ онъ находился: не въ глухомъ застѣнкѣ старыхъ судовъ, а на публичномъ и гласномъ новомъ судѣ. Именно эта публичность и гласность составляютъ органическую основу и плодотворный характеръ новаго суда, обезпеченіе правосудія. Самъ судъ и общество «всегда призывали къ себѣ, какъ манну небесную, эту публичность и гласность, справедливо считая какъ бы неразрывною составною частью новаго судопроизводства широкое участіе въ немъ общественнаго мнѣнія, съ одной стороны—въ лицѣ печати, съ другой стороны—въ лицѣ суда присяжныхъ, которымъ ввѣряется даже самая участь подсудимыхъ».

«Мы, русскіе,—говорилъ Е. Л. Марковъ,—и безъ того не избалованы излишествомъ правъ, и безъ того достаточно уже молчаливы, сдержанны и робки; мы и безъ того не избалованы излишествомъ правъ и чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы являлась необходимость преслѣдовать судебными карами всякій искренній голосъ, поднятый даже на такую скромную защиту этихъ правъ и этого достоинства».

Г. Маркова особенно удивило то, что походъ противъ гласности и свободы мнѣній былъ поднятъ въ настоящемъ случаѣ представителемъ учрежденія, весь внутренній смыслъ котораго въ гласности и искренности сужденія. «Законъ обязанъ, конечно, всѣми зависящими отъ него средствами охранять своихъ гражданъ отъ нахальнаго вторженія въ святыню ихъ семейной и личной жизни, отъ публичнаго закидыванія грязью чести и добраго имени своихъ общественныхъ дѣятелей. Я не юристъ,—прибавилъ г. Марковъ,—и не берусь судить, возможно ли провести законодательнымъ путемъ точную грань, гдѣ кончается легкомысленное или преступное посягательство на спокойствіе и честь личности и гдѣ должна начинаться необходимая въ каждомъ просвѣщенномъ обществѣ свобода сужденій честнаго писателя о дѣлахъ и дѣятеляхъ близкой ему общественной жизни. Для меня достаточно указать, что въ нашихъ законахъ о печати этой границы еще не проведено, а пока ее не проведутъ, серьезные публицисты и критики общественныхъ дѣлъ невольно будутъ попадаться, какъ въ настоящемъ случаѣ попался и я, такъ сказать, въ одинъ общій неводъ съ людьми, злоупотребляющими публичнымъ словомъ».

Конецъ рѣчи г. Маркова такъ хорошъ, что читатели не посѣтуютъ на меня за то, что я приведу довольно большую выдержку.

«Вашъ приговоръ, гг. судьи,—сказалъ талантливый писатель,—будетъ важенъ не для одного меня, но и для воспитанія общественной совѣсти. Судъ поучаетъ своими приговорами еще убѣдительнѣе и нагляднѣе, чѣмъ школа своими уроками,—поучаетъ не дѣтей только, а цѣлый народъ. Призваніе суда—обуздывать злую волю; но гдѣ же во всемъ этомъ дѣлѣ злая воля? Вы видите это яснѣе, чѣмъ кто-либо, поэтому-то я и убѣжденъ твердо, что ваша совѣсть ни въ чемъ не обвинитъ меня. Вы не захотите нанести незаслуженный ударъ нашей и безъ того достаточно вялой и робкой общественной мысли, не захотите наложить еще одну лишнюю узду на далеко не прытkую русскую печать и помѣшать ей исполнять высокую задачу свою—«быть невидимымъ, но громко вопіющимъ свидѣтелемъ неправды, творимой въ предполагаемой тьмѣ и безгласности», какъ блестяще выразился въ своей замѣчательной рѣчи по дѣлу Аристова нашъ талантливый криминалистъ оберъ-прокуроръ Кони, который призналъ предъ лицомъ сената нравственнымъ долгомъ писателя «вести борьбу путемъ печатнаго оглашенія съ проявленіями грубаго произвола и явнаго неисполненія или искаженія должностными лицами обязанностей, налагаемыхъ на нихъ потерявшимъ ихъ уваженіе закономъ». Нашъ гласный судъ всегда былъ естественнымъ союзникомъ печати, и печать, съ своей стороны, была всегда его дѣятельнѣйшимъ и полезнѣйшимъ сотрудникомъ. Печать нашу поносятъ часто и много, и у печати нашей есть, безъ сомнѣнія, свои грѣхи, хотя враговъ у нея гораздо больше, чѣмъ грѣховъ, и хотя такъ мало еще сознаютъ у насъ серьезныя государственныя заслуги нашей печати. Вамъ, гг. судьи, лучше чѣмъ кому-нибудь извѣстно, что во всѣхъ великихъ реформахъ и благодѣтельныхъ мѣрахъ нашей государственной и общественной жизни, во всѣхъ спасительныхъ обличеніяхъ нашихъ народныхъ язвъ русская печать постоянно являлась передовымъ піонеромъ, самоотверженно прокладывавшимъ первые пути и открывавшимъ новые горизонты, тысячеглазымъ сторожемъ народныхъ интересовъ. Но печать, гг. судьи, не бумага съ чернилами: печать—это писатели. Разите своими суровыми приговорами писателей за всякое слово, сказанное не по вкусу тѣхъ, чьи дѣйствія они судятъ, вынуждайте ихъ даже ихъ жалкій «эзоповскій» языкъ заслонить Молчалинымъ—и печать погибла. Молчалины и Тартюфы одни выступятъ царствовать въ ней. А разить не трудно. Разверните первый попавшійся нумеръ любой газеты, и я вамъ въ каждомъ столбцѣ ея найду добрую дюжину диффамацій, оскорбленій и клеветъ. А жалобщики, обвинители сейчасъ найдутся, только дайте имъ поблажку вашими карательными судебными приговорами. Къ счастью, суды наши не особенно балуютъ этихъ черезъ-чуръ цѣломудренныхъ охранителей своей чести, чѣмъ и сдерживаютъ въ надлежащемъ руслѣ ихъ слишкомъ навязчивый напоръ, тѣмъ менѣе можно ожидать, чтобы при такомъ тѣсномъ взглядѣ на свои обязанности суды наши стали бы поощрять нерадивыхъ или неу-

лыхъ дѣятелей изъ своей собственной среды, которые, подъ благовиднымъ предлогомъ оскорбленнаго достоинства, вздумали бы обезпечить себѣ съ помощью суда безотвѣтственность за свою служебную распущенность. Просвѣщенные суды наши, конечно, хорошо понимаютъ, что ихъ высокимъ цѣлямъ принесетъ гораздо больше пользы честная гласная критика судебнаго дѣла, вызывающая такой же откровенный гласный отпоръ, чѣмъ вздутое самолюбіе судебныхъ дѣятелей, имѣющихъ свои поводы прятаться за китайскую стѣну».

Петербургская судебная палата оправдала и г. Маркова, и газету *Новое Время*. Этотъ справедливый приговоръ вызоветъ хоть маленькій вздохъ облегченія у редакторовъ русскихъ повременныхъ изданій и у русскихъ публицистовъ, для которыхъ святы независимость и достоинство печатнаго слова. А какъ необходимо поднять это достоинство, оградивъ эту независимость! Слѣдуетъ ли осуждать писателей, которые стремятся къ тому, чтобы къ концу XIX вѣка не могли быть приложены слова поэта Я. П. Полонскаго:

„Стала свѣтомъ недосказанная ложь,
Недосказанная правда стала тьмой".

И теперь не часты случаи, когда съ живымъ вниманіемъ и сочувствіемъ подходишь къ беллетристическому произведенію или къ публицистической статьѣ. И тѣмъ больше, разумѣется, удовольствія, когда такое рѣдкое ожиданіе не обманывается, когда приходится прочесть статью и найти въ ней и бодрую мысль, и искреннее чувство. Одною изъ такихъ статей была для меня *Высшая цѣль* г. Меньшикова въ ноябрьской книжкѣ *Недѣли*.

«Ужасно грустно бываетъ видѣть,—говоритъ г. Меньшиковъ,—вдумчивыхъ, честныхъ людей, которыхъ мучаетъ тайный недугъ сомнѣнія, неразрѣшеннаго вопроса: что дѣлать?» мы видимъ вокругъ себя, что добрые—несчастны, что нѣтъ утѣшенія честнымъ». Отчего это происходитъ? По собственной винѣ людей, полагаетъ авторъ: «Добрые не были бы несчастными, если бы были *вполнѣ* добры. Честные не тосковали бы, если бы были *до конца* честными». И г. Меньшиковъ доказываетъ, что учитель, любящій дѣло и дѣтей, и самъ будетъ счастливъ, и внесетъ счастье въ дѣтскій міръ; что преданный своей задачѣ докторъ, какъ бы ни были неблагопріятны условія его практической дѣятельности, если ему не надоѣстъ, не опротивѣетъ эта дѣятельность,—можетъ быть счастливъ сознаніемъ честно исполненнаго долга и той пользы, которую онъ, все-таки, приноситъ своимъ больнымъ», и т. д.

Въ этомъ, конечно, есть значительная доля правды. Для самоотверженія для миссіонерства много, черезъ-чуръ много мѣста во всѣхъ европейскихъ обществахъ и среди полудикихъ племенъ другихъ частей свѣта. Совершенствованіе—необходимое нравственное требованіе къ себѣ самому. «Нравственное совершенствованіе, улучшеніе своей души, — говоритъ г. Меньшиковъ, — есть высшая цѣль, которую можетъ выбрать колеблю-

щійся умъ. Не знаете, *что дѣлать?* Занимайтесь своею совѣстью, и вы узнаете, что дѣлать».

Колеблющійся умъ, замѣтимъ мы на это, долженъ, разумѣется, прежде всего, сдѣлать попытку или рядъ попытокъ выйти изъ такого состоянія: иначе онъ не будетъ способенъ ни къ какой осмысленной и планомѣрной дѣятельности. Но можно выразить сомнѣніе, чтобы *занятіе своею совѣстью* всегда выводило человѣка изъ мукъ сомнѣнія, и нерѣшительности. Самыя эти муки свидѣтельствуютъ, что человѣкъ занимается именно своею совѣстью. Для успокоенія совѣсти, для возможности бодрой работы, соединенной съ личнымъ удовлетвореніемъ, нужна отчетливая общественная цѣль, необходимы и нѣкоторыя обезпеченія того, что вашъ трудъ не пропадетъ даромъ или не будетъ въ любую минуту прерванъ. Для мысли, для нравственной работы нужна та же безопасность, какъ и для труда физическаго. Въ пустынѣ, вблизи хищныхъ кочевниковъ, первоначально строятъ крѣпости, а не школы. У меня опустятся руки и я охладѣю къ своему дѣлу, если примусь строить домъ, а по ночамъ у меня постоянно будутъ растаскивать брезна, похищать кирпичи...

Г. Меньшиковъ, отвѣчая на возраженія, которыя были сдѣланы противъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ его статей, говоритъ, что онъ не только не отступаетъ отъ либерализма, но утверждается въ немъ. Онъ вовсе не призываетъ къ устраненію отъ борьбы съ общественнымъ зломъ, къ успокоенію въ личномъ самодовольствѣ. «Для чего же, спрашивается,—возражаетъ г. Меньшиковъ,—тогда и нравственное совершенство, и что оно такое, какъ не борьба со зломъ, гдѣ бы оно ни встрѣчалось? Не устраняйтесь отъ зла, а самоотверженно вступайте съ нимъ въ битву, но напередъ обезпечьте же себѣ какіе-нибудь шансы побѣды, вооружитесь же сколько-нибудь, соберитесь съ силами!»

Послѣднее требованіе и справедливо, и практично, относительно же перваго утвержденія возможно и сомнѣніе: само по себѣ стремленіе къ нравственному самосовершенствованію, къ спасенію души, отнюдь не заключаетъ въ себѣ элемента борьбы съ общественнымъ зломъ. Можно и удалиться отъ міра для того, чтобы всецѣло заняться собственною совѣстью.

«Я проповѣдую,—говоритъ г. Меньшиковъ далѣе,—вовсе не смиреніе, не покорность всему,—напротивъ! Такое *смиреніе* я считаю, къ несчастію, уже существующимъ и широко распространеннымъ, и считаю его основою всѣхъ золъ. *Къ добру и злу постыдно равнодушны*, мы *ничѣмъ не жертвуемъ ни злобѣ, ни любви.* Это общее равнодушіе къ идеаламъ жизни заставляетъ терпѣть безконечное множество мелкихъ золъ, борьба съ ко[т]орыми для *всякаго* доступна, поддерживаетъ стихію безправія, въ которо[й] какъ въ азотѣ, хирѣетъ живое общество».

Вотъ это мужественныя слова! Но на слѣдующей страницѣ мы читае[м] сантиментальныя строки о всемогуществѣ любви. Заклятый врагъ буде[тъ] васъ слушать,—говоритъ г. Меньшиковъ,—если увидитъ, что вы душев[но] къ нему расположены и безоружны. А если не выслушаетъ? «Тогда ум

ляйте его, обнимите ему колѣни: *бей, но выслушай!*—говоря словами греческаго героя. А если врагъ побьетъ и, все-таки, не выслушаетъ? Все-таки, просите слова, хотя бы съ опасностью жизни».

Я не стану долго возражать противъ такой системы борьбы со зломъ,—она грѣшитъ крайнимъ индивидуализмомъ, полнымъ игнорированіемъ общественнаго зла и общественныхъ средствъ борьбы съ нимъ. Существуетъ, положимъ, законъ о диффамаціи путемъ печати. Я не стану умолять г. Родиславскаго и обнимать ему колѣни (не говоря уже о дальнѣйшихъ фазахъ предначертаннаго г. Меньшиковымъ способа борьбы со зломъ), не стану упрашивать его, чтобы онъ не преслѣдовалъ такимъ некрасивымъ образомъ газету и писателя. Я, какъ публицистъ, долженъ буду доказывать, что зло не въ г. Родиславскомъ, а въ несправедливомъ законѣ. Положимъ, чьи-либо колѣнопреклоненныя моленія въ данномъ случаѣ избавили бы г. Маркова и *Новое Время* отъ суда. Было ли бы это хорошо? Отнюдь нѣтъ, потому что въ общественномъ смыслѣ слова неизмѣримо большее нравственное значеніе имѣетъ оправдательный приговоръ, который вынесенъ общественнымъ судомъ.

«Подъемъ нравственности,— пишетъ г. Меньшиковъ,— потому есть самое необходимое дѣло, что именно отъ него зависитъ и политическое устройство, и просвѣщеніе, и миръ, и даже матеріальный достатокъ». Я боюсь, что, быть можетъ, неправильно понимаю почтеннаго автора; но и эта его мысль мнѣ представляется невѣрною или, по крайней мѣрѣ, односторонней. Я, напримѣръ, полагаю, что просвѣщеніе подымаетъ нравственность, что знаніе увеличиваетъ матеріальный достатокъ, что оно же ведетъ къ созданію такихъ учрежденій, которыя наилучшимъ образомъ удовлетворяютъ цѣлямъ общежитія.

Общество состоитъ изъ разнородныхъ по умственному развитію, по нравственнымъ качествамъ и по имущественному положенію людей. Если я, по чистой совѣсти, посовѣтую молодому и богатому человѣку заняться самосовершенствованіемъ, то для фабричныхъ рабочихъ, напримѣръ, я пожелаю хорошихъ законовъ, справедливыхъ и энергичныхъ фабричныхъ инспекторовъ. Образованное меньшинство приходитъ къ сознанію, что такое-то учрежденіе,—положимъ, нашъ старый приказный судъ,—не удовлетворяетъ цѣлямъ правосудія, стало быть, въ общемъ вредитъ нравственному развитію людей и понижаетъ нравственный уровень всего общества. Что надо дѣлать этому меньшинству? Конечно, не погружаться въ свою совѣсть, а добиваться введенія гласнаго, независимаго, устнаго, праваго суда. Для [illegible]наго самосовершенствованія этого не нужно: пострадать за правду, лѣть [illegible]ять героически просидѣть совсѣмъ безвинно въ отвратительной тюрьмѣ [illegible]умереть въ тюремной больницѣ, сохранивъ при этомъ чистоту души,—да [illegible] подвигъ! Если бы поменьше было возможности для подобныхъ подвиговъ,—замѣтимъ мы,—какъ это было бы хорошо, сколько большихъ нравственныхъ силъ пошло бы на большое творческое дѣло!

Какъ ни высока цѣль самосовершенствованія, — допустимъ, что она,

какъ утверждаетъ г. Меньшиковъ, *высшая цѣль*,— все же нельзя согласиться съ заключеніемъ автора. «Не спрашивайте, — говоритъ онъ, — что дѣлать, а дѣлайте что-нибудь *съ любовью* къ людямъ. Истинная любовь укажетъ, что въ данное время нужнѣе всего людямъ».

Эту мысль давно уже высказывалъ и Н. С. Лѣсковъ въ сказкѣ *Часъ воли Божіей*. Ея односторонность, по моему мнѣнію, очевидна, и я не понимаю, какъ можетъ впадать въ такую односторонность писатель, призывающій на борьбу съ общественнымъ зломъ,—вѣдь, это зло надо опредѣлить, отличить отъ добра, вѣдь, для этого надо имѣть ясное сознаніе того, какіе общественные порядки хороши, какіе плохи и вредны. Одной любви къ людямъ тутъ мало,—вѣдь, и госпожа Простакова любила Митрофанушку. Если у меня есть любовь къ людямъ,—да разумъ, кромѣ того,—такъ я непремѣнно буду спрашивать: что дѣлать во имя этой любви? Куда всего лучше, всего нужнѣе направить силы, этою любовью согрѣваемыя? Если же у меня въ душѣ нѣтъ любви, то она все равно не возникнетъ отъ призывовъ къ самосовершенствованію. Предписанія *люби ближняго* я поэтому и не исполню, но *я* могу исполнить другія предписанія: не убивай, не грабь, не оскорбляй другихъ. За этими требованіями стоитъ общественное мнѣніе, общественный порядокъ. Они являются необходимымъ условіемъ для нравственнаго совершенствованія для всѣхъ людей, за исключеніемъ героевъ, мощный духъ которыхъ ростетъ въ испытаніяхъ и мукахъ. Справедливо ли требовать такой нравственной силы отъ средняго человѣка?

Врачи знаютъ, что для здороваго развитія организма нужно опредѣленное количество опредѣленныхъ пищевыхъ веществъ, чистый воздухъ и т. п. Конечно, люди выживаютъ и въ условіяхъ, которыя ниже нормы; но сколько при этомъ преждевременно умираетъ? Сколько гибнетъ понапрасну, не достигши разцвѣта своихъ силъ, не отдавши обществу того, что общество истратило на ихъ воспитаніе? Не слѣдуетъ ли позаботиться, чтобъ устранёнъ былъ азотъ, дыша которымъ хирѣетъ живое общество?

Наши русскіе споры рѣдко кончаются толкомъ: стороны или замолкаютъ, или ссорятся. Виновато тутъ и наше неумѣнье въ общественныхъ дѣлахъ, и наше иной разъ чрезмѣрное самолюбіе. Много ли можно насчитать *полемическихъ случаевъ*, когда одинъ изъ противниковъ дѣлалъ уступки, соглашался съ замѣчаніями другого противника? Не знаю, признаетъ ли что-либо вѣрнымъ въ моихъ возраженіяхъ г. Меньшиковъ, но думаю, что возраженія эти могутъ быть не безполезны для нѣкоторыхъ читателей. *Высшая цѣль* написана искренно, горячо, талантливо; въ ней много вѣрнаго; но односторонняя моральная точка зрѣнія автора, по моему мнѣнію, можетъ принести значительный вредъ для правильнаго развитія нашей общественной жизни.

Не могу не отмѣтить съ живѣйшимъ сочувствіемъ тѣхъ страницъ статьи г. Меньшикова, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніи идей и идеаловъ къ жизни, къ дѣйствительности.

Отозвавшись въ восторженныхъ выраженіяхъ о Бѣлинскомъ, авторъ приводитъ выдержку изъ его извѣстнаго письма: «Мы живемъ въ страшное время,— писалъ знаменитый критикъ въ 1839 г.,— судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ легче было жить... Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку *Отечественныхъ Записокъ*. Я литераторъ,—говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и горькимъ убѣжденіемъ. Литературѣ русской моя жизнь и моя кровь».

«И это,— прибавляетъ г. Меньшиковъ,— была не фраза. Бѣлинскій подтвердилъ свой завѣтъ не только жизнью, но и раннею смертью. Но, вѣдь, это совсѣмъ по-юношески! Вѣдь, вся эта жизнь — сплошная грёза какого-нибудь тощаго студентика или курсистки! Тутъ *жизненнаго опыта* — ни на грошъ, все зелено, наивно до крайности, И, между тѣмъ, это-то и была *истина,* самая доподлинная правда жизни».

Кстати: то, что далѣе говоритъ г. Меньшиковъ о Полевомъ, могло бы быть приведено, какъ одно изъ сильныхъ практическихъ доказательствъ односторонности и недостаточности исключительно моральнаго отношенія къ себѣ, къ людямъ и къ порядкамъ. Панаевъ разсказываетъ, что въ Петербургѣ Полевой уклонялся отъ свиданія съ Бѣлинскимъ. «Бѣлинскій,— говорилъ Полевой,—прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, горячая голова, энтузіастъ, но теперь намъ сходиться не для чего-съ. Я здѣсь ужь совсѣмъ не тотъ-съ. Я вотъ долженъ хвалить романы какого-нибудь Штевена, а, вѣдь, эти романы—галиматья-съ!

«— Да кто же васъ заставляетъ хвалить ихъ?—спросилъ его Панаевъ съ удивленіемъ.

«— Нельзя-съ, помилуйте: вѣдь, они частный приставъ... Разбери я его, какъ слѣдуетъ, онъ, пожалуй, подкинетъ ко мнѣ въ сарай какую-нибудь вещь, да и обвинитъ меня въ кражѣ. Меня и поведутъ по улицамъ на веревкѣ-съ, а, вѣдь, я отецъ семейства».

«У меня,— говорилъ Панаевъ,— сжалось сердце при этомъ страшномъ признаніи. И это говорилъ тотъ человѣкъ, который нѣкогда энергически преслѣдовалъ всякую подлость, проповѣдывалъ о свободѣ духа, о человѣческомъ достоинствѣ!»

Да, Полевой *занимался своею совѣстью,* а Панаевъ не пошелъ молить на колѣняхъ частнаго пристава Штевена...

Г. Меньшиковъ полагаетъ, что «не вѣрна мысль, будто гораздо проще угадать идеальный планъ общества и насильственно перестроить человѣчество по этому плану. Во-первыхъ, очень трудно угадать идеальный планъ (*щества:* всякая организація связана съ природою ея составныхъ частей, ; каковы эти составныя части въ разныхъ условіяхъ, объ этомъ можно (ить только приблизительно. Легко выяснить планъ личной хорошей ; зни, идеальное же устройство такого безформеннаго, сырого, сложнаго (щества, каково общество, уяснить трудно».

Но зачѣмъ же говорить объ *идеальномъ* планѣ общественнаго устрой-

ства и объ его *насильственномъ* осуществленіи? Мы не предлагаемъ ничего подобнаго. Мы утверждаемъ: уже теперь, при современномъ состояніи историческихъ знаній, психологіи и соціологіи, можно формулировать нѣкоторыя основныя условія, безъ которыхъ невозможенъ *нормальный* общественный порядокъ. Въ жизнь этотъ порядокъ долженъ войти *путемъ вліянія общественнаго мнѣнія.*

Не буду останавливаться далѣе, по разнымъ соображеніямъ, на этой сторонѣ вопроса и перейду къ указаніямъ на неправильность мысли г. Меньшикова, будто бы общество сложнѣе человѣка.

Государство и общежитіе вообще, въ своихъ установленіяхъ и нормахъ, далеко не охватываютъ *всего* человѣка. Устанавливаются порядки и правила для *средняго* человѣка и для опредѣленнаго только круга дѣйствій. Я уже прибѣгалъ къ сравненіямъ, приведу еще одно. Медицина опредѣляетъ признаки такой-то болѣзни и способы ея леченія. Талантъ врача познается въ умѣньи поставить діагнозъ и различить индивидуальныя особенности больного. Ни то, ни другое не дается прямо наукой, и врачъ, въ этомъ смыслѣ, сложнѣе медицины, больной сложнѣе болѣзни.

Точно также и въ жизни общественной. Договориться о томъ, что̀ нужно всѣмъ людямъ, о свободѣ совѣсти, напримѣръ, гораздо легче, чѣмъ убѣдить другого въ истинности *моей* вѣры. Учредить независимый, справедливый судъ легче, чѣмъ обезпечить справедливый приговоръ *въ данномъ случаѣ*, именно потому, что *люди сложнѣе* учрежденій, что этотъ приговоръ будетъ обусловливаться, помимо общихъ основаній закона, и такими фактами и соображеніями, которыхъ никакой законъ не можетъ предвидѣть. Въ общественные порядки входитъ *общее* людямъ извѣстной эпохи, они потому *проще* безконечнаго разнообразія личныхъ особенностей и создаютъ благопріятную или неблагопріятную среду для развитія или лучшихъ или худшихъ изъ этихъ особенностей.

Съ нашей точки зрѣнія, поэтому, вопросъ: *что дѣлать?*—не только законенъ, но и въ высшей степени симпатиченъ. Предоставить его разрѣшеніе *только* собственной совѣсти, не справляясь съ общественными нуждами, дѣло, быть можетъ, и душеспасительное, но рискованное. Вполнѣ естественно, разумно и нравственно желаніе послужить, въ мѣру своихъ силъ, общественнымъ задачамъ, народнымъ интересамъ, а для этого необходимо предварительно самому разобраться, какія изъ этихъ задачъ должны стоять на первой очереди, какіе изъ этихъ интересовъ требуютъ неотложнаго рѣшенія.

Представьте себѣ, что стремящійся къ самоусовершенствованію человѣкъ ищетъ *красоты,* героически борется съ эстетическими взглядами писателей, которые сошли съ литературной сцены лѣтъ тридцать тому назад Никто не имѣетъ права стѣснять процессъ такого самоусовершенствовані или въ какой бы то ни было степени мѣшать его прекрасному проявленію; но нельзя же требовать, чтобы при этомъ не улыбались другіе люд

иначе по сему предмету думающіе. А вотъ г. Боборыкинъ сердится, когда ему возражаютъ...

Въ Москвѣ, говорятъ, составляется петиція въ Петербургъ: просятъ взять отъ насъ автора романа *Перевалъ*, хоть до будущаго сезона. Москва задыхается отъ *тезисовъ* г. Боборыкина. Вотъ обращики:

«1. Къ какимъ *первоосновамъ* слѣдуетъ придти въ научно-философской обработкѣ изящнаго творчества, въ связи съ развитіемъ чувства прекраснаго и съ установленіемъ законовъ красоты, во внѣшней природѣ и въ человѣческомъ искусствѣ? Не будутъ ли эти первоосновы *психическими* по преимуществу?

«2. Не дастъ ли такая почва, въ связи съ изученіемъ всей культуры, бо̀льшей возможности показать, что область изящнаго творчества и мастерства, въ тѣсномъ смыслѣ, представляетъ собою тотъ отдѣлъ нашей психіи, гдѣ человѣкъ проявляетъ душевныя силы и потребности, дѣлающія осуществимой переработку различныхъ элементовъ культурной жизни въ особый міръ продуктовъ, имѣющій *свое самостоятельное развитіе?*» и т. д., и т. д.

Всего двѣнадцать огромныхъ *вопросительныхъ* тезисовъ. Это въ обществѣ любителей словесности. Въ психологическомъ обществѣ объявлено десять *утвердительныхъ* тезисовъ, среди которыхъ находятся ошеломляющіе по новизнѣ и смѣлости мысли. Таковъ, напримѣръ, тезисъ шестой: «Красота и живописность—не тождественны».

Господа критики-публицисты, вы полагаете, что такого тезиса не стоило и выставлять въ рефератѣ, который предназначенъ къ чтенію въ психологическомъ обществѣ? Вы, незнакомые съ научною эстетикой à la г. Боборыкинъ, думаете, что никто не назоветъ Венеру Милосскую живописною, никто не скажетъ, что живописенъ *Фаустъ* Гёте или девятая симфонія Бетховена? Учитесь у ученаго эстетика: онъ собирается доказывать это...

Подобные же тезисы развивалъ г. Боборыкинъ и въ своей публичной лекціи, которая привлекла много слушателей, но вызвала мало сочувствія. Мы рады и тому, и другому: *идеи* г. Боборыкина, все-таки, будятъ мысль, лекторъ онъ отличный, сборъ пошелъ въ пользу московскаго комитета грамотности, а несочувствіе идеямъ г. Боборыкина со стороны его слушателей намъ пріятно потому, что сами мы этимъ идеямъ не сочувствуемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какая муха кусаетъ г. Боборыкина въ послѣднее время? Жилъ на свѣтѣ талантливый, хотя и поспѣшный беллетристъ, отлично образованный человѣкъ, большой знатокъ театра. Его и бранили, и хвалили. Въ послѣднее время, однако, больше хвалили, чѣмъ бранили. И вотъ писатель, терпѣвшій чуть ли не тридцать лѣтъ публицистическую критику, вдругъ съ ожесточеніемъ накинулся на нее...

Никто (и никогда) не отрицалъ, что романъ (произведенія искусства вообще) должно изучать и психологически, и исторически-научно. Но кому гдѣ было запрещено предаваться такому изученію? Затѣмъ оговорка: лѣйшія произведенія литературы, напримѣръ, *Перевалъ* г. Боборыкина

нельзя изучать исторически и, быть можетъ, не стоитъ изучать психологически. Для этого романа исторіи еще нѣтъ, это текущая дѣйствительность (и въ особенности искаженная дѣйствительность).

Иное беллетристическое произведеніе (охъ, не большинство ли современныхъ?) не имѣетъ значенія для психологическаго и не будетъ имѣть значенія для историческаго изученія; но въ немъ нѣтъ-нѣтъ, да и мелькнутъ черточки современности, слабые отголоски переживаемыхъ бѣдъ и радостей. Критикъ-публицистъ схватывается за эти особенности, истолковываетъ ихъ съ точки зрѣнія тѣхъ идей, которымъ онъ носильно служитъ. И не послушаетъ онъ г. Боборыкина и тезисовъ его...

Впрочемъ, возвращеніе *къ красотѣ* въ послѣднее время стало повѣтріемъ—признакъ нездоровья (проходящаго) въ общественной средѣ. На эту галеру взобрался и нашъ знаменитый живописецъ г. Рѣпинъ. Еще недавно онъ писалъ г. Гольцеву (цитировано имъ въ публичной лекціи, которая была напечатана въ *Русской Мысли*) слѣдующія слова: «Если бы творческія натуры не руководились разумнымъ анализомъ своихъ вдохновеній, онѣ блуждали бы во тьмѣ». Мои читатели видѣли, конечно, многія картины г. Рѣпина, до св. Николая включительно, и знаютъ, что его плодотворная художественная дѣятельность была дѣятельностью по преимуществу идейною. Иныя времена—иныя пѣсни. Въ эволюціи своего самоусовершенствованія г. Рѣпинъ проповѣдуетъ теперь противуположные взгляды. Въ этомъ отношеніи очень характерна его статья въ ноябрьскомъ приложеніи къ *Нивѣ*. Она и озаглавлена характерно: *Николай Николаевичъ Ге и наши претензіи къ искусству*.

Въ статьѣ г. Рѣпина мы видимъ немножко раздраженія и много логическихъ промаховъ. Сначала о первыхъ. Если все зло въ морали, въ проповѣди самоусовершенствованія которое стремится подчинить себѣ искусство, то нельзя одними и тѣми же аргументами отражать нападенія на *чистое искусство* и сторонниковъ и противниковъ такого взгляда. Одни говорятъ: не надо этюдовъ, техники, предварительной работы. Такъ говорилъ покойный Ге, и г. Рѣпинъ возстаетъ противъ этого. Возстаютъ противъ этого и сторонники идейнаго искусства. Но бѣда въ томъ, что тутъ противъ г. Рѣпина, на слѣдующей страницѣ, выступаетъ самъ г. Рѣпинъ: «У Ге,—читаемъ мы въ названной статьѣ,—опять появились краски, эта излишняя роскошь поэтическаго искусства. Заходящій свѣтъ солнца блеснулъ живымъ лучомъ въ его картину и *совершенно случайно, т.-е. вполнѣ художественно*, какъ природа, какъ Богъ, освѣтилъ безпристрастно спину Пилата» и т. д.

Да, еслибъ дѣйствительно была такова высшая цѣль искусства, т.-тождество въ безпристрастіи съ безсмысленною природой, то г. Рѣпинъ былъ бы правъ. Но нашъ художникъ предупредительно опровергаетъ это собственное заблужденіе: «Идеи,—пишетъ онъ,—вѣковѣчны и глубоки только у геніальныхъ авторовъ; но развѣ геніальность обязательна для всякаго смертнаго? Развѣ мы вправѣ требовать отъ всякаго художника фило

софскаго пониманія явленій жизни, прощая ему даже небрежность и грубость выполненія?»

Нѣтъ, г. Рѣпинъ, геніальность не обязательна, ни отъ какого художника мы не вправѣ *требовать* философскаго пониманія явленій жизни, а прощать небрежность и грубость исполненія не слѣдуетъ. Мы говоримъ только, что есть красота *формъ* и есть красота *содержанія*; идеаломъ художественнаго произведенія для насъ является полнота, совершенство жизни, когда въ прекрасныхъ формахъ намъ даны истина и добро. Напрасно г. Рѣпинъ при этомъ горько порицаетъ нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ: сходнаго съ этимъ взгляда на искусство былъ одинъ изъ талантливѣйшихъ и честнѣйшихъ противниковъ этихъ нигилистовъ, Аполлонъ Григорьевъ. Г. Рѣпинъ сообщаетъ намъ, что «Воллонъ считается въ Парижѣ царемъ живописцевъ, хотя всю жизнь пишетъ только *nature morte*». И пусть его пишетъ, и пусть его считается въ Парижѣ царемъ живописцевъ. А по нашему мнѣнію, отдать свой талантъ, всю свою жизнь изображенію брюссельской капусты есть пошлое, презрѣнное занятіе...

«Самый большой вредъ нашихъ доктринъ объ искусствѣ,—поучаетъ г. Рѣпинъ,—происходитъ отъ того, что о немъ пишутъ и внушаютъ *(внушаютъ о вредѣ доктринъ,—чьихъ, собственныхъ ими чужихъ? Невразумительно)* всегда литераторы и все съ точки зрѣнія литературы. Они *безсовѣстно* (курсивъ мой) пользуются авторитетомъ въ малознакомой имъ области пластическихъ искусствъ».

Развѣ ихъ авторитетъ (увы, такого мы въ послѣднее время не замѣчаемъ: на художественномъ съѣздѣ въ Москвѣ нѣкоторые живописцы признали даже необязательность для художника образованія), развѣ этотъ авторитетъ, повторяю я, навязывается? И не звучитъ ли утвержденіе *безсовѣстно* нѣкоторою, никѣмъ и ничѣмъ не вызванною... «преувеличенною развязностью»?

Непріятно говорить о такихъ проявленіяхъ *чистаго искусства*... Мы понимаемъ увлеченіе спеціалиста по техникѣ красоты формъ, но законно возмущаемся его высокомѣрнымъ отношеніемъ къ профанамъ. Г. Рѣпинъ разсказываетъ слѣдующій случай изъ собственной жизни, долженствующій свидѣтельствовать объ его высокомъ и тонкомъ пониманіи искусства: «Однажды, подъ впечатлѣніемъ одной изъ нашихъ содержательныхъ и интересныхъ выставокъ (*чувствуете ли вы, читатель, всю ядовитость этихъ прилагательныхъ со стороны художника, нарисовавшаго намъ «Бурлаковъ»*, «*Не ждали*» и т. п.?), я случайно натолкнулся на сформованный обломокъ изъ фронтона Парѳенонскаго храма. Обломокъ предъявлялъ только уцѣлѣвшую часть плеча. Меня такъ и обдало это плечо дивнымъ искусствомъ великой эпохи эллиновъ. Это была такая высота достиженія полноты формъ, изящества, чувства мѣры въ выполненіи... забылъ все. Все мнѣ показалось мелко и ничтожно передъ этимъ племъ... Великъ Богъ, подумалъ я, какъ Онъ безграниченъ, неисчерпаемъ, ересенъ!... Какъ это хорошо, что мы любимъ и цѣнимъ наше родное

искусство!» Какъ это къ обломку греческаго плеча приклеилось *наше родное* искусство? Или эти слова должны означать не русское искусство, а скульптуру вообще?

Въ заключеніе нашей бесѣды объ идеяхъ г. Рѣпина, напомнимъ отзывы художниковъ, которыхъ онъ самъ высоко цѣнитъ. Въ статьѣ, о которой шла рѣчь, г. Рѣпинъ приводитъ слѣдующія слова покойнаго Ге: «Слушайте, юноша, вы сами еще не сознаете, что написали. Онъ указалъ на *Бурлаковъ*. Это удивительно. *Тайная вечеря* (картина самого Ге) передъ этимъ ничто». А Крамской писалъ г. Рѣпину о необходимости философіи въ искусствѣ (письмо отъ 26 декабря 1877 г.), о томъ, что такая философія «удесятеряетъ силы человѣка и держитъ постоянно на высотѣ тѣхъ задачъ, которыя однѣ оправдываютъ спеціальность». Тремя годами раньше Иванъ Николаевичъ писалъ г. Рѣпину, что «намъ (художникамъ) непремѣнно нужно двинуться къ свѣту, краскамъ и воздуху. но... какъ сдѣлать, чтобы не растерять по дорогѣ драгоцѣннѣйшее качество художника—сердце? Мудрый Эдипъ, разрѣши!» Въ письмѣ отъ 28 сентября 1874 г. (также къ г. Рѣпину) Крамской говоритъ: «Или вы думаете, что во Франціи нѣтъ глухихъ подземныхъ раскатовъ, которыхъ бы люди не чувствовали? Вотъ въ такія-то времена подлое искусство и замазываетъ щели, убаюкиваетъ стадо, отвращаетъ вниманіе и притупляетъ зоркость, присущую человѣку!»

Я прочелъ сорокъ писемъ Крамского къ г. Рѣпину *) и былъ умиленъ этимъ художникомъ, его честною отзывчивостью, высотою его требованій отъ искусства.

«Фортуни,—утверждаетъ г. Рѣпинъ,—поразилъ всѣхъ современныхъ художниковъ Европы недосягаемымъ изяществомъ въ чувствѣ формъ, колорита и силы свѣта». Крамской пишетъ: «Фортуни на Западѣ явленіе совершенно нормальное, понятное, хотя и не величественное, а потому и мало достойное подражанія. Вѣдь, Фортуни есть, правда, послѣднее слово, но чего,—наклонностей и вкусовъ денежной буржуазіи».

Не правда ли, г. Рѣпинъ, это *безсовѣстно?* Но, вѣдь, это пишетъ не презираемый вами «литераторъ», а художникъ, за которымъ есть хорошая, честная, почетная страница въ русскомъ искусствѣ.

Никто не желаетъ свести живопись на иллюстраціи. Между ними всегда останется разница, какая существуетъ между истиннымъ художественнымъ произведеніемъ и хорошею, даже изящною ремесленною работой. Мимоходомъ замѣчу, что *искусство для искусства* можетъ (нечаянно) очень близко подходить къ иллюстраціи. Такъ, напримѣръ, великолѣпное полотно г. Рѣпина *Запорожцы*, несомнѣнно, иллюстрируетъ интересную страничку изъ жизни козачества.

Не считаемъ мы, въ другой области искусства, художественными про

---

*) *Иванъ Николаевичъ Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи.*

изведеніями и тѣхъ, конечно, многочисленныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній, въ которыхъ свѣтится честная мысль и теплится доброе чувство, но мало таланта, а то и совсѣмъ его нѣтъ. Такія произведенія, взятыя въ цѣломъ, могутъ, однако, служить хорошимъ признакомъ общественнаго настроенія. Стремленіе вырваться изъ безцвѣтной среды, поднять себя и другихъ надъ низкимъ уровнемъ нашей не особливо радостной дѣйствительности и вполнѣ законно, и даже не безполезно. Если заговоритъ о возвышенныхъ предметахъ бездарный писака, неискренній человѣкъ, то, разумѣется, это будетъ и скучно, и противно. Но если въ такомъ писателѣ (начинающемъ) мы встрѣчаемъ то здѣсь, то тамъ мерцаніе какъ будто бы таланта и искренняго одушевленія,—мы рады отмѣтить и такое явленіе. Мнѣ случайно попала на-дняхъ въ руки маленькая книжка стихотвореній г. Н. Николаева. Молодо это, зелено, подражательно, но кое-гдѣ попадаются искорки. Авторъ, очевидно, принадлежитъ къ тому молодому поколѣнію, которое мучается вопросомъ: *что дѣлать*? Онъ пишетъ:

„Прошла ты, молодость. Грядущее—темно:
Нужда, томленіе, безцѣльная работа...
Въ тяжеломъ полуснѣ хочу припомнить что-то
Родное, милое, забытое давно...
Но поздно! Сѣрый день глядитъ уже въ окно,
Стучится въ дверь ко мнѣ докучная забота!"

Въ стихотвореніяхъ его описывается горе, деревенскія и городскія бѣды. И, право же, странно говорить такимъ людямъ, какъ г. Николаевъ: *займитесь своею совѣстью*. Именно этимъ они занимаются, именно чуткая совѣсть и побуждаетъ ихъ страстно задавать вопросъ: что дѣлать?

О. Т. В.

Очерки провинціальной жизни.

Въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* напечатанъ весьма интересный и поучительный разсказъ о зырянскомъ земствѣ. Трудно подыскать болѣе рельефную, чѣмъ этотъ разсказъ, иллюстрацію къ сюжету о плодотворности принципа самоуправленія. Говорятъ, обыкновенно,—замѣчаетъ авторъ разсказа,—что до мѣстнаго самоуправленія надо дорости. Если населеніе бѣдно, невѣжественно, если оно не заключаетъ въ себѣ образованнаго элемента, то отъ передачи въ его руки попеченія о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ ничего хорошаго не выйдетъ. Это, до извѣстной степени, вѣрно, но, съ другой стороны, и очень растяжимо. Весь вопросъ въ томъ, гдѣ та низшая ступень культурности, за которой самоуправленіе становится хуже управленія и начинаетъ походить на опасную игрушку, данную ребенку. Сибирь до сихъ поръ не имѣетъ земскихъ учрежденій, и главнымъ основаніемъ этому служитъ ссылка на рѣдкость и малокультурность его населенія. Но зырянское земство дѣйствуетъ при условіяхъ еще менѣе благопріятныхъ, нежели какія представляетъ не только Западная, но и большая часть Восточной Сибири; зырянское земство представляетъ особый интересъ именно потому, что оно, по выраженію автора, являетъ собою *образчикъ мѣстнаго самоуправленія при наименѣе благопріятныхъ общественныхъ условіяхъ*. Въ виду этого, земское дѣло на крайнемъ сѣверо-востокѣ Россіи даетъ цѣнный матеріалъ, сравненіе котораго съ соотвѣтственными данными неземскихъ губерній (наприм., сибирскихъ) ведетъ къ поучительнымъ выводамъ.

Съ такой точки зрѣнія особенно интересенъ Усть-Сысольскій уѣздъ, Вологодской губерніи, занимающій, по безкультурности, одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи.

Уѣздъ этотъ,—такъ начинаетъ авторъ свой разсказъ,—есть цѣлый с[ш]ирный край, раскинувшійся на 900 слишкомъ верстъ къ сѣверу с[ъ] Вятской и Пермской губерній и примыкающій на востокѣ къ Сибири. [По] пространству онъ приближается къ сибирскимъ округамъ и превосходи[т]ъ въ 2—3 раза среднюю русскую губернію. Но на такой громадной терр[и]торіи живетъ всего около 85 тысячъ населенія обоего пола. Край про[с]-

зываютъ три большія рѣки: Сысола, Вычегда, Печора, по берегамъ которыхъ и жмутся поселенія, постепенно рѣдѣя къ востоку. Крайній же востокъ, за р. Печорой, представляетъ совершенно безлюдную мѣстность. Русскихъ въ уѣздѣ очень немного, они пріютились по сосѣдству съ Вятскою губерніей на горномъ заводѣ, да еще на верховьяхъ р. Печоры, гдѣ издавна основались бѣглые раскольники. Главная масса населенія и коренные жители края—зыряне, народъ невзрачный, бѣдный, забитый, на половину земледѣльцы, на половину звѣроловы. Культурныя земли представляютъ не болѣе, какъ островки, отвоеванные отъ моря иловъ и болота. Выросшій въ лѣсу зырянинъ не рискуетъ далеко отойти отъ жилья, не привязавъ къ поясу «матку» (примитивный компасъ); случаи, что человѣкъ заблудится и пропадаетъ въ лѣсу, очень не рѣдки. Словомъ, уѣздъ представляетъ уголокъ, по сравненію съ которымъ какой-нибудь Курганскій или Ишимскій округъ Сибири производитъ впечатлѣніе богатаго, дѣятельнаго, оживленнаго края. Да и на самомъ дѣлѣ Усть-Сысольскій уѣздъ отсталъ отъ нихъ въ культурномъ отношеніи гораздо больше, чѣмъ сами эти округа отстали, напримѣръ, отъ Московской или Тверской губерній. Несмотря на это, въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ введены земскія учрежденія. И вотъ результаты земской дѣятельности здѣсь показали, что самоуправленіе далеко не такое прихотливое растеніе, которое можетъ развиваться только на культурной почвѣ. О семъ убѣдительно свидѣтельствуютъ итоги земскаго дѣла въ этомъ забытомъ Богомъ краю. Что и какъ здѣсь дѣлалось и что сдѣлано самоуправленіемъ для пользы края? *).

Громадность разстояній выдвинула на первый планъ дорожное дѣло. Мосты, дороги, зимовки, перевозы составляютъ постоянную земскую злобу дня и поглощаютъ четверть земскаго бюджета. Доказательствомъ недавней полной бездорожицы служитъ тотъ фактъ, что въ настоящее время даже въ земледѣльческихъ деревняхъ на пять дворовъ имѣется одна телѣга, а не такъ давно телѣгъ и совсѣмъ не было, потому что на нихъ нельзя было проѣхать. Почти исключительными средствами сообщенія въ лѣтнее время служили рѣки. Черезъ небольшіе волоки отъ одной рѣчки до другой легкія зырянскія лодочки, выдолбленныя изъ осины, перетаскивались на себѣ. Этотъ способъ сообщенія, о которомъ мы читаемъ на первыхъ страницахъ нашей исторіи, практикуется у зырянъ и до сихъ поръ, но рядомъ съ нимъ существуетъ уже болѣе 1,300 верстъ *земскихъ дорогъ*.

Создавъ дороги, а съ ними и телѣгу, земство создало и почту, которой до него также не было. Дѣло въ томъ, что во всемъ уѣздѣ есть только одно почтово-телеграфное отдѣленіе въ самомъ городѣ, а городъ стоитъ на самомъ краю уѣзда, такъ что весь громадный край оставался еще недавно внѣ почтово-телеграфныхъ сношеній. Земская почта соединила важнѣйшіе пункты края съ городомъ. Въ 1889 году по ней было перевезено

*) Приводимыя ниже данныя взяты авторомъ изъ отчетовъ усть-сысольской управы и относятся къ 1891—92 годамъ.

66 тыс. пакетовъ и 227 тыс. рублей денегъ. Благодаря устроенной земствомъ почтѣ, заброшенная въ глушь уѣздная интеллигенція—лѣсничіе, земскіе врачи, фельдшера, учителя—можетъ поддерживать связь съ остальнымъ міромъ черезъ письма, газеты, журналы *). Мало того, есть учителя и фельдшера, которые сидятъ въ такихъ углахъ, гдѣ не всегда можно купить даже такіе предметы, какъ чай и сахаръ, отчего самое существованіе этихъ лицъ въ такихъ мѣстахъ возможно только потому, что для служащихъ въ земствѣ небольшія посылки (наравнѣ съ газетами и журналами) пересылаются изъ города безплатно.

Все, что сдѣлано въ уѣздѣ для народнаго образованія и медицины, сдѣлано земствомъ. Расходы земства на народное образованіе доходятъ въ послѣднее время до 20 тыс. руб. въ годъ. Оно содержитъ 17 земскихъ училищъ. Число ихъ ежегодно увеличивалось до 1885 года, а съ этого времени, въ виду усиленнаго давленія въ Вологодской губерніи въ пользу церковно-приходскихъ школъ, земство не открываетъ болѣе своихъ школъ, а выдаетъ съ каждымъ годомъ возрастающую субсидію отдѣленію епархіальнаго училищнаго совѣта. Открытыя этимъ послѣднимъ (до 1891 г.) 28 церковно-приходскихъ и 10 школъ грамотности содержатся почти цѣликомъ (на $^5/_6$) на средства земства. Число обучающихся въ этихъ школахъ, существующихъ благодаря только земству, доходитъ до $^1/_3$ всѣхъ мальчиковъ школьнаго возраста. Кромѣ того, земство содержитъ стипендіатовъ въ учительской семинаріи, красноуфимскомъ реальномъ училищѣ и фельдшерскихъ школахъ. Стипендіями пользуются мальчики преимущественно изъ зырянъ. Дѣлается это въ тѣхъ видахъ, чтобы земство было обезпечено служебнымъ персоналомъ, знакомымъ съ мѣстнымъ языкомъ.

По народному здравію сдѣлано также не мало. Въ городѣ имѣется прекрасно обставленная земская больница; двѣ нѣсколько скромнѣе обставленныя больницы находятся въ селахъ; кромѣ того, по уѣзду разсѣяно 15 фельдшерскихъ пунктовъ. Отпускъ лѣкарствъ безплатный. Земская медицина пріобрѣла большую популярность среди населенія, въ особенности послѣ того, какъ въ земской больницѣ начали снимать катаракты,—болѣзнь, очень часто встрѣчающаяся у зырянъ и признававшаяся ими неизлечимой. Въ первое время считалось просто чудомъ, что больные, по снятіи катаракты, снова начинали видѣть.

Вотъ что успѣло уже сдѣлать земское хозяйство въ уѣздѣ, гдѣ нѣтъ ни дворянства, ни частнаго землевладѣнія, ни промышленности, никакого мѣстнаго культурнаго элемента.

Кѣмъ же, при полномъ интеллигентномъ безлюдьи, двигается земское дѣло? Кто земскіе излюбленные люди?

Управа до послѣдняго времени состояла изъ крестьянъ и частью изъ мѣщанъ, людей житейски-опытныхъ и добросовѣстныхъ. Что касается земскаго собранія, то главная его часть (11 изъ 15 членовъ) состоитъ изъ

*) Журналовъ и газетъ было переслано въ 1889 г. 12,296 пакетовъ.

представителей сельскаго общества. Всѣ они зыряне; большинство ихъ плохо говоритъ по-русски. Часть собранія, которую можно назвать интеллигентной, состоитъ изъ представителя лѣсного вѣдомства, двухъ землевладѣльцевъ, мѣстнаго судьи и врача.

Присутствуя много разъ на земскихъ собраніяхъ,—разсказываетъ авторъ,—наблюдая этотъ малый и не богатый духовными силами составъ гласныхъ, скромно облѣпившихъ небольшой столъ и думающихъ земскую думу, слушая болѣе чѣмъ краткія пренія,—присматриваясь ко всему этому, я всегда задавалъ себѣ вопросъ, откуда же и какъ вышло, что въ общемъ итогѣ земскаго дѣла своекорыстіе, плутни и темнота составляютъ очень небольшую примѣсь (гдѣ ея нѣтъ?), а масса земской работы, стоящей предъ глазами каждаго, сдѣлана хорошо, практично, масса земскихъ средствъ употреблена на нужды населенія цѣлесообразно и экономно? Откуда и какъ все это произошло? И въ отвѣтъ мнѣ всегда припоминались слова Каткова, сказанныя по поводу новыхъ судебныхъ учрежденій, но одинаково примѣнимыя и къ самоуправленію: «*Различіе между прежними и новыми судами состоитъ именно въ томъ, что прежніе портили людей, а новые исправляютъ... Великое учрежденіе тѣмъ и бываетъ велико, что создаетъ людей, способныхъ проводить въ жизнь созданныя ими начала*».

Гласности слѣдуетъ отвести, по мнѣнію автора, первое мѣсто въ объясненіи удачнаго хода земскихъ дѣлъ при болѣе чѣмъ скромномъ составѣ дѣятелей. Нужно замѣтить,—говоритъ авторъ,—что, при монотонности захолустной жизни, земскія собранія посѣщаются обывателями очень охотно и гласность ихъ здѣсь не такое пустое слово, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ. Да и вся крестьянская часть собранія представляетъ собою, такъ сказать, обязательную гласность, очень чуткую ко всему, что отзывается желаніемъ поживиться на земскій счетъ, очень подозрительную ко всякимъ личнымъ происканъ. Иной проектъ, прилично прикрытый цифрами и фразами, который какъ по маслу можно бы провести черезъ бумажную переписку, даже не рѣшится предстать передъ собраніемъ, которое, зная лицъ, зная жизнь, видитъ съ первыхъ словъ, куда гнетъ дѣло. Въ особенности это слѣдуетъ сказать про послѣднее время, когда, послѣ 10—15 лѣтъ практики, гласные отъ крестьянъ освоились съ своими правами, познакомились съ элементами земскаго дѣла. Тогда изъ среды ихъ стали выходить прекрасные контролеры земскихъ построекъ, хозяйственныхъ заготовокъ и проч.

Но, какъ бы то ни было, съ однимъ контролеромъ и гласностью далеко не уйдешь. Нужна иниціатива. Въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ иниціатива почти всегда исходила отъ интеллигентныхъ гласныхъ, въ особенности отъ чиновъ лѣсного вѣдомства, которыхъ до новаго положенія было гласными трое (по новому сталъ присутствовать одинъ). Лѣсничіе оставили по себѣ хорошую память, какъ наиболѣе дѣятельные и просвѣщенные двигатели земскаго дѣла. И всѣмъ своимъ добрымъ и полезнымъ начинаніямъ они находили дѣятельную поддержку въ гласныхъ изъ крестьянъ. Кромѣ того земство пользуется всякою интеллигентною силой, хотя бы она и не

состояла въ числѣ гласныхъ. Врачебною частью, напримѣръ, завѣдуетъ комитетъ, главная роль въ которомъ принадлежитъ самимъ же врачамъ; послѣдніе и устраиваютъ свою часть, какъ имъ кажется лучше. Да и всякій мѣстный интеллигентъ, который пожелаетъ что-либо вложить въ земское дѣло, тѣмъ или инымъ путемъ всегда можетъ разсчитывать довести свои идеи до земскаго обсужденія.

Въ заключеніе очерка дѣятельности зырянскаго земства, авторъ разсказываетъ, что, уѣзжая изъ Усть-Сысольска, ему пришлось прожить, за бездорожицей, въ селѣ Усть-Немъ, въ одномъ изъ пограничныхъ и самыхъ трущобныхъ селеній края, за которымъ тянутся едва проходимые лѣса верстъ на 150. «Сходили бы вы къ учителю,—предложили мнѣ, чтобы скоротать время.—Да неужели здѣсь есть школа?» Оказалось, есть, и очень хорошая. Обширное, образцово-построенное зданіе. Учитель, уже восемь лѣтъ работающій на сѣверѣ,—живой, энергичный человѣкъ, съ замѣчательнымъ усердіемъ и большимъ успѣхомъ обучаетъ ребятъ въ краю, гдѣ даже старикъ священникъ, проживъ на мѣстѣ безвыѣздно 40 лѣтъ, до сихъ поръ не вѣритъ въ существованіе желѣзныхъ дорогъ. И земское зданіе, и обстановка его, и учитель настолько выдѣляются изъ окружающаго, что кажутся выходцами изъ другого міра, первыми піонерами, высланными оживить и освѣжить забытый Богомъ уголокъ.

Какъ въ земскомъ самоуправленіи общество находитъ нѣкоторое приложеніе своимъ силамъ на пользу страны, такое же приложеніе своимъ силамъ оно находитъ въ другомъ важномъ органѣ общественной самодѣятельности—въ печати. Печать знаетъ жизнь, ея нужды, ея потребности такъ же хорошо, какъ знаетъ ихъ и земство. Послѣднее много выполняетъ само, но о многомъ также, какъ выходящемъ изъ круга его компетенціи, непрестанно ходатайствуетъ. Ходатайствуетъ непрестанно и печать наша. Нерѣдко десятки лѣтъ, изо дня въ день, она указываетъ на важные и назрѣвшіе государственные вопросы, разъясняетъ ихъ, убѣждаетъ, ради блага страны, въ необходимости ихъ скорѣйшаго разрѣшенія, скорбитъ въ виду медлительности въ ходѣ того или другого важнаго дѣла, и воскресаетъ духомъ, когда осуществляется та или другая существенная часть ея программы. Два извѣстія особенно порадовали въ послѣднее время нашу печать: отказъ правительства отъ политики стѣсненій переселенія и пересмотръ законодательства о крестьянской арендѣ государственныхъ земель.

Въ теченіе многихъ лѣтъ печать неутомимо разъясняла, что наше законодательство о переселеніяхъ не отвѣчаетъ жизненнымъ потребностямъ страны, что въ этомъ крупномъ явленіи русской жизни нужны не запретительныя мѣры, а широкое содѣйствіе государства переселенцамъ. И вотъ, наконецъ, пропагандировавшееся печатью дѣло начинаетъ разрѣшаться въ желаемомъ ею направленіи. Появилось извѣстіе, что министерство внутреннихъ дѣлъ признало нераціональность существовавшаго запрета переселеній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объявило, что, благодаря успѣшнымъ межевымъ работамъ въ Западной Сибири, Степномъ краѣ и въ гу-

берніяхъ Иркутской и Енисейской, къ принятію переселенцевъ приготовлены значительныя площади казенной земли. Министерство предложило губернскимъ властямъ поставить въ извѣстность объ этомъ крестьянское населеніе и опредѣлило порядокъ, въ которомъ будутъ разрѣшаться переселенія. Рядомъ съ этимъ извѣстіемъ, петербургскія газеты сообщаютъ, что въ правительственныхъ сферахъ созрѣлъ планъ активной колонизаціонной политики, одною изъ задачъ которой является прочное и быстрое, по возможности, заселеніе Сибири въ районѣ великаго сибирскаго рельсоваго пути, съ другой — удовлетвореніе въ широкихъ размѣрахъ земельныхъ нуждъ той части крестьянскаго населенія, которая владѣетъ недостаточными надѣлами.

Не мало также поработала наша печать надъ дѣломъ аренды крестьянами казенныхъ земель.

Государственныя имущества должны служить не только источникомъ казеннаго дохода, но также средствомъ къ поднятію экономическаго положенія крестьянства. Только путемъ расширенія площади крестьянскаго землепользованія Россія можетъ выйти изъ переживаемаго ею земледѣльческаго кризиса. Повсюду, какъ извѣстно, въ нашемъ отечествѣ раздаются жалобы на паденіе цѣнъ на хлѣбъ. Дѣйствительно, цѣны чрезвычайно низки. И весьма важно сознать, что явленіе это случайное, не временное. Цѣны низки *не отъ перепроизводства* хлѣба. Мы высылаемъ за границу не *избытки* хлѣба, а отымаемъ необходимое для народнаго питанія. Это признано самимъ министромъ земледѣлія г. Ермоловымъ въ его книгѣ *Неурожай и народное бѣдствіе*,—книгѣ, произведшей большую сенсацію. Если бы народъ нашъ получилъ возможность питаться надлежащимъ образомъ, то изъ производимаго въ Россіи хлѣба осталось бы немного для вывоза за границу. Цѣны на вывозной хлѣбъ низки потому, что стоимость производства его за границей, и, главнымъ образомъ, въ Америкѣ, сильно понизилась; хлѣбныя цѣны на внутреннихъ рынкахъ низки потому, что крестьяне, по бѣдности, не могутъ предъявить на него нужный для нихъ спросъ. Эти факты признала уже оффиціальная коммиссія подъ предсѣдательствомъ г. Плеве, обсуждавшая не такъ давно вопросъ о паденіи цѣнъ на хлѣбъ. Никакого другого выхода изъ критическаго положенія она не могла указать, какъ только на улучшеніе техники сельскаго хозяйства. Но, вѣдь, требуется улучшеніе сельско-хозяйственной техники въ такой степени, чтобы намъ приблизиться въ этомъ отношеніи къ Соединеннымъ Штатамъ Америки. Возможно ли надѣяться на это, когда два милліарда рублей, полученныхъ нашими землевладѣльцами за выкупъ отошедшихъ крестьянамъ земель и изъ банковъ, пошли почти цѣликомъ на удовлетвореніе самыхъ разнообразныхъ потребностей и прихотей, и лишь какая-нибудь ничтожная доля этихъ милліардовъ была употреблена на сельскохозяйственныя улучшенія. Большая половина нашихъ землевладѣльцевъ не только не имѣетъ теперь свободныхъ капиталовъ для земледѣльческихъ улучшеній, но едва въ состояніи уплачивать проценты въ банки, гдѣ имѣ-

нія ихъ заложены въ 60—70 и 80% стоимости. А растраченные милліарды второй разъ уже не явятся. На какія же средства наши землевладѣльцы сравняются съ американцами въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, если бы даже они вдругъ откуда-то получили энергію и знанія американцевъ? Единственно чѣмъ еще держится наше частное землевладѣніе, это отдачей большей части земли въ аренду крестьянамъ. Крестьяне, имѣя недостаточные для прокормленія себя надѣлы, сильно нуждаются въ землѣ и волей-неволей платятъ за съемныя земли такія высокія арендныя цѣны, что нерѣдко за труды имъ остается одна лишь солома. Но крестьяне не имѣютъ средствъ удобрять надлежащимъ образомъ арендуемыя ими земли, а потому такая сельско-хозяйственная система не только не въ состояніи улучшить нашъ земледѣльческій промыселъ, а, напротивъ, ведетъ къ прогрессивному истощенію почвы и къ болѣе частымъ и болѣе общимъ неурожаямъ. Единственный выходъ изъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ невзгодъ заключается въ томъ, чтобъ обратить наши силы туда, гдѣ онѣ дадутъ и скорые, и большіе результаты. Крестьянство составляетъ у насъ почти сто милліоновъ людей. Величайшее государственное дѣло—поднять благосостояніе такой громадной массы людей. И сдѣлать это вполнѣ возможно. Для этого надо расширить площадь крестьянскаго землевладѣнія и реформировать дѣйствующую податную систему въ направленіи большаго соотвѣтствія между крестьянскими платежами и доходностью ихъ земли. Энергичная политика переселеній, пользованіе государственными имуществами въ интересахъ народа, цѣлесообразная дѣятельность крестьянскаго банка,—все это, въ совокупности, въ силахъ значительно расширить крестьянское землевладѣніе и поднять тѣмъ самымъ народное благосостояніе. Оправится крестьянство, увеличатся его средства, откроется ему возможность производить земельныя улучшенія,—тогда, и только тогда, начнется и въ нашемъ отечествѣ прогрессивное развитіе сельско-хозяйственнаго промысла.

Крестьяне терпятъ отъ необходимости, при дѣйствующей податной системѣ, продавать много хлѣба для уплаты лежащихъ на нихъ налоговъ. Тяжесть налоговой системы еще болѣе усиливается практикующимися способами взысканія податей. Печать полна описаніями этихъ способовъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ ихъ.

«Министерствомъ финансовъ,—пишутъ изъ Уфимской губерніи въ *Недѣлю*,— были сдѣланы распоряженія объ облегченныхъ способахъ взысканія». Но измѣнилось ли отъ того дѣло—это большой вопросъ. Недавно у насъ былъ такой случай. Судебный приставъ 3 участка Златоустовскаго округа Красильниковъ, прибывъ въ деревню Баргаджину для повѣрки имущества, описаннаго еще въ прошломъ году по исполнительнымъ листамъ мирового судьи на удовлетвореніе взысканія въ суммѣ 535 руб. 60 коп., присужденнаго съ баргаджинскаго общества, нашелъ, что имущество, находящееся на рукахъ общественниковъ, большею частью уже продано, и сдѣлано это по личному распоряженію златоустовскаго уѣзднаго исправника. Староста объяснилъ это происшествіе такъ: онъ-де заявлялъ испра-

нику, что имущество судебнымъ приставомъ уже описано, но исправникъ сдѣлалъ замѣчаніе, что онъ, староста, напрасно далъ судебному приставу описывать имущество; за упорство свое въ сохраненіи описаннаго имущества въ цѣлости староста устраненъ былъ отъ должности, а замѣнившій его новый староста получилъ строгое приказаніе продавать скотъ и даже послѣднія избы за подати; вслѣдъ за симъ, по распоряженію исправника, въ деревню Баргаджину былъ посланъ волостной судъ, который присуждалъ недоимщиковъ къ наказанію розгами, и тутъ же, не ожидая никакихъ сроковъ обжалованія, приговоры приводились въ исполненіе. Подъ такимъ давленіемъ общественники дер. Баргаджиной принуждены были продавать описанное судебнымъ приставомъ имущество. Изъ описаннаго имущества продано: до 20 лошадей, до 25 коровъ и до 10 овецъ и козъ. Продавался скотъ изъ пригона при квартирѣ исправника; деньги получалъ сборщикъ сидѣвшій въ одной квартирѣ съ исправникомъ. Судебному приставу оставалось, конечно, только донести предсѣдателю съѣзда мировыхъ судей о такомъ казусѣ.

Къ сожалѣнію, этотъ казусъ,— продолжаетъ авторъ сообщенія,— списанный съ оффиціальнаго протокола, составляетъ у насъ заурядное явленіе. Случайно я остановился на одной почтовой станціи Златоустовскаго уѣзда на ночлегъ, и здѣсь, за чаемъ, содержатель станціи, башкиръ, предполагая во мнѣ «особу», обратился съ жалобою на тяжелое положеніе ихъ, вслѣдствіе суроваго взысканія податей. На мой вопросъ: «Правда ли, что у васъ описываютъ послѣдній скотъ и послѣднія избы за подати?»—башкиръ разсказалъ слѣдующее: «Я былъ въ прошломъ году сотскимъ. Осенью вдругъ вышелъ приказъ отъ станового собраться всѣмъ сотскимъ и десятскимъ въ Тарнаклинскую волость. Собралось насъ 70 человѣкъ. Сидимъ и ждемъ; пріѣхалъ исправникъ и погналъ всѣхъ насъ въ первую же деревню взыскивать подати; съ нами же поѣхали: самъ исправникъ, становой и урядники. Пришли въ деревню, исправникъ позвалъ старосту, побранилъ его за недоимки и сталъ читать списокъ недоимщиковъ, а потомъ послалъ насъ по домамъ обирать все, что попадется,—и хлѣбъ, и одежду, и скотъ, и тутъ же все это продавали, а купцы такъ вмѣстѣ съ нами и ходили. Этакъ исходили мы въ двѣ недѣли, изо дня въ день, всю волость. Продавали дешево: вещь или скотина, которая стоила 20 р., продавалась за 7 р. У одного башкира захватили послѣдніе полпуда муки. Бѣднѣющій былъ башкиръ; такъ онъ безъ хлѣба и остался. А то, въ другой деревнѣ, сдѣлали такъ: башкиры-мужики всѣ ушли изъ деревни на праздникъ въ Юризанскій заводъ. В[ъ] это время пріѣхалъ исправникъ, становой, урядники съ сотскими и де[с]скими и давай описывать, и тутъ же все продали, а когда вернулись м[у]жики, то ужь ничего не застали; у другихъ были и деньги, да ужь п[о]дно. Потомъ у насъ еще съ ними же ѣздитъ старшина и волостной судъ. Е[с]ли, напримѣръ, у котораго нечего взять, то его сейчасъ же присуждаютъ к[ъ] розгамъ и тутъ же дерутъ.

«— Какъ же, вѣдь, на обжалованіе рѣшенія волостного суда полагается 30-ти-дневный срокъ?

«— Куда, батька! Если бы намъ давали отсрочку, такъ мы и сами внесли бы подати. Нынче вотъ опять приказано готовлять къ 5 сентября всѣ подати, а у насъ нѣтъ даже на молотьбу. Бай, бай, шибко тяжело, помогай, пожалста!»

Злоба дня у насъ, — пишутъ въ ту же газету изъ станицы Урюпинской, Обл. Войска Донского, — уплата выданной намъ правительствомъ по случаю неурожая въ 1891 и 1892 гг. продовольственной ссуды на обсѣмененіе озимыхъ полей. Нашему округу отпущено съ этою цѣлью 531,598 и на продовольствіе 1.233,411 пудовъ, а всего 1.765,009 пудовъ. По условіямъ выдачи ссуды, округъ обязанъ возвратить ее не хлѣбомъ, а деньгами, и, притомъ, не по существующей въ моментъ возвращенія цѣнѣ, а по цѣнамъ заготовительнымъ, т.-е. по тѣмъ, какія стояли во время выдачи ссуды. Разница въ цѣнахъ громадна, въ особенности относительно ржи. Такъ, заготовительная цѣна на рожь съ доставкой на мѣсто и расходами по раздачамъ ея была до 1 р. 40 к. пудъ, а въ настоящее время рожь стоитъ не дороже 25—28 коп. При такихъ условіяхъ оказывается, что нашему округу за каждый пудъ ржи приходится возвращать почти по пяти пудовъ, а за 1.765,009 пудовъ — 8.825,045 пудовъ. Въ виду такой тяжести возврата ссуды, нѣкоторыя станичныя общества возбудили ходатайства о разрѣшеніи имъ возвратить ссуды не деньгами, а хлѣбомъ.

Авторъ писемъ *Изъ деревни*, печатающихся въ *Саратовскомъ Дневникѣ*, разсказываетъ, что волость разослала «приказы» сельскимъ старостамъ, а старосты ходятъ по окнамъ, и у каждаго окна повторяется почти одно и то же. «Кузьма Петровъ дома? — «Дома». «Въ городъ ѣздилъ? Подати подавай!» — «А гдѣ я тебѣ ихъ возьму? Ѣздилъ, 20 пуд. отвезъ, да, вѣдь, у меня еще ребятишки голые и босикомъ»... Описали у мужика все имущество: сковороды, ложки, ножи, топоръ, лопаты и проч. Описали и, за неявкою торговцевъ при продажѣ, отдали все мѣстному «тузу» за безцѣнокъ. Мужикъ съ семьей очутился въ такомъ положеніи, что хлѣба отрѣзать нечѣмъ, обѣдать не на чѣмъ, засвѣтить вечеромъ нечего. Тутъ ужь онъ не выдерживаетъ и, несмотря на страдную пору, отправляется къ сельскому «аблакату» бумагу писать. Аблакатъ пишетъ бумагу на трехъ листахъ, безтолковую, темную... И результатомъ хлопотъ и бумагомараній является «отказъ», потому что какъ бы ни справедлива была претензія мужика, но разъ начальство увидѣло, что просьба писана знакомыми каракулями «извѣстнаго сельскаго крючка», отъ котораго кромѣ придиро[illegible]ъ нельзя ничего ожидать путнаго, накладываетъ резолюцію: «отказать».

Въ этомъ сообщеніи изображаются одновременно и практикующіеся способы взысканія податей, и крестьянская безпомощность. Крестьянская безпомощность! — вотъ тоже традиціонный скорбный листъ нашей сельской жизни. Какія только беззаконія не совершаются на этой почвѣ! Вотъ земскій начальникъ поставленъ охранять интересы крестьянъ, защищать ихъ,

а онъ вотъ что продѣлываетъ въ селѣ Лысыя Горы (Аткарскаго уѣзда). Въ здѣшней мѣстности,—пишутъ въ *Недѣлю*,—пользуется огромнымъ вліяніемъ земскій начальникъ г. Б. Къ сожалѣнію, это вліяніе далеко не благотворное. Въ январѣ приходится крестьянамъ платить подати. Денегъ нѣтъ и продать нечего. Крестьяне идутъ къ г. Б. и просятъ у него взаймы подъ лѣтнюю работу. Даетъ онъ по 2 р. 50 коп. и по 3 руб. съ тѣмъ, чтобы въ іюлѣ за это, по первому требованію, была убрана, т.-е. скошена, связана и свезена десятина хлѣба, что̀ по нормальнымъ цѣнамъ сто̀итъ 8—10 рублей, такъ что г. Б. получаетъ на свой капиталъ до 500% годовыхъ. Чтобы заранѣе связать крестьянина и придать въ его глазахъ этой сдѣлкѣ законный видъ, г. Б. заключаетъ ее письменно, заставляя старшину и старосту прикладывать къ ней свои печати. Но г. Б. отнюдь не даетъ такой бумажки въ руки своему должнику, а показавъ ее ему и прочитавъ, кладетъ себѣ въ карманъ. Если г. Б. не хватаетъ такихъ злополучныхъ должниковъ, чтобъ убрать весь посѣвъ, онъ сзываетъ «помочь». И идутъ всѣ на помочь, потому что по опыту знаютъ, какъ плохо придется тому, кто уклонится отъ работы. Время горячее, — лучше проработать даромъ день, чѣмъ просидѣть три. А вотъ одинъ изъ эпизодовъ, характеризующій взглядъ г. Б. на свои права. Въ прошломъ году, осенью, вздумалъ г. Б. съ пріятелями устроить облаву на волковъ. По всей Лысогорской волости былъ отданъ приказъ, чтобы въ назначенный день и часъ на эту облаву изъ каждаго дома явился одинъ человѣкъ. Сборнымъ пунктомъ было назначено мѣсто около моста черезъ р. Медвѣдицу, у Лысыхъ Горъ. Съ ранняго утра началъ стекаться народъ. Старшина и писарь стояли на мосту и отмѣчали прибывавшихъ по спискамъ. Всѣ не явившіеся были оштрафованы на 1 р. (интересно знать, въ чью пользу). Затѣмъ явилась кавалькада охотниковъ во главѣ съ г. Б., и вся собравшаяся орава, человѣкъ въ 500, была направлена въ лѣсъ. Цѣлый день эта орава бродила голодная по лѣсу, но не выгнала ни одного волка. Раздраженные неудачей, охотники приписали ее нерадивости облавщиковъ и собственноручно угощали зуботычинами и нагайками тѣхъ, которымъ приходила дерзкая мысль сѣсть и отдохнуть.

Въ той же газетѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе «письмо изъ Самары», въ которомъ разсказывается дѣло, разбиравшееся въ Самарѣ осеннею сессіей саратовской судебной палаты. На скамьѣ подсудимыхъ фигурировало въ полномъ составѣ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе съ статскимъ совѣтникомъ г. Акимовымъ во главѣ, изъ-за котораго, главнымъ образомъ, и возникло дѣло. Г. Акимовъ былъ избранъ въ уѣзд- е предводители дворянства въ 1881 г. и состоялъ въ этомъ званіи до обужденія описываемаго дѣла. Николаевскій уѣздъ, Самарской губерніи, богатъ дворянами, и большинство ихъ — мелкопомѣстные, неоплатные жники банковъ и кандидаты въ «безпомѣстныхъ». Г. Акимовъ единственная крупная величина какъ по средствамъ, такъ особенно и по «связямъ». Немудрено, что онъ пріобрѣлъ большое вліяніе среди мѣстной администраціи. И вотъ что онъ дѣлалъ, пользуясь этимъ вліяніемъ. Свидѣтель

генералъ-маіоръ Лишинъ, на долю котораго выпала роль обличителя и который, къ сожалѣнію, не дожилъ до разбора дѣла, на предварительномъ слѣдствіи говорилъ: «Когда я въ 1884 г. поступилъ на должность непремѣннаго члена уѣзднаго присутствія, я вскорѣ убѣдился, что здѣсь царитъ полнѣйшій произволъ». На одного изъ старшинъ была принесена жалоба, въ которой онъ обвинялся въ *нанесеніи истязаній при взысканіи недоимокъ*; свидѣтель, какъ непремѣнный членъ, произвелъ дознаніе, которымъ было вполнѣ удостовѣрено, *что недоимщиковъ клали въ сборной избѣ подъ лавку и били ногами*; однако, подъ давленіемъ г. Акимова, присутствіе нашло здѣсь только одну «распорядительность». Волостной старшина Земкинъ обвинялся *въ нанесеніи истязаній* при исполненіи служебныхъ обязанностей, *послѣдствіемъ чего была смерть крестьянина*... Присутствіе оставило дѣло подъ сукномъ. То же произошло съ дѣломъ сельскаго старосты и писаря, уличенныхъ *въ лихоимствѣ*, но освобожденныхъ присутствіемъ по настоянію г. Акимова, который усмотрѣлъ здѣсь только «подарокъ»... Словомъ, сельское начальство творило всякія преступленія, но непремѣнный членъ г. Лишинъ ничего не могъ сдѣлать. Отставной унтеръ-офицеръ Полковниковъ былъ присужденъ волостнымъ судомъ за распространеніе ложныхъ слуховъ къ наказанію 20 ударами розогъ. Полковниковъ перенесъ дѣло въ уѣзднее присутствіе и указывалъ на то, что по закону онъ, какъ «георгіевскій кавалеръ», сѣченію розгами не подлежитъ. Уѣздное присутствіе приказало «выдрать безъ всякихъ разговоровъ» и приговоръ волостного суда утвердило. «Георгіевскій кавалеръ» подаетъ жалобу въ губернское присутствіе, и послѣднее отмѣняетъ постановленіе г. Акимова, указывая на то, что Полковниковъ не можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію. «Выдрать!»—приказываетъ г. Акимовъ,—и «георгіевскій кавалеръ» подвергается поркѣ, да еще за свое переченье — *съ истязаніемъ*». «Кавалеръ» подаетъ жалобу, но г. исправникъ (членъ того же присутствія) производитъ дознаніе, которое ничего «не подтверждаетъ». Уѣздный исправникъ г. Верещагинъ, какъ и другія менѣе крупныя уѣздныя власти, находились всецѣло въ зависимости отъ г. Акимова, находя неудобнымъ стать въ оппозицію съ предводителемъ дворянства.

Общество крестьянъ села Пестровки «опекалось» ставленниками г. Акимова, волостными писарями Плаксиными. Это «опеканіе» выражалось цѣлымъ рядомъ подлоговъ, своевольства и хищничества. Долго терпѣли мужики, наконецъ, не стало силъ и они обратились къ защитѣ непремѣннаго члена г. Лишина. Послѣдній произвелъ дознаніе и сообщилъ присутствію, что имъ найдено вполнѣ достаточно данныхъ для привлеченія Плаксиныхъ къ уголовной отвѣтственности. Присутствіе, въ лицѣ г. Акимова, прослушало и нашло достаточнымъ ограничиться «выговоромъ». Г. Лишинъ, по обыновенію, остался при особомъ ничего не значущемъ мнѣніи. Когда крестьяне узнали, что присутствіе ограничилось однимъ выговоромъ и, слѣдовательно, общество совсѣмъ не гарантировано отъ дальнѣйшихъ обираній, они собрали сходъ и составили приговоръ объ удаленіи ставленниковъ

Акимова изъ своего общества. Вотъ интересныя строки крестьянскаго приговора: «Несмотря на то, что общество имѣетъ до 10,000 рублей доходу, недоимки постоянно ростутъ; при повѣркѣ книгъ вспомогательной кассы, оказались растраты и подлоги; во всемъ этомъ общество считаетъ виновными Плаксиныхъ, а такъ какъ уѣздное присутствіе сдѣлало имъ только выговоръ, который нашему брату, мужику, не стоитъ ни копѣйки, то общество *изъ боязни, что Плаксины будутъ занимать свои прежнія должности,* постановили исключить ихъ изъ своей среды». Приговоръ этотъ крестьяне вручили чрезъ своего старшину *лично губернатору*, прося послѣдняго командировать своего чиновника и *раскрыть правду*. Въ виду поданной крестьянскимъ обществомъ жалобы, губернское присутствіе потребовало отъ уѣзднаго произвести чрезъ непремѣннаго члена болѣе внимательное разслѣдованіе дѣла и всю переписку о Плаксиныхъ представить ему. Уѣздное присутствіе положило это требованіе подъ сукно, а ставленники г. Акимова, Плаксины, остались незаконно должностными лицами пестровскаго общества.

Тогда губернское присутствіе опредѣляетъ передать дознаніе по дѣлу Плаксиныхъ г. Лишину, отобравъ его отъ Рулева, которому оно поручено уѣзднымъ присутствіемъ и который былъ другъ-пріятель Плаксиныхъ, а о дѣйствіяхъ уѣзднаго присутствія довести до свѣдѣнія правительствующаго сената. Однако, г. Акимовъ не унимается: проходитъ 3 мѣсяца, а предписаніе губернскаго присутствія о передачѣ дѣла г. Лишину остается неисполненнымъ. Когда г. Акимова спрашиваютъ, почему не исполняется постановленіе губернскаго присутствія, онъ безъ стѣсненія заявляетъ, что г. Лишинъ неизвѣстно гдѣ пропадаетъ и въ присутствіе давно уже не показывается (г. Лишинъ жилъ въ своемъ имѣніи и имѣлъ постоянныя сношенія съ присутствіемъ). *Около года* дѣло Плаксиныхъ оставалось безъ всякаго движенія... Г. Лишинъ бросилъ службу, а присутствіе, лично чрезъ г. Акимова производившее учетъ Плаксинымъ, нашло, что есть просчеты, но подлоговъ не имѣется, почему Плаксины признаны ни въ чемъ неповинными.

Вотъ поразительная картина произвола, царившаго въ Николаевскомъ уѣздѣ въ теченіе 10 лѣтъ! Дѣло кончилось тѣмъ, что все уѣздное присутствіе было обвинено въ неподчиненіи предписаніямъ губернскаго присутствія и судъ сословныхъ представителей опредѣлилъ *сдѣлать строгій выговоръ* безъ внесенія въ формуляръ г. Акимову, исправнику Верещагину и др.

Г. Акимова защищалъ присяжный повѣренный Ященко, тотъ самый Ященко, который за одно дѣло съ крестьянами былъ временно исключенъ изъ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ. По окончаніи суда губернскій предводитель дворянства, возсѣдавшій въ числѣ сословныхъ представителей, поздравилъ своего товарища съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла, причемъ троекратно облобызался съ нимъ на глазахъ изумленныхъ обывателей...

Къ той же категоріи возмущающихъ душу явленій относится сообщеніе въ *Недѣлѣ* о «возрожденіи конюшни», служившей при крѣпостномъ правѣ

обычнымъ мѣстомъ сѣченія людей. На базарной площади въ селѣ Полецахъ, Нижегородскаго уѣзда, крестьянинъ по разсѣянности или вслѣдствіе нѣкотораго опьяненія не поклонился земскому начальнику 5 участка г. Михайлову. Михайловъ тростью сшибъ шапку съ мужика и, кромѣ того, ударилъ его кулакомъ. Мужикъ началъ ругаться и въ свою очередь толкнулъ земскаго начальника, который ничего лучше не придумалъ сдѣлать, какъ приказать сотскимъ отвести мужика на *конюшню* и тамъ его *хорошенько выдрать*. Свѣдѣніе объ этомъ происшествіи уже дошло до нижегородскаго губернскаго присутствія, которое представило министру внутреннихъ дѣлъ о преданіи г. Михайлова суду. Состоялось ли это преданіе—неизвѣстно; но въ газетахъ появилось слѣдующее краткое извѣстіе: «Приказомъ министра внутреннихъ дѣлъ земскій начальникъ 5 участка, Нижегородскаго уѣзда, отставной поручикъ С. А. Михайловъ, уволенъ, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ, отъ службы въ отставку».

Подвигъ саранскаго предводителя дворянства (въ Пензенской губерніи) г. Юрлова еще болѣе характеренъ. Г. Юрловъ осматривалъ свою конюшню и при этомъ замѣтилъ, что конюхъ Власовъ, парень 20 лѣтъ, толкнулъ одну изъ лошадей въ бокъ рукояткой вилъ. Власовъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что лошадь наступила на его босую ногу своею подковой и, чтобъ избавиться отъ нестерпимой боли, онъ отпугнулъ лошадь. Г. Юрловъ, однако, никакихъ резоновъ не принималъ и вытащилъ Власова за ухо на дворъ конюшни, гдѣ приказалъ своему кучеру и наѣзднику пороть Власова ременнымъ арапникомъ. Экзекуція была настолько жестока, что спина и руки, которыми несчастный старался укрыться, были буквально исхлестаны въ кровь. Но этого показалось мало руководившему истязаніемъ г. Юрлову. Онъ схватилъ Власова за волосы и тыкалъ его лицомъ въ землю, потомъ приказалъ принести вилы и ударить Власова по спинѣ рукояткой, «чтобъ онъ зналъ, какъ бить моихъ лошадей». Совершивши это безобразное самоуправство, г. Юрловъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разъѣзжаетъ по уѣзду и весьма развязно всѣмъ объясняетъ:

«— Нельзя, знаете, не проучить этихъ конюховъ, это необходимо. Я нимало не скрываю, что выпоролъ мужика, я даже этимъ горжусь. Я знаю, что будетъ сдѣлана попытка меня за это пропечатать, но я надѣюсь, что званіе предводителя спасетъ меня отъ этой непріятности».

Часто слышатся за послѣднее время,—замѣчаетъ авторъ сообщенія,—вопли о распущенности народа. Приведенные случаи—тоже одинъ изъ такихъ воплей. Однако, едва ли есть сомнѣніе, о чьей именно распущенности они вопіютъ.

Розги!... Печально, что за послѣднее время стала практиковаться эта мѣра наказанія, позорящая личность, убивающая чувство человѣческаго достоинства, а потому дѣйствующая въ разрѣзъ тому, что составляетъ задачу уголовной политики. Мало того, наказаніе предполагаетъ вину, а у насъ установилась практика сѣчь недоимщиковъ въ предположеніи, что они могутъ заплатить, да не хотятъ. Въ большинствѣ случаевъ, такое пре-

положеніе не оправдывается. За что же предали человѣка позорящему наказанію? Да и можно ли наказывать лишь въ предположеніи возможной виновности?

За послѣднее время въ обществѣ ярко проявилось и продолжаетъ расти движеніе въ пользу распространенія просвѣщенія въ народѣ и поднятія въ немъ тѣмъ самымъ чувства достоинства. Чѣмъ просвѣщеннѣе человѣкъ, чѣмъ выше въ немъ развито чувство достоинства, тѣмъ страшнѣе, тѣмъ ужаснѣе для него тѣлесное наказаніе. И дѣйствительно, народъ нашъ относится къ поркѣ теперь уже не такъ, какъ прежде. Въ газетахъ начинаютъ появляться извѣстія о самоубійствахъ послѣ перенесенія тѣлеснаго наказанія. Черниговская губернская управа пригласила прошлымъ лѣтомъ въ Черниговъ извѣстнаго педагога Д. И. Тихомірова для прочтенія безплатныхъ лекцій учителямъ и учительницамъ сельскихъ школъ Черниговской губерніи. Курсы эти прошли очень оживленно. Послѣ курсовъ, учителя и учительницы, собравшіеся почти изъ всѣхъ школъ Черниговской губерніи, возбудили цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся земскихъ школъ и нуждъ народнаго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на собраніи говорилось и о томъ, что окончившіе курсъ школы, продолжая общеніе съ нею и самообразованіе, достигаютъ такого уровня развитія, когда розга считается не только орудіемъ физической боли, но является для нихъ нравственнымъ оскорбленіемъ, поруганіемъ ихъ человѣческаго достоинства. Результатомъ обсужденія этого дѣло было единогласное постановленіе обратиться къ земству съ просьбой, чтобъ оно возбудило ходатайство о причисленіи земскихъ школъ къ разряду тѣхъ учебныхъ заведеній, успѣшное окончаніе которыхъ освобождаетъ навсегда отъ тѣлеснаго наказанія.

Поднятый черниговскими учителями и учительницами вопросъ имѣетъ тѣмъ болѣе важное значеніе, что теперь просвѣщеніе въ народѣ ростетъ съ каждымъ днемъ. Это именно та сфера, гдѣ всего болѣе и всего чаще встрѣчаешь отрадныхъ извѣстій. Работаетъ здѣсь по мѣрѣ силъ земство, работаютъ различныя общества и отдѣльныя лица, при наличности матеріальныхъ средствъ работаетъ здѣсь и самъ народъ. Уже одни большія цифры простонародья, посѣщающаго устраиваемыя для него чтенія, свидѣтельствуютъ, какъ сильно развилась въ народѣ потребность къ просвѣщенію. Отовсюду, гдѣ только устроены народныя чтенія, идутъ сообщенія, что народъ сходится тысячами, залы переполнены, многимъ не хватаетъ мѣстъ. На-дняхъ намъ присланъ отчетъ о дѣятельности воронежской коммиссіи народныхъ чтеній за мартъ-апрѣль текущаго года. За это время коммиссіей было устроено 10 чтеній, на которыхъ перебывало 10,163 человѣка. 10,163 посѣтителя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, 1,016 посѣтителей въ среднемъ на каждое чтеніе, достаточно говорящая сама за себя цифра. Читались: *О Петрѣ Великомъ* Рождественскаго, *Рѣка Вома* Кологривова, *Жизнь Божіей Матери* Соколова, *Троице-Сергіевская лавра и значеніе ея для русскаго народа* Петрова, *Что такое каменный уголь и какъ его добываютъ?* Никитскаго, *Подвигъ купца Иголкина* Полевого, *Біографія*

М. В. Ломоносова Филонова, *Капитанская дочка* Пушкина, *Какъ велика земля и какою она вида* Медера, *Суворовъ* Рождественскаго, *Русскія владѣнія въ Средней Азіи* Кологривова. Чтенія иллюстрировались при помощи волшебнаго фонаря. Повидимому, наиболѣе сильное впечатлѣніе произвели чтенія о Волгѣ, о добываніи каменнаго угля и о подвигѣ купца Иголкина. Объ этихъ чтеніяхъ много разговоровъ было въ народѣ. Явившись послѣ чтенія о Волгѣ раздать нѣсколько безплатныхъ билетовъ въ одну изъ мастерскихъ, составитель отчета былъ свидѣтелемъ крайне оживленныхъ разговоровъ о чтеніи среди мальчиковъ и подмастерій, восторженныхъ отзывовъ о картинахъ; одинъ изъ подмастерій даже отказался отъ даровато билета на слѣдующее чтеніе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что за такое удовольствіе онъ и гривенникъ заплатить готовъ, не то что пятакъ. На четвертое чтеніе явилось столько народу, что многимъ пришлось отказать. Въ числѣ непопавшихъ оказались также жители пригородныхъ слободъ, пришедшіе на чтеніе за нѣсколько верстъ. Изъ числа посѣтившихъ чтенія безплатныхъ было только 2,912, а 7,251 человѣкъ внесли плату. Денежныя средства, съ которыми начатъ былъ сезонъ чтеній, были самыя незначительныя—250 р. 12 к. и пріобрѣтенный волшебный фонарь. Приходъ комиссіи за отчетные два мѣсяца выразился въ 547 р. 74 к., составившихся изъ 362 р. 55 к. входной платы, членскихъ взносовъ, пожертвованій и сбора съ литературно-музыкальнаго вечера. Расходы же по устройству самихъ чтеній составили только 211 руб. 52 кон. Правда, зала для чтеній все время предоставлялась даромъ г. Столлемъ.

Изъ того же Воронежа сообщаютъ, что 1 октября состоялось тамъ открытіе библіотеки *имени А. В. Кольцова.* Библіотека помѣщается почти на окраинѣ города, гдѣ населеніе состоитъ преимущественно изъ чернорабочихъ на желѣзной дорогѣ и ремесленниковъ. При библіотекѣ будетъ и читальня. Создалась библіотека А. В. Кольцова по частному почину и исключительно на частныя средства. Были пожертвованы частными лицами денежныя средства и книги; нѣкоторыя издательскія столичныя фирмы не отказались помочь въ даровой высылкѣ произведеній наиболѣе извѣстныхъ писателей; часть книгъ пріобрѣтена на членскіе взносы.

Въ *Казанскомъ Телеграфѣ* читаемъ, что сарапульская земская управа извѣстила всѣ волостныя правленія уѣзда, что комитетъ грамотности при вольномъ экономическомъ обществѣ постановилъ снабдить безплатно книгами 100 вновь открывающихся земскихъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ. При этомъ управа пригласила волостныя правленія и сходы дать ей свѣдѣнія, какія волости или сельскія общества желаютъ имѣть у себя библіотеки и какое примутъ участіе въ расходахъ по содержанію библіотекъ. Съ своей стороны управа предполагаетъ ходатайствовать объ открытіи народныхъ библіотекъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ будетъ отведено отъ обществъ, церковныхъ попечительствъ или частныхъ лицъ готовое безплатное помѣщеніе для библіотеки съ отопленіемъ и прислугою, на счетъ же земства принять вознагражденіе лица, завѣдующаго библіотекою и, пополненіе кни-

гами. Въ отвѣтъ на циркуляръ послѣдовали девять приговоровъ отъ волостныхъ сходовъ съ изъявленіемъ желанія имѣть библіотеки, такъ какъ «училищныя библіотеки, — говорится въ приговорахъ, — не въ состояніи удовлетворить вполнѣ потребности въ чтеніи». Достойно вниманія, что потребность въ библіотекахъ въ такой мѣрѣ сознана здѣсь, что населеніе добровольно принимаетъ на себя участіе въ расходахъ по содержанію этихъ учрежденій. Казанская газета передаетъ: «Свои ходатайства объ устройствѣ библіотекъ сходы сопровождаютъ не только полнымъ согласіемъ принять условія земской управы, но даже предлагаютъ пожертвованія сверхъ этого: такъ, одно общество даетъ на первое обзаведеніе 20 р., другое— 40 руб. Въ Воткинскомъ заводѣ крестьяне отказались совершенно отъ матеріальной помощи земства и назначили свой собственный капиталъ въ 2,000 р. на устройство библіотеки.

Отмѣтимъ кстати и другой фактъ. По сообщенію той же газеты, на извѣстномъ Ижевскомъ заводѣ нынѣшнимъ лѣтомъ рабочіе сдѣлали постановленіе: «въ теченіе пяти лѣтъ, пока продолжаются усиленныя работы на фабрикѣ, отчислять съ каждаго заработнаго рубля по одной копѣйкѣ для образованія школьнаго фонда. Расходы съ этого фонда должны служить для усиленія средствъ народнаго образованія въ заводѣ». По самому скромному разсчету, въ теченіе этихъ пяти лѣтъ должна составиться сумма отъ 90 до 100 тысячъ рублей.

Какъ извѣстно, петербургскій комитетъ грамотности открылъ подписку для пріема пожертвованій на народныя читальни. На одномъ изъ послѣднихъ его засѣданій секретарь комитета, Д. Д. Протопоповъ, заявилъ, что разсчеты комитета въ одномъ отношеніи оказались ошибочными, а въ другомъ—превзошли ожиданія. Комитетъ разсчитывалъ, главнымъ вбразомъ, на состоятельные классы. Но отсюда получилась сумма значительно менѣе ожидавшейся. Тогда комитетъ обратился къ «мірской казнѣ» и положеніе дѣлъ сразу измѣнилось. Со всѣхъ концовъ Россіи стали поступать пожертвованія отъ рубля до почтовой марки. Бѣдный рабочій людъ посылаетъ, что можетъ, изъ своихъ скромныхъ заработковъ, извиняясь, что больше послать не можетъ. Получено много складчинъ прикащиковъ, рабочихъ и крестьянъ.

Въ виду чувствуемой народомъ потребности въ образованіи, какъ потребности насущнѣйшей, не представляется ли болѣе чѣмъ страннымъ опротестованіе губернаторомъ постановленій саратовскаго губернскаго земскаго собранія о внесеніи въ смѣту слѣдующихъ расходовъ: 1,500 руб. на народныя библіотеки и 1,000 руб. на устройство въ селеніяхъ народныхъ чтеній? Ст. 90 новаго земскаго положенія даетъ губернатору право протестовать противъ такихъ постановленій земства, которыя, по его мнѣнію, не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ. Но не можетъ же г. саратовскій губернаторъ считать, что народныя библіотеки и народныя чтенія не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ? Единственнымъ мотивомъ къ протесту служитъ предположеніе объ обременительности ука-

занныхъ расходовъ для населенія. Но, вѣдь, дѣло идетъ о раскладкѣ 2,500 рублей на населеніе цѣлой губерніи! И почему, спрашивается, сокращеніе въ земскомъ бюджетѣ г. губернаторъ желаетъ сдѣлать именно на счетъ народнаго образованія, а не на какихъ-либо другихъ статьяхъ расхода, которыя, быть можетъ, по мнѣнію мѣстныхъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ нуждами губерніи, съ меньшимъ вредомъ для дѣла могли бы быть исключены изъ смѣты расходовъ? Надо думать, что комитетъ министровъ, на разсмотрѣніе котораго перешло это дѣло, не признаетъ уважительнымъ протестъ саратовскаго губернатора.

На ряду съ заботой о школахъ, о сельскихъ библіотекахъ, о народныхъ чтеніяхъ, въ послѣднее время обращаетъ на себя болѣе и болѣе вниманія дѣло устройства въ селахъ книжныхъ складовъ для дешевой продажи крестьянскому населенію хорошихъ книгъ.

Въ послѣднее время за необходимость устройства книжныхъ складовъ высказалось большинство земствъ и многія изъ нихъ уже приступили къ организаціи подобныхъ складовъ. Такимъ образомъ, возникло и развивается еще новое и важное орудіе для просвѣщенія народа.

Земство, столичная и провинціальная печать много занимались въ послѣднее время проектомъ министерства земледѣлія объ учрежденіи мѣстныхъ органовъ сельско-хозяйственнаго управленія, вѣдающихъ нужды сельскаго хозяйства и кустарной промышленности. Въ печати явилось уже значительное число отзывовъ, исходящихъ изъ разныхъ губерній, и всѣ они проникнуты одною мыслью, что проектируемая министерствомъ бюрократическая организація рѣшительно не соотвѣтствуетъ своей задачѣ, что она не въ состояніи служить живому дѣлу развитія сельскаго хозяйства. Нельзя не признать справедливой остроумную характеристику, какую даетъ журналъ *Хозяинъ* проекту мѣстныхъ органовъ сельско-хозяйственнаго управленія. «Во Франціи,—говоритъ журналъ,—есть особый родъ кулинарной литературы, стремящейся помочь малосостоятельному и экономному населенію создавать свой обѣдъ «en bourgois» посредствомъ «L'art de conserver les réstes». Наша деревня тоже, при ея бѣдности и экономіи финансоваго вѣдомства, принуждена прибѣгнуть къ этому же «искусству», чтобы создать «мѣстные органы министерства земледѣлія». Возьми немного губернатора, такое же количество казенной палаты, немного дворянскаго и крестьянскаго банка, столько же земства и дворянства, вчетверо больше землевладѣльца и подогрѣй все это на агрономическомъ огнѣ,—таковъ рецептъ для устройства губернскаго сельскохозяйственнаго комитета. Но неужели всѣ эти вѣдомства, дающія членовъ въ губернскій комитетъ,—спрашиваетъ *Хозяинъ*,—до сихъ поръ получали даромъ свое жалованье и ничего не дѣлали? Неужели предстоящее дѣло «мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія»—такое пустое дѣло, что имъ могутъ съ успѣхомъ заниматься, между прочимъ, люди, утомленные въ теченіе цѣлаго дня исполненіемъ своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей? Мы не думаемъ, чтобъ это было такъ, потому что изъ министерской записки мы видимъ, что «усиленіе на мѣстахъ сельско-хозяйственной дѣя-

тельности указываетъ на необходимость образованія въ губерніи такого учрежденія, которому, при разрѣшеніи извѣстныхъ дѣлъ, центральная власть могла бы передать часть своихъ полномочій, въ интересахъ скорѣйшаго хода этихъ дѣлъ, и черезъ которое, въ то же время, для полнаго освѣщенія съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, доходили бы до нея дѣла, требующія ея непосредственнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія». Разъ всѣ такія дѣла будутъ проходить чрезъ предполагаемый комитетъ, то нельзя ожидать, чтобы работа комитетовъ не потребовала отъ своихъ членовъ, отбывающихъ эту новую «натуральную повинность», затраты не малаго количества времени и силъ. Но такъ какъ этихъ послѣднихъ въ наличности не можетъ быть, то слѣдуетъ ожидать, что неминуемая бездѣятельность новаго органа приведетъ его къ атрофіи».

Обсуждавшими министерскій проектъ обращено было также вниманіе на тѣ его параграфы, которые говорятъ о наблюденіи комитета за дѣятельностью земскихъ учрежденій по воспособленію мѣстному земледѣлію и сельско-хозяйственной промышленности. По общему мнѣнію, осуществленіе этихъ параграфовъ сильно затормазило бы дѣятельность земства, то-есть того органа, который обладаетъ гораздо большимъ знаніемъ условій мѣстной жизни, нежели какое имѣютъ члены проектируемаго комитета. Для успѣшнаго проявленія дѣятельности земствъ требуется не стѣсненіе ихъ, а, напротивъ, предоставленіе имъ возможно полной свободы въ ихъ начинаніяхъ, такъ какъ только при этомъ условіи можно надѣяться на то, что они будутъ дѣйствовать энергично и съ живымъ интересомъ къ дѣлу.

Не менѣе страннымъ и неожиданнымъ отъ министерства земледѣлія представилось намѣреніе его возложить на земскихъ начальниковъ миссію къ улучшенію крестьянскаго сельскаго хозяйства. Интересныя и поучительныя свѣдѣнія сообщаетъ по этому поводу орловскій корреспондентъ *Новаго Времени* г. Ромеръ. Прежде всего, онъ констатируетъ, что всѣ безъ исключенія члены орловской земской коммиссіи приняли извѣстіе объ этомъ намѣреніи министерства съ «крайне непріятнымъ, даже тяжелымъ чувствомъ». Въ провинціи, конечно, еще не забыта,—говоритъ авторъ,—«радужная идиллія медового мѣсяца гг. земскихъ начальниковъ, о которой говорилось въ нѣкоторыхъ кругахъ Петербурга. Но,—пишетъ г. Ромеръ,—вмѣстѣ со всѣми другими жителями селъ и деревень, я былъ наивно, пообывательски, убѣжденъ, что суровая и холодная дѣйствительность давно убила цвѣты петербургскихъ мечтаній. Вѣдь, нашему брату даже въ голову не приходитъ, чтобы можно было не видѣть и не знать ежедневно совершающихся фактовъ. Оттого-то и происходитъ между столицами и провинціей взаимное непониманіе другъ друга... Намъ казалось ужь что-что, а никому и не приснится въ земскомъ начальникѣ хозяинъ. Вѣдь, именно безхозяйственность этихъ господъ явилась какъ бы отличительною ихъ чертою, быстро подмѣченною крестьянами. На самомъ дѣлѣ, земскими начальниками, за весьма рѣдкими исключеніями, состоятъ либо (въ лучшемъ случаѣ) землевладѣльцы съ подорванными средствами, либо даже неизвѣстно

откуда появившіеся офицеры. Мудрено ли, что въ крестьянствѣ утвердилось убѣжденіе, будто «настоящій, стоющій баринъ» въ земскіе не пойдетъ? Авторъ письма живетъ въ уѣздѣ, который по личному составу земскихъ начальниковъ находится въ исключительно счастливомъ положеніи. Тѣмъ не менѣе, г. Ромеръ «вынужденъ засвидѣтельствовать по совѣсти, что даже и при такомъ составѣ ближайшаго начальства крестьянское благосостояніе или крестьянское хозяйство въ уѣздѣ не подвинулось ни на одинъ шагъ впередъ, а, напротивъ, замѣчается даже какъ бы обратное движеніе, да и вообще особенныхъ похвалъ «новымъ порядкамъ» я ни отъ одного крестьянина,—буквально ни отъ одного,—не слыхивалъ. Что же происходитъ въ другихъ уѣздахъ, менѣе счастливо обставленныхъ?»

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, авторъ приводитъ изъ сотенъ «печальнѣйшихъ фактовъ», характеризующихъ дѣятельность земскихъ начальниковъ, лишь нѣсколько примѣровъ, несомнѣнность которыхъ вполнѣ удостовѣрена:

«Существуетъ циркуляръ одного изъ гг. земскихъ начальниковъ, разосланный по волостнымъ правленіямъ, которымъ предписывается наблюдать, чтобы каждый крестьянинъ, даже ѣдущій съ нагруженнымъ возомъ, при встрѣчѣ съ землевладѣльцемъ свернулъ бы въ сторону, всталъ, снялъ шапку и проводилъ бы встрѣченную особу глазами. Такимъ образомъ, крестьянину вмѣняется въ обязанность такая экстренная и разорительная вѣжливость, которой никто не рѣшался требовать отъ него даже при крѣпостномъ правѣ. Долженъ ли въ отвѣтъ на подобную вѣжливость встрѣчный землевладѣлецъ хотя бы кивнуть головой,—изъ циркуляра не усматривается.

«Бывшій непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія, землевладѣлецъ, губернскій гласный и врачъ, И. Н. Пущинъ, разсказалъ цѣлой земской коммиссіи, что въ минувшемъ году, въ самый разгаръ холерной эпидеміи, одинъ земскій начальникъ, прямо вопреки закону, своею властью разрѣшилъ крестьянамъ мочить пеньку въ рѣкахъ, непосредственнымъ слѣдствіемъ чего было девятнадцать заболѣваній холерою, констатированныхъ надлежащею медицинскою властью. Всѣмъ извѣстный въ Орлѣ сельскій хозяинъ и коннозаводчикъ, предсѣдатель орловской земской управы, В. Н. Телѣгинъ, свидѣтельствуетъ, что въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи по раздачѣ пособій хлѣбомъ крестьянству въ неурожайный годъ, когда зашла рѣчь о какомъ-то попорченномъ хлѣбѣ, которымъ брезгали даже голодающіе, г. земскій начальникъ упорно отстаивалъ этотъ хлѣбъ съ тѣмъ только, чтобы предложить его нуждающимся непремѣнно въ видѣ муки. Настойчивость защиты произвела даже нѣкоторое удивленіе въ коммиссіи... хотя потомъ разъ ясилось, что г. земскій начальникъ арендуетъ нѣсколько мельницъ».

Отмѣчая эти и еще нѣсколько другихъ фактовъ, авторъ говоритъ:

«Не подумайте, гг. читатели, будто я тщательно подыскивалъ и группировалъ свои примѣры. Вовсе нѣтъ! Я просто привелъ первые пришедшіе на память и, если угодно, насыплю вамъ еще десятки подобныхъ. Въ томъ то и дѣло, что разсказанные мною факты отнюдь не особенно рѣдки и

исключительны, а, напротивъ, принадлежатъ къ числу явленій достаточно заурядныхъ. По этой же причинѣ наше обывательское воображеніе въ первую минуту отказывалось понять, какимъ образомъ министерство могло не знать множества подобныхъ фактовъ, и почему, зная ихъ, все-таки, намѣревается привлечь земскихъ начальниковъ къ участію...» и проч.

Въ заключеніе своей статьи авторъ ея справедливо замѣчаетъ, что хозяйственныя реформы и улучшенія, новыя орудія, новые пріемы въ обработкѣ земли, какъ и всякое дѣло знанія, могутъ быть удачно вводимы въ обиходъ дѣйствительной жизни только силою убѣжденія, всякое же насильственное ихъ вколачиваніе приноситъ огромный вредъ, надолго отвращая населеніе отъ указаній разума и науки.

Самою компетентною и благожелательною силой, чуждой, вмѣстѣ съ тѣмъ, какихъ-либо насильственныхъ мѣропріятій, является въ сельской средѣ земство. Въ лицѣ своихъ «экономическихъ совѣтовъ», возникшихъ при многихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управахъ, земство создало образцовую организацію мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ органовъ. И для министерства земледѣлія не открывается болѣе правильнаго пути, какъ воспользоваться этою организаціей, войти съ ней въ непосредственныя сношенія и содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, ея дальнѣйшему развитію. Это дальнѣйшее развитіе, какъ справедливо указываетъ авторъ *Внутренняго обозрѣнія* въ нашемъ журналѣ *), можетъ состоять только въ большемъ обобщеніи земскихъ работъ. Экономическіе совѣты, состоящіе при уѣздныхъ земскихъ управахъ,—говоритъ авторъ обозрѣнія,—являются простѣйшими формами. Болѣе сложною формой могло бы служить собраніе уполномоченныхъ уѣздныхъ экономическихъ совѣтовъ для тѣхъ интересовъ сельскаго хозяйства, которые касаются цѣлой губерніи Конечнымъ въ цѣпи этихъ органовъ могъ бы быть окружной съѣздъ для всѣхъ вопросовъ, которые относятся до сельскаго хозяйства цѣлой группы губерній, находящихся въ сходныхъ климатическихъ и бытовыхъ условіяхъ.

Земства не только создали цѣлесообразные мѣстные сельско-хозяйственные органы, но и осуществили уже многія изъ тѣхъ мѣропріятій, которыя имѣетъ въ виду министерство земледѣлія. Они создали институтъ агрономическихъ инспекторовъ, имѣющихъ близкія и живыя сношенія съ населеніемъ по предметамъ сельскаго хозяйства; они энергично работаютъ по устройству фермъ, опытныхъ и доказательныхъ полей, сельско-хозяйственныхъ выставокъ, по распространенію улучшенныхъ сѣмянъ, травосѣянія, усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, усовершенствованныхъ способовъ удобренія, улучшенія луговъ; они обращаютъ большое вниманіе на поддержку и развитіе кустарныхъ промысловъ. Съ достаточною подробностью о всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ земства намъ приходилось уже не разъ писать въ нашихъ очеркахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы фактически обосновывали то важное обстоятельство, на которое слѣдуетъ обратить особенное вни-

*) Октябрь 1894 г.

маніе, что степень утилизаціи крестьянствомъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій земства обусловливается, главнымъ образомъ, размѣрами надѣловъ. Гдѣ надѣлы больше, тамъ больше и достатка, больше и утилизація сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій. Но здѣсь уже роль земства кончается и выступаетъ на сцену роль государства. Земство по своимъ средствамъ не можетъ сдѣлать много для расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Сдѣлать это подъ силу только государству. И чѣмъ значительнѣе будетъ расширено крестьянское землевладѣніе, тѣмъ скорѣе разцвѣтетъ и агрономическая дѣятельность земства.

Рядомъ съ заботами о крестьянинѣ начинаютъ проявляться въ нашемъ обществѣ, за послѣднее время, и заботы о фабричномъ рабочемъ. Однимъ изъ важныхъ золъ нашей промышленной жизни является чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня. Лодзинское отдѣленіе общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ обратило вниманіе на это зло, выработало проектъ законодательной нормировки рабочаго времени въ фабричныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ и возбудило передъ правительствомъ соотвѣтствующее ходатайство. За лодзинскимъ отдѣленіемъ послѣдовало московское общество для содѣйствія улучшенію мануфактурной промышленности. Съ цѣлью присоединиться къ лодзинскому ходатайству, оно напечатало и разослало своимъ членамъ для предварительнаго ознакомленія какъ лодзинскій проектъ, такъ и обширную объяснительную записку къ нему. Выдержками изъ этой записки *Русскія Вѣдомости* знакомятъ насъ со взглядами на это дѣло московскаго общества.

Извѣстно,—говорится въ запискѣ,—что средняя продолжительность жизни фабричныхъ рабочихъ короче, чѣмъ другихъ слоевъ населенія, что они чаще болѣютъ и вообще отличаются слабымъ тѣлосложеніемъ и здоровьемъ. Изслѣдованія, произведенныя въ разныхъ странахъ и въ нашемъ отечествѣ, вездѣ приходили къ неутѣшительнымъ заключеніямъ на этотъ счетъ. Одной изъ важнѣйшихъ мѣръ для улучшенія здоровья и увеличенія силы рабочаго служитъ сокращеніе продолжительности работы и предоставленія, тѣмъ самымъ рабочему достаточнаго срока для отдыха, сна и развлеченія. Ограниченіе рабочаго дня является, такимъ образомъ, настоятельною потребностью, удовлетвореніе которой, къ тому же, выгодно не для однихъ только рабочихъ, но и для предпринимателей. Опытъ доказываетъ, что слишкомъ удлиненный рабочій день истощаетъ силы работника, дѣлаетъ его вялымъ, вслѣдствіе чего оказывается, что онъ производитъ тогда не больше, а иногда и меньше, да, притомъ, хуже, чѣмъ во время болѣе короткое, когда онъ, благодаря достаточному отдыху, приступаетъ къ работѣ со свѣжими силами и бодростью. Въ Англіи, наприм., собрано много наблюденій, доказывающихъ, что производительность труда увеличивается съ уменьшеніемъ продолжительности рабочаго дня. «Вездѣ замѣчено,—говоритъ извѣстный профессоръ Брентано,—что рабочіе въ тѣхъ странахъ, которыя приняли краткій рабочій день, выдѣлываютъ болѣе, чѣмъ рабочіе въ странахъ, гдѣ работа длится большее число часовъ».

Въ Швейцаріи въ 1877 году установлена максимальная продолжительность рабочаго времени на фабрикахъ въ 11 часовъ. Со времени введенія въ жизнь этого закона прошло уже 15 лѣтъ. Такимъ образомъ, онъ выдержалъ достаточное практическое испытаніе, чтобы можно было высказать вѣрное сужденіе объ его полезности или вредѣ. Докторъ Ф. Шулеръ, фабричный инспекторъ 1-го швейцарскаго округа, пользующійся, благодаря своему безпристрастію и знакомству съ дѣломъ, большимъ авторитетомъ какъ среди тамошнихъ рабочихъ, такъ и фабрикантовъ, собралъ и разработалъ богатый матеріалъ, накопленный этимъ продолжительнымъ опытомъ. И этотъ трудъ, также какъ и свидѣтельства другихъ швейцарскихъ фабричныхъ инспекторовъ и самихъ фабрикантовъ, показываетъ, что съ какой бы стороны мы ни разсматривали нормированное закономъ ограниченіе рабочаго дня, она оказывается полезнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Убѣжденныя такими поучительными опытами, австрійскія законодательныя власти издали законъ, ограничивающій рабочій день 11 часами, причемъ это ограниченіе было распространено не только на фабричныхъ рабочихъ, но и на работниковъ ремесленныхъ заведеній. И тутъ опытъ снова вполнѣ подтвердилъ ожиданія гуманныхъ законодателей, какъ это видно изъ отчетовъ австрійскихъ инспекторовъ. Главный австрійскій фабричный инспекторъ Ф. Мигерка въ своемъ общемъ отчетѣ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ отчетахъ окружныхъ инспекторовъ мы неоднократно встрѣчаемся съ тѣмъ наблюденіемъ, что движеніе, направленное къ дальнѣйшему сокращенію рабочаго дня до $10^1/_2$ и 10 часовъ, постоянно прогрессируетъ. Въ нѣкоторыхъ отчетахъ прямо отмѣчается, что опыты относительно продуктивности болѣе короткаго рабочаго времени даютъ благопріятные результаты».

Въ Германіи продолжительность рабочаго дня для совершеннолѣтнихъ работниковъ-мужчинъ до сихъ поръ не ограничена никакимъ закономъ, но во многихъ мѣстностяхъ сами фабриканты или по собственному почину, или по ходатайству рабочихъ сократили рабочее время до 11 и 10 часовъ въ день, и заявленія ихъ, приведенныя въ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ, доказываютъ, что эта мѣра дала очень благопріятные результаты. Такъ, наприм., въ отчетѣ за 1891 г. читаемъ: «По заявленіямъ нѣкоторыхъ фабрикантовъ, сокращеніе рабочаго времени не вызвало ни малѣйшаго уменьшенія въ ткацкомъ производствѣ, а въ прядильняхъ — только самое незначительное; но фабриканты надѣются, что, при соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ въ способахъ фабрикаціи, дойдутъ до прежней производительности труда и въ прядильняхъ». Фабричные инспекторы великаго герцогства Баденскаго утверждаютъ, что во всѣхъ фабрикахъ, въ которыхъ они разспрашивали о результатахъ сокращенія рабочаго времени, имъ отвѣчали, что вполнѣ довольны продуктивностью труда работниковъ.

Такимъ образомъ, законное ограниченіе рабочаго дня приноситъ пользу и однимъ рабочимъ; оно, равнымъ образомъ, выгодно для самихъ же фабри-

кантовъ. Но законодательныя власти,—говорится въ запискѣ московскаго общества,—разсматривая столь важный и сложный вопросъ, не могутъ смотрѣть на него исключительно съ одной стороны — съ узкой точки зрѣнія интересовъ промышленности и фабрикантовъ; онѣ должны при этомъ имѣть въ виду и интересы общегосударственные. Во имя этихъ общегосударственныхъ интересовъ, а именно для огражденія здоровья и нравственности рабочаго населенія, законодательныя власти ограничили уже въ Россіи право пользованія на фабрикахъ трудомъ малолѣтнихъ рабочихъ и запретили въ нѣкоторыхъ отрасляхъ фабричнаго производства ночную работу женщинъ-подростковъ моложе 17 лѣтъ. Несомнѣнно, что эти двѣ категоріи рабочихъ наиболѣе нуждались въ такой опекѣ со стороны закона; но, тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что ночная работа дѣйствуетъ вообще вредно на здоровье даже и взрослыхъ работниковъ-мужчинъ. Природа предназначила ночь для подкрѣпленія жизненной силы организма сномъ, и рабочіе, занятые ночью, никогда не могутъ достаточно выспаться днемъ. Всѣ врачи единогласно признаютъ ночную работу вредной для здоровья. «Поэтому мы считаемъ,— говорятъ авторы ходатайства,— желательнымъ распространить запрещеніе ночной работы, по крайней мѣрѣ, съ 10 часовъ вечера до 4 часовъ утра, на всѣ категоріи рабочихъ во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя не требуютъ необходимо безпрерывнаго хода работы. Для матеріальной выгоды фабрикантовъ, желающихъ слишкомъ скоро обогатиться, нельзя, по нашему мнѣнію, жертвовать здоровьемъ многихъ тысячъ рабочаго люда.

Самый проектъ лодзинскаго отдѣленія общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ изложенъ въ его постановленіи слѣдующимъ образомъ. Общее собраніе членовъ отдѣленія постановило ходатайствовать передъ министромъ финансовъ о законодательномъ ограниченіи рабочаго времени во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ Европейской Россіи на нижеслѣдующихъ главнѣйшихъ основаніяхъ:

1) Ночная работа съ 10 часовъ до 4 часовъ утра вечера запрещается во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя, по характеру своего производства, должны необходимо вести работу безъ всякихъ перерывовъ, какъ, наприм., доменныя печи, сахарные, винокуренные, пивоваренные, стеклоплавильные, газовые и т. п. заводы.

2) Максимальная продолжительность дневной работы, въ предѣлахъ времени отъ 4 час. утра до 10 час. вечера, ограничивается для одной смѣны рабочихъ:

а) въ копяхъ металловъ, каменнаго угля и вообще во всѣхъ тѣхъ производствахъ, въ которыхъ рабочіе трудятся въ подземныхъ пространствахъ, лишенныхъ солнечнаго свѣта, 10 часами въ сутки;

б) въ фабрикахъ желѣзныхъ, стальныхъ и вообще металлическихъ издѣлій, а также на машино-строительныхъ, рельсо-прокатныхъ и т. п. заводахъ—11 часовъ въ сутки;

в) во всѣхъ прочихъ промышленныхъ заведеніяхъ—12 часами въ сутки съ обязательнымъ перерывомъ по крайней мѣрѣ на 1 часъ для обѣда.

3. Всѣ вышеуказанныя ограниченія вступаютъ въ силу спустя годъ послѣ утвержденія и опубликованія закона.

4. Еслибы, по истеченіи пяти лѣтъ со времени введенія въ жизнь этого проекта, опытъ убѣдилъ, что ограниченіе рабочаго времени оказалось полезнымъ для рабочихъ и не принесло вреда развитію промышленности, то было бы желательно сократить рабочій день еще на 1 часъ, и ограниченіе ночной работы распространить на время съ 9 часовъ вечера до 5 часовъ утра.

Говоря о симпатичныхъ починахъ въ сферѣ нашей промышленности, мы съ удовольствіемъ можемъ указать на слѣдующее сообщеніе *Саратовскаго Дневника*. Въ Саратовѣ,—говоритъ газета,—существуетъ одно частное предпріятіе коммерческаго характера, гдѣ эксплуатація труда служащихъ облечена въ такія формы, которыя покажутся диковинными всѣмъ тѣмъ коммерсантамъ, которые слѣдуютъ правилу: «какъ можно болѣе взять и какъ можно менѣе дать». Учрежденіе это—контора инженера Бари. Тамъ дѣло поставлено такимъ образомъ, что каждый служащій, даже самый простой рабочій, является участникомъ въ прибыляхъ конторы; ежегодно передъ большими праздниками всѣ служащіе получаютъ эту прибыль пропорціонально жалованью, причемъ иногда размѣръ этого «дивиденда» вдвое или втрое превышаетъ размѣръ мѣсячнаго жалованья. Естественно, что при такихъ условіяхъ каждый служащій является какъ бы компаньономъ предпріятія и потому старается выполнять работу по возможности лучше; вслѣдствіе этого на работахъ существуетъ только чисто-техническій надзоръ; надзоръ же спеціально за рабочими почти отсутствуетъ; дѣло отъ этого, однако, не только не падаетъ, а, наоборотъ, улучшается.

Это сообщеніе *Саратовскаго Дневника* *Русская Жизнь* дополняетъ свѣдѣніями, что, собственно, контора Бари существуетъ въ Москвѣ, а отдѣленія ея—въ Петербургѣ, Баку и Саратовѣ. То, что разсказывается о саратовской конторѣ, составляетъ общее правило въ предпріятіяхъ инженера Бари и практикуется и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Баку.

Та же газета сообщаетъ о прогрессивномъ развитіи въ Царствѣ Польскомъ дѣла «лѣтнихъ колоній для бѣдныхъ дѣтей». Около 12 лѣтъ тому назадъ, врачъ Фриче, на деньги, пожертвованныя нѣсколькими благотворителями, отправилъ лѣтомъ въ деревню на 6 недѣль нѣсколько десятковъ дѣтей самыхъ бѣдныхъ родителей. Первый опытъ удался во всѣхъ отношеніяхъ: дѣти возвратились въ Варшаву гораздо здоровѣе, съ увеличеннымъ вѣсомъ и веселѣе прежняго, что заставило д-ра Фриче приложить всѣ свои силы къ тому, чтобы начатое имъ дѣло стало твердо. Благодаря энергической поддержкѣ, оказанной ему всею варшавскою прессой, «лѣтнія дѣтскія колоніи» стали развиваться прекрасно, число дѣтей, отправляемыхъ въ деревню, увеличивалось изъ года въ годъ. Четыре года тому назадъ д-р Фриче скончался; но нашлись въ Варшавѣ люди, которые съ энергіей

отдали себя поддержанію и дальнѣйшему развитію «лѣтнихъ дѣтскихъ колоній». Во главѣ «колоній» стоитъ нынѣ д-ръ Маркевичъ. Учрежденіе лѣтнихъ колоній собственными средствами до сихъ поръ не располагаетъ и существуетъ на капиталы, жертвуемые варшавянами. Отъ количества этихъ пожертвованій зависитъ число высылаемыхъ ежегодно лѣтомъ въ деревню дѣтей. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что пожертвованія эти возростаютъ все болѣе и болѣе. Въ нынѣшнемъ году, въ продолженіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, отправлено по деревнямъ *3,000 безъ малаго бѣдныхъ дѣтей*, мальчиковъ и дѣвочекъ. Дѣти отправляются партіями по 30—50 человѣкъ. Помѣщики въ разныхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго предоставляютъ въ распоряженіе лицъ, завѣдующихъ «лѣтними колоніями», помѣщеніе, болѣе или менѣе обширное, притомъ полное, по большей части, содержаніе. Проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ предоставляется дѣтямъ безплатный. Съ дѣтьми отправляются надзирательницы, назначаемыя комитетомъ колоній. Во время пребыванія дѣтей въ «колоніи» посѣщаетъ ихъ врачъ. Большинство дѣтей, отправляемыхъ по деревнямъ, получаетъ безплатно платьице, башмачки и проч. Такія же «лѣтнія дѣтскія колоніи» стали прививаться въ послѣднее время и въ другихъ городахъ Царства Польскаго, особенно въ Лодзи, гдѣ мѣстное общество относится къ этому учрежденію не менѣе сочувственно, чѣмъ въ Варшавѣ.

Глубокаго уваженія заслуживаетъ также дѣятельность г-жи Полковниковой и ея сотрудницъ и сотрудниковъ, устроившихъ во Владикавказѣ образцовое «дневное убѣжище для сиротъ и бѣдныхъ дѣтей города». Исторія возникновенія этого убѣжища и настоящее его положеніе разсказаны въ *Донской Рѣчи*. Во время послѣдней холеры А. И. Полковникова, супруга мѣстнаго полкового командира, посѣщала во Владикавказѣ бѣдныхъ больныхъ для оказанія помощи имъ и ихъ семействамъ. Грязь, нищета и безвыходное положеніе дѣтей, остававшихся сиротами, произвели на нее сильное впечатлѣніе. Вотъ что писала Полковникова въ *Терскія Вѣдомости*: «Пишу подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго. Я успѣла посѣтить пока только два участка, но и этого было достаточно, чтобы искреннее, горячее желаніе помочь бѣднякамъ стало еще сильнѣе! Всего ужаснѣе—это положеніе дѣтей. Я не говорю уже о круглыхъ сиротахъ; положеніе сиротъ—не радостное. Съ каждымъ моимъ шагомъ списокъ обездоленныхъ увеличивался. Вопросъ помощи дѣтямъ выдвигается самою жизнью; несчастье дало урокъ, надо воспользоваться жестокимъ урокомъ и сдѣлать то, что давно уже слѣдовало сдѣлать». Въ концѣ письма г-жа Полковникова указывала, что на первыхъ порахъ, при отсутствіи еще денежныхъ средствъ, слѣдуетъ учредить хотя небольшой «дневной пріютъ» или «ясли», а затѣмъ, для привлеченія къ этому дѣлу возможно большаго числа людей, надо будетъ позаботиться объ учрежденіи «общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ». То и другое было выполнено. Въ сентябрѣ 1892 г. открылось, съ разрѣшенія начальства, «убѣжище для сиротъ и дѣтей г. Владикавказа». Убѣжище имѣло своимъ назначеніемъ доставленіе

дневного присмотра и ухода за малолѣтними дѣтьми и пріученіе ко труду дѣтей старшаго возраста. Сироты жили въ убѣжищѣ; дѣти же, имѣвшіе родителей, принимались въ убѣжищѣ утромъ и оставались въ заведеніи цѣлый день. Въ первый же день открытія убѣжища подъ кровъ его явились изъ бѣднѣйшаго класса 22 ребенка. Дѣти были раздѣлены на три группы: грудные дѣти до году, до-школьный возрастъ до 7-ми лѣтъ и школьный возрастъ. Каждый возрастъ помѣщался въ особой комнатѣ. Во всѣхъ работахъ по дому—въ уборкѣ комнатъ, въ мытьѣ посуды, въ помощи на кухнѣ, въ помощи въ уходѣ за дѣтьми принимали также участіе старшіе дѣти. По праздникамъ большая часть дѣтей оставлялась дома родителями, такъ какъ послѣдніе не шли въ эти дни на работу.

Изъ отчета «общества» видно, что къ 1 января 1893 г. поступило членскихъ взносовъ и пожертвованій 7,404 р., изъ которыхъ израсходовано 4,522 р. Самою крупною статьей расхода является покупка дома для убѣжища за 3,500 р. При убѣжищѣ открыта школа. Учителя и учительницы несутъ свой трудъ безплатно. Нѣсколько врачей безвозмездно лечатъ больныхъ дѣтей. Дѣти старшаго возраста обучаются различнымъ ремесламъ и приготовляемыя ими издѣлія поступаютъ въ продажу. Ежегодные расходы по содержанію убѣжища простираются до 1,800 р. Каждый желающій познакомиться съ убѣжищемъ можетъ во всякое время дня зайти въ заведеніе, осмотрѣть его и наблюдать жизнь призрѣваемыхъ дѣтей.

Началъ дѣлать доброе дѣло столяръ Ф., но не исполнилъ законныхъ формальностей и попалъ за это подъ судъ. 19 сентября,—разсказываетъ *Южный Край*,—передъ полтавскимъ окружнымъ судомъ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, предсталъ столярный мастеръ, обвиняемый въ томъ, что безъ разрѣшенія начальства устроилъ для мальчиковъ учебно-ремесленную школу. Обвиняемый, кіевскій мѣщанинъ Ф—нъ, окончивъ гимназію, поступилъ въ университетъ, гдѣ пробылъ два года; затѣмъ, увлекшись ученіемъ гр. Л. Толстого, занялся столярнымъ ремесломъ и, получивъ званіе мастера, рѣшилъ въ гор. Полтавѣ открыть ремесленную школу. Лѣтъ 30-ти, высокаго роста, худощаваго сложенія, съ волосами, подрѣзанными въ скобку, какъ у всѣхъ мастеровыхъ, онъ одѣтъ совершенно просто: ситцевая полинялая рубаха на выпускъ и сверхъ ея лишь одна жилетка, простыя штаны и высокіе сапоги; руки жилистыя, довольно огрубѣлыя отъ физической работы. Обвиняемый Ф. держалъ себя весьма сдержанно. Обвиненіе онъ отрицалъ, говоря, что онъ не открывалъ учебной школы, а главнымъ образомъ училъ дѣтей ремеслу, съ 6 час. утра до 6 ч. веч., и лишь отъ 6 до 8 дѣти читали, писали, чертили и рисовали, и когда спрашивали о ъ-нибудь имъ непонятномъ, то имъ объясняли; все это дѣлалось добровольно, охотно. Единственно, что имъ предлагалъ хозяинъ, это ежедневно черомъ исполнить всѣ сдѣланныя замѣчанія и указанія и занести ихъ свою тетрадь. По праздникамъ дѣтямъ читали что-нибудь интересное, ангеліе и молитвы. Читалъ и самъ хозяинъ, и приходившія лица, сочувствовавшія этому дѣлу. О существованіи означенной школы знали въ го-

родѣ многіе и даже полиція, которая разрѣшала спектакли и сборы въ пользу этой школы; но потомъ все измѣнилось, и околодочный надзиратель, отобравъ изъ школы книги, возбудилъ настоящее дѣло. Хотя спрошенные мальчики и отвергали систематическое обученіе, но нѣкоторыми свидѣтелями фактъ преподаванія установленъ. На судѣ говорилось и о томъ, что въ школѣ не было кухарки,—обѣдъ ежедневно приготовляли по очереди приходившія въ мастерскую дамы и дѣвицы,—что пища была самая скромная и жизнь ведетъ Ф. воздержную: спитъ на своей свиткѣ на гладкихъ доскахъ, а дѣти на циновкахъ, но видъ у мальчиковъ очень здоровый. Въ своей защитѣ Ф. просилъ прокурора и судъ принять во вниманіе ст. 1329, вмѣняющую въ обязанность мастеру наблюдать за доброю нравственностью и образованіемъ своихъ учениковъ, сказавъ при этомъ, что онъ желалъ вести дѣло не такъ, какъ всѣ, съ цѣлью эксплуатаціи силъ и труда, а что онъ хотѣлъ научить дѣтей работать и въ тоже время научить читать, писать, рисовать и чертить, что̀ такъ необходимо бываетъ нужно столяру. Въ заключеніе Ф. сказалъ, что заставляй онъ мальчиковъ въ свободное время гонять голубей и качаться на качеляхъ, то вѣрно его бы не судили, что онъ велъ дѣло разумно и полезно, но такъ какъ не зналъ, что это наказуемо, то и не заручился особымъ дозволеніемъ. Судъ постановилъ закрыть школу, Ф—на оштрафовать 15 р., а при несостоятельности выдержать три дня подъ арестомъ. Дѣло это переходитъ въ палату.

Намъ приходится заключить настоящій очеркъ печальнымъ сообщеніемъ о смерти крупнаго общественнаго дѣятеля, предсѣдателя саратовской губернской земской управы В. В. Безобразова. Въ своей почти тридцатилѣтней земской дѣятельности,—говоритъ *Саратовскій Листокъ*,—покойный проявилъ большія дарованія, преданность дѣлу и рѣдкую энергію. При этомъ онъ всегда съ полнымъ уваженіемъ относился къ состоящимъ на службѣ у земства профессіональнымъ работникамъ, къ совѣтамъ которыхъ всегда обращался по ихъ спеціальностямъ: онъ созывалъ совѣщанія земскихъ врачей, ветеринаровъ, страховыхъ агентовъ, лично принималъ участіе въ этихъ совѣщаніяхъ и всегда подчинялся мнѣніямъ спеціалистовъ, поддерживая эти мнѣнія въ земскихъ собраніяхъ. Во время службы Вл. Вл. предсѣдателемъ губернской земской управы устроены были двѣ земскихъ сельско-хозяйственныхъ и кустарно-промышленныхъ выставки, организовано при управѣ медико-санитарное бюро, начали издаваться *Сборникъ Саратовскаго Земства*, *Земская Недѣля* и *Санитарный Обзоръ*, учрежденъ земскій сиротскій домъ, въ которомъ теперь призрѣвается до 300 подкидышей, построено филіальное отдѣленіе психіатрической лѣчебницы, выстроено зданіе для реальнаго училища, учреждено бюро по народно-школьному дѣлу, открытъ земскій книжный складъ, созывался областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ юго-восточныхъ губерній и многія другія симпатичныя земскія предпріятія осуществлены по иниціативѣ и при дѣятельномъ участіи В. В. Безобразова.

И. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Много лѣтъ тому назадъ, въ другихъ изданіяхъ (это было еще въ царствованіе императора Александра II), мы старались доказать благотворное значеніе сближенія нашего отечества съ Франціей и Великобританіей. Сближеніе съ первымъ изъ этихъ государствъ составляло естественный противовѣсъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, а дружественное соглашеніе съ Англіей могло бы упрочить наше положеніе въ Азіи. Если не становиться на сторону публицистовъ, жадно поглядывающихъ на Индію, если принять во вниманіе трудности нашей культурной задачи въ Средней Азіи, то полное соглашеніе нашего правительства съ англійскимъ явится въ высшей степени желательнымъ. Конечно, выгоды изъ такого соглашенія извлечетъ и Великобританія, но не въ ущербъ намъ: выгоды эти культурнаго характера. Просвѣщеніе и замиреніе различныхъ азіатскихъ народовъ и подъемъ ихъ благосостоянія требуютъ не соперничества, а прямодушной взаимной поддержки Россіи и Англіи.

О своекорыстіи англійской дипломатіи, о козняхъ «коварнаго Альбіона» говорилось безчисленное множество разъ и, конечно, въ осужденіяхъ этой дипломатіи не мало справедливаго. Но, во-первыхъ, англійское правительство обнаруживало и противоположныя качества. Великодушное отношеніе Гладстона, напримѣръ, къ неаполитанцамъ, которые страдали подъ тяжкимъ гнетомъ своего правительства, къ болгарамъ, когда они находились еще подъ турецкимъ игомъ,—извѣстно каждому образованному человѣку. Наша дипломатія, во-вторыхъ, сама въ этомъ отношеніи, въ былое время, небезгрѣшная, естественно имѣетъ возможность обезпечить себя отъ британскаго коварства.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая II англійскіе государственные люди и англійская печать заговорили о нашемъ отечествѣ сьма сочувственно. Сближеніе съ Россіей, еще недавно рѣшительно отвергшееся въ Англіи, какъ нежелательное и вредное, теперь признается возможнымъ, и полезнымъ.

Можетъ быть, въ этомъ отношеніи на британскій кабинетъ и на общественное мнѣніе подѣйствовало разочарованіе въ выгодахъ дружественнаго

сближенія съ Германіей и съ тройственнымъ союзомъ вообще. Практическій смыслъ англійскаго народа давно вошелъ въ поговорку, но его политическій союзъ съ здравымъ смысломъ русскаго народа отнюдь не угрожаетъ намъ никакими опасностями. Наоборотъ, многіе вопросы, принимающіе острый характеръ при соперничествѣ между Англіей и Россіей, могутъ быть разрѣшены скоро и мирно при ихъ согласованномъ образѣ дѣйствія.

Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ армянскій. Наша и иностранная печать довольно часто напоминаетъ правительствамъ о несчастной судьбѣ той части армянскаго племени, которая живетъ въ предѣлахъ азіатской Турціи. Поводомъ къ этимъ напоминаніемъ служатъ по большей части звѣрства, которыя совершаютъ надъ армянами турки и курды. Недавно сначала выходящія въ Россіи армянскія газеты, а затѣмъ и остальная печать передали ужасающія подробности о рѣзнѣ, произведенной въ Зассунѣ *). Сообщаютъ о томъ, что убито и замучено нѣсколько тысячъ человѣкъ, что турки и курды, по обыкновенію, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей.

Шестнадцать лѣтъ турецкое правительство не исполняетъ обязательствъ, возложенныхъ на него 61 статьею берлинскаго трактата. Это удивительное пренебреженіе международнымъ договоромъ со стороны побѣжденной передъ этимъ договоромъ Турціи объясняется именно то скрытымъ, то явнымъ антагонизмомъ между Россіей и Англіей, такъ какъ другія европейскія державы въ армянскомъ вопросѣ не заинтересованы. Когда армяне обращаются за покровительствомъ къ англійскому правительству, оно не желаетъ ссориться съ Турціей или играть въ руку Россіи; когда мольбы несчастнаго народа обращены къ русскому правительству, оно встрѣчаетъ уклончивость со стороны британскаго кабинета. А, между тѣмъ, пренебреженіе участью, благосостояніемъ, честью, жизнью и отдѣльныхъ людей, и цѣлыхъ племенъ уже изгнаны изъ принциповъ современной европейской политики. Твердое слово, сказанное русскимъ и англійскимъ правительствомъ, положило бы конецъ варварствамъ, которыя позорятъ наше время, которыя бросаютъ печальную тѣнь на европейскую дипломатію.

Въ Лондонѣ существуетъ англо-армянское общество подъ предсѣдательствомъ члена парламента Стивенсена. Его обращенія только къ англійскому правительству съ просьбами о заступничествѣ въ пользу армянъ Турецкой имперіи до сихъ поръ не имѣли успѣха. Лишь теперь голосъ общественнаго мнѣнія побудилъ британскій кабинетъ потребовать у султана строгаго дознанія о сассунскихъ избіеніяхъ. Конечно, надежда на безпристрастіе турецкихъ чиновниковъ была бы наивна, и понятно поэтому т отрадное впечатлѣніе, которое произвело сообщенное телеграфомъ извѣст о томъ, что Порта согласилась на участіе въ слѣдственной коммиссіи п сассунскимъ дѣламъ русскаго, англійскаго и французскаго консуловъ. Есл

*) Сассунъ или, правильнѣе, Санассунъ, представляетъ населенное армянами ск листое плоскогорье къ западу отъ озера Ванъ.

это извѣстіе подтвердится, если дѣйствительно между Англіей, Россіей и Франціей установилось соглашеніе, какъ дѣйствовать въ армянскомъ вопросѣ, то лучшее будущее для турецкихъ армянъ не за горами и Блистательной Портѣ придется серьёзно приступить къ реформамъ, ввести которыя она обязалась по берлинскому трактату.

Нѣмецкая печать встревожена и раздражена противъ Англіи за уклоненіе отъ тройственнаго союза, за неожиданное стремленіе къ сближенію съ Россіей. Она старается напугать англичанъ мнимыми честолюбивыми замыслами русскаго правительства, а русскимъ указываетъ на всегда корыстные планы британскаго правительства. Обсуждая печальныя событія въ Арменіи, *National Zeitung* *), напримѣръ, указываетъ на близость русскихъ владѣній къ истокамъ Ефрата. У англичанъ есть планъ прорѣзать желѣзною дорогой Месопотамію, чтобъ обезпечить удобный путь до береговъ Персидскаго залива. Этому плану, по мнѣнію берлинской газеты, могутъ помѣшать русскіе, если имъ удастся завладѣть турецкой Арменіей. *National Zeitung* предостерегаетъ Порту, совѣтуетъ ей поскорѣе укротить полудикихъ курдовъ, обезпечить армянское населеніе отъ произвола и жестокости администраціи, отъ разбойничьихъ нападеній со стороны курдовъ. Но долгій и горькій опытъ говоритъ, что всякія надежды на турецкое правительство лишены основанія, что только указанное нами соглашенія между Россіей и Великобританіей (присоединеніе къ нимъ Франціи окончательно обезпечиваетъ успѣхъ европейской дипломатіи) дастъ возможность вздохнуть свободно несчастному армянскому населенію. Достигнуть этого результата — долгъ чести для европейскихъ государствъ, долгъ человѣколюбія и предписаніе справедливости. Это не потребуетъ, конечно, войны, а лишь твердой настойчивости Россіи, Англіи и Франціи.

Когда пишутся эти строки, телеграфъ только что сообщилъ о дебютѣ въ парламентѣ новаго канцлера Германской имперіи. Дебютъ оказался неудачнымъ. Князь Гоэнлоэ не производитъ внушительнаго впечатлѣнія ни какъ государственный человѣкъ, ни какъ ораторъ. Императору Вильгельму II придется, пожалуй, въ скоромъ времени опять мѣнять канцлера.

Весьма значительнымъ большинствомъ рейхстагъ отвергнулъ предложеніе правительства разрѣшить судебное преслѣдованіе противъ депутата Либкнехта за оскорбленіе величества (Либкнехтъ не всталъ съ своего мѣста, когда президентъ парламента провозгласилъ *hoch* въ честь императора). Это рѣшеніе можно было предвидѣть: по конституціи, депутаты не могутъ ...ть привлекаемы къ судебной отвѣтственности за обнаруженіе какого ...нно мнѣнія въ какихъ угодно формахъ. Они подлежатъ только дисциплинарной власти президента и самой палаты. Правительство встрѣтитъ, ...ючемъ, сильную оппозицію и по другимъ вопросамъ.

Едва ли удастся ему провести черезъ парламентъ свои финансовые

---

*) *National Zeitung*, 28 November, *Die armenischen Vorgänge*.

проекты (введеніе нѣсколькихъ новыхъ и далеко не уравнительныхъ налоговъ). Затѣмъ на сцену явится законопроектъ, имѣющій въ виду усиленіе репрессивныхъ мѣръ противъ *партій переворота*. Законопроектъ этотъ, судя по тому, что намъ извѣстно о немъ изъ германскихъ газетъ, отличается крайнею неопредѣленностью редакціи, которая могла бы открыть широко дверь для различныхъ злоупотребленій со стороны администраціи и суда. Нѣмцы дорожатъ своею духовною свободой, правомъ высказывать и защищать свои убѣжденія; это великое культурное пріобрѣтеніе они будутъ защищать упорно и, въ концѣ-концовъ, разумѣется, побѣдоносно. Въ этомъ отношеніи правительству трудно ждать уступокъ со стороны центра и національ-либераловъ, а безъ нихъ не можетъ образоваться никакого правительственнаго большинства.

Подъ вліяніемъ общаго оживленія реакціоннаго духа при *новомъ курсѣ*, реакціонныя теченія обнаруживаются и въ протестантской церкви, напримѣръ, на бывшихъ въ ноябрѣ засѣданіяхъ генеральнаго синода. Профессоръ Мейценъ на одномъ изъ своихъ чтеній выразилъ рѣшительное сомнѣніе въ искренности членовъ этого синода, которые, какъ онъ полагаетъ, говорятъ крестьянамъ не то, во что вѣрятъ сами, и публично защищаютъ такія ученія, которыя въ тайнѣ признаютъ совершенно ложными. Это заявленіе возбудило яростную злобу въ заинтересованныхъ кругахъ. Газеты ортодоксальнаго протестантскаго лагеря выступили даже съ требованіями ограниченій свободы университетскаго преподаванія; тутъ вступились въ дѣло самые умѣренные и буржуазные органы печати, какъ, напримѣръ, *National-Zeitung*.

Kreuzzeitung въ своихъ нападеніяхъ на свободу богословскаго изслѣдованія (въ частности на извѣстнаго ученаго профессора Гарнака) дошла до обвиненія всѣхъ профессоровъ богословскихъ факультетовъ въ томъ, что они являются *передовыми бойцами соціалъ-демократіи*. Газета съ негодованіемъ говоритъ о результатахъ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій по библейской и евангельской исторіи. Взывая къ духу реформаціи (!) и въ особенности къ административной власти, *Kreuzzeitung* требуетъ строгихъ мѣръ противъ либеральныхъ профессоровъ богословія.

National-Zeitung въ горячей и обстоятельной статьѣ напоминаетъ протестантскимъ клерикаламъ, что по двадцатой статьѣ прусской конституціи *наука и ея ученія свободны*. Въ другой статьѣ, по поводу новой выходки *Kreuzzeitung*, она спрашиваетъ эту газету: кто же будетъ рѣшать, какъ надо преподавать богословіе, какъ истолковывать догматы съ каѳедры протестантскихъ теологическихъ факультетовъ? Въ римско-католической церк дѣло ясно и просто: истолкованіе догматовъ не допускается, всѣ разногла устраняются рѣшеніями непогрѣшимаго папы. *Kreuzzeitung* призываетъ помощь государство, и ея противницѣ не стоитъ, конечно, никакого тру доказать нелѣпость направленія научныхъ работъ министерскими приказа и административными распоряженіями.

Особенно ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны реакціонныхъ про

стантскихъ газетъ подвергаются за послѣднее время профессора евангелическо-богословскаго факультета въ Боннскомъ университетѣ, Графе и Мейнгольдъ. Но долгая культурная работа даромъ не пропадаетъ, просвѣщеніе уже глубоко проникло въ германскій народъ, такъ что реакціонныя поползновенія противъ свободы научнаго изслѣдованія и университетскаго преподаванія потерпятъ, конечно, полнѣйшее фіаско. Подлинный духъ реформаціи нельзя согласовать съ призывами къ администраціи вмѣшаться въ область науки и стѣснять свободу вѣроисповѣданія, которою справедливо и давно гордится Германія.

Франція никакъ не можетъ отдѣлаться отъ тяжелаго наслѣдія бонапартизма. Рядъ возмутительныхъ злоупотребленій по печально знаменитому панамскому дѣлу раскрылъ глубокія общественныя язвы. Республика не побоялась радикальнаго леченія, строгаго изобличенія и суда надъ замѣшанными въ злоупотребленіяхъ лицами, хотя въ ихъ числѣ былъ и *великій французъ* Лессепсъ и нѣкоторые министры. Теперь раскрылось новое вопіющее дѣло: къ слѣдствію и суду привлечены талантливые и вліятельные журналисты, которые занимались шантажнымъ вымогательствомъ и продавали свои услуги для прикрытія отъ общественнаго мнѣнія разныхъ грязныхъ и мошенническихъ продѣлокъ. Все это разоблачено нѣкоторыми органами радикальной партіи, въ особенности тулузскою газетою *Dépêche*. Оказалось, что шантажистамъ содѣйствовали многіе агенты тайной полиціи. На запросъ въ палатѣ депутатовъ министръ-президентъ Дюпюи обѣщалъ принять строгія законныя мѣры противъ всѣхъ подобныхъ преступленій и злоупотребленій. Въ свою очередь встревоженная и возмущенная парижская печать обсуждаетъ способы, какими можно было бы прекратить въ журналистикѣ такія позорныя явленія.

Во внутренней жизни Франціи въ послѣднее время вообще происходитъ мало утѣшительнаго. Самыя необходимыя реформы, напримѣръ, въ финансовой системѣ, задерживаются или терпятъ полное крушеніе. Но, разумѣется, прогрессивныя теченія не изсыхаютъ во французской жизни и современная учащаяся молодежь, въ значительной ея части, все болѣе и болѣе проникается серьезными взглядами на науку и общественные вопросы. *Русская Мысль* уже указывала на отрадныя въ этомъ отношеніи явленія *). Французское студенчество организуется въ тѣсномъ сближеніи съ профессорами и выдающимися писателями и общественными дѣятелями; оно стремится правильно поставить свои научныя занятія и выработать [illegible] себѣ разумное міровоззрѣніе и опредѣленные нравственные и политическ[illegible] идеалы. Парижская студенческая ассоціація имѣетъ свой домъ, гдѣ п[illegible]ѣщаются залы для собраній и работы, библіотека, читальня и т. п. Р[illegible]авно, въ серединѣ ноября, помѣщеніе студенческой ассоціаціи посѣтилъ

---

*) Ср. въ особенности статью г. Д—ва: *Современная французская молодежь*, въ [illegible]альской книжкѣ *Русской Мысли* за 1891 годъ.

президентъ французской республики. *Journal des Débats* передаетъ, что онъ былъ привѣтствованъ тамъ въ высшей степени сочувственно.

Предсѣдатель комитета ассоціаціи произнесъ довольно длинную, дѣльную и интересную рѣчь. Онъ указалъ на успѣхи студенчества, достигнутые благодаря ассоціаціи, и на тѣ благородныя задачи, которыя предстоитъ еще достигать. Молодежь, сказалъ г. Виріатъ (Wiriath), не должна быть запоздалымъ отраженіемъ прошлаго, она должна пытливо, исполненная доброй воли, прислушиваться къ голосамъ будущаго. Студенческая ассоціація родилась не изъ ненависти, а изъ потребности въ любви, въ сочетаніи усилій. Мы хотимъ,— такъ кончилъ ораторъ, — любить нашихъ наставниковъ, отдающихъ намъ свое лучшее время, свои лучшія силы; мы хотимъ любить и уважать народъ—неистощимый источникъ матеріальныхъ, умственныхъ и общественныхъ силъ отечества.

Казиміръ Перье, взволнованный овваціями, отвѣтилъ умною и теплою рѣчью. Президентъ республики сказалъ, что онъ счастливъ тѣмъ, что былъ гостемъ у студентовъ, что онъ гордится ими и радуется за грядущія судьбы Франціи. «Вы сказали,—прибавилъ Казиміръ Перье,—что, принимая на пользу ассоціація содѣйствіе всѣхъ, имѣющихъ добрую волю, вы не думаете отчуждать своей свободы, налагать на себя цѣпи. Этимъ вы даете мнѣ право просить, какъ чести для меня, внесенія моего имени въ списокъ членовъ-учредителей ассоціаціи.

«Я надѣюсь,—такъ закончилъ свою рѣчь президентъ республики,—что у меня будетъ возможность доказать свою симпатію ассоціаціи не словами только».

Рѣчь Казиміра Перье была покрыта восторженными рукоплесканіями студентовъ *).

Внутренняя жизнь Австро-Венгріи продолжаетъ быть неспокойною. Планъ избирательной реформы, приготовленный коалиціоннымъ кабинетомъ Виндишгреца-Пленера, не встрѣтилъ сочувствія въ правительственномъ большинствѣ. Проектъ польскаго клуба также потерпѣлъ неудачу, и избирательная реформа вновь и на неопредѣленное время отсрочена. Недовольство, такою проволочкою усиливается, вліяніе въ народѣ нѣмецкой централистической партіи падаетъ (это доказывается, между прочимъ, пораженіемъ кандидата нѣмцевъ-централистовъ на недавнихъ дополнительныхъ выборахъ въ Вѣнѣ).

Въ Богеміи примѣтно недовольство политикою младочешской партіи. Ей не удалось до сихъ поръ сдѣлать ничего практически полезнаго для осуществленія широкихъ національныхъ требованій, которыя заключаются въ программѣ партіи, и неуспѣхъ этотъ оживляетъ другія партіи,—весь крайнюю группу омладины и старочешскую, которая временно сошла бы со сцены.

---

*) *Journal des Débats*, 15 novembre.

Ноябрьскій съѣздъ въ Прагѣ представителей старочешской партіи прошелъ съ большимъ успѣхомъ и одушевленіемъ. Ригеръ былъ на немъ предметомъ восторженныхъ овацій. *Politik*, давая отчетъ о засѣданіяхъ съѣзда, говоритъ, что съ именемъ Ригера связаны всѣ успѣхи, достигнутые въ послѣднія тридцать лѣтъ чешскимъ народомъ въ его борьбѣ за самоуправленіе.

Въ настоящее время, послѣ того, какъ сами старо-чехи окончательно отказались отъ невыгоднаго для національныхъ интересовъ пресловутаго разграниченія съ богемскими нѣмцами, когда, съ другой стороны, и младочехи убѣдились въ трудности своего положенія,—сближеніе обѣихъ партій было бы въ высшей степени желательно и полезно.

Событія по ту сторону Лейты доставляютъ не мало хлопотъ вѣнскому правительству. Путешествіе по Венгріи сына Людвига Кошута подало поводъ къ шумнымъ антидинастическимъ демонстраціямъ. Усилія Векерле добиться отъ императора утвержденія церковныхъ законовъ, устанавливающихъ свободу и равноправность вѣроисповѣданія, увѣнчались успѣхомъ; но борьба съ католическимъ духовенствомъ и магнатами поколебала положеніе министерства, въ особенности въ виду того недовольства, которое возбудили въ Вѣнѣ ультра-національныя мадьярскія манифестаціи.

Результаты избирательной борьбы въ Норвегіи оказались въ пользу радикальной партіи. Германская печать встревожена этимъ успѣхомъ и совѣтуетъ шведскому правительству пойти на уступки, смягчить покровительственную таможенную систему, противъ которой возстаютъ норвежцы, и т. д.

О выборахъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ мы надѣемся помѣстить отдѣльную статью. Здѣсь отмѣтимъ только, что они кончились рѣшительнымъ пораженіемъ демократической партіи.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Высочайшій манифестъ 14 ноября 1894 г.— По поводу 30-ти-лѣтія судебныхъ уставовъ.—Слабое развитіе чувства законности.—Отзывы на проектъ министерства земледѣлія о мѣстныхъ органахъ сельско-хозяйственнаго управленія.—Угнетенное положеніе сельскаго хозяйства.—Кредитъ государственнаго банка чрезъ посредниковъ.—Реформа пассажирскихъ тарифовъ.—П. Л. Чебышевъ †.

Въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 14 ноября сего 1894 г. первое мѣсто занимаютъ льготы, дарованныя дворянству и крестьянству, а также пожертвованія, предуказанныя на пользу этихъ сословій. Дворянскій земельный банкъ, открытый въ 1885 году, получилъ въ 1889 году въ свое распоряженіе совершенно исключительныя средства выпускомъ закладныхъ листовъ съ выигрышами. Они доставили банку капиталъ болѣе 150 милліоновъ рублей, который, не считая погашенія, стоитъ банку менѣе 3,5% въ годъ. На эти средства были оказаны неисправнымъ заемщикамъ значительныя временныя льготы, а также были понижены текущіе платежи: взимая съ должниковъ только по $4^1/_2$% годовыхъ, банкъ поставилъ ихъ въ положеніе гораздо болѣе выгодное, нежели то, которое соотвѣтствовало общимъ условіямъ земельнаго кредита въ Россіи. Въ настоящее время платежи заемщиковъ понижены до 4% годовыхъ, т.-е. на $^1/_2$% ниже того, что банкъ самъ платитъ за капиталы, привлекаемые съ денежнаго рынка. Въ настоящее время этотъ недоборъ еще можетъ быть покрываемъ средствами, которыя выигрышные закладные листы доставили банку. Теперь въ распоряженіи банка находится изъ этого источника избытокъ около 2 милліоновъ рублей, которыхъ можетъ быть достаточно для покрытія дальнѣйшихъ приплатъ по новымъ ссудамъ въ размѣрѣ только 40 милл. рублей. Какъ скоро будутъ выданы ссуды на всю эту сумму, такъ представится необходимость покрывать недоборъ или изъ общихъ средствъ государственной казны, или изъ какого-либо иного источника. Сюда же примыкаетъ понижение заемщиками особаго отдѣла дворянскаго банка бывшаго общества поземельнаго кредита; среди этихъ должниковъ до 70% дворянъ. Теперь они платятъ по ссудамъ въ металлической валютѣ 7 р. 15 к. кредитныхъ на 100 въ годъ; впредь съ нихъ будетъ взиматься только 6 р. 15 к. за

по кредитнымъ ссудамъ—4½%. Эта мѣра, нарушая соотвѣтствіе между поступленіями и обязательствами банка, причинитъ ежегодный недоборъ въ 848,000 рублей въ теченіе 48½ лѣтъ; онъ долженъ быть пополненъ изъ общихъ средствъ государственной казны.

Заемщики крестьянскаго поземельнаго банка платили до сихъ поръ по ссудамъ 4½% годовыхъ. Хотя въ концѣ 1893 года 5½% свидѣтельства банка были обмѣнены на 4½%, однако, платежи заемщиковъ не были понижены въ такой же пропорціи: это было мотивировано тѣмъ, что многіе заемщики не оправдали своихъ обязательствъ, отступились отъ земли и значительныя площади остались за банкомъ. Администрація банка разсчитывала, что взимаемые нѣкоторое время съ заемщиковъ платежи въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ самъ банкъ платитъ по своимъ обязательствамъ, онъ получитъ средства, которыя покроютъ эти убытки. Въ настоящее время платежи заемщиковъ понижены до уровня платежей самого банка по занимаемымъ капиталамъ; хотя съ этой стороны убытковъ не будетъ, но не будетъ и запасныхъ средствъ для покрытія прежнихъ убытковъ. Теперь заемщикъ крестьянскаго банка уплачиваетъ 7½% или 8½% въ годъ, смотря по тому, взята ли ссуда на 34½ года или на 24½ года. Съ пониженіемъ процентовъ роста до 4½ въ годъ и общая совокупность платежей должна бы уменьшиться въ одномъ случаѣ до 6½, а въ другомъ—до 7½ процентовъ. «На самомъ же дѣлѣ,—читаемъ мы въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (1894 г., № 296),—такое уменьшеніе могло бы произойти только при условіи нѣкотораго удлиненія срока займа; если же срокъ займа оставить прежній, то уменьшеніе ежегоднаго платежа будетъ не на полный рубль со ста рублей ссуды, а нѣсколько меньше, ибо въ такомъ случаѣ должны немного увеличиться платежи собственно на погашеніе долга. Въ разсмотрѣніе этого вопроса, т.-е. удлинить ли сроки ссудъ или увеличить погасительные взносы и на сколько именно, правительство войдетъ особо и безотлагательно представитъ выработанныя соотвѣтственнымъ образомъ правила на благоусмотрѣніе верховной власти». Другая мѣра, принимаемая Высочайшимъ манифестомъ на пользу крестьянскаго банка, состоитъ въ ежегодномъ отчисленіи доли выкупныхъ платежей въ собственный капиталъ банка. По правиламъ, которыя установлены для того Манифестомъ, въ капиталъ банка будетъ поступать 1% выкупныхъ платежей, когда ихъ поступленіе будетъ 90% годоваго оклада или менѣе; если поступитъ больше 90%, то изъ всего избытка, сверхъ 90%, банку будетъ удѣляться ⅓. При поступленіи полнаго оклада выкупныхъ платежей (94 милл.) на долю банка достанется около 4 милл. въ годъ; при поступленіи 90%—846,000 р. Теперь еще нельзя предугадать размѣры, въ которыхъ будетъ изъ этого источника возрастать собственный капиталъ крестьянскаго банка. По манифесту, отчисленія должны производиться до тѣхъ поръ, пока капиталъ не достигнетъ 50 милл. рублей. Если это совершится въ теченіе 20—25 лѣтъ, то получится возможность нѣсколько уменьшить число безземельныхъ и малоземельныхъ, которые составляютъ больше ¾ крестьянскаго населе-

нія. Льгота, дарованная Высочайшею властью, получитъ для нашего крестьянства тѣмъ большее значеніе, чѣмъ больше старанія приложитъ банкъ, чтобы выдавать ссуды преимущественно самымъ нуждающимся крестьянамъ.

Отмѣтимъ среди льготъ по облегченію податного бремени тѣ, которыя Всемилостивый манифестъ даровалъ лицамъ, получившимъ пособія, розданныя имъ въ неурожайные годы заимообразно на продовольствіе и обсѣмененіе полей. Наибольшая сумма продовольственныхъ долговъ возникла въ неурожайные 1891—92 гг., когда правительство затратило 130—140 милл. рублей. Значительная часть продовольственныхъ долговъ, образовавшихся въ послѣдніе неурожайные годы, сложена Высочайшимъ указомъ 20 іюня 1893 года, долгъ каждаго воспользовавшагося пособіемъ былъ опредѣленъ не тою суммой, которая была израсходована на выдачу ему хлѣба, а по особо назначенной, по пониженной оцѣнкѣ хлѣба. Чрезъ это долгъ въ 140 милліоновъ на населеніи Имперіи уменьшился до 70 милліоновъ. Теперь изъ этихъ 70 милліоновъ слагается еще половина. Кромѣ того, слагаются повсемѣстно всѣ недоимки (около 4 милл.) по старымъ продовольственнымъ долгамъ, образовавшимся вслѣдствіе выдачи продовольственныхъ пособій до 1866 года, а также недоимки козачьяго населенія (до 1.790,000 руб.), которое воспользовалось пособіями изъ войсковыхъ капиталовъ. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ Имперіи, населеніе которыхъ наиболѣе обременено разными платежами, министръ финансовъ, по соглашенію съ другими министрами по принадлежности, будетъ слагать еще часть продовольственныхъ недоимокъ. Въ совокупности будетъ сложено около 57 милл. рублей. Общее число жителей въ 20 губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, составляетъ 45 милліоновъ. Если предположить, что $^2/_3$ получили продовольственныя ссуды, то сложеніе 57 милл. съ 30 милл. душъ дастъ 1 р. 90 к. съ души. Предполагая, что невозможность взыскать эти недоимки единовременно вынудила бы разсрочить ихъ уплату, по крайней мѣрѣ, на 5-ти-лѣтній срокъ, мы получаемъ льготу по 38 к. съ души въ годъ.

Не останавливаясь на сложеніи разныхъ другихъ недоимокъ, мы обратимъ вниманіе читателей на ту часть Высочайшаго манифеста, гдѣ говорится объ облегченіи участи «несчасныхъ и страдающихъ хотя бы и по собственной ихъ винѣ». Для лицъ, несущихъ уголовныя кары, послѣдовалъ рядъ облегченій. Высочайшій манифестъ коснулся также и участи государственныхъ преступниковъ. Государственные преступники, совершившіе общеуголовныя преступленія и проступки, не лишаются льготъ, которыя дарованы общеуголовнымъ преступникамъ. Относительно же тѣхъ государственныхъ преступниковъ, которые, по свойству вины или раскаяніемъ въ совершенныхъ преступленіяхъ и добрымъ поведеніемъ заслуживаютъ смягченія, превышающаго размѣры, которые установлены для общеуголовныхъ преступниковъ, министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшается войти съ особымъ докладомъ къ Верховной Власти. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется также повергать на Высочайшее усмотрѣніе участь лицъ, которыя за государственныя преступленія отбываютъ наказанія, наложенныя на

нихъ въ административномъ порядкѣ и которые по свойству вины или по нравственному раскаянію заслуживаютъ снисхожденія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, разрѣшается освобождать отъ воспрещенія жительства въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ тѣхъ лицъ, подвергшихся такому ограниченію, возвращеніе которыхъ въ эти мѣстности совмѣстимо съ требованіями общественнаго порядка и спокойствія. Повелѣвается предать забвенію тѣ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ, которыя по закону не подлежатъ давности, но отъ совершенія которыхъ протекло не менѣе 15 лѣтъ. Всѣ лица, отбывающія наказаніе по участію въ польскомъ мятежѣ 1863 года, объявлены свободными отъ полицейскаго надзора съ предоставленіемъ имъ права повсемѣстнаго жительства; министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено дѣлать исключенія для тѣхъ или другихъ мѣстностей имперіи.

---

20 ноября исполнилось 30 лѣтъ со дня изданія *Судебныхъ Уставовъ*. Каждый разъ, когда есть поводъ припомнить этотъ знаменательный день, живо возстаетъ картина преобразованій, внесенныхъ въ русскую общественную жизнь обновленіемъ судебнаго строя. Судебные Уставы дали нашему народу возможность узнать судъ, прилагающій всѣ силы къ тому, чтобъ охранить нравственную личность обвиняемаго и законное право каждаго тяжущагося, къ какому бы скромному общественному слою они ни принадлежали. Въ мировомъ судѣ Россія получила такой органъ правосудія, который въ бѣднѣйшихъ и полуграмотныхъ массахъ населенія укрѣплялъ убѣжденіе, что предъ закономъ всѣ равны, что простолюдинъ можетъ отстоять свое право отъ посягательствъ человѣка богатаго, и высоко поставленнаго. Весь строй уголовной юстиціи сдѣлалъ возможнымъ примиреніе личной совѣсти съ общественною нравственностью во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, формально виновный, былъ не преступникомъ, а только несчастнымъ, слабовольнымъ, споткнувшимся на жизненномъ пути. Въ области гражданскаго правосудія за 30 лѣтъ также произошли крупныя преобразованія: начала справедливости стали подниматься все выше и выше изъ-за буквы закона; стало все явственнѣе замѣчаться воззрѣніе на законъ не какъ на формальный источникъ права, а какъ на выраженіе права, которое опирается на идею права, сознаваемую представителями лучшихъ, гуманныхъ теченій нашего вѣка.

Въ новомъ судѣ совершилось за 30 лѣтъ много измѣненій, которыя были часто неблагопріятны для него. Но онъ не переставалъ воспитывать народъ, внушать ему сознаніе человѣческаго достоинства и человѣческое отношеніе къ слабымъ. Судъ поставилъ положеніе судьи очень высоко въ сознаніи о[б]щества. Эти воспоминанія заставляютъ обратиться къ работамъ учрежд[е]нной при министерствѣ юстиціи коммиссіи и пожелать, чтобы всесторонній п[е]ресмотръ Судебныхъ Уставовъ не оставилъ безъ вниманія тѣхъ ограни[ч]ій, которыя съуживаютъ дѣйствіе законодательства 1864 года какъ по п[р]инципу, такъ территоріально. Таково въ настоящее время положеніе сельс[к]аго населенія. Въ крупныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ кресть-

янство соприкасается съ новымъ судомъ, образованнымъ по Судебнымъ Уставамъ 1864 года. Въ огромномъ же большинствѣ дѣлъ, которыя образуетъ обычный жизненный обиходъ, личные и имущественные интересы крестьянства зависятъ отъ органовъ, которые часто не представляютъ достаточнаго ручательства, необходимаго для правосудія. Далеко не всѣ чиновники имѣютъ подготовку, необходимую для судебной дѣятельности, зависимость отъ начальства въ прохожденіи службы лишаетъ ихъ самостоятельности, которая необходима для судьи. Напомнимъ также о волостныхъ судахъ, компетенція которыхъ довольно широка, но которые вовсе лишены самостоятельности, а потому и не даютъ сельскому населенію тѣхъ нормальныхъ условій правосудія, которыми пользуются горожане. Такъ какъ судебные департаменты сената руководятъ дѣятельностью мѣстныхъ административно-судебныхъ учрежденій, то въ каждой губерніи, каждомъ уѣздѣ законы получаютъ своеобразное толкованіе и вырабатывается своя судебная практика. Всѣ эти мѣстныя учрежденія не могутъ быть предметомъ прямого воздѣйствія со стороны министерства юстиціи. Вотъ почему, оглядываясь на вліяніе, которое уже оказано Судебными Уставами, мы выражаемъ пожеланіе, чтобы коммиссія, дѣйствующая при министерствѣ юстиціи, направила всѣ свои силы на созданіе условій, которыя обезпечиваютъ непрерывный ростъ чувства законности въ народѣ.

Пожеланія, чтобъ условія общественной жизни способствовали росту чувства законности, должны быть высказываемы ежедневно и ежечасно, особенно въ виду тѣхъ грубыхъ нарушеній права гражданъ, которыя исходятъ нерѣдко со стороны администраціи. Недавно въ *Русской Жизни* (1894 г., № 294) была напечатана корреспонденція о разнообразныхъ злоупотребленіяхъ одного изъ горныхъ исправниковъ Сибири. Корреспондентъ пишетъ, какъ одинъ горный исправникъ, не довольствуясь пятитысячнымъ окладомъ, который, по обычаю, ежегодно уплачиваетъ ему Ниманская золотопромышленная компанія, потребовалъ отъ главноуправляющаго пріисками дополнительныхъ пяти тысячъ и, когда получилъ отказъ, сталъ привлекать къ отвѣтственности того же главноуправляющаго по разнымъ давно забытымъ дѣламъ. Вопервыхъ, было возбуждено дѣло по жалобѣ рабочаго Вальковскаго, который получилъ ушибы при работахъ на пріискахъ. Это дѣло было прекращено и три года лежало безъ движенія по докладу того же самаго горнаго исправника. Во-вторыхъ, дѣло о рабочемъ Утимышевѣ, умершемъ въ апрѣлѣ 1889 года отъ угара въ шахтѣ. Оно пролежало нѣсколько лѣтъ и получило движеніе только осенью 1893 года, послѣ отказа главноуправляющаго удовлетворить требованіе исправника. Было начато еще и третье однородное дѣло. Главноуправляющій, привлеченный по этимъ дѣламъ къ отвѣтственности, обратился къ пріамурскому генералъ-губернатору съ ходатайствомъ защитить его отъ вымогательствъ горнаго исправника и подалъ въ судъ прошеніе объ отводѣ исправника, который не можетъ бы

безпристрастнымъ свидѣтелемъ, такъ какъ обвиненіе начато съ цѣлью вымогательства. Но горный исправникъ продолжалъ энергически вести дѣло. Онъ постановилъ отдать главноуправляющаго подъ надзоръ полиціи въ городѣ Благовѣщенскѣ, а для этого отправить подъ конвоемъ съ пріисковъ въ Благовѣщенскъ, отдаленный на 600 верстъ. Приказъ объ этомъ, хотя онъ вовсе не оправдывался положеніемъ дѣла, не былъ отмѣненъ и только случайно, благодаря отъѣзду горнаго исправника, дѣло было передано другому судебному слѣдователю, по докладу котораго пріамурскій генералъ-губернаторъ командировалъ особое лицо для разслѣдованія дѣйствій горнаго исправника.

Мы отнюдь не беремъ на себя защиты главноуправляющаго Нижанскими пріисками. Очень вѣроятно, администрація пріисковъ была виновата въ тѣхъ несчастныхъ случаяхъ, которые произошли съ рабочими. Но здѣсь главный интересъ привлекаетъ центральная фигура — горный исправникъ, освѣщенная крайне неприглядно. Получая пятитысячный окладъ отъ пріисковой компаніи, горный исправникъ считаетъ ее своимъ хозяиномъ, служить ей до забвенія обязанностей, которыя связаны съ должностью, и спокойно кладетъ подъ сукно всѣ дѣла, по которымъ обвиняются служащіе компаніи, а пострадавшими являются рабочіе. Но и положенныя подъ сукно, эти дѣла являются для горнаго исправника очень подходящимъ средствомъ, когда нужно прибавить еще что-нибудь ко многимъ тысячамъ, получаемымъ частью по закону, а главное—по обычаю. Такой случай, наконецъ, наступаетъ. Исправникъ задумываетъ купить въ Благовѣщенскѣ домъ и рѣшаетъ, что хозяева пріисковъ должны дать ему 5,000 рублей на эту покупку. Разъ ему отказано въ этомъ требованіи, онъ рѣшаетъ доконать главноуправляющаго пріисками. Изъ секретнаго архива извлекаются дѣла, отстраненныя самимъ исправникомъ, и относительно главноуправляющаго пріисками принимаются весьма суровыя мѣры. Само по себѣ требованіе, чтобы главноуправляющій былъ препровожденъ подъ конвоемъ въ Благовѣщенскъ и былъ посаженъ въ тюрьму, пока не представитъ доказательствъ своей невиновности, было бы цѣлесообразно лишь въ томъ случаѣ, еслибъ это лицо завѣдывало единолично всѣми дѣлами пріиска. Но пріискъ занимаетъ очень большую площадь; работы производятся группами во многихъ мѣстахъ; каждая группа работъ имѣетъ ближайшаго начальника, и во многихъ случаяхъ отвѣтственность за несчастія съ рабочими должна падать не на главноуправляющаго, а на начальника отдѣльной части. Всѣмъ этимъ было пренебрежено, дабы сорвать злобу на главноуправляющемъ, который не далъ просимыхъ пяти тысячъ.

И такъ, въ Сибири личная свобода недостаточно обезпечена даже тому, кто стоитъ во главѣ крупнаго промышленнаго предпріятія, получаетъ жалованье въ 15,000—20,000 ежегодно и, вообще, занимаетъ видное общественное положеніе. Можно представить себѣ, какъ трудно опредѣлить границу, у которой останавливается произволъ многихъ представителей сибирской администраціи относительно маленькихъ людей. Въ этой средѣ,—а

она обнимаетъ 95% населенія,—полная беззащитность. Нельзя было бы говорить объ этомъ съ такою убѣжденностью, если бы само правительство не высказывалось неоднократно о ненормальномъ положеніи дѣлъ въ Сибири. Такъ, наприм., ревизія пріисковъ Олекминскаго округа, произведенная иркутскимъ генералъ-губернаторомъ въ 1890 году, обнаружила въ дѣятельности исправниковъ много незаконнаго: превышеніе власти, медленность въ производствѣ дѣлъ, потачку пріисковыхъ дѣятелей въ случаѣ неправильныхъ ихъ поступковъ. Обнаружились случаи, что исправникъ допускаетъ тѣлесное наказаніе пріисковыхъ рабочихъ безъ разбирательства вины и проч. Эти факты еще разъ напоминаютъ о томъ, что Азіатская Россія нуждается въ томъ обновленіи судебнаго строя, который въ 60-хъ годахъ сталъ удѣломъ большей части Европейской Россіи.

Если предъ коммиссіей, учрежденной при министерствѣ юстиціи, возникаетъ крупная задача ввести Судебные Уставы и въ тѣхъ мѣстностяхъ имперіи, на которыя они еще не распространяются, то необходимо поработать также и надъ улучшеніемъ многихъ сторонъ правосудія, въ частности—надъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Отъ времени до времени возникаютъ дѣла, которыя обнаруживаютъ крайнюю неудовлетворительность слѣдственной части. Къ числу такихъ случаевъ принадлежитъ недавно разсмотрѣнное петербургскимъ окружнымъ судомъ дѣло присяжнаго повѣреннаго Степанова. Бытовая сторона этого дѣла состоитъ въ томъ, что одинъ клубъ, величающій себя *собраніемъ экономистовъ,* обратился въ игорный домъ, гдѣ члены и гости проводили почти по полусуткамъ за зеленымъ столомъ. Основанный года четыре тому назадъ группой мелкихъ литераторовъ,—многіе изъ нихъ называли себя экономистами, такъ какъ подавали докладныя записки о мѣрахъ облагодѣтельствованія отечества,—клубъ назначалъ иногда «ученыя» бесѣды, а, главное, усердно развивалъ картежную игру. Одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей клуба, присяжный повѣренный Степановъ, былъ заподозрѣнъ въ мошеннической игрѣ въ карты и преданъ суду. Показанія многочисленныхъ свидѣтелей выяснили съ полною очевидностью, что Степановъ не сдѣлалъ ничего, что оправдывало бы обвиненіе его въ картежномъ шулерствѣ. Всѣ, игравшіе съ нимъ,—среди таковыхъ были петербургскіе литераторы, адвокаты и другіе,—показали единогласно, что Степановъ игралъ какъ слѣдуетъ, съ полною порядочностью. До привлеченія его на скамью подсудимыхъ самый случай, подавшій поводъ къ его обвиненію, былъ подробно изслѣдованъ общимъ собраніемъ клуба, которое и рѣшило, что, по поводу игры, Степановъ не только не вызываетъ серьезнаго подозрѣнія, но не заслуживаетъ даже и малѣйшаго упрека. Мало того, было выяснено, что обвинитель Степанова — человѣкъ, не заслуживающій довѣрія—былъ вынужденъ выйти изъ членовъ клуба. Тѣмъ не менѣе, Степановъ оказался на скамьѣ подсудимыхъ и даже былъ посаженъ въ тюрьму въ одиночную камеру дома предварительнаго заключенія. Судебное слѣдствіе обнаружило, что не было повода подвергать Степанова предварительному заключенію, лишать его свободы. Обви-

немаго оправдали, публика, присутствовавшая въ судѣ, усердно апплодировала оправдательному вердикту, но все это не искупаетъ страданій, которыя причинила обвиняемому судебная ошибка. Вотъ почему приходится высказаться,—что мы дѣлаемъ уже не въ первый разъ,—за необходимость допущенія защитниковъ къ участію въ предварительномъ слѣдствіи. Такое участіе принесло бы дѣлу правосудія существенную пользу. Оно сдѣлало бы невозможнымъ преданіе суду въ тѣхъ случаяхъ, когда оно основывается больше на общихъ подозрѣніяхъ, нежели на фактахъ, больше на увѣренности слѣдователя, что обвиняемый, въ силу условій, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ, могъ совершить преступленіе, нежели на фактахъ, которые свидѣтельствуютъ, что онъ совершилъ его. Защита на предварительномъ слѣдствіи устранила бы много случаевъ, когда объемистое дѣло, законченное у слѣдователя, оказывается ворохомъ ни на что ненужной бумаги, когда обнаружившаяся на судѣ неосновательность обвиненія ведетъ къ оправданію и подрываетъ авторитетъ правосудія. Введеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи имѣло бы и на слѣдователей воспитательное вліяніе. Теперь они—полные хозяева каждаго дѣла, поступившаго въ ихъ вѣдѣніе. Встрѣчая отъ подозрѣваемаго въ преступленіи лишь слабый отпоръ, слѣдователи рѣже находятъ матеріалъ, который напрягалъ бы ихъ умственныя силы, побуждалъ воскрешать въ памяти уже пріобрѣтенныя знанія, заботиться о пріобрѣтеніи юридическаго образованія и изученіи быта даннаго района, нежели было бы въ томъ случаѣ, когда слѣдователь, уже въ самомъ возникновеніи дѣла, будетъ видѣть передъ собой защитника, старающагося отыскать факты, которые могутъ послужить на пользу привлеченному къ слѣдствію. Мысль о цѣлесообразности защиты на предварительномъ слѣдствіи не нова: за нее, 30 лѣтъ тому назадъ, при составленіи проекта устава уголовнаго судопроизводства, высказалась коммиссія Буцковскаго, состоявшая изъ лучшихъ юристовъ того времени, теоретиковъ и практиковъ. Былъ споръ не о томъ, допустить ли защиту, а лишь о томъ, какія мѣры могутъ ограждать отъ злоупотребленій со стороны защитниковъ. Всякаго рода злоупотребленія будутъ предупреждены, если защита на предварительномъ слѣдствіи будетъ находиться подъ контролемъ судебной власти. Тѣмъ, которые относятся враждебно ко введенію защиты въ предварительное слѣдствіе, можно сдѣлать развѣ одну уступку, чтобы первый допросъ обвиняемыхъ производился не въ присутствіи защитника.

Проектъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ о мѣстныхъ органахъ сельско-хозяйственнаго управленія вызвалъ обсужде[ніе] предлагаемыхъ мѣръ со стороны многихъ мѣстныхъ дѣятелей. Среди [от]зывовъ обращаетъ на себя вниманіе записка г. Велецкаго, представленн[ая] полтавскому обществу сельскаго хозяйства. Г. Велецкій находитъ въ [про]ектѣ министерства земледѣлія двойственность и неопредѣленность. Съ [од]ной стороны, министерство разсчитываетъ опереться на мѣстное само[управ]леніе и мѣстную общественную иниціативу въ лицѣ земскихъ учреж-

деній и сельско-хозяйственныхъ обществъ; съ другой стороны, оно ищетъ опоры въ мѣстной административной организаціи: къ мѣстнымъ правительственнымъ учрежденіямъ министерство хочетъ прибавить еще новое звено—инспектора сельскаго хозяйства и подвѣдомственныхъ ему спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Въ этой двойственности отражается, вообще, двойственность нашего государственнаго управленія, основаннаго и на бюрократической системѣ, непосредственно подчиненной центральнымъ учрежденіямъ, и на мѣстномъ самоуправленіи. Однако, проектъ министерства земледѣлія вноситъ въ права и обязанности мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ установленій нѣкоторыя новыя начала, совершенно нежелательныя; эти начала усиливаютъ формализмъ и стѣсняютъ свободную иниціативу. Проектируемымъ комитетамъ отводится такой обширный кругъ дѣятельности, что, при томъ составѣ, какой имѣется для нихъ въ виду, при отсутствіи въ ихъ распоряженіи денежныхъ средствъ, они не будутъ въ состояніи проявлять свою иниціативу непосредственно и активно, а потому, при правахъ, которыя предполагается дать имъ, ихъ дѣятельность сведется почти исключительно къ опекѣ надъ мѣстныхъ самоуправленіемъ. Это будетъ вредить, а вовсе не способствовать мѣстной общественной дѣятельности. «А, между тѣмъ,—говоритъ г. Велецкій,—извѣстно, что мѣстныя общественныя учрежденія, въ лицѣ земствъ, говоря вообще, и дѣлали, и продолжаютъ дѣлать въ области сельскаго хозяйства очень много,—гораздо больше, чѣмъ всѣ другія учрежденія, не только мѣстныя, но даже во многихъ случаяхъ и центральныя. Проектируемые же комитеты, если на нихъ будутъ возложены предположенныя обязанности надзора за сельско-хозяйственною дѣятельностью земскихъ учрежденій, съ правомъ даже непосредственнаго вмѣшательства въ нее, будутъ только связывать земство въ его дѣятельности въ этомъ направленіи, а это въ свою очередь можетъ повести къ постепенному упадку земской дѣятельности и, вообще, общественной иниціативы. Но и помимо этого можно вообще сомнѣваться въ цѣлесообразности вмѣшательства въ дѣятельность общественныхъ учрежденій, созданныхъ правительствомъ же и составляющихъ часть государственнаго управленія. Дѣло въ томъ, что наши общественныя учрежденія рѣшаютъ и вершатъ всѣ мѣстные вопросы и дѣла чрезъ представителей всего мѣстнаго населенія. Само собою понятно, что эти представители, стоящіе ближе всякихъ правительственныхъ учрежденій и чиновниковъ къ населенію, лучше ихъ знаютъ всѣ насущныя нужды этого населенія, а поэтому являются лучшими выразителями этихъ нуждъ. Каждый болѣе или менѣе значительный вопросъ, касающійся интересовъ значительнаго района губерніи, разсматривается и рѣшается губернскими и уѣздными земскими собраніями дважды: уѣздными—въ полномъ ихъ составѣ и губернскими—чрезъ представителей уѣздныхъ. Слѣдовательно, окончательное рѣшеніе по такому вопросу является результатомъ обмѣна мнѣній между всѣми представителями земства, т.-е., напримѣръ, въ Полтавской губерніи—почти между 600 мѣстными земцами, избранными остальнымъ населеніемъ

въ качествѣ лучшихъ людей, лучшихъ представителей населенія. Невозможно, конечно, и думать, что какой-нибудь комитетъ, состоящій изъ 10—12 человѣкъ, изъ которыхъ половина является чуждымъ мѣстности элементомъ, въ лицѣ чиновниковъ, назначаемыхъ обыкновенно изъ другихъ мѣстъ, что такой комитетъ можетъ лучше обсудить нужды населенія всей губерніи и лучше рѣшить, что необходимо для ихъ удовлетворенія» (стр. 8). Вполнѣ раздѣляя мнѣніе г. Велецкаго, какъ мы это выразили въ октябрской книгѣ *Русской Мысли* при обсужденіи проекта министерства земледѣлія, мы должны отмѣтить одну отличительную особенность послѣдняго времени (особенность, которую вовсе нельзя одобрить)—отдавать предпочтеніе всякаго рода сборнымъ комитетамъ предъ органами мѣстнаго управленія. Это предпочтеніе основывается на невѣрной мысли, что такіе сборные комитеты или присутствія, имѣющіе членами лицъ, на которыхъ лежатъ многочисленныя служебныя обязанности по разнымъ вѣдомствамъ, могутъ быть дѣятельны и въ новой области, которую открываютъ для нихъ вѣдѣнія. Но опытъ не оправдываетъ надеждъ, возлагаемыхъ на такіе комитеты: члены обыкновенно стараются, какъ можно скорѣе, отдѣлаться отъ своихъ новыхъ обязанностей и относятся къ нимъ только формально. Въ составъ проектируемыхъ комитетовъ должны входить также инспекторъ сельскаго хозяйства и выборные отъ земства и дворянства. Но обширность и неопредѣленность задачъ комитетовъ будетъ парализовать дѣятельность и этихъ членовъ, а земство, опекаемое на каждомъ шагу, будетъ неохотно давать комитетамъ денежныя средства, которыя оно могло бы ассигновать на содѣйствіе развитію сельскаго хозяйства. Какъ мѣстные органы сельско-хозяйственнаго управленія, комитеты вовсе непригодны, такъ какъ земства, будучи важнѣйшими органами мѣстнаго управленія, должны имѣть самостоятельность, которая только и дѣлаетъ возможною творческую дѣятельность.

Подвергая критикѣ проектъ министерства, г. Велецкій излагаетъ свои мнѣнія о томъ, что было бы полезно предпринять для мѣстнаго управленія сельскимъ хозяйствомъ. Онъ считаетъ сельско-хозяйственные комитеты не лишними въ качествѣ совѣщательныхъ органовъ при губернаторахъ по тѣмъ вопросамъ сельскаго хозяйства, которые губернаторъ по собственному почину находитъ нужнымъ обсудить въ силу права, предоставленнаго ему на это *положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ* или общимъ положеніемъ объ управленіи губерніей. Многіе губернаторы, будучи знакомы съ общими пріемами административной дѣятельности, мало знаютъ сельское хозяйство, и такіе совѣщательные комитеты были бы при нихъ умѣстны. «Усиливая значеніе губернаторской власти коллегіальнымъ совѣщаніемъ, эти комитеты примиряли бы различныя недоразумѣнія, которыми такъ богата провинціальная общественная дѣятельность... Принимая во вниманіе, что всѣ мѣстныя учрежденія, имѣющія отношеніе къ сельско-хозяйственному дѣлу, были бы представлены въ комитетахъ, можно надѣяться, что такіе комитеты сохранили бы необходимый объективизмъ въ различныхъ

спорныхъ вопросахъ вмѣстѣ съ знаніемъ дѣла и поэтому могли бы быть весьма полезны, какъ совѣщательныя учрежденія при губернаторахъ, въ сферѣ законной дѣятельности со стороны губернаторовъ, но отнюдь не какъ самостоятельные органы мѣстнаго сельско-хозяйственнаго управленія» (стр. 11). Уѣздные же сельско-хозяйственные комитеты, сохраняя характеръ совѣщательныхъ учрежденій, могли бы быть отдѣленіями губернскихъ комитетовъ и состоять подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Для оживленія мѣстной общественной и частной дѣятельности по сельскому хозяйству, при земскихъ управахъ могли бы быть ежегодно устраиваемы съѣзды подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго министромъ земледѣлія или избираемаго для этого земскимъ собраніемъ. Г. Велецкій считаетъ цѣлесообразнымъ организовать сельскія попечительства по сельско-хозяйственной части, которые должны бы были собираться при управахъ и обсуждать, при участіи управъ самые мелкіе изъ мѣстныхъ вопросовъ.

Что же остается, спрашиваетъ авторъ разбираемой нами записки, для министерства земледѣлія? Вѣдь, сельскіе хозяева долго добивались его учрежденія. Если такъ, то и оно должно имѣть на мѣстахъ свои органы и вѣдать нѣкоторыя функціи. Такими органами должны служить окружныя управленія государственными имуществами, при условіи преобразованія ихъ въ такомъ направленіи, чтобы они были приспособлены къ новымъ задачамъ министерства земледѣлія. Разъ кругъ вѣдомства этихъ управленій будетъ расширенъ, то они будутъ вполнѣ пригодны для рѣшенія многихъ дѣлъ, рѣшаемыхъ теперь въ департаментѣ министерства. Вслѣдствіе этого было бы ускорено рѣшеніе многихъ вопросовъ, затягивающееся теперь на долгое время. Г. Велецкій не отрицаетъ полезности и инспекторовъ сельскаго хозяйства, но они должны быть не такими, какъ проектируетъ министерство земледѣлія, со всезахватывающею компетенціей, съ совершенно неопредѣленными правами и обязанностями: инспектора, являясь самостоятельными мѣстными агентами министерства земледѣлія, должны состоять въ ближайшемъ вѣдѣніи окружныхъ управленій. Эти лица должны быть посредниками между мѣстною частною иниціативой въ области сельскаго хозяйства и окружными и центральными органами министерства, когда въ томъ встрѣтится надобность. Въ случаѣ нужды, инспектора сельскаго хозяйства и подвѣдомственные ему спеціалисты могли бы приходить на помощь мѣстной частной и общественной дѣятельности, еслибъ она одна была недостаточна. Будучи мѣстными органами министерства земледѣлія, инспекторъ сельскаго хозяйства долженъ сообщить въ министерство о ходѣ и состояніи мѣстной сельско-хозяйственной дѣятельности вообще, о различныхъ, возникающихъ на мѣстахъ вопросахъ, относящихся до сельскаго хозяйства, и проч. Но ни въ какомъ случаѣ инспекторъ не долженъ разбрасываться въ многочисленныхъ задачахъ, а, главное, не долженъ вмѣшиваться въ дѣятельность мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, имѣющихъ свой опытъ, свои традиціи, свои предположенія. Г. Велец-

кій затрогиваетъ вопросъ и о средствахъ, на которыя министерство земледѣлія могло бы осуществлять свои проекты. Для этого долженъ быть на лицо особый, независимый фондъ, фондъ сельскаго хозяйства. Нужно образовать его спеціальными ежегодными отчисленіями государственнаго бюджета. Г. Велецкій останавливается также на роли, которую министерскій проектъ отводитъ земскимъ начальникамъ. Они не должны вмѣшиваться въ техническую сторону сельско-хозяйственной дѣятельности, но могутъ дѣлать представленія о нуждахъ и затрудненіяхъ, которыя испытываетъ крестьянское населеніе, а потому они и должны принимать нѣкоторыя мѣры къ улучшенію крестьянскаго сельскаго хозяйства. Г. Велецкій заключаетъ поэтому поводу, что «на земскихъ начальникахъ и безъ того лежитъ въ настоящее время такъ много административныхъ и судебныхъ функцій, что врядъ ли возможно безъ ущерба для прямого ихъ дѣла еще болѣе расширить кругъ ихъ обязанностей и власти, тѣмъ болѣе, что въ министерствѣ юстиціи и теперь уже циркулируетъ проектъ сокращенія круга ихъ дѣятельности въ судебномъ отношеніи; а между тѣмъ проектъ министерства земледѣлія предполагаетъ вмѣнить имъ еще и работы по сельскому хозяйству и такимъ образомъ сдѣлать ихъ органомъ еще одного вѣдомства» (стр. 15).

Мы уже выразили согласіе съ г. Велецкимъ по вопросу о недостаткахъ, которые представляетъ проектъ министерства земледѣлія. Мы примыкаемъ также и къ его воззрѣніямъ на центръ тяжести мѣстнаго сельскохозяйственнаго управленія: таковымъ должно служить земство, какъ потому, что оно уже выработало извѣстный опытъ для дѣятельности въ этой сферѣ, такъ потому, что оно обладаетъ средствами, необходимыми для различныхъ мѣропріятій по сельскому хозяйству, такъ, наконецъ, и потому, что оно имѣетъ наибольшій запасъ личныхъ силъ, хорошо знакомыхъ съ условіями мѣстной жизни. Но по одному пункту мы расходимся съ авторомъ разбираемой записки: по вопросу о функціяхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Г. Велецкій полагаетъ, что они могутъ быть полезны, какъ совѣщательные органы при губернаторахъ; мы же находимъ, что вовсе нѣтъ надобности въ такомъ совѣщательномъ учрежденіи. Разъ при губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управахъ есть сельско-хозяйственные (чаще называемые *экономическими*) совѣты, то въ нихъ губернаторы находятъ органы, имѣющіе возможность и обязанные освѣтить во всей полнотѣ каждую мѣру, принимаемую на пользу сельскаго хозяйства, предлагается ли эта мѣра земствомъ, или же починъ принадлежитъ губернатору Такъ, если губернатору приходитъ мысль о полезности какого-либо мѣропріятія для мѣстнаго сельскаго хозяйства, то, передавъ этото проектъ на разсмотрѣніе земскаго собранія, губернаторъ найдетъ въ лицѣ экономическаго совѣта свѣдущій органъ, который обсудитъ проектъ и поможетъ разработать его. Совѣщательные комитеты не нужны и потому, что, съ приспособленіемъ управленій государственныхъ имуществъ къ новымъ задачамъ министерства земледѣлія и съ назначеніемъ губернскихъ инспекторовъ сель-

ского хозяйства, губернаторъ будетъ имѣть въ этихъ органахъ совѣщательныя учрежденія, которыя всегда могутъ обсудить его проекты. Такимъ образомъ, созданіе особыхъ губернскихъ комитетовъ прибавитъ новый органъ къ органамъ, уже существующимъ, но не принесетъ дѣлу никакой пользы. Мы одобряемъ привлеченіе къ общественному дѣлу возможно большаго числа гражданъ, но не сочувствуемъ безцѣльнымъ учрежденіямъ вѣдь, каждый сельскій хозяинъ изъ дворянъ и другихъ сословій имѣетъ и дома много дѣла, и нѣтъ надобности тянуть его въ совѣщательный комитетъ, который вовсе не вызывается необходимостью, а только даетъ поводъ сказать, что «мѣстнымъ элементамъ открыта еще одна область общественной дѣятельности». Лучшіе, наиболѣе подготовленные изъ мѣстныхъ элементовъ могутъ найти для себя подходящее мѣсто въ земскихъ сельско-хозяйственныхъ или экономическихъ совѣтахъ; тамъ они будутъ дѣятельными силами; тамъ они могутъ работать въ разсчетѣ на матеріальныя средства, которыя земства ассигнуютъ на улучшеніе сельскаго хозяйства. Губернскіе комитеты, какъ совѣщательныя учрежденія при губернаторахъ, представляютъ и то неудобство, что могутъ постепенно присвоить себѣ функціи, которыя вызываютъ возраженія со стороны г. Велецкаго. Въ однѣхъ губерніяхъ совѣщательные комитеты будутъ голою формальностью. Но встрѣтится и иное положеніе дѣлъ: гдѣ члены привыкли распоряжаться въ другихъ сферахъ дѣятельности, тамъ они постепенно будутъ направлять свои занятія къ тому, чтобы вмѣшиваться въ мѣропріятія земства по сельскому хозяйству; положеніе же губернатора въ сферѣ мѣстнаго управленія дѣлаетъ весьма легкимъ переходъ совѣщательныхъ органовъ въ распорядительные.

Наконецъ, замѣтимъ о сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ, что желательно возможно большее ихъ упроченіе. Вполнѣ цѣлесообразны какъ губернскіе, такъ и уѣздные съѣзды сельскихъ хозяевъ, всего лучше приноровляемые къ тому времени, когда происходятъ губернскія и уѣздныя земскія собранія. Если бы съѣзды по времени засѣданія непосредственно предшествовали земскимъ собраніямъ, то установилась бы тѣсная связь между трудами съѣздовъ, ихъ оцѣнкой положенія мѣстнаго хозяйства, ихъ пожеланіями и дѣятельностью земства. Участіе въ съѣздахъ должно быть предоставлено всѣмъ желающимъ. Какъ въ губернскихъ, такъ и въ уѣздныхъ съѣздахъ выборы предсѣдателя должны быть предоставлены самимъ съѣздамъ. Будучи соединеніемъ частныхъ лицъ, съѣзды и должны быть предоставлены самимъ себѣ,—и земству и администраціи слишкомъ много дѣла для того, чтобы наблюдать за дѣятельностью съѣздовъ. Но связь съѣздовъ съ правительственными и земскими учрежденіями могла бы быть установлена тѣмъ, что непремѣнными членами губернскихъ съѣздовъ были бы губернскій инспекторъ сельскаго хозяйства и представитель отъ губернской земской управы, а непремѣнными членами уѣзднаго съѣзда сельскихъ хозяевъ долженъ быть представитель уѣзднаго земства. Остаются окружные съѣзды сельскихъ хозяевъ, представляющіе интересы цѣлой

группы губерній. Такъ какъ большинство членовъ съѣзда могутъ быть знакомы съ положеніемъ сельскаго хозяйства только въ одной изъ губерній данной группы, то можно высказаться за назначеніе предсѣдателя министромъ земледѣлія изъ лицъ, быть можетъ, и не принадлежащихъ къ сельскимъ хозяевамъ одной изъ губерній, на которыя распространяется съѣздъ, но хорошо подготовленныхъ теоретически и свѣдущихъ въ практикѣ сельскаго хозяйства. Начертывая такую схему, мы твердо вѣримъ, что ея осуществленіе привлечетъ къ заботамъ о сельскомъ хозяйствѣ всѣ мѣстныя силы, которыя могутъ принести наибольшую пользу нашей земледѣльческой промышленности.

Жалобы нашихъ землевладѣльцевъ уже давно стали общими мѣстами. Представляетъ, поэтому, интересъ каждое мнѣніе, которое, исходя изъ круга сельскихъ хозяевъ, рисуетъ положеніе дѣлъ въ менѣе мрачномъ свѣтѣ, нежели принято говорить и писать. Съ этой стороны обращаетъ на себя вниманіе статья г. Шатилова *По поводу сельско-хозяйственнаго кризиса* (*Новое Время* 1894 г., № 6734). «Земледѣліе средней Россіи переживаетъ, безспорно, тяжелый періодъ съ 1891 и по настоящій годъ, но подобное положеніе не ново и не разъ уже было переживаемо русскимъ сельскимъ хозяйствомъ. Настоящія цѣны, правда, самыя низшія съ 1891 года, все же еще не достигли того minimum'а, какого подчасъ достигали ранѣе. Напротивъ, замѣчается, что, по десятилѣтіямъ, цѣны прогрессивно даже возростаютъ, равно какъ и сами урожаи». Разъ такъ заявляетъ крупный землевладѣлецъ и, притомъ, одинъ изъ лучшихъ сельскихъ хозяевъ Россіи (въ его имѣніи село Моховое записи урожаевъ и цѣны идутъ отъ 1806 года и къ тому же времени относится раціональная постановка сельскаго хозяйства), то читатель какъ бы чувствуетъ успокоеніе и начинаетъ думать, что жалобы большею частью неосновательны. Однако, цифры, приводимыя г. Шатиловымъ, вовсе не подкрѣпляютъ его увѣренія. Въ 1893 и 94 годахъ цѣна 1 пуда ржи составляетъ 37 к., тогда какъ средняя цѣна за 15-лѣтіе, съ 1806—20 г., была около 20 к., а съ 1830—40 и 1850—60 г. 28—29 к. Одинъ пудъ пшеницы, стоившій въ 1893 году 68 к., а въ нынѣшнемъ 65, стоилъ въ 1806—20 г. около 57 коп., въ 1840—50 гг. 57 к., а въ 1820—30 гг. даже 36¼ к. Г. Шатиловъ приводитъ также цѣны овса, но сравненіе нынѣшняго года съ предъидущими періодами не даетъ поучительныхъ указаній, такъ какъ овесъ въ настоящемъ и прошломъ годахъ вовсе не дешевъ (40 к. въ 1893 г.). Сопоставленіе послѣднихъ лѣтъ съ предъидущими годами относительно цѣнъ ржи и пшеницы приводитъ къ заключенію, что нынѣшнія цѣны чрезвычайно низки. Если въ 20-хъ гг. цѣна ржи равнялась только половинѣ нынѣшней, въ 30-хъ тремъ четвертямъ ея, то не забудемъ, что 50—60 лѣтъ тому назадъ цѣны рабочихъ рукъ не достигали половины нынѣшнихъ, государственные доходы были меньше, нежели ¼ нынѣшнихъ, и сами цѣны, по отсутствію желѣзнымъ дорогъ и невозможности доставлять хлѣбъ на от-

даленные рынки, тѣмъ болѣе вывозить за границу, были такъ низки вслѣдствіе ограниченія сбыта только ближайшими районами. Такимъ образомъ, цѣна 1 пуда ржи въ 70³/₄ к. ассигнаціями (19⁶/₇ к. с.) для перваго и второго десятилѣтій нашего вѣка была гораздо болѣе крупною величиной, нежели 37 к. для нынѣшняго или прошлаго года. Отмѣтимъ и такой существенный фактъ: 60—70 лѣтъ тому назадъ сельскіе хозяева получали значительную часть жатвы съ новинъ, которыя только поступали въ обработку, отличались дѣвственнымъ плодородіемъ и не требовали расходовъ, которые вызываетъ удобреніе. Теперь же въ среднихъ, густо населенныхъ губерніяхъ нѣтъ цѣлинныхъ земель, и полученіе довольно высокихъ урожаевъ возможно только подъ условіемъ обильнаго удобренія. Поэтому выкладки тульскаго сельскаго хозяина говорятъ противъ него и вовсе не доказываютъ его положенія. Но низкій уровень цѣнъ—важный фактъ при господствѣ мѣнового хозяйства—не имѣетъ столь подавляющаго значенія, какъ уменьшеніе производительности земли. А статья г. Шатилова вызываетъ невеселыя мысли. Стараніе, съ которымъ ведется хозяйство въ селѣ Моховомъ чуть не цѣлое столѣтіе, должно было бы привести къ очень большому повышенію урожайности. Между тѣмъ, мы видимъ, что средніе урожаи ржи, достигавшіе въ 80-хъ годахъ 95 пуд. съ десятины, уже въ 30-хъ годахъ равнялись 89½ пуд., т.-е. за 50 лѣтъ повысились только на 5½ пуд.,—менѣе, нежели на ⅔ зерна. Результаты, достигнутые воздѣлываніемъ пшеницы, гораздо менѣе удовлетворительны; за весь 89-ти лѣтній періодъ (1806 — 94) пшеница дала высшіе урожаи въ 40-хъ годахъ въ среднемъ по 115 пуд. 28 ф. съ десятины въ годъ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ средній урожай пшеницы былъ 99 пуд. съ десятины; однако, и 20-е годы даютъ намъ средній урожай по 96 пуд. 8 ф. Съ 80-хъ годовъ и до настоящаго времени средній урожай пшеницы не превышалъ 81½ пуд.; для первыхъ же 15 лѣтъ (1806—20) мы имѣемъ средній урожай въ 76 п. 6 ф. То же скажемъ и объ овсѣ. Высшіе урожаи падаютъ на 30-е годы—113 п. 35 ф. съ десятины; въ 80-хъ годахъ, которые вообще были довольно урожайными, овесъ давалъ по 102¼ п. на десятину, но и за первое 15-ти лѣтіе (1806—20) средній урожай былъ 98 п 26 ф. Мы очень благодарны г. Шатилову за опубликованіе этихъ цифръ. Онѣ доказываютъ, что въ селѣ Моховомъ хозяйство поставлено на очень высокій уровень, что получаются результаты, почти въ два раза лучшіе, чѣмъ въ среднихъ русскихъ хозяйствахъ. Мы полагаемъ даже, что г. Шатиловъ, благодаря усовершенствованіямъ, которыя примѣнены въ его имѣніи, можетъ получать доходы и въ годы съ низшими цѣнами хлѣба. Но его цифры имѣютъ, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, угрожающій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ имѣніи, гдѣ практика идетъ рука объ руку съ наукой, урожайность поднялась за 80 лѣтъ только въ очень малой пропорціи, то что же сказать о другихъ сельскихъ хозяевахъ, которые не могутъ и мечтать объ улучшеніяхъ, произведенныхъ въ имѣніи г Шатилова? Факты, доказывающіе, что производительныя силы земли истощаются въ нашемъ отe-

чествѣ, такъ многочисленны, такъ общеизвѣстны, что не хочется снова перечислять ихъ. Но, не будь этихъ фактовъ, цифры урожаевъ въ селѣ Моховомъ были бы краснорѣчивыми доказательствами въ глазахъ того, кто знаетъ, какъ поставлено хозяйство въ этомъ имѣніи (сошлемся хотя бы только на то, что въ Моховомъ вырощенъ лѣсъ на 268 десятинахъ, теперь частью достигшій уже 50-ти лѣтняго возраста). Вотъ почему нельзя примкнуть къ г. Шатилову, что за послѣднее время въ русской жизни явились факты, могущіе поставить наше сельское хозяйство на недосягаемую высоту: этими условіями служатъ министерство земледѣлія и дешевый краткосрочный и долгосрочный кредитъ на такихъ льготныхъ условіяхъ, «какихъ нѣтъ ни въ одной другой странѣ» (здѣсь явное преувеличеніе, такъ какъ если наши крупные и средніе землевладѣльцы имѣютъ дешевый кредитъ, то мелкіе вовсе не пользуются такими выгодными условіями). Г. Шатилову, какъ сельскому хозяину, который изстари успѣшно ведетъ дѣло и не нуждается въ казенныхъ подпоркахъ, конечно, будущее можетъ представляться въ розовомъ свѣтѣ. Но не такъ слѣдуетъ взглянуть на это съ точки зрѣнія средняго русскаго хозяина, даже крупнаго и средняго, уже не говоря о мелкомъ. Когда продукты сельскаго хозяйства поступаютъ на рынокъ, готовый платить довольно высокія цѣны, то хозяинъ легко переноситъ и кредитъ изъ 8% годовыхъ, предполагая съ его стороны разумное и экономное пользованіе занятыми капиталами. При средне-высокихъ цѣнахъ земледѣльческихъ продуктовъ и средней организаціи хозяйства, оно находится въ положеніи однородномъ съ положеніемъ отраслей обрабатывающей промышленности, которыя могутъ выносить кредитъ изъ 7—8% годовыхъ. Но когда рынокъ даетъ очень низкія цѣны и, по существу дѣла, обѣщаетъ и впредь платить дешево за земледѣльческіе продукты, то всякій кредитъ обременителенъ, ибо рыночная цѣна не покрываетъ сполна издержекъ производства. Такъ стоитъ дѣло въ настоящее время. Русскій хлѣбъ дешевъ потому, что вообще хлѣбъ дешевъ. Русскій хлѣбъ настолько дешевъ, что его производство не окупается, тогда какъ наши американскіе, австралійскіе и индійскіе конкурренты еще находятъ выгоднымъ снабжать хлѣбомъ международный рынокъ. Вопросъ сводится для насъ къ тому, могутъ ли русскіе сельскіе хозяева, благодаря дѣйствительно довольно дешевому кредиту, настолько понизить издержки производства хлѣба, чтобы сбыть его и по низкимъ цѣнамъ оставлялъ нѣкоторый чистый доходъ? Утвердительный отвѣтъ на это можетъ быть данъ только по доказательствѣ того положенія, что наши заграничные конкурренты вовсе не будутъ поднимать производительность своего сельскаго хозяйства и сдѣлаютъ насъ господами всемірнаго рынка. Мы не видимъ основаній, чтобы предсказать нашимъ сельскимъ хозяевамъ такой благопріятный исходъ этой борьбы. Не только сѣвероамериканецъ или австраліецъ, но даже южноамериканецъ, румынъ, даже индусъ подъ руководствомъ англійской науки не останутся назади, а, вѣроятно, опередятъ насъ успѣхами на міровомъ рынкѣ. Какія мѣры ни были бы у насъ измышлены, мы найдемъ все это уже извѣст-

нымъ и примѣняемымъ у многихъ другихъ народовъ. Напомнимъ о нѣкоторыхъ фактахъ изъ американской жизни, свидѣтельствующихъ о поразительномъ ростѣ земледѣлія у этого необыкновеннаго народа. Въ 1875 году вся Сѣверная Дакота, обнимающая площадь въ 159,000 кв. верстъ, была пустыней, по которой кочевали индѣйцы и бродили буйволы и гдѣ бѣлое населеніе не превышало 1,000 душъ. Климатическія условія въ этомъ штатѣ неблагопріятны: кукуруза не вызрѣваетъ, а вслѣдствіе безснѣжныхъ и суровыхъ зимъ озимая пшеница часто вымерзаетъ; высѣвается почти исключительно яровая. Не взирая на это, хлѣбная производительность Дакоты получила огромные размѣры. Бѣлое населеніе достигаетъ теперь 183,000 душъ, которыя произвели въ 1891 году до 9 милліоновъ четвертей одной пшеницы, 3⅓ милліоновъ четвертей овса. Количество пшеницы, собранной въ 1892 году въ Сѣверной и Южной Дакотѣ, превышаетъ урожаи пшеницы всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ 50 лѣтъ тому назадъ. Не говоря о размѣрахъ примѣненія машинъ, мы укажемъ только на дѣятельность правительства въ этомъ государствѣ, которое считается главнымъ очагомъ невмѣшательства государства въ общественную жизнь. Департаментъ сельскаго хозяйства, учрежденный въ 1862 году, былъ обращенъ только въ 1889 году въ министерство земледѣлія и уже успѣлъ широко развить свою дѣятельность. Такъ, напримѣръ, онъ разослалъ отдѣльнымъ лицамъ и сельско-хозяйственнымъ обществамъ до 7 милліоновъ образцовъ сѣмянъ. Департаментъ субсидируетъ 69 сельско-хозяйственныхъ школъ съ 10,000 учащимися и 800 профессорами. Школы такъ снабжены денежными средствами, что владѣютъ капиталомъ въ деньгахъ и недвижимостяхъ болѣе чѣмъ на 30 милліоновъ рублей. Въ 1880 году департаментъ содержалъ 4 опытныхъ сельско-хозяйственныхъ станціи, а въ 1893 г. — 52. Стараясь дать самое широкое распространеніе результатамъ, которые получены въ его вѣдомствѣ, онъ печатаетъ свои годовые отчеты въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ (400,000 за 1892 годъ). За 1892 годъ общее число изданій департамента достигло 122 съ 10,707 страницами. Кромѣ того, къ нему поступаютъ ежегодно десятки тысячъ запросовъ отъ сельскихъ хозяевъ, и онъ не оставляетъ безъ отвѣта ни одного письма. Такъ дѣйствуетъ органъ правительства въ странѣ съ могучимъ личнымъ починомъ, гдѣ сельско-хозяйственныя общества и изданія по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства насчитываются многими тысячами и гдѣ *въ каждомъ уѣздѣ* (county) устраиваются съѣзды фермеровъ ежегодно осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. Какъ бы ни развило свою дѣятельность наше министерство земледѣлія, очень сомнительно, чтобы мы могли догнать Соединенные Штаты и другихъ поставщиковъ хлѣба для всемірнаго рынка. Мы считаемъ неизбѣжнымъ исходомъ тягостнаго положенія, въ которомъ находится большинство русскихъ сельскихъ хозяевъ, пониженіе земельной ренты, которая достигла у насъ непомѣрной, искусственной высоты. При нынѣшнихъ цѣнахъ хлѣба и нынѣшнихъ условіяхъ снабженія мірового рынка земледѣльческими продуктами рента лучшихъ земель въ черноземной полосѣ, предполагая по-

ную уплату труда съемщика, не должна быть выше 10—12 рублей за десятину подъ одинъ посѣвъ хлѣба. Нужно, чтобы землевладѣльцы пріучили себя къ мысли о неизбѣжности этого явленія и чтобы тамъ, гдѣ они имѣютъ за десятину пашни 20—25 рублей, они видѣли въ этомъ только необходимость окрестнаго населенія обрабатывать арендуемую землю, невозможность выселиться, а вовсе не результатъ среднихъ естественныхъ условій земледѣльческаго промысла. Правильное организованіе переселеній, будучи связано съ пониженіемъ земельной ренты, заставитъ многихъ сельскихъ хозяевъ, воздѣлывающихъ теперь хлѣбъ, если участки не отличаются большимъ плодородіемъ, запустить ихъ подъ лѣсъ. Конечно, это уменьшитъ доходы нынѣшнихъ владѣльцевъ, но сохранитъ источникъ доходовъ для другихъ поколѣній, а, главное, въ тѣхъ губерніяхъ, которыя почти не имѣютъ лѣсовъ, гдѣ распахана несообразно большая часть площади, установитъ правильное отношеніе между угодьями различныхъ разрядовъ и, увеличивъ лѣсныя насажденія, будетъ имѣть хорошее вліяніе на климатъ.

За послѣднее время въ Россіи дѣлается кое-что для удешевленія кредита и тѣмъ группамъ населенія, которыя были кліентами исключительно ростовщиковъ. Къ числу этихъ мѣръ относится организованіе агентуръ государственнаго банка. Агенты, связанные съ конторой или ближайшимъ отдѣленіемъ государственнаго банка, будутъ получать денежныя суммы для раздачи ихъ мелкимъ сельскимъ хозяевамъ, кустарямъ, ремесленникамъ, при контролѣ надъ общественными группами, которыя будутъ пользоваться кредитомъ. Администрація государственнаго банка высказываетъ мысль, что новый уставъ нашего главнаго кредитнаго учрежденія сдѣлаетъ дешевыя ссуды доступными для всего населенія. Калужское отдѣленіе государственнаго банка, какъ пишутъ въ *Русскую Жизнь* (1894 г., № 295), разослало по всему городу и развѣсило на видныхъ мѣстахъ такія объявленія: «Новый уставъ государственнаго банка открываетъ самую широкую помощь всѣмъ русскимъ людямъ, которые честно и трудолюбиво занимаются какимъ-либо дѣломъ: земледѣльчествомъ ли, торговлей ли, или какимъ промысломъ и ремесломъ,— теперь никто изъ нихъ не можетъ пожаловаться, что «нѣтъ денегъ» на какой-нибудь хозяйственный оборотъ, потому что всякій самый бѣдный, но добросовѣстный труженикъ можетъ за самый небольшой процентъ легко получить деньги изъ государственнаго банка на самыхъ легкихъ условіяхъ». Первая половина объявленія какъ бы обѣщаетъ широкое развитіе личнаго кредита, но во второй половинѣ мы читаемъ, что «ссуды выдаются подъ залогъ земли, подъ разные товары, а особенно подъ зерновые хлѣба». Такимъ образомъ, и краткосрочный кредитъ до 3 лѣтъ будетъ для мелкихъ заемщиковъ почти исключительно закрытымъ. Уже это одно съуживаетъ область его примѣненія. Многіе мелкіе сельскіе хозяева будутъ затруднены въ полученіи ссуды, такъ какъ, не имѣя зерно, они не имѣютъ помѣщенія, которое контора банка при-

знала бы подходящимъ для храненія хлѣба. То же скажемъ мы о ремесленникахъ и кустаряхъ. Издѣлія многихъ изъ нихъ (особенно въ промыслахъ по обработкѣ дерева) имѣютъ столь малую цѣнность, что конторы банка будутъ сплошь и рядомъ признавать ихъ недостаточнымъ обезпеченіемъ ссуды. Личный кредитъ можетъ успѣшно развиться и для мелкихъ заемщиковъ, если будутъ избираться агентами по раздачѣ ссудъ лица, знающія бѣднѣйшіе классы народы, готовыя войти въ частности ихъ быта, оцѣнить личныя свойства заемщика, какъ основаніе для кредитоспособности, и брать на себя нѣкоторый рискъ при выдачѣ ссуды такимъ лицамъ. Вовсе нѣтъ надобности, чтобъ агентами были непремѣнно люди, занимающіе служебное положеніе. Недавно нѣкто г. Кошко, земскій начальникъ Новгородскаго уѣзда, сдѣлалъ въ обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ докладъ о кредитныхъ операціяхъ, которыя онъ производилъ среди населенія своего уѣзда за 4 года (1890—93) на средства, оставшіяся отъ ликвидаціи трехъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ Новгородскаго уѣзда. Ссуды уплачивались своевременно и почти всѣми должниками. И 8%, взимаемые по ссудамъ, были для заемщиковъ большимъ благодѣяніемъ сравнительно съ дорогими займами у ростовщиковъ. Отсюда г. Кошко сдѣлалъ выводъ, что земскіе начальники являются наиболѣе подходящими лицами для завѣдыванія сельскимъ кредитомъ. Мы не оспариваемъ фактовъ, сообщенныхъ г. Кошко, но рѣшительно высказываемся противъ его доводовъ. Очень многіе земскіе начальники, большинство, будутъ, по разнымъ причинамъ, непригодны для исполненія этихъ функцій, а, вѣдь, повсюду есть люди, которые лучше, чѣмъ земскіе начальники, знакомы съ мѣстнымъ населеніемъ и готовы послужить ему: учителя, сельскіе хозяева, священники, управляющіе имѣніями. Нужно имѣть въ виду всѣхъ этихъ лицъ при назначеніи агентовъ государственнаго банка.

Перваго текущаго декабря началъ дѣйствовать новый пассажирскій тарифъ, очень дешевый сравнительно съ тарифами, дѣйствовавшими донынѣ. Наиболѣе значительныя пониженія сдѣланы для II класса: по старому тарифу билетъ отъ Петербурга до Варшавы (1,050 верстъ) стоилъ 29 руб. 54 коп., а теперь стоитъ 12 р. 90 к., а отъ Петербурга до Омска (3,318 верстъ) 27 р. 30 к., вмѣсто 93 р. 32 к. Для III класса сдѣланы также значительныя пониженія: на разстояніяхъ въ 3,000 верстъ билетъ стоитъ 16 р. 80 к., вмѣсто 43 р. 13 к. Тарифъ I класса, установляемый въ 2½ раза выше тарифа III класса, также значительно пониженъ. Наконецъ, вводится IV классъ, тарифъ котораго мало отличается отъ тарифа III класса (проѣздъ 4,000 верстъ стоитъ 20 р. 80 к. въ III классѣ и 16 р. 65 к. въ IV). Новыя правила, облегчая взятіе билетовъ прямого сообщенія на всѣхъ станціяхъ, установляютъ срокъ, въ теченіе котораго билетъ сохраняетъ силу: 1 сутки для разстоянія не болѣе 20 верстъ, 2 — для 201—500 верстъ, 3—для 501—800 и т. д. Новый тарифъ является шагомъ впередъ въ нашемъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, хотя и вызываетъ проти ь

себя два замѣчанія: 1) тарифъ I класса, служащаго для передвиженія людей хорошо обезпеченныхъ, могъ бы быть выше, и 2) пониженіе платы при переѣздѣ на небольшихъ разстояніяхъ невелико: билетъ III класса, при проѣздѣ 300 верстъ, стоитъ 3 р. 56 к., вмѣсто 4 р. 31 к., а, вѣдь, главная масса пассажировъ передвигается на небольшихъ разстояніяхъ.

---

27 ноября скончался знаменитый русскій математикъ Пафнутій Львовичъ Чебышевъ. Онъ родился въ 1821 году, окончилъ Московскій университетъ въ 1841 и получилъ въ 1846 году степень магистра за диссертацію *Опытъ элементарнаго анализа теоріи вѣроятностей*, а въ 1849 г. степень доктора за диссертацію *Теорія сравненій*. Избранный адъюнктомъ академіи въ 1853 году и ординарнымъ академикомъ въ 1859, Чебышевъ состоялъ съ 1860 года корреспондентомъ французскаго института, а съ 1874 года—его «иностраннымъ сочленомъ». Занимая въ Петербургскомъ университетѣ каѳедру чистой математики болѣе 30 лѣтъ, Чебышевъ издалъ цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдованій по математикѣ самаго высокаго достоинства.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театръ: Начало сезона: *Непогрѣшимый*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ П. М. Невѣжина. — *У своихъ*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ П. Д. Боборыкина.—Музыка: Второе квартетное собраніе.—Первое симфоническое собраніе.—А. Г. Рубинштейнъ †.

Театральный сезонъ нынѣшняго года, по примѣру прошедшихъ лѣтъ, начался въ Маломъ театрѣ тремя провалами; въ Лету отправились: одна пьеса г. Карпова, одна—г. Гославскаго и одна переводная. Requiescant in pace! Мы ихъ трогать не будемъ. Довольно только странно, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду первыя пьесы осенняго сезона непремѣнно проваливаются на сценѣ Малаго театра. Не потому же онѣ оказываются непригодными для репертуара, что ихъ ставятъ прежде другихъ пьесъ? А если не «потому», то само собою складывается предположеніе, что ихъ разыгрываютъ въ началѣ сезона потому, что распорядители считаютъ ихъ непригодными для репертуара. Если же такое предположеніе вѣрно, то не лучше ли было бы непригодныхъ пьесъ совсѣмъ не ставить, отправлять ихъ прямо «въ отбросъ», не протаскивая черезъ сцену, и начинать дѣло съ такихъ драматическихъ произведеній, которыя имѣютъ шансы на успѣхъ. Правда, неудачныя пьесы появляются въ серединѣ сезона и въ концѣ его, но это оказывается уже случайностью, неизбѣжною въ театральномъ дѣлѣ, и не имѣетъ такого хроническаго характера, какъ истребленіе сезонныхъ авангардовъ. Мы знаемъ, что къ представленію на казенныхъ сценахъ пьесы одобряются литературно-театральнымъ комитетомъ и, слѣдовательно, первая отвѣтственность за неудачный выборъ ложится на это учрежденіе. Но затѣмъ постановка пьесъ на сцену зависитъ или, по меньшей мѣрѣ, должна зависѣть уже отъ распоряжающихся тою или другою сценой. Весьма понятно, что, при существованіи комитетовъ, распорядители не имѣютъ права брать пьесы, не одобренныя подлежащими учрежденіями. Что же касается надлежащимъ порядкомъ одобренныхъ пьесъ, то, мы полагаемъ, изъ нихъ распорядители имѣютъ или, повторяемъ, должны имѣть право выбирать наиболѣе подходящія для той или другой сцены и не ставить такихъ, которыя, по мнѣнію распорядителя, непригодны для репертуара, хотя бы пьесы эти и были одобрены къ представленію. Обязательнымъ для всѣхъ казен-

ныхъ театровъ является забракованіе пьесы комитетомъ, и отнюдь нельзя признать безусловно обязательнымъ для каждой сцены всякой пьесы, одобренной комитетомъ. Мало ли какія соображенія, очень серьезныя и основательныя, могутъ побуждать распорядителя не ставить на ввѣренной ему сценѣ той или другой изъ одобренныхъ пьесъ. Комитету, при разсмотрѣніи пьесы, нѣтъ и не должно быть никакого дѣла до того, кто будетъ исполнять пьесу, какъ будутъ распредѣлены роли. Хороша пьеса сама по себѣ, и комитетъ долженъ ее одобрить, не входя ни въ какія побочныя соображенія и не задаваясь неумѣстными вопросами объ исполнителяхъ, ибо на одной сценѣ можетъ не быть подходящаго артиста или артистки для главной роли, а на другой таковые могутъ найтись, въ нынѣшнемъ сезонѣ можетъ ихъ совсѣмъ не быть въ распоряженіи дирекціи, а черезъ нѣкоторое время таковые могутъ оказаться въ наличности. И комитетъ никакъ не вправѣ браковать какую-либо пьесу потому, что сыграть ее некому. Въ совершенно иномъ положеніи находятся лица и учрежденія, завѣдующія репертуаромъ. Пьеса можетъ быть одобрена, пьеса можетъ быть превосходна, восхитительна, но ставить ее, все-таки, не слѣдуетъ, если въ составѣ труппы нѣтъ исполнителей, пригодныхъ для главныхъ ролей. На что ужь пьеса, кажется, *Гамлетъ*, одобрена не комитетомъ, а вѣками, а ставить ее нельзя, если нѣтъ артиста для роли датскаго принца или нѣтъ артистки для роли Офеліи. Относительно Офеліи возможны, конечно, отступленія отъ такого правила, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда Гамлета играетъ какая-нибудь очень большая знаменитость, когда прославленный актеръ пріѣхалъ на гастроли, и публика жаждетъ увидать рѣдкостнаго исполнителя архи-мудреной роли. Тутъ ужь всѣ идутъ слушать и смотрѣть Гамлета, а на всю остальную компанію можно и не обращать вниманія. Только допустимо это при вышеприведенныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, а въ заурядныхъ спектакляхъ дѣло совсѣмъ не подходящее выпускать въ роли Офеліи г-жу Яблочкину 2, какъ то было прошлою осенью въ Маломъ театрѣ. Г. Южину мы въ свое время отдали должное за прекрасное исполненіе роли Гамлета, и если бы г. Южинъ поѣхалъ куда-либо гастролировать, и въ труппѣ съ нимъ не нашлось бы сколько-нибудь подходящей артистки, то пускай бы за Офелію лопотала ему реплики и г-жа Яблочкина, а на сценѣ Малаго театра лучше было бы не производить такихъ экспериментовъ, въ сущности, ни на что не нужныхъ.

Совсѣмъ иное дѣло «утренніе воскресные» спектакли въ Маломъ театрѣ, которые, по слухамъ, предположено давать съ начала будущаго года «для молодыхъ артистовъ». Такое новшество мы привѣтствуемъ отъ всей души, и такія представленія мы пойдемъ съ большимъ удовольствіемъ и съ совершенно иными запросами и требованіями, чѣмъ тѣ, которыя считаемъ себя и публику вправѣ предъявлять къ обычнымъ спектаклямъ первой въ Россіи сцены. И если тогда, на этихъ утреннихъ спектакляхъ, г. Южинъ, окруженный милымъ роемъ молодежи, выступитъ Гамлетомъ, мы поставимъ ему въ большую заслугу высокодаровитому артисту. Тамъ, въ тонъ его

игрѣ и подъ руководствомъ большихъ сценическихъ наставниковъ, можетъ прозвучать несмѣлый и неокрѣпшій голосъ будущей Офеліи. Тамъ и надлежитъ ее искать, оттуда можно ждать ее, а ужь никакъ не... Впрочемъ, лучше не вспоминать прошедшаго плохого и обратиться къ хорошему будущему,—хорошему во всякомъ случаѣ и во всѣхъ отношеніяхъ. Когда рѣчь заходитъ о труппѣ Малаго театра, извѣстная русская поговорка: «старое старится, а молодое ростетъ», оказывается справедливой лишь въ своей первой части, вторую же было бы правильнѣе замѣнить такою формулой: а молодое глохнетъ. И такъ оно долго и основательно глохло, что на молодыя роли уже и выпустить некого. Даже для сценическихъ иллюзій есть предѣлъ, далѣе котораго идти нельзя, переступать который не безопасно самымъ талантливымъ артистамъ и, въ особенности, артисткамъ. Цѣлый рядъ превосходныхъ пьесъ сходитъ съ репертуара за невозможностью замѣнить прежнихъ исполнительницъ и исполнителей молодыми, изнывающими на выходахъ, подававшими надежды въ школахъ и исчезнувшими въ обезличивающемъ бездѣльи закулисной толпы. Добрая мысль дать практику и просторъ молодымъ силамъ на утреннихъ спектакляхъ заслуживаетъ величайшаго сочувствія, но осуществленіе ея требуетъ большой осторожности и обдуманности. По Москвѣ распространяются слухи, что репертуаръ утреннихъ спектаклей предполагается, по преимуществу, классическій, что первое мѣсто въ немъ займутъ комедіи Мольера. Это превосходно, только не мѣшаетъ припомнить, что такихъ спектаклей можетъ быть дано всего 25 — 28 въ теченіе года. Если «преимущество» отдать «классическимъ» пьесамъ, то очень немного останется на долю чисто-русскаго, бытового репертуара, оставлять который въ пренебреженіи было бы совсѣмъ не резонно. Не слѣдуетъ забывать, что предположенные утренніе спектакли—не школьныя упражненія, а заправскія драматическія представленія, даваемыя настоящими актерами и, притомъ, для публики, платящей за мѣста въ театрѣ. Для распорядителя, каковымъ называютъ А. П. Ленскаго, и для артистовъ едва ли пріятно и едва ли полезно будетъ раздѣлывать «классическій» репертуаръ передъ пустующею залой, что весьма можетъ случиться, особливо, если цѣны на мѣста не будутъ значительно понижены. Помимо вышеприведеннаго соображенія, пониженіе цѣнъ очень желательно въ видахъ облегченія небогатой учащейся молодежи возможности бывать въ театрѣ.

Первою пьесой, имѣвшею несомнѣнный успѣхъ въ нынѣшнемъ сезонѣ, была комедія П. М. Невѣжина *Непогрѣшимый*. Объ этой комедіи, задолго до ея появленія на сценѣ, было не мало разговоровъ въ Москвѣ. Ходили слухи о какихъ-то намекахъ въ пьесѣ на дѣйствительныя событія и лиц. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго не оказалось, и пьеса обязана успѣхомъ никакъ не «намекамъ», а просто новости сюжета и живости нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, между которыми центральное мѣсто занимаетъ фигура городскаго головы губернскаго города, очень дѣлового и прекраснѣйшаго человѣка, Павла Антоновича Гладимова (г. Южинъ). Но по послѣ-

винѣ: «и на солнцѣ есть пятна»,—оказались очень серьезные недостатки и въ характерѣ городского головы Гладимова, считающаго себя «непогрѣшимымъ». Въ этомъ и заключается новость и оригинальность выведеннаго авторомъ на сцену лица, очень живого, правда, но, все-таки, не типическаго, а сложившагося изъ случайныхъ, хотя и вѣрно подмѣченныхъ и характерныхъ чертъ. У насъ, въ средѣ дѣловой и чиновничьей, довольно сѣренькой и, въ общемъ, уровня не высокаго, встрѣчаются нерѣдко очень хорошіе люди, не знающіе, однако, настоящей цѣны себѣ и слишкомъ высоко мнящіе о себѣ потому только, что низенько и плоховато окружающее ихъ общество. Чувствуя себя умственно и нравственно повыше общаго уровня, такіе господа сплошь и рядомъ утрачиваютъ способность сознавать истинную сущность положенія, которая въ томъ состоитъ, что не сами эти господа высоки необыкновенно, а что окружающее ихъ очень мелко и низменно. И вотъ эти господа начинаютъ воображать себя великанами, гигантами, «непогрѣшимыми». Такіе некрупные гиганты встрѣчаются въ крестьянскомъ быту и въ провинціальныхъ городахъ, и на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, и, по милости своего самомнѣнія, часто попаютъ въ комическія и въ драматическія положенія. Мы уже сказали, что герой комедіи г. Невѣжина не можетъ быть принятъ за типическаго представителя этого сорта людей, къ этому слѣдуетъ добавить, что и положеніе, созданное для него авторомъ, съ одной стороны, совсѣмъ не комично, съ другой—драматизмъ его является не прямымъ слѣдствіемъ его общественой дѣятельности. Въ пьесѣ нѣтъ единства дѣйствія и единства идеи,—въ ней все двоится и потомъ переплетается такъ, какъ бы, по нашему мнѣнію, не должно было переплетаться. Передъ нами параллельно разыгрываются двѣ комедіи: одна на аренѣ общественной дѣятельности городского головы, другая—въ семьѣ богатаго купца, женатаго на безприданницѣ, Настасьѣ Евграфовнѣ (г-жа Ермолова). Мужъ, Павелъ Антоновичъ, все свое время, всѣ силы отдаетъ общественнымъ дѣламъ, къ женѣ относится свысока, не хочетъ знать и понимать, что у живой, полной силъ женщины могутъ быть иные запросы, кромѣ желанія ублажать всякими пріятностями короткіе досуги дѣльца, всецѣло занятаго городскимъ благоустройствомъ. Изъ такого отношенія къ любящей и любимой женщины для «непогрѣшимаго» супруга, вмѣсто пріятностей, складывается рядъ прискорбныхъ обоюдныхъ недоразумѣній, переходящихъ въ домашнюю неурядицу. Въ думѣ, въ средѣ гласныхъ, составляется партія недовольныхъ «непогрѣшимымъ» городскимъ головой. Эта партія даетъ городскому головѣ и безпрекословно подчинившейся ему управѣ генеральное сраженіе на одномъ изъ засѣданій. Рѣшительному исходу такого парламентскаго боя мѣшаетъ появленіе жены Гладимова, которой онъ «запретилъ» пріѣзжать на засѣданія. Такой поступокъ [illegible] сего времени послушной жены, а затѣмъ ея неосторожное, чтобы не сказать—неприличное, поведеніе въ думѣ выводятъ изъ себя «непогрѣшимаго» супруга. Его сразу покидаетъ вся его выдержанность, вся сила, [illegible]орою онъ такъ кичился. Въ результатѣ «непогрѣшимый» оказывается

дома, въ своей семьѣ, слишкомъ занятымъ городскимъ головой, а въ думѣ, въ критическій моментъ,—слишкомъ нервнымъ и впечатлительнымъ мужемъ. Думское «сраженіе» кончается ничѣмъ, такъ какъ изобиженный мужъ жалуется на нездоровье, прерываетъ засѣданіе и увозитъ домой вышедшую изъ повиновенія жену. Но этимъ онъ не ограничивается, а тотчасъ же возвращается въ думу и бьетъ одного изъ гласныхъ, Кастомина (г. Левицкій), котораго онъ, Гладимовъ, имѣетъ основанія ревновать къ женѣ. Послѣ избіенія въ думѣ гласнаго самому «непогрѣшимому» городскому головѣ не удобно оставаться головой, и Гладимовъ подаетъ въ отставку. Предстоящая затѣмъ дуэль съ Кастоминымъ отклонена вмѣшательствомъ жены Гладимова, и все кончается полнымъ примиреніемъ мужа съ женой, причемъ бывшій городской голова слагаетъ съ себя «непогрѣшимость» и высказываетъ рѣшимость вновь посвятить себя общественной дѣятельности въ другомъ мѣстѣ, далеко отъ того города, гдѣ онъ такъ прискорбно... набезобразничалъ. И вотъ, по милости указанной нами раздвоенности, вся идея и общій выводъ изъ пьесы значительно умалились, свелись къ чему-то неопредѣленному, сошли почти на-нѣтъ. И это крайне жаль. Фигура «непогрѣшимаго»—сама по себѣ очень интересная и современная фигура. Въ ней есть, быть можетъ, въ равныхъ доляхъ элементы трагическаго и комическаго свойства, и отъ воли и взглядовъ автора зависѣло показать намъ ее въ томъ или другомъ освѣщеніи: дѣйствительно крупною, изъ ряда выдающеюся личностью, жертвой подавляющаго большинства, способнаго истерзать самаго сильнаго человѣка, или же личностью довольно заурядною, зазнавшеюся до «непогрѣшимости» и обрывающеюся съ неподобающей высоты по собственной несостоятельности, при глумленіи и хохотѣ плохой мелкоты, которая сама же вознесла его въ «непогрѣшимые», раболѣпно поклонялась своему кумиру, или идолищу, и безсмысленно потѣшается надъ его паденіемъ. Тѣмъ не менѣе, пьеса г. Невѣжина имѣла большой успѣхъ, и даже заслуженный успѣхъ, потому, что выведенныя въ ней лица живы, главныя—не совсѣмъ заурядны, дѣйствіе развивается интересно, то и другое даетъ хорошій матеріалъ артистамъ, разыгрывающимъ эту комедію на сценѣ Малаго театра почти безукоризненно.

Данная въ первый разъ 19 октября комедія П. Д. Боборыкина *У своихъ* имѣла тоже достаточный успѣхъ, благодаря, главнымъ образомъ, превосходнѣйшей игрѣ артистовъ. Идеи въ этой пяти-актной пьесѣ нѣтъ ровно никакой, на сценѣ изображена въ лицахъ борьба изъ-за наслѣдства между Андреемъ Двоестуровымъ (г. Южинъ), богатымъ и важнымъ бариномъ, и его сестрою Анной (г-жа Ермолова), вдовою, живущею въ Америкѣ и пріѣхавшею къ «своимъ» разыскивать духовное завѣщаніе отца скрытое ихъ матерью, старухой Двоестуровой (г-жа Медвѣдева). Такой случай, конечно, возможенъ,—какихъ казусовъ не бываетъ,—только онъ, во первыхъ, ничего не доказываетъ и, во-вторыхъ, онъ мало правдоподобенъ, а въ изложеніи г-на Боборыкина оказывается и въ общемъ, и въ частностяхъ совсѣмъ невѣроятнымъ. Вся пьеса построена и вертится на фор-

мальныхъ несодѣянностяхъ, которыхъ большинство публики не видитъ и не понимаетъ, по своему невѣдѣнію законовъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, о порядкѣ установленія правоспособности тяжущихся лицъ, о порядкѣ учета векселей и т. под. Мы же, съ своей стороны, никакъ не можемъ признать за драматургами права сочинять драматическіе конфликты на основаніи несуществующихъ въ дѣйствительности законовъ, «невѣдѣніемъ коихъ никто отзываться не можетъ», а всѣхъ менѣе — тотъ, кто берется изображать жизнь такою, какова она на самомъ дѣлѣ. А затѣмъ въ комедіи г. Боборыкина мы не видимъ ни достаточныхъ основаній для истинно-драматическихъ конфликтовъ, ни настоящей драматической борьбы, обусловливаемой положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, если не принимать за таковое положеніе тяжущихся изъ-за имущественныхъ интересовъ. Какъ бы то ни было, содержаніе пьесы таково: Анна была замужемъ за княземъ, съ которымъ ей жить стало не подъ силу. Она бросила мужа и маленькую дочь и уѣхала съ какимъ-то учителемъ въ Америку, гдѣ вышла за учителя замужъ, прижила съ нимъ дѣтей и потомъ овдовѣла. Проживши нѣсколько лѣтъ за морями, она пріѣхала разыскивать большое наслѣдство, оставленное ей отцомъ по «нотаріальному» духовному завѣщанію, скрытому старухой матерью. О существованіи завѣщанія не знаетъ ея старшій братъ, сполна забравшій въ свои руки старуху мать и всѣ имѣнія. Документъ, которому придается такая огромная важность, хранится въ какомъ-то бюварѣ, бюваръ лежитъ на столѣ въ проходной комнатѣ, ключъ отъ бювара находится тутъ же въ незапертой коробочкѣ... Все это извѣстно старой нянькѣ Власьевнѣ (г-жа Садовская), которая подаетъ Аннѣ бюваръ и ключъ и предлагаетъ своей любимицѣ взять принадлежащую ей бумагу, не спрашивая согласія на то маменьки, скрывшей завѣщаніе. Анна—благородна, она желаетъ получить документъ отъ маменьки изъ рукъ въ руки, выжидаетъ одряхлѣвшую стараху и вымогательствомъ почти отнимаетъ у нея отцовское завѣщаніе. У Двоетуровыхъ есть братъ, незаконный, носящій фамилію Туровъ (г. Ленскій), адвокатъ. Ему-то Анна и поручаетъ веденіе дѣла о наслѣдствѣ по духовному завѣщанію. Одновременно съ этимъ къ тому же дѣльцу обращается Ника Андрониnъ (г. Ильинскій), сынъ дисконтерши-ростовщицы Андрониной (г-жа Никулина). Молодой человѣкъ привозитъ вексель, данный къ учету однимъ офицерикомъ Трензелемъ (г. Рыжовъ). На векселѣ фальшивая подпись Двоетурова, самый же документъ полученъ офицеромъ отъ жены Двоетурова, Лидіи (г-жа Лешковская). Ника оставляетъ вексель въ рукахъ Турова, и тутъ начинается нѣчто, довольно близкое къ шантажу, при помощи документика, компрометирующаго молодую женщину. Турову удается вытянуть у Двоетурова какую-то записку, въ которой тотъ признаетъ «правоспособность» своей сестры Анны. Дѣло кончается тѣмъ, что у Двоетурова отберутъ имѣніе въ пользу Анны, которая уѣзжаетъ къ дѣтямъ въ Америку, просватавши свою взрослую дочь Лену (г-жа Панова) за небогатаго помѣщика Кравцова

Кромѣ этихъ одиннадцати лицъ, въ пьесѣ появляются вводъ-

ные персонажи: старикъ Бурятовъ (г. Правдинъ), Вырвичъ (г. Макшеевъ), Куцевѣевъ (г. Васильевъ), Савелій (г. Тарасенковъ), оффиціантъ (г. Дротовъ), выѣздной (г. Никифоровъ). Сама по себѣ пьеса—пустое мѣсто, все, что въ ней раздѣлывается,—никакого значенія не имѣетъ, никому и ни на что не нужно, и, тѣмъ не менѣе, пьеса имѣла успѣхъ. Почему? А потому, что написана она очень умѣло и сценично, лица выхвачены прямо изъ жизни, въ каждомъ изъ нихъ такъ и сверкаютъ типическія черты, намѣченныя рукою большого мастера, которыми съ обычнымъ талантомъ воспользовались наши художники-артисты. Въ этомъ отношеніи первенство принадлежитъ г. Южину. Въ его глубоко обдуманномъ и необыкновенно тонкомъ исполненіи Двоетуровъ является совершеннѣйшимъ типомъ богатаго и важнаго барина, свѣтски вылощеннаго, безукоризненно жесткаго и безпощаднаго, въ мѣру комическаго своею чопорностью и приличностью и страшнаго своею безсердечностью. Достойною парой ему была г-жа Лешковская въ роли жены, водящей за носъ своего напыщеннаго супруга, пристроивающей ему великолѣпные рога и умѣющей вывернуться изъ самой опасной петли. Съ большимъ удовольствіемъ мы отмѣчаемъ прекрасное, вполнѣ тонкое исполненіе г. Рыжовымъ роли офицера Трензеля, получившаго отъ этой барыни фальшивый вексель для учета на свои мелкіе «депансы». Очень недуренъ былъ г. Ильинскій въ роли изломавшагося Ники и былъ бы совсѣмъ хорошъ, если бы воздержался отъ нѣкоторой утрировки, дѣлающей мѣстами изъ живого лица каррикатуру. Гг. Правдинъ и Макшеевъ прикрыли своею игрой всю ненужность тѣхъ вводныхъ лицъ, которыхъ они изображали. О г-жахъ Медвѣдевой, Ермоловой и Садовской едва ли нужно говорить,—знаменитыя артистки остались вѣрны себѣ, и имъ наравнѣ съ другими артистами г. Боборыкинъ обязанъ успѣхомъ своей пьесы, которая, по всей вѣроятности, только при такихъ исполнителяхъ и можетъ держаться на сценѣ.

Ан.

Программа второго квартетнаго собранія, состоявшагося 8 октября, была слѣдующая: квартетъ Гайдна, D-dur; квинтетъ Раффа, A-moll, съ фортепіано, квартетъ Бетховена, C-dur. Хотя въ инструментальной музыкѣ до Гайдна существовали опредѣленныя симфоническія формы, но настоящее развитіе и усовершенствованіе, тотъ обликъ, подъ которымъ мы разумѣемъ теперь симфонію и квартетъ, инструментальная музыка получила впервые только у Іосифа Гайдна (1732—1809). Будучи преимущественно инструментальнымъ композиторомъ, Гайднъ, по своимъ музыкальнымъ задачамъ и чисто-инструментальному характеру сочиненій, ближе подходитъ къ Бетховену, чѣмъ Моцарту (хотя онъ писалъ также оперы и ораторіи), но и Моцарта, и Бетховена слѣдуетъ считать непосредственными продолжателями, въ нѣкоторомъ смыслѣ учениками Гайдна. Бетховенъ дѣйствительно учился у Гайдна. Гайднъ создалъ квартетъ и симфонію, какъ типы, Моцартъ придалъ имъ свойственныя ему изящество и

нѣвучесть, Бетховенъ еще болѣе расширилъ горизонтъ и внесъ присущую ему глубину музыкальныхъ мыслей. Общая характеристика произведеній Гайдна—простота темъ и ясность изложенія. Главная заслуга его—свободное развитіе музыкальныхъ мыслей. Упомянутый D-dur'ный квартеръ именно принадлежитъ къ числу такихъ произведеній. Сыгранъ онъ былъ хорошо. Замѣтимъ только, что слишкомъ выдающееся положеніе первой скрипки, при игрѣ г. Гржимали, вредитъ цѣльности впечатлѣнія. Въ квартетѣ всѣ голоса одинаково важны и выдѣлять первую скрипку не слѣдуетъ.

Іохимъ Раффъ (1822—82) принадлежитъ къ числу самыхъ солидныхъ композиторовъ послѣдняго времени. Въ Германіи его называютъ «нѣмецкимъ Бетховеномъ». Солидность его основана на классической внѣшности стиля вообще и на чисто-нѣмецкомъ глубокомысліи во внутреннемъ содержаніи произведеній. До бетховенской, обще-человѣческой глубины ему еще далеко. Его квинтетъ съ ф.-п. представляетъ именно солидную работу съ внѣшней стороны и массивное содержаніе съ внутренней. Эта работа, если подвергнуть ее анализу, представитъ нѣкоторый интересъ, но найти въ ней вдохновенные образы и непосредственное творчество—трудно, а поэтому и на слушателей квинтетъ производитъ впечатлѣніе чего-то длиннаго и скучнаго. Публикѣ квинтетъ не понравился. Лучшая часть, по нашему мнѣнію, вторая—Presto. Ф.-п. партію игралъ г. Пахульскій. Съ виртуозной стороны игра его была не достаточно блестяща; внутреннее же содержаніе квинтета, само по себѣ, требовало болѣе тонкаго пониманія и выдающагося исполненія. Остальные исполнители старались, но спасти квинтетъ было мудрено.

Самымъ интереснымъ нумеромъ квартетнаго вечера былъ, безъ сомнѣнія, квартетъ Бетховена (1770 — 1827). Инструментальная музыка, въ лицѣ Бетховена, достигла своего высшаго совершенства. Его симфоніи и въ особенности квартеты представляютъ неувядаемые образцы, приблизиться къ которымъ стремится всякій истинный композиторъ. Главныя черты его творчества — могущество фантазіи, соединенная съ удивительнымъ совершенствомъ техники. Никакая широта и глубина музыкальныхъ мыслей не стѣсняла его. Онъ всегда находилъ имъ достойную и прекрасную форму. Если въ симфоніяхъ своихъ онъ еще нѣсколько стѣснялся индивидуальностью инструментовъ, а въ девятой симфоніи долженъ былъ прибѣгнуть къ человѣческому голосу для полноты выражаемой идеи, то въ квартетахъ онъ вполнѣ свободенъ въ проявленіяхъ своего генія. Хотя, подчиняясь старому обычаю, онъ дѣлилъ свои квартеты на части, но съ первой ноты интродукціи до послѣдней ноты финала общая идея связываетъ все сочиненіе. Части суть только моменты, различные по содержанію, но общіе по идеѣ. Какъ примѣръ внутренней связности, укажемъ на начало Andante C-dur'наго квартета и на Menuetto съ кодой, соединяющей послѣднюю часть съ тремя первыми. О внутреннемъ содержаніи C-dur'наго квартета мы говорить не будемъ,—это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Укажемъ только, что Бетховенъ, желая полнѣе выразить волнующіе его

музыкальные образы, не стѣснялся также и въ самой техникѣ инструментовъ. Поэтому и квартеты его доступны для исполненія только настоящимъ артистамъ. Квартетъ сыгранъ былъ хорошо. Артисты видимо старались и достигли желательныхъ результатовъ. Исполнители на смычковыхъ инструментахъ были тѣ же. Публики было много.

Въ дѣятельности нашихъ симфоническихъ собраній мы замѣчаемъ два періода, во время которыхъ они имѣли громадное музыкально-воспитательное значеніе не только на публику, но и на весь московскій музыкальный міръ. Первый періодъ, когда симфоническія собранія находились подъ управленіемъ покойнаго Н. Г. Рубинштейна, основателя ихъ, и отличались артистически-вдохновеннымъ исполненіемъ. Покойный Н. Г. Рубинштейнъ, будучи замѣчательнымъ артистомъ-истолкователемъ, имѣлъ удивительную способность побуждать другихъ исполнителей къ творческой дѣятельности. Обладая богато одаренною музыкальною натурой, онъ могъ блестящимъ образомъ проявлять ее при дирижированіи оркестромъ и возвышаться до положительнаго, нагляднаго творчества. Оркестръ не только вполнѣ подчинялся его волѣ, но и проникался всецѣло настроеніемъ самого диригента. Весьма часто слабое произведеніе становилось подъ его руководствомъ интереснымъ. Въ произведеніяхъ же Гайдна, Моцарта, Бетховена и другихъ геніевъ Н. Г. Рубинштейнъ могъ выказать своимъ исполненіемъ всю ихъ геніальность. Это былъ истинный музыкантъ и вдохновенный артистъ-исполнитель. Второй періодъ блестящей дѣятельности симфоническаго собранія нужно отнести ко времени дирижированія г. Эрмансдёрфера. Тутъ не было вдохновеннаго творчества, но за то во всемъ видно было мастерство, школа и опытность. Виртуозная сторона оркестроваго исполненія доведена была до совершенства еще не слыханнаго. У Н. Г. Рубинштейна отдѣлка частностей была часто неудовлетворительна, но общее исполненіе производило болѣе сильное впечатлѣніе, у г. же Эрмансдёрфера отдѣлка частностей доходила до виртуозности. Въ общемъ впечатлѣніе получалось нѣсколько манерное, но за то блестяще виртуозное. Оба эти періода имѣли громадное значеніе для развитія пониманія музыкальныхъ произведеній въ публикѣ и артистахъ. Многому можно было поучиться, многое позаимствовать. Къ неменѣе важнымъ достоинствамъ прежнихъ симфоническихъ собраній нужно еще причислить ихъ чисто-артистическій музыкальный духъ, безъ всякихъ субъективныхъ разсчетовъ руководителей. Н. Г. Рубинштейнъ и г. Эрмансдёрферъ вполнѣ сливали свою личность со своею дѣятельностью и получали одобреніе или порицаніе только за то, что они дѣлали хорошаго или дурного. Въ настоящее время симфоническія собранія находятся подъ руководствомъ г. Сафонова, директора консерваторіи. Вотъ уже нѣсколько сезоновъ подрядъ публика симфоническаго собранія слѣдитъ за успѣхами г. Сафонова и съ терпѣніемъ ожидаетъ, когда же, наконецъ, онъ достигнетъ совершенства въ своемъ дирижерскомъ искусствѣ и перестанетъ быть подающимъ надежды, но все еще начинающимъ дирижеромъ. Разумѣется, со стороны публики такое вниманіе къ успѣ-

хамъ дирижента очень трогательно. Но ожиданія остаются, попрежнему, только ожиданіями. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ публика сильно ошибается въ силахъ и возможности г. Сафонова стать не только руководителемъ симфоническаго собранія, но даже хорошимъ спеціалистомъ-дирижеромъ. Г. Сафоновъ — піанистъ, и только. Качествъ, необходимыхъ для дирижера, всесторонняго музыкальнаго развитія, способности объективно относиться къ произведенію, проникаясь, въ то же время, духомъ этого произведенія, умѣнья передавать намѣченную картину цѣлаго,—у него нѣтъ. Разумѣется, не имѣя природныхъ качествъ, можно кое-что пріобрѣсти посредствомъ школы и большой опытности, но г. Сафоновъ не имѣетъ ни того, ни другого. Пріемъ, которымъ онъ руководствуется при изученіи партитуръ для дирижированія, общеизвѣстенъ. Это — зазубриваніе партитуръ на фортепіано, рядъ репетицій и, наконецъ, исполненіе. Этого, конечно, мало для созданія цѣлой картины произведенія и разъясненія его передъ публикой. Фортепіанный пріемъ даетъ возможность изучить только содержаніе партитуры, а не субъективную сущность инструментовъ, посредствомъ которыхъ передается содержаніе и чрезъ посредство которыхъ произведеніе только и можетъ вызвать нужное впечатлѣніе. Оркестръ есть собраніе различныхъ индивидуальностей со всѣми ихъ особенностями, характеромъ, колоритомъ. Нужно умѣть разобраться въ немъ, сохранить присущую индивидуальность инструментовъ, изображающихъ общую идею, и дать цѣльную картину содержанія. Безъ этого изображаемое не имѣетъ необходимой жизненности, а оркестръ производитъ впечатлѣніе механизма. Звуки получаютъ стихійный оттѣнокъ, а ритмъ—связующее ихъ начало, форму только различныхъ длительностей. Конечно, привычка публики къ дириженту возьметъ свое и публика будетъ находить въ немъ понемногу различныя достоинства. Такимъ образомъ, г. Сафоновъ займетъ мѣсто, которое по способностямъ занимать онъ не могъ бы. Въ первомъ симфоническомъ концертѣ исполнены были: симфонія Шуберта, C-dur, концертъ Чайковскаго для скрипки, *Ифигенія въ Тавридѣ* Глюка, первый актъ.

Францъ Шубертъ (1797—1828), по своей геніальности, по своему направленію и чистой музыкальной изобразительности, непосредственно примыкаетъ къ безсмертному тріо Гайдна, Моцарта и Бетховена. Главное достоинство его произведеній—необыкновенная задушевность музыкальныхъ мыслей. Въ нихъ видно, что онъ глубоко и сильно чувствовалъ изображаемое имъ. Классическая ясность формы изложенія и неистощимость фантазіи, при обрисовкѣ музыкальныхъ идей, приближаютъ его къ Бетховену. Характерною чертой его произведеній слѣдуетъ признать удивительную способность пользоваться такъ называемымъ энгармонизмомъ тоновъ при модуляціяхъ въ другія тональности *), вслѣдствіе чего получаются

*) Энгармонизмомъ называется свойство звука или цѣлаго аккорда служить

совершенно неожиданные, но красивые эффекты освѣщенія мелодіи. Недостатокъ его произведеній заключается въ нѣкоторыхъ длиннотахъ изложенія, въ особенности при транспозиціяхъ. Такой недостатокъ въ критическомъ отношеніи къ своимъ сочиненіямъ объясняется всею художественною дѣятельностью Шуберта. Ему мало приходилось обдумывать свои произведенія. При жизни его напечатаны были однѣ пѣсни, да и тѣ не пользовались успѣхомъ. Остальныя же его сочиненія: сонаты, квартеты, симфоніи, оперы, — всѣ появились въ печати только послѣ его смерти. Въ своемъ историческомъ движеніи впередъ музыка обязана Шуберту созданіемъ образцовъ художественной пѣсни. Пѣсни (600) Шуберта наравнѣ съ лучшими произведеніями Моцарта и Бетховена останутся безсмертными образцами музыкальнаго искусства. Упомянутая C-dur'ная симфонія принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Шуберта и имѣетъ всѣ характерные признаки его творчества. Сыграна была симфонія въ общемъ плохо. Темпы взяты произвольные, безъ соображенія съ духомъ сочиненія. Напримѣръ, темпъ интродукціи къ первой части слишкомъ быстръ, а переходъ къ Allegro не имѣлъ постепенной скорости. Allegro non troppo хотя дирижируется и на двѣ половины, но, все-таки, быстро.

Второй темѣ приданъ танцовальный характеръ. Въ заключительной части più motto, гдѣ появляется тема интродукціи, вовсе не видѣнъ характеръ этой темы. Andante сыграно въ маршеобразномъ темпѣ, отчего всѣ темы получили совершенно другую окраску. Чередованіе оттѣнковъ forte и pianissimo было грубо. Въ fortissimo темпъ почему-то ускорялся. Scherzo сыграно безъ надлежащей легкости. Повтореніе первой части необходимо. Во второй части новая тема въ Ges-dur, съ транспонировкой въ C-dur, прошла безслѣдно. Trio все сыграно туманно. Трудно было разобрать, гдѣ тема, гдѣ сопровожденіе, въ особенности во второй части. Finale сыгранъ шумно, но не блестяще. Видимо исполнители утомились и имъ не хватило силъ, въ особенности у духовыхъ инструментовъ. Въ общемъ оркестръ звучалъ грубо. Кромѣ forte и piano другихъ оттѣнковъ не было замѣтно. Между инструментами мало было солидарности, — каждый самъ себѣ господинъ. Насильственный звукъ духовыхъ инструментовъ и немощность струнныхъ производили впечатлѣніе чего-то больнаго, вымученнаго. Концертъ для скрипки Чайковскаго игралъ г. Печниковъ — молодой скрипачъ, воспитанникъ Московской консерваторіи, пробывшій нѣсколько лѣтъ за границей. Въ общемъ концертъ былъ сыгранъ хорошо. Г. Печниковъ имѣлъ успѣхъ; на бисъ онъ сыгралъ двѣ небольшія пьесы Баха и Сенъ-Санса. Если онъ будетъ много работать, то со временемъ изъ него выйдетъ солидный скрипачъ. Посовѣтуемъ ему отвыкнуть отъ еврейскаго нытья при игрѣ Andante и вообще мелодій въ медленномъ темпѣ.

связью для переходовъ не въ одинъ какой-либо опредѣленный тонъ (ладъ), а и въ другія тональности, болѣе отдаленныя.

Главное значеніе Глюка въ исторіи музыки основано на его реформаторской дѣятельности въ области опернаго искусства. Онъ является протестующимъ противъ излишествъ чисто-внѣшней, виртуозной стороны современной ему итальянской оперы. Заботясь, главнымъ образомъ, о естественности музыкальнаго выраженія дѣйствующаго лица и о правдивости драматическаго положенія вообще, Глюкъ является, такимъ образомъ, отцомъ музыкальной драмы и теперешняго реальнаго направленія въ музыкѣ. Преобладаніе текста надъ музыкой дѣлаетъ его произведенія интересными съ общей точки развитія сценическаго положенія, и потому настоящимъ мѣстомъ для исполненія глюковскихъ произведеній должна быть сцена, а не эстрада концертной залы. Весь первый актъ *Ифигеніи въ Тавридѣ* исполненъ въ симфоническомъ концертѣ съ небольшими пропусками въ хорахъ и речитативахъ. Партію Ифигеніи пѣла г-жа Дейша-Сіоницкая по-русски, Фаоса г. Пиньялоза по-итальянски, Скифа—г. Гепецкій, ученикъ консерваторіи, по-русски. Хоръ состоялъ изъ соединенныхъ хоровъ консерваторіи и русскаго хорового общества. Главная сила Глюка заключается въ речитативахъ и ихъ выразительности, а правильною акцентуаціей рѣчи Глюкъ по справедливости гордился. Оригинальный текстъ оперы французскій. Слѣдить за упомянутыми достоинствами, благодаря разнымъ языкамъ, было трудно. Замѣтимъ только, что речитативы для удобства произношенія весьма часто измѣнялись. Намъ кажется, что лучше бы было пѣть по-французски, а для не русскихъ пѣвцовъ это даже удобнѣе въ смыслѣ акцента рѣчи. Отъ этого выиграли бы и смыслъ, и выразительность произносимыхъ словъ. Аріи въ операѣ, хотя и подходятъ къ общему положенію дѣйствующаго лица, бѣдны по содержанію и фактурѣ. Въ этомъ отношеніи Глюкъ не пошелъ далѣе образцовъ своего времени. Спѣты онѣ, благодаря нетрудности исполненія, хорошо. Хоръ, вслѣдствіе неравномѣрной распланировки, казался бѣднымъ, малозвучнымъ. Оркестръ, играющій у Глюка видную роль въ обрисовкѣ драматическаго положенія, былъ слишкомъ великъ и шуменъ. Въ общемъ постановка оперныхъ произведеній на эстрадѣ концертной залы требуетъ большой практической сноровки. Если нельзя ихъ исполнять на сценѣ, съ надлежащею обстановкой, то лучше не исполнять и совсѣмъ. Къ тому же, *Ифигенія въ Таврид*ѣ имѣетъ чисто-историческое значеніе и для публики она, пожалуй, не интересна. Реформаторская дѣятельность Глюка (1714—1787) началась съ 1762 года оперой *Орфей*. До тѣхъ поръ онъ писалъ по общепринятому плану, обыкновенныя итальянскія оперы. Лучшая его опера *Ифигенія въ Таврид*ѣ написана на 65 году жизни композитора. Публики въ концертѣ было много.

Восьмого ноября этого года скончался всемірно-знаменитый піанистъ-виртуозъ и композиторъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Онъ умеръ скоропостижно на своей дачѣ, въ Петергофѣ, окруженный близкими людьми. Дѣти его — сынъ и дочь — находились въ это время за границей. Трудно

назвать другого музыканта, который пользовался бы при жизни такою широкою извѣстностью въ публикѣ и такою высокою авторитетностью среди артистовъ всѣхъ странъ и народовъ. Какъ артистъ, онъ былъ идеаломъ для всѣхъ выдающихся музыкантовъ, а разнообразіе его музыкальной дѣятельности могло быть примѣромъ для людей и другихъ спеціальностей. Музыкальная дѣятельность покойнаго А. Г. поражаетъ многосторонностью. Онъ былъ великій піанистъ и его виртуозное исполненіе, по обширности репертуара, представляетъ невиданное до сихъ поръ чудо. Композиторскій талантъ его проявился во всѣхъ родахъ и видахъ музыкальнаго искусства многими вполнѣ художественными произведеніями. Его педагогическими совѣтами пользовались многіе теперешніе виртуозы. Онъ писалъ музыкально-литературныя произведенія, отличающіяся остроуміемъ и вѣрностью взгляда. Наконецъ, какъ общественный дѣятель, онъ является страстнымъ поборникомъ распространенія музыкальнаго образованія въ Россіи вообще и въ частности основателемъ петербургской консерваторіи. Прибавимъ еще его щедрую благотворительность на общія нужды и помощь, которую онъ оказывалъ артистамъ и не артистамъ. Такова была дѣятельность Антона Григорьевича Рубинштейна. Можно удивляться всестороннему развитію его способностей и искренно оплакивать его смерть. А. Г. Рубинштейнъ родился въ 1829 году, 18 ноября, въ деревнѣ Выхватинцѣ, Волынской губерніи, близъ молдавской границы. Первоначальное музыкальное образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ своей матери, хорошей музыкантши. Затѣмъ, привезенный въ Москву, онъ занимался у преподавателя музыки Виллуана и девяти лѣтъ уже игралъ передъ публикою. Когда же Виллуану понадобилось ѣхать за границу, то мать упросила его взять Антона съ собою, по всей вѣроятности, для дальнѣйшаго обученія. Такимъ образомъ, А. Г. 11 лѣтъ очутился въ Парижѣ, гдѣ попалъ въ кружокъ артистовъ, Листа и Шопена. Съ этого момента, въ сущности, и начинается артистическая дѣятельность А. Г. Вскорѣ онъ совершилъ путешествіе по другимъ государствамъ и вездѣ игралъ съ большимъ успѣхомъ. Въ Германіи онъ познакомился съ Мендельсономъ и Мейербером, пользовался ихъ совѣтами и поощреніями, въ Берлинѣ занимался нѣкоторое время теоріей у контрапунктиста Дена. Но обстоятельства скоро измѣнились къ худшему, и А. Г. пришлось самому подумать о дальнѣйшей своей судьбѣ. Очутившись въ Вѣнѣ, онъ принужденъ былъ, для поддержанія существованія, давать уроки музыки или отыскивать другія подходящія занятія. Это неблагопріятное время продолжалось вплоть до прибытія его въ Петербургъ, гдѣ графы Віельегорскіе приняли въ немъ живое участіе. Онъ былъ приглашенъ придворнымъ піанистомъ великой княгини Елены Павловны. Въ это время въ Петербургѣ, въ кружкѣ графовъ Віельегорскихъ возникла мысль объ основаніи въ Россіи музыкальной школы и А. Г. сталъ во главѣ интересующихся этимъ. И вотъ въ 1859 году послѣдовало разрѣшеніе объ открытіи музыкальнаго училища, а въ 1863 г. открылась

давно ожидаемая петербургская консерваторія. А. Г., по выдержаніи экзамена на свободнаго художника, былъ назначенъ директоромъ консерваторіи. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ званіи директора онъ оставилъ петербургскую консерваторію и продолжалъ свою виртуозно-артистическую дѣятельность за границею. Затѣмъ онъ нѣсколько разъ возвращался въ Петербургъ и принималъ временно горячее участіе въ консерваторскихъ дѣлахъ. Самымъ блестящимъ періодомъ его виртуозной дѣятельности слѣдуетъ признать данные имъ «историческіе» концерты, когда онъ, въ хронологическомъ порядкѣ, сыгралъ всѣ выдающіяся произведенія различныхъ авторовъ фортепіанной литературы. Концерты эти исполнялись во всѣхъ главныхъ городахъ Европы, и игралъ онъ всю эту грандіозно-обширную программу на память. Композиторская дѣятельность А. Г. началась, когда онъ былъ еще мальчикомъ, во время заграничныхъ его путешествій. Первымъ его произведеніемъ былъ этюдъ для ф.-п. Поселившись въ Петербургѣ, онъ началъ первыя опыты въ оперномъ искусствѣ. Написаны имъ были оперы: *Ѳомка - дурочокъ*, *Дмитрій Донской* и др. Композиторская дѣятельность А. Г. шла прогрессивно и онъ лично придавалъ ей огромное значеніе для своего артистическаго авторитета. Лучшими его операми слѣдуетъ признать: *Макхавеи*, *Демонъ*, *Неронъ*. Сильно увлекался А. Г. духовными операми, думая создать въ этомъ жанрѣ нѣчто выдающееся. До послѣдней минуты онъ работалъ надъ цѣлымъ цикломъ духовныхъ драмъ, изъ которыхъ *Моисей* и *Христосъ* были окончены и готовились къ постановкѣ за границею. Изъ симфоническихъ произведеній, кромѣ симфоній, извѣстны его оркестровыя картины: *Океанъ*, *Іоаннъ Грозный*, *Донъ-Кихотъ*, *Фаустъ*; изъ ораторій: *Столпотвореніе Вавилонское*, *Потерянный рай*. Написанъ имъ еще балетъ *Виноградная лоза*. Затѣмъ слѣдуютъ квартеты для смычковыхъ инструментовъ, тріо съ фортепіано, сонаты и масса романсовъ, наконецъ, большое количество ф.-п. произведеній, начиная съ мелкихъ вещей и кончая концертами. Лучшимъ изъ концертовъ Рубинштейна считается его D-moll-ный концертъ ф.-п. съ аккомпаниментомъ оркестра. Подробный перечень его произведеній здѣсь невозможенъ,— для этого нужно составить цѣлый каталогъ. Указанныя тутъ произведенія только характеризуютъ его разнообразную композиторскую дѣятельность. Работать по композиціи А. Г. не переставалъ до самой смерти. Изъ литературно-музыкальныхъ произведеній его замѣчательна книга *Музыка и ея представители;* книга эта въ формѣ діалога разсказываетъ всю исторію музыки. Торжественный пятидесятилѣтній юбилей артистической дѣятельности А. Г., отпразднованный въ Петербургѣ въ 1889 году, заключилъ его виртуозно-артистическую и композиторскую дѣятельность. Участіе депутацій и присланные почетные адреса со всѣхъ концовъ міра еще разъ засвидѣтельствовали ему свое глубокое уваженіе и признательность какъ артисту, котораго міръ не скоро забудетъ. Позволимъ себѣ сдѣлать общую характеристику внѣшности и кажу-

щагося внутренняго содержанія личности А. Г. Роста онъ былъ высокаго, сложенія средняго. Продолговатое, бритое лицо съ короткимъ носомъ и съ широкимъ лбомъ увѣнчивалось цѣлою копной длинныхъ вьющихся волосъ, которые обыкновенно спадывали на его лицо, когда онъ игралъ на фортепіано. Глаза у А. Г. были темные, неопредѣленнаго цвѣта. Голосъ глухой; но сама рѣчь отличалась юморомъ, хотя нѣсколько грубоватымъ. Походка тяжелая, а вслѣдствіе привычки много сидѣть — присѣдающая. Руки, съ сильно выдвинутыми локтями впередъ, держались, словно опираясь на что-то. Раскланивался онъ съ публикою поясными поклонами и всегда въ одномъ направленіи; если же нужно было кланяться въ другую сторону, то онъ повертывался всѣмъ корпусомъ и отвѣшивалъ тѣ же поклоны. Манера А. Г. держать себя передъ публикой была исполнена достоинства и не заключала въ себѣ ничего заискивающаго. А. Г. видимо не любилъ аппликатурныхъ, прерывающихъ отдѣльныя части цѣлаго сочиненія. Всею фигурой онъ производилъ впечатлѣніе типичности. Дѣйствительно, А. Г. представлялъ изъ себя въ высшей степени развитую личность, но направленную въ одну сторону. Этою-то выработкой А. Г. и объясняется такое многостороннее развитіе его музыкальныхъ способностей. Затѣмъ, на всѣ виды художественной дѣятельности онъ налагалъ отпечатокъ личности и индивидуальнаго пониманія. Возьмемъ, напримѣръ, его, какъ виртуоза-піаниста. Игру его на фортепіано можно было отличить съ завязаными глазами отъ другихъ исполнителей, не уступающихъ ему въ талантливости. Даже одно время существовала у піанистовъ особая манера игры, которая такъ и называлась рубинштейновскою, и не потому, чтобъ эта игра была геніальна, а потому, что она была типически-субъективна. Во-первыхъ, всѣхъ поражала необыкновенная картинность передаваемаго имъ содержанія. Ему казалось, что нужно было играть именно такъ, и онъ игралъ, какъ казалось ему нужнымъ. Таковы были въ его исполненіи классическія произведенія Бетховена, Моцарта, Гайдна и даже Баха. И только въ періодъ «историческихъ» концертовъ исполненіе этихъ авторовъ сдѣлалось болѣе объективнымъ. Точно также не удавались ему шопеновскія произведенія. Шопенъ самъ былъ слишкомъ субъективенъ и въ его произведеніяхъ нѣтъ мѣста для другой субъективности. Великъ, какъ исполнитель, А. Г. былъ въ произведеніяхъ авторовъ, требующихъ минутнаго вдохновенія и сильной субъективной развитости, какъ, наприм., въ своихъ собственныхъ и въ произведеніяхъ Листа. Точно тоже мы замѣчаемъ и въ его композиціяхъ. Темы онъ бралъ преимущественно характерныя или съ сильною національною окраской. Пріемъ, которому онъ слѣдовалъ при изложеніи и разработкѣ своего сочиненія, былъ преимущественно варіаціонный. Происходило это не отъ недостатка контрапунктической техники, такъ какъ онъ умѣлъ писать и фуги, но отъ того, что варіаціонный стиль даетъ болѣе простора субъективной фантазіи. О новыхъ его произведеніяхъ, духовныхъ операхъ, мы судить не можемъ,

такъ какъ въ Россіи онѣ не давались. Можетъ быть, въ нихъ онъ слѣдовалъ другими путями и создалъ что-нибудь болѣе оригинальное. Въ заключеніе спросимъ: сдѣлалъ ли А. Г. эпоху въ области музыкальнаго искусства, въ смыслѣ открытія новыхъ путей? Въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ, несмотря на большое количество вполнѣ художественныхъ, мы не замѣчаемъ ничего оригинальнаго въ этомъ смыслѣ. Въ исторіи музыки за нимъ останется мѣсто многосторонне-дѣятельнаго музыканта, но не творца, двигающаго искусство по пути прогресса. Два чувства особенно сильно въ немъ сказывались и характеризовали его личность: это—страстная любовь къ музыкѣ и желаніе сообщить эту любовь другимъ. Онъ былъ апостоломъ своего страстно любимаго искусства и проповѣдывалъ его со всѣмъ фанатизмомъ вѣрующаго и любящаго человѣка. Наконецъ, своею дѣятельностью А. Г. заявилъ всему міру, что занятіе музыкой не только занятіе въ высшей степени почтенное, но и требующее большого ума и сильной воли. Дѣятельность А. Г. Рубинштейна можетъ быть назидательна не только для однихъ музыкантовъ, но для людей и другихъ профессій. Былъ еще подобный артистъ-художникъ, хотя съ менѣе громкою славой, это—родной братъ А. Г., Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, основатель и директоръ московской консерваторіи. Если дѣятельность А. Г. принадлежитъ Европѣ, то дѣятельность покойнаго Н. Г. принадлежитъ всецѣло Россіи и въ частности Москвѣ.

А. Б.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24*) **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Разсчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Декабрь 1894 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Біографіи и исторія литературы.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Изданія для народа.—Календари и справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Русское Богатство», *октябрь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *ноябрь*.—«Русское Обозрѣніе», *ноябрь*.—«Вѣстникъ Воспитанія», *№ 7*. III. **Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1894 годъ. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1894 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Полное собраніе сочиненій“ *А. К. Шеллера.*—„Повѣсти и разсказы“ *Элизы Ожешковой.*—„Собраніе сочиненій“ *Андерсена.*

Полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера (А. Михайлова). Томъ I—XII. Спб., 1894 г. Цѣна каждому тому въ отдѣльной продажѣ 2 р. Года не прошло съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ сочиненій А. К. Шеллера, а читатели имѣютъ уже въ рукахъ двѣнадцать томовъ этого изданія, которое предположено выпустить пока въ пятнадцати томахъ, стоящихъ по подпискѣ 25 рублей. Въ *Библіографическомъ отдѣлѣ* мартовской книжки нашего журнала за нынѣшній годъ мы говорили о первомъ томѣ *Полнаго собранія сочиненій* А. К. Шеллера и въ общихъ чертахъ отмѣтили то значеніе, которое произведенія уважаемаго писателя могутъ, по нашему мнѣнію, имѣть для теперешнихъ читателей, въ особенности же для современной молодежи. Въ прошломъ, которое есть основаніе во многихъ отношеніяхъ назвать „далекимъ“ прошлымъ, хотя „далекость“ эта опредѣляется всего 15—30 годами, произведенія, подписанныя псевдонимомъ А. Михайловъ, печатавшіяся въ тогдашнихъ журналахъ, нынѣ уже не существующихъ, вызывали живѣйшій интересъ публики, горячіе споры и сужденія, оказывали, несомнѣнно, доброе вліяніе на разбитіе общественной мысли, въ то время очень чуткой и бодро настроенной великими преобразованіями, разбудившими наше отечество отъ вѣковой спячки и подневольного отупленія. Все ожило и встрепенулось, молодое и сильное устремилось на просторъ и къ свѣту; старое и залежавшееся въ своемъ темномъ благополучіи растерялось, а жизнь по-новому ко всѣмъ, безразлично, предъявляла свои неотложныя требованія, однихъ впередъ звала или тянула насильно, другимъ ставила препоны или сбивала съ дороги и вынуждала искать новыхъ путей. *Старыя гнѣзда* были раз-

рушены, ихъ исконные обитатели и птенцы, которые въ нихъ вывелись, побрели въ разныя стороны. Имъ пришлось устраиваться на новый ладъ, приспособляться къ жизни, по мѣрѣ силъ и умѣнья каждаго, не разсчитывая на даровые хлѣбы временъ крѣпостного права. Началась чуть не поголовная пересортировка людей и ихъ взаимныхъ отношеній. Не всѣ, однако, „старыя гнѣзда" были разгромлены уничтоженіемъ крѣпостного права, и на мѣстѣ разрушенныхъ „гнѣздъ" очень скоро стали возникать новыя, уже не барскія гнѣзда, а „дѣлецкія". Вотъ этому-то переходному времени и посвящена большая часть произведеній А. К. Шеллера, и его романы даютъ рядъ картинъ, изображающихъ конецъ дореформенной Россіи, неурядицу, произведенную въ обществѣ, преимущественно помѣщичьемъ и дворянскомъ, измѣненіемъ экономическихъ условій жизни, затѣмъ послѣдовательное распредѣленіе по своимъ мѣстамъ „побѣдителей" и побѣжденныхъ въ борьбѣ за существованіе, вѣрнѣе же сказать, за возможность создать себѣ „безпечальное житье" какими бы ни было способами. Въ этомъ рядѣ картинъ нѣтъ крупныхъ типовъ, тутъ все заурядные, „средніе" люди разныхъ слоевъ, по преимуществу одного „барскаго" общества. Но въ каждомъ изъ выведенныхъ авторомъ „среднихъ" людей опредѣленно отмѣчены главныя, такъ сказать, основныя черты, характерныя для множества имъ подобныхъ—„алчущихъ", бьющихся изъ-за „хлѣба и зрѣлищъ", добивающихся своего „и молотомъ, и золотомъ", расплачивающихся за „чужіе грѣхи", гибнущихъ физически и нравственно или торжествующихъ побѣду, не вѣдающихъ, что такое „совѣсть". Всѣ повѣствованія г. Шеллера въ совокупности своей представляютъ для читателя правдивую, полную жизни лѣтопись прошедшаго передъ нашими глазами приспособленія къ новому жизненному строю тѣхъ, на комъ оставили свои слѣды воспитаніе, дѣтство и юность, протекшіе въ помѣщичьихъ усадьбахъ „добраго" стараго времени, въ кругу родныхъ, считавшихъ себя какимъ-то родомъ избраннымъ и предназначеннымъ жить безъ заботъ и безъ труда на всемъ, пріуготовленномъ, съ одной стороны, ихъ крѣпостными людьми, съ другой—богатыми, знатными и вліятельными родственниками. Все это совершенно вѣрно, вполнѣ точно и достаточно ярко отмѣчено авторомъ. Все это было и, къ счастью, многое „быльемъ поросло" и вновь уже вернуться не можетъ. И вотъ для того многаго, что исчезло навсегда изъ жизни русскаго общества, вслѣдъ за измѣненіями, произведенными великими освободительными реформами, произведенія А. К. Шеллера являются важнымъ историческимъ документомъ, дающимъ чрезвычайно интересную и вѣрную характеристику быта и нравовъ вліятельной части нашего общества. Авторъ совершенно основательно придаетъ очень большое значеніе воспитанію дѣтей, отношеніямъ къ нимъ родителей. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ въ письмѣ къ невѣстѣ одинъ изъ „отрезвившихся" героевъ серіи романовъ, имѣющихъ общее заглавіе: *Семья Муратовыхъ*: „Если когда-нибудь я сдѣлаюсь отцомъ, то первою моею задачей будетъ стремленіе стать другомъ своего сына и избавить его отъ горькой необходимости искать на сторонѣ участія и ласкъ, радушія и весел друзей и руководителей,—однимъ словомъ, всего того, чего такъ час недостаетъ нашей свѣтской молодежи въ родномъ гнѣздѣ, у родит лей-дѣльцовъ, у матерей-модницъ и благотворительницъ, почти не в дящихъ своихъ дѣтей, или у отцовъ и матерей, отдавшихся разгул разврату, картежной игрѣ... Недовольство роднымъ гнѣздомъ являетс по моему мнѣнію, первою причиной нравственнаго ничтожества наш

богатой молодежи"... Мы считаемъ, что отсутствіе хорошаго родного гнѣзда такъ же точно вредно и для небогатой, и для несвѣтской молодежи. Разница лишь въ томъ, что богатые и свѣтскіе родители въ этомъ отношеніи оказываются болѣе преступными, чѣмъ небогатые, несвѣтскіе, вынужденные трудомъ своимъ содержать семьи, отдавать большую часть своего времени работѣ. Но и этихъ послѣднихъ нельзя признавать правыми, если они находятъ отдыхъ отъ труда не въ семейномъ кругу, не въ обществѣ дѣтей, а за картами и за разгуломъ, одинаково распространенными во всѣхъ слояхъ нашего общества, столичнаго, провинціальнаго, деревенскаго, образованнаго и необразованнаго, барскаго, чиновничьяго, купеческаго и рабочаго... Серія романовъ *Семья Муратовыхъ* осталась незаконченною, въ нее вошли: *Старыя гнѣзда*, *Хлѣба и зрѣлищъ*, *Безпечальное житье*, *И золотомъ, и молотомъ*, *Совѣсть*, и завершить ее предполагалось романомъ *Внѣ жизни*. Въ этомъ послѣднемъ романѣ авторъ намѣренъ былъ „изобразить окончательно, ни за что, ни про что, изломанную жизнь Максима Муратова, проведенную то въ тюрьмахъ, то въ скитаніяхъ на положеніи *нелегальнаго*". Произведеніе это, „по многимъ обстоятельствамъ", осталось въ портфелѣ автора въ отрывкахъ и наброскахъ. „Не теперь,—говоритъ авторъ,—могу я, больной, надѣяться дописать его". Весьма жаль будетъ, если на самомъ дѣлѣ болѣзнь помѣшаетъ уважаемому писателю закончить интересную хронику разсыпавшейся семьи, младшій членъ которой, Максимъ Муратовъ, въ силу обстоятельствъ и личнаго характера, очутился въ совершенно исключительномъ положеніи „внѣ жизни" того круга, гдѣ жили его ближайшіе родные. Будемъ надѣяться, что „обстоятельства", помѣшавшія автору дописать любопытную картину существованія „нелегальнаго", устранятся и что вернется и къ больному А. К. Шеллеру бодрость духа, достаточная для того, чтобъ этимъ „послѣднимъ сказаніемъ" докончить „лѣтопись свою".

Въ нашихъ короткихъ библіографическихъ отзывахъ мы отнюдь не претендуемъ на критическую оцѣнку произведеній такого крупнаго писателя, какъ А. Михайловъ-Шеллеръ. Для этого требуется настолько обстоятельная статья, что ей мѣста быть не можетъ въ *Библіографическомъ отдѣлѣ* журнала. Здѣсь же мы исполняемъ только принятое нами обязательство обратить вниманіе нашихъ читателей на все выдающееся въ нашей литературѣ, указать, что, по нашему мнѣнію, читать нужно и полезно, и привести тѣ доводы, на которыхъ основано наше мнѣніе.

Повѣсти и разсказы Элизы Ожешковой. Перев. В. М. Лаврова. Изд. редакціи журнала „Русская Мысль". Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. Элиза Ожешкова, безспорно, одна изъ талантливѣйшихъ современныхъ писательницъ Европы и, какъ романистка, стоитъ въ первомъ ряду нынѣшнихъ беллетристовъ. Наши журналы давно уже знакомятъ русскую публику съ произведеніями этой высокодаровитой нашей соотечественницы, пишущей на польскомъ языкѣ. Какъ извѣстно нашимъ читателямъ, *Русская Мысль* съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣмъ выдающимся въ литературѣ родственнаго и близкаго намъ народа польскаго и все вновь появляющееся въ ней художественное старается передать своимъ читателямъ. Но для широкаго распространенія въ обществѣ лучшихъ произведеній не достаточно помѣщенія ихъ въ журналахъ, гдѣ они оказываются раскиданными въ нѣсколькихъ годахъ, иногда и въ нѣсколькихъ журналахъ, разрозненными и затерянными настолько, что и разыскивать ихъ не легко, и

трудно составить себѣ по нимъ общее представленіе о характерѣ творчества того или другого писателя. Лучшимъ средствомъ для ознакомленія большого круга читателей съ произведеніями какого-либо выдающагося автора мы считаемъ изданіе отдѣльными книжками лучшихъ его романовъ или въ одну книжку соединенныхъ повѣстей и разсказовъ, причемъ книжки въ одномъ опредѣленномъ форматѣ, какъ то сдѣлано редакціей *Русской Мысли* для сочиненій Генриха Сенкевича: *Безъ догмата, Повѣсти и разсказы, Путевые очерки* и для только что вышедшихъ въ свѣтъ *Повѣстей* Элизы Ожешковой. Такого рода выпуски отдѣльныхъ произведеній или сборниковъ небольшимъ повѣстей и разсказовъ представляются намъ болѣе удобными для публики, чѣмъ изданія „Собраній сочиненій", болѣе или менѣе „полныхъ", особливо когда авторъ живъ и здравствуетъ, когда талантъ его въ полной силѣ и предстоитъ ему написать еще много разнородныхъ произведеній, изъ которыхъ не всѣ могутъ быть одинаково интересны для массы читающей публики, одна часть которой съ наслажденіемъ зачитывается романами и повѣстями и ничуть не склонна восхищаться *Письмами изъ Африки*, приводящими въ восторгъ другую категорію читателей. Изданіе отдѣльными книгами и тѣмъ еще удобнѣе „собраній сочиненій", что даетъ возможность каждому имѣть наиболѣе нравящіяся ему произведенія любимаго автора, не загромождая библіотеки многотомными, а, слѣдовательно, и дорогими изданіями, пріобрѣтеніе которыхъ требуетъ единовременной затраты такихъ денегъ, которыя далеко не всѣмъ по средствамъ.

Въ лежащей передъ нами книгѣ: *Повѣсти Элизы Ожешковой* напечатаны четыре ея произведенія: *Сѣренькая идиллія, Сильный Самсонъ, Хамъ* и *Подвижница*. Въ нихъ изображены четыре разныхъ, несходныхъ между собою и своеобразныхъ мірка. Въ *Сѣренькой идилліи* писательница даетъ небольшую, но яркую картинку жизни дѣтей въ предмѣстьи большого губернскаго города одной изъ западныхъ провинцій Россіи. Босые, въ лохмотьяхъ, постоянно голодные ребятишки ростутъ, какъ звѣрушки, предоставленные своимъ инстинктамъ, ничѣмъ не огражденнымъ отъ развращающаго вліянія городской улицы и нищенства, пьянства родителей и ни передъ чѣмъ не останавливающейся алчности случайныхъ воспитателей. Пока дѣти малы, ихъ наивное непониманіе различія между добромъ и зломъ имѣетъ, дѣйствительно, идиллическій характеръ отношеній первобытныхъ дикарей другъ къ другу, къ окружающимъ ихъ людямъ и къ природѣ. По мѣрѣ того, какъ маленькіе дикари выростаютъ, расширяются ихъ познанія и ихъ кругозоръ только въ одной плоскости, такъ сказать, ничуть не возвышая ихъ нравственно и не давая имъ умственно ничего, кромѣ нѣкоторыхъ практическихъ свѣдѣній и дрянныхъ городскихъ навыковъ. Сирота Владекъ, ребенкомъ воровавшій голубей и выклянчивавшій милостыню, чтобы сухими баранками пополнить свое скудное питаніе, попадаетъ въ „мальчики" въ кондитерскую, мечтаетъ о богатствѣ, о скорой и легкой наживѣ, потомъ дѣлается маркёромъ и кончаетъ острогомъ, попавшись на кражѣ со взломомъ. Подруга его дѣтства, Марцися, дитя, брошенное спившеюся съ круга матерью, очень красивая семнадцатилѣтняя дѣвочка, напивается съ отчаянія, что ея друга посадили въ тюрьму, вѣрнѣе сказать, ее напаиваютъ родная мать и женщина, которой Марцися отдана на попеченіе,—старуха, занимающаяся рекомендаціей прислуги и иными болѣе темными дѣлами. *Сѣренькая идиллія* заканчивается непроглядным мракомъ пропасти, въ

которую силою рока скатываются несчастныя дѣти грязнаго предмѣстья. Въ томъ же городѣ, „Онгродѣ“, какъ называетъ его г-жа Ожешкова, происходятъ событія, разсказанныя въ повѣсти *Сильный Самсонъ*, но происходятъ они совсѣмъ въ иномъ кругѣ, не менѣе своеобразномъ, чѣмъ подгородная нищета, и менѣе знакомомъ большинству русскаго общества. Писательница развертываетъ передъ нами необыкновенно живую картину быта мѣстныхъ „жидовъ“, не имѣющихъ ничего общаго съ Ротшильдами и другими банкирами, ворочающими несчетными капиталами. То—„израэлиты“, какъ они себя называютъ, а наши евреи—просто „жиды“, „un peuple sal“, какъ говорятъ о нихъ болѣе счастливые „французы, нѣмцы, египтяне Моисеева закона“. Въ нашемъ отечествѣ евреевъ чуть ли не больше, чѣмъ во всемъ остальномъ мірѣ, но нѣтъ ни одного „русскаго Моисеева закона“, а есть только „жиды“, про которыхъ, „внѣ черты еврейской осѣдлости“, извѣстно очень немногое, да и то въ очень извращенномъ видѣ. Г-жа Ожешкова изображаетъ настоящихъ, подлинныхъ жидковъ, между которыми въ повѣсти первое мѣсто занимаетъ „ученый“ Шимшель, сынъ Гершуна, и его семья. Содержаніе этой повѣсти не поддается пересказу, — тутъ все дѣло въ очень тонкихъ чертахъ и душевныхъ настроеніяхъ бѣдняковъ, умудряющихся какимъ-то чудомъ не умирать съ голоду въ своей „осѣдлости“.

Изъ душнаго мірка еврейской и подгородной нищеты писательница въ повѣсти *Хамъ* переноситъ насъ на деревенскій просторъ, на привольную гладь Нѣмана, въ мирную хату рыбака Павла Кобыцкаго. Сорокалѣтній бездѣтный вдовецъ, чистый сердцемъ крестьянинъ, живущій „по-Божьему“, Павелъ увлекается сначала жалостью, потомъ болѣе страстнымъ чувствомъ къ Франкѣ Хомцовой, дочери мелкаго, спившагося чиновника, истрепанной городскою жизнью и смѣною любовниковъ, избалованной и утомленной бездѣльною сутолокой на службѣ горничною въ зажиточныхъ домахъ. Франка, съ своей стороны и по-своему, влюбилась въ Павла,—такихъ любовниковъ у нея еще не бывало, такихъ людей она не видывала, и съ восторгомъ согласилась стать его законною женой, поклялась ему „исправиться“, начать новую честную жизнь, навсегда быть ему доброю и вѣрною подругой. Франка дѣлала это искренно, отъ всей души, но не понимала толкомъ, отъ чего ей „исправляться“: она никогда не лжетъ, не воруетъ, вина не пьетъ... Но, въ то же время, она совсѣмъ не знаетъ никакихъ угрызеній совѣсти, понятія не имѣетъ о томъ, что такое честь, нравственность, обязанности. Сдѣлавшись женою Павла, она внесла въ его хату и въ деревню всѣ негодныя привычки и всю безпорядочность городской горничной, гордой своимъ чиновничьимъ происхожденіемъ. Когда остываетъ пылъ ея чисто-физіологической любви, она въ мужѣ видитъ только „хама“, закабалившаго ее въ деревенской глуши, и Франку опять потянуло къ старому, грязному, но веселому житью. Повѣсть кончается трагическою смертью несчастной женщины, по натурѣ своей очень пылкой, правдивой и хорошей, но загубленной безпризорнымъ дѣтствомъ, не давшимъ ей никакихъ нравственныхъ понятій, способныхъ сдерживать ея страстные порывы. Оба типа, серьезнаго и простого рыбака, души возвышенной и чистой, и горничной изъ чиновницы, необузданно пламенной и развращенной, обрисованы замѣчательно полно, художественно-объективно. Въ нихъ каждый нервъ живетъ и трепещетъ, и ихъ малѣйшее движеніе съ удивительною ясностью передается читателю, находитъ въ немъ тотъ, именно, откликъ, какой ну-

женъ автору въ его неизмѣнномъ стремленіи къ правдѣ, добру и гуманности.

Четвертая повѣсть, *Подвижница*, была напечатана въ *Русской Мысли* (1891 г., кн. I) подъ заглавіемъ *Аскетка*, взятымъ прямо съ заглавія подлинника. Здѣсь передъ нами опять новый міръ, менѣе предъидущихъ намъ знакомый, и особое міросозерцаніе, выработанное аскетическимъ отреченіемъ католическихъ монахинь отъ свѣта и его соблазновъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ отъ всего человѣческаго ради совершенства духовнаго. Но отъ свѣта и соблазна отречься легче, чѣмъ забыть пережитое и выстраданное „въ міру“ и уврачевать старыя „свѣтскія“ раны сердца формальными подвигами аскетизма, указанными уставами и примѣрами великихъ подвижниковъ. Миръ душевный можетъ быть возстановленъ только фактическими проявленіями дѣятельной любви и милосердія къ тѣмъ, кто обидѣлъ насъ, причинилъ намъ несчастье, „нанесъ мучительный ударъ“. Таковъ смыслъ тепло, задушевно написанной повѣсти *Подвижница*, захватывающей интереснымъ содержаніемъ, глубиною анализа и высотою идеи, бодрой, чуждой всякой сантиментальности.

Собраніе сочиненій Андерсена въ 4-хъ томахъ. Переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Томы I, II и III (выпуски I—IX). Спб., 1894 г. Цѣна изданія: по подпискѣ 6 руб., съ пересылкой 8 руб. Въ февральской книжкѣ нашего журнала мы отмѣтили появленіе въ свѣтъ *Собранія сочиненій Андерсена*, знаменитаго датскаго писателя, стяжавшаго всемірную извѣстность своими *сказками* для дѣтей, переведенными на всѣ европейскіе языки и на нѣкоторые языки Востока. Но, какъ мы уже замѣтили въ нашемъ первомъ отзывѣ о *Собраніи сочиненій Андерсена*, далеко не всѣ его сказки пригодны для дѣтскаго чтенія, и мы рекомендовали бы родителямъ и воспитателямъ читать ихъ дѣтямъ съ большимъ разборомъ, сообразуясь съ возрастомъ и степенью развитія воспитанниковъ. При осмотрительномъ и разумномъ распредѣленіи чтенія *Сочиненій* Андерсена, книги, переведенныя гг. Ганзенъ, дадутъ превосходнѣйшее образовательное пособіе для всѣхъ возрастовъ, послѣдовательно и одинаково занимательное, поучительное, развивающее умы дѣтей и подростковъ въ направленіи неизмѣнно гуманномъ, высоко-нравственномъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Необыкновенно чуткій къ красотамъ природы, любящій цвѣты и животныхъ, живо понимающій своею мягкою душой отношенія дѣтей къ игрушкамъ, къ неодушевленнымъ предметамъ, авторъ мастерски затрогиваетъ нѣжныя струны дѣтскаго сердца, самъ какъ бы превращается въ ребенка и все одухотворяетъ передъ своими читателями силою своего огромнаго таланта, кто бы ни были эти читатели и чѣмъ бы они ни забавлялись, оловянными солдатиками или красными башмачками, куклами или нарядами, живыми куколками, уже разыгрывающими настоящіе романы, или блестящими кавалерами, съ наслажденіемъ принимающими участіе въ такой небезопасной игрѣ. Воспитатели найдутъ не мало серьезныхъ и очень поучительныхъ указаній въ приложенныхъ къ восьмому выпуску *Примѣчаніяхъ* самого автора къ *Полному собранію* его сказокъ и повѣстей, представляющими собою весьма полный отчетъ о томъ, какъ и по какому поводу слагались въ умѣ Андерсена его разсказы, то заимствованные изъ старыхъ легендъ и преданій, то навѣянные какимъ-нибудь случаемъ изъ дѣйствительной жизни, то воспоминаніями о собственномъ дѣтствѣ, то вызванные разнообразными впечатлѣніями его юности и странствованій по чужимъ краямъ. Авторъ пожилъ въ Швейцаріи и далъ пре-

ную картину страны и быта ея жителей въ увлекательномъ разсказѣ *Дѣва льдовъ*, гдѣ суровая дѣйствительность гармонически переплетается съ вымыслами блестящей фантазіи, настоящая жизнь обитателей горъ развертывается вмѣстѣ и параллельно съ народными повѣріями и легендами. Простой, какъ сама жизнь швейцарцевъ, романъ разыгрывается на грандіозномъ фонѣ Альпійскихъ горъ, ихъ цвѣтущихъ долинъ, гдѣ жизнь кипитъ, и страшныхъ глетчеровъ, надъ которыми властвуетъ „Дѣва льдовъ", гдѣ носятся „Головокруженія", подкарауливая неосторожнаго путника и смѣлаго охотника. Заглянулъ авторъ въ Италію, въ Римъ, и у него вылился прелестный разсказъ *Психея*, навѣянный сообщеніемъ о случайной находкѣ въ землѣ прекрасной статуи неизвѣстнаго ваятеля. Въ тридцатыхъ годахъ Андерсенъ совершаетъ путешествіе по Италіи, и мы получаемъ восхитительнѣйшее описаніе Италіи того времени, полныя жизни и движенія картины Рима и Кампаньи, Неаполя и Капри, Везувія и Помпеи съ Геркуланумомъ, развалинъ храмовъ и побережья Неаполитанскаго залива, Венеціи съ ея лагунами и каналами, площади св. Марка и Лидо, Флоренціи и Милана... Передъ нами въ живописной обстановкѣ проходятъ яркія изображенія отдѣльныхъ фигуръ и группъ рабочихъ, монаховъ, крестьянъ и городскихъ нищихъ, аристократовъ, артистовъ, художниковъ, бандитовъ, ученыхъ и диллетантовъ, сенаторовъ, дамъ, кавалеровъ, римскаго карнавала, деревенскаго праздника цвѣтовъ, постриженія въ монахини, оперныхъ спектаклей и баловъ... Все это авторъ даетъ въ романѣ *Импровизаторъ*, герой котораго, нищій мальчикъ-сирота, волею судьбы и силою врожденнаго таланта, попадаетъ изъ самой низкой доли на попеченіе знатнѣйшаго изъ римскихъ вельможъ, въ коллегію іезуитовъ, потомъ въ лучшее общество Рима, Неаполя и Венеціи. Тутъ, въ этомъ произведеніи, громадная фантазія автора какъ бы стихаетъ передъ грандіозною дѣйствительностью и сказывается только въ „выдумкѣ", за то съ тѣмъ большею силой выдвигается описательный талантъ большого художника. Приключенія героя нѣсколько фантастичны, довольно сказочны превращенія нищей и слѣпой дѣвушки, одной изъ героинь, въ первую красавицу и первую аристократку Венеціи, но ни тѣ, ни другія не представляются невозможными въ повѣствованіи Андерсена, такъ просто ведется разсказъ и такъ живо и жизненно изложены событія, происходящія въ обстановкѣ, мастерски списанной съ натуры, и, наконецъ, такъ реальны всѣ дѣйствующія лица романа. Изъ разсказовъ и сказокъ, навѣянныхъ на автора его пребываніемъ въ Италіи, нельзя не отмѣтить восхитительной сказочки *Бронзовый кабанъ*. Такой кабанъ украшаетъ одинъ изъ фонтановъ Флоренціи. Нищій и безпріютный мальчикъ засыпаетъ, забравшись ночью на этого кабана. И вотъ въ полночь кабанъ оживаетъ и уноситъ ребенка въ музей, въ галлереи статуй и картинъ, въ церковь Санта-Кроче—пантеонъ Флоренціи. Авторъ, сынъ небогатаго ремесленника, въ дѣтствѣ испытавшій на себѣ всю тяжесть бѣдности и близко видѣвшій нищету, часто и особенно любовно выводитъ въ своихъ разсказахъ нищихъ и осиротѣвшихъ дѣтей, достигающихъ впослѣдствіи извѣстности и славы, по милости своихъ талантовъ и при поддержкѣ истинно добрыхъ людей. Въ превосходной повѣсти *Петька-счастливецъ*, по всей вѣроятности, Андерсенъ передаетъ многое изъ пережитаго имъ самимъ, какъ въ романѣ *Импровизаторъ* встрѣчаются страницы, въ которыхъ чувствуется многое лично испытанное и передуманное авторомъ. Въ этомъ отношеніи особенно яркою и трогатель-

ною намъ представляется глава романа, озаглавленная *Воспитаніе и маленькая шуменья*, въ которой авторъ разсказываетъ про „душевную борьбу и воспитательную ломку", вынесенную высоко-талантливымъ молодымъ человѣкомъ, сознающимъ свое умственное и нравственное превосходство надъ благодѣтелями, искренно его любившими, желавшими ему добра и едва не искалѣчившими его своими воспитательными пріемами. *Импровизаторъ* написанъ въ видѣ повѣствованія отъ перваго лица, и вотъ что говоритъ намъ герой романа: „Меня считали прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, довольно талантливымъ и многообѣщающимъ, а поэтому всѣ такъ охотно и брались воспитывать меня. Благодѣтелямъ моимъ давало на это право мое зависимое положеніе, другіе же просто пользовались моимъ добродушіемъ. Я глубоко чувствовалъ всю горечь своего положенія, но терпѣливо несъ его. Да, вотъ это такъ было воспитаніе!" Воспитанникъ, достигшій уже полнаго совершеннолѣтія, умный, впечатлительный, отлично образованный, не могъ слова сказать, шага сдѣлать, своего мнѣнія высказать безъ того, чтобы свои и чужіе, аристократическіе благодѣтели и ихъ гости, не осадили его, не оборвали изъ желанія направить на путь истинный, каковымъ этотъ путь представлялся этимъ господамъ. „Друзья дома и мои доброжелатели безпрестанно сравнивали меня съ созданнымъ ими самими идеаломъ человѣка, и мое настоящее „я", конечно, не выдерживало сравненія"... „Каждый проливалъ свою каплю яда въ мое сердце, и я чувствовалъ, что оно, въ концѣ-концовъ, или зачерствѣетъ, или изойдетъ кровью". Такую озлобляющую и принижающую воспитательную неурядицу весьма часто переживаютъ у своихъ благодѣтелей бѣдные родственники, случайные пріемыши, а иногда родныя дѣти у слишкомъ требовательныхъ отцовъ и матерей. Чрезвычайно ярко и правдиво описано Андерсеномъ все, что испыталъ молодой импровизаторъ прежде, чѣмъ добрые люди выпустили его на свободу. Совершенно инымъ было воспитаніе бѣдняка, но „счастливца" Петьки. Очень шустрый и милый мальченко живетъ при матери и бабушкѣ; отецъ умеръ, когда онъ былъ совсѣмъ крошечнымъ. Мальчикъ попадаетъ въ балетную школу, потомъ въ музыкальную, въ этой послѣдней проявляетъ большой талантъ, выказываетъ изъ ряда выходящій голосъ, который, однако, скоро пропадаетъ. Въ мальчикѣ принимаетъ самое заботливое участіе неизвѣстный благодѣтель, по милости котораго *Петька-счастливецъ* дѣлается превосходнымъ музыкантомъ, пѣвцомъ, такъ какъ голосъ вернулся послѣ долгаго отдыха, и, наконецъ, выдающимся композиторомъ. Во всѣхъ этихъ повѣстяхъ, какъ и во многихъ мелкихъ разсказахъ и въ нѣкоторыхъ сказкахъ, на ряду съ непринужденною, оживленною искреннею веселостью рѣчью и сквозь искрящійся юморъ почти неизмѣнно прорываются грустныя ноты,—та задушевная печаль, тихая, нѣжная, не удручающая, а только трогающая, которая составляетъ какъ бы основной тонъ поэзіи сѣверянъ, скандинавовъ и отчасти русскихъ. Но ни у кого этотъ тонъ не звучитъ такъ мягко, не затрогиваетъ такъ глубоко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ деликатно душу читателей, какъ у Андерсена, одареннаго великою силой, какъ разъ въ должную мѣру, вызвать добрую слезу изъ-за веселаго смѣха и вызвать хорошую улыбку, когда на глаза готовы навернуться слезы. И этотъ смѣхъ, и эти слезы и улыбки одинаковы и всегда благотворны, они неизмѣнно чисты и на сознаніе дѣтей, юношей и взрослыхъ людей производятъ умиротворяющее впечатлѣніе, чуждое всякой сантиментальности, лежащее слишкомъ ча-

сто въ основѣ французскихъ и нѣмецкихъ сказокъ, повѣстей и даже романовъ, въ особенности написанныхъ для дѣтей и юношей. Въ сказкахъ и разсказахъ Андерсена отведено извѣстное мѣсто чудесному и волшебному, вѣрнѣе же сказать—фантастическому. Но, съ одной стороны, чарующая простота изложенія, съ другой—умѣнье автора оттѣнить созданное воображеніемъ и выдѣлить фантастическое изъ настоящей дѣйствительности даетъ постоянно возможность самымъ маленькимъ дѣтямъ разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, вѣрно почувствовать, что̀ тутъ „вправду“ и что „нарочно“, какъ бы ни были увлекательны сказки. Ребенокъ, скачущій верхомъ на палкѣ, запрягающій два стула въ опрокинутую скамейку, дающій балъ своимъ куклamъ, такъ живо воображаетъ себя всадникомъ, кучеромъ, хозяиномъ или распорядителемъ пира, что временно утрачиваетъ долю сознанія дѣйствительности. Но, какъ только игра кончена, палка и стулья водворены на свое мѣсто, куклы уложены въ ящикъ, такъ и конецъ иллюзіи, все входитъ въ обычную житейскую колею. И великое мастерство славнаго датскаго поэта тѣмъ особенно дивно, что авторъ самъ чувствуетъ именно такъ, какъ долженъ чувствовать ребенокъ; онъ отождествляется въ своемъ разсказѣ съ ребенкомъ, живетъ его представленіями, проникается дѣтскими иллюзіями, дѣтскимъ „нарочно“ и ни на мигъ не отклоняетъ самой пылкой дѣтской головки отъ сознанія такого „нарочно“, въ результатѣ котораго, тѣмъ не менѣе, получается свѣтлая и добрая мысль, сочувствіе къ огорченію куколки, къ доблести оловяннаго солдатика и къ смѣлости, къ скромности, къ незлобивости какой-нибудь козявки, и, вмѣстѣ съ этимъ, въ умѣ ребенка остается воспоминаніе о томъ смѣшномъ или жалкомъ, положеніи, въ какое попадаютъ куклы, улитки, жуки, по милости самомнѣнія и гордости. Но жуковъ, улитокъ, куколъ и людей авторъ осмѣиваетъ безъ злобы, тонко и добродушно, а въ жалости его нѣтъ и тѣни презрѣнія. Всѣ разсказы Андерсена, отъ крошечной сказочки, которую можно прочесть четырехлѣтнему ребенку, до его повѣстей и романовъ, проникнуты добрыми и гуманными идеями, правдивы и художественны увлекательно. „*На могилѣ ребенка* и *Мать*,—говоритъ Андерсенъ въ своихъ *Примѣчаніяхъ*,—двѣ сказки, доставившія мнѣ наибольшую радость: въ нихъ нашли утѣшеніе многія убитыя горемъ матери“. И у датскаго поэта не мало такихъ сказокъ, которыя могутъ доставить не одно только наслажденіе, но и истинное утѣшеніе взрослымъ и серьезнымъ людямъ, постигнутымъ несчастьемъ и горемъ. Къ числу такихъ сказокъ, въ которыхъ авторъ вступается за „униженныхъ и оскорбленныхъ,—а дѣлаетъ онъ это очень часто,—принадлежитъ *Пропащая*. Мы на нее обращаемъ особенное вниманіе лишь потому, что „выросла она,—говоритъ Андерсенъ,—изъ нѣсколькихъ словъ, слышанныхъ мною въ дѣтствѣ отъ матери“. Кроткія, истинно-гуманныя слова матери сдержали готовое вырваться у ребенка осужденіе ближняго и, какъ доброе сѣмя, глубоко запали въ сознаніе талантливаго мальчика, принесли въ свое время благороднѣйшій плодъ, превратились въ высоко-нравственное поученіе для малыхъ и для старыхъ: „Какъ часто и легко осуждаютъ люди ближняго, тогда какъ стоитъ отнестись къ нему мягче, и все дѣло принимаетъ совершенно иную окраску“. Такъ заключаетъ Андерсенъ свой разсказъ о возникновеніи сказочки *Пропащая*. И мы, съ своей стороны, скажемъ: стоитъ родителямъ и воспитателямъ относиться мягче и человѣчнѣе къ слабостямъ и порокамъ ближнихъ, и дѣти станутъ добрѣе и лучше, правда и нравственность отъ того не

пострадаютъ, а жестокостей и человѣконенавистничества будетъ меньше. Дѣтямъ и подросткамъ хорошо и полезно читать произведенія Андерсена, а родителямъ и воспитателямъ еще полезнѣе ихъ читать, въ нихъ вчитываться и вдумываться. Часть его произведеній—для дѣтей, часть—для подростковъ, всѣ же они полностью—для воспитателей, желающихъ дѣльно и честно исполнить свой долгъ относительно молодыхъ поколѣній. Андерсенъ писалъ чудеснымъ, совсѣмъ своеобразнымъ языкомъ, необыкновенно простымъ и легкимъ, художественнымъ въ своей простотѣ и совершенно доступнымъ пониманію читателей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ ступеней развитія. И надо отдать полную справедливость переводчикамъ,—съ своею далеко не легкою задачей они справились какъ нельзя лучше, и не просто перевели только Андерсена на русскій языкъ, а воспроизвели его для русскихъ читателей, сохранивши характерныя особенности его генія. Съ большимъ нетерпѣніемъ ждемъ окончанія этого прекраснаго изданія и, признаемся, не безъ нѣкотораго опасенія ожидаемъ стихотворныхъ переводовъ стихотвореній славнаго поэта.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Достоевскій и Писемскій". *А. Кирпичникова.*—„Бальзакъ". *Ип. Тэна.*—„Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи". *Н. Карѣева.*—„Отчетъ училищнаго врача". *Н. Михайлова.* — „Отчетъ первыхъ московскихъ яслей за 1893 годъ". — „Памяти *Русалки*".

Достоевскій и Писемскій. Опытъ сравнительной характеристики. А. Кирпичникова. (Двѣ публичныя лекціи). Одесса, 1894 г. **Ц. 70 к.** Познакомить общество съ мотивами и характеромъ творчества, равно какъ и съ личностями двухъ крупныхъ писателей, близкихъ намъ по времени, такова задача автора. Сдѣлать это въ объемѣ двухъ лекцій, пожалуй, и трудно, въ виду этого, быть можетъ, къ труду г. Кирпичникова нельзя предъявить строгихъ требованій. Въ предѣлахъ данныхъ условій, лекціи эти для средней руки аудиторіи даютъ достаточное знакомство съ личностью и литературною дѣятельностью Писемскаго и Достоевскаго. Но съ нѣкоторыми положеніями и взглядами г. Кирпичникова мы позволяемъ себѣ не согласиться. Начнемъ съ Писемскаго, въ нѣкоторомъ пренебреженіи къ которому авторъ, какъ, будто упрекаетъ русское общество. Быть можетъ, изъ этого желанія поднять въ глазахъ общества забытаго писателя ему приписываются заслуги, которыя можно оспаривать. Авторъ, напримѣръ, считаетъ Писемскаго большимъ знатокомъ народной жизни и жалѣетъ, что для своихъ художественныхъ произведеній онъ не предпочелъ ее жизни интеллигенціи. Что рѣчь мужиковъ Писемскаго превосходна, что „мужицкіе характеры отличаются почти монументальною законченностью и выразительностью", съ этимъ мы согласны, но критика давно уже и справедливо замѣтила, что реальность разсказовъ Писемскаго изъ народной жизни—только внѣшняя, что имъ недостаетъ внутренней жизненности, и произведенія эти мало дадутъ читателю для знакомства съ народною жизнью. Кромѣ того, въ произведеніяхъ этихъ почти отсутствуетъ протестъ противъ крѣпостного права, и г. Кирпичниковъ преувеличиваетъ въ этомъ случаѣ значеніе *Горькой судьбины*, ставя ее на ряду съ *Записками охотника* Тургенева. По адресу послѣдняго, между прочимъ, посылается рeза-

служенный упрекъ. По поводу неудачи, постигшей *Взбаломученное море* Писемскаго, читаемъ: „А Писемскій былъ не изъ тѣхъ пророковъ, которые могутъ удалиться въ пустыню и бесѣдовать съ небесными звѣздами, и онъ не имѣлъ возможности, какъ Тургеневъ, отрясти отъ ногъ прахъ неблагодарнаго отечества и уѣхать за границу". Кто знаетъ отношеніе къ Россіи Тургенева, тому покажется странной такая фраза.

Въ характеристикѣ Достоевскаго мы отмѣтимъ, прежде всего, невѣрное на нашъ взглядъ положеніе, будто въ міросозерцаніи Достоевскаго не происходило никакихъ перемѣнъ, будто онъ „каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку"; да и вообще роста и развитія міросозерцанія писателя мы не находимъ въ очеркѣ; пропущено даже совершенно участіе Достоевскаго въ дѣлѣ петрашевцевъ.

Затѣмъ г. Кирпичниковъ напрасно ставитъ въ заслугу Достоевскому то, что составляетъ признанную слабую сторону этого писателя,—это именно проповѣдь народности съ ея туманностью и мистицизмомъ, которую меньше всего можно поставить въ заслугу Достоевскому.

Мы готовы были бы закончить этимъ нашъ отзывъ, если бы не еще одно мѣсто въ книгѣ, которое невольно останавливаетъ вниманіе. Говоря о значеніи *Горькой судьбины* Писемскаго, почтенный профессоръ, мирно и спокойно развивающій свои взгляды, какъ и подобаетъ профессору, неожиданно разражается негодующею тирадой: „Только тенденціозное невѣжество могло думать, что образованные представители правящаго класса въ Россіи были когда-нибудь довольны варварствомъ крѣпостныхъ порядковъ. Слезы императрицы Екатерины, въ спорѣ съ Сумароковымъ, очень краснорѣчивое доказательство того, какъ тяжело было покоряться этой горькой необходимости. Суровыя мѣры противъ потрясателей этой основы объясняются именно сознаніемъ ея непригодности и антипатичности въ принципѣ; извѣстно, что люди больше всего раздражаются тогда, когда ихъ упрекаютъ въ недостаткѣ, ими вполнѣ и съ болью сердца сознаваемомъ. Не рѣшаясь устранить вѣковое зло, правительство возлагало всѣ надежды на русское благодушіе, обусловленное отсутствіемъ побѣдителей и побѣжденныхъ", и т. д. Странное впечатлѣніе испытываешь, читая эти строки: точно говоритъ это какой-нибудь благодушный „пѣвецъ Екатерины", а не современный профессоръ.

Бальзакъ. Этюдъ Ипполита Тэна. (Европ. библіотека). Перев. С. Шкляверa. Спб., 1894 г. Ц. 30 к. Критическій талантъ Тэна слишкомъ извѣстенъ, чтобы говорить здѣсь о немъ; можно лишь сказать, что въ этюдахъ, подобныхъ настоящему, талантъ этотъ выказывается съ особеннымъ блескомъ и силой. Бальзакъ—крупная, рѣзкая фигура и даетъ обширное поле для всесторонняго художественнаго анализа. Начавъ съ мастерской характеристики личности Бальзака, его здоровой и чувственной натуры, Тэнъ подвергаетъ далѣе анализу его умъ, сильный умъ наблюдателя-философа, и его богатый и сильный слогъ. Но особенно интересны тѣ страницы этюда, гдѣ дается характеристика міра, героевъ и всего міросозерцанія автора *Человѣческой комедіи*. Свой этюдъ Тэнъ заключаетъ слѣдующими словами: „Вмѣстѣ съ Шекспиромъ и Сенъ-Симономъ Бальзакъ представляетъ собою величайшее собраніе документовъ о человѣческой природѣ".

Намъ остается еще прибавить, что эта интересная книжка очень изящно издана, снабжена портретомъ Бальзака и стоитъ недорого. Переводъ также недуренъ.

Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Н. Карѣева. Изд. 2-е. Быстрый успѣхъ этой симпатичной книжки является добрымъ показателемъ стремленій, существующихъ въ учащейся молодежи. Проф. Карѣевъ говоритъ въ предисловіи ко второму (безъ перемѣнъ) изданію, что успѣхъ перваго изданія и письма, съ которыми къ нему обратились по поводу его книжки, заставляютъ его „приняться за дальнѣйшую работу надъ тою же темой съ цѣлью болѣе подробнаго развитія нѣкоторыхъ высказанныхъ въ этой книжкѣ мыслей и болѣе обстоятельныхъ указаній на то, какіе вопросы—философскіе и научные—должны быть выдвинуты на первый планъ въ дѣлѣ выработки міросозерцанія путемъ соотвѣтственнаго чтенія".

Доходъ съ новаго изданія опять поступаетъ въ кассу общества вспомоществованія студентамъ Петербургскаго университета.

Отчетъ училищнаго врача Н. Ф. Михайлова за 1893 учебн. годъ. Отчетъ посвященъ обзору дѣятельности автора, какъ училищнаго врача и какъ лица, производившаго регистрацію и общую сводку по школьно-санитарному дѣлу. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь можно найти не мало интересныхъ данныхъ объ устройствѣ и порядкахъ московскихъ городскихъ училищъ, о физическомъ развитіи дѣтей и количествѣ заболѣваній въ школахъ. Путемъ всесторонняго изслѣдованія дѣтей авторъ старается опредѣлить количество такъ называемыхъ „школьныхъ разстройствъ" и заболѣваній, зависящихъ отъ домашней неудовлетворительной обстановки. Особенное вниманіе обращено было имъ на количество свѣта въ школахъ и глазныя болѣзни. Въ этой части отчета содержатся любопытныя свѣдѣнія, снабженныя цифрами.

Отчетъ первыхъ московскихъ яслей за 1893 годъ. Цѣна 20 к. Изданіе продается въ пользу яслей, учрежденныхъ два года тому назадъ по мысли прот. Смирнова-Платонова и М. Н. Смирновой. Устройство яслей впервые осуществилось на Западѣ, во Франціи, гдѣ имъ обозначалось благотворительное учрежденіе для дневного присутствія малолѣтнихъ дѣтей не старше трехлѣтняго возраста. Широкая распространенность подобнаго рода благотворительности на Западѣ, несомнѣнно громадная польза, приносимая ими, и необходимость присмотра и ухода за малолѣтними дѣтьми обоего пола бѣдныхъ жителей и, преимущественно, рабочаго класса, въ то время, когда родители ихъ заняты поденною работой,—все это заставляетъ желать развитія яслей не только въ столичныхъ городахъ, но и повсемѣстно, въ особенности въ фабричныхъ районахъ и деревняхъ во время лѣтнихъ мѣсяцевъ. Настоящій отчетъ даетъ весьма утѣшительныя цифры о дѣятельности яслей, гдѣ количество дѣтей, посѣщавшихъ ясли, доходило до 38, причемъ нѣкоторыя матери приносили даже по два ребенка. Въ общемъ число посѣщеній было 2,962; изи нихъ наибольшая сумма приходится на сентябрь, октябрь и ноябрь мѣсяцы. Сравнивая результаты первой попытки московскихъ яслей съ парижскими и англійскими, нельзя не видѣть, что и наше рабочее населеніе вполнѣ цѣнитъ пользу яслей — чувствуетъ въ нихъ потребность. Въ брошюрѣ подробно изложенъ методъ веденія дѣла, медицинскій надзоръ за здоровьемъ дѣтей, приложены отчеты расходовъ, списокъ жертвователей на устройство яслей и, наконецъ, уставъ. Такимъ образомъ, эта небольшая книжка можетъ служить примѣрнымъ руководствомъ къ устройству подобнаго рода учрежденій. Нельзя не пожелать широкаго распространенія отчету.

Памяти „Русалки". Сборникъ статей профессоровъ Казанскаго университета, подъ редакц. Н. Ѳ. Высоцкаго. 1894 г. При изданіи

сборника имѣлось въ виду обратить вырученныя отъ продажи суммы на пользу семействъ моряковъ, погибшихъ при крушеніи *Русалки*, но, въ виду послѣдовавшаго высочайшаго повелѣнія о прекращеніи сбора пожертвованій, во время печатанія сборника рѣшено было распредѣлить выручку частью въ пользу общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ Казанскаго университета, частью на устройство церковно-приходской школы въ одной изъ деревень, на школу въ Казани и на увеличеніе капитала памяти геометра Лобачевскаго. Въ виду изложенныхъ цѣлей нельзя не пожелать успѣха изданію, не отличающемуся, впрочемъ, какими-нибудь особыми достоинствами. Наиболѣе интересными изъ помѣщенныхъ статей является очеркъ Н. П. Загоскина, рисующаго страничку изъ жизни Казанскаго университета временъ Магницкаго, извѣстнаго гасителя просвѣщенія, который считалъ по „непреложной справедливости и по всей строгости правъ“ университетъ „подлежащимъ уничтоженію“. „Уничтоженіе сіе можетъ быть двухъ родовъ: во-первыхъ, въ видѣ пріостановленія университета, во-вторыхъ, въ видѣ *публичнаго его разрушенія*“,—писалъ въ отчетѣ своей ревизіи университета будущій его попечитель. Дѣло до этого, къ счастію, не дошло. Мнѣніе новаго Герострата встрѣтило въ главномъ управленіи училищъ сильный отпоръ со стороны попечителя Петербургскаго учебнаго округа С. Уварова, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Магницкій былъ поставленъ во главѣ учебной части Казанскаго округа. Вотъ съ тяжелымъ пятилѣтіемъ изъ начальной жизни Казанскаго университета и знакомитъ насъ авторъ. Приступивъ къ „обновленію“ университета, Магницкій съ перваго же раза уволилъ одиннадцать профессоровъ, признанныхъ имъ неблагонадежными. Кромѣ того, онъ наложилъ руки на библіотеку, которая если и не была имъ сожжена (подобнаго рода постановленіе было сдѣлано для библіотеки казанской гимназіи), за то порверглась старательному очищенію. Студентовъ Магницкій отдавалъ за провинности собственною властью въ солдаты, профессорская корпорація играла роль лакеевъ. Но среди лицемѣровъ и ханжей, среди темныхъ картинъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, историкъ его (черезъ одиннадцать лѣтъ Казанскій университетъ будетъ праздновать столѣтіе своего существованія) отмѣтитъ не мало и свѣтлыхъ фактовъ, которые показываютъ, что университетъ не оставался чуждымъ работѣ русской научной и общественной мысли, но принималъ въ этой работѣ живое участіе. Двумъ изъ симпатичныхъ дѣятелей университета, Броннеру и Лобачевскому, посвящена статья А. Васильева.

Кромѣ того, въ сборникѣ слѣдуетъ отмѣтить попытку проф. Шершеневича дать юридическую конструкцію общиннаго землевладѣнія (до сихъ поръ въ русской литературѣ оно разсматривалось только съ экономической точки зрѣнія), интересный очеркъ Д. Корсакова о Сергіи Радонежскомъ и статью А. Смирнова объ эстетическомъ значеніи формы въ произведеніяхъ природы и искусства. Въ сборникѣ принимаютъ участіе проф. Н. Высоцкій, Даркшевичъ, Александровъ и Сорокинъ.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Пиръ“ *Платона*.—„Долго ли помнятъ грамоту крестьяне, прошедшіе начальную народную школу?“

Пиръ. Философская поэма любви. Опытъ поэтическаго изложенія Платона, Александра Нечаева. Изданіе второе. Спб., 1894 г. ¼. **10 к.** Хотя г. Нечаевъ въ предисловіи къ своей книжкѣ высказы-

ваетъ мнѣніе, будто *Пиръ* Платона „походитъ скорѣе на блестящій романъ, чѣмъ на ученый трактатъ", однако, онъ ничѣмъ не доказываетъ такого мнѣнія, и изъ того же предисловія нельзя понять, что же общаго имѣетъ означенное произведеніе именно съ романомъ? Мнѣніе г. Нечаева странно тѣмъ болѣе, что самъ же онъ на обложкѣ называетъ *Пиръ* „философскою поэмой", а пересказывая его въ стихотворной формѣ, считаетъ нужнымъ сократить слишкомъ большой его объемъ; подобное сокращеніе едва ли умѣстно для романа, въ которомъ всякая подробность имѣетъ обыкновенно нѣкоторое значеніе. Далѣе, неизвѣстно, для кого предназначаетъ переводчикъ свою книжку; объ этомъ онъ совершенно умалчиваетъ въ предисловіи, и если у него есть читатели, такъ какъ книжка выпущена вторымъ изданіемъ, то всего вѣроятнѣе это объясняется заманчивымъ заголовкомъ.

Самая книжка не лишена многихъ недостатковъ. Собравшись у молодого трагика Агатона, одержавшаго побѣду на литературномъ состязаніи, ораторы слишкомъ однообразно даютъ различные отвѣты на одинъ общій вопросъ: что такое любовь? Софистъ Федръ, врачъ Эриксимахъ, комикъ Аристофанъ и трагикъ Агатонъ должны были бы очень отличаться другъ отъ друга по манерѣ выражаться, а, между тѣмъ, всѣ они говорятъ совершенно однимъ и тѣмъ же тономъ и языкомъ. Еще всего болѣе удался г. Нечаеву Сократъ, рѣчью котораго заканчивается произведеніе Платона, потому что и выборъ словъ, и построенія въ этой рѣчи довольно характерны. Что касается стиха, которымъ переведенъ *Пиръ*, то и стихъ этотъ не блещетъ достоинствами: весьма часто встрѣчаются невѣрныя ударенія, прибавленія, затягивающія разсказъ и введенныя для соблюденія риѳмы, неясности и проч. Обращикомъ всего этого могутъ служить слѣдующія двѣ строчки:

„И благоразумье безсильно передъ нимъ,
Онъ (Эротъ) тоже разуменъ и непобѣдимъ!" (стр. 13).

Долго ли помнятъ грамоту крестьяне, прошедшіе начальную народную школу, читаютъ ли они по выходѣ изъ школы, и что по преимуществу, гдѣ берутъ книги? Воронежъ, 1894 г. Таковы вопросы, которыми задался нижне-дѣвицкій уѣздный училищный совѣтъ и разслѣдованіе которыхъ было поручено особой коммиссіи. Результаты работы этой коммиссіи очень не безъинтересны. Коммиссіей было предпринято испытаніе по всѣмъ предметамъ обученія лицъ, перебывавшихъ въ земской школѣ, за 18-ти лѣтній промежутокъ съ 1875 г. Прежде всего, важно констатировать тотъ фактъ, что ни одного человѣка, разучившагося читать или писать, не оказалось. Мало того, большинство подвергавшихся испытанію читаетъ лучше прежняго: „чтеніе ихъ становится болѣе выразительнымъ и осмысленнымъ". Точно также не забывается и письмо, и если бывшіе ученики въ общемъ слабѣе въ орѳографіи и каллиграфіи, „за то болѣе осмысливаютъ свое письмо". Вполнѣ удовлетворительны были знанія по Закону Божію. Знанія по ариѳметикѣ оказались наилучшими противъ всѣхъ другихъ предметовъ. Что касается чтенія книгъ, то здѣсь, кромѣ засвидѣтельствованнаго факта охоты къ чтенію, интересно еще отмѣтить, что 50% книгъ было куплено, остальныя брались для прочтенія въ училищѣ, священника, у товарищей.

Въ концѣ книги, состоящей, главнымъ образомъ, изъ цифровыхъ таблицъ, приложено нѣсколько десятковъ болѣе или менѣе характерныхъ письменныхъ отвѣтовъ подвергавшихся испытанію. Между ними

не мало интересныхъ, вродѣ, напримѣръ, слѣдующаго: „Зимою я кормъ давалъ скотинѣ, а ночи читалъ книги, которыя бралъ изъ училища. Нравятся мнѣ очень книги хлѣбопашечныя, лѣсоводныя и вообще всякія“. Есть и сурово-лаконичные отвѣты, напримѣръ: „Проживаю свой вѣкъ въ работникахъ, а читать или писать мнѣ некогда,—мнѣ нужно зарабатывать хлѣбъ“.

БІОГРАФІИ И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Жизнь замѣчательныхъ людей“. *Изд. Ф. Павленкова.*—„Повѣсти Сервантеса“. *Л. Ю. Шепелевича.*—„Georgian Folk Tales“, *by Marjory Wardrop.*

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біограф. библ. Павленкова. Ж.-Ж. Руссо. Южакова.—Ж.-Зандъ. Анненской.—Кондорсе. Литвиновой.—Мильтонъ. Е. Соловьева. Цѣна каждому выпуску 25 к. Всѣ четыре біографіи можно признать вполнѣ удовлетворительными, а первыя двѣ даже очень интересными. Г. Южаковъ прекрасно очертилъ личность Руссо и съумѣлъ хорошо отмѣтить его громадное значеніе, хотя рамки работы не позволили автору войти въ разсмотрѣніе произведеній этого великаго человѣка. Не менѣе удачно, очень тепло и занимательно написана г-жей Анненской біографія Ж.-Зандъ; автора можно лишь упрекнуть въ томъ, что въ очеркѣ мало отведено мѣста характеристикѣ литературной физіономіи Ж.-Зандъ; можно было бы яснѣе показать мѣсто и значеніе ея въ исторіи новой литературы, а равно отмѣтить значеніе этой писательницы въ исторіи вопроса о женской эмансипаціи, который впервые является въ ея произведеніяхъ. Добросовѣстно составлена біографія Мильтона, причемъ авторъ сдѣлалъ очень умѣстно, посвятивъ цѣлую главу разбору *Потеряннаго рая*. Такъ же добросовѣстно написана, хотя менѣе интересна біографія Кондорсе; очерку этому недостаетъ живости въ изложеніи и яркости въ характеристикѣ этой замѣчательной личности, посившей на себѣ типическія черты своей эпохи.

Тоже. И. С. Тургеневъ. Е. Соловьева.—Карамзинъ. Е. Соловьева.—Жуковскій. Огаркова.—С. М. Соловьевъ. Безобразова. Особеннаго вниманія заслуживаетъ первый критико-біографическій очеркъ. Интересно и живо разсказывая о личной жизни Тургенева, авторъ попутно даетъ сжатую, но мѣткую характеристику какъ интересныхъ эпохъ русской жизни, напримѣръ, 40-хъ и 50-хъ гг., такъ и извѣстныхъ литературно-общественныхъ направленій, именно западничества и славянофильства; при этомъ удѣляется видное мѣсто личности Бѣлинскаго. Умѣлая оцѣнка личнаго характера и литературной дѣятельности Тургенева, занимательное и легкое изложеніе обѣщаютъ книжкѣ успѣхъ. Значительный интересъ представляетъ также біографія С. М. Соловьева уже потому, что это, если не ошибаемся, чуть ли не первый опытъ біографіи нашего извѣстнаго историка. Скромный ученый, оставившій такое крупное наслѣдіе русской исторической наукѣ, какъ бу то забытъ у насъ, о немъ мало говорятъ, мало пишутъ. Кромѣ оч рка небогатой внѣшними событіями личной жизни Соловьева, г. Безо разовъ даетъ обстоятельную оцѣнку *Исторіи Россіи съ древнихъ вр менъ*, а также его сочиненій по философіи исторіи.

Вполнѣ удовлетворяютъ своимъ задачамъ и два остальные очерка, пр чемъ очеркъ г. Соловьева отличается большими литературными дост инствами. Средній читатель, вынесшій изъ нашихъ учебниковъ сло-

весности лишь тоскливое впечатлѣніе о Карамзинѣ и Жуковскомъ, найдетъ здѣсь знакомство съ извѣстною эпохой и живую, чуждую рутины, оцѣнку этихъ писателей. Въ очеркѣ г. Соловьева есть любопытныя страницы по исторіи русской журналистики и характеристика русской исторической науки до Карамзина.

Повѣсти Сервантеса. Л. Ю. Шепелевича. Харьковъ, 1893 г. Сервантесъ почти исключительно извѣстенъ русской публикѣ, какъ авторъ *Донъ-Кихота*. Только изъ лекцій и общихъ трудовъ по исторіи всеобщей литературы да случайныхъ переводовъ, потонувшихъ въ нашей старой журналистикѣ, отдѣльныя лица могли почерпнуть нѣкоторыя поверхностныя свѣдѣнія и объ его другихъ произведеніяхъ. Г. Шепелевичу пришла благая мысль познакомить русскую читающую публику съ повѣстями „великаго кастильца". Въ настоящей брошюрѣ онъ знакомитъ насъ вкратцѣ съ литературнымъ значеніемъ, характеромъ и содержаніемъ повѣстей: она является какъ бы предисловіемъ къ переводамъ отдѣльныхъ повѣстей. Жаль, что г. Шепелевичъ выпускаетъ ихъ отдѣльными маленькими брошюрками съ довольно значительными промежутками: для читателя удобнѣе было бы получить ихъ собранными въ одну книгу,—впечатлѣніе не разбивалось бы, да и сама публика обратила бы большее вниманіе на цѣльный трудъ, чѣмъ на „membra disjecta", тонущія въ массѣ ежегодно издаваемыхъ книгъ.

Georgian Folk Tales, translated by Marjory Wardrop. Published by David Nutt in the Strand. London, 1894. Въ Англіи въ послѣднее время заинтересовались грузинскою исторіей и литературой. Начало знакомства англичанъ съ грузинскою литературой было положено переводомъ проповѣдей Кутаисскаго епископа Гавріила, а въ 1888 г. появилась обстоятельная книга Оливера Уордропа подъ заглавіемъ: *The Kingdom of Georgia. Notes of Travel in a Land of Women, Wine and Song*. Она заключаетъ въ себѣ историческій и литературный очерки съ хорошо подобранною библіографіей. Заинтересованная „чудною Грузіей съ ея красивыми обитателями", сестра названнаго Уордропа, г-жа Маржори Уордропъ, принялась за изученіе грузинскаго языка и, несмотря на его трудности, овладѣла имъ настолько, что перевела на англійскій языкъ грузинскія народныя сказки. Извѣстный антропологъ Эд. Сэйлоръ, которому переводчица посвящаетъ свой трудъ, одобрилъ предпріятіе г-жи Уордропъ и пожелалъ появленія въ печати этихъ любопытныхъ фольклористическихъ образцовъ. Такъ объясняетъ исторію перевода грузинскаго устнаго творчества на англійскій языкъ сама переводчица въ своемъ предисловіи къ сказкамъ. Грузія, говоритъ она далѣе, по своему географическому положенію между Востокомъ и Западомъ служила передаточною инстанціей волновавшихъ встарину умы человѣчества. Религіозныя и политическія сношенія съ Византіей и постоянныя столкновенія съ Персіей и Турціей способствовали усвоенію Грузіей чертъ, принадлежащихъ частью христіанству, частью же исламу, и здѣсь нужно искать отдѣльныя звенья въ длинной цѣпи историческихъ и литературныхъ изысканій.

Въ составъ перевода г-жи Уордропъ вошло 16 карталино-кахетинскихъ сказокъ, 8 мингрельскихъ и 14 гурійскихъ. Первыя заимствованы изъ книги Агніашвили, издавшаго *Грузинскія народныя сказки* (Тифлисъ, 1891), вторыя изъ *Мингрельскихъ этюдовъ* проф. Цагарели, третьи же изъ переведенныхъ на русскій языкъ сказокъ, собранныхъ г. Бебуромъ. Переводчица снабдила свою книгу примѣчаніями, нужными для пониманія отразившихся въ сказкахъ особенностей гру-

ской жизни, а иногда даетъ и параллели изъ произведеній другихъ народовъ. Книга встрѣтила сочувствіе въ англійской печати и вызвала, между прочимъ, лестный отзывъ Морфиля, слависта и профессора Оксфордскаго университета (*The Academy*. August 4, 1894). Съ своей стороны прибавимъ, что переводъ сдѣланъ весьма удачно и во многихъ мѣстахъ художественно воспроизведенъ грузинскій оригиналъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Краткое изложеніе политической экономіи". *А. А. Карелина.*—„Общества потребителей". *И. Э. Озерова.*

Краткое изложеніе политической экономіи. А. А. Карелина. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1894 г., Въ книжкѣ г. Карелина есть одна хорошая и одна слабая, одна полезная и одна вредная сторона. Первая—это фактическая часть книги, вторая—теоретическая. Г. Карелинъ задался хорошею мыслью дать популярное руководство по политической экономіи съ примѣрами, заимствованными изъ русской жизни (мысль эта уже отчасти осуществлена въ обширномъ и потому дорогомъ курсѣ г. Исаева). Но получилось вотъ что: примѣры онъ представилъ въ такомъ изобиліи, что они выдвинулись на первый планъ, заняли большую часть книги и заслонили собою теоретическія разсужденія. Книга пріобрѣла характеръ краткаго очерка русской экономической жизни. Съ этой точки зрѣнія она не лишена достоинствъ. Читатель найдетъ здѣсь почерпнутыя изъ вѣрныхъ источниковъ (а именно, изъ работъ гг. Фортунатова, Янжула, Эрисмана, Иванюкова, Вернера, Романова, Ходскаго, а также изъ нѣкоторыхъ газетъ) свѣдѣнія о русскихъ фабрикахъ и о положеніи на нихъ рабочихъ, о вспомогательныхъ кассахъ и сберегательныхъ обществахъ, о землевладѣніи крестьянскомъ и помѣщичьемъ, о батрачествѣ и объ арендѣ. Не претендуя на оригинальность, а также почти не обращаясь къ оффиціальнымъ и земскимъ изданіямъ, авторъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ добросовѣстно излагаетъ тѣ факты, которые онъ почерпнулъ изъ доступныхъ ему источниковъ. Для перваго ознакомленія съ перечисленными выше вопросами книжка г. Карелина можетъ служить довольно хорошо и потому ничего, кромѣ одобренія, мы не можемъ высказать автору за его фактическую, касающуюся Россіи часть. Совсѣмъ другое надо сказать о теоретическихъ главахъ *Краткаго изложенія политической экономіи*.

Теоретикъ г. Карелинъ плохой. Мы не требуемъ отъ популярной книжки никакой глубины и оригинальности, но мы вправѣ желать, чтобы она была написана толковымъ языкомъ, чтобы изложеніе было ясное и живое и чтобы авторъ не вводилъ своихъ читателей въ заблужденія и ошибки. Къ сожалѣнію, ни одному изъ этихъ требованій не отвѣчаетъ работа г. Карелина. Написана она дубовымъ, не русскимъ языкомъ, никакой живости или талантливости изложенія нѣтъ и въ поминѣ, а на придачу къ этому, на каждомъ шагу наталкиваешься на дурныя и даже прямо невѣрныя опредѣленія экономическихъ понятій. Чтобы не быть голословными, обратимся къ примѣрамъ. Вотъ на удачу взятый образецъ того языка, которымъ написана книга: „Каждая подгруппа категорій трудящагося населенія беретъ какой-нибудь опредѣленный подвигъ труда, наталкиваемая на него извѣстнымъ образомъ сложившейся жизнью" (стр. 9). Такимъ языкомъ пишетъ нашъ

популяризаторъ. „Подвигами“ и „подгруппами“ онъ безъ всякой надобности постоянно уснащаетъ свою рѣчь, имѣетъ неудобную для популярныхъ изданій наклонность къ подраздѣленіямъ и рубрикамъ и не только злоупотребляетъ существующими терминами, но еще вводитъ свои, весьма неудачные: „прибавочная стоимость“ обращается у него въ „сверхстоимость“, „квалифицированный трудъ“ въ „качественный“ (встрѣчается даже выраженіе „качественные“ и „самые качественные работники“), „товары обмѣниваются *эквивалентно*“, „работы отличаются *нездоровостью*“, „условія, которыя не обусловливаютъ“.

Опредѣленія г. Карелина оставляютъ желать очень многаго, а иногда заставляютъ желать, чтобы ихъ вовсе не было. Послѣднее желаніе удовлетворяется только однажды: удѣляя особую главу своимъ разсужденіямъ о капиталѣ, въ самомъ опредѣленіи этого понятія авторъ скромно довольствуется заявленіемъ, что капиталъ представляетъ собою или „сумму предметовъ, обращенную на производство“, или „своеобразное экономическое явленіе“. Въ остальныхъ случаяхъ авторъ уже не такъ скроменъ. „Своеобразность явленія“ его не останавливаетъ и онъ даетъ опредѣленія вродѣ слѣдущаго: „Дѣятельность труда (точно трудъ самъ по себѣ не есть дѣятельность), вспомоществуемая средствами производства, имѣющая своимъ основаніемъ источники сырыхъ матеріаловъ, называемыхъ производствомъ“ (стр. 25). А на слѣдующей страницѣ мы находимъ такое разграниченіе: „трудъ конкретный производитъ строго опредѣленные предметы“, а „трудъ абстрактный производитъ *просто предметы* (sic), не разсматриваемые нами со стороны ихъ индивидуальныхъ особенностей“. Разницу между мастерской и мануфактурой г. Карелинъ видитъ только въ томъ, что во второмъ случаѣ хозяинъ „посвящаетъ *все свое время* надзору за рабочими“, тогда какъ въ первомъ онъ работаетъ и самъ; прочный признакъ, нечего сказать! А вотъ еще, не угодно ли понять: ремесленниками и кустарями авторъ называетъ „независимыхъ рабочихъ“ и тотчасъ прибавляетъ (стр. 105), что „большая часть ремесленниковъ и кустарей являются *зависимыми* отъ капитала рабочими“.

Но какъ ни печальны приведенные образцы опредѣленій г. Карелина, съ ними бы еще можно было помириться, если бы въ книгѣ не было завѣдомыхъ ошибокъ, а то, вѣдь, авторъ, наприм., смѣшиваетъ интензивность труда съ его производительностью (стр. 6—7), капиталистическое производство считаетъ почему-то не товарнымъ (стр. 273), рабочую силу въ періодъ производства отождествляетъ съ капиталомъ (стр. 21), въ трудѣ квалифицированномъ предлагаетъ считать не только время, потраченное рабочими на обученіе, но даже „время ихъ учителей“ (ужь не считать ли также усилій, потраченныхъ ихъ матерями при родахъ?) и, наконецъ, обрушивается на ученіе Мальтуса, о которомъ имѣетъ, повидимому, самое слабое и вульгарное представленіе (стр. 59 и сл.). Слѣпо слѣдуя Марксу (включительно до отдѣльныхъ примѣровъ) въ разъясненіи основныхъ теоремъ политической экономіи, нашъ авторъ понимаетъ его такъ грубо и плохо, что на этотъ разъ мы уже совершенно рѣшительно отказываемся вводить въ разсчетъ „трудъ учителя“ и склонны думать, что онъ остался втунѣ. Ограничимся только однимъ примѣромъ, какъ г. Карелинъ понимаетъ поправку, сдѣланную Марксомъ въ трудовой теоріи Смита и Рикардо. „Доли труда, — заявляетъ онъ смѣло (стр. 28), — являются *результатомъ* опредѣленныхъ единицъ времени... Рабочій, трудящійся при помощи несовершенныхъ инструментовъ, *будетъ, разумѣется, трудиться*

дольше, чѣмъ рабочій, пользующійся лучшими орудіями (въ такой формѣ положеніе это, „разумѣется“, невѣрно), каждый изъ нихъ произведетъ *одинаковый* предметъ (ужь будто это необходимо, развѣ столъ и пшеница „предметы одинаковые“?). *Несмотря* на это (почему же несмотря?), продуктъ перваго будетъ, повидимому (?!), заключать въ себѣ большее количество единицъ времени, чѣмъ однокачественный продуктъ, произведенный вторымъ рабочимъ. Но это не такъ (каково!). Рабочее время, потраченное на производство перваго и второго продукта, *считается* одинаковымъ (зачѣмъ же „считать“ такой вздоръ?), такъ какъ *въ общемъ* никто не интересуется (неужто ужь такъ и никто?) индивидуальными особенностями рабочаго“. Нѣтъ, г. Карелинъ, такъ нельзя! Нельзя учить другихъ, не уяснивъ себѣ основныхъ положеній науки, нельзя излагать чужихъ ученій съ такимъ простодушнымъ непониманіемъ и такимъ варварскимъ языкомъ. Стоитъ ли послѣ этого говорить о многочисленныхъ ощущеніяхъ г. Карелина (отдѣлъ о народонаселеніи отсутствуетъ, потребленію удѣлена одна лишь страничка 307 и пр.), когда и то, что есть, заслуживало бы опущенія?

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ дать г. Карелину, писателю, кажется, еще начинающему, нашъ искренній совѣтъ. На случай, если бы *Краткое изложеніе политической экономіи* дожило до второго изданія, мы рекомендуемъ ему избавить книжку отъ всего теоретическаго балласта, измѣнивъ сообразно съ этимъ и самое ея заглавіе, а если бы, къ счастью для автора, книжка его осталась публикѣ неизвѣстной и провалялась въ складахъ издателя, тогда мы совѣтуемъ ему до поры до времени отказаться отъ печатнаго обсужденія общихъ вопросовъ и, вмѣсто того, чтобы выпускать „*краткія* изложенія“, самому, и, притомъ, основательно, ознакомиться съ главнѣйшими изъ существующихъ *пространныхъ* изложеній.

Общества потребителей. Историческій очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи и краткое руководство къ основанію и веденію потребительныхъ обществъ. Изд. с.-петерб. отдѣленія комитета о ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Составилъ И. Э. Озеровъ. 1894 г. Польза книги, написанной г. Озеровымъ (она редактирована проф. Янжуломъ, который предпослалъ ей нѣсколько замѣчаній въ предисловіи), не подлежитъ сомнѣнію. Несмотря на исконный общинный и артельный духъ, разнаго рода товарищества развиваются въ Россіи туго, а то и вовсе не идутъ. Кое-что въ разсужденіяхъ г. Озерова лишнее (доказательства, напримѣръ, того, что въ потребительныя товарищества на равныхъ правахъ должно привлекать женщину. Кто въ этомъ сомнѣвается?). Авторъ хорошо знакомъ не только съ литературой предмета, но и со многими русскими потребительными обществами. Въ приложеніи напечатаны указатель литературы, уставъ общества потребителей на Коломенскомъ машино-строительномъ заводѣ и программа вопросовъ для изслѣдованія потребительныхъ обществъ въ Россіи. Цѣна книги не обозначена.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Etude ethnographique et juridique sur la famille le mariage armeniens“, *par Agop Mégavorian.*

Etude ethnographique et juridique sur la famille et le mariage armeniens, précédée d'un aperçu historique par Agop Mégavorian, docteur en droit. Lausanne, 1894. Небольшое по объему изслѣдова-

ніе Мегаворіана является весьма любопытнымъ произведеніемъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи права. Авторъ справедливо отмѣчаетъ тотъ пробѣлъ въ изученіи права и законодательства азіатскихъ народовъ, который до сихъ поръ чувствуется въ европейской литературѣ. Общее равнодушное отношеніе постигло въ частности обычное и писанное право армянъ, если не считать двухъ-трехъ страницъ у французскихъ ученыхъ—Дареста и Летурно. Мегаворіанъ вноситъ въ эту скудную юридическую литературу свою лепту, принявъ на себя задачу представить этнографическій и юридическій очеркъ семейной общины у армянъ въ историческомъ ея развитіи.

Въ введеніи къ своей работѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ исторіи армянскаго права и вліяніе на него римскаго права. Онъ примыкаетъ къ мнѣнію В. Бастамьяна въ толкованіи, вопреки Инджиджіану, извѣстнаго мѣста изъ исторіи Моисея Хоренскаго касательно перваго царя изъ династіи аршакидовъ, который будто „установилъ законы и часы для аудіенціи, совѣтовъ, банкетовъ, увеселеній“ и пр. Толковать это мѣсто въ смыслѣ существованія писаннаго законодательства въ ту отдаленную эпоху Мегаворіанъ считаетъ „патріотическою попыткой, лишенною научныхъ аргументовъ. Исключительное господство *обычнаго* права въ древней Арменіи авторъ объясняетъ ея политическимъ устройствомъ (феодализація) и географическимъ ея положеніемъ (театръ военныхъ операцій персовъ, римлянъ, варваровъ съ сѣвера и арабовъ съ юга). Благодаря этимъ условіямъ, населеніе Арменіи раскололось на два класса: земледѣльцевъ и солдатъ, третьяго же сословія для созиданія искусства, литературы и права Арменія никогда не имѣла (L'Armenie n'eut jamais un tiers-état pour cultiver les beaux-arts, la litterature et le droit). Народъ,—заключаетъ авторъ,—который былъ постоянно податнымъ и питалъ тирановъ, будучи организованъ изъ солдатъ и земледѣльцевъ, не имѣлъ достаточнаго времени усовершенствовать свое право. Вотъ почему Арменія въ дни своего самостоятельнаго существованія не создала національнаго законодательства. Такимъ образомъ, приходится говорить лишь о компиляторахъ обычнаго права, и первымъ таковымъ является лишь въ концѣ XII вѣка духовное лицо—извѣстный Мхитаръ Гошъ.

Въ составъ труда Мхитара Гоша вошли армянскіе національные обычаи, каноны отцовъ церкви православной и армянской, законы Моисея и Восточной Римской имперіи. Весь названный матеріалъ собранъ безъ всякой системы и руководящей нити. Впослѣдствіи къ его кодексу присоединились работы другихъ авторовъ, которыя, по стилю, не могутъ быть ему приписаны; такъ, въ рукописномъ кодексѣ Мхитара вскрывается не принадлежащій ему переводъ сирійско-римскихъ законовъ. Предисловіе къ кодексу Гоша обличаетъ въ послѣднемъ, что онъ былъ человѣкъ ученый, притомъ, теологъ, но не юристъ. Силу обязательнаго законодательства его кодексъ впервые получилъ въ XI в., въ такъ называемой Киликійской Арменіи. Въ XVI в. сборникъ Гоша былъ принятъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ I для армянскихъ колоній въ Лембергѣ, Каменецѣ и другихъ городахъ. Въ XVIII в. грузинскій царь Вахтангъ VI внесъ кодексъ Мхитара въ свое уложеніе, имѣвшее силу еще по присоединеніи Грузіи къ Россіи. Въ армянскихъ законахъ Мегаворіанъ различаетъ слѣды вліянія римскаго права, восходящаго частью къ эпохѣ до Юстиніана, частью же послѣ обнародованія его Corpus'a. Вліяніе это объясняется тѣмъ, что армянскія провинціи управлялись византійскими магистратами. Сирій-

ско-римскіе же законы, заимствованные Мхитаромъ, представляли обычаи восточной Месопотаміи, болѣе или менѣе романизованной, которые были, судя по нѣкоторымъ особенностямъ текста, записаны по-гречески. Такимъ образомъ, Мегаворіанъ вмѣстѣ съ извѣстными юристами, Бруномъ и Сахау, отрицаетъ принадлежность этихъ сирійско-римскихъ законовъ кодексу Юстиніана, Льва Исаврійанина и Еклогѣ Константина Копронима. Эти сирійско-римскіе законы вошли также въ уложеніе грузинскаго царя Вахтанга VI подъ именемъ греческихъ законовъ.

Авторъ разбираемой книги въ отдѣлѣ о „семьѣ“ пытается по современнымъ переживаніямъ и отрывочнымъ, весьма скуднымъ указаніямъ историковъ представить древнюю армянскую общину, организованную *generation*, причемъ онъ настаиваетъ на экономическомъ происхожденіи этого патріархальнаго рода—gens'a. Устройство его авторъ рисуетъ въ извѣстныхъ намъ по изслѣдованіямъ родовой организаціи индо-европейскихъ народовъ: общность пахотной и пастбищной земли, сосѣдство, избирательный порядокъ правящихъ лицъ, воспрещеніе брака въ предѣлахъ рода, культъ очага и предковъ. Авторъ всегда предпосылаетъ спеціальному изложенію объ армянахъ небольшія справки о постановкѣ того или другого вопроса въ европейской литературѣ и сравниваетъ право армянъ съ обычаями грековъ, римлянъ, славянъ и кавказскихъ народовъ. Это сравнительно-историческое изслѣдованіе даетъ ему возможность по смутнымъ намекамъ въ пѣсняхъ и по символическимъ обрядамъ отмѣтить слѣды заключенія браковъ у армянъ по умыканію и куплѣ. Въ послѣдней главѣ авторъ останавливается на каноническихъ положеніяхъ заключенія браковъ и условіяхъ ихъ расторженія съ тѣми или другими послѣдствіями для обѣихъ сторонъ.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Краткій учебникъ желѣзно-дорожной телеграфіи“. — „Руководство къ химическому анализу винъ“. *Н. А. Ѳедоровскаго.* — „Изъ прошедшаго для пользы настоящаго“. *В. А. Панаева.*—„Годичный отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній“. — „Аналитическое и графико-аналитическое опредѣленіе разсчетныхъ моментовъ отъ подвижной системы грузовъ въ разрѣзныхъ балкахъ“ *И. Гонести.*

Краткій учебникъ желѣзно-дорожной телеграфіи (для начинающихъ изучать передачу и пріемъ депешъ на аппаратѣ Морзе). Харьковъ, 1893 г. Эта маленькая книжка содержитъ въ себѣ телеграфную азбуку, обозначеніе цифръ и знаковъ препинанія, разные служебные знаки, передачу и пріемъ депешъ, веденіе журналовъ и проч. Это просто краткое наставленіе къ телеграфированію. Собственно же телеграфіи здѣсь нѣтъ. Даже объ аппаратѣ Морзе не говорится ни одного слова. Для начинающихъ изучать телеграфную службу такая книжка, конечно, можетъ быть не безполезной.

Руководство къ химическому анализу винъ. Составилъ Н. А. Ѳедоровскій, съ 3 рисунками въ текстѣ. Изданіе Девріена. Спб., 1893 г. Ц. 50 к. Полный анализъ винъ представляетъ большія техническія трудности. Здѣсь необходимы спеціальные аппараты и довольно сложные пріемы, выполнимые только въ лабораторіи при участіи опытнаго и свѣдущаго химика.

Есть много книгъ и брошюръ, гдѣ можно найти свѣдѣнія, касающіяся анализа винъ. Книжка г. Ѳедоровскаго, заключая въ себѣ все,

наиболѣе существенное (и уже извѣстное химикамъ) по этому вопросу, пополнена нѣкоторыми новѣйшими данными. Очень жаль, что мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одного общедоступнаго руководства къ изслѣдованію винъ. Въ виду столь быстро развивающейся ихъ фальсификаціи, было бы весьма желательно имѣть простѣйшіе методы для быстраго распознаванія свойствъ вина. Это, какъ извѣстно, товаръ очень темный. Отличить натуральное вино отъ поддѣльнаго—дѣло довольно мудреное. Здѣсь нужны разныя пробы и даже цѣлое химическое изслѣдованіе. Чтобы сдѣлать распознаваніе вина доступнымъ для публики, необходимо выработать простые и скорые пріемы для обнаруженія фальсификаціи и затѣмъ изложить ихъ въ формѣ краткаго популярнаго руководства.

Задача эта, конечно, очень трудная, но, думается намъ, все-таки, разрѣшимая.

Изъ прошедшаго для пользы настоящаго. По поводу узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ и удешевленія ширококолейныхъ. В. А. Панаева. Спб., 1893 г. Ц. 50 к. Свое мнѣніе объ узкоколейныхъ дорогахъ авторъ вполнѣ опредѣленно выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „нельзя не радоваться тому, что идея о развитіи у насъ узкоколейныхъ дорогъ не пустила корней, такъ какъ развѣтвленіе этихъ дорогъ было бы большимъ бѣдствіемъ и разореніемъ для нашего отечества. Тѣ бѣдствія, какія породили бы узкоколейныя дороги, могли бы быть уничтожены только въ теченіе весьма продолжительнаго времени, при затратѣ вновь громадныхъ капиталовъ или на перестройку, или на постройку новыхъ дорогъ". Съ цифрами въ рукахъ авторъ опровергаетъ всѣ доводы, приводимые въ защиту этого типа желѣзныхъ дорогъ. Онъ утверждаетъ, что экономія здѣсь можетъ быть не болѣе 5—6 тыс. на версту. А, между тѣмъ, защитники узкой колеи говорятъ, что она обходится втрое дешевле. Если еще можно отстаивать узкую колею для подъѣздныхъ путей на 20—30 верстъ, то, напримѣръ, для сибирской дороги длиною въ 7,000 верстъ авторъ считаетъ ее крайне убыточной и предсказываетъ для нея въ недалекомъ будущемъ милліардныя потери. По его мнѣнію, удешевленія желѣзныхъ дорогъ можно достигнуть не узкою колеей, а тщательными изысканіями наиболѣе выгоднаго направленія, лучшимъ административнымъ строемъ, выборомъ болѣе дешевыхъ матеріаловъ, искусствомъ и находчивостью инженеровъ и т. п. Въ особенности же авторъ высказывается противъ крутыхъ уклоновъ.

Несмотря на явно полемическій характеръ брошюры, она читается съ интересомъ. Видимо хорошо знакомый съ практикой дѣла, авторъ всесторонне освѣщаетъ затронутый имъ вопросъ.

Годичный отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, за 1892 г. М., 1893 г. Для гг. педагоговъ будутъ не безъинтересны отчеты коммиссій по русскому языку, математикѣ, исторіи, естественнымъ наукамъ, физическому образованію и по устройству чтеній для учащихся. Въ отдѣлѣ за отчетный годъ числилось 235 членовъ и было 6 публичныхъ засѣданій, въ которыхъ обсуждалось 14 сообщеній по разнымъ педагогическимъ вопросамъ. Денежныя средства общества крайне скромны. За вычетомъ расходовъ осталось всего около 150 р. Еще скромнѣе библіотека съ 208 названіями и 76 требованіями на чтеніе.

Тѣмъ не менѣе, отдѣлъ продолжаетъ трудиться и несомнѣнно приноситъ посильную пользу разработкой педагогическихъ вопросовъ. Недостатокъ средствъ до нѣкоторой степени, конечно, съуживаетъ рамки его дѣятельности.

Аналитическое и графико-аналитическое опредѣленіе разсчетныхъ моментовъ отъ подвижной системы грузовъ въ разрѣзныхъ балкахъ. И. Гонести, инженера путей сообщенія. Спб., 1893 г. Въ этой брошюрѣ авторъ даетъ геометрическое рѣшеніе вопроса о наибольшемъ моментѣ отъ подвижныхъ грузовъ на пролетѣ балки. Полученныя геометрическимъ путемъ формулы онъ подвергаетъ извѣстнымъ преобразованіямъ, съ цѣлью привести вопросъ къ простому закону единичныхъ нагрузокъ, аналогичному такому же закону при опредѣленіи наибольшаго момента въ данномъ сѣченіи.

Этимъ достигается значительное упрощеніе вопроса, что очень важно для практическихъ примѣненій.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Сборникъ статей по сельскому хозяйству“.—„Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства въ 1892 г.“. *С. М. Богданова.* — „Результаты изслѣдованія засоренности четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ“.

Сборникъ статей по сельскому хозяйству. Изд. Имп. моск. общ. сел. хозяйства. Выпускъ I-й. М., 1894 г. Цѣна 1 р. Признаки оживленія, замѣчающагося въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства послѣ избранія новаго президента, отразились и на издательской дѣятельности общества. Помимо традиціонныхъ *Трудовъ* съ девизомъ *Ora et labora*, предпринимается новое изданіе *Сборника статей*. Первый выпускъ составленъ довольно разнообразно: въ немъ содержатся три переводныя статьи (съ англійскаго) и семь оригинальныхъ. Мысль объ ознакомленіи русской читающей публики съ англійскою сельскохозяйственною литературой заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія: мы слишкомъ много питаемся нѣмецкою прессой и мало приглядываемся къ тому, что дѣлается и печатается въ Англіи. Слѣдовало только переводную статью о сельско-хозяйственномъ образованіи дополнить хотя бы краткими примѣчаніями, относящимися къ задачамъ сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи: англійскій авторъ слишкомъ узко смотритъ на сельско-хозяйственное образованіе, относя къ нему только свѣдѣнія по почвовѣдѣнію, растеніеводству и животноводству. Однако, достойно вниманія, что здѣсь разумѣется не исключительно изученіе техническихъ пріемовъ: по словамъ автора, „сельско-хозяйственная статистика представляется настолько важною, что безъ всякихъ колебаній можетъ быть помѣщена въ первомъ разрядѣ требуемыхъ знаній“ (стр. 4).

Заслуживаетъ особой отмѣтки составленный г. Любанскимъ обзоръ пятилѣтней дѣятельности деребчинскаго опытнаго поля, устроеннаго въ имѣніи барона Мааса въ Подольской губерніи: дѣятельность опытнаго поля оказывается весьма разнообразною и можетъ помочь при устройствѣ однородныхъ учрежденій въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Кромѣ результата полевыхъ опытовъ, приведены анализы, исполненные въ лабораторіи, которая дѣйствуетъ при деребчинскихъ заводахъ.

Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства въ 1892 г. Составилъ С. М. Богдановъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 3 р. Научная агрономическая

литература разбросана по множеству изданій, преимущественно періодическихъ, относящихся къ разнообразнымъ спеціальнымъ знаніямъ, на которыхъ основывается агрономія. Въ виду такой разбросанности, агрономы нуждаются въ справочныхъ книгахъ, подобныхъ тому обзору, который теперь выпускается проф. С. М. Богдановымъ для литературы 1892 г. Напомнимъ, что такой же обзоръ подъ тѣмъ же руководствомъ былъ составленъ за 1891 годъ. При весьма солидномъ общемъ объемѣ, послѣдній обзоръ, подобно своему предшественнику, страдаетъ неравномѣрностью въ распредѣленіи отдѣльныхъ частей: изъ 466 страницъ 344, т.-е. приблизительно три четверти, отведены растеніеводству, 115 животноводству, только *три странички* (!) сельско-хозяйственной экономикѣ и 4 страницы особому списку новыхъ книгъ. Рефераты по сельско-хозяйственной экономикѣ ограничиваются изложеніемъ двухъ русскихъ и двухъ иностранныхъ статеекъ. Слѣдуетъ пожелать, чтобы дальнѣйшіе выпуски полезнаго кіевскаго изданія отнеслись съ большимъ вниманіемъ къ разростающейся литературѣ агрономическаго обществовѣдѣнія, или, если это очень затруднительно, ограничили бы заглавіе сельско-хозяйственною техникой. Если понимать подъ именемъ сельскаго хозяйства особую сложную науку, то изъ обзора успѣховъ такой науки нельзя исключить того движенія, которое представляетъ теоретическая мысль въ объясненіи общественной стороны сельско-хозяйственныхъ явленій.

Отдѣлъ растеніеводства составленъ весьма обстоятельно. Жаль, что отсутствіе алфавитнаго указателя затрудняетъ пользованіе обширнымъ матеріаломъ весьма полезнаго обзора.

Результаты изслѣдованія засоренности четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ. Изд. департамента торговли и мануфактуръ. Спб., 1894 г. Еще въ концѣ 1892 г. при министерствѣ финансовъ устроилось особое совѣщаніе по вопросу объ упорядоченіи хлѣбной торговли; однимъ изъ послѣдствій этого совѣщанія было предпринятое министерствомъ финансовъ изслѣдованіе засоренности главныхъ хлѣбовъ, вывезенныхъ въ 1893 г. за границу чрезъ важнѣйшія таможни. Анализъ генеральныхъ пробъ производился въ Петербургѣ подъ руководствомъ г. Козловскаго. Наиболѣе засореннымъ оказался хлѣбъ, вывозимый изъ Новороссійска; наименьшею засоренностью отличались хлѣба, вывезенные изъ Риги, Таганрога, Ревеля, Бердянска, Сосновицъ и Александрова. Минеральныхъ примѣсей сравнительно больше всего содержитъ либавскій хлѣбъ. Минеральными примѣсями засоренъ всего больше ячмень, потомъ овесъ, затѣмъ рожь и всего меньше пшеница. Кромѣ текста, новое изданіе, составленное въ хлѣботорговомъ отдѣленіи департамента торговли и мануфактуръ, заключаетъ въ себѣ подробныя таблицы относящихся къ степенямъ засоренности пшеницы, ржи, овса и ячменя и распродѣленныя по таможнямъ и срокамъ вывоза. Изданіе окажется полезнымъ пособіемъ для внимательнаго изученія условій хлѣбнаго вывоза, которому у насъ приносится столько жертвъ въ ущербъ потребленію хлѣба внутри страны.

МЕДИЦИНА.

„Къ вопросу о нормированіи пищевого довольствія для пріисковыхъ рабочихъ". *Проф. С. І. Залѣскаго.* — „Защита жизни и здоровья на фабрикахъ и заводахъ". *А. А. Пресса.*—„Уходъ за зубами и леченіе ихъ". *А. Лимберга.*—„Зубы и уходъ за ними". *Patteidt'a.*—„Сбереженіе зубовъ съ дѣтства до глубокой старости". *О. Фрейфельда.*

Къ вопросу о нормированіи пищевого довольствія для пріисковыхъ рабочихъ. Проф. С. І. Залѣскаго. Томскъ, 1894 г. Томскимъ обществомъ естествоиспытателей была избрана коммиссія для изученія и улучшенія быта пріисковыхъ рабочихъ; работы этой коммиссіи, въ выдержкѣ проф. Залѣскаго, и представляетъ настоящая брошюра. Какъ и можно было ожидать, выводы коммиссіи весьма неутѣшительны: пища рабочихъ неправильна, нецѣлесообразна, недостаточна вообще и, кромѣ того, крайне однообразна. Коммиссія указываетъ на нѣкоторые способы, которые при незначительныхъ затратахъ со стороны предпринимателя или даже безъ нихъ могли бы пополнить весьма существенные недостатки продовольствія. Созданный кѣмъ-то для утѣшенія гг. предпринимателей идеалъ рабочей силы: работникъ, работающій какъ волъ и довольствующійся горстью риса,—оказывается недосягаемою мечтой, какъ и всякій идеалъ; коммиссія, подчеркивая это обстоятельство, подтверждаетъ его мнѣніемъ такого авторитета по физіологіи питанія, какъ Фойтъ, называющаго этотъ идеалъ вздоромъ и бреднями, а всѣ разсказы объ индусахъ, китайцахъ, итальянцахъ, арабахъ пустыни и проч., довольствующихся горсточкой риса, маиса или финиковъ,—баснями; всѣ они ѣдятъ столько же, сколько и мы. Въ концѣ брошюры приведены двѣ нормы пищевого довольствія съ подробнымъ разсчетомъ стоимости суточнаго пайка, обходящагося въ обоихъ случаяхъ въ 9 коп.

Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. А. А. Пресса. Вып. 3. Спб., 1894 г. Изд. Риккера. Цѣна 1 р. 20 к. Въ настоящемъ выпускѣ авторъ описываетъ тѣ мѣропріятія, которыми можно воспользоваться въ видахъ предупрежденія профессіональныхъ заболѣваній при производствѣ стекла, зеркалъ, посуды, обработки костей, кожъ, при пивоваренія и винокуреніи. Въ концѣ книги приложены: обязательное постановленіе с.-петербургскаго столичнаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія и обязательныя постановленія владимірскаго губернскаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія. Говорить о значеніи и пользѣ настоящей книги едва ли представляется нужнымъ; тѣ лестные отзывы, которыми встрѣчены были первые выпуски ея, должны быть повторены и теперь. Необходимость различныхъ мѣропріятій, касающихся огражденія жизни и здоровья рабочихъ, такъ понятна, такъ очевидна, тѣмъ болѣе, что эти же самыя мѣропріятія мало того, что обезпечиваютъ рабочую силу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, приносятъ несомнѣнную пользу и самому производству, и самому производителю: въ нѣкоторыхъ случаяхъ продукты фабричной промышленности получаются при этомъ болѣе чистыми и, слѣдовательно, болѣе дорогими, въ другихъ же—получается возможность утилизировать тѣ отбросы, которые частью исчезаютъ совершенно безполезно изъ экономіи производства, частью же невольно поглощаются самими рабочими, укорачивая на нѣсколько лѣтъ продолжительность ихъ жизни. Книга читается легко, съ большимъ интересомъ, написана понятнымъ и не для техника языкомъ; нѣкоторые отдѣлы ея сопровождаются указаніями на иностранныя законоположе-

нія, обезпечивающія при извѣстномъ производствѣ здоровье рабочихъ, что представляетъ опять-таки весьма цѣнное достоинство книги.

Уходъ за зубами и леченіе ихъ. Необходимыя свѣдѣній для страдающихъ зубами, особенно для родителей. А. Лимберга. Изданіе с.-петербургскаго общества дантистовъ и врачей, занимающихся зубоврачеваніемъ. Спб., 1894 года. Ц. 50 к. — Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Parreidt'a. Пер. П. Майманъ. Изд. Іогансона. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.—Сбереженіе зубовъ съ дѣтства до глубокой старости. Я. О. Фрейфельда. Изд. Я. О. Фрейфельда. Харьковъ, 1894 г. Ц. 25 к. Изъ трехъ названныхъ книжекъ преимущество по полнотѣ содержанія и толковости изложенія надо отдать книжкѣ д-ра Лимберга, хотя и небольшая книжечка г. Фрейфельда, сравнительно очень дорогая по цѣнѣ, содержитъ не мало весьма цѣнныхъ указаній относительно ухода за зубами. Книжка г. Лимберга особенно богата содержаніемъ: необходимыя анатомическія свѣдѣнія о строеніи зубовъ, очень краткія, но совершенно достаточныя для популярной книги, изложены понятнымъ языкомъ; въ дальнѣйшемъ изложеніи говорится о порчѣ и костоѣдѣ зубовъ, разбираются вопросы, отчего болятъ зубы, отчего они портятся, какой вредъ приноситъ порча ихъ и проч. Затѣмъ слѣдуетъ гигіена зубовъ, причемъ уходъ за зубами раздѣленъ сообразно различнымъ возрастамъ; въ послѣднихъ главахъ описаны леченіе и извлеченіе зубовъ и уходъ за искусственными зубами. Тѣ предразсудки, которые распространены въ публикѣ по поводу различныхъ вопросовъ о зубахъ и ихъ болѣзняхъ, авторъ разбираетъ весьма обстоятельно и указываетъ на нелогичность и даже серьезный вредъ ихъ. Книга можетъ быть рекомендована не только для публики, но и для врачей, не посвятившихъ себя спеціально изученію зубныхъ болѣзней. Переводъ книги Parreidt'a ничѣмъ, кромѣ дурного языка, не выдѣляется.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Средній читатель изъ народа и книги для него.

Изданія А. Муриновой: А. Курочкинъ. Изъ жизни растеній. 1) Какъ питается растеніе. 15 к.—2) Кудрявскій. Какъ жили люди встарину. Очерки первобытной культуры. 30 к.—3) А. Быкова. Вильгельмъ Оранскій. Борьба Нидерландовъ за независимость и свободу вѣроисповѣданій. 20 к.—4) Ч. Вѣтринскій. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Очеркъ его жизни и отрывки изъ сочиненій. 15 к.—Е. Водовозова. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. I. Турки. II. Англичане, по 40 к. Въ частныхъ библіотекахъ, особенно тѣхъ, которыя расположены поближе къ окраинѣ города, нерѣдко приходится наблюдать слѣдующее явленіе. Приходятъ въ библіотеку фабричные рабочіе, солдаты, дворники, мастеровые и спрашиваютъ: можно ли тутъ читать и „дорого ли стоитъ читать"? Узнавши подписную цѣну, иные торгуются, а иные и просто жмутся и морщатся, особенно когда заходитъ рѣчь о залогѣ, тѣмъ не менѣе, все же подписываются и затѣмъ начинаютъ выбирать книги. Исторія эта длинная, очень медленная и для библіотекарей, сплошь и рядомъ, мучительная. Приходится доставать съ полокъ одну книгу за другой, томъ за томомъ, автора за авторомъ; книги тутъ же перелистываются, перебираются, сплошь и рядомъ бракуются, потому ли,

что „черточекъ (разговоровъ) въ ней мало“, потому ли, что „она изъ разныхъ словъ составлена“ (непонятно), потому ли, что говорится въ ней не о томъ, о чемъ хотѣлось бы. Присматриваясь къ этой пестрой и интересной толпѣ, вы, прежде всего, видите, что у этого люда, какъ бы тайкомъ урывающагося отъ трудовъ, уже имѣются къ книгѣ какіе-то запросы,—не тѣ запросы, которые характеризуютъ человѣка только что начавшаго думать и читать, а человѣка уже думавшаго, уже читавшаго. Этотъ слой читателей изъ народа сплошь и рядомъ минуетъ безплатную читальню съ ея куцымъ каталогомъ и, не боясь расходовъ, записывается въ частную библіотеку. Намъ извѣстны случаи, что такого рода читатели брали и основательно читали и дѣлали выписки изъ сочиненій Некрасова, Тургенева, Засодимскаго, Златовратскаго; помнится намъ одинъ солдатикъ, котораго *Исторія одного крестьянина* Эркмана Шатріана, навела на такія размышленія, какихъ онъ „самъ не ожидалъ“, „не думалъ, что это правда“. Извѣстны случаи, что эти читатели, начинавшіе съ Гоголя, затѣмъ читали Костомарова, Шашкова, Чупрова, Иванюкова. Нерѣдко они *сами* выбираютъ книги, бываютъ примѣры, что они *не желаютъ* брать рекомендованныхъ книгъ; они идутъ, какъ умѣютъ, но идутъ сами, за свой страхъ. И нужно видѣть, въ какое громадное количество труда и умственныхъ усилій обходится имъ это хожденіе. Для этого типа читателей, которые до средняго образованія не доросли, а изъ предѣла образованія низшаго вышли, для этихъ читателей книгъ научно-популярныхъ почти не существуетъ. *Этихъ* читателей книжки для народа не удовлетворяютъ; такія же книжки, какъ Тиндаль, Гартвигъ и т. п., далеко не вполнѣ понятны. И это не только по естествознанію, но и по другимъ наукамъ. Къ стыду русской интеллигенціи приходится намъ констатировать тотъ фактъ, что потребность въ научно-популярной книгѣ развивается быстрѣе, чѣмъ увеличивается число такихъ книгъ. До Тиндалей и Костомаровыхъ добираются лишь нѣкоторые, очень немногіе читатели изъ народа, читатели серьезные, вдумчивые, жаждущіе найти отвѣтъ на тѣ вопросы, которые имъ поставила жизнь. Больше же всего такихъ читателей, которые послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ теряютъ бодрость. Такой слой читателей, которые отъ научно-популярной литературы „для народа“ ушли, а до общей литературы не дошли,—слой очень многочисленный. Это не отдѣльныя единицы, это—масса, которая, можно сказать, увеличивается ежедневно притокомъ снизу. Объ этомъ читателѣ, получившемъ образованіе нѣсколько выше начальнаго, но гораздо ниже средняго, есть основаніе подумать. Для него необходимо создать научныя книжки еще болѣе популярныя, чѣмъ Тиндаль и т. п.; для него необходимо облегчить доступъ къ этимъ послѣднимъ. Сдѣлано въ этомъ направленіи еще очень немного. Къ этимъ попыткамъ относятся только что вышедшія изданія Е. Н. Водовозовой и А. М. Муриновой. Мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ остановимся на нихъ, что они дѣйствительно достойны вниманія.

Издательская фирма А. М. Муриновой появилась года три тому назадъ. До сего времени ею издано всего 15 книжечекъ, но, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ довольно опредѣленную физіономію и должна быть отнесена къ числу наиболѣе симпатичныхъ и дѣльныхъ издательскихъ „интеллигентныхъ“ фирмъ. Правда, она дѣйствуетъ медленно, по-кунктаторски, но выбираетъ матеріалъ для изданій разумно и основательно. Мы уже имѣли случай говорить о нѣкоторыхъ изданіяхъ А. М. Мури-

новой. Только что вышедшія производятъ еще болѣе благопріятное впечатлѣніе. Смѣшно сказать, до сего времени въ области народной литературы не было *ни одной* книжки по физіологіи растеній, если не считать довольно печальную книжонку г. Мещерскаго *Какъ изъ семячка вырастаетъ растеніе*. Г. Курочкинъ своею книжкой *Изъ жизни растеній* довольно удовлетворительно пополняетъ этотъ пробѣлъ,—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ замыслу. Авторъ задался цѣлью дать читателямъ общій очеркъ физіологіи растеній. Для этого требуются нѣкоторыя свѣдѣнія по физикѣ и химіи,—авторъ удѣляетъ не мало мѣста и имъ. Онъ разсказываетъ о воздухѣ и газахъ, о законѣ вѣчности вещества и, далѣе, о химическомъ составѣ растеній, о почвѣ, о физіологическомъ и анатомическомъ значеніи различныхъ частей растенія, о сѣмени, корнѣ, листѣ, стеблѣ. Книжка написана старательно и въ ней не замѣтно грубыхъ научныхъ ошибокъ. Видно, что авторъ можетъ быть хорошимъ популяризаторомъ, хотя въ книжкѣ и не мало популяризаторскихъ промаховъ, которые считаемъ полезнымъ указать ради будущихъ работъ. Главный промахъ состоитъ въ томъ, что авторъ даетъ слишкомъ много *новыхъ* для читателя понятій, не связавъ ихъ въ достаточной степени съ образами, и предполагаетъ, что достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобы читатель усвоилъ все сообщенное ему. Напримѣръ, на стр. 67, авторъ даетъ понятіе о теплотѣ слѣдующими словами: „Подобно звуку, теплота есть тоже сила, производящая невидимое движеніе". Еще хуже разъясняется на 6 стр., что тѣла состоятъ изъ мельчайшихъ невидимыхъ частицъ. Популяризаторъ долженъ не насиловать, а обогащать воображеніе читателя, развивать свою мысль безъ скачковъ, плавно, а, главное, не надѣяться двумя-тремя словами познакомить несвѣдущаго человѣка съ цѣлымъ строемъ новыхъ понятій. Этимъ недостаткомъ изложенія объясняется, что, по нашимъ наблюденіямъ, книжка г. Курочкина читалась рабочими не съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ и книга г. Тимирязева. Между тѣмъ, несомнѣнно, что авторъ имѣлъ въ виду написать нѣчто болѣе популярное. Вторую книжечку, изданную складомъ А. М. Муриновой, именно: *Какъ жили люди встарину* Д. Кудрявскаго, мы отмѣчаемъ съ удовольствіемъ уже потому, что это наиболѣе популярная книжка по первобытной культурѣ, такъ какъ *Разсказы про дикаго человѣка* г. Коропчевскаго нельзя назвать народною книгой по той ужасной цѣнѣ, какую назначилъ за нее издатель. Книжка Д. Кудрявскаго представляетъ связный очеркъ матеріальной, общественной и умственной жизни первобытнаго человѣка. Авторъ составлялъ свою книжку по хорошимъ источникамъ (Энгельсъ, Липпертъ, Зиберъ) и съумѣлъ выбрать изъ нихъ и оттѣнить въ своемъ изложеніи самое существенное. Въ первой главѣ („Матеріальная обстановка жизни первобытнаго человѣка") идетъ рѣчь о жилищѣ, пищѣ, орудіяхъ и оружіи первобытнаго человѣка, о добываніи огня, прирученіи животныхъ, о средствахъ передвиженія, объ одеждѣ и украшеніяхъ, объ обработкѣ земли, добываніи и обработкѣ металловъ, о происхожденіи торговли, объ опьяняющихъ веществахъ. Во второй главѣ идетъ рѣчь объ общественной жизни первобытнаго человѣка,—о происхожденіи семьи, общества, рабствѣ, о бракѣ, о родовомъ и общинномъ бытѣ, о происхожденіи начальниковъ и государства, собственности, денегъ, языка. Изъ предъидущаго видно, что книжка г. Кудрявскаго даетъ много матеріала, наводитъ на множество вопросовъ и вообще заслуживаетъ вниманія и по мысли, и по исполненію.

Къ сожалѣнію, изложеніе ея нѣсколько суховато,—авторъ больше

разсуждаетъ, чѣмъ описываетъ, онъ скупится на яркіе факты, не остерегается отвлеченностей, мало заботится объ оживленіи, драматизированіи своего сюжета, который самъ по себѣ столь грандіозенъ и драматиченъ. Языкъ книжки слишкомъ отвлеченный и сухой. Наприм., нерѣдко попадаются такія фразы, которыя для пониманія требуютъ отъ читателя значительной подготовки: „уже въ *первобытныя* времена мы находимъ у человѣка *зародыши* общественной жизни, которая разбивалась, мѣняя свои *формы* въ *зависимости* отъ того, какъ мѣнялись окружающія *условія*“ (стр. 6). Столько отвлеченныхъ словъ въ одной фразѣ. Въ общемъ весьма хорошая и полезная книжечка г. Кудрявскаго сильно проигрываетъ отъ такого тяжелаго языка. Въ этомъ отношеніи гораздо лучше книжка г-жи А. Быковой *Вильгельмъ Оранскій*, гдѣ рѣчь идетъ о борьбѣ нидерландовъ за независимость и свободу вѣроисповѣданій. Мы съ удовольствіемъ останавливаемъ вниманіе нашихъ читателей на этой книжкѣ,—единственной книжкѣ, доступной для широкаго круга читателей и рисующей величественный образъ Вильгельма Оранскаго,—борьбу за права, свободу личности и свободу совѣсти. Было бы весьма желательно, чтобы появлялось возможно больше такихъ книжекъ по всеобщей исторіи, которую нашъ народъ знаетъ еще меньше, чѣмъ свою. Книжка г-жи Быковой написана хорошимъ языкомъ, читается легко и съ большимъ интересомъ. Что касается книжки г. Вѣтринскаго, посвященной біографіи И. С. Тургенева, то она также заслуживаетъ вниманія и по замыслу, и по исполненію. Авторъ старается не только изложить біографію Тургенева, но оттѣнить по мѣрѣ возможности значеніе его въ общественной жизни и въ литературѣ. Авторъ беретъ ту сторону литературной и отчасти общественной дѣятельности Тургенева, которая посвящена была борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ. Уже по одному этому появленіе такой книжки нельзя не признать весьма желательнымъ. Можно только пожалѣть, что авторъ не воспользовался случаемъ и не изложилъ подробнѣе исторію паденія крѣпостного права, поскольку въ этомъ дѣлѣ принимала участіе литература, что онъ слишкомъ мало сказалъ о другихъ противникахъ крѣпостного права. По замыслу заслуживаетъ вниманія въ этой книжкѣ еще то, что авторъ посвятилъ въ ней болѣе 30 страницъ (изъ 127) изложенію содержанія нѣкоторыхъ большихъ произведеній Тургенева: *Рудинъ*, *Дворянское гнѣздо*, *Наканунѣ* и *Отцы и дѣти*. Здѣсь опять-таки можно пожалѣть, что содержаніе ихъ разсказано слишкомъ кратко. Еще не скоро то время, когда народъ увидитъ эти произведенія въ дешевыхъ изданіяхъ. Книжка г. Вѣтринскаго написа настолько простымъ языкомъ и настолько интересно, что будетъ доступна и тѣмъ читателямъ, для которыхъ предъидущія изданія г-жи Муриновой не совсѣмъ понятны. Было бы весьма желательно, чтобы почтенная фирма побольше издавала такихъ книжекъ. Безспорно, изданія по беллетристикѣ весьма полезны. Но еще полезнѣе изданіе книгъ научно-популярныхъ. Да и охотниковъ издавать такія книги не такъ ужь много.

Новыя изданія г-жи Водовозовой принадлежатъ къ числу тѣхъ книжекъ, которыя давно стали крайнею необходимостью въ народной библіотекѣ. Народная литература по географіи, можно сказать, возмутительно скудна, словно русскому читателю и не полагается ничего знать о томъ, какъ живутъ люди въ другихъ странахъ. Еще того хуже, есть такія, даже полу-оффиціальныя фирмы, которыя создаютъ такія книжки „по географіи“, какія наши сыновья и внуки, вѣроятно,

помѣстятъ не въ народную библіотеку, а въ музей рѣдкостей и чудовищъ. Такъ, наприм., въ одной книжкѣ, гдѣ идетъ рѣчь о „Франціи и французахъ“, народу повѣствуется, что Франція замѣчательна, главнымъ образомъ, слѣдующими вещами: Эйфелевой башней, Орлеанской дѣвой, устрицами и „умнымъ и добрымъ генераломъ Бонапартомъ“, который потому и уменъ и добръ, что „смирилъ“ кого слѣдуетъ. Это называется „книжка по географіи“! Такихъ книжекъ цѣлая серія, а другихъ кромѣ нихъ нѣтъ. Г-жа Водовозова предприняла дешевое, сокращенное и доступное болѣе широкому кругу читателей изданіе извѣстной своей книги *Жизнь европейскихъ народовъ*. Все изданіе будетъ заключать 14 отдѣльныхъ маленькихъ книжечекъ, въ каждой книжечкѣ отъ 160 до 224 страницъ; книжечки изданы опрятно и украшены рисунками, удачно подобранными. Онѣ представляютъ не столько сокращеніе, сколько переработку вышеуказаннаго обширнаго труда, съ большими дополненіями по новымъ источникамъ. До сего времени вышло двѣ книжки: первая—о туркахъ, вторая—объ англичанахъ. Авторъ понимаетъ свою задачу весьма широко,—онъ задается цѣлью описать возможно доступнымъ языкомъ не только бытъ и нравы, но и учрежденія даннаго народа. Это послѣднее дѣлаетъ книжечки г-жи Водовозовой особенно цѣнными для такой страны, гдѣ не только ничего не знаютъ объ учрежденіяхъ у другихъ народовъ, но и о своихъ-то собственныхъ учрежденіяхъ судятъ съ какой-то особенной, такъ сказать, миѳологической точки зрѣнія. Книжки г-жи Водовозовой настолько содержательны и богаты весьма цѣннымъ матеріаломъ, что для читателя изъ народа полны захватывающаго интереса, особенно вторая книжка *Объ англичанахъ*. Мы рекомендуемъ ее нашимъ читателямъ.

КАЛЕНДАРИ И СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Современный календарь на 1895 годъ“. *А. Д. Ступина.* — „Записная книга на 1895 годъ“. *Изд. К. Л. Рикгера.*—„Русскій сельскій календарь“. *И. Горбунова-Посадова.*

Современный календарь на 1895 годъ. А. Д. Ступина. Цѣна 15 коп. На сей разъ приходится начинать рѣчь о календаряхъ однимъ общимъ заявленіемъ: „всѣ врутъ календари“—въ отдѣлѣ желѣзно-дорожныхъ свѣдѣній. Съ 1 декабря 1894 г. введенъ новый тарифъ съ прогрессивнымъ пониженіемъ проѣздной платы по мѣрѣ увеличенія разстояній. Прежнія календарныя таблицы желѣзныхъ дорогъ сохраняютъ свое значеніе лишь въ той графѣ, гдѣ указаны разстоянія между станціями. Новыя правила опубликованы были только въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда всѣ календари были уже отпечатаны и пущены въ продажу. *Современный календарь* А. Д. Ступина принадлежитъ къ числу лучшихъ, наиболѣе тщательно, полно и интересно составленныхъ. Одну изъ отличительныхъ особенностей этого календаря составляютъ листы съ портретами и краткими біографіями выдающихся русскихъ дѣятелей въ области науки и литературы. Въ календарѣ на 1895 г. помѣщено 54 портрета русскихъ историковъ, филологовъ и библіографовъ, въ томъ числѣ портреты 18 лицъ духовнаго сана. Любопытна и поучительна статья, озаглавленная: *Главнѣйшія войны XIX вѣка въ ихъ причинахъ и слѣдствіяхъ*. Сколько загублено человѣческихъ жизней и милліардовъ рублей на войны истекающаго столѣтія, мы подсчитывать

не станемъ. Миновало это и, уже снявши головы, плакать поздно. Но ужасъ беретъ, когда посмотришь на настоящее и будущее, явствующее изъ указанной статьи. Австрія, Англія, Германія, Италія, Россія и Франція имѣютъ въ мирное время арміи, общая численность которыхъ равнялась въ 1892 г. 2,703 тыс. чел.; въ военное время она можетъ быть доведена до 14,779 тыс. чел. Расходы этихъ государствъ на содержаніе армій и флотовъ доходили въ 1892 г. до 4,070 милліоновъ франковъ. Если къ этому прибавить остальныя государства Европы, то приведенныя цифры, вѣроятно, возростутъ еще не менѣе, какъ на 50%... Какъ же тутъ не быть всякимъ „кризисамъ“, когда 4 милліона лучшихъ работниковъ оторваны отъ производительнаго труда и около 6 тысячъ милліоновъ трудовыхъ народныхъ денегъ расходуется на то, чтобы въ будущемъ имѣть возможность перебить сотни тысячъ людей для вящей славы или посрамленія будущихъ „Бисмарковъ“ и „Наполеоновъ“? Къ календарю приложены хорошія карты желѣзныхъ дорогъ Россіи и Сибири.

Записная книга на 1895 г. (XXV годъ изданія). Изданіе К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ. Четвертьвѣковое существованіе этого изданія есть уже достаточное ручательство за его полезность и удобство для публики. И, надо правду сказать, для людей всѣхъ состояній и профессій эти изящныя книжки почти необходимы. Въ нихъ заключаются очень полныя, дѣльно подобранныя общекалендарныя свѣдѣнія, дающія каждому возможность легко найти самыя разнообразныя житейскія указанія. При книжкѣ приложены четкія карты Россіи, Европы, Стараго Свѣта и всего земного шара, съ нанесеніемъ на нихъ главнѣйшихъ рельсовыхъ путей и пароходныхъ сообщеній. В
мы замѣтили, впрочемъ, одинъ пропускъ: не показаны пароходныя линіи Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго и Балтійскаго морей. Исправить этотъ пробѣлъ всего лучше было бы нанесеніемъ таковыхъ линій на карты Россіи и Европы по тому образцу, какъ это сдѣлано въ нѣмецкомъ *Карманномъ географическомъ атласѣ* Ю. Пертеса, т.-е. съ указаніемъ времени проѣзда. Хорошо сдѣлалъ бы издатель, если бы въ ряду другихъ улучшеній, которыя онъ ежегодно вноситъ въ свое изданіе, помѣстилъ въ книжкѣ „Разсчетную таблицу платъ за перевозку пассажировъ и ихъ багажа“ по желѣзнымъ дорогамъ, по вновь введенному тарифу съ 1 декабря 1894 г. Для полноты книжки это рѣшительно необходимо. *Записная книжка* К. Л. Риккера издана въ 8 образцахъ, все различіе коихъ заключается лишь въ количествѣ бѣлыхъ листковъ, предназначенныхъ для записей. Книжки выпущены въ красивыхъ, прочныхъ переплетахъ, въ каждой изъ нихъ имѣется сумочка для денегъ и карандашъ съ резиной. Цѣны: 1) съ двумя страницами на каждый день—1 р. 80 к., 2) съ цѣлою страницей на день—1 р. 20 к., 3) съ полстраницей, раздѣленной вдоль,—1 р., 4) съ полстраницей, раздѣленной поперекъ,—1 р., 5) съ третьей частью страницы—80 к., 6) съ четвертою частью страницы—75 к., 7) съ шестою частью страницы — 75 к., 8) съ третьею частью страницы, но не съ золотымъ, а съ чернымъ тисненіемъ на переплетѣ, — 60 коп. Все это въ холщевыхъ переплетахъ. За кожаный переплетъ къ означенной цѣнѣ приплачивается по 30 коп., за болѣе изящные переплеты съ золотымъ обрѣзомъ приплачивается отъ 45 до 90 коп. Листки для записки адресовъ помѣчены буквами въ алфавитномъ порядкѣ. Книжки охватываются приложенными при нихъ эластическими кольцами.

Русскій сельскій календарь съ полезными свѣдѣніями для хлѣбопашцевъ, огородниковъ, садоводовъ и пчеловодовъ на 1895 годъ. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Москва. Цѣна 20 коп. Въ лежащемъ передъ нами *Календарѣ* есть, несомнѣнно, „полезныя" свѣдѣнія; между ними есть свѣдѣнія неполныя, напримѣръ: сказано, что „длина мѣряется *вершкомъ, аршиномъ* = 16 вершковъ, *саженью* = 3 аршина", кромѣ того, говорится объ употребительномъ въ Россіи нѣмецкомъ *футѣ*; пропущено, что во всѣхъ желѣзно-дорожныхъ сооруженіяхъ и земляныхъ работахъ на вершки и аршины счетъ не ведется, а для этого вездѣ принята мѣра саженью, раздѣленною на 100 частей, считаютъ саженями и сотыми сажени,—говорятъ и записываютъ не $1^1/_2$ арш., а 50 сотыхъ, не $^3/_4$ арш., а 25 сот. Далѣе, есть свѣдѣнія устарѣвшія: говорится о кредитныхъ билетахъ 50-рублевыхъ, давно не существующихъ. Есть свѣдѣнія ни на что ненужныя: предсказанія погоды на 1895 г. по „Брюсову календарю" (стр. 23 и 24), кончающіяся заявленіемъ, что все это вздоръ. Такъ какъ это и вправду чепуха, то не слѣдовало ее печатать, не надо было мѣсто занимать воспроизведеніемъ вздорныхъ предсказаній. Въ предсказаніяхъ погоды по примѣтамъ (стр. 26) много пропусковъ, напримѣръ: отсутствіе вечерней росы на травѣ — къ дождю, явственнѣе слышится стукъ ѣдущей телѣги на далекомъ разстояніи—къ дождю, и мн. др. Есть свѣдѣнія не только безполезныя, но потѣшныя своею нелѣпостью: „Что сдѣлать съ червякомъ, поѣдающимъ въ началѣ весны ягоды на кустахъ крыжовника, красной и черной смородины? Появившагося червяка на кустахъ обирайте въ буракъ или горшокъ и скармливайте курамъ" (стр. 44)... Это просто курамъ на-смѣхъ! Насколько полонъ списокъ „лучшихъ садовыхъ заведеній, отпускающихъ плодовые присадки и черенки", можно судить по тому, что на всю Московскую губернію значится одно заведеніе, находящееся въ г. Москвѣ, гдѣ имѣются такія заведенія, какъ Петровская академія, дача Студенецъ, садоводства: Иммера, Греля, Фогта и пр., графовъ Уваровыхъ въ с. Порѣчьи, Можайскаго уѣзда, и др. Также неполны списки „полезныхъ" книгъ по садоводству, огородничеству, луговодству и друг. отраслямъ хозяйства, а самый выборъ книгъ, попавшихъ въ эти списки, настолько же случаенъ, какъ и списокъ садовыхъ заведеній. Очевидно, что во всѣ эти списки заносилось лишь то, что попадало въ руки редакціи, которая сама не сочла нужнымъ заняться ни собираніемъ „полезныхъ" свѣдѣній, ни разборомъ и оцѣнкой того, что ей доставлено. На вопросъ: „Откуда выписывать полезныя книги?"—*Календарь* отвѣчаетъ: „Мы посовѣтуемъ обращаться въ слѣдующіе книжные магазины: въ Москвѣ — въ магазинъ Конусова и въ складъ Муриновой, въ Петербургѣ"... и т. д. Мы полагаемъ, что „полезнѣе" было бы для желающихъ пріобрѣтать книги указаніе крупныхъ издательскихъ фирмъ, поставившихъ своею спеціальностью распространеніе сельско-хозяйственныхъ руководствъ, какъ фирма Девріена въ Петербургѣ... Одна изъ статей *Календаря* озаглавлена: *Какимъ зерномъ надо сѣять, чтобы хлѣбъ хорошо уродился*. Вотъ ея начало: „Пройдетъ зима съ ея морозами, глубокими снѣгами и унылымъ видомъ полей. А тамъ недалеко и весна красна. Весеннее солнце сгонитъ бѣлую пелену съ полей, обнажитъ ихъ, согрѣетъ мать сыру землю; по лугамъ зазеленѣетъ молодая травка, радуя хозяина; деревья распустятъ почки и одѣнутся въ зеленыя одежды. А тамъ пора и яровое сѣять. Встрепенется хозяинъ-земледѣлецъ, очнется отъ долгой спячки и начнетъ мало-по-малу гри-

готовляться"... Кому, однако, нужно это пустомельство? Хорошъ будетъ хозяинъ, который въ черноземныхъ и песчаныхъ мѣстностяхъ начнетъ „мало-по-малу приготовляться" къ посѣву или даже сѣять овесъ, когда деревья „одѣнутся въ зеленыя одежды"! Охота же людямъ заниматься лирическимъ пустословіемъ, да еще вздорнымъ, когда дѣло идетъ о лучшемъ отборѣ посѣвныхъ сѣмянъ. Не мало забавнаго находится и въ статьѣ *Сельская жизнь по мѣсяцамъ года*, напримѣръ: „Пастухъ важнѣе старосты и старшины. Надо ему быть заботливому, кроткому и милостивому". Въ концѣ мая „возить навозъ и не долго держать, скорѣе запахивать"... Чудесно! А скотину гдѣ же пасти? Тутъ встрѣчаются и курьезныя опечатки, способныя вызвать хохотъ цѣлаго села; такъ, въ ноябрѣ: „дрова свозить по первопутью, да на *масленицу* ѣздить". Вся статья написана тономъ учительнымъ, въ духѣ толстовскомъ, съ поддѣлкою подъ мужицкій говоръ, съ указаніями мужику, въ какихъ мѣсяцахъ воду возить, снѣгъ очищать, колья вколачивать, на заработки не ходить, дома сидѣть, ремеслами заниматься и т. п. О лѣсоводствѣ, о пользѣ посадки деревьевъ и кустовъ по улицамъ, по задворкамъ, по оврагамъ, по неудобнымъ для обработки мѣстамъ нѣтъ ни слова. Вообще *Русскій сельскій календарь* оставляетъ такое впечатлѣніе, что составленъ онъ городскимъ обывателемъ, а не дѣловитымъ сельскимъ хозяиномъ, хорошо знающимъ крестьянскій бытъ и недостатки крестьянскаго хозяйства.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство", *октябрь*.—„Сѣверный Вѣстникъ", *ноябрь*.—„Русское Обозрѣніе", *ноябрь*.—„Вѣстникъ Воспитанія", *№ 7*.

„Юношество наше ищетъ подвиговъ и жертвъ. Современный юноша, о которомъ такъ много говорятъ въ разномъ смыслѣ, часто обожаетъ самый простодушный парадоксъ и жертвуетъ для него всѣмъ на свѣтѣ, судьбой и жизнью. Подоспѣетъ свѣтъ и сами собой явятся другія точки зрѣнія, а парадоксы исчезнутъ; но за то не исчезнетъ въ немъ чистота сердца, жажда жертвъ и подвиговъ, которая въ немъ такъ свѣтится теперь. Ужасно мнѣ нелѣпо и досадно читать иногда, у нѣкоторыхъ мыслителей нашихъ, томъ, что наше общество спитъ, дремлетъ, лѣниво и равнодушно; напротивъ, никогда не замѣчалось столько безпокойства, столько метанія въ разныя стороны и столько исканія чего-нибудь такого, на что бы можно было нравственно опереться, какъ теперь". Эти слова написаны Достоевскимъ въ его *Дневникѣ писателя* за 1876 г. Много покойникъ въ этомъ дневникѣ чепухи наговорилъ; даже изъ несомнѣнныхъ положеній, изъ несомнѣнно вѣрныхъ и тонкихъ наблюденій онъ умѣлъ дѣлать чепушистые выводы. И, тѣмъ не менѣе, самыя-то наблюденія, на которыхъ онъ строитъ свои странные выводы, несомнѣнно вѣрны и тонки, на то онъ и былъ безспорнымъ и глубокимъ большимъ художникомъ. Такъ вотъ онъ, этотъ большой художникъ и тонкій наблюдатель, свидѣтельствуетъ, что наше общество передъ турецкою войной было живо и безпокойно, а юношество жаждало подвига и жертвъ. Г. Маминъ въ своихъ *Очеркахъ изъ жизни Пепко*, теперь законченныхъ, силится убѣдить въ существованіи въ то время юношей, которыхъ въ предъидущемъ нашемъ обозрѣніи мы должны были назвать „безнадежными нравственными одиночками". Не вѣрить ему мы, ко-

нечно, не имѣемъ права, потому что г. Маминъ, хоть и не столь большой художникъ, какъ Достоевскій, но, все-таки, художникъ и потому самому тоже достаточно тонкій наблюдатель. Стало быть, тутъ невольно является вопросъ или объ исключительности и даже уродливости героевъ очерковъ г. Мамина, или, можетъ быть, о нѣкоторой исключительности самой точки зрѣнія, на которой стоитъ наблюдатель. Достоевскій тоже послѣ вышеприведенныхъ словъ разсуждаетъ объ „обособленности“ или объ обособленностяхъ. Но до его разсужденій намъ никакого дѣла нѣтъ, ибо то, что для него „обособленность“, то для другихъ, можетъ быть, именно и есть попытка и стремленіе къ интеллектуальному и нравственному общенію. И онъ самъ это прекрасно понималъ, а только обобщенія-то эти считалъ ложными и вредными. Совсѣмъ не то г. Маминъ; онъ прямо въ жизни общества и молодежи видитъ одиночество; потому мы и признали его произведеніе глубоко пессимистическимъ и съ нашей, по крайней мѣрѣ, точки зрѣнія не соотвѣтствующимъ, такъ сказать, жизненной правдѣ. По нашему мнѣнію, сущность дѣла тутъ именно въ точкѣ зрѣнія. Г. Маминъ и началъ, и кончилъ свои очерки однимъ и тѣмъ же тономъ, почти одними и тѣми же выраженіями. „Развѣ мы здѣсь (т.-е. въ Петербургѣ, въ столицѣ вообще) живемъ? — говоритъ Пепко. — Такъ призракъ, какой-то кошмаръ. Столицы только берутъ все отъ провинціи, а сами ничего не даютъ. А провинція, братъ, все. Помнишь былину объ Ильѣ Муромцѣ: какъ упадетъ на землю, такъ въ немъ силы и прибавится. Вся сила изъ родной земли претъ“. Вотъ положеніе. Мы уже имѣли случай замѣтить на это, что совершенно ничего не понимаемъ въ этомъ процессѣ между провинціей и столицей, т.-е. смысла-то такого процесса не понимаемъ, что считаться и спорить имъ не о чемъ и что совсѣмъ не правда, будто столица такъ-таки ровно ничего не даетъ провинціи. Она дастъ ей хотя бы сознаніе о томъ, что „вся сила изъ родной земли претъ“. Такого сознанія у самой провинціи нѣтъ и быть его не можетъ, да и столицѣ для того, чтобы дать провинціи такое сознаніе, не мало поработать пришлось. И въ самомъ дѣлѣ, трудно и представить себѣ, во что бы, въ какое бы стоячее и вонючее болото обратилась провинція, если столица не выработала для нея такого сознанія. Задохнуться бы отъ собственныхъ туковъ можно было... И задыхались.

„Вся сила изъ родной земли претъ“,—такъ думало поколѣніе, бывшее юношами въ семидесятыхъ годахъ, и оно шло поклониться этой силѣ. Но оно скоро убѣдилось, что изъ родной земли „претъ“ не одна сила, а и безсиліе, мракъ и запахъ разложенія. Да и думало оно о силѣ родной земли совсѣмъ не потому, что оно было такими безнадежными одиночками, какъ Пепко и Поповъ, а, наоборотъ, потому, что въ единеніи, вырабатываемомъ имъ въ своей жизни въ столицахъ, въ единеніи и моральномъ, и интеллектуальномъ оно мучительнымъ и труднымъ процессомъ дошло до *идеи* о силахъ родной земли. Оно не могло, однимъ словомъ, начать процесса между столицей и провинціей; оно также не поняло бы смысла этого процесса, какъ не понимаемъ его и мы. Намъ невольно почти вспоминается другое произведеніе г. Мамина: его романъ *Безъ названія*, о которомъ мы тоже имѣли случай говорить въ нашихъ обозрѣніяхъ. Вспомнился намъ этотъ романъ именно потому, что намъ хотѣлось бы уяснить и себѣ самимъ, и читателю смыслъ гражданскаго иска провинціи противъ столицъ о проторяхъ и убыткахъ. И когда вспомнился романъ *Безъ названія* то

дѣло уяснилось до значительной степени, если не вполнѣ. Это все та же проповѣдь о „маленькихъ дѣлахъ", по поводу которой когда-то на страницахъ нашего журнала велъ такую страстную и талантливую полемику покойный Шелгуновъ. Маленькое дѣло! Какое, въ сущности, гордое слово! Защитники и проповѣдники маленькихъ дѣлъ всегда были большими гордецами, именно такими людьми, о которыхъ говорится, что у нихъ смиреніе паче гордости. И слѣдуетъ признаться, что за проповѣдь „маленькихъ дѣлъ" говорило многое, прежде всего, конечно, само теченіе общественной жизни, такъ сказать, стукнувшееся лбомъ объ стѣну, потерявшее свое привычное русло, остановившееся и готовое превратиться въ стоячее болото. Но и кромѣ того за такою проповѣдью стояла причина, такъ сказать, чисто-психологическая. Дѣло въ томъ, что при нашихъ общественныхъ условіяхъ „маленькія дѣла" часто, почти всегда, бывали великими подвигами; люди маленькихъ дѣлъ были не только настоящими дѣятелями, чѣмъ не всегда бывали люди большого дѣла, т.-е. люди объединяющей, синтетической мысли, но и подвижниками, а часто и прямо-таки праведниками, и непосредственное человѣческое чувство заставляло склоняться передъ ними самыя гордыя головы. Но преклоненіе не есть еще раціональное признаніе. Маленькое дѣло, даже бывшее великимъ подвигомъ, не становилось, однако, отъ этого большимъ дѣломъ, и оно должно было вызывать не гордость или не смиреніе, которое паче гордости, а сожалѣніе, грусть о напрасной тратѣ большихъ силъ на великій подвигъ, но маленькое дѣло. Для того, чтобы маленькое дѣло было не только великимъ подвигомъ, но и большимъ дѣломъ, было бы необходимо, чтобы за нимъ стояла объединяющая мысль, умѣющая найти основныя причины страданія всенароднаго и бороться именно съ этими причинами. А въ нашихъ „маленькихъ дѣлахъ" именно такой мысли и не было и маленькія дѣла, возбуждая въ душѣ дѣятелей и присутствующихъ сильную моральную эмоцію, оставались безслѣдными и безсильными въ общемъ теченіи жизни. Уяснимъ свою мысль примѣромъ: Иванъ невѣжественъ, безграмотенъ, Сидоръ голоденъ, Матвѣй покрытъ язвами,—одного надо выучить грамотѣ, другого накормить, третьяго вылечить. И какую сумму силъ приходится израсходывать на такія простыя, маленькія дѣла, какіе подвиги необходимо совершить, чтобы сдѣлать эти дѣла какъ слѣдуетъ! Непосредственное человѣческое чувство говоритъ вамъ,—нѣтъ,—даже кричитъ: шапки долой! — и шапки невольно снимаются передъ людьми, совершающими эти маленькія дѣла. Но и только: за этимъ снятіемъ шапокъ ничего не слѣдуетъ; въ жизни прибавилось много подвиговъ, но теченіе ея не измѣнилось ни на іоту. Прогрессивнаго дѣйствія не произошло. И не произошло потому, что въ такихъ маленькихъ дѣлахъ нѣтъ обобщающей мысли, которая выяснила бы намъ причину, почему Иванъ всегда и неизбѣжно невѣжественъ, даже если онъ и грамотенъ, почему Сидоръ всегда будетъ голоденъ, почему Матвѣй неизбѣжно будетъ покрытъ язвами,—выяснила бы это и *рѣшила*, т.-е. заставила человѣка рѣшить устранить такую причину. Только при присутствіи подобной объединяющей мысли маленькое дѣло, оставаясь великимъ подвигомъ, превращается и въ большое дѣло; только тогда совершается прогрессивное дѣйствіе. При отсутствіи же такой мысли поневолѣ приходится искать какихъ-то силъ, „пружихъ" откуда-то не изъ насъ самихъ, приходится вчинать какой-то искъ къ столицѣ—и все тщетно, потому что одиночка и у источниковъ живой силы останется такою же одиночкой, какою онъ былъ въ столицѣ,

тоже у источниковъ силы—силы объединяющей мысли и объединенной воли. Жизнь все равно и въ провинціи,—въ провинціи даже по преимуществу,—останется призракомъ, кошмаромъ. Хорошею иллюстраціей къ нашей мысли о различіи „маленькаго дѣла“ хотя и великаго подвига и большого дѣла можетъ служить біографія князя В. В. Вяземскаго г. Корсакова (*Сѣверный Вѣстникъ*). Князь Вяземскій былъ настолько праведникомъ, что его біографія смѣло можетъ быть названа „житіемъ“, и, все-таки, онъ всю свою жизнь, за исключеніемъ только немногихъ ея моментовъ, былъ человѣкомъ маленькаго дѣла. Онъ обладалъ всѣми условіями, какъ внѣшними, такъ и внутренними, и, прежде всего, великими душевными силами, чтобы сдѣлаться человѣкомъ большого дѣла; но что-то, всего вѣроятнѣе, отсутствіе великой объединяющей идеи въ той средѣ, въ которой онъ росъ и развивался, помѣшало ему сдѣлаться человѣкомъ большого дѣла. Принадлежа къ одному изъ самыхъ древнихъ родовъ русскаго дворянства (изъ Рюриковичей), получивъ хорошее воспитаніе, онъ идетъ съ начала своей жизни по обычной дорогѣ дворянскаго юношества: двадцатилѣтнимъ юношей онъ поступаетъ юнкеромъ на Кавказѣ. Въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ онъ служитъ, хотя за все это время его не оставляетъ мысль о перемѣнѣ рода жизни; онъ ненавидитъ войну, война съ ея злодѣйствомъ и ужасами поражаетъ своимъ безсмысліемъ его душу. „Его пылкую молодую голову осаждаетъ цѣлый рой вопросовъ; онъ силится уяснить себѣ цѣль и задачи жизни“. Біографъ князя не даетъ намъ никакихъ указаній, почему Вяземскій такъ долго, цѣлыхъ 15 лѣтъ, остается при ненавистномъ ему дѣлѣ. Могли на то быть личныя и семейныя причины; но все же основною причиной, вѣроятно, было отсутствіе въ жизни, въ обществѣ какой-либо объединяющей идеи. Поэтому необходимо помнить, что такія идеи, изъ коихъ и вытекаетъ обыкновенно большое дѣло, есть результатъ коллективной общественной работы, а въ то время этой работы не было, да и быть не могло. Наконецъ, въ 1846 году князь, въ отставкѣ, женится и поселяется въ Москвѣ. Князю въ это время уже 35 лѣтъ, но онъ ничего еще не рѣшилъ въ своей жизни. Онъ попрежнему ищетъ разрѣшенія всѣхъ своихъ сомнѣній, ему не даютъ покоя „вѣчные вопросы“, онъ задумывается надъ тѣмъ, „какъ надо жить“. Князь начинаетъ учиться, шесть лѣтъ проходитъ въ упорномъ трудѣ. И какихъ только знаній ни пріобрѣтаетъ онъ: отъ математики до философіи и исторіи религій всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія охватываются его жаднымъ до знанія умомъ. Въ эту пору его жизни мы видимъ передъ собой образцоваго диллетанта, какими такъ богата была среда образованнаго дворянства того времени. Это не пустой диллетантизмъ свѣтскаго общества,—нѣтъ, это диллетантизмъ Гладстона, диллетантизмъ, порождаемый крупными душевными силами. И любопытно слѣдующее обстоятельство: какъ разъ въ это время, когда князь былъ такимъ диллетантомъ, онъ въ первый и, можетъ быть, въ единственный разъ въ своей жизни становится и человѣкомъ большого дѣла,—такую живительную и оплодотворяющую силу имѣетъ страстное стремленіе къ наукѣ. А можетъ быть, даже навѣрное, тутъ играетъ роль и наша литература, уже выработавшая въ то время свою великую объединяющую идею, уже приготовившая общество къ совершенію большого дѣла. Князь становится человѣкомъ большого дѣла: въ 50-мъ году онъ отпускаетъ на волю всѣхъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ“. Замѣчательно (и это дѣйствительно замѣчательно и опять-таки уясняетъ нашу мысль объ отличіи большого дѣ

какъ результата объединяющей идеи, вырабатываемой коллективнымъ трудомъ, отъ дѣла маленькаго, какъ результата позывовъ личной души),— замѣчательно, что освобожденіе своихъ крестьянъ князь совершилъ почти на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было сдѣлано по положенію 19 февраля. Крестьяне получили надѣлъ за выкупъ, только надѣлъ былъ значительно больше, выкупъ былъ ничтожный и князь немедленно раздалъ его бѣднѣйшимъ изъ крестьянъ, дворовые тоже были надѣлены землей. Совершивъ это большое дѣло, князь останавливается въ сомнѣніи и колебаніи. Что дѣлать дальше? Гдѣ новая объединяющая идея, которая могла бы создать новое большое дѣло? Начинается періодъ душевнаго броженія, исканія путей въ полныхъ потемкахъ незрѣлой общественной мысли. Князь — ученый диллетантъ, философъ, художникъ (онъ занимается музыкой и ваяніемъ). Но все это не то, не того душа проситъ, нужно дѣло и, непремѣнно, дѣло большое. И вотъ тутъ-то и настаетъ страшный переломъ. Великая идея изжита, новой великой идеи нѣтъ, ее еще не выработала коллективная мысль, и какъ бы ни были велики душевныя силы, трудно, чтобы ее могло выработать личное мышленіе. И постепенно, среди сомнѣній и колебаній, князь становится подвижникомъ, праведникомъ и человѣкомъ „малаго дѣла“. За неимѣніемъ мѣста мы не можемъ подробно анализировать всѣ событія жизни князя Вяземскаго. Остановимся только на двухъ фактахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ нашей темѣ. Въ 56 году, когда князю было уже 45 лѣтъ, онъ приходитъ къ заключенію, что „его механическое заведеніе есть не болѣе, какъ арена для капиталистическаго производства“. Въ немъ онъ все же *хозяинъ*, и это мучаетъ князя; онъ хорошо понимаетъ, что „пройдетъ еще много столѣтій, прежде чѣмъ урегулируются отношенія труда и капитала“. Это былъ рѣшительный моментъ въ жизни князя, моментъ перелома, распутье, отъ котораго идутъ двѣ дороги въ разныя стороны. Овладѣвшая имъ идея была безспорно идеей общей, объединяющей, и на ней могло быть построено большое дѣло. Князь могъ попытаться сохранить свою мастерскую, но перестать быть въ ней хозяиномъ, остаться въ ней только членомъ артели. Можетъ быть, это было бы просто однимъ изъ „обособленій“, которыми была впослѣдствіи богата жизнь русской интеллигенціи; можетъ быть, въ самой идеѣ были пробѣлы; можетъ быть, она не соотвѣтствовала условіямъ мѣста и времени, не соотвѣтствовала средѣ. Все это можетъ быть. Можетъ быть, князь потерпѣлъ бы неудачу, даже навѣрное такъ. Но, вѣдь, не удачей или неудачей опредѣляется значеніе дѣла, а общностью, объединяющею силой положенной въ его основаніе идеи. А идея была безспорно общей и объединяющей. Если бы князь пошелъ по этому пути, онъ, по всей вѣроятности, при его великихъ-то душевныхъ силахъ, навсегда остался бы человѣкомъ большого дѣла. Но онъ съ своего распутія идетъ по другой дорогѣ; онъ „смѣшивается съ толпой въ качествѣ простого рабочаго и пытается нравственно и умственно воздѣйствовать *хотя бы на единицы этой толпы*“. Судьба князя рѣшена,—съ этого момента онъ подвижникъ, праведникъ, предъ которымъ нельзя не склонить головы, и при этомъ онъ навсегда остается человѣкомъ „маленькаго дѣла“.

„Съ восторгомъ встрѣтилъ князь въ своемъ уединеніи знаменитый день 19 февраля,—разсказываетъ намъ его біографъ,—онъ видѣлъ въ немъ великомъ актѣ начало для избавленія отъ рабства въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова“. Большое дѣло началось и всѣ, участвующіе въ немъ, буквально всѣ, если только они участвуютъ въ немъ,

въ его идеѣ, сознательно, люди большого дѣла. У князя есть все, чтобы быть участникомъ большого дѣла, — и связи, и родовитость, и общее уваженіе... Все, все... Да и не въ томъ, впрочемъ, дѣло. Не надо было быть членомъ коммиссій, даже не надо было быть мировымъ посредникомъ, чтобы быть тогда человѣкомъ большого дѣла. Какой-нибудь скромный волостной писарь, какой-нибудь солдатъ, дьячекъ, грамотный мужикъ, землемѣръ, читающіе и толкующіе мужикамъ „положеніе", уже были людьми большого дѣла. И, опять-таки, тутъ вопросъ не въ удачѣ или неудачѣ. Эти толкователи, эти народные вожди на минуту, могли быть невѣжественны, вредны народу. Все это такъ, но они были, опять-таки, повторяемъ, если дѣйствовали сознательно, людьми большого дѣла, потому что были охвачены общею, коллективнымъ умомъ выработанною идеей. Въ этомъ все дѣло. А князь былъ только подвижникъ и праведникъ. Онъ старается „возродиться", онъ ограничиваетъ свои потребности до невозможнаго minimum'a. „Жизнь трудовая, въ потѣ лица, жизнь, согрѣтая любовью къ человѣчеству, чуткая къ страданію и горю ближняго,— вотъ тотъ широкій (а по-нашему узкій), но тернистый путь, который открывается князю въ его „уединеніи на людяхъ". Князь окончательно становится подвижникомъ-аскетомъ, онъ спитъ на голыхъ доскахъ, „накрывшись полушубкомъ, переполненнымъ насѣкомыми". Трогательная жизнь, житіе „подвижника, одареннаго крупными душевными силами,—житіе, возбуждающее умиленіе и, пожалуй, благоговѣніе, но житіе внѣ большой дороги общественнаго дѣла, внѣ путей прогресса родины. „Маленькое дѣло", хотя и великій подвигъ! И всѣмъ, кто призываетъ насъ на такой подвигъ, на такое „маленькое дѣло", мы имѣемъ право отвѣтить словами Великаго Инквизитора (въ *Братьяхъ Карамазовыхъ*): „Вспомни, что ихъ (праведниковъ) было всего только нѣсколько тысячъ, да и то боговъ, а остальные? И чѣмъ виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпѣть того, что могучіе? Чѣмъ виновата слабая душа, что не въ силахъ вмѣстить столь страшныхъ даровъ?" Общество не можетъ, не смѣетъ требовать отъ *всѣхъ* своихъ сыновъ подвига, оно не можетъ также хотѣть, чтобы кто-либо изъ его сыновъ ограничивался „маленькимъ дѣломъ" безъ подвига, но оно можетъ хотѣть, можетъ даже требовать, чтобы *всѣ* были людьми большого дѣла, хотя бы и оставаясь сами мелкими людьми,—не всѣмъ же быть великими,—чтобы *всѣ* участвовали въ коллективной выработкѣ объединяющихъ, синтетическихъ идей. И общество, дѣйствительно, забываетъ о такихъ законныхъ своихъ требованіяхъ, удовлетворяется проповѣдью „маленькихъ дѣлъ" только въ моменты, къ сожалѣнію, частые моменты застоя, въ моменты лѣни и апатіи. Въ эпохи же прогрессивныя оно ясно сознаетъ свое право требовать отъ своихъ членовъ участія въ коллективной работѣ.

Въ разбираемой книгѣ *Съв. Вѣст.* начаты двѣ новыя повѣсти: *Тайны рѣки* г. Нефедова и *Женская жизнь* г-жи Крестовской. Г Нефедовъ— беллетристъ, очень симпатичный по своей искренности, по своей теплой любви къ крестьянину, наконецъ, по своей манерѣ подходить къ явленіямъ крестьянской жизни не мудрствуя лукаво, по умѣнью находить въ этой жизни и въ мужицкой душѣ свѣтлыя стороны, не впадая, однако, въ крайности мистицизма и въ идеализацію. Въ его повѣстяхъ почти всегда есть нѣкоторая доза романтизма и прекраснодушія, но романтизмъ не вредитъ реальности изображенія, а прекраснодушіе рѣдко переходитъ въ слащавость. Замѣчается иногда у него и нѣкоторое простодушіе но оно не непріятно,— просто видишь, что авторъ подходитъ къ я

леніямъ описываемой имъ жизни съ кроткою душой и любящимъ сердцемъ. Таково вообще творчество г. Нефедова, но о новой его повѣсти мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать ничего добраго,—она совершенно не удалась почтенному автору. Это такое дѣтское и неумѣлое произведеніе,—пусть авторъ извинитъ насъ за такой отзывъ,—что безъ подписи знакомаго и довольно популярнаго имени невозможно было бы и подумать, что его написалъ опытный беллетристъ. На протяженіи почти трехъ печатныхъ листовъ тянутся описанія рѣки, въ разные часы дня и ночи,—описанія водянистыя, вялыя, некартинныя, разнообразясь случайными и къ дѣлу не идущими разговорами „баканщиковъ“ и случайныхъ посѣтителей ихъ хижины. И что за фигуры, что за разговоры! Какія-то блѣдныя тѣни безъ плоти и крови, даже просто безъ очертаній, а разговоры!... Почти всѣ вродѣ того, что, молъ, попьемъ, что ли, чайку, наставимъ самоварчикъ. И описывается подробно наставливаніе самоварчика, чаепитіе и чинные, благодушные разговоры за чайкомъ. Читатель съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: къ чему все сіе? Вѣроятно, г. Нефедовъ полагаетъ, что это и есть настоящій реализмъ и непосредственное творчество. Смѣемъ увѣрить его, что онъ ошибается и что никакого тутъ реализма и непосредственнаго творчества нѣтъ, а есть только скучища чрезвычайная. Можетъ быть, „тайны рѣки“ и будутъ очень интересны, когда г. Нефедовъ удостоитъ разсказать о нихъ; но три листа воды раньше, чѣмъ доберешься до нихъ, многонько. И, навѣрное, только несчастный рецензентъ, читающій по обязанности, прочтетъ повѣсть г. Нефедова; ну, а обыкновенный читатель двадцать разъ подумаетъ, прежде чѣмъ рискнетъ доплывать до „тайнъ рѣки“ по беллетристической водицѣ г. Нефедова.

Повѣсть г-жи Крестовской читается не безъ интереса,—написана она довольно ярко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень просто, безъ вычуръ; впечатлѣніе не глубокое, но милое. Въ первой части этой „повѣсти въ письмахъ“ описывается жизнь дворянской дѣвушки дореформенной эпохи. Для нестарыхъ людей, незнакомыхъ съ жизнью того времени, какъ-то странно читать о такой херувимской невинности, какова героиня повѣсти г-жи Крестовской. Только припомнивъ ту тепличную атмосферу, въ которой выращивалась дворянская дѣвушка того времени, и можно объяснить происхожденіе подобныхъ экзотическихъ цвѣтковъ. „Въ бутылочкѣ ростили“, какъ говорится гдѣ-то у Достоевскаго, и дѣйствительно, удавалось иногда выращивать людей, абсолютно и во всѣхъ смыслахъ невинныхъ, не только не вкушавшихъ отъ древа познанія добра и зла, но даже и не предчувствовавшихъ о существованіи такого древа. Семнадцатилѣтняя героиня, когда ея горничную за нее же хотятъ сослать на скотный дворъ въ дальнюю деревню, восклицаетъ: „О, Боже мой, зачѣмъ однимъ людямъ дана такая страшная власть надъ другими? Конечно, я знаю, что *ничего еще не понимаю,* но, все-таки, когда подумаешь, то это кажется ужасно“,—и утѣшается, когда нянюшка сажаетъ ее на колѣни (это семнадцатилѣтнюю-то?). А когда горничную *только высѣкли*, а не сослали, она разсуждаетъ: „Я *отъ души порадовалась*, что ее только высѣкли, а не сослали... Но, все-таки, какъ это ужасно, когда большихъ, иногда даже хворыхъ и старыхъ людей, сѣкутъ, какъ маленькихъ, и они ничего не смѣютъ даже на это сказать... дѣлается такъ страшно и *стыдно за нихъ* (о, святая невинность!), что даже плакать хочется о нихъ“. *Невинная* барышня, которой *виновная* горничная передала любовную записку, всего больше плачетъ о томъ, что Дуняша огорчила папашу.

Когда кузина этой невинности по поводу смерти отца напоминаетъ ей о страданіяхъ народа-раба, херувимъ крѣпостной среды съ изумленіемъ смотритъ на нее. „Ея слова не были мнѣ вполнѣ понятны; мнѣ хотѣлось спросить ее, *кто этотъ рабъ-народъ;* хотѣлось, чтобъ она разсказала мнѣ о его страданіяхъ, вѣчныхъ и незаконныхъ, и созданныхъ не Богомъ, а людьми". Вотъ, вѣдь, какая райская невинность,—такой херувимъ зародышъ, изъ котораго развивались такъ называемыя „тургеневскія" женщины, съ ихъ „тонкою душевною организаціей". Что говорить, прелестны тургеневскія женщины, горьки плоды древа познанія; но намъ надо только радоваться, что райскія невинности, выращиваемыя въ бутылочкѣ для того, чтобъ онѣ могли получить „тонкую душевную организацію", необходимую для украшенія и услады крѣпостного общества, отошли теперь въ область преданія.

Въ послѣдней книгѣ *Русскаго Богатства* нѣсколько статей посвящено полемикѣ съ нашими псевдо-марксистами. Вопросъ несомнѣнно живой и такая полемика есть настоящая потребность въ теперешній моментъ развитія нашей интеллигенціи. Ученіе псевдо-марксистовъ положительно вредно и способно сбить съ толку многіе молодые умы. Оно вредно, главнымъ образомъ, потому, что отрицаетъ всякое активное участіе личности въ процессѣ общественнаго развитія и приводитъ къ оптимистическому фатализму. Г. Южаковъ, во *Внутреннемъ обозрѣніи,* о которомъ мы будемъ говорить ниже, очень вѣрно указываетъ на нѣкоторую аналогію происходящей теперь эволюціи общественнаго мышленія съ прежними уродливыми ученіями крайняго „реализма". „Та же эволюція,—говоритъ онъ,—повторяется съ параллельною односторонностью такъ называемаго экономическаго матеріализма, гдѣ, какъ и въ былыхъ примѣненіяхъ дарвинизма къ общественнымъ явленіямъ, мы видимъ мирно уживающимися рядомъ и идеалистическій, немного наивный оптимизмъ, и доктринерскій индифферентизмъ, и лукавыя заднія мысли... Та же основная ошибка, тѣ же логическіе пріемы, тотъ же полемическій задоръ, то же открытіе давно открытой Америки и та же, частію сознательная, частію наивная служба кулачному праву. Двадцать лѣтъ назадъ пришлось воевать съ эфемернымъ успѣхомъ незаконныхъ сыновей дарвинизма. Повоюемъ теперь и съ незаконными сынами марксизма".

Статья г. Михайловскаго *Литература и жизнь* цѣликомъ посвящена полемикѣ противъ гипотезы экономическаго матеріализма, какъ она излагается или, вѣрнѣе сказать, противупоставляется „стройному соціологическому міровоззрѣнію, традиціонно господствующему въ нашей прогрессивной литературѣ", къ книгѣ г. Струве *Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи.* Объ этой книгѣ въ нашемъ журналѣ былъ своевременно данъ отзывъ, и мы не можемъ не замѣтить, что трудно было бы найти столь подходящій объектъ для полемики, какъ эта книга: слишкомъ ужь часто г. Струве побиваетъ самъ себя приводимыми имъ же самимъ для подтвержденія своихъ мнѣній цитатами, слишкомъ ужь ярко въ его книгѣ проявляется плохо переваренная эрудиція въ соединеніи съ слабою способностью къ логическому мышленію. По нашему мнѣнію, не всѣ замѣчанія нашего извѣстнаго публициста-соціолога, такъ много поработавшаго для выработки „стройнаго соціологическаго міровоззрѣнія", имѣютъ одинаковую цѣнность, но нѣкоторыя изъ нихъ очень цѣнны. Напримѣръ, по поводу мнѣнія г. Струве объ исторической полезности рабства („безъ античнаго рабства не было бы современнаго

соціализма*) г. Михайловскій весьма мѣтко и глубоко замѣчаетъ, что такое мнѣніе обязательно „отнюдь не для каждаго познающаго существа, а только для соціалиста-оптимиста, да и то не для всякаго, а лишь принадлежащаго къ извѣстной школѣ, къ извѣстному толку". Мы назвали это замѣчаніе глубокимъ именно потому, что, по нашему мнѣнію, можно бы было дать ему болѣе широкое толкованіе и примѣнить его ко всей схемѣ историческихъ категорій Маркса,—стало быть, ко всей его системѣ. Кромѣ централистическаго, такъ сказать, соціализма Маркса возможенъ, вѣдь, соціализмъ федералистическій и, наприм., во Франціи и въ Бельгіи, да отчасти и въ Англіи, бывали уже попытки создать такія схемы. Далѣе чрезвычайно цѣнно замѣчаніе г. Михайловскаго о пропускахъ г. Струве въ его полемическомъ обзорѣ извѣстной части русской литературы. Онъ напоминаетъ г. Струве о Ю. Жуковскомъ. „Жуковскій, несмотря на удивительно презрительное отношеніе къ спеціально-экономическимъ трудамъ Маркса, долженъ быть зачисленъ въ представители экономическаго матеріализма, такъ какъ съ настойчивостью проводилъ ту мысль, что правовыя отношенія — надстройка надъ отношеніями экономическими",— говоритъ г. Михайловскій. Вообще говоря, общія основанія экономическаго матеріализма (хотя и безъ этой клички) совсѣмъ для насъ не новость. Мы, съ своей стороны, напомнимъ, что не только г. Жуковскій, пропущенный г. Струве, но и авторъ *Критики философскихъ предубѣжденій,* противъ котораго г. Струве не рѣшается полемизировать, не будучи знакомъ съ трудами Маркса, раздѣлялъ основныя положенія гипотезы, а вмѣстѣ съ нимъ— болѣе или менѣе—и руководимый имъ журналъ. Любопытно тутъ именно то обстоятельство, что этотъ журналъ положилъ основы „стройнаго соціологическаго міровоззрѣнія", въ которомъ такую видную роль играетъ признаніе активнаго участія личности въ историческомъ процессѣ. Было ли это, какъ склоненъ полагать г. Струве и многіе другіе, простою логическою непослѣдовательностью русскихъ представителей гипотезы, которымъ, къ тому же, не удалось систематически обосновать всѣ свои положенія или, наоборотъ, какъ думаемъ мы, никакой непослѣдовательности тутъ не было и признаніе экономической основы историческаго процесса (только безъ крайностей марксизма) совсѣмъ не стоитъ въ противорѣчіи съ признаніемъ роли личности въ исторіи? Въ этомъ вопросѣ было бы интересно разобраться.

Приведемъ въ заключеніе еще одно замѣчаніе г. Михайловскаго. Замѣтивъ на утвержденіе г. Струве, что идеалы создаются фактами, дѣйствительностью: „вѣдь, и мои тоже, и я такой же продуктъ исторической необходимости", онъ продолжаетъ: „У всякой возникающей силы,—а нашъ капитализмъ, хотя и съ великимъ трудомъ, становится силой,—являются пособники, прислужники, какъ въ практической, такъ и въ теоретической области. Я не хочу думать, что г. Струве, хотя и призывающій насъ на выучку къ капитализму, сознательно играетъ роль въ этой исторіи. Г. Струве объективенъ, онъ только провидитъ обытія. Однако, въ то же время, онъ считаетъ и обезземеленіе, и азвитіе капитализма полезнымъ, нужнымъ, ведущимъ ко всеобщему лагополучію. Экономическая самостоятельность производителя ему преитъ. Это отнюдь не личный идеалъ г. Струве,—его „мышленіе соціально" выражаетъ собой необходимую тенденцію соціальной группы. Но у насъ есть обширная соціальная группа, для которой ненавистный г. Струве олъ экономической самостоятельности есть настоящій идеалъ (эта уппа—все крестьянство Россіи). Идеалъ этотъ выросъ непосред-

ственно на исторически необходимой экономической почвѣ, какъ ея исторически необходимый продуктъ... Что касается русскаго капитализма, то онъ, можетъ быть, и признаетъ г. Струве своимъ отраженіемъ и выраженіемъ. Часть этой группы будетъ рада взять себѣ на выучку способныхъ людей, хотя бы и съ камнемъ за пазухой. Когда еще улита доѣдетъ до послѣдняго термина гегелевской тріады, да и такъ ли оно вообще будетъ, а пока погрѣть руки можно..." Слова суровыя, но вполнѣ заслуженныя нашими псевдо-марксистами вообще и г. Струве въ частности.

Въ прежнихъ нашихъ обозрѣніяхъ намъ не пришлось указать на интересныя статьи г. Кривенко: *Къ вопросу о нуждахъ народной промышленности*. Эти статьи дѣловыя и компилятивныя. Г. Кривенко разработалъ огромный матеріалъ о кустарныхъ промыслахъ въ Россіи; понятно, что въ журнальномъ обозрѣніи говорить о подобныхъ статьяхъ, какъ бы онѣ ни были интересны сами по себѣ, невозможно. Но въ заключеніе своихъ статей г. Кривенко приводитъ нѣсколько соображеній, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ занимающей насъ теперь темѣ. Не полемизируя прямо съ псевдо-марксистами, г. Кривенко движется, однако, въ кругу тѣхъ же идей, какъ и авторы вышеприведенныхъ статей, и выставляетъ нѣчто положительное, нѣкоторую частицу того „стройнаго соціологическаго міровоззрѣнія", которое приводитъ г. Струве въ такое негодованіе и противъ котораго онъ вышелъ въ походъ съ столь жалкою аммуниціей. Постараемся возможно подробно передать заключеніе г. Кривенко. Тотъ же Энгельсъ,—говоритъ почтенный авторъ,—на котораго ссылаются нерѣдко въ обратномъ смыслѣ, разсуждая о будущемъ производствѣ, говоритъ о возможности организовать его лучше, *по заранѣе обдуманному плану*, и допускаетъ, такимъ образомъ, возможность сознательныхъ перемѣнъ въ немъ со стороны человѣка. Онъ допускаетъ возможность, чтобъ *объективныя*, внѣшнія силы, господствовавшія надъ исторіей, поступили подъ контроль человѣка и чтобы люди *сами создавали свою исторію*... Есть люди, которые говорятъ, что слишкомъ рано этимъ заниматься, и есть другіе, которые находятъ, что желательное положеніе можетъ получиться какъ результатъ суровой борьбы общественныхъ классовъ. „Я не знаю, дастъ ли еще борьба общественныхъ классовъ именно такой результатъ, но полагаю, что если есть возможность получить тотъ же результатъ безъ борьбы, то это будетъ лучше"; а если въ странѣ общественные классы только образуются и этотъ процессъ образованія стоитъ столькихъ жертвъ (обезземеленіе и отдѣленіе труда отъ средствъ производства), да и навѣрное будетъ очень продолжительнымъ, то и подавно. Вообще говоря, никогда не можетъ быть ни слишкомъ рано, ни слишкомъ поздно стремиться къ улучшенію человѣческихъ отношеній и къ прекращенію той невозможной путаницы и потемковъ, какія происходятъ въ экономической жизни. Въ предложеніи различныхъ мѣръ для поддержанія кустарнаго производства авторъ видитъ прямое указаніе на необходимость болѣе живого и болѣе активнаго общественнаго участія, на необходимость обобществленія производства и обмѣна, но не того обобществленія, которое больше сулитъ, чѣмъ даетъ, капиталистическое хозяйство... Тутъ существенную и главнѣйшую роль могутъ сыграть община и земство (просимъ читателя припомнить наше замѣчаніе о федералистическомъ соціализмѣ въ отличіе отъ централистическаго марксизма: это—мысль новая, только недавно начинающая входить въ сознаніе не многихъ экономистовъ въ Европѣ и которая только у насъ уже имѣетъ нѣкоторую исторію,—вотъ имен

въ „стройномъ-то соціологическомъ міровоззрѣніи“.) Община, входя составною частью въ земство, какъ это послѣднее въ свою очередь входитъ въ государство, сохраняетъ органическую хозяйственную связь какъ съ другими общинами, такъ и съ цѣлымъ. Есть цѣлый рядъ производствъ, которыя могутъ вестись общинами, или отдѣльными, или нѣсколькими вмѣстѣ; есть цѣлый рядъ производствъ, которыя имъ не подъ силу и которымъ поэтому болѣе соотвѣтствуетъ земская организація, и есть, наконецъ, такія, которыя можетъ вести только государство. При этомъ далѣе являются слѣдующія соображенія о возможности при такомъ планѣ устранить всѣ бѣдствія капиталистическаго хозяйства и урегулировать какъ производство, такъ и обмѣнъ: въ каждомъ мѣстномъ районѣ извѣстныхъ размѣровъ мы находимъ чуть ли не всѣ возможныя производства по удовлетворенію наиболѣе необходимыхъ потребностей; нѣкоторыя губерніи могутъ и прокармливаться своимъ хлѣбомъ, и имѣть всѣ предметы собственнаго производства. Понятно, что при такихъ условіяхъ легче уравновѣсить производство и сбытъ, чѣмъ соображаясь съ всемірнымъ рынкомъ (значитъ, не будетъ ни перепроизводства, ни кризисовъ, какъ при капиталистическомъ хозяйствѣ). Вопросъ тутъ можетъ быть только о цѣлесообразности и выгодности и такого обособленія. Авторъ не думаетъ, чтобъ это могло быть выгоднымъ, по крайней мѣрѣ, относительно нѣкоторыхъ продуктовъ, но полагаетъ, что при болѣе правильномъ устройствѣ промышленности будетъ полный разсчетъ въ объединеніи извѣстныхъ экономическихъ районовъ, чтобы работать не на неопредѣленный, а на извѣстный спросъ, вывозить на сторону только избытки, а ввозить только то, что на мѣстѣ дорого производить. „Рѣшительно нѣтъ никакой причины,—заключаетъ г. Кривенко,—почему бы такое дифференцированіе не могло охватывать все болѣе широкихъ районовъ, стремясь замѣнить товарное производство на неопредѣленный рынокъ преизводствомъ на потребителей опредѣленныхъ“... Это, конечно, только схема, но такая схема, о которой стоило бы подумать не однимъ только нашимъ псевдо-марксистамъ, а, пожалуй, и настоящимъ марксистамъ.

За недостаткомъ мѣста ограничимся простымъ указаніемъ на недурную статью г. Плотникова (автора прекраснаго изслѣдованія о кустарныхъ промыслахъ Нижегородской губерніи): *Сельско-хозяйственныя панацеи и народное истощеніе*, и перейдемъ къ *Внутреннему обозрѣнію* г. Южакова. Г. Южаковъ приводитъ читателя въ нашъ пантеонъ, на Волково кладбище, и показываетъ ему рядъ могилъ нашихъ писателей. Прогулка поучительная и, навѣрное, всѣ любящіе литературу будутъ благодарны за нее такому умному и свѣдущему чичероне, какъ г. Южаковъ. Да и вообще, туда почаще не мѣшало бы заглядывать нашей интеллигенціи, какъ въ часы радости, такъ и въ годины горя,—въ годины горя въ особенности. Вѣдь, тамъ, подъ этими скромными плитами, памятниками и крестами, покоится настоящая гордость и слава нашей родины. Но это только кстати,—мы хотѣли только указать читателю на ту любопытную и остроумную параллель, которую Южаковъ въ своей прогулкѣ по „литераторскимъ мосткамъ“ проводитъ между Елисеевымъ и Шелгуновымъ. „Оба они,—говоритъ г. Южаковъ,—выступили на публицистическое поприще уже не молодыми и не имѣли непосредственной преемственности съ литературными кружками того времени. Они явились пришлецами въ журналистику, какъ бы депутатами глухой литературной провинціи. Но есть, однако, разница въ роли этихъ двухъ публицистовъ. Елисеева сразу заинтересовало приложеніе доктрины въ практической жизни, а Шелгунова

занимало изученіе жизни, ея анализъ. Для перваго идеалъ былъ исходнымъ пунктомъ, а жизнь—матеріаломъ для воздѣйствія идеала; для второго, напротивъ, жизнь была исходною точкой, а теорія — плодомъ анализа. Первый болѣе замкнулся въ вопросахъ русской дѣйствительности, а второй все чаще и чаще дѣлалъ экскурсіи въ область вопросовъ европейскихъ. Поэтому и характеръ работъ ихъ различный. Литературная школа, представителемъ которой былъ Шелгуновъ, оставила глубокій слѣдъ въ литературѣ и жизни, но прямыхъ учениковъ Шелгуновъ не имѣлъ. Такихъ учениковъ не мало у Елисеева; земско-статистическая литература въ своемъ генезисѣ тяготѣетъ къ его литературной дѣятельности. Говоря дальше о принадлежности Шелгунова къ группѣ такъ называемыхъ реалистовъ, г. Южаковъ замѣчаетъ: крайнее логическое развитіе реалистическаго принципа вело къ общественному индифферентизму; оно приводило и къ другой опасности: доктрина реализма слагалась изъ двухъ положеній, что кореннымъ явленіемъ общественной жизни должно считать умственное состояніе и что въ естествознаніи надо искать истины. Корифеи школы (Писаревъ, Щаповъ, Шелгуновъ) имѣли въ виду преимущественно методъ (ну, Писаревъ наврядъ ли только методъ!). Другіе же прямо формулами естествознанія вздумали мѣрять общественныя явленія (Зайцевъ, Португаловъ, Стронинъ, Дебольскій и др.). Создалась цѣлая литература соціальнаго организма и приложенія дарвинизма къ общественной жизни, что было уже опаснымъ умственнымъ теченіемъ, въ которомъ была струя оптимизма, индифферентизма и лукавой задней мысли. Но Шелгуновъ былъ чуждъ этого отвѣтвленія реализма, и его авторитетъ удержалъ главный органъ школы *Дѣло* отъ участія въ этомъ движеніи; благодаря ему, литературно-философскій расколъ не распространился на общественное міросозерцаніе. Нельзя не отмѣтить эту большую заслугу Шелгунова въ исторіи нашего общественнаго самосознанія. Въ восьмидесятые годы Шелгуновъ, по мнѣнію г. Южакова, выдвигается просто, какъ одинъ изъ наиболѣе опытныхъ и образованныхъ публицистовъ, внимательно слѣдящій за явленіями русской жизни и русской мысли и отзывающійся на всѣ радости и печали нашей общественности. Съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ г. Южакова наврядъ ли можно согласиться. Намъ кажется, что именно въ эти годы роль Шелгунова была болѣе значительной; при самыхъ печальныхъ условіяхъ жизни,—радостей-то, вѣдь, мало было тогда,—онъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей пришедшей въ шатаніе общественной мысли, такъ какъ велъ энергичную и неустанную борьбу противъ проповѣди маленькихъ дѣлъ и доказывалъ существенную важность для прогресса страны обладанія ею культурой и общественными формами дѣятельности.

Романъ г. Северина *Танькина карьера* (*Рус. Обоз.*) былъ бы очень недуренъ, если бы авторъ изъ того матеріала, которымъ онъ располагалъ, сдѣлалъ очерки или повѣсть, а не большой романъ. *Танькина карьера* романъ изъ быта петербургской прислуги; въ немъ нѣтъ недостатка ни въ яркости красокъ, ни въ чувствѣ живой дѣйствительности, ни даже въ нѣкоторой типичности, хотя, конечно, и не первосортной, не глубокой, нѣтъ недостатка даже въ мысли—и, все-таки, романа, собственно говоря, несмотря на всѣ усилія автора, нѣтъ. И это просто потому, что отсутствуетъ элементъ драматическій, элементъ душевной борьбы. Героиня повѣсти, Танька, маленькая босоножка, и приноситъ съ собой въ развращенную среду петербургской прислуги и еще болѣе развращенныхъ петербургскихъ баръ никакихъ нравстве-

ныхъ устоевъ, ради которыхъ она могла бы бороться съ этою средой. И неоткуда ей было взять такихъ устоевъ: тамъ, въ деревнѣ, у ней ничего не было, ни семьи, ни какихъ-либо связей, ничего, кромѣ братишки пастушонка. Она принесла только здоровый физически и нравственно организмъ или, вѣрнѣе сказать, не изуродованную еще натуру; она просто богатый матеріалъ и, какъ всякій матеріалъ, подлежитъ безъ борьбы воздѣйствію всякой среды, въ какую попадетъ. Потому-то она, собственно говоря, и не борется и съ перваго же дня подчиняется разрушительному дѣйствію безпутной среды. Если она и отстаиваетъ нѣкоторое время свою физическую невинность, то только потому, что очень молода и не тронута ни физически, ни въ воображеніи,—однимъ словомъ, совсѣмъ еще первобытна; борьба ея вполнѣ физическая, нравственный элементъ въ ней отсутствуетъ, а при отсутствіи этого элемента романъ невозможенъ. И очень жаль, что авторъ увлекся желаніемъ растянуть свое произведеніе на нѣсколько книгъ, тѣмъ болѣе, что обрисовать баръ ему удалось гораздо меньше, чѣмъ прислугу, и самая интересная сторона темы, вліяніе безтолковой, полной развращающихъ элементовъ, барской жизни на прислугу осталась далеко не выясненной въ его изображеніи. Баре г. Северина гораздо менѣе типичны, чѣмъ прислуга, даже вовсе нетипичны, хотя въ лицѣ князя г. Северинъ и пытается представить что-то новенькое. А тема любопытная и жаль, что г. Северинъ не вполнѣ умѣло ей воспользовался.

Афоризмы и наблюденія г. Розанова положительно интересны. Г. Розановъ сотрудничаетъ постоянно въ такъ называемыхъ консервативныхъ органахъ, но по тону онъ какъ-то не подходитъ къ нимъ. Дѣло въ томъ, что онъ совсѣмъ не придерживается консервативныхъ шаблоновъ; его мышленіе смѣло, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ глубины и даже оригинальности. Вообще онъ сильно отличается отъ своихъ собратьевъ. Но при этомъ онъ мыслитъ страшно тяжеловѣсно, онъ „тяжкодумъ“, какъ выражаются сибиряки, и выражать своихъ мыслей онъ совсѣмъ не умѣетъ. Запутанныя фразы, неясные и необычные термины, спеціально *розановскіе* и которыхъ никто другой не употребляетъ, самые диковинные переходы отъ одного положенія къ другому,—все это дѣлаетъ чтеніе статей г. Розанова громаднымъ трудомъ. Приходится долго ломать голову, прежде чѣмъ даже поймешь, что̀ именно хочетъ сказать г. Розановъ. Намъ даже думается, не это ли полное неумѣнье выражать свои мысли и загнало г. Розанова въ компанію нашихъ безталанныхъ и безпринципныхъ консерваторовъ. Этимъ мы хотимъ сказать только то, что неясность въ формѣ мышленія мѣшаетъ самому г. Розанову сознать сущность его мыслей. Еще Кондильякъ сказалъ, что искусство хорошо мыслить приводится къ искусству хорошо разсуждать, и въ такомъ положеніи есть много вѣрнаго. А наблюденія и особенно мысли г. Розанова положительно еретическія—съ консервативной, конечно, точки зрѣнія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: „Мысль сдѣлать образованіе серьезнымъ черезъ удаленіе отъ его неимущихъ классовъ не только мысль безнравственная, но и изумительная въ своей наивности. Неимущіе-то классы и даютъ лучшій контингентъ учениковъ. Одна изъ главныхъ причинъ этого явленія—истощенность силъ. Новь хороша не только въ земледѣліи, а и въ вліяніи духовномъ. Изъ бѣдныхъ семей вышли едва ли не всѣ независимые умы и смѣлые характеры, которые становились реформаторами человѣческихъ обществъ“. Противъ такихъ мыслей г. Розанова консерваторы наши, конечно, должны протестовать и признать ихъ еретическими, ибо, вѣдь, признавъ ихъ, „правящіе-то классы“, „передо-

выя сословія" при печальномъ интересѣ останутся. За что же ихъ и поддерживать, коли они худшія? Но г. Розановъ не останавливается на такихъ еретическихъ мысляхъ, онъ идетъ дальше. Признавъ, что идеалъ исторіи есть *цѣльный* человѣкъ, носящій въ себѣ *полноту* законовъ своего человѣческаго существованія и потому *лучшій* (мысль совершенно вѣрная и совпадающая съ тѣми мыслями, которыя положены въ основу вышеупомянутаго стройнаго соціологическаго міровоззрѣнія русской прогрессивной литературы, но, конечно, не уясненная г. Розановымъ себѣ самому и выраженная имъ уродливо), и утверждая, что въ эпохи разложенія надо *мною* и *моимъ* (т.-е. надъ личностью, индивидуумомъ) нѣтъ *духовнаго организма* (попросту сказать— нѣтъ прочныхъ общественныхъ устоевъ, нѣтъ общественныхъ идеаловъ и прочныхъ вѣрованій,— г. Розанова надо переводить на русскій языкъ), онъ внезапно, къ ужасу своихъ единомышленниковъ, замѣчаетъ: „Нельзя отрицать порывовъ счастія (т.-е. полноты-то, цѣльности) въ людяхъ первой французской революціи, вѣрившихъ въ смыслъ и абсолютность своего времени; нельзя отрицать въ нихъ и извѣстной *монументальности характеровъ, красоты формъ, величія силъ, личности,* что было воспитано въ нихъ моментомъ *вѣры*". И, вѣдь, все это въ комъ же? Въ m-m Роланъ, С.-Жюстѣ, Дантонѣ, всей Жирондѣ. Смѣло, очень смѣло! На подобную смѣлость наши гг. консерваторы совершенно неспособны. Г. Розановъ, утверждая, что въ эпохи разложенія всего долѣе сохраняется неразложимой семья въ силу мистическихъ своихъ основаній (вѣрнѣе, въ силу органическаго своего происхожденія, да и вообще о такомъ утвержденіи можно спорить), заключаетъ, что единственная роль предварительной (средней и низшей) школы—„не вмѣшиваться въ дѣятельность семьи и давать только второстепенное ученіе"; государство же „не должно впутываться въ міръ частнаго, субъективнаго, интимнаго, куда его толкаютъ *льстивые безразсудные рабы* и гдѣ оно, не различая ничего, ломаетъ все, мучитъ и возмущаетъ все противъ себя". „Я говорю элементарныя вещи и не могу скрыть ужаса при чувствѣ, какъ безконечно мы удалились отъ этихъ элементарныхъ вещей, — добавляетъ г. Розановъ, — какъ дошли до такой виртуозности въ уродливомъ и глупомъ, что и выхода изъ него никто не видитъ". Замѣтьте, что все это авторъ говоритъ о духовно-нравственномъ воспитаніи въ *школѣ*, т.-е. о вѣроисповѣдномъ. Бѣдныя *Московскія Вѣдомости*, бѣдный *Гражданинъ*, бѣдное *Русское Обозрѣніе*! И вотъ рядомъ съ такими внушительными, хотя и не новыми мыслями г. Розановъ защищаетъ... *розги*,—до того тяжеловѣсно его мышленіе. Защищаетъ ихъ онъ очень тоже любопытно и очень наивно; но у насъ положительно нѣтъ мѣста, чтобы говорить объ этомъ. Приведемъ только одну фразу: „Ребенокъ можетъ быть мною подвергнутъ тому, что я и самъ готовъ за него вытерпѣть" (да неужели г. Розановъ желаетъ вытерпѣть розги? Неужели онъ не шутитъ?).

Г. Spectator—храбрый рыцарь нашихъ консервативныхъ органовъ. Онъ всегда выѣзжаетъ въ походъ если не въ блестящихъ доспѣхахъ, то въ блещущемъ мишурой колетѣ, съ большимъ, хотя и картоннымъ мечомъ и рыкая по-львиному. Но онъ не только храбрый рыцарь, и enfant terrible консерватизма. Онъ всегда, что называется, „выпаливаетъ" что-нибудь такое, о чемъ его менѣе храбрые единомышленники думаютъ про себя, всегда задаетъ читателямъ довольно-таки щекотливые вопросы. Теперь онъ выпалилъ вопросомъ: „Грозитъ ли соціализмъ Россіи?" Наговорилъ онъ, по обыкновенію, съ три коро-

всякой дрянной чепухи и по пути исполнилъ довольно-таки омерзительный дикій танецъ на свѣжей могилѣ недавно умершаго литератора. „Мы увѣрены,—сообщаетъ сей храбрый рыцарь,—что Астыревъ, если бы былъ живъ, сталъ бы добиваться мѣста фабричнаго инспектора, чтобы возобновить подъ сѣнью чиновничьей кокарды свою проповѣдь о паукахъ, паразитахъ, скорпіонахъ, жабахъ и лягушкахъ". Храбрый рыцарь, разсуждая о возможности соціализма въ Россіи, объявляетъ, ничтоже сумняшеся, что во всемъ либералы виноваты. Имъ, видите ли, захотѣлось во что бы то ни стало буржуазные порядки завести, вотъ они и напустили соціалистовъ. Сначала въ народъ ихъ напустили, тогда они сочувствовали нигилизму, еврейскимъ безпорядкамъ, недавней голодовкѣ, холернымъ неурядицамъ, а потомъ стали умнѣе: видятъ, что никакъ такимъ сочувствіемъ голодовкѣ и холернымъ безпорядкамъ буржуазныхъ порядковъ не заведешь, они и давай сочувствовать соціализму. И напустили этого самаго яду уже не въ народъ, а въ общество и въ администрацію. А потому соціализмъ,—заключаетъ храбрый рыцарь,—и грозитъ Россіи, и чтобы не грозилъ, надо у либераловъ отнять университеты и печать. Рыцарь, разумѣется, забылъ, что по новому университетскому уставу профессора назначаются министромъ. Ну, а насчетъ печати... разныхъ мѣръ у администраціи въ рукахъ изрядное количество имѣется.

И весь-то этотъ громъ о соціализмѣ храбрый рыцарь поднялъ... изъ-за чего бы вы думали? Да все изъ-за той же ненавистной гг. консерваторамъ фабричной инспекціи. Забота о гигіенѣ,— говоритъ г. Spectator, — вещь прекрасная, но она можетъ быть стѣснительна для фабрикантовъ; сокращеніе рабочихъ часовъ ради гигіены можетъ повести къ возвышенію рабочей платы, которое будетъ не подъ силу работодателямъ. А потомъ и составъ инспекціи; а ну, какъ повторится „хожденіе въ народъ", да еще въ чиновничьемъ мундирѣ? Такъ вотъ фабричные-то законы и есть тотъ страшный жупелъ соціализма, которымъ пугаетъ насъ храбрый рыцарь. Шутникъ, право, этотъ г. Spectator!

Вѣстникъ Воспитанія, № 7. Статья Д. И. Тихомирова посвящена описанію тѣхъ впечатлѣній, которыя авторъ вынесъ изъ своего руководительства педагогическими курсами въ г. Черниговѣ. Курсы эти происходили нынѣшнимъ лѣтомъ и были устроены черниговскою губернскою земскою управой. Г. Тихомировъ отзывается о народныхъ учителяхъ съ глубокимъ сочувствіемъ. Все говоритъ за то, что земская школа растетъ и крѣпнетъ и съумѣла уже оказать свое вліяніе на народную жизнь. Съ живѣйшею охотой ежедневно собиралось на эти курсы до трехсотъ человѣкъ. Большинство собравшихся педагоговъ составляли учительницы. Всѣ онѣ получили среднее образованіе, а нѣкоторыя—и высшее. Изнурительный зной іюльской поры не уменьшилъ числа посѣтителей, вниманіе ихъ не ослабѣвало и всѣ съ неустаннымъ интересомъ просиживали въ духотѣ и тѣснотѣ не менѣе 6 часовъ въ день. Сверхъ того, многіе составляли изъ себя особые кружки и работали до 12 и до 1 часа ночи. Огромное большинство проживали въ городѣ на свои средства. А извѣстно, какъ скудны ихъ заработки: 180—240, а самое большее 300 р. въ годъ. Учителя и учительницы съумѣли показать свое умственное развитіе тѣмъ интересомъ, съ которымъ они относились по преимуществу къ общимъ широкимъ, а не частнымъ и мелкимъ вопросамъ. Они по собственному своему почину поставили на обсужденіе такіе вопросы, какъ: расширеніе школьнаго курса до четырехъ лѣтъ; необходимость пополнить каталоги книгъ, одобряемыхъ для школьныхъ и учительскихъ библіо-

текъ; организація народныхъ (при школѣ) публичныхъ чтеній; дополнительныя занятія для окончившихъ школьный курсъ ученія; отношеніе къ школѣ ея попечителя и, вообще, хозяйственная сторона дѣла; средства для болѣе тѣснаго сближенія школы съ народомъ и проч. Къ сожалѣнію, по тѣмъ или другимъ причинамъ, многіе вопросы не могли разсматриваться на курсахъ. Таковы: объ избавленіи окончившихъ курсъ школы отъ тѣлесныхъ наказаній; о нравственномъ и матеріальномъ положеніи народныхъ учителей; объ участіи ихъ въ земскихъ собраніяхъ съ правомъ голоса по школьнымъ вопросамъ; объ избраніи особаго члена управы для попеченія о народномъ образованіи въ уѣздѣ; объ организаціи школьной статистики; о собесѣдованіяхъ врачей со взрослыми учениками; о школахъ грамоты и удешевленной земской школѣ; о средствахъ распространенія въ народѣ сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ знаній и умѣній; о школахъ съ пятилѣтнимъ курсомъ; о передвижныхъ школахъ и мног. др.

Г. Тихомировъ справедливо признаетъ полную компетентность народныхъ учителей въ рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ и нельзя поэтому не высказать глубокаго сожалѣнія по поводу отсутствія у насъ учительскихъ съѣздовъ, на которые учителя являлись-бы свободно высказывать свои мнѣнія и обмѣниваться мыслями со своими товарищами, а не выслушивать чужіе уроки и наставленія.

Слѣдуетъ указать на очень интересную статью г. Соколова: *Еще къ вопросу объ умственномъ развитіи.* Дѣло не въ томъ, въ какой степени правъ авторъ и не преувеличиваетъ ли онъ свое мнѣніе. Дорога смѣлая постановка новой мысли и энергическая, вѣская ея защита.

Авторъ доказываетъ, что изученіе наукъ и языковъ, вопреки существующему мнѣнію, не развиваетъ природной умственной силы человѣка, а доставляетъ ему только знанія. Умственныя способности, получаемыя человѣкомъ отъ природы *для познанія всею окружающаго міра,* не могутъ, по мнѣнію автора, усилиться собственно потому, что субъектъ, посредствомъ этихъ способностей, изучилъ этотъ предметъ. Результатомъ изученія какого-нибудь предмета будетъ не увеличеніе умственной силы, а только знаніе этого предмета. И напрасно думаютъ, что отъ изученія древнихъ языковъ, которое требуетъ большаго умственнаго напряженія, человѣкъ станетъ умнѣе или глубокомысленнѣе. Авторъ остроумно замѣчаетъ, что люди, убѣжденные въ томъ, будто изученіе древнихъ языковъ пріучаетъ къ умственной дисциплинѣ и возбуждаетъ любовь къ труду, упускаютъ изъ вида важное обстоятельство. Они забываютъ, какъ много гимназистовъ увольняется за малоспособность. Такимъ образомъ, древніе языки, слывущіе средствомъ, развивающимъ всѣ умственныя способности и возбуждающимъ трудолюбіе, оказываются безсильными для малодаровитыхъ и лѣнивыхъ. Они воспринимаются такими учениками, которые и безъ того достаточно отъ природы умственно одарены и прилежны. Излюбленныя педагогами слова: *гимнастика* и *дрессировка ума* должны относиться собственно не къ уму, а къ тому предмету или къ той истинѣ, надъ которыми работаетъ умъ.

Въ томъ же выпускѣ *Вѣстника Воспитанія* помѣщены интересныя статьи: М. К. Николаевой *Глѣбъ Успенскій по вопросамъ о воспитаніи,* В. Португалова: *Преступныя дѣти* и пр. Журналъ остается интереснымъ попрежнему. Въ пять лѣтъ своего существованія онъ успѣлъ пріобрѣсти свою физіономію и въ ряду своихъ сотоварищей занять замѣтное мѣсто.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1894 годъ.

ФИЛОСОФІЯ. — ПСИХОЛОГІЯ. — ЭСТЕТИКА.

Вопросы Философіи и Психологіи. Кн. VIII, стр. 388; кн. X, стр. 498.

Гартманъ, Э. Основная задача теоріи познанія. Кн. XI, стр. 534.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Кн. IX, стр. 448.

Гротъ, Н. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Кн. X, стр. 499.

Жоли, Г. Психологія великихъ людей. Кн. IX, стр. 449.

Моссо, А. Усталость. Кн. IX, стр. 448.

Нечаевъ, А. Пиръ. Философская поэма любви. Кн. XII, стр. 591.

Паульсенъ. Введеніе въ философію. Кн. VIII, стр. 389.

Рише, Ш. Опытъ общей психологіи. Кн. XI, стр. 537.

Смирновъ, А. Эстетика какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Кн. VIII, стр. 390.

Фалькенбергъ. Исторія новой философіи. Кн. IX, стр. 447.

Фулье, А. Исторія философіи. Кн. IX, стр. 445.

Чичеринъ, Б. Основанія логики и метафизики. Кн. I, стр. 7.

Шербюлье, В. Искусство и природа. Кн. IX, стр. 447.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

...ньбовъ, М. День да ночь. Эпизоды ...въ исторіи одной человѣческой группы. Кн. IV, стр. 175.

...ндерсенъ. Собраніе сочиненій. Кн. ...I, стр. 60; кн. XII, стр. 584.

Мать. Сказка на двадцати двухъ языкахъ. Кн. VI, стр. 290.

...аранцевичъ, К. Весенніе сказки. Кн. III, стр. 120.

Баратынскій, Е. Полное собраніе сочиненій. Кн. IX, стр. 435.

Беранже, П. Полное собраніе пѣсенъ. Кн. III, стр. 121.

Бѣлозерскій, Е. Отъ души и сердца. Стихотворенія. Кн. VI, стр. 285.

Величко, В. Второй сборникъ стихотвореній. Кн. I, стр. 3.

Венгеровъ, С. Русская поэзія. Кн. VI, стр. 281.

Всеволодская, О. Помощь переселенцамъ. Повѣсти и разсказы. Кн. XI, стр. 527.

Гнѣдичъ, П. Кавказскіе разсказы. Кн. VII, стр. 336.

Гофманъ, Т. Житейскія воззрѣнія кота Мурра. Кн. II, стр. 61.

Данте-Алигіери. Новые переводы его сочиненій. Кн. VI, стр. 287.

Диккенсъ, Ч. Сочиненія. Изд. Павленкова. Кн. I, стр. 5.

Зиньківскій, Т. Писанія. Кн. II, стр. 59.

Лажечниковъ, И. Ледяной домъ. Кн. VII, стр. 335.

Льдовъ, К. Саранча. Ром. Кн. VII, стр. 282.

Луговой, А. Сочиненія. Кн. X, стр. 492.

Майковъ, А. Полное собраніе сочиненій. Кн. III, стр. 120.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. Кн. XI, стр. 525.

Маргеритъ, П. На закатѣ. Кн. IV, стр. 181.

Мирославскій, К. Збирникъ творивъ. Кн. VII, стр. 338.

Михеевъ, В. Художники. Кн. V, стр. 239.

— Золотыя розсыпи. Ром. Кн. VI, стр. 283.

Мятлевъ, И. Полное собраніе сочиненій. Кн. VIII, стр. 383.

Навроцкій, А. Волны жизни. Очерки и разсказы. Кн. VII, стр. 337.

Немировичъ - Данченко, Вл. Слезы. Десять разсказовъ. Кн. IX, стр. 436.
Нефедовъ, Ф. Сочиненія. Кн. I, стр. 1.
Никифоровъ, Л. На добрую память изъ русскихъ писателей. Кн. IX, стр. 439.
Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы, переводъ В. М. Лаврова. Кн. XII, стр. 581.
Основьяненко, Г. Малороссійскія повѣсти. Кн. IV, стр. 180.
Плещеевъ, А. Стихотворенія. Кн. X, стр. 489.
Подкольскій, В. Будни. Разск. и очерки. Кн. X, стр. 495.
Полонскій, Я. Мечтатель. Юноша 30-хъ годовъ XIX столѣтія. Разск. въ стихахъ. Кн. III, стр. 121.
Порошинъ, И. Разсказы. Кн. IV, стр. 180.
„Посредникъ“, изд. Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ. Кн. V, стр. 235.
Р—ка, П. Розбита бандура. Кн. II, стр. 58.
Саловъ, И. Уютный уголокъ. Кн. II, стр. 58.
— Суета мірская. Кн. VIII, стр. 384.
Сватово-Луцькій. За дурною головою та й бокамъ лихо. Кн. VII, стр. 340.
Сенкевичъ, Г. Повѣсти и разсказы. Кн. IV, стр. 182.
Станюковичъ, К. Въ море. Повѣсть. Кн. IV, стр. 177.
Стулли, Ѳ. Собраніе повѣстей и разсказовъ. Кн. X, стр. 493.
Трефолевъ, Л. Стихотворенія. Кн. IX, стр. 438.
Фирсовъ, В. Фокусница. Романъ. Кн. II, стр. 55.
Хинъ, Р. Силуэты. Кн. V, стр. 236.
Шапиръ, О. Повѣсти: Вернулась.— Въ слободкѣ.— Дѣти отказали. Кн. II, стр. 57.
Шевченко, Т. Кобзарь. Кн. X, стр. 490.
Шеллеръ, А. Полное собраніе сочиненій. Кн. III, стр. 117; кн. XII, стр. 579.
Щегловъ, И. Убыль души.—Около истины. Кн. IV, стр. 178.
— Сквозь дымку смѣха. Кн. VIII, стр. 386.
Ѳедоровъ, А. Стихотворенія. Кн. V, стр. 240.

Upominek. Książka zbiórogwa na cześć Elizy Orzeszkowej (1866—1891). Кн. VI, стр. 285.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

Высоцкій, Н. Ф. Памяти „Русалки“. Кн. XII, стр. 590.
Георгіевскій, П. Призрѣніе бѣдныхъ и благотворительность. Кн. IX, стр. 444.
Годовой отчетъ русской публичной библіотеки въ Дерптѣ. Кн. IX, стр. 445.
Громека, М. С. О Л. Н. Толстомъ. Кн. I, стр. 6.
Джаншіевъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. Кн. X, стр. 497.
— А. М Унковскій и освобожден. крестьянъ. Кн. XI, стр. 531.
Зелинскій, В. Критическій разборъ романа „Отцы и дѣти“ И. С. Тургенева. Кн. V, стр. 241.
— Критическіе разборы романа Ѳ. М. Достоевскаго „Братья Карамазовы“. Кн. V, стр. 241.
Карѣевъ, Н. Письмо къ учащейся молодежи о самообразованіи. Кн. X, стр. 496; кн. XII, стр. 590.
Кирпичниковъ, А. Достоевскій и Писемскій. Кн. X II, стр. 588.
Короленко, В. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. Кн. III, стр. 122.
Левитовъ, И. Сибирскіе коршуны и ихъ вліяніе на сельское и лѣсное хозяйство страны. Кн. IV, стр. 184.
Матвѣевъ, П. Николай Васильевичъ Гоголь и его переписка съ друзьями. Кн. XI, стр. 528.
Мижуевъ, П. Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Кн. I, стр. 6.
Михайловскій, И. Критическіе опыты. Кн. X, стр. 497.
Михайловъ, Н. Ф. Отчетъ училищнаго врача. Кн. XII, стр. 590.
Отчетъ первыхъ московскихъ яслей за 1893 г. Кн. XII, стр. 590.
Острогорскій, В. Этюды о русскихъ писателяхъ. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Кн. I, стр. 5.
Прайсъ, Г. Русскіе евреи въ Америкѣ. Кн. IV, стр. 186.
Сазоновъ, Г. Ростовщичество-кулачество. Кн. XI, стр. 532.
Струве, П. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Кн. IX, стр. 441.
Тэнъ, И. Бальзакъ. Кн. XII, стр. 589.
Ферлюдинъ, П. Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи. Кн. I, стр. 7.
Фудель, І. Основы церковно-приходской жизни. Кн. V, стр. 242.
— Къ реформѣ приходскихъ попечительствъ. Кн. V, стр. 242.
Четыри кари. В. XXXIII-ті роковиі смерти Т. Шевченка. Кн. III, стр. 12

Corrée, F. Mon Franc parler. Кн. IV стр. 187.
Séverine. Pages rouges. Кн. II, стр. 6

Zeppler, G. Moderne Sänden. Кн. III, стр. 124.

ПЕДАГОГИКА.

Гогебашвили, Я. Педагогическіе вопросы. Кн. VII, стр. 340.

Долго ли помнятъ грамоту крестьяне? Кн. XII, стр. 592.

Закъ, Н. Недостатки современнаго письма и мѣры къ ихъ устраненію. Кн. III, стр. 126.

Коменскій, Янъ-Амосъ. Избранныя педагогическія сочиненія. Кн. I, стр. 8.

Московскій комитетъ грамотности. Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Кн. X, стр. 499.

Острогорскій, В. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Кн. III, стр. 126.

Отчетъ о дѣятельности комиссіи по организаціи домашняго чтенія. Кн. IV, стр. 190.

Памяти отца современной педагогіи Яна Амоса Коменскаго. Кн. I, стр. 8.

Песталоцци, Г. Избранныя педагогическія сочиненія. Кн. IV, стр. 189.

Покровскій, Е. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья молодежи. Кн. I, стр. 8.

Ушинскій, К. Человѣкъ какъ предметъ воспитанія. Кн. VIII, стр. 391.

Ѳедоровъ, В. Записки о преподаваніи отечественнаго языка и словесности. Кн. VII, стр. 341.

ИСТОРІЯ.—АРХЕОЛОГІЯ.—БІОГРАФІИ.—МЕМУАРЫ.

Архивъ князя Ѳ. Куракина. Кн. X, стр. 501.

Брандесъ, Г. Главныя теченія литературы д ятнадцатаго столѣтія. Кн. IV, стр. 192.

Бузескулъ, В. Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе годы въ ея главныхъ явленіяхъ. Кн. VI, стр. 296.

Веселовскій, А. Этюды и характеристики. Кн. IV, стр. 191.

Владимировъ. Слово о полку Игоревѣ. Кн. IX, стр. 451.

Wordrop. Soorgian Folk Tales. Кн. XII, стр. 594.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Кн. VI, стр. 290.

Горнъ, Ф. Исторія скандинавской литературы съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Кн. V, стр. 243.

Гройзенъ, И. Исторія эллинизма. Кн. VIII, стр. 391.

Грѣевъ, И. Исторія Западной Европы въ новое время. Кн. I, стр. 9.

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. Кн. I, стр. 9.

Марьежоль. Историческія чтенія. Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени. Кн. III, стр. 130.

Мищенко, Я. Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV в. по Р. Х. Кн. VI, стр. 295.

Павленковъ, Ф. (Изд.). Жизнь замѣчательныхъ людей: протопопъ Аввакумъ—Мякотина; Кантемиръ—Семенковскаго; Державинъ—Бриліанта; Волковъ—Ярцева. Кн. II, стр. 72.

— Д. И. Писаревъ—Е. Соловьева; Баронъ П. А. Корфъ—М. Песковскаго: Т. Г. Шевченко—Яковенка; А. С. Даргомыжскій—С. Базунова; Сѣровъ, А.—его же; Федотовъ, Б. А. — Дитерихса; Оливеръ Кромвель—Соловьева; — Савонарола—Шеллера; Торквемада—Барро; Ф. Лессепсъ—Барро. Кн. IV, стр. 193.

— Иванъ IV Грозный — Соловьева; Богданъ Хмельницкій — Яковенка; М. С. Щепкинъ—Ярцева. Кн. V, стр. 244.

— Вольтеръ—А. Каренина; Монтескьё—А. Никонова; Адамъ Смитъ — В. Яковенко. Кн. VII, стр. 344.

— Руссо—Южанова; Жоржъ-Зандъ — Анненской; Кондорсе—Литвиновой; Мильтонъ—Соловьева; Тургеневъ Соловьева; Карамзинъ — Соловьева; Жуковскій — Огарковой; Соловьевъ — Безобразова. Кн. XII, стр. 593.

Памятники древней письменности. Кн. IX, стр. 450.

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. III. Кн. IV, стр. 190.

Пѣтуховъ, Е. Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. Кн. IX, стр. 451.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Кн. VII, стр. 342.

Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Кн. X, стр. 501.

Соболевскій, А. Образованность Московской Руси XV — XVII вв. Кн. X, стр. 501.

Соколовъ, М. Церковная реформа императора Іосифа II. Кн. III, стр. 127.

Степовичъ, А. Очеркъ изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кн. VI, стр. 293.

— Разсвѣтъ. Кн. VI, стр. 293.

Тисандье, Г. Мученики науки. Кн. VIII , стр. 398.

Фриманъ, Э. Методы изученія исторіи. Кн. II, стр. 63.

Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в. Кн. II, стр. 66.

Шепелевичъ, Л. Кудруна. Истор.-литерат. этюдъ. Кн. VIII, стр. 397.—Повѣсти Сервантеса. Кн. XII, стр. 594.

Шереръ, В. Исторія нѣмецкой литературы. Кн. VI, стр. 295.

Jan Kollár (1793 — 1852). Sbornik

stati o Zivotê, puosoteni a literarni czinosti pêvce „Slavy dcery“ na oslavu jeho stoletych narozenin. Кн. IX, стр. 452.

———

Histoire générale publiée sous la direction M. Lavisse et A. Rambaud. Кн. VI, стр. 291.

———

Bernhardi. Unter Nikolaus I und Friedrick-Willhelm IV. Кн. III, стр. 129.

Holm, A. Griechische Geschichte. Кн. VIII, стр. 391.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.—СТАТИСТИКА.

Бедрисъ, П. Идеальное государство. Кн. I, стр. 14.

Блекловъ, С. За фактами и цифрами. Кн. IV, стр. 198; кн. VII, стр. 352.

Боголѣповъ, И. Грамотность среди дѣтей школьнаго возраста въ Московскомъ и Можайскомъ уѣздахъ, Московской губ. Кн. V, стр. 251.

Всемірная Колумбова выставка 1893 г. въ Чикаго. Кн. VII, стр. 348.

Дементьевъ, Е. Фабрика, что она даетъ населенію и что она беретъ отъ него. Кн. VI, стр. 305.

Жбанковъ, Д. Отхожіе промыслы. Кн. V, стр. 255.

Исаевъ, А. Начала политической экономіи. Кн. III, стр. 131.

Итоги санитарной переписи г. Варшавы. Кн. III, стр. 136.

Карелинъ, А. Краткое изложеніе политической экономіи. Кн. XII, стр. 5—.

Кауфманъ, А. Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Сибири. Кн. VIII, стр. 411.

Красноперовъ, Е. Вознесенская волость, Оханскаго уѣзда, Пермской губ. Кн. VI, стр. 304.

Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губерн. Кн. II, стр. 73.

Крюковъ, Н. Очеркъ сельскаго хозяйства въ Приморской области. Кн. VIII, стр. 413.

Озеровъ, И. Общества потребителей. Кн. XII, стр. 597.

Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи. Кн. VIII, стр. 410.

Покровскій, В. Статистич. очеркъ С.-Петербурга. Кн. XI, стр. 542.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ. Кн. VI, стр. 325.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Чердынскому уѣзду, Пермской губ. Кн. VIII, стр. 412.

Сводъ статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическ. положенія сельскаго населенія Европейской Россіи. Кн. VIII, стр. 406.

Святловскій, В. Кустари-кожевники Полтавской губ. Кн. V, стр. 254.

Сибирь и великая Сибирская дорога. Кн. VIII, стр. 408.

Скворцовъ, А. Экономическія причины голодовокъ въ Россіи и мѣры къ ихъ устраненію. Кн. I, стр. 13.

Сомнеръ, В. Протекціонизмъ или теорія происхожденія богатства отъ непроизводительнаго труда. Кн. XI, стр. 541.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи. Кн. VIII, стр. 410.

Статистическій сборникъ свѣдѣній по земельному кредиту въ Россіи. Кн. VIII, стр. 410.

Туганъ-Барановскій, М. Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь. Кн. XI, стр. 537.

Яцевичъ, Ю. Начальное образованіе въ Полтавской губ. Кн. V, стр. 252.

———

Bertrand, Z. La cooperation. Кн. VIII, стр. 400.

Bourdeau, J. Le socialisme allemand. Кн. III, стр. 134.

Bulletin de l'office du travail. Кн. VII, стр. 344.

Contensouzac. La gréve générale et lev gréves partielles. Кн. VIII, стр. 405.

Jay, R. Etudes sur la question ouvrière en Suisse. Кн. V, стр. 248.

———

Jäger, E. Der ländliche Personalcredit. Кн. IV, стр. 194.

Hasbach, W. Untersuchungen über Adam Smith und die Entwickelung der Politischen Oeconomie. Кн. VI, стр. 300.

Zetkin, O. Der Socialismus in Frankreich seit der Pariser Kommune. Кн. IV, стр. 197.

— Caracterköpfe aus der französischen Arbeiterbewegung. Кн. IV, стр. 197.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Анненковъ, К. Система русскаго гражданскаго права. Кн. VII, стр. 355.

Васьковскій, Е. Организація адвокатуры. Кн. I, стр. 16.

Гогель, С. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Кн. XI, стр. 548.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Кн. VII, стр. 356.

Дарестъ, Р. Изслѣдованія по исторіи права. Кн. X, стр. 502.

Демченко, Г. Наказаніе по Литовскому статуту въ его 3-хъ редакціяхъ. Кн. III, стр. 137.

Казанскій, П. Институтъ международнаго права. Кн. IX, стр. 456.

Куплевасскій, И. Русское государственное право. Кн. XI, стр. 544.

Mégavorian, A. Etude sur la famille et la mariage armeniens. Кн. XII, стр 597.

Микулинъ, А. Очеркъ изъ исторіи примѣненія закона 3 іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ Владимірской губ. Кн. I, стр. 19.

Молло. Правила адвокатской профессіи во Франціи. Кн. X, стр. 503.

Пиленко, А. Международныя литературныя конвенціи. Кн. IX, стр. 456.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Труды юрид. общ., состоящ. при Импер. Москов. университетѣ. Кн. IX, стр. 453.

Случевскій, В. Уголовно-процессуальная казуистика. Кн. X, стр. 502.

Спасовичъ, В. Сочиненія. Кн. I, стр. 15; кн. VII, стр. 353.

Энгельсъ, Ф. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Кн. XI, стр. 548.

Croabbon, A. La Science du point d'honneur. Кн. XI, стр. 549.

Kowalewsky, M. Coutume contemporaine et loi ancienne. Кн. I, стр. 21.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Де-Волланъ, Г. По бѣлу.свѣту. Кн. IV, стр. 201.

Елисѣевъ, А. По бѣлу-свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ свѣта. Кн. IV, стр. 200.

Истоминъ, Ѳ., и Дютшъ, Г. Пѣсни русскаго народа. Кн. VI, стр. 298.

Сазоновичъ, И. Леонора Бюргера и родственные ей сюжеты въ народной поэзіи, европейской и русской. Кн. VI, стр. 296.

Субботинъ, А. Волга и волгари. Путев. очерки. Кн. VIII, стр. 398.

Фаусекъ, В. За морскимъ горизонтомъ. Кн. VIII, стр. 399.

Южаковъ, С. Добровольцъ „Петербургъ". Кн. V, стр. 246.

Revel, J. Six semaines en Russie. Кн. VI, стр. 298.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Бойсъ, Ч. Мыльные пузыри. Четыре лекціи о волосности, прочитанныя передъ молодою аудиторіей. Кн. IX, стр. 58.

Графъ, Н. Антропометрическія изслѣдованія мужского великорусскаго населенія Владимірской, Ярославской и Костромской губ. Кн. II, стр. 76.

Чановскій, А., и Рождественскій, А. Насколько вѣрны выводы проф. Н. Ю. Зографа въ его „Антропометрическихъ изслѣдованіяхъ" и имѣютъ ли эти „изслѣдованія" какое-либо научное значеніе? Кн. II, стр. 76.

Лугининъ, В. Описаніе методовъ опредѣленія теплоты горѣнія органическихъ соединеній. Кн. IX, стр. 457.

Мензбиръ, М. Птицы Россіи. Кн. III, стр. 139.

Тимирязевъ, К. Жизнь растенія. Кн. III, стр. 138.

— Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Кн. IX, стр. 457.

Янъ, Г. Основанія термохиміи и ея значеніе для теоретической химіи. Кн. III, стр. 139.

МЕДИЦИНА.

Билльротъ, Т. Домашній и госпитальный уходъ за больнымъ. Кн. III, стр. 142.

Бине, А. Вопросъ о цвѣтномъ слухѣ. Кн. VI, стр. 309.

Габричевскій, Г. Руководство къ клинической бактеріологіи для врачей и студентовъ. Кн. VII, стр. 361.

Гаммондъ, В. Сонъ, бевсонница и разстройство сна. Кн. VII, стр. 361.

Гриндфельдъ, А. Современ. взглядъ на спорнюю. Кн. II, стр. 80.

Данилло, С. Краткій очеркъ психіатріи примѣнительно къ уходу и наблюденію за душевно-больными. Кн. II, стр. 80.

— О вліяніи нѣкоторыхъ ядовъ на сознаніе человѣка. Кн. V, стр. 258.

Добротворскій, М. Статическія машины и примѣненіе франклинизаціи въ медицинѣ. Кн. III, стр. 141.

Залѣсскій, С. Нормированіе пищевого довольствія рабочихъ. Кн. XII, стр. 504.

Ивановъ, Н. Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными въ больницахъ. Кн. III, стр. 142.

— Русскій альманахъ по отечественнымъ водамъ, морскимъ купаньямъ, санитарнымъ станціямъ и др. лѣчебнымъ мѣстамъ Россіи. Кн. IX, стр. 461.

Икардъ, С. Женщина въ періодъ менструаціи. Кн. II, стр. 80.

Кальденъ, К. Техника гистологическаго изслѣдованія патолого-анатомическихъ препаратовъ. Кн. VI, стр. 308.

Ковиеръ, С. Исторія средневѣковой медицины. Кн. IX, стр. 461.

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Кн.IX, стр. 461.

Лимбергъ, А. Уходъ за зубами. Кн. XII, стр. 504.

Малисъ, Ю. Врачебная тайна. Кн. V, стр. 257.

Новицкій, А. Изслѣдованіе гигіенической обстановки народныхъ школъ Кременчугскаго уѣзда. Кн. VIII, стр. 417.

Оболенскій, Н. Пособникъ при су

дебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа и при изслѣдованіи вещественныхъ доказательствъ. Кн. VII, стр. 360.

Павоне. Гигіена нервныхъ страданій у дѣтей. Кн. I, стр. 22.

Пантюховъ, Н. Ахалкалакскій уѣздъ. Кн. IX, стр. 462.

Паррейдъ, Зубы и уходъ за ними. Кн. XII, стр. 504.

Прессъ, А., Защита жизни и защита рабочихъ. Выпускъ III. Кн. XII, стр. 5—.

Розенталь. Пиво и водка и ихъ значеніе для народнаго здравія. Кн. I, стр. 23.

Фрейфельдъ, Сбереженія зубовъ. Кн. XII, стр. 504.

Шаховскій, А. Новыя изслѣдованія о причинахъ и излечимости чахотки съ генеалогической точки зрѣнія. Кн. III, стр. 141.

Штрюмпель, А. О вліяніи воображенія на возникновеніе и леченіе болѣзней. Кн. I, стр. 23.

Хоарвегъ. Медицинская электротехника и ея физическія основы. Кн. IX, стр. 462.

ТЕХНОЛОГІЯ.

Бѣлелюбскій, Н., и Богуславскій, Н. Таблицы для подбора поперечныхъ сѣченій и исчисленія вѣса металлическихъ сооруженій съ объясненіями въ текстѣ. Кн. VII, стр. 360.

Веберъ, К. Канатное и веревочное производства. Кн. XI, стр. 553.

Вильке, А. Электричество, его источники и примѣненія въ промышленности. Кн. II, стр. 81.

Войславъ, С. Уходъ за паровыми котлами и машинами. Кн. III, стр. 145.

Гонести, И. Аналитическое опредѣленіе системы грузовъ. Кн. XII, стр. 501.

Кольбъ, Б. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Кн. II, стр. 82.

Отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла о. р. т. з. за 1892 г. Кн. XII, стр. 600.

Лидовъ, А. Химическая технологія волокнистыхъ веществъ. Кн. IX, стр. 460.

Панаевъ, В. По поводу узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ. Кн. XII, стр. 600.

Постниковъ, А. Основанія электротехники. Кн. VII, стр. 359.

Прессъ, А. Общедоступное руководство для борьбы съ огнемъ. Кн. VI, стр. 310.

Смирновъ, П. Какъ дѣлаютъ мыло. Кн. IX, стр. 459.

Тумскій, К. Алюминій и сплавы съ нимъ. Кн. IV, стр. 205.

Учебникъ желѣзно-дорожной телеграфіи. Кн. XII, стр. 599.

Ѳедоровскій, Н. Руководство къ химическому анализу винъ. Кн. XII, стр. 599.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Аверкіевъ, Е. Практическіе совѣты по огородничеству. Кн. VIII, стр. 415.

Бертенсонъ, В. Путевыя замѣтки агронома. Кн. VII, стр. 359.

Брамсонъ, К. Вредныя насѣкомыя и мѣры для борьбы съ ними. Кн. XI, стр. 552.

Богдановъ, С. Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства. Кн. XII, стр. 601.

Гартигъ, Р. Болѣзни деревьевъ. Кн. VI, стр. 307.

Гейдугъ, Я. Виноградарство и винодѣліе въ Черноморскомъ округѣ. Кн. VIII, стр. 416.

Горбатовскій, О. Воздѣлываніе конскихъ бобовъ. Кн. III, стр. 143.

Гриммъ, А. Бесѣды о прудовомъ хозяйствѣ. Кн. III, стр. 144.

Давыдовъ, А. Краткія указанія о посадкѣ и обрѣзкѣ плодовыхъ деревьевъ и о защитѣ ихъ отъ морозовъ. Кн. III, стр. 144.

Дмитріевъ, К. Несгораемыя усадебныя постройки. Кн. VII, стр. 358.

Дубровскій, П. Опытныя сельскохозяйственныя станціи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Кн. I, стр. 24.

— Засоренность хлѣбовъ. Изд. Дон. Т. и М. Кн. XII, стр. 602.

Зорауеръ, Р. Физіологія растеній для садовниковъ. Кн. V, стр. 256.

Іоэльсонъ, М. Пробковый дубъ, его разведеніе и эксплуатація. Кн. IV, стр. 204.

Каблуковъ, И., и Антушевичъ, И. Пчелиный воскъ. Кн. VIII, стр. 416.

Катаевъ, Н. Какъ устроить дешевый несгораемый овинъ. Кн. IV, стр. 204.

— Новыя сохи, плуги и бороны. Кн. V, стр. 255.

Кернъ, Х. Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Кн. IV, стр. 204.

Кирхнеръ, В. Руководство къ молочному хозяйству на научныхъ и практическихъ основахъ. Кн. VI, стр. 307.

Фонъ-Кленце. Молочное хозяйство. Кн. V, стр. 256.

Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній Россіи. Кн. VII, стр. 359.

Кулагинъ, Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи. Кн. VIII, стр. 417.

Либъ, Э. Мѣры къ поднятію плодоводства въ Россіи. Кн. III, стр. 143.

Линдеманъ, К. О кобылкахъ и мѣрахъ истребленія ихъ. Кн. IV, стр. 20

— О насѣкомыхъ, повреждающихъ колось хлѣбовъ, и мѣры истребленія ихъ. К VII, стр. 357.

Матеріалы для выясненія условій сельска

хозяйства въ Пермской губ. Кн. XI, стр. 552.

Мокржецкій, С. Хлѣбныя черепашки въ Крыму. Кн. VII, стр. 358.

Москвичъ. Практическое плодоводство для начинающихъ. Кн. III, стр. 144.

Настюковъ, А. Цвѣтовой способъ быстраго распознаванія фосфоритовъ. Кн. VII, стр. 359.

Нейштубе, С. Ящуръ домашнихъ животныхъ и его леченіе. Кн. VII, стр. 357.

— Куриное яйцо. Кн. VIII, стр. 415.

Опытъ культуры сельско-хозяйственныхъ растеній на поляхъ орошенія г. Одессы. Кн. V, стр. 257.

Отчетъ Пуркарской низшей сельско-хозяйственной школы за 1893 годъ. Кн. VI, стр. 308.

Регель, А. Типы теплицъ, оранжерей и грунтовыхъ сараевъ для сѣвернаго климата. Кн. III, стр. 144.

Ростовцева, Е. Продукты изъ молока овецъ. Кн. III, стр. 145.

Ростовцевъ, П. Наши деревья и кустарники. Кн. VII, стр. 358.

Рудзскій, А. Руководство къ устройству русскихъ лѣсовъ. Кн. III, стр. 143.

Сборникъ статей, изд. и. м. о. с. х. Кн. XII, стр. 601.

Слезкинъ, Р. Современные вопросы научнаго земледѣлія. Кн. VIII, стр. 414.

Сутуловъ, С. Бесѣды по вопросамъ земледѣлія. Кн. VII, стр. 357.

Танфильевъ, Г. Предѣлы лѣсовъ на югѣ Россіи. Кн. XI, стр. 551.

Тонкорунное овцеводство, его настоящее положеніе въ Россіи, причины упадка и мѣры къ его поддержанію. Кн. V, стр. 256.

Труды почвенной коммиссіи при 1 отд. Импер. вольн. экономическаго общества. Кн. XI, стр. 552.

Гурскій, М. Лѣсоводственныя орудія и инструменты. Кн. V, стр. 257.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. Кн. VI, стр. 307.

Фельдманъ, Ф. Наблюденія изъ скотоводственной практики на фермѣ Петровской академіи съ критическими замѣтками о русской скотоводственной литературѣ и русскомъ скотоводствѣ. Кн. I, стр. 24.

Цабель, Н. Практическія наставленія къ сушенію плодовъ и устройству сушилень. Кн. III, стр. 144.

Имановскій, В. Какъ Архипъ разбогатѣлъ. Разск. объ уходѣ за садомъ. Кн. VIII, стр. 415.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Софоклъ. Царь Эдипъ. Перев. съ греч. [illegible]. Вейссъ. Кн. IV, стр. 202.

ИСКУССТВО.

Карасевъ. Музыкальная хрестоматія. Кн. V, стр. 247.

Халюшинъ, С. Іоганнъ Себастіанъ Бахъ и его значеніе въ музыкѣ. Кн. V, стр. 248.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Анго, А. Физика въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Кн. IV, стр. 206.

Барвинскій, О. Вибрки з народної літератури українсько-руської XIX віку. Кн. III, стр. 147.

Березинъ, Н. Географическія имена. Кн. VI, стр. 312.

Бородинъ, И. Краткій учебникъ ботаники. Кн. IV, стр. 206.

Бураковскій, С. „Тарасъ Бульба" Н. В. Гоголя. Разборъ повѣсти для учащихся съ приложеніемъ статьи: „Характеристика и значеніе поэзіи Гоголя". Кн. V, стр. 259.

— „Мертвыя души" Гоголя. Разборъ поэмы для учащихся. Кн. VI, стр. 313.

Гіацинтовъ, Н. Брошюра о преподаваніи русскаго языка съ церковно-славянскимъ и письменныя работы въ младшихъ классахъ учебныхъ заведеній. Кн. VIII, стр. 420.

Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. Кн. I, стр. 27.

Днѣпровъ, М. Русскія прописи для учащихся въ городскихъ начальныхъ и сельскихъ училищахъ. Кн. V, стр. 261.

Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. Кн. V, стр. 262.

Зелинскій, В. Зрительный диктантъ. Кн. I, стр. 26.

Киричинскій, Е. Избранныя жизнеописанія Корнелія Непота. Кн. XI, стр. 554.

Комаровъ, А. Ариѳметическій задачникъ для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ. Кн. V, стр. 262.

Михалевъ, М. Примѣры для диктовки въ младшемъ отдѣленіи начальной школы. Кн. III, стр. 149.

Моръ, Я. Книга упражненій по греческой этимологіи. Кн. VIII, стр. 422.

Никульцевъ, П. Ариѳметика. Кн. V, стр. 261.

Пароменскій, А. Дифференціальное и интегральное исчисленіе съ приложеніями къ анализу и геометріи. Кн. VI, стр. 315.

Пахманъ, И. Русскіе глаголы. Кн. VII, стр. 362.

Платонъ. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе". Кн. VI, стр. 314.

Поповъ, Вл. Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведені-

ямъ русскихъ писателей. Кн. XI, стр. 554.
Попруженко, М. Начала космографіи. Кн. VII, стр. 363.
Преображенская, М. Диктовка. Кн. I, стр. 25.
Рязанцевъ, В. Руководство къ обученію слѣпыхъ чтенію и письму по выпуклымъ точечнымъ буквамъ Брайля. Кн. VI, стр. 314.
Сильченко, И. Родная азбука. Кн. VII, стр. 362.
Славнинъ, К. Первоучка. Азбука для семьи и школы. Кн. V, стр. 260.
— Труды сельскаго учителя. Кн. X, стр. 503.
Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Кн. VIII, стр. 418.
— Грамматика древняго церковно-славянскаго языка. Кн. VIII, стр. 418.
Храпаль, И. Теорія новой методики для органо-цвѣтового метода мысли. Кн. III, стр. 147.
Цезарь, Ю. Записки о галльской войнѣ. Кн. VIII, стр. 421.
Шахрай, Л. Наша старина. Кн. VIII, стр. 420.
Шельцель, К. Методическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ. Кн. I, стр. 27.
Шпаковичъ, Н. Ключъ къ рѣшенію ариѳметическихъ задачъ на всѣ правила. Кн. V, стр. 262.

Voltaire. Histoire de Charles XII. Кн. III, стр. 148.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Анурьевъ, Ч. Домашній переплетчикъ на инструментахъ своего издѣлія.—Столяръ самоучка.—Какъ дѣлать простую мебель. Опытъ ознакомленія дѣтей начальныхъ школъ со столярнымъ ремесломъ. Кн. V, стр. 267.
Бажинъ, С. Эпитимія. Кн. VII, стр. 368.
Бекарюкова-Гизетти. Великое горе. Разск. о томъ, какая бѣда отъ дурной болѣзни и какъ отъ нея спастись. Кн. X, стр. 505.
— Умѣнье—половина спасенья. Разс. про холеру. Кн. X, стр. 505.
Бекетова, М. Друзья человѣчества. Кн. II, стр. 87.
Боллъ, Т. Страна звѣздъ: 1) Солнце. 2) Луна. Кн. IX, стр. 466.
Бролисъ. Простофиля. Кн. X, стр. 507.
Бунинъ, И. Въ голодный годъ. Кн. IV, стр. 209.
Быкова, А. Вильгельмъ Оранскій. Кн. XII, стр. 604.
Вишневскій, С. О сохраненіи здоровья. Кн. X, стр. 508.
Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. I) Турки; II) Англичане. Кн. XII, стр. 604.
Волковъ, Е. Боярин Артамонъ Матвѣевъ и его время. Кн. VIII, стр. 426.
Вятская газета, сельске-хозяйственная и кустарно-промышленная. Кн. V, стр. 265.
Вѣтринскій. Жизнь и стихотворенія Никитина. — Тарасъ Гр. Шевченко, украинскій поэтъ.—Жизнь и пѣсни А. Кольцова. Кн. VIII, стр. 426. Тургеневъ. Кн. XII, стр. 604.
Г. Р. Въ подземномъ царствѣ. Кн. X, стр. 506.
Грабовскій, В. За друга. Кн. IX, стр. 465.
Девель, М. Надо сѣять сортированнымъ зерномъ. Кн. V, стр. 264.
Додэ, А. Прекрасная Нивернеза. Кн. IV, стр. 209.
Елинъ, И. Какъ ухаживать за огородомъ. Кн. III, стр. 154.
Жирковъ, И. Спасибо отцу. Разс. Кн. VII, стр. 368.
Жоржъ-Зандъ. Чортово болото. Кн. X, стр. 507.
Заблоцкая, П. Въ голодный годъ. Кн. IV, стр. 209.
Ивановскій, А. Худая болѣзнь. Нар. чтеніе. Кн. V, стр. 266.
Ивановъ (Строинивъ). Разсказы о землѣ и небѣ. Кн. IX, стр 466.
Калмыкова, А. Изъ жизни уральскихъ козаковъ. Кн. I, стр. 34.
— Какія есть на землѣ растенія и какая отъ нихъ польза человѣку. Кн. I, стр. 33.
— Какъ борются люди съ страшными врагами своими—чумой, оспой и холерой. Кн. I, стр. 32.
— Какъ я провелъ субботу и воскресенье въ нѣмецкой деревнѣ. Кн. I, стр. 33.
— На праздникѣ у древнихъ римлянъ. Кн. I, стр. 33.
— Подъ волнами морскими. Кн. I, стр. 34.
Коломбо. Красавица. Кн. III, стр. 158.
Короленко. Тѣни. Кн. III, стр. 158.
— Ночь подъ свѣтлый праздникъ. — Старый звонарь. Кн. VIII, стр. 425.
Курочкинъ, А. Изъ жизни растеній. Кн. XII, стр. 604.
Кудрявскій. Какъ жили люди въ старину. Кн. XII, стр. 604.
Лѣсковъ. Пустоплясы. Свят. раз. Кн. III, стр. 153.
М. А. Въ чужомъ пиру похмѣлье. Кн. X, стр. 508.
Малымъ ребятамъ. Кн. III, стр. 153.
М—довъ, Г. Какъ развести плодовый садъ. Кн. III, стр. 153.
Маминъ-Сибирякъ. Зимовье Студеное. Кн. VIII, стр. 425.
— Летние. Кн. VIII, стр. 426.
Мижуевъ, П. Вильямъ Гладстонъ. Кн. II, стр. 86.
Миллеръ, Д. Графъ Алексѣй Разумовскій. Кн. IV, стр. 210

Мунтъ-Валуева, А. Джорджъ Вашингтонъ. — Поэтъ-герой (М. Керперъ). — Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. — Веніаминъ Франклинъ. — Христофоръ Колумбъ. Кн. II, стр. 86.

Мысли русскаго народа о томъ, какое ему надо ученіе и просвѣщеніе. Кн. XI, стр. 554.

Наединѣ. Сборникъ. Изд. „Посредника". Кн. III, стр. 152.

Наумовичъ. Четыре путеводителя доброй жизни. Кн. XI, стр. 557.

Нашему юношеству, разск. о хорошихъ людяхъ. Кн. II, стр. 86.

Нефедовъ, Ф. Перевозчикъ Ванюшка. Кн. VII, стр. 368.

Новицкая, А. Южно-уссурійскій край и переселенцы. Кн. IV, стр. 210.

Орелкинъ, П. Жизнь пчелъ. Кн. VII, стр. 367.

Парвиль. Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. Кн. IX, стр. 466.

Разина, Е. Первые подвижники земли русской. Кн. II, стр. 87.

С. Р. Сестра Катерина. Кн. IV, стр. 210.

Семеновъ, С. Подъ великій праздникъ. Кн. III, стр. 153.

Сениговъ, І. Любимый богатырь русскаго народа.—Народныя сказки и пѣсни о Новгородѣ Великомъ.—Народныя сказки и пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ. Кн. VII, стр. 366.

— Царь работникъ и учитель.—Какъ воевалъ Петръ Великій со шведами. Кн. VII, стр. 367.

Сердечное слово. Кн. II, стр. 84.

Сибирь и переселенцы. Кн. IV, стр. 210.

Сиповскій, В. Сократъ и его время. Кн. III, стр. 152.

Скворцовъ, Ѳ. Удивительное приключеніе муравья-пострѣленка. Кн. X, стр. 506.

Смирновъ, А. Метель. Кн. VII, стр. 368.

Станюковичъ, К. Между матросами. Кн. VIII, стр. 425.

— Двѣ елки. Кн. VIII, стр. 425.

Сумцовъ, И. В. Жуковскій. Кн. VIII, стр. 209.

Сытинъ. Русскій сельскій календарь на 1894 г. Кн. III, стр. 154.

Уйда. Друзья. Кн. IV, стр. 209.

Ульяновъ, А. Въ ученьи. Кн. II, стр. 85.

Федьковичъ, О. Безталанный. — Сафатъ Зинычъ.—Кто виноватъ. Пер. Н. Златовратскаго. Кн. IX, стр. 465.

Чеховъ, А. Бабы. Кн. III, стр. 152.

Швейцарія и швейцарцы. Кн. IV, стр. 210.

Эберсъ, Г. Незамѣнимые. Кн. VIII, стр. 367.

Ѳеоктистовъ, И. Гансъ Эгеде. Кн. II, стр. 87.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Гравинкель, К. и Штреккеръ, К. Справочная книга для электротехниковъ. Кн. III, стр. 156.

Гранатъ, А. и К°. Настольный энциклопедическій словарь. Кн. II, стр. 87. Кн. VIII, стр. 426.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Русскій сельскій календарь. Кн. XII, стр. 610.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Кн. III, стр. 154.

Каталогъ библіотеки императорскаго человѣколюбиваго общества. Кн. VIII, стр. 426.

Кохъ, А. Терапевтическо-хирургическій карманный словарь. Кн. XI, стр. 558.

Москвичъ, Г. Практическій путеводитель по Крыму. Кн. IV, стр. 211.

Посредникъ (изд.). Вегетаріанская кухня. Кн. I, стр. 34.

Прянишниковъ, П. Торгово-промышленная адресная книга г. Москвы. Кн. III, стр. 157.

Риккеръ, К. Записная книга на 1895 г. Кн. XII, стр. 609.

Ступинъ, А. Современный календарь. Кн. XII, стр. 608.

Удешевленный проѣздъ на Кавказскія минеральныя воды. Кн. VII, стр. 369.

Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кн. II, стр. 88.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1894 г.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій, вѣдавшихъ строительное дѣло и обученіе ему. Съ 2 листами плановъ. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Кальнингъ, И. Комментарій къ четвертому изданію россійской фармакопеи. Съ предисловіемъ профессора В. А. Тихомирова. Т. II, выпускъ семнадцатый. Москва, 1894 г.

Левицькый, Иванъ. Кайдашева симъя. Повисть. Выдание друге. Харькивъ, 1894. Цина 15 коп.

Острогорскій, А. Н. Среди природы. Разсказы о явленіяхъ природы. Съ рисунками. Изд. 3-е. Книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб. 1894 г. Ц. 1 руб. 25 коп.

— Дѣтскій альманахъ. Сборникъ разсказовъ. Съ рисунками, Изд. 4-е. Книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб., 1894 г. Ц. 1 руб.

Авенаріусъ, В. П. Отроческіе годы Пушкина. Біографическая повѣсть. Съ рисунками. Изд. книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Гиляровъ, А. Н. Старые поэты въ новыхъ русскихъ переводахъ. Дантъ, Боккачіо, Аріостъ, Сервантесъ, Байронъ. Критическій очеркъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 50 коп.

„Эсперантъ“. Международный языкъ. Предисловіе и полный учебникъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 коп.

Блекслей, Т. Г. Перемѣнные электрическіе токи. Руководство для студентовъ и техниковъ. Пер. съ французскаго подъ редакціей В. К. Лебединскаго. Съ 55 рисунками. Изд. К. Л. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Настольный энциклопедическій словарь. Вып. 95. Съ 44 выпуска издается Товариществомъ А. Гранатъ и К°. Москва, 1894 г. Ц. отдѣльнаго выпуска на лучшей бумагѣ 40 коп.

Отчетъ государственнаго банка по выкупной операціи за 1893 г. Спб., 1894 г.

Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XVII, выпускъ II. Омскъ, 1894 г.

Быстренинъ, Б. Житейскія были. Очерки и разсказы. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Покровскій, К. Путеводитель по небу. Москва, 1894 г. Ц. 2 руб.

Фуллье, Альфредъ. Декартъ. Пер. съ французскаго А. П. Татариновой, подъ редакціей проф. Н. Я. Грота. Съ приложеніемъ главы изъ „Исторіи новой философіи“ В. Виндельбанда: „Борухъ Спиноза“. Изд. „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1895 г. Ц. 80 коп.

Рахмановъ, В. В. О работахъ, вредныхъ для здоровья, и о томъ, какъ уберечь себя отъ нихъ. Москва, 1894 г. Ц. 3 коп.

Ли, Іонасъ, Осужденный на вѣкъ. Разсказъ. Пер. съ норвежскаго В. Мосоловой. Изд. „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Шеллеръ, А. К. (А. Михайловъ). Полное собраніе сочиненій. Т. X, XI и XII. Спб., 1894 г.

Славшви Гори. Септемврий, Пловдивъ, 1894 г.

Вѣтринскій, Ч. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Очеркъ его жизни и отрывки изъ сочиненій. Изд. книжнаго склада А. М. Муриновой. Москва, 1894 г. Ц. 15 коп.

Быкова, А. Вильгельмъ Оранскій.

Борьба Нидерландовъ за независимость и свободу вѣроисповѣданія. Изд. книжнаго склада А. М. Муриновой. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Колтановскій. А. Д. Общедоступное землемѣріе. Съ 245 чертежами и планами въ текстѣ. Изд. второе, исправленное и дополненное Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 75 коп.

Бажаевъ, В. Сельско-хозяйственная организація вятскаго земства. Изд. московскаго губернскаго земства. Москва, 1894 г.

Медицинскій отчетъ по Сарапульскому уѣзду Вятской губ. за 1893 г. Сарапулъ, 1894 г.

Каталогъ Петровской библіотеки въ Москвѣ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гутмахеръ, И. М. Таганрогскіе мотивы. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 руб.

Гулишамбаровъ, Ст. Нефтяная промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки въ связи съ общимъ промышленнымъ развитіемъ страны. Изд. департамента торговли и мануфактуръ. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Т. I и II. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 25 коп.

Велецкій, С. Н. О мѣстныхъ органахъ сельско-хозяйственнаго управленія. По поводу проекта министерствъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Изд. Полтавскаго Сельско-Хозяйственнаго Общества. Полтава, 1894 г.

Карѣевъ, Н. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Богословскій, Евгеній. Тургеневъ о Львѣ Толстомъ. 75 отзывовъ. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 30 коп.

Дело. Октобар. Београд, 1894.

Александровичъ, М. С. Книга для чтенія и практическихъ устныхъ и письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ въ школѣ и дома. Самара. 1894 г. Ц. 50 коп.

Schölzel, K. Deutsche Fidel oder erstes Lesebuch. Odessa, 1894.

Шельцель, К., и Непокойчицкій, И. Русская азбука. Учебникъ, примѣненный къ методическому руководству К. Шельцеля, для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ по реальному методу. Изд. Эмиля Бернда. Одесса, 1894 г.

Барышниковъ, П. Русская и церковно-славянская азбука, заключающая въ себѣ русской букварь, басни, разсказы и стихотворенія, краткіе разсказы изъ священной исторіи, церковно-славянскую грамоту и начатки счисленія. Изд. „Учебнаго магазина“ К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 15 коп.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій технический словарь. Вып. XXII. Изд. К. К. Банза. Москва, 1894 г.

Для домашнихъ и любительскихъ спектаклей. Сборникъ пьесъ. Изд. Ѳ. А. Кумянина. Москва, 1895 г. Ц. 2 руб.

Тр—нъ, Евг. Восемь мѣсяцевъ въ Императорской сенаторіи „Халила“ для легочныхъ больныхъ. Спб., 1894 г. Ц. 50 коп.

Крыловъ, И. А. Басни съ иллюстраціями. Миніатюрное изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1894 г. Ц. 25 г.

Златовратскій. Новые разсказы. Москва, 1895 г. Ц. 1 руб.

Избранныя русскія сказки. Съ рисунками И. И. Михайлова, Н. П. Ульянова и А. И. Клангъ. Для маленькихъ дѣтей. Изд. И. Ѳ. Жиркова. Книжки I, II и III. Москва, 1894 г. Ц. каждой книжки 20 коп., на зеленевой бумагѣ и въ папкѣ—50 коп.

Яхонтовъ, И. Милліоны и милліарды. Спб., 1894 г.

Уваровъ, М. С. Санитарное положеніе Тверской губерніи. Статистика движенія населенія и заболѣваемости. Изд. тверской губернской земской управы. Тверь, 1894 г.

Лухмановъ, Н. Пріемышъ. Разсказъ лицика. Съ 3 рисунками. Изд. И. Ѳ. Жиркова. Москва, 1894 г. Ц. 3 коп.

Флексоръ, Д. С. Отмѣна рѣшеній по просьбѣ третьихъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. II. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скворцовъ, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ I. Леченіе климатическое. Изд. „Журнала Медицины и Гигіены“. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Р. С. Г. С. Сковорода. Біографическій очеркъ. Изд. харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1894 г.

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ, Томской губ. Отчетъ за 1893 г. Барнаулъ, 1894 г.

Казанская справочная книга на 1894 г. Изд. Ив. Ивановъ. Казань, 1894 г. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Летопис матице српске. Книга 180. У Новоме саду, 1894.

Кръстевъ, К., д-ръ. Етюди и критики. София, 1894 г.

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.

Васильчиковъ, А. А. Семейство Разумовскихъ. Т. V. Изд. А. Брикнера. Спб., 1894 г.

Вальтеръ-Скоттъ. Айвенго. По-

ный переводъ. Съ 2 картинами и 55 политипажами въ текстѣ. Изд. 2-е. Т. V. (Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта). Изд. книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Пер. съ 4 франц. изд. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1895 г. Ц. 3 руб

Ковалевскій, Максимъ. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Крыловъ, И. А. Басни. Полное собраніе въ 4 частяхъ. Съ біографіей автора. Съ рисунками. Части I, II, III и IV. Изд. петербургскаго комитета грамотности. Спб., 1894 г. Цѣна первой части 10 коп., остальныя по 8 коп.

Россикова, А. Е. Въ горахъ и ущельяхъ Куртатіи и истоковъ рѣки Терека. (Изъ путевыхъ воспоминаній о горной Осетіи). Тифлисъ, 1894 г.

Тихомировъ, Д. И. Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Изд. 2-е. Ц. 50 коп. Ч. II. Новая Россія. Изд. 2-е. Ц. 40 коп. Москва, 1895 г.

Ельницкій, К. Основы законовѣдѣнія. Изъ книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 50 коп.

Мамѣевъ. С. Н. Рукописи библіотеки Тобольскаго губернскаго музея за XVII и первую четверть XVIII столѣтій. Вып. I. (1621—1645). Тобольскъ, 1894 г.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. I. Изд. второе. Москва, 1895 г. Ц. 2 руб.

Шперкъ, Ѳедоръ. Мысль и рефлексія. Афоризмы. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Артемьевъ, А. Н. Краткій очеркъ Развитія „бабичьяго" дѣла въ Россіи и проектъ мѣропріятій къ его упорядоченію. Тифлисъ, 1894 г.

Густафсонъ, Р. Храмъ истины. Съ 12 рисунками. Пер. К. Тетюшиновой. Иллюстрированная сказочная библіотека Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 10 коп.

— Парижская кукла. Съ 12 рисунками. Пер. К. Тетюшиновой. Иллюстрированная сказочная библіотека Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 10 коп.

— Три брата и маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рисунками. Пер. К. Тетюшиновой. Иллюстрированная сказочная библіотека Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 10 коп.

— Пастухъ и принцесса. Съ 10 рисунками. Пер. К. Тетюшиновой. Иллюстрированная сказочная библіотека Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 10 коп.

— Корона морского царя. Съ 10 рис. Пер. К. Тетюшиновой. Иллюстрированная біографическая библіотека Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 10 коп.

Соловьевъ, Евгеній. И. С. Тургеневъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Тургенева. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 коп.

— Н. М. Карамзинъ, его жизнь и ученолитературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Карамзина. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

Калинина, А. Н. Рембрандтъ, его жизнь и художественная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Рембрандта. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

Яковенко, В. И. Огюстъ Контъ, его жизнь и философская дѣятельность. Біографическій очеркъ. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 коп.

Гриммъ, Э. Д. Гракхи, ихъ жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Кая Гракха. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

Соловьевъ, Евгеній. Ротшильды, ихъ жизнь и капиталистическая дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Ротшильда. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

Отчетъ санитарнаго совѣта, отчеты земскихъ врачей и протоколы засѣданій санитарнаго совѣта. Къ докладу Димитровской уѣздной земской управы. Москва, 1894 г.

Кустанаевъ, Худобай. Этнографическіе очерки киргизовъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Подъ редакціей Н. А. Воскресенскаго. Ташкентъ, 1894 г. Ц. 40 коп.

Туганъ, Лидія. На маякѣ. Разсказъ. Спб., 1894 г. Ц. 20 коп.

Фламмаріонъ, К. Конецъ міра. Астрономическій романъ. Пер. Е. А. Предтеченскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 60 коп.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Полное собраніе сочиненій" *А. К. Шеллера.*—„Повѣсти и разсказы" *Элизы Ожешковой.*—„Собраніе сочиненій" *Андерсена.* 579

Критика и публицистика: „Достоевскій и Писемскій". *А. Кирпичникова.*—„Бальзакъ". *Ип. Тэна.* — „Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи". *Н. Карѣева.*—„Отчетъ училищнаго врача" *А. Михайлова.*—„Отчетъ первыхъ московскихъ яслей за 1893 годъ".—„Памяти *Русалки*". 588

Философія и психологія: „Пиръ" *Платона.*—„Долго ли помнятъ грамоту крестьяне, прошедшіе начальную народную школу?" 591

Біографіи и исторія литературы: „Жизнь замѣчательныхъ людей". *Изд. Ф. Павленкова.*—„Повѣсти Сервантеса". *Л. Ю. Шепелевича.* — „Georgian Folk Tales", *by Marjory Wardrop.* 593

Политическая экономія: „Краткое изложеніе политической экономіи". *А. А. Кареллина.*—„Общества потребителей". *И. Э. Озерова.* 595

Юридическія книги: „Etude ethnographique et juridique surla famille et le màriage armeniens", *par Agop Mégavorian* 597

Техническія книги: „Краткій учебникъ желѣзно-дорожной телеграфіи".—„Руководство къ химическому анализу винъ". *Н. А. Ѳедоровскаго.*— „Изъ прошедшаго для пользы настоящаго". *В. А. Панаева.* — „Годичный отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній" . . 599

Сельское хозяйство: „Сборникъ статей по сельскому хозяйству".—„Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства въ 1892 г.". *С. М. Богданова.* — „Результаты изслѣдованія засоренности четырехъ главнѣйшихъ хлѣбовъ" 601

Медицина: „Къ вопросу о нормированіи пищевого довольствія для пріисковыхъ рабочихъ". *Проф. С. І. Залѣскаго.*— „Защита жизни и здоровья на фабрикахъ и заводахъ". *А. А. Пресса.*—„Уходъ за зубами и леченіе ихъ". *А. Лимберга.* — „Зубы и уходъ за ними". *Parreidt'a.* — „Сбереженіе зубовъ съ дѣтства до глубокой старости". *О. Фрейфельда.* 603

Изданія для народа: Средній читатель изъ народа и книги для него. . 604

Календари и справочныя книги: „Современный календарь на 1895 г.". *А. Д. Ступина.*—„Записная книга на 1895 годъ". *Изд. К. Л. Риккера.*—„Русскій сельскій календарь". *И. Горбунова-Посадова* 608

II. Періодическія изданія.

„Русское Богатство", *октябрь.*—„Сѣверный Вѣстникъ", *ноябрь.*— „Русское Обозрѣніе", *ноябрь.*—„Вѣстникъ Воспитанія", № 7. 611

III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1894 годъ.

V. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 ноября по 1 декабря 1894 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,

коммиссіонера общества любителей россійской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. № 2 — 24).

Книжный магазинъ принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложнымъ платежемъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Бурже, Поль. Космополисъ. Романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Доде, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Юнóша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 1 р.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ „Русская Мысль“ за пересылку не платятъ.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Наших полей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на „Русскую Мысль“ за пересылку не платятъ.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна I-го вып. 50 коп., II-го вып. 30 коп.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на „Русскую Мысль“ за пересылку не платятъ.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ. Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Преждесвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 3 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

- Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Аганова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. М. Ц. 2 р.

Альгренъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

[illegible]довъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

[illegible]ендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

[illegible]нгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. [illegible] коп.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Безобразовъ. Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.

Безэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффиц. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.

Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Бернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Спб., 1892 г. Цѣна въ переплетѣ. 1 р. 50 к.

Бибиковъ, П. А. О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Спб., 1862 г. Ц. 50 к.

Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Іогансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.

Блекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. П. М. Дементьевой, съ 38 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.

Боборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.

Бородинъ, И. Весна, русская жизнь

и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.

Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц 1 р.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 130 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за выпускъ.

Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 коп.

— Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.

— Руководство къ ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.

Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтровѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.

— Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, съ вступительною статьей о значеніи вегетаріанства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 к.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Виноградовъ. Extemporalia съ русск. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ

объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.

— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.

— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 коп.

Войславъ. Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.

— Образовательное Путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г. съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гаймъ, Р Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измѣненнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Выпускъ первый. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 1-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гарценштейнъ. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Гетнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Жемина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гефдингъ, Г. Очерки психологіи. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб., 1873 г. Ц. 1 р.

Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Горацій. Сатиры. Переводъ съ подстрочн. словар. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.

Горацій. Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.

— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.

— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій. Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.

Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.

Гравинкель. Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.

Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т., или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. коленкор., ц. 4 р. 50 к., безъ переплета ц. 4 р. 20 к. на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. коленк. пер. 6 р.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.

Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжка I млад. возр., безъ пер. М. 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка II млад. в. б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.

Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащенію. Спб., 1893 г.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М., 1892 г.

Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.

Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.

Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роскошн. переплетѣ—1 р. 75 коп.

Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к

— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.

Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.

Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стернъ, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.

Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.

Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, п. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, п. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.

Дрэперъ, Д. В. Исторія умственнаго развитія Европы. Въ 2-хъ том. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.

Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.

— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.

— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія кня кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.

Европейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Коппе, Франсуа: „Генріетта". Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ". Спб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери". Спб., 1894 г. Ц. 40 к.

Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпре. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Жукъ. Дитя. Дневникъ матери. Спб., 1892 г.

Жуковъ, Николай. Электромет[illegible] лургія и обработка металловъ элект[illegible] ческимъ токомъ. Москва, 1895 г. [illegible] 3 руб.

Жюль Вернъ. Гекторъ Сервадак[illegible] путешествіе въ солнечномъ мірѣ. П[illegible] Самойловичъ. Москва, 1887 г. Ц[illegible] 2 р. 50 коп.

Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. [illegible] 2 руб.

Заблудовскій и Таненбаум[illegible]

Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.

Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.

Затруднительное путешествіе. Игра-задача для дѣтей. Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 25 к.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства (Изданія неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Зелинскій. Справочникъ по русскомъ правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.

— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.

— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.

— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.

Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Зудерманъ, Германъ. Свадьба Іоланты и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.

— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.

— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Изъ дневника Аміеля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.

Ингремъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.

Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Каноникова. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.

Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,

— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III,

ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Каццолино, Пр. Гигіена ухв. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.

Квитка, Григорій. (Основьяненко). Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ Медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенанъ, Джорджъ Степная жизнь въ Сибири. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.

Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобелль. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Леффлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.

Кольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Крафтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 коп.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

Кругловъ, А. В. Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.

— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.

— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

— Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа подъ редакціей Д. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.

— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно - Фишеръ. Лессингъ, как преобразователь нѣмецкой литературы Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауеръ. М., 1894 г. Ц 1 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій сѣверо-американскаго плантатора. Спб 1875 г. Ц. 2 р.

Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лавеле, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.

Левитовъ Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 84.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Леонтьевъ, Н. І. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Лессингъ, Г. Минна фонъ-Барнгельмъ. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.

Лессингъ. Драматич. соч. Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.

Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣх. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Исторія Рима отъ основанія] города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.

— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.

Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.

— Соч. Т. I. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія. Т. II-ой. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба-камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.

— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.

Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 231 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.

Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.

Магнусъ, Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.

Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб., 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимъ, Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.

Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.

— Галилей, его жизнь и ученые труды. М, 1888 г. Ц. 35 к.

Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Блудный сынъ. Повѣсть (Силуэты. Т. I). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц 2 р.
Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Цѣна 8 руб. 50 коп.
— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.
Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Михеевъ, В. М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Мольеръ, Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб. 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.
Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г, Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V. ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.
Мопассанъ, Гюи. Монтъ - Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.
Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія свахи. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппэ, Пьера Лоти, Жана Ришпена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.
Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.
Немировичъ - Данченко, В. И. Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.
— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.
Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
Николаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Нордау, Максъ. Вырожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ". Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ".
— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Библіотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Ольденбергъ, Германъ. Буд

его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.

П. Г. Стихотворенія. М., 18 94 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей" („Біографическая библіотека"). 1) С. П. Боткинъ, 2) Д. Боккачіо, 3) Беранже, 4) Беккаріа и Бентамъ, 5) Воронцовы, 6) Ѳ. Г. Волковъ, 7) Гутенбергъ, 8) Янъ Гусъ, 9) Державинъ, 10) Даніэль Дефо, 11) Чарльзъ Дарвинъ, 12) Эд. Дженнеръ, 13) Данте, 14) Джорджъ Эліотъ, 15) Эдисонъ и Морзе, 16) Конфуцій, 17) Кеплеръ, 18) Канкринъ, 19) В. Н. Каразинъ, 20) С. В. Ковалевская, 21) Кювье, 22) Н. Коперникъ, 23) Лессингъ, 24) Ливингстонъ, 25) М. В. Ломоносовъ, 26) И. Лойола, 27) Линней, 28) Чарльзъ Ляйелль, 29) Лейбницъ, 30) Лавуазье, 31) Мирабо, 32) Мильтонъ, 33) Мейерберъ, 34) Мольеръ, 35) Монтескьё, 36) Моцартъ, 37) А. Мицкевичъ, 38) Микель-Анджело, 39) И. С. Никитинъ, 40) Потемкинъ, 41) Пржевальскій, 42) Песталоцци, 43) Писаревъ, 44) Перовъ, 45) Ришелье, 46) Струве, 47) Сенковскій, 48) Соловьевъ, 49) Сакіа-Муни, 50) Свифтъ, 51) Вальтеръ-Скоттъ, 52) Стенли, 53) Стефенсонъ и Фультонъ, 54) Теккерей, 55) Торквемада, 56) Дж. Уаттъ, 57) Франклинъ, 58) Ульрихъ Цвингли, 59) Робертъ Шуманъ, 60) Ж. Ж. Руссо, 61) Тургеневъ, 62) Ѳедотовъ.

Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Паркесъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи". М., 1894 г. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.

— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к

Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.

Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.

Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.

Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.

— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.

— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.

Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.

—Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г. Ц. 75 к.

Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М. 1891 г. Ц. 2 р.

Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань. 1894 г. Ц. 2 р.

Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.

Прессъ. Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.

Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Птицынъ, Вл. Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 коп.

Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двухлѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.

Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Развореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 руб. М., 1888 г.

Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.

Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Ручныя тѣни. Любимая дѣтская забава. Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.

Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.

Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р. Спб., 1894 г.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.

Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Состав. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 коп.

Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Сервантесъ. Мигель. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчкій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сикорскій. Заиканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.

Симсонъ, Э. О невидачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 2 в. М., 1894 г. Ц. 25 к.

Скворцевъ. Гигіена. Спб., 1881 г. Ц. р.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.

Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Станюковичъ. Безнабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.

Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

Стенли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.

Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 30 коп.

Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.

Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.

Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Струве, П. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.

Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Тайный порокъ. Выпускъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.

Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.

Т[illegible]кноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. [illegible] р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.

Т[illegible]ндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. [illegible]., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

Т[illegible]хомировъ, Д. И. Опытъ плана и [illegible]нспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.
— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
— Чему и какъ учить на урокахъ роднаго языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 руб. 25 к.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обуче-

нія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.

— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Часть II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 руб. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евгеній. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 30 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М., 1893 г. Ц. 2 руб.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

— Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Грецiя подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фламмаріонъ, К. По вопламъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Разсадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц 1 р. 25 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческа географія Европы. Пер. подъ редакц. проф. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текст Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба том М., 1892 г.

— Методы изученія исторіи. Пер. П. Г колаева. Ц. 2 р. М,. 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М.,1894 г. Ц. 80 коп.

Хидая. Комментарій мусульманскаго права. Пер. съ англійскаго подъ ред. Н. И. Гродекова. Въ 4-хъ том. Ташкентъ. 1893 г. Ц. 7 р.

Художественная Россія. Т. I-й Спб. 1885 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчи противъ Калитины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія Ц. 30 к.

— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.

— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О пренебреженіи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.

— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М.. 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антъ. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.

— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.

— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.

— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 года Ц. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 руб.

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.

Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій въ двухъ т. Спб., 1891 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Спб., 1879 г. Ц. 4 р.

Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.

Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.

Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г.; т. IV, двѣ части, цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.

Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сченсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фрауштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1893 г.

Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.

— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Герои Грепіи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ш., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. Москва, 1882 г. Ц. 1 р.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Эртель, А. Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Записки о Галльской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. M., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. M. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.
Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. M., 1891 г. Ц. 40 к.
Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Paul Julius Mocbius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:

L'Abc des tout petits. Couvetr. en coul. Av. 6 grav. col. *Цѣна 8 коп.*
L'Abc du premier âge. Couvert. en coul. Av. 24 grav. col. *Цѣна 30 коп.*
L'Alphabet usuel. Av. 24 grav par Adrien-Marie. *Цѣна 65 коп.*
L'Album Alphabet. Av. 27 illust. en coul. et de nombreuses grav. en noir. *Цѣна 1 р. 25 к.*

—

Французскія книжки съ раскрашенными карт. для маленькихъ дѣтей.

Первая серія.

Цѣна по 5-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. Godefray.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefray.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
Le Bain de Minet, ill. par Godefray.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
La petite Menagère ill. par Bouisset.

—

Вторая серія.

Цѣна по 8-ми коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'raugh, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. Chovin.

Abe des tous petits, ill. par Bouisset.
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. pa[illegible] Bouisset

—

Третья серія.
Цѣна по 13-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jozet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Четвертая серія.
Цѣна по 20 коп.

6 gravuresen couleurs et 8 pages de texte. Couvrture en couleurs.
Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
L'oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par. Chovin.

—

Пятая серія.
Цѣна по 40 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua, ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Шестая серія.
Цѣна по 65 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.
Les animaux domestiques, ill. par. Gambard.
[illegible]li-Baba ou les 40 voleurs, ill. par. Myrbach.
[illegible]u Pays des fleurs, ill. par. Gambard.

—

Седьмая серія.
Цѣна по 1 руб.

[illegible]ntenant vers 80 ill. en couleurs, cart[illegible]nage en couleurs.
[illegible] voyage de M-lle Rosalie, ill. par T. Marie.
[illegible]mbins et bambines, ill. par Harding.

—

Восьмая серія.
Цѣна по 1 руб. 75 коп.

Les jardins de Paris. 32 ill. de Grigny. Texte par Bonhomme.
La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.
Album des enfants sages. Illust. par Harding.
Heureux âge, ill. par Harding.

—

Книги для чтенія для дѣтей отъ 5—8 лѣтъ.
Напечатанныя крупнымъ шрифтомъ съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ.
Цѣна каждаго тома безъ перепл. 40 коп. въ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriveau.
Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bonspoints de Bébé, par M-me de de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes ponpées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Eva Gatouil.
Les plage de Wimeraux, par Noéme Balleyguier.
Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.

—

Книги для дѣтей отъ 9—12 лѣтъ.

Bibliothèque blanche illustrée.
Каждый томъ въ переплетѣ 1 руб.

Bertin, M. Les deux côtés du mur
Bignon. Un singulier petit omme.
Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
Dickens Ch. L'Embranchement de Mugbiy.
Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.
Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Lackroy, S. Les Fées de la famille.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller, Eugéne. Récits enfantins.
Musset, P. de. M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac, E. Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
Sand, George. Gribouille.
Stahl. P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
„ „ Contes de la tante Judith.
Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.

—

Книги для дѣтей отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.
Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. 1 р. 75 к.
Anfosti. Le secret de sir William.
„ Jacques l'abandonné.
Balleygier. Aux garennes.
„ Les Rogimbot.
„ M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Boret. Histoire d'un garçon.
Carnoy. La nuit de Noël.
„ Hans Mertens.
Dumont. Fables pour les petits.
Le Conte. Ce bon Loff.
Jane. Le 28 jours de Suzanne.
Le Roy. Le fils de l'amiral.
Mesureur. Voyage à la mer.
„ Histoire d'un enfant de Paris.
Mirzel. Notre ami Polly.
Monceau. Mon petit frère.
„ L'enfant des Vosges.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Verne. Aventures d'enfants.
Witt. L'hiver à la campagne.
„ Les héros modestes.

—

Книги для дѣтей отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famille. In 8°. illustrée.
Каждый томъ въ переплетѣ 3 руб.
Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.
Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу.

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm.— Puck—Mein — Miezi.—Nach Helgoland.—Mein Liebling—Frau Mieze—Eichhörnchen.– Müller Klaus—Fürs Herzblättchen — Das Haus das Haus, baute—Der Kinderomnibus—Im Freien.

2. Serie à Band 30 kop.

Des Lieblings Bilderbuch — Kasperltheater.—Kätzchen zu Hause—Die En enfamilie.—Tick-Tack für kleine Leute.

3. Serie à Band 45 kop.

Am Strande—Noahs Arche — Durch Flur und Hain—Ringel, Ringel, Rosenkranz—Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern.— Kleine und grosse Freunde—Allerlei Gesellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte—Laterna Magica—Lustiger Reigen—Lieblings Kurzweil—Comitshe clowns—Unsere Lieblingsthiere.

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Jll. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonnirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.
Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln" und „Noch 50 Fabeln") cartonirt zusammen statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.
Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer, Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Biller, Im Reich der Heinzelmännchen oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K, nur 1 R. 50 K.
Deutsche Jugend. Gediegenste, Auswal, von Bildern, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.
Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchen, Schilderungen, Lebensbeschreibungeer Gedichte etc. bearb. von. Th. Schäfn, (Dresden). Mit zahlreichen bunten Vollbidern und Textillustrationen. Jeder Band in 4° (über 380 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jeder Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.
Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Häschens Reise durch die Stube. Mariel und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging. Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden, statt 2 R., nur 85 K.
Frey, A. Schweizersagen. Mit Holzschnitten nach Original-zeichnunden deutsche

Künstler, cartonnirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.

Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb, statt 3 R.,nur 1 R. 50 K.

Krüger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunten 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband,statt 1 R. 50 K., nur 85 K.

Bern, M., Anthologie für die Kinderstube. Eine Auswahl der besten Ammenscherze, Spielverse, Puppengedichte, Räthsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebete altberkömmlichen Reime, sowie fier neuesten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illustrationen von Flinzer. Pletsch, Richter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K.,nur 1 R. 50 K.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Original zeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.

Strässle, Franz, Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

Нѣмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit viölen dunten Aildern. 25 K.

Bilder A. B. C., oder der fleissige Leseschüler (mit bunten Bildern) cartonnirt. 25 K.

Das goldene A. B. C., für kleine fleissige A. B. C. Schützen (mit vielen bunten Bildern) cartonnirt. 30 K.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. 35 K.

Gurcke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von Q. Speckter cartonnirt. 45 K

Dietlen, R Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrirte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungs unterrichte verbundenen ersten Sprech., Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, cartonnirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова.

Русскія.

Артистъ. Театрально музыкальный и художественный журналъ. Ежемѣсячно. Ц. 12 р.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.

Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на $^1/_2$ г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.

Благовѣстъ. Журналъ, два раза въ мѣсяцъ. Ц. съ пер. и дост. 5 р.

Будильникъ. Журналъ сатирическій съ каррикатурами. Москва. Еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на $^1/_2$ г. 6 р.

Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на $^1/_2$ г. 6 р.

Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.

Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.

Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.

Волынь. Газета: 3 раза въ недѣлю. Житомиръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.

Восточное Обозрѣніе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.

Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники“. Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на $^1/_2$ г. 6 р.

Всемірная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. л.—н. прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.

Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.

Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 нумер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.

Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячный журналъ. Ц. 4 р.

Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.

Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.

Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер, и дост. 7 р.

Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Екатеринбургская Недѣля. Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.

Живописное Обозрѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣсяч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.

Journal de St.-Pétersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., ½ года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 коп.

Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.

Зодчій. Художественно - техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.

Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.

Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., ½ г. 7 р.

Колосья. Научно-литературный журналъ. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 8 р.

Край („Kraj"). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., ½ г. 5 р., съ пер. 12 р., ½ г. 6 р.

Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 р.

Лучъ. Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ еженедѣльнаго журнала „Иллюстрированный Міръ". Безъ прилож. 3 р.

Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., ½ г. 10 р. 50 к.

Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.

Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.

Наука и Жизнь. Научный иллюстрированный журналъ, 52 №№ въ годъ. Ц. 5 р.

Наше Время. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ. Ц. 7 р.

Недѣля. Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей". Ц. съ пер. и дост. 9 р.

Нива. Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.

Новое Время. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; ½ г. съ дост. 9 р., съ перес. 10 р.

Новороссійскій Телеграфъ. Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; ½ г. 8 р.

Новости. Ежедневн. политич. и литературн. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., ½ г. 9 р.; съ перес. 17 р., ½ г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., ½ г. 6 р.; съ перес. 10 р., ½ г. 6 р.

Новости Дня. Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., ½ г. 5 р. 50 к.

Новь. Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.

Нувеллистъ. Музыкальный журналъ, съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.

Осколки. Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.

Петербургская Газета. Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., ½ г. 5 р.; съ перес. 10 р., ½ г. 6 р.

Петербургская Жизнь. Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.

Петербургскій Листокъ. Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., ½ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., ½ г. 6 р.

Природа и люди. Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 5 р.

Правительственн. Вѣстникъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., ½ г. 8 р.

Правда. Еженедѣльная газета. Ц. съ дост. и пер. 7 р.

Развѣдчикъ. Журналъ библіографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

Развлеченіе. Журналъ литературн. и юмористич., съ политическими. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.

Ребусъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Родина. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.

Русское Богатство. Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.

Русскій Вѣстникъ. Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.

Русскій Инвалидъ. Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборникомъ" 13 р.

Русская Жизнь. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 8 р., съ пер. 9 р.

Русское Обозрѣніе. Ежемѣсячный

литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.

Русскія Вѣдомости. Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., 1/2 г. 6 р.

Русь. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями; ц. 8 р.

С.-Петербургскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.

St.-Petersb. Herold. Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.

St.-Petersburg.Zeitung. Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.

Свѣтъ. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.

Сельскій Вѣстникъ. Еженедѣльная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

Сенатскія Вѣдомости съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р 55 к.

Стрекоза. Художественно-юмористич. журналъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; 1/2 г. 6 р.

Судебная Газета. Еженедѣльная газета. Ц. въ годъ 7 р.

Сѣверный Вѣстникъ. Литературно-научный и политическій журналъ. 12 №№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к., съ пер. 13 р. 50 к.

Сѣверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.

Сынъ Отечества. Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.

— Второе изданіе безъ приложен. 4 р.

Тифлисскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

Чтеніе для солдатъ. 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост, и пер. 4 р

Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.

Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ каррикатуръ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ премію 7 р. 65 к.

Польскіе.

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.

Biblioteka najcelniejszych utworow literatury europejskiej. 12 zeszytów, rs. 6.

— romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6 kop. 80.

— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.

Biesiada literaska. Pismo literackie illustrowane. 52 num, rs. 6 z dodatkiem powieści, rs. 8.

Bluszcz. Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 13; wydanie III rs. 16.

Czasopismo Techniczne, miesięczne. Kraków. Rs. 6 kop. 80.

Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literasko-artystyczny, zawiera utwory zagranieznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.

Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.

Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.

Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.

Gazeta przemysłowo - rzemieślnicza, pismo tygodniewe, rs. 5 k. 20.

Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.

Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.

Gazeta Swiateczna. 52 numera, rs. 3.

Gazeta Warszawska codziennie, rs. 12.

Izraelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.

Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.

Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwaprzyrodnikówimienia „Kopernika". Lwów, 21 reszytów, rs. 6.

Kraj, tygodnik polityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.

Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.

Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.

Kurjer Poranny. Wychodzi codzień, rs. 8.

Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Swiateczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.

Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.

Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.

Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcya d-ra Benni, rs. 6.

Mucha. Tygodnik humorystyczny illustrowany, rs. 4.

Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.

Ogrodnik Polski. Dwutygodnik illustrowany, rs. 8.

Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcyą Aleksandra Swiętochowskiego. 6. rs. 10.

Przegląd tugodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.

Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.

Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych. Miesięcznik, rs. 3.

Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.

Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs 6.

Romans i Powiesc. 52 numera, rs. 4.

Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.

Sylwan piśmo poświęcone leśnictwu, rs. 5.

Tygodnik illustrowany, pośw. literaturze, nauce i sztukom pięknym, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.

Tygodnik mód i powiesci. Z dodatkiem illustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.

Tygodnik powiesci. Poznań, rs. 4.

Tygodnik Romansów i Powieści, rs. 4.

Wędrowiec. Pismo illustr., obejmujące podróże, rs. 8.

Wiadomosci farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.

Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe illustrowane dla dzieci, rs. 5.

Wiek, dziennik polityczny i społeczny. rs. 12.

Wszechswiat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod. redakcyą B. Znatowicza, rs. 10.

Zdrowie, miesięcznik poświęcony hygjenie, rs. 5.

Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

МОСКВА, С.-Петербургъ, Одесса, Коканд̀ъ, Варшава, Екатеринбургъ.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. При запросахъ просимъ упомянуть настоящій журналъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи ЕЖЕДНЕВНУЮ (не менѣе 330 №№ въ годъ), политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ".

Газетное дѣло не любитъ застоя. Памятуя это, мы стремились постоянно къ улучшенію нашей газеты въ литературномъ и техническомъ отношеніяхъ, не смущаясь никакими встрѣчающимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливаясь ни предъ какими матеріальными затратами. Возроставшее съ каждымъ днемъ сочувствіе къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи „Одесскихъ Новостей" и оказываемой ею намъ постоянно нравственной поддержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ „Одесскихъ Новостей" обильный матеріалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной, мы не ограничивались однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактовъ, а старались, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе.

Въ газетѣ „Одесскія Новости" помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики, литературы искусства, науки и техники. Кромѣ спеціально посвященныхъ данному вопросу статей и сообщеній, помѣщаются фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки и разсказы, журнальное обозрѣніе, театральное обозрѣніе и научно-техническій фельетонъ. Кромѣ того, на праздникъ Рождества Христова выдается подписчикамъ иллюстрированный „Дѣтскій нумеръ" содержащій разсказы, стихотворенія, анекдоты и популярный научный очеркъ, предназначенные для дѣтскаго чтенія. Особенно развитымъ является въ „Одесскихъ Новостяхъ" областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 66 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и кромѣ того корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ заведены болѣе прочныя сношенія съ заграницей и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты. Не довольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ (кроковъ) переносимъ, такъ сказать, читателей какъ въ самые отдаленные уголки общечеловѣческой жизни, давая возможность видѣть наглядно происшествія, событія, выдающихся людей, замѣчательныя зданія и т. д., такъ и въ ближайшія къ намъ провинціи и города,—ставя впереди Одессу,—помѣщая не только рисунки всего выдающагося въ нихъ, но и портреты мѣстныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городского управленія, педагогіи, науки и т. п.

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ „Одесскихъ Новостей" значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд.), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Герцо-Виноградскій, Діонео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловайскій, А. Е. Кауфманъ, профессоръ А. И. Кирпичниковъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis) профессоръ А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулисъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, профессоръ Ѳ. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), И. М. Хмѣльницкій, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др.

Кромѣ поименованныхъ лицъ, намъ обѣщали свое сотрудничество нѣкоторые столичные писатели, имена коихъ будутъ своевременно опубликованы.

Какъ и до сихъ поръ, мы впредь будемъ неуклонно идти по пути улучшенія и постараемся сохранить за „Одесскими Новостями" репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни, безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты во внѣшнемъ и техническомъ отношеніи.

Съ 15 августа редакція, контора и типографія „Одесскихъ Новостей" переѣхали въ новое роскошное помѣщеніе въ недавно отстроенномъ домѣ Бродскаго на углу Ришельевской и Греческой улицъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“.

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой въ другіе города	
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 6 „	4 „ 50 „	„ 6 „	5 „ — „
На годъ	8 „ — „	На годъ	9 „ — „

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.

Въ розничной продажѣ 5 коп. номеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ ОДЕССѢ, въ Главной конторѣ: Греческая ул., домъ № 24.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЪ въ другихъ городахъ: Аккерманѣ, Александровскѣ, Алешкахъ, Балтѣ, Батумѣ, Бендерахъ, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Березовкѣ, Бершадѣ, Богополѣ, Берславѣ, Волградѣ, Бобруйскѣ, Виннницѣ, Вознесенскѣ, Верхнеднѣпровскѣ, Гомелѣ, Геническѣ, Гайсинѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославлѣ, Кіевѣ, Елисаветградѣ, Житомірѣ, Изманлѣ, Килін, Крив.-Рогѣ, Крив.-Озерѣ, Кіевѣ, Каховкѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Казатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевъ-Подольскѣ, Новомиргородѣ, Новогеоргіевскѣ, Николаевѣ, Николѣ, Нѣжинѣ, Оргѣевѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени, Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симферополѣ, Сорокахъ, Тирасполѣ, Тальномъ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотинѣ, Херсонѣ, Ялтѣ, Феодосіи.

Редакторъ-Издатель А. СТАРКОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

на духовно-академическіе журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

«ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ».

„Церковный Вѣстникъ“ имѣетъ цѣлію удовлетворить потребности всѣхъ образованныхъ людей, не чуждыхъ церковно-религіознаго смысла, въ томъ числѣ, конечно, прежде всего потребность нашего отечественнаго духовенства — знать современную жизнь церкви Христовой вообще, православной восточной въ частности и нашей отечественной въ особенности, и слѣдить за теченіемъ этой жизни во всей ея широтѣ и разнообразіи, притомъ въ соприкосновеніи ея съ жизнью свѣтскаго общества.

Программа **Христіанскаго чтенія**, вступающаго въ XXXV-ю годовщину своего существованія, столь же обширна и разсчитана на удовлетвореніе потребностей тружениковъ науки, служителей церкви и простыхъ вѣрующихъ. Въ немъ помѣщаются оригинальныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ „Христіанскомъ Чтеніи“ будутъ попрежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта.

Кромѣ того съ 1895 года редакція приступаетъ къ изданію „Полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста“ въ русскомъ переводѣ на льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно: подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній (болѣе 600 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ. Годовая цѣна въ Россіи: а) за оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—8 (восемь) руб. съ пересылкою. б) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.; за „Христіанское Чтеніе“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.

Заграницей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—10 р. 50 к.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—9 рублей.

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

ВЪ 1895 ГОДУ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ

для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

вступаетъ въ двадцать седьмой годъ своего существованія.

„Дѣтское Чтеніе“ одобрено: Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній для кадетскихъ корпусовъ. Въ 1895 г. **„Дѣтское Чтеніе“** будетъ выходить книжками отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

При журналѣ издается безплатное приложеніе „Педагогическій Листокъ“, выходящій 4 раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 листовъ, посвященный вопросамъ первоначальнаго воспитанія и обученія и обзору книгъ для внѣкласснаго чтенія, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей. Въ 1895 году въ **„Дѣтскомъ Чтеніи“** примутъ участіе: К. С. Баранцевичъ, Н. А. Борисовъ, П. П. Вагнеръ (Котъ-Мурлыка), Ю. Н. Вагнеръ, В. А. Гольцевъ, И. И. Горбуновъ-Посадовъ, В. Е. Ермиловъ, П. В. Засодимскій, Д. А. Коропчевскій, А. В. Кругловъ, Вл. Н. Ладыженскій, В. М. Лавровъ, Лихачевъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, С. П. Мечъ, Д. Л. Михаловскій, В.И. Немировичъ-Данченко, Ал. Н. Острогорскій, Вас. П. Острогорскій, Н. И. Позняковъ, П.Н. Нотапенко, Н. А. Рубакинъ, Д. Д. Семеновъ, К. К. Сентъ-Иллеръ, П. А. Сергѣенко, В. С Сиповскій, В. М. Сорокинъ, А. П. Чеховъ и мн. др. Въ художественномъ и музыкальномъ отдѣлахъ: Е. М. Бёмъ, М. М. Далькевичъ, М. П. Клодтъ, А. М. Клодтъ, Максимовичъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на годъ: безъ доставки въ Москвѣ 5 руб., съ доставкою и пересылкою во всѣ г Россіи 6 руб., за границу 8 руб. Допускается разсрочка по четвертамъ и полугодіямъ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ главной конторѣ редакціи: Москва, Тверская ул., домъ Гиршмана кв. **Дм. Ив. Тихомирова.**

ЕЖЕДНЕВНАЯ

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУР., ПОЛИТИЧ. и КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ.

(Двадцать второй годъ существованія).

Нашъ девизъ: „служеніе интересамъ всей Россіи, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій".

Двадцать одинъ годъ мы не останавливались ни передъ какими трудами, ни передъ какими затратами, ни передъ какими препятствіями, чтобъ создать на югѣ Россіи большой литературный и политическій органъ, который, служа мѣстнымъ интересамъ, въ то же время замѣнялъ бы провинціальнымъ читателямъ большія столичныя газеты, сообщая и освѣщая всѣ выдающіеся факты общественной и политической жизни Россіи, Европы, всего міра. Наша задача—давать какъ можно больше фактовъ и придавать имъ яркое, всегда безпристрастное и всегда правдивое освѣщеніе.

На первомъ планѣ ставя обиліе сообщаемыхъ фактовъ и быстроту ихъ передачи, „Одесскій Листокъ", кромѣ самой полной хроники общественной, городской, административной, военной, судебной, думской, земской, даетъ ежедневно массу телеграммъ отъ собственныхъ корреспондентовъ и свѣдѣнія по телефону изъ Николаева. Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ юга редакція имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ, которые немедленно сообщаютъ обо всякомъ мало-мальски выдающемся фактѣ мѣстной жизни.

Этотъ матеріалъ въ каждомъ номерѣ Одесскаго Листка разрабатывается и освѣщается въ передовыхъ статьяхъ, касающихся вопросовъ дня какъ внутренней общественной, такъ и внѣшней политической жизни.

Въ ежедневныхъ фельетонахъ газеты печатаются: фельетоны общественной жизни гг. Барона Икса, Финна, В. Дорошевича, Фланера и Фигаро, литературно-критическіе фельетоны г. Чуйко, фельетоны по вопросамъ философіи г. Оболенскаго, научные, музыкальные и заграничные фельетоны за подписью М. Г. (псевдонимъ), беллетристическія произведенія гг. Круглова, Дешкина, Черномора и друг., а также фельетонные наброски „злобы дня" Кишинева, Николаева, Херсона, Елисаветграда, Кіева и прочихъ городовъ юга и Крыма.

Кромѣ литературнаго и публицистическаго матеріала, въ газетѣ ежедневно печатаются коммерческія свѣдѣнія, какъ-то: цѣны на хлѣбъ, колоніальные товары, на скотъ, курсы на денежныя бумаги и на монету, на русскихъ и заграничныхъ рынкахъ, и все прочее, что можетъ интересовать коммерсанта.

Такимъ образомъ, газета выполняетъ свое назначеніе служить самому широкому кругу читателей,—и наши читатели знаютъ, что мы постоянно стремимся еще болѣе улучшать содержаніе газеты, девизомъ всей нашей журнальной дѣятельности поставивъ одно стремленіе впередъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ заявить, что въ Одесскомъ Листкѣ постоянное ближайшее, ФАКТИЧЕСКОЕ (а не фиктивное) участіе принимаютъ: Н. И. Борисовъ, Ив. Емел. Булгаковъ, Аксель Карл. Гермоніусъ, Сем. Тит. Герцо-Виноградскій, Власъ Михайл. Дорошевичъ, Конст. Ал. Дешкинъ, Александръ Вас. Кругловъ, А. М. Когенъ, Вас. Як. Лучинскій, С. В. Лазаровичъ, Леонидъ Ег. Оболенскій, Александръ Спир. Попандопуло, Алекс. Ант. Спиро, Вл. Вик. Чуйко, В. Д. Ѳедоровъ и др.

Подписная цѣна газеты: на города съ ежедневною высылкою по почтѣ: 12 р. въ годъ, 7 р. полгода, 3 р. 80 к. три мѣсяца, 1 р. 30 к. въ мѣсяцъ.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ „ОДЕССКАГО ЛИСТКА" ВЪ ОДЕССѢ.

въ домѣ редактора-издателя Одесскаго Листка В. В. Навроцкаго, рядомъ съ городскимъ театромъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1895** Г.

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ."

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ВЪ ОРЕНБУРГѢ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Основная задача **изданія**—изученіе юго-восточнаго района Россіи (губерній Оренбургской, Самарской и Уфимской и областей Уральской и Тургайской) **въ экономическомъ и бытовомъ отношеніяхъ.**

Корреспонденты **„Оренбургскаго Края"**: **въ Самарѣ**, Уфѣ, Уральскѣ, Бузулукѣ, Бѣлебеѣ, **Мензелинскѣ**, Орскѣ, Троицкѣ, Верхнеуральскѣ, Челябинскѣ, Илецкой Защитѣ, Шарлыкѣ, Покровскомъ, Луговомъ, Кустанаѣ, Актюбинскѣ, Гурьевѣ и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для иногородныхъ **подписчиковъ за годъ 6 р., за полгода 3 р.**, для городскихъ подписчиковъ **за годъ 5 р., за полгода 2 р. 50 к.** Для лицъ сельскаго духовенства **и для учителей и учительницъ сельскихъ**, поселковыхъ и станичныхъ школъ подписная цѣна съ пересылкою на годъ **4 р., на полгода 2 рубля.**

Подписка на газету **„Оренбургскій Край"** принимается въ Оренбургѣ, въ главной конторѣ **газеты**, при типографіи Б. А. Бреслина, по Николаевской улицѣ, **въ д. наслѣдн. Шошина**, и въ редакціи газеты, по Хлѣбному переулку, **въ д. Снѣгиревой.**

Редакторъ издатель *Н. А. Баратынскій.*

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ":

1) *Корелинъ, М. С., проф.*: «Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи». Выпускъ II. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы. Съ 22 рис. въ текстѣ. Рекомендовано ученымъ комитетомъ минист. народн. просвѣщенія. Цѣна 30 коп.

2) *Чеховъ, Михаилъ:* «Закромъ». Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., д. № 2—24).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1895** ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

XV ГОДЪ. **ОСКОЛКИ** ГОДЪ XV.

подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки" съ карикатурами, вступая въ **ПЯТНАДЦАТЫЙ** годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1895 году подъ тою же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1894 году.

Журналъ „Осколки" издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій, помѣщая на своихъ страницахъ въ теченіе года до 1000 юмористическихъ и карикатурныхъ художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до 1800 юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ, а именно: легкихъ фельетонныхъ набросковъ изъ текущей жизни, разсказовъ, сценъ, шаржей, пародій, очерковъ, анекдотовъ, шутокъ, изреченій, каламбуровъ, шарадъ, загадокъ и пр.

Время отъ времени редакція предлагаетъ ребусы, шарады и загадки на премію.

Всѣ **ГОДОВЫЕ** подписчики получатъ въ КОНЦѢ 1895 года

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ

ЮМОРЪ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

ВЪ РИСУНКАХЪ.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой:		**Безъ доставки и пересылки:**	
На годъ съ безплатной премій	9 руб.	На годъ съ безплатной премій	8 р. — к.
На полгода безъ премій	5 „	На полгода безъ премій	4 „ 50 „
На три мѣсяца безъ премій	3 „	На три мѣсяца безъ премій	2 „ 50 „
За границу на годъ	10 „		

ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ПРЕМІИ ПРИПЛАТЫ НЕ ПОЛАГАЕТСЯ.

Допускается разсрочка подписной платы черезъ господъ казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ **Главной Конторой** журнала „Осколки". Подписавшіеся съ разсрочкой получатъ премію лишь по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала „Осколки" въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-издатели **Н. Лейкинъ и Р. Голике.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ БИРЖЕВУЮ, ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ

объявленій и справокъ.

Задача „Нижегородскаго Листка" дать подписчикамъ за вполнѣ доступную цѣну свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается въ Нижнемъ-Новгородѣ и Нижегородскомъ краѣ, въ Россіи и за границей, чтобы читатель, получая только одну газету, могъ знать все, что необходимо всякому, слѣдящему за современною жизнью.

Особенное вниманіе будетъ удѣлено редакціею предстоящей

Нижегородской всероссійской выставкѣ 1896 года, а также

БИРЖЕВЫМЪ И ТОРГОВЫМЪ СВѢДѢНІЯМЪ,

полученнымъ отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ большинства важнѣйшихъ торговыхъ центровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на газету „Нижегородскій Листокъ" съ доставкой и пересылкой

Н.-Новгородѣ: на 12 м. 4 р., 6 м. 2 р. 50 к., 3 м. 1 р. 50 к., 1 м. 60 к.	**Иногороднимъ:** на 12 м. 5 р., на 6 м. 3 р., на 3 м. 1 р. 80 к., на 1 м. 70 к.

Плата за объявленія: передъ текстомъ 10 копѣекъ за строку петита (мелкаго шрифта), послѣ текста 5 копѣекъ.

XX-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1895 ГОДЪ

НА

„St. Petersburger Herold"

(„С.-Петербургскій Геральдъ")

ИЗДАНІЕ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Акціонернаго Общества Типографскаго Дѣла въ С.-Петербургѣ.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

безъ предварительной цензуры

самая большая газета, выходящая въ Россіи на нѣмецкомъ языкѣ.

Газета „ГЕРОЛЬДЪ" по объему даваемыхъ ежедневно свѣдѣній и по распространенію въ Россіи и за границею считается

ПЕРВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ

ВЪ РОССІИ,

въ виду чего особенно рекомендуется для помѣщенія

ОБЪЯВЛЕНІЙ,

которыя получаютъ обширное распространеніе среди нѣмецкаго и вообще иностраннаго населенія обѣихъ столицъ и всей Имперіи.

Цѣна подписки съ доставкою:		**Цѣна объявленій:**	
За годъ	**14** р. — к.	За строку 1-й стр. . .	**40** к.
„ ½ года	**8** „ — „	„ „ въ отд. рекл.	**20** „
„ ¼ „	**4** „ **50** „	„ „ за текстомъ.	**12** „

Подписка и объявленія принимаются у всѣхъ книгопродавцевъ Имперіи по цѣнамъ редакціи.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-Петербургъ, Вознесенскій проспектъ, домъ № 3.

Телефонъ № 514.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ и К°

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

Арнольдъ, Ѳ. К. Курсъ лѣсоводства для лѣсныхъ школъ и для лѣсовладѣльцевъ и управляющихъ имѣніями. Съ 25 рисунками. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Васюкинъ, В. С. Русскіе композиторы: П. И. Чайковскій. (Очеркъ его дѣятельности). Съ портретомъ композитора. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Венедиктовъ, И. А. Проказникъ или дневникъ шалуна. Сказка въ стихахъ. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.

Вилз, Альфредъ. Механизмъ мышленія. Переводъ съ англійскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 коп.

Бурже, Поль. Изъ-за любви. Съ иллюстраціями и портретомъ автора. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Волковой, М. Бесѣды о томъ, какъ охранять здоровье женщины, начиная съ дѣтства и кончая періодомъ увяданія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Государственный строй Германской имперіи. Одесса, 1894 г. Ц 15 к. („Международная Библіотека", № 19).

Градовскій, Н. М. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.

Диккенсъ, Ч. Рождественскій сочельникъ. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Жина. Замужество Коризы. Переводъ съ франц. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Карѣевъ, Н. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лаврентьевъ, А. Таблицы для изслѣдованія зрѣнія у новобранцевъ и испытуемыхъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Лукашевичъ, Клавдія. Няня. Повѣсть для дѣтей. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Малэ, Гекторъ. Сообщники. Переводъ съ франц. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Михаловскій, Д. Л. Маленькіе герои и другіе разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 85 к.

Михайловой, А. Д. Библіотека нашего юношества. Вып. V. За кулисами. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Модзалевскій, К. Н. Послѣдній изъ рода Гортензіевъ. Разсказъ изъ римской жизни начала императорскаго періода. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, Вл. И. Слезы. (10 разсказовъ). М., 1894 г. Ц. 1 р.

— На литературныхъ хлѣбахъ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сильвестръ, Э. Философъ на чердакѣ. Переводъ О. Н. Хмѣлевой. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Скворцовъ, И. В. Русская исторія. Часть 1-я. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Сарката (К. Баранцевича). Картинки жизни. 39 разсказовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Стороженко, А. П. Марко Проклятый. Спб., 1894 г. Ц. 15 к.

Тороповъ, К. Краткій курсъ прямолинейной тригонометріи. Пермь, 1894 г. Ц. 75 к.

Туганъ, Лидія. На маякѣ. Разсказъ. Спб., 1894 г. Ц. 20 к.

Тэнъ, Ип. Объ умѣ и познаніи. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Чаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Цейнеръ, М. А. Стихотворенія и элегіи въ прозѣ. Томскъ, 1894 г. Ц. 85 к.

Шенбергъ, Густавъ. Новая политическая экономія. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.

Эберсъ, Георгъ. Греда. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Сераписъ. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Янтаревой, Р. А. Марраны. (Изъ временъ испанской инквизиціи). Повѣсть для юношества. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ съ наложеннымъ платежомъ.

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ."

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

Въ 1895 г. „НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" будетъ выходить по прежней программѣ и съ прежнимъ составомъ сотрудниковъ. Объемъ журнала нѣсколько расширяется, вслѣдствіе измѣненій, которыя произойдутъ въ составѣ „Приложеній". Редакція рѣшилась дать въ будущемъ году шесть крупныхъ приложеній (по одному каждые два мѣсяца), каждое объемомъ до 10 печатныхъ листовъ (150—160 стр.).

Въ „Приложеніяхъ" этихъ будутъ даны капитальныя сочиненія по разнымъ отдѣламъ наукъ. Съ этою цѣлью нами пріобрѣтены уже переводы слѣдующихъ сочиненій:

1) **ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ.** Происхожденіе видовъ. Перев. съ послѣдняго (шестого) англійск. изданія.

Замѣтимъ, что переводъ А. Рачинскаго, не имѣющійся болѣе въ продажѣ, былъ сдѣланъ съ перваго изданія, впослѣдствіи значительно дополн. и измѣненнаго Дарвиномъ.

2) **РИБО.** Современная германская психологія. Еще не была переведена на русскій языкъ; была переведена П. Боборыкинымъ „Англійская психологія" того же автора.

3) **УЭББЪ.** Астрономическіе объекты для любительскихъ телескоповъ.

Переводъ съ послѣдняго (пятаго) англійск. изданія, недавно вышедшаго. Это сочиненіе стало въ Англіи классическимъ. Оно содержитъ подробное описаніе того, что можно наблюдать съ помощью слабыхъ увеличеній, а частью и простымъ глазомъ.

Къ этимъ тремъ сочиненіямъ мы надѣемся прибавить еще одно, если позволитъ мѣсто.

Математическій листокъ журнала,—къ которому отнесены и рефераты двухъ ученыхъ обществъ,—будетъ переработанъ, съ цѣлью удовлетворить любителей математики чистой и прикладной, а изъ текста журнала окончательно будутъ удалены математическія статьи, исключая задачъ. Отдѣлы сельскаго хозяйства и технологіи, а также отдѣлы антропологіи и т. п. будутъ нѣсколько увеличены. Что касается изложенія, мы сдѣлаемъ все, что только возможно съ цѣлью общедоступности, насколько это не въ ущербъ научному направленію журнала *).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ семь руб. съ перес. и дост. За границу десять руб. На полгода 4 р., на четверть года (съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября 2 руб. съ перес. и дост. На четверть года можно подписываться только въ главной конторѣ. При обращеніи въ редакцію допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы послѣдній взносъ былъ сдѣланъ не позднѣе 1 сентября.

Адресъ ред. и главной конторы: С.-Петербургъ, Литейный пр., д. 51, кв. 24.

Ред.-изд. д-ръ философіи М. Филипповъ.

*) Между прочимъ, предположено дать краткій словарь научныхъ терминовъ.

Revue des Revues.

Au prix de 18 francs par an, à partir du 1-er de chaque mois, on à un abonnement à la **Revue des Revues** qui donne *toutes les Revus en une seule.*

«Avec elle on sait tout, tout de suite» (Al. Dumas fils), car «la **Revue des Revues** est extrêmement bien faite et constitue une des lectures des plus intéressantes, des plus passionnantes et des plus amusantes» (Francisque Sarcey); «rien n'est plus utile que ce résumé du mouvement de l'esprit humain» (E. Zola); «elle a conquis une situation brillante et prépondérante parmi les grandes revues françaises et étrangères» (*Les Débats*), etc.

La **Revue** paraît deux fois par mois, publie des articles de principaux écrivains français et étrangers, est *richement illustrée* et donne, entre autres, les *meilleures carricatures* politiques, etc. *Paris 32, rue de Vernevil.*

Envoi d'un numéro spécimen sur demande.

„ТЕАТРАЛЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

(5-й годъ изданія).

Въ 1891—1894 гг. журналъ выходилъ ежемѣсячно подъ названіемъ „*Театральная Библіотека*“.

Съ 1895 г. будетъ выходить 50 разъ въ годъ.

Въ каждой книжкѣ будетъ помѣщена одна пьеса, преимущественно современнаго репертуара, одновременно съ ея постановкой на столичной сценѣ.

Къ каждой книжкѣ будутъ прилагаться портреты артистовъ и драматурговъ, исполненные фототипіей и автотипіей.

Гг. подписчики въ теченіе года получатъ 50 драматическихъ произведеній и 50 портретовъ артистовъ и драматурговъ.

Сверхъ того, въ программу журнала войдутъ: а) статьи по общимъ вопросамъ театра, б) режиссерскій отдѣлъ: статьи по гриму, костюмамъ, постановкамъ пьесъ (съ рисунками) и проч., в) очерки и разсказы, преимущественно изъ театральнаго бы[т] г) современное обозрѣніе—критическія статьи о новостяхъ драмы и оперы, д) корреспонденціи, е) хроника, ж) библіографія и з) справочный отдѣлъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полг.	На 4 мѣс.
Безъ доставки	6 руб.	3 руб.	2 руб.
Съ доставкой.	7 „	4 „	3 „

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и затѣмъ ежемѣсячно по 1 руб. до полной уплаты всей подписной суммы.

Отдѣльные №№ по 50 коп. съ пересылкой. Цѣна за томъ (8—9 книж.)—2 р. При выпискѣ единовременно не менѣе 10 экз. разныхъ №№—цѣна за каждый экз. 40 к., одного №—каждый экз. по 30 к. (что можетъ вполнѣ замѣнить переписку ролей).

Отдѣльные №№ „Театральной Библіотеки“ по 1 р. Цѣна за томъ (4 книги) 3 р. съ пересылк.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору журнала „Театралъ“—въ Москву, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

XVI годъ **„ИГРУШЕЧКА“** **ц. 8 рубля.**

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи къ пріобрѣтенію въ библіотеки.

ПРИ ЖУРНАЛѢ „ИГРУШЕЧКА“ СУЩЕСТВУЕТЪ ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ

VII годъ **„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“** **ц. 5 руб.**

Подписчики „Игрушечки“ въ продолженіе года получатъ одну премію, съ отдѣломъ „Для Малютокъ“ двѣ преміи.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

II г. **„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“** **ц. 3 р.**

Цѣль изданія—содѣйствовать правильной постановкѣ воспитанія и обученія дѣтей. Изданіе „На помощь матерямъ“ выходитъ 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ каждая.

Годовая подписная цѣна съ дост. и перес. на всѣ три изданія:	**въ Россіи:**	**за гран.:**
„Игрушечка“ съ одною безплатною преміей	**3 руб.**	**5 руб.**
„Игрушечка“ съ отд. „Для малютокъ“ и 2 безплатн. прем.	**5 „**	**7 „**
„Игрушечка“ съ педагогич. изд. „На помощь матерямъ“.	**5 „**	**7 „**
„Игрушечка“ съ отд. „Для малютокъ“, двумя безплатными преміями и съ изданіемъ „На помощь матерямъ“. . .	**7 „**	**9 „**
Педагогическое изданіе „На помощь матерямъ“	**3 „**	**5 „**

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштатская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Ред.-изд. Пѣшкова-Толиверова. **Ред. П. Воленсъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ и ПСИХОЛОГІИ“.

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества,

состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (въ началѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ (съ 1 января 1895 г. по 1 января 1896 г.) безъ доставки—6 р., съ доставк. въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ „Новаго Времени“ (Спб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (Спб., Москва и Варшава), Вольфа (Спб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Арбатъ, д. Разцвѣтовой.

Полные экземпляры журнала за первый годъ (№№ 1—4) распроданы, отдѣльно продаются оставшіеся въ небольшомъ числѣ экз. 3-й книги по 2 р. съ перес. Полные годовые экземпляры журнала за второй (№№ 5—9), за третій (№№ 10—14), за четвертый (№№ 16—20), за пятый (№№ 21—25) года продаются по 6 р. за каждый годъ, за два года 11 р., за три—16 р., за четыре—21 р. Лица, имѣющія право на льготную подписку (см. выше), платятъ за одинъ годъ—5 р., за два—9 р., за три—13 р., за четыре—17 р. № 15-й (переходный между 3-мъ и 4-мъ годами)—2 р. безъ уступки. Пересылка на счетъ выписывающихъ: по разстоянію—за 6 фунтовъ съ годового экземпляра. Можно выписывать наложеннымъ платежомъ, причемъ взимается съ каждаго рубля по 2 к. Сверхъ того, можно пріобрѣтать по 1 р. (съ пер. 1 р. 20 к.) слѣдующія отдѣльныя книги журнала, оставшіяся лишними сверхъ полнаго комплекта: №№ 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14 и 21.

Въ журналѣ за 1894 годъ напечатаны, между прочимъ, статьи:

Гр. Л. Н. Толстого. „Къ вопросу о свободѣ воли“.—Вл. С. Соловьева. „Смыслъ любви“.—Его же. „Современное состояніе вопроса о медіумизмѣ“.—Его же. „Первичныя данныя нравственности“.—Н. Я. Грота. „О значеніи идеи параллелизма въ психологіи“.—Его же. „О времени“ (3 статьи).—А. А. Козлова. „Французскій позитивизмъ“ (2 статьи).—Его же. „Густавъ Тейхмюллеръ“.—Н. Н. Страхова. „О задачахъ исторіи философіи“.—В. Я. Цингера. „Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи“.—Н. А. Умова. „Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ“.—С. С. Корсакова. „Къ психологіи микроцефаловъ“.—П. Д. Боборыкина. „Формулы и термины въ области прекраснаго“.—В. Р. Вуцке. „Анализъ условій пространства и времени при ассоціаціяхъ идей“.—А. А Токарскаго. „Заклинаніе со стрѣлой тибетскихъ ламъ“.—Его же. „Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей“.—Его же. „Сознаніе и воля“.—В. А. Гольцева. „Психологія идей-силъ“.—Н. И. Шишкина. „Пространство Лобачевскаго“ и др.

Къ помѣщенію въ ближайшихъ книгахъ предполагаются: Вл. С. Соловьева. „Философскій аскетизмъ“.—Н. Я. Грота. „Основанія ученія о нравственномъ долгѣ“.—Кн. С. Н. Трубецкого. „Этюды изъ области морали“.—А. А. Токарскаго. „Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ“.—Л. О. Даршкевича. „Объ интеллектуальной сферѣ женщины“ и др.

Редакторы: проф. Н. Я. Гротъ.
проф. Л. М. Лопатинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

на издающуюся въ Ростовѣ н/Д.

ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

Газета выходитъ по программѣ, раздѣленной на отдѣлы:

I. Правительственныя распоряженія. II. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ и собственныхъ корреспондентовъ. III. Спеціальныя телеграммы курсовыя и фондовыя С.-Петербургской биржи. IV. Передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ. V. Политическое обозрѣніе. VI. Иностранныя извѣстія. VII. О чемъ пишутъ. VIII. О чемъ говорятъ. IX. Злобы дня. X. Летучіе листки. XI. Зигзаги. XII. Протоколы жизни. XIII. Хроника общая, мѣстная и изъ отдѣленій редакціи. XIV. Корреспонденціи. XV. По Россіи. XVI. Мелочи (сценки и наброски). XVII. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. XVIII. Театръ и музыка. XIX. Наука и литература. XX. Торговыя свѣдѣнія. Биржа. XXI. Справочный отдѣлъ. XXII. Объявленія и рекламы.

Въ „Приазовскомъ Краѣ“ помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Безъ доставки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ	8 руб. — коп.	На годъ	9 руб. — коп.
„ 6 мѣсяцевъ . . .	4 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ . . .	5 „ — „
„ 5 „ . . .	3 „ 75 „	„ 5 „ . . .	4 „ 25 „
„ 4 „ . . .	3 „ — „	„ 4 „ . . .	3 „ 50 „
„ 3 „ . . .	2 „ 25 „	„ 3 „ . . .	2 „ 75 „
„ 2 „ . . .	1 „ 50 „	„ 2 „ . . .	2 „ — „
„ 1 „ . . .	— „ 80 „	„ 1 „ . . .	1 „ — „

За пересылку газеты за границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 к. въ мѣсяцъ

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа.

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) полугодичная—при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р. и 2) въ три срока—при подпискѣ 4 р., къ 1-му мая 3 р. и къ 1-му августа 2 р.

Въ предупрежденіе задержки въ высылкѣ первыхъ нумеровъ „Приазовскаго Края“ въ будущемъ году, въ виду затрудненія при печатаніи многихъ адресовъ, тщательной ихъ провѣрки и группировки, контора редакціи проситъ ПОДПИСЫВАТЬСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Ростовѣ н/Д.—въ главной конторѣ газеты „Приазовскій Край“, уголъ Большой Садовой и Братскаго переулка, соб. домъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Гаганрогѣ—у М. Н. Псалти, типографія Рази, въ Новочеркаскѣ—въ Донской книжной торговлѣ П. Ананьевой, въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Ѳ. Галладжіанцъ, въ Маріуполѣ—у М. Н. Фалькевича, въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у С. И. Розенштейна, въ Ставрополѣ (Кавк.)—у Я. В. Абрамова, въ ст. Калитвенской—у Э. Розена, аптекарскій магазинъ.

Редакторъ-издатель С. Х. Арутюновъ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны только что вышедшія изданія.

№ 8.	Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яхонтовымъ. 4-е изд.	15 к.
№ 5.	Крутиковъ. Разсказъ А. Г. Ковалевской. 5-е изд.	7 „
№ 6.	Батрачка. Повѣсть Т. Г. Шевченка. 2-е изд.	3 „
№ 8.	Злодѣй и Петька. Повѣсть А. Ѳ. Погосскаго. 4-е изд.	8 „
№ 11.	Былины и стихотворенія. Графа А. К. Толстого. 2-е изд.	10 „
№ 16.	Разсказы о Севастопольской оборонѣ. Гр. Л. Н. Толстого. 2-е изд.	18 „
№ 25.	Судъ людской и Божій. Два разск. А. Ѳ. Погосскаго и Г. Полисадова.	10 „
№ 26.	Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Разсказъ графа Л. Н. Толстого	5 „
№ 27.	Два старика. Разсказъ Л. Н. Толстого	6 „
№ 28.	Полтава. Поэма А. С. Пушкина	10 „
№ 29.	Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. Подъ ред. проф. Ѳ. Миллера и И. А. Шляпкина. 2-е изд.	6 „
№ 31.	Соловки. Очерки Вас. И. Немировича-Данченко. 2-е изд.	6 „
№ 32.	Невольный убійца. Разсказъ В. Г. Короленка	10 „
№ 33.	Царь Алексѣй съ соколомъ. Разск. Г. П. Данилевскаго	5 „
№ 34.	Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. Разск. Г. П. Данилевскаго	5 „
№ 35.	Басни Хемницера, Дмитріева, Измайлова и Крылова	9 „
№ 36.	Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова	25 „
№ 37.	Голодовка и зимовка на Новой Землѣ. Разсказъ С. В. Максимова	10 „
№ 39.	Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Н. А. Рубакина	30 „
№ 40.	Зимовье на Студеной. Разсказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка	3 „
№ 41.	Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ и Старый звонарь. Разсказы В. Г. Короленка	3 „
№ 42.	Между матросами. Разсказъ К. М. Станюковича	5 „
№ 43.	Двѣ елки. Разсказъ К. М. Станюковича	3 „
№ 44.	Безоброчный. Повѣсть Ф. Д Нефедова (безъ картинокъ)	8 „
№ 45.	Шестеро. Разсказъ И. Н. Потапенка (безъ картинокъ)	5 „
№ 46.	Трусъ. Разсказъ В. М. Гаршина	3 „
№ 47.	Аясларское дѣло. Разсказъ В. М. Гаршина	3 „
№ 48.		
№ 49.	То, чего не было, и Лягушка путешественница. Сказки В. М. Гаршина	3 „
№ 50.	Гордая пальма и Сказаніе о гордомъ Аггеѣ. Сказки В. М. Гаршина	3 „
№ 51.	Басни И. А. Крылова. (съ біографіей) I вып.	10 „
№ 52.	Басни И. А. Крылова II вып.	8 „
№ 53.	Басни И. А. Крылова III вып.	8 „
№ 54.	Басни И. А. Крылова VI вып.	8 „

Басни И. А. Крылова изданы по случаю 50-лѣтія со дня его смерти. Иллюстрированы множествомъ рисунковъ извѣстныхъ художниковъ.

Сверхъ того, находятся въ продажѣ слѣдующія изданія Комитета:

1) Сборникъ конкурсныхъ программъ и докладовъ о трудахъ на пользу народнаго образованія, увѣнчанныхъ преміями Комитета Грамотности 50 „

2) Узаконенія о безплатныхъ народныхъ библіотекахъ (читальняхъ) 2-е изданіе 10 „

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: С.-Петербургскаго Комитета Грамотности находятся при книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича (С.-Петербургъ), А. М. Калмыковой (С.-Петербургъ), А. М. Муриновой (Москва), И Л. Розова (Кіевъ и Одесса) и П. И. Макушина (въ Томскѣ и въ Иркутскѣ).

Лица, покупающія изданія Комитета единовременно на сумму не менѣе 10 руб., пользуются въ складахъ Комитета на изданіяхъ №№ 5, 6, 8, 29, 31, 40—54 уступкой въ 25 проц. въ Петербургѣ и Москвѣ, 20 проц. въ Томскѣ, Кіевѣ и Одессѣ и 15 проц. въ Иркутскѣ. Пересылка—на счетъ покупателей.

Условія продажи изданій №№ 3, 11, 16—28, 32—39 остаются прежнія.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ

выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами около 15 листовъ.

Первая книга выйдетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1894 года.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Студенты университетовъ и Демидовскаго Юридическаго лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петерб., Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ главной конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція журнала Министерства Юстиціи — С.-Петербургъ, Екатерининская улица, зданіе Министерства Юстиціи. **Рукописи** должны быть направляемы въ редакцію. Причитающійся **гонораръ** можетъ быть высылаемъ иногороднымъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ, Членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи учрежденной Профессоръ **Н. Сергѣевскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

Знамя газеты: Люди — братья; ихъ долгъ — жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи ко благу общему.

Основная задача газеты—изученіе нуждъ родной земли. Работы, начинанія, проекты, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдованнаго отечества—вотъ тотъ матеріалъ, которымъ мы преимущественно стремимся дѣлиться съ тружениками-участниками общественной работы.

Освѣщая нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа, мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребимъ всѣ усилія, чтобы „Русская Жизнь“ по вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Съ переводомъ печатанія „Русской Жизни“ въ устраиваемую нынѣ свою типографію размѣръ газеты будетъ увеличенъ безъ увеличенія подписной платы.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногородныхъ: На годъ—**9** р., полгода—**5** р., 3 мѣсяца—**3** р., одинъ мѣсяцъ—**1** р.; для городскихъ—**8** р., **4** р. **50** к., **2** р. **60** к., **90** к.; за границу: на годъ **17** р., полгода **9** р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемѣсячно впередъ.

☞ Новымъ подписчикамъ, уплатившихъ годовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1895 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписныхъ денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается безплатно за декабрь сего года.

Главная контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленіе Конторы: С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій проспектъ, противъ Гостинаго двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова; на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Ситина, и въ конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Томскъ—при книжн. магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-издатель А. Пороховщиковъ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ВТОРОЙ ТОМЪ

СОЧИНЕНІЙ А. ЛУГОВОГО.

СОДЕРЖАНІЕ:

ГРАНИ ЖИЗНИ.

Романъ въ 5-ти частяхъ. 526 страницы въ 8-ю долю листа. Цѣна 2 р., пересылка по разстоянію. Складъ изданія—въ книжномъ магазинѣ типогр. М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., д. 28.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1-й, 2-й и 3-й томы сочиненій А. Лугового, по 5 р. (вмѣсто 6 р.), за всѣ три тома вмѣстѣ. Подписывающіеся уплачиваютъ 3 р. для полученія 1-го тома и по 1 р. для полученія каждаго слѣдующаго тома. Пересылка—по разстоянію.

Подписка принимается также и въ книжныхъ магазинахъ *Новаго Времени*, *Карбасникова*, *Русской Мысли*, *Артиста* и друг.

Со дня поступленія въ продажу 3-го тома подписка по уменьшенной цѣнѣ будетъ прекращена.

Томъ 1-й—572 стран. въ 8-ю долю листа. Повѣсти и разсказы: „Не судилъ Богъ!“—„Однимъ часомъ“.—„На куриномъ насѣстѣ“.—„За грозой—вёдро“.—„Не отъ міра сего“.—„Ольга Ярославна“.—„Швейцаръ“. **Драматическія произведенія:** „За золотымъ руномъ!“ Сцены изъ похода современныхъ аргонавтовъ, въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—„Озимь“. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. **Стихотворенія:** „Крымскіе пейзажи“.—„Опять на Волгѣ!“—„Боръ“.—„Русь“—„Въ майскую ночь“.—„Жалко Гуса!“ и друг.

Цѣна 2 рубля, пересылка—по разстоянію.

Томъ 3-й Повѣсти и разсказы: „Pollice verso“.—„Нѣсколько поцѣлуевъ“.—„Теплымъ повѣяло“.—„Счастливецъ“.—„Исполнили“.—„Простая случайность“.—„Изъ поѣздки къ голодающимъ“.—„Nocturne“.—„Нервная ночь“.—„Музыкантъ въ своемъ родѣ“.—„Между двухъ смутныхъ идеаловъ“.—„Альміроръ“. **Стихотворенія:** „Сумасшедшее проклятіе“.—„Taedium vitae“.—„Credo... quia absurdum“.

Цѣна 2 рубля, пересылка—по разстоянію.

ПОДПИСКА

НА

„ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

НА 1895 Г.

Съ доставкою въ Воронежѣ:				Съ перес. въ др. города:			
На годъ	5	р.	к.	На годъ	6	р.	к.
— полгода	2	„	75	— полгода	3	„	—
— 3 мѣс.	2	„	—	— 3 мѣс.	2	„	75
— 1 мѣс.	—	„	75	— 1 мѣс.	1	„	—

Подписка на „Воронежскій Телеграфъ“ принимается въ конторѣ редакціи, при типографіи Исаева, въ Воронежѣ, въ д. доктора Столль, на Большой Дворянской улицѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

На ежемѣсячный литературный и научный журналъ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый Н. В. МИХАЙЛОВСКОЙ и О. Н. ПОПОВОЙ.

Въ 1895 году журналъ будетъ выходить въ прежнемъ объемѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой **9** руб., безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ **8** руб., за границу **12** руб.

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ **исключительно** адресовать: въ контору журнала **Русское Богатство**—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается РАЗСРОЧКА: I. Для иногородныхъ и городскихъ подписчиковъ съ доставкой—при подпискѣ **5** р. и къ 1-му іюля **4** р., или при подпискѣ **3** р., къ 1-му апрѣля **3** р. и къ 1-му іюля **3** р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означен. сроки высылка журнала прекращается. II. Для городскихъ подписчиковъ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ—до 1-го сентября.

Въ Москвѣ подписка на журналъ безъ доставки принимается въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ **40** коп. съ каждаго годового экземпляра.

Книжнымъ магазинамъ, выписывающимъ журналъ на условіяхъ разсрочки, никакой уступки не дѣлается.

Примѣчанія: 1) За своевременную высылку журнала контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если подписныя деньги были присланы или сданы непосредственно въ контору.

2) Квитанціи на полученіе журнала высылаются только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписныхъ 19 коп. почтовыми марками.

Складъ изданій въ конторѣ журнала РУССКОЕ БОГАТСТВО:

Полные экземпляры „Русскаго Богатства“ за 1893 годъ—9 руб., за 1894 г.—9 руб. *Н. Гарин*. Очерки и разсказы. Т. I.—1 р. 50 к. *Вл. Короленко*. Въ голодный годъ. Второе изданіе—1 р. 25 к. Очерки и разсказы. Книга первая, изд. шестое—1 р. 75 к. Очерки и разсказы. Книга вторая, изд. второе—1 р. 75 к. *Н. К. Михайловскій*. Критическіе опыты. Левъ Толстой—1 р. 25 к. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья—1 р. 25 к. *Д. Мамин-Сибирякъ*. Горное гнѣздо. Романъ—1 р. 75 к. Уральскіе разсказы, I и II т. 3 р. 50 к. *С. Н. Южаковъ*. Соціологическіе этюды—1 р. 75 к. Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія—1 р. 75 к. *Путь-Дорога*. Художественно-литературный сборникъ въ пользу „Общества вспомоществованія переселенцамъ“ (на простой бумагѣ)—4 р. *Путь-Дорога* (на веленевой бумагѣ)—6 р. *А. Шабельская*. Наброски карандашомъ—1 р. 75 к. *С. Я. Елпатьевскій*. Очерки Сибири—1 р. 25 к. *С. А. Ан—ский*. Очерки народной литературы—1 р. *Н. А. Карышевъ*. Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды—3 р. 50 к. *М. И. Туганъ-Барановскій*. Промышленные кризисы въ современной Англіи, ихъ причины и вліяніе на народную жизнь—3 р. 50 к. *А. Н. Плещеевъ*. Жизнь Диккенса—1 р. 25 к. *Е. Дюринъ*. Цѣнность жизни—1 р. 75 к. *С. Сигеле*. Преступная толпа (Опытъ коллективной психологіи)—75 коп. Цѣны означены съ пересылкой.

Подписчикамъ „Русскаго Богатства“ уступка отъ 15 до 30%.

Сочиненія Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Шесть томовъ. Томы I, II, IV, V и VI—по 2 руб.; т. III—3 р. 75 к. Складъ въ книжн. магаз. А. Я. Панафидина, Москва, Фуркасовскій пер., № 10.

Подписчики Русскаго Богатства пользуются уступкой 50%.

Съ требованіями на соч. Н. К. Михайловскаго (I, II, III, IV, V и VI тт.) слѣдуетъ обращаться исключительно въ Москву, въ книжный складъ г. Панафидина, представляя или билетъ на полученіе „Русскаго Богатства“ или печатный адресъ, по которому высылается журналъ.

Редакторы: *П. В. Быковъ, С. И. Поповъ.*

„ВРЕМЯ—ДЕНЬГИ“.

Таковъ девизъ вѣка. Но имѣющіе деньги не знаютъ, какъ убить время, а имѣющіе время—убиваются, что не хватаетъ денегъ. Между тѣмъ, ничто такъ значительно не сокращаетъ время за незначительныя деньги, какъ журналъ „Будильникъ“—всеобъемлющій, духоподъемный и назидательный.

Подпишитесь на журналъ „БУДИЛЬНИКЪ“ въ 1895 г.

Онъ будитъ не только въ установленные часы, но непрерывно въ теченіе цѣлаго года. Главное достоинство „Будильника“—„приличіе и вѣрность“ основному девизу **серьезной сатиры**. Не портится и не требуетъ поправокъ. Удобенъ въ гостиной, гдѣ занимаетъ гостей, и въ дорогѣ, гдѣ сокращаетъ путь Каждому **годовому подписчику** высылается полностью 50 №№ журнала. Въ каждомъ №—карикатура на серьезную тему, поразительныя картинки провинціальной и общественной жизни, отпечатанныя поразительными красками. Онъ будитъ всѣхъ, но провинцію, какъ сонную особу, „Будильникъ“ не только будитъ, но щекочетъ въ каждомъ номерѣ перомъ и карандашомъ. Какъ новость, черезъ № будутъ помѣщаться оригинальные юмористическіе разсказы, иллюстрированные оригинально-остроумными художниками. Въ приложеніяхъ къ каждому №, для спеціальнаго развлеченія читателей, введены: 1) **юмористическій календарь**, съ анекдотами, для ежедневнаго употребленія; 2) лучшія „смѣхотворныя“ **пьесы веселаго репертуара** и 3) **разсказы** иностранныхъ юмористовъ, заграничнаго производства.

Годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, будетъ выдана къ Пасхѣ премія „Будильника“ на 1895 г.

Альбомъ рисунковъ **„ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ“** къ роману *И. И. Лажечникова.*

Альбомъ „Ледяной домъ“ содержитъ: девять большихъ фототипій (сценъ), портретъ автора съ его факсимиле, отрывки романа, относящіеся къ иллюстраціямъ, краткій пересказъ содержанія романа и біографическій очеркъ И. И. Лажечникова, составленный извѣстнымъ библіографомъ *А. В. Сосницкимъ.*

Полугодовые подписчики лишены преміи.

Для любящихъ разсрочку платежа контора допускаетъ таковую на условіяхъ уплаты при подпискѣ—**5** р., а слѣдующіе **5** р.—не позже 1 іюня.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей—**10** р , безъ преміи—**8** р.; на ½ года—**5** р. *Москва, Тверская, д. Спиридонова.*

Спѣшите подпиской: **время—деньги.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

П. ЗАСОДИМСКАГО (ВОЛОГДИНА)

въ двухъ томахъ, въ которые войдутъ романы: „Хроника села Смурина“, „Кто во что горазъ“; „Степныя тайны“; „По градамъ и весямъ“; „Грѣхъ“. Повѣсти и разсказы: „Темныя силы“; „Старый домъ“; „Три дороги“; „Передъ потухшимъ камелькомъ“; „Терехинъ совѣтъ“; „Пропалъ человѣкъ“; „Изъ жизни лѣсной стороны“; „Невѣдомый страдалецъ“; „Спасайся, кто можетъ“; „Степанъ Огоньковъ“; „Семейное горе“; „Грѣшница“; „Небывалый посѣтитель“; „Въ погонѣ за поѣздомъ“; „Пѣсня спѣта“; „Федька Базлаенокъ“; „Смертная казнь“; „Однажды вечеромъ“, „Черные вороны“ и друг. Публицистическія, критическія и этнографическія статьи.

Цѣна за оба тома (большого формата, въ 45 печатныхъ листовъ каждый, въ два столбца; съ портретомъ автора): при подпискѣ для городскихъ—**4** рубля, для иногородныхъ—**5** рублей (съ пересылкой)). По поступленіи въ продажу (въ мартѣ 1895 г.): для городскихъ—**6** руб., для иногородныхъ—**7** руб. (съ пересылкой).

Подписка принимается: **у автора (П. В. Засодимскаго)**—С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. 61, кв. 18, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 83-й **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** 1895.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО въ двухъ изданіяхъ:

ПЕРВОЕ ИЗДАНІЕ выходитъ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи, совершенно реформирована, увеличена въ форматѣ и дополнены всѣ отдѣлы. Въ каждомъ нумерѣ газеты помѣщаются руководящія статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ внутренними и иностранными событіями, а также общественною жизнью. Несмотря на весьма скромную подписную цѣну на газету, всѣ свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ сообщаются при посредствѣ репортеровъ, спеціальныхъ корреспондентовъ и телеграммъ—

ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ СТОЛИЧНЫМИ ИЗДАНІЯМИ,

а потому газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, въ обновленномъ видѣ и по обилію литературнаго матеріала, вполнѣ замѣняетъ собою

дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ, годовые подписчики получатъ:

1) 52 нумера воскресныхъ приложеній въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщается въ теченіе года до 300 рисунковъ, а также и карикатуры.
2) 40 нумеровъ „романы и повѣсти“ русскихъ и иностранныхъ писателей, что составитъ въ годъ нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
3) 12 нумеровъ „моды и рукодѣлія“, замѣняющихъ для семьи „Модный журналъ“.
4) „Стѣнной календарь“ (съ картою Россіи), отпечатанный въ три краски и проч.

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ изданіе (съ пересылкою въ Имперіи):

На годъ 8 р. На полгода 4 р. 50 к. На тримѣс. 2 р. 50 к. На одинъ мѣс. 1 р.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

выходитъ ЕЖЕДНЕВНО листами даже и въ дни, слѣдующіе за праздниками (въ годъ 360 нумеровъ), въ форматѣ меньше перваго, но по той же обширной программѣ и также безъ предварительной цензуры. Въ каждый нумеръ газеты входятъ всѣ выдающіяся новости изъ придворной, духовной, административной, военной, ученой, внутренней и пространной жизни. Въ отдѣлѣ беллетристики: оригинальные романы, повѣсти, разсказы, анекдоты, стихотворенія и проч. Статьи и замѣтки, имѣющія выдающійся интересъ, всегда дополняются художественными иллюстраціями.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ пересылкою по Имперіи):

На годъ—4 р. | На полгода—2 р. 50 к. | На три мѣсяца—1 р. 50 к.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“ могутъ получать, какъ новыя большія акварельныя картины: „Бурлаки на Волгѣ“, проф. И. Рѣпина и „Жертва Волги“, худ. С. Верещагина, такъ и прежнія изданія (картины и гравюры), уплачивая за каждый экземпляръ (съ доставкой)—одинъ рубль.

Металлическіе бюсты русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ III. (въ Бозѣ почившій). 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Ѳеодоровна. 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ Кронштадскій. Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Толстой. 11) Композиторы: Глинка и Чайковскій. Цѣна каждаго бюста на выборъ, для подписчиковъ—четыре рубля, не подписчиковъ—пять рублей (безъ доставки).

Съ подписной просятъ обращаться исключительно въ Главную Контору газеты:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 годъ

НОВОСТИ ДНЯ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Живая общедоступная форма, всеобъемлющая полнота и чуткая отзывчивость ко всему выдающемуся въ русской жизни,—вотъ тотъ девизъ, который избрала себѣ разъ навсегда и котораго неуклонно держится наша газета.

Благодаря постоянно возрастающему успѣху и большому распространенію „Новостей Дня", редакція нашла возможнымъ дать ВСѢМЪ СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ на 1895 г.

Безплатно ДРУГОЕ СВОЕ ИЗДАНІЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЕМЬЯ

ВЫХОДЯЩІЙ ПО САМОЙ ШИРОКОЙ ПРОГРАММѢ

Еженедѣльно роскошно исполненные портреты іерарховъ православной Церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, составляющихъ интересъ дня. Такихъ портретовъ и рисунковъ будетъ дано, какъ и въ текущемъ году, болѣе 1000. Ни одинъ журналъ до сихъ поръ не давалъ такъ много изящно выполненныхъ портретовъ, и „Новости Дня", дополненныя „Семьей", являются одной изъ самыхъ интересныхъ газетъ въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ „НОВОСТИ ДНЯ" прилагая своимъ подписчикамъ БЕЗПЛАТНО „СЕМЬЮ" несомнѣнно, даютъ роскошную премію: 52 номера иллюстрированнаго журнала, въ которыхъ каждый вполнѣ отражаетъ текущія злобы дня. Достигнуто это благодаря ассигновкѣ на этотъ предметъ

50,000 РУБЛЕЙ.

Подписная цѣна на „Новости Дня" вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ журналомъ „Семья" въ годъ 10 р., на шесть мѣсяцевъ 5 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ ежемѣсячными книжками и даетъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ 3 руб., а съ журналомъ „СЕМЬЯ" 5 руб. порознь каждый по 3 р. въ годъ. Всѣ три изданія 13 руб.

Всѣ годовые иногородніе подписчики съ 1-мъ № получатъ безплатно „СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ" на 1895 г.

Адресъ: Москва, главная контора газеты „Новости Дня" и журналовъ „Семья" и „Новости иностранной литературы"

Издатель А. Липскеровъ.

KURYER CODZIENNY

ILLUSTROWANY,

korzysta ze współpracownictwa całego zastępu znanych literatów, dziennikarzy, pisarzy fachowych, reporterów, korespondentów prowincyonalnych i zagranicznych, których współudział zapewnia mu z dnia na dzień niewyczerpany materyał, jakim rozporządzać powinno pismo, ubiegające się o jak najszerszą poczytność. **Codzienne korespondencye z Łodzi.**

Każdy numer „**KURYERA CODZIENNEGO**“ obznajmia swoich Czytelników z najważniejszymi wypadkami chwili, nie tylko drukowanem słowem, ale i zobrazowaniem jej w rycinach, które czynią z niego **jedyne** w naszej prasie

PISMO CODZIENNE ILLUSTROWANE.

„**Kuryer Codzienny**“ wychodzić będzie nadal przy stałem współpracownictwie *Bolesława Prusa*.

Względnie do obfitości i jakości materyału „**Kuryer Codzienny**“ ma prawo nazywać się przy swojej niskiej cenie

najtańszem pismem warszawskiem

dostarczającem swym Czytelnikom miejscowym i prowincyonalnym sporego zapasu świeżej i zajmującej lektury.

W Listopadzie r. b. rozpoczęliśmy druk najnowszej powieści *Maryana Gawalewicza*, osnutej na tle życia warszawskiego, p. t.:

„SZUBRAWCY“,

której początek mogą otrzymać nowi prenumeratorowie.

Najsensacyjniejsze powieści obcych autorów.

(w formacie książkowym.)

Warunki Prenumeraty KURYERA CODZIENNEGO

	miesięcznie	kwartalnie	półrocznie	rocznie
w Warszawie	—.50	1.50	3.—	6.—
na Prowincyi	—.75	2.25	4.50	9.—

Cena ogłoszeń:

Wiersz pet. na ostatniej str. 1-szy raz 10 k. | Wiersz reklam garm. 1-szy raz. . . 25 k.
„ „ „ „ „ każdy nast. 8 „ | „ „ „ każdy następny 20 „
„ „ „ 1-szej „ . . . . 30 „ | „Nadesłane“ wiersz garm. . . . 1.— „

Warszawa, Krakowskie-Przedmieście 17.

ŁÓDŹ, Piotrkowska 46. — PIOTRKÓW, w księgarni Jędrzejewicza.

Wydawnictwo *Gebethnera i Wolffa* w Warszawie.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

ВРАЧЪ,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1895 году подъ тою же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора *Вячеслава Авксентьевича Манассеина* (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ—9 р., за полгода 4 р. 50 к., за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издателя—*Карла Леопольдовича Рикера* (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, не полученныхъ №№ и т. д.).

1835.—БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ—1895.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1895 ГОДА ВЫДАЕТЪ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА изящной литературы ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 3—5 листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ 7—10 рисунками и съ копіями картинъ выдающихся художниковъ.

кромѣ 52 нумеровъ журнала подписчики получатъ безплатно

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ:

I. ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ ИЗБРАН. ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВСЕМІРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Романы и повѣсти: *Додэ, Диккенса, Бретъ-Гардта, Золя, Келлинга, Мопассана, Свифта, Сервантеса, Сенкевича* и др. Каждая книжка выходитъ отъ 15—20 листовъ. II. 40 нумеровъ „Новые романы и повѣсти современныхъ писателей“ (съ иллюстраціями). III. 24 нумера „Новѣйшихъ Модъ“. IV. 40 нумеровъ игръ, задачъ и ребусовъ. V. 15 нумеровъ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“. VI. 12 выкроекъ въ натуральную величину. VII. 12 „Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ“. VIII. Четыре нумера „образцовъ для вышиванія“. IX. 1 Стѣнной календарь (съ картою Россіи).

ПЯТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

1) «НЕОБХОДИМАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ».

Эта новая оригинальная и весьма цѣнная премія состоитъ изъ фоліанта въ 40 листовъ (640 страницъ), въ изящной обертѣ, содержащаго всегда, вездѣ и всѣмъ нужныя свѣдѣнія, въ особенности, эта книга принесетъ несомнѣнную пользу провинціальнымъ жителямъ.

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЫ:

1) „Возвращеніе изъ гостей“, 2) „Сокольничій на охотѣ», 3) „Какъ началась живопись“ и 4) „Нападеніе волковъ“.

Кромѣ пяти безплатныхъ премій, годовые подписчики могутъ получить одновременно, при подпискѣ чрезъ Главную Контору, новую большую акварельную картину (длина: $22\frac{1}{2}$ вершка, вышина 16 вершковъ), воспроизведенную въ 23 краски, съ оригинала извѣстнаго художника С. Верещагина—

ЖЕРТВА ВОЛГИ,

(картина изображаетъ извѣстный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина).

Годовые подписчики, желающіе получить эту картину или другіе за прежніе года, уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Цѣна за каждый металлическій бюстъ большого формата, на выборъ, для подписчиковъ ЧЕТЫРЕ руб., а неподписчиковъ ПЯТЬ руб. (Безъ доставки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. по Имперіи) 8 р., НА ПОЛГОДА 4 р. 50 к.

Безъ доставки на годъ: въ Спб.—7 р. Въ Москвѣ—7 р. 50 к.

РАЗСРОЧКА ВЗНОСОВЪ ДОПУСКАЕТСЯ для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ (въ столицахъ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ.

Съ подпиской просятъ обращаться исключительно въ Главную Контору: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы по требованію безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(шестой годъ изданія)

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ,

научно-популярный журналъ, предназначенный для родителей и воспитателей,

имѣющій цѣлью—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) *Оригинальныя и переводныя статьи.*—2) *Критика и библіографія.*—3) *Мелкія сообщенія* (рефераты).—4) *Хроника.*—5) *Приложенія*—литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д.—6) *Объявленія.*

Въ „Приложеніяхъ", между прочимъ, будутъ напечатаны: *Мирная армія.* (Очерки изъ быта просвѣтителей деревни) А. В. Круглова.—*Наблюденія надъ жизнью дѣтей.* (Письма къ другу) Скифа и др.

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходитъ не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки **5** р., съ доставкой и пересылкой **6** р., полгода **3** р., съ пересылкой за границу въ годъ **7** р. **50** к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская больница, кв. Главн. Д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногородніе просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ-издатель д-ръ Е. А. Покровскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

СЪ ДОСТАВКОЙ НА ДОМЪ ВЪ ОРЛѢ И ПЕРЕСЫЛКОЙ ВЪ ДР. ГОРОДА

НА ГОДЪ—7 РУБ.,

11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается **СЪ РАЗСРОЧКОЙ,** съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы.

Для ознакомленія—№№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 15 чиселъ мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія не менѣе 100—150 разъ—уступка 50%.

За объявленія судебныхъ приставовъ о публичныхъ продажахъ берется 1 р. 50 к. за одинъ разъ; они же печатаются безплатно въ справочномъ отдѣлѣ газеты—въ сокращенномъ видѣ.

За адресы, въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты—10 р. въ годъ—за 150 разъ, 6 р. за 75 разъ, 4 р. за 38 разъ и 2 р. за 15 разъ.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

Адресъ редакціи: г. Орелъ, Зиновьевская улица, д. № 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ПРИАЗОВСКАГО КРАЯ

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Въ 1895 году газета будетъ выходить въ форматѣ большого печатнаго листа, три раза въ недѣлю—по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, по слѣдующей программѣ:

1) *Мѣстный отдѣлъ*: Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной экономической и общественной жизни. Городская хроника и мѣстныя извѣстія. 2) *Внутренній отдѣлъ*: Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства", корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Приазовскаго края, Донской области и другихъ мѣстъ. 3) *Иностранный отдѣлъ*: Свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся событіяхъ иностранной жизни. 4) *Судебная хроника*. 5) *Смѣсь*. 6) *Фельетоны*: Статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя. Исторія края. 7) *Справочный отдѣлъ*. 8) *Объявленія*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки.	6 —	5 50	5 25	4 75	4 50	4 —	3 50	3 —	2 75	2 25	1 50	—75
Съ дост. и перес. . . .	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 50	4 —	3 50	3 —	2 50	1 70	—85

Подписка принимается: въ Таганрогѣ въ редакціи, Николаевская ул., д. № 5, и въ отдѣленіи редакціи—въ Ростовѣ-на-Дону, уголъ Соборнаго пер. и Темерницкой ул., при типо-литографіи И. Я. Алексанова.

Редакторъ **М. Красновъ.**
Издатель **А. Мироновъ.**

Чаи предлагаемъ новаго урожая, какъ рѣдкое и случайное исключеніе. На пробу можно выписать на два рубля $^1/_4$ ф. чаю въ 1 р. 60 коп. или 1 ф. въ 2 рубл. или же обоихъ сортовъ пополамъ.

Предлагая за недорогую цѣну дѣйствительно великолѣпный семейный чай съ хорошимъ настоемъ, мягкимъ вкусомъ и сильнымъ ароматомъ и затѣмъ за доступную цѣну самый высокій любительскій чай, мы даемъ возможность каждому безъ всякаго риска познакомиться съ чаями и убѣдиться на дѣлѣ въ томъ, что предлагаемые нами чаи по своему высокому качеству представляютъ рѣдкое исключеніе.

8-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ
Русскаго Сельскаго Хозяйства

(52 номера въ годъ).

Редакція въ теченіе года даетъ **безплатныя приложенія** (сѣмена) и помѣщаетъ въ журналѣ **безплатно** отвѣты на вопросы хозяевъ.

Сотрудники журнала: *русскіе сельскіе хозяева-практики, профессора и спеціалисты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.*

Въ *Вѣстникѣ* помѣщаются статьи: руководящія по текущимъ вопросамъ хозяйства, сельско-хозяйственная экономія, полеводство и луговодство, молочное хозяйство и скотоводство (главный сотрудникъ *Николай Васильевичъ Верещагинъ*), сельскохозяйственныя машины и орудія, техническія производства, садоводство, огородничество, коневодство, овцеводство, птицеводство, пчеловодство и статьи по мног. др. отраслямъ хозяйства.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Статьи по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.— Корреспонденція.— Хроника.— Библіографія.— Вопросы и отвѣты.—Торговыя извѣстія.—Объявленія.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по субботамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ пересылкою:	Безъ пересылки:
На годъ	6 рублей.	5 рублей.
На полгода	3 „	3 „

На годъ съ пересылкою за границу 7 рублей.

Отдѣльный номеръ 20 коп., а съ заказною пересылкой 30 коп.

Цѣна полнаго экземпляра „Вѣстника" за 1893, 1892 и 1891 годы по 3 руб., а за 1890 и 1889 года по 4 руб., за каждый годъ, съ пересылкою.

Подписка и объявленія принимаются въ редакціи журнала: *Москва, Леонтьевскій пер., домъ Варженевскихъ, № 2*, а также и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

За напечатаніе объявленій платится за строку мелкаго шрифта 10 к. за каждый разъ (длина строки=2¹/₄ вер.).

За пересылку при журналѣ прейсъ-курантовъ, каталоговъ, объявленій взимается по 80 копѣекъ отъ каждой сотни экземпляровъ, вѣсомъ не тяжелѣе 1 лота экземпляръ; за каждый добавочный лотъ по 40 коп. съ сотни экземпляровъ.

За перемѣну адреса городского на иногородній или обратно, платится 1 рубль, если перемѣна сдѣлана въ первой половинѣ года, и 60 коп.—во второй половинѣ; за перемѣну городск. на городск. и иногород. на иногород. 20 коп.

Статьи, присылаемыя для помѣщенія въ журналѣ, могутъ быть сокращаемы. Статьи, доставленныя безъ всякихъ условій относительно вознагражденія за нихъ, считаются безплатными.

О новыхъ книгахъ по сельскому хозяйству, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Редакторъ-издатель **И. П. Петровъ**

„Екатеринославскій Листокъ Объявленій“

на 1895 годъ.

Годъ изданія одиннадцатый.

Выходитъ по воскресеньямъ и чаще, смотря по накопленію матеріаловъ.

„Екатеринославскій Листокъ Объявленій“ рекомендуется для распространенія разнаго рода публикацій и рекламъ въ Южныхъ губерніяхъ страховымъ обществамъ, банкирскимъ и торговымъ домамъ, фабрикамъ, заводамъ и вообще торгово-промышленнымъ фирмамъ.

„Листокъ“ безплатно раздается въ большомъ количествѣ въ гор. Екатеринославѣ и разсылается (тоже безплатно) въ губерніяхъ: Екатеринославской, Харьковской, Херсонской, Полтавской, Таврической, Кіевской, въ Кавказскій и Балтійскій края, въ Варшаву, Одессу и за границу.

Объявленія принимаются по таксѣ и по соглашенію въ главной конторѣ „Екатеринославскаго Листка“ въ г. Екатеринославѣ, Скверъ, домъ Вдовенко, у В. И. Гурлянда, а объявленія изъ Петербурга, Москвы, Прибалтійскаго края, Царства Польскаго и изъ-за границы—исключительно въ торговомъ домѣ Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, д. Спиридонова, и С.-Петербургѣ, Бол. Морская, д. № 11.

За разсылку объявленій при „Листкѣ“ особыми приложеніями взимается по 5 р. съ 1,000.

За время 11-ти лѣтняго выхода „Листокъ“ пріобрѣлъ себѣ популярность, какъ самый распространенный органъ объявленій.

Независимо отъ безплатной разсылки, для желающихъ получать „Листокъ“ регулярно, подписная цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 3 руб.

XXX **ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.** XXX

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1895 году

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ ТОМЪ ЖЕ

БОЛЬШОМЪ ФОРМАТѢ

и съ тѣми же рубриками.

Редакція стремится доставить читателямъ: своевременныя, точныя и разнообразныя какъ общія, такъ и мѣстныя краевыя извѣстія; отклики на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; печатаетъ постоянный фельетонъ общественной жизни г. Астрахани, Астраханской губерніи и всего Волго-Каспійскаго района; обзоры жизни городовъ: Царицына, Камышина, Саратова, Самары, Казани, Симбирска, Нижняго, Баку, Тифлиса и др.; произведенія оригинальной и переводной беллетристики, новости наукъ и искусствъ; новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

1 г.—7 р. 50 к., ½ г.—5 р., 3 м.—3 р. 25 к., 1 м.—1 р. 25 к.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, всѣ новые подписчики, внесшіе полную годовую плату ранѣе 1 января, имѣютъ право на полученіе газеты со дня подписки до 1 января 1895 г.

БЕЗПЛАТНО.

Подписка принимается въ Астрахани, въ конторѣ редакціи „Листка“ и въ Прикаспійскомъ магазинѣ, по Эспланадной улицѣ, домъ Сергѣевыхъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 г.

СѢВЕРЪ

VIII-й годъ изданія

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

VIII-й годъ изданія

12 ТОМОВЪ „БИБЛІОТЕКИ СѢВЕРА" И 1 ТОМЪ „БИБЛІОТЕКИ ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ".

Подписчики „СѢВЕРА" въ 1895 году получатъ:

52	№№ прекрасно иллюстрированнаго журнала въ 56—64 столбцовъ каждый, сброшюрованныхъ въ цвѣтную обложку, въ которыхъ, между прочимъ, будутъ помѣщены иллюстраціи русскихъ художниковъ къ произведеніямъ **А. Н. Майкова** «Двѣ судьбы», **Д. В. Григоровича** «Петербургскіе шарманщики» и Лотерейный билетъ», такъ какъ этимъ произведеніямъ исполняется въ будущемъ году 50 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ печати.
12	№№ отдѣльныхъ иллюстрированныхъ «**ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ**» и рукодѣлій, составленныхъ по лучшимъ моднымъ парижскимъ журналамъ.
12	отдѣльныхъ выкроекъ; изъ нихъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ.
6	рисунковъ-чертежей для любителей выпиливанія изъ дерева, кости и металла.
6	цвѣтныхъ узоровъ для вышиванія.
12	альбомныхъ страницъ автографовъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ и общественныхъ дѣятелей, со времени княженія **Іоанна Калиты по настоящій 1894 годъ**: царей, царицъ, [illegible], патріарховъ, писателей, художниковъ и поэтовъ. Ежемѣсячныя приложенія.
1	**РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ** гравюръ-иллюстрацій къ русскимъ народнымъ сказкамъ (Книжка въ форматѣ «Сѣвера»).
12	ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ЖУРНАЛУ: „БИБЛІОТЕКА СѢВЕРА": СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **Г. Р. ДЕРЖАВИНА** (Въ продажѣ сочиненія Державина имѣются только изданія Академіи Наукъ (Цѣна 27 руб.)) **Сочиненія Н. Д. АХШАРУМОВА.** Двойникъ. Повѣсть. Не что было то и сплыло. Романъ. — Мудреное дѣло. Романъ. Натурщица. Повѣсть. — Игрокъ. Повѣсть. Гражданское дѣло. Повѣсть. Сочиненія Квитки Основьяненко: **„ПАНЪ ХОЛЯВСКІЙ".** Сочиненіе Сильвіо Пеллико: ***„ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА".***

БЕЗПЛАТНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖУРНАЛУ:
ПОРТРЕТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ II.

Большой листъ in folio, исполненный красками.

Большая картина извѣстнаго художника В. И. Сурикова

„ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ".

Битва Ермака подъ Кучумомъ-Городищемъ съ сибирскими инородцами 26 октября 1582 г. Этотъ день считается началомъ присоединенія Сибирскаго Царства къ Россіи. Величина картины 105×70 сант.

ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ, въ краскахъ.

„БИБЛІОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ".

Кому не приходилось задавать себѣ вопросъ: «чего бы поѣсть» и какая изъ заботливыхъ хозяекъ не задавала себѣ вопроса: «чѣмъ-бы накормить свою семью?» Удовлетворяя этому вопросу, редакція журнала «Сѣверъ» выдаетъ своимъ подписчикамъ книгу:

ИНТЕРЕСЫ ЖЕЛУДКА.

За годовое изданіе со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . **6 р.**	Безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Печковской **6 р. 50 к.**	Съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи . . . . . **7 р.** Съ пересылкою за-границу. 12 р.

Въ виду большой цѣнности картины «Покореніе Сибири Ермакомъ» и портрета Государя Императора, требующихъ особо тщательной укупорки, гг. иногородные подписчики «Сѣвера» благоволятъ на пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почт. марками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ редакціи „СѢВЕРЪ": Екатерининская, № 4.

Редакторъ-Издательница М. Н. Ремезова.

2 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) ПОРТРЕТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, 2) ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ

ГОДЪ XVII. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.** ГОДЪ XVII.

(семнадцатый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ".

(50 №№ въ годъ)

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ . . . . . 6 р. | На полгода. . . . . 3 р. 50 к.

Лица, подписавшіеся не менѣе какъ НА ГОДЪ, со дня подписки по 1-е января 1895 года получаютъ газету БЕЗПЛАТНО. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ НАЧАЛЬНЫХЪ училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ, именно: за годъ 4 руб., за полгода 2 руб. 50 коп.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ число постоянныхъ отдѣловъ газеты значительно увеличено и въ настоящее время программа ея состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

1) Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства". 2) Передовыя статьи. 3) Хроника мѣстной жизни. 4) Корреспонденціи собственныхъ корреспондентовъ изъ Приуралья и Сибири. 5) Статьи научнаго содержанія. 6) Статьи по вопросамъ, текущимъ нуждамъ и потребностямъ Приуралья и Зауралья. 7) По Россіи. 8) За границей. 9) Изъ газетъ. 10) Политическое обозрѣніе. 11) Указатель книгъ и статей о Пермскомъ краѣ. 12) Критика и библіографія. 13) Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учрежденій и ученыхъ обществъ Пермской губерніи. 14) Фельетонъ. 15) Литературный отдѣлъ (повѣсти, разсказы—оригинальные и переводные—и стихотворенія). 16) Смѣсь. 17) Справочный отдѣлъ: списокъ дѣлъ, назначаемыхъ къ слушанію въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ и резолюціи этого суда; коммерческія телеграммы; цѣны хлѣбовъ на главнѣйшихъ русскихъ рынкахъ; бюллетени метеорологическихъ станцій на Уралѣ; календарныя, желѣзно-дорожныя, почтовыя, телеграфныя и друг. свѣдѣнія. 18) Объявленія. 19) Приложеніе: „Записки Уральскаго общества любителей естествознанія".

Въ теченіе 1894 года въ беллетристическомъ отдѣлѣ „Екатеринбургской Недѣли", по примѣру журналовъ и крупныхъ столичныхъ газетъ, не помѣщено ни одной перепечатки: все напечатанное было написано или переведено съ иностраннаго спеціально для „Екатеринбургской Недѣли".

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, д. № 44).

Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ. Редакторъ Н. Н. Галинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

на издающуюся въ г. Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную ГАЗЕТУ

XI г. изд. **„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ"**, XI г. изд.

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:	Р.	К.	Съ доставкой и пересылкой:	Р.	К.
На годъ	4	50	На годъ	5	50
„ полгода	2	50	„ полгода	3	—
„ 3 мѣсяца	1	50	„ 3 мѣсяца	1	75

(Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками).

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи „Сѣвернаго Кавказа".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1895** г.

(четырнадцатый годъ изданія)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи**; II) **документы, извѣстія и замѣтки**; III) **критика и библіографія**. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей, и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научн. матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Съ пересылкой и доставкой . . . . . **10** руб. —
Безъ доставки и пересылки . . . . . **8** „ **50** к.
За границу . . . . . **12** „ —

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины" за всѣ прежніе года, кромѣ 1882, 1886 гг., по 8 р. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ которѣ редакціи (Кіевъ, Кузнецкая ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель *К. Гамалѣй*. Редакторъ *В. Науменко*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

XV-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **ЮЖНЫЙ КРАЙ.** XV-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Газета общественная, политическая и литературная. Выходитъ ежедневно.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства". V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія; дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонныхъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Сторонніе сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ" помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политикановъ, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкою иногороднимъ: на 12 м. 11 р.—11 м. 10 р. 50 к.—10 м. 10 р.—9 м. 9 р. 20 к.—8 м. 8 р. 50 к.—7 м. 7 р. 80 к.—6 м. 7 р.—5 м. 6 р.—4 м. 5 р.—3 м. 4 р.—2 м. 3 р.—1 м. 1 р. 50 к.; съ доставкою въ Харьковѣ: на 12 м. 10 р.—11 м. 9 р. 50 к.—10 м. 9 р.—9 м. 8 р. 25 к.—8 м. 7 р. 50 к.—7 м. 6 р. 75 к.—6 м. 6 р.—5 м. 5 р. 25 к.—4 м. 4 р. 50 к.—3 м. 3 р. 40 к.—2 м. 2 р. 40 к.—1 м. 1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ *Харьковѣ*—въ главной конторѣ газеты „Южный Край" на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-издатель А. А. Іовефовичъ.

1895 г. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 56-й г. изд.

НА

„НУВЕЛЛИСТЪ",

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

Съ 1 января 1895 году „НУВЕЛЛИСТЪ" вступаетъ въ 56-й годъ своего существованія. Сколько музыкальныхъ журналовъ въ теченіе этого времени рождалось на Руси! Но всѣ они, просуществовавъ нѣсколько лѣтъ, умирали, не оставляя послѣ себя никакой памяти! Такъ ушли въ вѣчность: „Музыкальный Свѣтъ", „Музыкальный Вѣстникъ", „Музыка и Театръ", „Музык. Эхо", „Музык. Міръ", „Музык. Сезонъ", „Музык. Мірокъ", „Гудокъ", „Звѣзда", „Баянъ" и много друг. Въ прошломъ году окончилъ свое существованіе послѣдній музык. журналъ „Муза". Это доказываетъ, что никто изъ издателей не понималъ потребности общества, потребности семьи. Между тѣмъ, какъ характеръ „НУВЕЛЛИСТА" и его программа настолько отвѣчаетъ требованіямъ большинства публики, что существованіе его съ каждымъ годомъ упрочивается. Матеріалъ „НУВЕЛЛИСТА" настолько богатъ и разнообразенъ, что удовлетворяетъ и хорошаго музыканта и скромнаго любителя.

ПРОГРАММА „НУВЕЛЛИСТА":

Въ 1895 г. „НУВЕЛЛИСТЪ" будетъ выходить, какъ и прежде, аккуратно, каждое первое число, тетрадями, заключающими въ себѣ: *Салонныя пьесы* **извѣстныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки.** *Новые танцы* **(польки, вальсы, мазурки, кадрили).** *Русскіе романсы* **для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіано.** *Легкія пьесы для дѣтей,* **для фортепіано и для скрипки съ фортепіано и** *Дѣтскія пьесенки.*

Редакція „НУВЕЛЛИСТА" обратитъ также особое вниманіе на *Дѣтскій отдѣлъ,* **пьесы котораго, подъ руководствомъ опытнаго педагога Н. А. Тивольскаго, будутъ распредѣлены по степени трудности, съ обозначеніемъ правильной аппликатуры.**

Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА" составитъ обширный томъ, по крайней мѣрѣ, въ 400 стр. большого нотнаго формата, заключающій въ себѣ до 100 строго выбранныхъ музыкальныхъ номеровъ музыки.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ, „Нувеллистъ" даетъ:

☛ ПРЕМІЮ ☚

Полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ, указанныхъ редакціею.

Подписная цѣна на годъ. . . . . 5 руб.
Съ пересылкой и доставкой. . . . . 6 »

Для гг. служащихъ допускается разсрочка черезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается: въ С-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала „Нувеллистъ" при музыкальномъ магазинѣ **М.** Бернарда, Б. Морская, 26,—въ Москвѣ въ музыкальномъ магазинѣ П. И. Юргенсона, Неглинный проѣздъ, 10,—въ Кіевѣ у Идзиковскаго и въ Казани въ музык. магазинѣ „Восточная Лира".

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ по различнымъ общественнымъ вопросамъ.

ОБЗОРЪ ТЕКУЩЕЙ ПРЕССЫ и ЖУРНАЛИСТИКИ.

Ежедневныя политическія телеграммы.

ПОСТОЯННЫЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІИ И ХРОНИКА ЖИЗНИ ВОЛЖСКО-КАМСКАГО КРАЯ. Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширеніе этого отдѣла.

КАЗАНСКАЯ ХРОНИКА: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ текущей и международной жизни.

НАУКА, ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ТОРГОВЫЙ ОТДѢЛЪ: свѣдѣнія, корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и внѣшней торговли. На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. Сельско-хозяйственные вопросы и торговые интересы края будутъ представляться редакціей всесторонне и полно.

ФЕЛЬЕТОНЫ И БЕЛЕТРИСТИКА. Въ этомъ отдѣлѣ попрежнему будутъ помѣщаться воскресные бесѣды **МИРОЛЮБОВА**; кромѣ того, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе, въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и **ОБЩЕДОСТУПНЫЯ СТАТЬИ НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ**, составленныя спеціалистами. Белетристическія произведенія какъ нашихъ писателей, такъ переводныя—лучшихъ иностранныхъ писателей попрежнему найдутъ себѣ мѣсто въ этотъ отдѣлѣ.

Тиражи выигрышей, спр. отдѣлъ, объявленія и проч.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ" принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Ахмеровъ, А. Н. Барановъ, А. П. Батуевъ, Н. Н. Блиновъ, М. П. Бородинъ, проф. Булдэ, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ, И. А. Гаркави, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ѳ Гусевъ, С. Я. Елпатьевскій, проф. Н. П. Загоскинъ, П. В. Засодимскій, Ивановичъ, А. П. Ивановъ, В. Ильковъ, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, Г. Ф. Кудрявцевъ, проф. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, Н. К. Михайловскій, Н. Е Михайловскій, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Островская, Онигрскій, Ленскій, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, П. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, проф. Н. Н. Слугиновъ, Сѣрова, И. И. Степановъ, А. Н. Хардинъ, проф. А. П. Штукенбергъ, Е. Н. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ:

съ доставкой:		безъ доставки:	
На годъ. . . .	7 р.	На годъ . . .	6 р. 25 к.
„ полгода . .	4 р.	„ полгода . .	3 р. 25 к.
„ 3 мѣсяца. .	2 р. 25 к.	„ 3 мѣсяца. .	1 р. 75 к.
„ 1 мѣсяцъ. .	75 к.	„ 1 мѣсяцъ .	— 60 к.

Для иногородныхъ подписчиковъ:

На годъ. . . .	9 р.
„ полгода . .	5 р.
„ 3 мѣсяца .	2 р. 75 к.
„ 1 мѣсяцъ .	1 р.

Допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ 2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюня 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1895 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1 го января 1895 года.

Подписка принимается въ главной конторѣ *Волж. Вѣстника*, на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, городской пасажъ, А. А. Дубровина (Гостинный дворъ № 1), въ зданіи Биржи у секретаря и въ правленіи общества приказчиковъ у К. П. Алексѣева, въ Симбирскѣ (Стрѣлецкая ул., д. Романова). Въ Вяткѣ въ книжномъ магазинѣ Тиханова.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція *Волжскаго Вѣстника*.

Редакторъ-издатель Н. Рейнгардтъ.

23-й годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г. 23-й годъ изданія.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ОХОТНИЧЬИ ЖУРНАЛЫ:

„ПРИРОДА и ОХОТА"
и
„ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА".

Подписчики получатъ 12 книгъ журнала «Природа и Охота» (выходъ ежемѣсячно) и 50 №№ «Охотничьей Газеты» (выходъ еженедѣльно).

Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портретами охотниковъ, портретами собакъ, фотографіями сценъ изъ охотничьей жизни съ натуры, объяснительными чертежами, виньетками и проч.

Въ журналахъ печатаются: Разсказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи, съ описаніемъ способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и уженья, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породъ собакъ борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дрессировки и натаски, леченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ, кружковъ и отдѣльныхъ охотниковъ. — Статьи съ описаніемъ образа жизни, и мѣстонахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи объ охотахъ на звѣря и птицу, о количествѣ дичи, о прилетѣ и отлетѣ, о случаяхъ на охотахъ и проч.—Ветеринарный отдѣлъ: о болѣзняхъ собакъ и болѣзняхъ дичи. Юридическій отдѣлъ: рѣшеніе и обсужденіе сложныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ охотничьей юридической практикѣ. Судебная хроника. Правительственныя распоряженія, касающіяся охоты, уженья, охотничьихъ и рыболовныхъ промысловъ.—Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей—Библіографическія замѣтки.— Обзоръ иностранной охотничьей литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты.—Объявленія.

Подписная цѣна: { На годъ съ доставкой и пересылкой 15 руб.
За границу . . . . . 20 »

Всѣмъ подписчикамъ, отъ которыхъ подписныя деньги на 1895 годъ получены будутъ въ редакціи до 1-го декабря 1894 года, будетъ выслана безплатно, немедленно по полученіи денегъ „Справочная и Записная книга" Н. В. Туркина „охотника и рыболова",—изд. 1894 года,

Охотники, желающіе одновременно съ подпиской на 1895 годъ пріобрѣсти журналъ и газету за текущій 1894 годъ, получаютъ изданія за оба года за 27 рублей съ пересылкой и за 25 рублей безъ пересылки, причемъ всѣ вышедшія книги и №№ газеты за 1894 годъ высылаются и выдаются немедленно.

Требованія безденежныя съ наложеннымъ платежомъ не исполняются.

Адресъ редакціи: *Москва, Большая Дмитровка, домъ Денисов*

Редакторы-Издатели: { Л. П. Сабанѣ
Н. В. Туркинъ »

МОСКОВСКІЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

Съ января мѣсяца 1894 года выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячный библіографическій журналъ, органъ Московскаго Библіографическаго кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВѢДѢНІЕ“,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

Программа журнала, утвержденная г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 3 іюля, слѣдующая:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библіографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библіографіи; 3) библіотековѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библіографическаго кружка.

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книгами отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8^0 (19×26^0), для членовъ кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ—безплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 1 страницу для членовъ кружка.	4 р.
„ „ „ „ подписчиковъ на журналъ. .	6 „
„ „ „ „ всѣхъ остальныхъ.	10 „
„ „ „ въ годъ для членовъ и подписчиковъ.	35 „
„ „ „ всѣхъ остальныхъ.	50 „

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ $^1/_4$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библіографическаго кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный редакторъ *А. Д. Торопово*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Въ предстоящемъ году содержаніе газеты будетъ пополнено торговымъ отдѣломъ и особое вниманіе будетъ обращено на отдѣлъ областной.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкою—на годъ—4 руб., девять мѣс.—3 руб., полгода 2 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 50 к. и 1 мѣс.—75 к., безъ доставки и пересылки—на годъ—3 руб., девять мѣс.—2 руб. 50 коп., полгода 2 руб., 3 мѣс.—1 руб. и 1 мѣс.—50 коп.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ гор. Минскѣ губ.

Открыта подписка на 1895 годъ на

АРТИСТЪ

(годъ 7-й)

ЖУРНАЛЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году „АРТИСТЪ" будетъ попрежнему выходить

ЕЖЕМѢСЯЧНО по ТОЙ ЖЕ ПРОГРАММѢ.

Въ 1895 году въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (ЖИВОПИСЬ, АРХИТЕКТУРА, СКУЛЬПТУРА, МУЗЫКА и ТЕАТРЪ), РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическія статьи, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей, художниковъ и артистовъ, періодическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическія произведенія, преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія, корреспонденціи, хроника, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные ОФОРТОМЪ, ГЕЛІОГРАВЮРОЮ, ФОТОТИПІЕЙ, ФОТОТИПІЕЙ въ КРАСКАХЪ, ФОТОТИПІЕЙ на МѢДИ, АВТОТИПІЕЙ и ХРОМОГРАФІЕЙ.

Въ 1895 году **ВЪ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ** будутъ напечатаны романы и повѣсти гг. **А. П. ЧЕХОВА, Г. А. МАЧТЕТА, П. П. ГНѢДИЧА, И. Н. ПОТАПЕНКА, Вас. И. и Влад. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, М. Н. АЛЬБОВА, А. А. ЛУГОВОГО, Е. П. ГОСЛАВСКАГО, И. Л. ЩЕГЛОВА-ЛЕОНТЬЕВА, В. М. МИХЕЕВА, А. А. ВЕРБИЦКОЙ, Н. А. д'ЭССАРЪ, А. М. ВАСНЕЦОВА и друг.**

Въ журналѣ попрежнему будутъ принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. В. Баснинъ, Ю. Безродная, В. А. Бенкемишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Быковскій, В. М. и А. М. Васнецовы, П. П. Веймарнъ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Виллье, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ѳ. Гельцеръ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. П. Далматовъ, М. М. Дальковичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М. Жемчужниковъ, П. В. Жуковскій, проф. Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Киселевъ, г. Конюсъ, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткинъ, К. А. Коровинъ, М. П. Клодтъ, К. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Ц. А. Кюи, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Ломохъ, К. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф. П. А. Линиченко, А. А. Луговой, В. Е. и К. Е. Маковскіе, В. М. Максимовъ. Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Матернъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, проф. П. Н. Милюковъ, Г. Г. Мясѣдовъ, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, П. А. Нилусъ, Е. С. Некрасова, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ, В. В. Подкольскій, В. Д. Поленовъ, И. Н. Потапенко, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. А. Рицціони, И. Е. Репинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Савицкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сирстининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ. В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ, В. Я. Суреньянцъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Строева, Н. И. Тимковскій, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Чешихинъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И. Шишкинъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Ѳедотовы и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА остается прежняя: безъ доставки въ Москвѣ **10 р.**, на полгода 6 р.; съ пересылкой и доставкой **12 р.**, на полгода 7 руб.; съ пересылкой за границу на годъ 14 р., на полгода 8 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 2 р. и ежемѣсячно не менѣе **1** р. до уплаты полной подписной суммы.

Редакція и главная контора: Москва, у Арбатскихъ воротъ, д. Шмитъ.
Отдѣл. конторы: Петровскія Линіи № 15—16, магазинъ бывш. П. К. Пряшникова.

Телефонъ редакціи № 890, телефонъ главной конторы № 1490.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДОСТОЕВСКАГО

Подписчики „НИВЫ“ получатъ въ **1895** г.
52 №№ художественно-литературн. журнала „Нива“ въ прежнемъ объемѣ.
12 книгъ второйполовины соч. **ДОСТОЕВСКАГО**, которыя вмѣстѣсъ 12книг., прил. въ 1894 г., составятъ *Полное собраніе сочин. ДОСТОЕВСКАГО.*
12 выпусковъ „Ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній“.
12 №№ ежемѣсячнаго приложенія „Парижскія моды“ (съ 300 модныхъ рисунковъ).
12 №№ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ (около 600 рисунковъ и чертежей).
карта жел. дорогъ Россійской Имперіи, большая, подробная, въ нѣсколько красокъ, съ алфавит. указателемъ.
картина проф. **Г. И. СЕМИРАДСКАГО** „Fioraia“, печатан. 18 красками.
картина академика **П. Н. ГРУЗИНСКАГО** „Черкесы въ горахъ“, въ 15 красокъ.
СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1895 г., отпечатанный красками.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. НОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ НА 1895 Г.

Лица, не состоявшія подписчиками „Нивы“ въ 1894 г., но желающія подписаться на 1895 г., могутъ получить также **первую половину соч. ДОСТОЕВСКАГО въ 12-ти книг.**, приложен. въ 1894 г., за невѣроятно дешевую цѣну: безъ пер.—2 р., съ пер. 2 р. 50 к., каковая сумма уплачив. немедленно **при подпискѣ и всѣ 12 книгъ выдаются или высыл. при первомъ № „Нивы“.** Отдѣльно отъ журнала соч. Достоевскаго не продаются.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ.

„НИВЫ“ со всѣми приложеніями:
Въ Петербургѣ: безъ доставки **5** р., съ доставкою **6** р **50** к. Безъ доставки въ **Москвѣ**, чр. контору **Печковской 6** р. Съ перес. во всѣ мѣста Россіи **7** р. За границу **10** р.

☞ Для гг подписчиковъ, желающихъ получить, кромѣ „Нивы“ со всѣми приложеніями за 1895 годъ—

ЕЩЕ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ
Сочин. ДОСТОЕВСКАГО въ 12-ти книгахъ, приложенныхъ въ 1894 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ С.-Петербургѣ безъ доставки **7** р., съ доставкою **9** р. Безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія Линіи) **8** р. **25** к. Съ пересылкою въ Москвѣ и во всѣ города и мѣстности Россіи **9** р. **50** к. За границу **14** р.

Допускается разсрочка платежа въ два и три срока. Стоимость 12-ти книгъ сочин. Достоевскаго за 1894 г. уплачивается **сразу при подпискѣ.**

Съ требованіями обращаться въ **ГЛАВНУЮ КОНТОРУ** журнала **„НИВА“**, С.-Петербургъ, **Малая** Морская, д. **№ 22.**

БЕЗПЛАТНОЕ
ПРИЛОЖЕНІЕ
ПРИ
ЖУРНАЛѢ
НИВА

VII г. изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1895 ГОДЪ
НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

VII г. изданія.

Выходитъ въ г. КРАСНОЯРСКѢ, Енисейской губ., ЕЖЕДНЕВНО.

1. Статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ; статьи по городскому земскому и сельскому хозяйствамъ, экономическія, торговыя, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. 2. Дѣйствія и распоряженія правительства. 3. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства“. 4. Недѣльная хроника. 5. Судебная хроника. 6. Торговый отдѣлъ. 7. Справочныя свѣдѣнія. 8. Смѣсь. Отвѣты редакціи. 9. Фельетонъ. Романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены и стихотворенія. 10. Объявленія частныя и казенныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 руб., на полгода 4 р., на четверть года 2 руб., на одинъ мѣсяцъ 1 рубль.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ *Красноярскѣ* въ конторѣ редакціи „Енисейск. Листка“, домъ Кудрявцевой, Воскресенская ул., въ *Омскѣ* въ книжномъ магазинѣ Александрова, въ *Томскѣ* въ Отдѣленіи редакціи „Енис. Листка“, Почтамтская ул., домъ Окулова, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, въ *Минусинскѣ* въ отдѣленіи редакціи „Енисейск. Листка“, въ *Иркутскѣ* въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, въ *Петербургѣ и Москвѣ* въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль.

Редакторъ-издатель Е. Кудрявцевъ.

„Харьковскія Губернскія ВѢДОМОСТИ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія:

1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4. Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5. Телеграммы. 6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7. Корреспонденціи. 8. Новости науки, литературы и искусства. 9. Театръ и музыка. 10. Внутреннія извѣстія. 11. Земская и городская хроника. 12. Внѣшнія извѣстія. 13. Судебный отдѣлъ. 14. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.). 15. Библіографическія замѣтки. 16. Смѣсь. 17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ въ конторѣ „Харьк. Вѣд.“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м. р. к.	11 м. р. к.	10 м. р. к.	9 м. р. к.	8 м. р. к.	7 м. р. к.	6 м. р. к.	5 м. р. к.	4 м. р. к.	3 м. р. к.	2 м. р. к.	1 м. р. к.
Съ перес.	10 —	9.50	9 —	8 —	7 —	6.20	5.75	5 —	4 —	3 —	2.10	1 20
Съ дост. въ Харьковѣ.	9.25	8.50	8 —	7 —	6.60	5.50	5 —	4 —	3.50	2.50	2 —	—
Безъ дост.	8.25	8 —	7.50	6.50	6 —	5.25	4.50	3.75	3 —	2.25	1.50	— 80

1895. XI ГОДЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1895. XI ГОДЪ.

НА ГАЗЕТУ

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

издающійся въ Томскѣ.

Въ 1895 году Сибирскій Вѣстникъ выходитъ ежедневно номерами и прибавленіями къ нимъ, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 9 р., ½ года 4 р. 50 к., 3 мѣс. 2 р. 25 к., 1 мѣс. 75 к.

Подписка принимается въ Томскѣ, въ конторѣ редакціи „Сибирскаго Вѣстника".

Объявленія изъ Европейской Россіи изъ за границы для Сибирскаго Вѣстника принимаются въ конторѣ Метцль и К° въ Москвѣ: Мясницкая, д. Спиридонова, и въ Петербургѣ: Б. Морская № 11.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1895 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ XIII).

Въ 1895 году „Самарскій Вѣстникъ", имѣя основной своей задачей разработку земско-общественно-экономическихъ и бытовыхъ вопросовъ преимущественно Самарскаго края и Волжско-Камскаго раіона, будетъ издаваться ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, по утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ расширенной программѣ, причемъ при газетѣ, въ видѣ безплатныхъ приложеній, разрѣшены фототипическіе, исполняемые въ собственной мастерской, портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также виды Поволжья, историческихъ памятниковъ и сооруженій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Въ г. Самарѣ и Самарскомъ уѣздѣ въ годъ 5 р. —	Съ пересыл. въ друг. города и уѣзды на годъ 6 р. —
Тоже на ½ года . . . 3 „ —	Тоже на ½ года . . . 3 „ 50 к.
На одинъ мѣсяцъ . . . — 50 к.	На одинъ мѣсяцъ . . . — 50 „

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Самарѣ, Дворянская улица, домъ Петрова (бывшій Бахъ).

Редакторъ-издатель Н. К. Реутовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

28 годъ. **ДОНЪ** XXVIII г.

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ)

НА 1895 ГОДЪ.

Двадцать восьмой годъ изданія.

Съ 1895 года „Донъ" начинаетъ 28-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 27-мь лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила четверть столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1895 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній,—что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты, то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежѣ .	6 руб.	3 р. 50 к.	2 р. — к.	— р. 75 к.
Съ пересыл. въ другіе города.	7 „	4 „ — „	2 „ 50 „	1 „ — „

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

СТЕПНОЙ КРАЙ

(на 1895 годъ).

Газета выходитъ въ Омскѣ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ, а въ остальные дни (кромѣ неприсутственныхъ) подписчики получаютъ телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства".

Программа газеты слѣдующая:

1) Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства". 2) Правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи по вопросамъ: экономическому и этнографическому, санитарному и др. 4) Фельетонъ: повѣсти, разсказы, стихотворенія и др. 5) Отчеты о засѣданіяхъ: гражданскихъ судебныхъ учрежденій, городской думы и ученыхъ обществъ. 6) Литературное обозрѣніе. 7) Внутреннее обозрѣніе. 8) Корреспонденціи. 9) Отчеты городскихъ банковъ и страховыхъ обществъ. 10) Городская хроника. 11) Переселенческое дѣло. 12) Метеорологическія наблюденія. 13) Почтовый ящикъ. 14) Справочныя извѣстія. 15) Частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Для иногородныхъ:		Для городскихъ:	
Съ телеграммами:	Безъ телеграммъ:	Съ телеграммами:	Безъ телеграммъ
За годъ —7 р. 50 к.	За годъ —5 р. 50 к.	За годъ —7 р.	За годъ — 5
„ полг. —4 р. 50 к.	„ полг. —3 р. 50 к.	„ полг. —4 р.	„ полг. — 3
„ 3 мѣс.—3 р.	„ 3 мѣс.—2 р. 50 к.	„ 3 мѣс.—2 р. 50 к.	„ 3 мѣс.— 2
„ 1 мѣс.—2 р.	„ 1 мѣс.—1 р. 50 к.	„ 1 мѣс.—1 р. 50 к.	„ 1 мѣс.—50

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Омскъ, редакція газеты „Степной Край".

Издатель И. Г. Сунгуровъ. Редакторъ П. Б. Яшеровъ.

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНІЕ.

Съ 1-го января 1895 года, при газетѣ „Сынъ Отечества“ будетъ выходить въ свѣтъ за особую подписную плату, НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ, въ видѣ совершенно самостоятельнаго большого литературнаго журнала подъ названіемъ.

ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА

въ составъ которой входятъ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ (историческіе и современные)

РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

(Въ годъ двѣнадцать книгъ или 4,000 страницъ большого формата).

Приступая къ выпуску **новаго ежемѣсячнаго изданія „ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА“**, мы не задаемся цѣлью преслѣдовать какое-нибудь модное направленіе, а ставимъ себѣ исключительною задачею дать нашимъ читателямъ въ обиліи здоровый по идеямъ и надлежащій въ смыслѣ художественнаго творчества матеріалъ для чтенія, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей, имѣя въ виду, что высокія подписныя цѣны, существующія на большіе литературные журналы, къ сожалѣнію, большинству не доступны. Организуя редакціонный составъ въ широкихъ размѣрахъ, мы пригласили къ участію извѣстныхъ писателей и журналистовъ, изъ коихъ многіе не только обѣщали свое сотрудничество въ будущемъ, но уже дали для помѣщенія въ первыхъ же книжкахъ **„ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ“** въ 1895 году **НОВЫЯ** свои литературныя произведенія.

Мы употребимъ всѣ наши общія усилія, чтобы дать въ ежемѣсячныхъ книжкахъ **„ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ“**, богатый по количеству и интересный по качеству, литературный матеріалъ для чтенія, не смотря на скромную подписную годовую цѣну, которая возможна лишь исключительно въ виду обширности нашего издательскаго дѣла и нашей готовности отказаться, на первое время, отъ всякихъ прибылей, чтобы поставить дѣло на прочную почву.

Каждый томъ **„ДОМАШНЕЙ БИБЛІОТЕКИ“** будетъ содержать непремѣнно одинъ новый законченный романъ или повѣсть, при томъ отнюдь не перепечатку литературныхъ произведеній, бывшихъ уже въ печати, какъ это нерѣдко практикуется въ послѣднее время. Соблюденіе послѣдняго условія совершенно выдѣляетъ наше новое изданіе изъ другихъ существующихъ дешевыхъ журналовъ.

Въ книгахъ „ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА“, въ 1895 году, будутъ напечатаны слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, въ числѣ коихъ нѣкоторыя извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

1) **МИХАЙЛОВЪ**, А. (А. К. Шеллеръ)—„Злая судьба“ (романъ изъ современной жизни).
2) **ЯСИНСКІЙ**, І. І. (Максимъ Бѣлинскій)—„Неоконченное дѣло“ (больш. повѣсть).
3) **МОРДОВЦЕВЪ**, Д. Л.—„Искуситльница“ (романъ изъ восточной жизни).
4) **КАРНОВИЧЪ**, К.—„Дитя обители“ (историческій романъ изъ русской жизни).
5) **САФОНОВЪ**, С. А. — „Незабудка“ (новелла).
6) **МАКСИМОВЪ**, А. М. „Счастье измѣнило“. Большой романъ.
7) **НАЗАРЬЕВА**, К. В.—„Наши защитники“. Большой романъ изъ современ. жизни.
8) **ЛЕМАНЪ**, А. И.—„Порча жизни“. Повѣсть.
9) **АЛЕКСАНДРОВЪ**, А. „Безъ исхода“. Романъ.
10) **СѢДОЙ** (псевдонимъ), А. П.—„Хорошо жить на свѣтѣ“. Большая повѣсть.
11) **ЗАРИНЪ**, А. Е. — „Тихая пристань“. Романъ„
12) **ДУБРОВИНА**, Е. О.—„Мщеніе“. Романъ.
13) **ТАНГІЕВЪ**, кн. Е. А. „Загадочн. трупъ“, романъ.
14) **КАЗИ-БЕКЪ, ЮРІЙ.**—„Тайны минарета“ (изъ жизни черкесовъ до покоренія Кавказа).
15) **МЕДВѢДСКІЙ**, К. П.—„Дешевыя періодическія изданія и ихъ значеніе“.
16) **ШВЕЦОВЪ**, В. Г.— Новости научныя и сельско-хозяйственныя и
17) **СМѢСЬ** и проч.

Подписная цѣна на **ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ** (съ доставкою по Имперіи):

На годъ (за 12 книгъ) ЧЕТЫРЕ р. На полгода (за 6 книгъ) ДВА р. 50 к.

4 Р.

Первая книга „Домашней Библіотеки“ выйдетъ 1 января 1895 г.

Съ подпискою просятъ обращаться исключительно въ Главную Контору:

4 Р.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкова моста, д. № 68—40.

Образовательныя игры и занятія для дѣтей въ дешевыхъ изданіяхъ Вл. Ал. Попова.

Поступила въ продажу новая серія изданій

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА:

Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ доступнымъ пониманію дѣтей произведеніямъ **избранныхъ русскихъ авторовъ**, съ приложеніемъ краткихъ біографій писателей, портретовъ ихъ и самихъ произведеній.

ВЫШЛИ ТРИ КАРТИНКИ:

1. **Цыгане**—Александра Сергѣевича Пушкина.
2. **Мазай и зайцы**—Николая Алексѣевича Некрасова.
3. **Дѣдушка**—Ивана Саввича Никитина.

Пересылка названной серіи за 1 ф. по разстоянію. Каждая картинка со всѣми къ ней приложеніями заключена въ изящную коробку. Цѣна каждой **45** коп.

РАНѢЕ ВЫШЕДШІЯ ИЗДАНІЯ

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА:

1. **Ручныя тѣни** (любимая дѣтская забава). Ц. 15 к.
2. **Затруднительное путешествіе** (игра-задача). Ц. 15 к.
3. **Лихіе наѣздники** (шутка-задача). Ц. 10 к.

Пересылка всей серіи **10** коп., съ налож. платеж. **20** коп.

Примѣчаніе: Пересылка обѣихъ вышеозначенныхъ серій — за 1 ф. по разстоянію.

ДЛЯ СТАРШАГО ВОЗРАСТА:

1. **Тѣневые портреты русскихъ писателей** (для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ или потолкѣ). Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Крыловъ, Кольцовъ, Тургеневъ, Некрасовъ и гр. Толстой. Всѣ 9 портретовъ въ обложкѣ, съ руководствомъ. Изданіе 2-е. Ц. 40 к.
2. **Замысловатый квадратъ** (головоломка, развивающая дѣтскую сообразительность). Въ коробкѣ, съ предисловіемъ и чертежомъ. Ц. 25 к.
3. **Мудреный кругъ** (тоже). Ц. 25 к.

Пересылка всей серіи за 1 ф. по разстоянію.

Примѣчаніе: **Изданія высылаются съ наложеннымъ платежемъ, по первому требованію (по желанію — отдѣльно), причемъ выписывающіе всѣ три серіи сразу платятъ пересылочныхъ за 2 ф. по разстоянію.**

Главный складъ у издателя **Владиміра Алексѣевича Попова** (г. Ораніенбаумъ, Петербургской губ., Дворцовый просп., д. Коновалова), куда гг. иногородніе и благоволятъ обращаться съ требованіями.

Годъ XIII **1895** Годъ XIII

ВЪ ГОРОДѢ КАРСѢ

КАРССКОЙ ОБЛАСТИ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

КАРСЪ

НА БУДУЩІЙ 1895 ГОДЪ.

Газета „Карсъ“ въ 1895 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ 1894 году, по той же программѣ и подъ тою же редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ доставкою и пересылкою ТРИ рубля въ годъ

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ“, въ гор. Карсѣ, куда адресуютъ свои требованія и иногородные.

Газета „Карсъ“ имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Высочайшій манифестъ 14 ноября 1894 г.—По поводу 30-ти-лѣтія Судебныхъ Уставовъ.—Слабое развитіе чувства законности.—Отзывы на проектъ министерства земледѣлія о мѣстныхъ органахъ сельско-хозяйственнаго управленія.—Угнетенное положеніе сельскаго хозяйства.—Кредитъ государственнаго банка чрезъ посредниковъ.—Реформа пассажирскихъ тарифовъ.—П. Л. Чебышевъ †. 236

XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: **Малый театръ**: Начало сезона: *Непокорённый*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ П. М. Невѣжина; *У своихъ*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ П. Д. Боборыкина. **Ан.**—**Музыка**: Второе квартетное собраніе. — Первое симфоническое собраніе.—А. Г. Рубинштенъ †. **А. Б.** 256

XX. **БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ**: I. **Книги**: **Беллетристика**.—Критика и публицистика. — Философія и психологія. — Біографіи и исторія литературы.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Техническія книги. — Сельское хозяйство.—Медицина. — Изданія для народа. — Календари и справочныя книги. II. **Періодическія изданія**: «Русское Богатство», *октябрь*.—«Сѣверный Вѣстникъ», *ноябрь*. — «Русское Обозрѣніе», *ноябрь*. «Вѣстникъ Воспитанія», № 7. III. **Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1894 годъ. IV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1894 г.** 579

Г. Генрикъ Сенкевичъ предоставилъ В. М. Лаврову право перевода своего новаго историческаго романа изъ первыхъ вѣковъ христіанства „Камо грядеши?“ („Quo vadis?“). Начало этого романа появится въ первыхъ книжкахъ журнала „Русская Мысль“ 1895 года.

При этой книгѣ разсылаются объявленія для иногородныхъ подписчиковъ—объ изданіи „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и для всѣхъ подписчиковъ—объ изданіи журналовъ: „Нива“, „Артистъ“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Новь“, „Недѣля“, „Живописное Обозрѣніе“ и газеты „Сынъ Отечества“ и каталоги книгопродавцевъ: Германа Гоппе, А. Ф. Девріена, И. Д. Сытина, Вл. Л. Готье и Гросмана и Кнебеля (объявленія, помѣщенныя въ послѣднемъ каталогѣ, можно пріобрѣсти въ книжномъ магазинѣ „Русская Мысль“ В. М. Лаврова).

„Русская Мысль".

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Условія подписки на 1895 годъ

(шестнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка; при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по **3** руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногородныхъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

При книжномъ магазинѣ «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимается **подписка на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты.**

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВ

This book should be returned
the Library on or before the last da
stamped below.

A fine of five cents a day is incurr
by retaining it beyond the specifi
time.

Please return promptly.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.